

ВОСПОМИНАНИЯ
О ТАРАСЕ
ШЕВЧЕНКО

ВОСПОМИНАНИЯ
О ТАРАСЕ
ШЕВЧЕНКО

**ВОСПОМИНАНИЯ
о ТАРАСЕ
ШЕВЧЕНКО**

**ВОСПОМИНАНИЯ
О ТАРАСЕ
ШЕВЧЕНКО**

КИЕВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
«ДНИПРО»
1988

ББК 83.3УкІя43
В77

Вошедшие в сборник воспоминания
воссоздают целостную картину
жизненного и творческого пути
гениального украинского поэта,
революционного демократа
Тараса Григорьевича Шевченко.

Под редакцией
академика АН УССР
И. А. ДЗЕВЕРИНА

Составление и примечания
доктора филологических наук
В. С. БОРОДИНА,
кандидата филологических наук
Н. Н. ПАВЛЮКА

Предисловие
доктора филологических наук
В. Е. ШУБРАВСКОГО

Рецензент В. Е. СУДАК

Редактор А. В. ЖУКОВА

В $\frac{4702590100-024}{M205(04)-88}$ КУ8.203.88

ISBN 5-308-00023-9

© Издательство
«Дніпро», 1988 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Великий поэт живет в своих произведениях. Образ его, мир дум и чувств, устремлений и идеалов предстают перед нами главным образом из того, что он написал, чем обогатил сокровищницу мировой культуры. И в то же время, прочитав творения поэта, мы проникаемся неотступным желанием познать во всей полноте и точности его жизненный и творческий путь, общественную деятельность, духовные запросы и интересы.

В выяснении отдельных эпизодов, деталей жизненного и творческого пути писателя важную роль играет и мемуарная литература — дневники, автобиографии, предания, воспоминания, авторы которых были участниками или очевидцами описываемых событий — но, разумеется, лишь при том условии, когда они действительно правдиво воссоздают факты и явления общественно-политической, культурной жизни. Известны, в частности, глубокие по своему содержанию и художественные по изложению мемуары Й. В. Гете, Стендаля, Г. Гейне, Р. Тагора, Р. Роллана, а в России — декабристов И. Пущина, И. Якушкина, Н. Бестужева, мемуары А. Герцена, С. Аксакова, И. Тургенева, И. Гончарова. Большой интерес проявляли к мемуарной литературе А. Пушкин, Л. Толстой, Т. Шевченко, И. Франко и другие классики русской, украинской, мировой литературы.

Известно, что главным источником поэмы «Гайдамаки» Шевченко были народные предания, которые, в сущности, тоже являются воспоминаниями, только устными. Поэт придавал особо важное значение народной интерпретации исторических событий, прошлое его интересовало не само по себе, а как поучительный урок для современников, как возможность напомнить им о необходимости поддержать, развивать героические традиции предшественников.

Некоторые сведения о своем жизненном пути Шевченко оставил в дневнике, повестях, письмах. Так, о первых годах пребывания его в Петербурге, об отдельных эпизодах детства, поездок по Украине, о пережитом и передуманном в ссылке немало интересного можно узнать из русских повестей «Художник», «Музыкант», «Княгиня», «Варнак», «Близнецы», «Прогулка с удовольствием и не без морали». О том же повествуют некоторые его поэтические произведения периода ссылки. Мемуарный жанр дает возможность полнее осветить и мировоззрение поэта, его идейно-художественные убеждения, научные интересы.

По просьбе редактора петербургского журнала «Народное чтение» А. Оболенского Шевченко начал писать автобиографию, но, убедившись вскоре, что она не выдержит требований цензуры, не окончил ее, а попросил П. Кулиша написать приемлемый для нее вариант. П. Кулиш несколько переделал начало, дополнил текст и, согласовав его с поэтом, подал биографию в форме «Письма Т. Г. Шевченка к редактору «Народного чтения»». Оно напечатано во второй книге упомянутого журнала за 1860 год. До этого в печати никаких биографических сведений о Шевченко не появлялось, и «Письмо...», закономерно, вызвало большой читательский интерес. Целиком или сокращенно оно перепечатывалось во многих тогдашних изданиях, на него ссылались как на документ, который содержит не только интересные факты из жизни украинского поэта, но и характеризует общественно-политическую атмосферу России середины XIX столетия. Не случайно его почти полностью процитировал в своей рецензии на «Кобзарь» 1860 года Н. Добролюбов, заметив, что приведенные в нем эпизоды из жизни Шевченко сами по себе весьма примечательны для характеристики общественного уклада России. Критик обратил внимание на то, что этот важный документ помогал глубже понять идейно-эстетические особенности творчества Шевченко¹.

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. — М.; Л., 1963. — Т. 6. — С. 141—149.

В нем затрагивались жгучие проблемы социального, общественно-политического и морально-эстетического характера, что активизировало интерес к личности поэта. Его современников побуждала братья за перо и растущая с годами популярность произведений Шевченко в народе. Кроме изданных в 1860 году «Кобзарей» на украинском и русском языках, нелегально распространялись в рукописях многие другие произведения, которые тогда не могли увидеть свет. Среди них — «Сон» (комедия), «Кавказ», «Завещание» («Заповіт»), «Холодный Яр», «Еретик» и др. Стала очевидной необходимость изучения жизни и деятельности их автора. М. Чалый² отметил и то, что «Письмо...» содержит лишь незначительную сумму фактов из жизни поэта. Во-первых, в нем речь идет только о детских и юношеских годах Шевченко, во-вторых, не обо всем можно было поведать тогда. «Я решаюсь,— читаем в «Письме...»,— обнаружить перед светом несколько печальных фактов моего существования. Я бы желал изложить их в такой полноте, в какой покойный С. Т. Аксаков представил свои детские и юношеские годы,— тем более, что история моей жизни составляет часть истории моей родины. Но я не имею духу входить во все ее подробности»³.

Естественным было стремление друзей, знакомых, родственников, всех почитателей великого поэта по возможности дополнить эти сведения. Уже в мартовском номере журнала «Основа» за 1861 год русский художник Л. Жемчужников⁴ обратился ко всем, знавшим Шевченко, с призывом поделиться своими воспоминаниями, сообщить интересные подробности биографии автора «Кобзаря». С аналогичным предложением к читателям обратился через год и историк А. Лазаревский⁵. Он сделал и первую попытку периодизации жизненного пути Шевченко, выделив пять «отдельных эпох»: детство, юношество, до ссылки, ссылка и после ссылки. Позже А. Лазаревский напишет воспоминания о своих встречах с поэтом в Петербурге⁶. Некоторые сведения о последнем дне жизни Шевченко он сообщил Л. Жемчужникову, а тот включил их в свои воспоминания с соответствующей оговоркой.

Начинание Л. Жемчужникова и А. Лазаревского не сразу было подхвачено. Мемуарная Шевченкиана проходила процесс своего становления весьма медленно. Сказывались немногочисленность украинской периодики, преследования передовых деятелей культуры, невозможность издать всего Шевченко, полностью охватить его творческое наследие. Только со временем, когда современников поэта, хорошо знавших его, встречавшихся с ним или бывших свидетелями отдельных разговоров, поступков, стало меньше, активизировались поиски. Время как бы обострило чувство долга, ответственности перед памятью поэта. Сначала несколько материалов о Шевченко появилось в журнале «Основа» (1861—1862) и в некоторых других периодических изданиях. В 70-х годах опубликованы воспоминания А. Козачковского, В. Шевченко, И. Тургенева, Я. Полонского, Н. Костомарова, М. Микешина (воспоминания последних четырех — в двухтомном пражском издании «Кобзаря» 1876 г.)

Большинство же мемуаров появилось в 80—90-х годах на страницах «Киевской старины» (1882—1906), «Русской старины» (1870—1918). Особенно много ценных сведений собрали первые биографы Шевченко В. Маслов, М. Чалый, А. Конисский⁷.

За сравнительно короткий период было опубликовано более двухсот воспоминаний. Среди их авторов — известные русские и украинские писатели, художники,

² Чалый Сава. Новые материалы для биографии Т. Г. Шевченка // Основа.— 1862.— № 5.— С. 46, 47.

³ Шевченко Т. Повне збір. творів: У 6 т.— К., 1963.— Т. 5.— С. 254.

⁴ Основа.— 1861.— № 3.— С. 21.

⁵ Лазаревский А. Материалы для биографии Т. Г. Шевченка // Основа.— 1862.— № 3.— С. 2.

⁶ Киевская старина.— 1899.— № 2.— С. 292—295.

⁷ Маслов В. П. Тарас Григорьевич Шевченко / Биографический очерк // Грамотей.— 1874; Чалый М. К. Жизнь и произведения Тараса Шевченка / Свод материалов для его биографии.— К., 1882; Конисский А. Я. Жизнь украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченка / Критико-биографическая хроника.— Одесса, 1898.

ученые, общественные деятели. В ряде случаев записывались рассказы людей, встречавшихся с Шевченко, но по тем или иным причинам не сумевших подготовить свои воспоминания. Это — крестьяне, ремесленники, солдаты, учителя, врачи. Они не только делились своими впечатлениями о встречах с поэтом, но и пересказывали легенды, которые складывались вокруг его имени. Н. Шигарин писал в 1880 году, что в глазах народа Шевченко стал уже недосягаемо великим, неземным, и к тому, кто видел его, беседовал с ним, относились с особым уважением.

По своему содержанию, направлению мемуары были неодинаковы. Их ценность определяется как достоверностью сообщенных фактов, так и характером их интерпретации. Ведь в конечном счете мемуарист пропускает факты и события через свое «я», освещает их в соответствии со своим пониманием, а подчас — и своим субъективистским прочтением. Под пером разных авторов одни и те же явления получают разное истолкование. В таких случаях отличить истину от искажения помогает совокупность объективных факторов: творчество и личность автора, документальные данные, события действительности, свидетельства современников и пр. Случалось, откровенно враждебные, нарочито уничижительные описания подлинных фактов тут же вызвали решительное осуждение других мемуаристов. Когда П. Вейнберг⁸ попытался в умышленно грубом, бестактном виде представить болезнь и смерть Шевченко, русский поэт Д. Минаев⁹, критик П. Кулаковский¹⁰ заклеямили его как человека, начисто лишённого чувства порядочности, чести и совести. Их возмущение статьёй П. Вейнберга разделяла вся передовая общественность.

В явно искаженном свете написал свои воспоминания о Шевченко помещик П. Мартос, финансировавший первое издание «Кобзаря» 1840 года. Ярый крепостник не мог простить поэту обличения пороков самодержавно-крепостнического строя. Его сообщения представляют определенный интерес лишь в той части, где речь идет о некоторых подробностях подготовки к изданию «Кобзаря» 1840 года (о них рассказывается в настоящем издании). С аргументированными ответами П. Мартосу выступили М. Лазаревский¹¹ и Д. Минаев¹².

Мемуаров, подобных тем, которые написали П. Вейнберг и П. Мартос, — единицы. В подавляющем большинстве случаев авторы стремились к добросовестному воспроизведению важных и нужных читателю сведений. Их воспоминания — это правдивые, волнующие документы эпохи. В них зафиксированы впечатляющие эпизоды из жизни и творчества поэта, засвидетельствованы примечательные факты общественно-политической действительности его произведений. Воспоминания А. Козачковского, Н. Костомарова, братьев М. и Ф. Лазаревских, Д. Мордовцева, Я. Полонского, Н. Савичева, И. Тургенева, А. Чужбинского и некоторые другие написаны с глубоким проникновением в духовный мир Шевченко, к тому же — живым, образным языком. Они читаются с увлечением, оставляют глубокий след в душе и памяти.

Первым, кто сразу же после смерти поэта начал собирать материалы о его детстве, был украинский историк А. Лазаревский. Он встречался с Шевченко в Петербурге в 1858—1861 годах, поддерживал с ним дружеские связи, сопровождал гроб поэта на Украину в апреле—мае 1861 года. От сестры Шевченко — Ирины и свояка Варфоломея Шевченко А. Лазаревский записал дотоле неизвестные биографические сведения о родителях, сестрах и братьях поэта, а также о жизни, учении и скита-

⁸ Вейнберг П. Что нового в Петербурге? / Письма к моим землякам // Век. — 1861. — № 10. — С. 329—336.

⁹ Минаев Д. Заметки Дон-Кихота С.-Петербургского // Русский мир. — 1861. — № 34. — 6 мая.

¹⁰ Кулаковский П. А. Смерть Шевченка и газеты // Санкт-Петербургские ведомости. — 1861. — № 91. — 27 апр.

¹¹ Лазаревский М. Ответ на статью П. М.-са о Шевченке // Санкт-Петербургские ведомости. — 1863. — № 207. — 18 сент.

¹² Минаев Д. Дневник темного человека // Русское слово. — 1863. — № 7. — Отд. 3. — С. 40—42.

ниях Тараса. То, что было известно из «Письма Т. Г. Шевченка к редактору «Народного чтения», уточняется. В автобиографическом письме Шевченко, к примеру, писал, что он родился в с. Кирилловке, а А. Лазаревский уточнил (и это позже было подтверждено документально), что Шевченко родился в с. Моринцах, где жили его родители в 1810—1815 годах. Шевченко просто не мог помнить родного села Моринцы, так как родители переехали в Кирилловку, когда ему исполнился только год. Детство свое он провел в Кирилловке, и именно это село запечатлелось в его памяти как родное.

А. Лазаревский сообщил данные о детстве поэта, которые со временем вошли во все его биографии, легли в основу многих художественно-биографических рассказов, повестей, романов, таких, как «В бур'янах» С. Васильченко, «Тарас Шевченко» Г. Хоткевича, «Тарасові шляхи» О. Иваненко, «Син-кокос» Д. Косарика, «Вітрила» Вас. Шевчука, «Дитинство Тараса» Д. Красицкого.

Сведения о детских годах Шевченко дополнены воспоминаниями В. Шевченко «Воспоминания о Тарасе Григорьевиче Шевченко», журналиста, основателя и редактора журнала «Киевская старина» Ф. Лебединцева «Мимолетное знакомство мое с Т. Г. Шевченко и мои об нем воспоминания» и его брата П. Лебединцева «Тарас Григорьевич Шевченко», опубликованными в 70—80-х годах прошлого столетия. Варфоломей Шевченко был родом из Кирилловки, как и будущий поэт, тоже учился, правда, несколько позже, у того самого дьяка Богорского. Хорошо знал условия учебы у дьяка, слышал рассказы о Шевченко, интересовался своим знаменитым родичем. В соседнем с Кирилловкой селе Зеленая Дубрава родились и провели детство Феофан и Петр Лебединцевы. Им запомнились рассказы родителей и односельчан о том, как Тарас «босой и полунагишом» не раз прибегал в Зеленую Дубраву к своей старшей сестре Катерине, как он батрачил у священника села Зеленая Дубрава Г. Кошица. Обо всем этом и поведали мемуаристы. Приведенные ими конкретные факты, характеристики тех, кто распоряжался судьбою юного Тараса, существенно дорисовывают атмосферу, в которой проходило детство Шевченко, формировались его понятия о мире, о человеческих взаимоотношениях, пробуждался интерес к искусству, литературе. Есть в этих мемуарах и не лишние интереса детали из жизни поэта более позднего периода. Но ни Варфоломей Шевченко, ни братья Лебединцевы не способны были понять Шевченко, воспринять все богатство его поэзии, особенно революционной музыки. Это не могло не сказаться на их воспоминаниях. «Как-то раз гуляли мы с Тарасом по саду,— вспоминал Варфоломей Шевченко.— Он стал декламировать «За горами гори, хмарами повіті...» Я слушал, затаив дыхание; волосы у меня встали дыбом. Я посоветовал ему, чтобы не слишком «заходив він у хмари»: Братья Лебединцевы явно приукрашивали отношение парافильного священника Григория Кошица к служившему у него Тарасу и вообще стремились сгладить социальные контрасты, характеризующие жизнь крепостного села.

О пребывании Шевченко в Вильно, о его многотрудном переходе от Вильно до Петербурга и о первых годах жизни в столице свидетельств современников не сохранилось. Этот период в биографии поэта до сих пор остается наименее изученным. О нем мы знаем преимущественно лишь по отрывочным данным, встречающимся в автобиографии, письмах, отчасти — в художественных произведениях Шевченко.

Немного достоверных свидетельств имеется и об учебе Шевченко в мастерской В. Ширяева и в Академии художеств, о начале литературной деятельности. Здесь привлекают внимание «Воспоминания старого учителя» И. Зайцева, некоторые записи в дневнике художника А. Мокрицкого, «Из воспоминаний о Т. Г. Шевченке» А. Козачковского, «Тарас Григорьевич Шевченко (1814—1861 гг.)» Ф. Пономарева, записанные М. Чалым воспоминания И. Сошенко «Новые материалы для биографии Т. Г. Шевченка». Из них только последние три специально посвящены Шевченко, в других — лишь беглые, хотя и существенные упоминания о нем. И. Зайцев, в частности, свидетельствовал, что когда он, часто бывая у В. Ширяева, читал там произведения Пушкина, его всегда с интересом слушали ученики В. Ширяева — Т. Шевченко и Ф. Ткаченко. В дневнике А. Мокрицкого сжато зафиксирована история выкупа Шевченко из крепостного состояния передовыми деятелями России и Украины.

Особого внимания заслуживают воспоминания А. Струговщикова¹³ и И. Панаева¹⁴, относящиеся к концу 30 — началу 40-х годов XIX столетия. В них встречаем сообщения о посещении молодым украинским поэтом литературных вечеров, на которых присутствовали видные литераторы, художники, композиторы, общественные деятели. Еще до выхода в свет «Кобзаря» Шевченко бывал на вечерах у Е. Гребенки, помогал ему в подготовке к изданию альманаха «Ластівка».

Со времени выхода «Кобзаря» (1840) и «Гайдамаков» (1841) имя Шевченко приобретает известность. В столичной периодике публикуются отзывы о его произведениях, с ним ищут знакомства, его приглашают на вечера. При всей разноречивости мнений о перспективах развития украинской литературы критики сходились в том, что Шевченко — бесспорно, поэт одаренный, самобытный. Особенно большой резонанс «Кобзарь» и «Гайдамаки» получили на Украине, где они распространялись во множестве списков. Среди почитателей молодого украинского поэта — видные деятели культуры России, Украины, Белоруссии — М. Щепкин, О. Бодянский, Г. Квитка-Основьяненко, П. Гулак-Артемовский, Я. Барцевский. В их числе был и А. Козачковский, некоторое время работавший после окончания в 1835 году Медико-хирургической академии в Кронштадте и часто приезжавший в Петербург. Он близко сошелся с Шевченко, часто приглашал его к себе и впоследствии написал о нем интересные воспоминания. Ценность этих мемуаров состоит прежде всего в том, что они содержат информацию о творческой лаборатории молодого поэта. По свидетельству А. Козачковского, Шевченко читал ему свои произведения в рукописях. «В продолжение семимесячного пребывания моего в Петербурге,— писал мемуарист,— Шевченко часто посещал меня, принося почти каждый раз что-нибудь новое из своих произведений... Из написанных им в то время произведений на русском языке я помню прекрасную повесть в стихах «Слепая», написанную кипучим, вдохновенным стихом, и мелодраму в прозе «Невеста», содержание которой отнесено к периоду гетманства Выговского.— образец неподражаемого, не удавшегося Основьяненку, искусства передавать местным русским языком быт Украины с полнейшим соблюдением оборотов родной речи и народного характера действующих лиц. Оба эти произведения, как кажется, потеряны»¹⁵.

К тому времени, когда писались воспоминания, поэма «Слепая» не была напечатана; А. Козачковский считал ее утерянной. «Мелодрама в прозе» «Невеста» до сих пор остается неизвестной. Воспоминания А. Козачковского — единственный источник, из которого мы знаем о ее содержании, о том, что она передавалась в театр для постановки и там соглашались ее поставить.

Не обошли молчанием Шевченко и его недруги. Либеральствующие помещики-крепостники, выдававшие себя за патриотов, знатоков и ценителей украинской старины, заискивали перед поэтом, наперебой приглашали его к себе, уверяя в преданности родной культуре. Иные, как например, А. Родзянко, брались даже за перо, сочиняли, по выражению Шевченко, «грязнейшие малороссийские вирши». Слава поэта не давала им покоя. Во время пребывания на Украине в 1843—1847 годах Шевченко бывал и в их домах. Мемуаристы свидетельствуют, что большую часть времени он проводил среди простого народа, беседовал с ним, выслушивал их рассказы о житье-бытье, записывал песни, пословицы. Но от него не ускользало и поведение крепостников, их жестокость, самодурство. Уже в первый приезд на Украину в 1843 году поэт хорошо разглядел истинное лицо «патриотов-хуторян», и это, конечно же, сказалось в его творчестве. С той поры Шевченко все решительнее не только становится на путь обличения самодержавно-крепостнического строя, но и призывает к свержению его революционным путем.

Современники свидетельствуют, что поэт не скрывал своего гневного возмущения произволом помещиков. Один из его биографов писал, что когда П. Лукашевич в мороз и вьюгу послал своего крепостного за 30 верст к Шевченко, чтобы пригласить

¹³ Глинка в воспоминаниях современников.— М., 1955.— С. 186—198.

¹⁴ Панаев И. И. Литературные воспоминания.— М., 1950.— С. 103—105.

¹⁵ Козачковский А. Из воспоминаний о Т. Г. Шевченке // Киевский телеграф.— 1875.— № 25.— С. 1.

свить поэта к себе в гости, приказав ему в тот же день возвратиться, Шевченко не только не поехал к нему, но и написал записку, в которой клеймил крепостника за нечеловеческое обращение с крепостными, и прекратил с ним всяческие связи. П. Лукашевич в ответном письме надменно заметил, что у него «триста душ таких...» как Шевченко. Позже он злобно нападал на поэта, требовал предать его поэму «Сон» сожжению и вечному проклятию.

Как-то по приглашению Шевченко приехал к помещику П. Скоропадскому, но когда тот, нисколько не стесняясь присутствия гостей, стал бить лакея, поэт «весь вскипел, словно его кипятком обдали, схватился с места, да, не зная, что делать, взял руками конец стола и так его стяхнул в сердцах, что и бутылки и рюмки — все так и посыпалось наземь. Скоропадский услышал звон — да в столовую, но Шевченко взял шапку и направился к выходу.

— Что это такое?! — завопил Скоропадский.

Шевченко глянул на него, рванул изо всех сил свою шапку, разорвал ее пополам и воскликнул, бросив половину своей шапки в Скоропадского:

— Хорошо о людях заботишься! Хорош пан, нечего сказать! — да с тем и ушел»¹⁶.

По той же причине Шевченко даже не зашел в дом пригласившего его лубенского помещика. Когда на допросе в III отделении по делу Кирилло-Мефодиевского общества его спросили, что побудило его написать поэму «Сон», он ответил: «Будучи еще в Петербурге, я слышал везде дерзости и порицания на государя и правительство. Возвратясь в Малороссию, я услышал еще более и хуже между молодыми и степенными людьми; я увидел нищету и ужасное угнетение крестьян помещиками, посессорами и экономами шляхтичами, и все это делалось и делается именем государя и правительства...»¹⁷. В письме к своему другу Я. Кухаренко поэт писал после возвращения с Украины: «Был я в прошлом году на Украине — был у Межигорского Спаса. И на Хортице был и везде был и все плакал» (VI, 34).

Во время путешествия на Украину все более возрастало революционное сознание Шевченко, крепла его обличительная муза. Ужасная нищета, бесправие народа, самоуправство и насилие крепостников отзывались в сердце поэта болью, и он беспощадно бичевал пороки общественного уклада, возвеличивая красоту народной морали, народных идеалов, призывал к решительной борьбе за свободу. Показательны его признания в стихотворении «Три літа» («Три года»):

І я прозрівати
Став потроху... Доглядаюсь,—
Бодай не казати.
Кругом мене, де не гляну,
Не люди, а змії...

Но среди знакомых и друзей, с которыми судьба свела поэта в Петербурге (в Академии художеств, на вечерах у Е. Гребенки, А. Струговщикова), на Украине, было и немало истинных его поклонников. Не все они могли понять и принять обличительный пафос произведений Шевченко, но тем не менее хорошо сознавали величие его творческого подвига. В 40-х годах XIX в. немногие, кроме, разве, петрашевцев, могли безоговорочно поддержать революционные призывы украинского поэта. Одни не верили в силу масс, другие считали преждевременным пробуждать их к осознанной борьбе за свои права, а третьи и попросту боялись революции.

С будущими петрашевцами Н. Момбелли и Р. Штрандманом Шевченко познакомился в первой половине 40-х годов. В своих записках 1847 года первый из них поведал о своих встречах с Шевченко на вечерах у Е. Гребенки, о народной молве в связи с арестом участников Кирилло-Мефодиевского общества. Из письма Р. Штрандмана к Шевченко 14 декабря 1845 года видно, что в это время они были уже хорошо знакомы¹⁸.

¹⁶ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников.— М., 1962.— С. 133—134.

¹⁷ Тарас Шевченко. Документи та матеріали для біографії.— К., 1975.— С. 193.

¹⁸ Листи до Т. Г. Шевченка. 1840—1861.— К., 1962.— С. 48—49.

Наиболее полные сведения о пребывании Шевченко на Украине в 1843—1847 годах находим в воспоминаниях этнографа и поэта А. Афанасьева-Чужбинского. Еще задолго до личного знакомства с Шевченко А. Афанасьев-Чужбинский написал стихотворение «Шевченкові» («Гарно твоя кобза грає»), в котором выразил свое восхищение поэзией автора «Кобзаря» и «Гайдамаков». Мемуарист подробно описал внешность поэта, его настроения, поведение, охарактеризовал его литературное и общественное окружение. Значительный интерес представляет следующее его свидетельство: «Появление «Кобзаря» мигом разбудило апатию и вызвало любовь к родному слову, изгнанному из употребления не только в обществе высшего сословия, но и в разговоре с крестьянами, которые старались, и, конечно, смешно, выражаться по-великорусски. Смело могу сказать, что после появления «Кобзаря» большинство принялось за повести Квитки»¹⁹. Засвидетельствованы и факты увлечения Шевченко творчеством А. Мицкевича, Байрона. Много любопытных деталей сообщил А. Афанасьев-Чужбинский о своем путешествии с Шевченко в 1846 году по маршруту: Исковцы — Лубны — Прилуки — Нежин — Чернигов — Киев. Среди них и такую: «Во время прогулок, он (Шевченко.— В. Ш.) говорил мне, что хотелось бы ему написать большую картину. По его словам, и мысль у него шевелилась, и план иногда неясно мелькал в воображении: но Шевченко сознавал сам, что родился более поэтом, чем живописцем, потому что во время обдумывания картины «хто його зна — відкіль несесться, несесться пісня, складаються стихи,— дивись уже — забув, про що думав, а мерщій запишеш те, що навialось»²⁰.

В том же году Шевченко нарисовал портрет А. Афанасьева-Чужбинского и записал в его альбом стихотворение «Не женися на багатій» (и портрет, и альбом не сохранились).

Несмотря на многочисленные встречи, совместное путешествие в Чернигов, пребывание в одной квартире в Киеве, дружеские отношения с А. Афанасьевым-Чужбинским у Шевченко не сложились. Слишком разными они были и по взглядам, и по складу характера. Шевченко не скрыл своего неприязненного отношения к А. Афанасьеву-Чужбинскому, когда тот посетил его в Академии художеств. Одна из причин такой неприязни раскрыта в дневнике Тараса Григорьевича: «Прошлой зимой в фельетоне «Русского инвалида» вижу на бесконечных столбцах бесконечное малороссийское стихотворение, по случаю, не помню, по какому именно случаю, — помню только, что отвратительная и подлая лесть русскому оружию. Ба, думаю, не мой ли это приятель так отличается. Смотрю, действительно он, А. Чужбинский. Так ты, мой милый, жив и здоров, да еще и подличать научился. Желая тебе успеха на избранном пути, но встречаешься с тобою не желаю» (V, 46).

О необыкновенной популярности произведений Шевченко в 40-х годах прошлого столетия свидетельствуют также Ю. Кенджицкий, Н. Шигарин, записанные В. Беренштамом воспоминания крестьян, рабочих, служащих. Во время пребывания в Киеве поэт нередко посещал литературные вечера, на которых читал и свои еще не опубликованные произведения, читал он их и своим близким знакомым. В середине 40-х годов Шевченко активно приобщается к общественно-политической жизни, ищет единомышленников в борьбе с самодержавно-крепостническим строем. Близо сошелся он тогда с Н. Костомаровым, Н. Гулаком, П. Кулишом, В. Белозерским и другими будущими членами Кирилло-Мефодиевского общества, которые приходили к мысли о необходимости ликвидации крепостного права, объединения славянских народов в федеративную республику.

Участие Шевченко в Кирилло-Мефодиевском обществе наиболее полно освещено в воспоминаниях Н. Костомарова, в частности, в его «Автобиографии» и в «Письме к редактору журнала «Русская старина» М. Семевскому». К крепостным крестьянам Н. Костомаров относился сочувственно, высоко ценил их творчество, сам пытался писать, опираясь на устнопоэтические традиции. Это определило прогрессивные тенденции как в его творчестве, так и в освещении исторических событий. Он последовательно отстаивал ту мысль, что автор «Кобзаря» — поэт подлинно народный. Никто из современников Н. Костомарова в 40-х годах не дал более точной харак-

¹⁹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 75.

²⁰ Там же.— С. 94.

теристики народности Шевченко, чем он. В его статье «Обзор сочинений, писанных на малороссийском языке» о произведениях автора «Кобзаря» утверждалось: «Это целый народ, говорящий устами своего поэта»²¹. Вскоре, однако, Н. Костомаров убедился, что его собственные взгляды на роль масс в истории, на перспективы освободительной борьбы не совпадают со взглядами Шевченко. Он вспоминает о своей полемике с поэтом, подчеркивая, что никогда не был, как некоторые другие, дружески близким к нему, что о многих фактах жизни автора «Кобзаря» он узнавал от третьих лиц. Иногда же его восприятие некоторых произведений Шевченко носило противоречивый характер. Восторгаясь произведениями Шевченко как явлениями высокого художественного достоинства, проникающими в самую сущность народной жизни, Н. Костомаров несколько настороженно относился к тем из них, которые способны были революционизировать сознание масс, подвигнуть их на бунт. «Тарас Григорьевич, — вспоминал он, — прочитал мне свои ненапечатанные стихотворения. Меня обдало страхом: впечатление, которое они производили, напомнило мне Шиллерову балладу «Занавешенный саисский истукан». Я увидел, что муза Шевченко раздирает завесу народной жизни. И страшно, и сладко, и больно, и упоительно было заглянуть туда!!!»²².

И закономерно, что революционная поэзия Шевченко вызывала лишь страх и осуждение у людей ограниченных, консервативных, не говоря уже об откровенных ретроградах. Учитель духовной академии, а позже редактор журнала «Домашняя беседа» В. Аскоченский, с которым Шевченко познакомился в конце мая 1846 года, пытался даже убеждать поэта в необходимости свернуть с избранного пути, пугал каторгой, а сам, опасаясь за свою участь, избегал слушать революционные произведения Шевченко. Вспоминая о двух последних встречах с поэтом, он выделит такие детали: «Узнав от меня, что я издаю «Домашнюю беседу», Тарас сказал: «Добре», но когда я изложил перед ним мои намерения и цель, к которой решил идти, не торопясь, Тарас стал серьезным и, оттягивая большие свои усы, проговорил: «Важко вам проти рожна прати». Холодно и равнодушно слушал он после этого мои воспоминания и каждым движением показывал, что мое присутствие обременительно для него... В последний раз я встретился с ним летом прошлого года на Загороднем проспекте, но... лучше было бы мне не встречаться...»²³.

Видимо, мы никогда не узнаем, что именно сказал Шевченко В. Аскоченскому при последней встрече, но несомненно одно: поэт со свойственной ему откровенностью клеймил ретрограда и проповедника поповщины. Тогда же он высмеял В. Аскоченского в сатирическом стихотворении «Умре муж велій в власяниці», написанном на смерть петербургского митрополита Григория. Этого стихотворения, впервые опубликованного в «Кобзаре» 1876 года, В. Аскоченский, видимо, еще не знал, когда в своих воспоминаниях, написанных в 1861 году, называл Шевченко «сизым орлом», «чудесным поэтом».

Сложными были отношения Шевченко с П. Кулишом, который с самого начала проявлял усиленный интерес к творчеству Шевченко, оценивая его как явление во всех отношениях примечательное. Во время ссылки поэта он собирал списки его произведений, напечатал поэму «Наймичка» в «Записках о Южной Руси» (СПб, 1857. — Г. 2. — С. 149—168). Когда же Шевченко возвратился из ссылки в Петербург, передал ему списки его произведений, некоторые из них издал в своей типографии. И в то же время П. Кулиш с первых лет знакомства с поэтом пытался поучать его, настоятельно рекомендовал ему подправить некоторые произведения («Тарасова ніч», «Катерина», «Гайдамаки», «Неофіти» и др.). В отдельных случаях поэт прислушивался к его советам. Не случайно, переписав свою поэзию за 1847 год из «Малой книжки» в «Большую», он заметил в дневнике 18 марта 1858 года: «Жаль, что не с кем толково прочитать. Михайло Семенович в этом деле мне не судья. Он слишком увлекается. Максимович — тот просто благоговеет перед моим стихом, Бодянский

²¹ Молодик на 1844 год. — X., 1843. — С. 177.

²² Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 151.

²³ Домашняя беседа. — 1861. — № 33. — С. 651.

тоже. Нужно будет подождать Кулиша. Он, хотя и жестко, но иногда скажет правду; зато ему не говори правды, если хочешь сохранить с ним добрые отношения» (V, 212—213).

Рассказы П. Кулиша о Шевченко во многом противоречивы. Так, в предисловии к своему поэтическому сборнику «Хуторна поезія» (1882), названому «Историческим рассказом» и в «Воспоминаниях о Николае Ивановиче Костомарове» (1885), печатавшихся в журнале «Новь», П. Кулиш писал о Шевченко как о гениальном поэте, «национальном пророке», приравнивал его к Пушкину, находил у того и другого «великую способность к «поэтическому критицизму». Мемуариста поражала глубина и оригинальность суждений Шевченко о науке и литературе. И в то же время П. Кулиш неоднократно повторял, что Шевченко творил якобы преимущественно благодаря гениальной интуиции, что на всех действовали «чары его дикой во многих случаях поэзии», и отмечал, что даже «одичание Костомарова в Киеве» произошло не без влияния Шевченко.

Более всего беспокоило П. Кулиша то, что произведения Шевченко могли пробудить массы к революционным действиям. Известные строки из поэмы «Кавказ» — «Од молдованина до фінна на всіх язиках все мовчить, бо благоденствує» — он комментирует с тревогой: «Не будет же молчать оно вечно, когда-нибудь да заговорит. Хорошо было бы, если бы заговорило языком интеллигенции. А вот беда, если дикая сила деспотизма да вызовет из пекла дикую силу рабства»²⁴. Чтобы избежать этого, по мнению П. Кулиша, необходимо путем просвещения крестьян в школах, свободных от вмешательства министерства, добиваться примирения пана и мужика...

Впрочем воспоминания П. Кулиша не лишены и объективных данных об общественно-литературной жизни 40—50-х годов XIX столетия, о жизни и деятельности Шевченко, о популярности его произведений, их влиянии на общественное движение.

Сослав Шевченко солдатом в отдаленный Оренбургский корпус, под строгий надзор и с запрещением писать и рисовать, царь надеялся изолировать его от народа, вынудить замолчать. Обстоятельства солдатской жизни поэта были чрезвычайно суровыми. Но и там, в ссылке, оказалось немало тех, которые, чем могли, помогали ему, поддерживали его. Среди них — братья Федор и Михаил Лазаревские, служившие в Оренбургской пограничной комиссии, занимавшие высокие посты офицеры К. Герн, Е. Матвеев, Н. Савичев, семья Усковых, А. Бутаков, А. Макшеев и др. Написанные многими из них воспоминания представляют особую ценность в освещении жизни и творчества Шевченко в ссылке. Их дополняют рассказы знакомых поэта в записях Д. Клеменсова, А. Матова, Н. Новицкого, Ф. Пискунова.

Шевченко привезли в Оренбург поздно вечером 8 июня 1847 года. Узнав об этом, Ф. Лазаревский на другой день пошел в казармы и нашел его там. С тех пор между ними установились дружеские отношения. Ф. Лазаревский познакомил поэта с некоторыми влиятельными офицерами, которые могли несколько облегчить его положение, позже высылал ему книги, журналы, бумагу. Свидетельство Ф. Лазаревского, что ему в 2 часа дня 9 июня 1847 года сообщили о Шевченко, позволяет вполне определенно утверждать, что Шевченко доставили в Оренбург не 9 июня 1847 года, как отмечено в рапорте исполняющего обязанности командира Отдельного оренбургского корпуса (за ним до сих пор некоторые биографы повторяют эту дату), а в 23 часа 8 июня (ночь поэт провел в передней комендатуры на полу), и в это время, разумеется, не могли оформлять его дело.

Михаил Лазаревский познакомился с Шевченко уже в Орской крепости. Несколько раз он под видом служебной надобности специально приезжал сюда для встречи с поэтом. Его воспоминания наиболее полно и точно освещают условия жизни Шевченко в Орске. Это важно помнить, так как в некоторых мемуарах, написанных понаслышке, допущены неточности. Приезжая часто в Орск, М. Лазаревский встречался с Шевченко, видел условия, в которых он жил, беседовал с ним о его житье-бытье, и ему, естественно, лучше было известно не только о внешних обстоятельствах, в которых оказался поэт, но и о том, что с ним было во время отсутствия М. Лазаревского, кто и как из офицеров обошелся с ним, какое было у него настроение и т. д.

²⁴ Кулиш П. Хуторна поезія.— Львів, 1882.— С. 39.

Утверждение Федора Лазаревского, что в Орской крепости Шевченко жилось более-менее сносно, основывалось на рассказах лиц, встречавшихся с ним мимолетно. В начале службы в Орске комендант Д. Исаев, человек гуманный, душевный, действительно содействовал тому, чтобы Шевченко жил не в казарме, а на частной квартире, бывал у него. Но так длилось недолго. Где-то в августе-сентябре 1847 года Д. Исаев был снят с должности, а вскоре и умер. Его место занял человек с солдафонским умом. Он и вернул Шевченко в казарму. Это стало сигналом для подчиненных ему офицеров к усиленной муштре поэта. М. Лазаревский писал: «Общество пьяных и развратных солдат, невыносимый воздух, грязь, постоянный крик — все это сильно возмущало Шевченко, но он не решался просить Мешкова об облегчении его участи. Впрочем, этого солдата-майора многие просили о дозволении Шевченко жить на особой квартире; но он не любил Шевченко за его непреклонность характера, за то, что он не умел и не хотел никому кланяться, и водил его каждый день вместе с другими на ученье, где Шевченко учился шагистике и ружейным приемам. Шевченко несколько раз сидел по милости Мешкова на гауптвахте...»²⁵.

О тяжелой муштре писал и сам Шевченко в стихотворении «А. О. Козачковскому», созданном в Орской крепости:

Цвіркун замовкне; зорю б'ють.
Благаю бога, щоб смеркало,
Бо на позорище ведуть
Старого дурня муштрувати.
Щоб знав, як волю шанувати,
Щоб знав що дурня всюди б'ють.

Об ужасных условиях жизни в Орске поэт рассказывал А. Макшееву, и тот написал об этом в «Путешествиях по киргизским степям и Туркестанскому краю» (СПб, 1896).

Дружеские отношения с М. Лазаревским Шевченко поддерживал и после ссылки. Именно ему он доверил рукописную книгу своей невольничьей поэзии, дневник. Нет сомнения, что Шевченко ничего не утаивал от М. Лазаревского, особенно из всего того, что касалось его пребывания в ссылке. В этой связи заслуживает внимания утверждение М. Лазаревского, согласно которому с 1850 года до своего освобождения из ссылки Шевченко безвыездно находился на Мангышлакском полуострове, так как в шевченковедении встречаются попытки поставить это под сомнение.

Воспоминания Лазаревских, К. Герна и местных орских старожилов не дают полного представления об этом периоде жизни Шевченко. Например, только намеками сказано о знакомстве и дружбе поэта с польскими политическими ссыльными, о его лектуре, общении с местными жителями и т. д.

Созданная на основе дневниковых записей непосредственного участника Аральской описной экспедиции работа А. Макшеева «Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю» ценна не только тем, что в ней мы находим упоминания о Шевченко. Из нее стал известен маршрут экспедиции, в которой участвовал и Шевченко, условия работы, морально-психологический климат и пр. В ней зафиксированы рассказы Шевченко о своей жизни в Орске, отдельные эпизоды из его живописной практики, о том, как по-дружески, участливо относился к нему начальник экспедиции А. Бутаков. Есть в ней и такая красноречивая деталь: «Он много рассказывал о своих мелких невзгодах, но о крупных политических никогда не говорил ни слова»²⁶. Не говорил, так как остерегался. Да и не с кем было говорить о «крупных политических» невзгодах: это можно было сделать только в беседах с политическими единомышленниками. Но некоторые свои даже «крамольные» произведения поэт читал по памяти. Ф. Лазаревский вспоминал, что уже с первого знакомства с поэтом ему и С. Левицкому Шевченко читал поэму «Сон». Известен и список этой поэмы, датированный 1852 годом (время пребывания ее автора в Новопетровском укреплении). Какие-то свои произведения Шевченко читал в Раимском укреплении. «Шевченко часто читал нам свои стихи, — рассказывал Э. Нудатов, — и я как теперь помню его

²⁵ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 192.

²⁶ Там же. — С. 198.

мягкий, певучий, ласкающий голос»²⁷. А вот штабс-капитан генерального штаба А. Макшеев, с которым Шевченко жил в одной джуламейке в течение всего похода на Аральское море, нигде и словом не обмолвился, что ему поэт читал свои произведения. Он, кстати, не без укора заметил, что Шевченко, живя в Петербурге после возвращения из ссылки, ни разу не посетил его.

Современники в один голос утверждают, что Шевченко был включен в состав Аральской экспедиции как художник по ходатайству начальника этой экспедиции А. Бутакова. И в экспедиции А. Бутаков заботился о создании поэту сносной обстановки для жизни и работы, насколько это было возможно в тех условиях. Они жили в одной каюте, поддерживая дружеские связи. Так было и в Оренбурге, куда по ходатайству того же А. Бутакова Шевченко возвратился с экспедиции для окончательной отделки полевых работ. «Доброе, братское», по словам поэта, отношение к нему А. Бутакова хоть на какое-то время облегчало положение его (VI, 58). Специальных воспоминаний о Шевченко А. Бутаков не оставил, но в его дневнике²⁸ можно почерпнуть немало сведений об условиях жизни и работы поэта в 1848—1849 годах.

Перед обыском и арестом в 1850 году Шевченко некоторые свои бумаги и материалы передал на хранение К. Герну, в квартире которого тогда жил. Среди них была и книжечка с «малороссийскими его стихотворениями» (то есть книжечка автографов невольничьей поэзии), которая позже получила наименование «Мала книжка». Когда именно книжечки за каждый год оформлены и сшиты в одну, точно не известно, но, как видно из воспоминаний К. Герна, это было сделано до ссылки поэта в Новопетровское укрепление. К. Герну принадлежит публикация двух черновиков письма Шевченко к В. Жуковскому.

В крае отдаленном и суровом, в Новопетровском укреплении каждый год роты менялись. А Шевченко оставался там без малого семь лет... Трудно было ему, но, как свидетельствуют очевидцы, он держался мужественно, достойно и даже других пытался утешить, подбодрить. Офицер Уральского гарнизона Н. Савичев, специально приезжавший весной 1852 года в Новопетровское укрепление познакомиться с Шевченко, провести с ним хотя бы несколько дней, писал в своих воспоминаниях, что к поэту очень уважительно относились солдаты, так как он «не отделил себя от среды солдатской и жил с солдатами по-братски, просто»²⁹. Из Уралья Н. Савичев привез Шевченко письма, искренние приветствия от ссыльных полжков, от петрашевца А. Ханькова. Тогда же Шевченко рисовал портрет Н. Савичева (хранится в историко-краеведческом музее г. Уралья).

Поручик А. Фролов, воспоминания которого записал Ф. Пискунов, заметил, что Шевченко нередко рано утром любил выходить в степь за пределы укрепления и там, усевшись на камне, просиживал часами, а когда его спрашивали, что он там делает, отвечал: «Думку думаю». То была «думка», которой не с кем было поделиться в Новопетровском укреплении. Жажда творчества не угасала. Несмотря на суровые запреты, поэт рисовал, писал повести, добивался официального разрешения рисовать, но так и не добился.

Все, что можно было достать в Новопетровском укреплении из книг, журналов, газет, Шевченко перечитывал, интересовался новинками русской и украинской литературы. В обществе любил читать вслух. А. Ускова писала о Шевченко: «Бывало, в длинные зимние вечера он принесет журнал и выберет, что ему по вкусу, и начинает читать; если вещь ему особенно нравится, то он откладывает книгу, встанет, ходит, рассуждает, затем опять возьмется за книгу; стихи же, которые ему очень нравились, он выучивал и дня по три декламировал»³⁰.

По инициативе и при непосредственном участии Шевченко в 1852 году был организован хор, любительский театр. В числе других на сцене этого театра состоялась и постановка комедии А. Островского «Свои люди — сочтемся». В Новопетровском

²⁷ Там же.— С. 221.

²⁸ Бутаков А. И. Дневные записки плавания на шхуне «Константин» для исследования Аральского моря в 1848—1849 гг.— Ташкент, 1953.

²⁹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 227.

³⁰ Там же.— С. 255.

укреплении тогда не знали, что ее запретил к постановке сам Николай I (написанная в 1849 году, она впервые появилась на сцене профессионального театра в 1860 году). Шевченко играл роль Рисположенского и, по свидетельству очевидцев, играл превосходно. После спектакля к поэту подошел комендант укрепления А. Маевский и сказал: «Богато тебя, Тарас Григорьевич, оделил бог: и поэт-то ты, и живописец, и скульптор, да еще, как оказывается, и актер... Жаль, голубчик мой, одного — что не оделил он тебя счастьем!»³¹

Оставил воспоминания о Шевченко и его ротный командир в Новопетровском укреплении Е. Косарев. Они написаны много лет спустя. Мемуарист мог кое-какие детали и забыть, но уж слишком явно в его воспоминаниях проглядывает тенденция выдать себя едва ли не за благодетеля Шевченко, человека, который стремился облегчить его службу. Но из других вполне достоверных источников известно, что Е. Косарев был под стать Д. Мешкову, который стремился продемонстрировать свою власть над сосланным поэтом. В дневнике Шевченко есть характерная в этом отношении запись. Уже когда в форте все знали, что вскоре Шевченко получит свободу, Е. Косарев распорядился включить его в почетный караул. «К 7 часам,— читаем в дневнике поэта,— все было готово, в полной амуниции люди были выведены на полянку, в том числе и я, в 7 часов явился сам капитан Косарев во всем своем ослином величии и после горделивого приветствия подошел прямо ко мне, благосклонно хлопнув меня по плечу, и сказал: «Что, брат, отставка? Нет, мы еще из тебя сделаем отличного правофлангового, а потом и с богом». И тут же отдал приказание капральному ефрейтору заняться со мной маршировкой и ружейными приемами чикака четыре в день» (V, 53).

Даже участвивое отношение к поэту коменданта укрепления И. Ускова не всегда соответственно воздействовало на подчиненных. Е. Косарев заботился прежде всего о служебной карьере, о том, чтобы подчеркнуть свою власть над солдатами, свое превосходство над ними.

Смрадная казарма, муштра, моральная угнетенность в течение десяти лет подорвали здоровье Шевченко, и он из ссылки возвращался постаревшим, физически надломленным, но — духовно не покоренным. Поэтическое творчество, общественно-политическая деятельность, возобновившиеся с первым дыханием свободы, свидетельствовали о его дальнейшем возмужании. В новой исторической обстановке, характеризующейся обострением феодально-крепостнической системы, поэзия Шевченко зазвучала с новой силой. Расширился круг ее ценителей, возросло внимание к ней со стороны общерусской демократии.

Возвращавшегося из ссылки поэта радушно встречали почитатели его музыки в Астрахани и Нижнем Новгороде. Об этом речь идет в воспоминаниях И. Клопотовского, работавшего учителем Астраханской гимназии (его воспоминания записаны В. Кларком), чиновника нижегородской палаты К. Шрейдерса (в записях Г. Демьянова), у которого Шевченко жил на квартире во время длительной вынужденной остановки в Нижнем Новгороде. К. Шрейдерс выезжал тогда по делам и в Петербург. По просьбе поэта он навестил М. Лазаревского и застал там немало студентов, которые, узнав, что К. Шрейдерс приютил Шевченко, устроили ему настоящую овацию.

Последний период жизни Шевченко освещен в воспоминаниях современников шире, обстоятельнее. Среди их авторов — видные писатели, художники, общественные деятели. Кроме упомянутых уже И. Тургенева и Я. Полонского, — Н. Лесков, М. Микешин, Г. Честаховский, Л. Жемчужников, А. Церетели. Во многих из них акцент сделан не на деталях быта, а на его интересах к науке, литературе, искусству, участию в общественных делах. Понимая, насколько важно полно и правдиво запечатлеть не только факты, но и их обусловленность конкретно-историческими обстоятельствами, многие мемуаристы стремились воспроизвести образ поэта в контексте эпохи как исторической, так и литературной, раскрыть величие и своеобразие его духовного мира. Тут же встречаем немало сведений о всесторонних связях украинского поэта с деятелями культуры России, Польши, Белоруссии, Грузии. Е. Юнге подробно рассказало о дружбе Шевченко с А. Олдриджем.

О пристальном интересе Шевченко к достижениям русской литературы сви-

³¹ Там же.— С. 252.

детельствуют его записи в дневнике, высказывания в письмах. «Все дни моего пребывания когда-то в Яготине,— писал поэт В. Репниной,— есть и будут для меня ряд прекрасных воспоминаний. Один день был покрыт легкой тенью, но последнее письмо ваше и это грустное воспоминание осветило. Конечно, вы забыли? вспомните! Случайно как-то зашла речь у меня с вами о «Мертвых душах». И вы отозвались чрезвычайно сухо. Меня это поразило неприятно, потому что я всегда читал Гоголя с наслаждением... Меня восхищает ваше теперешнее мнение — и о Гоголе, и о его бессмертном создании... Перед Гоголем должно благоговеть как перед человеком, одаренным самым глубоким умом и самою нежною любовью к людям!» (VI, 64—65). Прочитав «Губернские очерки» М. Салтыкова-Щедрина, Шевченко с восхищением писал о том, что в лице автора «Губернских очерков» Гоголь имеет гениальных учеников, последователей, продолжающих его традиции в новых исторических условиях. Такие отзывы о творчестве классиков русской литературы убедительно свидетельствуют о том, что Шевченко хотел видеть такой и украинскую литературу. Не случайно он столь решительно поддержал обличительный пафос «Народних оповідань» Марко Вовчок, назвав ее в стихотворении «Марку Вовчку» «обличителем жестоких людей несытых» (II. 323). И. Тургенев отмечал в своих воспоминаниях, что Шевченко «был искренне к ней (Марко Вовчок.— В. III.) привязан и высоко ценил ее талант... на мой вопрос: какого автора мне следует читать, чтобы поскорее выучиться малороссийскому языку? — он с живостью отвечал: «Марко Вовчка! Он один владеет нашей речью!»³².

По свидетельству И. Тургенева, Шевченко несколько раз заходил к нему, показывал ему свою невольничью поэзию, переписанную в «Малу книжку», читал стихотворение «Садок вишневий коло хати». Но в силу разных обстоятельств дружеские отношения у них не сложились. Вполне открыться И. Тургеневу украинский поэт не мог. Отсюда — отмеченный И. Тургеневым штрих в поведении поэта: «...Он держал себя осторожно, почти никогда не высказывался, ни с кем не сблизился вполне: все словно сторонкой пробирался»³³. В этом, видимо, кроется и причина такого замечания мемуариста: «Читал Шевченко, я полагаю, очень мало (даже Гоголь был ему лишь поверхностно известен), а знал еще меньше того»³⁴. Это никак не согласуется с приведенными выше высказываниями Шевченко о Гоголе, ни с его творчеством (в том числе и дневником, в котором запечатлены обширные знания его автора во всех сферах литературной и культурной жизни), ни с воспоминаниями других современников, значительно ближе знавших Шевченко.

Революционная поэзия Шевченко распространялась в многочисленных списках еще до его возвращения из ссылки. Часть ее опубликована за рубежом в 1859 году в сборнике «Новые стихотворения Пушкина и Шевченки» (Лейпциг), который нелегально распространялся и в России. Призывы украинского поэта к консолидации народов в борьбе за свободу становились в период революционного подъема накануне крестьянской реформы важной частью идеологии и практики русской революционной демократии. И то, что Шевченко сближается с Чернышевским и его соратниками, а те принимают его как своего, родного, — явление закономерное. «Шевченко, народный в Малороссии,— писал Н. Огарев,— с восторгом принят как свой в русской литературе и стал для нас родной,— так много было общего в наших страданиях и так самобытность каждого становится необходимым условием общей свободы»³⁵. Шевченко посещает литературно-художественные вечера у вице-президента Академии художеств Ф. Толстого, Н. Костомарова, на которые собиралась художественная интеллигенция Петербурга. И наоборот, писатели и художники Петербурга часто посещают Шевченко, проявляя к нему искренние чувства симпатии и побратимства, оказывают ему всевозможную помощь в освобождении родственников от крепостной зависимости. Н. Добролюбов, М. Михайлов, А. Плещеев, А. Пыпин высоко отзываются в печати о творчестве Шевченко, призывают своих соотечественников ориентироваться на его произведения.

³² Там же.— С. 292.

³³ Там же.— С. 291.

³⁴ Там же.— С. 292.

³⁵ Огарев Н. П. Избр. произведения: В 2 т.— М., 1956.— Т. 2.— С. 501.

В воспоминаниях Д. Мордовцева запечатлены неоднократные встречи Шевченко с Н. Чернышевским на вечерах у Н. Костомарова. Бывал Шевченко и в семье Чернышевского. В записке к нему 16 мая 1860 года Н. Новицкий писал: «Вы собираетесь поехать к Чернышевскому на дачу,— если намерение Ваше не переменялось, то уведоьте меня, пожалуйста, когда Вы туда поедете? Я бы отправился туда с Вами вместе»³⁶. В альбоме жены Чернышевского есть пять рисунков, авторство которых семейная традиция приписывала Шевченко.

Н. Чернышевский не оставил воспоминаний о Шевченко, но высокая оценка им украинского поэта в статьях «Новые периодические издания» и «Национальная бестактность» основывалась не только на знакомстве с творчеством Шевченко, но и полученных впечатлениях из личных бесед с ним. В одном месте Н. Чернышевский не случайно заметил: «Слышали мы свидетельство об этом от человека, имя которого драгоценно каждому малороссу — от покойного Шевченко»³⁷. В беседах речь шла о тех самых животрепещущих вопросах, которые постоянно волновали тогда поэта: о положении народа, о перспективах освободительной борьбы. В своих суждениях об Украине Н. Чернышевский неизменно опирался на авторитет Шевченко. Он подчеркивал, что Шевченко «окончательно разъяснил для нас истину, которую мы давно предвидели сами»³⁸.

Такого мнения придерживалась и вся передовая русская общественность. Это проявлялось не только в публикации русской печатью произведений Шевченко, рецензий на них, в стремлении популяризировать его имя, как имя последовательного борца с крепостничеством. Е. Штакеншнейдер, Л. Пантелеев, Д. Кипиани писали о восторженной встрече Шевченко на литературных чтениях в Пассаже. М. Микешин, Б. Суханов-Подколзин, Г. Честаховский, А. Благовещенский — о дружеских контактах Шевченко с художниками, скульпторами, актерами. О своих встречах и беседах с украинским поэтом В. Стасов рассказал в письме к А. Пылину, подчеркнув, в частности: «Я его лично знал, довольно много и в разное время беседовал с ним, глубоко его уважал и ценил»³⁹.

В том же письме к А. Пылину В. Стасов подчеркивал, что Шевченко во многом соглашался с его критикой творческих принципов К. Брюллова и отстаивал своего учителя только как просветителя, как человека доброго, гуманного. В начале своей учебы в Академии художеств Шевченко, естественно, следовал наставлениям учителя, в какой-то мере подражал ему. Но с годами его все больше влекло искусство, своими корнями уходящее в глубь народной жизни. Ценил в творчестве К. Брюллова высокое профессиональное мастерство, Шевченко ставил ему в упрек оторванность от национальной почвы, жизни и быта родного народа. В этом прежде всего он и соглашался с критикой В. Стасова.

Много существенных штрихов в биографии Шевченко отмечено в воспоминаниях А. Лазаревского, Г. Честаховского, Л. Жемчужникова, Н. Лескова, относящихся к последним дням жизни поэта. Кроме незначительных уточнений, пояснений, которые читатель найдет в комментариях настоящего издания, они не требуют развернутых толкований.

В этой книге собрана не вся мемуарная литература о Шевченко, часть ее дана в отрывках. Но, по сравнению с предыдущими изданиями, она полнее по охвату материала и его комментированию. Читатель найдет в ней много интересных и ценных сведений как о жизни и творчестве Шевченко, так и о его эпохе.

В. ШУБРАВСКИЙ

³⁶ Листи до Т. Г. Шевченка, с. 183.

³⁷ Чернышевский Н. Г. Полное собр. соч.: В 15 т.— М., 1950.— Т. 7.— С. 791 — 792.

³⁸ Там же.— С. 792.

³⁹ Из архива Владимира Васильевича Стасова // Сборник Пушкинского дома на 1923 год.— П., 1922.— С. 247.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ
Т. Г. ШЕВЧЕНКА

Писать биографию нашего поэта еще рано, но собирать и печатать материалы для нее теперь — прямая обязанность. Шевченко прожил свою жизнь так своеобразно, что трудов в подборке этих материалов предстоит не мало: письменных документов о его жизни, сколько мы знаем, почти не осталось, за исключением немногих писем и известного дневника, где мы находим сведения только о позднейшей поре жизни поэта. Биографу его придется руководствоваться большей частью *преданиями*, собиранием которых нужно заняться теперь же, пока еще живы люди, могущие сообщить их.

Жизнь Шевченко представляет собою пять резких эпох, без всякой последовательной связи меж собою, и для каждой из них придется собирать материалы у разных лиц, поэтому собрание их едва ли может быть сделано одним лицом; дружное содействие делу этому всех, кому дорога память поэта, необходимо, и только в таком случае можно надеяться на удовлетворительный результат. Мы обозначаем здесь эти эпохи, с некоторыми пояснениями, могущими послужить указанием для собирающих сведения о жизни Шевченко:

I. 1814—1828. Детство Шевченко, т. е. жизнь поэта на родине, в его семейном кругу.

II. 1828—1838. Жизнь Шевченко при его помещике, переезды с ним по западной России и пребывание у маляра Ширяева. Об этой эпохе из жизни поэта мы менее всего имеем сведений, между тем она едва ли не важнейшая из всех в том отношении, что в это время совершалось развитие творческого таланта нашего Кобзаря. Главным источником для описания этой эпохи послужат рассказы Ивана Максимовича Сошенка, друга покойного поэта, которые мы надеемся вскоре сообщить. Но рассказов этих слишком недостаточно, и нельзя не пожелать, чтобы те лица, которые имеют возможность уяснить это время из жизни Шевченко, особенно позаботились об этом. Особенно драгоценны были бы первые его поэтические произведения, о которых до сих пор мы имеем только темные сведения.

III. 1838—1847. Свободная жизнь Шевченко; пребывание его в Петербурге, создание «Катерины», «Гайдамак», «Наймички» и разъезды по Малороссии. Источниками для этой эпохи могут послужить рассказы петербургских его знакомых и письма его к землякам. О собрании и напечатании последних особенно бы нужно позаботиться.

IV. 1847—1857. Жизнь Шевченко в ссылке; пребывание его в Оренбурге и Орской крепости, плавание по Аральскому морю и, наконец, жизнь в Новопетровском укреплении. Об этом печальном в жизни поэта времени многое могли бы сообщить его оренбургские

знакомые. Жизнь в Новопетровском укреплении нам известна из его дневника.

V. 1857—1861. Освобождение Шевченка; пребывание его в Нижнем Новгороде, приезд в Петербург; поездка на родину в 1859 г., возвращение в Петербург; смерть.

Вот указания, по которым следует подбирать материалы для полного описания жизни Шевченка. Повторяем, что подбор их лежит на прямой нашей обязанности, и откладывать его в долгий ящик никак не следует, чтобы иметь возможность воспользоваться рассказами людей, знавших поэта, пока их воспоминания не утратили еще свежести недавно прошедших событий.

Для начала мы представляем здесь очерк первой эпохи, для которого мы пользовались запискою о детстве поэта, сообщенною нам Варфоломеем Григорьевичем Шевченком, воспоминаниями Ивана Максимовича Сошенка и, преимущественно, рассказами сестры поэта Ирины Григорьевны.

Как настоящий очерк, так и последующие, которые мы имеем намерение представить здесь же, предлагаются преимущественно с целью вызвать поправки и дополнения, с помощью которых можно бы было впоследствии приступить к составлению возможно полной и вполне достоверной биографии славного нашего поэта.

ДЕТСТВО ШЕВЧЕНКА (1814—1828)

...Як побачу

Малого хлопчика в селі,
Мов одірвалось од гілля,
Одно-однісіньке під тином
Сидить собі в старій ряднині.
Мені здається, що се я,
Що це ж та молодість моя...

Т. Шевченко

Дед Шевченка (со стороны отца) по ремеслу был *швец*; отсюда произошла и фамилия его. Родители его были крепостные крестьяне помещика Энгельгардта; отец родом из с. Кереливки, а мать — из с. Моринцов (оба села Звенигородского уезда).

Женившись, отец Тараса Григорьевича, по распоряжению помещика, переселился на короткое время (года на полтора) из Кереливки в Моринцы. Во время этого переселения и родился наш поэт, в 1814 г., 25 февраля. Таким образом, родиною Шевченка было с. Моринцы, а не Кереливка, как думали до сих пор *. Но подрост и стал помнить себя он уже в Кереливке, почему и все детские воспомина-ния его связаны с этим селом.

Первые годы детства Тараса Григорьевича прошли незаметно. В семье его сохранилось предание, что Шевченко в раннем своем детстве любил очень есть землю: бывало, не досмотрят за ним —

* Тарас Григорьевич всегда считал своею родиною с. Кереливку, что можно видеть и из «Письма» его к редактору «Народного чтения», но все родные Тараса Григорьевича положительно утверждают, что он родился в с. Моринцах.

животик у Тараса и вздует, точно в болезни какой; распроят, и окажется, что он земли объелся.

О раннем своем детстве поэт вспоминает в одном из великорусских рассказов («Княгиня»), писанных им в ссылке. Приводим это место здесь.

«...Передо мною наша бедная, старая, белая хата, с потемневшею соломенною крышею и черным *дымарем*; а около хаты, на *причыл-*

Т. Г. Шевченко
Отчий дом в с. Кирилловке. Карандаш. 1843

ку, яблоня с краснобокими яблоками, а вокруг яблони цветник, любимец моей незабвенной сестры, моей терпеливой, моей нежной няньки. А у ворот стоит старая развесистая верба, с засохшею верхушкою; а за вербою стоит клуня, окруженная стогами жита и разного всякого хлеба; а за клунею, по косогору, пойдет уже сад, а за садом — *левада*; а за левадою — долина, а в долине тихий, едва журчащий ручеек, уставленный вербами и калиною и окутанный широколиственными, темно-зелеными лопухами. А в этом ручейке, под нависшими лопухами, купается кубический, белокурый мальчуган; выкупавшись, перебегает он долину и леваду, вбегает в тенистый сад и падает под первую грушею или яблонею, и засыпает настоящим невозмутимым сном. Проснувшись, он смотрит на противоположную гору, смотрит, смотрит и спрашивает у себя: «А что же там за горою? Там должны быть железные столбы, что поддерживают небо. А что, если бы пойти да посмотреть, как это они его подпирают? Пойду да посмотрю! ведь это недалеко». Встал и, не задумавшись, пошел он через долину и леваду прямо на гору. И вот выходит он за село; прошел царину, прошел с полверсты поле; на поле стоит высокая, черная могила. Он вскарабкался на могилу, чтоб с

нее посмотреть, далеко ли еще до тех железных столбов. Стоит мальчуган и смотрит во все стороны: и по одну сторону — село, и по другую сторону — село, и там из темных садов выглядывает трехглавая церковь, белым железом крытая; там тоже выглядывает церковь из темных садов и тоже белым железом крытая. Задумался мальчуган: «Нет,— думает он,— сегодня поздно, не дойду я до тех железных столбов; а завтра, вместе с Катрею,— она до *череды* коров погонит, а я пойду к железным столбам; а сегодня *одурю* Микиту: скажу, что я видел железные столбы, те, что подпирают небо». И, скатившись кубарем с могилы, он встал на ноги и пошел, не оглядываясь, в чужое село; к его счастью, встретились ему чумаки и, остановившись, спросили: «А куди мандруєш, парубче?» — «Додому!» — «А де ж твоя дома, небораче?» — «В Керелівці!» — «Так чого ж ти йдеш у Моринці!» — «Я не в Моринці, а в Керелівку йду». — «А коли в Керелівку, так сідай на мою *мажу*, товаришу, ми тебе доведемо додому». Посадили его на *скрынку*, что бывает в передке чумацкого воза, и дали ему батоги в руки, и он погоняет себе волю, как ни в чем не бывало. Подъезжая к селу, он увидел свою хату на противоположной горе и закричал весело: «Онде, онде, наша хата!» — «А коли ти вже бачиш свою хату,— сказал хозяин воза,— то і йди собі з богом». И, снявши мальчугана с воза, спустил его на землю и, обращаясь к товарищам, сказал: «Нехай іде собі з богом!» — «Нехай іде собі з богом!» — проговорили чумаки, и мальчуган побежал себе с богом в село. На дворе уже смеркало, когда я (потому что этот кубический, белокурый мальчуган был не кто иной, как смиренный автор сего, хотя и не сентиментального, но тем не менее печального рассказа) подошел к нашему перелазу; смотрю через перелаз на двор, а там, около хаты, на темном, зеленом, бархатном *спорыше*, все наши сидят себе в кружке и вечеряют; только моя старшая сестра и нянька Катерина не вечеряет, а стоит себе около дверей, подперши голову рукою, и как будто посматривает на перелаз. Когда я высунул голову из-за перелаза, то она вскрикнула: «Прийшов, прийшов!» Подбежала ко мне, схватила меня на руки, понесла через двор и посадила в кружок вечерять, сказавши: «Сідай вечерять, прибуду!» Повечерявши, сестра повела меня спать и, уложивши в постель, перекрестила, поцеловала и, улыбаясь, назвала меня опять прибуду. Я долго не мог заснуть; происшествия прошлого дня мне не давали спать. Я думал все о железных столбах и о том, говорить ли мне о них Катерине и Миките или не говорить? Микита был раз с отцом в Одессе и там, конечно, видел эти столбы: как же я ему буду говорить о них, когда я их вовсе не видал? Катерину можно б одурить... нет, я и ей не скажу ничего; и, подумавши еще недолго о железных столбах, я заснул...»

Воспоминание это относится, вероятно, к 5—6-летнему возрасту Шевченка. Странно только, что он не говорит здесь ничего о своей матери, которая в ту пору была еще жива.

До смерти матери Шевченко, живя под ее крылышком, не знал горя. Но со смертью ее (1823 г.) для него начался ряд тех житейских невзгод, которые преследовали поэта до самой могилы.

По смерти жены у Шевченка-отца осталось пятеро детей: Никита, Катерина, Тарас, Ирина и Осип. Последнему было года полтора. В крестьянском быту вдовцу с таким семейством жить трудно; необходима женщина, которая бы и по хозяйству *поралась* и за

детьми присмотрела. Поэтому очень естественно, что скоро по смерти матери в семью Шевченков вошла мачеха. По народным понятиям, образ мачехи постоянно соединяется с чем-то недобрым, эгоистическим; не добро внесла мачеха и в хату Шевченков...

У мачехи были дети от первого брака, и от них-то маленькие Шевченки терпели особенно много горя; больше всех доставалось неуступчивому Тарасу, постоянно с ними ссорившемуся. «Кто видел хоть издали мачеху,— говорит сам Тарас Григорьевич в том же рассказе «Княгиня»,— и так называемых сведенных детей, тот, значит, видел ад в самом отвратительном его торжестве. Не прошло часа без слез и драки между ними, детьми, и не проходило часа без ссоры и брани между отцом и мачехой. Мачеха особенно ненавидела меня, вероятно, за то, что я часто тузил ее тщедушного Степанка...» Ссоры эти со стороны Тараса вскоре превратились в ненависть, и вот по какому случаю: один из сведенных братьев украл у своего постояльца-солдата три золотых; тот огляделся и стал их искать. Мачеха изъявила подозрение на пасынка — Тараса; этот божился в своей невинности, но мачеха стояла на своем: «Гроші украв Тарас». Последний продолжал отнекиваться; тогда ему связали руки и ноги и розгами, щедро посыпавшимися из рук его дяди, думали вынудить признание... От боли Шевченко принял преступление на себя, но когда его развязали и спросили, куда же он девал украденные деньги, маленький мученик отвечал, что он закопал их там-то в саду; когда ему приказали указать место определеннее, Шевченко снова отперся, и пытка снова началась... Но ничего больше не добились, и бедный пасынок брошен был чуть не замертво. Между тем, солдата удовлетворить было необходимо, для чего и продали юбку покойной матери. Настоящий вор открылся уже гораздо позже.

Случай этот нельзя не признать уважительной причиной той ненависти, которую Тарас Григорьевич питал к своим сведенным братьям, а отчасти и к дяде, нелюбовь к которому сохранил он до смерти.

Вскоре за этим событием Тарас Григорьевич был отдан отцом к мещанину Губскому на выучку. Грамота ему далась: букварь Шевченко выучил очень скоро; только Губский никак не мог справиться с своим учеником, чтоб унять его от проказ. Шевченко то и дело уходил от своего учителя и всегда, бывало, напроказничает при этом. Отец тоже напрасно старался унять его... и умирая (1825 г.) высказал, между прочим, замечательное пророчество насчет будущности сына: *«Синові Тарасу із мого хазяйства нічого не треба; він не буде абияким чоловіком: з його буде або щось дуже добре, або велике ледащо; для його моє наслідство або нічого не буде значить, або нічого не pomoже»*. Слова эти очень знаменательны, чтоб видеть в них одну случайность; жаль только, что память родных Тараса Григорьевича не сохранила данных, которые привели отца к такому заключению.

После смерти отца Шевченко отдан был в школу к сельскому дьяку Бугорскому, где выучил часослов и псалтырь. Потом перешел он к священнику Нестеровскому, у которого выучился писать, и затем почему-то снова возвратился к Бугорскому. Вероятно, об этом наставнике вспоминает Шевченко и в «Письме» своем к редактору «Народного чтения» и в рассказе «Княгиня».

У Бугорского, как и Губского, Шевченко, по преданию, учился хорошо, но учитель никак не мог помириться с его непосидчивостью, чему впрочем и сам бывал причиною по своей непомерной с ним строгости. Тарас очень часто бросал школу и обыкновенно в это время скитался по разным пустырям. Любимым убежищем его в таких случаях был сад односельянина Шевченков — *Жениха*. Здесь, в калиновом кустарнике, беглый школяр устроил себе уютное убежище от школьной розги: очистив площадку и насыпав ее песком, он сложил себе из дерну нечто вроде постели и уединялся сюда, когда становилось ему не под силу терпеть школьные муки *. В этом убежище Шевченко оставался иногда по несколько дней при помощи своих сестер, которые снабжали его в таких случаях съестным и вообще покрывали проказы брата, чтоб избавить его от лишних пинков дьяка и мачехи **.

Как проводил время Шевченко у *Жениха* в калине, об этом сохранилось у него воспоминание в «Послании к А. О. Козачковскому»:

Давно те діялось. Ще в школі,
Таки в учителя-дьяка,
Гарненко вкраду п'ятака —
Бо я було трохи не голе
Таке убоге — та й куплю
Паперу аркуш. І зроблю
Маленьку книжечку.— Хрестами
І візерунками з квітками
Кругом листочки обведу
Та й списую Сковороду
Або Три царіє со дари ***.
Та сам собі у бур'яні,
Щоб не почув хто, не побачив,
Виспівую та плачу...

В это же время Шевченко перестал стричься, стал носить волосы в кружок, как у *больших*; сам сшил себе шапку вроде конфедератки и всеми этими «странностями» обращал на себя внимание не только товарищей своих, но и старших...

Подобными же странностями, вероятно, вызвал Шевченко у отца и тот предсмертный приговор его, который сообщен выше.

* Ирина Григорьевна, рассказывая нам об этом, прибавила: «Натерпівся-таки Тарас у тій школі, товкли його там, як його гамана; часом не витерпе та що скаже, то все йому есть...»

** К сестрам Тарас Григорьевич питал особенную любовь: они были его *единственными* друзьями детства; с товарищами своими Шевченко, по преданию, не любил водиться и ни к одному из них не привязывался, как бывает у детей; даже с братьями-детьми он был довольно холоден. Вся его детская привязанность сосредоточивалась на сестрах. Старшая из них, Катерина Григорьевна, была нянькою поэта и заменяла ему, насколько могла, умершую мать. Она умерла в первую холеру (1830). Самые нежные отношения к меньшей сестре, Ирине Григорьевне, Шевченко сохранил до самой смерти. Приезжая на родину, он обыкновенно останавливался у нее и при этом любил беседовать с ней, как он ее выкупит, как она с детьми будут *вольными*, как он устроит ее жизнь. Особенно много на этот мотив говорил Шевченко в последний свой приезд на родину, в 1859 г.; но смерть не дала ему исполнить задушевных его желаний.

*** Вирша, сочинение киевских бурсаков, которую они распевали на рождественских праздниках.

Никита Григорьевич, старший брат поэта, попробовал было приучать его к хозяйству, но все попытки были напрасны: Тарасу Григорьевичу скоро наскучали эти занятия, и он, не задумываясь, бросал волов в поле и уходил бродить на свободе.

Так прошло детство Тараса Григорьевича. Мы видим, что маленький Шевченко со многим не мирился в окружавшей его среде и заметно выделялся из круга своих сверстников; все это нужно приписать особенной впечатлительности его природы, которая не изменяла ему до самой смерти. С отроческих лет Тарас Григорьевич выказывал уже замечательную пытливість ума; с особенным вниманием прислушивался он, как его дед и отец поведут, бывало, в праздник какой беседу о старине. Отец Тараса Григорьевича был грамотный и для своей среды довольно начитанный; беседа его отличалась религиозным характером: он любил пересказывать жития святых и разных подвижников благочестия. Другого характера была беседа деда, живого свидетеля *Коліївщини* *; все герои этого кровавого эпизода украинской истории были хорошо ему известны, и о них-то любил он по праздничным вечерам повествовать детям и внукам.

Рассказы деда и отца, бесспорно, имели большое влияние на развитие творческого дара нашего поэта и не могли не отразиться впоследствии на его произведениях. В эпилоге к «Гайдамакам» говорит об этом сам поэт:

Бувало, в неділю, закривши мінею,
По чарці з сусідом випивши тієї,
Батько діда просить, щоб той розказав
Про Коліївщину, як колись бувало,
Як Залізник, Гонта ляхів покарав.
Столітні очі, як зорі, сіяли,
А слово за словом сміялось, лилось:
Як ляхи конали, як Сміла горіла.
Сусіди од страху, од жалю німіли.
І мені, малому, не раз довелось
За титаря плакати. І ніхто не бачив,
Що мала дитина у куточку плаче.
Спасибі, дідусю, що ти заховав
В голові столітній ту славу козачу:
Я її онукам тепер розказав...

Кроме рассказов деда, в создании «Гайдамак» имело участие, как можно думать, и путешествие маленького Шевченка в Мотронинский монастырь. Об этом путешествии покойный поэт рассказывал Ивану Максимовичу Сошенку. В Мотронинский монастырь Шевченко ходил с сестрами *на прощу*. Монастырь этот замечателен тем, что в *цвинтар* его положено много *коліїв*, как гласят о том каменные плиты, находящиеся на некоторых из могил. Маленький Шевченко, в это время уже грамотный, прочитывал могильные надписи, удовлетворяя тем любопытство как свое собственное, так и других богомольцев, меж последними немало нашлось хорошо помнивших покойников Мотронинского цвинтаря, и они тут же дополняли лаконические надписи своими воспоминаниями о *коліях*. Эти рас-

* Дед Тараса Григорьевича умер в 40-х годах, имея от роду до 115 лет.

сказы Шевченко слушал с таким вниманием, что память о них сохранилась у поэта до позднего времени *.

С раннего детства у Тараса Григорьевича особенно была заметна страсть к рисованию: где только можно было, на стенах, дверях, воротах, Шевченко постоянно малевал углем или мелом. В школе, когда уже он мог достать бумагу и карандаш, страсть эта развилась в нем еще сильнее. Поддерживаемый этой страстью и в то же время потеряв терпение сносить долее школьную жизнь, Шевченко бежал в м. Лисянку к диакону-маляру, но и тут ему трудно было ужиться, как видно из автобиографического письма к редактору «Народного чтения». В том же письме Шевченко говорит, что из Лисянки он перешел в Тарасовку, где думал было приютиться у другого маляра-дядька; последний нашел Шевченка неспособным к малярству и тем заставил его возвратиться домой, в Кереливку. Так рассказывает сам Тарас Григорьевич; но сестра его, Ирина Григорьевна, передала нам подробности этого бегства несколько иначе: соскучившись школьною жизнью и в то же время чувствуя страсть к рисованию, Шевченко бежал от Бугорского в с. Хлебновку, славившуюся своими малярами. У одного из них Тарас Григорьевич и поселился и прожил здесь недели две, на испытании. Хлебнировский маляр нашел его способным к своему мастерству, но боясь ответственности, что держит помещичьего мальчика без вида, посоветовал Шевченку выхлопотать сначала нужное свидетельство и затем уже поселиться у него на учение. Тарас Григорьевич отправился в м. Вильшану, где жил Энгельгардтов управляющий Дмитренко, и стал просить вида на прожитительство у хлебнивовского маляра. Дмитренко, разговорившись с мальчиком и заметив его бойкость, вместо выдачи свидетельства, взял Тараса Григорьевича в число своей прислуги.

Вскоре приехал на родину сам помещик, и участь поэта была решена: он поступил к барину в комнатные *козачки*. Это было в 1829 г. На этом событии оканчивается первый период жизни Шевченка.

* Основую «Гайдамак» поэт взял, как известно, мученическую судьбу млиевского титара; трагическая смерть последнего сохранялась в памяти его деда и других старожиллов Кереливки со всеми подробностями, как близкого соседа. Степень участия фантазии поэта в «Гайдамаках» можно видеть из сравнения этого произведения с современной запиской о смерти титара, напечатанной в киевском журнале «Руководство для сельских пастырей» 1860 г. Будущий издатель сочинений Шевченка не должен забыть, что у М. М. Л-з-р-ого хранится экземпляр «Гайдамак», значительно исправленный, а в иных местах и совершенно переделанный поэтом по приезде его в Петербург, в 1858 г.

НЕСКОЛЬКО НОВЫХ ШТРИХОВ К БИОГРАФИИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА

Известно, что Тарас Григорьевич учился грамоте у местного дьячка. После изучения «азбуковника» Тарас Григорьевич перешел к чтению псалтыри. Пришедши домой после уроков, Шевченко подолгу просиживал над псалмами, любуясь их поэзией, декламируя их вслух.

Отношения покойного поэта к родителям... отличались искреннею нежностью. Особенно поэт любил свою мать, которая чрезвычайно его жалела...

Десятилетний поэт любил слушать рассказы стариков о прошлом своей родины...

Любил также будущий поэт слушать песни. Часто прятался он в садах, чтобы слушать песни... Будущий поэт любил расспрашивать мальчиков, работавших у попов на барщине, о том, кто из них что работал, сколько заплатили за работу, как с кем обращались... Пострадавших будущий поэт приглашал к себе в ближайший праздник для детской игры и был с ними особенно любезен.

В. Г. Шевченко

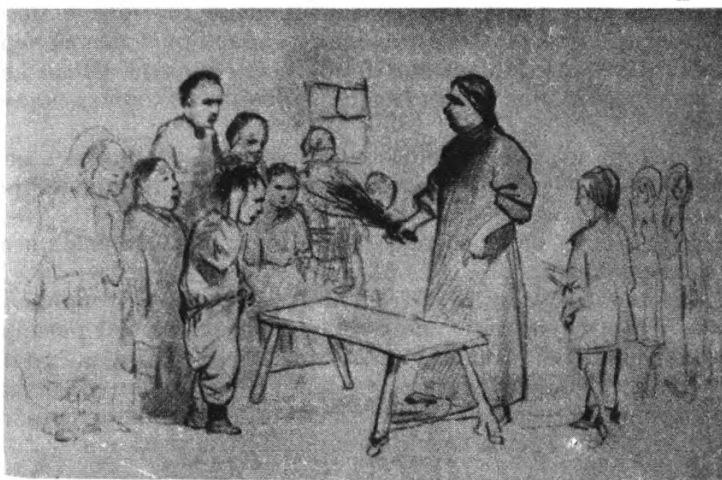

ВОСПОМИНАНИЯ О ТАРАСЕ ГРИГОРЬЕВИЧЕ ШЕВЧЕНКО

В 1828 году мне было семь лет, и мой отец отвел меня в школу в Кирилловке (в Звенигородском уезде близ Киева). Школа располагалась в большой хате возле церкви на площади: хата была ободранная, не мазанная, стекла в окнах разбиты. От соседних хат она отличалась лишь величиной и еще тем, что стояла в стороне, на отшибе и без двора, а на кирилловский кабак не походила только тем, что содержалась в большем беспорядке и была еще более запущена. Заправляли в школе, устанавливали порядки и учили в ней кирилловские дьяки: Петро Богорский и Андрей Знивелич. У каждого из них были свои ученики: я попал к Петру потому, что, как говорил мой отец, Петро учил лучше. Так вот, у Петра я застал только четырех учеников, а у Андрея их было 18. Через всю школу стоял длинный стол, за которым и учились все ученики и Богорского и Знивелича; а кому не хватало места за столом, тот садился прямо на пол.

Учителя не очень-то интересовались нашей учебой: бывало, по два, а то и по три дня не заходили в школу. Промолчу о том, где они проводили эти дни, только что когда они возвращались в школу, мы дрожали от страха, как осиновые листья; тряслись, поджидая своих наставников, и не знали, в каком настроении придут они в школу. Мы только твердо держались того мнения, что нельзя высматривать учителей, считали, что если будем выглядывать, то учитель вернется сердитый и тогда горе-горькое ученикам!..

В. И. Штернберг
Наказание розгами в церковной школе
Карандаш
(Рисунок сделан по рассказам
Т. Г. Шевченко)

Каждый ученик должен был пойти в соседний сад Грицка Пьяного, нарезать там (конечно же, украдкой, чтобы хозяин не заметил) вишневых розог, принести их в школу и ждать, пока учитель выпорет его этими розгами. Бивали нас часто и крепко! Небитым оставался только тот ученик, до коего не доходила очередь, потому что учитель уставал от битья и ложился спать. А если учитель возвращался в школу в хорошем настроении, то выстраивал нас всех в ряд и спрашивал: «А что, хлопцы! Бойтесь вы меня?» Мы все в один голос по его приказу должны были кричать: «Нет, не боимся!» — «И я вас не боюсь», — веселился учитель, распускал нас по домам, а сам ложился спать.

Многое можно было бы еще рассказать об этой незабываемой для меня кирилловской школе, да вряд ли это будет интересно кому-нибудь, кроме меня и моих товарищей, из которых едва ли найдется три человека, научившихся в школе читать. Все они возвраща-

лись из школы к сохе и бороне такими же грамотными, какими и приходили в школу. Однако разговор пойдет не о школе: я о ней вспомнил лишь потому, что там я впервые услышал о Тарасе Шевченко.

Как-то раз учитель был очень зол и перепорол большую часть учеников. Положили старшего из учеников (давно уже ныне покойного) Василя Крицкого. Встав из-под розог и поправляя штаны, Крицкий сказал: «Эх, нет на тебя Тараса!» Услышав эти слова, учитель еще больше разошелся; снова положил Крицкого и снова принялся стегать его.

Случай этот произвел на меня, еще новичка, большое впечатление; мое детское сердце захотело узнать, что это за Тарас такой, что о нем нельзя даже вспомнить в школе. Идя вместе с Крицким из школы по улице, я спросил его про Тараса. Крицкий рассказал мне, что в школе недавно учился Тарас Грушевский (это было уличное прозвище Шевченко); однажды учитель вернулся в школу очень пьяный, Тарас связал его и высек розгами, а сам бросил школу и теперь где-то в господском дворе. Крицкий добавил, что Тарас любил рисовать, и рисунки его есть у школьного товарища Тараса — Тараса Гончаренко. Вскоре я зашел к Гончаренко и увидел прилепленные на стенках хаты рисунки Тараса Грушевского: это были лошади и солдаты, нарисованные на грубой, серой бумаге.

После этого я, пожалуй, до 1837 года ничего не слышал о Тарасе Григорьевиче, пока его брат Никита, придя однажды ко мне, не попросил написать для него письмо к Тарасу. Тогда я и узнал, что Тарас живет в Петербурге и учится живописи. Когда я писал письмо для Никиты, не знаю, как и почему, захотелось мне приписать поклон и от себя Тарасу. Через некоторое время Никита опять пришел, теперь уже, чтобы я прочитал ответное письмо, которое он получил от Тараса. Тарас передавал поклон и мне. Это было наше первое заочное знакомство.

Все свои письма к Никите Тарас писал по-украински; и я подумал, что он пишет по-украински потому, что считает, будто мы такие глупые, что не понимаем по-великорусски. Меня это обидело, однако я никому об этом ни слова не сказал, а Никита даже рассердился и попросил, чтобы я написал об этом Тарасу. Не помню точно, что же именно я написал... Мало-помалу Тарас начал, хоть и редко, писать мне и просить, чтобы я передал его братьям то одно, то другое. Очень жаль, что я не сохранил первых писем Тараса. Одно только хорошо помню: узнал Тарас, что художник Федор Бойко, женатый на его сестре, начал пить безмерно и обижать с пьяных глаз свою жену — сестру Тараса. И написал через меня Никите такое письмо: «Скажи этому поганому маляру, что если он не перестанет бить мою сестру, то, ей-богу, пойдет в солдаты». Помню, еще как-то Тарас, обращаясь ко мне в письме, добавил: «Скажи брату Никите, что ежели будет писать мне, то пусть пишет по-нашему, иначе и читать не стану, а то мне уже и так эта «московщина» опротивела». Только тогда я понял, как хочется Тарасу хоть изредка обменяться родным словом; с того времени я всегда писал ему по-нашему.

Не помню точно, когда именно мы познакомились с Тарасом лично: кажется, он дважды приезжал в Кирилловку, но меня, как назло, оба раза не было дома, ездил в Одессу; хорошо помню, что,

когда впервые были изданы «Гайдамаки», он прислал мне книгу, надписав: «Брату Варфоломею Шевченко на заочное знакомство» *. Прочитав книгу, я мало что в ней понял, потому что совершенно не знал истории Украины; я только плакал, читая о страданиях украинского народа да о притеснениях от евреев и поляков, из-за чего и возникла гайдаматчина. Больше всего мне понравилась интродукция:

Все йде, все минає — і краю немає...

Я дал прочитать «Гайдамаков» моему хорошему другу (покойному ныне) Якову Чоповскому, жившему тогда в Звенигородке. Возвращая мне книжку, он попросил меня разъяснить, о чем в ней речь и что к чему... Я написал Тарасу, советуя ему не выступать с такими произведениями; это письмо он отдал Виктору Забеле. Думаю, что это было именно так, потому что Забела, приехав в Киев, когда мы хоронили Тараса, показал мне это письмо. Кажется, в 1844 г. Тарас снова приехал в Кирилловку — и прямо ко мне; меня не было дома; расспросив, где я, Тарас пришел ко мне в главную контору имения Энгельгардта. Войдя в комнату, где я сидел, Тарас обнял меня, поцеловал и сказал: «Вот тебе и родственник». В то время мы на самом деле породнились, его брат Осип женился на моей сестре.

Тарас приглашал меня к себе в дом брата Никиты, но, как назло, в то время у меня была какая-то работа в конторе и я, чтобы оставить ее, должен был спросить разрешения у своего «начальства». Я не осмелился, а Тарасу было некогда ждать, и он уехал из Кирилловки, так и не повидавшись больше со мной.

Вскоре, в 1845 году, Тарас снова побывал в Кирилловке, и на этот раз мне посчастливилось побеседовать с ним. Произошло это накануне престольного праздника кирилловской церкви, то есть накануне дня Ивана Богослова (26 сентября). Церковный староста Игнат Бондаренко пригласил нас к себе на мед. День стоял теплый; ясный; у старосты было многолюдно, и мы, усевшись в саду под яблоней, пустили по кругу мед (про этот мед Тарас впоследствии вспоминал в одном из своих писем). В это время у старосты гостил какой-то слепой лирник; Тарас стал просить, чтобы тот спел песни, и начал сам подпевать ему. Лирник заиграл «казачка»; Тарас подбил женщин и девчат, и пошел пляс!

Как-то раз гуляли мы с Тарасом по саду: он стал декламировать «За горами гори, хмарами повіті...» Я слушал, затаив дыхание, волосы у меня встали дыбом. Я посоветовал ему, чтобы не слишком «заходив він у хмари». Тарас стал показывать мне какие-то портреты и говорил, что все это его друзья, что все они договорились трудиться на благо народного просвещения. Эта работа должна была идти так: каждый из них, соответственно своим доходам, назначал, какую сумму он будет вкладывать в общественную кассу. Кассой управляла выборная администрация. Касса должна была расти за счет вкладов и за счет процентов, и когда станет достаточно велика, тогда из нее будут выдавать тем бедным людям, которые, окончив гимназию, не имеют возможности идти в университет. Тот, кто

* Эту книгу «порядочные» люди у меня «зачитали».

брал это вспомоществование, должен был, окончив университет, служить шесть лет учителем в селе. Оплату сельским учителям надеялись выхлопотать у казны и господ-помещиков, а если эта плата будет слишком мала, добавлять из кассы. Я спросил Тараса: каким образом можно будет добиться, чтобы правительство дало разрешение на устройство школ в селах? Тарас ответил мне, что это сладится очень просто: в казачьих и казенных селах правительство не запретит, а в помещичьих надо уговорить панов. Тарас добавил, что мысль об устройстве на Украине хороших сельских школ родилась у него еще тогда, когда он был в кирилловской школе.

Дума о темноте нашего народа и о необходимости просвещения давно уже засела и у меня в голове; слова Тараса меня очень обрадовали, но мне показалось, что, заботясь о народном образовании, Тарасу все же не следует издавать такие произведения, как «За горами гори». Тарас задумался; долго ходил по саду, опустив голову, и до самого вечера я не добился от него ни слова, кроме «нет» или «наверно так». Придя вечером в хату, он сел возле стола и оперся на свою толстую палку (которую ему кто-то прислал с Кавказа). Долго сидел молча, пока моя жена не спросила:

— Почему вы, Тарас Григорьевич, такой грустный? Может быть, вам что-нибудь не нравится?

— Нет, сестра,— ответил он.— Так!.. многое у меня в голове.

Тут следует добавить, что Тарас обладал необычайной силой слова: начнет, бывало, что-нибудь рассказывать, все слушают его молча, будто проповедника.

Из Кирилловки Тарас поехал в Киев...

Тарас не любил рассказывать о своем прошлом, я, заметив это, внимательно следил, чтобы, потакая своему любопытству, не доставлять ему душевное беспокойство расспросами. Однако прошлое Тараса меня очень занимало. Бывало, как встретимся (а встречались до его ссылки мы очень редко), я сразу начинаю рассказывать ему о своем прошлом. Как-то раз я ему рассказал, что желание учиться и знать заставляло меня гнутья перед каждым, у кого можно было получить книгу. «Да, братец, да,— ответил мне Тарас,— и я сначала знался и дружил со сторожами, а потом с самыми младшими школярами, пока боком-скоком не протиснулся в святыню науки!.. Зато уж, как я сдал экзамен, так такого натворил, что теперь и вспомнить стыдно! Сдал я экзамен, да как начал гулять, так опомнился только, когда моей гульбе два месяца пробило!.. Продрал глаза как-то утром, лежу и думаю: что теперь делать? Чу! Хозяйка вошла и говорит: «Тарас Григорьевич! Нечем дальше воевать! Вы задолжали за два месяца за квартиру, еду и прачку! Или давайте деньги, или я уж и не знаю, что с вами делать!» Только ушла хозяйка, приходят приказчики, один за другим, и все за деньгами: «Пожалуйста, говорят, по счету-с».— «Что же делать? — думаю; беру «счетец» и говорю: — Хорошо! Оставьте счета, я посмотрю и пришлю деньги». А сам думаю: «Когда же я их пришлю и где возьму деньги?» Только я это подумал, как приходит ко мне Полевой и говорит, что он хочет издать «Двенадцать русских полководцев» и чтобы я нарисовал их портреты. Я обрадовался, думаю, правду люди говорят: «Голый — ох, а за голым — бог». Договорились мы с Полевым, он дал мне задаток, эти деньги и помогли мне выбраться из переплета. С тех пор я поклялся, что буду платить хозяйке каждый

месяц вперед, потому как хорошо знал, что деньги у меня в кармане никогда не задерживаются».

После отъезда Тараса из Кирилловки в Киев я долго не получал от него никаких известий и нескоро услышал, что Тараса и кое-кого из его знакомых выслали куда-то далеко, но куда, за что и как? — об этом я никак не мог дознаться. Ходили всякие слухи: один рассказывал другому, каждый по-своему, каждый украдкой; однако, честно говоря, никто ничего наверняка не знал.

Однажды сижу я за своей работой в кирилловской конторе, слышу звонок; смотрю, почтовые лошади и повозка; с повозки слез какой-то молодой офицер, гусар, и пошел к главному управляющему. Немного погодя приезжий гусар и главный управляющий пошли в сад и через сад прямо к моему жилищу... там произвели обыск... Что они искали, я и до сих пор не знаю, потом уже главный управляющий говорил мне, что тот гусар — его сосед по имени в Белой Руси и хороший его знакомый и что от него он узнал, будто Тараса и правда выслали за то, что он хотел стать гетманом Малороссии... Надо сказать, что и управляющий и гусар были поляками.

Шло время. Ни я, ни братья Тараса ничего о нем не знали; не ведали даже, где нам узнать о нем, где получить его адрес... Все напрасно; соберемся, бывало, погрустим, расскажем друг другу, что ничего не знаем, на том и кончается. Правда, в Киев и в другие большие города я не ездил, а в селе разве узнаешь, что да как? Наезжала к нам «буркова» шляхта и молола всякую всячину, но все, что они говорили, сводилось к тому, что Тарас хотел стать гетманом, и за это его сослали куда-то в Азию... Были и такие шляхтичи, которые говорили: «Если бы Шевченко удалось стать гетманом, то и Польша бы тогда, наверное, возродилась...» Так-то они знали взгляды Шевченко и его мысли о шляхетской Польше!..

В 1857 г. я поселился в Корсуне и мне доводилось ездить на Полтавщину; там я и услышал впервые от некоторых панов, что Тараса помиловали и уже вернули из ссылки. Боже, как я был счастлив!.. Однако недолго я радовался: если бы это была правда, думал я, то, наверняка, Тарас бы написал мне. Я повидался с Никитой, передал ему то, что сам слышал: оба мы и верили, и не верили, и не знали, что делать!.. В июне 1859 года сижу я как-то в своей хате, смотрю — въезжает простая телега, запряженная парой: в телеге сидит кто-то с большими усами, в парусиновом сером пальто и в летней шляпе; вижу, он прошел мимо дверей моей хаты — и прямо в ворота. Я подумал, что это, наверное, кто-нибудь из тех, кто ищет себе работу в экономиях. Однако сердце у меня как-то неспокойно забилось, и я инстинктивно выбежал на улицу и пошел навстречу приезжему, а он тем временем успел уже пройти через двор в другие двери — и в сени; я вернулся, смотрю: он открывает двери в хату и говорит мне: «Ну, узнаешь или нет!..» Я не мог опомниться!.. «Отец родной!» — только вскрикнул и опрометью бросился к нему на грудь!.. Это был Тарас! Мы молчали и только рыдали, как дети, обнявшись. Выбежала моя жена, и тоже в слезы... В это мгновение мы все будто онемели: слов не было, только слезы так и катились. Так мы молча стояли на одном месте и рыдали слезами радости, пока не подошел извозчик Тараса и не спросил, что ему делать.

Тарас остановился у меня на все время, пока предполагал быть на Украине. «Да, да, брат, — говорил мне Тарас, — у тебя, у тебя

я буду; потому что на всей святой Украине нигде и ни у кого не будет мне так тепло, как у тебя». Тарас тогда прожил у меня месяца два, а может быть, немного меньше... Это было его последнее пребывание и у меня, и на Украине... Не довелось мне больше увидеться с ним живым... Не так случилось, как мечталось!..

Тарас Григорьевич искренно полюбил мою семью, живя у меня, особенно моего одиннадцатилетнего сына Андрея: едет ли, бывало, куда-нибудь или идет — Тарас всякий раз брал с собой моего Андрея. Андрей пел ему наши песни, которыми Тарас, как сам он, бывало, говорил, «упивался», и рассказывал мальчику, какая песня что означает.

В летнее время, особенно в сенокос или жатву, мне было некогда сидеть дома, я работал от зари до зари, поэтому с Тарасом мне доводилось беседовать только тогда, когда он, бывало, разохотится и поедет со мной на работу, или же вечером, если я возвращался пораньше, пока он еще не ляжет спать. Вставал он очень рано, в четыре часа. Встанет и сразу в сад: а сад в Корсуне (имение князя Лопухина) был очень, очень хороший! Во-первых, потому что место само по себе очень красивое, а кроме того, князь не пожалел денег, чтобы сделать свой сад еще прекраснее. Выберет, бывало, Тарас в этом саду какой-нибудь чудесный уголок и изобразит его на бумаге. Пожалуй, в саду не осталось ни одного уголка, не зарисованного им в альбом. Однако поэтической душе нашего Кобзаря были милы только те уголки, в которых искусство человека не нарушало искусства матери-природы. Тарасу больше нравились глухие, запущенные уголки сада.

Когда Тарас ездил со мной на работу, он постоянно пытался обратить мое внимание на то, что следует заводить как можно больше машин, чтобы как можно меньше работали человеческие руки. Во время таких поездок Тарас, бывало, рассказывал кое-что о своей тяжелой жизни в ссылке, но как рассказывал! Начнет, скажет несколько коротких слов, будто оторвет. Да и такие рассказы случались редко. Тарас не любил ворошить своей минувшей беды! Из того, что я услышал от него, мне стало известно, что вскоре после того, как он вернулся в Киев, побывав у меня последний раз перед ссылкой, его арестовали, отвезли в Петербург и кинули в Петропавловскую крепость; там он просидел, кажется, четыре месяца, а оттуда его выслали напрямик за Арал, в солдаты... Сидя в крепости, Тарас отпустил бороду, не брился и приехал за Арал бородатым. Как-то раз ходит он по берегу Арала и встречает казачьего офицера из уральских казаков; офицер подошел к нему и стал просить благословения, приняв его за попа-«раскольника». Тарас стал отнекиваться и уверять, что он не поп; но офицер стал божиться и клясться, что о его благословении никто не узнает; а потом достал из кармана бумажку в 25 рублей и тычет Тарасу в руки, упрашивая принять и молиться за него. Тарас денег не взял и благословлять не стал, однако офицер так все же до конца не поверил, что Тарас не поп, высланный за Арал. Из-за этой истории Тарас вскоре сбрил бороду.

Через некоторое время туда прибыла экспедиция, снаряженная правительством для описания Аральского моря. Начальник экспедиции капитан Бутаков упросил начальство Тараса, чтобы его с ним отпустили. Начальство долго возражало, но потом отпустило. Тарас

всегда вспоминал Бутакова как человека образованного, честного, правдивого и добросердечного. «Сам господь послал мне спасителя,— говорил Тарас,— без Бутакова я бы погиб, а так, проведя два года в обществе этого человека, я привык к своей беде». После экспедиции Тараса перевели в Оренбург, а потом заперли в Новопетровском укреплении, где он и пробыл, пока его не освободили. Из своей жизни в Новопетровском Тарас рассказывал мне один такой случай: «Иду,— говорит,— по улице, встречаю офицера; надо шапку снять, а я что-то задумался и снял шапку не той рукой, которой положено по «Уставу»,— за это меня, раба божьего, под арест на неделю...»

Я не знал человека, который бы любил наши песни больше, чем Тарас. Бывало, я только вернусь вечером с работы домой, Тарас сейчас же ведет меня в сад и давай петь! Певцы из нас были безголосые: хороших голосов у нас не было, Тарас брал больше чувством; каждое слово в его песне изливалось с таким чистым, искренним чувством, что едва ли какой-нибудь артист-певец мог выразить его лучше, чем Тарас! Любимой песней Тараса была: «Ой зійди, зійди, зіронько вечірня...» Окончив эту песню, он сразу начинал следующую: «Зійшла зоря із вечора, не назорілася, прийшов милий із походу, я й не надивилася».

Записывая эти воспоминания спустя шестнадцать лет, я будто и теперь слышу, как Тарас вечером, при луне, поет в моем саду, как в его голосе изливается чувство, как *говорит* его песня!.. Будто теперь вижу, как под конец песни дрожит его голос и на длинные усы скатываются слезы из глаз.

Ссылка и солдатская служба за Аралом не огрубели, не очерстили его нежное, доброе, мягкое и любящее сердце... Тарасу хотелось *обзавестись семьей*; видя мою жизнь, он не раз говорил: «Сподобит ли и меня господь завести свое гнездо, хату, жену и деток?» Мы часто разговаривали об этом, и Тарас всегда просил моего совета и помощи найти ему место, где бы он поселился, и «дівчину», но чтобы девушка обязательно была украинка, простая, не панского рода, сирота и «*наймичка*» (батрачка). Вот и стали мы с ним ездить и искать ему такое место, чтобы поселиться, чтобы «Дніпро був під самим порогом»*. Вскоре мы такое место нашли, и на самом деле замечательное! Над самым Днепром, с небольшим лесочком. Землица эта — едва ли в ней было две десятины — была собственностью пана Парчевского. Стали мы с этим помещиком сговариваться: он — ни туда ни сюда, рад бы и продать, да чувствуется что-то жметса, увиливает. Тем временем Тарас простился с Украиной и поехал в Петербург, поручив мне купить ему землю у Парчевского или где-нибудь в другом месте и поставить для него хату.

С тех пор и началась наша переписка. Все письма Тараса я вам выслал; они напечатаны, и добавить к ним я могу очень немного.

В последний раз, провожая Тараса в Петербург, я проводил его почти до Межиречи, а он всю дорогу твердил мне: «Не тyani, братец, с землей, быстрее договаривайся с Парчевским и строй хату, чтобы нам вместе поселиться и доживать век».

В Межиречи Тарас не избежал-таки приключений. Господа — поляки — устроили охоту и пригласили с собой Тараса. Это было

* Днепр был у самого порога.

летом 1859 года. Погода была чудесная. Тарас, хоть и не любил охотиться, но повеселиться в компании любил. В веселом обществе пошли веселые речи: стали говорить о монахах; Тарас не любил врать, говорил то, что думал, и высказал свой взгляд на монахов. В это время, будто нарочно, в Межиречи находился жандармский офицер. Поляки тут же подослали к нему жида с доносом, что Шевченко богохульствует. Тараса сразу вызвали к жандарму.

— О вас говорят, что вы богохульствуете,— сказал жандарм.

— Может, и говорят,— ответил Тарас,— обо мне можно всякую всячину плести, я человек «клеяменный»; это вот о вас уж, наверняка, ничего не скажут.

И снова повезли Тараса сначала в Черкассы, а потом в Киев. Генерал-губернатором в Киеве тогда был князь Васильчиков; расспросив у Тараса о подробностях «богохульства», он посоветовал ему быстрее уезжать в Петербург, «где люди развитые и не придираются к мелочам из желания выслужиться за счет своего ближнего».

Мысль жениться и поселиться на Украине глубоко засела у Тараса. «Жени меня, братец! — писал он мне,— потому как, если ты меня не женишь, то придется жениться хоть на чертовой сестре!»

Между тем Парчевский сообщил мне, что прежде чем договариваться с Тарасом о земле, надо спросить у генерал-губернатора, «можно ли Шевченко покупать землю, а то как бы чего не вышло». Я с Парчевским не смог сговориться и стал искать землю в другом месте. Нашел несколько участков, но, как назло, ни один из них не пришлось купить. И удивительное дело! Везде мешала одна и та же причина: «Надо спросить генерал-губернатора». Так и спрашивали, пока несчастному поэту не пришлось искать землю *для гроба!*..

Не пришлось Тарасу и жениться!

Получая от него письма о желании найти себе пару, я сначала подумал, уж не приглянулась ли ему жившая в нашей семье гувернантка Н. Шулячивна, как вдруг Шевченко прямо пишет о Харите. Эту Хариту моя жена взяла к нам еще ребенком и воспитала ее. Когда Тарас к нам приезжал в 1859 году, Харита как раз расцвела. Нельзя сказать, что Харита была красивой, но что-то в ней было очень симпатичное: тихий характер и нежное доброе сердце, чистая душа и молодые годы были красотой Хариты. «Спроси, братец, Хариту, может, она пойдет за меня?» — писал мне Тарас. Я посоветовался с женой и выполнил его волю: спросил Хариту, пошла бы она за Тараса? «Что это вы выдумали?.. за такого старого и лысого!» — ответила мне Харита. Я больше ее и не уговаривал, а чтобы не обидеть Тараса, написал ему, что Харита ему не пара, что она не образованная, что если бог даст детей, как она их будет воспитывать, чем духовно, кроме любви, сможет поделиться со своим супругом? Тарас не обратил на мои слова внимания и пишет мне: «Мать, браток, всюду та же мать! Лишь бы сердце было доброе, тогда все будет». Я снова спросил Хариту, и она снова ответила то же самое: «Такой старый!» Что мне было делать? Написать Тарасу правду — все равно, что вонзить ему нож в самое сердце! Сказать, что он слишком стар для восемнадцатилетней девушки, значило напомнить, что его молодость, что его время жениться на молодой навеки прошли!.. И где прошли? где потеряны? За Аралом, в степях, в казарме, под солдатским ружьем. Напомнить мученику о его муках,

его ссылке, пробудить в его душе тяжкие думы, которые и без того не давали ему покоя!.. Нет! У меня не хватило сил... Уговаривать Хариту — означало морально принуждать ее. Конечно, и я и моя жена могли бы уговорить Хариту и выдать «за такого старого, лысого, с седыми усами», но что бы из этого вышло? Не сделали ли бы мы тем самым Хариту несчастной? Не стала бы она упрекать нас потом?..

Оказавшись в таком необычном положении, находясь «между двух огней». я долго-долго колебался, не зная, как поступить. «Наложить руку» на сердце Хариты и уговорить ее или соврать Тарасу? Я выбрал последнее и написал Тарасу, что Харита стала грубой, непослушной и дерзкой. А тем временем сама судьба встала Тарасу поперек дороги: к Харите посватался молодой, красивый и хороший парень; Харита, давно любя его, сейчас же согласилась выйти замуж; я написал об этом Тарасу и думал, что он успокоится. Однако вскоре он нашел себе какую-то Лукерью, привезенную кем-то в Петербург с Украины, чуть ли не Марко Вовчок. Из-за чего уж они не поженились с Лукерьей, я и не знаю: Тарас о подробностях не писал. А мысли о земле и хате не покидали его, и я надеялся, что весной 1861 года Тарас приедет на Украину в свою хату... И в самом деле приехал он, приехал весной, но... как приехал!... в гробу... а он

...так мало, небагато
Благав у бога! Тільки хату,
Одну хатиночку в гаю
Та дві тополі біля неї...

Что же мне еще вспомнить о Тарасе?

О том, как его встречали в Киеве, как хоронили, какие события произошли на похоронах, когда получали землю для могилы, и после похорон — об этом я вспомню в следующий раз, а вспомнить не лишне, хоть и тяжело, ох как тяжело вспоминать!.. Однако вспомню вот что: как-то раз во время поездки в Кирилловку Тараса пригласил к себе в гости старый священник, который помнил его еще с тех пор, когда он был школьником в кирилловской школе. Сын этого священника, чтобы было повеселее, пригласил еще одного молодого священника, своего товарища. Тарас все сидел со старым батюшкой и расспрашивал его о своих товарищах, молодые попы, видно, стали сожалеть, что Тарас только и говорит о «мужиках». После того как Тарас попрощался и уехал от священника, одна старая женщина — Лимариха — спросила молодого попа:

— А что, батюшка, видели вы Тараса, как он?

— Да видел! — ответил ей священник, — но если б ты знала, какой он глупый!

— Что это вы говорите, батюшка? правда ли это? — удивилась баба.

— Святая правда! Я нарочно пригласил своего товарища, чтобы Шевченку было веселее, чтобы ему было с кем поговорить, а он сел со старым да только и расспрашивал про голодранцев, про Дмитра Смалько и других таких же (Смалько был товарищем Тараса по школе, а потом школьным сторожем). Да еще, будто в насмешку, просил позвать Смалько, а как пришел Смалько, так давай с ним целоваться.

— Чудно вы говорите, батюшка! — ответила старая бабка.—

С нами Тарас никогда не молчит, должно быть, с вами ему было не о чем говорить...

Поп закусил губу и замолчал.

Из своих родных братьев и сестер Тарас больше всех любил сестру (уже покойную) Ярину и, как он сам вспоминал, вот за что. Еще совсем маленьким ребенком, лет шести, он захотел пойти туда, где «конец света, где небо упирается в землю», и посмотреть, как там «женщины вальки на небо кладут». Вот как-то раз после обеда он и пошел прямо по дороге: идет и идет, уже и солнце стало заходить, а конца света не видно. Тарас рассудил, что он слишком поздно вышел из дому и сегодня не дойдет до «конца света». Он вернулся домой и на следующий день, едва начало всходить солнышко, не говоря никому ни слова, двинулся в дорогу. Дойдя до села Пединовки (версты четыре от Кирилловки), он удивился, что существуют еще села, кроме Кирилловки. Пройдя Пединовку, он повернул налево, прошел через лесок и вышел на чумацкий шлях. Тут ему захотелось и есть, и пить, и устал он очень, а до «конца света» все-таки еще далеко. Немного отдохнув, он пошел дальше, как вдруг ему навстречу едет обоз чумаков. Увидев, что маленький ребенок так поздно (солнце уже почти на закате) блуждает у леса, чумаки остановили Тараса и спросили: «Чей ты, хлопчик?»

— Отца и матери.

— Откуда идешь?

Тарас показал рукой в одну сторону.

— Куда же ты идешь?

Он показал в другую сторону и проговорил:

— Туда.

— Зачем же ты туда идешь?

— Хочу посмотреть, где «конец света». — ответил Тарас и попросил у чумаков попить воды. Чумаки дали ему и воды, и хлеба и, опасаясь, чтобы на ребенка ночью не напал какой-нибудь зверь, взяли его, посадили на воз, дали ему в руки кнут и повезли. К счастью, они ехали через Кирилловку. Въехав в Кирилловку, Тарас узнал свое село и сказал: «О! Так это я опять назад вернулся! Эге! Так и не дошел до «конца света».

Возвратившись домой, Тарас застал братьев и сестер (матери уже не было) в страшном волнении, — его искали. Старший брат хотел побить его, но за Тараса вступилась сестра Ярина, не дала его бить и посадила ужинать галушками. Не успел он и одной галушки съесть, как сон сморил его и он стал клевать носом; сестра взяла его на руки, положила на постель, перекрестила и сказала целуя: «Спи, бродяга». Этот случай Тарас всегда вспоминал с любовью.

В заключение скажу, что Тарас родился не в Кирилловке, как до сих пор считали и как он сам думал, а в селе Моринцах, в верстах восьми от Кирилловки; там он и записан в метрику, в Кирилловку его семью переселили, когда ему шел третий год, потому должно быть, он и считал, что родился в Кирилловке.

ТАРАС ГРИГОРЬЕВИЧ ШЕВЧЕНКО

(Некоторые дополнения и поправки к его биографии)

В прошлом месяце вышла в Киеве книга «Жизнь и произведения Тараса Шевченка» М. К. Чалого, обратившая уже на себя внимание читающей публики богатством сообщаемых ею новых материалов для биографии и характеристики поэта. На наш взгляд, и в этой книге, как и во всем, что писано было о нашем поэте, начиная с его автобиографии, помещенной когда-то в «Народном чтении», есть еще довольно пробелов и неточностей; их-то мы и хотим дополнить и поправить нашими личными воспоминаниями о покойном Тарасе Григорьевиче, нашем ближайшем земляке, который был известен нам в то еще время, когда никто не мог прозреть в нем великого поэта и когда он был просто «наймитчуком» у о. Григория Кошица, приходского своего пастыря, и погонял его буланую кобылу.

С. Кирилловка, в котором родился Т. Г. Шевченко, принадлежало к составу ольшанского имения, доставшегося племяннику светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического, действительному тайному советнику Василью Васильевичу Энгельгардту. Последние годы своей жизни В. В. Энгельгардт провел в м. Ольшаной, где у него был большой деревянный дом с тенистым парком, псовая охота и оркестр, для помещения коего построен был целый ряд домиков, выходявший на базарную площадь, против помещичьего дома. Барин жил и умер холостяком, но имел двух сыновей от некоей метрессы польки или немки, которая похоронена в с. Кирилловке с северной стороны приходской православной церкви. Ольшана с Тарасовкой, Зеленой, Вербовкой, Вороновкой и Сегединцами перешла к В. В. Энгельгардту по наследству от Потемкина, а Кирилловка, Гнилец, Петрики, Моринцы и Пединовка им куплены. По смерти Василия Васильевича в 1830 г. ольшанское имение перешло к родной его сестре Александре Васильевне Браницкой, а Кирилловка, Моринцы и другие благоприобретенные села вместе с капиталами покойного составили собственность незаконнорожденных его сыновей, из коих полковник гвардии Павел Васильевич Энгельгардт стал владельцем Кирилловки и помещиком Тараса Шевченка.

При жизни В. В. Энгельгардта управляющим всего ольшанского имения был некто Дмитренко, православный, а конторщиком или секретарем его канцелярии в Ольшаной — Федор Штанько, огромного роста бас; делопроизводство все велось на русском языке. По смерти В. В. Энгельгардта управляющими являлись уже поляки, которые привели с собою целую фалангу своих соплеменников, получивших должности экономов, лесничих, писарей и т. под., вместе с тем в экономическом управлении введено делопроизводство на польском языке, что продолжается и ныне. Кирилловка, Моринцы, Сегединцы и Пединовка представляют из себя и ныне обширный лес

садов, наполненных большими яблоневыми, грушевыми, сливными и черешневыми деревьями. Ольшана, Зеленая и Тарасовка менее богаты садами. Крестьяне Энгельгардта жили в полном достатке, пользуясь своими большими садами, левадами и прудами и отбывая нетяжелую барщину, введенную Энгельгардтом. Хаты крестьянские были построены в замки из дубовых, липовых и берестовых брусьев с хорошими при них клунями, дворами, которые обнесены были высоким дубовым частоколом. Тяжесть барщины и обеднение крестьян появились с переходом ольшанского имения во владение А. В. Браницкой, под управлением поляков.

Тарас Григорьевич Шевченко родился на свет при В. В. Энгельгардте, когда в ольшанском имении польского духу и польской речи не было и в помине и когда живы были еще воспоминания о гайдаматчине, о набегах крымских татар, о сожжении в Ольшаной Даниила Кушнира и другие. В раннем детстве расстался он с сестрой Катериной, которая вышла замуж в с. Зеленую за крестьянина Антона Красицкого, высокого и стройного мужчину, бывшего соседом моего отца. По ее рассказам не раз Тарас прибегал к ней и в Зеленую пешком, босой и полунагой, со всякой нечистью в голове, бродя из села в село, почему она называла его «приблудой».

Первый учитель Тараса Григорьевича Шевченка стихарный дьячок с. Кирилловки Петр Федорович Богорский был сыном священника с. Верещак, учился в бывшей киевской академии до среднего класса риторики, а по изучении при архиерейском хоре церковного устава и нотного пения в 1824 г. определен дьячком в с. Кирилловку; в 1827 г. он имел от роду 27 лет. Он-то приютил и просветил книжною мудростию блуждавшего по селу Тараса и ввел в связь с диаконом м. Лысянки—маляром, дьячком с. Тарасовки, маляром с. Хлиповки и другим грамотным людом, стоявшим выше крестьянской среды. По свидетельству покойного священника с. Кирилловки о. Григория Кошица, Богорский сам добровольно принял к себе Тараса и никто ему за него ничего не платил... Что дьячок посылал Тараса читать псалтырь над покойниками, за это нельзя его осуждать: таков был общий в церковных школах обычай, чрез который мальчики приобретали навык в чтении; обычай этот нравился самим родителям детей, а дьячка облегчал в исполнении лежавшей на нем обязанности, служа некоторым возмездием за даровое обучение. А если вспомнить обычаи и городских училищ того времени, гимназий и пансионов, в которых не щадили лозы для шалунов детей, то нечего удивляться, что дьячок Богорский не особенно нежен был с мальчиком такого предрезливого и непостоянного нрава, каким был Тарас Шевченко во время своего детства.

В доме священника Иоанна Нестеровского Тарас не жил и ничего не учился у него, да и не мог учиться, так как Нестеровский был уже стар для того, чтобы учить грамоте, а жил он некоторое время у другого священника той же кирилловской церкви о. Григория Кошица, исполняя обязанности хлопца-погоныча, присматривавшего за скотиной и запрягавшего буланую и широкохвостую кобылу его, что вспоминалось и впоследствии, во время двух приездов Тараса Григорьевича в Кирилловку в 1845 и 1859 г. Покойная жена о. Григория передавала нам, что, находясь в ее доме, Тарас в зимние вечера всегда в кухне что-нибудь читал про себя, как грамотный мальчик, а по словам о. Григория, Тарас в кухне его выучил две кафизмы

из псалтыря. Полагаем, что в доме о. Григория Тарас Григорьевич не был ничем обижен, так как о. Григорий был человек весьма достаточный, имевший хорошее хозяйство и два больших сада при доме, а жена его была очень добрая женщина, оба же они вели жизнь довольно патриархальную, проводя дни и вечера вместе с своею прислугою в большой чистой кухне, занимавшей половину дома, и только для отдыха и приема гостей отделялись от своих слуг в свои светлицы, состоявшие из двух небольших комнат на другой половине дома. Впрочем, отзывы о. Григория были не в пользу Тараса Григорьевича: он и впоследствии называл его все-таки «ледащим», т. е. неспособным к какому-либо хозяйственному делу. Хотя я бывал часто в доме о. Григория Кошица, сын которого Иван учился вместе со мною и моими братьями в богуславском училище и ездил туда на оной буланой кобыле, но, к сожалению, не заметил я тогда погоныча, в душе которого таился поэтический гений. От о. Григория Тарас взят к управляющему в прислугу и вскоре отправлен в Вильну к Энгельгарту.

Жители сел, смежных с Ольшаной, особенно женщины, предпринимали иногда путешествие в лебединский «панянский» (девичий) монастырь, отстоящий от Кирилловки на 35 верст. Монастырь этот с церковью во имя св. Николая основан в 1779 г. тремя вышедшими из Молдавии монахинями Трифиллиею, Дарьей и Февронией, а церковь устроена при участии первого ктитора из крестьян Николая; мужским он никогда не был, в 8-ми же верстах от него, в конце с. Лебедина, существовал до 1840 г. отдельный мужской лебединский георгиевский монастырь, основанный в XVII веке и упраздненный в 1845 году при митрополите киевском Филарете. С событиями 1768 года ни тот, ни другой монастырь ни в какой связи не состояли. Мотронинский монастырь, называемый у г. Чалого лебединским, где по преданию гайдамаки освятили свои ножи пред Колиивщиной 1768 г., находится в 40 верстах далее лебединского монастыря, близ м. Жаботина, в мотронинском лесу. Таким образом, в рассказе о путешествии Тараса в лебединский монастырь г. Чалый смешал три монастыря в один. Неудивительно, он говорит по преданию или по слуху...

И. М. Сошенко, открывший Тарасу Григорьевичу дорогу к высшему образованию, был родом из местечка Богуслава Киевской губернии, отстоящего на 40 верст от с. Кирилловки, сын мещанина, и до поступления в Академию художеств учился живописи в м. Ольшаной у шляхтича Превлоцкого, довольно хорошего живописца, которого не нужно смешивать с маляром Исидором Превлоцким, жившим в с. Тараше Каневского уезда и украшавшим церкви и дома священников всего околотка своею весьма немудрою кистью. Ольшана для Сошенко была особенно близким и памятным местом, где, по поручению Превлоцкого, им написана была псовая охота на заборе и воротах Энгельгардтовой псарни, по улице, которою проезжают из с. Зеленой в м. Ольшану; видом этой охоты всякий раз любовался и я в детстве. О своем первом знакомстве с Тарасом Григорьевичем Сошенко передавал мне иначе, чем сказано у г. Чалого. Летом, в один из лунных петербургских вечеров, прогуливаясь в Летнем саду, Сошенко заметил, что какой-то оборвыш в затрапезном пестрядином халате, босой и без шапки, копирует карандашом одну из статуй, украшающих аллеи сада. Заметив южный тип фи-

зиономии, Сошенко любопытствовал взглянуть на его работу. Зайдя сзади, он увидел, что рисунок весьма не дурен; тогда, ударив юного художника по плечу, Сошенко спросил: «Звідкіль, земляче?» — «З Вільшаної», — ответил халатник. «Як — з Вільшаної? Я сам з Вільшаної», — сказал Сошенко и, заинтересовавшись земляком, узнал в этом халатнике Тараса Шевченка, крепостного Павла Энгельгардта, законтрактованного Ширяеву в работники для окраски крыши и заборов. До настоящего случая он о Тарасе ни от кого не слышал. Землячество, несомненный талант и жалкая обстановка Тараса тронули Сошенка, и он решил съездить к нему сначала сведения, а потом представить его своему профессору, чрез которого позволено было Тарасу Григорьевичу посещать частно Академию художеств, а впоследствии он представлен был В. А. Жуковскому, воспитателю покойного государя императора Александра Николаевича.

О погребении Т. Г. Шевченка хлопотал в Киеве названный его брат Варфоломей Григорьевич Шевченко. Совещания по сему предмету шли у М. К. Чалого, исправлявшего тогда должность директора 2-й киевской гимназии. Ввиду начинавшихся тогда польских и украинофильских движений признавалось затруднительным выполнить желание Петербурга или громады похоронить Тараса Григорьевича на берегу Днепра за г. Каневом, где предполагал поэт устроить свою усадьбу. Высказаны были и другие основания, по которым не следовало лишать народного поэта погребения на общем христианском кладбище. Поэтому полагали похоронить его тело на Щекавицкой горе. Наконец принято, для избежания всяких демонстраций при этом погребении со стороны учащейся молодежи, приготовить могилу в Выдубецком монастыре и препроводить туда гроб покойника в большой лодке прямо с черниговского берега по прибытии к цепному мосту. В. Г. Шевченко уже вошел было в соглашение по сему предмету с настоятелем монастыря. Но случилось иное. Мая 6, в субботу, около 4-х часов по полудни, явился ко мне в квартиру на Хоревой улице Подола В. Г. Шевченко с пономарем киевподольской Христорожественской церкви за разрешением моим как благочинного внести гроб Т. Г. Шевченка в эту церковь, заявив, что гроб уже следует в город по цепному мосту, но что настоятель церкви не считает себя вправе принять его в церковь без разрешения духовного начальства; при этом названный брат объявил мне твердое намерение уполномоченных петербургского общества выполнить точно волю покойника относительно погребения его на горе между г. Каневом и Пекарями.

Согласно существующим законоположениям, своею благочиннической властью я не мог разрешить внести в церковь тело покойника, о препровождении коего из Петербурга в Киевскую губернию не было получено епархиальным начальством уведомления от министра внутренних дел, и потому предложил В. Г. Шевченко ехать со мною к митрополиту Арсению для предъявления открытого листа, выданного министерством на перевозку тела, а чтобы задержать шествие с гробом, мы отправились в Лавру набережным путем по шоссе. Пред башенными воротами на шоссе мы встретились с гробом, который везли студенты и другая молодежь, снявши шапки. Тяжелый свинцовый гроб был в деревянном ящике на дрогах и по-

крыт большим покрывалом из червоной китайки, на которой виднелось множество венков и цветов. По предложению нашему юношество обещало остановиться здесь и ждать разрешения на дальнейшее следование в город, что и исполнено. Митрополит был уже в своей молельной для слушания всенощной, начавшейся в Крестовой церкви при его покаях, но по докладу об особенном деле, по которому явился благочинный, принял меня. Просмотрев открытый лист и выслушав мой доклад, владыка сказал: «Поезжайте к генерал-губернатору и доложите, что с моей стороны нет препятствий», но при этом велел мне быть в Христорождественской церкви безотлучно, возложив на меня ответственность за всякий могущий произойти беспорядок. Князь Васильчиков встретился со мною на крыльце при выходе его с семейством для прогулки. После краткого моего доклада о деле, по которому я прибыл, князь ответил еще короче: «Стало, пусть внесут в церковь». С этим ответом В. Г. Шевченко отправился к гробу на шоссе, куда спустился от Николаевских ворот, а я — на Подол в Христорождественскую церковь, где облачился в ризы и с настоятелем церкви о. Иосифом и его причтом встретили привезенный гроб, отслуживши краткую литию над ним в самой церкви. К вечеру к этой церкви приставлена была уже полиция, а утром присланы и конные жандармы, чем подстрекнуто было любопытство всех проезжающих и проходящих по Александровской улице. В то же время утром гроб под китайкою вынесен был на улицу для снятия фотографии и обставлен братьями Тараса и родичами, явившимися из толпы в своих свитках. На вопрос: «Кто покойник?» получился ответ: «Мужик, но чин на нем генеральский». К 4-м часам, когда назначена была панихида и вынос из церкви к пароходу, стоявшему у цепного моста, не только церковь, но и двор оказались битком набиты; по Александровской улице, по шоссе, на горах Андреевской и Михайловской и на горе у царского сада стояло народа не меньше, как бывает 15 июля во время Владимирского крестного похода. Литургия в Христорождественской церкви совершена, по случаю воскресного дня, в обычное время настоятелем церкви о. Иосифом Жолтоножским, а панихида по покойном Тарасе Григорьевиче отслужена мною в 4 часа совместно с о. Иосифом при многочисленном собрании предстоящих, между которыми из известных лиц можно было видеть М. В. Юзefовича и Г. П. Галагана. Пели панихиду почитатели таланта покойного с участием некоторых студентов духовной академии и воспитанников духовной семинарии, так как пригласить хор академический или семинарский почему-то оказалось невозможным. Никаких речей в церкви не было по условию с распорядителями процессии. Но лишь вынесли гроб из церкви на набережное шоссе, явилось столько всяких ораторов из молодежи, что пришлось останавливаться с гробом чуть не чрез каждые 5 шагов. Пройдя за гробом до крещатицкой часовни, дальнейшие проводы я предоставлял одному о. Иосифу, так как в городских церквях начался уже звон ко всенощной наступавшего праздника св. Иоанна Богослова и тезоименитства митрополита Арсения, к которому я должен был поспешить в свою Успенскую церковь.

МИМОЛЕТНОЕ ЗНАКОМСТВО МОЕ
С Т. Г. ШЕВЧЕНКОМ
И МОИ ОБ НЕМ ВОСПОМИНАНИЯ

...Имя Тараса стало известно мне с юношеских моих лет по упоминаниям о нем в нашей семье, относящимся к той, главным образом, поре его жизни, когда к его христианскому имени не прикладывалось еще никакого другого, кроме имени *хлопця* и *погонича*, когда он, не окончив учения ни в школе дьячка Петра Богорского, ни у хиромантика-диакона с. Майдановки, жил несколько лет в неопределенном положении не то наймита, не то приемыша у священника с. Кирилловки о. Григория Кошица. Семья этого соседа была в ближайшем знакомстве с нами и если, например, приезжал к нам в гости о. Григорий с своею супругою Ксениею Прокопиевною, то широкохвостую буланую их кобылою по большей части правил Тарас, будущий украинский поэт, и он же продовольствовал ее в нашей конюшне и водил на водопой до Нечитайлового ставка. На той же одинокой кобыле доставлял он сына о. Григория Яся к учению в Богуслав и потом в Киев, а иногда возил сливы, яблоки или дыни на продажу в соседние местечка Бурты и Шполу, совершая каждый раз переезд чрез наше село. В один из таких переездов Тараса и Яся на Нечитайловом мостку «спіткала лиха година»: возли или мосток подломился, не помню, но только сливы высыпались из воза в такой ставок, в котором курице утонуть было нельзя, но и вылезть из него трудно. Прибегали они к нам просить «поратунку», как выражалась матушка Ксения Прокопиевна, и долго вытаскивали сливы из болота и полоскали их в болотной же воде. Сколько помнится, торговая эта экспедиция вышла неудачною: так называемые *ранние* сливы не выдержали далекого переезда и как они оказались, кроме того, в болоте, то и цена им была грош. Тарасу и Ясю досталось, кажется, на бублики от расчетливого, даже несколько скупого и взыскательного о. Григория, хотя общественное мнение околотка винило именно его за то, что он вздумал транспортировать в далекую дорогу столь нежный продукт, и даже сама матушка Ксения Прокопиевна не одобряла по существу столь смелого и рискованного проекта своего «господина», выставляя в довод о ранних сливах то, что бог родит их «на всякого долю» и что добрые люди отдают их за *спасибі*, а излишек предоставляют даже на потребление собакам и свиньям. Но о. Григорий тем и был оригинален, что чужих доводов, а тем более доводов своего *подружя*, не признавал, смотрел вообще на вещи философски или же с точки зрения экономической.

Приходилось ли мне видеть когда-либо Шевченка в этом первобытном приниженном состоянии, никак припомнить не могу; не могу также определенно сказать, какова была жизнь Тараса у

о. Григория, как долго и на каких условиях он жил у него. Первоначально, по малому возрасту, был он кременсовым (буфетчиком), как говорил в шутку, т. е. чистил и прятал в шкаф ножи и вилки, перемывал тарелки и ложки, топил «грубку в покоях», состоял на мелких посылках по селу и в поле, по вечерам повторял псалтырь и читал жития святых, в досужие часы рисовал углем на коморе и стайне петухов, людей, церковь, даже и киевскую дзвіницю, а затем его стали употреблять и на все другие хозяйственные и полевые работы и даже на самостоятельные и ответственные поездки с Ясем в школы и на ярмарки. Получал ли Тарас за свой труд и услуги какую-либо плату, не знаю; думаю, что сначала, будучи еще хлопцем, он не имел никакого денежного вознаграждения, как сирота, которого надо было одеть и прокормить, и как не приученный еще и малоспособный к работе. И впоследствии наемная плата его не могла быть сколько-нибудь значительна: в те годы дюжий парубок на хозяйской одежде получал 15—20 руб. асс. в год, а мальчик лет 16-ти, с шуточным названием «кременсового», служил у нас приблизительно в то же время за три рубля асс. в год.

Зная близко священника Кошица и его жену, можно безошибочно утверждать, что по тогдашнему крестьянскому быту подраставший Тарас не мог бы найти лучшего приюта, как в доме приходского батюшки, и что жизнь его здесь (а он жил, полагать надо, не менее 3 лет) была гораздо удобнее и беспечальнее, чем жизнь других, даже хозяйских сыновей его возраста. О. Григорий был хороший распорядительный хозяин и если был строг и взыскателен, то конечно больше на словах, ибо о тех наказаниях и истязаниях, каким подвергались неисправные и ленивые работники на панщине, тут не могло быть и речи; что же касается самой матушки, то это была идеальная женщина по необычайной доброте, кротости, снисходительности, заботливости и попечительности обо всем и обо всех. У такой хозяйки рабочим не могло быть плохого житья, а по части кормления им могли завидовать и хозяйские дети. Непосильным трудом своей прислуги священники никогда не обременяли, но и праздно сидеть у них не приходилось, так как хозяйство их было обширнее крестьянского и в нем заключался главный источник их содержания... Не вспоминал он и о своей старшей сестре Катерине, в противоположность Ярине, которую печатно величал великомученицею. Ее, т. е. старшую сестру Тараса, звали у нас «Катрею гугнявою», потому что она от природы или от болезни какой гнусила. После того, как Тарас незадолго до ссылки своей побывал на родине и у нее, Катри, она, вспоминая его детство, рассказывала матери моей о его блуканье в детские годы из Кирилловки в Зелену, т. е. от отчима к старшей сестре и обратно. «Прибудую його, матушечко, звали, ей-богу. Було оце й не видно, як воно рип і ввійде тихенько до хати, сяде собі на лаві та все мовчить. Нічого в світі у його не допитаєшся: чи його прогнали відтіля, чи його били, чи їсти йому не давали. Було, манівцями ходить, геть попід дібровою, та через Гарбузів яр, та через левади, та могилками. І як прийшло раз воно, то так впало грудочкою і заснуло на лаві, а я як загляну йому в голову, аж у його, пробачайте, матушечко, в голові... як у свинячому стегні... Еге, отаке було, а далі вистербало... Ніхто й не сподівався з його чоловіка».

...В этот единственный раз Тарас Григорьевич был у нас в доме;

но меня в ту пору не было там и мне не пришлось тогда видеть его, о чем я, конечно, много жалел. Провожал его от нас в ближайшее село Княжу на почтовую станцию один из старших моих братьев. Пора была вечерняя; на пути лежал густой лиственный лес *Довжок*, с версту шириною. «Когда въехали мы в лес,— рассказывал мне брат,— стало совсем темно. Я ехал с Шевченком, позади следовал брат его Никита с другим родичем. Вдруг Тарас хватился своего кисета с табаком и нигде его не находит. Остановили лошадей, слезли с брички и давай искать, присвечивая скорополухавшими свечками. Никита, остановившись позади, нетерпеливо ожидал конца наших поисков, все спрашивая брата, что он потерял.

— Та яка там згуба? — крикнул он еще раз Тарасу.

— Та капшук з тютюном десь дівся,— отвечал тот ему.

— Тьпфу! — откликнулся на это Микита,— катзна-що шукають, і крикнув родичу: «Звертай», свернули с дороги и умчались вперед».

Традиционная в минувшем казачестве люлька преследовалась теперь в убогом крестьянстве, по крайней мере, в наших соседних селах, как праздная панская забава, нередко опасная при частом и близком обращении с соломою. Вот от чего и Микита так презрительно отнесся к привычке брата к табаку и его потере. «Коли ты не пан, то не приходится тебе панским прихотям предаваться»,— так, конечно, рассуждал про себя Микита.

...Менее чем через год после этого Тарас Григорьевич Шевченко был уже арестован, а затем очутился в ссылке в Новопетровском укреплении. Меня живо интересовала судьба незнакомого земляка-поэта. Я прочел уже его «Гайдамаки» и «Катерину» и проникся величайшим уважением к его таланту. С жадностью слушал я рассказы о его детстве, учении, выкупе, о портрете генерала, проданном им на вывеску, и о его собственном портрете в солдатской одежде, присланном из ссылки какому-то приятелю вместо письма в ответ на вопрос о житье-бытье, с наслаждением прочитывал ходившие по рукам его не напечатанные стихотворения. Кончилось мое ученье, Тарасова ссылка. Я побывал уже на службе. вдали от родных, и успел перебраться в родной мне Киев. Прочел, наконец, «Наймичку» и не поверил Кулишу в его сочиненной истории о происхождении этой поэмы. Какая тут степная барышня! «Одури, Пантелимоне, того, в кого носа нема»,— думал я про себя, видя в каждом слове «Наймички» не барышню, а усатого Кобзаря.

Настал 1859 год. В каникулярное время я очутился почему-то в Киеве, а не у родных; очутился здесь и Тарас Григорьевич, доставленный сюда под арестом черкасским исправником Табачниковым после известной катехизации с зернами, произведенной Тарасом в какой-то корчме... Грустная эта история могла бы, говорят, кончиться ничем, но тут примешалось будто бы личное самолюбие исправника, неосторожно задетое Шевченком. Исправник, видите ли, любил в часы досуга предаваться поэтическим излипаниям, и когда Тарас был доставлен к нему, то он, после расспросов, успокоив его, накормил его даже обедом, а после обеда представил ему на суд некоторые из своих стихотворений, вынув их из столика, у которого они сидели. Тарас, прослушав одно или два стихотворения и будучи, вероятно, в состоянии некоторого подпития и веселого настроения, взял из рук исправника тетрадку его стихов, положил обратно в

ящик, из которого они были вынуты, и, заперши на ключ, выбросил ключ в растворенное окно, дав совет непризнанному поэту не искать ключа. Обидевшийся исправник сказал что-то резкое Шевченку; он ответил тем же. Исправник в старой стереотипной форме указал на свое служебное положение, Шевченко отвечал: «Дурний ти з твоїм...» Тогда исправник дал место правосудию, и раба божия Тараса препроводили в Киев, а здесь посадили в крепость. Пока подлежащие власти разбирали дело о неудачном гаданьи Тараса на зерне, его выпросил к себе на поруки мой школьный товарищ священник Ефим Ботвиновский, которому Н. С. Лесков в своих «Печерских антиках» посвятил несколько страниц.

Было 1-е августа, праздник происхождения, точнее предожде-ния или преднесения честных древ животворящего креста. На Подоле, в церкви братского монастыря, служил литургию нынешний петербургский, а тогда киевский митрополит Исидор, а оттуда совершал обычный крестный ход на Днепр для освящения воды. Я пошел на церемонию и шел рядом с процессиею. Тут подмигнул мне шедший в процессии о. Ефим. Я подошел к нему, а он шепчет мне: «Тебе Тарас шукає». — «Где, что и как?» — спрашиваю я, не зная ничего предыдущего, и о. Ефим передал мне вкоротке всю историю привезения, как он выразился, «честных мощей Тараса» в Киев и содержания их у него на поруках. Я выразил намерение самолично в тот же день отправиться на поклон к великому поэту, но о. Ефим отклонил меня от этого. «Загуляв,— говорит,— козак з горя та з печалі. Десь тиняється по ярам та горам... Не ночует даже иной раз у меня; и сегодня нет его дома. Жди, пока сам забредет к тебе». Я прождал дня три; наведаясь сам, но и хозяина дома не застал.

6-го августа, в день преображения господня, на Подоле случился большой пожар. Я пошел на пожарище почти в сумерки и неожиданно встретил там о. Ефима; он тотчас всадил меня на свой скот и препроводил к себе на Старый Киев для свидания с объявившимся Тарасом. У меня невольно забилося сердце при мысли о скором свидании с человеком, которого я давно чтил в душе за его несравненный талант; молодое воображение рисовало его в каких-то причудливых, необыкновенных чертах; я думал о первой встрече, первом приветствии и, признаюсь, смущен был немало, не зная, с чего начать. Увы! Скоро все мечты рассеялись, как дым, при виде глубокогрустной картины: Тарас, которого не оказалось в комнатах, вскоре найден нами... в преждевременном и отнюдь не непорочном сне... Указанное обстоятельствонисколько, разумеется, не уменьшило моего глубокого уважения к поэту и сердечных моих симпатий к нему, но повергло меня в неописанное смущение, в котором я счел за лучшее удалиться в комнаты. Не меньше моего, кажется, смущен был и Тарас Григорьевич, когда, кое-как разбуженный о. Ефимом, вошел с ним в комнату и увидел меня. «Ох, Зелена, Зелена!» — повторял он со вздохом, то глядя на меня, то опуская голову на грудь. Хотя радушный хозяин поспешил расшевелить нас наливочкою, но разговориться на сей раз мы никак уже не могли, и я скоро отправился к себе на квартиру.

На другой день, часов в 5 пополудни, Тарас Григорьевич пришел ко мне, и тут уже мы разговорились не по-вчерашнему. С первых почти слов он заговорил о задуманном тогда в Петербурге издании «Основы», ее задачах и целях, силах, способах и пр. Я в свою оче-

редь сообщил Тарасу Григорьевичу о готовившемся у нас периодическом издании, духовном и даже специальном, но с местным историко-литературным и церковно-проповедническим отделом, к сожалению, почти не тронутыми потом при выполнении. Тарас Григорьевич отнесся к нашему предприятию с величайшим сочувствием и одобрением, желал нам полного успеха, но в то же время, указывая на свое петербургское издание, широкое и более местное по своей задаче, заохочивал меня к участию в нем, просил указать других, готовых трудиться на этом поприще. Трудно было мне дать какой-либо удовлетворительный ответ на теплые, задушевные слова земляка-поэта; никто в нашем заколдованном кружке не обмакивал еще пера для печати и сам я ничего также не писал и не печатал, кроме одной маленькой статейки, случайно и без моего ведома попавшей в том году в «Русскую беседу». Была, правда, у меня на сей раз одна небольшая вещица, написанная мною по-малорусски, в виде образчика, для поддержания местной идеи, которую я проводил в программе нашего издания, но, боясь судьбы стихов Табачникова, я не вдруг и после некоторого насилия над собою решился показать ее великому моему гостю. Он попросил меня прочесть, и не успел я окончить, как он обеими руками взял ее у меня из рук и, закладывая в свой карман, сказал: «Тепер хоть ви мені що, а вже я вам і до віку вічного не оддам». Так и не отдал он уже мне моего рукописания, увез его с собою в Петербург, читал землякам, восторгался чистотой речи, ее ритмом, речитативом, как говорил он мне сам, как писали мне другие. Он не мог надивиться, как сохранил я, пройдя школу, такую чистую народную речь, а меня удивляло самое его удивление. «Ведь это та же родная речь, которой научила нас одна мать — Зеленая Дубрава,— думал я, обращаясь мысленно к поэту, давшему образцы бессмертной речи,— только владеем мы ею неодинаково, ибо неодинаковыми талантами наделил нас бог». Немного позже, когда с изданием «Основы» заговорили в ней на разных языках под названием малорусского, я понял причину удивления Шевченка моей немудрой речи.

Не помню, в этот ли раз или при другом посещении, Тарас Григорьевич рассказывал мне, в какое недоумение привели его присланные ему П. А. Кулишом в Нижний Новгород известные «Оповідання Марка Вовчка», снабженные его предисловием. «Сиджу я, бачите, в Нижньому та виглядаю того розрешенія (ехать в Москву), як стара баба літа. Коли це присилає Пантелимон оті оповідання і так уже їх захваляє та просить, щоб я їх прочитав і сказав своє слово. Я, зви чайно, починаю спершу, з передмови. І двох страничок не перечитав, згорнув та й кинув на лаву. «Птьфу,— кажу,— хіба не видно Кулішевої роботи». Лежали вони там кілька неділь. Коли знов пише до мене Куліш, нагадує та просить, щоб скоріше перечитав або хоть так звернув. Тоді я розкрив посередині і читаю. «Е,— кажу собі,— це вже не Кулішева мова», і, перечитавши до остатку, благословив обома руками».

В эти первые дни свидания моего с Тарасом Григорьевичем он получил известие о том, что дело его приходит к благополучному концу и что ему будет разрешено свободно отправиться, куда хочет. Тарас Григорьевич заметно повеселел и вскоре перешел на жительство от о. Ефима Ботвиновского к фотографу Гудовскому, жившему на углу Маложитомирской улицы со стороны Крещатика. Тут мне

пришлось побывать у него еще раза два по особому его поручению. Просил он меня поискать, не найдется ли где в Киеве списка его поэмы «Иван Гус», просил также принести ему для прочета большую тетрадь малорусских стихотворений покойного ныне профессора К. Д. Думитрашка. Поиски за «Гусом» оказались совершенно безуспешными, а по поводу стихотворений Думитрашка, которые мы читали вместе, он выразил сожаление, что этот бесспорно даровитый человек вздумал перекладывать стихами оригинальные народные легенды, причем совершенно утрачивался иногда натуральный их букет. Гораздо большую услугу, говорил Тарас Григорьевич, оказал бы науке ваш поэт, если бы записал дословно все эти легенды и рассказы, как они живут в устах народа.

В поисках за «Гусом» Шевченко припоминал некоторые места из этой поэмы и мурлыкал их про себя, но и то, что можно было расслышать, давно улетело из памяти моей. Помню, что, живши еще у о. Ефима Ботвиновского, он записал карандашом на клочке бумаги следующие стихи из тирады о папе:

І на апостольськїм престолї
Чернець годований сидить.
Людською кров'ю він шинкує
І, рай у найми оддає...
О милий боже! Суд твій всеу
І всеу царствїє твоє.

По поводу тех же поисков случилось Тарасу Григорьевичу познакомиться с столоначальником киевской консистории Данилом Кирилловичем Поставским и узнать от него много малорусских анекдотов, которых он прежде никогда не слышал. В числе их особенно заинтересовал его анекдот о молодой канонархине женского монастыря, посредством припевов к стихирам передававшей своей подруге весть об ожидающем ее свидании. Передавая мне этот анекдот во время прогулки по Крещатику, Тарас Григорьевич до того увлекся им, что, забывая о проходящей публике, далеко не вполголоса напевал: «Мене ждуть праведниці, а тебе, Палажко, на горі семінаристи ждуть, дондеже» и проч.

Случилось мне за короткое время моего знакомства с Тарасом Григорьевичем быть с ним вместе на одном семейном обеде, а в другой раз на скромном гуляньи на Оболони близ Почайны. Радужнейший хозяин, пригласивший Тараса Григорьевича на обед, пожелал выдержать все предковские церемонии угощений, поэтому пили «стуканця» настоящей запеканки на калгане и бадьяне, пили до борщу и после борщу, пили потому, что рыба в воде плавала, и потому, что она воду любила, полоскали зубы и на потуху пили. День был нестерпимо жаркий, в комнате — духота; к концу обеда Тарас Григорьевич, видимо, ослабел. Когда потом замужня дочь хозяина села за фортепьян и под аккомпаниман его запела общеупотребительные тогда «Віють вітри» и «Іхав козак за Дунай» (изданий народных песен с музыкою тогда совсем еще не было), он стал непринужденно и с некоторым раздражением высказывать свое неодобрение всему этому наследию гр. Сарты и других италианско-малорусских композиторов... Совсем иначе прошло чаепитие на Почайне, устроенное молодыми почитателями таланта Шевченка из

чиновничьего и педагогического кружков. Компания была небольшая; собрались люди близкие; пили чай, расположившись на траве, и вели беседу о прелестях киевской природы и Украины вообще, о минувших временах, о богатстве народной поэзии, о необходимости собирать памятники народного творчества и пр., и пр. Ничего лишнего не было ни в речах, ни в угощении; вечер прошел живо и закончился общим удовольствием. Дорогой наш гость был сначала задумчив и молчалив; потом мало-помалу разговорился, восхитился Днепром, Почайной, видом Киева, Андреевской церкви, Щекавицы, а когда солнце скрылось за горами, легкий туман пошел по Оболонью и вверху на чистом небе стали показываться то там, то сям ярко светившиеся звезды, Шевченко, стоя лицом к западу, своим чистым, серебристым, чуть-чуть дрожавшим голосом запел свою любимую песню «Ой ізійди, зійди, ти вечірняя зіронько...» И пел он с таким одушевлением, с таким глубоким чувством, что звуки этой песни и теперь, спустя 26 лет, отдаются в моих ушах. Воздух постепенно свежел; август давал себя знать, и мы поспешили по домам.

Отъезд Шевченка из Киева в Петербург последовал так скоро и неожиданно, что я не мог ни проститься с ним, ни проводить его. Из Петербурга он прислал мне свою фотографию, снятую Гудовским, и два экземпляра вышедшего тогда «Кобзаря». Другой экземпляр он просил меня передать проф. Н. Д. Иванишеву, его, так сказать, сослуживцу по комиссии для разбора древних актов. Покойный Иванишев, рядом с которым я квартировал, принял подарок Шевченка с обычным своим зойльством, по которому он ради красного словца не щадил иногда и родного отца.

— А, это наш славный поэт! Скажите, какую толстую книгу написал. Видно, там недаром его фухтелями угощали...

Я не возражал многоученому профессору, зная довольно уже его натуру и то, что за этими язвительными словами у него скрываются самые верные о людях суждения, которых он, однако, в большей части не имел привычки высказывать.

Прошло более полутора года; я готовился начать семейную жизнь. В это именно время привезли в Киев покойного уже Шевченка. Мне было тогда не до похорон и не до проводов; я едва мог побывать на отпевании и проводить гроб до парохода. Оттого и воспоминаний у меня об этом времени осталось немного. Были у меня В. Г. Шевченко и художник Честаховский в ту пору, когда гроб покойного остановлен был за Днепром, и толковали со мною и братом о каких-то затруднениях, представившихся для провоза тела чрез Киев, и о месте погребения, которое окончательно избрали близ Канева. Не помню, сколько дней гроб Шевченка простоял в Киеве, но при провозе его по набережному шоссе из-за Днепра к церкви Рождества Христова и обратно к пароходу собирались огромные массы народа, да и вообще в те дни в Киеве было значительное оживление и возбуждение в некоторых кружках. При отпевании церковь была переполнена, Александровская улица запружена самою разнообразною публикою. Нигде, кажется, нет населения столько любопытного и охочего до зрелищ, как в Киеве...

Незадолго до привоза тела Шевченка в Киев пришлось мне проехать на родину и быть в последний раз у о. Григория и Ксении Прокопиевны Кошицовых. Дошла и туда весть о смерти жившего не-

когда у них Тараса и о том, как чувствовали его по смерти. О. Григорий и теперь не мог признать в своем бывшем наймите какого-то бессмертного поэта и судил об нем только по воспоминаниям, как о простом работнике.

После распродажи имущества Т. Г. Шевченка переслан был мне из Петербурга летний парусинный костюм его, который и доселе хранится у меня.

М. К. Чалый

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА

Память о нашем народном поэте должна быть для нас святыней. Чтить эту память — священный долг каждого, кто дорожит своею национальной честью, своим достоинством, своим добрым именем.

Дизраэли

...Жизнь такого человека, как Шевченко, имеет великое значение для будущих поколений. Явление Шевченка не случайность: с ним соединяется судьба целых миллионов народов; в нем, как в фокусе, соединились духовные силы всего крепостного люда; он вырос из родной почвы, облитой потом и кровию нашего кормильца-крестьянина... В лице поэта народ, наконец, сознал свое безотрадное положение и выслал его на арену просвещенного мира, в среду цивилизованного сословия — поведать свету задушевные свои думы, тяготившие его в течение долгих лет. «Муза Шевченка,— по словам Костомарова,— разодрала завесу народной жизни». Жизнью своею, столько же, сколько и поэзией, он заявил перед судом образованного сословия вопиющую неправду крепостного права, разъяснил темные предания старины, осмыслил для нас народную поэзию, народный быт, создал типы народного характера.

«Моя собственная судьба,— говорит сам поэт,— представленная в истинном свете, могла бы навести не только простолюдина, но и тех, у кого простолюдин находится в полной зависимости, на размышления глубокие и полезные для обеих сторон... История моей жизни составляет часть истории моей родины» (из письма к редактору «Народного чтения»)...

В настоящее время в руках моих находится переписка покойного поэта с названным братом его В. Г. Шевченком и несколько замечательных фактов из жизни поэта, сообщенных мне щирим его приятелем И. М. Сошенком. Думаю, что и мои краткие, отрывочные заметки будут иметь значение для биографии Шевченка. Начнем с этих заметок.

В известном письме своем к редактору «Народного чтения» поэт наш, в первый раз в жизни, решился «обнаружить перед светом несколько печальных фактов своего существования»: он «не имел духу входить во все подробности своей жизни»; при воспоминании его о своем прошедшем у него «коснела рука и сжималось сердце». Эта задушевная исповедь, в которой прочувствовано каждое слово, производит на душу всякого, кто не истрлел внутренне, глубоко, потрясающее действие. «Сколько лет потерянных! сколько цветов увядших! И что же, в самом деле, поэт купил у судьбы своими усилиями — не погибнуть? Едва ли не одно страшное уразумение своего прошедшего». Оно ужасно.

Краткая автобиография Тараса Григорьевича имеет для нас более внутреннее, психологическое значение; что же касается внешней, фактической стороны ее, то в ней пропущено много весьма интересных подробностей, необходимых для полного уразумения симпатической личности поэта. Пробелы эти мы, поклонники его великого таланта, обязаны пополнить, руководствуясь правдивыми рассказами о нем близких ему людей.

На этот раз я ограничусь по преимуществу сведениями, сообщенными мне Сошенком, с которым поэт, по его собственным словам, находился до смерти «в самых искренних, братских отношениях». (Сошенко знал Тараса в лучшую пору его поэтической деятельности; поэт живо еще помнил тогда свое детство: в памяти его были еще слишком свежи впечатления недавнего прошедшего. Но, к сожалению, Шевченков приятель, у которого и своего горя было довольно, многое перезабыл из слышанного).

С самого раннего детства жизнь встретила бедного ребенка неприятливо, сурово. Матери он почти не помнил. На седьмом году лишился отца и остался на руках мачехи вместе с двумя сестрами: Яриной и другой — слепой. Здесь впервые он испытал много горя. В самом нежном возрасте лишенный любви и материнских ласк мальчик привык сосредоточиваться в себе самом, дичился людей и встречал недоверчиво всякое приветливое обхождение с ним родных и соседей. Мачеха, невзлюбившая Тараса за его скрытный и упрямый нрав, чтоб он не был на глазах, поручала ему летом пасти телят и свиней в окрестностях Кирилловки и Тарасовки. Поля, окружающие эти села, представляют не совсем ровную местность: степная даль заслоняется высокими могилами, которых вообще довольно много в Звенигородском уезде.

Високії ті могили
Стоять та сумують...

С ломтем сухого хлеба мальчик проводил целые дни в поле. Любимым его местом для отдыха в сильную жару была одна из таких могил. Он часто сидел под нею и бессознательно смотрел вдаль. Известно, как эти первые впечатления детства отозвались у поэта в период его зрелости, в его лучших произведениях:

Кругом його степ, як море
Широке, синіє;
За могилою могила,
А там — тільки ріє...

К Тарасовке прилегает живописный пруд, поросший осокою и ойкайменными стройными тополями. Проезжая с Сошенком еще в 1849 году мимо этого пруда, мы невольно вспомнили превосходную балладу про тополию — лихую долю:

По діброві вітер віє,
Гуляє по полю;
Край дороги гне тополию
До самого долу...

и другую балладу — «Утоплена», в которой так поразительно хорошо передан таинственный разговор ветра с осокою:

Прокинеться — тихесенько
В осоки питає:
«Хто се, хто се по сім боці
Чеше косу? хто се?
Хто се, хто се по тім боці
Рве на собі коси?...»

Очевидно, краски для этих стихотворений заимствованы поэтом из родной местности.

Сестра Ярина передала нам один характерный факт из того же темного периода жизни Тарасовой. У квартиранта-солдата украдено два с полтиною ассигнациями. Тот, разумеется, наделал страшного шума, чуть не разогнал всех из хаты. На кого тут взвалить вину? Конечно, на сироту-горемыку. Избегая наказания, по одному лишь подозрению мачехи, мальчик ушел со двора и скрылся в далеком огороде, в кустах калины. Там он просидел четверо суток. Сестра Ярина, боясь за участь брата, тщательно скрывала от домашних его убежище и украдкой носила ему есть, причем развлекала его разными игрушками. Тарас устроил себе в кустах калины шалаш, проделал около него дорожки и усыпал их песком; нарисовав на дереве род мишени, он упражнялся стрельбою в цель из бузиновой пуколки. На пятый день убежище Тараса было открыто. Его взяли на допрос. Главным следователем по этому делу был родной дядя Тарасов Павло, по словам Ярины, «великий катюга». Истязание продолжалось около трех дней. Не выдержав пытки, мальчик, и то по просьбе сестры, под розгами сознался наконец, в преступлении, не им совершенном. Деньги, как открылось после, украл сын мачехи, спрятав их в дупле старой вербы. Участие, принимаемое сестрою в жалкой участи невинно терпевшего мальчика, ее горячая к нему привязанность и ее собственная горькая доля, объясняют нам ту страстную любовь, которую питал к ней Тарас до последней минуты своей жизни. Умирая, он просил друзей своих не забывать сестры Ярины.

К тому же времени или, быть может, немного позднешему относится путешествие Тараса с сестрой на богомолье в Лебединский монастырь. Об этом сам поэт рассказывал Сошенку, который однажды поинтересовался узнать, с какого именно времени он стал думать об украинской старине? Рассказ этот в точности подтвердила и сама сестра. Лебединский мужской монастырь обращен теперь в приходскую церковь; в двадцатых же годах, хотя и считался третьестепенным, но пользовался у народа особенным уважением, так как с этим святым местом соединялось в памяти народной предание о Колиивщине (1768). Живы были еще в то время старики, расска-

зывавшие об этом событии как очевидцы. В Лебедине освятили свои ножи гайдамаки. Был и между монахами старец весьма словоохотливый, рассказывавший богомольцам кровавую повесть о том, как гайдамаки покарали своих притеснителей. В толпе богомольцев, окружавших рассказчика, никто не заметил тогда босоногого хлопчика, с жадностью пожиравшего слова монаха. По сознанию самого поэта, с этого именно времени заронилась в его душу идея будущих «Гайдамак».

Давно те минуло, як, мала дитина,
Сирота в ряднині, я колись блукав
Без свити, без хліба по тій Україні,
Де Залізняк, Гонта з свяченим гуляв.

Вероятно, нелюбовь к Тарасу злой мачехи, постоянно его гнавшей, ускорила поступление его в школу к приходскому дьячку, в «попихачі». Сироту старались сбить с рук во что бы то ни стало. О пребывании своем у этого пьяницы поэт довольно обстоятельно рассказал в своей автобиографии. К этому рассказу можно только прибавить то, что дьячок часто морил его голодом. Слепая сестра Тараса припрячет, бывало, за обедом кусочек хлеба и положит на условленном месте в саду. Улучив свободную минуту, мальчик поза плетнями прокрадывался в сад и, схватив хлеб, убегал в школу, боясь попасться на глаза лютой мачехи.

Говоря о переходе своем от одного учителя к другому, Тарас не упомянул еще об одном маляре в с. Стеблеве (Каневского уезда), куда он ходил, кажется, из Лисянки:

Ходив я та плакав, та людей шукав,
Щоб добру навчили...

А потом уже пришел в Тарасовку. После строгого приговора дьячка-хиромантика, который нашел его ни к чему не годным, ни даже «к шевству, ни бондарству», скрепя сердце, мальчик возвратился в родное село к брату своему Миките и стал помогать ему в хозяйстве, едва не сделавшись пастухом *ex professo*, в чем он находил какую-то прелесть. Но судьба готовила ему другое поприще.

«Помещику, только-что наследовавшему достояние отца своего, понадобился мальчик, и оборванный школяр-бродяга попал прямо в тиковую куртку комнатного казачка». По рассказам Сошенка, Тарас от брата не прямо попал в казачки. Дело было не так. Новому барину потребовались разного рода дворовые, которых он, как истый аристократ, желал иметь специально приготовленными к разным надворным должностям: кучера, форейтора, повара, лакея, конторщика, комнатного живописца * и т. п. Главному управляющему К...му было предписано набрать из крестьянских детей около дюжины мальчиков, годных к упомянутым должностям, и представить их в Варшаву (по рассказам других — в Вильно). И вот, по одному почерку пера, были взяты у родителей дети (не все же они были сироты, подобно Тарасу) и приведены в центральное имение помещика, в местечко Ольшану. В виде опыта, до отправления к барину, их распределили при господском дворе по разным должно-

* В то время у русских бар было в моде расписывать покои *al fresco*.

стям. Наш Тарас попал в поваренки, под команду главного повара-артиста: стал чистить кастрюли, носить на кухню дрова, выливать помои и проч. В таких непоэтических занятиях, конечно, он не мог найти ничего сродного с своими природными влечениями, а между тем страсть к картинкам и книжкам не покидала мальчика ни на минуту. При всяком удобном случае он приобретал за первый попавшийся грош какое-нибудь произведение суздальской школы у бродячего коробейника, а если было не за что купить, то, из любви к искусству, иногда покушался на воровство. Приобрел довольно значительную коллекцию подобных редкостей, он прятался с нею от многочисленной дворни в саду. В густой чаще деревьев, подальше от дома, он устроил себе род галереи, наклеив на деревьях свои картинки. Туда Тарас уходил петь песни, рассматривать и копировать какого-нибудь Соловья-разбойника или Кутузова. За такие упущения по службе он неоднократно был поколачиваем поваром.

Однажды Тарасу посчастливилось получить целый двугривенный от одного заезжего господина за вычищенные сапоги. Когда навестил его брат Микита, он ему отдал весь этот благоприобретенный капитал на дорогу. На проводах его тела в Киеве Микита со слезами на глазах вспоминал об этом: «Що то за добра душа була! Я таки його бив колись маленьким, та й здорово бив, а він, покійник, отдав мені послідне!»

Когда кончилось испытание будущих дворовых, составлен был список с обозначением качеств и свойств каждого мальчика. Тарас в этом списке был записан годным «на комнатного живописца». Эта перечневая ведомость, в виде накладной, какая обыкновенно дается извозчикам, представляющим товары в разные места Российской империи, была отправлена к барину вместе с его движимую собственностью.

Но, как нам известно, аттестация управляющего не спасла Тараса от тиковой куртки: по каким-то особенным соображениям помещик повернул его в комнатные казачки. К счастью, и эта новая должность была лишь временным испытанием; и на этом новом для него поприще, как и на кухне в Ольшаной, страсть к живописи его не покидала, причинив ему немало горя. Кочующая жизнь барина по ярмаркам разных западных городов и местечек чуть ли не в качестве ремонтера окончилась, вероятно, с производством в высший чин, и Тарас был отдан в науку к комнатному живописцу в Варшаве. Хозяин, заметив в своем ученике необыкновенные способности к живописи и не будучи в состоянии научить его ничему хорошему, кроме раскрашивания потолков и стен, а иногда и заборов, был настолько добросовестен, что, по истечении года, пришедши к барину за условленную платой, прямо высказал ему, как он понимает крепостного юношу. По совету этого доброго маляра Тарас был отдан к известному в то время в городе портретисту, потомку знаменитого дамского живописца екатерининских времен — Лампи. Наблюдая свои интересы, помещик рассчитал, что из способностей крепостного можно со временем извлечь еще более выгоды, если он будет порядочным живописцем, и потому вошел в условия с Лампи, который не принял ученика к себе в дом, а согласился на то, чтобы он был приходящим. Тараса придели получше и велели ему ходить на уроки.

В это время он познакомился с одною хорошенькою швейей и впервые сознал и глубоко почувствовал свое человеческое достоинство. Любовь к этой польке, принадлежавшей к другой среде, с независимым образом мыслей, имела сильное влияние на его забитую, загнанную, но глубоко впечатлительную природу. Эта первая привязанность, по сознанию самого поэта, облагородила его душу, возвысив его в собственных глазах. «Я в первый раз пришел тогда к мысли, — рассказывал он Сошенку, — отчего и нам, несчастным крепачкам, не быть такими же людьми, как и прочие свободные сословия?» Любовь не обошлась без жертвы. Коханка Тарасова потребовала от

Петербург. Васильевский остров
I-я линия. Угол Большого проспекта
Литография К. Бегрова по рисунку К. Сабата
и С. Шифляра. 20-е годы XIX в.

него отречения от родного языка в пользу польской национальности: в разговоре с ним она другого языка не допускала. Уроки, видно, шли очень успешно, судя по тому, как говорил он по-польски *. Она немало заботилась об нем: сама ему шила рубашки, гладила манишки и галстуки.

Для бедного сироты открылся новый мир. Но это мимолетное счастье, мелькнувшее волшебным призраком среди нищеты и горя, не заставило его ни на минуту забыть свое безвыходное положение.

* В 1859 году в Киеве Тарас Григорьевич познакомился с одною панною у приятеля своего Сошенка и охотно говорил с нею по-польски. По мнению этой польки, „pan Szewczenko bardzo dobrze mówi po-polsku, ale zawsze w jego mowie jest coś chłopskiego“. (Господин Шевченко очень хорошо говорит по-польски, но в его речи всегда есть что-то мужицкое.— *Ред.*). Об этом, смеясь, рассказывал мне сам Тарас.

С одной стороны, его горькое прошедшее, его неволя и жестокое обращение с крестьянами управляющих и экономов, о чем он постоянно слышал от своих земляков, приехавших из имения, а с другой стороны, вольная воля панов-счастливых и независимость от произвола панского других сословий, к которым он не принадлежал, но к которым он *мог бы* принадлежать по своим способностям, — мысль эта страшно мучила его и повергала в мрачное состояние духа, близкое к самоубийству.

Но Тарас наш не погиб.

Помещик его вышел в отставку и переехал на жительство в Петербург. Вместе с другими дворовыми людьми Тарас отправлен в столицу по этапу вслед за бариним *. Такой способ переселения людей, не сделавших никакого преступления, внушен помещику излишнею предосторожностью, чтоб они дорогою не разбежались.

«В 1832 году мне исполнилось 18 лет и, так как надежды на мою лакейскую расторопность не оправдались, то он (помещик), вняв неотступной моей просьбе, законтрактовал меня на четыре года разных живописных дел цеховому мастеру, некоему Ширяеву. Ширяев соединял в себе все качества дьячка-спартанца, дьякона-маляра и другого дьяка-хиромантика; но, несмотря на весь гнет тройственного его гения, я в светлые весенние ночи бегал в Летний сад рисовать со статуй. В один из таких сеансов познакомился я с художником И. М. Сошенком **.

Первое знакомство с Сошенком началось не так. Сошенко рассказывает об этом иначе:

«Когда я был в «гипсовых головах» или нет, кажется, уже «в фигурах» (1835—1836), вместе со мною рисовал брат жены Ширяева. От него я узнал, что у его зятя в мальчиках служит мой земляк Шевченко, о котором я еще слышал кое-что в Ольшаной, находясь у своего первого учителя С. С. Превлоцкого. Я убедительно просил родственника Ширяева, чтобы он прислал его ко мне на квартиру. Узнавши о моем желании познакомиться с земляком, Тарас на другой же день, в воскресенье, отыскал мою квартиру в 4-й линии и явился ко мне в таком виде: на нем был засаленный тиковый халат, рубаха и штаны толстого холста запачканы были в краску, босой, расхристаный и без шапки. Он был угрюм и застенчив. С первого же дня нашего с ним знакомства я в нем заметил сильное желание учиться живописи. Он начал бывать у меня по праздникам, потому что в обыкновенные дни и мне было некогда и его хозяин не пускал. Во время таких посещений Тарас урывками рассказывал мне некоторые эпизоды из своего прошлого и почти всегда завершал свои рассказы ропотом на судьбу.

Меня до глубины души тронула жалкая участь молодого человека, но помочь ему я был не в состоянии. Да и чем мог пособить его горю я, бедный труженик-маляр, работавший непрерывно из-за куска насущного хлеба, без связей, без протекции, без денег? А спасти даровитого юношу было нужно во что бы то ни стало.

* За верность этого факта может поручиться г. Забела, близкий приятель Шевченка.

** Письмо к редактору «Народного чтения».

В это время я был хорошо знаком с известным малороссийским писателем Е. Гребенкою. С ним-то я прежде всего посоветовался, каким образом помочь нашему земляку. Гребенка принял близко к сердцу мое предложение, стал часто приглашать Тараса к себе, давал ему для чтения книги, сообщал разные сведения и проч. Потом уже я представил Тараса конференц-секретарю Академии художеств В. И. Григоровичу с убедительной просьбой освободить его от жалкой участи.

С Гребенкой Тарас стал иногда бывать у придворного живописца Венецианова, который вместе с Григоровичем представил его В. А. Жуковскому».

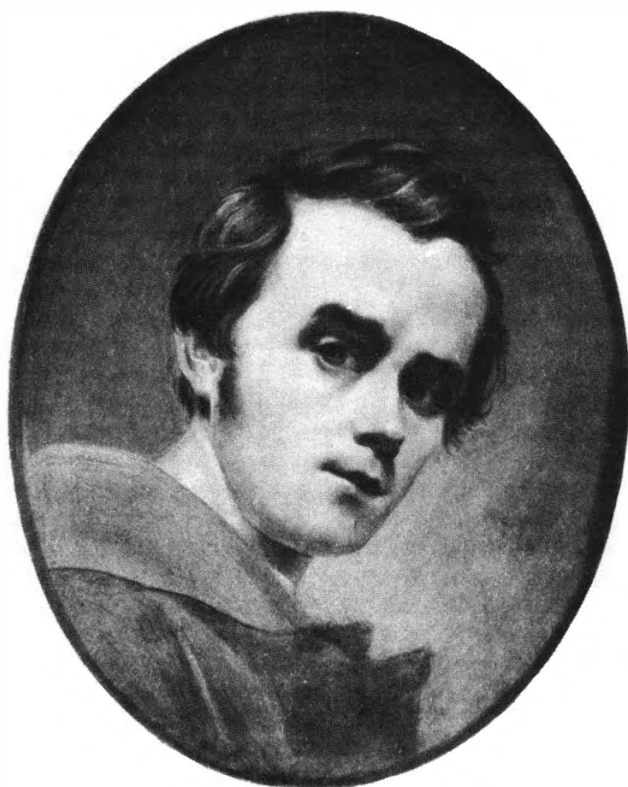
П. Е. Заболотский
Портрет И. М. Сошенко и А. Е. Заболотского
1834

Знакомство с такими людьми не могло остаться без влияния на развитие молодого человека. Беседы, слышанные им у них в доме, книги, получаемые от Гребенки, быстро подвинули вперед его образование. Пробыв целый день на работе, взятой хозяином с подряда и состоявшей в покраске окон, потолков, а иногда и заборов, ночью, забравшись на чердак, он постоянно читал все, что ему попадалось в руки. А память у него была изумительная. Поэт наш по своему положению примыкает к разряду тех необыкновенных людей, которые названы у Дизраэли поздно воспитанными гениями — *sero sapientes*.

«Что гений воспитывает сам себя, в этом мы ссылаемся на собственное свидетельство всех членов этой великой семьи, но это само-

воспитание идет не всегда удачно, и многие гениальные личности оканчивают дни свои посреди обломков собственного таланта и с убитой душой. Многие из великих людей половину жизни своей истратили на то, чтобы вознаградить потерянное время или искоренить в себе следы дурного воспитания» *.

Т. Г. Шевченко
Автопортрет
Масло. 1840

Замечание это в некотором отношении можно приложить и к даровитой личности Шевченка. Лишенный в детстве элементарного образования, облегчающего трудный путь к серьезному учению, поэт-самоучка с величайшим усилием усваивал научные сведения, без системы и порядка, но он преодолевал эти затруднения, поставленные ему на пути к развитию прежним учением на медный грош

* «История литературного гения», Дизраэли.

у дьячка-спартанца, и масса приобретаемых сведений не задавила его способностей: светлый природный ум поэта систематизировал эти сведения, отличая между ними важное от неважного, не обременяя памяти бесполезным хламом.

Тарас изумлял Сошенка своими успехами. Желая ближе познакомиться с направлением его таланта, Жуковский дал ему однажды тему: описать жизнь художника. Неизвестно, насколько Тарас удовлетворил пытливого нашего знаменитого романтика; известно только то, что с этого именно времени Жуковский сильно начал хлопотать о выкупе крепостного автора.

«Около этого времени,— продолжает свой рассказ Сошенко,— в одни из каникул, я был приглашен управляющим домом Шевченкова барина Прехтелем, с которым я познакомился еще в Ольшаной, перебраться к нему на Моховую улицу. Господа переехали на дачу, Тарас навещал меня и здесь. Посещения эти весьма не понравились Прехтелю. Он возненавидел Тараса за его вольные речи и либеральные беседы с дворовыми людьми, которые и сами начали вольничать, уклоняться от работы и заявлять пред дворецким о своих человеческих правах. Взбешенный Прехтель решился проучить либерала-крепака. И вот с субботы на воскресенье кучеру приказано было приготовить на конюшне все, что нужно. На другой день, едва только приятель мой показался на господском дворе, его арестовали. Я вижу, что лях шутить не любит, принял на себя роль защитника. Но как я ни просил этого варвара, ничто не помогло. К счастью, в это время я писал портрет жены его. (Прехтель недавно женился.) Я к ней. Едва-едва она могла упросить своего разгневанного супруга, который до того расходился, что с ним сделался нервный припадок. Не насытив своей мести, он даже слег в постель. Этот казус стоил мне немало. Я «падал до ног», «сцискал рациицы» и прочие шляхетские штуки выкидывал. Но как бы там ни было, а Тарас был спасен. Ему запрещено было видеться с дворовыми под страхом жесточайшего наказания.

Настала осень. Я переселился из палат панских в свою убогую квартирку, к немке Марье Ивановне. Тарас продолжал бывать у меня все чаще и чаще. Я замечал, что ему день ото дня становится все тяжелее и тяжелее. В это время из-за границы воротился Брюлов. Малюя по целым дням заборы, штахеты и крыши, Тарас по ночам уходил в Летний сад рисовать со статуй и предаваться любимым мечтам о свободе, а по праздникам не переставал заглядывать на великие произведения живописи в залах Эрмитажа. Душа его рвалась в Академию. В это время он уже довольно удачно писал портреты акварелью. Барин и не прочь был исполнить желание Тараса, но, к несчастью, крепостным людям заказан был вход в святилище свободного искусства. Причиною тому была несчастная судьба многих крепостных живописцев, которые, получив образование в Академии и возвратясь к помещикам, не переносили их обращения, оканчивая жизнь свою самоубийством — резались, вешались, топились *. Выпускать же на волю способного человека не входило в принцип помещицкой власти: действия наших помещиков клонились к тому, чтобы как можно более эксплуатировать труд и способности своего крестьянина. Находя для себя очень выгодным

* См.: Биография Тропинина. «Русский вестник» за 1861 год.

иметь в доме хорошие картины, за которые нужно бы заплатить хорошие деньги, они старались иметь их задаром, отдавая в Академию своих крепостных.

Мы привыкли к этим обыденным явлениям русской жизни. К чему не привыкает человек? Но ведь это ужасно!.. Просветив ум, облагородив душу высокими помыслами свободного искусства,

В. А. Тропинин
Портрет К. П. Брюллова
Масло. 1836

оставить человека в неволе и подчинить его, наравне с дворовыми, всем прихотям барства?! Возмутительно. Мы уверены, что если бы в университет могли поступать тогда крепостные, то некоторые из наших помещиков не задумались бы посылать туда способнейших крестьян, чтобы иметь своих домашних учителей, лекарей, механиков, агрономов и т. п.

Состояние души Тараса было в это время ужасно. Узнав о том, что дело его освобождения, задуманное такими влиятельными людьми, как Венецианов, гр. Виельгорский, Жуковский, несмотря на все их влияние, все-таки вперед не подвигается, он однажды пришел ко мне в страшном волнении. Проклиная свою горькую долю, он не

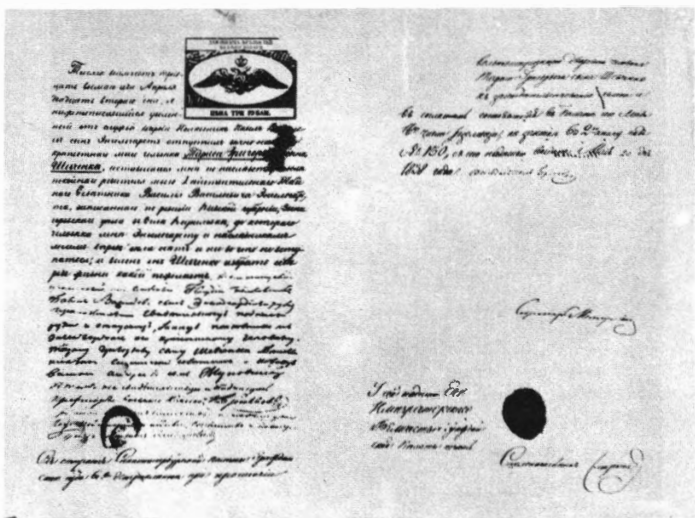
К. П. Брюллов
Портрет В. А. Жуковского
Масло. 1838

щадил и эгоиста-помещика, не выпускавшего его на волю. Наконец, погрозив ему ужасною местию, он ушел от меня. Не знаю, что бы он сделал, если бы дело о его выкупе не кончилось благополучно. По крайней мере, я сильно перетрусил за Тараса и ждал какой-нибудь беды».

«Сторговавшись предварительно с помещиком,— рассказывает

сам Шевченко в своем письме,— Жуковский просил Брюллова написать портрет с целью разыграть его в лотерее. Великий Брюллов тотчас согласился, и вскоре портрет Жуковского был у него готов. Ценою этого портрета (2 500 руб. ассиг.) куплена была моя свобода, в 1838 г., апреля 22».

Отпускная Т. Г. Шевченко

О том, как принял Тарас первую весть о свободе, Сошенко передает следующее:

«Получив работу от Пешехонова — написать четырех евангелистов, я сидел в квартире и работал прилежно. Это было в последних числах апреля. Я жил на той же квартире, почти в подвале огромного четырехэтажного дома, у той же немки Марьи Ивановны. В нашем морозном Петербурге запахло весной. Я открыл окно, которое было вровень с тротуаром. Вдруг в комнату мою через окно вскакивает Тарас, опрокидывает моего евангелиста, чуть и меня не сшиб с ног, бросается ко мне на шею и кричит: «Свобода! Свобода!» — «Чи не здурів ти, Тарасе?» А он все прыгает да кричит: «Свобода! Свобода!» Понявши, в чем дело, я уже с своей стороны стал душить его в объятиях и целовать. Сцена эта кончилась тем, что оба мы расплались, как дети».

«С того же дня,— пишет Шевченко,— я начал посещать классы Академии художеств и вскоре сделался одним из любимых учеников-товарищей Брюллова».

«Похоронив своего товарища Безлюдного,— продолжает Сошенко,— скончавшегося на моих руках от чахотки, я страшно скучал.

Работа не спорилась. Тоска меня измучила. Приближалась дождливая и сырая осень. Я предложил Тарасу перейти ко мне на квартиру и жить вместе. Он согласился. В это время он совершенно изменился. Познакомившись с лучшими петербургскими домами посредством Брюллова, он часто разъезжал по вечерам, хорошо одевался, даже с претензией на *comme il faut*ность*. Словом, в него на некоторое время вселился светский бес. Досадно мне было и больно смотреть на его безалаберную жизнь, несвойственную нашему брату художнику, живущему лишь для одного искусства. «Так-то,— думал я себе,— понял он свободу, стоившую ему такой борьбы, таких страшных усилий?» Не раз я принимался уговаривать его, чтоб он бросил рассеянную жизнь пустых людей и серьезно принялся бы за живопись. «Ей, Тарасе, схаменись! Чом ти діла не робиш? Чого тебе нечистая носит по тим гостям? Маєш таку протекцію, такого учителя». Куда тобі? Шуба єнотова, цепочки не цепочки, шали да часы, да извозчики-лихачи... Закурив же мій Тарас, не буде з його нічого доброго!..

Правда, по временам он сидел и дома, но все-таки делом не занимался: то співає, то пише собі щось, та все до мене пристає: «А послухай, Соха, чи воно так добре буде?» Та й почне читать свою «Катерину» (он в это время писал ее). «Та одчепись ти,— кажу,— з своїми віршами! Чом ти діла не робиш?».

Нападая на Тараса за уклонения от прямого своего назначения — быть живописцем, Сошенко действовал тогда по убеждению и, с своей точки зрения, был прав. Ему казалось, что искусство требует всего человека безраздельно, что если избрал живопись, так и занимайся ею одною, а если поэзия тянет, так брось живопись. Одно что-нибудь.

«Не грешно ли было вам, Иван Максимович, преследовать Тараса за поэзию? Вам следовало поощрять его занятия, а не бранить», — упрекали Сошенка его знакомые. «А хто ж його знав, що з його буде такий великий поет? А все-таки я стою на своєму: що якби він покинув свої вірші, то був би ще більшим живописцем». Как видно, Сошенко действовал в этом случае в интересе *своего* искусства, а природа была сильнее его — она взяла *свое*.

«Странное, однако ж, это всемогущее призвание, — пишет Шевченко в дневнике своем. — Я хорошо знал, что живопись — моя будущая профессия, мой насущный хлеб. И вместо того, чтобы изучить ее глубокие таинства, и еще под руководством такого учителя, как бессмертный Брюллов, я сочинял стихи, за которые мне никто гроша не заплатил, и которые, наконец, лишили меня свободы, и которые, несмотря на всемогущее бесчеловечное запрещение, я все-таки втихомолку кропаю... Призвание — и ничего больше».

Тарас жил с Сошенком только четыре месяца (с осени 1838 по январь 1839 г.). Несходство в образе жизни и привычках поселило между ними разлад и несогласие...

«У Марьи Ивановны жила племянница ее, сирота, дочь выборгского бургомистра, Марья Яковлевна, прехорошенькая немочка. Нашему брату художнику влюбиться нетрудно, и я полюбил ее от души и даже, грешный человек, подумывал было на ней жениться.

* Элегантность.

Но Тарас расстроил все мои планы. Он быстро повел атаку против Маши и отбил ее у меня. Долго я скрывал свое неудовольствие на их близкие отношения, наконец не выдержал. Разбранив Тараса, я выгнал его из квартиры. Но тем не помог своему горю: Маша стала уходить к нему на квартиру.

Скоро после этого от усиленной работы я заболел глазами и грудью. Доктора стали отсылать меня в мой родной климат, и я, не дошедши до цели, должен был бросить Петербург, чтобы не последовать за Безлюдным, и переселился в болотный Нежин учителем уездного училища на 4 рубля серебром месячного жалованья. Узнав о моем отъезде, Тарас пришел ко мне прощаться. Он чувствовал себя виноватым передо мною, принял братское участие в моем бедственном положении, и мы простились с ним как добрые приятели и земляки, как будто между нами ничего и не было.

В 1846 году я виделся с ним в Нежине и журил его уже не за то, что он занимается поэзией за счет живописи, а за то, что печатает такие плохие стихи, как „Тризна“...»

Из всего того, что передал мне Сошенко о первых годах жизни Шевченка после выпуска его на волю, можно вывести одно заключение, что у поэта нашего закружилась голова от неимоверно быстрого перехода с чердака грубого мужика-маляра в великолепную мастерскую величайшего живописца нашего века. «Самому теперь не верится,— пишет он в своем дневнике,— а действительно так было. Я из грязного чердака, я — ничтожный замарашка — на крыльях перелетел в волшебные залы Академии художеств!»

Светские удовольствия и артистические кутежи, от которых удерживал Сошенко Тараса, но от которых не мог воздержаться и сам великий учитель его, идол академической молодежи Брюллов, оставили следы...

«„Зачем пьют, зачем кутят наши даровитые люди?“ Человек с умом и с душою такого наглого вопроса не предложит. Кабы не было тяжело, так не стали бы пить... Есть люди, которые не умеют делать уступок: им подавай или все, или ничего; при первой разбитой надежде они бросают все и с каким-то злобным наслаждением разбивают об дорогу и свой идеал, и свои стремления, и молодость, и силы, и жизнь» *.

Но не так думает завистливая бездарность и пошлое высокомерие людей, не признающих над собой ничего нравственного превосходства и бросающих из-за угла камнями в пророков земли своей. Не понимая глубокого смысла их вдохновенных речей, провозглашающих народу «любви и правды чистые ученья», люди карьеры и денег, эти бездушные фарисеи, эти продажные блюстители народных нравов, забывают ту простую истину, что у всякого человека есть недостатки: почему же не быть им и у нашего Шевченка? Они не знают того, что у таких исключительных личностей, у таких огненных натур все громадно, необыкновенно, что их нельзя мерять на свой аршин. Замечая лишь одни недостатки и не будучи в состоянии возвыситься до понимания высоких совершенств необыкновенного человека, они стараются уравнивать его личность с собою, очернить его память, забросать грязью его могилу... Но это им плохо удается: справедливо заслуженная слава Шевченка вырывается чи-

* Статья г. Писарева, помещенная в «Русском слове» за ноябрь 1861 г.

стою и светлую из их грязных рук и проникает во все слои общества, даже в *простой* народ, который так был любим поэтом, как не полюбить им ничего в мире... Большой славы Шевченко не желал... Да и может ли быть большая слава?..

II

Письма Т. Г. Шевченка к Варфоломею Григорьевичу Шевченку принадлежат к последним двум годам страдальческой жизни поэта, когда он после долгих испытаний, посланных ему в удел судьбою, измученный душою и телом, не прельщаясь более славою и чувствуя в себе упадок творчества, хотел найти для себя после бурного плавания по житейскому морю убогую пристань на берегу Днепра староденного, вдали от света и шумной жизни столичной, посреди любимого им народа...

В письмах этих виден весь Тарас, каким мы его знаем в частной, домашней жизни: та же теплая доброта души, та же горячая привязанность к родным и друзьям, то же непонимание самых обыкновенных житейских истин и та же правдивость и прямота характера. Проходя в жизни своей по разным мытарствам, он не заразился изворотливостью и лукавством окружающей его среды и остался в этом отношении чист, как голубь. Испытав все превратности судьбы, находясь под влиянием самой разнообразной обстановки, он не утратил ни одной черты народного типа, как будто он всю жизнь свою провел «під убогою батьківською стріхою».

Понятна после этого та странность, над которою немало потрунили его знакомые, что он хотел непременно жениться на простой крестьянке: «Щоб була сирота, наймичка і крепачка». Не правда ли, странно? А вот что отвечает на это Тарас:

«Я по плоті і духу син і рідний брат нашого безталанного народу, то як же таки себе поєднать з [собачою] панською кров'ю? Та й що та панночка одукована робитиме в моїй мужицькій хаті?»

Весною 1859 года Тарас вырвался из столицы и посетил свое родное село. С братьями он оставался недолго по разным причинам. Ярина рассказывала Сошенку о свидании своем с Тарасом следующее:

«Була я на городі — полола. Дивлюсь — біжить моя дівчинка: «Мамо, мамо, вас якийсь Тарас гукає». «Скажи, — каже, — матері, що до неї Тарас прийшов». — «Який Тарас?» А сама і з місця не зоступлю. Аж ось і сам він іде. «Здрастуй, сестро!..» Я вже й не знаю, що зо мною було. От ми сіли гарненько під грушею; він, сердешний, положив голову на мої коліна та все просить мене, щоб я йому розказувала про своє життя гіркеє. От я йому й розказую, а він, покійник, слухає та все додає: «Еге ж! так, сестро, так!» Наплакалась я доволі, аж покіль не доказала до кінця — як мій чоловік умер... Він, сердешний, встав, подивився на небо, перехрестивсь та й сказав: «Слава ж тобі господи! Молись, сестро: і я вільний, і ти вільна...» *

Прощаясь с сестрой, Тарас не мог ей уделить больше рублевой бумажки...

* Поэт намекает здесь на горькое житье Ирины с мужем, маляром и пьяницею, но смерти которого жизнь ее сделалась сносною.

Между посмертными произведениями Шевченка сохранилось одно небольшое стихотворение, посвященное памяти сестры Ярины. Оно написано 20 июля 1859 года в Черкассах, куда поэт прибыл благодаря содействию станового пристава Д...го, мечтавшего за свой великодушный подвиг получить орден... Из Черкасс, отправляясь в Киев, прислал Тарас это стихотворение своему брату на маленьком лоскутке бумаги (подлинная рукопись его хранится у меня):

Минаючи убогі села
Понадніпряньські невеселі,
Я думав: «Де ж я прихилюсь?
І де подінуся на світі?»
І сниться сон мені: дивлюсь,
В садочку, квітами повита,
На пригорі собі стоїть,
Неначе дівчина, хатина,
Дніпро геть-геть собі розкинувсь!
Сіяє батько та горить!
Дивлюсь, у темному садочку,
Під вишнею у холодочку,
Моя єдина сестра!
Многострадалиця святая!
Неначе в раї, спочиває
Та з-за широкого Дніпра
Мене, небога, виглядає.
І їй здається — виринає
З-за хвилі човен, доплива́...
І в хвилі човен порина.
«Мій братику! моя ти доле!»
І ми прокинулися. *Ти...*
На панщині, а я в неволі!..
Отак нам довелося йти
Ще змалечку колючу ниву!
Молися, сестро! будем живі,
То бог pomoже перейти.

Посетив свое родимое село и найдя своих родных в нескончаемых трудах, бедности и неволе, Тарас Григорьевич искал приюта растерзанной душе своей у дальнего родственника — Варфоломей Григорьевича Шевченка, сестра которого замужем за родным братом поэта Осипом: в Корсуне прогостил он около двух месяцев. Расставшись еще в роковом 1847 году, друзья не виделись в течение 12 лет. Было, казалось, о чем поговорить. Но Тарас вообще не любил ни с кем говорить о своем прошедшем, хотя и многое мог бы рассказать здесь, на досуге, и притом такому близкому человеку, как Варфоломей Григорьевич. Предметом беседы их было большею частию устройство будущего жилища поэта где-нибудь над Днепром, неподалеку от Корсуни. Около половины июля 1859 г. они расстались.

С этого-то времени между названными братьями началась самая оживленная переписка: о покупке усадьбы под дом, о заготовлении строевого лесу, о *приискании жены*, о выкупе родных и проч.

И. К. Зайцев

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО УЧИТЕЛЯ

Я нередко бывал у Ширяева, и мы беседовали по вечерам; иногда я у него читал и декламировал произведения Пушкина и Жуковского. В это время в соседней комнате, у растворенных дверей, постоянно стояли два мальчика, лет 16—17-ти, ученики хозяина, которые были у него на побегушках, терли краски и рисовали немного, пока учитель не предоставил им возможности посещать академические классы. Все, что я читал, мальчики слушали очень внимательно. Почему же, спросят меня добрые люди, я распространяюсь с такими подробностями о каких-то мальчиках? Потому, отвечу я, что один из них сделался впоследствии любимым малороссийским поэтом, — то был Тарас Шевченко, а другой — Ткаченко, который впоследствии в полтавской гимназии был учителем рисования.

А. Н. Мокрицкий

ДНЕВНИК

(Отрывки)

1837 год

18 марта. Четверг. Часам к 7-ми пошел я к Брюллову. Там были уже Венецианов и брат его Федор, скоро пришел и Краевский и прочел нам прекрасные стихотворения Пушкина: «Молитву» — «Господи владыко живота моего», «Русалку», несколько сцен из «Дон-Гуана» и «Галуб», сцена из быта *чеченцев*. До 12 часов продолжалось чтение. Когда все ушли, я остался один, говорил Брюллову насчет Шевченка, старался подвигнуть его на доброе дело, и, кажется, это будет единственное средство — через Брюллова избавить его от тяжелых, ненавистных цепей рабства. И шутка ли! Человек с талантом страдает в неволе по прихоти грубого господина!

31 марта. Среда. Вечером после чаю отправился я к Брюллову с письмом от Михайлова. Он послал меня за Василием Ивановичем, и, когда тот пришел, я предложил им рассмотреть дело Шевченко. Показал его стихотворение, которым Брюллов был чрезвычайно доволен, и, увидя из одного мысли и чувства молодого человека, решился извлечь его из податного состояния и для этого велел мне завтра же отправиться к Жуковскому и просить его приехать к нему. Не знаю, чем-то решат они горячо принятое участие.

1 апреля. Поутру, после чаю, пошел я к Жуковскому и переврал ему приглашение Брюллова. Вместо завтраго я пригласил его сегодня к трем часам. Досталось же мне от Брюллова! Ментор мой в красных штанах взелся на меня так, что я думал — побьет, но у него гнев, как гроза на небе, после которой всегда бывает ведро. Так и у него, пошумит, покричит, да и улыбнется.

2 апреля. После обеда призвал меня Брюллов. У него был Жуковский, он желал знать подробности насчет Шевченка. Слава богу, дело наше, кажется, примет хороший ход. После класса был на уроке.

Брюллов начал сегодня портрет Жуковского и препохоже.

Страстная. Сегодня среда. Начал я день так же, как вчера: с утра до обедни — у Брюллова, после обеда рисовал его бюст...

Чай пил с парубками Сошенком и Шевченком в трактире, вот и все.

29 апреля. После обеда отправился я к Кандыбе... Допоздна просидел я у него. Возвращаясь от него, зашел к Дементьеву, там застал Виктора Андреевича Трипольского и Шевченка.

1838 год

8 апреля. На второй день праздника... пришедши домой, приготавливал все нужное к рисованию портрета... Вечером пошел я к Брюллову.

На третий день утром начал я рисовать Венеру. Скоро пришел Шевченко, и мы отправились в Эрмитаж. С большою пользою беседовали мы в этом святилище, и сей раз более, нежели когда, увидел я достоинства в вещах первоклассных мастеров. Вандик, Рубенс, Веласкес, Гвидо, Аннибал Каррачи и другие, Пуссен, Ван дер Меер, Рейсдаль, Поль Поттер и Клод Лоррен стали для меня понятнее. Я измерял их талантом Брюллова и удивлялся необъятности его. У всех у них встречал я достоинства великого моего наставника, а в нем одном узнаешь их всех, как будто бы каждый из них, переходя к источнику света, завещал ему ту искру божественного гения, которой освещали они путь своей жизни, те сокровища, которые они стяжали в области искусства. Вечером был у Брюллова, рассказывал ему о своей прогулке в Эрмитаж. Он очень одобрял ее, советовал почаще делать таковые, говоря: «Почаще б ходить в Эрмитаж, чем на почту». Как живописцев выше всех ставит он Веласкеса, Гвидо, Корреджио, Рубенса и Вандика... После рассуждения об Эрмитаже говорили мы об искусстве вообще и об успехах, созданных художником в этом искусстве... До двух часов продолжалась наша беседа.

24 апреля. Вчера, порисовавши до 12 часов своего бойца, пошел я к Брюллову, писал «Бахчисарайский фонтан». Сам хозяин жаловался на сильную боль в ногах, хотел писать, но не мог. После принудил себя и начал менкен Марии Клеоповой. Разохотился он, писал, но боялся, чтобы не принесло кого-нибудь, но скоро пришел Жуковский и отвлек его от дела. После не мог уже он приняться.

Обедал я у Василия Ивановича, после обеда уснул до 9 часов. Пришел Шевченко, потом Петровский. Спасибо, заняли меня до двух часов.

25 апреля. Часа в два пошел я к Брюллову, застал его в рабочей

комнате с «Пертской красавицей». Подсел я к нему с сигаркой, он читал, а я слушал. Скоро пришел Жуковский с графом Виельгорским. Пришел Шевченко, и Василий Андреевич вручил ему бумагу, заключающую в себе его свободу и обеспечение прав гражданства. Приятно было видеть эту сцену.

27 апреля. Вчера поутру начал я копировать портрет Жуковского до трех часов. В три приехал Жуковский для сеанса, а я ушел гулять, обедать. После обеда прилег отдохнуть и нечувствительно проспал до шести часов, вставши, пошел ходить, по пути зашел к Тыранову, от него пошел на Петербургскую сторону к Гудиме, от него — к Гребенке, тут я и заночевал по причине дурной погоды.

28 апреля. Сегодня поутру писал я у Брюллова, как пришедший Путята известил нас, что наследник в Академии и, может быть, зайдет к Брюллову. Точно, не прошло и полчаса, как его высочество пожаловал к нам. Мы с Шевченко приняли его, ко мне обратился он с вопросом о Брюллове, потом смотрел большую картину, — отзывался с похвалою. Рассмотрев все с большим вниманием, спросил, можно ли пройти в другие комнаты. Пошли, увидел он портрет Жуковского и был им чрезвычайно доволен. Уходя, велел показать портрет сестер. Портретами императрицы и Александры Николаевны был очень доволен, о прочих же отзывался не с похвалою, замечая какую-то гримасу (а того не знает его высочество, что они сидят для сеанса так дурно, что с художниками могут судороги сделаться). Уходя, он поручил мне сказать, что жалеет очень, что не видался с Брюлловым.

Когда он ушел, я пошел наверх доложить своему пану о посещении, передал ему в точности все виденное и слышанное, даже признался ему, что выдвигая портрет Салтыковой, измял немного драпри на менкене. Надо было видеть и слышать, как загремел он на меня. Я думал, что он прогонит меня от себя, но, пришедши в студию и увидев, что вина моя была невелика, призвал меня и ласково стал еще расспрашивать, как все было и что было говорено.

30 апреля. Вчера поутру, после девяти часов, пошел я к Брюллову писать Жуковского. Сам Брюллов писал менкен у Магдалины. Пришел Платон Кукольник и, кажется, отвлек его от дела. В три часа приехал Жуковский. Я ушел обедать и в пять часов, вместо класса, пошел доканчивать портретец, ан вышло не по-моему: два часа бился я с сюртуком и то напрасно.

Сегодня только огляделся, что у меня все наврано, и вот я снова перечертил все и, кажется, приладил как должно. Написал одну руку, другую подготовил. Ох, как трудно копировать его, зато какая польза поддельваться под его правильную кисть. С его работ учимся смотреть на натуру. В письме у него от начала до конца везде видна кисть, до самых мелких подробностей. Этак не многие умеют читать и передавать натуру — притом изящество форм, грация естественная и характерность как в целом, так и в частях. В портрете Жуковского высказан он совершенно. Вы видите дородного мужчину, покойно сидящего в креслах, спиной облокотился он к стенке кресел. Голова, несколько склоняясь в правую сторону, наклонена вперед. Руки сложены так, что кисти, покоясь выше колен (*auf dem Fuß*), левая, покрывая [правую], оставляет пальцы ее видными. В правой держит он перчатки. Лицо спокойное, взор устремленный внимательно, но, кажется, занят внутренне. На челе дума не тяжкая, но

отрадная, успокоительная. Он весь, кажется, обдумывает подвиг свой, покоится после понесенных трудов. В этой почтенной главе с обнаженным челом созревали прекрасные его творения и надежные материалы для воспитания царственного юноши. Свежесть и приятные черты лица показывают, что жизнь его проходила без разрушительных бурь. Сильные страсти слегка только касались его нежного сердца, но светлый разум и теплая вера исцеляли язвы, ими нанесенные. Он жил и любил, но благородные и возвышенные чувства не покидали его никогда. Изящное питало душу его, всегда расположенную к добру. Художник выразил все это. Взгляните на эти уста — они беседуют с вами, они дают вам мудрый совет или произносят утешение, но вот изрекли они два-три стиха к *портрету*:

Воспоминание и я — одно и то же,
Я образ, я мечта,
И становлюся я
Чем старше, тем моложе...
Чем старе становлюсь, тем я кажусь моложе.

Взгляните теперь на эти прекрасные руки, эти белые нежные руки, не удивляйтесь — их орудие было легкое перо, за которое бранись они, отрываясь от златострунной лиры.

2 мая. Вчера, то есть 1 мая, думал я докончить портретец Жуковского, однако за неимением красок должен был отложить свое намерение... Брюллов своих не дал да еще выбранил меня изрядно, что я, не имея своих, думаю, что весь свет обязан мне служить. И много кой-чего музыкального напел он мне за важный мой проступок... Сердце у меня сжалось, слыша такие слова от человека, столь уважаемого...

1839 год

8 марта. 7 часов. В шесть часов расстался я с Штернбергом. Долго тянулся его отъезд. Это отрывало его от дела, он не мог ничем заняться, хлопотал и о дорожных вещах, и прощальные визиты озабочивали его с утра до вечера. Наконец, вчера вечером, часу в 8-м, приход Даля напомнил нам о близкой разлуке.

Скоро мы разошлись, я ушел к Прокоповичу, он уехал к Трейберу, в 11 часов вечера были мы дома. Я вспомнил про альбом Гребенки и нарисовал туда профиль Штернберга. В 6 часов мы встали и после чаю до прихода натурщика занялись укладкою. Только что принялся я писать, как пришел Николай Данилович Белозерский. Приход его чрезвычайно обрадовал меня. Около трех часов поехали мы к Кукольнику, побыли у него полчаса... По дороге заехали к Бастину и Соколовскому.

Приехавши в Академию, Вася пошел к Василию Ивановичу и к Брюллову. С последним он не видался, сказали, что дома нет. В 6 часов он уехал. Я остался один, вокруг меня тихо и пусто. Я один...

Прощай, дружок Вася, поручаю тебя деснице божией! Счастливый путь тебе, голубчик! После класса пришел Шевченко и очень жалел, что не застал Штернберга и не простился с ним. Мы идем с ним к Евгению.

10 марта. Были мы в тот вечер у Евгения, застали там Лагоду. С сожалением услышали они, что Вася уехал, пожелали ему сча-

стливого пути и благополучного возвращения. Любовались его рисуночком, в особенности хозяин альбома был в восторге. Часа с два оставались мы там, поужинали малороссийской колбасой и пошли домой.

Святая. 2 апреля. Воскресенье. Сегодня в девять часов поутру шлет за мной Брюллов. Он встречает меня с насмешливою гримасою и вопросом: «Что, нездоров? Голова болит! Зачем вы не работаете? Долго ли будет торчать здесь ваша работа?»

Вчера вечером часу в 11-м пришел я к нему. Шевченко читал «Анахорета», а он раскладывал гран-пасьянс. Я показал ему рисунок — «Портрет m-me Клодт». «Похожа, очень похожа, дайте карандаш!» И действием волшебного карандаша рисунок, в котором видна была робость ученика, принял тотчас другой вид. Не касаясь лица, он бегло прошел драпировку (платье), кое-где тронул складочки, обошел контуры кисточки, и рисунок ожил. «Ну вот,— сказал он,— немного недоставало, а какая разница. Вялый! Не чувствуете красоты, ну, прочь с бумагами, сейчас принесут нам ужин».

В пище он непривередлив, но разнообразие и в этом не последнее... Так было и вчера за ужином. Был он очень любезен, говорил о своем вояже в Грецию, шутил с нами всячески, представлял спящего на солнце щенка. Надо заметить, что он обладает необыкновенною способностью все представлять в лицах: людей и зверей, птиц, гадов и насекомых. Фейерверк и иллюминацию представляет он так живо и смешно. Говорил об «Афинской школе» Рафаэля, о Пуссене, заметя, что сей последний великий художник не имеет тонких идеальных экспрессий, какие у Рафаэля исключительно. «Моисей, источающий воду» Пуссена — превосходнейшая картина! Он ставит ее высоко. Зашла речь о «Помпее». Здесь мы рассказали ему некоторые подробности того времени, как она была привезена в Петербург. Слухи и толки об ней, про обед, данный Академией перед картиной, за которым все единодушно, со слезами восторга на глазах, пили здоровье отсутствующего творца «Последнего дня Помпеи».

Время нечувствительно летело, и уже в час пошел он в постель. С полчаса я побыл еще у него и ушел, сказавши, что завтра остаюсь дома рисовать свой портрет и рисуночек Штернбергу.

Вчера расстались мы приятелями, а сегодня встретил он меня оскорбительным тоном с глупыми причудами. Эта самая неровность в обращении делает положение мое чрезвычайно тягостным, но что до этого: не я один пью такую горькую чашу. И не он ли сеет во мне семена прекрасного искусства и всех нас восхищает своим дивным талантом...

В субботу [1 апреля]. вчера, поутру зашел я к нему к портрету Голицына...

Праздники тянутся для меня очень медленно... Первый день был я у заутрени... Я отправился к Бриеру де Мартре, посидел у него и пошел к Брюллову, он уже проснулся, рассказывал мне, что хотел смотреть процессию в Казанский собор, да проспал по милости Шевченки. Тут он припомнил московские церковные церемонии в эту ночь, презабавно рассказывал все, что происходит. Попы серебряные, попы золотые, в набалдашниках. Освещение необыкновенное, стрельба из пушек, гул колоколов, рев колокола на Иване Великом. Крик, туш, давка, стук экипажей и проч. От него обошел я Академию, был у Егорова, Шебуева, у графа Ф. П. Толстого, у Ва-

силія Ивановича, у Галаганши и Сапожникова... На третій день принялся работать, потому что скука смертельная одолела мною, не помню, кажется, в этот день обедал у Брюллова...

И. И. Панаев

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

(Отрывок)

Кроме положенных еженедельных артистически-литературных, великосветски-литературных и просто литературных вечеров, литераторы изредка сходились друг у друга и делали вечера. Самым гостеприимным из литераторов того времени был Е. П. Гребенка, постоянно сзывавший к себе своих литературных приятелей при получении из Малороссии сала, варенья или наливок. Гребенка в это время еще не был женат. Он жил на Петербургской стороне в казенной квартире 2-го кадетского корпуса, где был учителем.

Однажды он пригласил меня к себе вместе с М. А. Языковым, который пользовался уже тогда большою известностью между всеми литераторами, с которыми был я близок, как приятный и веселый собеседник, остряк и каламбурист. Многие принимали Языкова за литератора и сотрудника г. Краевского.

— Вы чем именно занимаетесь? — спрашивали его. — Какая ваша специальность?

— Да так, — отвечал обыкновенно, улыбаясь, Языков, — больше *по смесям* прохаживаюсь.

В этот раз у Гребенки сошлось многочисленное общество и, между прочим, Шевченко, который начинал уже пользоваться большою популярностью между своими соотечественниками; товарищи Гребенки по службе — А. А. Комаров и Прокопович (товарищ Гоголя по Нежинскому лицее и приятель его). Прокопович и Комаров оба очень любили литературу и пописывали стихи. С Комаровым я был знаком с детства и впоследствии, по приезде в Петербург Белинского, сблизился с ним еще более. О Комарове и о влиянии на него Белинского я еще буду иметь случай говорить впоследствии. На вечере у Гребенки некому было проповедовать ни о святине искусства, ни о каких-нибудь возвышенных предметах; там просто болтали о вседневных и литературных новостях и приключениях.

В начале вечера Гребенка познакомил меня с каким-то господином, бывшим в это время (это было чуть ли не в 1837 году) одним из главных сотрудников «Библиотеки для чтения». Фамилию этого господина я не припомню. Он имел очень почтенный и глубокомысленный вид и, вместо белья, шерстяную красную фуфайку, которая виднелась из-под галстука и высовывалась из-за рукавов.

Языков обращал на себя всеобщее внимание своими забавными рассказами и многих смешил до упаду.

За ужином ему пришлось сидеть рядом с сотрудником «Библиотеки для чтения» в шерстяной фуфайке. Сотрудник изъяснял не только величайшее уважение к Языкову, но обнаруживал перед ним какую-то робость, как перед авторитетом.

— Позвольте спросить,— отнесся он к Языкову,— я имею честь говорить с нашим знаменитым поэтом Николаем Михайловичем Языковым?

— Так точно,— отвечал Языков, скромно потупя глаза и нимало не задумавшись.

— Очень лестно и приятно познакомиться,— сказал сотрудник, протягивая ему свою руку.

Языков, несколько не смущаясь, пожал ее.

— Не подарите ли вы нас каким-либо новым произведением? — продолжал сотрудник.

— Да у меня есть много набросанного,— отвечал Языков с чувством достоинства,— но все это надо привести в порядок... Я все собираюсь и все откладываю.

Этот разговор был подслушан многими, и к Языкову стали обращаться с разными вопросами как к поэту, его однофамильцу. Языков выдерживал свою роль довольно удачно. Некоторые смешливые выскочили из-за стола...

Сотрудник «Библиотеки для чтения» после нескольких минут молчания крикнул и снова отнесся к Языкову:

— Смею ли обратиться к вам, Николай Михайлович,— начал он,— с покорнейшею просьбою. Я сотрудник «Библиотеки для чтения», и если бы вы удостоили украсить наш журнал каким-либо хотя небольшим произведением, вы сделали бы истинное удовольствие Осипу Ивановичу Сенковскому, глубоко уважающему ваш талант.

Языков наклонил голову в знак благодарности за лестное мнение о нем Сенковского и отвечал, что в настоящую минуту он ничего обещать не может, но что со временем, может быть, когда что-нибудь обработает, и так далее...

— И самая надежда на получение от вас чего-нибудь будет льстить нам,— отвечал сотрудник.

В эту минуту многие не выдержали и покатались со смеху, но ужин кончился, и гром отодвигаемых стульев заглушил этот смех.

Где теперь этот сотрудник? Вспоминает ли он о своей встрече с знаменитым поэтом Языковым? И кто знает, может быть, в каком-нибудь повременном издании появится его статейка под названием: «Воспоминание о поэте Языкове». Вот будет клад-то для наших почтенных библиографов и для г. Геннади, так неудачно редактировавшего последнее издание Пушкина и заставившего воскликнуть Соболевского:

О, жертва бедная двух адовых исчадий,
Тебя убил Дантес и издает Геннадий!

После ужина все оживились еще более. Гребенка начал напевать малороссийские песни, а Шевченко подплясывал под свои родные звуки.

 НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ
Т. Г. ШЕВЧЕНКА

(Отрывок)

Значение Шевченка до сих пор еще не выяснено вполне, и мы даже не имеем удовлетворительной его биографии. Очерк жизни Шевченка, составленный г. Масловым и представляющий пока лучшую биографию поэта, не лишен многих промахов, главным образом, вследствие недостатка материалов.

Наиболее материалов для биографии Шевченка находится в «Основе», но и там, к сожалению, недостает весьма многого: дневник поэта напечатан с большими пропусками, а из писем его помещены только адресованные им к родственникам и к некоторым писателям того времени. Между тем Шевченко вел переписку с разными лицами, у которых письма его, без сомнения, должны были сохраниться, доказательством чему могут служить... письма, найденные мною недавно в Полтаве у одного товарища Шевченка по Академии — г. Ткаченка. Занимаясь в Академии художеств, г. Ткаченко долго жил на одной квартире с Шевченком; часто приходилось землякам переносить неудобства петербургской жизни, и множество пережитых ими впечатлений связало их чувством товарищеской симпатии. Г. Ткаченко был так добр, что охотно рассказывал мне о своем любимом товарище, хотя из этих рассказов я узнал, к сожалению, мало нового. «Лицо у Шевченка, — говорил мне г. Ткаченко, — было не красиво, но выражение его показывало в этом человеке присутствие великого ума. Когда он говорил с женщинами, лицо его делалось необыкновенно приятным. Женщины его очень любили. Шевченко не был живописцем и под конец жизни сам сознал это; впрочем, композитор он был отличный. Исполнение далеко не соответствовало предначертанному плану, и не раз он плакал, неудачно рисуя картину, отлично им задуманную. В церкви полтавской военной гимназии есть образ царицы Александры, рисованный Шевченком; иконостас был заказан в Петербурге в то время, как он был учеником Академии. Впрочем, это был вечный ученик, вечный труженик, вечный страдалец».

В 1840 г. Шевченко в первый раз издал сборник своих стихотворений, который сделался скоро весьма популярным, особенно в Южной Руси. Тогдашняя южнорусская молодежь заучивала на память стихи Шевченка, которые, кроме изданной книги, расходились по Южной Руси во множестве тетрадок, с удовольствием переписываемых; альбомы даже сельских барышень наполнялись стихотворениями Шевченка, рядом с стихотворениями Пушкина и Лермонтова.

Весьма замечательно то обстоятельство, что иной раз прежде выхода в свет сочинения Шевченка были уже известны по хуторам Южной Руси. Так, в 1857 году г. Кулиш нашел поэму «Наймичку»

в затасканном и весьма неправильно исписанном альбоме какой-то уединенной мечтательницы, а может быть, и веселой подруги целого общества сельских красавиц *. До тех пор г. Кулиш ничего не знал об этой поэме, и самое имя автора ее было тогда ему не известно.

Такая любовь к Шевченке совершенно понятна: он был выразителем народных чувств и умел выразить их с неподражаемою простотою и силою.

Поэтому не удивительно, что в Южной Руси существует о Шевченке много рассказов и анекдотов. В них часто попадаетея вымысел, но тем не менее они уже важны потому, что показывают, как относится к поэту народ, на языке которого он писал и к которому с такою любовью относился. Между тем на такие рассказы и анекдоты биографы Шевченка до сих пор совершенно не обращали внимания.

Г. Н. Честазовский

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Т. Г. ШЕВЧЕНКА

Давно это было, ходили мы с покойным Штернбергом на Смоленское кладбище ** рисовать лопухи — очень уж хорошо они получаются на картине; больно красиво выходит, особенно, если на переднем плане нарисовать. В те времена мы еще были учениками академии. Бывало, наступит лето, мы встанем пораньше, до восхода солнца, да и побредем на Смоленское рисовать лопухи, вымокнем все от росы, будто настоящие рыбаки, пока найдем самые красивые, и тогда уж располагаемся для работы. И рисуем, рисуем пока солнышко высоко-высоко не поднимется. А как станет посильнее пригревать, тогда уж мы засунем работы в папки, попрячем в карманы — и давай домой! Да по пути и свернем на другую тропинку, что за главным проспектом *** начинается, там небольшой деревянный домишко, в нем жила немочка с дочкой — она, бывало, сварит кофе, мы напьемся, поблагодарим и уже тогда идем в академию, в наши мастерские, беремся за доброе дело — строить Спас и острые верхушки возводить, и так часов до трех-четырёх, пока не придет пора обедать. А пообедав, опять рисуем часов до семи, а там, напившись чаю, идем пошататься на главный проспект или же в гости к знакомым.

Как же прекрасно нам тогда жилось! Что за добрейший и чистый человек был Штернберг! Боже мой, как вспомню, как замечательно, как весело было дружить с ним! Гуляем, бывало, по проспекту, и соберется нас целая группа. Договариваемся, куда направиться, и идем — либо к кому-нибудь из товарищей, либо в академию, в ма-

* Записки о Южной Руси.— СПб., 1857.— Изд. П. Кулиш.— Т. II.

** В Петербурге.

*** На Васильевском острове.

стерские — провести вечер за беседой, иногда и Брюллов среди нас оказывался... Милая, искренняя беседа, как море, переливается, золотом горит на солнце, шумит, кипит, незаметно бежит время в живой и веселой беседе. А иногда садились в лодки и дунем, бывало, на пустые острова! Раз как-то договорились мы с Брюлловым погулять-порисовать, да и по чарочке захотелось; на пристани возле академии сели в лодчонку: Брюллов, я, Штернберг и Михайлов, и поплыли... А день был — не день, а рай божий, ясный, тихий, веселый... Только трели жаворонка слышны! Перевозчик быстро гнал лодку, доплыли мы до острова, высадились, дали ему два рубля и отправили домой, я же велел, чтобы он приплыл за нами к вечеру. Там мы и расположились... И что это за день был золотой! И рисовали и читали, Брюллов очень любил чтение: бывало, он дома рисует, так непременно кто-нибудь ему читал, а он слушает и рисует. Или же когда заболит, лежит в кровати, и обязательно кто-нибудь должен ему читать. Мы и разговаривали, и пели, и выпили по чарочке, и закусывали всякой всячиной. И очень веселые были! Вот уже и вечереть стало, и вечер наступил, а перевозчика — все нет, уж и ночь, а его и не слышать... Как вдруг, в полночь, слышим — плеск весел по воде, булькает — это лодка к нашему берегу... Пристали, оттуда трое — двое вышли на берег с пакетами, а третий с корзиной в руках. Оказалось — это наши, они вечером бродили по лесу, на другом берегу и расслышали с того берега наши голоса, бросились в Петербург, захватили с собой всякого добра на лодку и присоединились к нам... Ну вот — ночь нам еще светлее стала, сон совсем прогнало... А утром, смотрим — еще три лодки приплыли с обществом; они прослышали, что мы на вольном раздолье с Брюлловым пируем, и всей оравой решили присоединиться к нам и присоединились: привезли с собой повара со всякой снедью и самоварами, и чего там только не было... И опять такую беседу завели, что и до сих пор икается, как вспомнишь, чего мы там только не переговорили... Вспомнили, пожалуй, и о том, что еще до Адама бывало! Так мы два дня с ясным солнышком и две ночи с месяцем светлым, за компанию, пробалагурили, а на третий домой поплыли — отдыхать. Про перевозчика мы узнали, что он на те два рубля напился и забыл про нас... Боже, отец родной, как вспомню, что за жизнь была, вольная, молодая, веселая! Будто солнца свет тучи черные разорвет, душу грустную осветит, сердце радуется, обновляется, как божья радуга, что после гром-грозы под солнышком ясным в вышине переливается — и словно паутина спадают с души и туман, и думы темные.

А то случалось частенько и без копейки сидеть в нетопленных мастерских: ни у него, ни у меня ни полгроша в кармане...

ТАРАС ГРИГОРЬЕВИЧ ШЕВЧЕНКО

(1814—1861 гг.)

Я был с Шевченком самый близкий друг. В конце 1830-го и в начале 1840 годов мы были неразлучны почти ежедневно. Он жил на Острове, в 5-й линии, дом Аренста, а я в Академии художеств, где имел мастерскую, данную мне за успехи в рисовании и лепке. Эта мастерская (бывшая старая церковная ризница) состояла из одной комнаты с антресолями. На этих антресолях мой бедный Тарас помещался во время тяжкой своей болезни, поглощавшей наши скудные средства. В это самое время он написал с себя масляными красками портрет (рисунок с него, исполненный К. О. Брожем на дереве и гравированный академиком Л. А. Серяковым) и подаренный мне торс св. Севастьяна с натуры, в классах Академии. Рядом с моею мастерской находилась мастерская художника Петра Степановича Петровского, работавшего над программой «Агарь в пустыне»*. Мы с Тарасом, подобно Петровскому,— ученики Брюллова,— часто посещали его, наблюдая за его работою. Однажды Петровский слезно жаловался нам на затруднение к окончанию картины: оно заключалось в приискании большой птицы для скопирования крыльев ангела. Где ее найти? Мы с Шевченком искренно сочувствовали горю товарища, но от наших сетований ему легче не было, и ангел-утешитель Агари оставался без крыл. Помимо этого общего, так сказать, горя, мы все трое тужили на пустоту наших желудков, так как сидели буквально без куска хлеба, не имея ни гроша наличных и ни на полушку кредита. Петровский предложил нам идти с ним обедать к его старушке-матери на Пески. Предложение заманчивое, но путешествие с Острова на Пески и обратно, заняв у нас время, могло заставить нас опоздать к вечерним рисовальным классам, которые начинались в пять часов вечера. Отказались мы от радужного приглашения Петровского; он отправился один, а мы с Тарасом, оставшись у него в мастерской, с голодухи приняли «співать» малороссийские песни, вопреки словам дедушки Крылова: «Кому же в ум придет на желудок петь голодный!» От матери Петровский возвратился сытый, да еще с рублем серебра в кармане: старушка отдала ему последние свои деньги на покупку живого гуся для копирования крыльев ангела. Проголодавшемуся Тарасу пришла в голову злая мысль: мигнув мне запереть двери и держать Петровского за руки, он моментально вынул у него из кармана заветный целковый!.. Взяв фуражки, мы пустились бегом по академическим коридорам; Петровский — за нами, умоляя возвратить ему отнятые деньги! Так и пробежали мы до 6-й линии, прямехонько в трактир «Рим». Здесь Шевченко, скомандовав подать себе рюмку «горілки»,

* За эту картину Петровский был послан на казенный счет в Италию и здесь умер.

заказал две порции бифштексу и бросил рубль буфетчику. Бедняк Петровский волей-неволей, но закусил с нами, а там мы отправились в наши рисовальные классы.

По возвращении из них, сидя вечером в моей мастерской, мы с Шевченко толковали, чем бы помочь Петровскому. Вдруг Тарас громко захохотал.

— Чего ты, дурень, так зеваешь? — сказал он. — Ходім на охоту да Петровскому поможем!

— Как так?

— Увидишь. Да ходім же сейчас.

Дело в том, что у помощника полицмейстера Академии Соколова был на заднем дворе небольшой табунок гусей. Мы с Шевченко, накрыв одного шинелью и зажав ему клюв, потащили его в мастерскую Петровского. Уморительно вспомнить, как мы чередовались зажимать клюв гусю, чтобы не кричала эта беспокойная птица; у Петровского же дверь мастерской заперта. Когда он явился, мы к нему в мастерскую — гуся, который, радуясь свободе и распустивши крылья, с криком вбежал в комнату. Петровский ошалел от изумления: гусь-то и нужен был ему! Крылья ангелу были живо написаны, а гуся солдат-истопник сварил для нас в самоваре на тризну.

Петровский представил картину на суд профессоров и отправлен в Италию. Шевченко вскоре разбогател так, что по уплате Соколову за гуся рубля осталось у него еще столько же. К. П. Брюллов долго смеялся нашей проделке. Тараса он любил, хотя нередко журил...

П. И. Маргос

ЭПИЗОДЫ ИЗ ЖИЗНИ ШЕВЧЕНКА

В «Основе» постоянно помещались стихотворения Шевченка, выдержки из его дневника, письма, материалы для его биографии. Я хочу поговорить о напечатанной в майской книжке прошлого года статье г. Савы Ч., в которой я заметил несколько неверностей.

Шевченка я знал коротко. Я познакомился с ним в конце 1839 года в Петербурге, у милого, доброго земляка Е. П. Гребенки, который рекомендовал мне его как талантливого ученика К. П. Брюллова... Я просил Шевченка сделать мой портрет акварелью, и для этого мне надобно было ездить к нему. Квартира его была на Васильевском острове, невдали от Академии художеств, где-то под небесами, и состояла из передней, совершенно пустой, и другой небольшой, с полукруглым вверху окном, комнаты, где едва могли помещаться кровать, что-то вроде стола, на котором разбросаны были в живописном беспорядке принадлежности артистических занятий хозяина, разные полуизорванные, исписанные бумаги и эскизы, мольберт и один полуразломанный стул; комната вообще не отли-

чалась опрятностью: пыль толстыми слоями лежала везде, на полу валялись тоже полуизорванные, исписанные бумаги, по стенам стояли обтянутые в рамках холсты, на некоторых были начаты портреты и разные рисунки.

Однажды, окончив сеанс, я поднял с пола кусок исписанной карандашом бумажки и едва мог разобрать четыре стиха:

Червоною гадюкою
Несе Альта вісти,
Щоб летіли круки з поля
Ляшків-панків їсти.

«Що се таке, Тарас Григорович?» — спросил я хозяина. «Та се, добродію, не вам кажучи, як іноді нападуть злидні, то я пачкаю папірець», — отвечал он. «Так що ж? Се ваше сочинение?» — «Еге ж!» — «А багато у вас такого?» — «Та є чималенько». — «А де ж воно?» — «Та отам, під ліжком у коробці». — «А покажіть!»

Шевченко вытащил из-под кровати лубочный ящик, наполненный бумагами в кусках, и подал мне. Я сел на кровать и начал разбирать их, но никак не мог добиться толку.

«Дайте мені оці бумаги додому, — сказал я, — я їх прочитаю». — «Цур йому, добродію! Воно не варто праці». — «Ні, варто — тут є щось дуже добре». — «Йо? Чи ви ж не смієтесь із мене?» — «Та кажу ж, ні!» — «Сількось, візьміть, коли хочете, тільки, будьте ласкаві, нікому не показуйте й не говоріть». — «Та добре ж, добре!»

Взявши бумаги, я тотчас же отправился к Гребенке, и мы с большим трудом кое-как привели их в порядок и, что могли, прочитали.

При следующем сеансе я ничего не говорил Шевченку об его стихах, ожидая, не спросит ли он сам о них, но он упорно молчал; наконец я сказал: «Знаете що, Тарас Григорьевич? Я прочитав ваші стихи — дуже, дуже добре! Хотите — напечатаю?» — «Ой ні, добродію! Не хочу, не хочу, далєбі, що не хочу! Щоб іще попобили! Цур йому!»

Много труда стоило мне уговорить Шевченка; наконец он согласился, и я в 1840 году напечатал «Кобзаря».

При этом не могу не рассказать одного обстоятельства с моим цензором.

Это был почтенный, многоуважаемый Петр Александрович Корсаков.

Последняя пьеса в «Кобзаре» (моего издания) — «Тарасова ніч». С нею было наиболее хлопот, чтобы привести ее в порядок. Печатание приближалось уже к концу, а она едва только поспела. Поскорее переписавши ее, я сам отправился я Корсакову, прося его подписать ее.

«Хорошо! — сказал он. — Оставьте рукопись и дня через два пришлите за нею». — «Нельзя, Петр Александрович, в типографии ожидают оригинала». — «Да мне теперь, право, некогда читать». — «Ничего, подпишите не читавши; все же равно вы не знаете малороссийского языка». — «Как не знаю?» — сказал он обиженным тоном *. — «Да почему же вы знаете малороссийский язык?» — «Как

* Петр Александрович был большой *язычник*, в особенности надоедал мне *Plac Deutsch*. Однажды утром сидел я у него; мы курили превосходные сигары, и разговор шел о литературе Корсаков только что начал издавать журнал. Докладывают

же! Я в 1824 году проезжал мимо Курской губернии». — «Конечно, этого достаточно, чтобы знать язык, и я прошу у вас извинения, что усомнился в вашем знании, но, ей-богу, мне некогда ждать; пожалуйста, подпишите скорее, повторяю, в типографии ожидают оригинала». — «А что, тут нет ничего *такого?*» — «Решительно нет».

Добрейший Петр Александрович подписал; «Кобзарь» вышел.

В то время был в Петербурге Григорий Степанович Тарновский, с которым я познакомил Шевченка, а вскоре приехал Николай Андреевич Маркевич, поссорившись с московскою цензурою за свою «Историю Малороссии» и надеясь найти петербургскую более снисходительную. Я свел его с добрейшим Петром Александровичем и в то же время познакомил с ним и Шевченка...

И вот Тарас наш развернулся, завелись денежки, начал кутить...

Я помню эти знаменитые, незабвенные оргии у одного из наших любимых в то время писателей, на которые попадал иногда и Тарас. Весело, безотчетно весело жилось тогда!.. Да и какие лица участвовали в них и какие имена!.. Но — иных уж нет, а те далече.

В письме Шевченка к редактору «Народного чтения» есть тоже неверности и нет многого действительного; так, он не описывает главной причины своего освобождения, о чем сказано будет ниже. Вероятно, об этом знают и другие. Сам Шевченко никогда мне этого не рассказывал, а спросить его казалось мне щекотливым.

Г. Сава Ч. говорит, что, по словам поэта, во время путешествия Шевченка с сестрою в Лебединский (Киевской губернии) монастырь заронила в его душу идея будущих «Гайдамак».

Нет! Это было не так.

Тогда же (в 1840) мне хотелось узнать больше подробностей о Барской конфедерации. Статья «Энциклопедического лексикона» Плюшара не удовлетворила меня. Часто я говорил об этом с Гребенкою в присутствии Шевченка, который был в то время еще довольно скромн и не только ни одного известия не сообщил мне, но не подал даже знака, что ему известно что-нибудь о происшествиях того времени. Я перечитал множество сочинений, в которых надеялся найти хоть что-нибудь об этих делах; наконец мне попался роман Чайковского на польском языке «Węgryhoга», изданный в Париже. Я дал Шевченку прочитать этот роман; содержание «Гайдамак» и большая часть подробностей целиком взяты оттуда.

В числе мальчиков, взятых в двор помещика для прислуги разного рода, по испытании их, «Тарас был записан годным на *комнат-*

о каком-то господине, которого фамилию я забыл. Петр Александрович велел просить — и в ту же минуту схватил толстейшую тетрадь и начал читать на не понятном мне языке. Чтение продолжалось более четверти часа, а мне это время показалось несколькими часами, так что я готов уже был уйти, но пришедший господин предупредил меня. По уходе его Корсаков разразился гомерическим смехом.

— Что это за комедия, — спросил я.

— Извините, пожалуйста! Другого средства избавиться от этого господина, который страшно надоел мне, я не нашел, как занять его этим чтением.

— Да что такое вы читали?

— Первообраз Фауста на *Plat Deutsch*. Превосходная вещь!

— Ну, сделайте милость, бог с нею!

ного живописца» («Основа»). Это произошло оттого, что еще прежде, когда Тарас был дома и потом у своих велемудрых учителей, то везде разрисовывал мелом или углем столы, лавы, даже стены хат и проч., за что всегда и получал от хозяев достоподобные добрые увещания и награды, как-то: чубайки, подзатыльники и проч. Несправедливо, что Тарас был отправлен в Петербург по этапу; он отправился, в числе прочей прислуги, с обозом панским.

Дело о выкупе Шевченка началось совсем не так, как рассказывает г. Сава Ч. и сам Шевченко, который умалчивает о подлинном факте. Это было вот как.

В конце 1837 или в начале 1838 года какой-то генерал заказал Шевченку свой портрет масляными красками. Портрет вышел очень хорош и, главное, чрезвычайно похож. Его превосходительство был очень некрасив; художник в изображении нисколько не польстил. Это ли, или генералу не хотелось дорого, как ему казалось (хотя он был очень богат), платить за такую отвратительную физиономию, но он отказался взять портрет. Шевченко, закрасивши генеральские атрибуты и украшения, вместо которых навесил на шею полотенце и, добавив к этому бритвенные принадлежности, отдал портрет в цирюльню для вывески. Его превосходительство узнал себя, и вот возгорелся генеральский гнев, который надобно было утолить во что бы то ни стало... Узнавши, кто был Шевченко, генерал приступил к Энгельгардту, бывшему тогда в Петербурге, с предложением купить у него крестьянина. Пока они торговались, Шевченко узнал об этом и, воображая, что может ожидать его, бросился к Брюллову, умоляя спасти его. Брюллов сообщил об этом В. А. Жуковскому, а тот — императрице Александре Федоровне. Энгельгардту дано было знать, чтоб он приостановился с продажей Шевченка.

В неперемное условие исполнения ходатайства за Шевченка императрица потребовала от Брюллова окончания портрета Жуковского, давно уже Брюлловым обещанного и даже начатого, но заброшенного, как это очень часто бывало с Брюлловым. Портрет вскоре был окончен и разыгран в лотерее между высокими лицами императорской фамилии. Энгельгардту внесены были деньги за Шевченка.

Н. А. Маркевич

ДНЕВНИК

(Отрывки)

1840 год

Март 4. Штернберг Василий Иванович. В 11 линии в доме Доннерберга. Шевченко Тарас Григорьевич. Ibidem.

Апрель 24. Вечер и за четыре часа по полуночи у меня гости:

Чижев, Мартос, Каменский, Струговщиков, Корсаков, граф Толстой, Булгарин и Кукольник...

Это вечер замечательный в моей жизни... А Кукольник уже напал на Мартоса, критиковал Шевченка. Уверял, что направление его «Кобзаря» вредно и опасно. Мартос приходил в отчаяние... Нес-

В. И. Штернберг
Автопортрет
Масло. 1838

тор добавил, что теперь необходимо запретить языки: польский, малороссийский и в остзейских губерниях немецкий. Мы хохотали, и я добавил, что немцев, поляков, татар и самоедов надобно сделать греко-католиками.

Май 4. У меня Штернберг, Струговщиков и Шевченко, автор «Кобзаря». Парад 50 000 войска; поэтическая вещь!..

Май 9. Памятный в жизни день! Несколько визитов. Серве здесь.

В 9 часов приехал домой от Прюма и нашел у себя несколько человек гостей. Это прощальный ужин и вместе именины. Были у меня:

1.2.3. братья и кузен — Раковичи, 4.5.6. Тарновские, 8. Голенковский, 9. Шереметьев, 10. князь Голицын, 11. вице-президент граф Толстой, 12. Штернберг, 13. Никитенко, 14. Корсаков, 15. Полевой, 16. Булгарин, 17. Греч, 18. Струговщиков, 19. Губер, 20. Сенковский, 21. Каменский, 22. Шевченко, 23. 24. Кукольники и с ними 25. Яненко.

26.27.28. Глинка со своими двумя товарищами, 29. Прюм, 30. Штер, 31. Дрейшок, 32. Карл Майер, 33. Серве-Лоди, Данченко, 34. Ригельман, 35. Горленко, 36. Корба, 37. Адъютант Том Толстой, 38. Чижов, 39. Грегор Галаган, 40. Соболевский, 41. товарищ Прюма. Двенадцати не помню — всех нас было 53 человека.

1853 год

Ноябрь 12. Это мне напомнило Шевченку в шинку с мужиками. Он взял зерна в руки, положил на стол одно зернышко и сказал: «Оце цар». Потом вокруг него в почтительном отдалении положил круг зерен и продолжал: «Оце пани». Наконец кучами окружил тоже в отдалении и сказал: «А се громада, люде простіі». Мужики сидели, смотрели, слушали: «Примічайте, дивіться добре, де цар і де пани; замітили, які вони?» — «Замітили», — отвечает народ. Вдруг Шевченко смешал все кучки и заключил словами: «Шукайте царя й панів! Де вони?..»

А. Н. Струговщиков

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ГЛИНКА

1839—1841

(Отрывки)

23 апреля я получил от Маркевича записку, которую прописываю in extenso; она писана интересным лицом и характеризует взаимные отношения кружка или, как выражается Глинка в своих «Записках», братии:

«Посылаю тебе, любезный собрат, моего камердинера, которому можешь вручить остальныя 275 руб., что составит за мною 300 всех...»

Теперь о другом: прислан ли тебе альбом мой от Каменского? Если написал что-нибудь, то доставь через этого же Зосима; мне хочет еще кой-кто вписать свои имена.

Теперь о третьем: я был у Штера и у Дрейшока; мы толковали о деле; они не могут иначе быть у меня, как в четверг. Между прочим, я собираюсь выучить со скрипкою концерт Липинского и, может быть, сыграю его у тебя. Извести, можешь ли собраться к четвергу?

Еще о четвертом: Несторову статью получил ли? Пошла ли она в друкарню?

Еще о пятом; но не бойся, это уже последнее: жму твою руку и проч. Твой Н. Маркевич».

Вечером 27 апреля собрались у меня: М. И. Глинка, граф Ф. П. Толстой, А. П. и К. П. Брюлловы, три брата Кукольниковы, кн. В. Ф. Одоевский, барон П. А. Вревский (мой однокашник, убитый при Черной), гр. В. А. Соллогуб, П. П. Каменский, М. А. Геденов, Э. И. Губер, В. И. Григорович, Рамазанов (тогда ученик скульптуры), П. В. Басин, С. Ф. Щедрин (брат знаменитого мариниста), А. П. Лоди (на сцене Несторов), Н. А. Маркевич, И. И. Сосницкий, поэт Шевченко, только что приехавший из Москвы скульптор Витали, В. Г. Белинский, А. В. Никитенко, И. И. Панаев, Струйский, Горонович (ученик К. Брюллова), Я. Ф. Яненко, Владиславлев и несколько моих родственников. Недоставало: О. И. Сенковского, Даргомыжского, двух братьев Степановых, Штерича, В. А. и П. А. Каратыгиных, О. А. Петрова и доктора Гейденрейха. С ними сохранившийся у меня список приехавших дал бы полный персонал нашего кружка, за исключением лиц, группировавшихся более около гр. М. Ю. Виельгорского.

Дрейшок, рубивший пальцами котлеты, по выражению Глинки, исколотил в этот вечер два рояля, взятые мною у Вирта на прокат, и заставил некоторых, в том числе и Белинского, уехать до ужина, зато Маркевич удивил всех своей игрой, затмив Штера. Все были порядочно утомлены, но веселая беседа за ужином оживила нас. Заговорили о новой опере Глинки, он не выдержал, встал из-за стола и подсел к роялю, струны задребезжали, но у Дрейшока был ключ, и он наскоро настроил инструмент. Глинка был неистощим, сначала он исполнил некоторые оконченные нумера «Руслана и Людмилы», потом знакомил нас, более и более одушевляясь, с рисунками подготовительных партитур, и тогда исполнение заговорило об руку с творчеством. Взошло теплое утро; окна были отворены, было семь, когда кто-то заметил, что прохожие останавливаются. Мои гости разъехались.

В конце мая (1840) К. Брюллов сделал наконец эскиз давно задуманной им картины «Осада Пскова». Как хорош был этот эскиз! Как жалка перед ним неоконченная картина!

2 июня я встретил его в коридоре Академии с его краскотером Липиным, тащившим целую кучу живописных принадлежностей. Брюллов был в возбужденном состоянии и сказал мне: «Идем в большую мастерскую, на осаду Пскова, недели на две; присылай мне, пожалуйста, по две чашки кофе, по два яйца и по тарелке супу».

Я жил тогда во 2-й линии, насупротив мастерской, и исполнял аккуратно его желание. К его меню я прибавил только жареного цыпленка, который ни разу не оставался лишним.

15 июня, когда я был один в квартире, часов в 7 вечера раздался звонок. Вошел обросший бородой и сильно похудевший К. Брюллов.

«Дашь мне шампанского да чего-нибудь съесть? — спросил он, видимо, довольный своею работою, и прибавил: — Теперь скажи, как отделаться от любопытных? Показывать неоконченную картину все равно, что ходить без сапог».

Припоминаю его слова всякий раз, как мне приходится видеть так гениально задуманную и так несчастливо остановленную в исполнении «Осаду Пскова». Что тут за убийственная пестрота и в

красках и в линиях! А из-за этой-то пестроты и казнил художник при мысли, что картина может остаться неконченной. И как сон в руку: подоспели требования на картоны, на работу для Исаакиевского собора... а затем... но об этом после.

Между тем, как я говорил слуге о вине и закуске, Брюллов набросал на недописанном мною листе бумаги несколько карикатур на своих братьев, на Кукольника, на Шебуева и Шевченко и сказал:

Т. Г. Шевченко
Автопортрет
Тушь. 1843

— Да, пожалуйста, нельзя ли из этих уродов Глинку и Кукольника—сюда? Жить хочется!

— Попробуем.

Слуга отправился, и нам посчастливилось. Кукольник и Глинка оказались по домам и не более как через час оба приехали вслед за посланным, который успел заготовить и всем нужным. Началось бражничанье, пошли рассказы с спорами и смехом пополам. После труда весело.

Д. В. Григорович

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

(Отрывок)

В числе учеников Брюллова находился в то время Т. Г. Шевченко, с которым, сам не знаю как, я близко сошелся, несмотря на значительную разницу лет. Тарасу Григорьевичу было тогда лет тридцать, может быть, больше; он жил в одной из линий Васильевского острова и занимал вместе с каким-то офицером крошечную квартиру. Я посещал его довольно часто и постоянно заставлял за работой над какою-нибудь акварелью — единственным его средством к существованию. Сколько помню, Шевченко был тогда постоянно в веселом настроении духа; я ходил слушать его забавные рассказы и смеялся детским, простодушным смехом.

Р. А. Земкевич

ТАРАС ШЕВЧЕНКО И БЕЛОРУСЫ

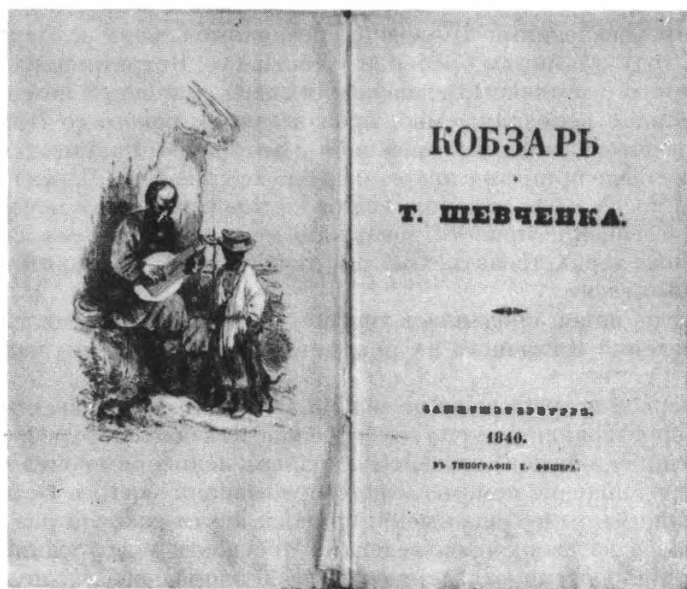
Первым из украинцев, заинтересовавшихся началом литературного возрождения в Белоруссии, был великий Кобзарь Украины — Тарас Шевченко. В 1839 году, живя в Петербурге, Тарас Шевченко познакомился с белорусским писателем Яном Барщевским. Вокруг Барщевского группировались тогда и другие белорусы, все они под влиянием Барщевского стали интересоваться всем белорусским и договорились издавать свои труды. Шевченко, познакомившись с ними, просил прочесть ему их белорусские произведения и особенно заинтересовался белорусскими народными песнями.

Один из молодых белорусов, Ромуальд Подберезский, знал особенно много песен: он спел их Шевченко и, кроме того, прочитал ему все белорусские произведения Барщевского, а также перевод украинской «Энеиды» Котляревского, сделанный Маньковским. Народные песни Шевченко понравились: однако художественные произведения белорусских писателей он частично критиковал, утверждая, что в них мало чисто народного элемента. Об «Энеиде» в переводе Маньковского Шевченко заметил, что в этом произведении больше, чем в других, белорусский элемент и что тем самым оно более всего интересно для него. После этого Шевченко уговаривал белорусов не оставлять своей работы для народа, так как это их

долг, а труд их, несмотря на тяжкие обстоятельства, не пропадет напрасно, и плоды этой работы останутся.

Вот и все, что нам известно в данном случае о Шевченко. Сведения эти мы получили из частного письма Винцента Реутта к Легатовичу.

Позднее Шевченко продолжал интересоваться литературным возрождением Белоруссии, об этом свидетельствует и то, что среди подписчиков на литературный альманах Ромуальда Подберезского

Т. Г. Шевченко
Кобзарь. 1840
Титульный лист и фронтиспис

«Rocznik Literacki» («Литературный ежегодник», издал Ромуальд Подберезский.— Петербург, 1843.— Стр. 216), напечатана в книге и фамилия великого украинского поэта: «Szewczenko Taras, Kobzar».

О художественном творчестве Шевченко Подберезский поместил небольшую заметку в официальной правительственной (на польском языке) газете «Tygodnik Peterburski». 1844 г., стр. 569 (статья «Живописная Украина»).

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
О Т. Г. ШЕВЧЕНКЕ

С произведениями Шевченка познакомил меня в Петербурге в 1841 году альманах Гребенки «Ластівка». Встретившись вскоре после этого с земляком Зеленским, я завел разговор о помещенных в альманахе неподражаемых произведениях какого-то Шевченка. «Не хочешь ли, я познакомлю тебя с автором?» Разумеется, предложение было принято с искреннею благодарностию. Через несколько дней после этого, вечером, вошел ко мне с земляком моим незнакомый господин, приветствовавший меня следующими словами: «Дай боже здравствовать! Оце той самий Тарас, що ви хотіли з ним познакомитися».

Беседа наша продлилась далеко за полночь, вращаясь около произведений и главного их предмета — дорогой обоим нам Украины.

С первой встречи поэт не мог не заметить, что думы его и в то время производили на меня глубокое впечатление, и его добрая, простая душа не могла не отозваться полным, искренним сочувствием.

В продолжение семимесячного пребывания моего в Петербурге Шевченко часто посещал меня, принося почти каждый раз что-нибудь новое из своих произведений. Местность моей родины, в середине Малороссии, отдалена от всего ей инородного... С другой стороны, с давнего времени существовало в ней учебное заведение, в которое почти из каждого уголка Украины вносились родные литературные элементы, усваивавшиеся местным наречием, что, естественно, вместе с влиянием науки должно было способствовать чистоте, богатству и художественной отделке наречия; так думал М. А. Максимович, так был убежден Шевченко, и на основании этих убеждений произведения его должны были подвергаться моей корректуре в видах очищения их от наплыва уродовавших родную ему заднепровскую речь полонизмов.

Из написанных им в то время произведений на русском языке я помню прекрасную повесть в стихах «Слепая», написанную кипучим, вдохновенным стихом, и мелодраму в прозе «Невеста», содержание которой отнесено к периоду гетманства Выговского, — образец неподражаемого, не удавшегося Основьяненку, искусства передавать местным русским языком быт Украины с полнейшим соблюдением оборотов родной речи и народного характера действующих лиц. Оба эти произведения, как кажется, потеряны. На вопрос мой в 45 году о «Слепой» Шевченко сказал, что, помнится, он отдал ее Щепкину, и советовал мне написать О. М. Бодянскому, чтобы он спросил ее у Щепкина и выслал мне, но у Щепкина ее не оказалось. О мелодраме «Невеста» автор говорил мне в Петербурге, что он представлял ее в дирекцию императорского театра и что ее соглаша-

лись поставить, но, по всей вероятности, она не дождалась от автора окончательной отделки, и в 45 году у него ее уже не было. Такая же судьба, должно быть, постигла прекрасную поэму «Иоанн Гус», посвященную Шафарику. Если бы он послал ее при посвящении Шафарику, то в бумагах его, последнего, после смерти, она, наверное, сохранилась бы. Расставаясь со мною в мае 42 года, Шевченко предупредил меня, что он чрезвычайно ленив писать письма, поэтому я ничего не знал о нем до 45 года. В августе этого года он неожиданно посетил меня в Переяславе, прожив у меня две недели.

Не могу не вспомнить вечер 19 августа 45 года. Общество, большею частью из молодежи, шумно вокруг стола пировало, Шевченко был в полном одушевлении; против него, на противоположном конце стола, стоял, не сводя глаз с поэта, с бокалом в руке господин почтенных лет, по происхождению немец, по вероисповеданию протестант. «Оце — батько! Ёй-богу, хлопці, батько! Будь здоров, батьку!» — высоко поднимая бокал, провозгласил немец, и затем мы все называли его «батьком».

Песни украинского народа симпатичны потому, что исполнены глубокого смысла. Кроме богатства содержания, в их то живых, игривых, веселых, то грустных, но никогда не безнадежно грустных мотивах, как в изящных звуковых формах, отлилась вся Украина с ее патриархальным бытом, с исполненным простоты и героизма характером, с ее чувствами, с ее славной и вместе грустной историей, с ее привлекательной природой. Вот почему украинская песня служит для простолюдина бессознательным источником самоуважения и создает ту нравственную силу, которая всегда охраняла его народность... Вот почему немец-протестант, состарившийся на Украине, при виде народного поэта, в личности которого, в его думах олицетворилось перед ним все прекрасное второй его родины, первый провозгласил его «батьком».

В октябре того же года Шевченко приехал ко мне опять, больной, и прожил у меня около двух месяцев. Утром он обыкновенно писал, не нуждаясь нисколько в уединении. Он писал как бы шутя. По делам, которые я тогда имел с евреями, иногда наполнялась ими гостиная моя, в которой Шевченко обыкновенно занимался, но этот шумный кагал не только не мешал ему (хотя бы он мог удалиться в кабинет), напротив, продолжая писать, он вслушивался в разговоры евреев, вмешивался в них и, рассмешив чем-нибудь кагал, сам хохотал, продолжая быстро и безостановочно свое дело, без всяких поправок. Вечер проходил в разговоре, продолжавшемся обыкновенно часов до двух. Соображая его очень недавний выход из состояния простого работника, я удивлялся его развитию и многосторонности его знаний, дававших каждый вечер новую пищу для разговора. Иногда он занимался чтением библии, отмечая места, поражающие особенным величием мысли; к сожалению, библия эта в пожар сгорела. Из тогдашних предположений его помню два неосуществившиеся: первое — большая картина «Видение Иезекииля в пустыне, полной сухих костей» и 2-е — путешествие по Днепру (с обозрением окрестностей его) в обществе нескольких личностей, к участию в котором он приглашал меня с целью изучения края в археологическом, историческом и этнографическом отношениях.

По случаю переделки в моем доме он переехал в с. Вьюнице к помещику С. Н. Самойлову, где прожил около месяца. В это время

он предложил мне снять с меня портрет; вместо этого я просил написать мне его портрет. Он принялся за работу и окончил ее, оставалась незначительная отделка, из-за которой, уезжая в Яготин к князю Репнину, он взял портрет, обещав мне в скором времени выслать его; это был портрет, далеко не похожий на все существующие теперь, это был портрет не Т. Г. Шевченка, но портрет народного поэта, бойко схваченный в минуту его поэтического вдохновения; к сожалению, я не получил его, и он потерян безвозвратно; в Яготине он затеряться не мог, княжна Репнина, глубоко уважавшая талант поэта, наверное, сберегла бы его и поделилась со светом.

В разговорах со мною Шевченко рассказывал случаи из его школьной жизни у дьячка. Кроме уже известных, помню рассказ его о тогдашней его профессии, доставлявшей ему скудные средства к существованию: это чтение псалтыри над покойниками. Чтобы ускорить эту утомительную работу, он иногда на половине псалма начинал «приидите, поклонимся» и, пользуясь отвлечением внимания посетительниц к поклонам, переворачивал несколько листов, чего не замечая, они, поражаясь вяжностью и вместе быстротою его чтения, считали его лучшим чтцом и охотнее других его приглашали. Голод нередко заставлял его посягать на чужую курицу или чужого поросенка, из которых он обыкновенно в ночную пору стряпал ужин в пещере, находившейся за селом; обыватели, видя по ночам огонь в пещере, порешили, что там должна быть нечистая сила, и обратились к батюшке, чтобы он изгнал ее оттуда; священник в сопровождении народа, окропив вход в пещеру святой водой, предложил освидетельствовать ее. Так как никто не соглашался на такой смелый подвиг, то порешили в видах поощрения сделать складчину. Когда собралось порядочное количество медных монет и смельчака ни одного не оказалось, то Шевченко, выступив вперед, изъявил желание войти в пещеру. Некоторые не хотели подвергать мальчика опасному риску, другие возразили: «Воно мале, до него нечистая сила не коснется». Чтобы более отдалить всякое подозрение, он просил, чтобы к нему привязали веревку, которою, в случае опасности, могли бы вытащить его. Отправясь на веревке в пещеру и убравши в сторону все остатки стряпни своей, он вышел, объявив, что в пещере ничего не оказалось, за что и получил порядочный куш складчины от удивленной его смелостью толпы.

Веруй глубококоразумно, писал он мне в одном письме из Ново-петровского укрепления, утешая меня в постигшем тогда семейном горе. Я был свидетелем, когда он, слушая кощунство хозяина, у которого он жил, сказал: «Издеваться над теми нравственно-религиозными убеждениями, которые освящены веками и миллионами людей, неразумно и преступно».

Несправедливо некоторые предполагали в нем безусловную ненависть к лицам высшего слоя общества; в каждом человеке, без различия состояния и общественного положения, он ценил прежде всего достоинство человека, во всех слоях общества у него было много ценителей его таланта и друзей. Он глубоко, искренно предан был, например, радушно принимавшему его семейству Репниных. Не сочувствуя монашеству, он с чувством глубокого уважения говорил и о неоднократно высказывавшемся покойным киевским митрополитом Филаретом сочувствии и смелой, горячей христианской любви к меньшей братии. Каждый раз, по словам одного из

друзей его, с восторженно глубоким уважением рассказывал он о благодушном приеме, оказанном ему преосвященным митрополитом Исидором, к которому он обратился с просьбой о пропуске его букваря духовной цензурой. Описанная им самим в дневнике его неожиданная встреча его в Москве с сыновьями бывшего его владельца служит самым сильным опровержением несправедливого укора Шевченко в озлобленности.

Некоторые укоряли его в пьянстве. Два раза, в день его именин и на свадьбе, где мы были шаферами, я видел его пьяным в такой степени, в какой приходится быть, к случаю, и трезвым людям...

Насколько Шевченко способен был увлекать даже незнакомое общество, доказательством может служить следующий случай, рассказанный мне двумя его знакомыми: в самом начале приезда его в Малороссию один из его приятелей завез его к генеральше Т. Г. Волховской. Кажется, это был день ее именин, на который, кроме местного общества из нескольких уездов, съезжались к ней знакомые из Петербурга и Москвы — около двести особ. В это блестящее собрание Шевченко явился почти никому не известный. Не прошло часа после его приезда, как среди русского и французского говора слышалась уже украинская речь, а через несколько часов остановились танцы, и хозяйка, почтенная, за 60 лет старуха, увлеченная почти всеобщим настроением гостей, исполнила с Шевченком народную украинскую «метелицу». Вскоре после этого я как-то потерял было след его, но в 1852 году неожиданно получил от него письмо из Новопетровского укрепления. Поводом к этому посланию была болезнь, по мнению его, сходная с тою, которая была у него в 45 году, и просьба врачебного совета; таким образом завязалась у нас переписка, ограничившаяся, впрочем, только 4-мя письмами; первые три письма напечатаны были в «Основе», последнее затеряно было одним моим знакомым, к большому моему сожалению. В письме этом подробно был описан поход его к Аралу в экспедиции, начальством которой он принят был с гуманным, радужным сочувствием. Это же письмо могло служить комментарием к посвященному мне поэтом посланию, в котором неизвестный автор статьи, помещенной не помню в котором журнале, находит гораздо более горячего чувства, чем в прочих посвященных его друзьям посланиях.

В июне 59 года, утром, на двор квартиры моей въехала почтовая телега. Сидевший в ней показался мне похожим на Шевченка. Я не ошибся; молча мы поздоровались, молча он приветствовал мою семью, молча несколько раз с заметным волнением прошел по комнате, потом посмотрел в окно на ярмарочное движение и высказал желание посмотреть ярмарку; мы отправились. Дорогой он объяснил, что вошел ко мне как угорелый, потому что по пути из Петербурга до моей квартиры почти не вставал с телеги: с таким нетерпением он летел в свою родную старину. Зашла речь об ожидаемой тогда воле. В то время у нас уже совершалось по требованию правительства обсуждение об улучшении быта крестьян, в котором я принимал письменно деятельное участие. Не стесняясь его симпатиями, я откровенно высказывал свой взгляд на ожидаемую реформу, указывая на некоторые, по моему мнению, практические неудобства и затруднения.

Грустное впечатление производил на него взгляд мой. Возвра-

тившись с ярмарки, он рассеялся, разговорился, вспомнил о грустном пребывании его в Новопетровске, хотя ему там было легче, нежели в Орской крепости. Зашла речь о Гоголе. Он не сочувствовал ему: по его словам, неудавшиеся честолюбивые мечты стали причиной умственного его расстройств. Я напомнил Шевченку несколько коротких его произведений, забытых им. он записал их. Вообще из разговора оказалось, что из написанных до 46 года его произведений многие потеряны безвозвратно.

После обеда отправились в Козинцы, в 2 верстах от Днепра. Нетерпение скорее увидеть «Дніпро широкополий, і гори, і кручі» заставило его, не дожидаясь запряжки лошадей, отправиться пешком. Мы застали его на половине пути на траве в раздумье по случаю разделения дороги на две ветви и отправились вместе. Вечером устроили на Днепре рыбную ловлю. Она вышла не совсем удачна, зато тихая украинская ночь с мириадами звезд на чистом своде неба как будто нарочно, во всем чарующем ее величии, приветствовала так давно знакомого ей поэта. Глядя на окружающие его родные ему картины природы, поэт сказал: «Как хорош был поэт, если бы он мог быть только поэтом и не гражданином». Лежа на берегу, мы несколько часов провели в беседе. Закончив прогулку вкусной ухой, отправились на ночлег в Козинцы. На другой день утром он на дубе отправился к М. А. Максимовичу в Прохоровку. На пути из Киева Шевченко заехал ко мне, пробыл у меня около двух суток. Заметно мрачное настроение духа было следствием известного неприятного случая с ним в Киевской губернии; особенно резко оно отразилось в фотографическом его портрете, снятом в Киеве, которого экземпляр он оставил мне; в нем, впрочем, я нахожу гораздо более сходства, чем в литографированном.

В это последнее свидание он высказал мне намерение через два года взять в арендное содержание небольшое пространство земли на днепровских горах против Прохоровки, построить небольшой домик и там провести остаток жизни. Скоро после отъезда в Петербург он прислал мне «Кобзаря». На письмо мое к нему в Петербург он не ответил, и меня тяготила мысль, что, может быть, взгляды мои на ожидаемую крестьянскую реформу не согласовались с его взглядами, но друг его, М. М. Лазаревский, бывший у меня после его смерти, заверил меня, что это не имело никакого влияния на то глубокое чувство привязанности ко мне, которое он сохранил до самой смерти.

М. М. Лазаревский в непродолжительное свидание со мною успел только в общих чертах представить грустную картину последних годов жизни Шевченка. Редкая человеческая натура может устоять против той нравственной борьбы и тех физических бедствий, которые достались на долю поэта...

ЗАПИСКИ

(Отрывок)

Настали рождественские святки, соседи стали учащать, нелюбезность моя увеличивалась. Матушка могла уделять мне немного времени и просила быть приветливее с посетителями. Как ни старался я исполнить ее желание, удавалось не всегда. Наконец и мы в свою очередь должны были сделать несколько визитов. Все было для меня невыносимо скучно, к счастью, посещения ограничивались поездками на один день к ближайшим соседям. На праздниках мы все поехали в Яготин к князю Николаю Григорьевичу Репнину. Мои воротились в тот же день, я провел там несколько дней.

После долговременного пребывания за границей Репнины, князь с княгиней и дочерью, княжной Варварой Николаевной, поселились в Яготине. Там же жил тогда и сын князя, Василий Николаевич, женатый на Балабиной.

Княгиня, рожденная Разумовская, была телом стара, но приветлива и любезна. Князь Николай Григорьевич (Волконский), внук знаменитого фельдмаршала князя Николая Васильевича Репнина, принявший в роде по женскому колену фамилию Репниных, был еще очень бодр и обладал необыкновенною памятью. Отлично образованный, замечательно умный, приветливый и гостеприимный, он занимал важный пост вице-короля Саксонии после Отечественной войны и потом долгое время был генерал-губернатором малороссийским.

Управляя Саксонией, получал очень ограниченное содержание и издержал на представительство более миллиона ассигнационных рублей из своих средств, вследствие чего вошел в значительные долги. Обещано было уплатить из казны издержанные Репниным деньги, но, по необъяснимому великодушию, мы не брали контрибуций, не взыскивали военных издержек, и суммы, издержанные Репниным, не были возвращены. В царствование государя Николая Павловича, в тридцатых годах, по доносу, сделанному Александром Григорьевичем Строгановым, Репнин был удален от должности малороссийского генерал-губернатора, на имение его наложено запрещение, назначено следствие, обвиняли князя в незаконном расходовании казенных денег. Долги росли, одно из значительных имений князя продано с публичного торга (Почеп, купленный Клейнмихелем), в конце концов оказалось, что князь был виновен в неправильном позаимствовании из полтавского приказа общественного призрения девятнадцати тысяч рублей для окончания постройки полтавского института. Между тем дело, длившееся около десяти лет, совершенно его разорило, и, если бы не состояние, довольно значительное, княгини, князь был бы лишен всех средств к существованию.

Князь Николай Григорьевич, знавший меня еще ребенком, посещая часто наш дом по пути из Повисов в Яготин, принял меня в высшей степени любезно, и я провел у него два дня в постоянных разговорах, по большей части с стариком князем в кабинете. Не было новой книги, мало-мальски замечательной, которую князь не прочел бы, разговор его бывал интересен и поучителен. Любил вспоминать и старину, но ни слова о несправедливостях, которых был жертвой; единственным проявлением его неудовольствия в этом отношении была раздача добрым знакомым портретов императоров из его обширной и замечательной картинной галереи. Между прочим, портрет Александра I во весь рост, превосходная копия Доу, достался моему отцу, особенно преданному памяти благословенного.

Княжна Варвара Николаевна, энергичная, легко увлекавшаяся девица зрелых лет, худая, тоненькая, с большими живыми, выразительными глазами, не могла скрывать своего негодования на неблагодарность к заслугам ее отца. Вспыхивала, как порох, при малейшем намеке на дела минувших лет, но, добрая, остроумная, милая и любезная, она была провидением бедных и несчастных, раздавала, что у ней было, и принимала самое теплое участие во всех, прибегавших к ее помощи и совету.

Из посторонних в то время жили в Яготине две личности, обращавшие на себя внимание. В качестве домашнего доктора находился постоянно Фишер, вывезенный князем из Саксонии, один из лучших учеников Гуфланда, очень умный, образованный, симпатичный человек и отличный медик. Проживал временно в Яготине в одном из многочисленных флигелей Шевченко, живописец по профессии и поэт по призванию... Как живописец он мало известен: рисовал довольно посредственно; как поэт был замечателен чистотою малороссийского языка, плавным, мерным стихом, звучными строфами, задушевным чувством, мягкою сердечностью; его «Кобзарь», в особенности его «Катерина», может считаться одним из лучших произведений в этом роде. Но в «Гайдамаках» Шевченку недоставало священного огня, проявления страсти, широкой кисти, увлекательного действия, характеризующих историческую драму.

Как человек... но *de mortuis aut bene, aut nihil*,¹ в особенности принимая во внимание тяжкую судьбу, постигшую несчастного поэта.

Старые князь и княгиня удалялись тотчас после вечернего чая в свои комнаты; мы, оставшись с молодыми Репниными, с княжной, заставляли Шевченка читать «Катерину» и неизданные им стихотворения; расходились рано. Ко мне обыкновенно приходил Фишер и Шевченко, болтали до поздней ночи. Рассказы Фишера были очень интересны; он ездил в Египет, на мыс Доброй Надежды и знакомил нас с этими отдаленными странами.

Шевченко говорил о своем прошедшем и, казалось, был совершенно доволен настоящим...

Несколько раз играл я на фортепьяно в Яготине, и музыка моя очень нравилась; Варвара Николаевна предложила мне написать оперу, либретто взялся составить Шевченко, сюжетом избрали Ма-

¹ О мертвых следует говорить или хорошо или ничего (лат.).— Ред.

зепу. Сюжет для оперы действительно богатый. Много драматизма, действия, разнородные элементы: велико- и малорусский, шведский, польский. Но в разработке драмы и в языке либретто мы расходились... Варвара Николаевна и Шевченко хотели, чтобы либретто было написано на малорусском языке, я был противоположного мнения и уверял, что Шевченко владел настолько русским языком, что хорошо напишет либретто; если писать оперу, говорил я, так

Г. И. Псел
Портрет В. Н. Репниной
Масло. Около 1839

писать оперу серьезную и на языке общедоступном, а не какую-нибудь «Наташку Полтавку». Каждый остался при своем мнении, тем дело и кончилось в Яготине.

Огромный деревянный яготинский дом, окруженный парком в полтораста десятин, с закругленною рекой, представлял удобное и вполне барское помещение. История этого дома очень занимательна. Он был построен в Киеве гетманом Кириллом Григорьевичем

Разумовским, на Печерске, в одной из лучших местностей над Днепром. Приезжает однажды к бывшему гетману киевский комендант и докладывает ему, что на лето ожидаются многочисленные войска, направляемые чрез Киев в Турцию, и просит позволения назначить в доме Разумовского временный постой, наравне с другими обывателями. Кирилло Григорьевич изъявляет согласие, но потом раздумался; пишет приказ в Яготин, чтобы немедленно выслали в Киев три тысячи подвод и столько же крестьян с топорами. В несколько дней дом был разобран и перевезен в Яготин. Не правда ли, оригинальный способ избавиться от постоя? Дом, как был, так и поставлен в Яготине, а место в Киеве и флигели Разумовский подарил Трощинскому. Усадьба эта принадлежит теперь инженерному ведомству.

Стороженко

ЭПИЗОД ИЗ ЖИЗНИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА

«С половины 1843 года и до своего ареста в 1847 году Шевченко большею частию проживал в Малороссии, собирая материалы для издания задуманного им альбома под названием «Живописная Украина». В Малороссии он принят был с радушием и хлебосольством. К этому времени относятся воспоминания Афанасьева-Чужбинского о Шевченке, с которым он познакомился 29 июня 1843 года в Мосевке в доме Татьяны Густавовны Волховской» *. Конец 1843 года Тарас Григорьевич провел в м. Яготине у князя Репнина, а в начале 1844 года он попал снова в компанию «мочеморд», несмотря на предостережения княжны В. Н. Репниной. «Вскоре после выезда из Яготина, — читаем у г. Петрова (стр. 312), — Шевченко опять является в Мосевке, как показывает дата под стихотворением «Чигирин», написанным в Мосевке 19 февраля 1844 года». Следующий эпизод, который я передаю со слов моей бабушки Марии Давидовны Корсун, позволяет сделать предположение, что Шевченко уже с первых чисел января гостил то в Мосевке, то у Закревских в Березовой Рудке.

12 января 1844 года, в день именин Т. Г. Волховской, в Мосевке было большое празднество, съехалось более полутора ста душ гостей, в числе их был и Тарас Григорьевич. Между прочими увеселениями была устроена лотерея в пользу одной из присутствовавших, некой Александры Ивановны Шостки, или, как ее обыкновенно называли, Шосточки. Разыгрывался портрет этой госпожи, писанный Шевченком.

История этого неизвестного доселе художественного произведения кисти Шевченка следующая.

* Петров Н. История украинской литературы. — К., 1884. — С. 310.

А. И. Шостка представляла собой особенный тип того времени, нечто вроде Марьи Дмитриевны Ахросимовой в романе «Война и мир». Это была небогатая дворянка, вдова бригадира, без особенного образования, но с острым умом и врожденным тактом. Все очень любили ее за веселый нрав и потому не было именин, свадьбы, крестин и вообще каких-либо празднеств, на которые не звали бы Шосточку. Приехавши куда-нибудь, она часто оставалась на несколько дней и в награду за сообщенные новостешки и хозяйственные советы получала всегда разные подарки в виде съестных припасов и всяких вещей. Едва успела Шосточка привезти все это добро в свой «куринь», как уже приезжал чей-нибудь экипаж за нею, и она снова летела собирать мед и увеселять своих покровителей. Часто приходилось ей, конечно, исполнять роль свахи. Словом, она была везде желанной гостьей, являлась для всякого нужным человеком.

В 1843 году с нею приключилась беда: архиерей дал ей книгу для сбора пожертвований на одну церковь; она собрала рублей пятьдесят, но тут-то и попутал ее грех — взяла да растратила чужие деньги. Положение было, конечно, пренеприятное, и вот она, чтобы выкрутиться из него, призналась как-то у Закревских во всем чистосердечно и просила помочь ей. Глава «общества мочемордия» В. А. Закревский увидел в этом отличный случай позабавиться и потому на ее слезное признание отвечал: «Я вам помогу, душенька Александра Ивановна, но для этого нужно, чтобы вы согласились на мое предложение — пускай Тарас снимет портрет с вас во весь рост, как есть, с животиком и прелестными ножками; об остальном не спрашивайте, это уж мое дело». Нужно сказать, что Шосточка была огромного роста, очень толстая и неуклюжая. Шосточка согласилась, и Шевченко сделал ее портрет: был представлен сад, клумба роз и Шосточка, идущая по усыпанной песком дорожке под зонтиком в черном шелковом платье, несколько подхваченном кверху, чтобы видны были ноги, и в белом чепчике. Сходство портрета с оригиналом было поразительное, в художественном отношении эта работа Тараса Григорьевича отличалась замечательною тщательностью отделки. Величиною портрет был с аршин в вышину и четверти три в ширину.

12 января дешевые лотерейные билеты быстро разошлись по рукам, собранная сумма с излишком покрыла растраченную Шосточкой и была тотчас же передана в ее распоряжение; портрет же выиграла моя бабушка. Но, увы! Одна ее знакомая, некая Анна Корнеевна Огронович, двоюродная сестра Шосточки, после бесконечных просьб просто вынудила подарить ей портрет. А. К. Огронович уже несколько лет как умерла, и работа кисти нашего великого поэта пропала бесследно. Предполагают, что Огронович подарила портрет своим родственникам, у которых потом сгорел дом и в нем, быть может, и художественное произведение Тараса Григорьевича.

ВОСПОМИНАНИЯ
В ПРОШЕДШЕМ ВРЕМЕНИ
О КНИГОПРОДАВЦАХ И АВТОРАХ

(Отрывки)

Лысенков И. Т., книгопродавец, занятие имеет с 1818 года определением в книжный магазин О. Л. Свешникова, московского купца, на Сумской ярмарке Харьковской губернии, на месте моей родины; торговля по ярмаркам по Украине, Малороссии и Новороссии продолжалась восемь лет, и в 1826 году перешел на службу на Макарьевской ярмарке в Москву к именитому московскому книгопродавцу Матвею Петровичу Глазунову.

В Москве в 1826 году, по окончании праздников коронации государя Николая Павловича, осенью, Матвей Петрович Глазунов новому своему приказчику Лысенкову поручил заведывать его книжным магазином в С.-Петербурге, куда Лысенков и отправился вслед за выездом государя императора. Лысенков прибыл в Петербург к своему посту и старательно выполнял все поручения по торговле десять лет, а в 1836 году открыл собственную свою торговлю в доме Пажеского корпуса, где и занимал магазин 37 лет. Литераторы во все это время делали свои посещения: И. А. Крылов, Н. И. Гнедич, А. Ф. Воейков, А. С. Пушкин, Вл. Иг. Соколовский, журналисты и многие другие.

Встречались и курьезы по литературе при приобретении прав на сочинения; так непредвидимо случилось — прекрасный знакомый Лысенкова малороссийский поэт Т. Г. Шевченко, уезжая из Петербурга на житье в Малороссию, продал Лысенкову по условию все свои сочинения. Лишь только были отпечатаны Лысенковым 2-м изданием эти сочинения, вдруг от высшего начальства последовало запрещение о непродаже их, и автор послан был на исправление на 10 лет на оренбургскую границу против киргизов. По возвращении его в Петербург в небогатом положении он выхлопотал в цензуре дозволение напечатать вновь для продажи его сочинений в публице, согласился с Лысенковым для его поддержки по расстроению им здоровью, чтоб Лысенков позволил бы по напечатании продавать автору в свою пользу, а в вознаграждение Лысенкова пообещал навсегда передать все вновь свои произведения, но едва успел получить доход от позволения Лысенкова, начал автор сильно хворать и вскоре умер. Лысенков объявил во всех газетах, что принадлежащие Лысенкову по акту сочинения Шевченка начинают печататься Лысенковым новым изданием. Один близко бывший знакомый автору, Шевченко, вздумал воспользоваться перепродажей принадлежащего права Лысенкову другому издателю-книгопродавцу, которые, оба сговорившиеся, видели из газет о принадлежности Лысенкову этого права издания, и покупатель от протателя выдал

последнему акт, что в случае неправильности покупки перед прavitельством отвечает сам покупатель, по пословице: бывают в жизни «скачки с препятствиями».

В. В. Ковалев

ВОСПОМИНАНИЯ О Т. Г. ШЕВЧЕНКО

В 1844 году я поступил в Академию художеств; тогда же Тарас Григорьевич за исполненную им программу «Мальчик с собачкою» получил звание художника. Я, подобно многим нашим землякам, стремящимся к художественному образованию, приехал в столицу с ничтожными денежными средствами. В таком положении обыкновенно сближаешься с подобными же себе товарищами и устраиваешь жизнь свою сообща, как можно проще, и вот, сойдясь с такими же тремя юношами — Карпом, Гудовским и Роговым, — мы заняли в доме Бема на Васильевском острове в 1-й линии весьма скромное помещение, состоящее из одной проходной комнаты с перегородкой. За перегородкой жили мы четверо, а налево, не доходя до перегородки, вела дверь в другую комнату, которую занимал Тарас Григорьевич. Это была уютная комнатка с одним окном, убранная заботливой женской рукою кисейными занавесками. Мы, как новички, только что поступившие в Академию, смотрели на Тараса Григорьевича с подобострастием; в наших глазах это был уже законченный художник и притом еще поэт, получивший уже среди малороссов известность. Случалось, что Тарас Григорьевич, когда, бывало, захочется отвести душу народной песней, выходил к нам за перегородку, садился на единственный стоявший в комнате деревянный диван и говаривал: «А нуте, хлопцы, заспиваем!» Карп брал свою скрипку, Гудовский держал баса — и при помощи наших молодых тогда голосов песня лилась, и мы забывали нашу тяжелую нужду. Чаще всего при этом пели песню из сочинений Тараса Григорьевича: «Ой повій, вітре, з великого лугу, та розвій нашу тугу», эту песню он и сам пел с нами и руководил пением, и напев к ней был им же сочинен, пели, конечно, без нот. Тарас Григорьевич в то время был в дружественных отношениях с Брюлловым К. П., у которого часто собирались два брата Кукольника, вечера у них кончались не всегда благополучно. Брюллов наконец не выдержал и, разойдясь с Кукольниками, впоследствии говаривал: «Черт бы их побрал, я чуть не сделался через них горьким пьяницей». К тому же времени относятся и шалости Брюллова карандашом: так, в альбоме Тараса Григорьевича я видел карикатуру, начерченную Брюлловым, где Тарас Григорьевич изображен с растопыренными пальцами, за ногтями которых была намазана чернейшая грязь; в том же альбоме было много эскизов друга Тараса Григорьевича — Штернберга (из Диканьки), необыкновенно талантливого молодого челове-

ка, отправленного за границу для усовершенствования и там, к сожалению, умершего. Из числа эскизов Тараса Григорьевича в этом альбоме лучшим был «Король Лир», нарисованный сепией. Энергичная фигура короля была почти в нагом виде, с факелом в руках, в припадке безумия бегущего поджечь свой дворец. В таком положении мне никогда не случалось видеть «Короля Лира» на сцене при выполнении этой роли лучшими артистами. Эскиз Тараса Григорьевича производил сильное впечатление и по эффектному освещению. Тарас Григорьевич готовился его исполнить, но неблагоприятные обстоятельства тому воспрепятствовали; тут же был эскиз «Мальчик с собачкой», за исполнение которого он получил звание художника.

Хотя Тарас Григорьевич как поэт пользовался уже большою популярностью в среде своих земляков, но великороссы, ученики Академии, не понимая малороссийского языка, не могли ценить его поэтического таланта. Около 47 года Тарас Григорьевич предпринял издание альбома «Живописная Украина», которого была выпущена одна тетрадь в небольшом количестве экземпляров, тетрадь эта состояла из четырех рисунков: «Дары в Чигирине», «Подача рушников», третьего не помню и четвертый — «Судная рада» (гравированные самим Тарасом Григорьевичем иглой на меди). На этом последнем рисунке с удивительною верностью схвачены экспрессии наших заспоривших на сходке земляков; в числе их изображен, повидимому, старшина, который, потупив глаза в землю, тычет палочкою в кизяк. Под картиною написано: «Се діло треба розжувать». Теперь это рассказывается как анекдот, и я хочу восстановить в памяти, откуда он взят и кто творец этого сюжета. Издание это, как и вообще всякая другая его деятельность, вследствие ссылки Тараса Григорьевича прекратилось.

Тут уместно вспомнить, что Тарас Григорьевич первый у нас в России начал гравировать иглою на меди по способу и манере фламандцев XVII ст., придерживаясь манеры Рембрандта.

(Здесь автор воспоминаний показал присутствующим образец гравирования Рембрандта и гравюру «Компания», — как образец гравирования Тараса Григорьевича.)

Эта гравюра («Компания») подарена была мне самим Тарасом Григорьевичем в 1859 году. Тарас Григорьевич очень любил этот род гравирования, в котором достиг известной степени совершенства. Я видел в 59-м году у него в мастерской большой, 3/4 арш. в выши-ну, прекрасный рисунок — «Сосновый лес».

В 47-м году Тарас Григорьевич переселился в Киев преподавателем * при университете.

По возвращении Тараса Григорьевича в Петербург, ему было отведено в здании Академии помещение рядом с академической церковью, состоящее из одной комнаты, разделенной на две части: на антресоли и мастерскую; на антресолях стояла его постель. В 59 году я был в Петербурге и посетил его в этой его квартире. При этой встрече я был поражен резкою переменою его внешности: это не был прежний широкоплечий, коренастый, с целыми волосами на голове мужчина в сером сюртуке, каким я его знал прежде, предо

* Рисования.

мною был совершенно исхудалый, лысый человек, без кровинки в лице, руки его сквозили до того, что видны были насквозь кости и жилы... Я чуть не прослезился.

Многие, конечно, помнят, какой энтузиазм в то время вызывали литературные произведения Тараса Григорьевича в его земляках и особенно в землячках. Институты на юге России были полны его горячими поклонниками. Разговаривая о прошлом и обратившись к настоящему, Тарас Григорьевич между прочим сказал: «Нынешним летом я приеду к вам в Полтаву, там у меня есть еще товарищ Ткаченко (учитель полтавской гимназии), а вы подыщите мне невесту». Видя его хворым, я в душе не одобрял его намерения жениться, но он прибавил: «Ви не подумайте, що я хочу взяти за себе баришню; мені висватайте яку-небудь попівну, таку, щоб і чоботи з мене знімала». — «Шкода, — кажу, — а як розбере, що ви за чоловік і яку добули собі славу, то зараз скаже, що мені подобає не така доля. Годі вам, Тарасе Григоровичу, тільки лишні клопоти будуть».

Известно, что Тарас Григорьевич, чем более приближался к концу жизни, тем более все думал о женитьбе, известно также, чем кончились его попытки выбрать себе жену из девушек простого сословия, несколько его не понимавших. Он тешил только свое воображение, для этих же девушек, хоть и простых, но с самостоятельными понятиями и склонностями, никакой гений не заменит молодости. Так и кончил Тарас Григорьевич свой век одиноким.

В Полтаве мне уже не пришлось с ним более видаться. Я выехал в Крым и там спустя некоторое время услышал о смерти его и о том, что прах его провожал до могилы один из моих товарищей по Академии — Григорий Николаевич Честаховский.

А. С. Афанасьев-Чужбинский

ВОСПОМИНАНИЯ О Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Сонце гріє, вітер віє
З поля на долину,
Над водою гне з вербою
Червону калину;
На калині одиноке
Гніздечко гойдає,—
А де ж дівся соловейко?
Не питає, не знає.

Т. Шевченко

(«Кобзар». На вічну пам'ять
Котляревському)

Как материал для биографии Шевченка я представляю эпизод моего с ним знакомства в то время, когда наш поэт был еще молод, кипел вдохновением, стремился к самообразованию и, несмотря на

грусть, постоянно щемившую его сердце наедине с собою, увлекался еще порой и веселым обществом и сочувствием, которое вызывал симпатичной своей личностью. Но прежде чем приступлю к описанию моего знакомства с Шевченком, считаю необходимым бросить беглый взгляд на эпоху, близкую к нам, но почти перешедшую

А. С. Афанасьев-Чужбинский
Гравюра

в область истории, по тем совершившимся фактам, которые один за другим вели наше общество к развитию. Это было в 1843 году. Находясь в годовом отпуске в Полтавской губернии, я ожидал отставки из военной службы с целью заняться изучением украинской народности, что было заветной моей мечтой.

В то время паны наши жили, что называется, на широкую ногу, и патриархальное гостеприимство не теряло ни одной черты из

своего почтенного характера. Молодое поколение было уже более или менее образованно. Женщины высшего сословия, собственно молодые, все уже были воспитаны в институтах, пансионах или дома под надзором гувернанток, и французский язык не только не казался диковинкой, как в начале тридцатых годов, но считался необходимой принадлежностью всякой образованной беседы. Говорили на нем бегло и порядочно одни, впрочем, женщины, а кавалеры по большей части не умели вести разговора на этом языке, но каждый щеголь считал обязанностью пригласить даму на танец непременно по-французски. Хотя у многих помещиков выписывались журналы, т. е. «Библиотека» и «Отечественные записки», но критические статьи Белинского оставались неразрезанными на том основании, «что в них все начинается от Адама», и жадно читалась литературная летопись Брамбеуса, приходившаяся по плечу большинству публики; заучивались наизусть драматические фантазии Кукольника, и я знал одну очень милую барышню, которая могла проговорить без запинки всего Джакомо Санназара. Богатые паны жили открыто, и было несколько домов в разных пунктах, окруженных штатом прихвостников, куда в интимный кружок допускались лишь избранные; но в известные урочные дни и праздники стекалось до трех- и четырехсот гостей из разных концов Малороссии. Там помещики почерпали и новые моды и обычаи, там самый гордый богач своего околотка делался «тише воды, ниже травы», потому что громадное богатство магната давило его своими размерами. Вельможный хозяин старался принимать всех одинаково, исключая двух-трех, на которых смотрел как на равных, и иногда, за обедом, для приведения всех к одному знаменателю, отпускал фразу вроде следующей:

— Напрасно NN взялся за это предприятие — оно ему не по силам. Жаль, он может разориться, потому что, имея каких-нибудь тысячу душ, трудно будет ему выдержать.

И тот ежился, у кого была тысяча душ, а у кого несколько сот, тому оставалось только слушать подобострастно. Тогда еще у нас сильно ценилось в человеке богатство, и хоть оно ценится не менее и теперь, однако этого не выражают так цинически и не говорят: «Ты беден, так ступай к порогу». В это блаженное время говорили и поступали иначе. Но у магнатов, как я уже сказал, всех принимали одинаково и не делалось у них, как у большинства при съездах, что одним гостям подавали хорошие иностранные вина, а другим местного уездного производства. Съезды эти преимущественно можно было назвать танцевальными, потому что несколько дней сряду каждый день дамы наряжались по-бальному, и пляс продолжался до двух и трех часов за полночь. Львами балов обыкновенно бывали военные да изредка какой-нибудь заезжий из столицы, который и пожинал лавры и на которого с завистью посматривали самые отъявленные сердцееды.

Но в то время уже, как отрадные оазисы, выдавались некоторые семейства с новым направлением, отличавшиеся и образованием и гуманностью. Их было немного, но проехав несколько десятков верст, вы были уверены встретить и умную беседу, и интересную книгу, поспорить не об одних собаках и лошадях и услышать истинную музыку. Между женщинами этих семейств начиналось стремление к национальной литературе; они наперерыв читали «Кобза-

ря» Шевченко, изданного в Петербурге и встреченного критикой единодушным глумлением. Что украинки читали родного поэта — казалось бы делом весьма обыкновенным и, по-видимому, естественным; но кто знает строй тогдашнего общества, тот не может не подивиться. Дети достаточного сословия, особенно девочки, от кормилицы поступали или к иностранным нянькам, или к таким, которые говорили по-русски, и каждое украинское выражение вменялось им в проступок и влекло за собою наказание. Еще мальчики могли научиться по-украински, но девочкам предстояло много труда понимать «по-мужицки», хотя ничто не мешало сохранять родной акцент и до глубокой старости. В то время, кроме «Энеиды» Котляревской, которой девицам читать не давали, на украинском языке были уже повести Квитки, «Полтава» и «Приказки» Гребенки, имелись везде рукописные сочинения Гулака-Артемевского; но все это читалось как-то вяло высшим кругом. Появление «Кобзаря» мигом разбудило апатию и вызвало любовь к родному слову, изгнанному из употребления не только в обществе высшего сословия, но и в разговоре с крестьянами, которые старались, и, конечно, смешно, выражаться по-великорусски. Смело могу сказать, что после появления «Кобзаря» большинство принялось за повести Квитки. В 1843 году Шевченко уже знали украинские паны; для простолюдинов поэт и до сих пор остается неизвестным, хотя все произведения его доступны крестьянину и доставили бы ему большое наслаждение. К этому же году относится и первая моя встреча с Шевченко в Полтавской губернии. Был июнь на исходе. На Петра и Павла в одном старинном доме у Т. Г. Волховской съезжались помещики не только из Полтавской, но из Черниговской и даже из Киевской губернии, и празднество продолжалось несколько дней. Дом этот был последним в своем роде; восьмидесятилетняя хозяйка его — явление тоже невозможное в настоящее время, и потому читатель не посетует, если я очерчу слегка быт знаменитой некогда Мосевки. 12 января день именин хозяйки и 29 июня, кажется, день именин покойного Волховского праздновались со всевозможною пышностью; и в эти дни собиралось в Мосевке до 200 особ, из которых иные паны приезжали в нескольких экипажах в сопровождении многочисленной прислуги. Все это нужно было разместить и продовольствовать. В последнее время хозяйка была почти слепая; страстная охотница до карт, она уже не могла играть сама и только просиживала далеко за полночь возле игравших, услаждая слух свой приятными игорными возгласами и утешаясь каким-нибудь казусом. Старушка мало уже и помнила, зная только самых близких гостей, а о большей части посетителей, особенно из молодежи, никогда и не слыхала; она не входила ни во что, и прием гостей лежал на обязанности экономки и дворецкого. У последних люди поважнее пользовались еще вниманием по преданию, но мы, номады, должны были размещаться по собственному разумению и по утрам бегать в буфет добывать с боя стакан чаю или кофе. Разумеется, четвертак, полтинник играли роль; но иногда гостей было так много, беспорядок доходил до такого хаоса, что и подкупленные лакеи ничего не могли сделать для своих клиентов. Но эти житейские неудобства выкупались разнообразным и веселым обществом, которое с утра собиралось в гостиных комнатах, где дамы и девицы, одна перед другой, щеголяли любезностью, красотой, изысканностью и роскошью туалета. Балы Т. Г. Волхов-

ской были для Малороссии своего рода Версалью: туда везлись на показ самые модные платья, новейшие фигуры мазурки, знаменитейшие каламбуры, и там же бывал иногда первый выезд девицы, которая до того ходила в коротеньком платьице и кружевных панталонцах. Там завязывались сердечные романы, происходили катастрофы, провозглашалась красота и устанавливалась слава танцоров и танцорок. Да, подобные балы уже не повторяются, потому что теперь немного найдется охотников ехать за полтораста верст с семействами на трехдневный пляс, да и вряд ли отыщется помещик, готовый бросить несколько тысяч рублей на подобные удовольствия. Огромная, в два света, зала едва могла поместить общество, хотя немалая часть гостей занимала другие комнаты и много мужчин играло в карты по своим квартирам. Старинная мебель, цветы, прошловековые зеркала и занавесы — все это при освещении и новейших костюмах, под звуки музыки представляло необыкновенно интересный вид... И вдруг среди толпы разряженных дам и расфранченных кавалеров является истопник в простой крестьянской одежде, в дегтяных сапогах, с длинной кочергой и, расталкивая раздушенную толпу, отправляется к печке, садится на паркете на корточки и, помешивая головни, понюхивает себе табак из рожка, вынутаго из-за голенища. Дождавшись флегматически времени, истопник полезет на лесенку, закроет трубу и, сложив на плечо свои доспехи, отправляется обратно тем же порядком, не обращая внимания на происходящее, как человек, добросовестно исполнивший свою обязанность. Зимние балы были блистательны, но летние гораздо веселее, потому что после танцев, на рассвете, общество выходило на лужайку перед домом, уставленную цветами, гуляло по саду, и тут договаривались при блесках утренней зари те речи, которые как-то замирали в душной бальной атмосфере. В описываемое время встретил я в Мосевке С. А. Закревскую, которая тогда напечатала в «Отечественных записках» свою «Институтку» и затронула в ней несколько лиц, обыкновенно посещавших старуху Волховскую. Она же сказала мне, что ждали из Петербурга Гребенку, который, нет сомнения, придет в Мосевку. С Гребенкой мы были знакомы как воспитанники одного заведения, и хотя он вышел гораздо прежде меня, но мы жили с ним на одной квартире. Он тоже в своих рассказах описал не одну личность из общества собиравшегося в Мосевке. В особенности нападали они с Закревской на одну барыню, тип уже исчезнувший, известную в Малороссии под именем всесветней свахи.

Общество собралось многочисленное. По протекции одного приятеля я имел комнатку неудобную, но отдельную, так что, несмотря на неудобства, все-таки я был помещен лучше многих. Помню, что после шумного завтрака я отправился к себе покурить и почитать. Проходя мимо главного подъезда, я услышал голоса: «Гребенка! Гребенка!» — и остановился. Евгений Павлович подъезжал к крыльцу в сопровождении незнакомца. Они вышли. Спутник его был среднего роста, плотный; на первый взгляд лицо его казалось обыкновенным, но глаза светились таким умным и выразительным светом, что невольно я обратил на него внимание. Гребенка тотчас же поздоровался со мною, взял за плечи и, толкнув на своего спутника, познакомил нас. Это был Т. Г. Шевченко. Последний знал меня по стихотворному посланию к нему, напечатанному в «Молодике», и

крепко обнялся со мною. Дорожным надо было умыться и привести в порядок костюмы. Я пригласил их в свою комнату. Гребенка скоро ушел вниз, а Тарас Григорыч остался со мною. Я упомянул о своем стихотворении не из самолюбия, напротив, я считаю его слабым, но потому что это было первое печатное заявление сочувствия и уважения украинца к народному поэту, и Шевченко несколько раз произнес мне свое искреннее «спасибі», которое, как известно всем знавшим его близко, имело особенную прелесть в устах славного Кобзаря. Но недолго мы разговаривали. Весть о приезде Шевченко мигом разлилась по всему дому, и квартира моя вскоре наполнилась почитателями, приходившими познакомиться с родным поэтом. Пришел и Гребенка, и мы отправились в залу. Все гости толпились у входа, и даже чопорные барыни, которые иначе не говорили, как по-французски, и те с любопытством ожидали появления Шевченко. Поэт, видимо, был тронут блистательным приемом, и после обычного представления хозяйке, которая решительно не понимала, кого ей представляли, Шевченко уселся в кругу дам в обществе С. Л. Закревской. Целый день он был предметом всеобщего внимания, за исключением двух-трех личностей, которые не признавали не только украинской, но и русской поэзии и бредили только Гюго и Ламартином. Скоро Шевченко сделался как свой со всеми и был точно дома. Многие хорошенькие особы читали ему наизусть отрывки из его сочинений, и он в особенности хвалил чистоту полтавского наречия. Влияние этой чистой речи отразилось на его последних произведениях, а в первых заметно преобладание заднепровского говора. После ужина одна веселая мужская компания увлекла Шевченка в свои комнаты, куда услужливый буфетчик отпустил приличное количество увеселительных напитков. Среди шумных тостов и приветствий Тарас подсел ко мне и сказал, что он не надеялся встретить такого радушия от помещиков и что ему очень нравились иные «молодиці і дівчата». Вообще он был в духе и не говорил иначе, как по-украински.

Здесь надо сказать несколько слов о небольшом кружке, который овладел Шевченко. Тесный кружок умных и благородных людей, преимущественно гуманных и пользовавшихся всеобщим расположением, принадлежал к числу тех собутыльников, которые, не находя ли деятельности в тогдашней среде, не успев ли отрешиться от юной разгульной жизни, единственным наслаждением находили удовольствие похмелья и девизом своим избрали известную латинскую пословицу «*In vino veritas*». Слабость эта, извиняемая в дворянском быту, а в то время заслуживавшая даже особенную похвалу, не вредившая никому, не мешала, однако же, членам упомянутого кружка быть приятными собеседниками почти весь день, потому что они могли выпивать очень много и только уже вечером нализывались до того состояния, когда язык прилипает к гортани и в глазах двоются предметы. Кружок этот носил название «общества мочемордия» вследствие того, что на языке его не существовал глагол пьянствовать, а заменялся фразой «мочить морду», и каждый удалой питух назывался «мочемордой» или, по крайней мере, имел право на это название. В противоположность — неупотребление спиртных напитков называлось «сухомордие или сухорылие». Члены, смотря по заслугам, носили титулы мочемордия, высокомочемордия, пьянейшества и высокопьянейшества. В награду усердия у них

существовали отличия: сивалдай в петлицу, бокал на шею и большой штоф через плечо. В известные дни или просто при съездах они совершали празднества в честь Бахуса, и вот как сзывались мочеморды на эти празднества: бас гудел «ром! пунш! ром! пунш!», тенора подхватывали «полпиво! полпиво! глинтвейн! глинтвейн!», а дисканты выкрикивали «бела, красна сладка водка!». Великий магистр произносил приличную речь, и мочеморды предавались своим возлияниям. Все горячие напитки считались достойными, но существовало одно условие, вследствие которого истый мочеморда для поддержания чести общества не должен был употреблять простой водки, а непременно настойку, если не действительную, то хоть прикрытую этим названием. Так, напр., в случае сильного недостатка мочеморда пил гривенниковку, т. е. простую водку, в которую, за неимением под рукой никакой специи, вбрасывался гривенник. Старейшиной тогда был В. А. Закревский, носивший титул-высокопьянейшества и получивший большой штоф через плечо. Умный и благородный человек, гусар в отставке, Закревский целый день бывал душою общества, и все, кто слушал его рассказы о похождениях мочеморд в обоих полушариях, хватался за бока от смеха, и в те минуты от него нельзя было оторваться. С крестьянами он обходился необыкновенно кротко и иначе не отзывался к ним, как с какою-нибудь шуткой. Однажды при мне, где-то на балу, после ужина пошли мы в свои комнаты. Закревский горевал, что мало съехалось истинных мочеморд, «все этакое сухорылье», и собирался ложиться спать «черт знает в каком положении!». Слуга его встретил нас шатаясь. Закревский расхохотался.

— Каков поп, таков и приход! — проговорил он и, достав из кармана полтинник, прибавил: — О! достойный сын Бахуса! Ступай же и мочи морду до рассвета.

Это была чрезвычайная редкость в то время, когда иные помещики, пившие без просыпу, строго наказывали людей, если последние хоть изредка пробовали подражать господам своим.

К В. Закревскому сошлось несколько истых мочеморд отпраздновать знакомство с Шевченком, и как все это были веселые, порядочные люди, то мы и остались пировать с ними до рассвета.

Два дня пробыли мы вместе с Шевченком в Мосевке и, расставаясь, дали слово друг другу повидаться при первой возможности, указав разные местности, где располагали быть в известное время приблизительно. Заезжал он потом ко мне, провожал я его к общим знакомым, и в эти-то поездки я успел поближе всмотреться в эту интересную личность, о которой еще до появления в Малороссии ходили разноречивые слухи. Осторожный ли от природы или вследствие гнетущих обстоятельств молодости, сложившихся такой тяжелой долей, Шевченко при всей видимой откровенности не любил, однако же, высказываться. Мне как-то удалось сразу подметить эту черту, и я никогда не беспокоил его никакими вопросами, пока он сам не начинал разговора. Помню, однажды осенью у нас в доме долго сидели мы и читали «Dziady» Мицкевича. Все давно уже улеглись. Тарас сидел облокотясь на стол и закрыв лицо. Я остановился перевести дух и покурить. Только что я прочел сцену, когда Густав рассказывал священнику свою последнюю встречу с милой.

— А що, ти втомивсь і хочеш спати? * — спросил он меня.

— Нет,— отвечал я,— а хочу покурить.

— І справді. А знаєш що? може б, випить чаю! Так, мабуть, хлопчик спить уже, сердешний.

— Разве же и без него мы не сумеем. Погоди, я соберу припасы, поставим самовар.

— От і добре! Порайся ж ти тутечки, а я побіжу по воду до криниці.

— Вода есть, а на дворе слышишь какой ветер.

— Байдуже. Хочу пробігатись.

И Тарас Григорович, отыскав ведро, пошел садом. Вскоре ко мне донесся звучный его голос, напевавший любимую тогда им песню:

Та нема в світі гірш нікому,
Як сироті молодому.

Общими силами приготовили мы чай, и, когда уселись за стол, он, позабыв о Мицкевиче, начал мне рассказывать все свое прошедшее. Лишним будет говорить, что рассвет застал нас за беседой, и тогда только я вполне понял Тараса. Но Шевченко уже разочаровался в некоторых наших панах и посещал весьма немногих. Не отсутствие радушия или внимания, не какое-нибудь высокомерие оттолкнули его, а печальная власть бывшего крепостного права, выражавшаяся в той или другой неблагоприятной форме, приводила эту благородную душу в самое мрачное настроение. Хотя перед ним везде все старались показывать домашний быт свой в праздничном виде, однако трудно было обмануть человека, подобного Шевченку, который, выйдя сам из крепостного сословия, очень хорошо знал кулисы и декорации на сцене помещицкой жизни.

Мне очень памятен один случай. В уездном городке Лубны, не желая отстать от других, один господин пригласил Шевченка обедать. Мы пришли довольно еще рано. В передней слуга дремал на скамейке. К несчастью, хозяин выглянул в дверь и, увидев дремавшего слугу, разбудил его собственноручно по-своему... не стесняясь нашим присутствием... Тарас покраснел, надел шапку и ушел домой. Никакие просьбы не могли заставить его возвратиться. Господин не остался впоследствии в долгу: темная эта личность, действуя во мраке, приготовила немало горя нашему поэту...

Мысль о тогдашнем положении простолюдина постоянно мучила Шевченка и нередко отравляла лучшие минуты.

Тарас Григорьевич из иностранных языков знал один лишь польский и перечитал на нем много сочинений. Как нарочно в то время я сам прилежно занимался польской литературой и у меня собралось довольно книг и журналов. В ненастную погоду Шевченко не встает, бывало, с постели, лежит и читает... К Мицкевичу чувствовал какое-то особенное влечение. Зная Байрона лишь по нескольким русским переводам, Тарас Григорьевич художническим чутьем угадывал великость мирового поэта; но, читая великолепные переводы Мицкевича из Байрона, он приходил всегда в восторг в

* Шевченко со мной всегда говорил по-украински, и потому я иначе и не могу передавать его речи.

особенности от «Доброй ночи» из «Чайльд Гарольда». Действительно, пьеска эта не уступает подлиннику и вылилась у поэта гармоническими и симпатичными стихами. Тарас Григорьевич долгое время любил повторять строфу:

Sam jeden błędząc po świecie szerokim
Pędzę życie tułacze,
Czegoż mam płakać, za kim i po kim,
Kiedy nikt po mnie nie płacze? ¹

Несколько раз принимался он переводить лирические пьесы Мицкевича, но никогда не оканчивал и разрывал на мелкие куски, чтобы и памяти не осталось. Иные стихи выходили чрезвычайно удачно, но чуть какой-нибудь казался тяжелым или неверным, Шевченко бросал и уничтожал все предыдущие строфы.

— Мабуть, сама доля не хоче,— говаривал он,— щоб я перекладав лядські пісні.

В 1844 г. расстались мы надолго. Случай увлек меня на Кавказ и Закавказье, где величественная природа и совершенно незнакомый край с его диким населением поглотили все мое внимание. Я не имел вестей о Шевченко, но везде, где находил несколько украинцев, в кругу ли чиновников или в каком-нибудь полку, везде встречал я истрепанные экземпляры «Кобзаря» и «Гайдамак» и полное, искрейнее сочувствие их автору.

По возвращении на родину я встретился с Тарасом Григорьевичем в уездом своем городе, чрез который он проезжал из Миргорода, где сошелся с Лукьяновичем. Шевченко хлопотал о подорожной, и как время было после полудня и все городские власти спали по обычаю после обеда, то и не представлялось возможности исполнить его желание. Получение подорожной действительно у нас обставлено весьма стеснительными формами для проезжего. Я предложил Шевченку заехать ко мне, погостить день-другой, а потом обещал доставить его куда надобно. Он спешил к Закревскому, но тотчас же принял мое предложение, и мы отправились в Исковцы. Тарас Григорьевич рассказал мне, что сблизился с Виктором Алексеевичем, который не сложил еще с себя звания старшины общества мочеморд и подвизался в нем с успехом во славу Бахуса. При этом он сообщил мне множество анекдотов. В два дня Тарас Григорьевич прочел мне несколько своих сочинений. Дивные вещи были у Шевченко. Из больших в особенности замечательны «Иоанн Гус», поэма, и мистерия без заглавия. В первой он возвысился, по моему мнению, до своего апогея, во второй, уступавшей «Гусу» по содержанию, он рассыпал множество цветов чистой украинской поэзии...

Шевченко рассказывал мне, что прочел все источники о гуситах и эпохе, им предшествовавшей, какие только можно было достать, а чтобы не наделать промахов против народности — не оставял в покое ни одного чеха, встречавшегося в Киеве или других местах, у которых расспрашивал топографические и этнографические подробности.

Считаю обязанностью упомянуть об одном обстоятельстве, которое освещает с чрезвычайно важной стороны личность Шевченко.

¹ Скитаюсь в одиночестве по миру бескрайнему, влача жизнь изгнанника,— отчего же мне плакать, о ком и по кому, если никто не плачет по мне?

Напечатано было его русское стихотворение «Тризна». Он нашел его у меня и засмеялся своим симпатичным смехом.

— Ты читав? — спросил он и на утвердительный мой ответ прибавил: — От треба було вискочить як Пилип з конопель. Чому не писать, коли сверблять руки, а друкувать не годилось.

— Говоря правду, ты лучше пишешь по-нашему.

— От спасибі! А дехто хотів одурить мене, зачепить, знаєш, авторське самолюбіє, так я ж і сам бачу. Швець знай своє шевство, а у кравецтво не мішайся,— прибавил он с улыбкою.

Бросив книгу, он улегся на кровать.

— Нехай йому цур! Ось сядь лиш та розкажи мені про Кавказ і про черкесів.

Долго мы беседовали о горцах; его все занимало, он расспрашивал о малейших подробностях тамошнего быта. Потом мы мечтали о поездке по Днепру в дубе на Запорожье, потом до Лимана поискать остатков старины, исчезающих уже от исследователей; но как у нас у обоих не хватало средств, то мы и откладывали это до более благоприятного времени.

Зимой мы съехались у Закревских. Шевченко был у них как свой и с удовольствием проживал в их гостеприимном доме. Иногда съезжались к Виктору Алексеевичу некоторые поклонники Бахуса и совершались знаменитые празднества. Но Тарас Григорьевич любил и женское общество, нередко просиживал в гостиной у хозяйки в дружеском кружке, весело болтая, слушая музыку или звучным своим голосом распевая заунывные украинские песни. Никакие тогда усилия поклонников Бахуса не в состоянии были его отнять у нас, и кончалось тем, что Виктор Алексеевич с товарищами приходил из флигеля и все вместе мы просиживали далеко за полночь. Однажды мы собрались к родным Закревских, верст за десять. Время прошло незаметно. Мария Алексеевна превосходно играла Шопена, София Алексеевна рассказывала занимательные эпизоды из прежнего быта украинских панов. Тарас Григорьевич был весел и разговорчив. Давно уже повечерело, мы начали собираться в обратный путь. Горничная объявила, что расходилась метель. По обычаю нас начали удерживать, но молодые спутницы наши решились ехать, тем более, что дорога знакомая, лошади отличные, да и метель, по-видимому, не могла в час времени разыгаться до такой степени, чтобы уничтожить след. Призвали кучера, и тот с своей стороны ободрил и сказал, что в случае необходимости он не пожалеет лошадей и доставит нас в полчаса на место. Виктор Алексеевич тотчас же сделал свое распоряжение. Он попросил бутылку рому и предложил Тарасу Григорьевичу распить ее на всякий случай: во-первых, для сохранения подолее теплоты, если бы пришлось сбиться с дороги, во-вторых, с целью поскорее уснуть и не чувствовать никаких неприятностей. Но Шевченко не внял убеждениям приятеля и не исполнил его желания. Тогда Виктор Алексеевич, осушив ром во славу Бахуса, завалился в свою кибитку и пожелал всем нам покойной ночи. Мы разместились в санях с барынями и выехали за ворота. Разыгрывалась степная метель, не та, которая, осыпая снегом сверху, залепляет глаза, но не шибко заметает дорогу, а самая страшная, низовая, которая, вырывая снег с земли, крутит его в воздухе и с визгом и каким-то воем носится над обширной степью. Через несколько минут мы уже не видели огней усадь-

бы. Лошади сперва бежали бодро, но скоро кучер известил, что мы сбились с дороги, и когда мы раздумали поворотить назад, то никто не знал, какое принять направление. Мороз крепчал, ветер изменялся беспрерывно. Дамы немного трухнули, тем более, что в это время по степям обыкновенно рыскают стаи волков, а несколько дней назад, как нарочно, мы провели вечер в рассказах о подобных приключениях. Делать было нечего; решились пуститься на волю судьбы с надеждой, что приедемся куда-нибудь, если не заберем вправо от почтовой Киевской дороги. Кучер наш ехал небольшой рысью; Виктор Алексеевич, уснувший в своей кибитке, не слышал ничего происходившего, а его возница старался только не отстать. Метель усиливалась. Мы с Тарасом Григорьевичем предлагали дамам обычное средство: пристать у какой-нибудь скирды сена, развести огонь и греться до утра; но дамы и слышать не хотели, надеясь, что как-нибудь добьемся. При свете спички, которую удалось мне зажечь в шапке, посмотрел я на часы. Было за полночь. А мы выехали часов около 7... и ни признака жилья, ни собачьего лая, столь отрадного путнику, сбившемуся с дороги.

Дамы начали было ободряться при мысли, что, одетые тепло, мы не замерзнем, что с полуночи волки не так уже бродят, и мало-помалу пошли рассказы. Тарас Григорьевич запел «Ой не шуми, луже!», мы начали ему вторить... Но тут ураган разразился с ужасной силой, лошади остановились, песня наша замолкла, и вой порыва, пронесшегося мимо, показался нам воем голодных волков. Кибитка Виктора Алексеевича чуть не наехала на нас. Лошади ни с места. Мы врезались в сугроб, какие обыкновенно образуются во время метели по низменностям. Общими силами вытащили мы санки и снова поехали шагом.

— А щó, Тарасе? — спросил я, усаживаясь весь в снегу на свое место.

А он в ответ запел мне строфу из запорожской песни:

Ой которі поспішали,
Ті у Січі зимували,
А которі зоставали,
У степу пропадали.

Отчаяние начало овладевать нашими спутницами, и много надо было усилия Шевченку успокоить их. Он начал импровизировать «Метель» и сложил несколько строф, которые, однако же, разнеслись вслед за порывами бури, потому что впоследствии ни он, ни мы не могли их вспомнить. Кажется, что у меня уцелели некоторые отдельные стихи, но не привожу из боязни, чтобы не вмешалась какая-нибудь строчка собственного сочинения. Знаю только; один куплет выражал мысль, что козакам и умирать было бы хорошо в обществе таких милых спутниц.

Мы подавались вперед, решительно не зная направления, но чем далее, тем с большей надеждой на спасение, потому что близко было к рассвету... Наконец, дамы наши усмотрели в стороне огонек... Кончено, спасены. Кучер приударил лошадей, которые, почуввав близость отдыха и корма, несмотря на изнурение, пустились бежать рысью, и скоро мы выбрались к постоялому двору на почтовой Киевской дороге. Весь фасад был освещен, в окнах мелькали тени, за воротами слышались возгласы суетившихся извозчиков. Хотя до

дома оставалось недалеко, но мы решились отдохнуть часа два на постоялом. Рыцарь большого штофа спал как убитый, и из кибитки его раздавался богатырский храп, который звукоподражал завыванию бури разными голосами. Виктора Алексеевича едва разбудили, а когда он ввалился к нам в теплую комнату, то усердно смеялся, узнав, как долго мы блуждали, и остроумно начал доказывать, что нет ничего на свете блаженнее мочемордия. Скоро представился ему еще случай привести одно доказательство. Когда перезябшие дамы попросили чаю, на постоялом дворе не оказалось его, потому что хозяин держал только самовар, предоставляя проезжим возить с собою припасы; зато водки было сколько угодно. Но я достал чаю у какой-то проезжей барыни, которой указал наше приключение, и два часа, проведенные нами до рассвета в корчме, принадлежат к одним из приятнейших в моей жизни. Мы их вспоминали не раз с Шевченком.

Но сошлись мы с Тарасом Григорьевичем теснее в 1846 г. Однажды неожиданно заехал он ко мне перед масленицей — бледный и с обритую голову по случаю недавней горячки. Тогда он постоянно носил черную бархатную шапочку. Я и не знал, что он, больной, в нескольких верстах лежал, в Переяславском уезде. Во время болезни Шевченко написал много стихотворений. В этот и последний раз он заехал ко мне в Исковцы с целью пригласить меня сопутствовать ему по Малороссии: он располагал срисовывать древнюю утварь по церквам и монастырям, а для меня какое бы то ни было путешествие сделалось необходимостью. На этот раз мы рассчитывали ехать в Чернигов на короткое время, а оттуда в Киев. Мы тотчас же составили план отправиться в Лубны на ярмарку, потом посетить Нежин, дорогой для меня по воспоминаниям. В Лубнах съехалось много помещиков, приглашениям не было конца, но мы отделались и выехали прямо в Нежин, который тоже развернулся на масленице. Но здесь я не могу не занести одного факта. В то время, как в Прилуках перепрягали нам лошадей — это было ночью, — в соседней улице случился пожар. Горела убогая лачужка. Народ сбегался, но тушили и помогали преимущественно евреи, потому что в лачуге жил их единоведец. Мы прибежали на пожар в свою очередь, и Тарас Григорьевич бросился спасать имущество погорельцев. Он наравне с другими выносил разный хлам и по окончании держал речь к христианскому населению, которое как-то неохотно действовало... Шевченко горячим словом упрекал предстоявших в равнодушии, доказывал, что человек в нужде и беде, какой бы ни был нации, какую ни исповедовал бы религию, делается нам самым близким братом.

Приезд Шевченка в Нежин не мог остаться тайною. Двери наши не затворялись; в особенности нас посещали студенты и в числе их Н. В. Гербель, бывший тогда в последнем курсе. В четверг мы отправились в собрание. Тут случилось маленькое происшествие. Кто-то из начальствующих лиц не хотел было впустить Шевченка на том основании, что последний был в бархатной шапочке, но щекотливо-му сему мужу объяснили, что Тарас Григорьевич, в каком бы ни был costume, делал честь своим посещением. Поэт много смеялся этому приключению. На другой день мы все разъезжали по гостям, и тогда же он написал Гербелю в альбом четыре стиха из одной своей пьесы:

За думою дума роєм вилітає,
Одна давить душу, друга роздирає.
А третя тихо, тихесенько плаче
У самому серці, може, й бог не бачить.

Надобно сказать, что Шевченко, кроме полнейшего бескорыстия, не любил и даже боялся всевозможных денежных расчетов, и если ему случалось сходиться с кем-нибудь и быть некоторое время вместе,— он отдавал товарищу свои деньги и просил избавить его от всех житейских забот. Когда мы выехали из Лубен, он отдал мне свою кассу, которая, как и моя, была не в блистательном положении, но при умеренной жизни нам должно было хватить денег по май месяц. Признаюсь, что я и сам небольшой мастер обращаться с деньгами, но как-то более Шевченка боялся за истощение наших средств, и потому, приняв на себя казначейскую обязанность, начал некоторым образом скупиться, в особенности не выходить из бюджета, составленного на масленичные увеселения. Тарас одобрил мой план, и мы жили довольно расчетливо, по нашему крайнему разумению. Как теперь помню, проснулись мы в субботу довольно рано, и пока не являлись гости и нам не предстояло еще отправляться к знакомым, я хотел пойти в лавки купить некоторые припасы, потому что мы решились выехать после бала в Чернигов и, таким образом, заключить масленицу. Выходя из дому, я просил Шевченка приготовить чай.

— Не хочеться мені уставать,— проговорил он,— щось я утомився, так би і кабанував цілісінький день. Нехай приносять самовар, а прийдеш — сам — і зробиш чаю.

Я согласился и вышел.

Возвращаюсь минут через двадцать. Тарас Григорьевич был одет. За столом сидел какой-то юнкер, пил чай и подливал себе в стакан рому из графинчика, поданного услужливым номерным.

— От нам бог і гостя послав,— сказал мне Шевченко.

Юнкер счел нужным мне отрекомендоваться. К нам часто являлись посетители, но при взгляде на последнего у меня возникло какое-то темное подозрение, что посетитель этот был привлечен не собственно желанием познакомиться с украинским поэтом, а с другой целью. Но я старался быть как можно приветливее. Юнкер рассказал несколько анекдотов, давно уже известных, и когда не оказалось более рому, он, громко кликнув номерного, приказал подать еще графинчик. Мне это не понравилось, и смущал меня не лишний полтинник, но перспектива сообщения с неизвестным господином, который с окончанием второй порции рома мог сделаться невыносимым. Напившись чаю, юнкер отозвал Шевченка в сторону и что-то шептал минуты две, потом раскланялся и вышел.

— Дай мені три карбованця (рубля),— сказал мне несмело Тарас, смотря на меня с своей добродушной улыбкой, и по лицу видно было, что он готов рассмеяться.

— Вероятно, тому? — спросил я тихо, указывая на дверь.

Он махнул рукою. Я достал денег. Шевченко взял шапку и вышел. Возвратясь, он рассказал мне, что юнкер, войдя к нам в № и отрекомендовавшись, признался ему, что проиграл казенные деньги и просил одолжить ему пять рублей, не пополнив которых, он мог ожидать больших неприятностей. Тарас Григорьевич по мягкосердию тронулся его положением как молодого мальчика и обещал по-

мочь, пригласив напиток чаю. Но когда гость, осушив графинчик рому, потребовал другой, то, несмотря на это похвальное служение Бахусу, Тарас решился уменьшить пожертвование и дал три рубля, примолвя мне только шутливо, чтоб я не рассказал В. А. Закревскому, который мог обидеться за такое равнодушие к истинному мочемордию. Он никогда не отказывал просящим, и бывали времена, когда у нас общий капитал понижался до нескольких гривен. Тарас Григорьевич брал всегда мелкую монету для раздачи милостыни. Участие к нуждам и беде других приводило его иногда к самым наивным сценам, и это еще более располагало каждого к его личности. Иногда, впрочем, после наглого обмана, вытаскивавшего у него последние деньги, он сердился и давал слово быть осмотнительнее; но какая-нибудь новая попрошайка, искусно скорченная мина, жалобный голос — и Тарас не выдерживал. Разумеется, уважая подобное направление, я никогда не говорил ему об этом, потому что не производить же следствия, стоит или не стоит подать милостыню; но многие знакомые из участия советовали Шевченко беречь свои финансы.

— Я і сам знаю,— отвечал он,— та нехай лучче тричі одурять мене, а все-таки учетверте подам тому, хто справді не бачив, може, шматка хліба.

Мы в Нежине не скучали, но, несмотря на всеобщее радушие, на присутствие прелестной М. С. К[ржисевич], известной тогда красавицы в Малороссии, кружившей всем головы, решились оставить город, в котором не было дела, и поселиться в Чернигове, где имелись в виду интересные древности. После бала, в субботу, полусонные выехали мы из Нежина и прибыли на другой день под вечер в Чернигов. Надремавшись в дороге, мы уже не ложились спать, а, пообедав, отправились в благородное собрание, где с утра еще собралась на *folle journée*¹. Нам чрезвычайно интересно было войти в общество, где не предвиделось ни души знакомой, и Тараса в особенности занимала мысль — не пристанет ли к нему кто-нибудь за шапочку. Никто, однако же, не пристал, я неожиданно встретил двух старых товарищей, и скоро весть о Шевченко разошлась по зале. Но Тарас Григорьевич, познакомясь с несколькими своими почитателями, вскоре уехал, и они где-то провожали масленицу. Я оставался в собрании до конца. Общество было небольшое, но приятное, за исключением немногих личностей, которые обыкновенно водятся во всех городах и служат необходимой принадлежностью каждого собрания. На другой день я проснулся первый, не думая будить товарища, сделал себе чаю и, не помню уже отчего, мне пришла фантазия описать в стихах вчерашний бал, дав название цветов и растений всему прекрасному полу. Когда проснулся Шевченко и я прочел ему свое стихотворение, оно понравилось ему до того, что, заставив меня повторить, он тотчас же присел к столу, взял карандаш и на полях сделал иллюстрацию, сколько мог запомнить иную личность. Разумеется, сходства не было, потому что в час времени не мог же он разглядеть незнакомых физиономий; но было много комизма в фигурах иных растений, особенно смешно вышли капуста, пион, морковь и т. п. Тарас Григорьевич необыкновенно усердно занялся делом и принял его близко к сердцу.

¹ Торжества (франц.).

— Ось знаєш що,— сказав він,— ось перепиши лишень начисто і зостав мені більш місця — я гарненько ілюструю.

Пока он пил чай, я переписал стихотворение, а к обеду была готова мастерская иллюстрация, которая долго сохранялась у меня, но в прошлом году утрачена вместе с другими интересными для меня бумагами.

Проведя вечер у новых знакомых, Шевченко на другой день поехал в Троицкий монастырь к преосвященному просить позволения срисовать древнюю утварь, но скоро возвратился, получив разрешение приступить с четверга — не помню уже вследствие какой причины. Нас посетили несколько человек, и один из них, заметив уголок иллюстрированного бала, вытащил его из-под бумаг и, прежде чем я успел заметить это, начал читать вслух. Скрываться не предстояло возможности. В стихотворении не имелось ничего оскорбительного, а тем более не было выставлено ни одного имени, при том же в конце второй недели мы собирались выехать из Чернигова, и волей-неволей нескольким человекам сделались известными наши невинные проделки. Разумеется, все находили забавным, кое-что верным, в особенности хвалили мастерской карандаш, и тут же мы узнали многие интересные подробности. Тарас Григорьевич напомнил, однако же, посетителям украинскую пословицу: «своя хата покрива», которой есть равносильная и на русском: «из избы сору не выносить». Нам дали слово. Под вечер к нам заехал один из этих господ и убедительно начал просить позволения взять на полчаса листок с тем, что, кроме его жены, никто не увидит. Мы подумали; потом, решив, что нам, как перелетным птицам, через несколько дней приходилось оставить город, может быть, и навсегда, рискнули исполнить желание доброго человека, показавшего такое расположение и хлопотавшего об облегчении приступа к занятиям для Шевченко. Я отдал листок.

— А він збреше,— сказав мені Тарас по уході посетителя,— не самій тільки жінці він його покаже... Та дарма!

Действительно, он не ошибся. Листок был возвращен нам уже на другой день, побывав в нескольких домах и произведя противоположные эффекты, как и надо было ожидать. О последствиях мы скоро были извещены, и Тарас Григорьевич так смеялся, как я редко помню.

— Буде тобі,— говорив він мені,— як розходяться морква та капуста.

Надобно же было случиться, что в Чернигове, во-первых, нашлось довольно древностей, которые нужно было срисовать, во-вторых, Шевченко получил просьбы снять несколько портретов. Таким образом, неожиданно остались мы в городе, в котором по нескромности одного индивидуума часть общества была вооружена против нас, и хотя, повторяю, ни в стихотворении, ни в иллюстрации не было ничего оскорбительного, однако положение наше не могло назваться спокойным, если принять во внимание, что в небольшом городе все общество постоянно собиралось вместе. Сперва мы решились было жить анахоретами, но приглашения были так искренны и в некоторых домах принимали нас так радушно, что, очертя голову, мы начали появляться в черниговском свете. В двух домах в особенности часто собирались — у губернатора и губернского предводителя, где нас окружали всевозможным вниманием и где,

действительно, радушие и бесцеремонный прием всех и каждого были первым и главным условием. Небольшой кружок был оживлен присутствием приезжего из Петербурга кн. У[русо]ва, который умел расшевелить провинциальное общество, и вечера проходили чрезвычайно приятно. Предоставляю читателю судить о положении нашем с Шевченком, когда волей-неволей, представленные некоторым из цветков и растений, игравших не блистательную роль в нашем иллюстрированном стихотворении, мы должны были играть с ними в *petits jeux*¹ и выдерживать легкие намеки не весьма приятного для нас свойства. Это было, однако ж, ничего; но нам жутко пришлось от двух сестер, которых назвал я тепличными высокомерными розами и которые, к стыду моему, оказались милыми и образованными девушками. Обладая тактом и по совету матери, они не только не показывали вида недовольства от нашей шутки, напротив, обращались с нами ласково и с необыкновенной любезностью. Возвратясь как-то домой с одного очень приятного вечера, Шевченко начал, не раздеваясь, молча ходить по комнате и на вопрос мой, что с ним, отвечал:

— Лучче б оті дівчата вилаяли нас на усі боки.

И мы после небольшого совещания решились ехать к этому семейству и чистосердечно покаяться в своем прегрешении. Но по странному настроению судьбы мать этого семейства предупредила нас и прислала просить Тараса и меня приехать к ней запросто обедать. Шевченко получил заказы сделать портреты обеих барышень, и все неприязненные отношения были кончены.

В это же время познакомился с нами и бывал у нас С. С. Громека, тогда еще подпоручик какого-то пехотного полка. Окончив занятия в Чернигове, Тарас Григорьевич уезжал к дружески знакомому семейству Лизогубов в Седнев, где и работал, а я оставался в Чернигове и собирал по округностям этнографические заметки. Потом я заболел. Шевченко приехал и прожил со мною, пока мне сделалось лучше. Тогда же он снял с меня превосходный портрет карандашом и снова отправился в Седнев, а я после Фоминой уехал в Киев. У меня в тетради осталась песня, написанная его рукою. Она напечатана в 3-м номере «Основы», но уже по другой редакции. Вот как вылилась она у Шевченко:

Не женися на багатій,
Бо вижене з хати,
Не женися на убогій,
Бо не будеш спати.
Оженись на вольній волі,
На козацькій долі;

Яка буде, така й буде,
Чи гола, то й гола.

Та ніхто не докучає
І не розважає —
Чого болить і де болить,
Ніхто не питає.
Удвох, кажуть, і плакати
Мов легше неначе,
Не потурай: легше плакати,
Як ніхто не бачить.

Когда Шевченко возвратился из Седнева, мы встретили его старого товарища—художника Сажина — и скоро поселились все вместе на Крещатике, в улице, называемой «Козине болото».

Здесь началась новая жизнь с чрезвычайно поэтической обстановкой. Шевченко задумал снять все замечательные виды Киева, внутренности храмов и интересные окрестности. Сажин взял на

¹ Маленькая игра (франц.).

себя некоторые части, и оба художника пропадали с утра, если только не мешала погода. Я отправлялся то к знакомым профессорам, то разыскивал старинные книги, то ходил на Днепр к рыбакам и ездил на лодке, то искал интересных встреч с богомольцами, которых десятки тысяч стекаются в Киев летнею порою. Ничего не бывало приятнее наших вечеров, когда, возвратясь усталые домой, мы растворяли окна, усаживались за чай и передавали свои дневные приключения. Когда Шевченко рисовал внутренность коридоров, ведущих в Ближние и Дальние пещеры, я сопутствовал ему с целью изучить любопытные группы нищих, занимавших иногда большую половину коридоров и имевших как бы свои привилегированные ступеньки. При странном освещении, в котором полумрак галерей, обсаженных деревьями, прерывался вдруг потоком света и яркий треугольник прорезывал наискось часть коридора, группы калек с оригинальными лицами, с лохмотьями и умоляющими голосами — этим особенным нищенским речитативом — представляли чрезвычайно своеобразное зрелище. Несколько медных грошей приобретали нам расположение этой шумной и оборванной толпы, в голосе которой, мимо грязи, отвратительного уродства, иногда приобретенного нарочно, из корысти, мимо порочных наклонностей, встречались индивидуумы, драгоценные для художника и вообще для наблюдателя. Но извлекать пользу из встреч с жалким человечеством надо было умеючи. У нищих существуют или, по крайней мере, существовали свои ассоциации, и в известном кружке все зависело от атамана или старшины, который обращался деспотически с своими собратами. Один слепой старик зверского вида, но умевший скорчить самую постную физиономию, гудевший, как бочка, в минуты гнева и чуть не пищавший, когда канючил у прохожих, — предводительствуя небольшой толпой нищих, больно колотил их огромной палкой, не разбирая правого и виноватого. Особенно это случилось в те часы, когда отойдут обедни, а до вечерень еще времени много. Мы, бывало, часто спрашиваем у нищих, зачем они терпят такого забияку, но нам отвечали: «Пусть уже дерется, недолго осталось, на маковей (1 августа) выберем другого». Атаман этот, по словам его товарищей, не годился в городе, но в деревнях с ним было любо, потому что он имел обширное знакомство. Тараса поразила его физиономия, и он снял с него портрет. Но, действительно, лицо это было исполнено такой подлости и отвержения, что Шевченко, минут через пять по окончании, разорвал его на части.

— Се такой супес, що за шага заріже чоловіка, дарма що сліпий.

Он много набрасывал фигур, и я не знаю, куда девались эти очерки.

По временам, однако ж, на Шевченко нападала лень, и он так бывал рад дождливым дням, что не вставал с постели и читал или новые журналы, или необходимые ему исторические сочинения, доставать которые лежала обязанность на мне. Но случалось, что он пропадал из дому суток по двое, и это меня беспокоило, потому что общей кассой заведовал я, а он никогда не брал с собой больше двугривенного, из которых часть употреблял на продовольствие, а остальные раздавал бедным. Случалось, что он заходил далеко в окрестности, но иногда встречал кого-нибудь из знакомых и пировал с ними. Он не любил никаких распросов.

Собственно о своем костюме он заботился очень мало, так что надобно было надоедать ему, если предстояла необходимость заказать какие-нибудь вещи. На деревенских помещичьих балах он не слишком церемонился, но в Киеве другое дело. Было у нас несколько знакомых из высшего круга. Вот иной раз с утра Тарас Григорьевич и говорит, что, поработав хорошенько, не мешало бы вечером пойти куда-нибудь в гости. Я так и прилажу и ожидаю. Возвратится Тарас.

— А не хочеться мені натягать отого фрака, щоб він слиз.

— Так и не надо.

— А, може б, піти запросто.

— Я вижу, что тебе не хочется, ну и посидим дома.

— А справді! Ходім лучче на Дніпро, сядем де-нибудь на кручі і заспіваєм.

И нередко вместо чинного салона мы отправлялись к Днепру, садились на утес и при виде великолепной панорамы пели песни или думали каждый свою думу. Но, случалось, посещали и так называемые аристократические дома, где Шевченко принимали с уважением, но где народный поэт тяготился присутствием чопорных денди и барынь, и раза два только я помню его разговорчивым и любезным в этом обществе. Никогда не забуду, как однажды, сидя в довольно большом кругу за чаем, он подошел ко мне и спросил шепотом:

— Аже ото ром?

— Ром.

— Дивись же, ні один сучий син не всипа (не наливает).

— Да.

— Знаєш же, і я не питиму.

— Почему ж и не подлить немного.

В это время хозяйка пододвинула ему флакон.

— Тарас Григорьич, не угодно ли с ромом.

Тарас посмотрел на меня.

— Дякувать! Душно,— сказал он.

Здесь была одна интересная особа, и Шевченко увлекался разговором. Держал себя он в обществе свободно и с тактом и никогда не употреблял тривиальных выражений. Это заметили даже и многие барыни. Когда мы вышли на улицу, ночь была лунная, и ветер едва шевелил вершины серебристых тополей, которыми так изобилуют некоторые части Киева. Шевченко предложил пройтись дальним путем, т. е. чрез Липки к саду, и мимо костела подняться на Старый Киев.

— На чортового батька вони ставлять отой ром, коли і губ ніхто не умочить,— молвил Шевченко и засмеялся.— Сказано, пани — у їх усе напоказ тільки.

— Напрасно ты церемонишься.

— Ні, не люблю я у такій беседі ні чарки горілки, ні шматка хліба.

Зато любил он простоту семейного быта, и где принимали его не пышно, но искренне, он там бывал необыкновенно разговорчив, любил рассказывать смешные происшествия — не анекдоты, как покойный Основьяненко, а непременно что-нибудь из бывшего, в чем он подмечал комическую сторону. У меня в Киеве жили родные, небогатые люди, но считавшие за удовольствие принять гостя, чем бог послал. У тетушки в особенности подавали превосходный по-

стный обед, какого, действительно, не найти и у самого дорогого ресторатора. По старосветскому обычаю старики соблюдали все посты, и я в одну из серед или пятниц познакомил с ними Шевченко. Нас, разумеется, не отпустили без обеда. Вся обстановка уже показала Тарасу Григорьевичу, что нас не ожидали никакие церемонии. Старик-дядя, коренной полтавец, помнил все малейшие обычаи родимого гостеприимства и, произнеся известную фразу «по сій мові, будьмо здорові», выпил прежде сам рюмку настойки, а потом предложил гостю. Это очень понравилось последнему, и он, принимаясь за рюмку, проговорил свою обычную поговорку:

— Як-то ті п'яниці п'ють оцю погань, нехай уже ми люде привичні.

Но когда Тарас Григорьевич съел несколько ложек борщу, он не утерпел не признаться, что если и ел подобный борщ, то, вероятно, очень давно, да и вряд ли когда случалось пробовать. Борщ этот был с сухими карасями, с свежей капустой и какими-то особенными приправами. Подали потом пшеничную кашу, варенную на раковой ухе с укропом, и Шевченко совершенно растаял. Старики утешались, что могли доставить удовольствие такому дорогому гостю, а он от маловажного, по-видимому, обстоятельства пришел в необыкновенно хорошее расположение духа, и мы просидели, я думаю, за столом часа три. После того несколько раз по желанию Шевченко мы ходили обедать в постные дни к старикам, только, бывало, я заранее предварял тетюшку, и постный борщ удавался, как нельзя лучше. Даже нынешнею зимою в ресторане Вольфа напомнил он мне как-то о наших постных обедах на Крещатике.

Во время прогулок он говорил мне, что хотелось бы ему написать большую картину. По его словам, и мысль у него шевелилась, и план иногда неясно мелькал в воображении; но Шевченко сознавал сам, что родился более поэтом, чем живописцем, потому что во время обдумывания картины «хто його зна — відкіль несеться, несеться пісня, складаються стихи, дивись, уже і забув, про що думав, а мерщій запишеш те, що навіялось».

Любил он и уважал природу. Блуждая с ним по лесам над Сулой и Слепородом, мы, бывало, просиживали у норки какого-нибудь жучка и изучали его незатейливые нравы и обычаи. Большое удовольствие доставляли Шевченку крестьянские дети, которые в деревнях обыкновенно целые дни проводят на улице. Тарас Григорьевич не раз садился к ним в кружок и, ободрив пугливое общество, рассказывал им сказки, пел детские песни, которых знал множество, серьезно делал пищалки и вскоре приобретал привязанность всех ребятешек. Никогда не забуду одного приключения. Ушел он как-то рано рисовать развалины Золотых ворот, возле которых в то время не отстраивалась еще эта часть города, и сказал, что возвратится вечером. Золотые ворота были близко от нашей квартиры. Я получил записку, которою нас приглашали на чай, и хотел уведомить Тараса Григорьевича, чтоб никуда не зашел, потому что у знакомых, куда нас звали, он всегда бывал с удовольствием. Прихожу к Золотым воротам и что же вижу? Тарас Григорьевич разостлал свой цветной платок, на который посадил трехлетнюю девочку, и из лоскутков бумажки делал ей какую-то игрушку. Он рассказал мне свое приключение. Часу в пятом Тарас Григорьевич сидел и работал, как за валом внизу слышался детский плач, на который он

сперва не обратил никакого внимания. Но плач не умолкал и становился сильнее. Место пустое. Шевченко не выдержал, пошел по гребню вала и заглянул вниз. Во рву сидело дитя и жалобно плакало. Возле ни души, лишь несколько телят паслись в отдалении. Он пробежал шагов двадцать — никого. Нечего делать, надо было спуститься и взять ребенка. Девочка перепугалась и заплакала еще сильнее. Успокоив ее насколько было можно, Тарас Григорьевич понес свою находку к Золотым воротам. Ему как-то удалось забавить ее, но добиться толку не было никакой возможности, потому что девочка лепетала «мама», «няня» и больше ни слова. Давал он ей бублики (баранок), но дитя не могло укусить и все повторяло только «мама», «няня». Тарас Григорьевич не знал, что делать. Два-три прохожих постояли, посмотрели и не признавали девочки, а ему и не хотелось утратить чудного освещения и вместе жаль было оставить девочку возле себя в жертву страха и, конечно, голода. Я пришел кстати и тотчас же отправился в соседние дома, которых было вблизи весьма немного. Нигде, однако же, не знали девочки. Положение становилось затруднительным. Мы решились идти домой и объявить в полицию. Я взял портфель, а Тарас Григорьевич ребенка, и таким образом дошли мы до Софийского собора. Молодая женщина в домашнем костюме с испуганным видом выбежала из переулка и, увидя нас, бросилась к нам навстречу.

— Мати! — сказал Шевченко и, не говоря ей ни слова, подал ребенка.

Оказалось, что нянька унесла девочку гулять, но, вероятно, встретила на дороге знакомую или знакомого, хорошенько выпила и завалилась во рву спать, а дитя пошло и пошло вдоль по канаве. Ребенок был несколько часов в отсутствии из дому. Какая-то старушка, проходя под валом, увидела пьяную няньку и, не зная, что у нее было дитя на руках, поспешила только с одной новостью. Развязка известна. Возвращаясь домой, Тарас Григорьевич смеялся, как бы он воспитывал дочь, если бы у девочки не отыскивались родители.

Что касается до любви в тесном смысле этого слова, то за все время моего знакомства с Шевченко я не заметил в нем ни одной привязанности, которую можно было бы назвать серьезною. Он любил женское общество и увлекался, но никогда надолго. Как молодые люди начнем, бывало, об этом разговор, и стоило только напомнить ему какое-нибудь его увлечение, он обыкновенно отзывался:

— Ах! дурница! Поки з нею балакаю, то буцімто щось і вуршитися у серці, а там і байдуже.

Но к одной особе он возвращался раза три, т. е. по крайней мере раза три при встрече с нею он увлекался. Давно, еще в первые времена знакомства нашего, он долго сидел возле нее на балу и все просил у нее на память хоть один голубой цветок, которыми отделано было платье. Молодая женщина шутила и шутя отказывала. Тарас Григорьевич, однако же, изловчился и оторвал цветок. Так это и кончилось. Года через два случайно увидел я у него этот знак воспоминания. Тарас Григорьевич смеялся немного.

— Славна молодичка,— сказал он мне,— і така приятна, що, здається, й забудеш, а побачиш, то знов так тебе й тягне.

Завлекся было на короткое время он одной известной красавицей, которая кружила головы всем, кто попадал в заколдованный

круг ее. Увлечение было сильное. Шевченко не на шутку задумывался, рисовал ее головку и несколько раз сочинял стихи. Я всегда был рад, когда кто-нибудь ему нравился: благородная натура эта делалась еще художественнее, и он работал тогда с большим рвением. Скоро, однако же, он разочаровался относительно красавицы. Пригласила она как-то его утром прочесть ей одну поэму и сказала, что у нее никого не будет, что она желала бы одна насладиться чтением. Тарас Григорьевич исполнил ее желание. Шел он к ней с каким-то трепетом. Но какая же встретила его картина? В уютной гостиной красавица сидела на диване, окруженная студентом, гусаром и толстейшим генералом, тремя отъявленными своими обожателями, и искусно маневрировала по-своему, обманывая всех троих, то лаская поочередно надеждой, то приводя в отчаяние. Поэт смутился, и как прелестная хозяйка ни атаковала его любезностью — он ушел с твердым намерением никогда не посещать красавицы и сдержал свое слово.

Вот стихотворение, написанное по этому случаю:

Не журюся я, а не спиться
 Часом до півночі,
 Усе світять ті блискучі
 Твої чорні очі.
 Мов говорять тихесенько:
 «Хоч, небоже, раю?
 Він у мене тут у серці»,
 А серця немає,
 Й не було його ніколи,

Тільки шматок м'яса...
 Нащо ж хороше і пишно
 Так ти розцвілася?
 Не журюся, а не спиться
 Часом і до світа,
 Усе думка побиває,
 Як би так прожити,
 Щоб ніколи такі очі
 Серця не вразили.

Еще я помню одно увлечение в Киеве. Рисуя Лавру и ее подробности, он познакомился с приезжим семейством богомольцев, в котором была очень хорошенькая молодая девушка. По вечерам Шевченко начал пропадать и не говорил, где просиживал до полуночи, и так как у нас было в обычае не спрашивать друг у друга отчета, то я несколько дней не знал, что поэт увлекается. На живописной дикой тропинке, ведущей из царского сада на Подол прямо чрез скалистый берег, я однажды нечаянно увидел Тараса Григорьевича в незнакомом обществе, состоявшем из двух старух, нескольких детей и хорошенькой девушки. Последняя откинула вуаль. Раскрасневшееся личико ее, окаймленное светлыми волосами, было замечательно. Смеясь чистым, почти детским смехом, она слушала Тараса Григорьевича, который, спускаясь рядом с нею, рассказывал ей, должно быть, что-нибудь забавное. Я подымался в гору. Тарас Григорьевич только спросил меня, куда я иду, и сказал, что провозжаает знакомых в Братский монастырь. На третий день он был очень скучен и признался мне в своем увлечении. Незнакомое мне семейство уехало уже в деревню. Девушка эта была за кого-то сговорена, и в сентябре назначили свадьбу. Он любил женщин живого характера; по его мнению, женщине были необходимы пыл и страсть — «щоб під нею земля горіла на три сажні».

Погибшие, но милые создания в то время не увлекали Шевченко; у него были на этот счет свои оригинальные понятия. Он не находил никакого удовольствия посещать веселые приюты продажных граций, хотя никогда не казнил их презрительным словом. Он был слишком гуманен и на слабости смотрел снисходительно, стараясь в самой грязи найти хоть крупинку золота. На продажную любовь,

на женщину, отдававшуюся страсти, он говорил, «можно махнуть рукою»; но тайный разврат, какими бы цветами ни прикрывался, всегда возбуждал в душе его неодолимое отвращение.

Гуманность его проявлялась в каждом действии, в каждом движении; на животных даже простиралась у него ласкающая нежность. Не раз защищал он котят и щенков против злостных намерений уличных мальчишек, а птичек, привязанных на сворке, покупал иногда у детей и выпускал на свободу. Мы жили близко базара, и я помню, как, бывало, утешается он и зовет меня к окну, когда какая-нибудь собачонка, утащив кусок хлеба или баранок, боязливо пробиралась под забором. Одна возмутительная сцена чуть не стоила нам дорого. В Киеве в то время полицейские служители, имевшие обязанность бить собак, называемые по-местному гицелями, отправляли свое ремесло публично, среди бела дня, на многочисленном базаре. Они ходили вооруженные длинною палкой с железным крючком на конце и другой короткой дубиной (добивач). Поймав животное крючком, они оканчивали его дубиной и иногда долго мучили животное. Проходя на «Козье болото», мы как-то раз попали на подобную сцену. Гицель схватил большую собаку за ребро и, не совсем убив ее, тащил полуживую между городом. Тарас Григорьевич вышел из себя и упрекнул живодера. Гицель ответил грубо и тут же начал тиранить собаку, которая визжала раздирающим образом... Шевченко выхватил у него дубину... Полтинник, однако же, уладил дело; гицель одним ловким ударом добил животное, но Тарас Григорьевич долго не мог прийти в себя от волнения...

К этой же эпохе относится наше знакомство с г. Аскоченским, ныне редактором слишком известной «Домашней беседы», а тогда экс-профессором духовной академии, воспитателем генерал-губернаторского племянника и поэтом: так по крайней мере некоторые называли его в Киеве. Редактор «Домашней беседы» не обнаруживал тогда духовной нетерпимости и не предавал еще анафеме всего светского и современного, как делает это в настоящее время, но, настроив лиру свою на элегический тон, бряцал по ней весьма чувствительные песни. Сей муж, карающий сурово все живое и мыслящее, смотрящий на произведения искусств сквозь мутные очки средневекового аскетизма, горячо вступающийся за юродивого Ивана Яковлевича, читал нам свои стихотворения, выражавшие живые страсти и, надо отдать ему справедливость, не обнаруживал стремления, которое могло бы отличить в нем будущего редактора издания, делающего стыд, не говорю уже литературе, но даже печатному станку, передающему его на бумагу. Я упомянул об этом потому, что, свидевшись после долгой разлуки, Тарас Григорьевич с удивлением сказал мне: «А знаешь ты, що «Домашню беседу» видає той самий Аскоченський, которого ми знали у Києві? Чи можна буде надіятись!»

Под конец нашего пребывания в Киеве Шевченко одно время вздумал было учиться по-французски и, вероятно, при громадных способностях не замедлил бы успеть в своем предприятии, но после охладел, и об этом не было помину.

Неожиданно мне пришлось уехать домой. Когда я объявил Шевченко, что карман мой в жалком состоянии, он достал денег, дал мне на дорогу и выпроводил до Днепра. Прощаясь с ним на мосту, я не знал, что расстанемся надолго... Мы свиделись ровно через четырнадцать

дцать лет в сентябре прошлого года, по моем возвращении из путешествия по югу России. Войдя в мастерскую Тараса Григорьевича в Академии, я застал его за работой: он гравировал. На вопрос мой, узнает ли меня, Шевченко отвечал отрицательно, но сказал, что по голосу, кажется, не ошибся и назвал меня по имени. Я бросился было обнять его, но он заметил по-русски:

— Не подходите — здесь вредные кислоты. Садитесь.

Минута эта была для меня чрезвычайно тягостная. Тарас Григорьевич постарел, лицо изменилось, но в глазах его блеснул тот же тихий свет мысли и чувства, какого я не мог забыть после долгой разлуки. Мы поговорили немного...

Вскоре встретился я с ним у В. М. Белозерского. Шевченко подошел ко мне, сказал несколько слов и после на все мои вопросы отвечал лаконически, говоря мне «вы», что и меня заставило обратиться к этому же местоимению. Я считал все конченным между нами, но как ни тяжело было мне подобное состояние, я дал себе слово избегать даже тени навязчивости. Через неделю встретились мы снова у Белозерского. Поздоровавшись, мы все время беседовали в разных кружках. По странному случаю уходили мы вместе и очутились в передней. С лестницы сошли молча. У подъезда не было извозчиков.

— Ви додому направо? — спросил я.

— Ні, піду по Невському, може, зайду до Вольфа.

— Так нам до Невського по дорозі.

— От і добре.

Мало-помалу Шевченко разговорился. Дойдя до проспекта, я продолжал разговаривать, и мы очутились у Полицейского моста.

— Може, зайдём укупі? — сказал он.

— Зайдем, — отвечал я.

Посетителей было мало. Тарас Григорьевич спросил себе порцию чего-то, я закурил сигару, и тут он сам с обычной, прежней откровенностью выразил мне причину своей холодности. Разумеется, в двух словах я разъяснил, в чем дело, и с тех пор возвратились наши прежние отношения. В этот памятный для меня вечер он много и с особенной любовью говорил мне о Марке Вовчке и том впечатлении, какое произвели на него первые «Оповідання».

Последнее мое свидание с Тарасом знают читатели «Русского слова».

В этом очерке я собрал все факты, сохраненные моею памятью, не стараясь восхвалять такую замечательную личность, как Шевченко, и не скрывая его слабостей. Я далек от мысли делать из дорогого мне человека нечто вроде безупречного героя, но рассказал то, что было в действительности, зная его близко и живя с ним в лучшую эпоху его творческой деятельности. Я ничего не утаил, ничего не прибавил и считаю, что обязан был писать эту статью так, а не иначе...

Друзья покойного собрали сумму, выхлопотали разрешение и повезли прах Тараса туда, где...

Могили
Чорніють, як гори,
Та про волю нишком в полі
З вітрами говорять.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО И ПРОСТОЛЮДИНЫ,
ЕГО ЗНАКОМЦЫ

(Из встреч и воспоминаний)

В жизни Т. Г. Шевченка годы от освобождения его из крепостного состояния в 1838 г. до печальной катастрофы 1847 г. являются замечательным моментом, к сожалению, недостаточно разъясненным биографами и опубликованными материалами. К этому времени относится целый ряд замечательных произведений, отличающихся выдающимися художественными достоинствами, несмотря на то, что прекрасный язык их, хоть и владевший богатейшей народной поэзией, лишь незадолго до этого сделался органом художественной литературы. В известной мере художественная форма этих произведений является результатом предшествующей деятельности в области слова на украинском языке, и в этом смысле ее происхождение подлежит исследованию, к сожалению, до сих пор едва лишь намеченному. Но художественные достоинства зависят также от степени талантливости их творца и его поэтического вдохновения, т. е. таких явлений, которые лишь с трудом поддаются исследованию и объяснению.

Нельзя сказать того же о другой стороне, невольно изумляющей читателя этих произведений Шевченка. Недавний «кріпак», панский козачок, хлопец, которого суровая доля «взяла маленького за руку і в школу одвела до п'яного дяка в науку», является перед нами в своих стихотворениях этого периода во всеоружии многих знаний, с широким общим образованием и с идеями, которые ставят его в первом ряду самых передовых людей той эпохи. Это явление и доньше остается загадочным, хотя, казалось бы, оно гораздо доступнее исследованию и разъяснению. Можно, конечно, значительную долю этого идейного развития поэта отнести к той национальной среде, из которой он вышел, от которой получил первые впечатления и материалы для будущего мирозерцания. Среда эта в своем коллективном творчестве и в историческом прошлом своем не раз проявляла стремление к таким идеалам, которые остаются и теперь дорогими для передового европейца; но эти идеалы подолгу живут в народной массе, мало обнаруживаясь, они находятся как бы в скрытном состоянии, выступают они открыто и ярко лишь в моменты сильного народного возбуждения, вызываемого историческими катастрофами. Влияние на него родной среды ясно сознавал сам Шевченко, он не раз указывал на нее, как на источник своих знаний, воззрений и стремлений, но исследователи пока не выделили из общей сокровищницы тех идей, которыми народ или люди из народа наделили украинского поэта для создания его широкого «свитогляда».

Во время пребывания Шевченка в Академии художеств там существовал обязательный для учеников общеобразовательный

курс. Что дал он Шевченку? Этого вопроса пока вовсе не касались биографы. Судя по рассказам многих сверстников Шевченка, по уровню их общего образования и развития, надо думать, что очень мало; поэт мог вынести отсюда лишь элементарные, вовсе не связанные сведения из разных учебных предметов.

Несравненно больше дала ему гениальная восприимчивость, свойственная немногим избранникам судьбы, та восприимчивость, благодаря которой они из слов и фактов, схваченных на лету, восстанавливают давно исчезнувшие образы, создают свое мирозерцание, выступают во всеоружии передовых идей, для усвоения и создания которых другим обыкновенным людям необходимы годы усиленного труда. Способы восприятия гениальных людей с трудом поддаются изучению, но зато гораздо легче определить материал, из которого они могли черпать свои знания и идеи. Для этого следует изучать среду, в которой они жили, тех людей, с которыми они встречались, с которыми всего ближе сходились, делились мыслями и стремлениями. Среда, окружавшая Шевченко после освобождения его от крепостной неволи, с этой стороны еще мало исследована; еще и теперь мы не можем сказать определенно, какими знаниями и идеями она наделила Шевченка. Последний в эти годы не раз ездил в Украину, в столице и провинции он сблизился со многими выдающимися писателями, учеными, художниками и общественными деятелями; многие из них пользуются вполне заслуженной известностью, сами сделались предметом изучения, от других до нас дошли только мало нам говорящие имена; относительно всех их мы можем сказать, что влияние их личности, характера, знаний и идей на Шевченка еще мало исследовано, мало для этого собрано и материалов. Мы не можем даже указать всех местностей, в которых побывал Шевченко во время своих поездок на юг, не знаем, где, когда и по сколько времени он пребывал в том или другом месте, не знаем и некоторых лиц, с которыми он близко сходил в во время этих экскурсий. А время уходит, в могилу быстро сходят те немногие, которые были лично знакомы с Шевченком, сохранили о нем воспоминания или какие-либо материалы. Надо поспешить с записыванием этих воспоминаний, с собиранием письменных о нем материалов, иначе все это бесследно погибнет.

В силу всех этих соображений я очень заинтересовался, когда, будучи в Сорочинцах, Миргородского уезда, Полтавской губ., случайно узнал, что в местечке этом проживает старик-повар, живо помнящий и очень почитающий память Шевченка, который при нем гостил у помещика Лукьяновича, упоминаемого в биографиях Шевченка и собственных его письмах. Я решил у этого повара собрать сведения о г. Лукьяновиче и положил разыскать его. Оказалось, что он проживает в небольшой усадьбе, приобретенной им в Сорочинцах; средства к жизни дает ему, кроме огорода, его профессия, так как землевладельцы и обыватели в местечке и его окрестностях часто приглашают его с платой по 5—10 руб. в сутки готовить разные трапезы в торжественных случаях вроде свадеб, именин, балов и т. п.

Повару Арсению Татарчуку в настоящее время 76 лет от роду. В наружности его прежде всего обращает на себя внимание сильно разросшийся синеватый, так называемый бургундский нос. Обыкновенно думают, что такие носы свидетельствуют о неумеренном

употреблении спиртных напитков, но в данном случае это мнение не подтверждается: люди, давно знающие Татарчука, утверждают, что он всегда отличался трезвостью. При более продолжительном свидении безобразие носа как бы ступшевывается — высокий рост и статная фигура старика, его красивый высокий лоб, умные, свещающиеся еще и теперь глаза и свежий, вовсе не старческий цвет лица придают ему внушительную и очень симпатичную наружность; он притом же настолько бодр и крепок, что угадать его преклонный возраст было бы нелегко. Жена его Горпына десятью годами моложе; это высокая и теперь еще стройная женщина, с заметными следами бывлой красоты; она также очень моложава и бодра.

Говорит Татарчук по-украински с примесью русских слов, по временам старается говорить по-русски, но очень неудачно; жена его говорит только по-украински. Оба неграмотны. В чистой комнате против входа посреди стены красуется литографированный портрет Шевченка, изд. Мюнстера, рядом с портретом императора Александра II.

Когда я заговорил о поэте, мои собеседники сразу оживились. Воспоминания о нем мужа постоянно старалась дополнить жена. Оба отлично помнят Шевченка, его имя и отчество, его небольшой рост и крепкое телосложение. По их рассказу, Тарас Григорьевич приехал к ним вместе с их владельцем А. А. Лукьяновичем в с. Марьинское, иначе Шимково, Миргородского уезда, в апреле 1842 или 1843 года. Несмотря на мое указание, что Шевченко жил в Марьинском в 1845 г. (это видно из даты под поэмой «Невольник»), Татарчуки настойчиво утверждали, что пребывание поэта у их барина было не позже лета 1843 г. Лукьянович пригласил к себе Шевченка в качестве живописца для писания портретов всех членов своей семьи. Художник исполнил заказ, но когда работа была окончена, у владельца не оказалось денег для уплаты за нее, и потому хозяева настойчиво упрашивали своего гостя продлить свое пребывание в Марьинском. Только в ноябре явились деньги, а вместе с тем и уплата за портреты, после чего он и уехал.

Жил Шевченко в Марьинском в отдельном отведенном ему помещении; ему назначили особого лакея, но от услуг его Тарас Григорьевич почти всегда отказывался. Он вставал с рассветом и немедленно принимался за работу. Татарчуки особенно указывают на его трудолюбие. По их словам, в свободное от писания портретов время он почти всегда днем оставался в своей комнате, постоянно читал книги, которые брал из панской библиотеки, или же писал письма, или что-то иное; лишь изредка бродил он по окрестностям, при этом часто останавливался, вглядываясь в какие-то отдаленные предметы, срисовывал разные виды. Завтракал и обедал он вместе с панами, и за все время Татарчуки ни разу не слышали о его нетрезвости. В Марьинском Шевченко все время оставался почти безвыездно; лишь изредка он вместе с Лукьяновичем ездил в с. Злодиевку для купания в р. Псле, причем иногда они заезжали к местному помещику Замятину; кроме того, Шевченко два раза уезжал на лошадях Лукьяновича в м. Яготин к княжне Репниной и оставался у нее по 4-5 дней; других поездок он, по воспоминаниям Татарчуков, за все время своего пребывания в Марьинском не предпринимал. С знакомыми Лукьяновича он не сблизился — он предпочитал знакомство со священниками, которые все очень любили и уважали Шев-

ченка, а священник в с. Устивице, о. Бабичов, однажды за обедом у Лукьяновича сказал: «Тарас Григорьевич! Вашего розуму хоч би на двадцять чоловік та роздати, всім достачило б!» Шевченко в ответ громко расхохотался.

Но всего охотнее сближался Шевченко с дворовыми и крестьянами в Марьинском; почти всех он знал по имени, очень сошелся со многими из них. Часто по вечерам посещал он «вульцю». Появление его в этих случаях всегда всеми собравшимися ожидалось с нетерпением, приход его все приветствовали. В эти вечера время проходило незаметно: Шевченко и сам очень оживлялся, он многое рассказывал о прошлом Украины, о подвигах казаков, о борьбе их с турками и панами. Говорил он о своем крестьянском происхождении и освобождении, но о том, как и когда опять вернется воля закрепощенному люду, не упоминал. Ухаживанием за дивчатами и молодьями он никогда не занимался, напротив, с ними обращался так же, как и с парубками и чоловіками. Иногда он приглашал на свой счет музыку, тогда бывало очень весело; сам Шевченко очень любил, чтобы собравшиеся пели и танцевали. Из песен ему особенно нравилась та, где поется:

Ой хто лиха не знає,
Да нехай мене питає*.

Он почти всегда предлагал пропеть и повторить ему песню.

Особенной близости Шевченка к Лукьяновичу Татарчуки не заметили. Что до последнего, то, по их рассказам, отец его был сначала вице-губернатором в Перми, потом губернатором в Симбирске, откуда перевел 30 семейств «русских» в свое имение в Марьинское; это был, впрочем, очень добрый старик: всем дворовым, которых у него было до 150 чел., он назначил жалованье, а престарелым пенсию. Старшему сыну его Александру Андреевичу, тому самому, у которого гостил Шевченко, от отца досталось 1000 душ в Полтавской губ., а после освобождения крестьян у него и у жены было 1000 десятин в Полтавской и 5000 дес. в Херсонской губернии. Он долго (24 года) служил в гусарском полку, потом вышел в отставку и поселился в Марьинском. В продолжение 12 лет он был миргородским предводителем дворянства, потом был и губернским гласным¹. В с. Злодиевке местному помещику Замятину от отца, важного генерала, досталась большая библиотека. Новый владелец вовсе не дорожил ею, она вся свалена была в коморе, пользовались ею повара для пирожного. Эту-то библиотеку, в которой все книги были в дорогих кожаных переплетах, купил Лукьянович за 300 руб.; книги перевезены были в Марьинское на 7 паровицях, и для них отведены две комнаты в обширном доме владельца. Проживая у Лукьяновича, Шевченко постоянно пользовался ею.

Сначала Александр Андреевич очень хорошо обращался с крестьянами и очень редко наказывал их; во время пребывания Шевченка наказаний даже совсем не было. Потом, под старость, помещик сделался очень строгим. Когда, бывало, кто-нибудь его рассердит или же когда он бывал в дурном расположении духа, то все

* Чумацкая песня.

¹ Документы, известия и заметки // Киевская старина.— 1899.— № 1.— С. 5.

дворовые трепетали, предостерегали друг друга и прятались, чтобы не попасться ему на глаза. В такие дни во всяком встречном всегда, бывало, он найдет какую-нибудь вину и назначит жестокую «секуцию» на конюшне. «Вы не барин, а кат», — сказал ему один из переселенных его отцом «русских»; за это дерзкого страшно высекли, а потом, по выздоровлении, сдали в солдаты.

Лукьянович ни в чем себе не отказывал, жил как «царек» в Миргороде и у себя в Марьинском. Он постоянно выписывал разные товары из Полтавы, Харькова и даже, несмотря на тогдашнее бездорожье, из-за границы. Сам он часто уезжал в Полтаву и другие города, где жил очень широко. Дома он часто устраивал роскошные пиры чуть не для всего уезда — для этого вина бочками выписывались из Франции. Он был завзятым охотником, содержал большую свору собак и множество верховых и выездных лошадей. Устраиваемые им охоты отличались многолюдством и пышным угощением...

Когда Лукьянович навсегда уехал из Марьинского к Терлицкому, печальная судьба постигла и принадлежавшую ему библиотеку; ее вынесли из дому и свалили на чердак, в коморе и в конюшне; там всякий мог брать книги, и вскоре библиотеку растащили; Татарчук взял всего одну книгу, которая доньше сохранилась у него — это «Предсказатель, составленный Мутом, в переводе на российский язык», изд. в С.-Петербурге в 1778 г. Что касается портретов, писанных Шевченком, то их забрала София Александровна, бывшая замужем за Крыжановским; дальнейшая судьба г-жи Крыжановской, по рассказам Татарчуков, была не совсем обычной и очень печальной.

Вот приблизительно все, извлеченное мною из рассказов Татарчуков о пребывании Шевченка в Марьинском и об А. А. Лукьяновиче. Это очень немного, но и это немного теряет свой колорит в моем пересказе — не смог я передать того горячего чувства симпатии, даже поклонения, которые слышатся в каждом слове этих глубоких стариков, когда они вспоминают о Шевченко; это неостывшее с годами сочувствие становится еще ярче по контрасту с враждебным чувством, которым проникнуты их воспоминания о бывшем их владельце.

Чем снискал Шевченко такую благодарную память этих неграмотных людей? Зависело это, как мне кажется, от особенностей отношений его к меньшей братии, особенностей, резко отличавшихся от отношений к ней в те времена других интеллигентных людей. Освещение отношений Шевченка к простонародью и их историческая и этическая оценка лежит на обязанности будущих биографов незабвенного Кобзаря. Любовь к крестьянской массе, сочувствие к ее горькой доле, неволе, страданиям и бедности живым ключом бьет в его произведениях. Но эта любовь сказывалась не только в его произведениях, она постоянно проявлялась и в его поведении. Он не только не скрывал своего крестьянского происхождения, что встречается редко и теперь, а 50 лет тому назад было самым незаурядным явлением, но, напротив, неизменно подчеркивал это происхождение свое, гордился им. Любовь свою к народу он выказывал всегда и словом и делом. И меньшая братия глубоко ценила это необычное отношение к ней земляка, вышедшего в паны. Если из воспоминаний г-жи Крапивиной мы знаем, как полюбили «дядьку Тараса» дети, к

которым он выказывал такую доброту и любовь, если из многих воспоминаний нам известно, как, знакомясь с поэтом, ценили его лучшие люди того времени, то на простолюдинов личность Шевченка и отношения его к ним должны были производить прямо-таки неизгладимое впечатление, тем более, что ничего подобного они не видели со стороны других панов. Автор «Грамотки» любил крестьянство не только в его совокупности, но и в каждой отдельной личности из крестьянской среды, он знакомился и сближался с нею, всегда находил подходящий материал для бесед, советов и утешений. Приведу лишь случайно дошедшие до меня сведения, обрисовывающие отношения Шевченка к землякам — простолюдинам.

Покойный В. М. Юзефович в 1863 г. рассказывал мне, что Тарас Григорьевич был в большой дружбе с Василием, лакеем его отца М. В. Юзефовича. В годы, предшествовавшие ссылке 1847 г., Шевченко вместе с Костомаровым и Кулишом был желанным гостем в салоне М. В. Юзефовича и в его кабинете помощника попечителя Киевского учебного округа. Часто бывая здесь по приглашению, Шевченко познакомился и подружился с Василием, и вот он стал посещать последнего, проводить с ним в передней целые часы, немало шокируя этим «господ». Иногда, направляясь по приглашению к последним, он в передней вступал в разговор с Василием, беседа затягивалась, и Шевченко слишком поздно являлся в гостиную. Об этом знакомстве Шевченко не забыл и во время продолжительного невольного отсутствия: после возвращения из ссылки, он, будучи в Киеве, ни разу не сделал визита Юзефовичу, но с Василием он возобновил знакомство, посетил его и приглашал к себе.

В. В. Тарновский

МЕЛОЧИ ИЗ ЖИЗНИ ШЕВЧЕНКА

Порой самые ничтожные факты из жизни людей, известных в литературе или науке, представляют интерес. В силу этого соображения мы и решились в данной заметке поделиться имеющимися мелочными фактами, касающимися Т. Г. Шевченка, быть может, почитатели нашего гениального поэта найдут в ней что-нибудь новое и не лишнее некоторого интереса.

1. В ПОТОКАХ

Тарас Григорьевич Шевченко, путешествуя по Киевской губернии в 1845 году, заехал в Потоки, Киевск. губ., в имение В. В. Тарновского. С дороги он сильно устал, а потому по приезде в Потоки, прежде чем посетить хозяина, зашел в контору, чтобы отдохнуть и умыться. Так как это было в обеденный час, то он никого из служащих в конторе не застал; тем не менее он туда вошел, заперся и лег на лавке. Возвратившийся конторщик был поражен, нашедши дверь запертой, начал заглядывать в окна и, к своему удивлению, увидел

незнакомому человеку, расположившегося в конторе и крепко спавшего. Не зная, что делать, отправился он к хозяину и заявил ему о случившемся; тот приказал оставить незнакомца в покое и только следить, чтобы он не трогал на столе бумагу. Тарас Григорьевич, выспавшись, умылся, оделся и пришел к хозяину, рекомендуясь, что он Шевченко. В. В. Тарновский, уже слыхавши о нем, так как Шевченко в то время успел уже приобрести большую славу, очень обрадовался ему, познакомил его с своей семьей и просил остаться некоторое время погостить. Тарас Григорьевич, конечно, охотно согласился, полюбил обитателей Поток, в особенности же сестру владельца Н. В. Тарновскую, с которой крестил ребенка у дядка и всегда ее потом называл «дорога кумася». Живя в Потоках, Тарас Григорьевич писал, рисовал и много дарил своей «кумасе» стихотворений и рисунков, в том числе подарил и свой портрет, рисованный им в зеркало. Впоследствии, когда его арестовали, то все его знавшие, в особенности же те, у которых он проживал, были напуганы и ожидали обыска. В. В. Тарновский получил от правителя канцелярии генерал-губернатора Бибикова, Писарева, уведомление о могущем произойти обыске, и отдал все имевшиеся у него стихотворения Шевченко своей жене, которая ночью зашила их в тюфяк; кума же Тараса Григорьевича, желая сохранить все бумаги, полученные от него, уложила их в ящик и зарыла его в землю в саду. Прошло тревожное время; и когда все успокоилось, Н. В. Тарновская поехала в деревню и открыла свой драгоценный ящик с произведениями Шевченко. Бумаги и рисунки оказались все целы и долго хранились у нее.

Отдавая всегда, и после возвращения Шевченко из ссылки, все письма и рисунки его одному страстному собирателю всего касающегося Шевченко, этих вырытых из земли бумаг она не отдала, и тот ничего не знал о их существовании до смерти Н. В. Тарновской, когда оказалось, что они ею были отданы одной родственнице, которая в настоящее время не может их отыскать у себя. Не так жаль потери подлинных рисунков и рукописей Шевченко, как того, что между этими рукописями, можно предположить, находилось окончание известного только по началу, нигде не находимого и написанного именно в то время произведения Шевченко «Иван Гус». В то время пребывания Шевченко в Потоках в честь его была устроена иллюминация в саду: на верхушке большой березы прикреплен его вензель, были даже сочинены владельцем стихи, каждый куплет которых оканчивался словами:

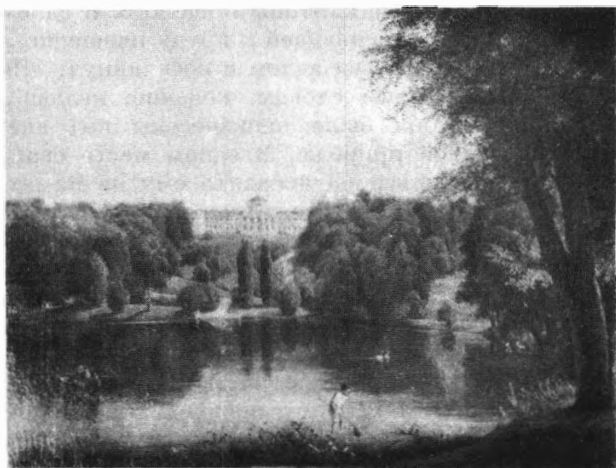
Серед нас, серед нас
Добрый Тарас...

Любимым занятием Тараса Григорьевича в Потоках было катание на паромке на большом пруду, в теплые летние вечера, при заходящем солнце, сопровождавшееся всегда пением народных украинских песен и особенно его любимой песни «Ой зійди, зійди, зірнька та вечірняя».

Из Поток Шевченко уехал недели через две, но куда — неизвестно.

2. В КАЧАНОВКЕ
(ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБ., БОРЗЕНСКОГО УЕЗДА)

Здесь Т. Г. Шевченко часто и подолгу гостил, в 40-х годах, у тогдашнего владельца Качановки Г. С. Тарновского, с которым был в переписке, но, к сожалению, после смерти Г. С. Тарновского найдено было только два письма; в одном из них извещается о посылке в Качановку картины Шевченко «Катерина» *.

В. И. Штернберг
Имение Г. С. Тарновского в с. Качановке
Акварель

После ссылки Шевченко в первый раз приехал в Качановку в 1859 году, 21 августа, и не застал там хозяина, бывшего владельца Поток. Но в Качановке был его сын, студент, который, возвращаясь однажды из сада, увидел идущих ему навстречу двух человек — одного в длинном парусиновом кобеняке, а за ним старика дворецкого, знавшего Шевченко до ссылки. Сыну владельца было только семь лет, когда Тарас Григорьевич гостил в Потоках, но он вырос в семье, где почитание поэта было, так сказать, традиционным, а потому он увлекался его поэзией, много знал наизусть его стихотворений и питал глубокое уважение к личности поэта.

Не удивительно поэтому, что, когда подошедший в парусиновом кобеняке назвал себя Шевченко, оба бросились друг к другу в объятия. Для Шевченко эта встреча с юношей, которого он когда-то знал ребенком, была не менее радостна: она напомнила ему бы-

* Оригинал этой картины находится в коллекции В. В. Тарновского, а фотографический снимок ее приложен в «Киевской старине», 1896 г., № 2.

лое, — как и вообще, быть может, самый приезд его в Качановку объясняется потребностью души его после сильных потрясений, при виде знакомых мест, оглянуться на пройденный путь и воскресить в памяти те дни, которые относились к иной, более светлой поре его жизни. После обеда Тарас Григорьевич захотел погулять в саду. При выходе из дому он встретил многих из служителей-дворовых, собравшихся повидать Шевченко, так как они помнили его и любили. Тарас Григорьевич приветливо со всеми здоровался, с некоторыми обнимался и вспоминал о прежних своих посещениях Качановки. В продолжение всей прогулки поэт был задумчив и грустен; видимо, пред ним проходили картины прошлого. В одном особенно живописном месте, на выступающей к пруду площадке, среди плоскогорья, он стал восторгаться видом и воскликнул: «Як умру, то тут поховайте мене». Этим словам, конечно, нельзя придавать серьезного значенья: они были произнесены под впечатлением окружавшей его чудной природы. В одном месте сын владельца попросил Тараса Григорьевича посадить ему на память молодой дубок (так как это было в августе, то деревце было выкопано, для верной посадки, с землей). Шевченко, посадив дубок, пожелал: «Дай боже, щоб нам довелось коли-небудь посидіть в тіні його гілля».

Вернувшись с прогулки, которая для Тараса Григорьевича была сплошным переживанием минувшего, они оба растянулись перед домом на лугу, и студент стал декламировать поэту его же стихотворения, еще тогда не напечатанные. Тарас Григорьевич многих не помнил и почти за каждым стихом удивленно спрашивал: «Коли це я писав?» И луна взошла, ярко освещая все кругом, а они все еще лежали на поляне, предаваясь поэзии и восторгаясь теплой украинской ночью.

Наконец, вставая, чтобы идти ужинать, студент продекламировал Шевченко отрывок из его стихотворения:

Летим. Дивлюся, аж світає,
Край неба палає,
Соловейко в темнім гаї
Сонце зустрічає.
Тихесенько вітер віє,
.....
Меж ярами над ставами
Верби зеленіють.

— Відкіля ж це? — спросил Шевченко и сейчас, вспомнивши, спохватился: — Ну, цей «Сон» буду я пам'ятати, наробив він мені лиха.

Пришедши в залу, где был накрыт ужин, Тарас Григорьевич попросил дать ему альбом, выразив желание написать что-нибудь на память о своем посещении Качановки. Альбом был тотчас принесен, и Тарас Григорьевич начертил в нем только две строки:

І стежечка, де ти ходила,
Колючим терном поросла.

1859 года, 21 августа, Качановка

Невольно приходит на мысль, почему Шевченко избрал именно эти строки, и мы склонны предположить, что они являются отражением того грустно-мечтательного настроения, в котором находился

поэт, и написаны под впечатлением прогулки в саду, где он не нашел уже знакомой и дорогой ему по воспоминаньям «стежечки». На следующий день утром Тарас Григорьевич Шевченко принес и подарил сыну владельца некоторые из своих офортов; в то же утро он уехал в Петербург.

В. И. Аскоценский

И МОИ ВОСПОМИНАНИЯ
О Т. Г. ШЕВЧЕНКЕ *

Ех Тарасе Тарасе! За що мене охаяли люде? За що прогомоніли, що я тебе, орла мого сизого, оскорбив, облаяв?.. Боже ж мій милостивий! Коли ще вони не знали, де ти, і як ти, і що таке, а я вже знав тебе, мого голуба, слухав твого «Йвана Гуса», слухав другі твої думи, котрих не бросав ти, як бісер перед (нехай вибачають) свинями.

Случайно познакомился я в Киеве с Тарасом Григорьевичем Шевченко. Это было 1846 г. в квартире А-вых на Старом городе. Нас собралось тогда, как теперь помню, что-то много; вечер был такой теплый, влажный, благоуханный. После чаю все наше общество вышло в небольшой садик, с огромными, однако ж, фруктовыми деревьями, и расположилось, кто как мог. Тарас (я еще не знал его тогда) в нанковом полупальто, застегнутый до горла, уселся на траве, взял гитару и, бренча на ней «не до ладу», запел: «Ой не шуми, луже». Я перестал болтать с одной из дочерей хозяйских и обратился весь в слух и внимание. Тарас пел неверно, даже дурно, чему много способствовал плохой аккомпаниман, но в каждом звуке слышалось что-то поющее, что-то ноющее, что-то задевавшее за душу.

— Кто это такой? — спросил я сидевшую подле меня девицу В. А-ву.

— Шевченко, — отвечала она.

— Шевченко? — почти вскрикнул я и в ту ж минуту встал и пошел поближе к любимому мною поэту, «Кобзаря» которого (в прескверном киевском издании) я знал почти наизусть. Опершись о дерево, я стоял и слушал; вероятно, заметив мое внимание, Шевченко вдруг ударил всей пятерней по струнам и запел визгливым голосом: «Черный цвет, мрачный цвет», пародируя провинциальных

* Редакция «Основы» (см. февральскую книжку) пригласила всех знавших Тараса Григорьевича сообщать читающему миру всякого рода биографические сведения о покойном. С охотою делимся и мы своими воспоминаниями, тем более, что нам не менее дорога память поэта, хоть на нас и напали за неполюбившийся кое-кому христиански-справедливый упрек, что близкие его не сберегли нашего Тараса и допустили его умереть без напутствования в жизнь вечную.

певиц, закатывающих глаза под лоб. Все захохотали, но мне стало грустно, даже досадно, что человек, на которого я глядел с таким уважением, спустился до роли балаганного комедианта. Я отошел от Шевченка и сел на пенек срубленной не то вишни, не то черешни. Тарас положил гитару на траву и, выпив рюмку водки, которую поднес ему (тогда гимназист) П. А-ч, стал закусывать колбасою, беспрестанно похваливая ее.

М. М. Сажин
Киевский университет,
середина 40-х годов XIX в.

Меня окружили дамы и просили «спеть что-нибудь». Тарас это услышал и, подавая мне гитару, сказал: «Ану, заспівайте». Я отказался тем, что не умею аккомпанировать себе на гитаре. «То ходім к фортоплясу», — сказал он, поднимаясь. Мы пошли, за нами потянулись барыни и барышни. Я запел «Погляди, родимая». Тарас стоял передо мною, опершись на фортепьяно и пристально смотрел мне в глаза.

— А хто це скомпонував ці вірші? — спросил он, когда я перестал петь.

— Я.

— Ви? Спасибі вам, козаче...

Дней через несколько забрел я как-то на взгорье Михайловской горы, позади монастыря, откуда открывается удивительный вид на все заднепровье. Над крутым обрывом горы я увидел Шевченка; он сидел на земле, подпершись обеими руками, и глядел, как говорят немцы, *dahin*¹. Он так был углублен в созерцание чего-то, что даже

¹ *Dahin* — туда (нем.).

не заметил, как я подошел к нему. Я остановился сбоку, не желая прерывать дум поэта. Тарас Григорьевич медленно поворотил голову и сказал: «А, бувайте здорові! Чого ви тут?»

— Того ж, чого і ви,— отвечал я с усмешкой.

— Еге,— сказал он, как будто тоном несогласия.— Ви з якої сторони?

— Я — воронежский.

Т. Г. Шевченко
Выдубецкий монастырь в Киеве
Офорт. 1844

— Сідайте, паничу,— сказал он, отодвигаясь и подбирая под себя полы своего пальто.

Я сел.

— То ви, мабуть, козак?

— Був колись,— отвечал я.— Предки мои точно были козаками; прапрадедушка, есаул войска донского, звався Кочка-Сохран.

— Який же гаспид перевернув вас на Аскоченського?

— Того уж не знаю.

— Ученье, кажуть, світ, а неученье — тьма; може, й так воно, я не знаю,— с улыбкой сказал он, решительно не понимаю к чему.

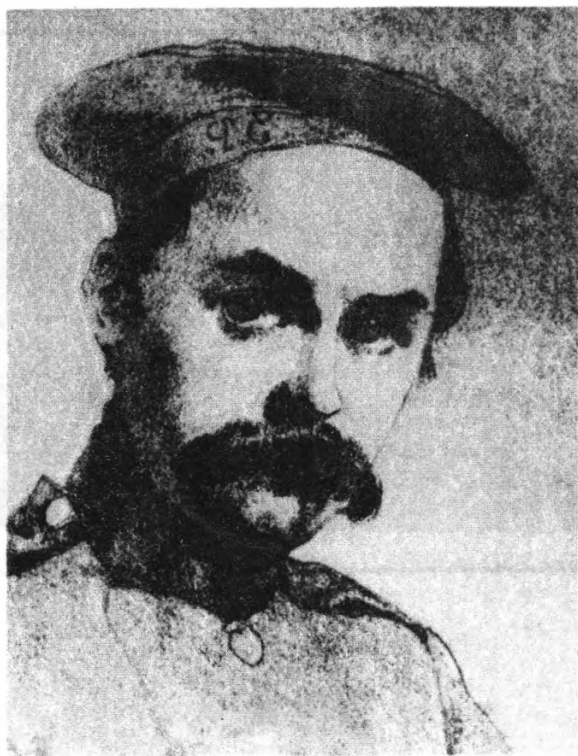
Мы оба замолчали. Я достал сигару и закурил.

— Ой, паничу, москаль надійде, буде вам!

Я засмеялся. И долго сидели мы потом молча. Мельком я взглядывал на Тараса: лицо его то становилось суровым, то грустным, то делалось так светло и привлекательно, что расцеловал бы его. Не знаю, воображение ли мое помогало мне в этом случае, но мне чудилось, что в голове поэта «коїться» что-то чудное, формируется,

быть может, целая поэма, которой не суждено выйти в свет и которая останется невысказанным словом. Мне хотелось передать Тарасу мечту мою, но я боялся нарушить эту созерцательную тишину поэта и, кажется, хорошо сделал.

— Ходім,— сказал он, поднимаясь.

Т. Г. Шевченко
Автопортрет
Карандаш. 1847

Мы сошли с горы на Крещатик; расставаясь, я просил его бывать у меня.

— А де ви живете?

Я сказал.

— А,— отвечал он,— то великий пан. Нам, мужикам, туди не можна.

— Но у этого пана,— возразил я,— тоже живут мужики, и первый из них — я.

— Правда? — спросил он, крепко сжав мою руку.

— Правда,— отвечал я.

— То добре.

Мы расстались.

Когда все это было, определительно сказать не могу; знаю только что весной 1846 года, ибо в дневнике моем, откуда я заимствую все это, дни и месяцы не обозначены. Мая 26 Тарас Григорьевич был в первый раз у меня с В. П. и Н. П. А-выми, из которых первый (уже покойник) был жандармским, а последний армейским офицером. Вместе с ним был, кажется, и А. С. Чужбинский с четками в руках, серьезный и неразговорчивый. Несмотря на это, все были, как говорится, в ударе. Тарас, с которым я успел уже сблизиться, читал разные свои стихотворения и между прочим отрывок из поэмы своей «Иоан Гус». Несколько стихов из нее доселе не вышли из моей памяти:

Народ сумує там * в неволі.
І на апостольськїм престолі
Чернець годований сидить:
Людською кровію він шинкує,
У найми царство віддає.
Великий боже! Суд твій всеу
І всеу царствіє твоє...

Не могу забыть снисходительности поэта к таким убогим стихоплетам, каким был я, грешный, во время оно. Шевченко заставлял меня читать мои тогда еще не печатанные изделия и, помню хорошо, что некоторыми главами из «Дневника», помещенного в собрании моих стихотворений, оставался чрезвычайно доволен. У меня доселе хранится рукопись этого семейного рассказа...

В. П. А-ч, юморист и остряк, какими бывают только малороссы, сыпал самые уморительные анекдоты; мы помирали со смеху. Тарас часто повторял, хватаясь «за боки»: «Та ну-бо, Василю, не бреши!» После чаю... Тарас... седши к фортепяну, начал подбирать аккомпаниман, что, однако ж, ему не удалось.

— Паничу,— сказал он наконец,— чи не втнете нам якої-небудь нашеньської?

— Добре,— сказал я и запел: — «Злетів орел попід небо, жалібно голосить...»

— Сучий я син,— сказал Шевченко по окончании песни,— коли ви не козак!.. Козак, щирий козак!

В июне (1846 г.), не помню, которого числа, зашел я к Шевченку в его квартиру на «Козьем болоте». Жара была нестерпимая. Тарас лежал на диване в одной рубашке. Снял с себя верхнее платье, я повалился на кровать. Разговоривать не было никакой возможности: мы просто разварились. Отдохнув несколько, я принялся осматривать все, окружавшее меня: бедность и неряшливость просвечивались во всем. На большом столе, ничем не покрытом, валялись самые разнородные вещи: книги, бумаги, табак, окурки сигар, пепел табачный, разорванные перчатки, истертый галстук, носовые платки — чего-чего там не было! Между этим хламом разбросаны были медные и серебряные деньги и даже, к удивлению моему, полу-

* В Риме.

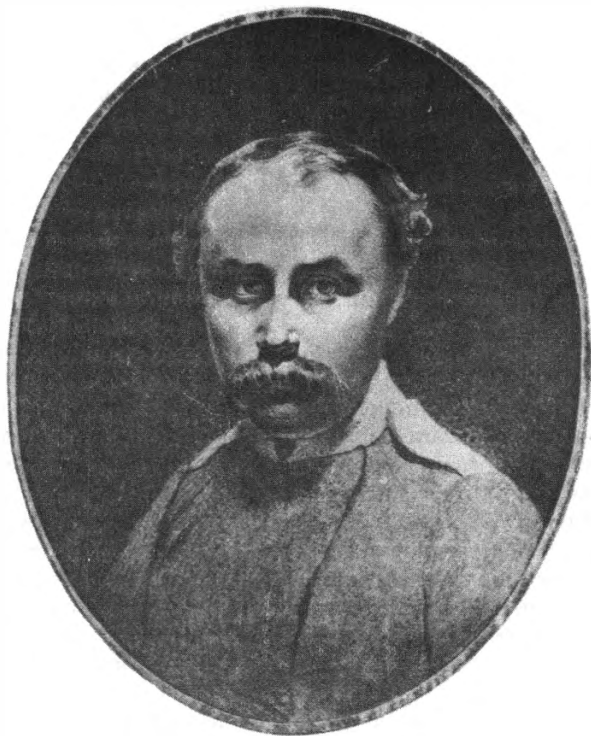
империал. В эту пору подошел к окну слепой, загорелый нищий с поводырем. Я встал и взял какую-то медную монету, чтобы подать.

— Стойте,— сказал Тарас,— що це ви йому даєте?

Я сказал.

— Е, казна-що!

И в ту же минуту, встав с дивана, взял полуимпериал и подал

Т. Г. Шевченко
Автопортрет
Сепя. 1848—1849.

его нищему. Слепец, ощупав монету и спросив о чем-то своего поводыря, протянул руку в окно с полученным полуимпериалом.

— Спасибі вам, пане,— сказал он,— але я такої не візьму, нехай їй всячина! У старців таких грошей не буває. Візьміть її собі, а мені дайте шматок хліба, чи що.

Тарас дал ему полтинник; нищий, постояв и подумав немного, пошел от окна, бормоча молитвы и разные благожелания

О бачите! — сказал Тарас — Що то значить білака! Ця

шей боїться великих, бо то панам тільки можна мати їх. Жарко, паничу! — заключил он и опять повалился на диван.

Встречался я с Тарасом Григорьевичем и еще несколько раз; бывал и он у меня, и я у него, но, собираясь к переезду из Киева в Житомир и, главное, занятый предстоявшею мне женитьбою, я не вносил в мой «Дневник» разговоров с Шевченком. Под 26 июля значится там у меня только вот что: «Превосходно проведенный вечер, в полном смысле литературный. Шевченко — дивный поэт. На досуге я поговорю об нем».

Но этого досуга не оказалось. Я выехал в Житомир, и через несколько времени весть о судьбе, постигшей Тараса Григорьевича, поразила меня несказанною скорбию...

По приезде моем в Петербург я навестил Шевченка, который, как известно, жил в Академии художеств. Он принял меня довольно радушно, говорил о своем способе гравирования, обещая «втерти носа німцям»; рабочая его насквозь пропитана была какими-то сильно разящими кислотами, и я поспешил расстаться с дорогим хозяином. В это посещение мое, помню, я просил у Шевченка переложений его псалмов, которые читал я еще в 1856 г. в Киеве, разумеется, в рукописи. Шевченко сослался на С. С. Артемовского, уверяя, что у него все его стихотворения. Узнав от меня о том, что я издаю «Домашнюю беседу», Тарас сказал: «Добре», но когда я изложил перед ним мои убеждения и цель, к которой я решил идти не спеша, Тарас сделался серьезным и, оттягивая огромные свои усы, проговорил: «Трудно вам проти рожна перти». Холодно и безучастно слушал он после этого мои воспоминания, и каждым движением показывал, что я как-будто ему в тягость. На прощанье я просил его бывать у меня, но Тарас Григорьевич отвечал мне отрывисто: «Я не вихожу нікуди; прощайте».

П. А. Кулиш

ЖИЗНЬ КУЛИША

(Отрывки)

Пожалуй, хватит о поляках. Поговорим об украинцах, живущих на Руси. В то время, когда Кулиш состоял учителем в Киеве, с ним искал знакомства молодой студент университета Василь Белозерский. Познакомившись, они стали большими друзьями. Бывало, до поздней ночи беседовали про свою Украину, не раз приходилось и заночевать то Белозерскому у Кулиша, то Кулишу у Белозерского. Как-то раз, на рождество, Белозерский зазвал друга к своей родне в Борзну. Семья Белозерского очень понравилась Кулишу. Многие из них стали впоследствии его друзьями, там он встретил и свою будущую жену, тогда еще совсем молодую панночку. С того времени для Кулиша начинается новый период в духовной жизни. Его кипучая натура формировалась под благотворным влиянием. Тогда же

он познакомился с Шевченко и Костомаровым. Очень характерна его первая встреча с Шевченко. Однажды кто-то входит к Кулишу в парусиновом пальто.— «Здравствуйте!.. Угадайте — кто к вам?» — «Кто же еще, если не Шевченко?» (А сам никогда даже портрета Шевченко не видел.) — «Он и есть!.. Нет ли у вас рюмки водки?» и т. д. И началась беседа истых сечевиков, а потом уже и песни пошли. (У Шевченко был прекрасный голос, а Кулиш знал уйму песен.) Потом они ездили вместе в окрестности Киева, рисовали, варили рыбу за Днепром. Кулишу, однако, не очень нравилась грубоватость Шевченко; он прощал ему многие выходки, только уважая его талант. Шевченко, в свою очередь, не по вкусу был аристократизм Кулиша, о котором мы уже упоминали. Кулиш любил опрятность в одежде, порядок в вещах и в распорядке жизни; как девушка, не выносил он грубых слов, да и от него их никто не слышал. Так что сошлись, что называется, самый простецкий куренной сечевик и городской казак-кармазинник *. Они и в самом деле были представителями разных половин казачества. Шевченко был из правобережного казачества, которое, оставшись после Андрусовского перемирия без старшины и оказавшись под польским гнетом, бежало на Сечь и возвращалось оттуда в панские владения уже гайдамаками; им удалось одним ударом уничтожить в Умани восемнадцать тысяч жидов и шляхты. До последнего вздоха гайдамаки жаждали одного — уничтожить панство его же каблуком. Кулиш же происходил из того казачества, которое заседало с царскими боярами, организовывало по указу царя Петра «Малороссийскую коллегию», помогло Екатерине Второй писать «Наказ» и учредить на Украине училища вместо старых бурс. Один учился истории непосредственно у гайдамакских вожаков, читая ее в скорбных казачьих сердцах, которые рвались и томились в неволе у ляха — заклятого врага казаков; другой — познавал бывшее Украины от предков, испокон веку не знавших панщины, охранявших когда-то плечом к плечу с рыцарями Ланскоронскими, Претвичами, Вишневецкими границы Южной Руси, Литвы, Польши и впоследствии вставших по собственной воле на защиту Москвы. Ощущения глубокой связи с народом у обоих было одинаково сильным, однако Шевченко был человеком с горячей кровью, тогда как Кулиш искал равновесия сердца и разума, равновесия хочу и могу. Деятельность спокойная, не растрчивающая себя на словеса, не подвластная ни радостям, ни горю, всегда была его идеалом. Сильнее всего это проявилось в его отношении к полякам; дружба с Грабовским и Свидзинским не помешала ему написать в 1843 году поэму «Украина», а в 1861 — поэму «Великие Проводы». Изучив польскую историю и литературу, как, пожалуй, никто другой из русских писателей, он тем не менее ни на йоту не отклонился от своей цели — освободить Русь от польского гнета. Следует ли удивляться, что для молодого поколения российского, стремящегося к свободе личности и гражданской независимости, он стал образцом.

Живя в столице, Кулиш помогал Плетневу издавать «Современник»; для его приятельницы Ишимовой он написал в детский журнал «Звездочка» «Повесть об украинском народе»; закончил

* Кармазинник — богатый человек.

свою «Черную раду». Писать по-украински Плетнев считал делом ненужным; да и не было в окружении Кулиша человека, который бы считал иначе; таким образом, в заботах об Украине, ее будущем, Кулишу приходилось идти непроторенным путем. Еще в Киеве он собрал группу из нескольких близких ему друзей; в этой группе впервые родилась мысль об издании книг, способствующих самосознанию украинского народа, и устройстве школ для простого люда в помещичьих имениях. Члены группы хотели склонить к этой мысли некоторых помещиков-гуманистов и тем самым положить начало просвещению украинского народа. Кулиш нередко писал из столицы то Белозерскому, то Костомарову, то другим членам группы, стремясь поддержать их дух. Однако все это были «казаки» не робкого десятка и не было надобности так усердно их поддерживать. У них доставало сил заботиться и о Шевченко, сдерживая его неумное «бурлачество». Собираясь, они часто обсуждали проблемы всего славянского мира. К этому времени относится и создание самых прекрасных произведений Шевченко: «Мертвым и живым...», «Шэфарику» и др. Жизнь киевской украинской группы была насыщена высокими духовными интересами: этих просвещенных людей волновало все то, о чем Шевченко говорил в своей поэзии. Их помыслы охватывали интересы всего славянского мира; они глубоко понимали, что духовный статус украинского народа более чем любой другой может способствовать единению славянского мира. Вера в Христа и история славян согревали и освещали их подвижнический путь. Все они прекрасно знали и глубоко почитали священное писание. Они твердо верили, что славянам следует уповать не на дипломатию, ибо дело это требует и новых людей, и новых сил, и этой силой должны быть чистота сердца, истинная просвещенность, свобода простого народа и христианское самопожертвование. Однако, стремясь доказать, что их помыслы направлены ко всем славянским народам, а не только к Украине, они назвали свое общество Кирилло-Мефодиевским братством, признав тем самым этих апостолов своими духовными наставниками. Один из основных пунктов устава этого общества гласил: принимать только тех в братство, кто известен своей праведной жизнью и истинной просвещенностью. Другой параграф предостерегал от следования иезуитам, которые считали, что для достижения цели все средства хороши. Самым действенным методом члены братства признавали проповедь устным и печатным словом, а также распространение образования среди женщин — матерей и сестер всех тех, кто придет в будущем на смену темной массе и равнодушному, ленивому панству. Именно поэтому такое значение придавали в обществе грамотности и образованию женщин. Они также считали, что необходимо объединить все славянские народы не в централизованное государство, а в свободный союз под протекторатом российского императора. В том случае, если бы империя не согласилась принять в свой состав славянскую федерацию, не очистившуюся от позора крепостничества, решено было постепенно, с помощью образования и убеждения, подводить помещиков к пониманию общественной необходимости такой акции, простой же народ вести к новой, лучшей жизни — посредством школ; положить начало этой деятельности должно было просвещенное панство в принадлежащих ему селах. Таким образом, событие, прославившее в веках императора Александра II,

было начато и задумано еще при жизни его отца — императора Николая I — никому не известными, скромными людьми. Давайте же посмотрим, как отнесся Николай I к людям, достигшим таких вершин человеческого духа.

Члены общества опасались писать Кулишу о создании братства; они лишь намекали ему, что, собираясь, обсуждают важные проблемы. Он им на это отвечал: «Вы хвалитесь словами, но ваше слово не будет иметь силу до тех пор, пока вы не займетесь делом. Делом же вашим должно быть образование ваше и просвещение народа. Оставьте политику. Настанет день, и от вашего слова падут стены иерихонские». Понимая, что Кулиш своими силами прокладывает тропу в ту же сторону, в какую они хотят проторить широкую дорогу, и осознавая, что, если правительство не поддержит их дело, оно станет для них опасным, члены братства решили не показывать Кулишу устав и в братство его не звать. Точно так же они решили держать подальше от братства и Шевченко.

Тем временем Кулиш, усердно занимаясь собственным образованием в Петербурге, привлек к себе внимание не только Плетнева. Незадолго до этого умер славист Прейс, адъюнкт Российской Академии. Академия, согласившись с предложением Плетнева, решила выделить средства и послать за границу Кулиша, чтобы по возвращении он смог занять освободившееся после смерти Прейса место в Академии и кафедру славянских литератур в университете. Вот почему той зимой Кулиш отправился за границу через Украину. Он мог ехать напрямик через Львов в Прагу и уже оттуда в Германию, однако ему хотелось повидаться с отцом, который лежал в это время больной (мать его умерла еще тогда, когда он был бедным студентом в Киеве), кроме того, была у него мысль — обручиться с сестрой Белозерского, чтобы ехать за границу вместе с любимой женой. Так и случилось. Друзья — Кулиш и Белозерский — сговорились ехать к чехам вместе, а Кулиш, повенчавшись, взял с собой молодую жену, чтобы она посмотрела свет, перед тем как жить в столице. Через Киев и Волынь направлялись они в Варшаву, а лихая доля уже гналась за ними хищным ястребом. Не предчувствуя беды, они наслаждались чтением новых произведений Шевченко и задумали вызвать его за границу, чтобы там расцвел и возмужал его талант художника. Молодая жена Кулиша, такая же энтузиастка, как и ее муж, решила отдать ради этого все свое приданое (три тысячи рублей). Написали Тарасу, чтобы он добыл себе через Академию паспорт, а они снабдят его деньгами.

I

Год 1847 — это целая эпоха в жизни Украины (той ее части, которую называют Малороссией). Сим несчастливым годом начинается период гонения на нашу национальную словесность в родном отечестве.

Еще года за три, за четыре до этого смутного времени, украинская песня и устная словесность украинского народа вдохновили молодые умы в Киеве спасительной мыслью — поднять свой народ из темноты, не дававшей воспрянуть его духовным силам и тем самым уничтожавшей его благосостояние.

Именно среди этой исполненной благих порывов молодежи явился Шевченко с его далеко слышным плачем, оповестивший о несчастной доле своих земляков, и запел перед обездоленными:

Світе тихий, краю милий,
Моя Україно!
За що тебе сплюндровано,
За що, мамо, гинеш?..

Это пение было для молодежи поистине призывным звуком трубы архангела. Если когда-нибудь и было истинно сказано, что сердце ожило, а глаза загорелись, что над челом человека засиял свет, то это можно сказать именно об этом периоде в Киеве.

Следует отметить, что киевская молодежь, о которой идет речь, имела глубокие познания в священном писании; это была молодежь высокой духовной чистоты, а ее прямо-таки апостоловская любовь к ближнему была в высшей степени вдохновенной.

Воодушевившись чудесами христианской проповеди в оподлившемся Римском царстве, молодежь эта свято выполняла завет всеблагого учителя: «возлюби ближнего, как самого себя» и исполняла его прежде всего по отношению к тем, кто истинно имел право называться нашими ближними. Это были прекрасные дети своих отцов и матерей, хорошие братья сестер своих и братьев, добрые, искренние друзья своих друзей, незлобивые и терпимые к врагам своим и истинные друзья темного народа. Обретя в сердце своем рай любви и благоволения, они горячо жаждали излить эти божественные дары везде, где бы они ни ступали, всюду, где бы ни проповедовали.

Из этого благословенного в веках порыва и возник их помысел — путем проповеди христианства и научного просвещения подвигнуть образованных украинских помещиков на освобождение народа от крепостной неволи. В те времена украинские помещики, как цари в собственных владениях, могли своей властью и силой с мужиком поступать. И потому считали они, именно от помещиков должно требовать настойчиво и с упорством искать среди простых мужиков

людей способных, сообразительных и талантливых, поднимать их посредством обучения до морального и социального равенства с собой, и им, освобожденным от неволи, отдать на попечение остальную массу и уповать на будущее.

Благочестивые юноши из Киева считали самым основным делом вдохновить своей любовью и благими помыслами лучших людей в господских семьях, которые хотели бы разделить с ними высокие духовные порывы и интерес к науке и поэзии, и вместе с этими людьми просветить светом науки и познания, ведущим к новой жизни, тех, кто поистине пребывал «во тьме и сени смертей».

Это было великое начинание и потому в коммуну, сплоченную таким замыслом, входило не более горсточки чистых душ, которые жаждали разделить судьбу тех, кому негде было преклонить голову: «куда, говорили они, мы пойдем, глаголы живота вечного имаше». Вдохновителем киевской группы последователей проповедника глаголов живота вечного был сам Шевченко. Все они были равны, но тот был среди них первым, кто был им всем слугой.

Братство, ничем, кроме дружбы, не связанное, взирало на Шевченко как на светоча, и это было справедливо.

Оглядываясь назад, можно не боясь кощунства сказать о его великой, хотя и задавленной горем душе: «Он бе светильник горя и света». Шевченко явился нам как воплощение озарения ниспосланного свыше. (Мы и о самих себе думали так же, несмотря на наше христианское смирение. Скажу больше: если бы мы не думали так, то и не смогли бы подняться до великого замысла — высвободить свой народ из духовной нищеты, а украинского крепостного из духовного и социального рабства.)

Не могу умолчать и о том, что мы крепко помнили слова св. Павла: «Братья мои, не будьте детьми по разуму. Будьте детьми сердцем, а разумом взрослые». Нам было хорошо известно бесчестие мира сего и слепой деспотизм Пилатов-игемонов наших, а также злосчастных книжников и страшных в своих целях фарисеев. И потому у нас не было никакого записанного на бумаге устава, либо договора, либо записей о нашей деятельности, направленной на спасение нашего народа. «Будем неуловимы, как воздух» — таков был девиз нашей проповеди.

До 1845 года наша деятельность проходила в благодатной тишине. Осенью 1845 года я расстался с киевскими апостолами народной свободы и переехал на службу в столицу.

Счастливая судьба свела меня близко с одним из лучших людей среди тех, кто тогда был в русском Вавилоне, с близким другом Пушкина — Плетневым. Еще не прошло и десяти лет после смерти Пушкина. В столице еще всюду ощущался его дух, который будет жить вечно в животворящем слове погибшего поэта и который нигде так явно не присутствовал, как в доме у его ближайшего друга. Только в царстве небесном, пожалуй, могло мне быть так хорошо, как возле этого доброго, чистого, ясного, высокого и простого сердца. Однако не о Плетневе моя речь.

У меня не было никаких тайн от этого человека; я занимался окончанием своей «Черной рады» и часто писал письма украинским апостолам свободы. В письмах своих я был «неуловим, как воздух». Плетнев непрестанно остерегал меня. Это был человек чистый, как голубь, и мудрый, как змея. Как-то я сказал ему: «Петр Александро-

вич (конечно, не по-украински), вот вы были наставником великого князя. Почему вы не сделали из него человека, такого же, как вы, чтобы у нас когда-нибудь царствовал благородный человек?» Выслушав этот наивный вопрос, наперсник Пушкина (так бы я его назвал), рассердился на меня. «Вы мечтатели,— горько сказал он, покраснев от благородного гнева.— Вы того не знаете, что пока я с ним час или два беседовал, под дверьми уже стоял десяток чертей, и от меня он попадал прямиком в их сети».

Мой советчик рассказывал мне обо всем, что делается в столице, и, как сыну, советовал быть осторожным, хотя я считал, что неуловим в своих письмах, как воздух. Однако теперь я понимаю, что письма мои в те времена были полны «евангельского простодушия», которого так боится лукавый мир, и весьма далеки от мудрой осторожности, которую такой знаток сердец, как Плетнев, считал единственным спасением для людей чистых и тихих. К несчастью, я узнал или, вернее сказать, догадался из переписки, что мои киевские братья задумали что-то иное, более широкое и опасное, чем наша первохристианская коммуна. Мне казалось, что мое горячее участие в их судьбе дает мне право укорять и наставлять. Так что, когда я в таком горячем тоне писал письма в Киев, в них слишком явно проявлялось мое отношение к человеческой подлости и узаконенным беззакониям.

Впоследствии письма этого наиболее безоблачного периода моей жизни оказались у «премудрого» генерала Дубельта и еще более «мудрого» графа Орлова и привели их обоих к «разумному» рассуждению в духе инквизиции: будто я стремился стать гетманом на Украине и был самым главным в небезызвестном обществе святых братьев Кирилла и Мефодия, которое киевляне организовали в мое отсутствие. К несчастью, балуясь иногда старинным обычаем, я подписывался: «писано собственноручно», что по-украински звучит как «рукой власною», они же сделали из этого «рукою властною» и, конечно же, утверждали, что подразумевалась гетманская власть. Доказывать обратное было бесполезно. Однако об этом позднее.

II

В начале 1847 года проездом за границу я гостил на Украине, и не могу не вспомнить, что, пожалуй, не было на Украине более счастливого человека в те времена, чем я. Достаточно сказать, что ехал я тогда прямехонько к учителю и другу Пушкина В. А. Жуковскому, в кармане у меня было письмо от Плетнева, которое начиналось словами: «Посылаю к вам второго себя», а у Жуковского тогда жил Гоголь.

Я был в упоении от счастья и застал своих киевлян также в прекрасном настроении, однако самым счастливым среди них был Шевченко. Все они уже тогда, как единое сердце, ощущали, что поэт Шевченко подает грандиозные надежды. Уже тогда его муза со всей присущей ей силой восстала против ничтожества сильных мира сего, и именно поэтому его новые произведения были мне совершенно неизвестны. Просто никто не считал возможным посылать мне в столицу его замечательные плачи и пророчества. И совершенно естественно, что для меня, обновленного соприкосновением с пре-

красной душой Плетнева, они были откровением. До переезда в столицу душа моя была полна надежд, которым — увы! — было суждено сбыться еще очень нескоро. Теперь пророческий плач и пророческие призывы великого украинского кобзаря сделали эти надежды весьма осязаемыми.

Пусть знают те, кому это нужно, что в заботах об освобождении украинских крепостных, наши помыслы не ограничивались только тем, чтобы освободить их от помещиков. Этого нам было мало, иначе говоря, это было для нас делом второстепенным. Программа освобождения крепостных определялась словами спасителя: «И уразумеете истину, и истина освободит вы».

Задача наша, правда, была еще очень субъективна: ее нам диктовала наша самонадеянная молодость; однако основы ее были все-таки достаточно глубокими. Недаром один из библейских мудрецов изрек, что душа человеческая иногда может сказать гораздо больше, чем семеро оракулов, сидящих наверху. Высокое слово истины, которая делает человека свободным, никто не назовет «субъективным», не назовет выдумкой.

Мы хорошо знали, что в Англии крепостничество было уничтожено именно культурой, а не постановлениями и декретами, и поэтому стремились, чтобы наши украинские помещики вкусили прежде всего от божественной чаши познания столь же благоговеино, как и мы, а вкусивши, узрели, «яко благ господь», и исполнились его благостью к крепостному. Веруя в слово всевышнего: «ищите прежде царствия божия и правды его, а сия вся приложася вам», ты не сомневался, что за этим первым фактором свободы украинского народа встанут уже иные факты, которые окажут влияние на всю последующую историю Украины.

Мы не думали о том, как скоро это случится, — при нашей жизни или гораздо позже, — так как знали, что у господина «тысяща лет — яко день един». Апостолы свободы, мы считали себя добровольными рабами своей идеи спасения, и если бы нам что-нибудь удалось совершить, считали бы, что совершили лишь то, что должны были. Наше смирение великому призыву идти на жатву Христову, которая вершится повсюду, было понятным; мы подверглись таинству христианской любви так же, как и первые последователи учения Христа. Уже тогда мы помышляли о событиях далекого будущего, как о чем-то очень близком. Будто кто-то произносил над нами: «близ есмь при дверех»; сердца наши бились чаще от сладкой надежды. Мы знали, что ни один добрый поступок на великой ниве жизни не проходит не замеченным богом и что посеянное «даст плод свой во время свое». Однако главный смысл для нас был не только в том, чтобы поднять наш народ из отсталости, но и в том, чтобы умножались образованные люди на Украине.

Так мыслило наше киевское братство. Так думал и я, вдали от них, в «пышном и нищем» городе Пушкина.

Те, кому дано чувствовать и сердцем разуместь, поймут, как я возрадовался, услышав высокие ноты украинской народной кобзы. Мне почудилось: слились мечты наши младые, мечты о спасении народном наступило царство высшего разума. Так оно и было, следует только помнить, что в желание Христа «да придет царствие твое» исполнилось не сразу. Шевченко благословил в своей поэзии наши молодые мечты, наше будущее.

Да и сам Шевченко уже был не тот, каким я его оставил, уезжая с Украины. Это уже был не просто кобзарь, а национальный пророк. Мне, вдохновленному счастьем, наукой и поэзией, казалось, что он — посол господен на земле, что о нем можно сказать так же, как сказал о себе великий гений слова, столь же великий, как и Шевченко:

И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И божий глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Киевская интеллигенция, точнее, ее творческая часть, окружила украинского поэта глубоким уважением. Для меня же сияние его духа было чем-то недостижимым...

III

В то незабываемое время судьба близко свела меня с одной землячкой. Это был человек провинциальный, плохо знающий жизнь с ее многообразием добра и зла, малообразованный, плохо знавший родную словесность (все было подмято «московщиной» и французским языком), однако обладавший тем умом, который подвиг непорочные уста произнести: «В мире скорбни будете, но дерзайте: яко аз победих мир», человек, способный понять то, что часто оказывается сокрыто от просвещенных и образованных, тонко чувствующий красоту и силу родного, лежащего во прахе слова. Я стал читать ей наизусть шевченковские плачи и пророчества (мы все знали их, как «Отче наш»). Творчество поэта, ранее не известное ей, озарило и осветило ее душу небесным светом грядущей победы над мраком, правды над ложью, любви над ненавистью.

Вовек не забуду ее слез, когда она слушала эти пророческие плачи, эти пророчества победы. Исполнилась мечта поэта, которую он, тогда еще малоизвестный кобзарь, — выразил во вступлении к своим думам, мечта столь тронувшая нас:

Одну сльозу з очей карих —
І пан над панамі...

Это были не те слезы, о которых какой-то кобзарь в старину сказал:

Жіночі сльози дурні — як вода тече.

То были слезы воскрешения к новой, вечно живой народной жизни. Эта украинка глубоко прочувствовала величие скорби поэта, величие его замыслов и сразу начала думать, как бы облегчить

тяготы искалеченной доли Тараса. Скромная энтузиастка родной словесности всей душой прониклась величием его поэтического слова. Не колеблясь, она тут же предложила отдать кобзарю все, что имела, весь свой скарб, все свое имущество. Решила отдать ему даже приданое свое. Один из библейских мудрецов, размышляя над сущностью природы человеческой, сказал: «Забудет ли невеста красоту свою, дева — монисты персей». То, что было невозможно для дщери сионской, стало возможным для дщери украинской.

Действительно, тогда она была невестой, «молодой княгиней» и сказала (автору этих строк), что желает отдать все свое приданое, чтобы Шевченко мог прожить три года за границей; а ведь ее приданое состояло из жемчуга, кораллов, ожерелий, серег, перстней, которые передавались в ее роду по наследству, еще со времен великого раздела Польши, а также три тысячи деньгами. Хорошо, что «молодой князь» сам был достаточно богат, и ему не нужно было ее приданого.

Оставалось малость — уговорить поэта принять такой дар. Это тонкое дело было поручено мне.

Именно тогда влиятельные земляки выхлопотали у министра для Шевченко место преподавателя живописи во всеучилище¹ св. Владимира. Шевченко был очень рад, и я поздравил его с переменами в его казацкой судьбе. Ни о чем так не мечталось нашему поэту, как остаться жить в Киеве, он уже мечтал об академии художеств на Украине, о расцвете украинского пластического искусства. Тогда он вообще больше думал о пластическом искусстве, чем о поэзии. В то время он еще и сам не знал, куда и как далеко заведут его «иеремейские» пророчества. Это было более понятно нам, наши души предчувствовали это сильнее, чем сам кобзарь.

Как-то раз, порадовавшись вместе с ним светлым перспективам украинской жизни, я начал сожалеть, что в Киеве ему — художнику — будет одиноко, что одиночество не даст развиваться возможностям его художественного таланта во всей полноте.

«Не по чім б'є, як не по голові» * — ответил Тарас, насупившись, и сильно ударил по какой-то толстой книге своим мощным, как у гладиатора, кулаком.

Тут я сказал ему прямо, что если бы он достал себе, как художнику, заграничный паспорт, то деньги ему будут выдаваться, как из царской казны, все три года, а казначеем буду я сам, пусть только даст слово, что не станет допытываться, откуда эти деньги взялись.

Как дитя, простодушно и восторженно, обрадовался Шевченко. Я же порадовался, что он ничему не удивился. И сразу начал размышлять, где раздобыть заграничный паспорт художника. Среди нас были тогда люди, которые и в этом могли помочь великому кобзарю. Дело было не такое уж трудное.

Очень счастливый и вдохновленный, каким он еще никогда не был, уехал Тарас из Киева на Черниговщину, чтобы собрать все свои, как он называл, «шпаргалы». Ибо, скитаясь по Украине свободным художником, он оставлял свои рукописи во многих господских домах.

Может быть, мне только казалось в моем ослеплении счастьем

¹ Университете.

* В том-то и беда, в том-то и дело.

или это на самом деле было так, но в наших панах, если брать их в общей массе, тогда было больше человечности, чем впоследствии, когда началась украинская «мортирология». Поэту среди них жилось не так уж плохо, правда, немногие из них понимали, сколь значительное явление представляет собой этот поэт. Кочуя зимой от куреня к куреню, от дома к дому, оказался Шевченко на свадьбе у той самой украинки, которая пожертвовала свое приданое на то, чтобы он мог развить свой талант среди свободных духом, а не таких, как мы, запечатанных семью печатями, людей.

Мы тогда скоротали с Тарасом не один веселый денек и вечер за нашим любимым занятием — разговорами и пением. Однако более всего мне памятна вечеринка у одного неженатого пана близ хутора «молодой княгини».

Он тоже был душой поэт. Этот «хуторянин» в украинской поэзии писал еще до появления в литературе Шевченко; писал в духе женской и казачьей песни; в некоторых песнях было столько души, что господа пели и читали их в списках по всей Украине, иные я слышал даже среди простых людей. Так же, как в Харькове, возрождение национальной украинской поэзии связано с появлением Гулака-Артемовского, в Полтаве — с приходом Котляревского, так и на Черниговщине, откуда ни возмись, повеяло тогда по тихим хуторам поэтическим ветром, и наш казак — сосед «молодой княгини» — стал «самостийным» выразителем нового национального самосознания.

Необходимо признать, что человек этот был наделен от природы большим талантом; однако, к сожалению, из Нежинской гимназии, где когда-то учился и Гоголь, он пошел в военные, стал, кажется, кирасиром, а осев основательно или, как он говорил, «привыкнув к службе», погряз в занятиях хозяйством, общаясь в основном с теми, о ком он сам нередко говорил: «Большой недурак выпить».

Выпить он и сам был недурак, к тому же еще и терял голову за картами, проигрывая тысячу за тысячей, и из богатого помещика превратился в обнищавшего «панка». Неудавшееся сватовство к сестре нашей «молодой княгини», которую не захотели выдать за пьяницу и картежника, толкало горемыку то к Сцилле — пьянству, то к Харибде — картам.

В то время, когда мы с Шевченко гостили у него, он еще не спился и не опустил, а только очень грустил:

Мимо двір, де живе мила,
Я проїхав двічі,
Та й не бачив голубоньки
Я своєї в вічі...

Это были его стихи. Он любил напевать их, брэнча на кобзе, и мне было очень тяжело слушать бедолагу — ведь я знал, что у него делается на душе. Невылазные долги тогда еще не были причиной его грусти; он любил задавать роскошные банкеты, любил выпить так, что редко бывал трезвым, однако, если бы не карты, имущества ему хватило бы до смерти и не пришлось бы с такой ранимой душой, как у него, кончать свои дни на сестриных хлебах.

Вот и тогда у хуторского поэта было многолюдно и шумно. Собралось у него немалое число тех самых «больших недураков выпить», тех, которые делали из него Тимона Афинского. Не секрет,

что и жизнь самого Шевченко также была примером, подтверждающим слова киевского летописца: «Веселие Руси есть питие». И не случайно в одном из кабаков он углем написал на стене:

Вип'єш перву — стрепенешся;
Вип'єш другу — схаменешся,
Вип'єш третю — в очах сяє,
Дума думу поганяє.

Однако, вернувшись на Украину в 1847 году, я нашел его почти немым. Так и в тот памятный для меня вечер наш Кобзарь был глух к призывам своего «собрата по вдохновению» и давнего товарища по чарке.

Он держался в стороне от той комнаты, где приятели новоявленного Тимона Афинского шумно хохотали, весело что-то выкрикивали и подпевали под хозяйскую кобзу. Усевшись с друзьями возле камина, он трезво и серьезно беседовал с ними о науке и литературе. Дивясь и радуясь сердцем, я отметил в нем большой талант к критическому осмыслению поэзии, его можно было поставить в один ряд с Пушкиным — недостижимым в критическом анализе творчества предтечи современных поэтов — Шекспира.

Шевченко говорил и о своей поэме «Иван Гус», читал отдельные места со свойственной ему прекрасной дикцией и жалел, что в период написания поэмы не имел возможности досконально изучить этот исторический период и более глубоко познать личность чешского пророка немецкой реформации. Иногда в разговорах наш Кобзарь переходил ту черту, которая отделяет империю от свободных народов, и только я один понимал, что он имел в виду. Разгорячившись, он в конце концов позабыл про разговоры и начал петь, как это бывало с ним всякий раз, когда его сердце билось чаще то ли от радости, то ли от великого гнева на негодяев, то ли от великой печали.

IV

Волшебная сила слова и голоса Шевченко развернули передо мною широкую панораму человеческой жизни, казалось на моих глазах разыгрывается на сцене драма жизни двух поэтов: великого, еще только расправляющего свои крылья на солнце, и малого, уже погрязшего в хуторской жизни.

Неудачливый жених учился в Нежине, вместе с Гоголем, сидел с ним на одной скамье. Щедрая украинская природа наделила его не только поэтическим даром, но и музыкальностью. Среди прочих способностей он поражал меня более всего своим комическим талантом, своим юмором и умением так описать каждого человека, о котором рассказывал, что казалось будто все происходит на сцене у тебя перед глазами, будто все слышишь сам: был ли это москаль, лях, поп, купец, мужик, жид, цыган, девушка или старая баба, или же малое дитя. Рассказы его были не просто болтовней: это были детально проработанные сцены, которые и в театре-то, пожалуй, не часто увидишь. В них он всегда проявлял пронизательный ум, глубокое чувство, всепроникающий комизм и могучую сатиру.

Может быть, это покажется удивительным, но я скажу, что это мог быть второй Гоголь, и к тому же Гоголь украинский, будь у него

тот же жизненный путь и имей он возможность возвращаться в среде образованных людей. Следует добавить, что имущество свое наш хуторской поэт промотал не только в карты и не только на щедрых, по старинным обычаям гостеприимства, торжествах. Он еще был слишком добр к беднякам и без всякой меры великодушен к своим друзьям. Много святого и хорошего было в этом неудачливом человеке, и все это было уничтожено пустой панской жизнью, жизнью, которую не удалось направить по иному, лучшему пути, которую так весело и так горько описал Гоголь, а описав, промолвил: «Скучно на этом свете, господа».

Рядом с образом поэта, который уже погряз по горло

В том омуте, где с вами я
Купаюсь, милые друзья...

гораздо более худшем омуте, чем тот, в котором погиб Пушкин, возникал в моей душе образ другого поэта — нового светила поэзии, которое пока еще лишь краем озарило багровое небо и брызнуло пламенем по росистым травам. Оно еще не взшло в самую высь и не осветило ярким светом омерзительную бездну панско-рабского и христианско-языческого существования; оно еще только начинало светить сквозь поэтические слезы, оросившие берега бездны жизни, и будто кровью обливало позлащенные короны драконов, которые свысока взирали на эту бездну мракобесия — свое наследие.

Я слушал Шевченко и одновременно не мог не слышать его собрата; я то радовался, то грустил, то вновь радовался и думал: «Один — дитя поколения, испорченного привилегиями панства, уже навеки потерявшее способность совершенствоваться духовно. Другой же — представитель нового поэтического поколения, тебя мы еще можем спасти от мертвящего дыхания среды, что без боя уничтожает в человеке «сокровенного человека сердца».

Сумей сохранить независимость духа своего, не поддайся влиянию тех, кто даже благословением своим принижает высокую природу поэта до низменных идеалов своих; и тогда ты наверняка станешь звездой первой величины, и воссияешь на небосклоне Украины, России, Польши, всего славянского и культурного мира».

И правда, Шевченко в тот вечер был на вершине своего вдохновения. И жених большой почитательницы таланта поэта засмотрелся, заслушался его пророческими речами, его волшебными песнями и даже на миг забыл про «молодую княгиню».

«Молодой князь», благодарный поэту за то, что тот цветами своей души украсил его счастье, не знал, как выразить свою благодарность, и попросил его быть «старшим боярином» на своей свадьбе.

С удовольствием, а может быть, и тайной радостью, принял Шевченко эту просьбу. Ведь на Украине нет никого, кто был бы ниже Кобзаря, но нет и никого, кто стоял бы выше. Он с радостью братался с самым последним старцем-перебендей, но даже самого знатного помещика не считал себе ровней. Сегодня, в наше время, сделать шафером поэта — мужицкого сына — дело обычное среди украинских помещиков. Однако тридцать пять лет тому назад это было неслыханно. Хуторской поэт уже однажды был шафером в этом доме, и хотел быть им еще раз. На его выразительном, хотя и отмеченном печатью Бахуса, лице заиграла обида, и он при первом ж

удобном случае дал волю своим чувствам, на что гости только плечами пожали. Не знаю, заметил ли это Шевченко, так как «молодой князь» сразу увез «старшего боярина» к своей молодой княгине.

V

Там знали Шевченко по его произведениям и еще по присущей ему манере разговора — то шутливой, то серьезной и грустной. Никто еще не знал, что он, кроме того, и удивительный, пожалуй, один из лучших исполнителей народных песен на всей Украине, на обоих днепровских берегах, да и сам я не думал, что услышу что-то новое, чего еще не слышал в гостях у хуторского поэта, где обычно голоса пьяных гостей заглушали трезвые.

Его талант проявился в тот же вечер. В те времена мало кто из украинских помещиков умел говорить на родном языке, и сам Шевченко в гостях у панов почти всегда говорил по-русски. Если же он находил среди своих земляков очень близкого себе по духу человека, который так же, как и он сам, оторвался от родного берега и глубоко погряз в московщине, он забывал о посторонних и из обычного собеседника становился украинским златоустом.

Таким человеком на все время свадебного празднества стала для него «молодая княгиня». Она заговорила с ним по-украински, и поэт к великой радости своей увидел, что она не чурается родного слова. Тогда Шевченко начал пытаться, какие украинские песни она знает. Репертуар «молодой княгини» оказался обширным и очень порадовал «старшего боярина», а когда она продемонстрировала свой голос и текст песен, Шевченко похвалил ее на свой лад: он начал для нее петь и сделал это совершенно непринужденно, как сказал об этом один из его братьев по перу:

Ich singe, wie der Vogel singt...*

Заложив руки за спину, он стал ходить по залу, будто по саду, и запел:

Ой зійди, зійди,
Ти зиронько та вечірняя;
Ой вийди, вийди,
Дівчинонько моя вірная...

В этом, издавна уважаемом доме, было в тот вечер много гостей. Будто шмели, гудели они и, как воробьи, щебетали по всем углам дома. Но лишь услышали пение Шевченко, все вдруг смолкли и будто остался один он под вечерним небом, выкликая свою верную дивчиноньку.

В тот вечер Шевченко пел, как в молодости, я никогда не слышал равного его пению ни на Украине, ни в столицах. Смолкли разговоры и молодых и старых гостей. Изо всех комнат сошлись они в залу, будто в церковь. Нам соловей пел песню за песней, будто пел он на тенистом лугу, среди калины красной, а не зимой в доме, полном народу. Как только он умолк, его снова умоляли петь, и он пел и пел на радость людям, и более всего на радость самому себе. Ты спро-

* Пою я, словно птичка (нем.).

сишь, отчего это развеселился наш поэт страданий и печали, что общего нашел он с земляками-отщепенцами, почему вступил в живую беседу с теми, к кому обращается в своем послании к мертвым, и живым, и неродившимся с такими словами:

Умийтеся! Образ божий
Багном не скверніте;
Не дуріте дітей ваших,
Що вони на світі
На те тільки, щоб панувать...

Чужое счастье воодушевило поэта, и он своим талантом превратил свадьбу поклонницы его великого дарования в национальную оперу, которую, пожалуй, еще не скоро услышат на Украине. Но больше всех на свадьбе была счастлива своим тайным подвигом «молодая княгиня».

Прощаясь с Шевченко, она подарила ему на память еще одну драгоценность, самую дорогую из всего, что у нее было: свой венчальный цветок. Этим подарком, сделанным ото всей души, она отметила и приветствовала его грядущее величие, которого так горячо желала для счастья Украины.

Здесь кончается веселие и начинается тризна. Тризна по провозвестнику и главному герою истинной (не той, которой добивались казаки) свободы Украины; готовилось событие, которого желали самые заклятые враги украинского народа.

VI

В начале 1847 года, приехав в Киев, я прослышал краем уха, что мои братья во Христе, объединились в братство Кирилла и Мефодия, выработали свой устав и даже имеют свой особый знак — литой перстень из железа, с буквами *К. М.* Один из членов этого святого братства собирался ехать в славянские страны, чтобы в Праге и других центрах славянской науки изучать славянские языки, а вернувшись, занять кафедру в одном из украинских всеучилищ. Я не собирался застревать в Германии, хотя и направлялся туда с письмом Плетнева к Жуковскому. Незадолго до этого умер известный академик — славист Прейс, а о Срезневском, который занял его пост позднее, еще не было слышно. Академия наук послала меня пополнить мое славянское образование, чтобы, вернувшись, я смог одновременно стать и адъюнктом Академии, и преподавателем университета. И мы договорились с этим членом братства ехать за границу вместе. Я стал допытываться у него: верны ли слухи относительно святого братства.

Мой будущий попутчик, беспечно засмеявшись, ответил мне, что это была всего лишь ребяческая забава, и, опомнившись, они этот устав давно сожгли, а перстни побросали в воду.

Позже я узнал, что это была всего лишь приготовленная, специально для меня и Шевченко, отговорка, на случай, если мы что-то проведем об их политическом обществе. Как я узнал позднее, в уставе среди прочих мудреных замыслов было сказано, что украинцы должны объединиться в одну Славянскую федерацию под протекторатом всероссийского императора, а если бы русский император на это не согласился, искать иное решение.

Обоих нас с Шевченко решили оградить от участия в тайном политическом обществе, так как мы все равно трудились на благо славянской и украинской свободы, а в том случае, если бы начались правительственные гонения, никто бы не смог к нам придраться.

Это была медвежья услуга. Благородство наших друзей погубило нас обоих.

Тешась своими великими подвигами в будущем, киевляне бесечно разговаривали о своих тайных замыслах, и все стало известно. Некий Петров, подслушав что-то странное, проник в братство и начал громче всех разглагольствовать о свободе Украины, о московских притеснениях и так далее. Украинские заговорщики тут же приняли его в свои ряды, а он, получив в руки кое-какие свидетельства о тайном политическом обществе, передал их господину Михайлу Юзефовичу, который занимал тогда пост попечителя киевского учебного округа.

Пусть кто-нибудь другой расскажет, что предпринял Юзефович в связи с этим делом. Сам я ничего не видел, и могу передать лишь то, что мне было рассказано; я с ранних лет был облагодетельствован этим человеком, и был бы очень рад, если бы все соответствовало тому, что излагал мне потом сам господин Юзефович, который дважды повторил мне эту историю, объясняя свою позицию.

Мы благополучно выехали с достопочтеннейшим братом из Киева в Варшаву и занялись там изучением старого польского языка, руководствуясь наставлениями благородного труженика науки Вацлава Александровича Мациевского. Как-то раз пишем мы да выписываем из книг всякую всячину, ожидаем весточки от Шевченко, сидя за одним столом, и мне невдомек, что в ящик этого стола заложена страшная мина. Миной этой оказался устав общества святых братьев Кирилла и Мефодия, который мой достопочтенный брат с какими-то благородными намерениями провез в славянскую границу, ни полсловом не обмолвившись об этом.

Среди прочих мы познакомились в Варшаве с сенатором Стороженко, который был тогда правой рукой покровителя Варшавы князя Варшавского графа Паскевича-Эреванского. Этот земляк великого полководца и сатрапа втирался в дружбу к графу с помощью того украинского веселого балагурства, которое еще при российской императрицах «выводило в люди» многих наших земляков. Паскевич к тому же был большим любителем наших анекдотов, борща, вареников и других украинских лакомств. Однажды его первый министр, подавая на подпись разные бумаги, сообщил ему: «Светлейший князь, вы вот восхищаетесь нашими здешними земляками, которые умеют хорошо болтать о нашей Украине, а я вам покажу земляка казацкой породы, чистокровного украинца, от которого так и несет мужицким духом, Сечью-матерью и батькой — Великим Лугом». — «Правда?» — спрашивает сатрап, подписывая в этот момент то ли волю, то ли каторгу, то ли жизнь, то ли смерть. «Я не шучу, ваша светлость. Этот вам расскажет и доложит не только про все запорожские обычаи, но и про все запорожские думки». — «Рад, рад буду его послушать, привези его, братец, ко мне».

Во время этой милой беседы сих украинских патриотов сатрапу подают пакет из столицы. Распечатав и прочитав его, сатрап за-

смеялся: «Хорошо, братец, твой земляк, вели-ка его арестовать по высочайшему повелению».

Так закончились наши варшавские студии...

VII

В Третьем отделении собственной его императорского величества канцелярии от досады даже ногами затопали, когда я сказал, что впервые в жизни вижу знаменитый устав, а знаю о нем только понаслышке. «Что вы нас за мальчишек считаете?» — закричали на меня Дубельт и Орлов. А они и впрямь оба были мальчишки (по-украински «хлоп'ята») с седыми усами, только вот лихая московская власть дозволила им управлять взрослыми, да еще как! Без всякого закона. «Праведникам-бо закон не лежить» или «дуракам закон не писан». Кто они были — праведники или дураки — пусть история рассудит.

Мой достопочтенный братец в Варшаве, которого тут же схватили и привезли вслед за мной, выдал им все: и как братство от меня таилось, и даже, что именно утаивали, и название самого общества. Жаль! Десятки раз под солдатскими штыками водили нас в пилатовский трибунал, десятки раз допрашивали, передопрашивали, додумывали, домысливали. Бедный юноша, увидев, что они втянули меня и Шевченко в такую беду, какой и врагу бы не пожелали, упал на колени перед самыми праведными и мудрыми судьями империи и, плача, умолял, чтобы нас не карали за чужие грехи. «Каков хитрец-то,— говорила, поглядывая на нас, седоусая детвора,— чужими руками жар загребает».

«Молодой человек,— промолвил с императорским величием Орлов плачущему бедолаге, на самом деле еще очень молодому юноше,— это вам делает честь, что вы так великодушно оправдываете приятеля».

А потом сказал, обращаясь к Дубельту: «По моему докладу его величеству благоугодно было освободить благородного юношу от заключения в крепость. Отправьте его в Петрозаводск, рекомендуйте его губернатору, как отличного молодого человека, и чтобы дал хорошее место».

Как видите, эта детвора тоже была не лишена своего рода благородства. Они позаботились о нем. Ну да кому же не известно, что даже среди членов святой инквизиции бывали благородные люди.

Тем временем мои письма из столицы к киевлянам были представлены верховным судьей беззакония; и что бы у меня ни спрашивали по этим письмам, я должен был тут же, отвечая, писать. У меня спрашивали: «Почему вы подписываетесь «рукою власною», как малороссийские гетманы? Что означают в ваших письмах слова: «не разговоры, а дела должны поглощать ваше время»? Как понимать фразу: «тогда от ваших слов, как от труб, падут стены иерихонские»? и т. д. За тридцать пять лет всяких невзгод да забот я уж и позабыл многое из этих детских забав.

Однако же я хорошо помню, как дали мне однажды выписку из моих писем, чтобы я ее удостоверил. Прочитав, я сказал: «Вот до сих пор — это мои слова, а дальше — чья-то выдумка». Итак, как в оригинале моего письма, на самом деле, не нашлось этой фальшивой приписки, и от великой досады, забыв, что попал в пасть львам,

начал возмущаться. «Разве царь виноват в том, что вы творите», — кричал я в разбойничьем вертепе. «Это не ему, а вам на руку, чтобы мы были виноваты. Как ваши лживые сердца повернут дело, так он, бедняга, и решит. На вас и на ваших детях будет лежать невинная кровь, пролитая по его приказу, и если не вы, то весь ваш змеиный клубок за это будет наказан».

Услышав правду-матку, «герои» слепого деспотизма перепугались и стали, будто школьники, передо мною оправдываться — и как бы вы думали чем! — уверять, что это ошибка.

Только не помогла правда моя. Не найдя ни у меня, ни в моих бумагах, коих тогда повнезли целый воз с Украины, никакого следа моего бунтарства или «заговора», как они называли это ничтожное дело, и слыша ото всех, что я даже не знал, как называется это общество, главою которого, не колеблясь, объявили меня Дубельт и Орлов, эти умники просто зубами скрежетали от досады, что я, мол, «всех водил за нос и остался чист».

Дубельт все повторял мне про какое-то «наказание», а если бы я, мол, признался, то «его императорское величество, общий наш благодетель, мог бы вас и помиловать по великому, всему свету известному своему мягкосердию».

Сколько я его ни убеждал, что мне не в чем признаваться, он смотрел на меня, криво усмехаясь, и говорил: «Ну за кого, право, считаете вы нас?»

Вместо того, чтобы прямо сказать ему, кем я его считаю, я уговаривал его, как ребенка: «Подумайте сами. Вы считаете меня гетманом, вы думаете, что товарищи мои ринутся в огонь по моему приказу, вы думаете, что они шкуру дадут с себя содрать, а моего желания стать гетманом не выдадут, вам кажется, что по всей Украине уже стоят наготове полковники и сотники и стоит только бросить клич, как восстанет казачье войско. А почему вы не узнаете сначала, каково мое имущественное положение, откуда я родом и какова моя популярность на Украине? Не может же такой бедный, совершенно незначительный и никому не известный человек, как я, совершить такие великие дела. Я всю жизнь просидел в четырех стенах, над книгами, как монах в монастыре». А он, покрутив свой здоровенный седой ус, отвечает: «Можно сидеть в четырех стенах и взволновать все государство. Мы видели ясно, к чему вы стремились: опрокинуть все кверху дном, уничтожить существующий порядок вещей. И для кого же, для мужиков! Это у вас люди? Посмотрите на этого фонарщика (показывая мне в окно). Вы думаете, это человек? Это зверь, который умеет только есть, спать». И далее добавил такие слова, которые бы не напечатала и казенная типография.

Вот и говори с ним...

Нашли и еще одну зацепку. На одной из моих рукописей о казачьей жизни я нарисовал карандашом отрубленную казачью голову и степного орла, выклеывающего глаза, под всем этим турецкую саблю, а на горизонте степную могилу, над которой серпом восходит месяц. Каждому понятно, что это символ борьбы казаков с врагами христианства. Мои же судьи решили, что это символ России, которая выклеывает глаза Украины. Истинно, на воре шапка горит. Если бы мне хотелось изобразить такой символ, я бы нарисовал двуглавого орла или хотя бы орла с короной. А уж если изображать Россию без короны, как измышляли Орлов и Дубельт, то вместо

орла следовало бы нарисовать ночную сову, которая днем спит, а ночью охотится.

«Глубокомыслие» моих инквизиторов и тут ничего не достигло.

VIII ·

Ну что ж, гетман, так гетман, а почему, черт его знает, нет у него ни булавы, ни бунчука, никаких драгоценностей; даже документов с его подписью не найдено; только и есть это несчастное «рукою власною», нет даже слова «твердо», которое эти писаки считали неотъемлемой частью гетманской подписи. Почесав затылок, столь же умные, как и само чело, высокие инквизиторы вынуждены были немного поутихнуть. Тогда они принялись критиковать мою книжечку: «Повесть об украинском народе», которую я в том году напечатал.

Это была компиляция из тех пагубных выдумок, которые наши летописцы распространяли о поляках, а кобзари переиначивали, приписывая жидам, на радость казакам-пьяницам, выдумок, разбросанных в старых апокрифах и сказаниях, в фальшивых, еще от наших прапрадедов исторических документах. Это была одна из тех утопических и фантастических книжечек, не достойных критики, из которых у нас на скорую руку сметана вся история борьбы Польши с Москвой. Казаки в ней были представлены как нация, а все, что не относилось к этой нации, либо игнорировалось, либо просто отбрасывалось во враждебный лагерь. Все враги казаков были представлены людоедами, а сами казаки — мучениками и благородными патриотами. И если и стоило наказывать автора за то, что он переврал историю так, как ее и до сих пор у нас перевирают, то наказывать только посмеявшись над книжкой. Однако этот ареопаг слушал чтение сие с таким серьезным видом, с каким, наверное, выслушивал всякую чушь еще тот коняга, которого Гелиогабал поставил во главе римского сената.

«Повесть об украинском народе» я написал для госпожи Ишимовой, которая учила дочку Плетнева и издавала детский журнал «Звездочка». Писал я ее урывками, *complaisance* *, ради доброго ко мне, чужеземцу, человека; всего 200 экземпляров отпечатала она для подарков знакомым. В продажу я эту книжку даже не пустил. Однако ареопаг мудрейших обвинил меня в том, что это прокламация.

«Ведь наша цензура позволила это печатать,— говорил я своим дорогим судьям.— За что же вы теперь мне угрожаете?» Однако, наверное, у критики одна судьба и среди журнальной братии, и в таких синедрionaх, как Третье отделение.

Об этой моей глупой книжечке был написан целый доклад, по которому получалось, будто, по крайней мере, Каталина бушевал у врат нового Рима, я сам видел, как красиво, будто гравировщик, переписывал эту «цицероновщину» — не писарь, нет, а чиновник высшего ранга, человек столь же добрый, как и испанец Торквемада. Мы и считывали ее вдвоем, чтобы, упаси боже, не пропустить чего-нибудь в этом премудром творении.

Я уже сказал, что умники из Третьего отделения были не без

* Для развлечения.

благородства. Добавлю, что были они не лишены и честности, а также некоторого ума. Все-таки им удалось уразуметь, что олимпийцу-громовержцу не пристало метать молнии ради горсточки соломы, так как эта детская повесть и на самом деле была горсточкой соломы без зерен. В ней шла речь о таком украинском народе, которого никогда и не существовало на свете. Они все-таки решились всеподданнейше ходатайствовать перед самодержцем и донести, что я уже достаточно намучился за три месяца пилатовского истязания в Третьем отделении и что уже можно было бы оказать мне превеликую милость и сослать на край света, чтобы я жил на воле, как ссыльный, и чтобы уже, наконец, перестало обливаться кровью то молодое сердце, от которого меня оторвали и которое на всех у праведного бога весило больше, чем все инквизиторы с их верховниками.

Я пересказал этот доклад своими словами, ибо никакая память не смогла бы удержать тех хитросплетений словес, которые наполняли его, за что Третье отделение платило своим мастерам еще дороже, чем за хорошую каллиграфию.

Раз уж я начал писать повествование о подлинных исторических событиях, то не следует умалчивать, что Дубельт не всегда был страшной гиеной. Сначала он меня, правда, так перепугал, что я едва в обморок не упал, в глазах у меня позеленело и передо мной, будто живые, появились два самых дорогих мне человека, присутствующие на моей казни за самозванное гетманство. Я и на самом деле бы упал, если бы господин Николай Писарев, мой киевский литературный благодетель, а ныне инквизитор, не подхватил меня и не крикнул, чтобы дали воды. Когда же Дубельт понял, что я умею и протестовать, он стал разговаривать со мной обо всем по-отечески, а дорогие мне письма, которые сначала попадали к нему, приносил мне сам, собственной кровавой персоной, туда, где я сидел, будто тигр, в железной клетке, глядя сквозь решетку, как блестят солдатские штыки. Кроме того, просиживая со мной ночами с глазу на глаз, за столом, в своем инквизиторском кабинете, он давал мне письма своей жены, разговаривал как добрый семьянин и умасливал мне сердце самыми сладкими речами. Он и на самом деле полагал, что я новоявленный Павлюк, или Наливайко, или какой-нибудь другой герой чести и свободы, о которых нашими грамотеями написана уйма всяких небылиц, забывших головы не только на Украине, но и в Москве. К несчастью, один из киевлян, под влиянием псевдоисторических глупостей, которыми у нас и до сих пор забивают головы, отказался давать какие бы то ни было показания Дубельту и Орлову: «Вы можете меня четвертовать, колесовать, тянуть из меня жилы, ломать кости, сдирать с живого кожу, но не вытянете из меня ни одного слова». Из-за этого, решил Дубельт, конечно, что в России затевается то же самое, что выдумал о Польше Гоголь, когда захотел осмеять ленивые умы, склонные верить, как и Конисский *, во всякие исторические небылицы. И в результате начал меня уважать, как уважает хитрец еще большего хитреца. Правительство так и осталось при том мнении, что я, посеяв великую смуту, сумел загрести жар чужими руками. Лет пять тому назад в «Вестнике Европы» было напечатано, что вместе с другими

* Георгий Конисский — белорусский архиепископ, общественный деятель, литератор XVIII века

украинцами я организовал в Киеве славянское общество Кирилла и Мефодия. Стремясь соблюсти историческую правду, я очень просто и спокойно ответил, что эту честь мне приписывают не по заслугам, и послал ответ, чтобы его напечатали. Однако цензор мое объяснение вычеркнул из корректуры красными чернилами и, таким образом, не позволил мне сложить с себя сан, в который меня посвятило Третье отделение. Так что и я до сих пор по милости Дубельта «гетманую» на Украине так же, как и в 1847 году.

Дубельт и в дальнейшем не оставлял меня своими благодеяниями, посылая мне в заточение по несколько строк, написанных его бессмертной в истории российской славы рукой. Благодаря его высочайшему расположению, я узнал, что обо мне было доложено его величеству, с надеждой, что он, как особа всемилостивая, не откажет в помиловании. Когда же пришел ответ, Дубельт, будто желая умыть руки, сам показал мне написанные на ответе всемилостивейшие слова: «Третье отделение слабо рассматривало книгу Кулиша. На два месяца в крепость, а потом в отдаленные губернии, с запрещением служить по министерству народного просвещения».

IX

Так что пусть уж столичные газетчики не морочат людям голову, сообщая членам литературного конгресса в Европе, будто в России никогда не карали за литературные труды. Меня осудили, и осудили жестоко за напечатанную по дозволению цензуры детскую книжечку, а Шевченко с еще большей жестокостью наказали за то, что нашли у него, арестовав по дороге в Киев, «шпаргалы», которые он собрал, чтобы пересмотреть их и разобраться, что годится к изданию, а что нет.

Если бы Шевченко прожил три года за границей, в обществе свободных людей, он, наверняка, многое бы захотел переделать в своих рукописях. Находясь там, мы не стали бы лежебоками и не тратили свое свободное время на болтовню. Общаясь с людьми, не преследуемыми цензурой, мы бы сами смогли разобраться в исторической правде и не все, что было в старину написано монахами и спето кобзарями, считали бы святой правдой, как это стараются представить те, кто угождает публике, еще меньше их разбирающейся в истории.

Ну а теперь, уж если Шевченко и написал что-нибудь под влиянием ложной исторической традиции, то это останется навеки и, наверное, горше горькой правды колет глаза великому кобзарю по ту сторону Ахерона. Глядя на воловью шкуру, на которой дьявол записывает людские грехи, бедолага Тарас мог бы сказать имеющему уши: «Твоя от твоих тебе приношу и за себя самого, и за всех земляков моих. Ешь на здоровье и помни обо мне, пока жив. Если даже твои «послушные козявки» сделали своим девизом: *arges moi le deluge* *, если даже они, кощунствуя над собственными душами, сделали пословицей мои слова:

...заговорить
І Дніпро, і гори,
І потече сторіками

* После меня, хоть потоп.

Кров у Чорне море
Синів наших, і не буде
Кому помагати:
Одцурається брат брата
І дитини мати...»

В 1847 году правителям империи казалось мелочью запрятать в российскую преисподнюю мужицкого сына, который писал стихи на не понятном им языке. Теперь же этот мужицкий сын стоит рядом с господским сыном, рядом с Пушкиным. И если все честное, благородное и высокое в России идет за Пушкиным, то на Украине все истинно человеческое идет под знаменем Шевченко. А ведь эти поэты совсем по-разному оценивали историческую роль пионеров и гигантов русского духа, спасителей империи, давших ей европейское положение, основателей ныне могущественной, хотя и задавленной прессы — Петра Первого и Екатерину Вторую. Шевченко, начитавшись псевдоисторической литературы, провозгласил:

Се той Первий, що розпинав
Нашу Україну,
А Вторая доконала
Вдову сиротину...

Оба поэты были наделены от природы огромным талантом, кто из них был более одарен, Шевченко или Пушкин? Кто из них мог глубже познать историческую правду, господский или крестьянский сын? У кого из них было достаточно познаний, чтобы говорить о таких вещах: у того, кто имел возможность развивать свой природный талант всем образом жизни, культурой, наукой, или у того, кто всего этого был лишен? Естественно, преимущество было у Пушкина, а не у Шевченко.

Если бы судьи Тараса знали свое место и не вмешивались в то, что было выше их разумения, разящий меч не пронзил бы праведного сердца, которое осветилось великой мыслью «искупить грех несчастливой доли Тараса», Шевченко дорогой познания пришел бы к общей с Пушкиным мысли (ведь правда одна, нет двух правд), и то русское единство, которого добивались не только великие Петр и Екатерина, но даже и такие «олухи царя небесного», как Дубельт и Орлов, единство это — спасение нашего будущего — укрепилось бы, благодаря обоим поэтам, более, чем то мог сделать каждый из них в отдельности.

Так не сетуйте теперь на то, что натворила седоусая детвора!

Я пишу ее автобиографию, не мемуары. Я просто хочу обнародовать исторические события раньше, чем о них узнают из пока еще запрещенных архивов. Жизнь не ждет и не желает ждать, и живой думает о живом. Недавно знаменитый немецкий историк Момзен сказал, что правители обычно приводят свой народ совсем не к тому, к чему стремятся. Ибо народы живут по законам, установленным господом богом, по законам природы, и истинная мудрость правителя заключается лишь в том, чтобы эти законы не нарушать, иначе говоря: чтобы закон не стал погибелью для народа. Несчастный украинский народ, обездоленный, покалеченный, имеет такое же точно право на жизнь, как и самая маленькая былинка. Ведь даже ее природа наделила такой жаждой жизни, что если все деспо-

ты, начиная от самого Нимрода, задумают стереть с лица земли эту крошечную былинку, им не удастся сделать этого.

Все мы хорошо знаем, что произошло на Украине после 1847 года. По летописям нам известен и памятный декрет о просвещении от 18 мая 1876 года об украинском языке.

Так что Украине теперь стало так же хорошо, как тому Палию в сибирских пустынях, о котором говорится в думе:

А як прийшов пан Палій додому,
Та й сів у наметі,
На бандурі вигравас:
Лихо жити в світі!
Той, душу заклавши,
Свиту, бач, гаптує,
А той по Сибіру,
Мов у лузі, дубує.

Если еще во времена Паляя были у нас земляки, способные ради шитого золотом кафтана подтолкнуть руку «праведного царя», чтобы он своих верных слуг в Сибирь сослал, то и теперь еще не перевелись доброхоты, способные и из нашей родной Украины сделать Сибирь. Так что мы, вроде Семена Паляя, играем на кобзе и поем о своем великом горе, о горькой неволе.

Пусть земляки не удивляются, услышав грустные ноты в моем рассказе. Потому как ни падение Польши, ни казацкая усобица, ни запорожская гайдаматчина, вместе взятые, не довели нас до такого морального упадка, как наше рабское отупение, наступившее после безмозглой гетманщины. Вот мы и поем на хуторах не о том, чему сердце радуется, ибо на Украине нечему радоваться, а о том, что терзает сердце, будто ножом режет.

Все глубже и глубже осознавая бездну национального упадка, простой человек только в том сегодня находит отраду, что вполне постиг свое нынешнее положение и уже не испытывает доверия ни к тупоумным хитрецам-книжникам, ни к лживым фарисеям-святошам:

Ой буде світ, буде,
Прокинуться люди,
У всяке віконце
Засіяє сонце...

Темнота, столь отрадная нашему сердцу в прошлом, ныне отвращает нас. И в этом единая надежда наша.

ВОСПОМИНАНИЕ
О ДВУХ МАЛЯРАХ

В одном селе восточного малороссийского края была, а может быть, и теперь существует, личность в высшей степени замечательная. Эта личность способна возбуждать в душе много дум и оставлять неизгладимые впечатления: то был крестьянин именем Грицько, ремеслом — маляр. Как известно, в малороссийском крестьянском быту маляр — явление частое. Малярство — одна из обычных первых ступеней, на которую всходит крестьянин, коль скоро собственное дарование выводит его из земледельческой колеи. Маляр обыкновенно вместе с тем и грамотный; искусство располагает его к любознательности; маляр рисует богородицу, святых мужей и жен, — надобно знать, как изобразить того или другую, является охота узнать, кто они были и что с ними творилось в жизни, и маляр читает священное писание, жития святых. Маляр имеет дело постоянно с церковью и потому интересуется церковными вопросами; таким образом, маляр входит в область книжного мира, которая у поселян начинается с религиозного круга, точно так, как начиналась она в истории русского народа. Но известно, что малороссиянин, как только сделается благочестивым человеком, сейчас начинает философствовать; у него религиозность ведет не к толкованиям обрядов и частностей богослужения, как это бывает с великороссиянином, а обращается либо к пиетизму, либо к размышлениям и — в первом случае — ведет к поэзии в жизни, во втором — к желанию знать природу, человека, одним словом, — к науке. Это желание обыкновенно находит себе скоро предел по скудости материалов для питания. Не так, однако, было с нашим маляром Грицьком.

Он родился крепостным. В детстве потерял он родителей и остался на попечении родни. Его приставили пасти господское стадо, не помню какое. В мальчике было что-то странное; крестьяне считали его придурковатым. Лишним будет рассказывать, как удалялся он от детских игр и как мальчики за это щипали и тормозили его. Иначе пришлось бы невольно повторять то, что так часто встречается в житиях святых при описании их детства. Когда безветрие не позволяло работать мельникам, Грицько усаживался близ села под ветряной мельницей и рисовал углем или мелом на стене разные фигуры; так однажды он растерял своих животных, за что его высекли. То же повторилось и в другой раз. Помещик рассудил, что его дворовой мальчик недаром чертит изображения и, ради таких занятий, дурно проходит свою служебную карьеру: «Из него скорее выйдет живописец, чем свинарь или овчар», — подумал помещик и отдал его в науку к какому-то художнику в своем уездном городе. Так поступил помещик в тех видах, что мальчик может выучиться, станет ему платить оброк и принесет, со временем, барину больше

пользы, чем сколько мог бы принести в звании пастуха. И вот Грицько живет у хозяина, учится прилежно; хозяин не нахвалится его понятливостью; его не нужно понукать — приходится отрывать его от работы; ему не надобно десять раз одного и того же вбивать в голову — он сам спросит и не забудет того, что ему скажут. Захотелось самому Грицьку научиться грамоте: хозяин дал букварь, показал раз, другой — и Грицько в короткое время выучился складам и стал читать бегло. Впоследствии он сознавался, что когда рисовал на мельнице фигуры, то это были вымышленные им буквы. Грицька занимала мысль: как это люди читают? «Я,— говорил он,— долго думал над этим и дошел до того, что, верно, какое говорится слово, такое и малюется; и начал в уме сам с собою говорить, да какое слово скажу, то и намалюю, а потом и помню, что вот так я его намалевал; после того пришло мне в голову, что, верно, не так: слов много,— как можно все их припомнить! Тут я начал примечать, что иное слово на другое походит, а иное разнится: так я, что похоже, то на одну статью и малюю». Сколько припоминаю, таким образом, кажется, он объяснял этот путь. Но как бы то ни было, наш Грицько самобытною дорогою шел к цели, которую давно нашло человечество. Он не дошел до нее под своей мельницей, а достиг ее обычным для всех путем — за букварем у уездного художника.

Грицько начал читать что ни попало: читал и священную историю, читал и романы, читал «Библиотеку для чтения»: там, как говорил он, на него сделали впечатление особенно жизнеописание папы Гильдебранда и какая-то космографическая статья. Когда он вчитался более, его стали занимать помещенные в «Смеси» известия о разных открытиях в области естествознания. Беда только, что по причине множества научных терминов он понимал там с пятого на десятое. Более всего хотелось ему знать, как это свет стоит, как он держится и как всякие вещи сложились, как одно с другим вяжется. Грицьку представлялись бесчисленные вопросы; они мучили его потому, что он на них не находил ответа ни в тех книгах, какие ему попадались, ни у людей, с которыми приходилось ему говорить. Грицько чрезвычайно полюбил арифметику; он получил указания от других только в четырех правилах, а потом уже сам собою уразумел таинства дробей и сложность тройного правила.

Пробыв несколько лет у хозяина, Грицько стал платить помещику оброк и работать в разных селах своего околотка по церквам. Однажды на пасху — это было в 1837 году — он прибыл в свое село к родным. Здесь, в церкви, в ночь светлого воскресения, пред утренней он читал «деяния»... Тогда я в первый раз его увидел. Он должен был, между прочим, провозгласить: «Трудно противу рожна прати...» Это было пророческое слово о судьбе его!

Грицько был невысокого роста, черноволосый, чрезвычайно худощавый, с необыкновенно выразительными и добрыми глазами и с слабою грудью, как показывал его прерывистый, хотя крикливый, но скоропадающий голос. В характере его была удивительная кротость и мягкость. Он был молчалив и робок; не спешил сам ни с кем разговаривать, а если начинал разговор, то для того, чтоб спросить о чем-нибудь и научиться от других, и только тогда становился смелее, когда видел, что его любят. Он знал священное писание изумительно и мог потягаться в текстах библейских с любым

поморским начетчиком. Но заметно было, что не чувство благочестия влекло его к такому чтению: он искал в нем того, что называется положительным знанием. Любознательность Грицька обращалась более всего на материальную природу, и странно было слышать, как он задавал себе вопросы, давно уже решенные физикою или естественной историей, и искал ответа то в библии, то в «Иване Выжигине» Булгарина, то в повестях Марлинского. Один помещик, получивший образование в Харьковском университете, начал давать ему книги и расширил круг его чтения. Грицько читал их с жадностью. Ему подарили «Всеобщую историю» аббата Миллота, популярную «Астрономию» и курс математики, и он был вне себя от восторга. Несколько лет не видел я Грицька после этого, но случай привел меня увидеть его в том же селе в 1845 году. Грицько был уже женат на крестьянской девушке из своего села, имел свою собственную хату, платил оброк и занимался малярством, выручая насущный хлеб на иконах. Без постороннего руководства Грицько уразумевал свою книгу — курс математики — и с изумительною правильностью и верностью решал трудные алгебраические и геометрические задачи. Он прочитал уже физику, знал изложенные в ней законы природы, любил толковать об опытах, которыми человеческий ум достигал до уразумения этих законов. Но библии он уже не читал, и вообще его мало занимал священный круг. Он, по-видимому, лишен был поэтического чутья. Его не пленяла красота природы: он стремился к природе рассудочным анализом; он хотел исследования, а не восторга; чудесное не пленяло его — он отвращался от него; на первом плане у него стояла мысль: «Это невозможно; а что невозможно — о том и толковать нечего». Ему скучны казались Пушкин и Жуковский; даже стихи Шевченко не пробудили в нем сочувствия по родственности языка. Только Квиткины повести заняли его, но не по художественности, а по верности изображения крестьянского малороссийского быта, в котором он сам родился и вырос. Прежняя кротость и скромность остались в нем неизменны. Грицько, казалось, с покорностью и без ропота сносил свою долю, но когда ему заметили, как было бы хорошо, если б он родился вольным, он заплакал. Находились люди, хотевшие и тогда выкупить его у помещика и давали, по тогдашнему счету, пятьсот рублей ассигнациями; помещик не соглашался: по своим расчетам мог в несколько лет получить с него более оброком... И Грицько остался крепостным. «Больно то, — говорил Грицько, — что нас, бедных людей, держат в заблуждении и невежестве».

Быть может, неизбежная борьба внутреннего саморазвития с гнетущим положением уже свела его в могилу; быть может, он и теперь платит господам оброк и пишет какую-нибудь Иродиаду с кинжалом над головой Иоанна Крестителя... Во всяком случае, ему теперь под пятьдесят лет; он угас для всего будущего в этой жизни.

В тот же год, когда я видел в последний раз Грицька-маляра, на противоположном, западном краю Малороссии случай свел меня с другим маляром. Первоначальная судьба его была похожа на судьбу Грицька; но природа, щедрая для обоих, даровала этому маляру иные дарования и потому судила иной путь. Этот маляр назывался Тарас Григорьевич Шевченко. Нет нужды здесь излагать повесть о его детстве, о первоначальном его воспитании: он сам описал все это в своей автобиографии. Этот маляр не завяз в цепях, которые

обвивали его при рождении, его талант прорвал их, вывел его из тесной сферы неизвестности для высоких дум, тяжелых страданий и бессмертия. «Той же слава дней своих», — скажет о нем некогда Малороссия, как это некогда сказано было об одном из ее гетманов.

С Тарасом Григорьевичем я познакомился в Киеве в 1845 году. На первый раз в нем не показывалось ничего привлекательного, ничего теплого; напротив, он был холоден, сух, хотя прост и нецеремонен. Он измерял мои слова и движения с недоверчивостью; он поступал, как часто поступает очень честный и добрый малороссиянин, встречая незнакомое лицо, и чем это лицо навязчивее старается вызвать его на откровенность и искренность, тем становится он осторожнее. Иначе и быть не может в народе, который слишком часто видит обман и двоедушие. Это качество изменилось у Шевченко в последние годы, когда мы с ним увиделись после долгой разлуки, оно даже перешло у него в другую крайность — излишнюю доверчивость. Но в те времена, в те поры его молодости он сохранял эту своенародную черту. Скоро, однако, мы сошлись и подружались. Тарас Григорьевич прочитал мне свои ненапечатанные стихотворения. Меня обдало страхом: впечатление, которое они производили, напомнило мне Шиллерову балладу «Занавешенный санский истукан». Я увидел, что муза Шевченко раздирала завесу народной жизни. И страшно, и сладко, и больно, и упоительно было заглянуть туда!!! Поэзия всегда идет вперед, всегда решается на смелое дело; по ее следам идут история, наука и практический труд. Легче бывает последним, но тяжело первой. Сильное зрение, крепкие нервы пужно иметь, чтоб не ослепнуть или не упасть без чувств от внезапного света истины, дружелюбно сокрытой для спокойной толпы, идущей по торной колее мимо таинственного занавеса, не знающей, что скрывается за этим занавесом! Тарасова муза прорвала какой-то подземный заклеп, уже несколько веков запертый многими замками, запечатанный многими печатями, засыпанный землею, нарочно вспаханною и засеянною, чтобы скрыть для потомства даже память о месте, где находится подземная пустота. Тарасова муза смело вошла в эту пустоту со своим неугасимым светочем и открыла за собою путь и солнечным лучам, и свежему воздуху, и людской любознательности. Легко будет входить в это подземелье, когда воздух туда проникнет, но какая человеческая крепость может устоять против убивающего в мгновение все силы жизни, погашающего всякий земной огонь векового испарения! Горе дерзкому поэту! Он забывает, что он человек, и если первый решается вступить туда, то может пасть... Но поэзия не устрашится никакого губительного испарения, если только она истинная поэзия; и не погасит ее светоча никакая историческая или нравственная углекислота, ибо этот светоч горит нетленным огнем — огнем Прометея...

Не долго видел я Тараса-маляра в Киеве; обстоятельства нас разлучили... Не мне рассказывать его дальнейшую биографию... В 1858 году мы увиделись снова в стенах Академии художеств. Тарас не узнал меня. Целый час я не говорил ему своего имени, и он все-таки не назвал его, пока не услышал от меня самого. Тогда он заплакал и этим показал, что не оттого не узнал, что забыл обо мне. Но в нем все напоминало прежнего Тараса; его железная натура много выстояла и не пала физически; чист он остался в своих убеж-

днейх. свежо еще было в нем поэтическое чутье; любовь к доброму и прекрасному прорывалась во внутренней борьбе со влиянием внешнего растления, но талант его великого творчества начинал ослабевать. Тарас чувствовал это, хотя от страха пред отвергающею пропастью хотел отвернуться и уверить самого себя, что нет того, что ему угрожало. Читанные им в Петербурге в последние годы его стихотворения были слабее тех огненных произведений, которые некогда он читал мне в Киеве. Время возьмет свое над человеком, «зане прстенъ есть».

Прострадавший всю жизнь, Шевченко пред концом дней своих был облечен заслуженною славою. Его родина — Малороссия — видела в нем своего народного поэта; великороссияне и поляки признавали в нем великое поэтическое дарование. Он не был поэтом тесной, исключительной народности: его поэзия приняла более высокий полет. Это был поэт общерусский, поэт народа не малорусского, а вообще русского народа, хотя и писал на одном из двух, искони существовавших, наречий этого народа, оставшемся внутри народной сферы, не испытавшем насильственных школьных изменений и потому-то более способном для того, чтоб дать России истинно народного поэта.

Некоторые близорукие судьи изящного меряли его с Кольцовым и даже находили последнего выше. Это происходило оттого, что они не понимали, что такое народный поэт, и не могли возвыситься до уразумения его достоинства и значения. По их понятию, народный поэт есть тот, кто может удачно изображать народ и заговорить в его тоне. Таков и был Кольцов; в некоторых своих произведениях он превосходно выполнил эту задачу, и достойно светлеется его имя в ряду знаменитостей русской литературы. Не таков был Шевченко, и не такова была его задача. Шевченко не подражал народным песням; Шевченко не имел целью ни описывать своего народа, ни подделываться к народному тону: ему незачем было подделываться, когда он по природе своей иначе не говорил. Шевченко как поэт — это был сам народ, продолжавший свое поэтическое творчество. Песня Шевченко была сама по себе народная песня, только новая, такая песня, какую мог бы запеть теперь целый народ, какая должна была вылиться из народной души в положении народной современной истории. С этой стороны Шевченко был избранник народа в прямом значении этого слова; народ как бы избрал его петь вместо себя. Народные песенные формы переходили в стихи Шевченко не вследствие изучения, не по рассуждению, где что употребить, где какое выражение годится поставить, а по естественному развитию в его душе всей бесконечной нити народной поэзии; не потому, что Шевченко хотел их ввести и поставить, а потому, что они, по существу народной поэзии, сами устанавливались так, а не иначе. Шевченко сказал то, что каждый народный человек сказал бы, если б его народное существо могло возвыситься до способности выразить то, что хранилось на дне его души. Святое сокровище, оно скрывалось там под тягостью житейской прозы и было для самого невидимо, незаметно, пока животворные звуки гения не коснутся до сокровенных тайников души и не нарушат безмолвия мысли своею упительною мелодиею и не покажут чувству того, что составляло его достояние и не было до сих пор им ощущаемо. Пробужденный от своей прозаической апатии голо́сом такой поэзии народный человек

с трепетом и восторгом готов воскликнуть: «Это самое я только что готов был сказать точно так, как сказано поэтом!» Этого не дано было ни Кольцову, ни какому другому русскому поэту, кроме одного Пушкина (но не для простого народа, а для высшего русского класса). Кольцов заговаривает в народном тоне; Шевченко говорит так, как народ еще и не говорил, но как он готов был уже заговорить и только ожидал, чтобы из среды его нашелся творец, который бы овладел его языком и его тоном; и вслед за таким творцом точно так заговорит и весь народ и скажет единогласно: «Это — мое»; и будет повторять долго-долго, пока не явится потребность нового видоизменения его поэтического языка. Поэзия Шевченко есть непосредственное продолжение народной поэзии; и недаром явилась она тогда, когда прежние народные песни стали забываться. Поэзия Шевченко — законная, милая дочь старой украинской поэзии, организованной в XVI и XVII веках, так как эта последняя была точно так же дочерью древней южнорусской поэзии, той далекой от нас поэзии, о которой гадательно можем мы судить по произведениям Игорева певца.

Народная украинская поэзия, видимо, приближается к угасанию. Многие думы козацких времен, к счастью, записанные в тридцатых годах и сохраненные для литературы, теперь уже совершенно исчезли в народе. Уже и песни семейного быта исчезают малопомалу или портятся: таков удел поэзии. Поэзия угасает не иначе, как упадая в своем достоинстве, растлеваясь; и потому-то новейшие переделки старых песен и новейшие плоды малороссийского народного творчества дышали таким отсутствием изящного. Народ не может творить целою массою, ибо для этого нужно было бы, чтоб какое-нибудь сильное потрясение вызвало его к творению новой поэзии. Да притом и в такие эпохи потрясений везде бывают личности, обладающие талантом первоначального творчества; в сфере существующих народных песен эти творческие личности исчезли в массе: их запевы переформировались в течение долгого времени; к ним присоединялись новые мотивы; таким образом составлялись и пересоставлялись произведения, существующие в бесконечных отрывках, связуемых народом по призыву народного вкуса. Между тем потребность самооживления ощущается в народе; народ чувствует, мыслит; многое переполнилось в его душе, много страданий в ней накопилось, много желаний он готов заявить: он ищет выражения; он находит его в своих избранниках, поэтических личностях, живущих народной жизнью, стоящих выше каждого в отдельности по дарованию и потому способных выразить надлежащим образом то, что всеми чувствуется, думается, желается. Вот такою-то личностью был Шевченко.

Мы сказали, что, будучи малорусским поэтом по форме и языку, Шевченко в то же время и поэт общерусский. Это именно оттого, что он — возвеститель народных дум, представитель народной воли, истолкователь народного чувства.

Судьба связала малорусский народ с великорусским неразрывными узами. Только легкомысленное скользание по поверхности политических событий может находить единственно государственную связь между этими народами, смотреть на Малороссию не более, как на страну, присоединенную к Российской империи; но, с другой стороны, только насилующая централизация, убивающая

всякую человеческую свободу и всякое духовное саморазвитие мыслящего существа, может, закрывши глаза, утверждать совершенное тождество русского народа. Понятие, основанное на изучении истории и этнографии русской, всегда признает, что русский народ должен быть понимаем в смысле двух народностей; между этими народностями лежит кровная, глубокая, неразрывная духовная связь, которая никогда не допустит их до нарушения политического и общественного единства, та связь, которая не уничтожилась под влиянием прошлых исторических обстоятельств, насильственно разрывавших эти народности, та связь, которую не разорвали ни внутренние неурядицы, ни татары, ни Литва, ни поляки, та связь, которая до сих пор обращает к нашему русскому горизонту Червоную Русь, уклонившуюся, уже несколько веков тому, к иной сфере. Ни великоруссы без малоруссов, ни последние без первых не могут совершать своего развития. Одни другим необходимы; одна народность дополняет другую; и чем стройнее, уравнильнее, взаимодейственнее будет совершаться такое дополнение, тем нормальнее пойдет русская жизнь. Шевченко, как поэт народный, чувствовал это и уразумел, и оттого-то его понятия и чувства не были никогда, даже в самые тяжелые минуты жизни, осквернены ни узкою, грубою неприязнью к великорусской народности, ни донкихотскими мечтаниями о местной политической независимости: ни малейшей тени чего-нибудь подобного не проявилось в его поэтических произведениях. И это, между прочим, служит подтверждением высокого достоинства его таланта... Поэт истинно народный, он, естественно, должен был выражать то, что, будучи достоянием малорусского элемента, имело в то же время и общерусское значение. Оттого поэзия Шевченко понятна и родственна великоруссам. Для того, чтоб сочувствовать ему и уразуметь его достоинство, не нужно быть исключительно малоруссом, не нужно даже глубоко в подробностях изучить малорусскую этнографию, что можно сказать, например, о «Маруси» Квитки, превосходнейшей, вернейшей картине народных нравов, но дурно понятой некоторыми великорусскими критиками именно по недостаточному знакомству их с частностями малорусской народности. Шевченкову поэзию поймет и оценит всякий, кто только близок вообще к народу, кто способен понимать народные требования и способ народного выражения. Не поймет и не оценит его только тот, кто смотрит на народ в лорнет, кто, желая узнать его, не в состоянии принять другой методы, кроме той, чтоб изучать его жизнь и быт, как изучают энтомологический кабинет; заносить в дорожную книжку схваченные у ямщика фразы и составлять по ним систему народных понятий; записывать со слов барских горничных девушек песни, слышанные ими в детстве на селе, и по таким песням произносить суждения о сущности народного поэтического гения; кто, может быть, и в самом деле любит народ и готов заботиться о народном благе, но не знает, чего хочет народ и как он этого хочет; кто думает дерзко воспитывать народ, забывая, что для этого прежде надобно самому поучиться от народа, быть им избранным и признанным для такого важного дела. Такой мудрец не поймет Шевченко, и естественно, что Кольцов покажется ему выше по своему поэтическому дарованию, ибо Кольцов поет, как народ уже пел, а Шевченко поет так, как народ еще не пел, но как он запоет за Шевченко. Естественно, для уразумения последнего

нужно чего-то поболее, чем для Кольцова: мало изучения,— души народной нужно! К таким же незрелым суждениям мы должны отнести и то, которое брошено было недавно на свежую могилу поэта, суждение, признавшее его гражданином, а не поэтом. На деле выходит наоборот: Шевченко гражданином-то никогда не был и оставался поэтом и в литературе, и в жизни. Такие приговоры не более как плод запоздалых узких теорий, признающих поэзию только при соблюдении известных, усвоенных привычками условий, имеющих силу для того, кто не способен чувствовать поэзию. Большинство великоруссов смотрит на Шевченко не так. Когда еще Шевченко был малоизвестен, были люди, не выдавшие во всю жизнь Малороссии, с некоторым затруднением, по причине языка, прочитавшие «Кобзаря» (хотя самый язык Шевченко отличается пред сочинениями других малорусских писателей удобовразумительностью) и говорившие с первого раза: «Это великий поэт!» В сочинениях его так много общерусского, что великоруссы читают его даже в чрезвычайно плохих стихотворных переводах: как ни искажали его переводчики, все-таки не могли испортить до того, чтоб первородная поэзия не высказывалась наружу. По нашему мнению, переводить Шевченко отнюдь не следует: достаточно будет напечатать его с объяснениями слов, непонятных для великорусса, да и слов таких будет совсем немного...

В настоящее время, когда совершается великая эпоха обновления народной жизни, с грустью обращаюсь я к воспоминанию о двух малороссийских малярах, которых я знал в своей жизни. Освобождение народа не принесет пользы моим бедным малярам. Грицько-маляр слишком рано родился и прожил лучшие годы под гнетом крепостного права, не давшего ему развить свой замечательный талант для собственного духовного наслаждения и для пользы других; Тарас-маляр рано умер, не доживши всего шести дней до дня, который был бы радостнейшим днем в его страдальческой жизни, ибо этот день положил начало исполнению того, что было душою Тарасовой поэзии.

Но стоит ли, скажете вы, жалеть о двух малярах, когда радуются миллионы за себя и за своих потомков? Стоит, потому что с воспоминанием о двух малярах теснятся в воображении тысячи, миллионы маляров, бондарей, столяров, пастухов, земледельцев, барской челяди — лакеев, кучеров, дворников, из которых многие также, может быть, рождены были природою с правом быть чем-то иным, а не тем, чем они были на самом деле; тогда как другие великие мужи слова и дела — книгописцы, художники, законники — сообразнее бы своим способностям исполняли бы обязанности первых. Стоит, потому что со всевозможнейшими человеческими улучшениями не уничтожатся препятствия к исполнению на земле человеком его природного призвания. Стоит, наконец, потому, что при каждом воспоминании о человеке, который не достиг в жизни того, к чему стремился, невольно останавливаешься на убийственных безответных вопросах: зачем мы смертны? Зачем мы глупы? Зачем мы стареемся?..

Н. И. Костомаров

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ-РЕДАКТОРУ
«РУССКОЙ СТАРИНЫ»
М. И. СЕМЕВСКОМУ

Многоуважаемый Михаил Иванович! Вы просили меня сообщить вам о моем знакомстве с Т. Г. Шевченком, в предположении, с вашей стороны, близости моей к покойному поэту. Хотя мне случилось уже печатно говорить о нем, но и теперь, по вашему желанию, я изложу вам искреннюю и правдивую историю моего знакомства с этою личностью, предоставляя вам сделать, какое вам будет угодно употребление из написанного мною. Вообще, тот ошибся бы, кто бы стал думать, что я был особенно с ним близок и дружен; напротив, моя дружба с ним обнимала незначительное время в нашей жизни, и, как оказалось впоследствии, многое из случавшегося с ним оставалось для меня неизвестным, и я узнавал о том от других его друзей: со мной он гораздо менее был дружен и открытен, чем со многими иными. Близость моя с ним была почти исключительно литературная, тогда как некоторые были к нему близки не как к малорусскому поэту, а просто как к человеку. Познакомился я с Тарасом Григорьевичем в Киеве в 1846 году. До того я знал о нем, как о поэте, чрезвычайно ценил его талант, но никогда не видал в глаза. Весною 1846 года жил я в Киеве на Крещатике, на углу Бессарабской площади, в доме Сухоставского; напротив моей квартиры, на другой линии Крещатика, был трактир с номерами, а в одном из этих номеров появился тогда Шевченко: незадолго до того переехал он из Петербурга в Малороссию, зимою гостил где-то у помещиков Черниговской и Полтавской губерний, а наконец поселился в Киеве. Около месяца я знал, что напротив меня живет знаменитый украинский поэт, но случая не представлялось с ним встретиться, а я был слишком занят, дорожил временем и день ото дня откладывал начало знакомства с ним. В апреле, после пасхи, не помню теперь, кто из моих знакомых явился ко мне с Тарасом Григорьевичем. С первого же раза произвел он на меня такое приятное впечатление, что достаточно было поговорить с этим человеком час, чтобы вполне сойтись с ним и почувствовать к нему сердечную привязанность.

Я всегда очень любил умного малорусса-простолюдина: его простодушие в соединении с проницательностью, его добросердечный юмор и беззаботную веселость, смешанные с грустью, его идеализм с практической рассудительностью, его готовность любить до самоотвержения вместе с тонким умением распознавать искренность от притворства, но эти качества в Тарасе Григорьевиче, как-то сразу выказываясь, оттенялись тем признаком поэзии, какой присущ только таким натурам, как его. Достаточно того, что я полюбил тогда же Тараса Григорьевича. В другой раз, через несколько дней

после первого свидания, Шевченко посетил меня снова, и мы сидели в садике, находившемся при дворе Сухоставских. Был очаровательный весенний день, цвели в полном цвету вишни и сливы. расцветать начинала сирень, завязывались цветочные почки на яблонях и грушах, пели птицы, — никогда не забуду я этого дня. Шевченко принес с собою в кармане несчитую тетрадь своих нигде еще не напечатанных стихотворений, читал их, довел меня до совершенного восторга и оставил свои произведения у меня.

С тех пор до июня месяца несколько раз бывал у меня Шевченко по вечерам и приводил меня тогда в удивление тем, что выпивал один за другим более десяти стаканов крепкого чая с значительным приливом туда ямайского рома, и это совершенно не делало никакого влияния на его голову... Я это обстоятельство привожу здесь для того, чтобы показать, как не совсем справедливы распространявшиеся слухи о его пьянстве... В то время всю мою душу занимала идея славянской взаимности, общения духовного народов славянского племени, и когда я навел разговор с ним на этот вопрос, то услышал от него самое восторженное сочувствие, и это более всего сблизило меня с Тарасом Григорьевичем.

В первых числах июня 1846 г. меня избрали единогласно на кафедру русской истории в университете св. Владимира, заставивши прочитать пробную лекцию по заданному указанию. То был для меня радостный и приснопамятный день; поделиться своим удовольствием пришлось мне с первым Тарасом Григорьевичем. Выходя из университета, на пустыре, отделявшем тогда университет от Старого Города, я встретил Тараса Григорьевича; мы пошли с ним вдвоем по городу, и Шевченко, заявивши мне свою радость о том, что радовало меня тогда, запел песню о казаке, который повенчался с девушкой, не узнавши, что эта девушка была его сестра, и потом оба превратились в двухцветный цветок, называющийся по-малорусски «брат з сестрою», а по-великорусски — «иван-да-марья». Мимо нас проходила публика, а Шевченко, не обращая внимания на то, что вокруг него происходило, закатывал свою песню чуть не во все горло. Это был пароксизм чудачества, напоминавшего старинных запорожцев и проскакивавшего у нашего поэта, впрочем, довольно редко. Через сутки после того я уехал из Киева в Одессу на морское купанье, а Тарас Григорьевич отправился с профессором *Иванишевым* раскапывать какой-то курган. По возвращении из Одессы, в сентябре, я переменил квартиру, перешедши на Старый Город. Возвратился из своей поездки и Шевченко и явился ко мне на новоселье с подарком: то был старый, но сохранившийся вполне череп из разрытого кургана. Я поставил его у себя на полке книжного шкафа. Осенью 1846 года мы видались не так часто, как прежде, потому что я был сильно занят составлением читаемых мною в университете лекций, да и Тарас Григорьевич, поместившись где-то не близко от меня с одним своим товарищем, кажется, *Сошенком*, художником, был занят своею специальностью. Так было до зимних вакаций, когда прекращение университетских лекций дало мне временно более свободы от занятий. В первый день праздника рождества Христова случилось событие, имевшее печальные последствия на судьбу мою и Шевченка. Вечером в этот день сошлись мы у одного нашего общего приятеля Николая Ивановича *Гулака*, молодого человека, очень образованного и необыкновенно симпатичного. Кроме нас,

был у него еще один помещик Полтавской губернии, бывший когда-то воспитанник Харьковского университета, посетивший Киев проездом на пути в чужие края. Разговор у нас шел о делах славянского мира, высказывались надежды будущего соединения славянских народов в одну федерацию государственных обществ, и я при этом излагал мысль о том, как было бы хорошо существование ученого славянского общества, которое бы имело широкую цель установить взаимность между разрозненными и мало друг друга знающими славянскими племенами. Мысль эта, не раз уже повторяемая всеми нами, и в этот раз возбуждала у всех восторженное одобрение. Разговор наш об этом прекратился, и потом завелся новый — об истории Малороссии, особенно об эпохе Хмельниччины, которую я тогда занимался уже в продолжение многих лет сряду. Между тем за стеною квартиры Гулака была другая квартира, из которой через стену слушал наши беседы какой-то не известный мне господин и потом постарался написать и послать куда следует сообщение о нас, сбив чудовищным способом в одно целое наши разговоры о славянской взаимности и об истории Малороссии и выводя отсюда существование тайного политического общества. Не зная о готовившемся против нас подкопе, я имел намерение купить недалеко от Киева дачу и, узнавши, что в местечке Броварах продается участок земли, десятин во сто, с господскою усадьбою, отправился туда, пригласивши с собою Шевченка. Мы нашли в усадьбе, помещавшейся в самом вышеозначенном местечке, двух пожилых барынь, из которых одна оказалась хозяйкою и владелицею продаваемого участка. Мы провели там полдня до сумерек. Уголок этот мне понравился, и я тогда же сговорился в цене, но, не помню, по каким-то вопросам, возникшим из документов на владение, оказалось нужным отложить совершение купчей крепости до весны. Возвращаясь назад в Киев, мы чуть было не утонули. Пустились мы напрямик по льду через Днепр, а перед тем стояла продолжительная оттепель, и лед местами стал покрываться водою. Было темно, и мы, сбившись с дороги, попали было в полынью, но, к счастью, там была отмель, и мы ограничились тем, что страшно обмокли и прибыли домой, чуть двигаясь от холода. Только молодость и привычка к воздушным переменам, чем отличались мы оба, спасли нас от горячки. Шевченко скоро после того уехал в Черниговскую губернию к знакомым помещикам.

Между тем устроенный под нами подкоп произвел свое действие. 31 марта 1847 года меня отправили в Петербург. Через несколько дней после того Шевченко возвращался в Киев со своей поездки в Черниговскую губернию и едва вступил на паром, ходивший под Киевом по Днепру во время разлива от одного берега до другого, вдруг неожиданно задержал его полицейский чиновник. Тарас Григорьевич впоследствии в виде шутки говорил, что с детства, сам не зная отчего, не любил он косых и не выносил спокойно встречи с ними, и вот, как бы в оправдание такого предчувствия, арестовавший его полицейский чиновник был кос. Не знаем, оставался ли Шевченко сколько-нибудь времени в Киеве или тотчас с парома был повезен в Петербург. Но видевшие его на дороге от Киева до Петербурга, куда он следовал под наблюдением полицейского чиновника, говорили, что он был чрезвычайно весел, беспрестанно шутил, хохотал, пел песни и так вообще держал себя, что на одной станции

смотрящий, записывая подорожную, в которой значился чиновник с арестованным лицом, заметил, что трудно узнать по виду, кто из едущих арестован, а кто везет арестованного. Во все время производства следствия Тарас Григорьевич был неизменно бодр, казался спокойным и даже веселым. Перед допросом какой-то жандармский офицер сказал ему: «Бог милостив, Тарас Григорьевич: вы оправдаетесь, и вот тогда-то запоет ваша муза». Шевченко отвечал по-малорусски: «Не який чорт нас усіх сюди заніс, коли не ся бісова муза!» (Не какой черт нас всех сюда занес, как не эта проклятая муза!) После допроса, возвращаясь в свой номер и идя рядом со мною, Тарас Григорьевич произнес мне по-малорусски: «Не журися, Миколо, доведеться ще нам укупі жити». (Не унывай, Николай, еще доведется нам жить вместе.) Эти последние слова, слышанные тогда от Шевченка, оказались впоследствии по отношению к нам обоим пророческими. Через несколько дней, именно 30 мая, взглянув в окно моего номера, я увидел, как вывели Шевченка и посадили в экипаж: его отправляли для передачи в военное ведомство. Увидя меня, он улыбнулся, снял картуз и приветливо кланялся. Тарас Григорьевич был отправлен в Оренбургские линейные батальоны рядовым, с воспрещением писать и рисовать. Он главным образом пострадал за свои стихи, ходившие в списках по рукам и ставшие известными правительству. Он выслушал над собою приговор с невозмутимым спокойствием, заявил, что чувствует себя достойным кары и сознает справедливость высочайшей воли.

Прошло после того лет немало. С восшествием на престол ныне царствующего государя императора многое изменилось. Я был уволен от обязательного пребывания в Саратове и в 1857 году уехал за границу. По возвращении в отечество я узнал, что Шевченко, освобожденный из Петровского укрепления на берегу Каспийского моря, где находился в военной службе, плыл на пароходе по Волге, останавливался в Саратове, заезжал к моей матери, жившей тогда в этом городе, и пробыл у нее несколько часов. Здесь он передал ей обращенное к моему имени стихотворение, написанное им во время нахождения под следствием, по тому случаю, что он неожиданно увидел из окна комнаты, в которой сидел арестованным, мою мать, проходившую мимо. Вот это стихотворение, бесспорно, одно из лучших между произведениями поэта:

НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ
КОСТОМАРОВУ

Весінне сонечко ховалось
В широких хмарах весняних.
Гостей зачинених своїх
Холодним чаєм напували
І часових переменяли,
Синемундирних часових.
І до дверей, на ключ замкнених,
І до решотки на вікні
Привик я трохи, і мені
Не жаль було давно одбутих,
Давно похованих, забутих,
Моїх тяжких кровавих сльоз.
А їх чимало розлилось
На марне поле... Хоч би рута,
А то нічого не зійшло...

І я згадав своє село,
Кого я там, коли покинув?
І батько й мати в домовині.
І серце тяжко запеклось.
Що нікому мене згадати...
Дивлюсь, аж, брате, твоя мати,
Чорніша чорної землі,
Іде, з хреста неначе знята...
Молюся! Господи, молюсь!
Хвалить тебе не перестану!
Що я ні з ким не поділю
Мою тюрму, мої кайдани!

1847 г.

Мая 19-го

Он следовал тогда с намерением достигнуть Петербурга, но принужден был остановиться на неопределенное время в Нижнем Новгороде до получения разрешения на право въезда в обе столицы, и мне увидеться с поэтом не довелось ранее августа 1858 года.

В то время, живучи в Петербурге и беспрестанно работая в Публичной библиотеке, узнал я, что Шевченко в Петербурге, живет в Академии художеств, где ему дали мастерскую как художнику Академии. И вот однажды, после своего обычного купанья в Неве, в семь часов утра, зашел я в Академию и нашел помещение Шевченка. Я застал его за работой. «Здоров був, Тарасе!» — крикнул я, входя в комнату. Шевченко, отступивши шага два назад, с недоумением окидывал меня глазами с головы до ног и сказал: «Позвольте узнать, кого имею честь видеть?» — «Разве не узнаешь?» — спрашивал я. «Нет», — был ответ. «Не может быть, — упорно продолжал я, — приглядиись хорошенько, прислушайся к голосу. Вспомни прошлое: Киев, Петербург, Цепной мост!» Шевченко стал оглядывать меня со всех сторон и наконец, пожимая плечами, произнес: «Нет, извините, не могу узнать». Я еще несколько времени побуждал его узнать меня, но он, переходя от холодно-вежливого тона к дружески-фамиллярному, стал просить не мучить его долее и назвать себя. Я произнес свою фамилию. Тогда Шевченко, неожиданно для меня, разразился плачем и дружески обнимал и лобызал меня. С тех пор в продолжение двух недель мы видались каждый день, особенно вечерами в трактире Старопалкинском, куда я, по условию с ним, приходил, окончивши дневные свои занятия в Публичной библиотеке. В один из этих дней я увидал за нашим почтенным поэтом такую же выходку запорожского чудачества, какою показалося мне когда-то его громкое пение песни на улице в Киеве. Условившись со мною идти к букинисту искать редкой книги, он явился и шел со мною по Невскому проспекту, одетый в белую полуизорванную и сильно испачканную красками блузу, в худой обуви, в поношенном и истерзанном картузе на голове, так что фигура его напоминала казака Голоту в малорусской думе или спившегося с круга и выгнанного со службы чиновника, обращающегося к прохожим с восклицанием: «Пожертвуйте бедному дворянину». Что это было своеобразное чудачество, показывает то, что ни прежде, ни после Шевченко так не ходил по улицам.

В конце того же августа 1858 года я уехал в Саратов, куда был приглашен в должность делопроизводителя в Комитет по освобождению крестьян, и вернулся в Петербург уже в мае 1859 года. В этом

самом месяце Шевченко уехал в Малороссию, откуда вернулся уже осенью.

Весною 1859 года я получил приглашение занять кафедру русской истории в Петербургском университете и был утвержден в звании экстраординарного профессора в октябре того же года. Я помещался рядом с Публичною библиотекой, в доме Балабина, в просторной и светлой комнате с перегородкою для постели; комната эта отдавалась от находившегося в том же доме трактира. Помещение мое было не совсем удобно: за стеною, отделявшею мою комнату от трактирного заведения, беспрестанно раздавались звуки органа, и чаще всего терзали мой слух арии из «Риголетто», «Трубадура» и «Травиаты». Но, занимаясь каждодневно с утра до сумерек в Публичной библиотеке и других книгохранилищах, я приходил в свое помещение только к ночи спать и боялся тратить драгоценное время на приискание более удобного помещения, а потому целый год терпел надоедливую музыку. Шевченко посещал меня по одному, а иногда и по два раза в неделю. Я слышал стороною, что во время его последней поездки в Малороссию с ним случилась какая-то неприятность, что к нему придиралась где-то полиция, что на него был послан какой-то донос и вследствие этого он должен был уехать из Малороссии ранее, чем бы ему самому хотелось. Но сколько я ни пытался узнать об этом от него самого, он отделявался ничего не значащими фразами, признаваясь, однако, что действительно были к нему придирки от какого-то станového пристава, но не имели важных последствий. Видя, что он насчет этого не хочет быть со мною откровенным, я не стал более допрашиваться, а он во все свои посещения сам не заводил об этом речи. Подсмеиваясь над моим помещением, он говорил, что моя квартира истинно гусарская, а уж никак не профессорская, и в ней приличнее было бы встретить груды опорожненных бутылок вместо ученых книг и бумаг. Однажды устроил он мне по поводу моей квартиры такую шутку. Пришедши ко мне вечером и услыхавши от меня, что я сильно занят приготовлением к завтрашней лекции и должен буду проработать половину ночи, он ушел в трактир, застал там каких-то своих знакомых и уселся за чай, а половым приказал завести орган и играть те именно арии, которые, как он слышал от меня, мне особенно надоели. Часа два сряду мучила меня эта музыка, наконец не стало терпения: понимая, что это Шевченко нарочно дразнит меня, я вбежал в трактир и умолял его, ради человеколюбия, перестать терзать меня такою пыткой. «А вольно тебе поместиться в застенке,— сказал он,— за то и терпи теперь пытки!» Другие собеседники, слышавшие наш разговор, приказали половым перестать играть, но Шевченко кричал: — «Нет, нет! Валяйте из «Трубадура», «Риголетто» и «Травиаты», я это очень люблю!» С тех пор, однако, он не приходил ко мне иначе как по моему приглашению, зная наверно, что я буду свободен, и тогда, ожидая гостя, для меня любезного и дорогого, я припасал бутылку рома к чаю...

В разговорах о своих литературных занятиях, он был со мною сообщительнее, чем о своих прошлых житейских приключениях; он часто и охотно делился своими стихотворениями, еще не издавшими света, иное произносил на память, другое читал по собственноручной рукописи, и самую рукопись, по моему желанию, оставлял у меня на время. Между прочим, показывал он мне тогда маленькую

переплетенную книжечку, в которой написаны были произведения того горького времени, когда он находился в военной службе. Ему тогда было запрещено писать, и он держал эту книжечку не иначе как в сапоге на своей ноге, и, по собственным словам его, если бы у него нашли эту книжечку, то подвергся бы он жесточайшей ответственности уже за одно то, что осмелился писать вопреки высочайшему запрещению, не говоря о том, что большая половина стихотворений, написанных его рукою в этой книжечке, была по содержанию нецензурного свойства. Кроме того, в это время нередко видались мы у покойного графа Федора Петровича *Толстого*. Как покойный граф, престарелый художник, так и его супруга и все семейство очень ласкали Шевченка и любили его, столько же высоко ценя его двойной талант — художника и поэта, сколько и его прекрасную, чистую душу, просвечивавшуюся во всех его речах и поступках.

Весною 1860 года перебралась в Петербург моя покойная мать, и мы наняли квартиру в 9-й линии Васильевского острова. Теперь я стал жить недалеко от Шевченка, продолжавшего оставаться в своей мастерской в Академии художеств. Он приходил ко мне каждую неделю по вторникам, когда у меня был назначен один вечер в неделю для приема знакомых, но иногда заходил и в другие дни. Осенью того же года Тарас Григорьевич стал бывать у меня реже. Поводом к этому, как оказалось после, было то, что он намеревался жениться, и время его поглощалось на ознакомление с избранною особою. Но он почему-то от меня как будто скрывал свое намерение, и я слышал о нем от других, как равно услышал, что его план жениться — расстроился. Тогда встретил я Тараса Григорьевича, давно уже перед тем у меня не бывавшего, в Большом театре на представлении «Вильгельма Телля», а он, замечу мимоходом, чрезвычайно любил эту оперу и приходил в детский восторг от пения Тамберлика и де Бассини, имея привычку при этом восклицать по-малорусски: «Матері його сто копанок чортів, як же славно!» (Черт побери, как хорошо!) — «Чи ти, Тарасе, справді женишся?» — спросил я его. «Мабуть (верно), оженюсь тоді, як і ти!» — отвечал Шевченко. С того вечера опять стал Тарас Григорьевич навещать меня, но о своих романтических похождениях не говорил ни слова. В конце декабря 1860-го, а может быть — в январе 1861 года (наверное не припомню), Шевченко явился ко мне во вторник вместе с Павлом Ивановичем *Якушкиным*, известным собирателем народных великорусских песен.

Не могу теперь припомнить, был ли еще хоть раз у меня Тарас Григорьевич после прихода его ко мне с Якушкиным, или то было последнее его посещение. Несомненно помню, что скоро после того он заболел или, правильнее сказать, усилилась и приняла острый характер болезнь, которая уже прежде подрывала его здоровье. В феврале 1861 года я отправился к нему узнать о состоянии его здоровья. Он сидел за столом, кругом него были неоконченные работы. Он сказал, что его здоровье значительно поправляется и на будущей неделе он непременно придет ко мне. Между прочим, тогда показал он мне золотые часы, недавно им купленные. То были первые часы, которые он готовился носить: до тех пор скудость средств не позволяла ему думать о такой роскоши. Тарас Григорьевич относился к этим часам с каким-то детским удовольствием. Я про-

стился с ним, взявши с него обещание прийти ко мне на будущей неделе, а если не будет в силах, то уведомить меня. и я сам приду к нему. Это было в пятницу. В следующее за тем воскресенье его не стало. Обстоятельства его кончины и погребения подробно были рассказаны в «Основе» в оное время. Мой взгляд на Шевченка как на поэта был уже выражен отчасти в «Основе», отчасти же в книге Гербеля «Поэзия славян».

В заключение сообщу следующее и при том такое, что для большинства почитателей памяти поэта остается до сих пор совершенно неизвестным. Уже после его кончины сообщены были мне его сочинения, собственноручно писанные по-русски. Из них можно видеть, что Тарас Григорьевич никак не может подвергаться подозрениям в крайней исключительности, доводящей любовь к своей местной родине до нерасположения к остальному русскому отечеству, а в этом, как известно, обвиняли писавших народную речь малодумающие ревнители общерусского единства. Тарас Григорьевич любил русский язык, сам, как оказывается, писал на нем и желал печатать написанное, но не решался на это по скромности, не надеясь на достаточное знание русского языка и на достаточность собственного образования, так как судьба для него с колыбели до гроба была злою, жестокою мачехою и всю жизнь постоянно то тем, то другим ставила его в невозможность расширить умственный свой горизонт, сообразно его блестящим способностям. В числе оставшихся после него русских сочинений, есть несколько рассказов или повестей с тем самым содержанием, которое встречаем в нескольких его малорусских стихотворениях большого размера, вошедших в собрание сочинений Шевченка, изданное под названием «Кобзарь». Внимание читавших «Кобзарь», конечно, останавливалось на прекрасной поэме «Наймичка», где изображается мать, которая, подбросив богатым хозяевам своего ребенка, потом нанимается у этих хозяев работницею, сходится с ними и сживаетя до того, что уже как будто сама принадлежит к их семье, с нежнейшею материнскою любовью заботится о своем сыне, живущем у хозяев в качестве их собственного родного сына, оставляя его в полном неведении относительно себя, и открывает ему тайну только перед своею смертию. Между русскими писаниями Шевченка мы встретили рассказ того же содержания, с некоторыми, однако, частностями, которых нет в малорусском произведении, и с превосходно изображенными чертами народного быта и жизни. Повесть эта так хорошо написана, что если бы напечатана была до появления в свете ее малорусской стихотворной редакции, то была бы приветствована публикою как выходящее из ряда явление. Точно так же видели мы в бумагах покойного поэта две повести: «Княгиня» и «Варнак», такого же содержания, как и стихотворения, напечатанные по-малорусски в «Кобзаре» под теми же названиями. Видно, Шевченко иногда на одну тему писал и по-малороссийски стихами, и по-русски прозою. Затем, в бумагах его оказались: 1) «Близнецы» — рассказ из быта малорусских помещиков средней руки последней половины XVIII века, где, между прочим, замечательно живо и интересно, кроме других черт местной жизни, представлены приемы воспитания. 2) «Музыкант», где изображена судьба крепостного человека у знатного малороссийского барина: этот человек с необыкновенными способностями к музыке, но терпит от пут крепостной зависимости

до того, что из Петербурга в Малороссию препровождается, по требованию нового господина, по этапу; однако при помощи добродетельного немца Антона Карловича получает за деньги от помещика свободу и женится на благородной девице, живущей у его благодетеля. 3) «Художник», где представлен другой крепостной человек иной профессии, чем прежний,— живописец, отданный мальчиком в маляры, спасенный благодетельным художником и выкупленный на волю при посредстве знаменитого Брюллова. Очевидно, поэт, приступая к написанию повести, имел в виду собственную судьбу, так как все, вначале рассказываемое в повести, находится в автобиографии Шевченка и относится к его собственной личности. Но этим только ограничивается сходство повести с автобиографией. Далее в повести с художником происходят иные события: он случайно сходится с резвою девушкой, сначала шутит с нею, потом влюбляется и женится, тогда как она уже беременна от какого-то мичмана; наконец умирает в доме умалишенных. Из этого видно, что Шевченка постоянно занимали воспоминания о своей собственной прошедшей судьбе и он не раз, то так, то иначе, обращался к ним и приноровлял их к разным вымышленным героям своих повестей в разных видах. 4) «Несчастный» — повесть, написанная автором во время его пребывания в ссылке, после встречи с загадочным человеком. Вдовец, провинциальный помещик, приехавши в Петербург, женился на особе сомнительного свойства и скоро после того умер, убившись на охоте. Вдова, искусная лицемерка, сделавшись полною госпожою, всю задачу своей жизни поставляет в том, чтобы для пользы своего сына оттереть детей своего мужа от первого брака. Из них сынок ослеп в детстве, а девочку мачеха везет в Петербург, распуская слух, что намерена поместить ее в институт, а на самом деле помещает сироту у своей давней приятельницы-немки, которая держит швейное заведение, берет девочек для обучения ремеслу, а на самом деле для других, более непозволительных целей. Через несколько времени эта госпожа приезжает в Петербург снова с своим сыном, чтобы докончить его воспитание, полученное в деревне от крепостных наставников, и вместе с тем, чтобы окончательно отделаться от падчерицы. Сын, избалованный матерью шалопай, делается вполне развратным негодяем, обкрадывает и оскорбляет мать и раздражает ее до того, что она при посредстве правительства засылает его ради исправления в Орскую крепость, где автор и увидал его и где этот потерянный юноша играет роль жалкого шута между солдатами и стал известен там всем под именем несчастного. Но и злую мать постигает заслуженная кара. Немка, у которой мачеха поместила свою падчерицу под вымышленным именем своей крепостной Акульки, принимает от госпожи посул и поручение выдать мнимую Акульку за какого-нибудь посетителя веселого дома, который бы соблазнился некоторым приданным, но немка сочла за лучшее открыть падчерице и ее жениху всю подноготную и побудить их преследовать законом злодейку-мачеху. Дело кончается тем, что падчерица вступает во все права своего состояния, похищенные у ней обманом, а мачеху сылают в монастырь на покаяние. Художественная выдержка характеров, трогательные, глубоко потрясающие душу читателя сцены, чрезвычайно занимательное изложение — все это дало бы этой повести почетное место между лучшими произведениями наших беллетристов, если б она была на-

печатана. 5) «*Повесть о бедном Петрусе*» переносит читателя в ту эпоху, когда казацкие старшины, преобразованные в русские чины и получавшие вместе с ними потомственное дворянское достоинство, совершали крайние самоуправства, пользуясь крайнею продажною и мелкодушием судей. К сожалению, автор наложил без удержу слишком много густых чересчур красок, что вредит силе впечатления, производимого на читателя, и строгой исторической верности. 6) «*Капитанша*». Содержание этого рассказа таково: еще во время пребывания русских войск во Франции (1814—1815 гг.), офицер увез в Россию девушку, держал по-мужски как денщика, а когда она сделалась беременною, уехал, оставя ее на попечении барабанщика. Француженка умерла, а новорожденную ее дочь держал у себя одинокий барабанщик до 16-ти лет, когда в городе Муроме капитан-женолюбец насильно увез ее, но она от него убежала, очутилась, как бродяга, в тюрьме и была там отыскана барабанщиком с рожденною ею от капитана дочерью. Барабанщик женился на невинной жертве гнусного насилия, приютился близ Глухова, содержал там корчму, а выросшая дочь жены его вышла за местного помещика, приятеля автора. Замечательно, что как в этом рассказе, так и в других, и в некоторых малорусских произведениях, автор избирает для сюжета судьбу простолюдинки, соблазненной или изнасилованной развратником из высшего класса. Тема эта, как видно, почти так же занимала Шевченка, как и судьба человека, выбивающегося с большими затруднениями из-под крепостного гнета. Последнее для нас объясняется близостью к судьбе самого автора. Не было ли в жизни автора или в близком к нему кругу чего-нибудь такого, что в равной степени сделало близкою к его сердцу судьбу простонародных жертв барского сластолюбия, или же это только плод его постоянной скорби об унижении человека — не знаем.

В своих повестях и рассказах, писанных по-русски, Шевченко впадает в мелодраматичность, а нередко и в растянутость. Редакция русских сочинений Шевченка в том виде, как они оставлены, сильно страдает небрежностью. Попадаются то недомолвки, то излишние повторения, то явные анахронизмы, вообще такие ошибки, которые несомненно были бы самим автором исправлены, если б он приготавливал эти сочинения уже к изданию. Теперь они более наброски, чем оконченные сочинения, и в настоящем виде похожи на драгоценные камни в уродливой оправе. Среди всех недостатков и недоделок в них, однако, повсюду светятся признаки громадного дарования автора: верность характеров, глубина и благородство мыслей и чувств, живость описания и богатая образность — последнему качеству, как видно, способствовало и то, что автор был живописец по профессии.

Истинно уважающий вас и глубоко преданный

Н. Костомаров

Милостивый государь!

Хотя многое соединяло меня в судьбе с Шевченко, но я не могу похвалиться особенно с ним близостью, так что в этом отношении мне известны были лица, более с ним связанные душевными узами, чем я, и более меня знавшие особенности его жизни. От себя передам лишь следующие данные.

С Шевченко лично познакомился я в мае 1846 года в Киеве и видался с ним до января 1847 г., когда он выехал в Черниговскую губернию к своим знакомым. Тогда я читал в рукописи многие из его произведений, из которых иным суждено было явиться в печати поздно, как, например, «Наймичка», «Черница Мар'яна» и пр., а другим не суждено было и до сих пор у нас показаться на свет. То было время самого крайнего развития поэтического таланта Шевченко, апогей его дарований и деятельности. Сам поэт был тогда в полном цвете лет (около 35), горячо любил он малорусскую народность, но более всего сочувствовал судьбе простого народа, и любимым его помышлением была свобода этого народа от помещичьего гнета. Все знали, что он сам происходил из этого порабощенного народа, но от Шевченко трудно было добиться воспоминаний о его детстве, проведенном среди поселян. Он ни пред кем не стыдился своего происхождения, но не любил много говорить о нем, и многое, что он высказывал, излагалось всегда с недомолвками; так, например, он рассказывал, как он был в Варшаве в эпоху восстания в 1830 году и как революционное правительство выпроводило его с другими русскими, давши ему денег тогдашними революционными ассигнациями; но по какому поводу он попал в Варшаву — этого он не сообщал; равным образом не слышал я от него подробностей, каким образом он очутился после того в Академии художеств. Обстоятельства его освобождения из крепостной зависимости также не передавались мне. Однажды я спросил у него, справедлив ли ходивший об нем анекдот, будто какой-то знатный барин нанял его нарисовать свой портрет, и когда после того нарисованный портрет ему не понравился, Шевченко переменял на портрете костюм и продал его в цирюльню на вывеску; что барин, узнавши об этом, обратился к владельцу Шевченко, находившемуся в то время в Петербурге, и купил Шевченко за большие деньги. Шевченко объявил мне, что ничего подобного не было и что это старый избитый анекдот, давно уже ходивший в публике и кем-то приносивший к нему, Шевченко, совершенно произвольно. Он почему-то считал в деле своего освобождения своими благодетелями Брюллова и поэта Жуковского; последнего, однако, он не очень ценил за дух многих его произведений... Недостаток образования часто проглядывал в нем, но дополнялся всегда свежим и богатым природным умом, так

что беседа с Шевченко никогда не могла навести скуки и была необыкновенно приятна: он умел к стати шутить, острить, потешать собеседников веселыми рассказами и никогда почти в обществе знакомых не проявлял того меланхолического свойства, которым проникнуты многие из его стихотворений. С отъезда его из Киева в январе 1847 г. я разлучился с ним надолго. Только мельком случилось мне увидеть его в Петербурге в том же году и услышать прощальное слово, полное вместе с тем надежд на лучшую долю: «Не журись, Миколо,— сказал он мне,— ще колись житимемо укупі». В тот же год его отправили в ссылку. С тех пор я не слыхал о нем ничего до 1857 года. В этот год осенью, воротившись из путешествия за границу, я узнал, что Шевченко заезжал ко мне в Саратове, возвращаясь по Волге на свободу из Петровского укрепления, в котором в последние перед тем годы служил рядовым. Потом услышал я, что он не получил дозволения жить в Петербурге и потому прожил зиму в Нижнем Новгороде, где, как рассказывали, чуть было не женился на какой-то актрисе. Летом 1858 года, будучи в Петербурге, я отыскал Шевченко и увидел его первый раз после долговременной разлуки. Я нашел его в Академии художеств, где ему дали мастерскую. Тарас Григорьевич не узнал меня, оглядывая меня с головы до ног, пожимал плечами и решительно сказал, что не может догадаться и назвать по имени того, кого перед собою видит. Когда же я назвал свою фамилию, он бросился ко мне на шею и долго плакал.

С тех пор, в продолжение месяца, мы с ним виделись несколько раз, сходясь в ресторации, так как я тогда усиленно занимался в Публичной библиотеке и не имел времени ни на какие долговременные беседы и развлечения. И теперь Шевченко, как прежде, не любил рассказывать подробностей о своем заточении; я узнал от него только, что вначале ему было хорошо, потом какой-то начальник, дослужившийся до офицерских чинов из рядовых, начал его стеснять, но в конце судьба его снова облегчилась: он был переведен в Петровское укрепление, где комендант был к нему ласков, допускал его к себе в дом и вообще обращался с ним гуманно. Своим освобождением он считал себя обязанным ходатайству бывшего тогда вице-президентом Академии художеств графа Федора Петровича Толстого и отзывался о нем и его семействе с чрезвычайным уважением и любовью. Через месяц я разлучился с Шевченко, уехавши в Саратов, куда приглашен был в Комитет по устройству крестьян, а вернувшись в Петербург весной 1859 года, я не застал уже там Шевченко: он был отпущен временно на родину и вернулся в тот же год позднею осенью, когда я занял кафедру в Петербургском университете. Целый год квартировал я в гостинице Балабина, близ Публичной библиотеки. Шевченко изредка приходил ко мне; кроме того, мы часто встречались с ним в доме графа Толстого, его покровителя. Так прошла зима и весна 1860 года. Летом в этот год я перешел на квартиру на Васильевский остров и был почти соседом Шевченко, жившего постоянно в Академии художеств, в своей мастерской, где он занимался граверным искусством «eau forte». Своих стихов он почти никогда не читал мне и неохотно отвечал на мои вопросы о том, что он пишет. Так же точно разнеслась весть о том, что во время поездки его в Малороссию в последнее время с ним случилась какая-то неприятная история, приведшая его до

щекотливых объяснений с властями. Я спрашивал его об этом и не получил от него никакого удовлетворительного ответа. Осенью 1860 года между знакомыми нашими разнесся слух, что Шевченко собирается жениться на одной малороссийке из простонародья, находившейся в услужении у барыни, жившей в Петербурге. На вопрос мой об этом Шевченко отвечал утвердительно, но, видимо, не хотел вдаваться в рассуждение об этом предмете, и я, заметивши его нежелание, не стал более толковать об этом. Спустя немного времени, встретивши его в театре, я спросил его: «Ну, Тарасе, коли ж твоє весілля?» Он отвечал: «Тоді, мабуть, коли твоє, не жениться нам з тобою: зостанемося до смерті бурлаками!» Через несколько дней я узнал, что Тарас не поладил со своею невестою, нашел в ней мало той поэзии, какую рисовало ему воображение, и натолкнулся на прозаичную действительность, показавшуюся ему пошлостью. Вскоре я услышал, что Шевченко заболел... В последнее время мы с ним виделись не так часто, не более одного или двух раз в неделю, потому что я был слишком занят чтением и приготовлением университетских лекций. Узнавши, что Шевченко болеет, я посетил его два раза и во второй раз, в феврале, за несколько дней до его кончины, услышал от него, что он теперь совсем выздоровел; при этом он показывал мне купленные им на днях золотые часы, первые, какие он имел в своей жизни. Он обещал быть у меня вскоре. 25 февраля утром ко мне пришел не помню кто из знакомых с известием, что Шевченко утром внезапно умер. Он приказал служившему у него солдату поставить ему самовар и спускался по лестнице из своей спальни, находившейся над мастерской; на последней ступени он упал головою вниз, солдат бросился к нему — Шевченко был без дыхания. В тот же вечер я прибыл в академическую церковь. Тело поэта лежало уже во гробе; над ним псаломщик читал псалтырь.

Его погребение происходило на Смоленском кладбище во вторник на масленице. Над гробом его в церкви до выноса на кладбище говорились надгробные речи по-малорусски, по-русски и по-польски. Стечение публики было очень большое. Гроб усопшего поэта несли студенты. После погребения тотчас же земляки Шевченко, жившие в столице малоруссы, учинили совет о том, чтобы ходатайствовать перед правительством о дозволении перевезти прах Шевченко в Малороссию и похоронить над Днепром на холме, как завещал сам поэт в одном из своих стихотворений.

Вот все, что я могу сказать, вспоминая о своем знакомстве с Шевченко. Как о поэте я не стану здесь распространяться, потому что по этому предмету я высказал свой взгляд в статье, напечатанной в книге г. Гербея. Как о человеке могу сказать, что знаю его как личность безусловно честную, глубоко любившую свой народ и его язык, но без фанатической неприязни ко всему чужому.

1 февраля 1846 года мать моя приехала в Киев, и с этих пор начался для меня иной род домашней обстановки. Вместе с матушкой я поселился на Крещатике в доме Сухоставской. Через несколько домов, на противоположной стороне, в той самой гостинице, куда я прибыл на праздник рождества по возвращении с продажи моего имения, квартировал Тарас Григорьевич Шевченко, приехавший тогда из Петербурга в Малороссию с намерением приютиться здесь и найти себе должность. Узнавши о нем, я познакомился с ним и с первого же раза сблизился. Тогда была самая деятельная пора для его таланта, апогей его духовной силы. Я с ним видался часто, восхищался его произведениями, из которых многие, еще не изданные, он дал мне в рукописях. Нередко мы просиживали с ним длинные вечера до глубокой ночи, а с наступлением весны часто сходились в небольшом садике Сухоставских, имевшем чисто малорусский характер: он был насажен преимущественно вишнями, было там и несколько колод пчел, утешавших нас своим жужжаньем.

Кроме Шевченка, частыми собеседниками моими были: Гулак, Белозерский, Маркович и учитель Пильчиков; нередко заходил ко мне старый профессор бывшего Кременецкого лицея Зенович, добродушный старичок, занимавшийся химиею и некогда сочинивший какую-то теорию о сотворении мира посредством электричества и магнетизма; он имел слабость проповедывать ее кстати и некстати всякому встречному и поперечному. Кулиша в то время не было в Киеве: он находился в Петербурге.

Наступили рождественские святки. В Киев приехал старинный мой знакомый, бывший некогда студент Харьковского университета Савич, помещик Гадячского уезда. Он ехал в Париж. В первый день рождества мы сошлись с ним у Гулака на Старом Городе в доме Андреевской церкви. Кроме него, гостем Гулака был Шевченко. Разговоры коснулись славянской идеи; естественно выплыла на сцену заветная наша мысль о будущей федерации славянского племени. Мы разговаривали, не стесняясь и не подозревая, чтобы наши речи кто-нибудь слушал за стеной с целью перетолковать их в дурную сторону, а между тем так было. У того же священника квартировал студент по фамилии Петров; он слушал нашу беседу и на другой же день, сошедшись с Гулаком, начал ему изъяснять горячие желанья славянской федерации и притворился великим поборником славянской взаимности. Гулак имел неосторожность с своей стороны открыть ему задушевные свои мысли и рассказал о бывшем нашем предположении основать общество. Этого только и нужно было. Около этого же времени я написал небольшое сочинение о славянской федерации, старался усвоить по слогу библейский тон.

Сочинение это я прочитал Гулаку; оно ему очень понравилось, и он списал его себе, а потом, как я узнал впоследствии, показал студенту Петрову. Белозерского уже не было в Киеве, он отправился в Полтаву учителем в кадетский корпус. У него был также список этого сочинения.

Около этого же времени познакомился со мною известный польский археолог граф Свидзинский и, узнавши, что я занимаюсь Хмельницким, привез мне в подлиннике и в списке с подлинника летопись Иерлича, позволив мне пользоваться ею для своей истории, а затем дал обещание и на будущее время доставлять мне рукописные материалы, относящиеся к истории казаков, а этих материалов у него было много.

В конце января я расстался с Гулаком и с Шевченком; первый уехал в Петербург с намерением держать там магистерский экзамен, второй — к своему приятелю Виктору Забелле в Борзну...

Третья очная ставка была иного рода — между мной и Гулаком. Я писал, что дело наше ограничивалось только рассуждениями об обществе, а найденный у нас проект устава и сочинение о славянской федерации признал своими. Вдруг оказалось, что в своих показаниях Гулак сознавался, что и то и другое было сочинено им. Видно было, что Гулак, жалея обо мне и других, хотел принять на себя одного все то, что могло быть признано преступным. Я остался при прежнем показании, утверждая, что рукопись дана была Гулаку мною, а не мне Гулаком. Гулак на очной ставке упорствовал на своем, и граф Орлов с раздражением сказал о нем: «Да это корень зла!» Впоследствии Гулак написал, что рукопись, действительно, написана была не им, так как, принимая чужую вину на себя, он уже не мог сделать никакой пользы другим. Тем не менее его попытка выгородить товарищей принята была за обстоятельство, увеличивавшее его преступление, и он был приговорен к тяжелому заключению в Шлиссельбургской крепости в три с половиною года. Как бы ни судить справедливость или несправедливость наших тогдашних убеждений, подвигнувших нас на неосторожное и, главное, на несвоевременное дело, всякий честный человек не может не признать в этом поступке молодого человека самой высокой, христианской нравственности и не оценить этого порыва самоотвержения, побудившего его для спасения друзей с охотою подвергать себя самого страданиям наказания. Он был настоящий практический христианин и осуществил в своем поступке слова спасителя: «Больше сея любви никто не имеет, да еще положит душу свою за други своя». С прочими лицами очной ставки для меня не было. Из всех привлеченных к этому делу и в этот день сведенных вместе в комнате перед дверью, той, куда нас вызывали для очных ставок, Шевченко отличался беззаботною веселостью и шутливостью. Он комически рассказывал, как во время возвращения его в Киев, арестовал его на пароме косою кварталный; замечал при этом, что недаром он издавна не терпел косых, а когда какой-то жандармский офицер, знавший его лично во время его прежнего житья в Петербурге, сказал ему: «Вот, Тарас Григорьевич, как вы отсюда вырветесь, то-то запоет ваша муза», Шевченко иронически отвечал: «Не який чорт мене сюди заніс, коли не та бісова муза». Когда нас разводили по номерам, Шевченко, прощаясь со мною, сказал: «Не журись,

Микола, ще колись будемо укупі добре жити». Эти последние слова, действительно, через много лет оказались пророческими, когда последние годы своей жизни освобожденный поэт проводил в Петербурге и часто виделся со мною.

30 мая утром, глядя из окна, я увидел, как выводили Шевченка, сильно обросшего бородой, и сажали в наемную карету вместе с вооруженными жандармами. Увидя меня в окно, он приветливо и с улыбкой поклонился мне, на что я также отвечал знаком приветствия, а вслед за тем ко мне вошел вахмистр и потребовал к генералу Дубельту. Пришедши в канцелярию, я был встречен от Дубельта следующими словами: «Я должен объявить вам не совсем приятное для вас решение государя императора, но надеюсь, что вы постараетесь загладить прошлое вашею будущею службою». Затем он развернул тетрадь и прочитал мне приговор, в котором было сказано, что «адъюнкт-профессор Костомаров имел намерение вместе с другими лицами составить украинско-славянское общество, в коем рассуждаемо было бы о соединении славян в одно государство и, сверх того, дал ход преступной рукописи «Закон Божий» *, а потому лишить его занимаемой им кафедры, заключить в крепость на один год, а по прошествии этого времени послать на службу в одну из отдаленных губерний, но никак не по ученой части, с учреждением над ним особого строжайшего надзора». Сбоку карандашом рукою императора Николая было написано: «В Вятскую губернию».

По прочтении этого приговора меня вывели, посадили в наемную карету и повезли через Троицкий мост в Петропавловскую крепость.

Первою и отрадною вестью, приятно поразившею меня в отечестве, был слух о том, что готовится освобождение крестьян от крепостной зависимости и что на днях должен выйти манифест об учреждении по этому предмету комитетов во всех губерниях. Пробывши в Петербурге неделю, я уехал в Москву и там согласился со встретившимся саратовским купцом ехать вместе с ним до Саратова. В назначенное заранее время мы поехали туда на половинных издержках в его экипаже и ехали медленно, хотя и на почтовых, потому что дорога, как и надобно было надеяться, по причине поздней осени была до крайности негостеприимна...

Наконец я прибыл в Саратов. Не стану описывать радости свидания с матерью после долгой разлуки. От матушки я узнал, что в мое отсутствие проезжал через Саратов и заезжал ко мне освобожденный из ссылки Шевченко. Спустя немного времени до меня дошла весть, что его не пустили в Петербург, а велели ему оставаться в Нижнем Новгороде. Члены пароходной компании там его дружелюбно приняли и приютили.

Между тем, узнавши, что Шевченко живет в Академии художеств, где ему отвели мастерскую комнату, я в одно утро после купанья отправился к нему. Здание Академии было мне в то время

* Это была рукопись, взятая у меня помощником попечителя и отысканная, кроме того, в иных списках у Гулака и Белозерского; но почему она названа «Закон Божий» и кто назвал ее таким образом, мне и до сих пор не известно, потому что о таком названии я и услышал впервые в III отделении.

еще незнакомо, и я долго путался по его коридорам, пока достиг цели. Мастерская Шевченко находилась рядом с академической церковью, это была просторная светлая комната, выходящая окнами в сад. «Здравствуй, Тарас»,— сказал я ему, увидевши его за работой в белой блузе, с карандашом в руках. Шевченко выпучил на меня глаза и не мог узнать меня. Напрасно я, все еще не называя себя по имени, припомнил ему обстоятельство, которое, по-видимому, должно было навести его на догадку о том, кто пред ним. «Вот же говорил ты, что свидимся и будем еще жить вместе в Петербурге, так и случилось!» Это были слова его, произнесенные в III отделении в то время, как после очных ставок, на которые нас сводили, мы возвращались в свои камеры. Но Шевченко и после того не мог догадаться: раздумывая и разводя пальцами, сказал решительно, что не узнает и не может вспомнить, кого перед собою видит. Должно быть, я значительно изменился за одиннадцать лет разлуки с ним. Я наконец назвал себя. Шевченко сильно взволновался, заплакал и принялся обнимать меня и целовать. Через несколько времени, посидевши и поговоривши о нашей судьбе в долгие годы ссылки и о том, как я отыскивал его в Нижнем, где и узнал о его переселении в Петербург, мы отправились пешком в ресторан завтракать и с тех пор несколько раз сходились то у него, то у меня, а чаще всего в ресторане Старо-Палкина.

С сентября, когда в столицу возвращались с дач, с деревень и со всяких поездов, круг знакомых стал для меня расширяться. Из близких, старых знакомых явились в то время в город Белозерский и Шевченко; последнего видел я еще в мае, но потом он уехал в Малороссию и возвратился к осени. По-прежнему стал он мне близким человеком. Хотя после своего освобождения он вдавался в большое употребление вина, но это не вредило никому, разве только его физическому здоровью. Напрасно г. Кулиш в последней своей книге «История воссоединения Руси» презрительно обругал музу Шевченка «пьяною» и риторически заметил, что тень поэта «на берегах Ахерона скорбит о своем прежнем безумии». Муза Шевченка не принимала на себя ни разу печальных следствий, расстраивавших телесный организм поэта; она всегда оставалась чистою, благородною, любила народ, скорбела вместе с ним о его страданиях и никогда не грешила неправдою и безнравственностью. Если упрекать Шевченка за то, за что его наказывало некогда правительство, изрекшее потом ему прощение, то уж никак не г. Кулишу, который был соучастником Шевченка и в одно с ним время подвергся наказанию от правительства, хотя и в меньшей противу Шевченка степени.

Белозерский тогда уже делал предположение об издании журнала «Основа», надеясь на материальную помощь, обещанную родственником его жены Н. И. Катениным.

В последних месяцах 1859 года я через посредство Шевченка познакомился с домом покойного вице-президента Академии художеств графа Федора Петровича Толстого и нашел там самый любезный прием. Трудно представить себе старика, более доброго, горячо преданного искусству и равнодушного к всему входящему в область умственного труда. В то время он, хотя и старый, за

80 лет, но еще был бодр и свеж, и его дом был постоянным местом соединения художников и литераторов.

Через несколько дней после события в костеле, 25 февраля, скончался Тарас Григорьевич Шевченко. Смерть его была скоропостижная. Уже несколько месяцев страдал он водянкою... Накануне его смерти я был у него утром; он отозвался, что чувствует себя почти выздоровевшим, и показал мне купленные им золотые часы. Первый раз в жизни завел он себе эту роскошь. Он жил в той же академической мастерской, о которой я говорил выше. На другой день утром Тарас Григорьевич приказал сторожу поставить ему самовар и, одевшись, стал сходить по лестнице с своей спальни, устроенной вверху над мастерской, как лишился чувств и полетел со ступеней вниз. Оказалось по медицинскому осмотру, что водянка бросилась ему к сердцу. Сторож поднял его и дал знать его приятелю, Михаилу Матвеевичу Лазаревскому. Тело Шевченка лежало три дня в церкви Академии художеств. В день погребения явилось большое стечение публики. Над усопшим говорились речи по-русски, по-малорусски и по-польски. Я также произнес небольшое слово по-малорусски. Из речей особенно обратила всеобщее внимание польская речь студента Хорошевского. «Ты не любил нас,— говорил он, обращаясь к усопшему,— и ты имел право; если бы было иначе, ты бы не был достоин той любви, которую заслужил, и той славы, которая ожидает тебя как одного из величайших поэтов славянского мира». Гроб Шевченка несли студенты университета на Смоленское кладбище. По возвращении с похорон, бывшие там малороссы тотчас порешили испросить у правительства дозволение перевезти его тело в Малороссию, чтобы похоронить так, как он сам назначал в одном из своих стихотворений...

В то время видно было большое сочувствие и уважение к таланту скончавшегося украинского поэта. Большинство окружавших его гроб состояли из великоруссов, которые относились к нему, как относились бы к Пушкину или Кольцову, если бы провожали в могилу последних. В марте в университетском зале на литературном вечере, устроенном в память Шевченка, я читал статью «Воспоминание о двух малярах», из которых один был знакомый мне в юности крепостной человек, лишенный возможности, по поводу неволи, развить данный ему от бога талант, а второй был недавно скончавшийся Шевченко. Статья эта принята была публикой с восторгом и напечатана вслед за тем в «Основе». Бедный Шевченко несколькими днями не дождался великого торжества всей Руси, о котором только могла мечтать его долгострадавшая за народ муза: менее чем через неделю после его погребения во всех церквях русской империи прозвучал высочайший манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости.

Владимир Данилович Спасович — бывший профессор уголовного права, а потом приобретший всеобщую известность адвокат. Знакомство мое с ним началось в 1857 году весною, когда я ехал через Петербург за границу и оставался в Петербурге две или три недели. Знакомство мое с ним совпало разом с целым кружком лиц из польской нации, и потому, говоря о нем, придется сказать разом и о других. В бытность мою в Петербурге в вышеозначенное время

пришли ко мне три неизвестных лица, рекомендуясь от имени моих знакомых Белозерского и Кулиша. Один был Желеховский, поэт, известный в польской литературе под псевдонимом Антона Сова; другой — Сераковский, только что освобожденный из тяжелой ссылки в Оренбургский баталион, где он сблизился с Шевченком, с которым пришлось ему тянуть солдатскую лямку; третий — Спасович, тогда только что поступавший в а́дъюнкты Петербургского университета. Они знали обо мне как о человеке, пострадавшем за славянскую идею, и тотчас завели со мною о том беседу. Так как я в то время был сильно проникнут идеею славянской взаимности во всех ее видах, то, естественно, между нами наступило тотчас же самое дружеское сближение. Я способен был увлекаться и верить, а потому, так сказать, влюбился во всех трех, тем более, что все они со свойственно полякам любезностью рассыпались в самых нежных чувствах ко мне; все трое были, однако, различны по характеру и приемам. Желеховский, человек лет около 30-ти, изящно одетый, довольно красивый собою, с речью, исполненною чувства, имел такие признаки, по которым человека можно назвать сахарным. Он тогда же начал с одушевлением читать мне свои польские стихи, которые мне понравились, быть может, подкупив меня своим содержанием, касавшимся любимой моей идеи. Другой — Сераковский, по приемам и манерам своим был совершенный огонь. Он говорил с пафосом, не мог ни полминуты усидеть на месте, метался из одного угла комнаты в другой и декламировал так, как будто был на трибуне. Он мне особенно тогда понравился. По рассказам его, окончивши курс в Петербургском университете, он был арестован за какие-то политические писания и отправлен в тяжелую ссылку, где пробыл 10 лет, а только что воротившись в офицерском чине, получил надежду быть принятым в военную академию. Третий был Спасович, человек кроткого вида, менее прочих разговорчивый, погруженный по виду более в науку, чем в современные вопросы, он только как бы вскользь и спокойно показывал, что разделяет с другими одинаковые взгляды. С этого дня началось мое знакомство с этими людьми. Желеховский, пробывши в Петербурге после того около трех лет, часто виделся со мною у Белозерского, с которым был дружен и неоднократно вместе с ним посещал меня. Он читал свои польские стихотворения, сколько помнится, драматической формы, и при этом чтении не раз присутствовал Шевченко. Скоро, однако, сошелся он с какою-то госпожою, которую я два раза видел у Белозерских, и в 1860 году вместе с нею отправился за границу и совершенно исчез из вида. После я услышал, что он умер в Женеве.

В КИЕВЕ У ШЕВЧЕНКО
В 1846 ГОДУ

Сижу на «Козьем болоте» тихо, будто заяц под кустом, что только ушами стрижет — с какой стороны шорох. О книжечке своей совсем забыл, хотя и давал себе торжественную клятву, что буду записывать все, что со мной случается в жизни важного. И что же со мной случается? Да ничего. Так что буду писать о том, что случается вокруг меня. Учусь себе и учусь. Завел несколько сердечных знакомств с некоторыми коллегами. Это все украинцы из Киева, с Подолья, с Волыни. Отношения завязались на идейной почве. Объявился среди нас молодой коллега из Немирова, который все пытался найти истину при свете чадающего и коптящего немировского каганца *, умный парень и не робкого десятка, прошел огонь и воду — М., математик. Познакомился с молодым поэтом Антоном П. Есть колония молодых малороссов, в голове у них разное намешано.

Самое удивительное, что в домике напротив, прямо через дорогу, встретил я одного очень веселого человека, с которым мы весьма странно познакомились. Это и художник, и поэт одновременно. Зовут его Тарас Шевченко.

Однажды вечером я как-то сидел возле окна, пил чай и вдруг слышу кто-то громко запел очень красивым и чистым голосом:

Гей, на горі там женці жнуть, (дважды)
А попід горою
Яром-долиною
Козаки йдуть.
А попереду Дорошенко
Веде своє військо
Славне запорізьке
Хорошенько.

Потом певец перешел на лирический тон. Песни лились из его уст одна за другой. Лишь звездное небо над ним, вокруг заросли деревьев, все было тихо и пусто. Никто его не слышал и не видел.

Пение это я слышал потом много раз, иногда пели в два голоса, но певцов я не видел. Наверное, они проходили дорогой, которая вела к Софийскому собору, через «Козье болото», скорее всего их было двое, так мне казалось на слух, разбередили они мою душу. Вспомнилась мне Ковалевка, детство, взлелеянное украинской песней, и я, пользуясь тем, что пани М. не было дома, и сам запел:

Ой у лузі криниченька, орли воду п'ють,
А вже ж мою миленькую до шлюбу ведуть...

* Плошка, светильник — каганец.

Спустя полчаса вижу — стоит перед входом в наш дворик мужчина среднего роста, достаточно плотный, с ничем не примечательным лицом, пожалуй, некрасивым, из-за узких, плотно сжатых губ, курносый. Зато глаза у него были необыкновенные — большие, черные, быстрые, блестящие, полные жизни. Глаза его светились умом. На голове шляпа (брыль, плетенный из соломы), а из-под шляпы в беспорядке торчали густые пряди черных волос. Я сидел на крыльце, когда незнакомец подошел и снял шляпу, глядя на меня с доброй усмешкой, немного вопросительно и слегка недоверчиво. Я заметил, что у него большой лоб, слишком, как мне показалось, большой для такого маленького худощавого лица.

— Добрый вечер, — произнес я по-украински.

— Друг или враг? — спросил он.

— Друг, — ответил я.

Мы пожали друг другу руки. Незнакомец громко назвал себя:

— Шевченко.

— Тарас Шевченко, автор «Кобзаря»?

— Он самый, — ответил тот добродушно.

Так завязалось наше знакомство. Мы сели, и начался разговор такой живой и непринужденный, будто мы были знакомы уже очень давно. Поэзия и песня сближали нас. Я угостил его чаем. Мы пили и разговаривали до полночи. Шевченко хорошо говорил по-польски и лишь иногда вставлял украинские фразы.

— Так, значит, этот бедолага мучился там?

— Юрашка, — добавил я.

Оба мы имели в виду несчастного сына Богдана Хмельницкого.

Шевченко задумался и через некоторое время сказал грустно:

— Отца москали убили, а сына — турки.

Моя дружба с Шевченко становилась все более сердечной. Мы довольно часто навещали друг друга. Однако я никогда не встречал у него никого из чужих, и он не приводил ко мне никого.

Однажды мой новый приятель исчез на несколько дней. Я наведался к нему.

— Где же вы были, батенька, — спрашиваю.

— С Иванишевым копали могилу Перепята и Перепятихи.

— Что ж вы там искали?

— То, чего не теряли.

Меня этот ответ очень заинтересовал, а так как обе могилы находились между Фастовом и Васильковом, то по пути в Киев я видел их с дороги.

— Нашли что-нибудь интересное?

— Кто его знает.

— Как это — кто знает? Все-таки профессор Иванишев.

— Было и еще несколько интересных людей.

Эти ответы не удовлетворили меня. Я расспрашивал дальше:

— Наверное не для того вы копали, чтобы увидеть, что там находится.

— Да нет, пожалуй, только для того и копали. То, что откопали и увидели, — досконально зарисовали, описали. Хочешь знать, что там было? Человеческие и лошадиные кости, немного пепла, сгнивших дубовых балок — и только. Чьи кости, почему они лежат вместе с конскими, кто его знает?

Он встал, отошел в угол и достал из-под кровати обычную, хорошо сохранившуюся чашку.

Вот такие черепки там были, если тебе интересно. А эту, которую тебе показываю, если честно сказать,— украл.

Я осмотрел чашку — очень похожа на современные и ничего не говорящая ни мне ни Шевченко.

Однажды под вечер прибегает ко мне Шевченко и говорит:

— Приходи ко мне сегодня, как стемнеет, надо поговорить кое о чем.

Сказал он это каким-то таинственным тоном и очень заинтересовал меня.

Я пришел, но тот, кого ждали, не появился. Шевченко был мрачный, однако, так и не сказал мне, кого он ждал. Эта таинственность, видно, ему была все-таки неприятна, и он, придя на следующий день, заговорил сам, хотя я его ни о чем не спрашивал.

— Микола тогда не пришел. Это человек, который не верит ни в бога, ни в черта. Я же ему на это ответил: «Слушай, ты хочешь построить новую жизнь руками славян, а сам боишься говорить об этом с поляком. С кем же ты, черта лысого, собираешься эту жизнь строить? С нашими панами дела не сделаешь. Они будут одной щекой тебе улыбаться, а другой — Москве. Все они с одного бока дегтем мазаны, а с другого — салом московским». Он мне на это: «Слишком долго мы с ляхами спорили — не верю». Вот и говори с этим дурнем. Ну, бились мы, когда было за что, а теперь нас одна рука по голове гладит. Время опомниться. Насилу уговорил его. Приходи!

Когда я пришел, то застал уже у Шевченко «того». Хозяин, бесцеремонно разув сапог, приставил его голенище прямо к самовару, сделав нечто вроде меха. Он так энергично дул в него, что только искры сыпались вокруг. Занятый этой работой, он даже не поприветствовал меня. Незнакомец сидел в кресле возле стола, на котором в беспорядке валялись книги, рисунки, бумага. Когда я вошел, он встал, сделал два шага, и мы встретились нос к носу. Я назвал себя... — Знаю, знаю... — ответил он и добавил, протягивая руку: — Костомаров. Это был человек высокого роста, костистый, с неуклюжими руками, однако во всей его фигуре была какая-то гармоничная простота. Весь он при этом излучал силу и энергию. Мы разговаривали по-русски, только Шевченко изредка бросал украинские фразы. Сначала разговор носил общий характер: о Немирове, об университете, о профессорах. Потом мы перешли к разговорам о картинах и живописи как о средстве воспитания в человеке чувства прекрасного. Шевченко в этот период добивался места преподавателя живописи в Киевском университете, ему помогал в этом профессор Иванишев. Разговаривая, мы пили чай. Шевченко, чтобы угостить друзей, принес две «накладные» булки, которые разложил до прихода гостей на книги и бумаги, как на витрине магазина, чувствовалось, что его охватило нетерпение.

— Говори, Микола, говори, о чем хотел сказать,— произнес он.

У Костомарова был озабоченный вид.

— Да, конечно, надо начинать,— настаивал Шевченко.

Костомаров тихо и неохотно начал:

— Так, как есть,— плохо,— сказал он несколько запальчиво. Немцы, французы, англосаксы держатся вместе, а мы, славяне,

каждый ходим своей дорогой, а бывает, что и в одной упряжке с врагом, который взваливает на нас всю тяжесть.

Сказав это, он умолк, будто хотел слышать, что мы на это ответим.

Воцарилась тишина.

— Что ж тут поделаешь? — спросил я осторожно.

— Что поделаешь? — повторил неохотно Костомаров, — делать то, что делают другие, — объединяться.

Тут отозвался Шевченко.

— Говори, — сказал он — по порядку, не крути. Я твою мысль знаю, пусть и другие знают. Хочешь посветить, а каганец прячешь под стол.

Костомаров почесал в затылке.

— Трудно... Дело вот в чем: мы, украинцы, сами не сможем ничего сделать — сил у нас мало. Москва всех к себе тянет. Поляки Москвы боятся и не доверяют ей — с кем же тут делать дело.

— С кем, это мы найдем, но вот как?

— Ты у нас голова — говори. Расскажи, о чем вы с Пантелеймоном говорили?

Костомаров неохотно начал:

— Так вот: прежде всего надо собрать всех образованных славян в одно общество, пусть познакомятся, пусть обсудят сами дела, поговорят, про долю поговорят и недолю, о том, что у всех наболело. Прежде чем начать что-то делать, пусть познакомятся, поймут, что делать, как делать, можно ли что-нибудь сделать всем вместе. И уже после этого можно браться за работу.

Эти слова меня очень удивили. Костомаров нахмурился. Все мы минуту молчали.

— Такое братство — начал Костомаров дальше, — проложит дорогу лучшему будущему — федерации славян. Когда между нами установится согласие, когда все поймут силу единения, когда народ получит образование, только тогда мы сможем стать единой политической силой.

— Собирай в одно славянские головы! Должен же кто-нибудь собрать и пересчитать их, — сказал Шевченко. — Когда капусту из мешка вываливают, она в разные стороны рассыпается, должен же ее кто-нибудь собрать.

— Все должны объединиться под рукой православного царя и веры, — провозгласил Костомаров.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! — отозвался Шевченко. — Ты, Микола, хочешь всех славян в поповский дом собрать.

Это замечание взволновало Костомарова. Наверное, ему тоже казалось, что не стоило в присутствии поляка провозглашать царя главой и вождем славян.

Через минуту Шевченко закончил разговор о братстве славян:

— Тяжелое это будет дело с федерацией!

Мне показалось, что Костомаров был неудовлетворен разговором с нами. Он не мог быть откровенным со мной, я же не мог представить себе федерации славян в условиях, когда с одной стороны ее теснят немцы, а с другой — Москва, и неоткуда ждать помощи.

— Так или не так? — спросил Костомаров.

— Я кивнул головой.

— Вы мечтаете об основании общеславянского научного обще-

ства, но где,— спрашиваю я вас,— и позволит ли правительство? Если общество будет в России, то никто больше не придет, потому что не пустят, а будет за границей — Россия ни вам, ни нам не даст возможности договориться. Один другого боится.

— Наше общество нужно так назвать, чтобы обезопасить себя от любого правительства, например, братство Кирилла и Мефодия,— добавил Костомаров, продумав, очевидно, все заранее.

— Может быть, лучше «научное общество св. Кирилла и Мефодия». Братство — это напоминает церковное общество с четко поставленными целями.

Костомаров замолчал. Вообще, я видел, что он высказывается неохотно.

— Главное в том,— сказал он погодя,— чтобы силу, которая являет собой славянский мир, направить на новый путь — путь единения и работы на благо всех славян. Пусть славяне узнают друг друга, научатся уважать друг друга, пусть созреют духовно,— и час их придет.

Сегодня нас терзают все, кому не лень. Славянские народы стали удобрением для немцев. Немцы куют свою силу и славу на трупах славян.

Лицо его одушевилось, когда он это произносил.

Шевченко стал декламировать:

Отак німота запалила
Велику хату. І сім'ю,
Сім'ю слов'ян роз'єдирила
І нишком, тихо упустила
Усобищ лютую змію.

(Без дати. Скорее всего зимой 1847 г.)

Приходил Духинский. Прибежал вечером, необычайно испуганный. Жил он тогда у Тышкевичей. Кажется, он был их воспитанником. Сам он считал себя немного русином, немного поляком — в зависимости от окружения и обстоятельств. Об этой опеке Тышкевичей над ним разное поговаривали, шутили, будто он только подписывается по-украински — «Духинський».

— Слышал о братстве Кирилла и Мефодия? — спрашивает.

— Что-то доходило.

Мне не хотелось пересказывать наш разговор с Костомаровым и Шевченко.

— Если что-нибудь знаешь, предупреди коллег.

— Почему?

Один из служащих канцелярии губернатора предупредил графа, что правительство напало на след какого-то политического заговора среди украинцев, будто в него входят и польские студенты. Скоро начнется облава.

На это я ему коротко ответил:

— Я ничего не знаю.

Духинский, уходя, выразительно шепнул:

— Достанется нам.

Это известие, признаюсь, очень взволновало меня, так как я знал, что у некоторых студентов слишком длинные языки. Я сам неоднократно предостерегал Т.

Костомарова больше не вижу. Видно, я ему не понравился, обхо-

дит меня. И мне он не нравится. Еще ничего не совершил, а уже хочет всех вернуть в лоно православной церкви и русскому царю. Ради этой его федерации никто не станет отрешиваться от своей национальности и веры. Очень сомневаюсь, что ему удастся создать общество, члены которого во имя просвещения и взаимопонимания — далекой утопии — жаждали бы идти на поводу у кого бы то ни было — и, тем более, у кого? — русского царя и православной церкви.

Среди наших эта мысль тоже не нашла поддержки. П., которому я об этом рассказал, коротко ответил мне:

Не засовывай пальцы между дверью, прищемят.

Яб., который появляется редко и очень популярен среди молодежи, человек уже пожилой, выслушав мои реляции, сказал:

— Я уже слышал об этом, слышал. Я напомнил им слова поговорки, которые и тебе повторю:

«Прежде чем начать бегать — научитесь ходить».

Одним словом, идея Костомарова принята скептически.

— Эти славяне, — сказал Яблоновский, — которые на Западе, — сидят то под немецким кнутом, то под турецким. Так что создание такого всеславянского научного общества будет воспринято как политическая провокация со стороны России, и давление на славян только усилится. Что же касается славянской федерации, то это дело далекого будущего. Прежде чем решать общие вопросы, надо утрясти свои внутренние дела и уладить разногласия.

Шевченко тоже, казалось, не придавал большого значения настроениям Костомарова. Мы часто гуляли над Днепром до Выдубецкого монастыря. Он брал с собой папку с бумагой для рисования, кисти, краски, и мы шли бродить, а если по дороге встречалось что-нибудь, что привлекало его внимание, он садился и рисовал. Чаще всего мы ходили в Выдубечное — так называли этот монастырь. Сюда вели тропинки вдоль Днепра, через овраги и холмы, через кустарник, перед нами все время блестело зеркало днепровской воды.

Украинский поэт относился к полякам очень неровно. Часто нападал на них, но обычно за прошлое. Он хорошо знал положение крепостных и осуждал крепостничество, не раз он говорил:

— Наши паны и подпанки за Днепром — не лучше ляхов. Мучают мужика почище экономов. Но всему свой черед.

Однако он ценил воспитанность поляков, гуманность их чувств, развитость, свободолобие и способность жертвовать всем во имя свободы.

Вы знаете, что потеряли, — говорил он, — и хотите вернуть то, что потеряли, и потому не жалеете ни жизни, ни средств. А нашим панам лишь бы корыто было полно. Сидят, как свиньи в грязи, и за чужой счет брюхо наедают.

К счастью, родное село поэта принадлежало не польскому помещику, и не польский кнут стегал его плечи. Так что его частые всплески негодования против поляков носили чисто искусственный, книжный характер. Живя в удалении от поляков, в сфере русского духа, он ругал их, когда же соприкасался — охотно бывал в их обществе. Ко мне он не раз относился с сердечностью. Вообще же он очень оживлялся, когда мы выбирались за город. Матушка-природа освежала и очищала его мысли.

Недавно мы пережили минуты душевного подъема. Сидели мы с ним на Выдубичах, на круче, нависшей над самым Днепром. Дело шло к вечеру. Надо было возвращаться.

— Посидим еще, — говорит Шевченко, — посмотри!

Вид перед нами был необыкновенный: широкий и далекий простор терялся в синей необозримой мгле. За Днепром, что шумел у наших ног, будто рассказывая свое прошлое, ровно и спокойно, торжественным речитативом, до самой темно-синей линии горизонта тянулась непрерывная масса леса. Была в этой картине какая-то сила, первозданность, мощь.

Мы долго сидели молча. Шевченко начал декламировать, что делал довольно часто, когда был на подъеме:

За думою дума роєм вилітас,
Одна давить серце, друга роздирає,
А третя тихо-тихесенько плаче
У самому серці, може, й бог не бачить.
Кому ж її покажу я?
І хто тую мову
Привітає, угадає
Великеє слово?
Всі оглухли — похилились
В кайданах, байдуже!

— Все пропало! — сказал он с какой-то болезненной отрешенностью. Дрались мы между собой, мордовали друг друга, братец, и домордовались до общей неволи.

Л. С. Мацевич

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ САВИЧ

*(Прикосновенный к делу украинского
Кирилло-Мефодиевского общества 1847 г.)*

(Отрывок)

Мне лично удалось узнать кое-что о жизни Н. И. Савича в Одессе, даже больше: я имел удовольствие видеть этого почтенного старца, разговаривать с ним и даже навестить его в его доме. Расскажу об этом вкратце.

В первый раз я услышал о Савиче в 1885 г. от протоиерея *Михаила Ильича Диевского* (ум. 16 июня 1893 г.), его старинного приятеля. Протоиерей Диевский — уроженец Киевской губернии, магистр Киевской Академии 1851 г. — был добродушнейший и гостеприимнейший человек и щирый украинец.

Хотя я и услышал о Савиче, но еще не имел повода предполагать в нем тождества с бывшим знакомцем Костомарова, Гулака и других киевлян и с участником роковых Кирилло-Мефодиевских раз-

говоров в рождественский праздник 1846 г... Только по прочтении «Автобиографии Костомарова» в «Русской мысли» и особенно после первого свидания с Савичем я стал приходить к этому предположению и поэтому стал, естественно, сильно интересоваться лично-стью Савича, много видевшею и испытывавшею на своем веку... В первый раз я увидел Н. И. Савича случайно 21 марта 1889 г. в одесской публичной библиотеке, в комнате заведывавшего тогда этой библиотекой профес. Влад. Алек. Яковлева, с которым я был хорошо знаком. Савич был уже глубокий старик — среднего роста, плотный, с красноватым, несколько одутловатым лицом и большою окладистою бородою, но еще довольно бодрый и разговорчивый... В разговоре он между прочим упомянул, что он был в Киеве во время ареста Шевченка и что он вез в Париж поэму Шевченка «Кавказ» для передачи Адаму Мицкевичу и передал... Говорил также, что видел Гоголя в Одессе в 1850 г. на обеде у Александра Григорьевича Тройницкого, причем везде были расставлены сочинения Гоголя в разных переплетах — и на столе, и на шкафах — везде *. После этого свидания я пришел к несомненному убеждению, что увидел того самого Савича, о котором Костомаров писал в своей «Автобиографии»...

В. Г. Щурат

ШЕВЧЕНКО О ГАЛИЦИИ 1846 г.

В 1905 году мне довелось дважды, в мае и августе, подолгу бывать на Волыни, выполняя поручения Венгерского правительства, которое решило в годовщину 200-летия со дня восстания Франца II Ракоши воздать должное памяти его сотоварищей, в частности Сим. Форгачу, умершему в 1730 году в Вишневец на Волыни. Заручившись рекомендациями австро-венгерского правительства, мне удалось без труда получить письмо от киевского генерал-губернатора к губернатору Волыни и к обоим епископам Житомира, православному и католическому. Скрупулезно выполняя приказ генерал-губернатора Клейгельса: «Оказывать всевозможное содействие и вообще отнестись к его желаниям с полным вниманием и предупредительностью», все они и их подчиненные содействовали мне во всем. Так что 25 мая по приказу Дм. А. Бутенко были разосланы по городу жандармы, дабы выполнить мое пожелание — созвать в канцелярию всех старейших жителей городка. Самый старый оказался в замке князей Вишневецких, в котором с 1740 года поменялся

* Ал. Тройницкий был тогда редактором «Одесского вестника» и инспектором Института благородных девиц. В 1857 г. он перешел на службу в Петербург, был товарищем министра внутренних дел и членом знаменитых «Редакционных комиссий» по крестьянскому делу; сконч. 12 марта 1871 г. в звании члена Государственного Совета.

целый ряд новых владельцев, пока не стал собственностью Берана и Владимирова. У них и проживал из милости старый, за 80 лет, лакей Федор Кружилка, который предстал передо мной в обществе двух других — Максима Барабаша и Василия Лукашука. От них я узнал, что разыскиваемый мною гражданин Форгач хорошо известен им, так как в его честь была названа одна из комнат замка Вишневецких. На следующий день мне должны были ее показать.

После знакомства с владельцами замка — Бернами, которые подтвердили рассказ слуг, я с Кружилкой и Барабашем пошел осматривать зал Форгача и все закоулки огромного замка. Войдя в старый театральный зал замка, Кружилка внезапно, обращаясь ко мне, спросил:

— А о Шевченко вы слышали?

— Да, а что?

— Он тут был. Несколько дней. Это зал, где он, если не рисовал, то что-нибудь обязательно писал. Его за что-то арестовали потом. Говорили, будто сам царь его боится — его песен.

— Когда это было?

— Уже не помню. Я еще молодой был. Мы с ним и разговаривали не раз. Ведь вы из Австрии. Знаете, здесь возле границы место такое есть — Подкамень. Однажды он мне и говорит: если бы там в Подкамне побывать хоть на часок. Я и подумал, что ему захотелось туда помолиться, и спрашиваю: «А вы знаете, почему это место назвали Подкамень?» И рассказал ему: «Однажды дьявол взял камень и пошел к монастырю, чтобы завалить его, но запел петух и нечистый сгинул». А Шевченко засмеялся и говорит: «Не так это было, Дмитро, это черт должен был там нашего брата камнем завалить и завалил. Вот и назвали Подкамень».

Больше я ничего не мог вытянуть из Кружилки о Шевченко. Не знаю, верно ли он его описывал, однако между этим описанием и тем, что мне уже было известно, я не заметил большой разницы. Он все повторял, что пан был «поцтивый» (уважительный), добрый.

Рассказ Кружилки я записал тогда же в Вишневце, чтобы иметь возможность отчитаться в Будапеште. Позднее, в Бродах, я несколько раз принимался за описание впечатлений от путешествия в Киев, Житомир, Кременец, Вишневец. Однако каждый раз откладывал, так как многие из тех, о ком я собирался говорить, были живы. В связи с этим откладывалась и публикация эпизода из жизни Шевченко, который, как мне казалось, нужно было еще и проверить. До сих пор, однако, мне так и не удалось его проверить, хотя за последние годы я прочитал все, что хоть в какой-то мере касалось Шевченко, так что единственное, что я могу в данном случае сделать — это дать к тому интереснейшему эпизоду комментарии, которые мне кажутся правомерными.

Трудно сказать наверняка, что имел в виду Шевченко, когда говорил там в Галиции — «черт завалил нашего брата камнем». Он мог иметь в виду последствия польского господства и унию. Однако, взвесив все, можно сказать, что к полякам он никогда в жизни не относился враждебно, а с политическими узниками позднее даже дружил (с Желиховским, Залеским, Вернером, Сераковским), следовательно, можно считать, что он был скорее под тяжелым впечатлением от галицкой резни и тех обвинений, которые поляки вы-

двигали против галицких украинцев в связи с их политической позицией в 1846 году.

Вопрос, были ли Шевченко осенью 1846 года в Вишневце (так как на Волыни он был только в этот период) менее важен. И из Каменца, и из Почаева он, наверняка, совершал небольшие экскурсии. От Почаева до Вишневца недалеко. Годом ранее там был Костомаров, разговоры с ним могли натолкнуть Шевченка на то, чтобы при случае он захотел осмотреть Вишневец. Там он мог и рисовать, и писать, однако, скорее всего, стихов он там не писал, так как в «Кобзаре» стихов этого периода нет.

По примеру Костомарова ему могло захотеться взглянуть на поля Берестечка. Когда он в 1848 году оказался в степях Арала, их неприветливость могла пробудить в его душе грустные воспоминания о родных краях, нашедшие отклик в его прекрасной поэзии:

Ой чого ти почорніло,
Зелене поле?

Поле, воронье, которое, кружась, садится на казацкие кости,— все эти картины, наверняка, могли быть навеяны в его поэзии непосредственными впечатлениями. Еще Костомарова очень взволновал тот факт, что под Берестечком, на окраине села Лыбачовка, можно увидеть на полях много валяющихся костей, о которых народ говорит, что их «земля не принимает». (*З. Недоборовский. Мои воспоминания // Киевская старина.— 1896.— февр.*). Настроение безнадежности, выраженное в конце словами:

Я знов буду зеленіти,
А ви вже ніколи
Не вернетесь на волю,
Будете орати
Та, орючи, у кайданах,
Долю проклинати —

передавало глубокое чувство безнадежности поэта, оказавшегося в неволе, которому во время экспедиции на Арал довелось вкусить свободы, чуть более дозволенной, чтобы еще сильнее ощутить, что настоящая свобода для него утрачена.

Н. М. Белозерский

 ТАРАС ГРИГОРЬЕВИЧ ШЕВЧЕНКО
ПО ВОСПОМИНАНИЯМ РАЗНЫХ ЛИЦ

(1831—1861 гг.)

Я лично не знал Шевченка и в первый раз узнал о нем весной памятного 1847 года; в то время я находился в Петербурге, в учебном заведении, и на праздник был отпущен к брату, служившему

в Петербурге. От брата я узнал, что сестра моя, в Борзенском уезде (Чернигов. губ.), вышла замуж за малороссийского писателя Кулиша, что на свадьбе был малороссийский поэт Шевченко в «боярах» и в числе прочих подписался на письме к моему брату. Я видел это письмо и помню подпись крупными буквами: «боярин Т. Шевченко». Вскоре затем я познакомился с стихами Шевченка; первые, слышанные мною, были следующие, из «Тарасовой ночи»:

На розпутті кобзар сидить
Та на кобзі грає;
Кругом хлопці та дівчата,
Як мак процвітає...

Затем слышал некоторые стихи из «Послания до земляків». Стихи Шевченка произвели на меня очень сильное впечатление; они глубоко запали тогда в мою еще детскую душу.

Года через три после моего первого знакомства с произведениями Шевченка судьба привела меня на родину, в родительский дом. На родине я много наслышался о Шевченке, который в начале 1847 года бывал у моей матери и у многих родных в Борзенщине; все, видевшие его, о нем хорошо помнили.

Я очень жалею, что тогда не записывал рассказов о Шевченке; да и до последнего времени я ничего не записывал о нем. Думалось, что так как очень многие знали его лично, пользовались его дружбою или знакомством и находились с ним в более или менее частых сношениях, то они, эти многие, и припомнят *многое* о Шевченке, напишут и передадут в печать. Но, к сожалению, вышло не так... Итог очень скромный, слишком невеликий для такого великого человека, как Т. Г. Шевченко: всего нашлось десять лиц, напечатавших свои личные воспоминания о нем! Печально...

Теперь приступлю к изложению всего, что мне случалось слышать от разных лиц, лично знавших Шевченка.

О ШЕВЧЕНКЕ В ВАРШАВЕ

Шевченко в сороковых годах рассказывал малорусскому поэту тридцатых и сороковых годов Виктору Николаевичу Забеле (жившему в хуторе около Борзны, ум. в 1869 г.), что когда его как крепостного дворового вели зимою по этапу из Варшавы в Петербург, то у него порвался один сапог, так что отпадала подошва, и Шевченко, чтоб не отморозить ноги, вынужден был переменить сапоги, надевая на время целый сапог на мерзнувшую в драном сапоге ногу; эти остановки надоели этапным солдатам, и один из них ударил Шевченка по шее. Это может относиться к 1831 году, когда Шевченко находился в Варшаве и был удален в числе прочих русских по распоряжению польского революционного правительства.

О ШЕВЧЕНКЕ В КИЕВЕ

Вас. Вас. Тарновский-отец (ум. в 1865 г.) рассказывал мне, что у него в сороковых годах в Киеве бывали литературные вечера, которые посещали Н. И. Костомаров, Василий Михайлович Белозерский и другие друзья и знакомые Тарновского и в числе их и Шевченко. Однажды пришел он и прочитал только что написанное им

известное «Послание до земляків». Общее содержание этого произведения и в особенности те места, где говорится о козацких гетманах, которых Шевченко первый понял и выставил в их истинном виде, произвело на всех присутствующих потрясающее впечатление: с этого момента поклонение ясновельможным и представление их героями-рыцарями рушилось... Слово Шевченка низвело их с пьедесталов и поставило на надлежащие места.

Алексей Флоров. Сенчило-Стефанович, бывший иконописным живописцем и учителем рисования в Киево-Подольском училище в 1840—60-х годах (родом из Нежина), был большим приятелем Шевченка. О пребывании Шевченка в Киеве (в 1845—6 г.) он сообщил мне следующее: 1) Шевченко любил с ним кататься по Днепру в лодке, и тогда они распевали одну из любимейших песен Шевченка:

Та по тім боці, та на толоці
Цвіте горошина,
А в дівчини та чорнії брови,
Як у волошина.

2) Они участвовали в учено-археологической экскурсии и разрывали могилу Перепетиху. У Сенчило был рисунок масляными красками, представлявший эту могилу в разрезе, ныне принадлежащий В. Б. Антоновичу. Не эти ли раскопки навели Шевченка на мысль написать несколько стихотворений о могилах?

Сенчило вел переписку с Шевченко, и у него было до двадцати писем от Шевченка (недавно утерянных); письма были юмористические; в одном Шевченко писал: «Коли б вас у Петербург виписать, дак там вас зробили б товкачем або підтовкачем».

О ПРЕБЫВАНИИ ШЕВЧЕНКА В БОРЗЕНСКОМ УЕЗДЕ, ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБ.

В Борзенском уезде он гостил в Качановке у Григ. Степ. Тарновского, у которого собирались литераторы, художники: кроме Шевченка, Забела, Глинка; он также бывал у В. Н. Забелы (в окрестностях Борзны), а в январе 1847 г., приглашенный П. А. Кулишом и Вас. М. Белозерским в качестве шафера Кулиша, остановился у В. Н. Забелы, а по временам проживал у Н. Д. Белозерского и Ел. Ник. Белозерской в хут. Николаеве под Борзною и гостил в семье Сребдольских в хуторе Сороке под Борзною, в хут. Мотроновке, тоже под Борзною, а в Борзне бывал у Надежды Николаевны Забелиной и стряпчего Д. М. Щербины. Гостивши у борзенцев, он услаждал их слух своим очаровывающим пением и забавлял юмористическими анекдотами. В это время он снял несколько портретов в небольшом виде карандашом: с В. Н. Забелы, с Ю. Г. Сребдольской — два, с мальчика К. И. Белозерского. Все три портрета сохранились. 22 янв. 1847 г. в Вознесенской церкви села Оленовки он держал венец во время венчания П. А. Кулиша с одною из своих сестер, был в «боярах». Когда «молодые» приехали от венца в хут. Мотроновку, то Шевченко, подходя с поздравлением к невесте, в подражание одной колядке воскликнул: «Чи ти царівна, чи королівна?» На что жених, отшучиваясь, отвечал ему народною поговоркою: «На чужий коровай очей не поривай да собі дбай!»

Шевченко очень дорожил тою «квіткою», которую «молода» пришилила ему к сюртуку. У брата моего в Петербурге несколько лет хранилось письмо к брату, в котором в числе подписей разных лиц, бывших на свадьбе, была и подпись «боярина Т. Шевченка». По-видимому, Шевченко в Борзенщине гостил долго, и 28 янв., с его слов, в Мотроновке были записаны три из числа любимейших его песен.

Мою мать (ум. 1857 г.) в особенности очаровывал Шевченко своим пением: ходит, бывало, по зале, заложивши руки назад, опустивши вниз думную голову, шея завязана шарфом, выражение лица грустное, голос тихий и тонкий; мать, бывало, плачет от его песен. Вот его любимейшие тогда песни:

1) *Ой зійди, зійди, ти зиронько та вечірняя!*

2) *У Києві на ринку п'ють чумаки горілку...*

3) *Ой горе, горе, який я вдався, брів через річеньку та й не вми-
вався...*

4) *Де ж ти, доню, барилася, барилася? — На мельника дивила-
ся, дивилася.*

Этим песням он научал и моих сестер, и мать, бывало, сердится на него за последнюю, считая ее неприличною.

Н. А. Власенко припоминает, какое сильное впечатление Шевченко производил на слушателей своим пением; Шевченко гостил у Сребдольских и в будуаре одной из девиц Сребдольских в присутствии Н. Д. Белозерского, человека очень сурового, запел: и этот невозмутимый старик заплакал... О пении Шевченка вспоминает М. А. Максимович (Собр. сочин., 1, стр. 529) и В. П. Маслов («Биографич. очерк», стр. 54 и 49).

К числу любимейших песен Шевченка принадлежала и про Морозенка.

Из стихотворений Шевченка, положенных на голос, любимейшими в Борзенском уезде в 1850—60-х годах были следующие:

1) Нащо мені чорні брови,

Нащо карі очі;

2) Тяжко-важко в світі жити

Сироті без роду.

Есть юмористическое послание «До Тараса» в стихотворной форме В. Н. Забелы, в котором тот упрекает Шевченка в том, что он, обещавши приехать к Забеле погостить, не исполнил своего обещания. Оно находится у И. И. Белозерского.

В 1847 г. на расставании с Забелою Шевченко подарил ему свой картуз и какой-то растительный порошок зеленоватого цвета для приготовления «лікарственої» настойки. Как картуз, так и настойку с осадком от порошка на дне полуштофа Забела хранил у себя до своей кончины (1869 г.).

У того же Забелы хранились (в 1861 г.): мужская сорочка, пошитая сестрою Шевченка Ориною из конопель, ею возделанных и пряденных, а также письмо от Варфоломея Шевченка к Тарасу. Этот Варфоломей посещал Забелу в Борзне в 1860-х годах.

ШЕВЧЕНКО В СЕДНЕВЕ И ЕГО АРЕСТ

По словам покойного Анд. Ив. Лизогуба (в 1856 г.), Шевченко часто проживал у него и брата его Ильи Ивановича; помещался в особом флигеле, который называл «малярнею»: это, кажется, и была известная «кам'яниця» с намалеванным запорожцем на дверях. Там Шевченко «малював», а по ночам кутил с лизогубовскою прислугою. К обеду редко выходил.

Когда Шевченко последний раз выезжал из Седнева (весною 1847 г.), то Андр. Ив. Лизогуб умолял его не брать с собою бумаг, а оставить у него. Шевченко ни за что не хотел расстаться с портфелем. Вскоре полиция разыскивала Шевченка в Седневе у Лизогубов и в с. Бегаче (Городищенского уезда, в 4-х верстах от Седнева) у кн. Кейкуатова, где Шевченко часто гостил у старика-князя.

Бывши в Седневе у Лизогубов в 1856 г., я видел на стене дома их очаровательной виллы несколько картин работы Шевченка. Андрей Иванович показывал мне, помнится, пять собственноручных писем к нему от Шевченка, писанных в 1847 и 1848 г.; на одном едва был заметен счищенный резинкою рисунок карандашом. На нем Тарас в солдатском мундире, и его унтер-офицер колотит тесаком, а внизу надпись: «Отак тобі!» Рисунок и надпись были стерты, по всему вероятно, начальством Шевченка, так как письма его проходили через их цензуру.

Об арестовании Шевченка я слышал следующие рассказы в Чернигове (1851 г.), Киеве (1856 г.) и Борзне (1881 г.): когда на пароме под Киевом заметили присутствие полиции, наблюдавшей за Шевченком, то будто артиллерийский офицер С-а предлагал Шевченко столкнуть его чемодан в Днепр, но Шевченко отверг это предложение: «Не треба, нехай забирають». Затем Шевченко и С. были арестованы. В Борзне же я недавно слышал, будто Шевченко сбросил свой чемодан в Днепр.

Один жандармский офицер, поручик Тельнов, сидевший весною 1847 г. в III отделении под арестом, сообщил мне (весною 1851 г.), что он там видел стоявшего у окна Шевченко; Тарас был одет в белый костюм, стоял грустный и чуть напевал какую-то грустную украинскую песню.

Во время пребывания в Академии художеств Шевченко бывал в доме у известного ветерана-инвалида Скобелева, бывшего в то время командиром Петропавловской цитадели, и дарил старику картины своей работы. Когда Шевченка арестовали, то старик с сожалением вспоминал о нем и называл его «неблагодарным».

ШЕВЧЕНКО В ССЫЛКЕ

Из ссылки он писал письма к В. Н. Забеле. Эти письма были сохраняемы Забелою, но едва ли Забела отвечал на них Шевченку. Тогда по поводу катастрофы 1847 г. и обысков все в провинции находилось под таким страхом и трепетом, что и помышлять не смели о переписке с Шевченком. Тогда-то погибла масса писем, книг с надписями, рукописей и драгоценного исторического и этнографического материала, сожженного или закопанного в землю.

В 1852 г. в Чернигове носились слухи о смерти Шевченка. Ме-

стные поэты написали несколько плохих стихотворений, посвященных его памяти. Тетради с его стихотворениями ходили по рукам между гимназистами и особенно между панночками: большею частью это были стихи, переписанные из печатного.

ШЕВЧЕНКО НА СВОБОДЕ — В ПЕТЕРБУРГЕ

23 января 1859 г. Шевченко познакомился с М. А. Маркович. Шевченко от автора «Народних оповідань» был в неопisanном восторге. 24 января он повидался с А. М. Кулиш, у которой ровно 12 лет назад был в «боярах»: восторг был большой; Шевченко заплакал при свидании. Затем пел, но мало. От «золота» (жена М. А. Максимовича) был в восторге: «Коли б така у мене була жінка — повінчався б да й умер». Земляки из Борзенщины прислали Шевченку сала и наливки. Около половины марта 1859 г. Кочубей заказал Шевченку написать четыре картины масляными красками, за что назначил 4 т. руб. сереб. Помню два сюжета для этих картин: один — «*Як русалки місяць ловлять*», а другой про Сомка Мушкета:

А Сомко Мушкет на конику та й не виграє,
Коня здержує, до себе притягує...
Думає-гадає...
Ой щоб сто чортів убили ту його думу та гадання...

Живя в Петербурге, Шевченко любил посещать трактир около биржи, в котором собирались матросы с иностранных кораблей — голландцы, англичане и другие — и в который поэтому очень редко заглядывала полиция. Всегда тихий и кроткий, Шевченко, подпивши, приходил в страшно возбужденное состояние, бранил все, и старое и новое, и со всего размаху колотил кулаком по столу. Очевидцы сообщали мне, что подобные «сцены делал» в Венеции великий зоолог Брем.

Однажды встретили в Петербурге подгулявшего Шевченка, шедшего с таким же Якушкиным под руку; они взаимно поддерживали друг друга. Шевченко, обращаясь к встретившемуся с ними знакомому и усмехаясь, сказал: «Поддержание народности».

ШЕВЧЕНКО В КИЕВЕ

Тарновский рассказывал, что, бывши в 1859 г. летом в Киеве, Шевченко останавливался у Сенчицы на Подоле. Приходит студент и застаёт Шевченка, пожирающего редьку; студент стремится облобызать Тараса; Шевченко, усмехаясь, отклоняется: «Бачите, ділом занят». Он был одет в парусинное пальто и такие ж панталоны, шляпу имел белую пуховую и сильно поношенные сапоги.

СМЕРТЬ ШЕВЧЕНКА, ПЕРЕВОЗ ТЕЛА И ПОГРЕБЕНИЕ В КАНЕВЕ

Когда в Петербурге при выносе тела Шевченка из церкви хотели поставить гроб на дроги, то молодежь не допустила — понесли на руках, сменяясь. Народу тысячи полторы было — не черного, не лю-

бонытных зрителей, а людей интеллигентных, уважавших в Шевченке поэта и человека. Многие навзрыд рыдали; за одного юношу просто боялись... Дамы свежими цветами забросали, студенты принесли лавровый венок... Сколько речей было сказано!.. А какое у него прекрасное светлое выражение лица было. Все хотелось сказать: «Оглянься, голубе ти наш, да встань! Годі уже нас морочить, томить! Ти жив, не вмер ще!...» Первоначально было предположено поручить провозжание тела в Канев художнику Мокрицкому да А. М. Лазаревскому. День для отправки был назначен 26 апреля, а 27 апреля в память Шевченка предположено было дать в Петербурге концерт, а сбор употребить на содержание бедного студента. (Из современного письма от очевидца).

Покойный Мих. Матв. Лазаревский сообщил мне, что когда разрыли могилу Шевченка в Петербурге для перевозки тела в Украину, то вскрывали и гроб: тело в течение двух месяцев нисколько не изменилось, но покрылось плесенью. В Москве гроб Шевченка стоял за городом на дворе какого-то столяра, среди куч стружек; стечение публики было значительное.

В Орле гроб встречали ученики гимназии; полковой хор играл похоронный марш, скомпонованный капельмейстером из песни: «Не ходи, Грицю, на вечорниці». Тело было с торжеством проведено за город.

В Борзенщине Шевченко был очень хорошо известен даже между мало-мальски образованными людьми как поэт, певец и рисовальщик; но среди просветителей детей оказался служитель министерства *народного просвещения*, который даже не слыхивал имени Шевченка. Когда в мае 1861 года в Борзне готовились к торжественной встрече тела Шевченка, В. Н. Забела особенно суетился; на улице к нему подошел старик-учитель уездного училища С-кій * и обратился к Забеле с следующими расспросами: «Дак кого се везимуть у свиньцьовому гробі?» — «Шевченка», — отвечал Забела. «Хто він такий?» — «Коваль». — «Дак за що його везимуть так далеко?» — «За те, що добре ковав». Учитель и рот разинул от удивления: «А-а!...»

В Борзне на ночь гроб был поставлен на «цвинтарі» Рождественской церкви.

В с. Оленовке Борзенского уезда была панихида, которую отправляли два священника обеих оленовских церквей; за гробом дівчина несла «канун». Гроб сопровождали: художник Гр. Н. Честаховский и А. М. Лазаревский. Первый заносил в свой альбом картины провод тела Шевченка, сцену на цвинтарі оленовской церкви, несение за гробом «кануну» и проч. Гроб провозжали далеко за село. В одном лесном хуторке был обед для народа; в числе бывших на обеде находились лица из бывшей комнатной прислуги Белозерских, хорошо помнившие Шевченка, гостившего в 1847 г. в х. Мотроновке.

В Нежине встреча была особенно торжественная: на встречу вышли все цеховые со значками, лицеисты и гимназисты.

В Киеве встреча была на шоссе на мосту; лошадей выпрягли, и гроб повезла публика. В это время через мост переезжал черниговский архиерей, известный писатель Филарет Гумилевский; выйдя из экипажа, он благословил прах Шевченка. По прибытии в город

* О нем вспоминается в «Незабудках» Кулиша.

гроб поставили в Рождественской церкви на Подоле; на него была положена масса венков; но вот вошла дама в трауре и положила терновый венок:

венец терновой,
увитый лаврами, надела на него.

Это произвело сенсацию; полиция убрала этот венок. Из Киева до Канева гроб везли на пароходе.

Могилу над гробом Шевченка вбсыпали в несколько дней; работали 17 человек и в числе их В. Н. Забела. С этой картины была снята фотография. Забела поминал Шевченка тою настойкою, порошок для которой дал ему Шевченко в 1840-х годах.

Впоследствии народ ходил на могилу Шевченка для исцеления от лихорадок и других болезней. Киево-подольские базарные торговки, «сідухи», на рынке около Братства, хорошо помнившие Шевченка с 1840-х годов, рассказывали, что люди видели Шевченка после его погребения, ездившего по Подолу «на білім коні». Некоторые польские паны и «недоляшки» распустили слух, что в могиле Шевченка были закопаны ножи для истребления панов-ляхов; вследствие их настояний будто бы была поставлена у Тарасовой могилы стража!

О ПОРТРЕТАХ И РИСУНКАХ ШЕВЧЕНКА И ПРОЧ.

На одном экземпляре «Украины» Кулиша (1843 г.) рукою Кулиша начерчен портрет спящего Шевченка; по словам Кулиша, портрет был непохожий. Я видел его в 1850 году на экземпляре книги библиотеки Кулиша.

У Кулиша был тогда же в копии небольшой рисунок Шевченка — «Гайдамака Галайда з свяченим над Дніпром».

У И. И. Белозерского находится собственноручный портрет Шевченка тушью или сепией, замечательный тем, что изображает Тараса у бороді!

Слышал, что стихотворение Шевченка «Вип'єш чарку — стрепенешся» было написано им в шинку углем на стене.

Н. Д. Шигарин

ВОСПОМИНАНИЯ КИЕВЛЯН О ШЕВЧЕНКЕ И ЕГО ВРЕМЕНИ

Шевченко был в Киеве два раза: в середине 40-х годов и в конце пятидесятых. И в первый, и во второй раз тут он пробыл довольно продолжительно, и многие знали его лично, другие видели только его, но воспоминания об этом событии совершенно

ясно сохранилось в их памяти. Я не без основания возвел на высокую степень события давнюю, а не раз и моментальную только встречу природного киевлянина с родным и близким сердцу его Тарасом. В глазах малороссов не так давно находившийся еще среди нас батько Тарас нынче стал уже чем-то великим, неземным, как бы освященным — источником любви, добра, света, и если кто видел Шевченко, говорил с ним, то это озарило его надолго лучезарным лучом, и этот свет и ныне еще в глазах малороссов как бы отражается на счастливец и окружает его ореолом...

Образованный, а равно и еле-еле грамотный малоросс ровно знает и благоговеет пред батьком Шевченко. Заговорите-ка с порядочным малороссом, разумеется, когда он на досуге, а при том и в духе, об его Тарасе и вы неминуемо услышите дрожание голоса, увидите особенный блеск в глазах, а не раз — слезы. Это возбужденное душевное состояние наводит на разные думы и навеивает поэтические мечты, которые часто выражаются в определенных, сильных, ярких, а иногда и не лишенных грации формах. Мне не раз доводилось призадуматься над этой трогательной особенностью наших южных собратьев...

Отец одного из моих знакомых Г-а был в дружеских отношениях с покойным Шевченко, а сам Г., хотя был тогда, как знал Шевченка, четырнадцатилетним мальчиком, но не раз говорил с ним и хорошо помнит как его самого, так многое, к нему относящееся. Это происходило в Киеве в 1844 и в 45 годах. По словам Г-и, Шевченко был учителем рисовальной школы в Киеве, об чем, однако ж, не вспоминает никто из писавших свои воспоминания о Шевченко. Отец Г. состоял в те времена бессменным дежурным полицейским чиновником при бывшем тогда Киевском генерал-губернаторе Дмитрие Гавриловиче Бибикове. Главными поводами, послужившими сближению между Шевченко и Г., было то, что последний очень любил Малороссию, знал много народных песен и хорошо пел их...

Иногда Шевченко уезжал из Киева за Днепр в Полтавскую губернию, и эти поездки свидетельствуют об том, что уже и в эти времена Шевченко пользовался у своих родичей повсеместною популярностью и глубоким сочувствием.

Я тоже жил в это время в Киеве и хорошо помню, что стихи Шевченко читались в многих кружках, в особенности кровными малороссами и студентами разных национальностей, с особенным увлечением. Некоторые тогда учились малорусскому языку советвенно только для того, чтобы в состоянии быть читать и понимать Шевченку. Кроме напечатанной книжки, ходили по рукам рукописные тетрадки, которые списывались почитателями Шевченко наперерыв друг перед другом. Я и сам провел не один вечер над перепискою стихов для себя и для своих знакомых, которым высылал тетрадки в провинцию. Помню, как арестованы были Шевченко, Костомаров и некоторые другие, как об этом говорили постоянно и везде, но шепотом, и как после одного вечера у товарища, где проговорили всю ночь об интересной и таинственной истории ареста и поводах к нему, я попал в пренеприятную историю, и меня, раба божьего, на следующее утро потащили к тогдашнему киевскому генерал-губернатору, суровому Дмитрию Гавриловичу Бибикову, в канцелярии которого я числился. Дело было так: зна-

менитый тогда во всем юго-западном крае Писарев управлял канцелярией генерал-губернатора и правил самовластно целым краем. Не то что местные помещики-поляки, разные заседатели, пристава и исправники, но даже советники, прокуроры и председатели палат трепетали перед ним. Дамы генеральского ранга, хлопоча о поступлении своих дочерей в институт, ожидали в приемной по несколько часов выхода, а потом стояли перед грозным правителем навывтяжку. К вице-губернаторам и к самим губернаторам Писарев относился тоже очень свысока. Я очень хорошо помню, как когда назначен был вольным губернатором князь Васильчиков, то Писарев, опасаясь его как сына бывшего председателя государственного совета, а следовательно, лица, близко известного государю, распорядился по канцелярии о смягчении тона бумаг к нему, т. к. прочим губернаторам писалось в форме предписаний. В канцелярии генерал-губернатора числились тогда, хотя ничего и не делали, сыновья многих достаточных помещиков-малороссов, поляков, русских, это было в моде, а в числе их также и я. Всем служащим следовало дежурить по канцелярии, но Писарев разрешил барчукам нанимать вместо себя находившихся по аудиторской части военных писарей; те, которые были побогаче, пользовались этим дозволением, и я тоже платил, кажется, по три рубля за сутки моего дежурства одному из писарей, фамилии которого не помню. На следующее утро после упоминаемого мною вечера, который приходился в день моего дежурства, не заходя к себе на дом, полусонный, неумытый, растрепанный захожу в канцелярию и узнаю, что ночью была эстафета, но так как мой писарь был пьян, то почтальон отнес пакет в дом генерал-губернатора и объяснил там, что дежурный по канцелярии и лыка не вяжет. Дошло это до Бибикова, и он потребовал дежурного к себе. Так как по списку дежурным числился я, следовательно, мне и следовало отправиться для объяснений. Пред Бибиковым мы все трепетали, и я хорошо знал, что с ним не разговоришься, а потому кинулся к Писареву, чтобы попросить объяснить его, что я не виноват. Но, на мою беду, лишь только я вошел в кабинет, из кармана моего вылетела небольшая истрепанная тетрадка и покати-лась к ногам Писарева.

— Что это у вас?

— Ничего... тетрадка...— сконфуженно ответил я и кинулся подобрать контрабанду, но по неловкости выронил ее из рук, и, уж сам не знаю как, она сделала рикошет и очутилась на столе пред самым носом Писарева. И тут я еще надеялся спастись и протянул руку за тетрадкой, черт дернул Писарева, и он стал глядеть: увы! это были стихи Шевченка, того Шевченка, имени которого в то время никто не смел в Киеве произнести без трепета.

— Отправляйтесь к генерал-губернатору,— отрывисто и зловещим тоном приказал мне грозный правитель, и я не посмел уже даже подумать об том, чтобы просить о заступничестве.

Однако ж к генерал-губернатору нельзя было явиться в куцем пиджаке, в котором я был одет, и мне дал вицмундир один из моих товарищей*.

* Ныне действительный статский советник И. М. Б-в, который и теперь живет в Киеве в собственном доме. Еще недавно мы вспоминали с ним старые времена и мою историю, с Бибиковым.

На беду, товарищ мой был повыше и гораздо плотнее, и я выглядел, как корова в седле, в его вицмундире. Представьте себе мальчишку лет семнадцати, бледного, худого, каким я был, взъерошенного, с скудыченными волосами, в грязноватом белье, а вдобавок — мешковатой, хвостатой хламиде с медными пуговицами, и вы будете иметь понятие о том, в каком виде я предстал пред грозные очи разгневанного начальника.

— Так вот что! Пьянствовать! Беспутствовать! Либеральничать! Мальчишка! Дрянь! — сурово встретил меня Дмитрий Гаврилович.

— Ваше высокопре...— заикаясь, хотел было я оправдаться.

— Молчать! Без оправданий! — перебил меня грозный голос, и опять посыпался град упреков и брани.

— Ваше высокопрево...— в отчаянии опять было попытался я, но опять раздалось повелительное «Молчать!», и я, конечно, умолк.

— В солдаты! — решил наконец Дмитрий Гаврилович.

Только благодаря ходатайству Всеволода Гавриловича Политковского, который был товарищем по службе моего отца, — оба служили в артиллерии еще при Александре I, — а в сороковых годах состоял при Д. Г. Бибикове и был у него в большой милости, меня помиловали, а только велели уволиться из канцелярии генерал-губернатора.

Какою известностью и сочувствием еще в 40-х годах пользовался Шевченко в Малороссии, можно видеть из следующего рассказа г. Г-ы. Во время одной из своих поездок в Полтавскую губернию по пути Шевченко заехал к одному помещику. Обрадованный хозяин дома угостил прежде на славу своего гостя, а потом предложил вместе с ним поехать к соседу. Тут съехалось много окрестных помещиков, попиروвали и отправились еще к одному соседу. По дороге общество еще прибавилось, и стали целой большой компанией ездить из дома в дом. Возили с собой кобзарей, музыку, и пошли непрерывные угощения, попойки, балы... В одном доме случилась презабавная история. Хозяйка, богатая помещица, была восьмидесятилетней старухой, а по обычаю при открытии бала ей как хозяйке следовало первой проплясать с самым именитым гостем, конечно с Шевченко. Старушка, конечно, отказывалась, оправдываясь своими летами, но Шевченко, увидев в этом барскую спесь, вломался в амбицию и потребовал во что бы то ни стало, чтобы старая пани проплясала козачка. Напрасно просила сама старушка, напрасно родные ее убеждали, что бабусяньке не то что плясать, но двинуться трудно, а подкутивший Шевченко и знать ничего не хотел и грозил, что совсем оставит веселую компанию и тем расстроит ее, ежели старая будет продолжать чваниться и не пойдет в присюды. Долго просили его, умоляли и наконец он пошел на сделку и согласился на уступку: решено было, что он пустится трепака, а старуха визави его в кресле, но, однако ж, позируя, будет притопывать под такт ножкой. И притопывала бедная старушенция, чем Шевченко остался вполне удовлетворенным. Известное стихотворение «Тополя», как мне сообщали, написано следующим образом. Как-то Шевченко узнал, что в Киеве на Подоле возле известного всему городу фонтана «Лев», появились вновь прибывшие в город диды и поют какую-то

еще незнакомую песню. Шевченко поспешил к «Льву» и, прослушав песню дидов, тут же написал свою «Тополу», а потом отправился вместе с нищими в ближайший шинок, где и угощал столь близких сердцу его кобзарей до позднего вечера.

В. Ф. Демич

ТАРАС ГРИГОРЬЕВИЧ ШЕВЧЕНКО.
К ЕГО БИОГРАФИИ. 1847 г.

Пока не существует полной, обстоятельной, шаг за шагом прослеженной биографии Шевченко, всякое сообщение об нем имеет значение как подготовительный материал для будущего биографа, который пожелает заняться изучением жизни знаменитого украинского поэта с возможною тщательностью и всесторонностью. Вот почему я решаюсь в предлагаемой заметке сообщить много раз слышанные рассказы моего покойного дяди, землемера Д. П. Демича *, о его знакомстве с Т. Г. Шевченко.

Дядя мой, уроженец Черниговской губернии, принадлежал к числу искренних поклонников малорусского поэта и сохранил о нем до самой смерти живое, приятное воспоминание. Знакомство дяди с Шевченко относится к началу 1847 года, незадолго до ареста поэта. В это время дядя, едва перешагнувший двадцатилетний возраст, в качестве частного землемера занимался съемкою земель помещика князя Н. Кекуатова в селе Бегаче, Черниговского уезда, и проживал во флигеле, в котором помещались служащие при княжеской «экономии», в числе которых временно находился также «художник» Т. Г. Шевченко, приглашенный рисовать портрет молодой красавицы княгини. Дядя не помнил, когда именно приехал Шевченко в с. Бегач и как долго он там оставался. Фактически верно лишь то, что в конце марта 1847 г. поэт еще был в Бегаче; дядя до могилы хранил как святыню полученный от кн. Кекуатова «аттестат» от 26 марта 1847 г., на котором вслед за подписью князя следует: «Что действительно на сем аттестате подписью собственноручная помещика князя Кекуатова, в том свидетельствуем: Художник *Т. Шевченко*. Вольнопрактикующий медик Федор Рагоза».

С другой стороны, известно, что Шевченко 1 февраля 1847 г. писал Костомарову из Борзны (Черниг. губ.). Письмо это, не дошедшее по назначению, появилось в 1875 г. на страницах «Русской старины» (кн. 5) с примечанием Костомарова, что оно было написано за два месяца до катастрофы, т. е. ареста и ссылки поэта. М. К. Чалый, совершенно не упоминающий о пребывании Шевченко в с. Бегаче, приводит сообщение Костомарова, что он был арестован 31 марта 1847 г., а «через несколько дней» был задержан Шевченко на днепровском пароме при возвращении из Чернигова

* Скончался 67 лет от роду, в 1891 году.

в Киев *. Из приведенных указаний следует, что Шевченко мог проживать у князя Кекуатова приблизительно в двухмесячный период времени — с первых чисел февраля до начала апреля 1847 года.

Несмотря на такой короткий срок, поэт успел приобрести расположение к себе всего дворового и служилого люда. Одет он был, по словам дяди, плохо, можно сказать, небрежно; скудные пожитки его помещались в маленьком ветхом чемоданчике; но зато этот удивительный человек обладал другими богатствами — умом и сильною любовью к труждаемому народу. Каждый вечер, после дневных работ, вокруг поэта собирались все служащие княжеской «экономии». Шевченко что-нибудь читал или рассказывал, и притом так интересно, что все слушали с большим вниманием. Иногда рассказы поэта, всегда с виду серьезного, отличались таким живым юмором, что слушатели, старые и молодые, «животы рвали со смеху, а сам Шевченко, бывало, бровью не моргну». Приветливый и словоохотливый с простыми тружениками, Тарас Григорьевич заметно не любил оставаться долго среди «господ» и избегал княжеских хором, хотя его туда часто приглашали, тем более, что к князю приезжали соседние помещики с желанием посмотреть, как на диковинку, на знаменитого в то время Кобзаря. Кроме «аттестата» с автографом поэта, у дяди имелась небольшая двухсторонняя иконка, нарисованная Шевченко «с удивительною быстротою»: с одной стороны на металлической дощечке нарисован спаситель, благословляющий хлеб, с другой — патрон дяди Димитрий. До какой степени дядя дорожил этою иконкою, видно из того, что ею старик благословил на смертном одре свою единственную дочь...

Одно казалось мне неточным в рассказах дяди: старик настойчиво утверждал, будто бы Шевченко арестовали в с. Бегаче во время одной из описанных выше бесед поэта с дворовыми: в многолюдную комнату вошли жандармы и спросили: «Кто здесь Шевченко?» Тот взглянул на них, пробормотал: «Эге, понимаю!» — и спокойно вышел из комнаты. Мы говорили раньше, что, по свидетельству Костомарова, Шевченко был арестован в начале апреля 1847 года на днепровском берегу при возвращении поэта из Чернигова в Киев, о чем сам поэт впоследствии так писал одному приятелю: «Тільки що ступив на дніпровський байдак, то зо мною таке трапилось... Мене риштовали та, посадивши з ким слід на возок, привезли аж у самий Петербург» (Чалый, стр. 62). Итак, рассказ дяди об аресте поэта не согласуется с другими данными. Во всяком случае, нет сомнения, что импровизованная аудитория в с. Бегаче представляет нам последних знакомых и почитателей Шевченко в Черниговской губернии непосредственно перед арестом и ссылкой его. С одним из бегачских приятелей (фамилии не помню) поэт переписывался из Оренбурга. Дядя сам видел письмо Шевченко из ссылки, в начале которого находилась такая картинка: пером был набросан портрет поэта, в «солдацькій муніції», с ружьем на плече и с поднятою для маршировки ногою. Под картинкою краткая, но выразительная подпись:

«Ось як тепер Шевченко!»

Вот главнейшие черты воспоминаний моего дяди о Тарасе Григорьевиче Шевченко.

* Жизнь и произведения Т. Шевченко.— Киев, 1882.— С. 62.

ВОСПОМИНАНИЯ

(Отрывок)

На другое утро мать моя, увидев мои глаза и лицо распухшими от слез, подозвала меня к себе, приласкала и объявила, что по совету добрейшего папеньки мы поедем в Петербург с Татьяной Петровной, так как было бы непростительно бросить ее в таком тяжком горе и отпустить одинокою в такой дальний путь; притом же мы не только поможем ей поскорее узнать о судьбе ее сына, но и сами не будем томиться неизвестностью.

Мы отправились к Татьяне Петровне с таким предложением. Она приняла его охотно, тем более, что жандармы и полиция приезжали к ней, сняли печати с дверей кабинета и увезли *все* бумаги и библиотеку Николая Ивановича.

Мой вотчим похлопотал о снабжении нас паспортами и дорожной; наши чемоданы скоро были готовы, и мы — две матери и я, да Фома на козлах в роли лакея, — двинулись в путь 6 апреля. Прощание наше с отчимом и сестрой было более чем грустным. Никто не мог тешить себя надеждами на хороший исход дела Николая Ивановича. Все (кроме меня, конечно) тогда знали, что администрация края старалась выставить перед высшею правительственною властью свое усердие, свое недремлющее око и потому находила нужным во всех делах политического характера делать из мухи слона; все знали, что попавшемуся в переделку по политическому делу вряд ли возможно ожидать освобождения, и нас, близких к Николаю Ивановичу, еще более удручала неизвестность, в чем именно его обвиняли.

Весенний разлив Днепра и переправа через него на «дубе» (большое судно) с экипажем и четверником почтовых лошадей, неспокойно переносивших качку «дуба» волной, наводили ужас на мою мать: ее нервное состояние передавалось другим, переправлявшимся с нами на другой берег широкой реки. Достигли мы наконец этого берега; ямщик с Фомой привели в порядок упряжку, и мы довольно скоро достигли первой почтовой станции — Бровары, так как путь к ней с недавнего времени был шоссирован во избежание странствования по сыпучим пескам, представлявшим истинное мучение для ехавших по левому берегу Днепра.

У самого подъезда станции мы застали перекладную тележку, в которую торопливо впрягали тройку лошадей. Возле телеги бродил, перекачиваясь, путник, сопровождаемый двумя жандармами. Невольно мы в один голос воскликнули: «Еще один арестованный!» Татьяна Петровна прибавила: «Тарас Григорьевич Шевченко». По его «Кобзарю» я была уже с ним знакома. Николай Иванович не считал мне наизусть поэтические произведения «Тараса», но в лицо я его не знала и здесь увидела в первый и последний раз в жизни. Услыхал ли он оклик Татьяны Петровны или узнал ее и Фому, но

не прошло и минуты, как «Тарас» подошел к нашему экипажу и со слезой, блеснувшей в его серых глазах, надломленным голосом проговорил:

— Оце ж бідна Миколина мати, а це, мабуть, його молоденька дружинонька. Ой, лихо, лихо тяжке, горенько матерям і дівчині.

Произнеся такое выражение скорби, Тарас Григорьевич перецеловался с нами. Жандармский офицер подошел и ласково попросил его проститься с нами и садиться в повозку. «Тарас» успел только сказать нам, что лично о себе он не горюет, потому что он одинок, «бобыль», а «Миколи мені жаль, бо в його є мати й дружинонька і він нічим не винен, хіба тим, що зо мною побратався. Прости ж мене, матінко, і не кляни!» Он снова перецеловался с нами, сел с жандармами в телегу, тройка курьерских лошадей подхватила с места вскачь, ямщик лихо засвистал — и не долго нам пришлось видеть повозку с неуклюжей фигурой «Тараса», поднявшего высоко над своею головою шапку и махавшего ею в знак прощания с нами.

Пока нам запрягали лошадей, мы молчали, потрясенные этим неожиданным свиданием с Тарасом, а когда лошади наши тронулись и звон колокольчика, покрякивания нашего ямщика и его посвистывания могли свидетельствовать, что ямщик не услышит нашей беседы, мы стали на все лады рассуждать и делать догадки, почему дружеское отношение к Тарасу могло повести к аресту Николая Ивановича, что такое мог совершить преступное этот добродушный народный поэт, чтобы вовлечь в беду нашего Николая Ивановича. Разумеется, ни до чего мы не додумались и не договорились.

Н. А. Момбелли

ЗАПИСКИ

(Отрывок)

В настоящее время в Петербурге все шепчутся и говорят по секрету, с видом таинственности, об открытом и схваченном правительством обществе — будто бы славянофилов. Говорят чрезвычайно различно. Невозможно отгадать, чей рассказ справедливее. Все рассказы согласны только в одном: несколько человек — умных, истинно благородных, образованных и ученых — привезено в Петербург и брошено в тайные темницы, ни для кого не доступные. Все повторяют согласно, что Шевченко, Кулеш и Костомаров находятся в числе несчастных.

Шевченко кончил курс рисования в Академии художеств, и хотя он не первоклассный артист, но в его рисунках и картинах, по большей части небрежно набросанных, проблескивает талант. Он в Петербурге прежде издавал какой-то живописный журнал, ка-

жется, называвшийся «Живописною Украиною» или «Живописною Россиею», — уж не помню.

Он гораздо счастливее относительно литературы. Малороссия считала его в числе своих любимых поэтов, которых так немного. Он написал поэму «Гайдамаки» и много других стихотворений, которых названий не помню. Почти все его произведения писаны на чистом малороссийском языке. Я малороссийского языка не знаю или знаю слишком мало, а поэтому судить не могу; малороссияне же говорят, что Шевченко — истинный поэт, поэт с чувством, поэт с воодушевлением.

Года два тому назад я встречал Шевченко у Гребенки. Шевченко всегда высказывал сильную привязанность к своей родине — Малороссии... Все малороссийское его веселило и приводило в восторг. Мотив или песня малороссийская вызывали слезу из глаз патриота.

Он среднего роста, широкоплеч и вообще крепкого, сильного сложения, в талии широк по особому сложению костей, но отнюдь не толст; лицо круглое, борода и усы всегда выбриты, бакенбарды же — кругом окаймляющие все лицо, волосы выстрижены по-казацки, но зачесан назад; он не брюнет и не блондин, но ближе к брюнету — не только по волосам, но и по цвету красноватой кожи; черты лица обыкновенные; приемы и общее выражение физиономии выказывали отвагу, небольшие глаза блистали энергией. Ему теперь лет сорок или тридцать пять, но скорее — тридцать пять.

Этот Шевченко, говорят, написал на малороссийском языке в стихах воззвание к малороссиянам и отдал его какому-то французу Лесажу для напечатания в Лейпциге в большом числе экземпляров. На границе таможня остановила Лесажа, и при обыске нашли воззвание за подписью Шевченко. Лесажа остановили, но он взял на себя поручение, не зная содержание стихов. Однако же он был в сообщении с Шевченко.

Никто не знает плана малороссийских патриотов, какую они имеют цель; но говорят об этом различно. Одни говорят, будто бы они хотели возбудить Малороссию к восстанию, к провозглашению гетманщины и к совершенному отделению от России.

Другие говорят, будто бы они хотя и составили прожект о восстановлении гетманщины, но провести свой план хотели не иначе как с разрешения императора, и ему-то на рассмотрение предлагали представить свой проект управления Малороссии.

Третьи говорят, что ни замыслов, ни заговора решительно никаких не было и что вся эта история не больше как сочинение киевского генерал-губернатора Бибикова, который за свое сочинение надеялся получить какую-нибудь награду, и, вероятно, получил.

Некоторые говорят, что посредством тайной полиции правительство и прежде знало о существовании заговора и что, останавливая Лесажа, знали, что он везет воззвание. Еще говорят, будто бы австрийское правительство прислало бумагу к русскому, в которой говорит, что чиновники русские с видом от правительства разъезжают по австрийским землям и распространяют между австрийскими славянами мысли, неприязненные правительству.

Приверженцы деспотизма, то есть настоящего порядка в России, и все проникнутые страхом — так называемые осторожные,

или, иначе, благоразумные,— величают замысел этот глупым безрассудством, бессмысленным малодушием. В России называют малодушными не действительно малодушных, а тех, которые по неопытности или по особому душевному расположению доверяются ближнему; еще тех, которые надеются на переворот в России, на лучший порядок вещей; еще тех, которые имеют дерзость отступать от глупых приличий света, не вполне подчиняются им,— вообще всех тех, которые имеют несчастье выходить из общего уровня в чем-либо, исключая рабской преданности и усердия к престолу.

Некоторые называют поступок Шевченко безрассудством, признаком вмешательства, потому, собственно, что план его находят несбыточным, просто нелепым.

Малороссияне же, более знакомые с условиями местности, даже сильно не одобряющие поступка Шевченко — уж потому, что он не удался,— признают его план совсем не так нелепым, как это может показаться с первого взгляда.

С восстанием же Малороссии зашевелился бы и Дон, давно уже недовольный мерами правительства. Поляки тоже воспользовались бы случаем. Следовательно, весь юг и запад России взялся бы за оружие.

Вот известные фамилии посаженных в крепость: Шевченко, поэт и художник; Костомаров, учитель словесности; Кулеш, профессор истории; Чижов, профессор математики и писатель; Мас-сон, уездный предводитель дворянства; Маркович, отставной офицер; Чиж и другие.

Много ходит частностей об этих несчастных, но как все они неофициальны и нередко противоречащи, то и оставляю их до другого случая.

Ф. М. Лазаревский

Т. Г. ШЕВЧЕНКО В ОРЕНБУРГЕ

9 июня 1847 года сидел я в своей Пограничной комиссии и усердно занимался текущими делами. Вдруг, около двух часов пополудни, в комнату вбегают, запыхавшись, писец Галявинский и говорит: «Ночью жандармы Шевченка привезли, я слышал от офицера, которому его сдали, и он находится теперь в пересылочной казарме».

Не давая себе отчета, я побежал в казармы и с трудом отыскал там новопривезенного арестанта. Лежал он ничком на нарах, углубившись в чтение библии. До этого времени я никогда не видал Шевченко, а знал только его «Кобзарь» и «Гайдамаки». Забывая о присутствовавших соглядатаях, в юношеском увлечении я бросился к нему на шею. Неохотно поднявшись с нар, Тарас Григорьевич заговорил со мной недоверчиво, отвечая отрывисто на мои

вопросы. Понятно, мог ли он сразу довериться человеку, явившемуся к нему ни с того ни с сего, в первые часы его прибытия на место ссылки? Между прочим, я спросил его, не могу ли я быть чем-нибудь ему полезен? Он сдержанно ответил: «Я не нуждаюсь в чужой помощи — сам себе буду помогать. Я получил уже приглашение от заведующего пересылочной тюрьмой учить его детей».

Просидев у него с полчаса, я прямо из казарм отправился к своему начальнику, генералу Ладыженскому, к которому до того являлся только по делам службы, и то, если не со страхом, то застенчиво и робко.

— Ваше превосходительство! Шевченко привезли! — выпалил я генералу.— Я сейчас был у него, нельзя ли помочь ему?

Генерал удивленно посмотрел на меня и улыбнулся. Надобно заметить, что Ладыженский был начальник гуманный, не по тогдашнему времени. Очевидно, он понял порыв молодого увлечения и деликатно-снисходительно охладил меня, заметив официальным тоном, что Шевченко, вероятно, заслужил свою участь, что в таком деле следует быть осторожным и сочувствие свое припрятать и что он, наконец, удивляется смелости такого к нему обращения со стороны подчиненного. От генерала вышел я с поникшей головой и побрел в свою комиссию, но с неизменным желанием во что бы то ни стало помочь несчастному. Посоветовавшись с товарищем своим по службе и по черниговской гимназии Сергеем Левицким, мы сообрали порешить действовать чрез чиновника особых поручений при генерал-губернаторе подполковника Матвеева. Сын простого уральского казака, из писарей, достигший довольно высокого положения в крае, но оставшийся таким же простым сердечным казаком, чуждый важности и напускного величия, Матвеев всегда готов был помочь ближнему в нужде. При Обручеве он был великая сила в Оренбургском крае, и мы с Левицким не ошиблись в своем выборе. Выслушав нас внимательно, Матвеев, по-видимому, был тронут. Правда, ничего не обещал, но мы вышли от него с облегченным сердцем, уверенные в том, что он будет работать в пользу обездоленного Кобзаря.

Через два дня Шевченко пришел к нам на квартиру. Я встретил его, как брата, как самого близкого человека. Со мной жил тогда Левицкий, и Тарас Григорьевич с обоими нами был сердечно прост, и мы сразу стали друзьями. Говорили много и оживленно. Между прочим, он сообщил нам, что был у Матвеева, по его приглашению, и что он очень расположил его к себе. Гость остался у нас ночевать. Сняв с кровати тюфяки, мы разложили их на полу и все втроем улеглись на полу вповалку. Шевченко прочел нам наизусть свою поэму «Кавказ», «Сон» и др., пропел несколько любимых своих песен: неизменную «Зіроньку», «Тяжко, важко в світі жити»; но с особенным чувством была исполнена им песня:

Забілили сніги,
Заболіло тіло
Ще й головонька.
Ніхто не заплаче
По білому тілу
По бурлацькому...

Мы все пели. Левицкий обладал замечательно приятным тенором и пел с большим чувством. Были минуты, когда слезы сами собой катились из глаз, а гость наш просто рыдал.

Летняя ночь таким образом пролетела незаметно. Мы не спали вовсе. Рано утром Тарас Григорьевич простился с нами, объявив, что получил уже назначение в Орскую крепость, куда он на днях должен отправиться.

Орская крепость — Яман-Кала (дрянь-город, как называют ее киргизы) лежит в степной стороне р. Яика, в двух верстах от р. Ори, на юго-восток от Оренбурга, в 250 верстах от него.

Расставшись с Шевченко, я постоянно о нем забывался, просил за него каждого, кто только ехал в Орск и кто хоть чем-нибудь мог быть ему полезен. Часто писал туда своему доброму знакомому, попечителю прилинейных киргизов, М. С. Александрийскому. Несмотря на свои 40 лет, это был лучший представитель молодого поколения сороковых годов. Доктор по профессии, М. С. Александрийский, бросив медицину, перешел на службу в Пограничную комиссию; всегда спокойный и сдержанный, он был любим и уважаем всеми обитателями Орского укрепления. Женатый на дочери богатого купца, Александрийский всегда жил открыто, и наш Кобзарь был принят у него в доме не как солдат, а как самый близкий знакомый, наравне с другими гостями. Там он, без сомнения, встречался и с батальонным, и с другими гарнизонными офицерами как гость хозяина, а не как рядовой, 191-й номер по списку.

Вообще говоря, в материальном отношении Шевченко в Орской крепости жилось недурно: над ним неустанно бодрствовал добрый гений в лице Матвеева. Ему помогали деньгами петербургские земляки, нередко делясь с ним своим мизерным жалованьем. Приезжавший в Оренбург старший из моих братьев Василий преподнес Тарасу два ящика сигар и 50 руб. денег. Были присылаемы субсидии на мое имя и от других лиц, напр., от конотопца В. О. Езучевского, Семена Артемовского (певца), — и я отправлял их для передачи брату Михаилу в Троицк. Затем брат Михаил, перейдя на службу в Петербург, присылал деньги непосредственно самому Тарасу, и довольно крупные куши.

В некоторых провинциальных кружках долго и упорно продолжали циркулировать нелепые рассказы о том, будто бы Шевченко в Орской крепости испил горькую чашу солдатского житья. Будто бы он изобразил себя стоящим под палками, с руками, вскинутыми на голову, с надписью: «От як бачите!» А Н. М. Белозерский в «Киевской старине» уверяет, якобы он видел у Лизогуба портрет Шевченко, с подписью: «От так тобі!» Стоит Тарас в мундире, а унтер колотит его тесаком... «Вероятно, — замечает глубокомысленно автор этой нелепой выдумки, — рисунок и надпись были стерты при прохождении через цензуру крепостного начальства». Трудно объяснить происхождение этой небылицы.

Подобный же нелепый рассказ случилось слышать мне от какого-то господина, вовсе мне не знакомого, который повествовал, что когда он служил в Оренбургском батальоне вместе с Шевченко, то однажды он пришел к нему избитый тесаком, в слезах попросил бумажку и тут же нарисовал себя стоящим под палками и написал: «От як бачите!»

Терпеливо выслушав рассказ, я спросил рассказчика: «А в ка-

ком году это было?» — «В 1851-м». — «А как фамилия командира того батальона, в котором вы изволили служить?» И он назвал какую-то вымышленную фамилию. Тогда я публично назвал его лгуном, и он не посмел даже оправдываться.

Могу уверить всех, кому дорога истина, что Тарас Григорьевич с благодарностью вспоминал всегда о своих начальниках в Орской крепости, что ни о каких палках и фухтелях не было там и помина; что никакого цензора для его писем и рисунков там не существовало, и если *de jure*¹ и считалась какая-нибудь цензура, то у него было довольно благоприятелей, при содействии которых письма его могли всегда избегать ее. Александрийский, по тогдашнему моему служебному положению и по доверию, каким я пользовался у генерала Ладыженского, с великою готовностью исполнял все мои просьбы; но и помимо моего влияния, он очень любил Тараса. Кроме того, от всяческих взысканий и строгостей батальонного начальства нашего Кобзаря хранило доброе расположение braveго казака Матвеева, который при каждой встрече со мной обыкновенно обращался ко мне с вопросом: «А что ваш Шевченко? Пожалуйста, — прибавлял он, понизив голос, — если что не так, заходите ко мне и скажите».

Повторяю: совместимы ли при таком положении Шевченка палки и тесак унтера?

В начале 1848 года Тарас Григорьевич с ротой был отправлен в Уральское укрепление, а оттуда, в числе других нижних чинов 5 линейного батальона, командирован для прикрытия от нападения кочующих киргизов транспорта, следовавшего под начальством генерала Шрейбера в Раимское укрепление, на берега Сырдарьи. Затем, как известно, Шевченко безвестно пропал в описной Аральской экспедиции А. И. Бутакова. Во все это время ни я, ни кто другой из близких ему лиц не получали от него ни строчки. Неизменный друг поэта, княжна Репнина, встревоженная долгим его молчанием, в начале сентября 1848 года обратилась ко мне со следующим письмом:

«Милостивый государь Федор Матвеевич.

Более года, как я совершенно без известий о Тарасе Григорьевиче Шевченке, который находится под вашим начальством (?). Именем всего вам дорогого прошу вас уведомить меня, где находится Шевченко и что с ним? Вы меня очень обяжете. Готовая к услугам В. Репнина».

На это письмо я предоставил ответить самому Тарасу, по возвращении его в Оренбург.

Экспедиция Бутакова окончилась осенью 1849 г. Для приведения в порядок собранных материалов ему понадобились в Оренбурге Вернер и Шевченко; последний — для окончательной отделки живописных видов, чего на море сделать было нельзя, а равно и для перенесения на карту видов гидрографических, вследствие чего Бутаков вошел с представлением к Обручеву об откомандировании Вернера и Шевченко в Оренбург. Узнавши же, что во втором батальоне есть искусный рисовальщик, ссыльный Бронислав Залеский, Бутаков просил командировать и его в помощь Шевченко. Таким образом наш Кобзарь, вместо Орской крепости, попал в

¹ Юридически, официально.

Оренбург и поселился в квартире моей, близ костела, а потом в предместье Оренбурга в доме К. И. Герна, хотя, собственно говоря, наш Тарас, имея много знакомых, проводил где день, где ночь.

Во весь 1849 год я, по делам службы, подолгу оставался в киргизских степях. Вернувшись однажды из командировки глубокой осенью, я застал в своей квартире Шевченко и моряка Пospelова, с которым поэт более года провел в Аральской экспедиции. Тарас, Пospelов, Левицкий и я зажили, что называется, душа в душу: ни у одного из нас не было своего, все было общее; а с Тарасом у нас даже одежда была общая, так как в это время он почти никогда не носил солдатской шинели. Летом он ходил в парусиновой паре, а зимой в черном сюртуке и драповом пальто. Иногда заходил к нам и Бутаков, чаще же других гостил К. И. Гern. Матвеев также не чуждался нашего общества. Вечера наши проходили незаметно. Пили чай, ужинали, пели песни. Тарас с моряком Пospelовым иногда прохаживались по чарочкам. Изредка устраивались вечера с дамами, причем неизменной подругой Тарасовой была татарка Забаржада, замечательной красоты. А. И. Бутакову очень понравились наши вечера, но, стесняясь своего подчиненного Пospelова, он у нас не засиживался. Однажды Алексей Иванович просил Тараса устроить в его квартире подобный нашему вечер, только без Пospelова. Был назначен день, но, как назло, в этот именно день Бутаков был приглашен на вечер к Обручеву. Тем не менее мы собрались у него и ожидали его к ужину. К трем часам вернулся хозяин. Тарас собственноручно зажарил превосходный бифштекс, и мы пропировали до света.

В конце декабря того же 1849 года я должен был отправиться за 500 верст в Гурьев-городок и пробыл там до весны 1850 года. Вернувшись в марте, я застал в городе только одного Тараса. Левицкий переведен на службу в Петербург, Бутаков с Пospelовым выехали в степь. В мое отсутствие Шевченко сблизился с поляками, которых в николаевское царствование в Оренбурге была целая колония. Они очень ухаживали за Тарасом, что подчас сильно тяготило его, хотя по наружности он с ними был на дружеской ноге. Бывало, не вижу его два-три дня; спрашиваю: «Где ты пропадал так долго?» — «Та оці проклятуці ляхи заманили мене до себе, та й не випускали», — отвечал он с неудовольствием.

Ближе всех, по-видимому, он стоял к Залескому, Сераковскому, Станевичу, Турно, Зеленке и Аркадию Венгжиновскому. Последний из них служил в Пограничной комиссии; человек необыкновенно юркий и пронырливый, он первым узнавал о прибытии новых ссыльных поляков и тотчас вводил их в свой кружок. Михаил Зеленка, доминиканский монах, бывший в 30-х годах префектом гимназии в Литве, сослан в Оренбург в 1834 году и сделался там капелланом Оренбургского корпуса. Поляки не переставали величать его префектом (ojciec priefekt). Эти-то два воротилы, Венгжиновский и Зеленка, составляли центр польского населения в крае. Лучшими из ссыльных поляков были сосланные в 30-х годах. Было несколько и таких, которые были назначаемы на службу в Оренбургский край от правительства, с обязательством отслужить известное число лет. Ссыльные поляки составляли образованную часть гурьбернского общества, конечно, не чисто аристократического, а того

среднего кружка, в котором вращалось чиновничество невысокого ранга.

Одна из сестер полковника Герна была замужем за паном Киршей, служившим в провиантской комиссии. В доме Киршей всегдашними гостями были: Сераковский, Залеский, Турно и др. Там же довольно часто бывал и Шевченко, окуриваемый фимиамом лести и ухаживаний.

Раз приходит ко мне Тарас и предлагает свой портрет.

— Візьми ти у мене, Христа ради, оцей портрет, хотілось би, щоб він зостався у добрих руках, а то поганці ляхи виманять його у мене. Усе пристають, щоб я їм оддав.

— Де ж ти, — спрашиваю, — малював його?

— Та у їх же й малював.

Портрет, по желанию поляков, долженствовал изобразить Шевченко сидящим в каземате Орской крепости за решеткой; но такой обстановки на рисунке не оказалось. На предложение же Тараса взять портрет в свою собственность, я сказал:

— Портрет твой, мій голубе, для меня большая драгоценность, а за то, что возьму его, я обязан отдарить тебя чем-нибудь ценным, чего у меня теперь не имеется.

Тарас насмешливо посмотрел на меня и промолвил:

— Бачиш, чоботи у мене ізносились: возьми і дай мені чоботи. Устыдившись своей щепетильности, я взял портрет.

В последний свой приезд из степи я застал Шевченко там же на Слободке во флигеле дома К. И. Герна; но, по возвращении моем, он начал по-прежнему проживать чаще в моей квартире, оставляя свой скарб у Герна.

Вообще говоря, в короткий период своего життя-бытья в Оренбурге Тарас Григорьевич был обставлен превосходно. Образ жизни его ничем не отличался от жизни всякого свободного человека. Он только числился солдатом, не неся никаких обязанностей службы. Его, что называется, носили на руках. У него была масса знакомых, дороживших его обществом, не только в средних классах, но и в высших сферах оренбургского населения: он бывал в доме генерал-губернатора, рисовал портрет его жены и других высокопоставленных лиц. В это время, вследствие частых командировок в степь, я страшно страдал ревматизмом. Пришел однажды ко мне Тарас и стал тянуть меня к доктору Майделю на вечер.

— Ходім, він тобі скаже, що треба робить.

— Христос с тобой, — говорю ему, — как я пойду без приглашения к такому важному тузу?

— Але ходім, я вже знаю, що роблю.

Я и пошел. Надобно знать, что тайный советник барон Майдель был породистый аристократ и вращался в самых высших сферах губернской знати; но я воочию убедился, что мой Тарас и там был свой человек. И никакой угловатости, никакого диссонанса с окружающими его гостями я не заметил. Держал он себя с достоинством и даже с некоторой важностью. Мне за него, как за любимое существо, было очень приятно. Он никому не навязывался, не вмешивался ни в какой разговор; все обращались к нему, и он всякому отвечал сдержанно, с едва заметным оттенком иронии и с чувством собственного достоинства.

Меня приводят в негодование рассказы о безобразиях Шевчен-

ко в нетрезвом виде. Я был знаком с ним в лучшие годы его жизни, когда он отличался здоровьем и силой, но я ни разу не видал его в пьяном виде до безобразия. Выпивал он, правда, иногда довольно, но каждая лишняя чарка делала его только более развязным и воодушевленным, сообщала более задушевности и невообразимой симпатичности. Душа его всегда знала меру. Четверостишие, написанное им где-то углем на стене питейного заведения, вполне характеризует подобное состояние:

Вип'еш першу — стрепенешся,
Вип'еш другу — схаменешся,
Вип'еш третю — в очах сяе,
Думка думку поганяе.

В 1849 году прибыл в Оренбург на службу только что выпущенный из какого-то кадетского корпуса смазливенький прапорщик Исаев. Не прошло и полгода, как по городу стали ходить слухи о том, что сей юный Адонис приглянулся супруге N. N. Слухи эти приводили Тараса в исступление.

— Докажу ж я этой к..! Не дам я ей безнаказанно позорить честное имя почтенного человека,— кипятился он, заходя ко мне.

— Не твое.— говорю,— дело мешаться в семейные дразги. Помни, Тарасе, что ты солдат, а Исаев, хотя и плюгавенький, да офицер, и если через тебя что-нибудь откроется, то ты думаешь, N. N. подякує тобі? Есть вещи, про которые лучше не знать.

Но Тарас мой не унимался. Он начал следить за женой N. N. и каждый вечер приносил мне все новые известия о своих наблюдениях и открытиях. В пятницу на страстной неделе он прибежал ко мне с торжествующей физиономией.

— Накрив! Доказав! N. N. со двора, а он в форточку, а я следом за N. N., вернув його додому да прямо в спальню...

— Дурень же ты, дурень, Тарасе! Наробив ти собі лиха. Знай же, що се тобі не минеться даром: маленькая душонка Исаева оддасть тобі!..

К несчастью, слова мои оказались пророческими. Но все-таки я не предполагал найти в молодом человеке столько мерзости, сколько ее в нем оказалось. Я не допускал более того, чем офицер может выместить свои обиды на низшем чине — рядовом Шевченко. Но я сильно ошибся.

На следующий день, в страстную субботу, Тарас был дома, а я получил официальное приглашение пожаловать к генерал-губернатору в таком-то часу разговеться. Спрашиваю Тараса, как тут быть?

— Ти собі як знаєш, а я поїду в гості.

В сумерки ко мне приехал Герн, страшно озабоченный, взволнованный.

— Где Тарас? — спрашивает меня торопливо.

— Поехал,— говорю,— в гости.

— Ради бога, поскорей зовите его в квартиру. Жгите там все, что сколько-нибудь может повредить ему: на него Обручеву подан донос. Уже сделано распоряжение произвести в его квартире обыск.

Я бросился к знакомым, забрал Тараса и помчался с ним на Слободку. Он был совершенно покоен и даже подшучивал над со-

бой. Приехали. Вывалил он мне целый ворох бумаг и несколько портретов: начатый портрет жены Герна и его самого.

— Ну що ж тут палить? — обратился он ко мне. Я, хотя и знал содержание чуть ли не всех писем к нему, но стал их пересматривать. Все они, по моему мнению, были самого невинного свойства.

— I я тебе питаю,— отвечал я вопросом на его вопрос,— «що палить?»

— Пали усі письма княжни Рєпніної.

И все драгоценные для Тараса послания Варвары Николаевны, конечно, самые невинные, брошены в камин. Туда же полетели и еще некоторые бумаги, по выбору самого Тараса.

Пытливо прочел я письма брата Василия, свои письма, письма Левицкого, Александрийского и др., но ровно ничего, по-моему, в них не было недозволенного, а тем более преступного, но Тарас командовал: «Пали!»

— Но послухай же, мій голубе: як ми все спалим, то догадаються, що нас предупредили об обыске, да и станут искать виноватого. А не будет ли в таком разе в ответе Карл Иванович?

— I то правда,— согласился Тарас.— Буде! Поїдем до тебе, та ще там що-небудь спалим.

Когда мы въезжали в город, то в Сакмарских воротах повстречали плац-адъютанта Мартынова, полицеймейстера и еще какого-то военного. Мы догадались, что они едут в Слободку. Не смыкаячи очей провели мы эту ночь, но обыска у меня не было. Рано утром, прямо от Обручева приехал к нам после разговин Александрийский и рассказал все, что там происходило.

— На меня,— говорил он,— внезапно накинулся Обручев: «А-а, так мы отвечаем пушками на вопли поработанного народа о свободе! (Цитата из письма Александрийского к Шевченку о бунте киргизов в 1848 г.). На обахту! На белое, черное, синее море (поговорка Обручева). А Лазаревский здесь? А-а, в переписке с преступником: «Милый, любий мій», а? На обахту!» (Здесь Обручев смешал меня с братом Василием).

В то же время всех присутствовавших поразило необыкновенное внимание Обручева к прапорщику Исаеву. Несколько раз подходил он к нему, брал под руку, подводил к столу, любезно припранивал «разговляйтесь, любезнейший, разговляйтесь». Тогда всем стало ясно, кто был этот любезнейший предатель.

Значит, еще до рассвета часть взятых при обыске бумаг уже успели разобрать и доложить генерал-губернатору заодно с радостным благовестием о воскресении распятого за нас спасителя!..

В тот же день ко мне заезжали и другие знакомые и передавали, что Обручев высказывался перед своими приближенными об Исаеве в таких выражениях:

«Мерзавец! Подлец! Но... что будешь делать? Я уверен, что этот негодяй и на меня послал донос. А в Петербурге я никого не имею за плечами; я, как Шевченко, человек маленький...»

Обручев не ошибся: на него полетел другой донос шефу жандармов. В тот же день Шевченка потребовали в ордонансгаус и посадили на обахту впредь до особого распоряжения; а 12 мая отправили в Орскую крепость этапным порядком, с строжайшим предписанием командиру 5 батальона следить за ним. Вскоре после высылки Шевченка уволен был и сам Обручев...

К счастью для бедного Тараса, в Петербурге не признали нужным входить вглубь вещей и свели все обвинение к тому, что он нарушил высочайшее запрещение писать и рисовать и ходил иногда в партикулярном платье. Просидев в Орском каземате более месяца, по приговору военного суда Шевченко был отправлен в Новопетровское укрепление и зачислен там рядовым в 1-й Уральский батальон в 4-ю роту.

Лес рубят — щепки летят, говорит пословица. На сей раз щепки полетели очень далеко. По поводу злосчастного письма Сергея Левицкого в квартире Головка и самого Левицкого произведен был обыск, окончившийся для Головка весьма трагически. Вслед за ним арестован был и Левицкий. Повез его жандарм через Синий мост в крепость. Беднягой Сергеем овладел такой страх, такое непреодолимое желание извести себя, что, переезжая мост, он выпрыгнул из пролетки и бросился в воду. Но его вытащили. 12 дней просидел он в крепости, и хотя арест не повлек за собой никаких последствий для его службы, но сильно повлиял на его здоровье: этот 28-летний юноша, крепкого сложения, вдруг захирел, осунулся, и хотя начальство отнеслось к нему участливо, переведши его, для поправления здоровья, на службу в Скуляны, но через два года он отдал богу душу.

Оканчивая эту печальную историю, не могу не упомянуть добрым словом генерал-губернатора Обручева. Мы знаем, что Обручев за данное им, по просьбе А. И. Бутакова, разрешение Шевченко участвовать своею животворною кистью в описной Аральской экспедиции получил из Петербурга строгое замечание и, несмотря на то, не только не принял против него никаких стеснительных мер, но напротив, по возвращении поэта из экспедиции, дозволил ему остаться в Оренбурге, вдали от 5 батальона и тяготы солдатской службы, принимал его у себя в доме не как рядового, а как талантливого художника, заказав ему написать портрет своей супруги. Не то было после доноса Исаева...

Обручев много потрудился на пользу Оренбургского края. Главной его заботой было водворение между кочующими киргизами оседлости. Между кочевниками он ввел обязательную запашку. Проезжая степью, он, говорят, сам, в присутствии киргизов, подмазывал телегу и заставлял их проделывать то же самое. Он был большой экономом и ревностно оберегал казенные интересы, сдерживая хищничество интендантов и инженеров.

Расставшись с Тарасом в памятный мне первый день пасхи 1850 года, я не видал его до 1857 года, когда я встретился с ним у брата Михаила Матвеевича в Петербурге, где я в этом году получил место чиновника особых поручений при председателе департамента уделов М. Н. Муравьеве. Встретились мы, как братья, без возгласов и восклицаний, но с глубоким чувством благодарности к всевышнему и с уверенностью в том, что мы остались так же близки друг другу. 20 марта 1857 года я уезжал в командировку в губернии: Вятскую, Черниговскую, Орловскую, Московскую, а в 1859 году назначен управляющим Орловскою удельною конторой. Шевченко, прощаясь со мной, сказал: «Любите крестьян». Двадцать три года я занимал должность управляющего удельною конторой, и в ушах моих при всяком деле с крестьянами постоянно звучали эти знаменательные два слова: при наделе их землею я составил около

200 уставных грамот... и, надеюсь, с успехом выполнил заповедь народолюбца Тараса!..

Хотя по делам службы, живя в Орле, я часто бывал в Петербурге и в каждый свой приезд виделся с Шевченком, но о столичной его жизни предоставляю рассказать другим. Помню только, что мои знакомые, зная добрые отношения ко мне Тараса, просили меня доставить им случай познакомиться с ним. Так, по просьбе Н. Н. Тютчева (члена совета департамента уделов) я однажды вечером пришел к нему с М. С. Щенкиным и с Тарасом, который прочел несколько своих стихотворений, и когда начал читать «Сон»:

На панщині пшеницю жала...

все прослезилась, а Михаил Семенович просто рыдал.

В августе 1859 года я несколько дней провел с Тарасом у матери в селе Гириявке. в Конотопском уезде. Съехались мы совершенно случайно. Возвращаясь из своей поездки на родину, по дороге из Киева в Петербург, он заехал в Гириявку и, к нашему общему удовольствию, застал там и меня; объезжая свой район по удельному ведомству, я заехал погостить у матери.

Живя в Гириявке, Тарас, по обыкновению, вставал очень рано и отправлялся в сад, садился там под вербою и оставался в созерцательном состоянии до чаю. Настроение его, вследствие испытанных им на родине неприятностей, было какое-то удрученное... Впрочем, это состояние не помешало Тарасу Григорьевичу нарисовать тогда портрет нашей матери для подарка брату Михаилу.

Из Гириявки мы выехали вместе. Я довез его до Севска и повернул в сторону — осматривать свое удельное хозяйство, а он поехал дальше один на почтовых.

М. М. Лазаревский

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
О Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Шевченко умер. Теперь он принадлежит уже потомству, и как всякое об нем сведение дорого для Малороссии, то я и решился записать все, что знаю об нем лично или из самых достоверных источников.

В 1847 году, по известной всем истории, он был сослан рядовым в Оренбургский корпус. Ему, как народному поэту и художнику, по конфирмации запрещено было брать в руки перо и карандаш. Жандарм привез его в Оренбург в июне 1847 года, ночью, прямо в ордонансгаус, где Шевченко в передней проспал ночь на голом полу. Утром его принял комендант Лифлянд и отправил его в казармы 3 Оренбургского линейного батальона. В тот же день разнеслась в Оренбурге молва о приезде Шевченко. Земляки его тотчас отправились в казармы и выпросили его к себе в квартиру. Встреча с

Шевченко была замечательная: и он, и окружавшие его плакали, не знаю от горя ли или от радости, что увидели своего родного поэта. Целый день он провел в кругу земляков, пел народные песни, читал кое-что из своих стихотворений, был, по-видимому, не особенно грустен; но заметно было, что он многое скрывал в душе и хотел, назло судьбе, быть выше ее. В дороге от Петербурга до Оренбурга он был всего 9 дней, и от этой непривычной для него дороги, от бессонницы и перемены климата чувствовал слабые признаки лихорадки. На другой день сделалось уже известно, что его предназначают в Орскую крепость. Земляки советовали ему, как больному, отправиться в лазарет недели на две и в это время надеялись выхлопотать, чтобы его оставили в Оренбургском батальоне, где жизнь для Шевченко была бы сколько-нибудь сноснее. Но он отказался от этого как из отвращения к лазаретам, так и потому, как он говорил, что никогда еще никого не обманывал, а поступление в лазарет он считал обманом начальства, так как мог обойтись без помощи доктора. Просить же за себя он не позволил, не желая при таких обстоятельствах унижить себя просьбою. Дня через три его одели в солдатское платье. Когда он примерял брюки, мундир и шинель, тогда ему представилось все его будущее, и у него хотела выкатиться слеза; но он сумел удержать свои чувства в казарме. Он до того не был знаком с жизнью и особенно с жизнью солдата, что, не подозревая, что ему принесли платье, сшитое на счет казны, спросил унтер-офицера, что стоит платье; тот без запинки ответил: сорок рублей (тогда счет в Оренбурге был на ассигнации), и Шевченко сейчас же заплатил деньги. Но какой-то офицер, узнавши об этом, отнял у унтер-офицера деньги и возвратил Шевченко.

Через неделю Шевченко назначили в линейный Оренбургский № 5 батальон и отправили в Орскую крепость, где комендантом был тогда генерал-майор Исаев, человек старый и довольно добрый. В Орской Шевченко скоро познакомился с сосланными туда поляками, и один из них, Фишер, бывший учителем детей Исаева, сошелся ближе других с Шевченко. Через него Шевченко был принят в доме Исаева и получил позволение жить в наемной квартире. Через месяц после приезда Шевченко я был в Орской и провел несколько дней с ним. Жизнь его, при участии Исаева, была довольно сносная; он большею частью время проводил или в чтении книг, или в разговорах с поляками.

Но в 1847 году умер Исаев, и тогда-то наступило для Шевченко тяжелое время. Батальонный командир майор Мешков (из солдат) показал над ним всю силу своей власти. Он перевел его в казармы, где Шевченко спал и проводил целые дни на грязной своей кровати, бывшей в казарме в числе других пятидесяти. Приезжая довольно часто в Орскую по делам службы, я всегда навещал Шевченко и видел тогдашнюю его жизнь в казармах. Общество пьяных и развратных солдат, невыносимый воздух, грязь, постоянный крик — все это сильно возмущало Шевченко; но он не решался просить Мешкова об облегчении его участи. Впрочем, этого солдата-майора многие просили о дозволении Шевченко жить на особой квартире; но он не любил Шевченко за непреклонность его характера, за то, что он не умел и не хотел никому кланяться, и водил его каждый день вместе с другими на учење, где Шевченко учился шагистике и ружейным приемам. Шевченко несколько раз сидел,

по милости Мешкова, на гауптвахте, и вот за что: один раз он просидел сутки за то, что надел белые замшевые перчатки на улице; а в другой за то, что, при встрече на улице с Мешковым, снял перед ним фуражку правой рукой. При этом Мешков подозвал его к себе и, сказав: «Вы еще благородным человеком называетесь, а не знаете, какою рукою нужно снимать фуражку перед начальством», отправил его на сутки на гауптвахту. И в казармах Шевченко больше частью читал, доставая книги у знакомых. В виде особой милости дозволялось Шевченко иногда навещать знакомых на час и на два; но эти его отлучки редко обходились ему без приключений. Солдаты — товарищи Шевченко — в отсутствие его украдут, бывало, из его шкафика книгу и заложат в кабаке. Возвратясь и не найдя какой-либо книги, он уже знал, где она и спрашивал товарищей только, в каком кабаке и за сколько книга заложена, откуда и выкупал ее сам.

Летом он часто уходил на берег р. Ори и там между кустами лежал по несколько часов и мечтал о родине, о прошедшем; но боялся, как говорил, заглядывать в будущее. Там в уединении он вынимал из-за голенища кусочек бумаги и карандаш и записывал свои поэтические вдохновения, которые скрывал не только от начальства, но и от иных знакомых.

Так Шевченко жил до лета 1848 года. В этом году приехал в Оренбург капитан-лейтенант Алексей Иванович Бутаков, отправлявшийся для исследования Аральского моря. Имея надобность в художнике для снятия морских берегов и услышавши о находившемся в Орской Шевченко, он просил корпусного командира Обручева командировать к нему Шевченко художником; но генерал признал это невозможным, помня высочайшее запрещение Шевченко брать в руки перо и карандаш, и, вместо Шевченко, командировал к Бутакову польских изгнанников — Залеского и Турно. Тогда Бутаков выпросил к себе в экспедицию Шевченко в виде матроса, и отправился вместе с ними в степь в 1848 году. Подробности этой жизни мне неизвестны; но Шевченко говорил, что Бутаков был вполне товарищ их, что они время проводили довольно весело, и Шевченко с Залеским и Турно постоянно рисовали при малейшей к тому возможности.

Осенью 1849 года они все возвратились в Оренбург, где Шевченко и его товарищи жили на одной квартире с Бутаковым и пользовались полною свободою. Благодаря влиянию Бутакова, жизнь Шевченко значительно улучшилась: он был принят в лучших домах, постоянно рисовал и писал и, снимая портреты, зарабатывал деньги для своего существования.

По отъезде Бутакова в январе 1850 года в Петербург, Шевченко переехал жить на квартиру полковника К. И. Герна, где он по-прежнему жил довольно сносно. Но в мае 1850 года судьба опять насмеялась над Шевченко. Офицер Оренбургского батальона Исаев (однофамилец бывшего орского коменданта, недавно приехавший из какого-то петербургского кадетского корпуса) сделал Обручеву донос, что Шевченко, несмотря на высочайшее запрещение, переписывается со своими знакомыми и занимается снятием портретов. Обручев знал, что Шевченко живет в Оренбурге на воле, что он пишет и рисует; но как ни строг он был вообще и особенно к военным, совестился добивать несчастного Шевченко; получивши же

официальный донос, он тотчас приказал сделать обыск у Шевченко, а его посадил на гауптвахту. У Шевченко нашли несколько рисунков и писем, и в числе последних одно из Петербурга, от его знакомого Левицкого, недавно пред тем уехавшего туда из Оренбурга. Некоторые письма к Шевченко были на малороссийском языке, которые Обручев велел перевести на русский язык трем лицам. Одно письмо, помню, начиналось: «Де ж тобі оружье, мій земляче?» Один из переводчиков в угоду Обручеву и назло Шевченко понял и перевел это место так, что будто бы писавший к Шевченко письмо разумел Малороссию совсем отдельною странюю. Обручев отправил все письма в III отделение в Петербург, где они оставлены, конечно, без внимания, кроме письма Левицкого, который писал, конечно, от глупости, к Шевченко, что в Петербурге много есть молодых людей, находящихся под надзором полиции, с которыми он знаком и которые все разделяют убеждения Шевченко, а один из них, Головка, такой правдолюб, что не побоится сказать правду и самому Карлу Ивановичу. 15 июня два жандармских полковника с двумя частными приставами явились в квартиры Левицкого и Головка. Первый, после обыска, был отвезен в III отделение; а Головка, знавший прежде о надзоре за ним и ожидавший уже посещения жандарма, имел наготове два заряженных пистолета; попросивши позволения одеться и вышедши в другую комнату, он взял пистолет и выстрелил в жандармского полковника, но промахнулся, а пулею из другого пистолета разmozжил себе голову, выстреливши в рот. Левицкий просидел 8 дней в III отделении: его долго допрашивали о молодых людях, об убеждениях Шевченко, кто такой Карл Иванович и нет ли в Петербурге нового заговора. Кое-как он отделался, уверивши, что под Карлом Ивановичем он разумел полковника Герна, у которого жил Шевченко в Оренбурге.

Дня через два после обыска Обручев отправил Шевченко в Орскую под строгий надзор, а получивши какое-то предписание из Петербурга о Шевченко, перевел его 8 октября 1850 года из № 5 в № 1 Оренбургский линейный батальон, которого часть командировалась ежегодно в Новопетровское укрепление, находящееся на пустынном полуострове северо-восточного берега Каспийского моря, куда Шевченко был тогда же отправлен и где безвыездно провел все время своего заточения до августа 1856 года.

Первый период пребывания Шевченко в Орской крепости хотя был и слишком тяжел для него, но он кое-как переносил свое несчастье; когда же его привезли опять туда в мае 1850 г. под строгий надзор, и он был помещен в крепости вместе с арестантами, с которыми исполнял все положенные для них работы, тогда Шевченко понял вполне положение арестанта. Об этом слишком тяжелом для него времени Шевченко не любил вспоминать и говорить, и подробности его жизни за эти пять месяцев, вероятно, никому не известны.

ТАРАС ГРИГОРЬЕВИЧ ШЕВЧЕНКО
В ССЫЛКЕ

I

Известно, что талантливый малороссийский народный поэт Тарас Григорьевич Шевченко часть своей ссылки (в конце 40-х годов) провел в Орской крепости, Оренбургской губернии.

Крепость эта — с умиротворением киргизских степей и исчезновением баранты — уже давно превратилась в тихий уездный городок Орск. От прежних крепостных сооружений в наши дни здесь почти не осталось и следа; только казармы с разбитыми окнами говорят еще о том, что здесь когда-то, на страх врагам, расположены были войска и содержались зоркие казачьи пикеты...

Чтобы дать читателю хотя приблизительное понятие о месте ссылки малороссийского поэта, мы набросаем сжатую характеристику этого дикого степного уголка.

Орск в настоящее время насчитывает около девяти тысяч населения, состоящего из «смеси племен, наречий, состояний». Господствующее население представляют собою русские и татары; затем следуют незначительные группы мордвы (переселенцы) и бухарцев. Город расположен у подножия Яшмовой горы, которая, подобно молчаливому стражу, бодрствует над пустынной окрестностью.

Трудно вообразить себе теперь ту картину, которую представляла собой Орская крепость во время ссылки сюда Тараса Григорьевича... По рассказам старожилов, гора обнесена была земляным валом, тянувшимся до берега Урала. Внутри вала были расположены казармы и десять-двадцать офицерских и казачьих домиков. Кругом — почти безлюдная степь, и до сего времени представляющая пустынный, монотонный пейзаж. Только по берегу Урала ютятся тощая растительность в виде корявых отпрысков когда-то могучих осокорей.

Правда, весной степь оживает и до половины июля цветет, нежится и представляет красивую узорчатую скатерть пышной растительности. Но скоро все исчезает: горячее солнце делает из этой восхитительной скатерти выцветшую, унылую, пожелтевшую равнину, изрезанную местами песчаными барханами.

Урал, многоводный весной, как Нева, превращается в тощую, неприглядную речушку; а город утопает в клубах едкой, удушливой пыли, которую несет с собой периодически дующий здесь сильный восточный ветер... Солнце палит; улицы пустеют, и ставни домов наглухо затворяются. Обыватель, изнуренный духотой, предаётся спячке или, забившись в погреб, лениво тянет снотворный кумыс. Летние ночи, столь живительные в Малороссии и средних губерниях, здесь крайне удушливы и только перед восходом солнца оживляются свежим, ароматным степным ветром.

Осенью — дожди и непролазная грязь, о чем свидетельствует

тот факт, что еще в 1887 году в самом центре города утонул верблюд*. Зимой — морозы и страшные бураны, засыпающие целые хутора и аулы... Суровый край!

Наряду с этими негостеприимными чертами здесь имеется великолепная охота, способная заставить полюбить и этот дикий уголок. Там, где в настоящее время раскинулась жалкая пародия на человеческое жилье — глиняный пригород Ташкент, — двадцать лет тому назад тянулись обширные болота, кишевшие разнообразной дичью. Эти-то покрытые гигантскими камышами и высокой зеленью болота и служили для Тараса Григорьевича любимым местом, куда Шевченко уходил, бывало, поразмыкать свое горе...

Прожив в Орске около года, мы не раз делали попытки собрать, насколько это было возможно, материалы, относящиеся к пребыванию здесь Шевченко, но все было напрасно.

Старожилы, к которым мы обращались, помнили Шевченко смутно: для них он был только — «конфирмованный солдат». Некоторые, как-то: А. Ф. Канфер и М. И. Бажанов, — правда, сообщили кое-что, но это были совсем малоценные факты. Архив, на который мы возлагали большие надежды, по словам ближайшего начальства, уничтожен большим пожаром 1888 г., и искать в нем каких-либо документов 1847—1848 годов — значило бы непроизводительно затрачивать время и труд. Мы уже отложили было всякие надежды отыскать здесь что-либо интересное из ссыльной жизни поэта; но в последних числах декабря 1895 года, в бытность нашу в Орске, один факт случайно натолкнул нас на мысль о том, что архив — цел.

Дело в том, что в конце 80-х годов в Орске проживал ссыльный студент Даценко, который пользовался материалами орского архива и опубликовал в «Киевской старине» некоторые документы из дела о Шевченко.

Получив любезное разрешение воинского начальника, мы осмотрели архив. К сожалению, он оказался в крайне неприглядном виде: масса дел (о Шевченко — все) выкрадена, несмотря на надпись «ко всегдашнему хранению»; листы оборваны и бумаги разрознены... Даценко говорит, что в архиве сохранился присяжный лист, подписанный Шевченко, но его не оказалось. Кто похитил эти драгоценные дела — один бог то ведает. Правда, носятся среди обывателей кое-какие слухи, но трудно придавать им вероятие, так как похитителем называют одну интеллигентную личность, успешную будто бы документы эти выгодно эксплуатировать...

Попробуем теперь сгруппировать воспоминания о поэте орских старожилов, записанные нами почти дословно.

Более или менее подробными сведениями относительно пребывания Шевченко в Орской крепости мы обязаны семидесятилетней старухе Лаврентьевой и ее сестре.

Муж Лаврентьевой во время ссылки Тараса Григорьевича служил в Орском инженерном отделении, сначала писарем, а потом в качестве чиновника (кондуктора). Это был человек, не получивший никакого образования, но своим развитием всецело обязанный самому себе. Он любил литературу, видимо, увлекался ею и каждый день уделял книге частицу свободного времени. Не мудрено

* Факт этот извлечен нами из прошения, поданного в управу некоторыми обывателями в 80-х годах; у нас имеется копия этого оригинального прошения.

поэтому, что лишь только Шевченко появился в крепости, как между ним и Лаврентьевым завязались добрые отношения, не прекращавшиеся до самого похода 5 линейного батальона в степь.

Вот как передавала нам Лаврентьева о прибытии в крепость Шевченко:

— Прибыл он сюда летом из Оренбурга по этапу, а когда — доподлинно не могу сказать: до холеры (1846 г.) или после... В ту пору у нас был один только подтвержденный — Ханыков, — какой-то, слышь, придворный. Болтали, что гофмейстер, а правильно ли то — бог его знает... И сейчас еще помню: приходит муж после занятий и говорит мне, что пригнали еще одного подтвержденного, какого-то страшного-престрашного хохла... Грешница, я еще мальчишку поугала этим самым хохлом... Только глядь — этак через неделю подтвержденный хохол и пожаловал к нам в гости. И зачистил... Бывало, каждый божий день у нас; и страшного в нем ничего не было, только усищи! Вот какие, доложу вам, были у этого человека усищи, что я сроду таких не видывала!.. Длинные да крученные, — ну, право, словно варовенны веревки...

В дальнейшем разговоре приняла участие и сестра Лаврентьевой. Поэтому мы считаем наиболее удобным сгруппировать их воспоминания и передать их собственными словами.

На первых порах Тараса Григорьевича стесняли, так как прослышали откуда-то, что он «подтвержден», будто бы за какое-то «политическое дело». В то время он жил в казармах, отправляя службу, как настоящий фронтовик. За крепостной вал было строжайше воспрещено отлучаться, и поэт находил отдых у Лаврентьева. Они вместе читали, спорили и гуляли по крепости. В их беседах принимал участие и Ханыков, но к нему Лаврентьев относился не так тепло, как к Тарасу Григорьевичу. О чем велись ежедневные между ними споры, старуха не знает, да и не ее было это дело. Все ее отношения на первых порах к Тарасу Григорьевичу сводились лишь к угощению его чаем, обедом — и только.

Усиленный надзор за поэтом скоро ослабел, что дало ему возможность частенько отпраиваться с Лаврентьевым в степь на «гулянье». Они брали с собой самовар, закуску, посуду для кумыса... Эти поездки действовали на Тараса Григорьевича всегда возбуждающим образом: он приезжал из степи веселым, разговорчивым, шутил и беспечно играл с детьми Лаврентьева.

Около этого же времени поэт получил возможность и рисовать и ходить на охоту. Очевидно, в степях поэт находил удовлетворение своему наболевшему чувству разлуки с Украиной. Но, помимо этого, тянула его в степь горячая любовь к природе и пристрастие к веселой охоте, которая здесь в то время была положительно неслыханной. Утки, казара, кулики всевозможных видов, гуси, стрепета, дрохвы водились здесь в таком изобилии (да и теперь их много), что стоило, бывало, только выйти за крепостной вал, чтобы настрелять целую грудку дичи.

Старожил Стариков, семидесятипятилетний старик, передавал нам, что всякий раз, как только он выходил на охоту, встречался здесь с Шевченко. Поэт или отдыхал на мягкой зелени, пристально всматриваясь в далекую, бесстрастную синеву небес, или, обвешанный разнообразной дичью, бродил по болотам. Стариков, бывший в то время повайтчиком, не знался с поэтом и, видимо, избегал его.

Нет сомнения, что на гостеприимном лоне широкой степи Тарас Григорьевич отдыхал, наблюдая катившуюся вокруг него оригинальную жизнь. А жизнь, действительно, оригинальна! Эти киргизские аулы и мрачные зимовки, в беспорядке разбросанные по зеленой, цветущей равнине, это гжучее солнце с далеким горизонтом, на фоне которого, то там, то сям, время от времени выплывают живописные караваны навьюченных верблюдов, со своими пестрыми группами киргизов вожаков,— все это представляло для поэта-художника богатейший материал. И Шевченко, видимо, им пользовался: были у Лаврентьева и карандашные наброски, исполненные Тарасом Григорьевичем, и стихотворения, где степь играла не последнюю роль; но, к несчастью,— как передает Лаврентьева,— «после покойника все детишки растащили». Действительно, в бумагах, оставленных Лаврентьевым и осмотренных нами, ничего не оказалось, что могло бы пролить хотя некоторый свет на жизнь здесь поэта и на его творчество.

Хотя со времени пребывания Тараса Григорьевича в Орске прошло уже полвека, тем не менее Лаврентьева хорошо еще припоминает невысокую, крепкую, несколько мешковатую фигуру поэта. По ее словам, Тарас Григорьевич отличался добротой, внимательностью и благородством характера.

— Это был настоящий благородный человек! — говорила она нам с каким-то старческим благоговением.

— Говорят, он порядочно здесь выпивал?

— Нет, не могу сказать! Ни разу этого не видывала... Может, и выпивал, только я не знала; да, что грешить, и от других сродственников моих не слыхивала.

Другая Лаврентьева только подтвердила сказанное сестрой:

— Много ведь про него здесь болтали, да разве можно верить?! Говорили, что он и фармазон, и пьяница, и чего-то, чего! Только вам нужно сказать, что все эти слухи шли от зависти. У меня был в ту пору мальчишка годков семи, так вот Тарас Григорьевич его и обучал грамоте. Само собой, обучал бесплатно. Какие наши были достатки?! Ну, другим-то и завистливо было... А бог его знает, может, и вправду придерживался рюмочки; только нет — не видали мы... Придет, бывало, заниматься-то,— хмурый такой, молчаливый, словно волч янок... Мы и не вступались. Знаю, этакому человеку — разве у нас жить? Что у нас тут было?! Одна срамота... Вот Ханыков тоже, бывало, задумывался...

— А как долго он занимался с вашим сыном?

— Как вам сказать... Больше, чай, году-то! Хорошо покойник, царство ему небесное, занимался! Ни одного лишнего слова не скажет, бывало, на занятиях: все шуточкой да лаской,— спервоначалу-то будто сердитый... А все же, когда заглянешь к ним, бывало,— стеснялся нас малость (старушка улыбнулась). Непривычен ведь он был к нашему-то брату — мужику!..

— Как непривычен? Он сам был ведь из мужиков.

— Что вы, господь с вами! Он был благородный человек,— загорячилась Лаврентьева.— Высокого образования человек! Ничего худого мы за ним не видывали... Спорили, бывало, с мужем-то, да это не наше дело. Видим: все вместе, все вместе,— значит, так

малость попетушились... Золотой был человек, царство ему небесное!

Нам стоило большого труда убедить современниц поэта, что Шевченко происходил из крепостных и отпущен на волю только в 1838 году.

Лаврентьева рассказала нам, между прочим, следующий факт. Однажды собрались у них гости, среди которых не было Шевченко. Сначала немного закусили, а потом уселись за чай. Пошли шумные разговоры. Как раз в это время вошел Шевченко. Остановившись в дверях и окинув гостей пристальным взглядом, он вынул карандаш и бумагу и быстро набросал расположившуюся около самовара группу. Все были так хорошо изображены, так живо и характерно, что художника обступили со всех сторон, умоляя подарить рисунок. И Тарас Григорьевич подарил, но кому — старуха не помнит; все лица у нее как-то перемешались. Некоторых ссыльных, как, например, Зенковского, она относит к эпохе пребывания Шевченко в Орской крепости, тогда как этот самый Зенковский содержался в крепости в конце 30-х годов; чего-либо существенного нам от нее так и не удалось добиться.

Не лишено интереса воспоминание о Тарасе Григорьевиче А. А. Быданова, записанное нами со слов старожилы М. И. Бажанова.

Быданов служил в одной роте с Шевченко, сначала унтер-офицером, а потом — фельдфебелем. Умер он недавно, дослужившись до классного чина. По его словам, Тарас Григорьевич был плохой солдат. Он становился в строй больше для того, чтобы своей полной, неуклюжей фигурой смешить солдат и начальство, которое в Орске относилось к нему довольно тепло и участливо. Служба поэту не давалась, и если бы к нему предъявлять те же требования, как и к остальным фронтовикам, то он не выходил бы из карцера. Амуниция его вечно была нечищена, пуговицы заржавлены. Узкий мундир сидел на его фигуре как-то не по-людски и во время маршировки очень часто лопался по швам. Перед учением в роте обыкновенно происходила настоящая комедия: сам Шевченко не мог надеть мундира, и дядьке всякий раз приходилось изо всех сил напяливать эту узкую в то время одежду на широкие плечи своего толстого ученика. Тарас пытел, отдувался, его бросало в обильный пот, и, задыхаясь, он начинал ругаться: «Ой, бисов кожух!»

Поэт не скидал свой мундир по целым дням из боязни опять возиться с его напяливанием. В жаркие летние дни, после учения, Тарас Григорьевич любил искупаться в Урале, но узкая одежда нередко лишала его и этого невинного удовольствия. Частенько, доведенный до потери терпения, он прямо в одежде бросался в воду. Одно время он систематически купался в этом мундире до тех пор, пока репрессии начальства, в виде суточного ареста, не заставили его сбрасывать с себя тяготившую его одежду.

Быданов подтверждает рассказ А. Ф. Канфера, что во время похода в степь, для возведения Раимского укрепления на берегу Аральского моря, с Тарасом Григорьевичем сделалось что-то вроде солнечного удара: он упал и оказался обмершим. Кричали: «Воды, воды!», — но воды, как назло, ни у казаков, ни в маечках у солдат не было. По словам Быданова, Тарас Григорьевич, очнувшись, но не будучи в состоянии говорить, знаками показал, чтобы ему хоть

чем-нибудь освежили запекшиеся уста... Скоро Шевченко оправился... Вот все то небольшое, что нам удалось собрать в Орске о Тарасе Григорьевиче...

Новопетровское укрепление, или форт Александровский, основано в 1848—49 гг. генералом Обручевым. Материальной частью при постройке заведовал в то время случайный адъютант Обручева, поручик Владимир Петрович Воронцов, впоследствии ротный командир Тараса Григорьевича.

Нижеследующие строки, являющиеся характеристикой скучной и однообразной жизни поэта в Новопетровском укреплении, рассказаны нам супругой покойного Воронцова. Вот что она нам передавала.

Вскоре по окончании постройки Новопетровского укрепления туда прислан был из Оренбурга Шевченко и попал, как нарочно, в роту самого строгого командира. Это был настоящий фронтовик, прекрасно усвоивший систему дисциплинарных взысканий графа Аракчеева. Фухтеля у него были самым обычным приемом для водворения в подчиненных дисциплины и чинопочитания. Вот к этому-то человеку и попал вначале Тарас Григорьевич. Нет сомнения, что поэт, благодаря своей полнейшей неспособности к фронтовой службе, очень часто подвергался взысканиям. Единственным спасением для него являлся послужной список, в котором значилось, что Шевченко записан в солдаты «за политическое преступление». Это и служило противовесом жестоким вспышкам разгневанного начальника. К счастью, он скоро был лишен командования ротой «за жестокое обращение с солдатами». Каково же было это «обращение», если даже в то суровое и строгое время его находили «жестоким»?!

С отставкой жестокого начальника Тарас Григорьевич вздохнул свободней. Новый командир, Владимир Петрович Воронцов, не был поклонником фухтелей и шпицрутенгов. Это был человек просвещенный, с хорошими порывами, артист в душе и, при всем том, мягкий и добрый начальник. Он великолепно рисовал акварелью и масляными красками, любил восхищаться беспредельной песчаной стенью и зеркальной гладью Каспийского моря... Стихи Шевченко он впоследствии добросовестно заучивал наизусть и долго их помнил.

Разумеется, ссыльный солдат и командир-художник очень скоро узнали друг друга и сошлись, насколько было возможно «сойтись» начальнику с подчиненным при тогдашнем воинском режиме. Шевченко в то время был юридически совершенно бесправен; ему было строжайше запрещено писать и рисовать и даже иметь письменные принадлежности. Это, конечно, тяжело для поэта, принуждая его сдерживать в себе порывы уже окрепшей музыки. Какова же была его радость, когда он узнал, что его новый ротный командир — художник, да еще, притом, любитель стихов?! С этого времени Тарас Григорьевич оживает...

Предварительно не лишним будет сказать, что Воронцов и все офицеры крепости в течение долгого времени знали Шевченко лишь как талантливого солдата, умевшего прекрасно рисовать и сочинять звучные стихи. Значение же его как народного малороссийского поэта им долго, конечно, не было известно.

ВОСПОМИНАНИЯ
О Т. Г. ШЕВЧЕНКО

В бытность мою в Орске я совершенно случайно встретился с одним из сослуживцев Т. Г. Шевченко, Агапом Федоровичем Канфером, который был фельдфебелем одной из рот 4 Оренбургского линейного батальона, где в течение нескольких лет томился автор «Кобзаря» и «Гайдамаков». Агапу Федоровичу теперь под 70 лет; по крови он семит, но семитического в нем, кроме типичной головы, решительно ничего не осталось. Почти ребенком его забрали в кантонисты и подвергли обычной в то время муштровке. Теперь он — дряхлый старик, но еще не утративший способности держать в своих руках бразды правления над многочисленным семейством. Как-то за стаканом чаю мы разговорились с ним про былое: про набег киргизов, про казачьи пикеты и про тяжелую николаевскую службу.

— А что, — спросил я, — не при вас ли был здесь на «исправлении» Шевченко?

— Как не при мне? Был, был и даже все время почти находился у меня в роте.

— Вот как?! Значит, поэтому вы расскажете мне, как он здесь был, как содержался: это для меня очень интересно; ведь Шевченко был великий малорусский поэт.

— Знаю, знаю... Только узнал-то я об этом недавно, а в ту пору и невдомек. Мало ли перебивало у меня солдат, разве всех-то упомянешь? А Шевченко-то еще не забыл: он служил у нас на особом положении.

— Расскажите, пожалуйста!

— Скажу, что помню, только мало у меня на памяти осталось. Человек он был у нас веселый, и с товарищами не прочь выпить. Видом из себя плотный, высокий; усища носил длинные, словно веревки крученые. Вел себя мирно, лишь время от времени над чем-то задумывался: держали его больно уж крепко. Писать и рисовать ему запрещалось (строжайшая бумага была из Оренбурга). А рисовал-то как! Настоящий был художник. Наскучит ему, бывало, сидеть в казармах — пойдет в укромное место да и давай на стене углем или мелом картины мазать. Просто умора! На стенах писал и стихи хохлацкие; все заборы испачкал. Офицеры его любили, а все-таки, видно, он шибко скучал.

Помню, собрались мы в Сырдарьинский поход; попал в команду и Шевченко. К учебной солдатской амуниции он был непривычен, а о походе и говорить нечего; ведь он у нас маленько-то льготами пользовался. Двинулись в поход. День был жаркий, безветренный; солнце пекло немилосердно; даже киргизы ехали без верхнего халата. Только переправились мы чрез Орь и вступили в зеленую еще в то время степь, как Шевченко вдруг пал в строю, крепок был,

а нет, сморила его духота. Подбежали офицеры, доктор, а ротный командир сначала было прикрикнул, да видит, что дело-то неладно,— пожалел. Положили его в походную повозку и двинулись дальше. Скоро он поправился и мало-помалу привык...

Других каких-либо сведений я от Агапа Федоровича не добился.

Другой орский старожил М. И. Бажанов рассказывал мне, что Тарасом Григорьевичем была нарисована прекрасная картина-аллегория. Она представляла из себя малороссийскую деревушку со всеми аксессуарами южной природы. На первом плане картины выделяется ветхая хатка, обнесенная высоким частоколом. Синеватое небо местами затянуто тучками, из-за которых по временам вырываются солнечные лучи и, проникая чрез отверстие частокола, живописными узорами золотят хатку. Лицом к ограде и затылком к избушке стоит тогдашний министр народного просвещения; в распростертых руках он держит развернутую солдатскую шинель и пытается загородить ею проникающие чрез ограду солнечные лучи и таким образом оставить в тени убогую хатку. Где эта картина — М. И. Бажанов не знает.

На мои расспросы относительно того, не хранятся ли в архиве воинского начальника какие-либо документы, относящиеся к ссылке Шевченко, я получил ответ, что документы эти сгорели в последний большой пожар 1888 года, уничтоживший весь Орск.

Других сведений о жизни Тараса Григорьевича в Орске я собрать не мог.

К. И. Герн

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Общее горе сближает людей! Я не считаю вас чужим, мой добрый знакомый незнакомец; как могу и насколько могу, исполню желание ваше о доставлении сведений о времени бытности нашего дорогого покойника Тараса в Оренбургском крае. Так как сведения эти предназначаются его друзьям, то, вероятно, за подробности на меня сердиты не будете. Многие из них, без сомнения, вам уже известны из изустных рассказов покойника.

Тарас прибыл в Оренбург летом 1847 года, с приказанием назначить его на службу в одну из отдаленных крепостей; выбрали крепость Орскую, куда он тотчас же отправился. Первый сообщил мне об этом полусумасшедший наш начальник штаба Прибытков, у которого, по болезни его, я занимался. «Вообразите себе, Карл Иванович, какого господина к нам сегодня прислали: ему запрещено и петь, и говорить, и еще что-то такое! Ну как же ему при этих условиях можно жить?»

Хотя я впоследствии узнал, что запрещение касалось вовсе не пения, но, сознавая, что *жить* действительно ему будет трудно, отправился к добрейшему бригадному генералу, Лонгину Иванови-

чу Федяеву, и вместе с ним настрочили послание к командиру батальона, в который назначен был Тарас, майору Мешкову, прося его, чтобы он обратил особенное внимание на несчастного сосланного и помогал ему, в чем может.

Мешков понял просьбу нашу по-своему: принялся самолично, по несколько часов в день, мучить бедного Тараса солдатскою выправкой, учебным шагом в три приема и другими тонкостями строевой науки, выбиваясь из сил, чтобы образовать из него хорошего фронтовика. Пытка эта продолжалась до весны 1848 года, в которую доброму Алексею Ивановичу Бутакову удалось прикомандировать Тараса к команде, назначенной для плавания по Аральскому морю.

Пробывши в экспедиции этой без малого три года, Тарас привез с собою множество эскизов, снятых им во время пути степью и во время плавания по морю, частью карандашом, частью же слегка тронуты акварельными красками, где понадобилось выразить особенности степного колорита. Он воротился уже не в Орскую, а прямо в Оренбург; жил сначала вместе с Бутаковым, а по отъезде Бутакова в Петербург перешел жить ко мне.

Что за чудная душа у этого Тараса!

Живя у меня, он много рисовал, в особенности портреты, и сделал несколько превосходных пейзажей акварелью из привезенных с Аральского моря эскизов; начал масляными красками писать портрет мой и жены моей. В числе посетителей его довольно часто навещал Левицкий, с которым они в два голоса пели малороссийские песни. Кажется, брат ваш Федор тоже принимал иногда участие в этих импровизированных концертах; но я не слыхал ничего восхитительнее этого пения.

Не долго утешались мы: опять подула на бедного Тараса невзгода! Какой-то подлый человек написал губернатору донос о том, что Тарас рисует. Предупрежденный друзьями, он успел скрыть следы рисования, причем мой несчастный портрет был сожжен; но донос этот имел два бедственных последствия: найдено было письмо Левицкого, писанное в весьма неосторожных выражениях, по которому бедный впоследствии сильно пострадал, и самого Тараса опять перевели на Сырдарью, а потом в Новопетровское укрепление на Мангышлаке. Много он тут перенес горя и скуки!.. Сначала напуганное начальство строго смотрело за тем, чтобы он не писал и не рисовал; но потом строгости эти смягчились и, как мы узнали, он успел несколько превосходных акварельных и рисованных сепией картин переслать в Малороссию, откуда, по горячему сочувствию преданных друзей, притекали к нему и средства к жизни. Он, впрочем, жил постоянно так скромно, что ему немного было надобно.

Оттуда я получил от него превосходный акварельный рисунок песчаного бурана в Мангышлакской пустыне, который храню, как единственную оставшуюся у меня дорогую память о покойном; все бывшие у меня на сохранении эскизы, бумаги и книжечку с малороссийскими его стихотворениями я ему возвратил. Осталось только черновое письмо его к Жуковскому, писанное в весьма грустном расположении духа, пред отправлением в Новопетровское укрепление. В конце письма я вам сниму копию с этого документа, в котором так рельефно выражено положение несчастного страдальца

и сетование на К. П. Б. (вероятно, Карла Павловича Брюллова)...

В Новопетровском укреплении Тарас попытался лепить. Первый опыт были два барельефа: один изображал внутренность киргизской кибитки, с двумя сидячими фигурами — мужчиной и женщиной; другой — молящегося спасителя; несколько отливок этих барельефов он прислал оренбургским своим друзьям; а мне — самые формы их. К сожалению, я их не взял с собою в Орду, а оставил у себя на хуторе; а то бы можно было на память друзьям его отлить этих барельефов сколько угодно. Впрочем, время на это еще не ушло: когда-нибудь же бог даст мне вернуться домой и вырваться из этой мертвой пустынной Орды, в которую, вероятно, за какие-нибудь тяжкие грехи мои судьба меня засадила.

Пред отправлением в Новопетровск Тарас, сидя уже под арестом на гауптвахте, узнал о существовании в Оренбурге бедного мещанина Хлебникова с необыкновенным дарованием к живописи; добрался до него, удостоверился в действительно замечательных способностях этого молодого человека и, отъезжая, передал его на мои руки. К сожалению, мы могли помочь Хлебнику только материальными средствами: он впоследствии был освобожден мещанским обществом, сделан учителем рисования в уездном училище и с горем пополам существовал, поддерживая крайне бедное свое семейство. Во время последней бытности моей в Оренбурге, осенью прошлого года, я видел Хлебникова и узнал от него, что он успел наконец собрать несколько деньжонок, чтоб отправиться в Петербург и там, с помощью Тараса, поступить в Академию художеств. Застал ли бедный человек этот Тараса еще в живых, и что с ним делается, и как он успел себя пристроить, я не знаю, потому что не получил от него обещанного письма из Петербурга. Если он у вас не был, то отыщите его, пожалуйста. Могу вас уверить, что покойник принимал в нем самое искреннее участие и, помогая этому несчастному бедняку, мы исполним заветную мысль Тараса, и он нам за это с того света спасибо скажет. Вы и мне дайте возможность участвовать в этом добром деле.

Д. Г. Клеменсов

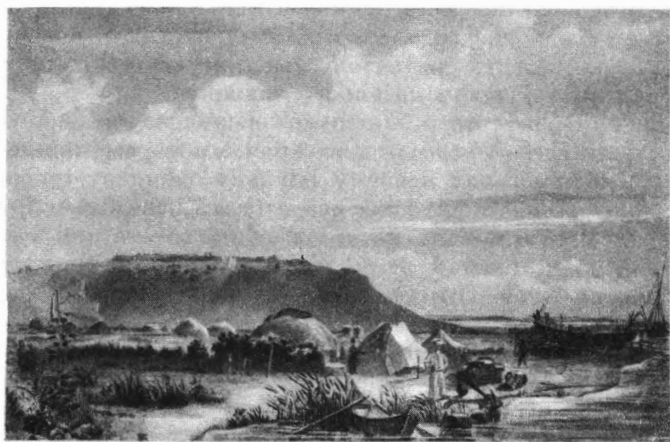
КОЕ-ЧТО ИЗ ЖИЗНИ
Т. Г. ШЕВЧЕНКО В РАИМЕ

Ровно десять лет, с 1847 по 1857 год, провел даровитый украинский поэт Тарас Григорьевич Шевченко в ссылке... 9 июня 1847 года Шевченко был уже в Оренбурге, откуда немедленно, по распоряжению генерала Обручева, отправлен в Орскую крепость для зачисления в 5-й Оренбургский линейный батальон. Здесь он пробыл почти целый год, до мая 1848 года. Как провел поэт этот год, — мы не знаем, можем указать только, что времяпрепровождение его было угодно начальству, как это видно из официальной аттеста-

ции командира 5 линейного батальона: «рядовой Тарас Шевченко ведет себя хорошо, службою занимается исправно, образ мыслей его не подает никакого повода к чему-либо предосудительному» («Исторический вестник», 1886 г.).

11 мая 1848 года Шевченко уже шагал по Каракумским пескам в составе прикрытия транспорта генерала Шрейбера в укрепление Раим, построенное незадолго перед этим на берегу реки Сырдарья, служившей в ту пору естественной пограничной чертой между Россией и владениями независимых степных инородцев.

Т. Г. Шевченко
Укрепление Раим.
Вид с верфи на Сырдарье
Аquareль. 1848

Начальником укрепления в это время был Ерофеев, личность легендарная, но как при нем, так и позже, до репрессалий, начавшихся с 1850 годом, жизнь Тараса Григорьевича была относительно сносной. Он пользовался самой широкой свободой, возможной в полудикой стране, находившейся притом на военном положении.

Жил он отдельно от солдат в особой калмыцкой юламейке, ходил и ездил когда и куда угодно, посещал даже соседних мирных киргизских старшин; его переписка с друзьями была свободна от контроля, местное начальство не возбраняло ему даже носить традиционную опушковую шапку и партикулярное платье, — в таком положении, по крайней мере, застал его в Раиме девятнадцатилетний прапорщик, ныне уважаемый земский деятель Э. В. Нудатов, со слов которого мы пишем настоящие строки.

Понятно, что о запрете на рисование не было и помина, и хотя у Тараса Григорьевича не было красок, — он невозбранно рисовал тушью и пером. Делалось это не только с ведома, но часто и по просьбе начальства, так, у нас имеется портрет Э. Нудатова, нари-

сованный Шевченко тушью по просьбе этого офицера. Несколько позже, когда для промера и вообще исследования берегов Аральского моря была послана особая экспедиция под начальством флота капитан-лейтенанта Бутакова и Шевченко прикомандировали к этой экспедиции «для снятия береговых видов Аральского моря», генерал Федьев, прибывший в Раим для смены гарнизона, привез Тарасу Григорьевичу набор красок. Полагать надо, что все эти краски были поглощены надобностями экспедиции, потому что в следующую зиму 1849 года Шевченко уже не имел их в руках и снова рисовал портреты и проч. просто тушью или пером...

Берега Сырдарьи и Аральского моря были в ту пору в полном смысле слова *terra incognita*¹ для всего цивилизованного мира. До чего смутны были представления об этих местах — видно из следующего характерного обстоятельства, рисующего, кстати, типическую исполнительность казенного чиновника.

Командир Оренбургского корпуса генерал-майор В. А. Обручев, как начальник всего Оренбургского края, к которому причислялись и берега Сырдарьи, дал некоему Шульцу, офицеру генерального штаба, официальное поручение исследовать неведомые дотоле берега Сырдарьи и отыскать на них удобные места для возведения укреплений, пристаней и всего прочего. Исполнительный немец отправился во главе солидной экспедиции, пробродил где-то несколько месяцев и, возвратившись, донес Обручеву, что берега представляют собою нечто вроде Эдема: травы там выше роста человека, растительность тропическая, климат превосходный, лазурь небес и вообще все прелести, какие только могут сниться истому немцу в Одиновой Валгалле. Прельщенный прелестью немецкого описания, Обручев отправился в экспедицию самолично, предполагая основать укрепление-порт на одном из лучших пунктов реки по указанию Шульца. То, что представилось глазам начальника края, было настолько далеко от радужных немецких описаний, что Обручев, наскоро возведя кое-какие необходимые постройки, поторопился удрать от этих мест, сделавши перед отъездом категорическое распоряжение:

— Вот что, друг, если ты этот проклятый богом край называешь раем, так сяди же тут, пока не вырастишь пахучих трав в рост человека, не притянешь сюда лазоревых небес и всего того, что написал в своем донесении.

Действительно, как видно из рассказов г. Нудатова, край этот представлялся чем-то ужасным. Весь путь, почти от Орской крепости, тянулся по необозримым сыпучим пескам, при малейшем ветерке менявшим весь профиль местности. Вьюки, снятые с лошадей и верблюдов на привале, оказывались к утру целиком занесенными волнами зыбучего песка. Берега же Сырдарьи представляли собою беспрерывные болота, поросшие огромными, до трех саженей в высоту, зарослями камыша, ютившими в своих дебрях бесчисленные стаи диких гусей, уток, двухаршинных клыкастых кабанов, змей и тигров.

Немудрено, что эта сторонка, с легкой руки Обручева сделавшаяся местом военно-административной ссылки, чем-то вроде дисциплинарного батальона, не тянула к себе никого и пополнялась

¹ Неизведанной землей.

исключительно выпусками из «палочной академии». Если же туда и попадали воспитанники других академий, то это являлось просто случайностью, основанной на пословице «от тюрьмы да от сумы не отказывайся». Вот, например, как попал туда г. Нудатов, воспитанник оренбургского Неплюевского корпуса.

1848 год был одним из самых тяжелых в последнем столетии жизни русского народа. Азиатская холера божьим бичом прошла тогда чуть ли не по всей России.

...Одним из наиболее пострадавших от холеры городов был Оренбург. Жертвы этой страшной, тогда совершенно еще не исследованной болезни валились без счета, точно колосья под лезвием острой литовки, их не успевали хоронить. Во время эпидемии из Оренбурга по всем окрестностям, на десятки верст рассылались казачьи разъезды для погребения гнивших под открытым небом трупов...

Для предания трупов земле в караван-сарай ежедневно приводились из замка большие партии арестантов, целые дни занимавшихся только рытьем братских могил да сваливанием туда очередных трупов из штабеля. Многие из невольных могильщиков рыли могилы буквально для самих себя, так как тут же падали, пораженные ужасною болезнью. И вот, в один из таких страшных дней девять арестантов не выдержали и бежали из партии, возвращавшейся в замок. Так как караул в тот день занимал г. Нудатов, то ответственность за побег падала на него. Военно-судная комиссия, наряженная по этому поводу, вне всякого сомнения оправдала бы невольного виновника, но, на свою беду, напуганный каким-то арестантом, офицером из поляков, прапорщик вздумал оправдываться непосильностью лежавших на нем и на всех низших офицерах обязанностей, и в этом духе дал письменные ответы на такие же запросы военно-судной комиссии.

Это сочли за жалобу на начальство, что в ту суровую пору считалось более чем непростительным, и прапорщика, кое-как замявши дело, отправили в ссылку на край света в укрепление Раим, незадолго перед тем построенное, как мы уже говорили, Обручевым при посредстве Шульца. Впоследствии уже, вероятно, желая как-нибудь завершить дело, комиссия вновь затребовала от г. Нудатова ответов на свои запросы уже из Раима.

Шевченко, к которому Нудатов обратился как к «опытному, компетентному» с вопросом, как поступить, посоветовал ответить: «На сие имею честь уведомить военно-судную комиссию, что ответы на требуемые оной комиссией вопросы мною уже даны такого-то числа в бытность мою в Оренбурге», то есть посоветовал сослаться на оправдательную отповедь, собственно-то и вызвавшую ссылку г. Нудатова в Раим.

— Пускай-ка они там почухаются! — добавил советчик.

Расчет Тараса Григорьевича оправдался, и Нудатова больше не тревожили запросами.

Первая встреча г. Нудатова с поэтом, находившимся в укреплении уже около полугода, произошла на параде у церковной палатки в день прибытия г. Нудатова во главе большого транспорта, доставившего в Раим жалованье, провиант и оружие. Передаем словами рассказчика о впечатлении встречи.

«Меня паразила,— говорит г. Нудатов,— какая-то странная

неуклюжая фигура, разгуливавшая по церковной площади. Кругом все военный народ — солдаты, офицеры, а он в мерлушковой шапке, в широких шароварах, в какой-то странной поддевке (свитка?) и с бородой. Он так вольно похаживал, заговаривал с офицерами, смеялся».

На вопрос г. Нудатова один из офицеров укрепления ответил, что это знаменитый поэт Шевченко, сданный в солдаты по какому-то политическому делу.

— В солдаты? Почему же он не в форме? И с бородой?

— Ну, что вы, ему и без того горько!

Вот как смотрели на Шевченко сотоварищи по службе.

Начальником укрепления в то время был уже казачий полковник Ефим Матвеевич Матвеев, построивший свои отношения к поэту-солдату на той же мерке участия и сожаления.

Прибыл Шевченко в Раим, как мы уже сказали, несколько ранее назначения туда Матвеева, при Ерофееве, об отношениях которого к поэту мы уже сообщили. Таких добрых отношений держались все, так или иначе сталкивавшиеся с ним. Вообще ему дозволялось многое, о чем и не мечтали его петербургские друзья. Надо, впрочем, заметить, что удаленность Раима от всех административных центров России влекла за собою такие последствия, что за судьбу ссыльного трепетали, и небезосновательно.

...Вообще вся жизнь поэта в Раимском укреплении рисуется нам, со слов г. Нудатова, крайне печальными красками. Редко Шевченко увлекался рисованьем какого-нибудь портрета, еще реже стихами, которые он тут же, прочтя кому-либо из приятелей, уничтожал.

Чтения у него почти не было, если не считать двух-трех книжонек, имевшихся у крепостных офицеров.

Денежные средства Тараса Григорьевича были крайне скудны; не получая помощи решительно ниоткуда, он крайне нуждался в деньгах. Единственным денежным ресурсом его были портреты с сотоварищей, за которые он получал обыкновенно по червонцу за каждый, но так как офицеров в укреплении было очень немного *, то и весь годовой бюджет Тараса Григорьевича был крайне скуден. Положим, что казна давала ему все необходимое для поддержания существования, но ведь не единым хлебом, сказано, жив будет человек, и Тарас Григорьевич должен был строго ограничивать свои потребности.

Квартируя в особой от солдат юламейке, вместе с таким же безденежным солдатом из поляков (Нудатов не припомнил его фамилии), Тарас Григорьевич, поочередно с соквартирантом, прини-сил себе туда же пищу из общего солдатского котла.

Не для характеристики раимского, бывшего вообще очень хорошим, а для определения общего солдатского пайка, мы приведем следующий характерный рассказ г. Нудатова.

Над консервированием пищевых веществ хлопотали и в ту пору, так что бисмарковская гороховая колбаса является в этом деле не первинкой; не немец выдумал консервы. Генерал Обручев не отста-

* Кроме упомянутых в настоящей статье и кроме казачьих офицеров, в Раиме были: Ковальский — начальник артиллерии, Васильев — инженер, Селецкий — штаб-офицер, Шкуль — ротный командир и Богданович — субалтерн.

вал от других и выдумал сушеную капусту. Насушили целые горы капустных листов и разслали в разные подведомственные изобретателю места для наполнения выносливого солдатского брюха. В число объектов наблюдения попал и раимский гарнизон с Тарасом Григорьевичем. Из консервированной капусты наварили какой-то бурды и торжественно, в присутствии всего крепостного начальства, дали солдатам испробовать. Солдатики поморщились, хлебнули раз, другой и позасовывали ложки, по обычаю, за голенище.

— Хорошо? — спрашивает Матвеев.

— Так точно, вашскобродие!

— Почему же не едите, или не вкусно?

— Так точно, вашскобродие!

— Ну, что ж, выбросить, что ли?

— Рады стараться, вашскобродие! — обрадовались солдатики.

— Я знаю, что вы рады бы, да казенное добро бросать зря не годится.

— Что ж делать с ней? — задумался Матвеев.

— Киргизам заместо табаку сбудем, вашскобродие! — предложил чей-то изобретательный голос, и весь транспорт капусты действительно ушел к киргизам, охотно выменивавшим и курившим это зелье*.

Правда, раимский гарнизон не нуждался ни в каких консервах; сырдарьинские дебри камыша давали ему так много всякого довольствия, что весь так называемый порционный скот оставался все время нетронутым. Солдаты ходили целыми командами в камыши, и каждая охота давала такое обилие дичины — кабанов, уток, гусей, фазанов, что весь гарнизон питался только этим. Весною добывалась такая масса яиц дикой птицы, что их возили к Раиму полнехонькими лодками. Понятно, что Тарас Григорьевич не нуждался в пище, но в то время, когда ему почему-либо не хотелось есть солдатское варево из смеси кабаньего, гусяного и иных мяс, он свободно шел обедать к кому-нибудь из офицеров, и последние всегда охотно принимали Тараса Григорьевича в число сотрапезников.

Сам Тарас Григорьевич охоты не любил и никогда не ходил на нее, но г. Нудатов помнит один случай, где Шевченко принимал деятельное участие в убийстве тигра. Тигров в непролазных камышах Сырдарьи было довольно изрядное количество, но солдаты и казаки избегали этой охоты; поколачивали леопардов, но тигров боялись. Однажды, плывя в баркасе с большой партией — человек в 70, г. Нудатов услышал в камышах страшный треск. Кабан так не ходит, у него есть готовые проторенные дорожки, а это шло, видно, напролом, не разбирая дороги. Казаки догадались, что это был тигр, и попросили разрешения пристать к берегу поохотиться, но еще нос баркаса не успел уткнуться в берег, как охотники пошли на попятный, несмотря на то, что за шкуру убитого зверя казна платила тогда по 10 руб.

Вообще за все пребывание г. Нудатова в Раиме (Раим-Кала, получившая свое имя от местного богатыря Раима, похороненного внутри крепости на небольшом пригорке. Могила его — каменный

* Торговля с киргизами в то время была только меновая. Киргизы вовсе не принимали денег, и если в киргизских становищах иногда и встречались монеты, то только в виде серег, ожерелий и тому подобных женских украшений.

полумесяц — уцелела, кажется, и по сей час) в укреплении не устраивалось ни одной охоты на тигра; убит был только один при деятельном участии Тараса Григорьевича, но об этом дальше, а пока скажем, что в ту пору, при плохих кремневых ружьях, тигровая охота едва ли кому могла казаться заманчивою.

В 1849 году был такой случай: какой-то лакомка-тигр облюбовал себе становище киргизов, состоявшее из 50 или 60 юламеек. В первое время он только потаскивал скотину и втихомолку съедал ее где-нибудь в камышах, а в конце дошел до такой наглости, что, ничуть не стесняясь человеческим обществом, забирался всередину становища (последние устраиваются обыкновенно так, что юламейки ставятся кругом, оставляя всередине обширный двор) и, закусивши верблюжонком, преспокойно растягивался тут же на ночлег. Выспавшись, он уходил, вероятно, для моциона в камыши, а потом снова возвращался.

Пока дело шло о верблюдах, киргизы не беспокоились особенно. «Кушай мала-мала», — спокойно говорили они, хотя несколько раз меняли место становища, — тигр, однако, очень скоро находил его, вовсе, по-видимому, не намереваясь оставить своих привычек, — но скоро непрошенный гость начал добираться и до человеческого мяса. Стоило какому-нибудь неразумному киргизенку высунуть нос из своей норы не в урочное время, тигр уже тут как тут и кушает молодого каракалпака. Этого снести было уже нельзя; киргизы столковались и решили отвадить гостя.

Человек сто, вооруженных пиками, саблями, кинжалами, луками (ружьями русское правительство их не баловало, а англичане еще не знали этих мест) разом высыпали из юламеек и двинулись плечо с плечом на удивленного хищника. Тигр поднялся, расправил спину и стал выжидать приближения непокорных данников. Произошла страшная рукопашная схватка целой сотни на одного, и дело кончилось тем, что тигр ушел, правда, весь израненный, но на месте схватки осталось 6 человеческих трупов да человек 20, страшно изуродованных, привезли в укрепление на попечение военных докторов.

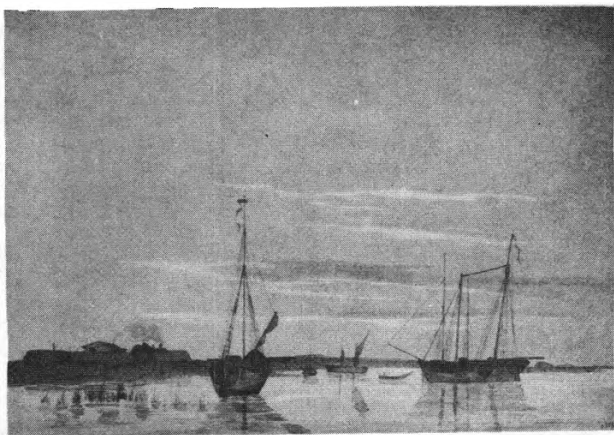
А «охота» Шевченко происходила при следующих условиях: однажды четверо казаков ухлопали огромнейшего кабана. Тушу вытащили кое-как из камышей и бросили на берегу, предполагая на следующее утро прислать за нею телегу, но на утро половина двадцатипудовой туши оказалась съеденною, причем на песке остались несомненные следы присутствия тигра. На собранном по этому поводу солдатском совете Тарас Григорьевич предложил оставить тушу на месте, но прямо к ней насторожить несколько ружей. К последним от туши провести бечевки и приспособить их так, чтобы тигр, зацепивши свой ужин, непременно спустил все курки. Тарас Григорьевич тут же устроил модель приспособлений на особых рожках, и охотники устали свою засаду. На следующее утро, к великому удовольствию Тараса Григорьевича, тигра нашли убитым, но на расстоянии полуверсты от места катастрофы! Шесть ружей выпустили свои заряды, шесть пуль всадили в зверя, но он имел еще силы отойти почти на полверсты. Шкура этого царя камышей, не считая хвоста, была не менее четырех аршин в длину.

Как было не бояться такого зверя!

Итак, в пище Тарас Григорьевич не нуждался, но в деньгах —

очень, и потому попросту сам напрашивался, предлагая свои услуги снять портрет с кого-либо. Один из таких случаев напомнил г. Нудатову интересный разговор с поэтом, который мы считаем нелишним привести здесь.

Пользуясь в Раиме относительной свободой, Шевченко часто уезжал из крепости гостить в соседние стоянки мирных киргизов. В одну из таких поездок к бию (калмыцкий князь), лежа на разостланной у биевой палатки кошме — за кирпичным чаем, Шевченко предложил г. Нудатову снять с него портрет в настоящей его позе и обстановке.

Т. Г. Шевченко
Шуны возле форта Косарал.
Акварель. 1848—1849

— Бросьте, Тарас Григорьевич,— ответил Нудатов,— если бы из того червонца, что вы зарабатываете, толк вышел, а то ведь опять пропьете, а в этом что хорошего? И на вас больно смотреть, да и вам самим нехорошо.

Тарас Григорьевич опустил голову.

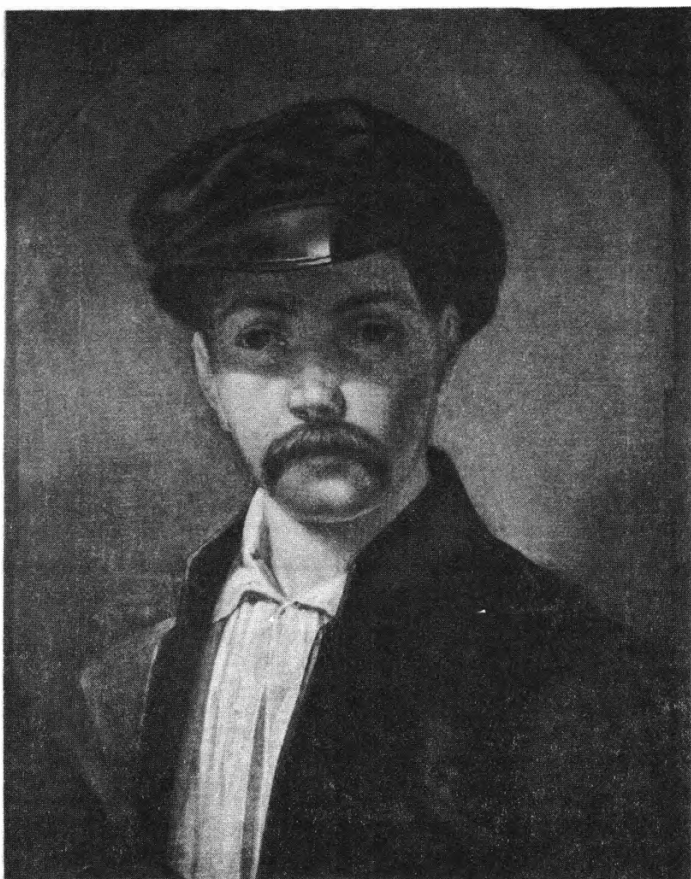
— Что об этом толковать! — через минуту сказал он.— Вы вот тоже, как и я, за вину сюда попали, да знаете, что скоро выйдете и опять станете вольной птицей, а я? Я не только не знаю, когда и куда, а не знаю даже, выйду ли из этой каторги.

Портрет все-таки был снят. Вот до чего бы унижен человек, а петербургские друзья его занимались в это время платоническими соболезнованиями о судьбе гонимого поэта. Впрочем, иначе на свете и не бывает. Все друзья В. Белинского негодовали на издателя, закрепостившего себе труд гениального критика, но никому и в голову не пришло помочь нуждающемуся сотоварищу выбиться из-под тяжелой руки эксплуататора...

Кроме портретов, Шевченко делал иногда снимки местностей

и легкие жанры, а один раз изобразил большую карикатуру на местное общество.

Женское общество укрепления состояло, если не считать по-падьи, из одного только семейства провиантского чиновника Цыбисова (Дамис, новый начальник Раима, сменивший Матвеева, прибыл в укрепление с женою (кажется, морганатической) и дочерью

Т. Г. Шевченко (?)
Автопортрет в черной фуражке
Масло. 1850

несколько позже). Дочь Цыбисова, хорошенькая девятнадцатилетняя брюнетка, влекла к себе все сердца укрепления. Наиболее сильно такая любовная горячка сказывалась в первых числах каждого месяца, когда головы офицеров еще не успевали прийти в норму после непрерывных возлияний Бахусу. Бедная девушка в эти числа

выслушивала по десятку предложений, забывавшихся, однако, виновниками на другой же день по вытрезвлении. Вот на этот-то наплыв матримониальных чувств в пьяные сердца Шевченко нарисовал карикатуру. Он изобразил всех ухаживателей направляющимися к дому Цыбисова прямо из палатки маркитанта. Тут среди других офицеров Тарас Григорьевич изобразил и четырех наиболее близких своих приятелей — поручиков Эйсмонта и Нудатова и двух докторов — Лаврова и Килькевича. Виновница демонстрации сидела в объятиях матери у входа в юламейку, а над ними в позе боксера высилась фигура негодующего отца семейства, лопатой угрожающего наступающим женихам. Эта большая, около аршина в длину, карикатура была набросана пером на большой чистой доске обыкновенного деревянного некрашеного стола, стоявшего в палатке.

Вот в какой обстановке прожил поэт лучшую пору своей жизни, ту, в которую наиболее проявляется сила и творчество человека...

Да и какую иную жизнь могли создать остальные сотоварищи его — пионеры заселения «степной России», Руси каракалпаков, тигров, зыбучих песков и страшных зимних буранов, вплотную заносивших снегом незатейливые глинобитные мазанки полудеревни-полукрепости? Не говоря уже о книгах или газетах, в дальних степных укреплениях зачастую не хватало даже провианта. Однажды офицеры Раима получили «циркулярное» приглашение от одного из сотоварищей «пить чай с сахаром». Полюбоваться на вышедший из обихода уже около месяца сахар собралось все офицерство, здесь же был и Шевченко. Оказалось, что шутник-хозяин, разыскавши где-то в тайниках чемодана случайно застрявший там кусочек сахара, повесил его на веревочку над столом и предложил собравшимся пить чай, поглядывая время от времени на единственный уцелевший в укреплении кусочек сахара.

Летом 1849 года Шевченко ездил в Аральскую экспедицию с Бутаковым. Какова была эта экспедиция, что вынес из нее поэт, — г. Нудатов, остававшийся в Раиме, не знает, да многое даже из виденного и слышанного им, за долгий 40-летний промежуток с 1848 по 1889 год, улетучилось из его памяти. И немудрено. Слава Тараса Григорьевича, эта прихотливая любовница, венчающая своих избранников обыкновенно после конца всех их житейских треволнений, слава поэта сверкнула много позже описываемого нами времени, и тогда только Нудатов узнал, с кем stalkивала его судьба.

И теперь в воспоминаниях его, уже подернувшихся туманом былого, симпатичный образ изгнанника-поэта рисуется далеко неясными штрихами. Время пощадило только отдельные эпизоды, да и то выдающиеся, детальная же сторона столкновений Нудатова с поэтом закрылась непроницаемым флером минувшего.

Шевченко часто читал нам свои стихи, говорит Нудатов, и я как теперь помню его мягкий, певучий, ласкающий голос. Помню, как однажды ранней весной мы вышли с ним на солнечный припек и расположились на глинобитных скамейках у южной стены солдатских казарм. Мы были одни и сидели молча. Долго смотрел Тарас Григорьевич на ярко блестящие желтовато-белые пески голой степи и начал читать мне на память какие-то отрывки на своем родном наречии.

Я не помню уже их содержания, но у меня осталось в памяти одно слово, как будто заглавие поэмы — «Наймичка».

Да, и солдатская шапка, и тяжесть изгнания не могли выветрить из печальной души — души поэта — родных звуков его далекой родины.

А. И. Макшеев

**ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО КИРГИЗСКИМ СТЕПЯМ
И ТУРКЕСТАНСКОМУ КРАЮ**

**МОЙ ПЕРВЫЙ ПОХОД НА СЫРДАРЬЮ
И ПРЕБЫВАНИЕ В РАИМЕ**

ПРИЕЗД В ОРЕНБУРГ И НАЗНАЧЕНИЕ В СТЕПЬ

...23 декабря 1847 года я приехал на службу генерального штаба в Оренбург, а летом 1848 года мне удалось уже совершить продолжительное путешествие по киргизской степи. Генерал-квартирмейстер главного штаба, генерал-адъютант Берг, письмом к корпусному командиру просил командировать меня и двух других молодых офицеров генерального штаба — Каведеева и Лео — в степь для узнавания порядка движения отрядов и ознакомления с местностью. Вследствие этого сначала мне назначено было идти с отрядом, долженствовавшим из Новопетровского укрепления начать съемку Усть-Урта, но вскоре полученные сведения о сборище хивинцев на Усть-Урте заставили корпусного командира отложить эту съемку, и я получил предписание состоять при отряде, назначенном проводить съемку в песках Каракум, и при этом: во-первых, вести подробный путевой журнал по дням и, сверх того, составить описание пройденного пространства, имея в виду в особенности: а) главнейшие предметы местности, заслуживающие внимания в военном отношении, именно: пути, реки, озера, болота, колодцы, горы, пески, пастбищные и луговые места и прочее и б) сведения о киргизских родах и аулах, также и о соседних азиатских владениях в той мере, в какой представится случай таковые собрать, и, во-вторых, избрать между Уральским и Раимским укреплениями промежуточный пункт для устройства форта, подобного Карабутацкому. Перед самым же выходом в степь корпусный командир словесно приказал мне состоять при командире 2-й бригады 43-й пехотной дивизии генерал-майоре Шрейбере, назначенном для начальствования над отрядами и транспортами в степи и для инспектирования укреплений, а по прибытии в Раим дозволил отправиться с лейтенантом Бутаковым в Аральское море для описи его берегов; разумеется, я не упустил случая воспользоваться этим дозволением.

По получении назначения в степь необходимо было озаботиться средствами к существованию на все время пребывания в ней, так как в степных укреплениях торговых лавок в то время еще не было. Хотя каждому офицеру и выдавалась в степи солдатская порция сухарей, крупы, мяса и водки, но, по непривычке к солдатской пище, мне все-таки пришлось запастись на полгода значительным количеством провизии, именно: пшеничными сухарями и мукой, коровьим маслом, закупоренным в бутылки, чаем, сахаром, вином, сигарами и проч. Затем оказалось необходимым, кроме белья, летней одежды и обуви, взять с собой походную посуду, походную мебель, то есть складную кровать с тюфяком, стол и стул, сбрую для одной верховой и пары подъемных лошадей и прочее. И все это нужно было приноровить, с одной стороны, к насущным потребностям, а с другой — к возможности перевозки на паре несчастных лошадей, обреченных в течение всего похода ежедневно и бессленно тащить свой груз, несмотря ни на сыпучие пески, ни на всякие солончаки, ни на совершенный порою недостаток воды и подножного корма. Лошади офицерам давались казенные, взамен подъемных денег, на которые Обручев был скуп. Кроме того, для бивуаков офицерам выдавались джуламейки, то есть небольшие киргизские кибитки, или круглые войлочные с острокопечным верхом палатки. Я не знаю ничего удобнее для похода джуламейки. Она отлично защищает как от палящего зноя, так и от холода и дождя, может быть открыта для вентиляции с любого бока и сверху, ставится и убирается необыкновенно скоро, никак не более как в пять минут. Одно неудобство, что она несколько тяжела; верблюды везет не более двух, а подвода не более трех джуламеек.

Окончив большую часть приготовлений, я выехал из Оренбурга на почтовых 2 мая и с небольшим через сутки прибыл в Орскую крепость. Спокойная круглый год крепость и станица принимала во время отправления транспортов в степь необыкновенно оживленный вид. По улицам сновали казаки, башкиры и киргизы, пешие и конные, а около везде были обозы, лагеря, табуны лошадей и прочее. Корпусный командир со свитой и служащие в Орске суетились с раннего утра до глубокой ночи...

ВЫСТУПЛЕНИЕ

11 мая выступил из Орска в степь главный раимский транспорт, при котором я находился. 1500 подвод выстроились, по направлению пути, в две линии, каждая в три нити, и заняли в глубину более версты. Рота пехоты с двумя орудиями поместилась впереди между линиями, а две сотни казаков по бокам и сзади. Отслужили напутственный молебен, и транспорт тронулся. Корпусный командир проводил его версты три и потом, став со свитой на возвышенности, пропустил его мимо себя и простился со всеми. Я ехал с жокаками киргизами впереди и был уже далеко, когда за мной прискакал адъютант корпусного командира, вспомнившего, что он не простился со мною.

Первое впечатление, которое произвела на меня киргизская степь, было в высшей степени грустное. Солнце ярко палило необо-

зримую равнину, покрытую желтым, уже высохшим, ковылем. Пыль от повозок широкою полосой закрывала часть горизонта. Кругом все было тихо, и только скрип от телег мерно и уныло нарушал эту мертвую тишину. Казаки и башкиры повесили носы. Солдаты затянули было песню, да скоро умолкли. Даже лошади, как будто предчувствуя, что им предстоит дальний и трудный путь, лениво и вяло тащили свои возы. Только киргизы, наши вожаки и посыльные, беспечно и весело ехали впереди, глаза по сторонам, как будто находя особенную красоту в этой безграничной пустыне.

Вечером, когда транспорт остановился на ночлег, люди занялись уборкою лошадей и приготовлениями к отдыху. Жара уже спала, и стало темнеть. Явились огни. Около котелков, в которых варилась незатейливая походная пища, образовались мало-помалу группы отдыхающих после утомительного первого перехода, и отовсюду слышались бойкие речи русские, татарские и на языке, которым говорят русские с татарами и понимают друг друга. Среди общего оживления особенно резко выдавались вблизи, в солдатском лагере, веселые остроты и смех, а вдали — тихая песня башкира, сопровождаемая звуками чебезги. Потом все смолкло, все успокоилось, и тишина нарушалась только фырканьем и ржаньем лошадей да мерными окликающими часовой вокруг лагеря. А небо было чисто и ясно, воздух легок и освежителен после душливого дня, и на душе никаких забот и тревог, незаметно подьедающих жизнь в городе. Ночь сгладила тяжелое впечатление дня, я стал привыкать к степи и мало-помалу полюбил ее.

ПОХОДНАЯ ОБСТАНОВКА

Со следующего дня походная жизнь приняла однообразную форму. Транспорт выступал с ночлега в 6 часов утра, двигался со скоростью от 3 до 4 верст в час, имея на половине пути часовой привал, и оканчивал переход за полдень. Черепашье движение, при однообразной обстановке степной природы и совершенном отсутствии по пути человеческого жилья, киргизских аулов, откочевавших далеко в сторону от русских отрядов, и еще во время жары против солнца, сплошь обливавшего ярким светом равнинную поверхность, от которой некуда отвести усталые глаза, было томительно и физически и нравственно. Но наступал наконец момент приближения к ночлегу. Я с вожакон и несколькими казаками уезжал вперед выбирать место для расположения транспорта. Вожак, сделавший со мной все походы в степь, почтенный старик Агау, знал топографию степи до мельчайших подробностей как свои пять пальцев. Хотя он не говорил по-русски, но мало-помалу мы выучились понимать друг друга. В первое же время переводчиком между нами был один из посыльных, Алмакуров, хорошо говоривший по-русски. В молодости Алмакуров был лихим джигитом, молодцом и любил заниматься барантою — угоном чужого скота. Однажды он надумал побарантовать у нас на линии, но был схвачен и отдан в солдаты. Таким образом он неожиданно совершил путешествие в Архангельск, Петербург и Финляндию; по прослужении же 25 лет в Вильманstrandском пехотном полку получил знак отличия беспорочной службы и унтер-офицерское звание, вышел в отставку, вернулся на родину, женился и сделался снова кочующим киргизом, но больше не ходит

на баранту. Установка транспорта на ночлег, в известном порядке, в первые дни была весьма затруднительна, вследствие непонимания башкир по-русски, и продолжалась гораздо более часа, но потом, когда все поняли, чего от них требуют, дело пошло как по маслу и исполнялось с поразительной точностью в самое короткое время.

Когда по окончании всех хлопот о транспорте, утомленный, я входил под тень своей джуламейки, умывался и принимался за чай, то чувствовал такое довольство, наслаждение, которое не может дать город со всем его изысканным комфортом. Умственные силы освежались вместе с физическими, мысли собирались мало-помалу, и являлась потребность говорить и слушать. В это время завязывались оживленные разговоры с лицами самыми разнохарактерными по своему развитию, начиная от образованного доктора до наивного башкира...

ПАЛ

На другой день после нашего выступления мы видели вдали пал, то есть огонь, пущенный киргизами по степи, чтобы сжечь старый ковыль и дать возможность расти свежему, и долго любовались, как отдельные сначала огоньки постепенно сливались в непрерывные нити, сопровождаемые сильным заревом. По желанию генерала Шрейбера, Шевченко нарисовал акварелью эту импровизированную иллюминацию и подарил ему свой рисунок.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ОРЬ

14 мая транспорту нужно было переправиться через реку Орь, и так как вода была высока, то генерал поручил мне с лейтенантом Бутаковым навести плавучий мост. Дело было нелегкое, так как, употребляя на возведение моста бревна и канаты, следовавшие в укрепления, мы не имели права их рассекать. Тем не менее в несколько часов мост был готов, и по нему беспрепятственно были проведены войска, орудия и подводы. После переправы транспорту была дана первая дневка в степи.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

На первом переходе я познакомился с Т. Г. Шевченко, который, служа рядовым в Оренбургском линейном батальоне № 5, был командирован, по просьбе лейтенанта Бутакова, в описную экспедицию Аральского моря для снятия береговых видов. Я предложил несчастному художнику и поэту пристанище на время похода в своей джуламейке, и он принял мое предложение. Весь поход Шевченко сделал пешком, отдельно от роты, в штатском плохоньком пальто, так как в степи ни от кого, а от него в особенности, не требовалось соблюдения формы. Он был весел и, по-видимому, очень доволен раздольем степи и переменою своего положения. Походная обстановка его несколько не тяготила, но, когда, после продолжительного похода, мы приходили в укрепление, где имели возможность заменить сухари и воду свежим хлебом и хорошим квасом, Тарас Григорьевич шутливо обращался к мдему человеку со словами: «Дай, братец, квасу со льдом, ты знаешь, что я не так воспитан,

чтобы пить голую воду». Он много рассказывал о своих мелких невзгодах, но о крупных политических никогда не говорил ни слова. Особенно свеж у меня в памяти следующий рассказ Шевченко о школе, в которой он учился: «По субботам, перед роспуском по домам, всех нас, и правых и виновных, секли, причитывая четвертую заповедь. Обязанность эту исполнял кто-то из нас, то есть старший в классе. Я никуда не ходил в отпуск, но когда был сделан консулом, то зажил отлично, все мне приносили из дому гостинцы, чтобы не больно сек, и скоро я обратился в страшного взяточника. Кто приносил мне довольно, тому давал не более двух-трех розог, в течение которых успевал прочитывать скороговоркою обычную заповедь, но кто не приносил ничего или мало, над тем с чувством и расстановкой читал: «Помни... день... субботний...» и так далее. В своей краткой автобиографии, помещенной в «Кобзаре», Шевченко не упоминает о своем консульстве, и потому очень может быть, что рассказ его о субботниках, характеризующий вообще прежние малороссийские школы, был применен им к себе ради красного словца. Зато едва ли подлежит сомнению другой его рассказ о начале его солдатской жизни. «Когда меня привезли в Оренбург, то представили корпусному, дивизионному и бригадному начальникам и затем в Орской крепости — батальонному и ротному командирам. По мере понижения ступеней военной иерархии со мною обращались все грубее и грубее, и когда очередь дошла до ротного командира, то он пригрозил мне даже розгами, если я дурно буду себя вести. Чтобы оградить себя от опасности, я прибег к очень простой и, как оказалось, весьма действенной мере: купил очень много водки и весьма мало закуски, пригласил ротного командира и нескольких офицеров на охоту и упоил их. С тех пор отношения наши сделались наилучшими, а когда угощение начинало забываться, я повторял его». Единственная книга, которую Тарас Григорьевич имел с собою, была славянская библия; впрочем, он читал ее мало и никогда ничего не писал.

ДЖАНГИС-АГАЧ

26 мая, не доходя нескольких верст до Карабутака, мы увидели влево от транспортной дороги Джангис-агач, одно дерево, и поскакали к нему. Это единственное на всем пути от Орска до Раима дерево было осокор, толщиной у корня сажени в две в обхвате и вышиною сажени в пять. На нем было гнездо тальги, птицы из породы орлов. Киргизы считали это дерево священным, а улие, и украшали его разными тряпками. Не менее священно оно было и для русских странствователей в летние жары по степи, ярко освещенной палящими лучами солнца и не имеющей нигде верхка тени, где бы могло отдохнуть зрение. Мало кто из верховых проезжал по дороге, не завернув к джангис-агачу и не отдохнув под его тенью. Но теперь и киргизы и русские лишены этой отрады, потому что какому-то пьяному казачьему офицеру вздумалось, для своей потехи, срубить и сжечь дерево. И этот варварский поступок остался безнаказанным, как будто это не уголовное и не самое гнусное преступление. Вид джангис-агача сохранился в альбоме киргизской степи, изданном Залеским в Париже.

Утром 21 мая, после молебствия, совершенного священником, следовавшим в Раим, в присутствии генерала Шрейбера и других лиц из транспорта, который имел в этот день дневку, был заложен на реке Карабутак форт на 50 человек гарнизона. По окончании закладки строитель форта генерального штаба штабс-капитан Герн пригласил нас к себе на обед. Мы пропировали до позднего вечера и когда возвращались в лагерь, то, по незнанию отзыва, чуть не были подстрелены слишком уж исполнительными башкирами, занимавшими аванпосты. На другой день священник, обиженный, что его не пригласили на обед, и успевший уже, по собственному его выражению, наполниться духом, то есть спиртом, обратился в сторону форта и, торжественно подняв руки вверх, произнес: «Да не будет благословения божия над фортом сим!» Возглас этот сопровождался нескончаемыми причитаниями попадьи, любившей еще более мужа наполнять себя духом. Это был один из многих скандалов, которыми отличалась согласная чета в походе и потом в Раиме...

УРАЛЬСКОЕ УКРЕПЛЕНИЕ

30 мая транспорт прибыл в Уральское укрепление и расположился лагерем в нескольких верстах от него. Укрепление построено редутом, которого каждый бок имеет 55 сажен длины и состоит из бруствера со рвом обыкновенной полевой профили; внутри все строения, жилые и холостые, сложены из сырого кирпича и покрыты камышом. Это первое оседлое жилье, после трехнедельного похода, произвело на всех чрезвычайно приятное впечатление, которому много способствовали и встреча с новыми лицами, и еще более свежий хлеб после сухарей, прекрасный холодный квас после теплой воды и вообще более разнообразная пища. Трехдневный отдых около укрепления, видимо, освежил всех, и по ночам, при ясном небе и серебристом свете луны, в лагере долго раздавались то протяжные, то веселые звуки русской хоровой песни.

В Уральском укреплении раимский транспорт, тележный и верблюжий, переформировался в эшелоны по 500 повозок и 1000 верблюдов каждый. Прикрытие было усилено из уральского транспорта, что составило всего: одну роту пехоты, пять с половиной сотен казаков и четыре орудия. При первом эшелоне следовал лейтенант Бутаков с своею командою, а при втором, выступившем в дальнейший поход 3 июня, генерал-майор Шрейбер.

ПОХОД ЧЕРЕЗ КАРАКУМЫ

Переход через пески Каракум был чрезвычайно труден. Тележный транспорт был снаряжен в Орске крайне скупо — из одноконных подвод, поднимавших по 20 пудов груза. До Уральского укрепления грунт дороги был большей частью твердый, недостатка в воде и подножном корме не было, и жара стояла еще не сильная, потому транспорт дошел благополучно. В это время можно было даже наблюдать, чтобы во время движения он не растягивался, и если неисправность в какой-либо подводе останавливала все следующие

за нею, то ее отдергивали в сторону и по исправлении снова вводили в линию. Но в Каракумах, вследствие сыпучих песков, сильного недостатка в воде и подножном корме и усилившейся жары, утомление лошадей дошло до крайности. Подводы растягивались во время движения на 10, 15 и даже на 20 верст, порядка не было никакого, лошади падали, в телеги подпрягали казачьих лошадей, делали беспрепятственные дневки, и при всем том транспорт едва достигался до Раимы.

Верблюжий транспорт дошел до Уральского укрепления благополучно, потому что следовал отдельно от тележного, но здесь верблюды были соединены с повозками в три совершенно одинаковых эшелона. Мера эта оказалась крайне непрактичной. Желание согласовать ход верблюдов, делающих обыкновенно от 4-х до 5-ти верст в час, с ходом измученных лошадей, еле тянувших свои возы, вредило верблюдам. Кроме того, каждый эшелон был так велик, что для него недоставало воды в кудуках. Кудуки в состоянии напоить до 1000 голов скота, а в эшелоне их было до 2000. От этого, конечно, еще более терпели несчастные лошади.

Положение войск было не многим лучше, чем упряжного и вьючного скота. Переход окончился только к вечеру, и потому люди, находясь в походе значительную и самую неблагоприятную для этого часть дня, томилась от медленного и неправильного движения, с непрерывными остановками для поджидания подвод и оказания им помощи, от пыли, которая в песках покрывала лицо толстым слоем, наподобие маски, наконец, от нестерпимой жары и жажды. На половине перехода давался привал на один час, но так как он приходился обыкновенно в самую жаркую погоду дня и на безводном месте, то, отымая только время от ночлега, не освежал, а еще более утомлял людей. Самый ночлег приносил им мало отдыха. За остановкой огромного и разнокалиберного транспорта начинались трудные хлопоты о водопое, особенно при расположении его далеко от кудуков, заботы о лошадях и верблюдах и прочее; а на ночь значительная часть людей выходила в караулы. Начальство, заботясь более всего о буквальном выполнении инструкции корпусного командира, в которой на первом плане было поставлено охранение целостности и безопасности транспорта, совершенно забывало о сбережении сил войск и наряжало на службу даже более третьей части всего числа людей. Люди, не имея отдыха, утомлялись и, конечно, не могли отправлять самую караульную службу должным образом. А между тем, ее можно было значительно облегчить уменьшением несоразмерно большого числа постов.

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕХОД

На Камышлы-баше мы в первый раз встретили киргизские аулы. Это были жилища а г е н ч е й, земледельцев, обнищавших вконец от варварских набегов хивинцев. В грязных кибитках из камыша, заменявшего кошму (войлок), не видно было никакого имущества. Мужчины и женщины были еще прикрыты какими-то лохмотьями, а дети, даже старше двенадцати лет, ходили голые. Ни у кого не было ни лошади, ни коровы, ни барана, а только у немногих осталось по козе. В таком бедственном положении находились в

1848 году все киргизы, занимавшиеся земледелием в окрестностях Раима.

19 июня утром, оставив транспорт, я поехал вперед в Раим с султаном Гали, который приезжал встречать свою жену, следовавшую с нами от Уральского укрепления. Мы проехали все 25 верст легкой рысью, ни разу не переменяя аллюра, по-киргизски. На первый раз такая езда была тяжела, но потом я к ней привык и находил, что она самая спокойная и для всадника и для лошади. Только на половине дороги мы остановились на минуту, чтобы выпить по чашке кумыса, который имел на меня точно такое же действие, как киргизская езда. Первая чашка была неприятна, но потом я почти пришел к убеждению киргиз, что нет в мире напитка лучше кумыса.

Подъезжая к Раиму, мы встретили много солдат, шедших небольшими группами встречать своих жен, выписанных Обручевым с мест их жительства и следовавших с нашим транспортом. Один из солдат спросил меня, нет ли в транспорте его жены, с которой он не видался девять лет. Я был смущен его вопросом, потому что несколько дней тому назад она родила на походе, но, после минутного колебания, решил сказать ему правду. Почтенный служивый вовсе этому не огорчился и, как рассказывали потом, встретил жену и ребенка нежно и ласково, но когда угостил себя с радости водкою, то побил роженицу за неверность, а на другой день опять был к ней добр и нежен.

РАИМСКОЕ УКРЕПЛЕНИЕ И ПЕРЕДОВЫЕ ПОСТЫ

Раимское укрепление было построено в виде неправильного многоугольника на мысу нагорного берега Сырдарьи, круто возвышающегося саженей на 17 над разливами реки, которые образуют, с востока и запада от мыса, озера Раим и Джалангач, а с юга — проток между ними, шириною в полверсты и глубиною более сажени. Берега озер, проток и значительная часть береговой полосы Сыра, имеющей от одной до двух верст ширины, были в 1848 году сплошь покрыты густым и высоким камышом. Остальная часть береговой полосы выделялась из разливов, благодаря замечательным по своей простоте и целесообразности гидравлическим работам туземцев, по преданию, каракалпаков, живших здесь еще в начале прошлого столетия. Желая образовать из раимских разливов хорошие зимовки и даже места, удобные для ирригационного хлебопашества, они дали реке определенное русло, устроив вдоль нее, на протяжении 20-ти верст от Тальбугута до Аман-уткуля, насыпь в аршин высоты и толщины, а для прекращения наплыва воды из верхних разливов насыпали от Тальбугута, перпендикулярно реке, плотину до нагорного берега в 280 сажень длины, около сажени ширины и аршина два высоты. Эти две насыпи, уменьшив количество воды в раимских разливах, образовали около реки полосу сухой земли, удобную для жилья и для хлебопашества. Для поддержания же на ней растительности туземцы пускали иногда воду в долину, прорывая для этого береговую насыпь. Водворясь на Раиме, русские прибавили к туземным работам еще одну. Тотчас по основании укрепления явилась неотложная необходимость в устройстве удобного сообщения его с берегом реки, где была заведена пристань для судов. С этой целью гарнизон укрепления немедленно приступил

к возведению плотины через проток, соединяющий озеро Раим и Джалангач. Работы производились в холодное осеннее время и большею частью в воде, потому усилили болезненность и смертность, обычную на новом месте, при обилии вновь возводимых построек. Плотины, в версту длины, была готова только к осени 1848 года, а до этого времени сообщение Раима с пристанью производилось посредством будар и других мелких лодок по расчищенному среди камыша проходу.

Местоположение Раима, вдали от реки и особенно от моря, при господствовавшем во время его основания мнении о пассивном значении укрепления и о непроходимости Сырдарьи как государственной границы, естественно, вызвало занятие нескольких передовых постов, именно: у пристани на Сырдарье для сбережения мелких судов и шлюпок; на острове Косарале, прикрывающем устье Сыра, для охранения судов, предназначенных к плаванию по морю, наконец, на ближайших к укреплению переправах через Сыр — Тальбугуте и Аман-уткуле. На каждом из этих постов держалось до 50-ти человек и устраивались казармы и другие строения, а также окопы со рвами.

ПРЕБЫВАНИЕ В РАИМЕ

В Раиме в ожидании окончания сбора шхуны мне пришлось прожить более месяца. Постройки в укреплении, такие же, как и в Уральском, далеко еще не были сделаны все, и потому я поместился среди площади в кибитке, обращенной дверьми к полуразрушенной могиле батыря Раима, от которой получили названия урочище и самое укрепление. Могила считалась у киргизов священной и потому оставлена Обручевым среди укрепления нетронутую; но впоследствии была разрушена по распоряжению инспектировавшего в 1852 году степные укрепления подполковника Т. Возвратясь в Оренбург и обедая на кочевке у корпусного командира генерала Перовского, Т., среди общей тишины, начал разговор: «А вот в Раиме была киргизская могила, так я приказал ее разрушить». — «Зачем?» — сухо спросил Перовский. «Да она бесполезна», — наивно продолжал Т. «А вы видали полезные могилы?» — еще суше заметил Перовский. Т. смешался и ни слова более не говорил о своих находчивых распоряжениях. В кибитке жил со мною Т. Г. Шевченко. По утрам он рисовал с меня портрет акварелью, но сходство ему не удалось и потому он его не кончил. Руки и отчасти платье доделал потом казак Чернышев, родной брат известного художника, и в таком виде портрет сохранился у меня. Я дорожу им как прекрасною картинкою и как памятью о Шевченко.

Общество в Раиме было небольшое, но дружное. В это время существовал еще общий стол, который спасал офицеров от скуки, одиночества и пьянства и давал им возможность иметь прекрасный обед за дешевую цену. Конечно, все привозное было страшно дорого и недоступно для бедных офицеров, но они получали даром мясо от казны и зелень с огородов около пристани и могли приобретать дешево рыбу. При мне купили раз живого осетра в пуд весу за 50 копеек. Впрочем, такая дешевизна происходила отчасти оттого, что сырдарьинские байгуши, бедняки-киргизы, не понимали еще хорошо значения денег. Рассказывали, что в первое время по прибытии

на Раим солдаты расплачивались с ними, вместо серебряных денег, мундирными пуговицами. Общий стол продолжался однако недолго и теперь, к сожалению, не существует ни в одном из русских степных поселений. После обеда я часто отправлялся на пристань, где Бутаков со своими матросами деятельно собирал шхуну «Константин». Сделав поход от Каспия до Арала, матросы работали с раннего утра до позднего вечера, несмотря ни на палящий зной, ни на мириады комаров. Только купанье днем и пологá ночью спасали их несколько от этих невзгод. К пристани часто приходил байгуш киргиз, оставшийся около Раима во время прибытия сюда русских и получивший за это в потомственную собственность клочок земли на берегу Сыра. Бедняка звали Джулбарсом, потому что, для потехи русских, он забавно представлял из себя тигра. Где он теперь и осталось ли у него потомство — не знаю.

ПОЕЗДКА В ОКРЕСТНОСТИ

Во время пребывания в Раиме мне удалось сделать вместе с начальником укрепления подполковником Матвеевым и капитаном Шульцем две поездки в окрестности: первую 27 июня, в которой принял также участие генерал Шрейбер накануне своего отъезда из Раима, в долину Ак-герик, для осмотра киргизских пашен; а вторую 9 июля на Тальбугут и вдоль береговой сырдарьинской насыпи для осмотра так называемых сенокосов укрепления. Впечатления от этих поездок были совершенно различны. В долине Ак-герик мы нашли действительно обширные поля, покрытые почти поспевшим уже хлебом, тогда как на берегу Сыра — ни одного клочка земли с чистою луговой травой, без примеси камыша. Около Сыра встречались сухие места с мелким камышом, вместе с кое-какою травой, а большею частию нам пришлось пробираться верхами по воде, иногда по брюхо лошади, среди камыша высотой в два конных всадника. Впрочем, о хлебопашестве и сенокосении на Сыре я буду говорить при более обстоятельном, вследствие накопившегося опыта, рассмотрении местных угодий около Раима в 1851 году...

ИЗВЕСТИЯ ИЗ ОРЕНБУРГА О ХОЛЕРЕ

24 июля были получены печальные известия из Оренбурга. В городе свирепствовала опустошительная холера, похитившая в течение десяти дней более четверти всего народонаселения, то есть 3000 человек из 11 000 умерли. Все письма были наполнены длинными списками умерших. Перечитывание списков производило на всех тяжелое впечатление; но вскоре оно уступило место иным чувствам и мыслям. На другой день мы прерывали всякую связь не только с Оренбургом, но и с Раимом, и отправлялись в не изведенное еще никем море, где бог весть что еще нас ожидало.

ПЛАВАНИЕ ПО АРАЛЬСКОМУ МОРЮ

ОПИСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Основывая укрепление на Сырдарье, в 60 верстах от ее устья, генерал Обручев обратил внимание и на Аральское море. Море это — одно из самых малых на всем земном шаре, так что многие

географы называют его даже озером, а между тем оно основательно не было известно и служило предметом многих гипотез. Желая пополнить этот пробел в географической науке, Обручев озаботился принятием мер для приобретения о нем положительных сведений. Вместе с этим, в видах извлечения из моря возможных выгод, ему удалось составить компанию рыбного промысла на нем, в которой принимали участие главным образом П. В. Голубков и другие московские капиталисты. По распоряжению Обручева в начале 1847 года в Оренбурге были построены два двухмачтовые судна: одно военное «Николай», а другое частное «Михаил». Первое назначалось исключительно для исследования моря, а второе для заведения на нем компанейского рыболовства. Оба судна были потом разобраны и весной перевезены на подводах за тысячу верст на Раим, где они снова были собраны и спущены на воду. Шхуна «Николай» тотчас же выступила в море, под командою бывшего моряка, поручика Мертваго, но первое плавание ее, по позднему времени, ограничилось только окрестностями устьев Сыра. Весною 1848 года шхуна снова выступила в море и обозрела северный его берег. Между тем в Оренбурге было построено другое военное судно, «Константин», несколько больше первого, которое таким же образом было доставлено на Раим: на нем лейтенант Бутаков должен был в том же году начать систематическую опись Аральского моря...

СЫРДАРЬЯ ОТ РАИМА ДО КОСАРАЛА

Сырдарья течет в глубоком и крутобереговом корыте так, что в расстоянии сажени, много двух, от берега вода покрывает уже рост человека, а далее глубина достигает местами до пяти сажений. Тем не менее берега реки ниже Раима и острова, которыми она богата, низменны и почти сплошь покрыты камышом, заливаемым, особенно в половодье, водою. Поэтому Сырдарья от Раима до устья представляет только две удобные переправы: Аман-уткуль, 14 верстами ниже раимской пристани, и Хан-уткуль, 9 верстами ниже Аман-уткуля. Обилие камышей не дает удобств для летнего пребывания киргизов около берегов Сыра, но зато зимою привлекает к ним множество аулов. Непосредственно защищая от холодов и ветров, камыш служит, кроме того, топливом и кормом для скота, а также и материалом для плотов или сал, из которых киргизы ловят рыбу, преимущественно сазанов, и переправляются через реку. При устьях Сыра, верст на 15, образуются отмели, между которыми фарватер весьма мелок, узок, извилист и подвержен частым изменениям. По позднейшим наблюдениям Бутакова, зимою, когда лед лежит во многих местах на самом дне, течение воды продирает себе под ним путь и промывает, таким образом, к весне фарватера в 3,5 и 4 фута; но к осени они заносятся опять до 2 и 2,5 футов. Обмеление устьев происходит, конечно, от осажде-ния песка и ила из переполненной ими мутной речной воды при встрече ее с морской водой. Процесс образования мелей и островов на Сырдарье совершается так быстро, что прибрежным жителям легко за ним наблюдать. Если, например, сала оторвется от берега и, отплыв на середину, остановится на довольно мелком месте, то можно сказать наверное, что в скором времени тут образуется ост-

ров. Служа преградою для свободного течения воды, сала останавливает несущиеся с водою частицы песка и ила, которые, накапливаясь, образуют мало-помалу мель, а потом и низменный островок.

Плавание наше по Сырдарье было сопряжено с большими затруднениями: шхуны то припирались к берегам, то устремлялись из главного русла в боковые прораны или рукава, то становились на мель так, что, несмотря на быстроту течения реки, мы прибыли к Косаралу только через двое суток.

ФОРТ И ВАТАГА НА КОСАРАЛЕ

Косарал, по-русски прибавляющийся остров, перекрывает Сырдарью с моря и огибается с двух сторон устьями этой реки, из которых южное совершенно обмелело и заросло камышом и кугою. Главное же русло северного устья находится между Косаральскою косою и ближайшими к ней островами; фарватер идет здесь у самого берега косы. На конце ее поместилась в 1847 году рыболовная ватага; но вскоре, вследствие моряны, ветра с моря, коса залилась, и это заставило рыболовов перенести ватагу на другое место, находящееся верстах в пяти от устья. Для прикрытия ватаги и морских судов около нее был устроен форт с гарнизоном в 50 или 60 человек из числа раимских солдат, по большей части больных, которым было полезно морское купанье. Обе шхуны прошли мимо ватаги и форта к выходу в море, где моряки и занялись перегрузкой тяжестей с «Николая» на «Константин», продолжавшейся двое суток...

СОСТАВ И ОБСТАНОВКА ОПИСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

30 июля шхуна «Константин» вышла в море для описи. На шхуне находилось 27 человек, в том числе 4 офицера; но в маленькой офицерской каюте помещалось 7 человек: начальник описной экспедиции Алексей Иванович Бутаков, я, корпуса штурманов прапорщик Ксенофонт Егорович Поспелов, корпуса топографов прапорщик Артемий Аникиевич Акишев, рядовые Шевченко и Вернер и фельдшер Истомин. Последний, за неимением больных во все время экспедиции, заведывал хозяйством на шхуне и записывал показания лота и лока, а во время стоянки на якоре охотился на берегу. Каюта наша была так тесна, что в ней не было возможности ни стоять, ни сидеть; поэтому днем все были большею частью на палубе, а я оставался на ней и ночью. При неудобстве помещения мы терпели большой недостаток в пище и даже иногда в воде. Понятно, что, отправляясь в экспедицию не из европейского порта, а из небольшой крепости, только что возникшей в отдаленной и пустынной стороне, мы не могли запастись ничем и должны были довольствоваться тою, почти совершенно испортившеюся провизиею, которая была приготовлена в Оренбурге задолго до экспедиции, хранилась, вероятно, в сыром месте и потом провезена во время сильной жары более тысячи верст. Черные сухари обратились в зеленые от плесени, в солонине завелись черви, а масло было так солонно, что с ним невозможно было есть каши, только горох, конечно, без всякой приправы, не изменял нам, но его давали всего два раза в неделю, по средам и по пятницам. Бутаков вывешивал иногда на

ванту кусок солонины и, когда пили рынду, закусывал им, предварительно сняв с него ножом белый слой червей и посыпав перцем тех, которые уже забрались в поры мяса; но, мне кажется, он это делал не ради гастрономической причуды или даже голода, а единственно для ободрения команды. По крайней мере, я не мог следовать его примеру и во все негороховые дни питался исключительно остатками своей провизии, то есть чаем с сухарями или лепешками с рисом. Убогая наша трапеза принимала праздничный вид, когда кому-нибудь удавалось застрелить на берегу птицу-другую или выудить около шхуны несколько маленьких рыбок вроде сельдей, но это случалось редко и только раздражало наш аппетит. Раз Истомин убил с десятков бекасов и морскую ворону, или баклана (*pelescanus sagbo*), птицу, считающуюся несъедобною, и все принялись за нее, с презрением отнесясь к бекасам, слишком уже миниатюрным для наших тощих желудков. Вода по временам так же была дурна, как и пища...

Белье же мыли постоянно в морской воде и хотя переменяли его часто, до двух раз в день, но во всю экспедицию не могли избавиться от насекомых. При этой некомфортабельной обстановке единственными развлечениями нашими в свободное от занятий время служили: чтение, хватившее только на начало кампании, шахматы, купанье в глубине моря около шхуны, разумеется, в штиль, а главное — высадки на берег; но последние не всегда были безопасны. Из гребных судов мы имели только двухвесельную шлюпку и будару — или длинный челн. Шлюпка, привезенная в жару из Оренбурга, растрескалась и сильно текла, пробовали заливать ее варом, но это не помогало, а на бударе нельзя было и подумать пуститься в море, когда оно волновалось, между тем море изменчиво, и за штилем скоро наступало сильное волнение. Помню я две-три поездки, когда волны перекидывались уже за борты шлюпки или будары и когда все бледные как смерть молча гребли или отливали шапками воду; но море нас щадило, мы возвращались благополучно и при первом случае снова вверялись непостоянной стихии. Да, можно привыкнуть к опасностям, можно даже полюбить их, когда побуждением к преодолению их является такая сила, как любопытство увидеть новый, не изведанный еще никем уголок земли. Каждый из нас с любовью и энергиею занимался своим делом, ставя на второй план лишения и опасности, с которыми оно было сопряжено.

Результаты работ описной экспедиции давно уже сделались достоянием географической науки, но оставалась одна работа, почти никому не известная, а между тем заслуживающая внимания. Говорю о прекрасном акварельном альбоме видов Аральского моря Т. Г. Шевченко. По особым обстоятельствам альбом не был допущен до представления вместе с другими описными работами и подарен самим художником Карлу Ивановичу Герну, приютившему его в Оренбурге, у себя в доме. Несколько лет тому назад я обратился к семейству покойного Карла Ивановича с просьбой отыскать альбом и позволить его издать, но, несмотря на сочувственное отношение к этой просьбе, ни один из видов Аральского моря Шевченко до сих пор еще не отыскался.

Выйдя из устьев Сыра 30 июля, шхуна направилась на запад к Кугаралу. Ветер нам не благоприятствовал, и зыбь была сильная. Бутаков сердился на море, называя его расплескавшимся стаканом воды, и думал уже вернуться в Дарью. Ночью шхуну сорвало с якоря, но мы успели удержаться на месте. Я жестоко страдал морской болезнью и во все время кампании не мог вполне освоиться с качкою. Остров Кугарал находится всего верстах в тридцати от устья Сыра, но шхуна шла это пространство двое суток и бросила якорь за Южным мысом в час пополудни 1 августа. Выйдя на берег, мы взобрались на примыкавшие к нему обрывистые глинистые утесы, которые возвышались саженей на 25 над поверхностью моря, и с вершины могли видеть весь остров, имеющий вид солонцеватой степи, и ближайшие к нему берега морей Малого (Кичкине-денгис), к северу от Кугарала, и Большого (Улу-денгис), к югу от него. Незадолго до нас Кугарал был театром печального происшествия, о котором рассказывал нам Захряпин. В январе 1848 года сюда перекочевало по льду несколько аулов с Косарала, где, по большому скоплению киргизов с их стадами, чувствовался недостаток в подножном корме и топливе. Откочевавшие киргизы рассчитывали весной вернуться назад, но дождь и происшедшая оттого гололедица представляли затруднения для перегона скота и особенно верблюдов. Поэтому только часть киргизов возвратилась назад, и то с большими потерями, а прочие, в числе 46-ти душ обоего пола, остались на Кугарале; но вскоре, для перемены подножного корма, перекочевали на остров Бюгаргунды. Здесь, в начале июля, толпа устьуртских киргизов (Чиклинского рода, Карабашевского отделения) напала на них и, угнав весь скот (500 баранов, 85 голов рогатого скота, 20 верблюдов и 16 лошадей), лишила их не только всего имущества, но и средств к дальнейшему существованию. Боясь вторичного нападения, киргизы перекочевали на ослах на остров Киндерли. В продолжение почти трех недель они питались оставшимися при них двумя или тремя баранами, но этот скудный запас уже приходил к концу, и их ожидала голодная смерть, когда 24 числа показалось в виду рыболовное судно «Михаил», возвращавшееся из залива Перовского в Сырдарью. Рыбаки, увидав подаваемые им с острова сигналы, придержались к нему, стали на якорь и, узнав о положении знакомых им киргизов, взяли их на шхуну и перевезли на Косарал, где и высадили 27 июля.

2 августа шхуна «Константин», благодаря попутному ветру и спокойствию моря, прошла с трех до одиннадцати часов пополудни до мыса Каратюбе, за которым и стала на якорь. На другой день мы вышли на берег. Прибрежье было усеяно окаменелыми раковинами различных пород, в отдельных экземплярах и в конгломератах, иногда весьма значительной величины, из которых можно было бы выделять вазы, столы и другие вещи. Мыс Каратюбе еще выше и утесистее, чем южный на Кугарале. Я взбирался на Каратюбе с большими усилиями и риском и был уже в саженях двух от вершины, как увидел, что более лезть нельзя, и принужден был спуститься вниз для отыскания другого входа. С высоты Каратюбе видны, с одной стороны, тоже голая солонцеватая степь, а с другой —

часть моря, окаймленная берегами Кугарала, Куланды и Барса-Кильмаса.

4 августа, с 8-ми часов утра до 8-ми часов вечера, шхуна шла к полуострову Куланды, получившему название от слова кулан, или дикая лошадь, и стала на якорь за юго-восточным его мысом. Берег перед нами был низменный, но он возвышался вправо от шхуны мысом, а влево известковыми высотами, заметными от моря с дальнего расстояния. Утром, когда мы отправились на берег, отмель не допустила к нему шлюпку ближе, чем на полверсты, и мы принуждены были пройти это пространство пешком по воде. Выйдя на песчаный берег, усыпанный, впрочем, камнями, мы увидели саранчу, которая облаками налетела на камыш и в короткое время обглодала его так, что остались одни только стебли. За камышами и кустарниками подымался сажени на три над уровнем моря нагорный берег с каменистою солонцеватою почвою и весьма скудною растительностью. Повернув направо, мы пошли к мысу. Вдоль берега были разбросаны куски каменного угля, вероятно, вымытые морем. Самый большой из них имел более фута в длину и ширину и по 5-ти дюймов в толщину и находился под водою у самого берега. находка эта сильно порадовала Бутакова, мечтавшего о пароходстве на Аральском море, и он принялся отыскивать пласты угля. Следуя далее, я нашел весьма интересный бугор довольно значительной высоты, образовавшийся весь из осадков окаменелых раковин, посреди них попадались также и куски окаменелого дерева. Все собранные мною окаменелости и штуфы с берегов Аральского моря я передал потом Пешелю, который, разобрав их, препроводил, если не ошибаюсь, в музей Горного института. В полуверсте за бугром возвышался другой, от которого начинался низменный перешеек, длиною с полверсты и шириною местами не более двух саженей, соединяющий полуостров Куланды с мысом Изенарал и, по-видимому, все более и более заливаемый водою. Таким образом, Изенарал имеет вид острова, в 17 сажен длины, около 80 сажен ширины и от 6 до 7 сажен высоты над водою. Южная сторона мыса, выставленная действию волн, обнаруживает постепенно подмываемую и разрушающуюся известковую скалу, в которой образовалось десятка с полтора небольших ущелий, окруженных обрывистыми, иногда навесно склоняющимися контрфорсами. Восточная оконечность мыса состоит из перпендикулярной стены, у подошвы которой лежат несколько больших и весьма много малых обломков утеса. Северная сторона не так обрывиста и представляет даже возможность для всхода. Вообще весь мыс окружен, более чем на версту, множеством различной величины подводных камней. Вечером мы все собрались к отмели и, меняясь друг с другом дневными наблюдениями, добрались до шхуны.

ОСТРОВ БАРСАКЕЛЬМЕС

6 августа в два часа пополудни шхуна возвратилась к острову Барсакельмес, отстоящему от Изенарала верстах в 30, а на другой день в 6 часов утра стала на якорь у западного берега его. 8-го числа я и Акишев с 8 матросами, взяв с собою провианта на неделю, высадились для осмотра острова и производства на нем полуинструментальной съемки, в масштабе 2-х верст в дюйме,

и устроили свое временное жилье из парусины. Между тем шхуна, налившись водою из кудуков, под утро следующего дня снялась с якоря и, пользуясь попутным ветром, направилась снова к полуострову Куланды для продолжения розысков каменного угля. Вскоре после ухода шхуны задул крепкий порывистый ветер и море забушевало страшно и, по-видимому, надолго. Трое суток продолжалась буря, постепенно, однако, ослабевая, и только 11 августа ветер стал совсем стихать и море начало успокаиваться. Поздно вечером того же числа, когда уже стемнело, Акишев и большинство матросов вернулись со съемки, сделав в течение дня, вероятно, не менее пятидесяти верст, так как остров растягивается от запада к востоку с лишком на 20 верст. Все они были до крайности утомлены и мрачны. За чаем почтенный мой товарищ убедительно просил меня пить вприкуску, чтобы побережь сахар, потому что шхуна, может быть, не вернется. Но что в таком случае значило бы несколько лишних кусков сахара?.. Из группы матросов, молча поедавших выброшенного морем мертвого осетра и потом сваренного, послышалась только раз начатая речь: «Шхуна, наверное, погибла в бурю, и нам придется, братцы, помереть голодной смертью», но на нее не последовало никакого ответа. Я удалился из ставки к берегу моря и стал обдумывать вопрос: следует ли рассчитывать наверное на возвращение шхуны и ничего не предпринимать или взять во внимание возможность несчастья и теперь же, пока еще не поздно, принять меры для спасения команды? Шхуна может совсем не вернуться, если она погибла, или вернуться гораздо позже срока, если она получила сильное повреждение, а между тем через три дня у нас не будет провианта и начнется голод со всеми его страшными последствиями, и тогда замеченное мною мрачное настроение команды разовьется до размеров, с которыми уже трудно будет справиться. Следовательно, если принимать меры, то необходимо теперь, а после — будет поздно, необходимо с утра же воспользоваться установившимся штилем, чтобы отправить оставленную нам будару на Косарале, дать о нас весть. Но возможно ли пуститься на бударе в открытое море, не имея на пути никакого пристанища на случай непогоды? И вероятно ли, чтобы эта щепка проплыла благополучно от 100 до 150 верст? Однако другого, лучшего средства я не мог придумать, а оставлять трудное наше положение на произвол случайностей — не считал себя вправе. После долгих колебаний я наконец решился: утром, если шхуна не вернется и штиль установится, собрать команду, объяснить им свои соображения и предложить двум охотникам отправиться на Косарал, дав там весть о нашем положении, просить о немедленной высылке шхуны «Николай» или даже носовых лодок с провиантом. Если же охотников не явится, то я решился отправиться сам с моим человеком, думая, что все равно, как ни погибнуть, и даже лучше погибнуть разом в глубине моря, чем умирать на пустынном острове медленною голодною смертью. Приняв решение, я успокоился и думал уже отправиться спать, как вдруг увидел вдаль над морем фальшфейер. Я тотчас вернулся в ставку и приказал собрать побольше кустарника и зажечь костер, чтобы показать место нашей стоянки. На другой день утром, когда мы свиделись с Бутаковым, он встретил меня словами: «Я вытерпел около Куланды сильнейший шторм и крепко боялся, но больше за вас, чем за себя. Если бы шхуну разбило, я бы со-

брал из обломков лодку и достиг бы Сырдарьи, а вы все умерли бы с голоду». Бутаков сообщил мне также, что он отыскал на Куланды, на глубине 6-ти футов, пласт каменного угля, толщиной в один фут, именно на нагорном берегу, верстах в трех к западу от бугра окаменелостей и в версте от моря. Вскоре после свидания с Бутаковым мы увидели с острова приближающуюся шхуну «Михаил», а вечером, окончив съемку, вернулись на «Константин».

Шхуна «Михаил» возвращалась от мыса Узункаир на полуострове Куланды в устье Сырдарьи, завернула к Барсакельмесу и 13 августа высадила к нам приказчика Захряпина, желавшего воспользоваться случаем, чтобы получше изучить с нами море, и находившегося при нем косаральского киргиза-старика Альмобета, хорошо знавшего окрестности Аральского моря. Впоследствии оказалось, однако, что Альмобет не мог отличить с моря те самые урочища, которые, вероятно, прекрасно знал с суши, и потому как вожак был нам не столько полезен, насколько мы ожидали, но тем не менее он иногда сообщал любопытные сведения. Так, например, по поводу Барсакельмеса он рассказывал, что хотя теперь остров необитаем, но до последней зимы на нем безвыходно кочевали, семь лет сряду, много киргизских аулов со стадами верблюдов и баранов и что в это время, находясь в безопасности от грабежей хивинцев и своих одноплеменных барантовщиков, киргизы значительно разбогатели скотом; зимою же, боясь русских судов, откочевали на берег и были тотчас же ограблены. По всей вероятности, однако, Барсакельмес не имел и до прихода русских судов постоянного населения. Зимою, когда часть моря, отделяющая остров от материка, покрывается льдом, Барсакельмес привлекает к себе аулы нетронутостью подножного корма и обилием кустарника, топлива. При наступлении же весны поселенцы не всегда имеют возможность откочевать и остаются на нем, таким образом, на год, а при теплых зимах и на несколько лет. Это составляет невыгоду перекочевки на остров, о которой намекает самое его название: Барсакельмес значит «дойдет и не вернется».

14 августа в 4 часа утра шхуна «Константин» направилась опять к Куланды и в 2 часа пополудни стала на якорь близ известных возвышений, огибающих небольшой залив, который может служить довольно хорошей гаванью. Здесь шхуна запаслась водою из кудуков, но запас не пошел впрок. Вода стала портиться еще скорее барсакельмесской, мы принуждены были скоро ее вылить и довольствоваться, в течение нескольких дней, как я уже сказал, морской водою. На другой день шхуна обогнула юго-западный мыс Куланды, называемый Узункаир и отстоящий от Изенарала верстах в 20-ти, и вторично стала на якорь...

ЗАПАДНЫЙ БЕРЕГ МОРЯ

16 августа в 10 часов утра шхуна направилась на юго-запад к западному берегу моря и приблизилась к нему на другой день вечером, а с 16 по 25 августа следовала вдоль него до мыса Ургу-Мурун, на расстоянии от двух до пяти и более верст от берега. Во все это время шхуна останавливалась на якорь только на ночь и редко когда днем, вследствие довольно свежего ветра, дувшего по-

стоянно с севера, и совершенного неимения удобных мест для якорных стоянок...

Возвратясь в Оренбург и представив съемки берегов Аральско-го моря, я высказал все недостатки их и предложил, приняв некоторые меры для исправления неудовлетворительных работ, ждать окончания описи; но генерал Обручев, увлекаясь новизною географических сведений, приказал переделать, по привезенным съемкам, все карты, имевшиеся в генеральном штабе Оренбургского корпуса. Приказание это оказалось, конечно, преждевременным, потому что на следующий год, по окончании описи Аральского моря, пришлось вторично переделывать карты. Я не уверен, впрочем, что и в настоящее время западный берег Аральского моря установлен совершенно правильно.

Во время плавания вдоль Усть-Урта мы пытались выйти на берег три раза. В первый раз попытка наша была неудачна. 19 августа вечером шхуна стала на якорь, казалось, весьма на близком расстоянии от берега. В числе десяти человек мы сели на шлюпку с намерением осмотреть чинк, или край Усть-Урта, и взобраться на него; но, против ожидания, мы плыли около часа, а берег казался все в том же расстоянии от нас. Наконец, когда мы приблизились к нему настолько, что могли отличить мелкие береговые предметы, то, к крайнему огорчению, увидели, что утесы совершенно отвесно упираются в море, и около них бушует бурн. Убедясь в невозможности не только взобраться на высоты Усть-Урта, но даже пристать к берегу, мы должны были вернуться назад. Между тем дырявая шлюпка уже успела наполниться водою, ветер стал свежеть и море разыгрываться, а шхуна виднелась едва заметною точкою на горизонте. Бутаков посадил на каждое весло по два матроса, всем сидевшим в шлюпке приказал выливать из нее шапками воду, а сам, управляя рулем, рассказывал, для придания бодрости команде, забавные анекдоты. В это время было, однако, не до анекдотов; не обращая на них внимания, все предались работе. Гребцы напрягали крайние усилия, от которых могли сломаться весла и тогда не было бы никакого шанса на спасение, потому что запасных весел мы не имели. Прочие лица, сидевшие в шлюпке, безостановочно выгребали из нее воду, но волны, перекидываясь через борт, снова подбавляли нам ее. Одна волна так сильно ударила в спину сидевшего на носу, что тот свалился в шлюпку. И ни одной улыбки, ни одного слова по этому поводу, все молча продолжали работу. Когда шлюпка приближалась к шхуне, Бутаков закричал: «Спасательные машины!». Нам были брошены на веревках пустые бочки, но мы ими не воспользовались и собственными усилиями добрались до шхуны.

В другой раз нам удалось пристать к берегу, образовавшему небольшой заливчик, скалистые берега которого были покрыты осетровою икрой, выброшенною, вероятно, весною; но на вершину Усть-Урта мы не могли взобраться.

Наконец в третий раз мы выходили на берег на урочище Аджибай, где кочевало в это время несколько кибиток. Желая воспользоваться близостью человеческого жилья, чтобы достать свежего мяса, которого мы не имели давно, Бутаков отправил на шлюпке Пospelова, но лишь только последний вышел на берег, как раздался ружейный выстрел. Думая, что кочевники напали на наших, Бутаков, забрав с собой оружие, немедленно отправился сам на бударе,

но оказалось, что выстрел был сделан Пospelовым по красному гусю (flamingo). Кочевники же, то есть киргизы (Чиклинского рода, Джакоимова колена, Карабашевского отделения) и туркмены, приняли нас дружелюбно. В разговорах с нами они выражали свое неудовлетворение на хивинское правительство, завидовали участи киргизов, находящихся в подданстве России, и изъявляли желание перекочевать в нашу степь, если бы не боялись мщениия Хивы. Хивинский хан, говорили они, недоволен устройством русской крепости на Сырдарье, но мы понимаем, что русские основали ее не для враждебных действий, а для облегчения торговли с Хивоею же помощью Аральского моря, и видим, что они никакого зла нам не делают, напротив, киргизы, им подвластные, благоденствуют. На чистосердечие этих отзывов, конечно, нельзя было полагаться, так как карабашевцы пользуются в степи незавидною репутациею; но они не скрыли от нас печальных для хивинцев последствий дела 26 мая при Достановой могиле и в заключение дружественной беседы променяли нам барана за чекмень (кафтан). Благодаря карабашевцам и скорому прибытию шхуны в залив Кинкамыш, в котором вода была пресная из Амударьи, мы подкрепили свои силы, истощенные слишком продолжительным уже постом. Залив Кинкамыш, находящийся в юго-западном углу Аральского моря, мелок и по берегам зарос камышом и кугою, потому неудобен для якорной стоянки, особенно при господстве на море северных ветров, от которых он не закрыт. Шхуна не могла приблизиться к мысу Ургу-Мурун ближе чем на 10 верст.

ЮЖНЫЙ БЕРЕГ МОРЯ

В сороковых годах, после наделавшей столько шума хивинской экспедиции, наша политика в Средней Азии была крайне осторожна. Из боязни возбудить недоверчивость Англии министерство графа Нессельроде делало иногда такие распоряжения, которые не только не соответствовали достоинству и интересам России, но и не могли быть исполнены на месте. Поэтому лучшие непосредственные деятели, чтобы не ронять кредита России в дальних ее окраинах, принуждены были обходить эти распоряжения, принимая последствия на свой страх и ответственность. Между такими распоряжениями особенно странны были два запрещения: одно — гарнизону Раимского укрепления и вообще всем русским переходить, за чем бы то ни было, на левый берег Сыра и другое — не только рыбакам, но и описной экспедиции Аральского моря приближаться к южному, хивинскому его берегу. В интересах России и науки Бутаков не мог подчиниться этому пункту данной ему инструкции. Нарушая его, он оправдывался противными ветрами, штилем и прочее, но после успеха дела оправдания эти оказались излишними.

25 августа, в час полудни, шхуна направилась от Ургу-Муруна на северо-восток и, сделав верст 25, увидела перед собою остров Токмак-Ата, а влево обозначился другой небольшой островок, оказавшийся впоследствии косою первого. Тогда шхуна переменяла курс на северо-запад. Между тем ветер стал свежеть и заставил нас, обогнув островок, искать за ним убежище. На следующий день ветер стих совершенно и затем в остальные дни августа и в первые дни сентября стоял сначала глубокий штиль, а потом подул северо-

восточный ветер. Шхуна принуждена была лавировать, благодаря чему, хотя весьма мало, подвигалась вперед. Таким образом, мы две недели находились около южных берегов Аральского моря и успели довольно хорошо осмотреть остров Токмак-Ата и устья двух главных притоков Амударьи, именно Талдыка и Улударьи.

Остров Токмак-Ата получил свое название от находящейся на нем могилы одного святого. У хивинцев существовало предание, что, пока этот святой будет покровительствовать им, ни одно чужеземное судно не подойдет к устьям Амударьи. Другое предание гласило, что к северу от острова находится пучина, втягивающая в себя всякое приближающееся судно. Наша экспедиция достаточно доказала нелепость этой молвы. Остров Токмак-Ата, имеющий в длину от северо-запада к юго-востоку верст 25 и в ширину верст 5, вообще низмен, песчан и покрыт в изобилии кустарником, а берега его обросли камышом; но в двух местах есть глинисто-солонцеватые высоты, именно в восточной части острова, где находится могила святого, и в юго-западной. На острове виднелось довольно много аулов, но постоянных кочевков на нем, говорят, не бывает. Только с августа месяца сюда приходит на поклонение много богомольцев, а зимою раз в год ездит по льду и сам хан. Богомольцев не пускают на остров, пока особые чиновники не соберут для хана растущую здесь в большом изобилии ягоду джиду, для сбережения которой строго запрещается рубить кустарник. Токмак-Ата отделяется от материка проливом с пресной водой, шириной версты 4 и глубиною фута в два и даже меньше. Хивинцы сообщаются через него вброд или посредством небольших лодок, на которых управляют на шестах.

К востоку от Токмак-Ата южный берег моря вообще низмен, песчан и оброс камышом и кугою. Отмели отходят от берега так далеко, что только на расстоянии нескольких верст от него море достигает глубины одной сажени. На всем протяжении южного берега в море впадает многими рукавами Амударья, образуя заливы Кинкамыш, Талдык, Иске и Тецебаш. В заливах Талдык и Иске, куда впадает главный рукав Аму — Улударья, глубина нисходит до двух и даже до одного фута, а в залив Тецебаш, куда впадает Янгису, мы не входили. Пресная вода выбивается в море от всего южного берега верст на 15; но при продолжительных северных ветрах она смешивается с морской, даже в заливах.

Во все время нашего плавания вдоль южного берега Аральского моря на нем виднелись и днем и ночью сигнальные огни, а наравне со шхуною следовала партия, человек в сто, богато одетых всадников на прекрасных аргамаках. Однажды во время осмотра нами на шлюпке одного из устьев Амударьи мы подошли к берегу так близко, что могли переговариваться с хивинцами. «Берекиль! берекиль! (подите сюда! подите сюда!), — кричали они, — у нас есть все, что нужно балыкчам (рыбакам), и мы охотно вам выменяем». Захряпин рассуждал с ними до тех пор, пока можно было делать промеры, а когда шлюпка села на мель и не могла далее идти, мы повернули ее назад. Тогда несколько всадников бросились за нами в воду, но мы уплыли, так как не имели ни малейшей охоты тащиться на аркане в Хиву. По ночам, когда шхуна стояла на якоре на глубине нескольких футов, мы принимали меры осторожности от нападения близких соседей, хотя и не верили в возможность такой предприимчивости с их стороны, но Альмобет сильно трусил и постоянно уго-

варивал Бутакова удалиться от хивинского берега. Раз днем, во время лавирования шхуны, на горизонте показалось что-то белое. Мы все приняли это за паруса и думали, что скоро встретимся с каторю-нибудь из наших шхун, но Альмобет уверял, что это хивинский флот. «Я говорил вам,— сказал он,— что у сартов есть парусные суда, вы не верили, вот и вышло по-моему. Я бы не боялся, если бы у нас было несколько судов, а с одним что сделаешь?» Мы все, однако, ошиблись: белевшая вдаль точка была не что иное, как птица баба (*pelecanus opocrutalus*).

7 сентября, во время лавирования в юго-восточной части Арала, вдаль от берегов, матрос Сохнов, первый канканер и весельчак на шхуне, заметил с мачты какую-то землю среди моря. Бутаков взял направление, указанное Сохновым, и мы скоро увидели низменный и песчаный островок, длиною версты в две и шириною сажень в 50. Как первое открытие на Аральском море, Бутаков назвал остров именем виновника описной экспедиции — Владимира Афанасьевича Обручева.

ОТКРЫТИЕ ЦАРСКИХ ОСТРОВОВ

8 сентября ветер начал отходить к западу. Лейтенант Бутаков, не имея надежды по случаю приближения глубокой осени, при постоянно дующих северо-восточных, противных ветрах успеть осмотреть восточный берег со множеством прилегающих к нему песчаных островов, решил приблизиться к Косаралу, лавируя в открытом море большими галсами и делая, между прочим, промер. С этой целью в 9 часов утра шхуна снялась с якоря и направилась на северо-запад. 9 сентября в 6 часов утра в левой руке открылся какой-то остров. Приняв его за Барсакельмес, Бутаков переменял курс на север, рассчитывая в скором времени увидеть Кугарал. В 2 часа пополудни действительно открылась перед нами в правой руке земля, но которая по своему виду и очертанию берегов не походила на Кугарал. Вскоре мы убедились, что это Барсакельмес и что прежде пройденный нами остров — новое открытие. В 6 часов вечера шхуна стала на якорь посередине между Барсакельмесом и Куланды, а на другой день перешла к мысу Узункаир, чтобы избавиться от сильного волнения и запастись пресною водою и солью из находящегося там озера с самосадочною солью. На всем пройденном пространстве среди моря глубина его нигде не превосходила 15-ти сажень.

12 сентября в 6 часов утра шхуна направилась от Узункаира к новому острову. Волнение на море было сильное, волны горами подымались вверх и стремительно опускались вниз, шхуна почти лежала на боку, вода хлестала за борт, по палубе не было возможности ходить, а в каютах все падало. На этот раз, однако, я не страдал морскою болезнью, должно быть, освоился несколько с качкою. В полдень мы увидели остров, а в 6 часов вечера шхуна стала на якорь около западного его берега. Выйдя на берег, мы были встречены сайгаками, которые с удивлением смотрели на нас, подпускали весьма близко и не разбегались даже после выстрела; но на следующие дни удалились на противоположную от нашей стоянки часть острова, покрытого почти сплошь кустарником. С 13-го по 19-е сентября Акишев с 7-ю матросами, производя съемку, подроб-

но осмотрел весь остров, не в дальнем расстоянии от которого оказались еще два другие, меньшей величины. Бутаков назвал всю группу — Царскими островами.

О существовании этих островов до 1848 года не было известно. Отстоя от Усть-Урта, Куланды и Барсакельмеса не менее, как на 60 верст, они не видимы ни с одного берега, а окрестные жители, не имея парусных судов, с которыми бы могли пускаться в открытое море, ограничиваются только, и то весьма редко, самым близким береговым плаванием. Зимой же море, отделяющее острова от берегов, если и замерзает, то не всегда; но и в эти редкие зимы окрестные жители, не имея никакой нужды переходить через него поперек и подвергать себя без цели опасностям от буранов, не могли на них наткнуться. Наконец, судя по местным признакам и по тому, что об островах не существовало никаких, даже темных преданий, до которых азиатцы большие охотники, с достоверностью можно заключить, что до 1848 года на них никогда не вступала человеческая нога...

ОКОНЧАНИЕ КАМПАНИИ

Эта ночь ознаменовалась еще другим радостным событием, именно переменою ветра, который давал нам возможность направиться к Сырдарье. Записывая ежедневно, со дня выступления из Орской крепости, состояние погоды, я заметил, что дувший постоянно северо-восточный ветер сменялся на несколько дней южным через каждый лунный месяц, и за неделю предлагал пари, что около 21 сентября ветер начнет изменяться. Предсказание мое оправдалось блистательным образом. Шхуна снялась с якоря и... направилась к Кугаралу, а 23 сентября в 6 часов утра бросила якорь в устье Сыра и окончила кампанию.

Н. Д. Новицкий

НА СЫРДАРЬЕ У РОТНОГО КОМАНДИРА

В начале декабря 1883 года, по пути из Ташкента в Оренбург, мне довелось пробыть около четырех суток в г. Казалинске и там, неожиданно, познакомиться с бывшим ротным командиром покойного Тараса Григорьевича Шевченко, Егором Тимофеевичем Косаревым. Уроженец давно уже упраздненной степной крепостцы Татищевой, всю жизнь свою проживший и прослуживший среди необъятных и печальных прикаспийско-аральских пустынь, Егор Тимофеевич, во время знакомства моего с ним, кончал уже сорок восьмой год своей службы и, в чине полковника, занимал должность коменданта г. Казалинска, форта № 1 тож. Ныне Егор Тимофеевич находится уже в отставке, но где проживает, да и здравствует ли

еще, того уже не знаю, ибо последнее письмо его, к которому он, согласно обещанию, приложил «заметку», составляющую почти дословное повторение того, что он мне рассказывал про Шевченка, отправленное в начале 1884 г., было, по причине моих переездов, получено мною только в 1886 г.; на мое же, после того писанное уже письмо к нему и адресованное в г. Казалинск, ответа и до сих пор мною от него не получено.

Большой рост, атлетический склад да и вся вообще фигура Егора Тимофеевича, начиная с нависших бровей, невольно заставляла на первый взгляд предполагать в нем представителя того, ныне, слава богу, уже исчезнувшего типа старого фронтовика-служаки, у которого, кроме сухой формалистики да шагистики, не осталось уже ничего за душой. Но стоило только послушать рассказы и отзывы о «своем старике», как называли Егора Тимофеевича его сослуживцы и подчиненные — до солдата включительно, да хотя немножко лично познакомиться с ним, чтобы не только изменить первое предположение о нем, но даже втайне устыдиться, как оно могло найти место в вашей душе?! Перед вами представлялся тогда Егор Тимофеевич совсем в ином виде и свете, всецело напоминая собою симпатический образ лермонтовского Максима Максимыча: та же внешняя суровость манер и языка, под покровом которой билось самое незлобивое и детски чистое сердце; та же смесь здравого смысла и наивного простодушия в суждениях и оценке лиц и событий; те же любовь и привязчивость к людям, с которыми он жил, или правильнее — служил, ибо других, кроме тех, с которыми служил, он мало даже видывал на своем веку; та же отзывчивость к их горю и радостям и та же, наконец, готовность поделиться с ними последним, а то и ответственность за них не только своею карьерою, о которой Егор Тимофеевич, подобно Максиму Максимычу, никогда и не думал, но даже головою. Под самый конец службы Егора Тимофеевича такая была беда над ним и стряслась...

— Да как же тут было быть-то иначе? — спрашивал при рассказе о том добродушный старик, воскрешая в вашей памяти того наивного малоросса, который, не умея плавать, бросился с моста в Днепр спасать утопающего, а затем на замечание спасших его самого от гибели — как же таки-так он, не умеющий плавать, решился спасать другого? — отвечал: «А то як же, коли чоловік тоне?..»

Во время моего пребывания в Казалинске раз я был с визитом да раз обедал у Егора Тимофеевича, отличавшегося, между прочим, несмотря на крайнюю ограниченность своих достатков, еще и самым задушевным гостеприимством, как, впрочем, и все наши степняки-туркестанцы, без различия чинов и званий. Но у меня в Казалинске так было много дела и мало времени, что за два торопливых этих посещения я не имел возможности разговориться с моим хозяином, в котором и не подозревал бывшего ротного командира Шевченка, да так, не узнавши того, вероятно, и уехал бы, если бы, сверх чаяния, мне не довелось провести еще и целый вечер у казалинского коменданта.

Покончив с делами и распрощавшись с добряками-казалинцами, я в тот же день вечером порешил продолжать мой дальнейший и нелегкий путь, сделав к тому безотлагательно все обычные закупки и приготовления. Но недаром говорят: «Человек предполагает, а бог располагает!»

Мороз, державшийся еще утром около 18°, вдруг к вечеру упал до 7°; ясное до сих пор небо стало быстро заволакиваться тяжелыми тучами; задул сильный ветер и начал перепархивать снег: все предвестники близящейся «пурги» были налицо. Хозяин заезжего дома, где квартировал я, и ямщики, приходившие со станции подмазывать и упаковывать мой тарантас, стали уговаривать меня отложить мой выезд до утра. Но я не сдавался, однако, на их уговоры и ревностно продолжала мою укладку, как вдруг ко мне входит Егор Тимофеевич, отряхивая с усов ледяные сосульки и утирая от снежного заноса лицо. «Да неужели же,— удивленно спрашивает он.— вы и в самом деле собираетесь сегодня выезжать? Это по такой-то темноте, да еще в пургу?! Да в такую непогоду и сам киргиз верхом на своем коне ни за что никуда не поедет, а куда же вам, в тарантасе?! Это прямо идти на погибель, как тому и бывало уже немало примеров у нас в степи. Вот ужо утром повидите: затихнет, ну, и с богом! А нет, так лучше уже и завтра сидеть на месте подбродову, чем пропадать в степи! Послушайте совета нашего брата — степняка,— бросьте и думать о выезде сегодня!.. А чтобы не оставаться у себя в номере в одиночестве, так не пожалуете ли попросту ко мне, напиться чайку?» Я сдался на доводы Егора Тимофеевича, через какие-нибудь полчаса сидел в его квартире за большим столом, уставленным всякими неприхотливыми яствами, среди которых приветливо шумел большущий самовар.

Всех нас, гостей, собралось человек пять,— все, кроме меня, давние туркестанцы. Беседа наша, сразу же принявшая самый непринужденный, искренний характер и вращавшаяся сначала, как говорится, на «злобах дня» и на настоящем нашей *среднеазиатской* окраины, перешла затем к разговорам о ее былом. Егор Тимофеевич, к которому при этом то и знай что обращались беседующие то за справкой, то с расспросом,— чем далее, тем более все оживлялся, постепенно и незаметно для самого себя переходя из роли собеседника в роль живого хроникера, рассказы которого — простые, безыскусственные, по большей части даже отрывочные, но всегда правдивые, оттеняемые то колоритом неподдельной грусти, то такого же юмора,— невольно-наконец овладели вниманием всех нас.

— Так, значит, вы не залетная птица в здешних палестинах, а заправский здешний старожил? — обратился я к Егору Тимофеевичу, чтобы прервать грустно-задумчивое молчание, воцарившееся в нашей беседе после одного из рассказов его, по юмористическому своему началу возбуждавшего даже не один взрыв общего смеха.

— Это я-то? — спросил Егор Тимофеевич, с удивлением глядя на меня и отодвигая даже при этом в сторону длинный чубук своей трубки, которой он оставался неизменно верным.— Да ведь я не только безвыездно служу в здешнем крае с 1835 года, я и родился-то здесь! Слыхали про крепость Татищеву? Ну, вот там!.. Все, что ни произошло здесь лет этак за пятьдесят семь, все это произошло будто бы вот на моей ладони. Я отлично помню даже приезд Александра I благословенного в Оренбург, где я тогда учился, и его самого как сейчас вижу пред собой!.. Я ли не старожил здешних мест, где, верно, мне и кости-то свои придется сложить?! — вздыхая закончил он.

— А знаете ли, Егор Тимофеевич, ведь вам грешно было бы не записать ваших воспоминаний, которые, поверьте, охотно напечатали бы...— продолжал я.

— Да я со дня моего поступления на службу вел дневник, в который аккуратно вносил все, что видывал и слышал, и таким манером написал целые две большие тетради, вплоть до июня 1856 года, когда, при следовании с ротою из Новопетровского укрепления в г. Уральск, у меня, на походе, вдруг похитили обе эти тетради...

— Как так похитили? Ну кто же это мог?!

— Да кто же? Свой же!.. Все это, знаете ведь, наши глупые шутки да смешки. Вот, извольте видеть: такой-то, видишь, пишет какой-то дневник и никому его не показывает... а ну-ка, посмотрим, что он там строчит? Подшутим-ка над ним, стащим его строченье,— цена ему не велика, а зато смеху-то сколько!

— Так вы и не разыскивали этого похитителя-шутника?..

— Как не разыскивать? Разыскивал и даже прямо подозревал одного поручика, бывшего со мной в походе... упрашивал его даже перестать баловаться, отдать мне тетради! Так божился и клялся, что не он, хотя при этом и ухмылялся... Ну, что же тут поделаешь? Так и бросил дело.

— Ну, а после того вы уже не вели дневника, Егор Тимофеевич?

— После, знаете, как-то охота отпала. Ну, да бог меня памятью не обидел. Дневник не дневник, а воспоминания свои собираюсь-таки перевести на бумагу... Раза два я даже, признаться, принимался за это, хотя, говоря по правде, не мастер я писать-то...

— А скажите, Егор Тимофеевич, вот вы видали и знавали здесь столько лиц; ну, а Шевченка вы не знавали?

— Это Тараса-то Григорьевича? Как не знать, помилуйте! Да ведь он у меня же, в Новопетровском в роте был...

Из пятерых нас, собеседующих,— будто бы нарочно! — четверо оказалось украинских уроженцев; а потому понятно, с каким единомыслием обратились мы, после этого заявления нашего почтенного амфитриона, с просьбою рассказать, что он знает и помнит про нашего Кобзаря.

— Надо вам, господа, сказать,— начал Егор Тимофеевич,— что я лично узнал Шевченка не сразу после его высылки из Петербурга, а уже по прошествии почти трех лет его службы в Отдельном Оренбургском корпусе, в 1850, значит, году, когда прибыл на Мангышлак, в Новопетровское укрепление, ныне, как сами знаете, уже упраздненное. Там я с ним впервые встретился и затем провел почти что семь лет, вплоть до его амнистии, последовавшей в 1857 году. За это время — будь цел мой дневник — я, конечно, мог бы таки многое сообщить вам и о Тарасе, и о нашем вообще житье-бытье за Каспием, в пустыне; ну, а теперь не взыщите: хотя, как я уже докладывал вам, памятью меня бог и не обидел, но все же таки многое в ней поистерлось. Шутка сказать, а ведь двадцать шесть лет, более, значит, четверти столетия с тех пор минуло!.. А что до первых лет службы Тараса в нашем корпусе, то все, что могу рассказать вам,— все это слышано мною или от него самого, или от служивших с ним, или извлечено из дел, хранящихся в архиве при управлении коменданта форта № 1, бывшего Раимского укрепления. Немногое, однако, дают эти дела, которые я таки перерыл все... Разумеется, в делах бывшего штаба Оренбургского корпуса можно

было, покопавшись в них, найти куда более! Но где эти дела? И как до них добраться? Да еще нашему-то брату?! А признаться, хотелось бы этого и самому лично, да чтобы, кстати, исполнить и просьбу двух хороших человечков, очень уже просивших меня о том же.

...Ну-с, как только привезли нашего Тараса в Оренбург, так сейчас же, по распоряжению начальника края, генерала Обручева, его назначили на службу рядовым в 4-й Оренбургский линейный батальон, две роты которого, 1-я и 2-я, занимали тогда степные крепости, Оренбургскую и Уральскую, находившиеся на реках Тургае и Иргизе, а две роты стояли с батальонным штабом в крепости Орске. Из Оренбурга Шевченка, разумеется, препроводили туда, где находился батальонный штаб, т. е. в Орск, где его и зачислили на службу во 2-ю роту, в которой, по ранжирному списку, он значился 191 человеком, а ростом показан 2 аршина и 1/4 вершка. Хотите, так покажу даже вам эту выметку, выписанную мною из дел? — обратился вдруг к нам Егор Тимофеевич, вставая и готовясь уже идти к своему письменному столу за ней для документального подтверждения своего рассказа.

— Не надо, не надо, лучше продолжайте ваш рассказ, — в унисон начали мы просить его.

Егор Тимофеевич откашлялся, закурил трубку, сел и продолжал.

— Ротой, куда попал Шевченко, командовал поручик Богомолов. Лично я его не знавал, да не помню, говорил ли мне что про него Шевченко. Кажись, что ничего, ни худого, ни хорошего... Не могу с точностью доложить вам, в конце ли 1847 или в начале 1848 года (кажись, что в начале 1848), но только обе эти роты, а с ними, понятно, и Шевченко, были переведены из Орска в Уральское укрепление, откуда, почти сразу же, в составе довольно значительного отряда, тысячи этак в две человек, в число которых вошли и казаки, и башкиры, и даже вольнонаемные рабочие, они были двинуты к низовью Сырдарьи, где тогда утверждалась наша власть. А потому как только прибыл туда этот отряд, так сразу же и приступил сначала к окончательному устройству Раимского укрепления, которое за год перед тем было заложено и в котором флота лейтенант Бутаков с прапорщиком штурманов Поспеловым строил уже две шхуны, названные впоследствии «Константин» и «Михаил», а затем к постройке небольшого форта, названного Косаральским. Форт этот, находившийся неподалеку от Раимского укрепления, предназначался для помещения складов и людей нашей, тогда только что нарождавшейся сырдарьинско-аральской флотилии. Вскоре и суда флотилии, и форт Косаральский, с помещениями для ее людей, были готовы; а так как именно людей-то для службы на ней и не хватало, то, для исполнения матросских обязанностей, и была отправлена к ней в распоряжение Бутакова от 1-й и 2-й рот 4-го Оренбургского линейного батальона команда в числе 5 унтер-офицеров, 36 рядовых и 1 фельдшера. Уже из какого сорта людей выбраны были эти импровизированные матросы — не умею вам сказать, но только в числе их находился и рядовой 2-й роты Тарас Шевченко.

— Так вот оно откуда, вот когда писалось это прелестное стихотворение, — перебивая речь Егора Тимофеевича, воскликнул один из наших собеседников, горячий украинец, тут же наизусть и превосходно прочитавший:

Готово! Парус разпустили,
Посунули по синій хвилі,
Помеж кугою в Сирдар'ю
Байдару та баркас чималий.
Прощай, убогий Косарале!
Нудьгу заклятую мою
Ти розважав-таки два літа.
Спасибі, друже; похвались,
Що люди і тебе знайшли,
І знали, що з тебе зробити.
Прощай же, друже! Ні хвали,
Ані ганьби я не сплітаю
Твій пустині: в іншій краю,
Не знаю, може, й нагадаю
Нудьгу колишнюю колись!

— Ну, как же, однако, Шевченко-то попал в матросы?! Не рассказывал он вам? — спрашивали мы Егора Тимофеевича.

— Разумеется, как: Бутаков пожелал его взять к себе; попросил начальство назначить, ну и назначили!.. Хороший был это, разумный и душевный человек, и покойный Тарас частенько-таки его вспоминал, и всегда добрым словом. Тяжела была тогда, господа, наша степная служба, не в пример тяжелее нынешней, даже и для офицера-то, а про солдата и говорить уже нечего! И шагистикой-то, и ружейными приемами занимайся, и походы ломай по жаре или холоду по этим бесконечным, безводным степям — иногда даже на одном зачерствелом сухаре или чуть ли еще не хуже того! Рой, бывало, да таскай на себе землю для насыпки укреплений — и это по целым месяцам, по жгучей жаре!.. Конечно, нелегко было служить и во флоте, но все же легче, чем в строю, а уже особенно для Тараса. Первое и самое главное, как он сам потом мне рассказывал, не было этих ненавистных для него — шагистики и ружистики, второе, там он уже не землю рыл, а срисовывал берега, виды Сыра и Арала... Ну-с, а затем и жилось ему-то на шхуне, которою управлял сам Бутаков, куда уж лучше, чем на суше, в роте...

Проплавал таким манером наш Тарас два лета подряд по морю Аралу, берега, острова и воды которого Бутаков обозревал и описывал, оставаясь для этого на море всякий раз, непрерывно, месяцев по пяти... Немало-таки натерпелись при этом наши мореплаватели — и от штормов, и от лихорадок, и от непривычки к жизни на воде, и даже от проклятых комаров, которых по берегам Арала носят целые тучи... Впоследствии все нижние чины, исполнившие обязанности матросов, а в том числе и рядовой Тарас Шевченко, были даже удостоены за эти морские кампании 1848—1849 гг. высочайше дарованной денежной награды, каждый в размере по 5 руб. серебром.

Морскою кампаниею 1849 г. окончилась, однако, и служба Шевченка на море. Чтобы не оставлять его в Раиме без себя, а еще пуще для того, чтобы похлопотать об облегчении его участи, — так как Шевченко все время своей морской службы вел себя безукоризненно, много и трудился, и рисовал, и чертил, — Бутаков, отправляясь в октябре в Оренбург для представления начальнику края отчета о своих работах, взял с собою, в числе других лиц, сопровождавших его туда, а именно: Пospelова, двух топографов, унтер-офицера Вернера, фельдшера и денщика, и — рядового Шевченка. Отчетом Бутакова остались в Оренбурге очень довольны, — так что не толь-

ко его, но и Пospelова скоро даже произвели в следующие чины; но хлопоты его о Шевченке уважены не были, и все это дело кончилось лишь тем, что вернули нашего Тараса опять на сушу, но только перевели с Сырдарьи, из прежнего 4 в 1-й линейный батальон, штаб которого с двумя ротами стоял тогда в г. Уральске. После Оренбурга стоянка в Уральске, конечно, считалась у нас, да и была, лучшей... Но Тарасу только и пришлось, что перезимовать там, так как в 1850 году, с открытием навигации, его сейчас же переслали сначала в Гурьев-городок, а оттуда — в Новопетровск, где занимали гарнизон другие две роты 1-го батальона и куда по весне он и приплыл по Каспию на «почтовой» лодке. Вот с этой-то, собственно, поры и началось мое знакомство с ним... Я тогда командовал 3-й ротой, а 4-й, куда зачислили Шевченка, командовал штабс-капитан Потапов, от которого я принял роту уже только в 1852 году, когда Потапова перевели в Уфу, а мне приказали принять для командования 4-ю роту, взамен моей, которую переместили в Уральск, откуда на смену ей прислали в Новопетровск 1-ю. Роты, занимавшие гарнизон в Новопетровске, сменялись поочередно обыкновенно каждые два года; ну, а офицеров при этом, которые поопытнее да посolidнее, так тех иногда начальство оставляло там бессменно года по четыре, по пяти, чего, например, был удостоен и я. Разумеется, не любо было никому оставаться в этом заброшенном за Каспий и будто богом забытом укреплении, в котором — поверите ли? — даже воды-то колодезной, кроме как солонцеватой, не было другой!.. Да что же будешь делать? Наш брат, армиуш, служит ведь не там, где хочет, а где бог приведет да начальство повелит. Сначала, т. е. как построили мы только Новопетровск, — а моя рота, надо вам сказать, производила даже разбивку и закладку его в 1846 г. — так и господа не приведи, как там уже тягостно и печально было жить! Море, по которому сообщения были вообще не очень-то часты, с одной стороны, а пустынейшая пустыня — с другой: ни купить, ни достать чего тебе! Пока построили казармы, так долгое время мы и жили-то в юртах, словно киргизы!.. Правда, не вольготно — куда как не вольготно! — жилось и потом. Ну, да вы ведь знаете, господа, что человек привыкает ко всему. Мало-помалу попривыкли и мы к нашему — как верно называли его солдатики — сибирному Новопетровску, — не тем он будь помянут! Пообстроились, пообзавелись, поприладились кое-как... Понаезжали туда кое-какие и купчики и пооткрыли лавочки с разными товарами и — даже погребок с иностранными винами... Стали мы получать, хоть и не очень-то исправно, «Русский инвалид», «Пчелку» и даже тогдашние журналы «Отечественные записки» и «Современник», — в складчину, разумеется; а кто стал привозить с собою и разные другие кое-какие книжки, — все же нет-нет, да от скуки и считаешь что-нибудь!.. Ну-с, ко многим, женатым, — а их было больше половины, — поприезжали, наконец, и их семейства: не врозь же было жить небогатым людям! Составилось таким манером кой-какое общество, — небольшое, правда, человек этак в сорок, много — пятьдесят, считая тут, разумеется, не только всех офицеров, но и всех чиновников и купцов, что были почище. Общество наше жило промежду собой довольно дружно: ведь жизнь в таком захолустье невольно сближает людей!.. Днем, бывало, делаем ученья, совершенствуя шагистику и ружистику, производим фортовые работы, а по вечерам собира-

емся, больше по семейным домам, играем в шашки, лото, преферанс или ералаш — этак по одной двухсотой или трехсотой копейки: народ-то ведь все был куда как не богатый!.. Когда невыносимые жары летом и такие же ветры осенью и зимой не отбивали всякое желание выйти за крепость, то езжали иногда и на охоты. Певали по праздникам и в церкви на клиросе; а когда у нас впоследствии составились из офицеров и солдат два маленькие оркестра, то случалось, что и танцевали, и даже устраивали любительские спектакли в пустопорожней казарме: ведь надо же было как-нибудь коротать время!..

— Ну, а Тарас-то как стал жить-поживать по прибытии в Новопетровск? — нетерпеливо прерывая невеселые воспоминания почтенного рассказчика, спросил его тот самый из наших собеседников, который только что продекламировал нам стихотворение Кобзаря.

— Да не особенно-то легко и сладко попервоначалу, — надо сказать правду!.. — пуская густые клубы дыма из трубки и сморщивая свои густые брови, продолжал Егор Тимофеевич несколько пониженным голосом. — Теперь, господа, разумеется, нет маломальски образованного человека, который не знал бы имени Шевченка; а в те поры, да еще у нас, за Каспием, так про него никто и не слыхивал! Письменных о нем сведений в роту не было выслано никаких; в двух же предписаниях, данных батальонным штабом и комендантом ротному командиру, только всего и было, что в первом указывалось — считать рядового Шевченка записанным в солдаты за политические преступления, а во втором постановлялось — иметь за ним особый надзор и не позволять ему ни писать, ни рисовать, ни даже иметь при себе какие-либо письменные или рисовальные принадлежности. Конечно, последнее запрещение наводило на мысль, что он, должно быть, был из числа писателей или художников; но что он такое писал или рисовал? Откуда? Кто он такой и за что угодил в солдаты? Того никто из нас первое время не знал да, по правде сказать, никто тем особенно и не интересовался, так как высылка такого рода людей в наши степные батальоны была по тем временам нам не в особенную-то редкость!.. Ну-с, поместили его в казарму, приставили для надзора над ним особого дядьку из солдат, стали водить на фортовые работы, на *муштру*... Все это, понятно, нелегко уже само по себе и для всякого, даже простого и грубого человека, прямо от сохи попавшего на службу, а для Шевченка, хоть он был не из неженки и не из баловней, было тем тяжелей, что, на беду свою, он попал под начальство-то Потапова. Необразованный, несердечный, да при том, — что таить правду, — часто и неуместно грубый и строгий был это человек... Не любили его даже офицеры, а уже про роту и про Шевченка и говорить нечего: они просто его ненавидели! Донимал Потапов Шевченка не тем, извольте видеть, что не делал для него исключений или послаблений, о чем тот и не помышлял, зная, что Потапов и сам только исполнитель приказаний свыше, а всякими мелочными да просто-таки и ненужными придирадками, — точно он будто бы надсмеивался над человеком, и без того уже терпящим. То, бывало, ни с того ни с другого, начнет у него выворачивать карманы, чтобы посмотреть, нет ли у него там карандаша либо чего писаного или рисованого. То станет издеваться над ним за не совсем громкий и солдатский ответ

на вопрос или за опущенные при этом вниз глаза и т. п. Но больше всего он выводил Тараса требованием тонкой выправки, маршировки и ружейных приемов, которые составляли тогда идеал солдатского образования и которые Тарасу, при всем даже его старании, не давались никак!.. «Не постычь мне этой премудрости,— хоть тут ложись да и помирай!» — с отчаянием говаривал, бывало, после учений, бедняга, сам неоднократно мне. Да и действительно, стоило только на ученье взглянуть, бывало, на его фигуру под ружьем, чтобы вас разобрали и смех и горе, — ну, видимо, что человек совсем как есть, не способен к тому!.. «Ну, разве ты сам не видишь этого?» — случалось говаривали мы иногда Потапову, желая усвесить и умерить его требования к несчастному. Так куда тут! «А мне,— говорит,— потом отвечать за него на смотрах?!» — «А что, брат Тарас,— раз шутя сказал ему один молодой офицер после ученья,— ведь лучше было бы, если бы тебя опять послали на морскую службу или назначили в казаки?! Ведь служба на чайке или на коне больше вам, запорожцам-то, с руки, чем в пехоте!..» — «А еще лучше было бы мне — или совсем на свет не родиться, или умереть поскорей...» — отвечал на это, понуря голову, Тарас, и две крупные слезинки — вот как теперь вижу — так и скатились у него с глаз... Да-с, не легко, и даже очень не легко, жилось ему, бедняге, в Новопетровске, а особенно поначалу... Но потом, как водится, дело поменьшечку обошлось. Тут же, кстати,— точно уже не помню, когда именно, но кажется, что в июне 1852 г.— разрешено ему было и писать и рисовать, хотя, впрочем, и под надзором особого офицера. Ну, разузнали мы мало-помалу — и что за человек был Тарас, и за какие такие грехи попал под красную шапку... А как разузнали, то все его полюбили и стали везде его принимать, как своего, и в холостых и в семейных домах, начиная с коменданта, детям которого он начал давать уроки. Да и трудно, знаете, было его не полюбить, потому что он умел и держать-то себя хорошо, да и был-то мало того, что очень, очень разумный, но и совсем хороший, как говорится, душевный человек, с которым даже и не в Новопетровске, и не нашему брату, простому офицеру, было бы не только приятно, но, можно сказать, и пользительно побеседовать. Да-с!.. Сближался он с людьми как-то с опаскою, не скоро. При встречах с малознакомыми или с такими, которых он не подлюбливал, не добьешься, бывало, от него ни слова: сидит себе насупившись, точно воды в рот набрал! Случалось это, впрочем, с ним и так, когда находил на него как будто какой худой стих! Тогда хоть и не зови его! Сидит себе, хмурый-хмурый, да молча рисует или лепит что-нибудь, а то, бывало, и просто так сидит, точно замерший, на месте в каком-нибудь пустынном юру, да, пригорюнившись, глядит куда-то вдаль... Но зато иногда, хотя и не часто, да уже как разойдется, разговорится, да начнет сыпать разные свои поговорки да анекдоты,— а он их знал тьму! — или же как начнет при этом изображать в лицах купцов, попов, дьяков, старообрядцев,— а он и на это был мастер! — тогда веселью и хохоту, бывало, просто не было конца!..

Что он писал в Новопетровске,— того доподлинно сказать не умею. А рисовал и лил из алебаstra много,— разумеется, с тех пор, как ему это было разрешено. Так, он охотно рисовал портреты с офицеров и дам, но не красками, а разноцветными карандашами, и некоторые из этих портретов, хотя, впрочем, не все, отличались

большим сходством. Лучшими из них считались у нас портреты коменданта и мой...

— Где же он, покажите, пожалуйста,— единогласно воскликнули мы все.

— Гм... где?! Да разве многое сбережешь, господа, при перекочевке, при которой прошла большая часть моей службы?! При переезде в Карамахчи, на Сырдарью, затерялся как-то, а может, где и украли мой сундучок, а с ним и портрет мой... А то вот, господа, расскажу вам любопытный случай. Один раз, летом, этак около 6 часов утра, с южной стороны моря, появился великолепный и так долго державшийся мираж, изображающий какой-то не известный нам город с домами, башнями и прочим, что Шевченко успел даже отлично срисовать все это видение. Проходит довольно продолжительное время. Дивимся мы на картину и ума приложить не умеем, что же бы это за город такой мог так живо отразиться в воздухе?! Только приходит в Новопетровск пароход «Ленкорань». Шевченко возьми да и покажи свою картину морским офицерам. Представьте же себе наше общее удивление, когда те в один голос воскликнули: «Да это Астрабад!!» — и тут же начали показывать и башни и дома. «Вот,— говорят,— это такая-то, а вот то такой-то...» — и т. д.

Из множества фигур и статуэток, которые он выливал из алебаstra, мне особенно врезались в память две его группы. Одна изображала Христа, мучимого иудеями: спереди пред Христом, сидящим в терновом венке, сидит на коленях еврей, высунувший язык и, видимо, дразнящий его, а позади стоит другой, стегающий плетью спасителя по спине. Другая группа изображала сцену из киргизской жизни: стоит кибитка с поднятою от жары кошмою. В глубине кибитки сидит киргиз в кошемной, несколько набок, шляпе, с довольною физиономиею и играет на домбре (балалайке). Снаружи, у дверей, с улыбкою на губах и с головой, повернутой к нему, стоит его жена и толчет просо. У ног ее двое маленьких, голых киргизят, играющих между собою. С правой стороны лежит привязанный к кибитке теленок, а с левой — две козы. Превосходные, знаете, были обе эти группы! Последняя была и у меня, да в проклятом переезде чрез степь искрошилась на беду в порошок. Ведь при наших переездах и железные-то вещи портятся дорогой, а где же тут сохранить алебастровые!.. И портреты наши срисовывал, и алебастровые свои произведения нам раздавал Шевченко обыкновенно даром. Но все мы, зная крайне стесненное положение его, под всякими благовидными и необходимыми для него предложениями, всячески старались как-либо отдариться за то, помочь ему и вообще не остаться в долгу...

Я уже докладывал вам, господа, что с 1852 г. Шевченко стал все больше и больше вхож в наше маленькое общество, которое так наконец полюбило его, что без него не устраивало, бывало, уже ничего,— были то обед или ужин по какому-либо случаю, любительский спектакль, поездка на охоту, простое какое-либо сборище холостяков или певческий хор.

Хор этот устраивали офицеры, и Шевченко, обладавший хорошим и чистым тенором и знавший много чудесных украинских песен, был постоянным участником этого хора, который, право же, очень и очень недурно певал и русские и украинские песни, а по праздникам — так и в церкви, на клиросе.

Про обеды да ужины, которые. случалось, оканчивались иногда и попойками... говорить не стоит: были они. как и все подобные обеды и ужины! Ну, а про те спектакли, в которых он принимал самое деятельное участие как актер и декоратор. нельзя не вспомнить,— тем более, что без него, при всем увлечении и старании. с какими разучивали и играли свои роли прочие актеры-любители, вряд ли эта затея наша возбудила бы тот восторг, с каким встретила ее наша новопетровская публика, которую всякий раз буквально битком наполнялась казарма, где шли спектакли.

На первых двух спектаклях оба раза шла комедия Островского «Свои люди — сочтемся!», повторенная по общему и единогласному желанию всей публики. В комедии этой, кроме роли Рисположенского, которую взял на себя Шевченко, все роли, даже женские, играть в которых наши дамы не пожелали, исполнялись офицерами... Играл в ней — смех, ей-богу, вспомнить! — и я роль Подхалюзина, в костюме же которого, в антрактах, сходил еще и в оркестр, чтобы играть на скрипке, без которой тот обойтись не мог; ну, да ведь по пословице: «охоту тешить — не беду платить!»... Так как, надо вам сказать, генеральной репетиции у нас не было, а на репетициях Шевченко никогда настояще не играл, то мы, понятно, и не знали, какой-то выйдет из него Рисположенский? Но когда, на первом представлении, он появился на сцене за костюмированный да начал уже играть, так не только публика, но даже мы, актеры, пришли в изумление и восторг!.. Ну,— поверите ли? — точно он преобразился, ну, ничего в нем не осталось Тарасового: ярыга, чистая ярыга того времени.— и по виду, и по голосу, и по ухваткам!..

После первого спектакля, бывший тогда комендантом нашим, превосходный и умница человек, подполковник Маевский — вечная ему память! — устроил для нас, актеров, и других офицеров и их семейств ужин, а затем танцы, продолжавшиеся до рассвета. Так вот, после этого ужина Маевский подошел к Шевченко, чокнулся с ним и правду сказал: «Богато тебя, Тарас Григорьевич, оделил бог: и поэт-то ты, и живописец, и скульптор, да еще, как оказывается, и актер... Жаль, голубчик мой, одного,— что не оделил он тебя счастьем!.. Ну, да бог же не без милости, а казак не без счастья!..»

Третий спектакль заключался в двух водевилях, иггранных уже одними нижними чинами, которые, право же, весьма недурно исполнили свои роли. Шевченко, по мысли которого и устроился этот спектакль, которого он был и душою, сам, однако, в нем не играл, но зато разутешил публику таким неожиданным сюрпризом, что она от восторга чуть не спятила с ума! Во время антракта вдруг подымается занавес; музыка начинает играть плясовый малороссийский мотив, а на сцене появляется Тарас, переодетый в малоросса, и молодой прапорщик Б., переодетый в малороссиянку, да как ушкварят украинского трепака, так просто отдай все, да и мало! От криков да аплодисментов едва казарма не развалилась, ей-богу!.. Надивил тогда Тарас нас всех своим искусством в пляске! Потом как узнали за ним и этот секрет, то по вечеринкам частенько-таки упрасивали его проплясать своего трепака, и когда он бывал в духе или немножко, как говорится, «под шефе», то, бывало, и плясывал, и певал...

Ну-с, вот таким-то манером жили мы, поживали да про Крымскую войну читали, как вдруг — точно гром с неба! — получаем

известие о смерти императора Николая Павловича. Пригорюнились-таки мы все при этом, а очень, очень многие таки и всплакнули-с... Ну, а потом мало-помалу ободрились: новый царь, новые, значит, милости! Ободрился при этом и наш Тарас. Но проходит год, проходит коронация, получается и манифест, а про Тараса, как говорится, ни гугу! Запечалился он тогда, бедняга, так запечалился, что иногда, верите ли, я побаивался, как бы он и руку на себя не наложил?.. Часто в эту пору я и уговаривал и утешал его, что «бог-де не без милости», так только, бывало, махнет рукой да скажет: «Для всех, да только, видно, не для меня!»

По поздней осени 1856 г. отправился я в отпуск в Уральск; женился там; а по весне 1857 г. опять вернулся в Новопетровск, где застал Тараса в добром здоровье и как будто немножечко ставшего пободрей. Получил он, извольте видеть, несколько писем от разных друзей и от какой-то даже графини, которые утешали его надеждою на скорый возврат додому. Он сам мне и показывал эти письма... Тут опять произошла смена рот: 4-ю отправили в Уральск, а мне велели принять прибывшую на ее место 2-ю, куда я и перевел Шевченка, чего и он, да я и сам хотел, чтобы уже, знаете, не расставаться нам. Так и прожили мы с ним до августа, когда, не помню уже, какого числа, вдруг получается распоряжение: отправить рядового Шевченка в г. Уральск, а оттуда уволить со службы, возвратив в первобытное состояние. О радости его при этом не стану уже и говорить. Радовались за него многие, а уже особенно я, хотя мне было и очень грустно с ним расставаться: ведь столько лет прожили вместе, делили столько горя и радости... да и хороший, сердечный, даровитый человек был Тарас, хотя, как верно заметил Маевский, судьба и оделила его всем, кроме счастья!.. Крепко-крепко обнялся я на прощанье с Тарасом, провожая его в путь и усаживая на почтовую лодку, на которой он отправился в Уральск. Больше мы уже с ним — вечная ему память! — не встречались.

Ну, вот, господа, и все, что я могу сообщить вам о Шевченке.

— Баснями соловья не кормят,— заметила Егору Тимофеевичу его почтенная супруга,— ты и забыл, что уже первый час и пора попросить их закусить, чем бог послал.

Около двух часов ночи мы разъехались с квартиры нашего гостеприимного и поистине милого, симпатичного хозяина.

Пока мы слушали безыскусственные рассказы его и ужинали, погода, как это нередко бывает в степях, опять уже изменилась. Ветер утих; мороз опять усилился градусов до пятнадцати, тучи исчезли, и над нами высилась чистое, безоблачное, засыпанное сверкающими звездами небо. В шесть часов утра я уже покидал Казалинск, невольно по пути вспоминая Раимское укрепление, форт Косаральский и стихи Шевченка, неотвязчиво преследовавшие меня всю дорогу:

«Прощай, убогий Косарале!» ...

Т. Г. ШЕВЧЕНКО
В НОВОПЕТРОВСКОМ УКРЕПЛЕНИИ

Первое впечатление не помню: Шевченко не был светским человеком — он не мог сразу овладеть вами. Роста был среднего, коренастый, немного мешковатый, даже неуклюжий. Лицо открытое, добродушное, высокий лоб с большой лысиной, что давало ему солидный вид; движения медленные, голос приятный, говорил прекрасно, плавно, особенно хорошо читал вслух. Бывало, в длинные зимние вечера он принесет журнал и выберет, что ему по вкусу, и начинает читать; если же вещь ему особенно нравится, то он откладывает книгу, встанет, ходит, рассуждает, затем опять возьмется за книгу; стихи же, которые ему очень нравились, он выучивал и дня по три декламировал.

При ближайшем знакомстве с ним я нашла в нем честного, правдивого, нравственного человека. Что касается религии — я в церкви его никогда не видала и потому об этом ничего не могу сказать. В обществе он держал себя скромно, больше любил бывать у нас, когда никого из посторонних не было; от большого общества уклонялся. Карт не любил. Женского общества тоже не искал и почти ни у кого из семейных, кроме нас, не бывал. Любви к музыке я в нем не замечала, но пение он, кажется, любил; так, летом, гуляя по саду, он всегда почти мурлыкал про себя какую-нибудь простую песенку; помню, например, одну из них: «Стоит парень у ворот, у ворот красотка ждет» — и так далее.

Что касается его костюма, то зимою он приходил в солдатской шинели, а летом в белом кителе, таких же шароварах (кажется, из ревендука), в солдатских сапогах; вообще в своем костюме был скорее неряшлив. Казарменную жизнь его не знаю. Шевченко просил разрешения жить с каким-нибудь офицером, и муж мой ему это позволил. Он выбирал для этого из самых скромных и даже, можно сказать, убогих, и с ним вел дружбу. Эти его друзья переписывали ему его сочинения, которые он посылал в Петербург и получал за них вознаграждение. Любви к деньгам я в нем не замечала.

Обществом офицеров в форте не был любим, так как сам считал большинство из них дураками. Мостовский был одним из немногих, с кем Шевченко любил вести шуточный разговор. Мостовский был артиллерист, кажется, в чине капитана, старый холостяк, очень добродушный человек.

Между солдатами тоже, я не думаю, чтобы Шевченко пользовался особенною любовью. Он имел одного из них, которого нанимал за себя ходить в караул, а другой, молодой солдат, служил ему натурщиком.

При Ираклии Александровиче он никакой службы не нес, на учение ходить перестал, так как муж мой убедил его ближайшее начальство, что Шевченко никогда фронтовиком не будет, и про-

сил вообще его оставить в покое. Только в караул сначала он должен был ходить, но потом и в этом ему сделали уступку, позволив за себя нанимать. Львов был его батальонный командир, он жил в Уральске, так как батальон был разделен на две половины: две роты в форте, а другие две в Уральске. Всякий год эти роты менялись, и потому часто была перемена офицеров. Я вообще плохо запоминаю фамилии, а потому о многих не могу вам ничего сказать. Обрядина не помню, Львова тоже мало знаю, потому что он приезжал один раз в год инспектировать роты; почему не желал он произвести Шевченко в унтер-офицеры, я не знаю. Его место заменил Рыжой, которого я даже не видала. В форте полубатальонным командиром был Косарев, он больше всех следил за Шевченко; он был фронтовик, строго требовал исполнения службы, как мне казалось, человек недалекий. Шевченко писал о нем в «Основе», не помню за какой год, и выставлял его незавидным. Заявлению Лескова, будто бы Перовский велел наказывать Шевченко телесными ударами, решительно нельзя верить. Я могу вас разубедить в этом, потому что когда Ираклий Александрович при отъезде из Оренбурга в форт пошел прощаться к Перовскому, то тот первый заговорил о Шевченко и просил мужа как-нибудь облегчить его положение, иначе Ираклий Александрович и не мог бы так решительно действовать, не имея поддержки свыше. Сначала в форте между офицерами был ропот, зачем комендант сажает их у себя за стол рядом с рядовым, но после замолчали. Если бы наказание было даже только назначено, но не приведено в исполнение, то уж об этом бы много говорили, а я в первый раз теперь об этом услышала из предложенных мне вопросов.

Полковник Матвеев служил в Оренбурге, я его не знала. Я уверена, что если бы спросили Шевченко, желает ли он в Оренбург, то он, наверное бы, отказался, потому что там ему не было бы дано такой свободы, какую он пользовался в форте. Тарасу Григорьевичу действительно было запрещено брать в руки карандаш и перо. Я спросила его, почему такой запрет, то он объяснил, что на него взвели напраслину, будто он нарисовал карикатуру на царскую фамилию, но что он в этом не виноват; он говорил, что не способен даже провести ни одной карикатурной черты. Я ему вполне верила и очень его сожалела. Это наказание было для него самое чувствительное, поэтому рисовать ему приходилось втайне. Он очень желал нарисовать образ масляными красками, но ему это не разрешили. Он был учеником Брюллова, и его специальностью было рисование масляными красками. В форте он много рисовал портретов сепиею, лицо и руки отделявал пунктиром, что ужасно мелкая работа, и он боялся, что потеряет зрение. После он стал заниматься скульптурою.

Не знаю, кто написал донос на Шевченко, но слышала, будто он с кем-то поссорился; но из-за чего, тоже не знаю.

Разговора о его сердечных чувствах у нас никогда не было: муж мой был человек серьезный. Шевченко таких разговоров не вел ни с ним, ни со мною.

Про свое детство он как-то вскользь рассказывал, но что, теперь не припомню; вообще он был сдержан и скорее недоверчив. Истории со Скобелевым не знаю. Компиони был инженер, молодой человек, фат, был непрочь покутить. Жуйков — ротный командир, умный,

добрый и хороший господин, только беда в том, что пил запоем. Николай Ефремович Бажанов сперва был плац-адъютантом, после был переведен в комиссариат и был в форте смотрителем госпиталя. Бурцев занимал должность плац-адъютанта. Все эти люди были безвредны для Шевченко, потому что он часто их видал у нас. Никольский был старший доктор, очень умный человек, много читал, он заведовал библиотекой, делал метеорологические наблюдения, но Шевченко, кажется, недолюбливал его. Мешков — комиссариатский чиновник, был старик, имел молодую жену, о них болтали много. Фрейман — артиллерист, генерал, добрый старик, приезжал сюда инспектировать, к Шевченко равнодушен. Зигмунтовский имел лавку и продавал водку и спирт, а также был доверенным при доставке спирта в команды. Все войско получало, кажется, раза три в неделю по одной чарке водки, говядины, кажется, полфунта выдавалось в день на человека. Жалоб на пищу слышно не было. Муж иногда ходил пробовать пищу нижних чинов экспромтом.

Внутри казарм я никогда не была, снаружи все они одноэтажные, чистенькие дома, думаю, что и внутри было недурно, потому что в форте много заботились о здоровье нижних чинов.

Каждая команда имела свои огороды, где сеяла огурцы, редьку, свеклу и т. д. Впоследствии эти огороды чуть не обратились в сад, по крайней мере, комендантская часть их. К осени 1853 г. выписали много деревьев из Астрахани, из Гурьева-городка. Из Ханга-бабы привезли большие деревья тутовника; в посадке их Шевченко принимал деятельное участие. В этом вновь разведенном саду для меня был поставлен домик для летнего жилья, неподалеку была поставлена беседка, где мы обедали, а немного дальше поставили киргизскую кибитку, в которой Шевченко мог работать. Муж сделал для себя еще землянку, в которой отдыхал после обеда, вот в ней-то Шевченко прятал свои рисунки.

Как видите, в саду было достаточно помещения, и Шевченко всегда находил там себе свободный уголок, где ему никто не мешал; и так как он любил природу, — небо, звезды, — то мог ходить, мечтать сколько угодно. Огороды тянулись на протяжении версты и от форта отстояли на таком же расстоянии, то есть в версте.

По приезде в форт муж мой предложил Шевченко ходить к нам обедать и вечером чай пить; сначала это туго прививалось ему, но после, когда он увидал, что это очень просто и что для него всегда готов был прибор, то он воспользовался приглашением...

Место Ханга-баба — прелестное, но я только раз была там: горы расположены с трех сторон, в ущелье растут тутовые деревья. У подножья гор тянется прекрасная зеленая поляна, на которой стоит громадное тутовое дерево, сажени две в объеме (киргизы не трогают деревья, считая их святыми). Вот под этим деревом устраивали привал, располагалась молодежь и между ними Шевченко. Шевченко не был любителем покушать, но при случае мог есть довольно много. В форте одно время была мода устраивать пельмени. Барыни собирались и сами их готовили. Однажды, когда приготовление пельменей было у меня, во время самого разгара нашей работы входит Шевченко. Барыни его спрашивают, сколько сделать пельменей на его долю. Он отвечает: «сотню» — ему возражают, что он не съест, но он просит об этом не беспокоиться. Тогда ему приготовили сотню более крупных, и в некоторые из них наложили

больше перцу, в другие соли, лука, крупы и пр. Эту сотню сварили отдельно и ждали, что будет, когда попадутся ему пельмени с такою начинкой, но он превосходно все съел и даже не поморщился.

Сына нашего звали Димитрием. Шевченко был архитектором его памятника. Он был сделан прекрасно, Шевченко сам следил за его работой. Он сделан был в рыцарском стиле, из белого камня. Детей Шевченко очень любил. Мою старшую дочь Наталью он очень баловал и всегда искал случая быть с нею.

Сначала Шевченко очень боялся моего мужа, считал его деспотом; мне много приходилось с ним спорить, и я наконец достигла того, что они сблизились. Шевченко часто гулял со мною; я была рада такому собеседнику; мы большею частью ходили на киргизское, оно же и туркменское, кладбище, которое находилось недалеко от огородов. Здесь он разбирал на памятниках сделанные знаки,— орудия, инструменты, по которым узнавал, чем занимался при жизни покойный.

Так как Шевченко был очень развитой человек, с прекрасной памятью, то темы для разговоров во время прогулок были очень разнообразны; они вызывались каждым предметом или явлением, на который почему-либо обращалось внимание во время прогулки. Благодаря этому разговоры с ним всегда были далеки от местных сплетен и доставляли большое удовольствие.

Так прогулки наши продолжались довольно долго. Однажды приходит к нам Никольский и, между прочим, в шутовском тоне говорит мне, что если я желаю, то он может показать мне место, где Шевченко стоит или ходит, выжидая, когда я пойду гулять и в какую я сторону поверну, туда и он торопится меня догнать. Мне было очень неприятно слышать это. Чтобы разом прекратить толки, я перестала ходить гулять. Шевченко удивлялся — почему? Но я никому не объяснила настоящей причины. Вот после этого началось его охлаждение ко мне.

Не помню, в котором году приезжала в форт ученая экспедиция, во главе которой состоял известный академик и ученый Бэр. Он у нас пробыл довольно долго и затем приезжал на второй год. Муж мой познакомил с ним Шевченко и просил его принять участие в его судьбе. Тот обещал хлопотать о нем через великую княгиню Марию Николаевну, которая была в то время президентшей Академии, но время проходило, а перемен не было. Шевченко было тяжело ждать. Наконец, с воцарением императора Александра Николаевича, хлопоты о нем увенчались успехом.

Окрестности форта очень грустные, растительности никакой, в июне вся степь уже выжжена солнцем. Там только росло то, что поливалось. Единственно, что было хорошо там, это близость моря.

Форт стоял на горе, кругом была степь, а дальше в одной стороне шли горы, на которые если взобраться, то там снова была необозримая степь. С другой стороны, верстах в семи от форта, был устроен сад. Туда редко ездили, потому что считали далеко; наш же сад, который развел муж, был только в версте от форта. Еще верстах в четырех было хорошее место, называемое Балкой. Оттуда брали воду, там были ключи. Близ же форта хорошей воды не было. Грунт земли — песок с ракушкой, горы же из окаменелой ракуши. Каратау (горы) далеко от форта, и другие урочища тоже далеко.

Про что я не пишу, значит, о том ничего не знаю.

ВОСПОМИНАНИЯ Н. И. УСКОВОЙ
О Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Наталия Ираклиевна Ускова с вдохновенным Кобзарем провела лишь первые годы своего детства и сама лично немного удержала в памяти о событиях того счастливого, по ее заявлению, времени, когда Тарас Григорьевич был для нее другом-нянею; но постоянные рассказы и воспоминания ее родителей, которые жили почти пять лет в Новопетровском укреплении с Тарасом Григорьевичем во время его ссылки до самого дня его освобождения, много пополнили сведения Наталии Ираклиевны, касающиеся той жизни поэта.

Услышав от нее первый рассказ о Шевченко в 1882 г., я записал его и затем напечатал в 75 номере «Санкт-Петербургских ведомостей» за тот же год, под заглавием: «Воспоминания Наты о дяде Тарасе». В настоящее время мне случилось получить от той же Наталии Ираклиевны еще несколько сведений по тому же предмету и три собственноручных письма Тараса Григорьевича к ее отцу. Все это и приводится ниже.

Отец Наталии Ираклиевны Ираклий Александрович Усков до 1853 года служил в Оренбурге, состоя адъютантом при главном начальнике Оренбургского края графе Перовском. В 1853 году он был назначен комендантом Новопетровского укрепления и, прибыв туда, нашел Т. Г. Шевченка, в качестве рядового, в жалком положении: слишком строго обращались с ним ближайшие начальники.

С прибытием в Новопетровское укрепление Ускова суровое обращение с Тарасом Григорьевичем прекратилось, и заявления некоторых, что Тарас Григорьевич был притесняем до самого времени его освобождения,— совершенно несправедливы.

Еще в Оренбурге, когда стало известно, что комендантом Новопетровского укрепления назначается Усков, его просили многие добрые люди сделать все возможное к облегчению участи Тараса Григорьевича.

Первая встреча Ускова с Шевченко последовала на смотре, когда чины укрепления представлялись новому коменданту. Не прошло и нескольких дней после смотра, как Тарас Григорьевич нашел теплое сочувствие и самый радушный прием в доме Ускова. Недоверчивый вообще к людям, при первой с ними встрече, он и в данном случае не сразу поверил искренности, но скоро, убедившись в ней, сделался постоянным гостем, дорогим собеседником, а затем и другом в семье Ускова.

Новопетровское укрепление, где Тарас Григорьевич провел последние семь лет своей изгнаннической жизни, ныне уже упраздненное, во время пребывания там Шевченко представляло собой небольшой укрепленный пункт с девятью или десятью орудиями и было расположено на обрывистой известковой скале западной оконечности полуострова Мангышлака, верстах в трех от берега Кас-

пийского моря. Небольшая каменная церковь, комендантский дом, караульный дом, госпиталь и несколько каменных флигелей для помещения нижних чинов и офицеров,— это все, что находилось в крепости и было окрашено в желтый казенный цвет. Около крепости, под горой, несколько армянских лавок, а кругом голая степь и ни признака растительности.

Т. Г. Шевченко
Автопортрет
Карандаш, белла. 1851

В год прибытия коменданта Ускова, именно осенью 1853 г., были посажены первые вербы, в расстоянии около версты от укрепления, на местности более для того пригодной, а после многих и долгих усилий, с помощью чернозема и деревьев, привезенных из Астрахани, удалось устроить сад, некоторые вербы которого ко времени отъезда Шевченка давали уже значительную тень. В саду был построен небольшой одноэтажный в две комнаты дом, с плоскою кры-

шей, где в летнее время помещалась семья коменданта, и две деревянные беседки, из которых одна шестигранной формы, с тремя небольшими окнами и конической крышей, а другая ажурная с плоской крышей. Первая служила для ночлега, а вторая — для дневного отдыха Тараса Григорьевича в те дни, которые он проводил в саду.

Первое облегчение ссыльной жизни Шевченка выразилось тем, что комендант Усков, с вступлением своим в должность, не потребовал уже от него несения службы со всею строгостью, которую налагала на рядового военная дисциплина, и просил появления его в строю лишь в самых необходимых случаях, когда манкирование службой могло повлечь за собой неприятности.

Жил Тарас Григорьевич не в казармах, как то требовалось, а с кем-нибудь из офицеров в зимнее время, а летом в комендантском саду. Очередных дежурств не нес, нанимая, когда приходила такая очередь, за себя какого-нибудь рядового. Обедал в семье Ускова зимою и летом ежедневно.

Суровый, неприветливый, с мешковатой походкой, Шевченко производил первое впечатление неблагоприятное, но по мере дальнейшего с ним знакомства каждый незаметно привязывался к нему, и в Новопетровском укреплении мало было людей, которые относились к Тарасу Григорьевичу недоброжелательно. Однако ж были и такие люди. Некоторых офицеров, по их неразвитости, весьма шокировало пребывание рядового Шевченка в их обществе и доме коменданта как гостя; явное предпочтение, оказываемое иногда ему и сделанные ему Усковым облегчения, которые выразились и тем, что Тарасу Григорьевичу не препятствовали более читать, писать и рисовать, а даже помогали. Все это приводило в негодование недоброжелателей Шевченка, вооружало их против коменданта и дало повод к доносу на Ускова главному начальнику края графу Перовскому. Однако донос этот графом принят не был. Подробности этого дела уже изложены в воспоминаниях о Шевченке И. С. Тургенева.

В Новопетровском укреплении Тарас Григорьевич был душою общества. Редкий пикник, редкая прогулка совершались без его участия, и в часы хорошего расположения духа не было конца его шуткам и островам.

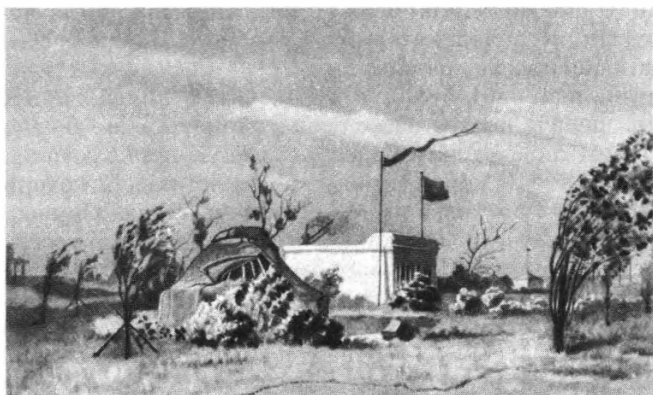
Если какая-нибудь дама, шутя над тяжеловатостью Шевченка в движениях, его мешковатостью и неповоротливостью, заявляла, что в него нелегко влюбиться, Тарас Григорьевич в ответ напевал с улыбкой русскую песню «Ходит ветер у ворот», особенно сильно налегая на последний ее куплет:

Дунул ветер, и Авдей
Полюбился снова ей,
Дунет ветер еще раз —
И полюбится Тарас.

Детей Шевченко очень любил. В Новопетровском укреплении любимицей его была именно Наталия Ираклиевна, старшая дочь Ускова, родившаяся через несколько месяцев после прибытия ее родителей в форт. С ней Тарас постоянно делил часы досуга, рассказывал о своей дорогой родине понятным ей детским языком, делал ей удочки, плел корзину и плел песни, то грустные, заставляв-

шие сжиматься ее детское сердечко и проливать слезы, то веселые. И несказанно любила Наташенька своего «дядю Горича», — как она его называла. «Истый Тарас Горич, мое серденько, моя ясочка!» — часто говорил Шевченко, целуя ее. Для своей любимицы Наташеньки (или Наточки, — так он тоже обращался к ней) Тарас оставлял кусочки сахара от утреннего чая, которые, иногда запачканные мухами, служили ей лучшим лакомством.

Случалось, что Шевченко появлялся в дом Ускова с носом весьма красного цвета; тогда маленькая Наташенька заботливо ходила за дядей Горичем с баночкой спермацетной мази, упрасывая помазать нос, так как, по ее детскому убеждению, никакого другого целебного средства не существовало.

Т. Г. Шевченко
Сад возле Новопетровского укрепления
Акварель. 1854

Не привыкшая видеть дядю Горича курящим, она однажды была поражена, увидя его вечером в саду с дымящейся сигарой в зубах, и когда он пытался поймать ее, чтобы поцеловать, — со страхом убегала, боясь быть обожженной. Немало любил Тарас пугать свою любимицу. Летом, после обеда, он часто усаживался на каменную скамью террасы комендантского дома и, как только она к нему приближалась, Тарас Григорьевич со словами: «Сейчас пуцу ракету!» — быстро проводил раковинкой по камню, чем и заставлял ее стремительно убегать, добродушно смеясь ее страху.

Незадолго до своего отъезда, именно 4 июня 1857 года, ко дню рождения Наташеньки, Шевченко устроил транспарант с ее вензелем, установив его в конце сада, и вечером осветил.

Когда Тарас Григорьевич, покидая Новопетровское укрепление, собирался в дальний путь, он подарил своей любимице ее портрет, нарисованный им сепией, и книгу «О подражании Христу», перевод Сперанского. На подарках этих собственноручные его над-

писи: «Милой умнице Наташеньке на память от дяди Тараса Шевченка».

Живописью в укреплении занимался Тарас Григорьевич довольно много, особенно в последнее время. Масляными красками не работал, и акварелью тоже, а все его работы того времени сделаны сепией или карандашом. Сюжетами для них служили обыкновенно окрестности укрепления и ближайшие киргизские аулы. Было нарисовано и несколько портретов. Усковым на память о прожитом с ним времени и о самом себе Шевченко оставил портрет жены коменданта Агафьи Емельяновны со старшей дочерью на руках, портрет Кати — няньки Наташеньки — в киргизском костюме и пять пейзажей. На двух изображены ближайшие к форту аулы; на двух комендантский сад — в первый год его существования и в год отъезда Шевченка. Пятый пейзаж представляет собою вид самого Новопетровского укрепления со стороны моря.

Находя в доме Усковых постоянно самый радушный, сердечный прием и теплое участие, Тарас Григорьевич отвечал на это полною преданностью... Когда у Шевченка не было денег, он ссужался ими у Ираклия Александровича, с ним последний занимался фотографией. Книги и рисовальные принадлежности высылались Шевченку его далекими друзьями на имя Ускова и через него же он вел переписку.

Таким образом, и знаменательное письмо от М. М. Лазаревского с известием о давно ожидаемой свободе было переслано Шевченку при нижеприведенном письме к Ираклию Александровичу.

Вот письмо М. М. Лазаревского.

2 мая 1857 года. С.-Петербург.

Милостивый государь Ираклий Александрович, прилагая при сем 75 рублей для передачи Тарасу Григорьевичу, я уверен, что и вы обрадуетесь его радости.

Будьте добры, выгоняйте его скорее оттуда. Извините, что я не в первый уже раз беспокою вас своими просьбами, не бывши с вами знаком.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть вашим покорнейшим слугою.

М. Лазаревский

Вместе с этим письмом было прислано и другое на имя самого Шевченка.

На этом письме рукою Ускова сделана пометка: «Его высокоблагородие Михайло Матвеевич Лазаревский. В Большой Морской улице, дом графа Уварова». И ниже: «Андрей Николаевич Маркевич, Петербург, Почтамтская улица, дом полковника Поссе».

Официальное известие о свободе Шевченка прибыло к коменданту 21 июля, и Усков, не дожидая из Оренбурга указа об отставке Шевченка, выдал ему на свой страх пропуск до самого Петербурга. Тарас Григорьевич выехал из Новопетровского укрепления вечером 2 августа, напутствуемый лучшими пожеланиями людей, искренно его любивших.

Первое письмо, полученное Усковым от Шевченка после его отъезда, было из Астрахани от 10 августа 1857 года, это письмо затеряно. Следующее письмо от 12 ноября из Нижнего Новгорода было

получено в укреплении 5 января 1858 года, третье от 17 февраля 1858 года тоже из Нижнего Новгорода, а четвертое, от 4 июля того же года, — из Петербурга. Это все, что сохранилось из переписки Шевченка с Усковым.

Т. Г. Шевченко
Портрет А. Е. Усковой
Сепия. 1853—1854

Тяжело было Усковым слышать о преждевременной кончине Шевченка. Четыре с половиною года, прожитые с ним вместе, связали их и навсегда оставили о Тарасе Григорьевиче светлые воспоминания. Некогда милая умница Наташенька и в настоящее время не может вспомнить без слез своего лучшего друга детства, дядю Тараса Горича.

Полковник И. А. Усков занимал должность коменданта Ново-петровского укрепления до 1865 года. Затем, выйдя в отставку, поселился сперва в Саратове, а потом в Москве, где и умер 15 июля 1882 г., не оставив никаких записок касательно жизни Шевченка.

В заключение настоящего очерка прилагается наглядный план расположения Новопетровского укрепления. Это только приблизительное изображение взаимного положения главных предметов в ныне уже упраздненном и скрытом укреплении и около него. Оно составлено не с натуры и, разумеется, без масштаба, а по указанию Н. И. Усковой, которая в данном случае руководствовалась лишь своею памятью. Она после отъезда Шевченка прожила в укреплении еще восемь лет, выехала оттуда, будучи двенадцатилетней девочкой, и хорошо помнит место своей родины.

К. М. Оберучев

О ПРЕБЫВАНИИ Т. Г. ШЕВЧЕНКО В НОВОПЕТРОВСКОМ УКРЕПЛЕНИИ

4 мая 1899 г. я приехал случайно в форт Александровск, бывшее укрепление Новопетровское, место ссылки Тараса Григорьевича Шевченка. Более сорока лет прошло с тех пор, как уехал отсюда Тарас Григорьевич, но место это представляет и доныне такой же безотрадный уголок, каким изобразил его много лет тому назад сам Шевченко.

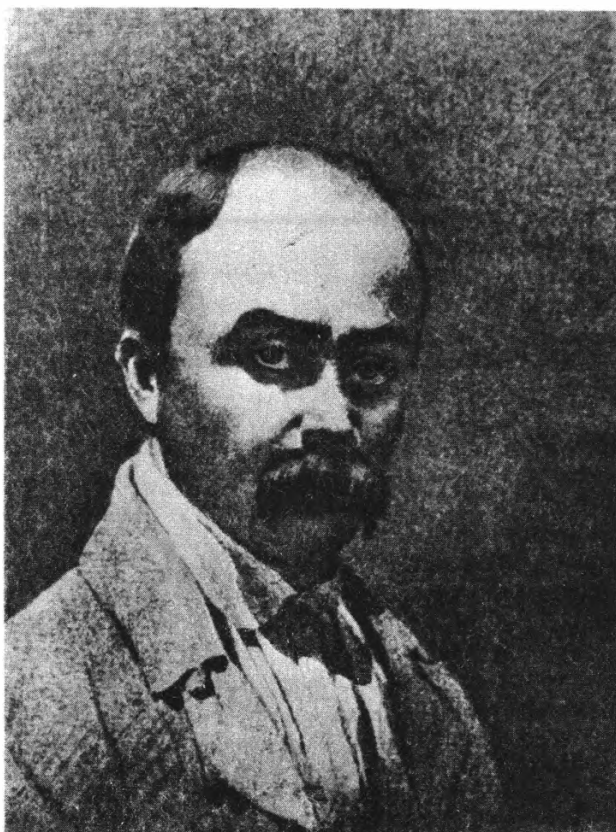
Расположенное на высокой скале, резко возвышающейся над степью, укрепление имеет вид какого-то горного гнезда. У подошвы скалы развилось небольшое русско-армянское поселение, а на самом берегу моря, верстах в 3-х от форта, раскинулась большая рыбацкая станица, начало которой современно постройке укрепления. По степи и в лощинах окрестных холмов видны кибитки кочующих киргизов. Кругом ни кустика, ни деревца. Мертвую природу оживляет только запущенный сад, но происхождение сада связано с именем Шевченка,— следовательно, и его не было в то время, когда приехал сюда Тарас Григорьевич.

Мертвая, унылая, безотрадная природа! Постоянный ветер да грозный гул морского прибоя только и говорят вам о жизни природы. Продолжительное пребывание в этом забытом углу может служить большим наказанием, даже не принимая во внимание всех ужасных, стеснительных условий, в которых находился наш поэт.

Из старожилов станицы, современников Шевченка, остались в живых только казак Андрей Михайлович Перепелюков, седой как лунь столетний старец, да супруги Филат Осипович и Александра Степановна Сухоруковы.

Первым долгом я, конечно, навестил этих старцев; но, к сожалению, воспоминания их относительно Шевченка очень смутны: старуха Сухорукова говорит о большой любви семьи Усковых к Шевченку, о том, что он частенько с Усковым приезжал к ним (мать

старухи Сухоруковой была повитуха). Все они категорически отвергают, будто бы Шевченко подвергался телесному наказанию, и вспоминают, что Шевченка считали в форте разжалованным майором. Устройство сада они приписывают Ускову при содействии Шевченка. Вот и все, что рассказали мне старики, повторяя все вре-

Т. Г. Шевченко
Автопортрет, подаренный Я. Г. Кухаренко
Сепя. 1851—1853.

мя, что «нам это было ни к чему». Старуха Сухорукова (урожденная Савченко) говорит, что родители ее одно время интересовались узнать, не родственники ли они с Шевченко, но родства не оказалось. Об отношениях Шевченка к поселенцам станицы они говорят как о задумевных.

Не получив почти никаких сведений от живых свидетелей пребывания здесь Тараса Григорьевича, я обратился к розыскам архивных материалов, но и здесь успех был не большой. Один из старо-

жилов форта Александровска, ныне смотритель местного продовольственного магазина, титулярный советник Малинников, сказал мне, что одно дело им по приказанию коменданта, еще в 60-х годах, было передано артиллерийскому генералу Гранкину. Дело это, по словам г. Малиникова, заключало переписку, возбужденную после отправления Усковым Шевченка в Астрахань вместо Оренбурга.

С разрешения местного воинского начальника я пересмотрел старый заброшенный архив укрепления. Здесь в обрывке описи дел (с 1847 по 1852 г.) значится в 1850 г. под № 122 «Дело о прибытии из г. Уральска политического преступника Шевченко»; но ни этого дела, ни вообще дел, специально посвященных Шевченку, не оказалось.

Не найдя дел, касающихся Шевченка, я обратился к постовым ведомостям, с целью выяснить, как нес солдатскую службу Шевченко и какими льготами он пользовался. К сожалению, сохранились только постовые ведомости за 1852-й и за 1857 г.; остальные или сгнили в подвале, или утрачены. По ведомостям за 1857 год видно, что в этом году Шевченко не отбывал ни одного караула. В 1852 году Шевченко отбыл 63 караула, наравне со всеми нижними чинами, а в 1857 году он был от них совершенно освобожден. Это обстоятельство тем более заставляет пожалеть, что ведомостей за другие годы не оказалось. Теперь нет возможности фактически установить, когда начались льготы Шевченку и в какой постепенности они к нему применялись.

Обратимся к сведениям о караулах за 1852 год. *

Мы видим, что чаще всего Шевченко отбывал караулы у флагштока (30 из 63). Это сходится с показанием г. Малиникова, что «Шевченко любил это место». Флагшток стоял на отдельной высокой скале впереди форта. Оттуда открывается широкий кругозор на все стороны: видно море и рыбацьи станицы на берегу бухты. Для поэтической природы Шевченка это место, конечно, было более подходящим. Здесь на скале, между многими высеченными надписями, мы нашли старинную надпись: «КЛАЧЕНКО». Кем сделана эта надпись, решить не берусь; но другой фамилии с окончанием — *ченко* в ведомостях не встречалось.

В карауле на гауптвахте Шевченка мы видим редко (5 раз). Вероятно, он избегал этого, и я думаю, что одной из важных причин было то обстоятельство, что здесь содержались арестованные.

* Для читателей военных, знающих, что караулы отбываются не ранее, как через день, считаю нужным дать некоторые объяснения к «сведениям», чтобы меня не заподозрили в ошибочном составлении этих сведений, так как в них можно видеть ежедневные наряды. В караул на Новопетровской пристани выслались люди на целую неделю. Для занятия 3-х постов выслались 12 человек и, таким образом, имелось три запасных нижних чина, что давало возможность, если не чередовать через день, то, по крайней мере, давать суточный отдых. Каждый раз в карауле были люди, стоявшие на часах все семь дней, а были служившие лишь несколько дней. Вот почему мы видим здесь ежедневные наряды. Чем руководствовались при этом разделении, сказать не могу, но оно существовало. В частности, Шевченко из 7 дней в марте стоял на часах 6, в мае все 7, в июне 6, в августе 7, в сентябре только 2; числился же в карауле каждый раз в течение 7 дней.

Повторяю, сведения эти составлены по подлинным постовым ведомостям.

В карауле же у флагштока Шевченко оберегал чаще всего денежный ящик, казну.

Все караулы, кроме двух, Шевченко отбывал в качестве часового, и только два раза он был разводящим, т. е. не стоял на часах. Чем объясняется это назначение, — особым ли знаком внимания к нему или простой случайностью, — сказать трудно; вероятно, просто воспользовались им как грамотным солдатом. Грамотой его, впрочем, пользовались довольно часто, и мы не раз в постовых ведомостях видим записи, сделанные рукой Шевченка в те дни, когда он был часовым. И не мудрено: между начальствующими нижними чинами попадались такие, которым письмо давалось с большим трудом, и, конечно, поручить записать ведомость умеющему хорошо писать человеку было для них большим счастьем.

Еще одно замечание. Несколько раз в постовых ведомостях мы видим запись: «Тарас Григорьевич», «Тарас Шевченко». Запись часового по имени и отчеству показывает, что такое обращение к Шевченку со стороны нижних чинов было обычным, а следовательно, «рядовой Т. Шевченко» в 1852 году, будучи еще сравнительно «молодым солдатом», пользовался уже уважением своих сотоварищей и даже ближайших начальников. Обращение по имени и отчеству к унтер-офицерам — обычно; но такое обращение к рядовому, да еще со стороны ефрейтора или унтер-офицера (они ведут записи в постовых ведомостях) — редкость большая.

Вот и все, что могут дать нам постовые ведомости за два года.

Предполагая найти косвенное указание на связь Шевченка с местными жителями, я пересмотрел метрические книги местной церкви за семь лет (50—57 гг.). Оказывается, что за все время Шевченко ни разу не был ни шафером, ни кумом ни у кого из обывателей, а также и у солдат. Делать из этого какие-либо заключения не нахожу возможным. Указывает ли это на то, что у него не было тесной связи с местными жителями или солдатами, или ему просто не разрешалось участвовать в торжествах? Ввиду вышеизложенного, я склонен скорее думать, что первое предположение имеет мало оснований.

В заключение несколько слов о саде Шевченка. Этот сад является единственным приютом отдохновения обывателей форта Александровска от жары и вида безотрадной природы. В саду показывают землянку Шевченка. Позволяю себе сомневаться, что эта землянка его. Старуха Сухорукова говорит, что в этой землянке любил отдыхать Усков в летнюю жару. Перед землянкой стоят две толстые старые вербы. Быть может, одна из них есть посаженная Шевченком палка. Сад этот, являясь лучшим памятником пребывания здесь Шевченка, надо полагать, не погибнет: личный интерес служащих в форте заставит поддержать и сохранить его, и надо надеяться, что все будет сделано для того, чтобы он не погиб. Теперь сад расчищают, поливают, не дают ему погибнуть. К сожалению, не всегда это было так, и многие деревья несомненно погибли прежде времени от недостатка внимания к саду. Это оставляем на совести тех, кто в этом унылом месте не нашел в себе достаточно любви к природе, чтобы сохранить этот единственный живой уголок среди мертвой степи...

Прилагаю лист постовой ведомости 11 июля 1852 года, написанный рукой Тараса Григорьевича Шевченка. Остальные 11 листов,

писанные тоже рукой Шевченка, мной пересланы при описи председателю Черниговской губернской земской управы Г. Уманцу, как заведующему бывшим музеем В. В. Гарновского. Думаю, что эти служебные автографы Шевченка, взятые мной из заброшенного архива, не лишены интереса. Мы привыкли видеть руку Шевченка в поэтических произведениях его или письмах к друзьям. В служебной переписке мы видим ее, если не ошибаюсь, впервые.

И. С. Алексеев

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА

Как известно, Тарас Григорьевич Шевченко был сослан рядовым сначала в Орскую крепость, а потом в форт Александровский (Новопетровское укрепление). Когда впоследствии батальон, в котором служил Шевченко, получил другое назначение, то в Уральске остался архив этого батальона, назначенный, за ненадобностью, к уничтожению. Благодаря вниманию лица, разбиравшего этот архив, избегли уничтожения документы, которые я и предлагаю ниже вниманию читателей, интересующихся биографией знаменитого украинского поэта.

Прежде, однако, несколько предварительных замечаний, почерпнутых из воспоминаний лиц, служивших вместе с Шевченко.

Брат мой, есаул уральского войска Л. С. Алексеев,— тогда еще молодой юнкер,— прямо со школьной скамьи назначен был в состав казачьего отряда, командированного на обычную службу в Александровский форт. Вместе с ним туда же был назначен его товарищ по училищу *, урядник А. И. Акутин. Прибыв на место, они застали в форте Тараса Григорьевича Шевченка. Жил он в общей казарме и, при всем известном добродушии и мягкости характера, отличался, однако, крайней замкнутостью и необщительностью и производил впечатление человека, погруженного в свои невеселые думы. Тем не менее, молодым людям удалось познакомиться и сойтись с угрюмым поэтом. По-видимому, ему нравилась их молодая неиспорченность, непосредственность и малое знакомство с темными сторонами жизни. Кроме того, брат мой хорошо декламировал и впоследствии часто вспоминал, как Шевченко, которому очень нравилось его чтение лермонтовского «Гладиатора», по временам обращался к нему с просьбой: «Ану, прочитай, мій голубе!» Брат, исполняя просьбу, принимался декламировать:

Ликует буйный Рим... торжественно гремит
Рукоплесканьями широкая арена:
А он — пронзенный в грудь,— безмолвно он лежит,
Во прахе и крови скользят его колена...

* Оба уже давно покойники.

И стихи, и декламация брата, по-видимому, производили на Шевченка сильное впечатление. Он слушал, понурившись, и качал в такт головой. Однако, когда, завидуя успеху товарища, за декламацию принимался Акутин,— Шевченко при первых же стихах махал рукой и произносил откровенный приговор:

— Барабан, барабан!

Шевченко был принят у коменданта, майора Ускова, и давал

Т. Г. Шевченко
Автопортрет
Карандаш. 1858

уроки его маленьким детям. В свободное время он любил гулять по аллеям комендантского садика, в своей серой шинели и барашковой шапке; рисовал и писал красками, а брат, по просьбе его, позировал пред ним в качестве натурщика. Между прочим, по словам брата, Шевченко писал одну картину в семи отдельных сценах, или моментах. Судя по рассказу брата, я догадывался, что Шевченко взял сюжет для этой картины из «Повести о Горе-Злочастии»,

которая была только что напечатана в каком-то нашем журнале (помнится мне, в «Современнике»). Брат прослужил в форте Александровском урочные два года и вернулся домой, а Шевченко остался в форте, но вскоре был освобожден и вернулся на родину...

Ф. А. Пискунов

 ВОСПОМИНАНИЯ ПОРУЧИКА ФРОЛОВА
О СОЛДАТСКОЙ СЛУЖБЕ ШЕВЧЕНКО
В НОВОПЕТРОВСКОМ УКРЕПЛЕНИИ

Шевченко служил солдатом в Уральском линейном батальоне, стоявшем в Новопетровском укреплении для защиты наших границ от нападения диких киргизов, под начальством коменданта, подполковника Антония Петровича Маевского, который очень любил его и принимал у себя в доме, когда бывал один, а это бывало очень часто, так как Маевский был старый холостяк и вел жизнь, что называется, отца-командира, вполне холостую.

Раз нужно было нарисовать иконостас для дивизионной церкви во имя Александра Невского и нужен был живописец; подполковник Маевский рекомендовал для этого дела командовавшему дивизией генерал-майору Т. Шевченко ... Из Астрахани привезли какого-то маляра, который нарисовал иконостас весьма дурно и притом за дорогую цену; отказ Толмачева сильно раздражил Шевченка.

Вставши рано утром, он обыкновенно уходил в степь за частоколы укрепления и, севши там где-нибудь на камне, просиживал по несколько часов, изредка напевая что-либо про себя. На вопросы проходивших мимо солдат, что он тут делает один, он обыкновенно отвечал: «Думку думаю».

Во время пребывания Шевченко в Новопетровском укреплении он, несмотря на запрещения, иногда все-таки рисовал, и, между прочим, нарисовал портреты с Фролова и подпоручика Воронцова, которого он очень любил.

Жил Шевченко в казармах, как и все рядовые, но имел по старанию крепостного доктора Никольского, который высоко ценил его талант, особую койку и на горные работы не посылался; во фронте он всегда стоял в задних рядах первым с левого фланга.

Никольский учился у Шевченко читать по-украински и у него же находились деньги Шевченко, которые присылались ему через руки коменданта от разных лиц из России и которые комендант вручал обыкновенно доктору Никольскому, который и выдавал их по мере надобности поэту. Солдаты вообще любили поэта; но унтер-офицеры недолюбливали привилегированного солдата, считая его дурным рядовым и не ценя, конечно, по назначению его как поэта и художника.

ИЗ ЗАМЕТОК К ПИСЬМАМ
ШЕВЧЕНКО

Шевченко был сослан в солдаты Оренбургского корпуса. На приговоре царь Николай собственноручно написал, что ему запрещается «писать, петь и рисовать» — вот за ним и следили, чтобы он не позволял себе всего этого. Сослали его в маленькую крепость на границе степи, называемую Орской, где он нес солдатскую службу. Но в 1849 году капитан Бутаков, строивший на Сырдарье суда и составлявший карту Аральского моря, взял его с собой с разрешения командира корпуса, генерала Обручева. Там Шевченко срисовывал очертания Аральских берегов и степные укрепления. Спустя два года он вернулся с Бутаковым в Оренбург и пользовался относительно большой свободой: нести службу его не заставляли, он рисовал портреты и тем жил.

Злой человек подал донос в Петербург. Назначили следствие. Бедный поэт целый год просидел в тюрьме с грабителями, а затем по приказу из столицы его сослали солдатом в маленькую крепость на восточном берегу Каспийского моря, где он оставался до самого увольнения со службы, то есть до 1859 года. Там вместе с ним я провел все лето 1852 года.

На Мангышлак был послан горный офицер Антипов искать залежи каменного угля; к его отряду были прикомандированы Турно, племянник генерала Дембинского, и я; в Новопетровском укреплении мы упросили его взять также и Шевченко. В одной палатке, то есть в так называемой киргизской кибитке, мы провели все лето. Шевченко рисовал и чувствовал себя свободным. С того времени у меня с ним установились близкие отношения.

Письмо 1 (1855 г.).

Байгушами киргизы называют нищих. Шевченко говорит здесь о своем рисунке, который он прислал мне для продажи и на котором как раз были изображены такие степные нищие. Акварели Шевченко обычно рисовал сепией. Он очень высоко ценил Рембрандта и в своих работах обычно искал сильное, даже фантастическое освещение, по примеру голландского мастера.

Цейзик был аптекарем в Оренбурге. Добрейший человек, он скрашивал участь ссыльных, — насколько мог, каждому старался услужить. У него было много детей, и Шевченко, живя в Оренбурге, любил с ними играть.

Илецкая Защита — название степной деревни в 60 верстах от Оренбурга, где есть удивительно богатые залежи соли: очень толстый ее пласт, едва прикрытый слоем земли толщиной с полсажня. Горный комендант Дмитриев, незадолго присланный туда, любил картины; у него было нечто вроде небольшой галереи.

Художник Брюллов — учитель Шевченко в Академии художеств

в Петербурге. Шевченко сохранил к нему глубокое уважение и сердечную привязанность до конца жизни.

Колесинский, уроженец Лидского уезда, также был сослан в солдаты Оренбургского корпуса; познакомился с Шевченко в Орске. Мостовский — молодой офицер.

«Совой» Шевченко называет Эдварда Желиговского — под этим псевдонимом он издал своего «Jordana». Он был сослан в Петро-

Бр. Залеский
Автопортрет
Сентя. 1850-е

заводск, но поскольку тамошний климат был ему вреден, удалось добиться, чтобы его перевели в Оренбург, где он пробыл несколько лет. Шевченко хорошо говорил по-польски; Мицкевича, Залеского, а отчасти и Красинского не одно произведение знал на память, но писать по-польски не решался. Я ему писал всегда по-польски, а он отвечал мне на своем наполовину русском, наполовину малороссийском языке.

Ксендз Михал Зеленка — доминиканец, инспектор школ в Гродно; в 1832 г. по делу эмиссара Воловича был выслан в Оренбург, где стал капелланом корпуса. Его стараниями был построен небольшой костел в Оренбурге. Став одним из влиятельнейших людей в городе, он пользовался всеобщим уважением. По обыкновению мы называли его «ojcem prefektem», что было ему очень приятно, так как напоминало гродненские времена. Он очень любил молодежь.

Середницкий Евстафий, прослужив десять лет в солдатах, был произведен в офицеры; родом с Украины; очень богатый человек. По воцарении Александра II вернулся на родину.

Письмо 2 (от 20 мая 1856 г.).

Я часто посылал Шевченко книги. «Мертвые души» Гоголя тогда читали и рвали друг у друга из рук по всей России.

Поскольку Шевченко было запрещено рисовать и однажды из-за портретов он уже попал было в тюрьму, из осторожности мы в своих письмах называли его рисунки шерстяной материей. Две штуки шерстяной материи — означало две акварели. Продавал я их обычно в Оренбурге, но иногда они попадали и на Украину, где их ценили исключительно из любви к художнику-поэту.

Генерал Бюрно, родом савойяр, был капитаном под Ватерлоо. Не желая служить Бурбонам, перешел в русскую армию и дослужился до генерала по инженерной части. Он много строил в Севастополе, но был очень беден. Чистая, честная душа, он делал нам всем много доброго. Часто можно было видеть его с евангелием в руках — однако лишь с примечаниями Ламенне. Он любил искусство и иногда сам для забавы рисовал цветы и пейзажи. При нем я впервые попробовал писать масляными красками, пользуясь его добротой. Шевченко, познакомившись с ним, очень его уважал.

Ираклием звали коменданта Новопетровской крепости, по фамилии Усков, от которого в полном смысле зависела жизнь и смерть Шевченко. Это был простой, но добрый человек. Фотография в ту пору едва появилась в Оренбурге. Новый командир корпуса Перовский часто говорил о ней, получая снимки из Петербурга. Аптекарь Михаил Цейзик купил себе аппарат и часами с ним возился. Новопетровский комендант тоже мечтал о такой забаве. Берега Каспийского моря зимой замерзают, на несколько месяцев прерывается всякая связь с Европой, и в маленьком убогом укреплении царила страшная скука.

После назначения Перовского генерал-губернатором и командиром корпуса все ссыльные стали надеяться на облегчение своей судьбы; питал такую надежду и Шевченко. Но когда художнику попросили у царя Николая разрешение нарисовать образ для церкви Новопетровского укрепления и к просьбе присовокупило свои наилучшие рекомендации местное командование, последовал отказ. Это глубоко задело бедного поэта, вконец лишая его всякой надежды.

«Варнак» и «Княгиня» — две повести, присланные мне Шевченко для напечатания в каком-либо из русских журналов.

Карл Герн — капитан генерального штаба, честный человек, друг и защитник Шевченко. На его печати был польский герб, происходил он из курляндской семьи — верноподданной всех правительств, под властью которых оказывалась эта провинция, дока-

зательством чего была генеалогия семьи. Сам Карл, будучи протестантом, женился на православной, его сыновья стали уже православными, а один из предков Карла был католиком.

Письмо 3 (январь 1854 г.).

После экспедиции в Коканд и покорения крепости Ак-Мечеть (переименованной в форт Перовский) у меня появилась надежда вернуться домой, с чем и поздравлял меня Шевченко. Но меня лишь произвели в офицеры, и еще целых три года мне пришлось служить в армии.

«Трио» — так Шевченко назвал присланный им гипсовый барельеф. Изображал он внутренность киргизской кибитки, в которой киргиз играет на «балалае», киргизка мелет на жерновах, а третий (теленок) мычит. Продать его удалось без труда, и я выслал Шевченко деньги.

Барвара — фамилии теперь уже не помню — старушка, опекавшая Шевченко на Украине. Известия о ней он всегда получал с самой большой радостью, ибо имел чуткую душу, а сердце, хотя и страстное, но бесконечно благодарное.

«Монахом» называется скала над морем близ Новопетровска.

Лев Филиппович Эккельн, дежурный штаб-офицер при Перовском, добрый человек, большой приятель Сераковского, Желиговского и др. Его положение давало ему возможность влиять на судьбу Шевченко, и мы возлагали на него большие надежды.

Актау и Каратау — цепи белых и черных гор, сложенных из мела и буро-песчаника на Мангышлаке. Ханга-Баба — урочище на Мангышлаке, где росло несколько больших тутовых деревьев с оборванными листьями и несколько десятков малых, покрытых зеленью. Есть там и обширное киргизское кладбище. Мы там останавливались, выступая в поход и возвращаясь из него, когда вместе с Антиповым искали залежи каменного угля.

Фон Бэр — академик, посланный с научной целью, — очевидно, Географическим обществом, — для исследования берегов Каспийского моря. Он был в Новопетровском укреплении вместе с писателем Данилевским.

Герн был тогда назначен комендантом одной из вновь заложенных крепостей над Сырдарьей. Куандарья и Амударья — рукава реки, впадающей в Аральское море.

Желиговский, по приезде из Петрозаводска над Онегой, рассказывал, что трое старых знакомых Шевченко много и с большой теплотой рассказывали ему там о нем. Это очень порадовало бедного отшельника. Белозерский, один из петрозаводских друзей Желиговского, большой почитатель Шевченко, украинец. Ныне сенатор в Варшаве.

«Катерина» — одна из небольших стихотворных поэм Шевченко, которой сам он, видимо, придавал большее значение, нежели другим.

Алексей Иванович Бутаков, капитан флота, составлявший карту Аральского моря и много сделавший для Шевченко, был назначен командиром Аральской флотилии. Он тогда как раз женился.

Поспелов — молодой офицер.

Горонович — художник, учившийся в Петербургской академии; рисовал по преимуществу лошадей и степные сцены.

«Бык с киргизом» — барельеф, над которым работал Шевченко.

Михайлов — молоденький офицер, переведенный из Новопетровска на службу куда-то в другое место.

Томаш Вернер — ссыльный солдат, был при Бутакове на Аральском море вместе с Шевченко. Это была очень благородная натура. Произведенный в офицеры, вернулся домой в 1859 году.

9-й пехотный линейный батальон Оренбургского корпуса стоял в Богословске, в северной части Уральских гор для охраны медных копей и промывки золота. В этот батальон меня назначили после производства в офицеры, пришлось туда выехать.

Людвиг Турно, о котором я уже упоминал, вернулся в Варшаву после нескольких лет службы.

Письмо 4 (от 6 июня 1854 г.).

Это письмо было послано в Богословск, действительно сплошь окруженный лесами. Кедровые, еловые и сосновые боры покрывают все пространство, сколько хватает взгляда, до самого горизонта. И на этом темном фоне только кое-где речка или ручей выются синей лентой или, будто оконце, светится гладь озера либо пруда. Хлеб там уже не созревает, муку привозят из соседнего, южного уезда. Лето очень короткое, но жаркое, зима долгая и холодная.

Зигмунт Сераковский — тогда еще солдат или, быть может, унтер-офицер; в 1863 году — подполковник генерального штаба, казен в Вильно Муравьевым 27 июля.

На стихи Желиговского «Dwa słowa» Моношко позже написал музыку.

Томаш Вернер вместе со мной был переведен в один батальон, стоявший в Богословске и на так называемых Туринских рудниках.

Письмо 7 (от 10 февраля 1855 г.).

«Христос в терновом венце» и «Иоанн Креститель» — два небольших овальных барельефа Шевченко, которые он прислал позже. Мы сами с Герном делали с них гипсовые отливки, однако это нам не очень удавалось; потому-то мы и просили у Шевченко инструкций, ведь в Оренбурге об этом никто понятия не имел.

Мне было поручено устроить новую библиотеку, основанную при канцелярии генерал-губернатора. Имелось в виду собрать там сведения о Центральной Азии. Ради этого меня освободили от военной службы, что было для меня истинным благодеянием. Этим я, главным образом, обязан был Григорьеву и, разумеется, Перовскому.

Гурьев — маленький городок на западном берегу Каспийского моря, в устье Урала. Суда из Астрахани шли сначала в Гурьев, и уже оттуда — в Новопетровск; когда же море у берегов замерзало, суда зимовали в Гурьеве.

Алексей Плещеев, молодой русский поэт, был сослан в солдаты по делу Петрашевского вместе с Ханьковым, Голинским и несколькими другими в конце царствования Николая, может, за год до его смерти.

Фрейман, генерал инженерных войск, приезжал инспектировать Новопетровское укрепление; вернувшись, сделал представление о

Шевченко, свидетельствуя, что он заслуживает помилования. Однако последствий это не имело.

Письмо 8 (от 25 сентября 1855 г.).

Во время этого нашего общего путешествия по степи Шевченко как-то раз, разгорячившись и говоря искренно, признался мне, что жалеет о своих «Гайдамаках» и всем том направлении, что теперь он знает Красинского и наших поэтов и в душе все это осуждает. Однако прибавил: «Ты уж извини, это было у меня в крови, ведь я родной внук одного из гайдамаков, пусть это тебе все объяснит». В той экспедиции Шевченко сделал для меня черным углем свой портретик, офорт с которого прилагаю. Портретик был очень похож; вместо зеркала художник пользовался кувшином с водой, ибо другого зеркала у нас в степи не было. Не было также ни бритвы, ни цирюльника, потому мы отрастили бороды, хотя оба были солдатами.

За знакомство с Трубецким, впоследствии отцом княжны Морни, а тогда солдатом в Оренбурге, который еще с Петрозаводска знал Желиговского, последнего приказано было выслать в Пермь. После неоднократных просьб Перовского Желиговскому было разрешено остаться в его генерал-губернаторстве, но строго приказано выехать из Оренбурга; он был переведен в Уфу. Из-за этого он лишился общества всех своих приятелей и знакомых в Оренбурге, что было для него очень тяжело, особенно поначалу. К тому же он в ту пору сильно болел.

Сераковский находился тогда при генерале Бюрно в новопокоренной крепости Ак-Мечеть (форте Перовском), в Коканде над Сырдарьей. Ее наново перестраивали и укрепляли.

«Йордан» — книга Желиговского, запрещенная после выхода второго издания; автор ее был выслан в Петрозаводск вместе с несколькими другими лицами, в том числе и госпожой Дестронг. Отсюда, как упомянуто выше, он был переведен в Оренбург, а затем в Уфу. После смерти Николая вернулся в Петербург, где издавал «Słowo», вскоре также запрещенное.

Письмо 9 (от 21 апреля 1856 г.).

Аркадий — один из наших больших друзей и верных защитников среди бед солдатской жизни; к тому времени он уже три года жил в России, поселившись в Одессе, однако переписывался с нами и помнил обо всех, с кем делил свое сердце. Фамилии его не называю, так как ныне он живет в Польше и имеет семью.

Письмо 11 (от 10 апреля 1855 г.).

В Оренбурге, вернее за Оренбургом, на другом берегу реки Урал, есть красивая роща — единственное тенистое место, за ним уже открывается голая степь.

Он был этому очень рад и безмерно любил поэму Богдана «Przenajświętsza rodzina».

Письмо 12 (от 8 ноября 1856 г.).

Когда перед Перовским заступались за Шевченко, он рассказывал следующий анекдот: Шевченко, будучи в Киеве учителем рисования, одевал свитку и ходил по корчмам, где собирался народ, имея, по обыкновению, полные карманы пшеницы. Приведя своих слушателей в доброе расположение беседой и песнями, он доставал одно зерно и, положив его посреди стола, спрашивал: «Что это означает?» Через минуту отвечал сам: «Это царь». Потом клал

рядом еще несколько таких же зерен, называя их министрами, генералами, губернаторами. Следующий круг составляли низшие чиновники, затем помещики, так называемые паны. Уложив все это, велел мужикам хорошенько присмотреться к этим зернам, а затем вынимал из кармана целую горсть пшеницы и засыпал ею уложенные круги, приговаривая: «А это, мужики, мы. Ну-ка, найдите теперь царя, и генерала, и губернатора, и пана?»

Рассказывая это, Перовский обычно кончал тем, что человек, забавляющийся такими проповедями, опасен и что допускать его к народу нельзя. Это было причиной того, что Шевченко, несмотря на многочисленные старания, был освобожден позже других.

В 1860 году я видел у Шевченко в Петербурге более десятка рисунков (собственно, акварелей, исполненных сепией), составлявших притчу «О блудном сыне». Что с ними случилось — не знаю. Шевченко жаловался, что земляки на Украине непременно требуют его подписи на рисунках, не желая без нее покупать; он же боялся подписываться, так как ему запрещено рисовать.

Письмо 13 (июнь — сентябрь 1856 г.).

У меня уже была почти полная уверенность, что меня освободят от службы и разрешат вернуться домой.

Сераковский сразу же после прибытия в Оренбург в 1849 г. был направлен в Уральск и там начал солдатскую службу. Целый год он был в Новопетровском укреплении, но еще до того, как туда был сослан Шевченко; только потом, после болезни старший, он был переведен в Оренбург во 2-й линейный батальон, где и оставался, пока не был переведен в офицеры. Только на некоторое время он был откомандирован к генералу Бюрно в Ак-Мечеть.

Турно, уже несколько лет будучи офицером, жил тогда в Уфе. Однако разрешения вернуться домой еще не получил, оно пришло позже.

Письмо 14 (от 10—15 февраля 1857 г.).

Джугара или джигура — так местное население на Мангышлаке называет растение, похожее на кукурузу или просо; из него получают крупу и муку, а также корм для скота. Она была привезена в Литву, однако размножить ее не удалось, так как она не вызревала в нашем климате.

Письмо 15 (от 8—20 мая 1857 г.).

Граф Константин Тышкевич собирался тогда в свое путешествие по Вилии и приглашал меня для срисовывания видов с природы.

Это было последнее письмо из Новопетровска. В следующем месяце Шевченко получил освобождение от службы с разрешением вернуться в Петербург. Прибыв туда, он получил звание академика в Академии художеств и поселился в столице. Много писал, делал офорты; насколько я знаю, за масляные краски не брался. Крестьянский вопрос привел меня в Петербург, он также живо был занят им — тогда мы часто виделись.

Если кому-либо потребуется уточнить подробности нашей жизни в Оренбурге, он найдет их в дневнике Ясенчика под заглавием «Dziesięć lat niewoli moskiewskiej» (Lipsk, 1867, w «Bibliotece pisarzy polskich» Brockhousa) и в моей статье «Wygnańcy polscy w Orenburgu» («Rocznik Towarzystwa historyczno — literackiego w Paryżu na rok 1866»).

Несколько добрых и глубоких слов о Шевченко сказано в при-

мечании Богдана Залеского к его стихотворению под заглавием «Mogiła Tarasowa», напечатанному в книге Богдана «Oratorium Wieszcze» (Paryż, 1865).

Н. Ф. Савичев

КРАТКОВРЕМЕННОЕ ЗНАКОМСТВО С ТАРАСОМ ГРИГОРЬЕВИЧЕМ ШЕВЧЕНКО

О Тарасе Григорьевиче я впервые услышал в Малороссии, куда попал, служа в Уральском казачьем № 6 полку, командированном в 1849 году в действующую армию в Венгрию. Но покуда полк наш шел к своей цели, венгерская война кончилась, и нас поставили на квартиры в городах и селениях Киевской и Волынской губерний. Штаб нашего полка помещался в городе Звенигородке. Я был при штабе полковым писарем. В Звенигородке, в одной веселой беседе, я услышал разговор о Шевченко: спорили о местности, в которой он находился в то время. Один из собеседников обратился ко мне и сказал:

— Этот человек, о котором мы сейчас говорим, должен быть в вашем крае — у Аральского моря, и вы можете с ним увидеться.

Судя по такому общему географическому определению о местопребывании Шевченко, я не мог надеяться увидеть его, но просил сказать мне, что за человек он был. Собеседник охотно и с особенным теплым чувством рассказал о Шевченко как о замечательнейшем человеке. И из всего сказанного я узнал, что он живописец и поэт, из крепостных людей г. Энгельгардта, и за одно свое сочинение отдан в солдаты и сослан куда-то за Оренбург. Смотря, с каким увлечением говорят о Шевченко, мне стало стыдно, что я прежде ничего не знал о нем.

В сентябре 1850 года один из наших офицеров квартировал с десятью казаками в селе Кирилловке, недалеко от Звенигородки; он пригласил меня погостить у него, чтобы «разделить скуку». Я прожил у него трое суток довольно весело, по-нашему, но не знал, что Кирилловка — колыбель отрочества Тараса Григорьевича, и никак тогда не предвидел, что узнать об этом мне придется от него самого.

В 1851 году полк наш возвратился на родину. В Уральске я встретился с людьми, лично знавшими Шевченко. Это были офицеры, служившие на Сырдарье. Тогда же я узнал, что Шевченко переведен в Новопетровское укрепление (теперь Петроалександровск), в состав тамошнего гарнизона.

Весной 1852 года командир батальона № 1, расположенного в Уральске, майор Михайлов, пригласил меня разделить с ним путешествие в Новопетровск «для компании». Он ездил туда каждую весну ревизовать роту своего батальона. Я не полагал, чтобы мы в путешествии могли составить один для другого приятную компанию, но вспомнил, что там находится Шевченко, и мысль увидеть

его, познакомиться с ним заставила меня принять приглашение майора Михайлова.

Знакомцы Шевченко, узнав, что я еду с Михайловым в Новопетровск, надавали мне писем и разных словесных поручений к Тарасу Григорьевичу. Это были трое молодых поляков, из *конфирмованных*, по их выражению, и четвертый — А. В. Ханыков, облеченный в «сермяжную броню» по делу Петрашевского. Ханыков незадолго перед тем был прислан в Уральск из Оренбурга, на смену А. Н. Плещеева, вызванного в Оренбург.

В Гурьев мы приехали с майором Михайловым 1 мая и прождали три дня из Астрахани парохода, делавшего в каждый летний месяц по одному рейсу в Новопетровск мимо Гурьева, откуда он принимал почту. Наконец мы плыли на пароходе «Астрабад» по едва заметным волнам мутно-зеленого Каспия.

Был великолепный, ясный вечер. На другие сутки, в полночь, пароход бросил якорь в Новопетровской бухте. Громкий, продолжительный свисток поднял нас от утреннего сна. Мы с палубы увидели Новопетровск, освещенный первыми лучами солнца. Крепость от берега моря далеко, на высокой горе, отделенной от моря песчаной отлогостью.

Часов в восемь утра за нами приехали две тройки, запряженные в длинные и широкие тарантасы. Капитан-лейтенант Дубинский (служивший некогда на знаменито погибшем у берегов Норвегии корабле «Ингерманланд»), мичман, майор Михайлов и я отправились в крепость. Михайлову была заранее приготовлена квартира, которая была и моею.

Мы в одиннадцать часов пошли представиться коменданту. Это был добрый и умный подполковник Маевский. У коменданта были наши моряки и несколько местных офицеров. Подали обильный завтрак.

«Зовите Шевченко», — сказал комендант.

Денщик ответил, что он ушел домой. Я узнал, что Тарас Григорьевич в это время занимался на другой половине дома уроками с детьми Маевского и, кончив занятия, ушел.

После завтрака, переодевшись на квартире и взяв письма к Шевченко, я пошел к нему в сопровождении прапорщика Михайлова, вызвавшегося указать мне жилище Тараса Григорьевича, и мы пришли в казарму.

Казарма как казарма — длинное здание с низкими нарами по обеим сторонам, с маленькими, но частыми окнами почти под самым потолком; пол был земляной, слегка смоченный для прохлады, которая еще навевалась сквозь отворенные окна. Солдат немного было в казарме: кто был на работе, кто в командировке по службе.

Мы прошли до конца здания и увидели в углу лежащего на нарах человека, углубившегося в книгу. Это и был Шевченко. Когда уже мы подошли слишком близко, он встал, взглянул на меня, потом вопросительно на Михайлова. Последний отрекомендовал меня, сказав: «Вот человек, желающий видеть тебя».

Шевченко встал и попросил нас сесть около себя. Я сказал ему поклоны от уральских его знакомых и передал письма, которые Тарас Григорьевич положил в карман своих широких панталон. Шевченко был, по летнему положению, в рубахе не из тонкого полотна, а из казенного. Он показался мне не выше среднего роста; он

был плотно сложен, круглолиц, румян, с рябоватым лицом, серыми глазами, тогда довольно открытыми и ясными, на голове имел лысину.

На постели его был нетолстый тюфяк, покрытый рядном, подушка с не совсем чистой наволочкой,— вообще не виделось ни малейшего комфорта в его казарменном обиходе; не было у него ни стола, ни стула. Но этой мебели и не было нужно ему по особому обстоятельству: ему, как слышно, да и сам он сказывал, не велено было давать в руки ни пера, ни карандаша, ни бумаги.

Я сказал Шевченко, что мне нужно передать ему кое-что от знакомых, и просил его прийти ко мне когда угодно; но он предложил мне зайти к нему часов в пять после обеда, когда спадет полдневный жар, чтобы прогуляться в поле, вне крепости.

Когда я пришел к нему в назначенное время, то нашел его опять в лежачем положении и с книгой. Он встал, положил книгу на полку над головой, где лежали еще книги, и стал одеваться. Пока он брал кисет, табак, застегивал на три наличные пуговицы коротенькое парусинное пальтецо, я взял на полке одну из книг. Это были исторические драмы Шекспира в переводе Кетчера...

Мы вышли за крепостные ворота, спустились в ложбину и подошли к одной обрывистой круче, покрытой огромными обломками ракушечьего камня, и, взгромоздясь на высоту, сели между этими обломками на мшистой наносной земле. Перед нами расстилался синий Каспий.

Здесь я передал Тарасу Григорьевичу все, что мне было поручено. Это были вести о жите-бытье его знакомых, довольно однообразном и почти бессодержательном. Как-то в разговоре я случайно сказал, что был в Малороссии. Он спросил, где именно я был, и, узнав, что в Звенигородке, тотчас спросил, не был ли я в селе Кирилловке.

Я отвечал, что был.

— А видел ты там попа, отца Кирилу? — спросил он, глядя на меня во все глаза.

Я отвечал утвердительно.

— А брата моего Микиту видел?

— Нет,— говорю,— не знавал.

— Да сколько времени ты там пробыл?

— Трое суток,— говорю.

— Еще кого знавал там?

— Был у дьякона в гостях...

— Ну, вот тут живет и брат Микита.

— Может быть,— говорю,— нас тут много было, гостей,— по чему бы я узнал, что в числе их был и брат ваш Никита?

— Э, брось, пожалуйста, это «вы»... А ще казак... Да ведь Кирилловка моя родина!.. Ну, говори, как ты там жил и что делал?

Я стал рассказывать, как у отца Кирилы, почтенного старца, мы были на именинах и служили ему импровизированным наскоро оркестром из трех казаков; как этот оркестр отличался, а паньчи и панночки-поповны танцевали до упаду под отчаянную музыку — из скрипки, бандуры и бубна, и о прочем.

Шевченко слушал с таким напряженным вниманием и радостным любопытством, что надо это видеть, а не слышать из расска-

за. Наконец он хохотал до слез над моим повествованием. Впрочем, если принять в соображение всю простоту, свободу, беззаветность пирушки, о которой я рассказывал до мельчайших подробностей, и то, как все это было близко сердцу опального Шевченко,— то не удивительно, что он был в восторге от рассказа, напоминавшего ему о любимой и далекой родине.

В конце рассказа он вздохнул и сказал: «А все неладно, что ты не знавал моего брата Микиту». Потом заставил меня рассказывать то же и прерывал меня разными вопросами, даже спросил, у кого мы с товарищем квартировали. Но так как я забыл фамилию хозяина, то он просил припомнить, нет ли чего особенного в этом доме. Я вспомнил, что в огорожке было единственное и огромное грушевое дерево, с вершины которого мы сбивали оставшиеся груши, бросая в них палками.

— Знаю, знаю,— вскричал Шевченко, назвал хозяина, прибавив, что и сам охотился за грушами, влезая на это дерево, что больше и старше этого дерева нет в Кирилловке и что оно было таким в дни его отрочества. (В 1852 году Шевченко считал себе сорок второй год.) Кончилось тем, что случайностью моего пребывания в Малороссии я зарекомендовал себя Тарасу Григорьевичу самым лучшим образом и стал для него интересным человеком только уже потому, что был в его родной Кирилловке.

Так просидели мы до сумерек и пошли в крепость. Наш путь лежал мимо квартиры ротного командира, где светился уже яркий огонек и шумно разговаривали несколько офицеров; окна были открыты. Хозяин дома увидел нас и зазвал к себе попробовать «чихирь», только что привезенный из Астрахани. Здесь я увидел, как все обходились с Тарасом Григорьевичем любезно. Он же был не особенно говорлив, но выглядел человеком не лишним, и его присутствие между офицерами было заметно.

Несмотря на то что он был как-то сосредоточенным в себе, как будто необщительным; но при всем том был симпатичен, и все его любили; но более любили его солдаты. Шевченко не отделял себя от среды солдатской и жил с солдатами по-братски, просто. Солдатам это было любо тем более, что они сознавали в нем культурного человека, сочувствовали его неуместному положению и за его человеческое с ними обращение платили ему тем, что в присутствии его не проявляли ни солдатского цинизма, ни вообще казарменных выходов, усугубленных особенно отрезанною от мира жизнью в степных укреплениях.

Перед Шевченко солдатик являлся непосредственным, чистым и искренним человеком — по любви и уважению к Шевченко, которые он так же просто и безыскусственно приобрел. Я был уверен, что он имел и более обширное влияние на солдат и мог бы воспользоваться им для большего очеловечения их, из интереса, свойственного разумному и благородному человеку; но понимал, что его доброе, бескорыстное дело было бы истолковано совсем в противоположную сторону, сочтено за вредную пропаганду. Однако иного солдатика, желавшего выучиться грамоте, он, и то тайком, учил азбуке — и не более.

Мы уговорились с Шевченко видаться после обеда, так как у него утром были уроки детям коменданта. В следующий день мы пошли гулять, и, конечно, за крепость. Тарас Григорьевич в этот

раз завернул в армянские лавки, где между прочими товарами продавались вина и водка; последней он взял бутылку и сказал: «Пойдем теперь на одно мое любимое место», — и мы пошли вниз, к подножию той высоты, на которой стоит крепость, в сторону к морю. Мы шли вдоль отвесной стены вышиной сажен в тридцать; вся эта громада состоит сплошь из ракушечьего камня.

Шевченко обратил мое внимание на параллельные полосы, идущие вдоль стены на высоте сажен пятнадцати над поверхностью моря. Линии эти строго горизонтальны, в виде ленты сажени в три шириной; полосы расположены не в равной ширине одна от другой, некоторые из них обозначаются углублением, как вырезанные, другие рельефно выходят наружу и состоят из осадка. Лента разнообразится темными пятнышками, расположенными не совсем горизонтально. Это углубления, дыры, — словом, норы, какие раки строят в ярах.

Не остается сомнения, что на этой высоте когда-то был уровень моря. Черты, образовавшиеся в стене, показывают постепенное понижение морских вод. Невольно мы задались вопросом: когда тут было море и куда оно девалось? Шевченко высказал несколько геогностических замечаний (забытых мною), которыми наделила его ученая комиссия, приезжавшая для исследования на полуостров Мангышлак, и в которой он состоял членом в качестве рисовальщика, но секретно.

Мы вошли в расщелину ракушечьей стены * и уселись между обломками камней. Шевченко опять заставил меня рассказывать о жизни в Малороссии, до мельчайших подробностей, и слушал в этот раз задумчиво. Наконец рассказ мой истощился, я замолчал; молчал и Шевченко.

В это время веял легкий западный ветерок, и приятные звуки от прибоя волн на отлогий песчаный берег доносились к нам издалека; двурогий месяц скромно светил с синего неба; были сумерки прекрасного майского вечера, под влиянием которого мы могли только молчать.

Шевченко после долгого безмолвия продекламировал, как бы про себя, стихотворение на малороссийском языке, — вероятно, своего произведения. Содержания теперь не упомяну, но поминалось море, «хвилі і хмари».

Уже в полночь мы воротились в крепость. Когда мы приближались к открытым крепостным воротам, часовой издалека окликнул нас, крикнув: «Кто идет?!» Шевченко, против моего ожидания, громко же ответил: «Черт!» Часовой узнал голос Тараса Григорьевича и приятно ухмыльнулся. Эта шутка показалась мне исключением из того общего склада, в котором обыкновенно держался Шевченко. Но думал и то, что он хотел сказать часовому нечто приятно-забористое в его духе, и солдат откликнулся ухмыленьем.

* Ракушечный камень употреблялся в Новопетровске на постройки: на фундаменты под деревянные дома; крепостная башня, стены — целиком из этого камня. Его вскоре после ломки пилят большими камнями, потому что он тогда мягок, а по мере обдерживания на воздухе твердеет. На крыльце одного дома высечены из ракуши два льва, досужества камнетесов. Шевченко сострил над этой скульптурой, сказав: «Тут нужна надпись: «Се львы, а не собаки».

Однажды мы пошли на «огород». Вблизи крепости есть долина с благоприятной наносной почвой — единственный оазис около крепости. Комендант Маевский засеял на нем разные овощи и вокруг рассадил деревья — ветлу и топольник, вывезенные из Астрахани. Деревца были тогда еще молодыми и жидкими; но здесь по праздникам бывали гулянья крепостной аристократии.

По пути к огороду мы зашли в армянские лавки и запаслись дарами Вакха. В огороде мы поместились в легкой беседке, куда явился огородный сторож отдать свое почтение и предложить услуги Тарасу Григорьевичу. Шевченко попросил его принести редиски, так как только и было созрелого в огороде. Старик принес отборных редисок и, со всей любезностью подавая их, примолвил: «Это только для вас, Тарас Григорьевич, а то в жисть не дал бы никому».

Шевченко дал ему стаканчик водки, покалякал с ним немного и тихо кивнул головой; сторож удалился с миром. Тут я увидел еще человеческий экземпляр, искренно привязанный к Шевченко.

От вопросов о прошлой жизни Шевченко бесцеремонно отмалчивался, как будто не слышал вопроса. Но в огороде подробно рассказывал о своей жизни художника в Петербурге. К сожалению, я многое призабыл, помню только вообще, что это было «перебывание с хлеба на квас». Но бывали и у нас праздники, говорил Шевченко, когда мне или Ваське Штернбергу (которого иногда называл и Васенькой) удавалось написать портрет с какого-нибудь купца или чиновника. Тогда мы вознаграждали себя «за все голодные дни». С Штернбергом у Шевченко была самая тесная дружба; говоря о нем, он часто прибавлял: «Душа-человек». Шевченко обрадовался как приятной нечаянности, когда я сказал ему, что видел Штернберга в Уральске летом 1839 года.

— А, это он имел счастье составлять альбом для императрицы Александры Федоровны,— заметил Шевченко,— и путешествовал по России.

Мы вспомнили о том, как Штернберг отправился с В. А. Перовским в Хивинский поход, не выдержал суровости зимы, захворал, был отправлен назад в Оренбург и вскоре, в Италии, покончил свое существование.

Шевченко много говорил хорошего о К. П. Брюллове как о художнике и человеке.

И оба мы не знали, что в то же самое время Брюллов, оставив остров Мадеру, медленно умирал в окрестностях Рима.

Шевченко, узнав, что я рисовываю, рекомендовал мне съездить в Разумановский сад, верстах в семи от крепости, но сам почему-то отказался ехать туда. Я поехал. Вместо сада я увидел нечто поражающее своею дикостью и оригинальностью. Громадные обломки скал, поверженных одна на другую, спускаются в живописном беспорядке с пятидесятисаженной высоты к плоскому прибрежью моря, которое беспредельной плоскостью уходит вдаль. Это водоройна, образовавшаяся в течение веков от стока снеговой воды с Мангышлакского плато. Обвалы камней, глубокие рытвины, обросшие кустарником, интересны именно своею хаотичностью; а красивая градация тонов различных наслоений скал интересна для живописца и для геогноста.

На одной из маленьких площадок, натурально огороженной с

трех сторон каменную оградой, стояли три большие дикорастущие тутовые деревья; несколько грядок с цветами, молодой виноградник на тычинках, мостик через трещину, несколько скамеек — вот весь сад Разуманова, прозванный по фамилии одного богатого купца, открывшего и облюбовавшего эту местность. В довершение всего мангышлакского пейзажа внизу виднеется скала, похожая на монаха в рясе и клобуке, почему и прозвана «Монахом».

Я сделал несколько абрисов из этой местности и представил их на просмотр Шевченко. Он заметил мне, что я увлекаюсь деталями и упускаю из вида ансамбль. Это замечание послужило мне добрым уроком. Шевченко обещал на следующий день показать мне свою работу. Я с нетерпением ждал этого часа. Наконец мы в огороде; с нами продукт армянской лавки, редиска и под мышкой у Тараса Григорьевича портфель, который он не торопился открывать, но когда открыл — я впился глазами в первый рисунок...

Он представлял внутренность киргизской кибитки. Внизу свода кибитки вделано русское окно, пропускающее солнечный луч, отраженный микроскопическими пылинками. Понятно, что окно было, в натуре, приспособлением для того, чтоб рисующему давалось выгодное освещение сверху. Под окном, за столиком, сидит, осененный полутонами, как аксессуар, сам Шевченко с рейсфедером в руке (а не с кистью) и пристально устремленным взглядом на «натуру». «Натура» эта стояла на середине кибитки, — мужчина, полубогаженный, в кожаных киргизских шароварах, — спиной к зрителю. Художнику, вспомнившему в степи про академические занятия, понадобился торс... Уж и устроил же он этот торс! Рисунок сделан сепией, на цветной бумаге, а блики пройдены китайскими белилами... Анатомия, рельеф — прелесть! Этот рисунок получил бы в Академии высший бал, а знаток-любитель дал бы за него щедрые деньги.

Натурщиком служил поручик Турно, член мангышлакской ученой экспедиции.

Другой рисунок тоже был сделан сепией: к стоящей на углу улицы живописной малороссийской хате-шинку двое солдат привели двух арестантов, скованных железом поодиночке и вместе один с другим. Один из солдат вошел в корчму, а другой, опершись на руку о верхний косяк наружной двери, стоял спиной к зрителю, в ожидании чарки водки от товарища. Он покосился на отдыхающих у стены арестантов. Это были — один великорус, другой цыган. На улице, в глубине дальнего плана, появилась группа странствующих цыган, представляющая из себя вакханалию: бубен, скрипка, скоморошная песня, неистово пляшущие женщины — все это было в разгаре. Арестант-цыган, пораженный родными звуками свободы, рванулся и выставил голову за угол хаты; но с тем вместе он потянул за собой товарища, апатично преследовавшего в своей одежде паразитов. Загремели цепи, и потревоженный русский арестант злобно глядел на цыгана, а караульный солдат обратил на шум внимание, выразившееся в повороте головы. И все тут. Но как это сделано... Композиция, экспрессия в фигурах, чистота и правильность рисунка, расположение пятен — завидные!

Впоследствии приходилось мне видеть много произведений, но таких попадалось немного. Достойным соперником Шевченко

мог быть из наших — замечательный рисовальщик-жанрист Штернберг, и то не в акварели, а в карандаше. Позднее мне случилось видеть две акварели красками работы Шевченко: два женских портрета — один поясной, другой по колени; еще позднее — видеть акварели К. П. Брюллова, и, судя по манере того и другого, полагаю, что Шевченко был учеником Брюллова или его счастливым подражателем.

Еще в портфеле Шевченко были этюды каменистых балок, каменных обвалов и групп тутовых деревьев. Я попросил подарить мне один из этюдов на память, но Шевченко сказал, что нарисует мой портрет на память о себе. Я был в восторге от этого обещания. Через несколько минут он сказал мне:

— Теперь пойдем к Федору Ефимычу, доброму человеку.

Мы пошли. Недалеко от города и крепости, как бы в одной из вершин равностороннего треугольника, стоит довольно высокая, крутая и почти конусообразная скала. В ней вырублены ступени, зигзагами, для удобного хождения. На вершине скалы, на небольшой площадке, был дворик с низкими каменными стенами, казарма для десятка казаков, и в ней особо две комнаты для офицеров. Со стены глядела невнушительного калибра пушка, жерлом почему-то на крепость. Все это называлось батареею № 1.

Отсюда виднелись гребни соседних гор как на ладони, пестрелся на песчаном берегу ряд деревянных изб поселенцев, открывалась вся крепость, в которой перенеслась красивенькая церковь, а главное всего — растянулось в голубом блеске Каспийское море. Мы остановились на дворике, чтоб перевести дух от восхождения на гору, и смотрели на окружающее. Мне, новичку, нравилось это окружающее, но я подумал, что через два месяца мне все бы это надоело при той обстановке, на которую тут осуждены люди.

Я не удержался, чтобы не спросить Шевченко:

— А что, Тарас Григорьевич, пожалуй, тебе наскучили здесь все виды?

Он, по обыкновению, ничего не сказал на это ни словом, ни выражением лица.

Здесь-то жил Федор Ефимович, «добрый человек», к нему-то мы и пришли по утомительной круче. Хозяин принял нас с радостью, как добрый и притом скучающий человек. Он тотчас приказал делать пельмени; их принялась готовить целая команда казаков. Это кушанье, известное в Восточной России, мы запивали не лафитом, а астраханским чихирем, который несравненно лучше всех, вроде ярославско-соболевских, лафитов, потому что был натуральный.

Шевченко был в отличном расположении духа. У него сыпались забавные анекдоты и рассказы. Таким веселым я его не видел прежде. Ему захотелось вызвать и хозяина, от природы молчаливого, на разговоры и оживить его. Последний был старосветский офицер, старообрядец, хотя довольно индифферентный. Шевченко стал ему рассказывать, с приправой поэтических прикрас, о подвижнической жизни староверов на Ветке и в Стародубье, как о делах несомненных, — и расшевелил доброго человека, вызвал его на спор и в конце заставил почувствовать сладость древнего благочестия.

Мы присидели за полночь и заночевали на гостеприимной ба-

тарее. Утром Шевченко попросил послать казака предупредить коменданта, что не придет на уроки. Его неудержимо тянуло к рисованию, в чем он давно не практиковался и не отводил души от тоски бездействия. После чая он принялся за мой портрет *, наперед закрывши одно окно, а у другого оставив свет только на верхней половине.

К обеду сделан был абрис и прокладка. Пельмени прервали работу; они вышли удачнее вчерашних, что заставило Шевченко признаться, что пельмени несравненно лучшее кушанье, нежели вареники его родной Хохландии. Эти же пельмени, политые чихирем, расположили нас ко сну после обеда. Мы здорово выпались; после чего Шевченко подтушеввал утреннюю работу, пообчистил контура, и портрет был готов. Он хранится у меня до сего дня.

Во время рисованья я увидел, что в рейсфедере у художника вложены едва державшиеся остатки карандашей. На мое замечание Шевченко сказал: «Это огарки карандашей, а целых у меня мало, и я их берег, потому что негде их взять». Вследствие этого я отдал ему свои карандаши, сколько у меня их было, чем он остался очень доволен.

Вообще Тарас Григорьевич, живя в крепости, очень нуждался, прежде всего в деньгах, а потом в книгах, которых нельзя было достать и за деньги. Комендантская маленькая библиотека была прочитана; общей офицерской библиотеки не было. Читал он только то, что присылали ему знакомые из Оренбурга, а это было не часто.

Однажды Шевченко пригласил меня к восьми часам вечера на флагшток, где он должен был отстоять на часах до полночи. Шевченко был освобожден от всех казенных работ и учений, но очередь быть часовым он хотел справлять сам, даже напрашивался иногда отстоять за кого-нибудь на часах.

Я пришел в назначенное время и место. Флагштоком называлось место на краю крепости. Это была отвесная скала, возвышавшаяся над песчаной приморской низменностью и выходившая мысом. Тут, среди невысокой и неширокой ограды, стояла башенка, защищавшая часового летом от дождя, а зимой от бурана. На верху башни был шпиг, на котором, когда нужно, поднимался флаг. Пост этот был не важен (за что после уничтожен), и Шевченко, поставив ружье в башенке, сел на ограду и дожидался меня.

Мы просидели до полночи. Теперь решительно не помню, о чем мы тогда говорили; верно, ничего особенного. Когда на гауптвахте пробило двенадцать часов, Шевченко взял ружье, сказав, что к нему на смену никто не придет, и мы пошли к домам. Тогда было время тихое и безопасное, а потому некоторые подобающие строгости по крепостной службе были лишни.

Никогда Шевченко не проронил ни слова жалобы на свое положение, никогда я не видел его печальным и унывающим. Он был физически здоров, румян, взгляд у него был постоянно ясный и открытый. Правда, в нем присутствовала почти непрерывно какая-то дума, но дума эта была тихая и, так сказать, питавшая и улаждавшая его дух. Иногда можно было подумать, что

* Рисовальные припасы свои Шевченко сохранял на этой батарее, у «добротного человека».

он слушает пение сфер: так уносила его привычная и светлая дума в область, ему одному известную и доступную. Надобно полагать, что в нем совершалось поэтическое течение, которое служило ему щитом против нападков горькой действительности.

Никогда не слышал я от Шевченко разговора политического или даже с политическим оттенком. Может быть, он не любил разговоров о политике — об этом частом заблуждении людей. Он тогда казался мне скрытным, но теперь я думаю иначе: он не мог раскрыться передо мной весь. Я был молод, и притом не был развит ни науками, ни опытами жизни. Может быть, он щадил мою невинность.

Шевченко сильно занимало тогда решение высшего начальства, которому было представлено желание опального художника написать масляными красками, безвозмездно, образ воскресения Христова для местной церкви. Спустя месяц Шевченко писал ко мне в Уральск и горько сетовал, что ответ об этой иконе пришел отрицательный.

Пришло время повернуть нашему пароходу в обратный путь, но комендант упрашивал капитана остаться на несколько дней, до его именин. Г. Дубинский не соглашался, но, к счастью Маевского, тут подоспел капитан-лейтенант (забыл фамилию) — командир парохода, крейсировавшего по всему восточному Каспийскому берегу... Этот капитан остался до именин, уговорил и Дубинского остаться и, кроме того, ссудил коменданта двумя дюжинами бутылки шампанского, так как у последнего курсовая лодка, посланная в Астрахань за добавкой шампанского, за противными ветрами не могла прийти вовремя в укрепление.

На именинах коменданта было весело и приятно: сошелся народ все теплый... Шевченко сиял. Мы сидели с ним по обе стороны армянского священника, приехавшего для исполнения христианских треб к жившим в укреплении армянам. Это был замечательно умный и образованный человек, не католик, а григорианец и говорил порусски в совершенстве. Шевченко прилепился к нему; в свою очередь и священник очень заинтересовался Тарасом Григорьевичем. Мне было чего послушать и вблизи и около.

Мы, гости с хозяином, в числе ровно двенадцати человек, засели за стол в одиннадцать часов утра, а встали из-за стола в двенадцать часов ночи. Тройки с длинными и широкими тарантасами были готовы. Сели все и поехали на пристань. Армянский священник и Шевченко составили близнецов. Все мы попрощались с теплыми и искренними поцелуями, покачиваясь под окончательным влиянием шампанского, которое забрело и на пристань. Нас, морских путешественников — о жизнь русская! — перевезли полусонных на пароход лодки, а сухопутных, совсем уснувших, доставили домой тройки с длинными и широкими тарантасами.

У капитан-лейтенанта были разведены на пароходе пары, и он тотчас отправился, а капитан «Астрабада» велел поднять якорь на рассвете.

Увиделся я с Шевченко в Москве, зимой 1858 года, у академика А. Н. Мокрицкого. Тарас Григорьевич был неузнаваем, и я, присмотревшись только, узнал его. Желто-зеленый, в морщинах, худой...

Более не видел я Тараса Григорьевича.

ТАРАС ГРИГОРЬЕВИЧ ШЕВЧЕНКО
В АСТРАХАНИ

В феврале 1896 года исполнилось ровно тридцать пять лет со времени смерти Тараса Григорьевича Шевченко. Желая почтить память даровитого поэта и художника, мы сообщаем воспоминания о нем И. П. Клопатовского.

В первой половине сороковых годов Киевский университет св. Владимира поручил свободному художнику С.-Петербургской академии художеств Тарасу Григорьевичу Шевченко прочесть несколько лекций по теории живописи и художеств. Будучи студентом этого университета, Иван Петрович Клопатовский слушал лекции Шевченко и был знаком с ним «только как студент с профессором». Тогда же Шевченко состоял членом правительственной Археографической комиссии и имел от нее специальное поручение — производить раскопки курганов в Малороссии. На работы и разъезды по делам этой комиссии отпускались в то время из казны довольно крупные суммы; так, например, Шевченко — по словам г. Клопатовского — получил в течение одного года не менее двенадцати тысяч рублей (ассигнациями). Членами той же комиссии состояли — профессор русской истории университета св. Владимира В. Ф. Домбровский и профессор Лохвицкий, занимавшиеся исследованием древних памятников и раскопками в самом Киеве. Шевченко жил тогда очень открыто, раскопками курганов занимался мало и неохотно, а проводил более время в компании молодежи и в кружке Костомарова. Во второй половине сороковых годов, когда г. Клопатовский окончил курс университета, — Шевченко уже не было в Киеве.

В 1850 году Иван Петрович поселился в Астрахани, где получил место учителя истории и географии в гимназии; кроме того, он был еще преподавателем в женском институте и школе канцелярских служителей, а в 1892 году, когда я с ним познакомился, он был уже в преклонных летах и несколько лет в отставке.

Летом 1857 года служивший в Астрахани, а ныне уже покойный доктор Моравский сообщил Ивану Петровичу, что в одном с ним, Моравским, доме, «на чердаке» (мезонине) поселился возвратившийся из ссылки Шевченко. Дом, где остановился Тарас Григорьевич по приезде из Новопетровского укрепления, находится на канаве (Варварацевом канале) и ныне принадлежит Комаровым. Иван Петрович поспешил к Шевченко и первый из астраханской интеллигенции поздравил его с возвращением из многолетней ссылки на пустынном Мангышлакском полуострове, которая выражалась службою рядовым линейного Оренбургского батальона № 1. По словам Ивана Петровича, костюм на поэте был ниже всякой критики: он явился в Астрахань в поношенном до последней степени солдатском форменном платье, рваных сапогах; белья у него почти

не было, денег — ни гроша. По словам Ивана Петровича Клопатовского, Шевченко совершил переезд по Каспию из Новопетровского укрепления до Астрахани не один, а с попутчиком — молодым офицером, фамилию которого Иван Петрович запомнил. Кроме г. Клопатовского, у Шевченко нашлись в Астрахани еще знакомые: земляк его, доктор Незабытовский (проживавший в 1892 году в Баку), и местный рыбопромышленник, миллионер Алексей Александрович Сапожников. При содействии Ивана Петровича Шевченко прежде всего экипировался и мог, не стесняясь костюмом, посещать астраханских приятелей. Тарас Григорьевич ежедневно посещал семейство Клопатовского, где собирался небольшой кружок почитателей поэта. Здесь были выставлены привезенные поэтом из Новопетровского укрепления пейзажи и картины этнографического содержания. Эти картины были написаны поэтом еще до ссылки в Закаспийскую область во время Аральской экспедиции капитан-лейтенанта Бутакова, предпринятой с целью описания берегов Аральского моря. Шевченко был приглашен Бутаковым принять участие в этой экспедиции в качестве художника. В гостеприимном доме г. Клопатовского Тарас Григорьевич Шевченко читал стихотворения, написанные им контрабандой, так как поэту по высочайшему повелению было запрещено писать и рисовать в ссылке. Тетрадь стихов была сделана из папиросной бумаги, на которой поэт нанизывал свои вирши до такой степени плотно, что никто, кроме его самого, не в силах был разобрать его почерк. Во время почти семилетней ссылки тетрадь эту поэт носил всегда за голенищем сапога.

Алексей Александрович Сапожников был хорошо образованный человек и пользовался в Астрахани большим авторитетом. В бытность в Петербурге в молодых годах он познакомился с Шевченко и чуть ли не брал у него уроки живописи.

Узнав от Ивана Петровича о приезде Шевченко и где находится его квартира, Алексей Александрович послал за ним свой фаэтон. Встреча этих двух знакомых, находившихся на столь различных ступенях житейской лестницы, по словам присутствовавшего при ней г. Клопатовского, была трогательна и поучительна. Сапожников обласкал Шевченко и не выпустил его из своего дома вплоть до отъезда поэта в Нижний Новгород. Семейство Алексея Александровича также пригостило поэта, несколько одичавшего в ссылке, и старалось развлечь его различными удовольствиями. Незадолго до отъезда Тараса Григорьевича А. А. Сапожников устроил в честь его катанье по Волге на своем пароходе. Для участия в этой прогулке были приглашены несколько человек из местной интеллигенции и молодежи именитого купечества. Эту прогулку А. А. Сапожников очень тактично воспользовался, чтоб снабдить Тараса Григорьевича деньгами на дорогу до Петербурга, куда ему был выдан билет на беспрепятственный проезд комендантом Новопетровского укрепления, майором Усковым. Стесняясь прямо предложить поэту некоторую сумму денег, Алексей Александрович уговорил его разыграть в лотерею картины. Было приготовлено несколько билетов, по 50 рублей каждый. После того как лотерейный лист подписали рублей на 800 — сделали розыгрыш; картины достались А. А. Сапожникову. Однако счастливцев не взял их себе, а под разными благовидными предлогами оставил их у поэта.

Впоследствии — по приезде в Петербург — Шевченко представил эти картины в императорскую Академию художеств. Последняя снова удостоила его за них звания свободного художника, которого он был лишен со времени зачисления в военную службу (25 июня 1847 года).

По словам И. П. Клопатовского, Шевченко выехал из Астрахани в Нижний на пароходе Сапожникова. Показание это не сходится с официальным сведением, приводимым биографом поэта Родзевичем из архивных дел Новопетровского укрепления. По этому сведению Шевченко выехал из Астрахани 22 августа 1857 года на пароходе «Пожарский», принадлежавшем, если не ошибаюсь, только что возникшему тогда обществу «Кавказ и Меркурий». Как видно также из официальных фактов того же биографа, — в Нижний Новгород поэт прибыл 20 сентября; следовательно, от Астрахани до Нижнего он ехал 29 дней. Разумеется, и при тогдашних условиях плавания по Волге на весьма тихо, в сравнении с нынешними, ходящих пассажирских пароходах, Шевченко не мог целый месяц путешествовать до Нижнего. Поэтому следует предположить: или поэт заезжал в какой-нибудь попутный город (кажется, Казань), или заявил свое прибытие в Нижний тамошним властям позже, чем было на самом деле. Что же касается показания И. П. Клопатовского об отъезде из Астрахани на пароходе Сапожникова, то, по всей вероятности, владелец сопровождал на нем поэта до какой-нибудь пристани, выше Астрахани, т. е., так сказать, конвоировал пароход «Пожарский», и поэт мог плыть до этой пристани на пароходе Сапожникова, а затем пересечь на «Пожарского» для дальнейшего следования.

По словам И. П. Клопатовского, во все время пребывания в Астрахани, Шевченко вел трезвую жизнь... был довольно сдержан в разговорах и не любил говорить о своем прошлом. Очевидно, столь продолжительная ссылка не прошла бесследно для страдальца и сильно повлияла на его моральное состояние.

Перед отъездом из Астрахани Шевченко просил И. П. Клопатовского и других астраханских друзей написать на память в его записной книжке по несколько строк, что охотно было исполнено его почитателями.

Впоследствии, вскоре после смерти поэта, текст этих надписей был напечатан в журнале Кулиша «Основа» за 1862 год.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО
В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ
(1857—1858)

Известно, что в 1850 году Тарас Григорьевич Шевченко сделался невольным защитником отечества и в качестве рядового 1 Оренбургского линейного батальона был отправлен на далекую, неприветливую окраину России — форт Александровский; укрепление, основанное в 1846 году на Мангышлакском полуострове (восточный берег Каспийского моря). Этот обездоленный край представляет песчано-каменистую, безводную пустыню. Нетрудно себе представить, как жилось тут Шевченко после цветущего родного края...

В форте Александровском и теперь еще есть «сад Шевченки» — несколько деревьев, посаженных руками поэта; в этом садике и до настоящего времени сохранился «домик Шевченки» — крошечная землянка, в которой покойный Тарас Григорьевич коротал тяжелые годы своей ссылки...

В 1857 году последовало высочайшее повеление об увольнении Шевченки из военной службы. Но тут произошел эпизод, который не имел для несчастного поэта печальных и роковых последствий только благодаря нижегородскому губернатору Муравьеву. Дело в том, что в первоначальном сообщении об увольнении по высочайшему повелению Шевченки, полученном в форте Александровском, ничего не говорилось о том, где именно последний имеет право жить и в какие города воспрещен ему въезд; точно так же, в силу какого-то рокового недоразумения, в этом сообщении ничего не говорилось о том, что Шевченко должен явиться прежде всего в батальонный штаб в Уральск, чтобы исполнить кое-какие формальности. Пользуясь таким положением дел, Шевченко заявил коменданту, что он, Шевченко, желает отправиться в Петербург; желание его было исполнено. Получив билет, Тарас Григорьевич направился Каспийским морем в Астрахань, откуда на пароходе «Пожарский» продолжал свой путь до Нижнего Новгорода, куда прибыл 20 сентября 1857 года. Между тем, по отъезде Шевченки из места ссылки, там получили следующий приказ:

«По высочайшему повелению, сообщенному в предписании его сиятельства господина генерал-адъютанта графа Перовского, от 28 мая сего года за № 543, господину начальнику 23-й пехотной дивизии, а мне (майору Ускову, как ближайшему начальству Шевченки) объявленному 23 числа сего августа, рядовой, бывший художник, Тарас Шевченко уволен от службы с воспрещением въезда в обе столицы и жительства в них, с тем, чтобы он имел жительство, впредь до окончательного увольнения его на родину, в г. Оренбурге...»

Поняв ошибку, власти разослали по всем направлениям экс-

тренные бумаги, а прежде всего по пути, по которому ехал Шевченко,— в Астрахань, в Нижний и т. д. Нижегородская администрация получила эту бумагу как раз в то время, как приехал туда Шевченко. Вероятно, как мы увидим впоследствии, это случилось к счастью последнего; не случись так, пришлось бы несчастному поэту совершить далекий обратный путь в Уральск и Оренбург, где он должен был оставаться неопределенное время.

На «экстренную бумагу» нижегородский полицмейстер Лаппо-Старженецкий отвечал следующее:

«Вследствие отношения вашего высокоблагородия от 29 августа сего года за № 1674, имею честь при сем препроводить выданный вами (полицмейстер обращался к майору Ускову) билет за № 1403, отобранный от служившего в укреплении рядового из бывших художников Тараса Шевченки, и уведомить, что он прибыл в Нижний Новгород 20 сентября в расстроенном состоянии здоровья, который был освидетельствован вместе с городовым врачом, и по освидетельствовании он оказался не могущим следовать в обратный путь впредь до совершенного выздоровления. Акт медицинского свидетельствования мной представлен г. нижегородскому военному губернатору».

Подлинник этого документа хранится в архиве штаба войск Закаспийской области и был напечатан в «Русской старине» 1891 г., в майской книжке, А. И. Родзевичем.

В 1857 году, как известно, в Нижнем Новгороде был военным губернатором Муравьев, давно уже сошедший в могилу. Мы не будем касаться его нравственных качеств, так как это не входит в программу настоящего очерка, а ограничимся указанием на одну симпатичную черту его характера: это был в высшей степени добрый человек; ко всем без различия он относился гуманно и сердечно; с особенной силой это чувство проявлялось тогда, когда вопрос касался помощи в горе или беде, которые посещают человечество гораздо чаще, чем радости.

В конце сентября 1857 года Муравьев посылает собственноручно записку к К. А. Шрейдерсу и просит его приехать как можно скорее во дворец. К. А. Шрейдерс, и доньше здравствующий и пользующийся всеобщим уважением, каким он пользовался и в 1857 году, в то время состоял секретарем губернского комитета (благотворительного). Получив записку, он немедленно явился к губернатору, принимавшему его всегда запросто. Переступив порог кабинета. К. А. был изумлен, увидя, что в кресле против Муравьева сидит сутуловатая фигура мужчины, одетого в какую-то рваную шубейку и длинные сапоги. Бросив пристальный взгляд на незнакомца, К. А. заметил, что он был среднего роста, лет 40—44: на его лице лежала печать глубокого страдания, большие серые глаза светились необыкновенной добротой; темно-русые жидкие волосы были зачесаны на одну сторону; длинные большие усы своеобразно были опущены вниз. Вообще незнакомец олицетворял настоящий тип хохла.

После обычного приветствия, Муравьев сказал, обращаясь к Шрейдерсу с приветливой улыбкой:

— Вот,— при этом он указал на сидевшего мужчину,— рекомендую вам нашего знаменитого поэта Тараса Григорьевича Шевченку...

Затем губернатор начал рассказывать о том, что при увольнении Шевченки из службы произошла ошибка, которую, вероятно, допустил «пьяный писарь»...

— Словом,— продолжал Муравьев,— в билете ему написали вместо «в Оренбург» «в Петербург», и эта ошибка была открыта только теперь, когда Тарас Григорьевич приехал в Нижний Новгород. Во всяком случае, сделаем в пользу его все, что в силах сделать. С божьей помощью я надеюсь испросить милости у государя... А теперь, Константин Антонович, я убедительно прошу вас приютить у себя Тараса Григорьевича, которому я говорил так много о вас хорошего.

Нечего говорить о том, что К. А. с радостью принял предложение губернатора, и с этого дня Шевченко поселился в радушной семье К. А. В описываемое время последний жил в здании, где теперь помещается управление государственных имуществ; тогда это здание принадлежало министерству финансов.

Можно с уверенностью сказать, что после одиннадцатилетнего невольного служения рядовым в далекой, неприветливой окраине России, в Нижнем Новгороде, под гостеприимной кровлей, Шевченко отдыхал душою, хотя, правда, тоска по родине и чувство томительного ожидания, в каком смысле разрешится вопрос, имевший своим источником описанную выше ошибку, нередко посещали его и здесь.

Однако этот роковой для Шевченки вопрос затянулся надолго; он продолжал жить в Нижнем, где имел возможность свободно перепесиваться с друзьями и посвящать свои досуги служению поэзии и любимому искусству. Под стихотворением «Неофиты» значится следующая надпись: «г. Нижний Новгород, 8 декабря 1857 года», а не 1856 года, как говорит в «Русской старине» г. Родзевич. Вообще, кроме уже замеченных выше неточностей в его статье, мы должны указать еще на одну весьма крупную неточность: г. Родзевич, например, говорит, что Шевченко в начале января 1858 года был уже в Петербурге; лица, провожавшие поэта из Нижнего Новгорода, передавали пишущему эти строки, что он уехал около пасхи; затем на портрете, нарисованном Тарасом Григорьевичем, совершенно ясно сохранилась следующая надпись: «1858 года, Т. Шевченко»; этот портрет, принадлежащий К. А., я видел не дальше как на этих днях; портрет нарисован карандашом и исполнен необыкновенно художественно. После уже отъезда Шевченки из Нижнего Новгорода К. А., уступая усиленным просьбам г. Лазаревского, о котором скажем ниже, прислал ему стихотворения, написанные поэтом в Нижнем Новгороде; эти стихотворения, если мы не ошибаемся, были изданы Гребенкой; между прочим, в этих стихотворениях кое-где проскальзывает имя К. А., который, видимо, оставался для Шевченки предметом дорогих воспоминаний. Одно из этих стихотворений случайно сохранилось у К. А. и до настоящего времени; последний уверен, что оно не появлялось в печати.

Судя по отзывам людей, близко знавших Шевченку в Нижнем Новгороде, характер и вообще весь нравственный мир поэта несколько не противоречил тем описаниям, которые мы не раз встречали в разных биографических очерках. Т. Г. Шевченко и в этом крае оставил о себе память как о человеке отзывчивом и

сердечном, человеке, олицетворяющем доброту... Он живет в воспоминаниях идеалом кроткости и правды; его доброта не знала границ; об этой доброте существует немало рассказов, в большинстве случаев аналогичных.

Так, например, однажды К. А. Шрейдерс неотступно просил Шевченку принять на память кошелек с 25 рублями, при этом мотивировал свою просьбу тем, что он, Тарас Григорьевич, очень нуждаясь в деньгах, рисовал портреты и раздавал их на память, отказываясь от всякого вознаграждения. Шевченко принял деньги и горячо благодарил, но на другой день из 25 рублей у него не осталось ни копейки... Оказалось, что он раздал деньги «тем, кто в них нуждался больше, чем он, Шевченко»...

В Нижнем Новгороде Тарас Григорьевич часто болел, казался беспомощным и разбитым... Нервность нередко у него проявлялась в болезненных формах; иногда самый ничтожный случай заставлял его волноваться и плакать самыми неутешными слезами, как ребенка. Если случайно в обществе, где был Шевченко, разговор касался отношений помещиков к крестьянам, причем в разговоре фигурировали и тяжелая крестьянская доля, и неприглядные картины, связанные с крепостной зависимостью, трудно было описать, что тогда происходило в больной душе поэта, готового принести в жертву всю свою жизнь за идею свободы, правды и любви к человечеству.

Как-то раз несколько человек, в том числе и Шевченко, сидели за столом у К. А. Шрейдерса; обед подходил к концу. Вдруг в столовую неожиданно входит горбатовский исправник N., к слову сказать, редкой доброты человек; хозяин представил его Шевченке. Последний почему-то сразу переменялся, нахмурился, опустил голову вниз и несколько минут сидел молча.

— А позвольте вас спросить,— вдруг неожиданно обратился он к исправнику,— чи вы и вправду исправник?

Тот растерянно посмотрел на него и ответил:

— Да, исправник...

— Эге-е-е... А що ж, господин исправник, вы часто имеее дїло с христьянами?..

— Да, случается. имею...

— Эге-е-е, случается... А що, господин исправник,— продолжал он дрогнувшим голосом,— случается, що... і в пику, і в потилицю (и в глаза и в затылок), і порку задаете?.. Хе-хе-хе... А що ж і не бити эту божую скотину, ведь вона безсловесна и беспомощна... Бийте, бийте на здоров'я...

И совершенно неожиданно Шевченко зарыдал... В страшном волнении, отодвинув от себя прибор, он быстро, с судорожными рыданиями, поднялся со стула и так же быстро направился в свою комнату. На всех присутствующих описанная сцена произвела гнетущее впечатление; долго все сидели молча, растерянные...

Немного погодя, К. А. вошел в комнату, где жил Шевченко; тот сидел, опустив голову и закрыв лицо руками; К. А. начал успокаивать его и, немного погодя, успел убедить, что он напрасно обидел N., так как последний добрый и честный человек, которого крайняя нужда заставила надеть полицейский мундир.

— О боже ж мій, боже! — воскликнул Шевченко с глубокою

скорбью в голосе,— за що ж я оскорбив його, за що ж оскорбив?!

Он долго ходил в слезах, наконец, немного спустя, стремительно бросился из своей комнаты и, разыскав Н., просил у него прощения.

Исправник, прослезившись, молча горячо жал ему руки...

В зиму 1857 г. К. А. Шрейдерс ездил по своим делам в Петербург. Шевченко, между прочим, передавая ему свой собственный портрет (рисовал сам Шевченко карандашом), просил передать его своему другу Лазаревскому. Действительный статский советник Лазаревский, несмотря на свои солидные годы и служебное положение, считался другом образованной молодежи, среди которой он постоянно вращался. Он очень любил Шевченку и всегда принимал в его судьбе горячее участие. К. А. разыскал Лазаревского где-то в 7-й линии Васильевского острова в пятом этаже; квартира его была полна студентов, праздновавших какое-то торжество. Когда присутствующие узнали, что в лице К. А. явился человек, приютивший у себя в Нижнем Новгороде Тараса Шевченку, то овациям не было конца; молодежь носила К. А. на руках... Перед отъездом последнего из Петербурга он получил небольшую сумму денег и кое-что из платья для передачи Шевченке. Вскоре после этого портрет последнего, рисованный масляными красками, появился в витрине известного Дациаро.

Курьезно было знакомство Шевченки с известным писателем-нижегородцем Павлом Ивановичем Мельниковым (Печерским). Познакомились они у того же К. А. Мельников, как известно, любил говорить; в интимном кружке, увлекаясь, он говорил с таким жаром и так красиво, что его с удовольствием слушали. При первой встрече Шевченки с Мельниковым после обычных приветствий и фраз речь зашла об истории местного края. Вскоре Павел Иванович по обыкновению завладел разговором, а так как история была его излюбленной темой, то разговор долго лился, как неудержный поток, причем оратор живо переходил с предмета на предмет, от одного события к другому, более интересному. Наконец от истории России он перешел к истории Малороссии. Не встречая никаких возражений, Мельников продолжал говорить один. Наконец, заметив пытливый взгляд Шевченки, он вдруг остановился, точно оборвал, и вопросительно посмотрел на него.

...Поэт спокойно и методично объяснил оратору, что он молчал до тех пор, пока тот не коснулся истории Малороссии, которую он, Шевченко, знает как свои пять пальцев...

Недавно в каком-то историческом журнале появился рассказ о том, как Шевченко, проездом через Нижний Новгород, встретился со своим старым другом, знаменитым актером Щепкиным. Содержание этого рассказа, перепечатанного едва ли не всеми газетами, заключалось в том, что Шевченко в кабинете нижегородского губернатора Муравьева совершенно неожиданно встретил Щепкина, и что Муравьев, видя, как друзья рыдают в объятиях друг друга, сам прослезился. В этом рассказе неверно самое главное: первая встреча Шевченки со Щепкиным, по приезде последнего в Нижний Новгород, произошла в квартире К. А. Щепкин, узнав, что Шевченко в Нижнем, приехал сюда с единственной целью, чтобы дать представление в пользу своего друга. В этом рассказе правдо-

подобно только то, что когда Щепкин и Шевченко встретились после одиннадцатилетней разлуки, то бросились друг другу в объятия и долго не могли сказать ни одного слова; слышались только судорожные рыдания...

Т. Г. Шевченко
Портрет М. С. Щепкина
Карандаш. 1858

Наступил 1858 год, а вместе с ним наступил и конец роковой ошибки. Благодаря усиленным стараниям и хлопотам губернатора Муравьева, Шевченко был окончательно помилован и вскоре получил разрешение на право свободного въезда в столицы.

Простившись со своими друзьями, Шевченко выехал из Нижне-

го Новгорода в Петербург около пасхи 1858 г. Но и на этот раз судьба посмеялась над бедным поэтом: в силу экономических и финансовых соображений он должен был ехать из Нижнего с жандармом, хотя и «обратным»...

Спустя три года «любого» поэта не стало; тяжелая болезнь свалила его в могилу. Страдая всю жизнь, ему не удалось отдохнуть и перед смертью. Последние часы его жизни подробно описаны г. Лазаревским, о котором мы сказали выше.

Н. М. Шмидтгоф

РАССКАЗЫ Е. ПИУНОВОЙ-ШМИДТГОФ О Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Когда я был еще ребенком, я часто рассматривал большой альбом, который лежал на рабочем столе моей матушки. В этом альбоме были собраны портреты многих великих артистов и писателей. На самом первом месте в альбоме мое внимание привлекал один портрет «серьезного дяди» с большими усами, в барашковой шапке и с большим барашковым воротником. Когда я спросил мою матушку, кто этот «дядя», моя матушка ответила мне: «Это знаменитый, великий украинский поэт Тарас Григорьевич Шевченко, и вот когда ты вырастешь, я расскажу тебе про него много, много хорошего, потому что этот великий человек был моим большим другом, учителем и очень любил меня».

Прошли года... Я вырос... Мне исполнилось 20 лет, когда я поступил на сцену, и первым моим сезоном был летний сезон в г. Павловске под Петербургом, в антрепризе А. Р. Кугеля, у которого служила и моя матушка Екатерина Борисовна Пиунова-Шмидтгоф. В этот сезон Екатерина Борисовна исполняла уже роли «грандам» и драматических старух. Это было в 1897 году. Е. Пиуновой-Шмидтгоф было уже 56 лет.

Однажды вечером, сидя на скамье под ветвями старой сосны, она рассказала мне чудную биль-сказку из своей жизни... далекого прошлого...

«Ведь ты знаешь,— начала она свой рассказ,— родилась я в Нижнем Новгороде в 1843 году 17 ноября. Ни мой отец, ни моя мать актерами не были, но в юности мой отец был «танцором» на сцене крепостного театра кн. Шаховского, а затем эту деятельность бросил и в дальнейшем был «управляющим делами театра». Бабушка же моя, Настасья Ивановна Пиунова, была крепостной актрисой князя Шаховского. «Меня, словом, десяти лет привезли,— говорила бабушка,— из деревни в лаптях, вымыли, обули, одели, поместили в «девичьей» и стали обучать театральному искусству...»

В доме князя бабушка вышла замуж и произвела на свет моего отца, там же она его женила. После смерти князя Шаховского,

по его воле, было выдано 300 «вольных», и бабушка, будучи уже первой «трагической актрисой», овдовела, оставшись с единственным своим сыном и моим отцом, которого она воспитала своим трудом.

Я начала свою артистическую деятельность с двух лет. Меня вынесли впервые на сцену в пьесе «Окно во втором этаже», а трех лет я играла роль в пьесе «Морской волк». Шести-семи лет я отплясывала различные танцы. А росла на руках чуть ли не всех знаменитостей Москвы и Петербурга, так как на ярмарку в Нижний Новгород все они приезжали на гастроли: М. С. Щепкин, И. В. Самарин, В. И. Живокини ежегодно гастролеровали в Нижнем Новгороде и бывали в нашей семье.

Живокини чаще других навещал Нижний Новгород и во время своих гастролей восхищался моим, как он говорил, «ярким талантом». Он уговаривал моего отца поместить меня в театральную школу, и в 1851 г. я, семилетняя девочка, с двумя знаменитыми актерами В. И. Живокини и И. В. Самариним в дилижансе поехала в Москву. В школе, к сожалению, я пробыла недолго, всего два года, и, вернувшись в Нижний Новгород, снова очутилась, разумеется, на подмостках Нижегородского театра.

В 1853 году сгорел театр в Нижнем Новгороде, в котором я играла, и мне пришлось поехать в Кострому, где я вместе с моей бабушкой, которая была уже очень стара и не могла быть актрисой, а заведовала «гардеробом», получали 25 рублей: я — десять рублей, а бабушка — пятнадцать рублей в месяц. Затем я играла в Пензе, а в 1856—1857 году опять в Нижнем Новгороде, во вновь отстроенном театре. Вот к этому-то времени относится мое знакомство с Тарасом Григорьевичем Шевченко.

Семья, в которой жила я, была большая; детей у моих родителей было двенадцать человек, жили мы бедновато. Разносолов не было: щи да каша, а по праздникам пирог. За стол садилось четырнадцать человек, а работников было двое: отец да я. Отец получал немного, а я 10—25 рублей в месяц. Отец был строг. И ни слезы, ни просьбы матери не смягчали его крутого нрава, который держал нас, детей, в страхе и повинении.

Помню, был такой случай: я должна была на сцене сказать свои слова партнеру, повернуться и уйти со сцены. На первой репетиции я повернулась неправильно, т. е. спиной к публике, меня поправили и сказали, что поворачиваться к публике спиной никогда нельзя — это неприлично, надо так поворачиваться, чтобы быть всегда лицом к публике. И на следующей репетиции я сделала поворот правильный, но на спектакле... О ужас! Я ошиблась и оскорбила эстетическое чувство чопорной публики, повернувшись к ней спиной. От страха у меня подкосились ноги, и я едва добежала к своей уборной, схватила свое пальтишко и опрометью бросилась домой.

Моя мать, Феона Ивановна, впустившая меня в дом, сразу заметила по моему лицу, что что-то случилось в театре недоброе. Узнав у меня, в чем дело, — стала меня журить, не вникая ни моим слезам, ни оправданиям. А мой отец, который видел сделанную мной ошибку на сцене, после окончания спектакля, идя домой, нашел на дороге случайно хороший кусок веревки, похожей на тяж от телеги, поднял его и с этим-то оружием в руках пришел домой и

спросил: «Где Катерина?» Катерина, дрожа от страха, вышла, стала «пред грозные очи родителя», ну и... Да, крутенок был мой родитель, и тяжела была его отцовская рука...

Пройдя «хорошую» школу, к пятнадцати годам я была уже настоящей актрисой, играла все, что было нужно: трагедии, комедии, оперетты, водевили с пением и мелодрамы.

Это было в 1857 году. Во время одного рядового спектакля, в котором я была занята и в водевиле с пением «Простушка и воспитанная», после последнего акта драмы в антракте, перед водевилем, наш антрепренер пришел за кулисы с каким-то неизвестным человеком в смазных сапогах и показал ему закулисное устройство нашего театра: наши уборные, бутафорскую и другие помещения сцены.

Этот незнакомец был великий украинский поэт Т. Г. Шевченко. С некоторыми актерами антрепренер познакомил Тараса Григорьевича. Была ему представлена и я. Я сделала перед Тарасом Григорьевичем реверанс — он протянул мне руку, глаза его пристально и ласково смотрели на меня. Он улыбнулся и сказал:

— Вами-то я всегда люблюсь, когда вижу вас на сцене.

Под гримом я покраснела до ушей. В смущении я что-то пробормотала, не зная, что мне нужно сказать, чтобы выразить ему свое удовольствие, свою радость по поводу знакомства с ним.

Мы все знали, что в Нижнем Новгороде живет Т. Г. Шевченко, знали о его возвращении из ссылки, но о возможности познакомиться с ним никто из нас и не мечтал. К моему смущению подоспел третий звонок помощника режиссера, и я еще раз сделала книксен перед Тарасом Григорьевичем, сказала:

— Мне надо идти на сцену... Сейчас начинают.

— Будьте как всегда прекрасны,— ласково пожимая руку, сказал Тарас Григорьевич.

Я побежала на сцену. Сердце мое колотилось так сильно и так часто, что я еле переводила дыхание. Какое-то необъяснимое волнение охватило меня от взгляда, звука ласкового голоса этого нового знакомого и от его теплого пожатия руки. В нем была какая-то обаятельная простота... Когда я вышла на сцену опять, вдруг в партере увидела ласковые глаза поэта, я невольно улыбнулась и вдохновение, творческий огонь охватил все мое существо.

Придя после спектакля домой, я долго-долго думала о своем новом знакомом, была задумчива и даже навлекла на себя неудобольствие Бориса Семеновича — моего отца. «О чем это вы, Екатерина Борисовна, все думаете? Или о ком?» Я ему ничего не ответила: думы, запавшие в мою голову о великом человеке, я глубоко хранила в моем сердце.

Вскоре после этого в Нижний Новгород приезжает знаменитый актер Михаил Семенович Щепкин. Это был бесподобный актер и изумительный человек и пользовался громадной славой как артист и глубоким уважением как человек. Происходил он из крепостных графа Волькенштейна и после семнадцатилетнего путешествия по матушке-России в качестве странствующего артиста он тридцать два года служил при Московском театре.

Михаил Семенович был большим другом Тараса Григорьевича, и приезжал-то он в Нижний Новгород в гости к Тарасу Григорьевичу.

чу, и по желанию Тараса Григорьевича и нижегородцев, которые узнали о приезде великого артиста, Михаил Семенович сыграл несколько спектаклей (пять или шесть). Михаил Семенович, увидев меня на сцене, сразу почувствовал во мне дарование, и в его гастролях я играла с ним, по его желанию, все главные женские роли. Участвовала я в пьесах «Матрос», «Мирандолина» («Хозяйка гостиницы») Гольдони, «Москаль-чаривный», в которой играла Татьяну. И вот эта-то роль, эта пьеса «Москаль-чаривный» и дала мне возможность, большую, незабываемую на всю жизнь радость, счастье видеть подле себя Тараса Григорьевича. Из дальнейшего моего рассказа будет ясно, что Тарас Григорьевич любил меня, как свое родное детище и даже еще горячее, и вот Тарас Григорьевич, а в угоду ему и Михаил Семенович Щепкин, учили меня украинскому языку и вдолбили мне роль Татьяны в оперетте «Москаль-чаривный» так, что по сей час я помню ее наизусть.

Сколько страха, волнений пережила я, когда старый маститый и такой знаменитый артист назначил мне эту трудную роль Татьяны. И как я была поражена, когда Михаил Семенович Щепкин пришел в театр с Тарасом Григорьевичем. «Ты, Тарас Григорьевич, обучи ее, она девица понятливая, талантливая, ты увидишь — она нас же порадует своей игрой».

И вот Тарас Григорьевич, познакомясь с моим отцом и моей матушкой, стал приходить к нам в наш скромный домик, в наше крохотное зальце с небольшими оконцами, крашеным полом и скромной обстановкой.

Была суббота. Моя мать и все дети были в церкви, спектакля не было... Вечерело... Я сидела в своей комнатушке, передо мной горела сальная свеча... Я углубилась в чтение роли Татьяны. Украинские слова были для меня новы и не совсем понятны... В передней раздался звонок. Я побежала отпереть дверь. Дверь распахнулась, и в переднюю вошел мой отец, а за ним стоял весь занесенный снегом Тарас Григорьевич Шевченко.

— Вот какого учителя нашел тебе, Екатерина Борисовна, наш старик Михаил Семенович.

Тарас Григорьевич стряхивал с воротника своей шубы снег, а я бросилась помогать ему снять ее.

— Не надо, не надо, серденько. Тарас давно сам себя и одевает и раздевает, — весело смеясь и снимая свою тяжелую шубу, сказал Тарас Григорьевич.

Мы вошли в комнату... Отец засуетился...

— Чайку бы нам... Мамаша, Феона Ивановна, небось с ребятами в церкви? — спросил отец.

Я ответила, что никого дома нет.

— Вот и отлично! Никто нам не помешает. Будем учиться, и чаю не надо! — бодро и весело сказал Тарас Григорьевич.

Я принесла свечу. Тарас Григорьевич раскрыл пьесу, которую он принес с собой. Я взяла свою роль, и, сидя за столом при тусклом свете одной сальной свечи, начался мой первый урок с Т. Г. Шевченко украинского языка для роли Татьяны в пьесе «Москаль-чаривный».

Тарас Григорьевич спокойно прочитывал каждое слово и терпеливо ждал, когда я правильно произнесу его. Он работал со мной

долго, свеча нагорала, коптела, приходилось срезать фитиль. Наклонившись над пьесой, Тарас Григорьевич исподлобья поглядывал на меня и одобрительно кивал головой, когда я постепенно начинала правильно выговаривать украинские слова.

До первого представления «Москаля-чаривняка» Тарас Григорьевич приходил к нам ежедневно, после репетиции и до вечера, до моего ухода на спектакль, разучивал со мной роль Татьяны.

Наконец настал день спектакля. Я волновалась, все мои сестры и мать готовили мне все нужное для спектакля. Тарас Григорьевич, с виду спокойный, лихорадочно блестящими глазами смотрел на торопливые приготовления и на всех нас и терпеливо ждал, чтобы со мной вместе пойти в театр.

Перед самым спектаклем Тарас Григорьевич сказал мне: «За вас, Катруся, я спокоен». И пошел смотреть представление. Его слова были для меня опорой, они дали мне уверенность в себе, и я, окрыленная ими, смело вышла на сцену.

После спектакля, который прошел с громадным успехом для меня и с положительным триумфом для Щепкина, Тарас Григорьевич пришел за кулисы в уборную к Щепкину и благодарил его за то наслаждение, которое он доставил своей игрой. Щепкин сказал ему, что наслаждение получил он, Щепкин, так как Пиунова — это первая актриса, которая так великолепно играла с ним Татьяну, а знаменитая Самойлова перед скромною Пиуновой просто солдатка.

Я была счастлива, что и Тарас Григорьевич вместе со мной разделяет мое счастье. Я чувствовала, что в его большой глубокой натуре зарождается ко мне что-то такое, что заставляет меня с каждой нашей встречей все больше и больше не считать его чужим, а родным, близким мне человеком. Его присутствие в нашем доме стало мне необходимым, с его приходом в мое сердце врывался каждый раз луч света, знания и чувство большой, большой радости.

Тарас Григорьевич приносил мне чудные книжки и читал их вместе со мной. Я учила наизусть стихи и монологи из пьес и декламировала их ему. Он мне часто говорил:

— Катруся, если ты будешь работать, то сделаешься великой актрисой.

Я была счастлива. И, как ребенок, который ждет прихода своей матери, ждала каждый день Тараса Григорьевича. И он приходил, всегда радостный, всегда вдохновенный. Как часто, сидя со мною вдвоем, он рассказывал мне о своем тяжелом изгнании, о той воле, которая совершила над ним это великое преступление...

Приходят мне на память наши дружеские беседы, когда за чашкой чая у самоварчика сидела я, Михаил Семенович Щепкин и Тарас Григорьевич. Ведь Щепкин во время своих гастролей каждый свободный вечер проводил со мной и с Тарасом Григорьевичем. Вот однажды я и рассказала своим друзьям свою обиду, которую мне нанесли богатые люди во время моего предбенефисного объезда знатной публики для приглашения на мой бенефис. В прежнее время бенефис был «наградой», которая давалась «первым сюжетам». Я же имела бенефис, когда получала всего десять рублей в месяц. Для того, чтобы сделать хороший сбор, нужно было быть любимицей публики, кроме того, нужно было делать «визи-

ты» с билетами на бенефис из дома в дом. Так вот, в одном доме меня приняли очень любезно, купили билет и подарили еще «в придачу» надетанное раз на бал тарлатановое платье. Эта подачка меня страшно обидела, но не взять было нельзя. Щепкин рассказал другой факт из его бенефисных объездов по знатным господам. В одном доме «знатный барин» принял его в зале и, не говоря ни слова, позвонил лакею и приказал провести Щепкина в столовую, чтобы экономка напоила его кофе. Пошел он с лакеем в столовую, и экономка Аграфена Яковлевна, которая была одна в комнате, так как господа только что откушали, напоила его кофе.

— Я,— говорил Щепкин,— выпил чашку кофе, едва справляясь с негодованием. Когда же я успокоился, то понял, что меня не хотели обидеть, а наоборот... Но способ оказать внимание человеку был груб, так как в этот дом не проникло еще чувство уважения к актеру как равноправному человеку. Ну все-таки мне было больно и обидно, ведь я тогда был уже признанным артистом и очень немолодым человеком, а ты еще такой «поросенок», которому «всякое даяние благо». Этому финалу рассказа до слез смеялся Тарас Григорьевич и говорил: «От так угостили: тебя (т. е. Михаила Семеновича) — кофе, а ты Катрусю — поросенком».

Тарас Григорьевич и после гастролей Щепкина бывал у нас ежедневно. Как велось в те годы, у барышень всегда были альбомы, куда им писали на память стихи или какие-нибудь изречения, такой альбом был и у меня, и вот в этот-то альбом написал мне Тарас Григорьевич следующие стихи:

Утоптала стежечку
Через яр.
Через гору, серденько.
На базар...
Я два шага — два шага
Пропила,
За копейку дудника
Найняла.
Заграй мені, дуднику,
На дуду,
Нехай своє лишенько
Забуду.

К большому моему огорчению, этот альбом у меня взял один «любитель литературы» ненадолго и зачитал его навсегда.

Тараса Григорьевича особенно любили мои маленькие сестры и братья, которых, как и вообще всех детей, очень любил и он. Они его, бывало, положительно облепят, и он целыми часами забавлялся с ними, пел им украинские песни, и особенно забавлял он детей песней, которую он научил их подпевать хором:

Поведу козла на базар,
Накуплю белил, румян.
Х о р:
Ах, чеберики-чок-чебери,
Жена, мила, бай-говори!

И дети самые маленькие так «начебериковывались», что, не умея выговаривать «Тарас Григорьевич», называли его «Чеберик» или «Чок-чеберик».

Вообще в нашей семье Тараса Григорьевича ужасно любили, да и как было не любить такого умного, такого обаятельного в обращении человека!

Как-то Тарас Григорьевич пригласил меня с моей матушкой кататься в саях, и мы поехали с ним в деревню Бор. Моя матушка, конечно, стала давно замечать и тревожиться о том, что Тарас Григорьевич все больше и больше начинает привязываться и любить свою Катрусю. Тревога ее была понятной — я была еще слишком молода, мне не было еще полных шестнадцати лет, а в эти годы девушка не может оценить и проверить по достоинству, понастоящему, ни своих чувств, ни чувств человека, который любит ее, и поэтому моя матушка старалась всеми силами отдалить назревавшую развязку, которая все-таки произошла и заставила меня, быть может, распорядиться своей судьбой и судьбой великого поэта не своей, а чужой волей. Во время нашего катания матушка моя приказала мне спеть Тарасу Григорьевичу песню: «Не ходи, девка, молода замуж, наберись ума-разума, да сундук добра, да короб холста» и т. д. Этой песней моя матушка хотела подчеркнуть мою молодость, слишком раннюю весну для любви, а тем более для брака.

Но все-таки в одно из своих постоянных посещений Тарас Григорьевич заявляет мне, что ему надо сообщить что-то важное. Моя мать, оставляя меня с Тарасом Григорьевичем в комнате, за спиной поэта погрозила мне пальцем и ушла в кухню.

Побеседовав с Тарасом Григорьевичем немного о театре, я стала собираться на репетицию и надела шляпу.

— Погодите, не уходите,— сказал мне Шевченко.

— Мне надо, Тарас Григорьевич, на репетицию,— ответила я ему.

— Серденько мое, погодите!

И он попросил меня позвать мою мать и отца.

Когда все были в сборе, Тарас Григорьевич обратился к моей матери и к моему отцу со следующими словами (дословно помню все, как сказал он):

— Слушайте-но, батько и матко (он очень часто так называл моего отца и мать), и ты, Катруся, прислухай. Вы давно меня знаете, видите: вот я, какой есть,— такой и буду. У вас, батько и матко, есть товар, а я купец — отдайте мне Катрусю!

Сделанное мне Тарасом Григорьевичем предложение произвело ошеломляющее впечатление на всех. Я вся пылала, мысли мои путались. Я, как пойманный зверек, смотрела то на Тараса Григорьевича, то на моих родителей и не знала, что мне делать, мне хотелось кинуться к нему и обнять его гениальную голову, благодарить за честь, но... грозные глаза моей матушки указывали мне на дверь, и я опрометью бросилась из дому, крича в ответ останавливавшему меня Тарасу Григорьевичу:

— Простите, Тарас Григорьевич, мне некогда! Мне надо на репетицию. Я не знаю, как папаша...

Вскоре после этого я получила от Тараса Григорьевича письмо, в котором он писал мне, что он меня любит и сделаться моим мужем для него величайшее счастье, но он должен покориться обстоятельствам, несмотря на которые чувства его ко мне никогда не изменятся. Это письмо я облила горькими слезами и хранила

его долгими, долгими годами. После всех пережитых мной волнений я получила от моего отца наказ не вводить в заблуждение Тараса Григорьевича и не давать ему надежд, так как женой его я быть не могу — для этого я слишком молода и слишком глупа. И я покорила воле родительской.

Как ни любили все Тараса Григорьевича, но тут вся семья переполошилась. Ведь мне еще пятнадцати лет не было! Ну что я понимала! Мне казалось, что в Тарасе Григорьевиче жениховского ничего не было. Сапоги смазные, дегтярные, тулуп чуть не нагольный, шапка барашковая самая простая, и в патетические минуты Тараса Григорьевича хлопающаяся на пол в день по сотне раз, так что если бы она была стеклянная, то часто бы разбивалась. Да, только все это представлялось и вспоминалось, а о душевном мире, об уме великого поэта позабыла, разуму не хватило!..

После долгих жарких разговоров решили — ждать год, а то и два... Уехал Тарас Григорьевич вскоре в Питер, и кто же не помнит, что творилось во время его приезда туда!

Много писем было получено моим отцом от Тараса Григорьевича — а прямого ответа не было, но... приехал из Екатеринбурга Максимилиан Карлович Шмидтгоф, произвел на Катрυσю сильное впечатление... Весною на пасхе послали Тарасу Григорьевичу окончательный ответ... Я вышла замуж за Шмидтгофа Максимилиана Карловича.

Так закончила свой рассказ моя матушка о незабываемых днях, проведенных с великим поэтом в тесном кругу родной семьи и на подмостках театра.

Е. Ф. Юнге

ВОСПОМИНАНИЯ О ШЕВЧЕНКО

Недавно вышла в свет биография Шевченка, изданная г. Чалым, — биография, написанная тепло, как видно, почитателем Шевченка. Она, конечно, не исчерпывает всего, что можно сказать о нашем великом поэте и его произведениях, но, как сам автор ее говорит, это скорее материал для биографии. Сделать критическую оценку произведений Шевченка и определить его место в нашей литературе предстоит еще будущему. В монографии Чалого более всего обращено внимания на личность самого Шевченка, и личность эта, сколько мне кажется, очерчена не совсем верно. Познакомившись с этой монографией, читатель, не знавший Шевченка, должен представить его себе человеком, хотя и прекрасным в сущности, но, по своим внешним манерам, — циничным и невозможным в обществе; читатель неминуемо должен сказать себе: «Восхищаться стихами Шевченка я готов, но принять его у себя в доме не желал бы». Между тем даже из книги г. Чалого видно,

что Шевченко был принят в аристократических домах. Был ли Шевченко в кругу своих земляков и друзей таким, как его описывает г. Чалый, или увлекло последнего патриотическое чувство, и он, желая к тому духовному единству со своим народом, которое составляет высокое достоинство Шевченка, прибавить еще и внешнее сходство его с мужиком-хохлом, прибавил слишком много ярких красок — не берусь судить. Но и я близко знала Тараса Григорьевича, и на меня он производил совсем другое впечатление.

Считая, что такая историческая личность, как Шевченко, требует освещения со всех сторон и что самые мелочи, касающиеся такого человека, могут быть важны, я решаюсь предать гласности мои воспоминания о Шевченке или скорее впечатление, которое оставил во мне тот, чья душа всегда казалась мне еще прекраснее его поэм. Да простит мне читатель неумелость моего пера и то, что я принуждена буду говорить и о себе в этом рассказе.

Я прочла где-то, что отец мой, граф Федор Петрович Толстой, способствовал освобождению Шевченка из крепостной зависимости. Может быть, отец и был участником в этом деле, так как он был горячий ненавистник крепостничества, живо сочувствовал начинаниям молодого поэта и художника и был дружен с Жуковским, но я ничего об этом не знаю; отец мой был человек очень скромный и вообще мало говорил о себе. Поэтому я начну с того, что сама помню.

В зиму 1855—1856 года в семье нашей чувствовалось большое возбуждение: отец ездил к министру двора, к великой княгине Марии Николаевне, стараясь выхлопотать прощение Шевченке, который был, как говорили тогда, самим государем вычеркнут из списка политических преступников, помилованных по случаю восшествия на престол. Повсюду отец получил отказ. Тогда он решился действовать на свой страх и подать прошение ко времени коронации.

Моя мать переписывалась с Шевченком; получались от него письма, часто на клочках серой оберточной бумаги, сначала длинные, с надсаждающей сердце тоской, потом короткие, полные благодарности и надежд. Детские души чутки к добру и всей своей неиспорченной силой стоят за правду; мы, сестра и я, своим переполненным сострадания сердцем полюбили Шевченка, прежде чем увидели его. С трепетом ожидали мы ответа на прошение отца. И вот осенью 1857 года в один вечер нас, уже спавших крепким сном, будят словами: «Вставайте, дети! большая радость!» Мы, одевшись наскоро, выбегаем в залу, а там — отец, мать, художник Осипов, все домашние; на столе разлитые, шипящие бокалы шампанского... «Шевченко освобожден!» — говорят нам, целуя нас (как в светлое воскресенье), и мы с неистовым криком восторга скачем и кружимся по комнате...

Все затруднения и проволочки, которые испытал Шевченко, пока добрался до Петербурга, известны читателям. Наконец наступил желанный день, когда мы должны были увидеть его. Мы с матерью не поехали на железную дорогу, мы хотели встретить его дома. С замиранием сердца ждали мы. Раздался звонок, вошел он, с длинной бородой, с добродушной улыбкой, с полными любви и

слез глазами. «Серденьки мои, други мои, родные мои!» Уж и не знаю, что тут было: все целовались, все плакали, все говорили зараз...

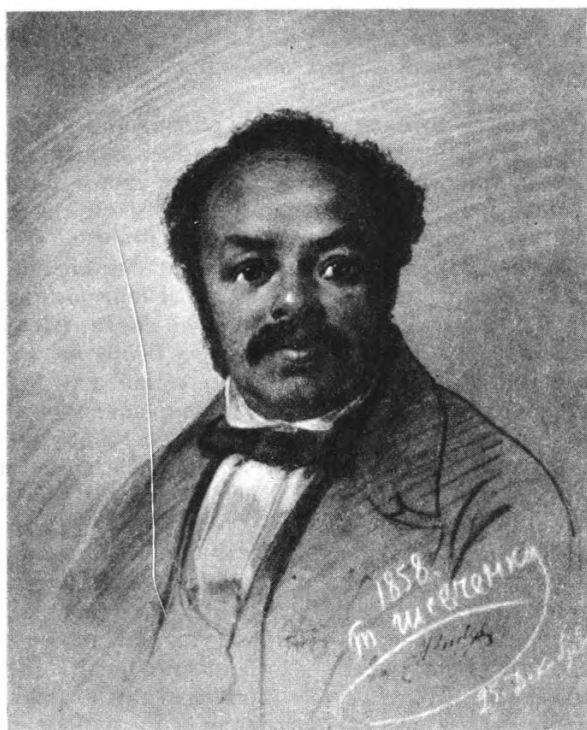
По предписанию, Шевченко должен был жить у отца, так как был у него на поруках; но за неимением места в нашей квартире он получил тут же в здании Академии художеств две комнаты, мастерскую и спальню. Здесь он со всею страстью своей пылкой натуры принялся за работу, за свои офорты, о серьезных достоинствах которых я говорить не буду, так как это не входит в мою задачу. Каждый удачный оттиск приводил Тараса Григорьевича в восторг.

Жизнь Шевченка потекла хорошо и радостно. Окруженный теплой дружбой и теми интеллектуальными наслаждениями, которых он так долго был лишен, он как-будто ожил и своим ласковым обращением оживлял всех окружающих. Наш дом он считал своим, и потому почти все его друзья и приятели малороссы бывали у нас. К ним присоединялся наш интимный кружок, состоявший из поэтов, литераторов и ученых; быстро проходили вечера в интересных беседах и спорах; незаметно засиживались до света. Шевченко сильно горячился в споре, но горячность его была не злостная или заносчивая, а только пылкая и какая-то милая, как все в нем. Он был замечательно ласковый, мягкий и наивно доверчивый в отношении к людям; он во всех находил что-нибудь хорошее и увлекался людьми, которые часто того не стоили. Сам же он действовал как-то обаятельно, все любили его, не исключая даже и прислуги.

Никто не был так чуток к красотам природы, как Шевченко. Иногда он неожиданно являлся как-нибудь после обеда. «Серденько мое, берите карандаш, идем скорей!» — «Куда это, позвольте узнать?» — «Да я тут дерево открыл, да еще какое дерево!» — «Господи, где это такое чудо?» — «Недалеко, на Среднем проспекте. Да ну идем же!» И мы, стоя, зарисовывали в альбомы дерево на Среднем проспекте, а там проходили и на набережную, любовались закатом солнца, переливами тонов, и не знаю, кто больше восторгался — 14-летняя девочка или он, сохранивший в своей многострадальной душе столько детски свежего. Незабвенными останутся для меня наши поездки в светлые северные ночи на тоню, на взморье. Тут и пили и пели, но если бы Шевченко позволил себе какое-нибудь излишество или неприличие, то это несомненно коробило бы и меня и мать мою, так как тогда существовал иной взгляд на воспитание девушки. В продолжение двух лет, как я видалась с Шевченко, за редкими исключениями, каждый день — я ни разу не видела его пьяным, не слышала от него ни одного неприличного слова и не замечала, чтоб он в обращении чем-либо отличался от прочих благовоспитанных людей. Мы знали, конечно, о его слабости к крепким напиткам и старались удерживать его от этого, но единственно из опасений вреда его здоровью, опасений, которые, к несчастью, и оправдались потом. «Только, смотрите, не ром с чаем, а чай с ромом», — говорила я, смеясь, ставя перед ним граненый графинчик.

Раза два приезжал навестить своего друга Щепкин. Он превосходно читал поэмы Шевченка; но самым выдающимся событием этого времени был приезд в столицу африканского трагика

Айры Олдриджа. Шевченко не мог не сойтись с ним, в них обоих было слишком много общего: оба — чистые, честные души, оба — настоящие художники, оба имели в воспоминаниях юности тяжелые страницы угнетения. Один, чтобы попасть в страстно любимый театр, вход куда был запрещен «собакам и неграм», нанялся в лакеи к актеру, другой был высечен за сожженный за рисованием огарок...

Т. Г. Шевченко
Портрет Айры Олдриджа
Карандаш. 1858

Они не могли объясняться иначе, как с переводчиком, но они пели друг другу песни своей родины и понимали друг друга. Олдридж, затруднявшийся произносить русские имена, не иначе называл Тараса Григорьевича, как «the artist»¹. Часто присоединялся к ним Антон Григорьевич Контский, аккомпанировал Шевченке малороссийские песни, наводил тихую грусть торжественными звуками моцартовского «Requiem'a» и вновь оживлял присутствующих мазуркой Шопена. Иногда все гости наши хором пели «Вниз

¹ Художник.

по матушке». Музыка приводила Олдриджа в восторг, русские песни и особенно малороссийские нравились ему.

Г-н Чалый говорит по поводу посещения Олдриджем мастерской Шевченка, который рисовал его портрет: «Являлся Олдридж, комната запиралась на ключ, и бог их знает, о чем они там говорили». Впрочем, знаю несколько и я, так как всегда присутствовала при этом, и охотно делюсь с читателями. Приходили мы к Шевченке втроем: Олдридж, моя десятилетняя сестра, которую Олдридж, после того как она заявила, что хотя он и негр, но она сейчас пошла бы за него замуж, называл своей «little wife»¹, и я. Трагик серьезно садился на приготовленное место и сидел несколько времени торжественно и тихо, но живая натура его не выдерживала, он начинал гримасничать, шутить с нами, принимал комически испуганный вид, когда Шевченко смотрел на него. Мы все время хохотали. Олдридж получал позволение петь и затягивал меланхолические, оригинальные негритянские мелодии или поэтические старинные английские романсы, совсем у нас неизвестные. Тарас слушал и заслушивался, а карандаш празднично опускался на колени. Наконец, Олдридж вскакивал и пускался плясать какую-нибудь «gig»², к вящему восторгу моей сестренки. Потом мы все отправлялись к нам пить чай. Несмотря на оригинальность таких сеансов, портрет был скоро окончен, подписан художником и моделью и находится теперь у меня.

В 1859 году пришел в Петербург Н. И. Костомаров и тоже сделался нашим постоянным гостем. Какие были отношения между им и Шевченком, лучше всего показывает маленький анекдот, рассказанный самим Тарасом Григорьевичем: «Прихожу я вчера к Костомарову, звоню, он сам открывает; «Черт,— говорит,— тебя принес мне мешать заниматься!» — «Да, мне,— говорю,— тебя, пожалуй, и не надо, я к твоему Фоме пришел, хочу поклон твоей матери послать, до тебя мне и дела нет». И просидели мы с ним после такой встречи до глубокой ночи, я уходить хочу, а он не пускает».

Весною 1860 года Шевченко и Костомаров по обыкновению встречали у нас пасху, последнюю в жизни Шевченка. За чашкой кофе Тарас Григорьевич с Костомаровым затеяли один из тех горячих споров, где высказывались разность взглядов этих двух людей на некоторые вопросы, но где, в самой живости прений, в нападениях одного, в ласковом подтрунивании другого, просвечивали их взаимное доверие и дружба. Разговор затянулся так долго, что взошла заря, и все мы отправились смотреть восход солнца. Шевченко любил набережную, сфинксов перед Академией и вид, открывающийся с площадки перед биржей. Туда направились мы, весело болтая и не думая, что никогда уже не встретим светлого праздника все вместе.

Одно облако было на небосклоне Кобзаря: его тянуло в дорогу его Украину! Как часто говорил он мне о своей милой родине, говорил так много, так хорошо! Он описывал и степи с их одинокими курганами, и хуторки, утопающие в черешневых садах, и старые вербы, склонявшиеся над тихим Днепром, и легкие душегубки,

¹ Маленькой женой.

² Джигу.

скользящие по его поверхности, и крутые берега Киева с его златоглавыми монастырями: «Вот бы где нам пожить с вами, вот бы где умереть!» И, слушая восторженную поэтическую речь, я полюбила незнакомый мне край.

Но мягкая и добрая душа Шевченка была слишком чувствительна ко всякой ласке; он так согрелся в дружественной и сочувственной ему обстановке, что не мог надолго предаваться меланхолии и искренно говорил: «Я так счастлив теперь, что вполне вознагражден за все мои страдания и всем простил».

Осенью того года мы уехали за границу и имели сведения о Шевченке через Н. И. Костомарова и мою тетку, сестру моей матери, Екатерину Ивановну Иванову. От них узнали мы об его несчастном сватовстве. Тетушка моя писала, что он последнее время стал очень раздражителен, упрямо шел против друзей, отклонявших его от этой женитьбы, и, после разрушения его воображением созданного кумира, стал сильно пить.

Повторяя, что, по моему мнению, даже мелочи, касающиеся людей, выходящих из ряда, могут быть важны, я считаю нелишним заметить, что, во-первых, нареченная невеста Шевченка, Лукерья, никогда не жила у моей тетушки. Правда, что Тарас Григорьевич умолял ее взять к себе Лукерью, но, зная нрав сей последней и не предвидя добра от этого сватовства, она побоялась каких-нибудь неприятностей и наотрез отказалась хотя бы на одну ночь приютить Лукерью. Но она помогла найти квартиру неподалеку, куда и была помещена невеста, которую Шевченко ежедневно посещал, никогда не оставаясь у нее позже девяти часов вечера. Вторых, приведенное г. Чалым стихотворение: «Посажу коло хатини», посланное, по словам последнего, осенью 1860 года к Варфоломею Григорьевичу на особом лоскутке бумаги с надписью: «Тільки що спечене, ще й не прохолонуло», находится у меня в альбоме, написанное рукой Шевченка и подписанное 6 декабря 1859 г.; стало быть, не могло относиться к Лукерье, которую он тогда еще не знал.

Как громом поразила нас неожиданная весть о смерти Шевченка. На чужбине отслужили мы по нем панихиду, но мысленно были вместе с друзьями, около его гроба, сливаясь сердцем с их скорбью. Было что-то бесконечно горькое, трагическое в этой смерти, случившейся именно в тот момент, когда все мечты поэта, все желания, для которых он жил, так светло и радостно исполнялись. Освобождение крестьян всходило над Россией новою зарею, его певцу позволено было свить желанное гнездо на любимой родине, а судьба со злою насмешкой подкосила его жизнь. Шел он тернистым и мрачным путем к мерцавшему его вѣщей душе свету и вот почти дошел, уже озаряло его сияньем, уже охватывало его теплыми лучами, а он пал холодным трупом, не насладившись, не упившись новым счастьем.

Надо надеяться, что найдется даровитый писатель, который достойно передаст потомству поэму жизни украинского Кобзаря, этого печальника народного, который в последний миг увидел, как открывалась для народа обетованная земля, увидел — и закрыл глаза навеки, как будто ему, борцу и страдальцу, не оставалось более дела на земле! Не дается, видно, личное счастье людям, призванным служить человечеству. Не далось оно и нашему Тарасу

Григорьевичу, зато память о нем осталась жива и светла в душе его друзей и поклонников и, как живой, встанет его прекрасный образ перед всяким, кто когда-либо прочтет его жгучие и нежные, полные любви творения, так ярко рисующие его личность.

А. М. Лазаревский

ВСТРЕЧИ С Т. Г. ШЕВЧЕНКО
В ПЕТЕРБУРГЕ

...Новопетровское укрепление находилось на восточном берегу Каспийского моря, на полуострове Мангышлаке. Мангышлак состоит из двух полуостровов: Бузачи и собственно Мангышлака, разделенных горами Актау. Этот полуостров Мангышлак выдается в море гористым мысом (Тюк-Караган), на оконечности которого и находилось Новопетровское укрепление. История последнего такова. До 30-х годов настоящего столетия северо-восточный берег Каспийского моря представлял собою совершенную пустыню, в которой только кочевали киргизы и отчасти туркмены. Местность эта входила в состав Оренбургского губернаторства, и в 1832 г. оренбургский губернатор гр. Сухтелен поручил офицеру Корелину обозреть северо-восточный берег Каспийского моря и выбрать там место для постройки крепости. На выбранном Корелиным месте, при заливе Мертвый Култук, в 1833 году было устроено Новоалександровское укрепление. Местность последнего скоро оказалась почему-то неудобною, и в 1839 году капитану генерального штаба Широкову и капитан-лейтенанту Бодиско поручено было поискать там же, на северо-восточном берегу Каспийского моря, лучшее место для перенесения туда укрепления. На этот раз выбрана была Николаевская гавань у мыса Тюк-Караган, и в 1845 году на этом месте, на высотах Курган-Таш, и было устроено укрепление, получившее название Новопетровского, а Новоалександровское укрепление тогда же было упразднено.

Возведенное на мысе Тюк-Караган укрепление одной стороной прилегало к морю, а другой — к стене, по которой от Мангышлака шла дорога на Хиву. Вид укрепления с этой стороны и нарисовал Тарас Григорьевич... Пустыней веет от этого рисунка... Да, пустыня, пустыня безжизненная тут и была... Это была песчаная степь с характерною своею растительностью: полынь, саксаул, солянка, верблюжья колючка — вот те травы, которые тут только и растут. Действительно это была пустынейшая пустыня, как выразился о Новопетровском укреплении ротный командир Тараса Григорьевича Косарев в своем рассказе о возникновении этого укрепления.

Я имел возможность близко знать Шевченка в последний год его жизни в Петербурге. В первый раз я видел Тараса Григорье-

вича, когда он приехал весной 1858 г. из ссылки в Петербург. Приехав сюда, он поселился в квартире у брата Михаила Матвеевича Лазаревского, на Мойке, в доме графа Уварова. В этом же доме жил и я, в особой квартире, рядом с «музеем» гр. Уварова, так как и музей этот, и петербургская библиотека гр. А. С. Уварова находились тогда в моем смотрительстве. Живя с младшим братом студентом в этой музейной квартире, мы имели обед, или, как говорят в Киеве,— «столовались» у Михаила Матвеевича. У него же обедал и Тарас Григорьевич. Каждый день за обедом сходились мы, следовательно, с Шевченком и каждый день приходилось слушать нам его одушевленную беседу, большую частью, впрочем, вертевшуюся на событиях дня, на встречах Шевченка с его старыми приятелями и жалобах на постоянное приобретение новых, спешивших знаменовать свое знакомство с поэтом дорогими обедами у разных Дононов. В это время ежедневно почти встречался я с Тарасом Григорьевичем до лета 1858 г., когда, по окончании университета, переселился, вместе с музеем и библиотекою гр. Уварова, в Москву. Сколько помню, в эти первые месяцы петербургской своей жизни Тарас Григорьевич вел жизнь довольно рассеянную, чему главную причину было, по-видимому, неимение своего угла. Совсем другую жизнь повел Тарас Григорьевич, когда переселился в Академию художеств, где ему отведена была в длинном коридоре большая комната (с антресолям), причем на дверях этой комнаты поэт написал мелом крупных размеров монограмму — III. (понимай: Т. и Ш.). В Академии художеств застал я Тараса Григорьевича в 1860 г., когда вернулся в Петербург. Тогда же и брат Михаил Матвеевич переменял уваровскую свою квартиру и поселился в пятой (кажется) линии Васильевского острова, в доме Воронина, как раз против Академии художеств. Вот в это время мы опять стали ежедневно сходитьсь с Тарасом Григорьевичем за обедом у Михаила Матвеевича, у которого «столовался» и Тарас Григорьевич, и я с младшим братом студентом. Помню хорошо это время, как, бывало, мы, с младшим братом, голодные, ждали возвращения старшего брата со службы, чтобы приняться за еду... Вот в эти моменты приходил к обеду и Тарас Григорьевич. Входил он в комнаты, обыкновенно, распевая какую-нибудь песню; чаще всего пел он в это время:

Понад морем-Дунаєм
Вітер явір хитає,
Вітер явір хитає,
Мати сина питає:
Ой сину мій Іване,
Дитя моє кохане,
Як я тебе родила,
Світом важко нудила

и т. д.

Возвращался со службы брат, и вслед за тем вынималась из буфета водка; наливались две рюмки, одна для хозяина, а другая для Тараса Григорьевича. Мы с братом «столовались» без водки, что давало повод Тарасу Григорьевичу, выпивая водку, замечать: «Хто п'є, той кривиться, а кому не дають, той дивиться»,— и при этом бросать лукавый взор на «дивящихся»... Иногда Тарас Григорьевич при этом представлял за последних и, обращаясь

к хозяину, говорил: «Слухай, Михайле, нехай уже й хлопці вип'ють по чарочці...» За обедом обыкновенно начиналась беседа, в которой первенствовал поэт, благодушно доказывая, например, что А. Гумбольдт не более, как придворный угодник и напрасно-де его так прославляют... Мы, «хлопці», начинали спорить, а этого, по-видимому, и хотел, бывало, Тарас Григорьевич. Беседа оживлялась; «хлопці» возвышали голос, а Тарас Григорьевич, благодушно улыбаясь, подзадоривал...

Очень нередко Тарас Григорьевич приходил к обеду с листком бумаги в руке; это были какие-нибудь новые его стихи, написанные на обороте пробного его же офорта. Вот этот листок отдавал он обыкновенно одному из «хлопців» для переписки, оставляя им за труд свой автограф. Большею частью Тарас Григорьевич отдавал при этом стихи для переписки младшему из «хлопців», потому ли, что он яснее писал, или потому, что он был благодушнее — не знаю...

Много лет прошло со времени этих ежедневных встреч с поэтом, но у меня и до сих пор сохранилась ясная память о тогдашнем благодушии Тараса Григорьевича, о его живости, о его любвеобилии. Как-то легко и светло было впечатление от общения с этим человеком... Живой человек, а не мертвый — был Тарас Григорьевич Шевченко!..

А. А. Благовещенский

ШЕВЧЕНКО В ПЕТЕРБУРГЕ (1858—1861)

...10 февраля 1858 года последовало всемилоостивейшее соизволение на проживание отставному рядовому Шевченку в Петербурге и на посещение классов Академии для усовершенствования в искусстве, с тем, однако, чтобы он подвергнут был строгому полицейскому надзору и чтобы начальство Академии художеств имело за ним должное наблюдение, дабы не обращал во зло своего таланта.

Шевченко, находившийся тогда в Нижнем Новгороде, получил известие об этом от М. М. Лазаревского 25 февраля, в день своих именин.

«Сегодня графиня (Толстая), — писал Лазаревский, — прислала мне Сераковского, чтобы я непременно приехал к ней. Она объявила мне, что по просьбе графа Федора Петровича тебе дозволено жить в Петербурге, под надзором полиции и под руководством графа, для продолжения изучения живописи в Академии художеств. Графиня чрезвычайно рада, что ты приедешь сюда (ах, если бы ты знал доброту ее сердца и желание делать как можно более добра), и просит тебя, чтобы ты поспешил. Она говорит, что ты должен представиться президенту Академии. что тобою интересуются теперь все художники и желают скорейшего твоего приезда. Зная со

слов Овсянникова и Шрейдерса, что ты уже свыкся с Нижним, я не знаю, как ты примешь настоящее известие, но искренно скажу, что я рад, очень рад не только тому, что увижу тебя, но что здесь можешь жить и лучше и полезнее для себя и других в физическом и нравственном отношениях. Посылаю тебе в особом конверте 50 рублей, на дорогу станет, а то здесь деньги нужней».

Т. Г. Шевченко
Портрет Ф. П. Толстого
Офорт. 1860

1 марта на имя нижегородского губернатора получена была от министра внутренних дел официальная бумага о дозволении Шевченку жить в Петербурге, а 2 марта он получил от графини А. И. Толстой следующее письмо:

«Итак, заветные мечты мои сбываются: я увижу вас скоро, наш желанный гость, Тарас Григорьевич! Вот уже неделя, как при-

шла бумага с разрешением государя жить вам в столице и посещать Академию. Приезжайте скорей! Не могу больше писать: руки дрожат от нетерпения и радости».

В ожидании полицейского пропуска в Петербург Тарас Григорьевич занялся перепиской «Ведьмы» для печати и поправкой «Лилеи» и «Русалки».

Т. Г. Шевченко
Портрет М. М. Лазаревского
Карандаш, мел. 1858

7 марта он прощался со своими нижегородскими друзьями и заключил свое расставание у М. А. Дороховой тостом за здоровье «святой заступницы» графини А. И. Толстой.

8 марта Шевченко оставил Нижний Новгород, шестнадцать дней прогостил в Москве у М. С. Щепкина, навестил там княжну Репнину, С. Т. Аксакова, Мокрицкого, Бодянского, Забелина, Якушкина и др., а 27 марта приехал в Петербург и прямо с вокзала отправился

к своему другу М. М. Лазаревскому. Вечером в тот же день пошел к графине Толстой, у которой зимние литературно-художественные вечера еще не закончились. «Сердечнее, радостнее не встречал меня никто, и я никого, как встретились мы с моей святой заступницей и графом Федором Петровичем», — говорил Шевченко. На другой день графиня Толстая представила Шевченка своим знакомым, а 12 апреля устроила обед в честь его возвращения. В июне месяце Шевченко переехал в большое здание Академии художеств, где ему отведена была маленькая, в одно окно, мастерская, с антресолями для сна (по правую сторону церкви); переехал он сюда с тем, чтобы заняться гравюрой. «О живописи, — писал он в своем дневнике, — теперь нечего и думать! Я и прежде был посредственным живописцем, а теперь и подавно. Десять лет неупражнения в состоянии сделать из великого виртуоза кабашного балалаечника».

Гравировальным классом в Академии художеств руководили тогда заслуженный 80-летний профессор Н. И. Уткин и автор гравюры с Рафаэлева «Преображения господня» и хранитель эстампов в императорском Эрмитаже Ф. И. Иордан. Учениками Иордана были Ефимов, Пожалостин и Александров, у Уткина — один Д. Лебедев. 3 мая 1858 года Шевченко в Эрмитаже встретился и познакомился с Иорданом. Больше трех часов ходили они по эрмитажным залам, долго останавливались перед разными известными картинами и эстампами. В заключение Иордан предложил Шевченку бывать у него и пользоваться советами. «Итак, — замечает Шевченко, — с божиею и Иордановою помощью принимаюсь за опыты». С этого же времени он стал подбирать кой-какую коллекцию эстампов и хлопотать о мастерской в Академии. Перед выездом из Новопетровского укрепления поэт думал исключительно заняться гравюрой. «Для этого, — писал он в своем дневнике, — достаточно будет двух лет. Потом уеду на дешевый хлеб в мою милую Малороссию и примусь за исполнение эстампов, и первым эстампом моим будет «Казарма» с картины Теньера... Из всех изящных искусств теперь мне более всего нравится гравюра... сколько прекрасных произведений, доступных только богатым, копилось бы в мрачных галереях без гравюры! Кроме копий с великих мастеров, я думаю со временем выпустить в свет и собственное чадо: «Притчу о блудном сыне», приноровленную к современным нравам купеческого сословия». С другой стороны, некоторые из друзей советовали ему и в гравюре придерживаться сюжетов из истории и современного быта Малороссии. Шевченко, взявшись за гравюру, видимо, интересовался великим в офорте и живописи Рембрандтом; начал рисовать и гравировать копии с офортов этого знаменитого голландского мастера, стремился воспроизводить картины русской живописной школы, являлся и портретистом. Из всех видов гравирования ему полюбилось больше всех гравирование на меди крепкой водкой (а l'eau forte). Почти все его гравюры 1858—1861 г. исполнены этим способом. Первыми граверными опытами Шевченка были: 1) пять копий с гравюр Рембрандта: «Виноградари», «Сцена в купеческой конторе» и др., 2) две хохлушки, 3) одалиска, 4) головка, 5) собственный портрет художника, 6) малороссийский крестьянин-странник и 7) «Спящая женщина с открытою грудью и папироской в руке».

В апреле 1859 г. Шевченко, представляя некоторые из этих гравюр на усмотрение совета Академии художеств, просил удостоить его звания академика или задать программу на получение этого звания. Совет 16 апреля постановил признать его «назначенным в академики и задать программу на звание академика по гравированию на меди». Кроме этого важного для Шевченко поощрения со стороны Академии, товарищ президента граф Ф. П. Толстой тогда же рекомендовал его с самой лучшей стороны министру императорского двора графу Адлербергу. Испрашивая ему разрешение отправиться на пять месяцев в Малороссию для рисования этюдов с натуры, граф Толстой, между прочим, 5 мая 1859 г. писал министру двора, что отставной рядовой художник Шевченко, со дня приезда в Петербург, занимался с особенным успехом частью живописью, а в особенности гравированием на меди. Мы не знаем, какая программа задана была Шевченку от совета на звание академика. Несомненно, что на годичную академическую выставку 1860 г. в залах Академии им доставлены были пять гравюр а l'eau forte: «Вирсавия» с картины Брюллова, два пейзажа с А. Мещерского и М. Лебедева, собственный портрет и этюд и, кроме того, собственный живописный портрет. Получить академическое звание экспоненту тогдашних выставок вообще было нелегко. На выставке 1860 г. в ряду 370 экспонатов по живописи, акварели, скульптуре, гравированию и архитектуре обращали на себя общее внимание картины художников К. Брюллова («Осада Пскова»), Ф. Завьялова («Сошествие Христа в ад»), Плешанова («Обращение св. др.»), Реймерса («Праздник в Риме»), братьев Чернецовых и мн. др., ученические произведения К. Маковского, Г. Мясоедова, И. Пелевина, А. Литовченка, В. Якоби, М. Клодта, В. Перова, А. Попова и др., гравюры Пожалостина, М. Старикова и др. С другой стороны, в ряды соискателей академических званий, наряду с Шевченком, встали пенсионеры академии: А. Мещерский, В. Сверчков, М. Бочаров, И. Кабанов, М. Клодт, А. Чернышев, академики Лагорио, М. Эрасси, И. Соколов, В. Худяков, художники А. Бейдеман, К. Бадри, Р. Брандт и мн. др., больше десятка иностранных художников, между ними профессора академий: Берлинской — гравер Лидериц, Венской — Циммерман, Дюссельдорфской — А. Ахельбах, президент Женевского общества изящных искусств Ш. Эмбер и мн. др. Работы всех этих конкурентов рассматривались и оценивались ректорами К. Тоном, Ф. Бруни, профессорами Басиным, А. Марковым, Нефом, Виллевальде, С. Воробьевым, П. К. Клодтом, Уткиным, Пименовым, Иорданом, Лялинским и др. В обходах выставки участвовали также товарищ президента академии граф Ф. П. Толстой, вице-президент князь Г. Г. Гагарин и конференц-секретарь Ф. Ф. Львов. В предварительном заседании академического совета 2 сентября 1860 года Шевченко, наряду с живописцами А. Бейдеманом, Ив. Борниковым, В. Пукиревым и др., признан был академиком по гравированию «в уважение искусства и познаний в художествах».

Имена Шевченка и других вновь избранных членов академии провозглашены были, при звуке труб и литавр, на общем годичном торжественном собрании академии 4 сентября конференц-секретарем Ф. Ф. Львовым. Кроме названных гравюр, Шевченком исполнены также еще следующие гравюры: копия с картины Му-

рильо «Святое семейство», маленький малороссийский пейзаж, к «Цыганам» Пушкина, «Король Лир» и несколько портретов графа Ф. П. Толстого, Ф. А. Бруни, П. К. Клодта, знаменитого в свое время трагика Айра Олдриджа и наконец самого художника. Собственных портретов в 1860 г. награвировано им четыре (три на меди крепкой водкой и один на стали); сделаны они с разных оригиналов, но довольно схожи между собою и представляют Шевченка уже в пожилых годах. Один портрет воспроизводит его в бараньей шапке, другой в шубе и меховой шапке, третий в шубе без шапки.

Кроме гравирования, Шевченко в 1858—1861 гг. рисовал сепией, карандашом и акварелью. Сюжеты для своих рисунков и эскизов он брал по преимуществу из истории и современного быта Малороссии, а также из родной ему природы. Сюда относятся: большой рисунок сепией «Днепровские русалки», наброски: «Хмельницкий пред крымским ханом», «Смерть Хмельницкого», «Мазепа, умирающий в присутствии Карла XII» и др. К этому же времени относится ряд набросков и рисунков, изображающих казарменные сцены и местности в каспийских степях.

Вообще в своих гравюрах и рисунках 1858—1861 г. Шевченко является даровитым художником-реалистом, хотя и разбрасывающимся: он как офортист брался и за портрет, и за жанр, и за пейзаж, и за случайную иллюстрацию. К сожалению, жизнь его в Петербурге складывалась неблагоприятно для занятий искусством. Гравюра требовала упорного труда, усидчивости, кропотливости, а у Шевченка не проходило дня, чтобы его не позвали на обед, на вечер, на театр, на прогулку, на пельмени и вареники — любимые блюда поэта. «Даже писем не дают написать: нужно куда-нибудь спрятаться. Боюсь, как бы не сделаться модной фигурой», — говорил Шевченко. Вечера он проводил у графа Ф. П. Толстого, Лазаревских, Костомарова, Полонского, Жижиленка, в музыкальном семействе И. Л. Гринберг и многих других. Вхож он был также во многие светские дома, например, Демидовых, Мусиных-Пушкиных и др., куда обыкновенно приглашались на вечера писатели и художники. В семействе графа Толстого он был принят как свой, как родной, ходил туда чуть ли не каждый день, а иногда и несколько раз. Квартира графа Толстого, кстати заметим, была тогда местом собраний ученых, литераторов и художников. В назначенные дни недели в ней собирались все, что было в Петербурге хорошего, образованного, отличавшегося своими дарованиями. В особых случаях графиня А. И. Толстая обыкновенно посылала Шевченку приглашительные записочки.

30 декабря 1859 г. она, например, писала: «Пожалуйста, Тарас Григорьевич, приходите завтра от 7 до 10 часов; у нас будет читать Олдридж. Пригласите Гулака, Степановича и Кулиша». Игра африканского трагика Айра Олдриджа в ролях шекспировского репертуара производила на Шевченка сильное впечатление. Он почитал Даргомыжского и Глинку и вообще страстно любил музыку и пение, а иногда и сам пел тенором. Его любимыми песнями были «Ой зійди, зійди, зіронько» и волжская бурлацкая.

На вечерах Тарас Григорьевич... был добродушен и разговорчив, а если с ним заговаривал несимпатичный ему человек, то

становился резок и придиричив. М. О. Микешин обыкновенно провожал его на вечера и обратно. 4 июля 1858 г. Шевченко между прочим писал своему приятелю, коменданту Новопетровского укрепления И. А. Ускову: «В Питере мне хорошо пока. Квартирую я в самой Академии. Товарищи-художники меня полюбили, а бесчисленные земляки меня просто на руках носят. Одним словом, я совершенно счастлив». В его мастерскую, кроме Микешина, чаще других ходили скульптор Ф. Ф. Каменский, живописец Г. Деньер и др. Каменский в 1859—1860 гг. конкурировал на большую золотую медаль и лепил бюст Шевченка.

Этот бюст был на выставке 1861 г. как первая самостоятельная работа Каменского. Деньер же написал с Тараса Григорьевича портрет, который также ставил на выставку. Из художников Тарас Григорьевич ближе всех был к Микешину и часто засиживался у него в мастерской, где тогда исполнялся памятник тысячелетия России. Случалось, что и сам Шевченко устраивал попойки для художников и друзей. Однажды он получил с родины малороссийское сало, и по этому случаю устроил дружескую вечеринку. Гости собрались в нижнем скульптурном классе, и когда Тарас Григорьевич подвыпил, они сняли с пьестала фигуру Юпитера — работы Пименова — и посадили его туда. Сидя на месте Юпитера, Шевченко занимал своих друзей рассказами, воспоминаниями. Это было за полночь. Гости с живейшим вниманием слушали его. Но вот неожиданно отворилась дверь — и показалась фигура профессора Пименова. Шевченко соскочил со своей кафедры и чрез окно прыгнул в сад. Пименов тем же путем погнался за ним, но безуспешно. Кстати заметим, что Шевченко особенно умел занимать женщин и пользовался их расположением. После же неудачи в любви к простой украинской дивчине Лукерье он начал вообще недружелюбно относиться к ним.

В последние годы, как и всегда, Тарас Григорьевич нуждался в деньгах и за бесценок продавал свои рисунки. Незадолго перед смертью он, например, продал одной помещице, Сухановой, за 75 рублей четыре большие рисунка (сепии), воспроизводившие казарменные сцены, пережитые в Новопетровском укреплении.

Получив звание назначенного академика, Шевченко осмелился осуществить свою любимую мечту — посетить родные места — и 5 мая 1859 г. подал в правление Академии художеств прошение «о выдаче ему вида на проезд в губернии Киевскую, Черниговскую и Полтавскую, сроком на 5 месяцев, для поправления здоровья и рисования этюдов с натуры».

Препятствий к этой поездке не нашлось, так как Шевченко, по отзыву графа Ф. П. Толстого, по возвращении в 1858 г. в Петербург, «не подверг себя в академии ни малейшему замечанию в отношении его поведения и образа мыслей», но билет на проезд в Малороссию был выдан ему от петербургского полицмейстера только в первых числах июня, как отставному рядовому — художнику. М. К. Чалый в своем сочинении «Жизнь и произведения Т. Шевченка» (изд. 1882 г., с. 139) говорит, что Академия художеств только 29 мая получила от III отделения уведомление о неимении препятствий к выезду в Малороссию.

Вернувшись из поездки на родину в сентябре 1859 г., Шевченко начал жить по-старому. Разные знакомства мешали его заня-

тиям. Кроме того, задумав жениться и приобрести себе усадьбу на берегу Днепра, он все откладывал более серьезные работы до устройства собственной «рабочей». К сожалению, частые посещения приятельских семейств, за исключением артистических вечеров графа Толстого, частые сиденья за хмельным столом вредно отозвались на здоровье Шевченка, уже и без того утомленного предыдущими неприятностями. С ноября 1860 г. он стал часто хворать. Встретившись у Лазаревского с доктором Бари, он жаловался на боль в груди. Выслушав его, доктор советовал побережться. С тех пор здоровье его слабело со дня на день. Январь и почти весь февраль 1861 г. он буквально просидел дома безвыходно, продолжал заниматься гравюрой, писал копию со своего портрета и начал портрет одной дамы. В феврале Н. И. Костомаров отправился навестить поэта и узнать о состоянии его здоровья. Сидел он за столом; кругом в беспорядке разбросаны были неоконченные работы.

Он показал гостю золотые часы, которые готовился носить по выздоровлении. До сих пор скудость средств не позволяла думать о такой роскоши. Он относился к этой игрушке с каким-то детским удовольствием. В этот же день больной собрался еще с силами написать поздравительное письмо к управляющему графа Шувалова, И. Мокрицкому, который был в этот же день именинник:

«Многоуважаемый Иван Николаевич! Поздравляю вас с вожделенным днем вашего святого ангела. Извините, что я не могу лично принести и моего искреннего поздравления, я болен другой месяц. Не только на улице, но и в коридор не пускают. И не знаю, чем кончится мое затворничество. Глубоко кланяюсь Марии Львовне и лобзаю ваших деточек. От души желаю вам повеселиться по-прошлогоднему.

До свидания. Искренний ваш Т. Шевченко, 24 февраля 1861 г.»

В субботу 25 февраля, в день именин Тараса Григорьевича, посетил больного М. М. Лазаревский и застал его в ужасных муках, он сидел на кровати и тяжело дышал. Почти всю ночь на 26 февраля больной провел, сидя на кровати, упершись в нее руками: боль в груди не позволяла ему лечь. Он то зажигал, то тушил свечку. М. М. Лазаревский зашел к нему еще в 11 часу ночи и нашел его сидящим без огня. 26 февраля, в пять часов утра, Тарас Григорьевич попросил оставленного при нем академического служителя Ефимова сделать чай и выпил стақан со сливками. «Убери же ты теперь здесь, а я сойду вниз». С антресолей Тарас Григорьевич спустился в мастерскую, охнул, упал у лестницы и в половине 6 утра его не стало. В метрических книгах академической Екатерининской церкви под 26 февраля 1861 г. записано: «Академик Тарас Григорьевич Шевченко умер 26 февраля от водяной болезни, похоронен 28 февраля». Запись эта скреплена подписями священника Денисова, диакона Постникова и дьячка Яковлева. Имущество умершего в здании Академии Шевченка, по предписанию первого департамента управы благочиния от 14 марта 1861 г., описано при академическом полицмейстере капитане первого ранга Набатове и старшем помощнике надзирателя 1 квартала Васильевской части Китченке и до 31 марта, т. е. до оценки и передачи коллежскому советнику М. М. Лазаревскому, хранилось в академии. При оценке имущества, кроме помощника надзирателя Китченка,

находились в качестве экспертов: академик А. Лебедев, золотых дел мастер Ив. Миллер, портной Якобсон, мебельщик Б. Бенерц, медных дел мастер М. Почин. Все имущество Шевченка оценено в 150 р. 15 к. Каждый эксперт проставлял цены, какие хотел, Золотые карманные часы с тремя досками, на 13 камнях, по № 5372, фабрики Тобиаса, золотая к ним цепочка и такой же ключ, часы стенные, парижские, в круглой деревянной дубовой раме, хранившиеся в особом футляре три нитки кораллов и при одной из них крест золотой с бирюзой, при другой — медальон с портретом Шевченки, при третьей — сердце из золота с бирюзой, золотая булавка с кораллами, черепаховая табакерка с золотом и серебряною насечкою и в ней два золотых обручальных кольца, наперсток серебряный вызолоченный, три золотые запонки, такая же булавка с коралловой головкой, чайная серебряная ложечка, две шкатулки: мозаиковая и деревянная, обитая кожей, и термометр оценены были в 53 рубля; 17 медных гравированных досок разной величины, 7 гравированных в деревянных под орех и под стеклом рамах картин, изображающих сцены и портреты, оригинальная гравированная картина Рембрандта «Притча о винограде и делателе», две большие гравюры пейзажей Калама, 38 картин разной величины, гравированных и изображающих портреты, фотографический снимок с картины Брюллова «Благовещение» в рамке орехового дерева — в 51 р. 15 коп.; обитый клеенкой турецкий диван, два обыкновенных стола — один круглый на одной, другой на четырех ножках, зеркало складное в рамке орехового дерева, сундук — в 1 р. 80 к., три шкатулки с акварельными и масляными красками, мольберт орехового дерева, две палки, из коих одна с эмалевой ручкой — в 6 рублей, два женских пальто, одно драповое серое, а другое такое же белое, обшито золотым шнурком, три суконных пальто мужских, один сюртук суконный, два таких же жилета, такой же фрак, 4 парусинных пальто и 4 таких же панталон, жилетка парусинная, мужская малороссийская одежда — кобеняк суконный, армяк верблюжьего сукна, баранья шапка, два тулупа овчинных, крытых сукном, две шляпы пуховые серые, шляпа соломенная мужская, малороссийская женская одежда — плахта шерстяная клетчатая, женская поддевка без рукавов шерстяной материи коричневого цвета, юбка клетчатая шерстяная, кусок шерстяной материи голубого цвета около 7 аршин, рубах мужских холщевых 27, подштанников 7, полотенец 6, салфеток 9, носовых платков 15, галстук белый бумажный, чулков женских бумажных 3 пары, детских — одна пара, два полотенца, одна наволочка холщевая, шитая красною бумагою и шелком, и китайские туфли — в 38 р. 65 коп.; три кастрюли, самовар старой формы, лампа столовая желтой меди со стеклянным матовым колпаком, пресс-папье бронзовый, изображающий лежащего льва — в 4 рубля.

Наследниками этого имущества явились родные братья Шевченка Никита и Иосиф Григорьевичи, вольноотпущенные из крестьян помещика Флерковского, проживавшие в Киевской губернии, Звенигородского уезда в селе Кирилловке.

27 марта от них в Академии художеств получено было прошение. Называя себя единственными наследниками Т. Г. Шевченка, они просили все имущество своего брата передать М. М. Лазарев-

скому, который, по их доверенности, мог продать оное или переслать им. Собственноручная подпись на прошении и доверенности этих наследников 18 марта была заверена, с приложением печати, исправляющим должность пристава 3-го стана Каневского уезда, Киевской губернии, коллежским секретарем Климанским. На основании этой доверенности М. М. Лазаревский под расписку принял в свое распоряжение все вещи Шевченко, попавшие в опись. Странно, почему не вошли в опись и куда вообще девались его книги, рисунки и эскизы?

Книг Т. Г. не собирал и вообще читать не любил. Но произведения Мицкевича, например, были у него настольными. Несомненно, что на столе и на полу у него валялись разбитые книжки «Современника». Затем М. О. Микешин утверждает, что в июле 1861 г. М. М. Лазаревский показывал ему довольно большое собрание рисунков, оставшихся по смерти Шевченка. В ряду их особенно выделялись десять рисунков сепией: «Притча о блудном сыне», приуровненная к современным нравам купеческого сословия.

Крайне жаль, что все художественное имущество Т. Г. Шевченка разошлось по мелочам и в разные руки. В библиотеке Академии художеств собраны и сохранились только три эстампа с его гравюр: 1) «Вирсавия» с К. Брюллова, 2) эскиз полуобнаженной, лежащей с папироской женщины и 3) крестьянин-сборщик.

Мы знаем, что часть оригинальных рисунков Шевченка хранится у М. О. Микешина, часть у Тарновского.

А. В. Никитенко

Т. Г. ШЕВЧЕНКО НА ЧЕСТВОВАНИИ АКТЕРА А. Е. МАРТЫНОВА

Обед у Дюссо, данный литераторами в честь актера Мартынова. Собралось человек сорок. Мартынову поднесли письмо, подписанное всеми присутствовавшими, и портреты их в прекрасно переплетенном альбоме. Письмо прочитал за обедом Дружинин, во время тоста. Потом Некрасов прочел стихи и в честь Мартынова. Обед был весел и оживлен, но без криков, возгласов и всяких излишеств, какими обыкновенно отличаются наши триумфальные обеды. Все было искренно, просто и потому хорошо. Да, я забыл еще, что Островский произнес довольно длинную речь от имени драматических писателей. Я за обедом сидел между Шевченко и Языковым.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЧТЕНИЯ

Теперь литературные чтения, отчасти и публичные лекции — просто один из самых обычных способов сбора денег для разных благотворительных целей, преимущественно в пользу учащейся молодежи и разных просветительных целей. Но, понятно, вначале они имели более широкое общественное значение. На них публика не только знакомилась с ее любимыми писателями, да еще читающими свои собственные произведения, но и приобретала вкус и склонность к более утонченным наслаждениям. Не надо забывать, что перед тем даже в интеллигентных кругах карты, еда с выпивкой и самые заурядные сплетни были довольно обычными явлениями.

Кажется, в тот год, когда я приехал в Петербург, то есть в 1858 г., товарищество «Общественная польза»*, незадолго перед тем открывшее свою деятельность, впервые организовало целый ряд публичных лекций (в единственной тогда зале Пассажа) по естественным и прикладным наукам; в числе лекторов были проф. Ходнев, Ценковский и др. Но литературные чтения начались только с открытия Литературного фонда (1859 г.). Они тоже сначала происходили в зале Пассажа; попасть на первые чтения было очень трудно, так как зала Пассажа была невелика, а желающих послушать было видимо-невидимо; и я только благодаря протекции Кавелина, который состоял членом комитета Фонда, доставал себе билеты.

На первых чтениях участвовали все корифеи тогдашней литературы: Тургенев, Гончаров, Писемский, Достоевский, Островский, Некрасов, Шевченко, Майков, Полонский. Эти чтения были интересны для публики не только тем, что она могла видеть своих любимцев, но и потому, что большая часть тогдашних литераторов были отличные чтецы, чем далеко не может похвастаться настоящее время, несмотря на существование разных декламационных школ и выразительного чтения. Тут дело не в оскудении талантов, а самая простая причина. Теперь что читают в частных кружках? Изредка вещь еще не напечатанную, но которая имеет появиться, чаще же всего то, что по каким-нибудь причинам не может доходить до публики. Тут о каких-нибудь требованиях от чтеца и речи быть не может. В 40-х годах (как то, между прочим, свидетельствует Достоевский) соберется, бывало, несколько человек, и если не усядутся за карты, то и примутся за чтение какого-нибудь классического произведения. Бедность тогдашней общественной жизни достаточно объясняет это расположение перечитывать в кружках вещи, уже давно каждому известные, но все же способ-

* Учредители: Водов, Похитонов и Струговщиков.

ные доставлять большое художественное наслаждение. Отсюда в чтецах вырабатывалось не столько желание произвести сильный эффект, сколько стремление точнее и проще передать всю внутреннюю красоту и правду.

Это и было видно в чтецах, выступавших на первых литературных вечерах. Честь открыть первое чтение выпала на И. С. Тургенева; в течение нескольких минут не умолкали рукоплескания; Тургенев, хотя и с заметной проседью, но еще во всей красе сорокалетнего возраста, только успевал раскланиваться; наконец установилась тишина. На этот прием Тургенев ответил так: «Как ни глубоко тронут я знаками выказанного мне сочувствия, но не могу всецело принять его на свой счет, а скорее вижу в нем выражение сочувствия к нашей литературе». Новые рукоплескания, и только когда Тургенев дал понять, что хочет приступить к чтению, мало-помалу публика затихла.

Голос у Ивана Сергеевича был негромкий, не особенно приятный, но такова была простота и вдумчивость его чтения, что Хорь и Калиныч * стояли перед слушателями как живые; в каждом слове чувствовались все переливы их души, оттенялась контрастность двух типов. Нечего и говорить, что когда Тургенев кончил, то рукоплесканиям и вызовам не было конца; почти вся публика встала, дамы махали платками, мужчины не жалели своих рук.

Первоклассный чтец был Островский; никогда на меня «Свои люди — сочтемся» не производили такого впечатления, как в чтении Островского. Он прочел всю драму, сделав лишь очень незначительные купюры; всем слушателям драма была известна, но таково было мастерство чтения, что все прослушали ее, не только не испытыв утомления, но с поразительным увлечением. Я точно сию минуту слышу Островского: «Олимпиада Самсоновна, позвольте ручку поцеловать». — «Вы дурак необразованный».

Своего рода был великий мастер-чтец Писемский. Раз он читал совершенно незначительную вещь — из «Гаванских чиновников» давно забытого Генслера. Не только все разговоры Писемский передавал так, что слушатель совсем забывал чтеца, а, казалось, слышал самих обитателей Гавани, но даже когда он рисовал картину, например, корову, стоящую перед лужей и задумавшуюся, что ей делать, или кофейницу, неустанно работающую, — иллюзия доводилась до необычайного совершенства.

И. А. Гончаров на одном из вечеров познакомил публику с главой из будущего «Обрыва» — Софья Николаевна Беловодова (этот отрывок был озаглавлен «Эпизоды из жизни Райского»). Тогда Гончаров был в зените своей славы; за год перед тем вышел «Обломов», и все нетерпеливо ждали нового произведения. Он также чи-

* На первом литературном вечере, 10 января 1860 г., Иван Сергеевич читал «Гамлета и Дон-Кихота». Хотя эта статья и была напечатана в «Современнике», однако она лишь завершила тот разлад, который еще ранее начинал сказываться между Тургеневым и левым крылом «Современника»; последнее заподозрило, что Иван Сергеевич именно его имел в виду, говоря о Гамлетах. Кстати, считаю не лишним исправить ошибку М. А. Антоновича (в его воспоминаниях о Добролюбове). Тургенев в разговоре с Чернышевским выразился: «Вы змея, а Добролюбов — очковая». М. А. Антонович передает их как раз наоборот. «Хорь и Калиныч» были прочитаны Иваном Сергеевичем 16 марта 1860 г. в университетской зале на вечере в пользу кассы студентов университета.

тал хорошо, но у него была своя манера: читал как опытный докладчик, обдуманно, выразительно, но без внутреннего увлечения.

На чтениях часто выступал Некрасов *; читал он тихим, замозильным голосом; к некоторым стихам его это очень шло, например, «Еду ли ночью...», но где требовалось больше энергии, например, «Стой, ямщик», тут он не мог производить сильного впечатления...

А вот Шевченко был встречен так задушевно, что, растроганный до глубины души и чувствуя, как изменяют ему силы, он ушел с эстрады; и только когда несколько успокоился, он вернулся и приступил к чтению. Этот случай мне недавно напомнил Н. Ф. Анненский. Прочел он, помнится, из «Гайдамаков» и «Думы мои, думы».

Достоевский читал в первый раз из «Мертвого дома»; ему тоже была сделана самая трогательная овация. Литературная слава его была еще в зародыше, но в нем чттили недавнего страдальца...

Из поэтов также часто выступали Майков и Полонский. Якова Петровича встречали с добродушною снисходительностью; чтец он был не ахти какой; кто не знал его лично, тот мог даже заподозрить Якова Петровича в не совсем умелом декламаторстве. Напротив, Майков читал умно, даже с увлечением, но в нем чувствовалась какая-то искусственность. Его сначала принимали очень сочувственно; однако он скоро набил публике оскомину, слишком часто выступая с чтением «По ниве прохожу я» и т. п.

За чтениями в пользу Литературного фонда последовали чтения в пользу студенческой кассы, — они обыкновенно происходили в университете (тогда университетская зала была широко открыта, я раз даже устроил в ней концерт в пользу Никольского); а когда в 1860 г. открылась зала в доме Руадзе (ныне Кононова), то Пассаж был покинут навсегда; впрочем, успех литературных чтений был таков, что литературно-музыкальное утро в память Шевченка происходило в зале Дворянского собрания.

«ОСНОВА»

С января 1861 г. начал выходить в Петербурге новый журнал «Основа» под редакцией Василия Михайловича Белозерского, при весьма деятельном участии Костомарова и Кулиша. Он печатался на двух языках: беллетристика, кажется, сплошь на малороссийском, тоже отчасти и отдел корреспонденций; научный отдел велся на великорусском. Благодаря студенту Константину Александровичу Гену, родному брату жены редактора, и доньне, слава богу, здравствующей Надежды Александровны, я стал бывать на недельных журфиксах редакции; посещал я эти вечера регулярно и с большим интересом, так как это было мое первое проникновение в чисто литературные круги.

В гостиной на диване за столом обыкновенно усаживались Шевченко, Костомаров и ни на шаг от них не отходивший Кулиш. Хотя я и был знаком с Николаем Ивановичем, но все же не решался помещаться около такого многозначительного трио; к тому же на ве-

* На первом чтении в пользу Литфонда (10 января 1860 г.) Некрасов читал «Филантропа» и «Еду ли ночью...».

черях бывало немало выдающихся нотаблей малороссов, напр., Афанасьев-Чужбинский, А. Стороженко (автор малороссийских повестей), Трутовский (художник) и другие. Помню, заметив одного довольно плотного господина, я спросил, кто это. «Муж Марко Вовчка»,— получил я в ответ таким тоном, что больше сказать о нем нечего*. Самой Марко Вовчка, в то время крайне популярной, я ни разу не встречал. Меня особенно приковывал к себе Шевченко; ранее я видел его изредка в университете на лекции Костомарова и на литературных чтениях, но только на вечерах «Основы» имел случай пристальнее взглядеться в его лицо. Я тогда очень мало обращал внимания на физиономию, но лицо Шевченко положительно увлекло меня. На близком расстоянии он выглядел очень схожим, как изображен на литографском портрете Мюнстера, лицо, порядочно отекшее, носило явные следы многого пережитого Шевченко, в том числе и той слабости, которая в последние годы преждевременно ускорила его жизненный конец. Притом крупные черты лица его не производили особенно располагающего впечатления. Но стоило отойти на несколько шагов, и Шевченко становился совершенно неузнаваем: он тогда делался похожим на известный портрет-офорт его собственной работы. И все это делали его удивительные, бархатные, такие глубокие-глубокие темно-карие глаза; все лицо так ими скрашивалось, что Шевченко точно преобразался, становился моложе, тихая вдумчивость и мягкость сердечная светились на его лице. Шевченко мало принимал участия в спорах, но когда он начинал говорить, точно какие-то искорки пробегали в его глазах. Несколько лет тому назад у меня с кем-то вышел спор,— какого цвета были глаза у Шевченка; ссылаясь на портрет Репина, мой собеседник утверждал, что они были серые. Не полагаясь на свою память, я обратился к уважаемой Н. А. Белозерской, которая хорошо знала Тараса Григорьевича; она подтвердила мое воспоминание и при этом прибавила, что когда Шевченко был сильно возбужден или в гневе, то из его глаз точно искры сыпались.

До 1860 г. Шевченко знали, конечно, малороссы, его имя было известно в русских литературных кружках, в широкой же публике он был почти не известен. Но вот в 1860 г. в журнальчике «Чтение для народа» (так, кажется, назывался) он поместил свою коротенькую автобиографию; конечно, в ней ни слова не было об его ссылке, а только простой рассказ о детстве, времени, когда он был крепостным и как наконец выбрался на человеческую дорогу, отвечавшую его дарованиям. Статья оканчивалась указанием, что его родные все еще находятся в крепостной зависимости. «Да, милостивый государь (статья была в форме письма редактору), они все еще крепостные». Отрывки из этой автобиографии были процитированы почти во всех журналах и газетах и разнесли имя Шевченко по всей России. Это имело последствием то, что помещик согласился отпустить на волю родных Шевченка, уже не помню — даром или за выкуп...

* Он, впрочем, был замешан в деле Кирилло-Мефодиевского общества.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО
НА ЛИТЕРАТУРНОМ ЧТЕНИИ В ПАССАЖЕ

Вечером была на чтении в пользу воскресных школ, в Пассаже. Читали: Бенедиктов, Полонский, Майков, Писемский, Достоевский и Шевченко.

Вот, век изучай и все не поймешь то, что называют публикой. Шевченко она так приняла, точно он гений, сошедший в залу Пассажа прямо с небес. Едва он успел войти, как начали хлопать, топать, кричать. Бедный певец совсем растерялся.

С Шевченком даже вышло совсем удивительно. Он нагнул голову и не мог вымолвить слова. Стоял, стоял и вдруг повернулся и вышел, не раскрыв рта. Шум смолк, и водворилась тишина недоумения. Вдруг из двери, через которую выходили на эстраду чтецы, кто-то выскочил и схватил стоящие на кафедре графин воды и стакан. Оказалось, что Шевченку дурно. Через несколько минут он, однако, вошел снова. И ему снова, было, стали хлопать, но, вероятно, щадя нервы его, раздалось несколько шиканий. Он стал читать, останавливаясь на каждом слове; дотянул, однако, благополучно все три стихотворения. Последнее даже шло уже как следует, и им закончился сегодняшний литературный вечер.

Василь Лукич

К БИОГРАФИИ ШЕВЧЕНКО

В 1859—1860 годах г. Малецкий, ныне инженер в Стрые, а тогда учащийся военной школы в Петербурге, часто бывал у своего товарища, графа Эдварда Подоского, студента-юриста, который квартировал у известного художника Мартынова. У этого-то Мартынова трижды в неделю собиралось общество старых и молодых литераторов, артистов и др., развлекаясь серьезными и веселыми беседами — нередко за рюмкою вина. Бывали там, в числе прочих, поэт Михайлов, Бронислав Залеский, инспектор студентов университета Шефлер и наш знаменитый поэт Тарас Шевченко. Заходил туда также и г. Малецкий (в ту пору шестнадцатилетний ученик), сохранивший следующие воспоминания о Шевченко.

По молодости я обращал на Шевченко не больше внимания, чем на других. Помню, однако же, хорошо, что Шевченко, как и художник Мартынов, был задумчив, экзальтирован и неразговорчив;

нередко они и по получасу просиживали в веселом обществе, подперев рукою голову и вовсе не принимая участия в разговоре. Шевченко выглядел тогда еще здоровым... Из разговоров о делах политических и общественных, какие велись тогда в упомянутом кружке, у меня сложилось впечатление, что Шевченко часто любил говорить о несправедливостях, которые приходится терпеть крестьянину от польской шляхты; последнюю он ненавидел и, бия себя рукой в грудь, непрерывно повторял: «Вот перед вами живой пример этого».

Члены названного кружка увлекались идеями либерального федеративного панславизма, прежде всего федерализма украинцев, поляков и русских. Вместе с другими в конце 1860 г. они устроили в Казанском соборе панихиду по пятерым погибшим в тот год в Варшаве полякам, на которой был и Шевченко. Более подробные сведения об этом кружке сохранились в памяти помянутого выше графа Эдварда Подоского, ныне чиновника одного из львовских банков.

М. К. Чалый

Т. Г. ШЕВЧЕНКО НА УКРАИНЕ В 1859 ГОДУ

Якось недавно довелось
Мені заїхати в Україну...

І я, заплакавши, назад
Поїхав знову на чужину...

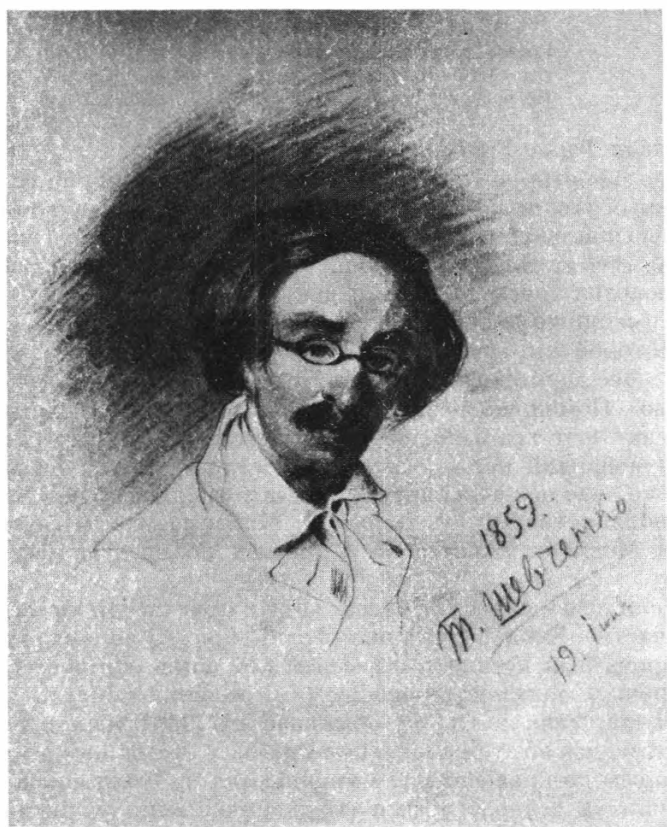
Весною 1859 года Шевченко осуществил любимую свою мечту — посетить родные места. В апреле он вырвался из Петербурга и после продолжительного путешествия добрался до родного села Кирилловки. С братьями он оставался недолго, но с любимой сестрою своею Ириной пробыл несколько дней. Вот что она рассказала нам о свидании с братом:

«Була я на городі — копала грядки. Дивлюсь — біжить моя дівчинка: «Мамо, мамо, вас якийсь Тарас гука! скажи, каже, матері, що до неї Тарас прийшов». — «Який Тарас?» — питаю, а сама й з місця не зоступлю. Аж ось і сам він іде.

— Здрастуй, сестро! — Я вже й не пам'ятаю, що зо мною діялось тоді. От ми сіли гарненько на призьбі; він, сердешний, положив голову на мої коліна та все просить мене, щоб я йому розказувала про своє життя гірке. От я йому і розказую, а він, покійничок, слухає та все додає: «Еге ж! Так, сестро, так!» Наплакалась я доволі, аж покіль не доказала до кінця — як мій чоловік вмер. Він, сердешний, встав, подививсь на небо, перехрестивсь, та й каже: «Молись, сестро, молись! І ти вільна, і я вільний!» (Намек на смерть п'яниці-маляра и на свое освобождение от неволи.)

Найдя родных своих в нескончаемой работе, Тарас Григорьевич искал приюта растерзанной душе своей у своего родственника Варфоломея Григорьевича Шевченка, который занимал тогда должность управляющего в Корсунском имении светлейшего Лопухина. В конце мая он поехал в Корсунь.

«Сиджу я в своїй хаті (пишет В. Г. Шевченко в своих воспомина-

Т. Г. Шевченко
Портрет М. А. Максимовича
Карандаш. 1859

ниях), дивлюсь — щось приїхало простим возом. На возі сидить хтось з великими сивими вусами, у парусинному сірому пальті й в солон'яній шляпі». То был дорогой гость его — Тарас. В семействе Варфоломея Григорьевича поэт прожил около двух месяцев, предпринимая по временам поездки то сухим путем, то водюю — по Роси, для отыскания подходящей усадьбы, с целью поселиться в Малороссии навсегда.

Расставшись еще в 1846 году, друзья не виделись в течение 16 лет. Было, казалось, о чем поговорить. Но поэт не любил вообще вспоминать свое прошлое, хотя и многое мог бы припомнить здесь на досуге, в беседе с таким близким человеком. Но Шевченко ни одним словом не обмолвился о своем печальном прошлом, иначе автор воспоминаний не преминул бы воспользоваться его рассказами и сколько-нибудь оживил бы свои довольно бесцветные воспоминания:

Грусти тайной, тоски глубокой
Ни с кем страдалец не делил,
Не раскрывал сердечных ран... («Тризна»).

Вставал Тарас Григорьевич постоянно в 4 часа утра и при хорошей погоде отправлялся в Лопухинский сад, выбирал там самый уединенный уголок и сидел почти до обеда со своим альбомом.

В половине июля друзья расстались. Тарас Григорьевич направил свой путь за Днепр, на Михайлову Гору. Варфоломей Григорьевич проводил гостя до Межиречья, при впадении Роси в Днепр. Здесь в имении помещика Парчевского ему приглянулась одна усадьба, о которой он потом часто вспоминал в письмах к Варфоломею: «Все мені снитися ота благодать — і Дніпро, і темний ліс під горою». Помещика не застали дома. Встретившись с ним потом в Черкассах, поэт все-таки ничего от него не добился: видно было, что пан добродий не желал иметь соседом такого человека, как Шевченко, «що про волю писав», как выражались об нем крестьяне.

20 июля, оставив свой чемодан у Максимовича, Шевченко очутился в Мошнах, а потом в Черкассах по следующему обстоятельству.

В Межиречье паны устроили охоту и пригласили поэта принять в ней участие. Хотя Тарас Григорьевич никогда не был охотником, но не прочь был погулять в веселой компании. Во время закуски зашла речь о монашестве вообще и о киевских монахах в особенности. Тарас наш, по своему обыкновению, быть может, несколько резко отозвался об этом отжившем уже свое время институте. Поляки, которым до православного монашества не было никакого дела, выступили на сей раз яркими его поборниками: снарядив жидка, они отправили его с доносом к жандармскому офицеру, который якобы случился как раз в это время в Межиречье.

Жандарм потребовал поэта к себе для объяснения:

— Про вас говорят, что вы богохульствуете? — задал он вопрос.

— Может, и говорят, — отвечал Шевченко, — про мене можна всячину плести, бо я чоловік патентований, от про вас, вірно, нічого не скажуть.

Жандарм его арестовал и отправил в Черкаassy.

Так рассказывает об аресте поэта Варфоломей Григорьевич.

О том же казусе, случившемся с нашим Кобзарем, М. А. Максимович передавал иначе.

Отыскивая себе усадебное место между Межиречьем и Пекарями, Шевченко с небольшой компанией, его сопровождавшей, сделал привал для отдыха. В это время к ним подошел господин во фраке, перчатках, лакированных ботинках и с ружьем через плечо. На вопрос Шевченка, откуда он взялся и что ему нужно, гос-

подин отвечал по-польски: «Na polowanie!» Тарас Григорьевич не утерпел, чтобы не подтрунить над странным костюмом франта-охотника, и громко сказал: «Дивись, яка кумедна фігура!» Поляк вломился в амбицию и между прочим упомянул, что он был сам ставным приставом.

— А, так ви ще й алтинник! — отвечал ему с хохотом Шевченко.

Пан, окончательно взбешенный, прямо отправился в Межиречье, посылая Тарасу Григорьевичу угрозы.

Действительно, он сперва донес на поэта жандармскому офицеру, и, когда тот не придал доносу его никакого значения, он написал в Черкассы к исправнику Табачникову, который, из личности к жандарму, желая насолить ему и вместе с тем отличиться перед начальством, распорядился арестовать Шевченка. Его арестовал пристав Добржинский на Днепре, когда поэт ехал к Максимовичу, торопясь на званый обед, нарочно для него устроенный. Пристав привез Тараса в свою резиденцию Мошны, где Шевченко прожил три дня у своего знакомого Грузинского, гуляя часто в воронцовском парке и усердно поклоняясь Бахусу. Из Мошен его увезли в Черкассы, а потом в Киев.

Арестом своим Шевченко обязан был петербургскому начальству, которое, при отъезде поэта на родину, послало тайное предписание полицейским властям: «Строго наблюдать за отставным солдатом Тар. Шевченком».

Сидя в заключении в Черкассах, Шевченко написал одно из лучших своих стихотворений: «До сестри»:

Минаючи убогі села,
Понадніпрянські невеселі,
Я думав: де ж я прихилюсь?..

На том же «маленькім клаптику» синей бумажки помещено другое стихотворение: «Колись дурною головою».

В Черкассах поэт получил от Максимовича письмо, адресованное в Мошны, и оставленный у него чемодан.

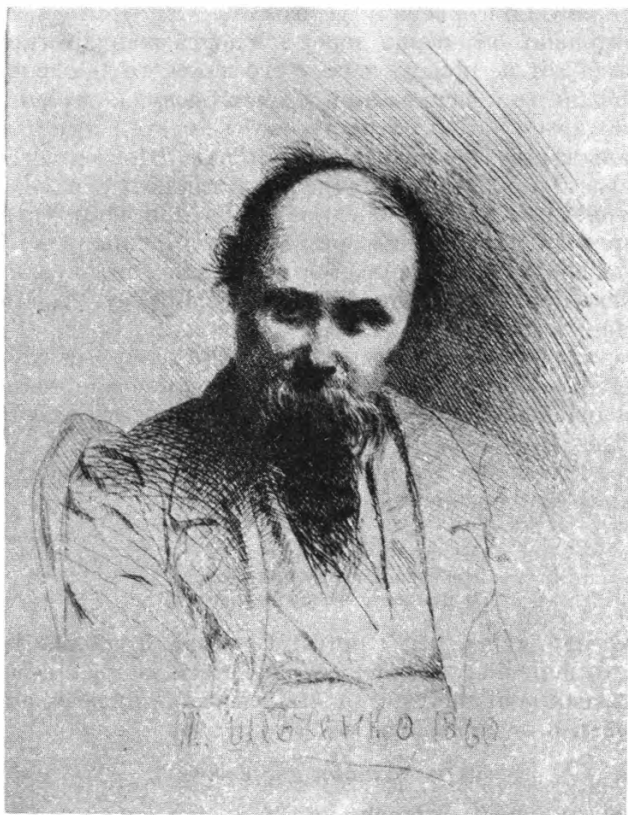
«От 23 июля 1859 года.»

Коханий земляче! Кланяємось Вам сердечно з Михайлової Гори і дуже тужимо об Вашому приклячу, бо нам перед Іллею сказав нарочний із Пекарів, що Вас уже випустили з Мошен і що ви з Пекарів поїхали у Межиріч до пана Парчевського, а вчора сказали, що Ви вже аж у Переяславі, аж бачу все брехня і Ви в Мошнях. З посланим, по письму Вашому, посилаю вам чемодан і погребець і в сім пакеті 50 рублів Ваших грошей, а прочіі привезу сам в Мошни, куди й без того хотів я їхать з вами вмісті».

24 июля Шевченка пароходом привезли в Киев. К счастью нашего Кобзаря, генерал-губернатором был в то время не безжалостный и бессердечный Бибиков, а человек в высокой степени гуманный, не веривший на слово донесениям ни тайной, ни явной полиции.— кн. Илларион Илларионович Васильчиков. Выслушав объяснение Шевченка... Васильчиков велел его освободить из-под ареста и позволил остаться в Киеве (под наблюдением, впрочем, жандармского полковника), сколько потребуется ему для его надобностей.

— Поезжайте отсюда скорее в Петербург,— сказал он Тарасу Григорьевичу,— там, стало, люди более развитые и не придираются к мелочам из желания выслужиться на счет ближнего.

Объяснившись таким образом с генерал-губернатором, Шевченко пошел искать квартиру, так как ему нужно было остаться на некоторое время в городе, чтобы дожидаться из Петербурга каких-

Т. Г. Шевченко
Автопортрет
Офорт. 1860

то денег. Не желая поселиться в центре Киева, он отправился на Подол и, пройдя Плоскую часть, очутился на Преварке.

«Йшов та йшов — бачу хатина стоїть, не то панська, не то мужича, біла-біла, наче сметана, та ще й садочком обросла, а на дворі розвішані дитячі сороченята, сушаться та й рукавчатами махають, ніби кличуть мене до себе, от я й зайшов умовитись за кватеру і попросив хазяйку погодувати мене в довг!»

Так говорил Шевченко совершенно не знакомой ему женщине, вошедши на двор ее жилища.

— Хто ж ви такий? — предложила вопрос хозяйка.

— Як бачите, чоловік собі! — отвечал незнакомец.

Несмотря на такое странное предложение, — покормить и попить в долг, — хозяйка, быть может, именно в силу этой оригинальности, приняла поэта на квартиру.

Через несколько дней дело выяснилось, кто такой был оригинал-квартирант. Со своей стороны Тарас Григорьевич узнал, что его хозяйка, женщина болезненная и некрасивая, была рьяною поклонницей поэзии Шевченка и любительницею малорусских песен, которые она иногда пела по просьбе квартиранта. Он был в восторге от такой находки; скоро стал своим человеком не только с детьми хозяйки, но и с нею самой, титулуя ее то «титкой», то «дядыной». Мужа ее поэт не жаловал за блестящие «гудзьки» его вицмундира. А наполнявшая улицу белоголовая детвора доставляла ему самое приятное развлечение. Дети звали его «дядьком».

Г-жа Крапивина, сестра хозяйки, передала в живом рассказе несколько эпизодов из трехнедельного пребывания Шевченка на Преварке.

Просит квартирант хозяйку, чтобы она дозволила няньке Оришці помыть его рубахи и носовые платки и заняла бы ему 10 коп. серебром, бо дуже треба! Хозяйка с удовольствием сделала и то и другое. Оришка была простая деревенская женщина, натура еще не успевшая заразиться цивилизацией большого города. Разбирая переданную ей кучу белья, она заметила два узелка на кончиках платков. Развязавши их, она нашла в одном 25-рублевую бумажку, а в другом трехрублевую. Вместо того, чтобы присвоить себе такой клад, который был больше ее годового жалованья, что, конечно, не преминула бы сделать всякая киевская горничная или кухарка, она, в простоте души, объявила хозяйке о своей находке. Тарас Григорьевич не столько обрадовался случайному открытию залежавшихся капиталов, сколько удивился необыкновенной честности «дурной Оришки», которая могла бы на эти деньги сделать себе полный гардероб. «Дядина» предложила ему пересмотреть все его имущество, вмещавшееся в небольшом чемодане, и нашла за обертками книг еще 15 рублей. Из найденных таким образом 43 рублей Шевченко не захотел заплатить за квартиру ни одной копейки: «Бо то,— говорил он,— якісь дурні гроші, коли я зовсім забув про їх, а дурному дурна й дорога!»

На эти деньги, дождавшись воскресенья, он задумал задать детворе знатное угощение. Детей набежало с полсотни. Тарас Григорьевич между тем отправился на базар и накупил столько ласощей, что едва донес до квартиры. Двор усыпали свежескошенной травой, дети качались и кувыркались, оглашая окрестности звонкими, веселыми голосами. Но этим дело еще не кончилось: после обеда торговка привезла целый воз яблоков, груш, пряников, бубликов и проч., и проч. Это второе угощение сделано было уже за городом, на прилежащем к Преварке выгоне, куда хозяйка, опасаясь за целость своего садика, выпроводила шумную ватагу, вместе с своим квартирантом. А Тарас Григорьевич был сам не свой: бегал, суетился, хохотал, дурачился. Взрослые люди

смотрели со стороны на это гульбище и громко заявляли, «що старий, мабуть, теє... трощки божевіленький».

Во все время своего квартирования на Преварке, Шевченко постоянно вставал не позже 4 часов, чтобы послушать, как птички прощечбучут свой первый привет летнему утру. Умывался он и молился на дворе, вытянувши собственноручно из глубочайшего колодезя ведро «погожей» воды. До чаю выпивал чарочку и заедал пшеном — «бо воно й смачне, і зуби гострить, і в животі вискрібає всяку нечисть». Любимой его стравой был борщ, затолченный салом и заправленный пшеном, гречаные вареники и галушки. После обеда он шел в сад, ложился под яблоней и громко сзывал детей на розмову.

«Кого люблять діти,— говаривал он,— той, значить, ще не зовсім поганий чоловік». Как только Тараса Григорьевича начинал одолевать сон, дети, по условию, должны были тихонько удалиться. «Тікаймо, бо дядько вже хропе, наче коняка!» — говорили они, разбегаясь. Проспавши богатырским сном часа два, Тарас снова выпивал чарочку и заедал пшеном. При всем том, г-жа Крапивина свидетельствует, что сестра ее ни разу не видала своего квартиранта пьяным, он только, подпивши, становился веселее и разговорчивее.

В роскошные, темно-синие, бархатные украинские ночи Шевченко любил ходить по двору иногда до утренней зари, говоря при том, что «незчисленні зіроньки не пускають його у хату». Спал он вообще очень мало.

Наконец около 10 августа были получены деньги, давно ожидаемые. Их принес ему, по поручению жандармского полковника, гимназист Маркевич. Шевченко, до педантизма точно, рассчитался с хозяйкой, не забыв ни одной ее услуги сверх уговора; щедро обделил прислугу, а особенно «дурну Оришку, що не вмiла грошей утаїти, бо сказано: у жінки більш серця, ніж розуму». Накануне выезда он принес хозяйке и ее детям 15 фунтов фиг, «щоб вони їли та не кашляли». Со слезами проводили обитатели Преварки любого Кобзаря; даже до всего апатичная кухарка Федора и та выразилась о нем так: «Наче каміння навалило на серце, як поїхав дядько». А больная хозяйка, услаждавшая надтреснутым от болезни голосом слух поэта своими песнями, умирая, сказала, что кратковременное пребывание Шевченка в ее доме было светлым лучом солнца в ее неприглядной жизни.

О моем личном знакомстве с Тарасом Григорьевичем, стихами которого я бредил с 1840 года, т. е. со времени выхода в свет «Кобзаря», я расскажу все, что сохранила моя память.

Поселившись на Преварке, почти за городом, поэт странствовал по стогнам богоспасаемого града все в одном и том же парусинном пальтишке, порядком позаношенном. Первая моя встреча с ним произошла у нашего общего приятеля Ивана Максимовича Сошенка, квартировавшего тогда в церковном доме Всех скорбящих. Это было в Успеньев пост. Друзей застал я за завтраком, который, по случаю поста, был довольно скуден: на столе стояла долговязая бутылка с водкою, а в руках обоих приятелей было по половине соленого платаного судака, которым они лакомились без помощи ножа, отрывая куски рыбы то руками, то зубами. Тарас Григорьевич был тогда, что называется, в ударе: много шутил с верт-

левой панной Леонтынкой, знакомой жены Сошенка, говорил комплименты «чорнявій Ганнусі» — племяннице Ивана Максимовича, высказывал свои суждения о разных литературных и художественных знаменитостях, подтрунивал над «старым ледащо» — самим хозяином — и в заключение (признак хорошего расположения духа) спел несколько любимых своих песен: «Зіроньку», «Сірії гуси» и др. С женой Сошенка и панной Леонтынкой все время говорил по-польски, хотя они обе прекрасно понимали и русскую речь. Кокетливая панна была в восторге от любезностей поэта, хотя и не утерпела конфиденциально сообщить Сошихе свое мнение об успехах Шевченка в польском языке: «Pan Szewczenko bardzo dobrze mówi po polsku, ale w jego mowie zawsze jest coś chłopskiego!» Тарас Григорьевич не только не обиделся таким резким приговором панны, а напротив, она польстила его самолюбию, что, говоря на панском языке, он все-таки не терял своего демократического характера, оставаясь верен родной национальности. Из писем поэта ко мне и к старому Сохе можно отчасти видеть, какое впечатление произвела на него шустрая панна, задававшая мыслью skokietować Шевченка во что бы то ни стало; но он ее понимал отлично. Посылая «чорнявій Ганнусі» сборник малороссийских песен с нотами, он дал ей совет «не радитися з панною Леонтиною, бо вона добру не навчить».

В тот же самый день вечером, возвращаясь с купанья, я видел Тараса через окно в ресторане Европейской гостиницы, в общей столовой, уписывающего ростбиф; как видно, платаный судак возбуждал в нем сильный аппетит.

На другой день вечером поэт удостоил и меня своим посещением. За чаем и за ужином он рассказывал о своих петербургских знакомствах с литераторами и художниками, критиковал Некрасова и до небес превозносил «Оповідання» Марка Вовчка. Говоря об «Институтке», посвященной ему Вовчком, Тарас Григорьевич сделал довольно странное сопоставление, сравнив малороссийскую писательницу с Жорж Зандом, которая, по его мнению, Марье Александровне «и в кухарки не годится».

Пользуясь прекрасною лунною ночью, какие только бывают в нашей благословенной Украине, мы втроем отправились на прогулку. Долго бродили мы за Михайловской оградой, откуда, как известно, открывается великолепный вид на Заднепровье. Под влиянием очаровательной картины Днепра наш Кобзарь мгновенно утратил всю свою веселость, сделался сосредоточенно-молчалив и грустен. Что было тогда у него на душе, для нас осталось загадкой. Поэт вообще не любил делиться своими душевными думами в такие минуты, даже с самыми близкими людьми. К счастью, такое настроение длилось недолго. Сошенко своими воспоминаниями о давнопрошедшей жизни в Питере, большею частью впроголодь, когда они оба были молоды и сильны духом, рассказами, исполненными неподдельного юмора, мало-помалу расшевелил старого коллегу. Изменив на сей раз обычной своей несообщительности и сдержанности, Тарас Григорьевич рассказал один эпизод из своего плаванья по Аральскому морю. На Арале есть плавающее острова, образовавшиеся от гниения морской растительности. Плававшая однажды на небольшом ялике с пятью матросами между высоким тростником, они пристали к одному из таких островов. Вышедши из

ялика, чтобы побродить на свободе, Шевченко спрятался в траве, лег «догори черева» и предался поэтическому созерцанию неба. Не заметив сперва его отсутствия, матросы отчалили. Потом, оглядевшись, вернулись к острову и стали кричать и звать проказника. «А я собі лежу та мовчу. Бо думка була, бачите, у меня така, щоб зовсім там зостатися, та бісові матроси знайшли-таки мене у траві».

Единственное в то время скульптурное украшение нашего Киева — памятник св. Владимира, произведение барона Клодта, нашему взыскательному художнику больно не приглянулось...

Последний вечер (или лучше сказать ночь) своего пребывания в Киеве Шевченко провел у старого педагога Ивана Даниловича Красковского, которого супруга Елизавета Ивановна очаровала поэта пением малороссийских песен. Затем, на рассвете, забравши на Преварке свою мизерию, он рушил за Днепр, направив свой путь в Конотопский уезд, к матери своего друга Михайлы, «божественной старушке» Афанасии Алексеевне Лазаревской.

М. К. Чалый

ПОСЕЩЕНИЕ Т. Г. ШЕВЧЕНКОМ
САХАРНОГО ЗАВОДА
ЯХНЕНКА И СИМИРЕНКА

По возвращении из ссылки, Тарас Григорьевич весной 1859 года осуществил любимую свою мечту — посетил родные места. В конце мая он выехал из Петербурга и после продолжительного путешествия добрался до Переяслава. Отдохнувши после дороги у своего старого приятеля Козачковского, он по Днепру отправился в Прохоровку, на Михайлову Гору к М. А. Максимовичу. Прогостивши там несколько дней, поэт Днепром же поплыл в Городище, на сахарный завод Яхненка и Симиренка.

В то время дела фирмы Яхненка и Симиренка находились в самом цветущем состоянии. Заведение их своим обширным сахарным производством и громадной образцовой механической мастерской славилось чуть ли не по всей России.

В конце июня Шевченко заехал к одному из служащих в заведении Алексею Ивановичу Хропалю и, не застав его дома, отправился к Платону Федоровичу Симиренку, главному руководителю делами фирмы. Вернувшись домой, Хропаль, узнав о посещении его Шевченко, вслед за ним отправился к Симиренку. Через несколько минут поэт был со всеми свой. Но на этот раз посещение его ограничилось лишь несколькими часами.

Спустя несколько дней он снова приехал, уже с намерением пожить в Городище подольше. Устроился он в квартире Хропалья с большим комфортом. По вечерам туда приходили некоторые из

служащих на заводе, люди солидно образованные. Поэт часто воодушевлялся, рассказывал веселые анекдоты, читал свои стихотворения, вписанные очень мелким почерком в небольшую переплетенную книжечку, которую он обыкновенно носил за голенищем. Такого художественного чтения никому из присутствующих не приходилось слышать ни прежде, ни после.

«Глубоко врезалось в мою память,— говорил А. И. Хропаль,— прочитанное им стихотворение «Сон»:

На панщині пшеницю жала,
Втомилася; не спочивать
Пішла в снопи, пошкандибала
Івана сина годувать.
Воно сповитеє кричало
У холодочку за снопом.
Розповіла, нагодувала,
Попестила; і ніби сном,
Над сином сидя, задрімала.
І сниться їй той син Іван
І уродливий, і багатий,
Не самотній, а жонатий —
На вольній, бачиться, бо й сам
Уже не панський, а на волі;
Та й на своїм веселім полі
Свою-таки пшеницю жнуть,
А діточки обід несуть.
Та й усміхнулася небога,
Проснулася — нема нічого...
На сина глянула, взяла
Його гарненько сповила
Та, щоб дожать до ланового,
Ще копу дожинать пішла.
Останню, може; бог поможе,
Той сон твій справдиться...

В самый разгар деятельности комиссий об освобождении крестьян это стихотворение потрясло всех нас, как бы электрическим током».

Обедал Тарас Григорьевич у Платона Федоровича. Ему оказывалось самое искреннее радушие. После обеда обыкновенно отправлялись осматривать завод со всеми его приспособлениями. Шевченко многому удивлялся, от многого приходил в восторг, но осмотре же училища он порывисто обнял К. М. Яхненку, поцеловал его и с чувством произнес:

— Батьку! Що ти тут наробив! — И на глазах его показались слезы.

Однажды разговор зашел о том, что в продаже давно нет сочинений Кобзаря, на что поэт заметил, что издатели скупаются, а сам он для того не имеет средств. Тогда ему предложена была материальная поддержка.

Восхищаясь садом Хропалья, поэт выразил желание подобный «садочок» развести у себя, в своей будущей усадьбе, на берегу Днепра. Ему и в этом обещано содействие: на заводе имелись свои садовники, богатые школы фруктовых деревьев, разных декоративных растений и кустарников, а имея свой пароход на Днепре, Яхненко пообещал даже перевезть деревья в Канев. Одним словом, ему обещали устроить сад по его вкусу, без всяких с его стороны хлопот и расходов.

Во время пребывания Шевченка на заводе А. И. Хропаль, делая свои распоряжения по работам, зашел к одному из служащих, в квартире которого постоянно останавливались приезжавшие в заведение чины полиции; там застал он пристава Добржинского, которому при разговоре, между прочим, сказал, что у него ночует Шевченко.

— Який Шевченко? Може, академік?

— Да, академик!

Пристав вскочил, как ужаленный.

— От спасибі, що сказали. Я только что получил предписание от исправника наблюдать за ним. Теперь я знаю, где он находится. Вот и отличусь перед начальством, прибавил он вполголоса, как бы про себя.

В этот раз Тарас Григорьевич Шевченко пробыл в Городище трое суток. В последний вечер, при заходе солнца, он как бы что-то вспомнил и, обратившись к Хропалю, попросил дать ему лошадей, объяснив, что ему нужно поехать в Кирилловку, а потом в Корсунь к своему родственнику Варфоломею Шевченку. Лошади были поданы, и Алексей Иванович почти насильно навязал ему свой теплый бурнус, так как ночь, несмотря на июнь, предвиделась довольно прохладная, а Тарас Григорьевич был одет в легкое парусиновое пальто. На третий день лошади воротились с бурнусом...

По прибытии в Петербург, Тарас Григорьевич прежде всего занялся изготовлением к печати своего «Кобзаря». Главное управление по делам печати отнеслось к изданию сочинений Шевченка неблагоприятно, и дело могло бы затянуться надолго, если бы министр народного просвещения Ковалевский собственной властью не разрешил печатание.

Покончив таким образом с цензурой, Шевченко обратился за пособием в Городище:

«Щиро шануємий і многоуважаємий Олексій Іванович!

Мені оце прийшлося до скруту: сьогодні цензура випустила із своїх пазурів мої безталанні думи, та так, проклята, одчистила, що я ледве пізнав свої діточки, а іздатель... (Кожанчиков) половини не дає того, що я прошу і що мені притьмом треба. З таким моїм лихом я оце до вас з Платоном Федоровичем: вишліть мені, будьте ласкаві, 1100 карбованців, і я Вам з великою дякою пришлю к Новому року екземплярів книги на таку суму або через рік гроші з невеликим процентом. Зробіть як знаєте і як Вам бог на розум положе. Поклоніться од мене тричі Кондрату Михайловичу (Яхненку), Федору Степановичу і всім, і всім! Титарівну ж (дочь Хропалья) тричі поцілуйте за мене, нехай воно здорове росте та щасливе буде! Оставайтесь здорові! Нехай Вам Бог допомагає на все добре! Не забувайте іскреннього вашого Т. Шевченка...»

П. Ф. Симиренко немедленно сделал распоряжение о высылке поэту потребного для издания книги пособия, при следующем письме:

«Милостивый Государь Тарас Григорьевич!

Большое спасибо Вам за Ваше письмо и еще большее за то, что Вы не забыли нас и обратились к нам по делу издания Ваших песней.

С этой почтой я послал письмо в Москву к С. Д. Пурлевскому и просил его выслать Вам 1100 рублей. По выходе книг прошу Вас

отослать их на 1100 рублей в Москву Савве Дмитричу, а он пришлет нам их сюда — и мы с Вами расквитаемся.

Кондрат Михайлович действительно чувствует себя лучше после поездки в Воронеж. Сахарное дело у нас в разгаре и дела много, а все-таки я нашел минуту написать Вам. Мы все часто вспоминаем Ваше пребывание у нас и душевно желали бы еще пользоваться Вашим обществом. Мы с Вами мало знакомы, кой о чем хотелось поговорить с Вами, да не было случая. Вы своими поэтическими рассказами так увлекали меня, что я все забывал. Бог даст, увидимся и поговорим по правде, откровенно. Ведь Вы за правду не сердитесь; скажите мне хоть на первый случай, *по правде*: отчего Вы написали ко мне на одном языке, а Алексею Ивановичу — на другом? Если Вас не утомляет переписка такая не литературная, как моя, то я бы просил Вас написать мне когда-нибудь.

Желаю Вам того, что Вам может быть полезно, а в особенности здоровья: оно нужно для всех. Видите мой эгоизм.

Ваш покорнейший слуга Платон Симиренко.

11 декабря 1859 г.

Городищенский завод — богоспасаемый».

Когда Платон Федорович получил от автора с собственноручной подписью «Кобзаря» и увидел на обложке свою фамилию (коштом Симиренка), то был этим крайне недоволен, не желая, чтобы левая его рука знала о том, что делает правая, — черта, редкая в наше меркантильное время в кругу меценатствующих богачей.

Н. Ф. Беляшевский

РАССКАЗЫ КРЕСТЬЯН с. ПЕКАРЕЙ О Т. Г. ШЕВЧЕНКЕ

Для уяснения процесса создания народных произведений, касающихся общественной или политической жизни, большую услугу может оказать изучение тех из них, которые сложились среди народа по поводу событий и лиц современных или близких нам по времени, имевших общественный характер и так или иначе соприкасавшихся с народной жизнью. Народ, чуткий ко всему, что имеет какое-нибудь отношение к его жизни, старается дать известным фактам то или другое объяснение, толкует их по-своему. Одни из фактов, более мелкие, привлекают народное внимание ненадолго, скоро забываются; другие, затрагивающие существенные стороны жизни, более возбуждают народную мысль, оставляют по себе глубокие следы, и народное толкование их, в виде песен, рассказов, легенд, анекдотов и т. п., дает богатый материал как для характеристики народного мировоззрения, так и для уяснения техники возникновения и развития такого рода народных произведений.

В этом последнем отношении интересно прежде всего определить, что, собственно, в данном факте или деятельности извест-

ного лица обратило на себя внимание народа, что дало повод к возникновению толкований в той или другой форме. Далее, если и нужно признать, что народная мысль имеет выработанные временем и международным общением основные пункты, составляющие иногда целые схемы, то интересно проследить, как располагается между ними новый материал, как реальные факты перемешиваются с вымыслами, перерабатываются сообразно с установленным взглядом, дополняются старыми. Затем, имея дело с событиями современными, фактическая сторона которых известна нам в подробностях, будет легко в данном случае установить исходный пункт, откуда получила начало та или другая версия, легко будет проследить интенсивность ее распространения. Наконец, материал, собранный при таких условиях, даст место для сопоставлений на будущее время, даст возможность путем сравнения установить, что сохранилось, что отпало, что развилось.

Несмотря на то, что поле для такого рода наблюдений очень обширно, до сих пор в этом направлении сделано немного. В то время как тщательно собираются произведения народа, в которых можно отыскать хотя малейшую черту, характеризующую прошлую его жизнь, произведения, выражающие взгляд народа на факты современной жизни, оставляются без внимания. А между тем жизнь идет своим путем, новые факты наслаиваются на старые, свежесть старых утрачивается...

Среди лиц, деятельность которых относится к недавнему прошлому, большой популярностью среди малорусского народа пользуется имя Т. Г. Шевченка. Как можно судить по отрывочным сведениям, попавшим в литературу, рассказы о Шевченке широко распространены по всей территории Украины. А между тем на них не обращено должное внимание, и печатный материал почти отсутствует. Мне известна всего одна заметка, касающаяся настоящего вопроса; это заметка в две страницы А. Смоктя «Взгляд народа на Шевченка», заметка очень ценная; затем М. Васильевым сообщена «Народная песня о Шевченке», записанная в Лебедине, Чигиринского уезда, от кантониста, по содержанию не представляющая ничего интересного и, по-видимому, происхождения не чисто народного. Вот и все. В 1893 г. мной записано несколько рассказов, касающихся Шевченка. Место записей — село Пекари, Черкасского уезда, лежащее на правом берегу Днепра, 7 верст ниже г. Канева. Село это, по отношению к Т. Г. Шевченко, находится в особых условиях. Незадолго до своей смерти Тарас Григорьевич побывал в Пекарях; немного выше села находится его могила. Это посещал поэтом Пекарей, затем устроенные ему торжественные похороны, конечно, вызвали особое внимание окрестных жителей; в результате явилось много рассказов о самом поэте, его похоронах, об устроенной над его прахом могиле.

Многие из крестьян с. Пекарей видели Шевченка, входили с ним по разным поводам в сношение, так что рассказы их, наряду с фактами, переработанными народом по-своему, носящими иногда легендарный характер, дают в то же время возможность извлечь также некоторые черты, имеющие действительно биографический интерес.

На них я прежде всего и остановлюсь, заметив при этом, что мной записано очень немного рассказов, а их существует среди

крест'ян с. Пекарей несомненно гораздо больше: каждый более или менее пожилой обыватель может рассказать что-нибудь о Шевченке, так что впереди остається еще много неисчерпаемого матеріала. Пока привожу то, що успел записать.

I

1. «Шевченка я бачив, як оце вас бачу. Я був ще хлопцем, та ми під Княжою складали камінь. А Шевченко ходив з управляючим пана Парчевського, ото його були Пекарі, Хмельна і... (він назвав іще багато інших сіл), з Оксентієм Тельмешенком. А дід Прохір, той, що держав шинк під Княжою на Пластунці, водив їх по шпильях. Ото вони прийшли до нас, так і тиква була у них. Оксентій, управляющий, і каже до мене: «Покинь та принеси води на Княжу». А мені не хотілось, уже було нерано, не докладу осьмини; а Оксентій приказує: «Иди, пан дасть грошей». Та ми тоді були панські, не можна було не послухать. А Шевченко каже: «Иди, я тобі дам півкарбованця». Ото я набрав води і виніс на Княжу, та й не вірю, щоб пан дав грошей. А вони сидять на Княжій, на самому шпильочку, Шевченко і дав мені два четвертака, таких грошей вже тепер нема. Ото я зрадів, біжу з гори та й кажу другому, що зо мною складав камінь: «Бач, пан дав півкарбованця». Та тоді я ще не знав, хто такий за пан. Дід Прохір проводив їх та й іде додому низом, я й питаю: «Хто це за пан?» Він каже: «Це Шевченко, ото що казали, що буде в Пекарі».

Ото вони ходили скрізь по шпильях, а Шевченко більш усього облюбував гору Чернечу, де тепер його могила, він казав: «Оце могила Підкови, отут і мене поховайте».

А Шевченко був не дуже високий, борідка у нього невеличка, сивенька.

В Пекарях він жив недовго, побув днів два чи три, у людей не був, а побув у попа Маковецького.

Під Княжою єсть долина Пластунка, тепер там яр, а перш була така гарна долина, там був шинк, держав його дід Прохір, та й баба там його була. Горілка там дуже дешева, осьмина стоїла там два шаги, а в Каневі чотири шаги. На зелені святки сходились туди хлопці й дівчата, та й старі, з Канева, брали в тому шинку горілку, да розходились по долині; ото пили, а потім заходжувались битись. В тім шинку бував і Шевченко.

Переїхав він на ту сторону в Прохорівку, там ходять баби в чорних хустках й запасках, то він приказував і нашим: «Ходіть, баби, в намітках та плахах»; а тепер, якби в намітці пройти по селу, то затюкали б; і плаhti уже позакидали». (Від Василя Галущковського).

2. «Шевченка Тараса я бачив, як оце вас бачу. Я був побережником-козаком, стеріг ліса панського. Він (Шевченко) приїздив та ходив скрізь по сих горах, то я його водив, а він дав мені карбованця й товаришу моему побережнику дав теж карбованця. А всі урочища він знав,— вийме книжечку, подивиться та й каже: «Оце Княжа гора, оце Мар'їна»... (Від діда Мусія Селюка, він же Шпильовий).

3. «Як сестру заміж оддавали, то Шевченко був у нас і в хаті, просив, щоб пісні співали, з давніх пісень; ото співають, а він записує.

Козирок у нього був білий, чемерочка теж біла.
Балакучий був». (Від діда Миколи Кириляки).

4. «Шевченка я не бачив, а знаю, що його перевозили в Прохорівку, а становий за ним в погоню. Взяв в Пекарях чоловік п'ять, та в Прохорівці його й нагнали. То Шевченко нічого не сказав, дав ще на водку нашим п'ять карбованців; це казали оті, що перевозили. А в Межирічі показав становому бумагу, то становий сказав: «Везіть його куди хочете».

Я його не бачив, а добре знає дід Опанас Дяченко, він і пісні співає, як п'яненийкий, що Шевченко його научив». (Від Вакули Пархоменка).

На жаль, під час моїх відвідин дід Опанас не дуже розбалакався, від нього я довідався лише про таке:

«Шевченко хотів завод бумажний строїть, там, під Великим Городищем, казав, що тут на гору машина буде бігати; там і сторож був, в курені сидів, дід Перехрист, стеріг ліса; Шевченко йому жалування платив, а як поїхав, то прислав гроші; за ним ні от стільки не осталося (дід показав на кінчик пучки).

Як іде Шевченко по селу, то як йде хтось, він одійде трохи, подивиться і рисує».

Летом 1859 г. Тарас Григорьевич совершил свое последнее путешествие по милой ему Украине. Побывал он, прежде всего, в родной Кирилловке, оттуда отправился в Корсунь к Варфоломею Григорьевичу Шевченку, у которого пробыл около двух месяцев, затем, в середине июля, направился к М. А. Максимовичу в его хутор Михайлову гору. Михайлова гора лежит на левом берегу Днепра за м. Прохоровкой; как раз насупротив этого местечка в Днепр впадает р. Рось, и тут, под горой, отчасти на гористом берегу, живописно раскинулось село Пекари. 20 июля, при переправе из Пекарей в Прохоровку к Максимовичу, Шевченко был арестован и отправлен по начальственным инстанциям в Мошны, Черкассы и, наконец, в Киев. Таким образом, посещение поэтом Пекарей имело место между 15 и 20 июля. Цель посещения Пекарей и его окрестностей заключалась в приискании усадебного места, где можно было бы построить хату и среди роскошной украинской природы доживать свой век, о чем Тарас Григорьевич мечтал еще во время ссылки, далеко от родины:

А я так мало, небагато
Благов у бога — тільки хату,
Одну хатиночку в гаю,
Та дві тополі коло неї,
Та безталанну мою...
Мою Оксаночку, щоб з нею
Удвох дивитися з гори
На Дніпр широкий, на яри
Та на лани золотополі,
Та на високії могили,—
.....
Я тільки хаточку в тім раю
Благов, і досі ще благаю,
Щоб хоч умерти на Дніпрі
Хоч на малесенькій горі.

Правый берег Днепра, начиная от г. Канева до с. Пекарей, отличается своей живописностью. Он состоит из отдельных гор, достигающих значительной высоты и разделенных глубокими овра-

гами. Горы то круто обрываются в Днепр, то немного отходят от него, спускаясь несколькими террасами. Если и теперь, когда вся эта местность почти лишена растительности, она привлекает внимание как своей грандиозностью, так и разнообразием поверхности, то какие чудные виды должна была представлять она лет 30 тому назад, когда обнаженные теперь урочища были покрыты дремучим лесом — «предвѣчным гаєм», как говорит поэт в своем последнем произведении. В течение последних 20 лет, этот «предвѣчный гай», эту красоту днепровских берегов, вырубали 7 или 8 раз, и до последнего времени от него уцелели небольшие молодые лески да кое-где разбросанные старые груши и липы, напоминавшие о былом величии; наконец, зимой 1892—93 г. и эти последние остатки были уничтожены, лес выкорчеван.

Местность эта приглянулась поэту. «Все мені сниться ота благодать — і Дніпро, і темний ліс під горою», — писал он после Варфоломею Шевченку; для выбора усадебного места Тарас Григорьевич и совершал экскурсии, о которых рассказывают крестьяне.

Если идти от с. Пекарей вверх, то сначала берег представляет из себя высокие крутизны, обрывающиеся прямо в Днепр, версты полторы выше, сейчас за урочищем, называемым Княжей горой, обрыв берега имеет всего 6—7 саж. в высоту, и на такой высоте расположен ряд террас, разделенных оврагами; такие террасы лежат под следующими, за Княжей горой, урочищами — Марьиной горой, Малым Городищем и Великим Городищем; над террасами, уже сравнительно на большую высоту, поднимаются горы, но не крутыми обрывами, а отлогими скатами. Среди окружающих высоких гор террасы эти, будучи невысоко подняты над водой и представляя более или менее ровную поверхность, наиболее удобны для устройства усадьбы.

Одна из таких террас, именно терраса, лежащая у подошвы Великого Городища, была выбрана поэтом, как рассказывал дед Опанас Дьяченко, для своей усадьбы.

Что именно эта местность, а не Чернеча гора, на которой погребен поэт, была облюбована им, вопреки общепринятому в последнее время мнению, которому подпал Василь Галушковский (см. рассказ 1), на это, кроме рассказа деда Опанаса, указывает и следующее: с. Пекари принадлежало помещику Парчевскому и при покупке земли, лежащей над Великим Городищем, которое относилось к пекарскому имению, Шевченку пришлось иметь дело с Парчевским; вследствие невольного отъезда в Петербург, Тарас Григорьевич поручил устроить дело с покупкой усадьбы Варфоломею Шевченку, который и взялся за хлопоты, но тут препятствие явилось со стороны того же Парчевского, начавшего, по выражению Варфоломея Григорьевича, — «крутить хвостом» *. Варфоломей Григорьевич начал поиски другого места. Предлагал он Тарасу Григорьевичу основаться и у м. Триполье, на крутом берегу Днепра, и у с. Рудяков, на левом берегу; Максимович усту-

* Личность этого Парчевского вполне выяснилась вскоре после смерти Тараса Григорьевича. По его доносу возникло целое дело о некоторых лицах, оставшихся в Пекарях после погребения поэта — «Тревога над свежей могилой Шевченка» И. Билыка, «Киевская старина», 1886, апрель.

пал Тарасу Григорьевичу часть своей усадьбы,— но все это было не то, чего требовалось поэту. По поводу предложения он пишет Варфоломею Григорьевичу: «Видно Дніпро, та здалека, а мені його треба коло порога. А тим часом дбай дубовий, березовий, ясеневий, кленовий і липовий ліс: мені тільки й треба, щоб робоча була дубова, та круглий ганок стекляний на Дніпро. Ліс зложи коло Пекарів, нехай сохне». Наконiec Варфоломей Григорьевич остановился на живописной местности, лежащей у предместья Канева,— Монастырек,— и пишет поэту: «Вище по Дніпру од того місця, де ти сам вибрав, коло Пекарів, на правому ж березі — між Каневом і Пекарями, на високій горі, є лісочок, посеред того лісочка — поляна, далеченько од города; внизу кілька рибачих хаток. На тій горі дуже багато дичок,— яблунь і груш,— садочок можна розвести. А любий староденний Дніпро буде здаватися тобі під ногами. Кринишна вода неподалеку, і риба щоранку буде свіжа, бо рибалки поперед поріг возитимуть у город». Это была гора Чернеча, принадлежавшая г. Каневу; дело о покупке и этой усадьбы затянулось, и поэту так и не пришлось уж более любоваться роскошным видом, открывающимся с нагорного берега на Заднепровье,— Чернеча гора приняла лишь бранные останки его.

Из этих данных о покупке усадьбы ясно, что выбранный Шевченком участок земли не Чернеча гора, а место, лежащее ниже ее. Дед Опанас Дяченко указывает на террасу, лежащую под горой «Велике Городище», как на выбранную поэтом; нам кажется, нет никаких данных для сомнения в правдивости этого сообщения; припомним слова самого Тараса Григорьевича: «Все мені сниться ота благодать — і Дніпро, і темний ліс під горою», они также говорят в пользу этого сообщения.

Интересно упоминание Опанаса о том, что «Шевченко хотів завод бумажний строить»; любопытно было бы выяснить, имел ли в виду Тарас Григорьевич что-нибудь подобное.

Упоминаемый затем дед Перехрист, стороживший лес по поручению Тараса Григорьевича, уже покойник, и рассказ его о Шевченке для нас потерян.

Вышеприведенные рассказы крестьян не прибавляют ничего особенно нового к биографии поэта, но они интересны, как рисующие личность поэта при непосредственных сношениях его с тем народом, истинным певцом которого он был. Между прочим, здесь заслуживает внимания одна черта — это щедрость Тараса Григорьевича; скорбя душой о судьбе всего народа, поэт, при встречах с отдельными единицами его, старался, чем мог, облегчить их тягостное существование.

II

Перехожу к тем из рассказов, в которых личность Шевченка является освещенной народной психологией*.

Шевченко-поэт, Шевченко-художник мало интересуется народ; все внимание его обращено на Шевченка-человека, на то, чем жил этот человек. Народной массой, обладающей, несмотря на кажу-

* При разборе этих рассказов, они, для большего удобства, распределены по отдельным группам.

щееся отсутствие беспристрастного анализа, способностью по достоинству оценить все, что имеет к ней отношение, этой чуткой народной массой было понято и то, что составляет основу поэзии Шевченка, была понята его безграничная любовь к простому люду, находившемуся под гнетом неволи. Обстоятельство это, в связи с совпавшим по времени подготовлением к великой реформе и самим осуществлением реформы, в корень изменившей строй народной жизни, оставили глубокий след в народе, были причиной, сделавшей имя Шевченка популярным, давшей ему место среди народных героев.

Эти факты действительной жизни служат основанием. При изложении их была приложена схема, выработанная прежде; сообразно ей изменены частные эпизоды, случайно прибавлены новые, не имеющие реальной основы, и, таким путем, вокруг имени Шевченка образовался целый цикл рассказов.

Со смерти Шевченка прошло 33 года. Теперь трудно определить тот момент, с которого начали циркулировать в народе рассказы, касающиеся его личности; но начало их относится ко времени, когда Шевченко был еще жив; об этом мы имеем прямое свидетельство, касающееся именно данной местности; вот что пишет, между прочим, Максимович к поэту в Петербург из Михайловой горы: «Не забывайте нас и хоть изредка отзывайтесь к нам сюда, на берега днепровские, где, в окрестностях Михайловой горы, вы оставили о себе живейшие и самые сердечные воспоминания. А на правой стороне Днепра вы стали лицом мифическим, о котором идут уже баснословия и легенды, наравне с преданьями старых времен».

Как видно будет из дальнейшего, крестьяне с. Пекарей знакомы с действительными фактами из биографии Шевченка,— в основе большинства легендарных рассказов их все-таки лежат реальные факты. Знакомство это можно объяснить, помимо вообще быстрого распространения в массе разного рода сведений, еще также и специальным участием лиц (как, напр., Григ. Ник. Честаховский), знакомивших жителей этого села с биографией поэта.

Обращаюсь к рассказам. Начну с того: кто такой Шевченко по мнению народа? Это прежде всего человек необыкновенный, так как выбиться из крестьянской среды (народ знает о принадлежности к ней Шевченка), выбиться притом во время господства крепостного права, мог только человек, выдающийся из ряда простых смертных. При более тесной характеристике Шевченка, мы встречаемся с несколькими определениями: Шевченко «лицар дуже великий був», причем, он наделяется сверхъестественными качествами, присущими старым героям народных сказаний; так, напр., он обладает способностью превращения: «Оце він такий буде лицем, зараз, через час міста, він і переміниться». Нужно заметить, что это мне сообщал человек, видевший Шевченка, у которого поэт был в хате; он, конечно, не мог заметить в нем ничего необыкновенного, но здесь мы встречаемся с влиянием массы, с силой массового верования. Подобное же определение приводится Смоктием в вышеуказанной заметке, в записанном им в Звенигородском уезде, Киевской губернии, рассказе: Шевченко тут назван «великим характерником»,— название, прилагаемое малорусским народом ко всем лицам, обладавшим, по его мнению, сверхъестественной си-

лой. Более реальный характер носит следующее за тем определение — «мудрицей був великий», и совсем реальное, дающее возможность проследить, как с изменением условий жизни изменяется и взгляд народа на ту внешнюю форму, в которую облекается его герой, именно, что Шевченко «був великий начальник». Следствия, вытекающие отсюда, очень интересны, как дающие понятие о взгляде народа на те блага, какие являются соединенными с обладанием властью: «він (Шевченко) в Каневі, в казначействі, брав грошей скільки хотів...»

Вот еще один рассказ на тему, общераспространенную и любимую народом — это переодевание лиц, власть имевших, в простую одежду. Дело в данном случае касается действительного факта — ареста Шевченко в то время, как он из с. Пекарей переправлялся в лежащее насупротив с. Прохоровку, где жил М. А. Максимович: «Його тут доганяли, пристав хотів його заарештувати, він переїхав на той бік та одягся, і у його були нашивки на плечах, то тоді вже пристав підняв два пальці. А так він ходив у каптанці...»

Обыкновенно зачатие и появление на свет такого рода выдающихся людей происходит, по народным понятиям, необычным путем. По отношению к Шевченку я не встретил рассказов, трактующих об этом, быть может, вследствие малого числа записанных мною рассказов. Зато юность Шевченка обставлена различного рода случаями, уже в то время указывавшими, что мы имеем дело не с простым смертным. Замечу, что в основу многих из них положены факты, в действительности имевшие место в юности Шевченко и занесенные в его биографию.

Выучился грамоте Шевченко следующим образом: «Він пас гуси, а панські діти учились у школі, а Тарас підійшов під вікно, да так і навчився».

Следующие затем рассказы имеют соответствие с действительными фактами биографии: «Як Шевченко був малий, то батько став ділити землю, другим братам його дав, а йому не дав і сказав: «Це такий, що йому землі не треба». В статье Конисского «Детство и отрочество Шевченка» об этом говорится следующее: «Отец Шевченка, будучи на смертном одре, сказал: «Синові Тарасу з мого хазяйства нічого не треба, він не буде абияким чоловіком: з його буде або щось дуже добре, або велике ледащо; для його моя спадщина або нічого не значитиме, або нічого не допоможе».

Далее в нашем рассказе передается, как Шевченко ушел из дому: «Ото він пішов; іде, іде, аж ось чоловік оре та й питає його: «Куди йдеш?» А Шевченко каже: «Іду шукать кінця краю, бо небо стоїть на чотирьох сохах, і там кінець краю». Эпизод этот очень близок к действительности; в той же статье Конисского о нем сообщается так: «Раз, лежа в саду под деревом и углубясь в созерцание ясного голубого неба и находящейся в поле против сада «могилы», Шевченко-мальчик задался вопросом: «А що там за горою?» — и, решив, что там должны быть те железные столбы, «которые подпирают небо», он решился отправиться к ним и посмотреть, «как там они подпирают небо». И вот он пошел. Но едва не заблудился, и, благодаря встретившимся чумакам, вернулся домой».

В рассказе, мною записанном, путешествие Шевченка на этом не прекращается: «А то ще хлопцем іде він, а чоловік руба дуба...»

Далее следует известный рассказ «Сіра кобила», в котором крестьянин, желая срубить дерево, росшее над обрывом, чтобы предупредить падение дерева в овраг, привязывает вершину его к своей лошади; в результате и дерево и лошадь очутились в «круче». В этом рассказе, случайно связанном в данном случае с именем Шевченка, последний советует привязать дерево к лошади. «Так він такі штуки скрізь перевозносив», — добавил рассказчик. Шевченко пошел дальше: «Йшов він, йшов, до того дійшовся, що дійшов до маляра, і взяв його за учителя; та й став лучче малювати, як маляр. Прийшов до того маляра більший начальник, маляр показує портрет, що написав Шевченко, то начальник пристав до маляра: «Одай мені Шевченка»; то маляр й продав його йому; а поміщик став одбирати; а він потім дійшов до такого розуму, що нікого не було його розумніше». И этот рассказ построен на фактах действительных, здесь сокращенных и облеченных в простую форму.

Юность прошла; период приготовления к той деятельности, в которой должно проявиться истинное назначение героя, закончился. Наступает время действовать. В чем же выразилась, по мнению народа, деятельность Шевченка? Какие качества требовались от этой деятельности для того, чтобы, благодаря ей, Шевченко стал в ряду других народных героев? Условия, предлагаемые в настоящем случае народом своему герою, остаются теми же, каковыми они были с давних времен: это любовь к народу, близкое участие в его нуждах, борьба за его интересы. Все это народ видит и в деятельности Шевченка. В деятельности героев, относимых к прошлому времени, когда интересы политической жизни были не чужды народу, когда, как это было, напр., в Малороссии во время борьбы ее за свою самобытность, они были делом общенародным, в деятельности героев важное, иногда преобладающее место занимают подвиги, относящиеся к сфере этой политической жизни. В последнее же время интересы народа сузились, ограничились сферой своей внутренней жизни. В чем же здесь выразилась деятельность Шевченка? Припомним, что дело идет об эпохе наиболее обострившихся отношений между крестьянами и их владельцами. Шевченко, признаваемый народом «своим», олицетворяет собой серый люд, ведет борьбу за его освобождение.

Таким образом «воля» и является тем событием народной жизни, которое, благодаря своему огромному значению для народа, привлекло его внимание к Шевченку и служит источником возникновения целого ряда рассказов, соединенных с его именем.

Деятельность героя закончилась; пора уходить со сцены. И в этом случае по отношению к Шевченку мы встречаемся со старым мотивом. На мои расспросы о похоронах Шевченка один из рассказчиков говорил: «Як ховали, то я був біля самої могили; бачив — ховали труну, так чорною клейонкою покрита, а чи він був у труні, чи не було, про те не знаю». Немного спустя, более откровенным тоном рассказчик категорически заявил: «Та ні, там його не було, він і досі живий десь ходить». На мой вопрос, почему он так думает, он продолжал: «Ви ж повинні знати, — як чоловіка ховають, то труну одкривають, а тут ні, труни не одкривали, і піп вічної пам'яті не співав; чоловіка можна і вчотирьох понести, а ту труну везло дівчат от як до сеї липи», при этом он указал на стоявшую

довольно далеко липу. В литературу попало несколько подобного же рода рассказов. В статье Кузьмичевского «Шолудивый Буняка в украинских народных сказаниях» мы встречаем следующий вариант: «Недавно один галичанин, посетивший Киевскую губернию, сообщил, что там существует легенда о бессмертии Тараса Шевченка, что будто он находится в Сибири, прикованный к столбу, что столб этот уже подгнил, а когда сгниет совсем, то Шевченко воротится к своим». Уже известный нам Галабурда так говорил о смерти Шевченка: «Тарас три рази умирав, та не вмер: він і тепер живе, а поховали тільки його прозваніе».

Не только личность Шевченка, но также и могила его привлекла народное внимание, дала повод к возникновению рассказов и легенд.

Например, в рассказе, записанном Смоктием о могиле Шевченка, говорится так: «великий характерник» Шевченко ездил по свету и отбирал у панов «різні листи»; после его смерти «труна», в которой он должен был бы быть, оказалась полной «разних списів-бумаг», его же самого не было. «Кажуть, що після хтось-то хотів ту могилу розкопати, та забрать списи, та у того чоловіка одібрало руки і ноги, то він і покинув докопувати».

Существует также среди крестьян с. Пекарей, как это мне передавали некоторые лица, поверье, что в могиле закопаны ножи, о том же упоминается и в статье Билька. Быть может, причина возникновения этого поверья лежит в ознакомлении крестьян поклонниками Шевченка с его произведениями, между которыми могли быть сообщены и «Гайдамаки».

Есть также рассказы, которые и мне приходилось слышать, что Шевченко погребен в разных местах.

Записанные рассказы составляют несомненно самую незначительную часть обращающегося в народе материала. Остается только пожелать, чтобы исследователи нашего народного быта, да и вообще все, кому дорога память Шевченка, обратили внимание на этот в высшей степени интересный предмет.

III

Воспоминания о Шевченке вызывают в памяти рассказчиков воспоминания и о других лицах и событиях, близких по времени.

Крестьяне хорошо помнят «Грыця». Так они называют Григория Николаевича Честаховского, сопровождавшего гроб Шевченка из Петербурга и оставшегося после похорон для присмотра и приведения в порядок могилы поэта. Григорий Николаевич... знакомил окрестных жителей с произведениями и биографией Шевченка; благодаря доносу о нем, и возникло вышеупомянутое дело, подробно изложенное в статье И. Билька. Как можно судить по рассказам, Гр. Ник. пользовался симпатией крестьян. Особенно много рассказывала о «Грыце» баба Опанасыха — жена Опанаса Дьяченка; распространялась она особенно о том, как она «ляха воювала». «Лях», экононом помещика Парчевского, хотел отобрать подаренные ей Честаховским какие-то две книжечки, но баба ни за что их не отдавала; дело дошло до рукопашной, и экононом был с позором

выгнан из хаты; за эти книжечки и дед Опанас сидел три дня в расправе, и голодом его морили — все расспрашивали, что говорил им «Грыць». Вместе с «Грыщем» бывал в Пекарях и какой-то «білий паныч», о котором я мог всего лишь узнать, что «штани у нього наче спідниця — сині».

Рассказчики мои по большей части — «діди», которым хорошо памятливы времена крепостного права, и жутко иногда становилось, слушая эти бесхитростные повествования о делах недавнего прошлого. Особенно памятен жителям с. Пекарей экономом помещика Парчевского некто Буркот, отличавшийся положительным зверством: «Ото побачить чоловіка, та так, з доброго дива, и почне бить; б'є, б'є поки не втомиться...» Памятны также и времена, близкие к освобождению: один «чоловік» заговорил о «воле» (в то время подготавливалась реформа), его сейчас бить: «два дні б'ють, а третій дають одійти,— завернуть в рядно та й положить, а потім знов два дні б'ють... Так і забили до смерті...»

В. Я. Карташевская

К ИСТОРИИ СВАТОВСТВА ШЕВЧЕНКО

Я познакомилась с Шевченком в 1858 году, когда его вернули из ссылки. Встретилась я с ним на вечере у В. М. Белозерского, приятеля брата Nicolas. С первого нашего знакомства у нас с Тарасом Григорьевичем завязались дружеские отношения. Он приходил часто по вечерам. Говорил откровенно о своей неудачной и загубленной жизни. Читал мне стихи. Раз вечером очень взволнованный ходил по комнате и попросил у меня лист бумаги, присел и написал мне «Садок вишневий коло хати». Он признался, что на старости лет ему хотелось бы жениться и иметь такую обстановку с хаткой и садиком. На его горе, в 1859 году татам приехала ко мне и привезла с собою Лукерию. Она ему очень понравилась. Действительно, она была молода, свежа, но я уверяла его, что нравственно она ничего не стоит; ко всем своим недостаткам она была очень ленива. Он поэтизировал ее и говорил, что все эти недостатки пройдут, когда она будет чувствовать себя свободной. Он ошибался. По приезде моем в Петербург, я просила братьев дать лакею Николаю свободу, а позже и Лукерии дали свободу. Это не изменило ее к лучшему. Я вспомнила, что Лукерия приехала в Петербург совсем больная; доктор объявил у нее чахотку. Мы все потревожились, и добрый Николай сам отвез ее в больницу, где она провела шесть недель. После болезни она очень расцвела, и бедный Шевченко более прежнего влюбился. Весной в 1860 году я с больным мужем уехала за границу, а Лукерию поместила у жены Кулиша. Там Лукерия не хотела работать, и Шевченко перевез ее к своим приятельницам, м-м Ивановой, сестре графини Толстой. Ее там баловали и носили на руках. Нашли нужным взять ей

учителя, который, как говорили, начал за ней ухаживать. Бедный Шевченко не выдержал, разбранил ее и прогнал. Лукерия писала мне за границу, что она умоляет меня опять взять ее в услужение. Но я категорически отказала и советовала искать места. Она была недолго во французском магазине, где продавала белье, а потом переехала в Царское Село и вышла замуж за парикмахера. Не-

Т. Г. Шевченко
Портрет Лукерьи Полусмаковой
Карандаш. 1860

сколько лет тому назад она приходила ко мне, но я ее с трудом узнала, до того она изменилась. Объявила, что она прогнала своего мужа за пьянство, но парикмахерскую не закрыла.

Бедный Шевченко был очень огорчен своим неудачным сватовством. Я с Надей ездила в Академию к нему. Он рисовал Надин портрет, который, к сожалению, исчез, как все мои вещи, оставленные в Питере. С Тургеневым я случайно встретилась у Шевченка в его студии. Он слышал о наших малороссийских вечерах и про-

сил позволения приехать. Тогда появилась малороссийская писательница Марко Вовчок (Маркович). Белозерский и Шевченко возносили ее до небес. Шевченко после каждого рассказа кричал: «Шекспир, Шекспир!»

Наталка Полтавка

ВОСПОМИНАНИЯ О Т. Г. ШЕВЧЕНКО

І. МОИ ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Лично я знала Шевченко мало, так как мне не было еще и пяти лет, когда он умер; однако, имея хорошую память на воспоминания, пусть даже самые ранние, я кое-что все же могу припомнить о нем. Помню его фигуру, крепкую и широкую, его усатое, добродушное лицо, его ясный, ласковый взгляд из-под густых, будто насупленных бровей... Припоминаются и некоторые связанные с ним эпизоды, в которых и мы, дети, играли не последнюю роль. Хочу сразу же сказать, что его образ так не врезался бы в мою память и не запал так глубоко в душу, если бы не то великое уважение, не та искренняя, сердечная любовь и глубокое сочувствие к нашему поэту, которые постоянно жили в среде, где я росла... Я еще ребенком, можно сказать, чуть не с колыбели, привыкла его уважать, а шести-семи лет уже обливалась горькими слезами, читая его «Тополю» или «Наймичку»... Помню, когда он умер, при мне рассказывали о его похоронах, а я потом не спала ночь, все представляла себе в мыслях эту тяжелую, грустную и вместе с тем величественную картину, не замечая, что обливаюсь слезами — вся подушка мокрая!

Близкий знакомый или, лучше сказать, приятель моих родителей, Тарас Шевченко довольно часто заходил к нам, и мы, дети, разумеется, всем сердцем любили и уважали нашего «дядю Кобзаря», как мы его называли.

Помню, однажды вечером, в Петербурге, собралась вся наша семья в столовой за чайным столом. Я была очень встревожена, так как ожидали какого-то гостя, которого я почему-то недолюбливала и очень боялась — почему — и сама теперь не знаю, но только с самых юных лет мои симпатии и антипатии определялись всегда очень четко... Так вот, пьем мы чай, а я все прислушиваюсь, не звякнет ли звонок, и боязливо оглядываюсь на дверь, едва кто стукнет...

Вдруг слышу: «дзень» — у дверей. Моментально схватившись со своего места, я опрометью бросаюсь прятаться в отцовские колени... Слышу — кто-то вошел, но молчит, не подает голоса — видимо, ему уже сказали... А я замерла и не двигаюсь — так уж мне страшно, так страшно!..

— А погляди-ка, кто пришел? — хитро и весело говорит мне отец.

Я догадываюсь, что надо мной хотят подшутить, и не двигаюсь.

— Да что ты?.. Это не тот «дядя», не бойся, глупенькая! Вот погляди!

Но нет, меня не проведешь — я не поддаюсь...

Отец смеется, берет в руки мою голову и мягко приподнимает с колен. С превеликим страхом я открываю крепко зажмуренные глаза и вижу — передо мной стоит большой, лысый, усатый дядя и добродушно улыбается, глядя на меня своими ясными глазами.

— Дядя Кобзарь! — воскликнула я радостно и вмиг повисла у него на шее.

Что и говорить, дети любили Кобзаря! Недаром он говорил о себе: «Кого любят дети, тот, значит, еще не совсем пропащий человек!» И это святая правда... Дети каким-то инстинктом распознают по-настоящему доброго человека, пусть даже под суровой внешностью, а фальшь и лукавство тотчас угадывают, как ни мажь их сладким медом.

Припоминается и другой эпизод, будто золотым солнечным лучиком выделяющийся в моей памяти своим светлым колоритом. Это было на даче в Стрельне, куда мать выезжала с нами на лето. Тарас Григорьевич и тут частенько нас навещал. Возьмет, бывало, меня и мою младшую сестру Маню (меня он называл «мое маленьке», а мою сестру — «мое велике») и пойдет с нами гулять. Однажды пришли мы с ним на какую-то лужайку, какую именно — теперь не припомню. День стоял ясный-ясный, прямо золотой — один из тех дней, какие бывают только в беспечном, счастливом детстве и уже никогда потом не забываются... Мы с сестрой, веселые и юркие, как воробышки, неумоимо бегали по лужайке, собирая пахучие яркие цветы, и целыми охапками наперегонки таскали их дяде Кобзарю. Хорошо помню, как он сидел на краю рва и, свесив голову на руки, глубоко задумавшись, глядел перед собой куда-то вдаль. О чем он думал, что творилось в его тоскующей душе, какие образы витали в его могучем воображении, я, разумеется, тогда не догадывалась, но теперь, через столько лет, как живой вижу перед собою эту задумчивую выразительную фигуру, будто поднятую на пьедестал посреди зеленого моря и всю облитую золотым солнцем... Вот таким я его вижу и таким, если бы была художником, нарисовала бы его на картине. Мы подбегали к нему и, смеясь, бросали ему цветы на колени. Он поднимал голову и, тихо усмехаясь, гладил нас рукой по стриженным головкам.

Видится мне еще, будто сквозь сон, как он в другой раз сидел у этого самого рва на лужайке и, закрыв лицо руками, горько плакал, а мы с сестрой, испуганные и опечаленные, молча стояли перед ним, недоумевая, о чем это он плачет... Припоминается мне также девушка в корсетке с темно-русыми косами, по имени Лукерья, которая, как я потом узнала, была помолвлена с Шевченко. Больше, кажется, ничего не припомню.

Помню только — был такой же ясный, солнечный весенний день. Мы с отцом гуляли по Смоленскому кладбищу (в Петербурге) и все допытывались, где могила дяди Кобзаря?..

Земля тебе пухом, дядя Кобзарь!

II. ВОСПОМИНАНИЯ МОЕЙ МАТЕРИ

1. ЕЕ ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ТАРАСОМ ШЕВЧЕНКО

В первый раз моя мать встретила Шевченко в январе 1847 г. в их родовом поместье Мотроновке, Черниговской губернии, Борзенского уезда, куда она, будучи уже более года замужем, приехала на свадьбу своей младшей сестры А. М. Кулиш.

Тарас был боярином у невесты, и мать хорошо помнит, что на шее у него, как всегда, был повязан красный шерстяной шарф, выглядевший очень странно и оригинально на свадебном балу, среди бальных костюмов. Бал был пышный, гостей собралось до сотни, и молодежь весело танцевала под звуки музыки в просторном зале. Шевченко не танцевал, но был как-то радужно-весел и все приглашал невесту с моей матерью в какой-то укромный уголок и учил их петь песню «Ой зійди, зійди, ти зірньо́к та вечі́рня». Мать стеснялась и не хотела петь, а ее сестра училась у него и потом очень красиво пела эту песню. (Несколько песен с ее голоса переложены Маркевичем в «Записках о Южной Руси»). Хотя Тарас держался на балу вовсе не так, как требовалось от светского кавалера, но он очень понравился молодым женщинам своей оригинальностью, и они без сожаления оставляли танцы, и шли за ним. Несомненно, что и они, со своей стороны (обе молодые, красивые, стройные — моя мать была одета в пышное розовое тарлатановое платье с бахромой стального цвета, а невеста, вся в белом шелку, как лилея, с миртовым веночком на голове), также произвели сильное впечатление на молодого поэта и художника... Недаром ему тогда так хотелось обучать их этой песне!..

Далеко за полночь отужинали, а утром следующего дня Шевченко собрался уезжать. Прощаясь, он обратился к невесте: — Что вы мне подарите в память об этом дне?

Не долго думая, она сорвала цветок со своего миртового венка и протянула ему.

Все старушки так и ахнули: «Быть беде!» (Говорят, не принято отдавать кому-либо цветок со свадебного венка.)

И вправду, вскоре после этого были арестованы ее муж, ее брат, Шевченко, Костомаров и другие.

2. ЛУКЕРЬЯ

Вернувшись в Петербург из ссылки, Шевченко, как я уже говорила, нередко бывал у нас и здесь-то познакомился он с Лукерьей. Было это так.

Весной 1860 г. госпожа Карташевская, уезжая за границу и не будучи лично знакома с нашей семьей, очень просила через своего брата г. Макарова мою мать и г-жу Кулиш, гостившую тогда у нас, принять к себе на это время ее крепостную девушку Лукерью, которую она привезла с Украины и теперь боялась оставить одну в Петербурге. Моя мать долго отказывалась, опасаясь брать на себя такую ответственность и не желая иметь в своем доме чужую прислугу, но потом согласилась на неотступные просьбы г. Макарова, бывшего другом нашей семьи, а может, и на просьбы

своей сестры г-жи Кулиш,— особы очень добросердечной,— и приняла к себе сироту Лукерью.

С самого начала Лукерья оказалась девушкой ленивой, неопрятной и весьма легкомысленной. Вставала она по утрам позже матери, ничего в доме не делала, лишь вышивала какие-то лишты, будто бы заказанные ей госпожой. Ходила она всегда неумытой, с грязной шеей и нечесаными волосами, однако была весьма кокетлива и любила покрасоваться своей тонкой, гибкой фигурой, для чего носила шнуровку под вышитой сорочкой и заводила любовные интриги с соседскими лакеями, таскавшими ей в карманах жареную дичь на гостинец. Лукерье тогда было лет двадцать, однако красивой, в строгом смысле, ее нельзя было назвать — обычная приятная, украинского типа девушка: среднего роста, круглолицая, немного веснушчатая, кареглазая, рот маленький, губы пышные, вишневые, косы тугие, темно-русые. Только фигура ее, тонкая в стане и пышная в плечах, была очень хороша, и Лукерья отлично это знала... Одевалась она всегда по-украински. Как для простой девушки,— добавляла мать,— она была очень хитра и умна. Сначала она не получала у нас никакой платы, по потом, когда наша прислуга, недовольная тем, что Лукерья не хочет ей ни в чем помогать, рассчиталась, мать стала платить Лукерье два рубля в месяц с тем, чтобы она нам прислуживала. Однако и тогда от нее было мало толка, особенно, когда она была помолвлена с Шевченко, и матери было уже неудобно заставлять ее прислуживать.

На лето, как всегда, мы выбрались на дачу в Стрельну; Лукерья тоже поехала с нами.

Стрельна расположена в двадцати одной версте от Петербурга; здесь было много дач и «Цветочный сад» великого князя Константина Николаевича, где ежедневно играла полковая музыка и собиралась на гулянье публика.

Шевченко приезжал к нам из Петербурга утром, пешком шел со станции (кажется, четыре версты), а вечером возвращался домой. На музыку он никогда не ходил, а больше гулял с нами, детьми, в садике возле дома или уводил нас куда-нибудь подальше, на луг.

Позже, когда он был помолвлен с Лукерьей, то, разумеется, все время проводил со своей милой «в тихих розмовах»...

Мать ничего такого не замечала между Шевченко и Лукерьей, ей и в голову это не приходило. Ей казалось, что он относится к Лукерье, как относился бы к любой девушке — землячке и сироте: сердечно, приветливо, и не более того. Как же она была поражена, когда однажды Тарас, вернувшись из сада, где он о чем-то долго говорил с Лукерьей, признался матери, что любит эту девушку и хочет на ней жениться. Когда мать услышала это, ей показалось, будто потолок свалился на голову и придавил ее.

— Боже мой,— воскликнула она, не помня себя от гнева и удивления,— что вы задумали, Тарас Григорьевич?! Неужели вы не знаете, что такое эта Лукерья?!

И тут же сразу, не раздумывая, она выложила ему все, что знала о Лукерье недоброго, и стала убеждать его оставить свое странное намерение.

Однако, как и следовало ожидать, Тарас не только не послушал

этого дружеского совета, высказанного столь неосторожно, а еще и разгневался на мать, которая обидела своими словами дорогого ему человека, и в запальчивости сказал:

— Хоч би й батько мій рідний устав з домовини та сказав мені, то й його б я не послухав!

С тем он и уехал, страшно сердитый на мою мать.

Мать, очень встревоженная всей этой историей, тотчас известила друзей Шевченко. Чтобы показать, какой переполох произвело среди них намерение Шевченко жениться на Лукерье, привожу извлечение из письма одного из них:

«13/25 августа 1860 г.»

«Боже мой!.. Боже мой!.. Чему вы допустили статься, добрейшая, любезнейшая Надежда Михайловна!.. Странно и грешно сказать, но если бы Лукерья прельстилась жареной курицей и отдалась лакею, карманы которого до сих пор доснятся от этой птицы, сердце мое не было бы так разбито, как разбилось оно теперь, при чтении последних полученных мною писем.

Не могу сказать, чтобы знал Лукерью так, как вы, однако я давно разгадал ее... Какое скверное лето!.. Какие грустные времена!..»

Эти краткие, но весьма выразительные строки говорят больше, нежели целая книга...

Как ни сердился Шевченко на мою мать за ее советы, она все же считала своим моральным долгом при каждой новой встрече отговаривать его... Но из этого снова-таки ничего не получалось: Шевченко слушался только своего сердца, а на мою мать еще более сердился за ее, как он считал, барский гонор, не дающий ей посмотреть на бедную крепостную девушку, как на такого же человека, как и она сама, гордая барыня... Он давно носил в своем болезненном сердце заветную мечту выкупить из крепостной неволи хоть одну людскую душу, — как он говорил, — «спасти душу». И вот ему представляется такой случай — неужели же он упустит его?.. Неужели пройдет мимо, не протянув руки?.. И из-за чего?.. Из-за ненавистного ему барского гонора?.. Да ни за что!.. Пусть говорят, что хотят, он никого не послушает, он поверит только своей Лукерье, той ясной зореньке, которая взшла для него, ярко осветив его темную, безрадостную дорогу... Нет, он никого не послушает, он спасет ее душу!..

Негде правды деть, была здесь не одна лишь мечта «спасти душу», здесь заговорило и одинокое сердце, захотелось тихого семейного покоя... Не случайно у Шевченко вскоре после разрыва с Лукерьей прорываются такие строки, полные безнадежного отчаяния и грустной, черной злобы на свою одинокую судьбу:

Якби з ким сісти хліба з'їсти,
Промовить слово, то воно б,
Хоч і як-небудь на сім світі,
А все б таки якось жилось.
Та ба! Нема з ким. Світ широкий,
Людей чимало на землі...
А доведеться одини́ком
В холодній хаті кривобо́кій
Або під ти́ном простягтись.
Або... Ні!.. Треба одружитись,
Хоча б на чортовій сестрі!

Бо доведеться одуріть
В самотині. Пшениця, жито
На добрім сіялись лану́,
А люде так собі пожнуть
І скажуть: Десь його убито,
Сердешного, на чужині...—
О горе, горенько мені!

4 ноября 1860 г. Петербург

И еще:

Минули літа молодії.
Холодним вітром од надії
Уже повіяло... Зима!
Сиди один в холодній хаті,
Нема з ким тихо розмовляти,
Ані порадитись. Нема,
Анікогісінько нема!
Сиди ж один, поки надія
Одурить дурня, осміє...
Морозом очі окує,
А думи гордії розвіє,
Як ту сніжину по степу!
Сиди ж один собі в кутку,
Не жди весни — святої долі!
Вона не зійде вже ніколи
Садочок твій позеленить,
Твою надію оновить!
І думу вольною на волю
Не прийде випустить... Сиди
І нічогісінько не жди!..

15 октября 1860 г. Петербург

Постоянное противодействие моей матери окончательно вооружило Шевченко против нее, и их отношения из сердечных, искренних, дружеских превратились в холодные, натянутые, чуть не враждебные.

Однажды он написал матери письмо, прося ее отпустить Лукерью в город, чтобы купить кое-что для приданого. Мать, разумеется, не отпустила, боясь лежавшей на ней ответственности за молодую девушку. Тогда Шевченко сам приехал и стал лично просить мать.

Она ему и тут категорически отказала, заявив, что по совести не может согласиться на его просьбу.

Страшно раздраженный, он со злой иронией спросил:

— А если бы мы были повенчаны, то отпустили бы?..

— Разумеется, отпустила бы,— спокойно ответила мать,— какое бы я имела тогда право ее удерживать?!

Не помня себя от гнева, Тарас тут же сел к столу и написал известные стихи. прямо направленные против моей матери:

Моя ти любо! Мій ти друже!
Не ймуть нам віри без хреста...

(Лукері на пам'ять 5 августа 1860 г.)

Тем временем Лукерья на все расспросы моей матери с наивным цинизмом признавалась, что не любит своего жениха, потому что он «старий і поганий», а выходит за него замуж лишь потому, что, «кажуть, він багатий».

Этого у матери уже не достало духу передать Шевченко, как бы ни хотелось ей, чтобы он отказался от Лукерьи.

Как-то осенью Лукерья простудилась и немного приболела. Узнав об этом, Тарас очень встревожился и, не зная, как проявить свою заботу, прислал Лукерье в подарок шерстяные чулки, теплый платок и какой-то старинный металлический большого размера нашийный крест с таким письмом к матери:

«Любая Надежда Михайловна! Передайте оцѣ добро Ликері. Я вчора тільки почув, що вона занедужала. Дурна десь тьопала по калюжах та й простудилася. Пришліть з Федором мірку з її ноги. Закажу теплі черевики, а може, найду готові, то в неділю привезу. Щирий ваш Т. Шевченко.

Перекажіть з Федором, чи краще їй, чи ні?»

Как только Лукерья получила гостинцы, она первым делом схватила крест и давай его скрести — не золотой ли? Увидев, что не золотой, она в сердцах отбросила его прочь и сказала, надув губы:

— Бог зна що!.. Я думала — золотий!..

В другой раз Шевченко, идя к нам со станции, по дороге собирал разных трав и связал из них Лукерье прекрасный, чисто артистический букет. Получив его в подарок, Лукерья, как только счастливый жених вышел в другую комнату, швырнула букет на землю и сердито плюнула:

— Таке, мовля, чортзна-що!.. Хоч би які квітки, а то трава!.. На сміх людям!..

Бедный поэт-художник и не догадывался о том, как приняла подарок его милая, его идеал, который он так высоко ставил в своих золотых мечтах...

И тяжело, и до боли грустно было друзьям Шевченко видеть эту трагикомедию или, лучше сказать, трагикомитрагедию, но что они могли поделать?!

Осенью мы вернулись в Петербург. Лукерье у нас была отведена отдельная комната, и Шевченко каждый вечер приходил к ней (к нам он теперь забегал лишь иногда днем, да и то на минутку). Случалось, он являлся очень поздно, часов в одиннадцать-двенадцать ночи, когда мы уже спали, посылал за пивом и просиживал вдвоем со своей милой далеко за полночь. Хотя отношения Шевченко к нашей семье стали теперь совсем не такими добросердечными, как ранее, он все же просил мою мать ездить с ним по магазинам, покупать и заказывать Лукерье приданое, которое хотел справить сам, на свои деньги. Как вспоминает мать, Лукерье было пошито тогда два пальто наподобие украинской свитки: одно — черное, плюшевое, отделанное неразрезным бархатом, другое — белое, суконное, на голубой шелковой подкладке, с отделкой из белого бархата и золотого шнура, с золотыми же филигранными пуговицами. Куплена была также черная круглая шляпа с перьями. Сделано было несколько украинских костюмов, в том числе голубая шелковая корсетка, куплено голландское полотно на сорочки и коленкор на юбки. Все эти покупки были привезены Шевченко к нам, и он сам рисовал эскизы вышивок для своей невесты.

Однажды Тарас, приехав к нам, сказал матери, что графиня Толстая, его старая приятельница, хочет взять к себе на жительство Лукерью. Мать поверила этому, но поскольку г. Макарова не было тогда в Петербурге, она посоветовалась с его братом г. Маркевичем, и они порешили вдвоем, что Лукерью можно отпустить, только чтобы г. Маркевич сам лично отвез Лукерью и, так сказать, сдал ее графине с рук на руки. В назначенный день Тарас приехал в карете за Лукерьей. Она распрощалась с матерью, потом они сели и уехали. Поехал с ними также г. Маркевич. «Невесту Шевченко графиня приняла очень приветливо,— рассказывал потом матери г. Маркевич,— усадила ее на диван, угостила шоколадом и заговорила с ней о литературе. Лукерья хитро виляла, чтобы трудно было догадаться, что она в этом ничего не смыслит». К сожалению, г. Маркевич вскоре уехал и не мог ничего рассказать, что было далее. Но на другой день Лукерья сама пришла к нам и рассказала матери о своем пребывании у графини. Выходит — она только переночевала там, а затем Шевченко нанял отдельную квартиру, где и поместил ее. Затем Лукерья пожаловалась на своего жениха:

— Да и какой ведь противный,— говорила она матери,— хозяйка предлагала комнату с прислугой, так он не захотел, велел, чтобы я сама убирала: «Що,— каже,— нехай побачу, яка ти у мене чепурненька».

Мать была удивлена этим известием и не хотела ему верить, но тут же получила от Шевченко следующее письмо:

«Многоуважаемая Надежда Михайловна!

Вручите Федорові мізерію і паспорт моєї любої Ликери и примите мою искреннюю благодарность за ваши материнские попечения о сироте Ликери и за внимание ко мне, нехитроственному вашему другу Т. Шевченку. 1860 г. 6 сентября».

Что было делать — собрала мать просимые вещи и передала их посланному. Но на сердце у нее было очень беспокойно...

Прошло несколько дней. Лукерья не раз забегала к нам и рассказывала матери о своей новой жизни. Между прочим, она похвасталась, что Тарас подарил ей дорогие кораллы на шею и двести рублей денег серебряной монетой. А сама тем временем понемногу забирала от нас, что оставалось от ее пожитков.

Придя однажды, она снова стала жаловаться на своего жениха:

— Сердитый такой, увидел в графине воду, что я забыла дня два переменить, так раскричался на меня, так кричал, господи!.. Не пойду за него,— сказала она затем.

— И что же будет? — спросила мать.

— А так и будет,— ответила Лукерья,— вот заберу все то, что он мне дал, а за него таки не пойду!.. Такой старый, некрасивый, да еще и сердитый!..

Мать ничего на это не сказала. Хоть и тяжело ей было слушать такие речи от невесты поэта, однако она все же была рада, что дело оборачивается таким образом.

Вскоре после этого вновь прибежала Лукерья, очень встревоженная, и, лишь только мать открыла ей дверь, бросилась к ней, схватила ее руку и быстро, горячо поцеловала. Мать была очень удивлена и смущена, ибо ранее никогда не бывало, чтобы Лукерья целова-

ла ей руки. Мать заметила, что это не пристало невесте Шевченко.

— Я уже, слава богу, не его невеста! — с радостью ответила Лукерья и тут же рассказала матери, что между ними произошло.

Шевченко, придя к ней по обыкновению, увидел у нее в комнате страшный беспорядок: вода в графине несвежая, застоявшаяся, на столе налито, тут же валяется гребешок с вычесанными волосами и брошены грязные чулки, постель не прибрана, пол не метен...

— Он так и бросился на меня с кулаками, — рассказывала Лукерья далее, — да как закричит на меня: «Я не хочу такої!.. Мені не треба такої жінки!..» А я тоже говорю: «І мені такого чоловіка не треба! Старий та поганий!..» — да и вышла из комнаты.

Это так рассказывала Лукерья, а так ли оно было на самом деле — неизвестно. Шевченко ничего о том не говорил, сказал лишь, что это «гадость», «мерзость», он только и просил ее быть опрятной, и что он «не выдержал»...

Положим, это правда, что Тарас требовал от Лукерьи опрятности, он и при матери не раз говорил ей:

— Гляди, Ликеро, щоб була чепурненька... Я нічого не хочу, аби була чепурненька... Важкого ти в мене нічого не будеш робити, хіба звариш борщу або пошиєш мені сорочку... Та одно знай — щоб була чепурненька, бо неохайних я не терплю...

И мать, зная эту его особенность, строго следила, чтоб Лукерья содержала себя в чистоте; но все же, как бы там ни было, не может быть, чтобы Шевченко оставил свою невесту только из-за ее неопрятности... Ведь ему давно было известно, что она нечистоплотна, и между ними происходили из-за этого ссоры; однако он все же не бросал ее!.. Мне кажется, что скорее его поразили в самом сердце жестокие слова Лукерьи: «І мені такого чоловіка не треба! Старий та поганий!..» У него лишь теперь открылись глаза, и он впервые увидел, что она его не любит, а выходит за него только ради выгоды. И он «не выдержал» — не выдержал, ибо любил ее — любил, даже покидая...

Вот что говорит он в своих грустных стихах:

Не журюся, а не спиться
Часом до півночі —
Усе світять ті блискучі
Твої чорні очі.
Мов говорять тихесенько:
«Хоч, небоже, раю?
Він у мене, тут, у серці».
А серця немає,
И не було його ніколи,
Тільки шматок м'яса...
Нащо ж хороше і пишно
Так ти розцвілася?
Не журюся, а не спиться
Часом і до світа,
Усе думка пробиває:
Як би так прожити,
Щоб ніколи такі очі
Серця не вразили.

(«Воспоминания Чужбинского»,
1861 г. Петербург).

Поставлю хату і кімнату,
Садок-райочок насажу;
Посижу я і похожу
В своїй маленькій благодаті,
Та в одині-самотині
В садочку буду спочивати,
Присняться діточки мені,
Веселя присниться мати,
Давне-колишній та ясний
Присниться сон мені!.. і ти!..
*Ні, я не буду спочивати,
Бо й ти приснишся! І в малий
Райочок мій, спідтиха-тиха,
Підкрадешся, наробиш лиха...
Запалиш рай мій самотний.*

(27 сентября 1860 г. Петербург)

Я нарочно подчеркнула слова, доказывающие мою мысль.

Произошло то, что случается часто: искренняя душа поверила душе лукавой и обманулась в своей вере — вот и все!.. Просто, ясно и... трагично.

Да и вправду сказать, глядя беспристрастно на это дело, иного и не следовало ожидать. Кем был Шевченко для Лукерьи, простой и необразованной крепостной девушки? — Пан!.. Да еще и «старый та поганий» пан, покупающий за свои деньги ее красоту и молодость!..

Так что не будем бросать камнем и в Лукерью: «Не знала-бо, что творила...»

Как бы там ни было, а это очень тревожное для друзей поэта сватанье расстроилось, хотя, видимо, никто не догадывался тогда, какое страшное влияние окажет этот разрыв на его физическое и моральное здоровье...

Лукерья пока что осталась у нас, только своих пожитков не перевезла, и моя мать думала, что она их оставила на квартире, и Шевченко забрал их себе. Как вдруг приходит от Тараса такое письмо:

«Вельмичтимая мною Надежда Михайловна! Посилаю вам лиштви, начатые Ликерою, и рисунок. Отдайте их кому знаете кончить. Ликера вчора, здається, збрехала при лиці А. Н., що вона оставила у вас в доме мои следующие вещи; две простыни, одно полотенце, шесть пар чулок, корсет, дюжину носовых платков, перочинный нож, теплі башмаки, коленкор для юпок и рисунок для мережки.

Коли цьому правда і буде можна, то вручите Федорові рекомые вещи, а коли ні, то сообщите о сем А. Н., яко власть имеющему. Душі моєї не шкода було для Ликери, а тепер шкода нитки. Чудне щось робиться зо мною! Шануючий вас Т. Шевченко» (18 сентября).

Мать отвечает на это Тарасу, что никаких вещей, кроме голубого шелкового корсета, еще не пошитого, и перочинного ножика, у ней нет — Лукерья все забрала и обещала написать об этом Маркевичу.

Когда разобрали дело, то вышло, что Лукерья свои вещи перевезла к Карташевским и там кому-то из слуг отдала на сохранение.

Она, когда еще жила на квартире, похвалялась своей хозяйке, что вот, мол, перевезу вещи и брошу его (Шевченко). Вещи отобрали от Лукерьи (шелковую голубую корсетку и кораллы, как напоминает мать, Тарас отослал своей племяннице), и Шевченко написал моей матери сердечное письмо, где он каялся, что сразу не поверил ей о Лукерье, называл ее «рідною матір'ю», желавшей ему только счастья и т. д. К сожалению, этого письма нет, где-то, видимо, затерялось.

Тем временем мать, желая выяснить всю правду, написала Тарасу, чтобы он пришел к нам и сам рассказал, как было дело.

Он ответил согласием и назначил на два часа пополудни, с тем лишь условием, чтобы и Лукерья присутствовала при этом разговоре. Пригласили также Маркевича. Ровно в два часа приехал Шевченко. Молча поздоровался со всеми и молча же, нахмурившись, стал ходить по комнате.

Наконец он остановился и коротко бросил:

— Нехай увійде!..

Мать догадалась и позвала Лукерью.

Изменившись в лице, она робко вошла в комнату и встала у порога.

— Ходи сюди, Ликеро! — обратился к ней Шевченко.

Страшно бледная, вся дрожа, она тихо подошла к нему, не поднимая глаз. Шевченко тяжело положил ей руку на плечо и глухим, сдавленным голосом спросил:

— Ликеро, скажи правду, чи я коли вільно обіходився з тобою?

— Ні,— тихо, понурившись ответила она.

— Чи, може, я сказав тобі коли яке незвичайне слово?

— Ні...— был тот же ответ.

Тут вдруг Тарас, впад в страшную ярость и подняв вверх руки, затопал ногами и не своим голосом закричал:

— Так убирайся ж ти од мене, бо я тебе задавлю!.. (Лукерья опрометью бросилась из комнаты). Усе оддай мені!.. Усе оддай!.. До нитки оддай!.. і старих, подраних черевиків я тобі не подарую!..

Глубоко потрясенные этой сценой, все сидели, будто прикипели к месту, не говоря ни слова...

Шевченко, тяжело дыша, несколько раз прошелся по комнате, молча пожал всем руки и так же молча, не сказав ни слова, уехал домой.

Так окончился его роман. Сверкнула было ему ясная зорька в конце его трудного, темного пути, да и погасла... Только еще больше горя наделала...

После этого Тарас довольно часто заходил к нам, прежние сердечные и дружеские отношения с нашей семьей возобновились, но он всегда был грустен, мрачен, молчалив, все, бывало, ходит по комнате и мурлычет потихоньку: «Явір зелененький». Только детей любил он по-прежнему, только они развеивали его сердечную грусть. Бывало, возьмет кого-либо из нас, подхватит на руки, поднимет высоко над головой да и приговаривает шутливо со своей ласковой, добродушной улыбкой:

— Ох ти ж, моє маленьке!.. Ох ти ж, моє велике!..

А мы, дети, не чуяли себя от радости!.. Нам никого и не нужно было, кроме «дяди Кобзаря».

Но здоровье его под тяжким бременем сердечных мук становилось хуже, и скоро мы уже совсем не видели нашего родного «дяди Кобзаря»...

Затужила Украина, поплакали и мы, дети, хотя толком и не знали тогда, кого мы потеряли...

Горячее, искреннее было сердце, потому-то оно и не выдержало!..

Лукерья вернулась к своим господам: ей дали «вольную», и она поступила в «белошвейный магазин». Что с ней случилось потом — неизвестно. Говорили, будто бы видели ее разряженной — в шляпе и с зонтиком — с каким-то богатым купцом, но ручаться за это не могу.

Н. Г. Чернышевский

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕСТАКТНОСТЬ

(Отрывок)

Мы не знаем, дойдет ли наша статья до сведения галицийских малороссов; если не дойдет, она будет написана напрасно, потому что собственно для них только мы пишем ее, пишем с самым искренним сочувствием к ним, с самым живейшим желанием блага им.

Да и как могли бы мы не сочувствовать им? Галицийские малороссы, или, как они себя называют, русины, отличаются всеми свойствами, общими целому малорусскому племени. А если есть племена, могущие к себе привлекать симпатию больше, чем другие племена, то именно малороссы — одно из племен наиболее симпатичных. Очаровательное соединение наивности и тонкости ума, мягкость нравов в семейной жизни, поэтическая задумчивость характера непреклонно настойчивого, красота, изящество вкуса, поэтические обычаи — все соединяется в этом народе, чтобы очаровать вас, так что иноплеменник становится малорусским патриотом, если хоть сколько-нибудь поживет в Малороссии. (А их положение! Это племя по преимуществу — племя поселян, доля которых тяжела. Их патриотизм чист от помысла о порабощении других: они желают лишь того, чтобы им самим было легче жить на вольном свете: никакое другое племя не хотят они подчинить себе или обижать.) Нельзя не сочувствовать им.

Но пусть же они, не оскорбляясь, выслушают мысли, быть может, щекотливые для них, но высказываемые только из желания успеха их стремлениям.

Перед нами лежат два первые номера львовского «Слова», газеты, называющей себя органом галицийских малороссов. Мы не можем знать, все ли галицийские малороссы хотят признавать своим органом эту газету, но она, очевидно, издается людьми, убежденными, что за ними стоит, по одной с ними дороге пойдет все

русинское племя. Самая возможность такой мысли их доказывает, что людей, сочувствующих им, между русинами очень много. Если они и не представители всего племени, они, во всяком случае,— представители сильной и, вероятно, самой сильной между русинами партии. Мы судим о ней только по двум первым номерам газеты. Следующим номерам не случилось дойти до нас. Мы хотели бы думать, что материал, представленный этими двумя первыми номерами, недостаточен для того, чтобы судить о партии, имеющей своим органом «Слово», но, к сожалению, мы только «хотели бы» и не можем думать так: слишком выразительно определился политический такт этой партии в первых двух номерах ее газеты. Каждое наше слово о ней будет основываться на выписках из этих двух номеров.

О языке, которым писала газета, мы не желали бы судить: мы слишком плохие знатоки в этом деле. Но спрашиваем у кого угодно, слышавшего малорусскую речь, имеют ли хотя малейшее сходство с ней, например, следующие фразы: «благослови нас на дело, на добрый подвиг духа, да соблюдем веру и отечество»; «честно служивший богу своим словом»; «для которого в неприязненных обстоятельствах погасло»; «все силы нашего духа, все стремление ума»? Эти фразы все взяты нами с одной первой страницы первого номера, и много можно было бы набрать в ней других точно таких же. Разве это — малорусский язык? Это язык, которым говорят в Москве и Нижнем Новгороде, а не в Киеве или Львове. Львовское «Слово» основывает свои права и надежды на том, что малорусское племя — племя из 15 миллионов человек. Зачем же говорить о племенном единстве ломаным языком, каким никто не пишет нигде, кроме Львова? Наши малороссы уже выработали себе литературный язык несравненно лучший: зачем отделяться от них? Разве он так далек от языка русинов, что им нужно писать другим наречием? Но если так, вы — уже не малороссы: вы как лужичане — отдельное племя. Но если так, вас только 3 миллиона, и вы не можете удержать своей народности. Что за странные люди! Воодушевляются мыслью о своей национальности и хотят дробить свое племя на мелкие части без всякой надобности.

И если б это относилось еще только к одному вопросу о литературном языке,— нет, львовское «Слово», не колеблясь, обнаруживает такую же мысль и относительно политической жизни племени...

Следовало бы «Слову» повнимательнее подумать также, надобно ли считать за спор между национальностями тот спор, в который оно бросается с такой готовностью и который понимает оно как спор национальностей? Очень может быть, что при точнейшем рассмотрении живых отношений львовское «Слово» увидело бы в основании дела вопрос, совершенно чуждый племенному вопросу,— вопрос сословный. Очень может быть, что оно увидело бы и на той, и на другой стороне и русинов, и поляков,— людей разного племени, но одинакового общественного положения. Мы не полагаем, чтобы польский мужик был враждебен облегчению повинностей и вообще быта русинских поселян. Мы не полагаем, чтобы чувства землевладельца русинского племени по этому делу много отличались от чувств польских землевладельцев. Если мы не ошибаемся, корень галицийского спора находится в сословных, а не в племенных отношениях. И если мы не ошибаемся, та сословная партия,

которая представляется львовскому «Слову» враждебной к русинской национальности, не имеет собственно к этой национальности ровно никакой вражды, а по сословному вопросу расположена теперь эта партия к чрезвычайно большим уступкам в пользу поселян как польского, точно так же и русинского племени. Вот об этом-то и не мешало бы додумать львовскому «Слову».

...За укоризною, обращенною, как нам кажется, совершенно не в ту сторону, в какую велит обратить ее здравый смысл, следует самовосхваление с целью доказать, что русины имеют право уважать себя не менее других племен. Хорошо; на чем же основывает львовское «Слово» права русинов? «Они защищали Западную Европу от татар». Это — неправда. С татарами галицийские русины боролись очень мало, меньше литовцев и чуть ли не меньше поляков. С татарами боролись восточные малороссы, от которых львовское «Слово» отделяет русинов. Что-нибудь одно из двух: или выставляйте себя только частью великого малорусского племени, каковы и на самом деле вы, или не присваивайте себе заслуг, сделанных теми частями вашего племени, от единства с которыми вы отказываетесь по вашей программе. Но львовское «Слово» не видит несообразности в своих статьях, провозглашающих отдельность русинской Галиции от остальной Малороссии и ставящих в заслугу русинам то, что сделано другими малороссами.

...Политические права племени основываются на его живых отношениях. Вы хотите писать по-русински? Прекрасно; если вы умеете писать, вам не нужно никаких других доводов: вам нужно это, вам приятно это,— чего же больше? Вы имеете на то полное право. На Олега и Нестора ссылаться тут смешно. Будет ли иметь успех ваше желание? Это зависит от того, будете ли вы иметь публику. Если в русинском племени есть достаточное число людей, у которых уже развилась потребность читать газеты, вы будете иметь успех теперь же (когда сумеете писать для них дельные и полезные вещи). Если нет, Нестор и Игорь вам не помогут,— у вас нет публики, вы должны еще позаботиться о том, чтобы научить ваших соплеменников искусству чтения. Тут важность не в доказывании удивительных достоинств старинной вашей литературы, а в нынешней степени просвещения у вашего племени.

«Но есть люди, доказывающие, что русинское наречие неспособно иметь литературу: это — враги ваши». Конечно, пока вы не будете иметь многочисленной публики, многие будут сомневаться в полезности и практичности ваших попыток издавать русинские газеты, особенно если вы будете писать ломаным языком, каким пишете теперь, смесью местного галицийского наречия с нашим литературным и с церковно-славянским языком. Но такое сомнение еще вовсе не означает вражды к вам. Вот мы, например, безусловно желаем вам всего хорошего, а в полезности вашей газеты тоже сомневаемся очень сильно. Или даже и не сомневаемся, а совершенно уверены, что вы идете по ложному пути. Зачем вы придумываете себе особенное ломаное наречие, отделяетесь от общей малорусской литературы? Одна галицийская часть малороссов так мала, что не в состоянии иметь своей отдельной порядочной литературы, как не может иметь своей отдельной порядочной литературы Костромская губерния или Дорсетширское графство, Тироль или Люблинское воеводство. Эти маленькие части больших народ-

ностей что-нибудь значат в чем бы то ни было — в литературе ли, в политической ли жизни — только тогда, когда держатся в одном целом с остальными частями своего народа.

...Зачем же львовское «Слово» на каждой строке твердит русинскому народу: «считай своими врагами всех поляков, считай своим другом каждого русина», — зачем оно внушает русинскому народу эту фальшь, против которой само свидетельствует в забывчивости?

Мы видим также, что много богатейших панов в Галиции — чистые русины; это засвидетельствовано самим львовским «Словом». Если оно хочет быть представителем интересов русинского народа, пусть оно спросит у русинов, меньше ли, чем польские паны, брали повинностей эти русинские паны, больше ли польских панов они сделали уступок русинскому народу, — короче сказать, лучше ли было русинскому поселянину у русинского пана, чем у польского? Слышали мы свидетельство об этом от человека, не слишком любившего льстить полякам, от человека, имя которого драгоценно каждому малороссом, — от покойного Шевченко. (Впрочем, львовское «Слово», быть может, не признает Шевченко своим человеком: ведь он — не русин и в львовском «Слове», наверное, не стал бы писать.) Он свидетельствовал нам, что паны из малороссов далеко уступают панам из поляков справедливостью и человечностью в обращении с поселянами. Этот отзыв прекратил для нас возможность смотреть на отношения поляков к малороссам теми глазами, какими смотрит львовское «Слово». Он окончательно разъяснил для нас ту истину, которую давно мы предполагали сами. Вот она.

В землях, населенных малорусским племенем, натянутость отношений между малороссами и поляками основывалась не на различии национальностей или вероисповеданий; это просто была натянутость сословных отношений между поселянами и помещиками. Большинство помещиков там поляки, потому недоверие простолюдинов к полякам — просто недоверие к помещикам. Когда малороссы говорят о панах, они только забывают прибавлять, что в числе панов есть и малороссы, потому что этих панов малороссов гораздо меньше, чем поляков. Но к этим панам их отношение точно таково же, как и к польскому большинству панов. Различие национальностей не делает тут никакой разницы. О чувствах и поступках польских панов относительно поселян разных племен надобно сказать точно то же, что о чувствах малорусских поселян к панам разных племен: различие национальностей и тут не производит никакой разницы в отношениях. От польского поселянина польский пан требовал нисколько не меньше, чем от малорусского поселянина; ни в одном из тех облегчений, какие он сделал или соглашается сделать польскому поселянину, он и не думает отказывать малорусскому поселянину. Тут дело в деньгах, в сословных привилегиях, а нисколько в национальностях или вероисповедании. Малорусский пан и польский пан стоят на одной стороне, имеют одни и те же интересы; малорусский поселянин и польский поселянин имеют совершенно одинаковую судьбу; если была она дурна прежде, она была для обоих одинаково дурна: насколько становится или станет она лучше для одного из них, ровно настолько же и для другого.

Ничего этого не понимает львовское «Слово». Ему не то неприятно, что поселянам было тяжело; ему неприятно лишь то, что большинство панов говорило на малорусском языке. Оно не понимает, что малорусскому поселянину не было бы ни на волос легче, если бы все паны в Малороссии были малороссы,— напротив, было бы малороссу тяжелее от этого, как свидетельствовал нам Шевченко. Мы знаем, что очень многие из образованных малороссов, и кроме помещиков малороссов, не захотят признать этого мнения за истину: она противоречит национальному предрассудку, потому многими будет отвергнута, по крайней мере, на первый раз. Но никакие голословные возражения не поколеблят нашего мнения, опирающегося на такой авторитет, как Шевченко. Не опровергать наши слова мы советуем друзьям малорусского народа, а призадуматься над ними и проверить их фактами. Факты подтвердят их, мы в том уверены, потому что Шевченко чрезвычайно хорошо знал быт малорусского народа. Опираясь на этот непоколебимый авторитет, мы твердо говорим, что те, которые захотели бы говорить противное, ослеплены предрассудком и что малорусский народ ничего, кроме вреда, не может ждать себе от них...

...Мы начали статью тем, что будем говорить исключительно о галицийских русинах, и действительно имели в виду только их во все продолжение статьи. Она относится исключительно к делам Галиции. Судьба остальной части малорусского племени устроена и обеспечена так превосходно, что об этой остальной части нам нечего заботиться, да и сама она не чувствует нужды иметь о себе никаких забот. Нашим русским малороссам даны все права и выгоды, каких только когда-либо желали они. Их обидеть не может теперь никакое племя. Они благоденствуют, по совершенно верному и очень удачному выражению своего любимого поэта Шевченко. Вероятно, мы не ошибемся, предположив, что даже по мнению львовского «Слова», столь преданного законной австрийской власти над Галициею, галицийские русины должны завидовать счастью своих одноплеменников-малороссов, пользующихся ныне свободой под нашу власть.

И. С. Тургенев

ВОСПОМИНАНИЯ О ШЕВЧЕНКО

Милостивый государь!

Намереваясь издать полное собрание сочинений Т. Г. Шевченко, Вы желаете, чтобы я сообщил Вам несколько подробностей о нем. С охотой исполняю Ваше желание, хотя должен предупредить Вас, что я познакомился с народным поэтом Малороссии незадолго до его кончины и встречался с ним довольно редко.

Первое наше свидание произошло в Академии художеств, вскоре после его возвращения в Петербург, зимою, в студии одного живописца, у которого Тарас Григорьевич намеревался поселиться. Я приехал в Академию вместе с Марьей Александровной Маркович (Марко Вовчок), которая незадолго перед тем тоже переселилась в нашу северную столицу и служила украшением и средоточием небольшой группы малороссов, съютившейся тогда в Петербурге и восторгавшейся ее произведениями: они приветствовали в них — так же как и в стихотворениях Шевченка — литературное возрождение своего края. Вы лучше меня знаете, какой оборот все это приняло впоследствии.

В студии художника, куда мы прибыли с г-жою Маркович, уже находилась одна дама (тоже малороссиянка по происхождению), которая также желала увидеть Тараса Григорьевича, — г-жа Карташевская; в ее доме, по вечерам, часто собиралась та группа, о которой я говорил; и Шевченко, познакомившись с г-жою Карташевской, стал посещать ее чуть не каждый день. Мы прождали около часу. Наконец явился Тарас Григорьевич — и, разумеется, прежде чем кого-либо из нас, приветствовал г-жу Маркович: он уже встречался с нею, был искренне к ней привязан и высоко ценил ее талант.

Широкоплечий, приземистый, коренастый, Шевченко являл весь облик казака, с заметными следами солдатской выправки и ломки. Голова остроконечная, почти лысая; высокий морщинистый лоб, широкий, так называемый «утиный» нос, густые усы, закрывавшие губы; небольшие серые глаза, взгляд которых, большей частью угрюмый и недоверчивый, изредка принимал выражение ласковое, почти нежное, сопровождаемое хорошей, доброй улыбкой, голос несколько хриплый, выговор чисто русский, движения спокойные, походка степенная, фигура мешковатая и малоизящная.

Вот какими чертами запечатлелась у меня в памяти эта замечательная личность. С высокой бараньей шапкой на голове, в длинной темно-серой чуйке с воротником из черных мерлушек, Шевченко глядел истым малороссом, хохлом; оставшиеся после него портреты дают вообще верное о нем понятие.

Нам всем, тогдашним литераторам, хорошо было известно, какая злая судьба тяготела над этим человеком; талант его привлекал нас своею оригинальностью и силой, хотя едва ли кто-нибудь из нас признавал за ним то громадное, чуть не мировое значение, которое, не обинуясь, придавали ему находившиеся в Петербурге малороссы; мы приняли его с дружеским участием, с искренним радушием. С своей стороны, он держал себя осторожно, почти никогда не высказывался, ни с кем не сблизился вполне: все словно сторонкой пробирался. Он посетил меня несколько раз, но о своей изгнаннической жизни говорил мало; лишь по иным отрывочным словам и восклицаниям можно было понять, как солоно она пришлась ему и какие он перенес испытания и невзгоды. Он мне показал крошечную книжечку, переплетенную в простой дегтярный товар, в которую он заносил свои стихотворения и которую прятал в голенище сапога, так как ему запрещено было заниматься писанием; показал также свой дневник, веденный им на русском языке, что немало изумляло и даже несколько огорчало его соотечичей; рассказал свои комические отношения с двумя-тремя же-

нами киргизов, бродивших около места его заключения,— и сознался в вынесенном им оттуда пристрастии к крепким напиткам, от которого он уже потом до самой смерти отвыкнуть не мог.

Собственно поэтический элемент в нем проявлялся редко: Шевченко производил скорее впечатление грубоватого, закаленного и обтерпевшегося человека с запасом горечи на дне души, трудно доступной чужому глазу, с непродолжительными просветами добродушия и вспышками веселости. Юмора, «жарта» — в нем не было вовсе. Только раз, помнится, он прочел при мне свое прекрасное стихотворение «Вечір» («Садок вишневий...» и т. д.) — и прочел его просто, искренне; сам он был тронут и тронул всех слушателей: вся южнорусская задумчивость, мягкость и кротость, поэтическая струя, бившая в нем, тут ясно выступила на поверхность.

Самолюбие в Шевченке было очень сильное и очень наивное в то же время: без этого самолюбия, без веры в свое призвание он неизбежно погиб бы в своем закаспийском изгнании; восторженное удивление соотечичей, окружавших его в Петербурге, усугубило в нем эту уверенность самородка-поэта. Во время своего пребывания в Петербурге он додумался до того, что не шутя стал носиться с мыслью создать нечто новое, небывалое, ему одному возможное, а именно: поэму на таком языке, который был бы одинаково понятен русскому и малороссцу; он даже принялся за эту поэму и читал мне ее начало.

Нечего говорить, что попытка Шевченка не удалась, и именно эти стихи его вышли самые слабые и вялые из всех написанных им: бесцветное подражание Пушкину...

При всем самолюбии в нем была неподдельная скромность. Однажды на мой вопрос: какого автора мне следует читать, чтобы поскорее выучиться малороссийскому языку? — он с живостью отвечал: «Марко Вовчка! Он один владеет нашей речью!»

Вообще это была натура страстная, необузданная, сдавленная, но не сломанная судьбою, простолюдин, поэт и патриот. У г-жи Карташевской находилась в услужении девушка-малороссиянка по имени Лукерья; существо молодое, свежее, несколько грубое, не слишком красивое, но по-своему привлекательное, с чудесными белокурыми волосами и той, не то горделивой, не то спокойной, осанкой, которая свойственна ее племени. Шевченко влюбился в эту Лукерью и решил жениться на ней; Карташевские сначала диву дались, но кончили тем, что признали ее невестой поэта и даже начали делать ей подарки и шить приданое: с своей стороны Шевченко усердно готовился к свадьбе, к новой жизни... Но Лукерья сама раздумала и отказала своему жениху... Я несколько раз видел Шевченка после его размолвки с Лукерьей; он казался сильно раздраженным.

Оканчивая этот небольшой очерк, я припоминаю еще один факт из ссылочной жизни Шевченка, делающий честь главному начальнику Оренбургского края В. А. Перовскому. Шевченко, как известно, был в молодости довольно замечательным пейзажистом; в крепости ему было запрещено не только писать стихи, но и заниматься живописью. Какой-то чересчур исполнительный генерал, узнав, что Шевченко, несмотря на это запрещение, написал два-три эскиза, почел за долг донести об этом Перовскому в один из его

приемных дней; но тот, грозно взглянув на усердного доносителя, значительным тоном промолвил: «Генерал, я на *это ухо глух*: потрудитесь повторить мне с *другой* стороны то, что вы сказали!» Генерал понял, в чем дело, и, перейдя к другому уху Перовского, сказал ему нечто, вовсе не касавшееся Шевченка.

Вспоминается мне также что он, живя в Академии, занимался гравированием на меди посредством острой водки офорт — и воображал, что открыл нечто новое, какой-то улучшенный способ в этом искусстве.

Вот все, что я имею сказать о нем.

Я чувствую сам, как малы и ничтожны эти сведения; но в числе прочих и они могут принести свою относительную пользу.

Я. П. Полонский

ВОСПОМИНАНИЯ О ШЕВЧЕНКО

...Незадолго до кончины императора Николая познакомился я с бывшим тогда президентом Академии художеств графом Ф. П. Толстым, и только тогда в его доме впервые услышал я имя Шевченко. Начавши службу свою на Кавказе и с тогдашней литературой знакомясь только при посредстве журналов, я в печати ни разу не встречал этого имени и о стихах его не имел ни малейшего понятия. Раньше о его «Кобзаре» и о плачевной судьбе его узнал я от моего петербургского приятеля Андрея Александровича Солнцева.

С восшествием на престол ныне царствующего государя императора во многих проснулась надежда на помилование ссыльного поэта, — и надежды эти оказались осуществимыми. Графиня Н. И. Толстая, жена президента, была одна из самых горячих заступниц Шевченка и хлопотала о его возвращении. Кто из тогдашних высших государственных сановников помог ей в этом деле — не знаю.

Не прошло и года, как Шевченко был на свободе, приехал в Петербург и занял в Академии художеств приготовленную для него небольшую комнатку на антресолях, с полукруглым итальянским окном над воротами. С тех пор я не раз встретался с ним у Толстых. Личность его по внешности не производила на меня никакого особенно сильного впечатления. Даже костюм его — нечто вроде казакина и баранья малороссийская шапка — в то время не могли поразить меня своей оригинальностью: такие простонародные костюмы то и дело попадались тогда и на Невском, и в обществе посреди светских дам и фрачников. (Даже юный редактор «Свето-ча» ходил в мужицкой поддевке, в широких бархатных штанах и точно в такой же хохлацкой шапке.)

Несмотря на некоторую мешковатость и тяжеловатость в движениях, Шевченко вовсе не казался человеком, забитым судьбой: он был прост и свободен в отношениях и никогда не конфузился, как конфузятся обыкновенно личности, обиженные фортуной и в то же

время одержимые бесом постоянно их грызущего самолюбия. Говорят, что хитрость — характерная черта малороссиян; Шевченко в таком случае составил бы резкое исключение из их общего типа, так как он был человек в высшей степени бесхитростный, запальчиво-откровенный и даже бесстрашный в том смысле слова, что неумеренные речи его частенько заставляли других бояться за него или затыкать уши и убегать.

Шевченко, как мне кажется, не был ни говоруном, ни веселым собеседником. Умный от природы, он в то же время не был ни учен, ни начитан: он жил стремлениями и тем казацким духом, который воодушевлял его. В минуты сильного душевного настроения он мог бы оттолкнуть любого франта дикими проявлениями своей страстной ненависти ко всему тому, что испортило жизнь его.

У него на антресолях в низенькой комнатке я был только один раз, видел овчинный тулуп на кровати, беспорядок на столе и штоф выпитой водки: Шевченко в Петербурге жил на походную ногу и не мечтал ни о каком комфорте. Говорили мне, что в это время он уже был в связи с какою-то бедной молоденькой мещаночкой, был к ней привязан всей душой и ворковал, как голубь, когда она приходила к нему на свидание — в худых башмаках, в одном платке и дрожа от холода в морозные ночи. Только таких и мог любить Шевченко: я бы и вообразить себе не мог его влюбленным в какую-нибудь светскую барышню. Казалось, старая закоренелая вражда ко всему господскому до такой же степени жила в нем, что самое знакомство с барынями он считал как бы некоторым с его стороны снисхождением. Он был демократ не по теории, не по своим взглядам на жизнь, но, так сказать, демократ по натуре. В своем демократизме он точно так же не мог бы дать себе отчета, как и в том невольном проникновении в дух народных украинских дум и песен, которое составляло характеристическую черту его музыки. Короче сказать, — это был человек вполне непосредственный.

Сидя в гостях у Шевченка, я узнал из речей его, что он не любит нашего поэта Пушкина, и не потому, чтоб он считал его дурным поэтом, а просто потому, что Пушкин — автор поэмы «Полтава»: Шевченко смотрел на Кочубея не более как на доносчика, Пушкин видел в нем верного сподвижника Петра Великого, оклеветанного и казненного Мазепой. Напрасно уверял я Шевченка, что с своей точки зрения Пушкин прав и что он точно так же искренен, как и Шевченко в своей ненависти к полякам. Шевченко тем сильнее бранил Пушкина, чем горячее я защищал его. Удивляюсь, как после такого спора Шевченко и до конца дней своих сохранил ко мне искреннюю приязнь и всегда при встрече на улице готов был в обе щеки целовать меня; удивляюсь потому, что Шевченко не был из числа людей, способных легко мириться с теми, кто думал иначе, чем он — особенно, если предметом этих дум или спора была его родина.

Не знаю, каковы были его политические убеждения; думаю только, что были они настолько же непрактичны, насколько благородны. Раз на вечере у Белозерского, редактора журнала «Основа», я помню, Шевченко подтвердил мнение одного заезжего славянина-галичанина, что всякая политика безнравственна, что ради политических соображений совершались и совершаются все неправды и из них проистекают все злосчастия племен и народов, почему для

государства самое лучшее — не иметь никакой политики. Помню также, что на Екатерину II Шевченко смотрел только как на виновницу крепостного права в Малороссии,— и знать ничего более уже не хотел, ни видеть, ни слышать. Крепостное право это ненавидел он всеми силами души своей и, в этом случае, как бы вторил всем лучшим настроениям как нашего общества, так и лучших представителей тогдашней нашей литературы.

Кроме писания стихов Шевченко занимался рисованием, и по прибытии в Петербург горячо ухватился за самый легкий способ гравирования посредством крепкой водки... Не знаю, был ли бы Шевченко великим живописцем, если бы судьба не помешала ему доучиться в академии, если бы он принял за палитру и за картины больших размеров; но как рисовальщик, смело говорю, он мог бы стать в числе европейских знаменитостей, если бы продолжал свои занятия. У меня были им сделанные и мне подаренные оттиски им самим начерченных и отгравированных рисунков. В настоящее время они находятся в коллекции гравюр, собранных сенатором Дмитрием Александровичем Ровинским. Последний просил меня добыть для него портрет Шевченка, им самим на меди начерченный и оттиснутый; но нигде этого портрета я не видел и не знаю, существует ли он на свете.

Лучший из рисунков Шевченка, который я видел (внутренность солдатской казармы: нары, печь, полати, развешанное белье и между группами солдат его собственная фигура), находится в альбоме Наталии Борисовны Сухановой. Наталья Борисовна (харьковская помещица) была одною из почитательниц его музыки, часто приглашала его к себе, угощала его ужинами и шампанским и, несмотря на свой аристократизм, гордилась его знакомством; нередко покупала его рисунки для своих альбомов — и все-таки в конце концов с ним поссорилась. Шевченко почему-то стал просить ее дать ему на время вышеупомянутый рисунок (вероятно для того, чтоб снять с него копию),— просил лично, просил письменно, но г-жа Суханова решительно отказалась вынимать из альбома его рисунок. Боялась ли она, что Шевченко по рассеянности его не возвратит ей, или не хотела, чтоб с этого рисунка была сделана копия,— не знаю. Знаю только, что Шевченко был взбешен...

Раза два Шевченко был у меня на квартире (в доме С.-Петербургского университета) и, как мне помнится, оба раза заходил ко мне вместе с г. Микешиним...

В последний раз Шевченко был у меня вечером в сильно возбужденном состоянии; вспоминал о своем детстве, о своих родных, находившихся еще в крепостном состоянии, скрежетал зубами, плакал; наконец, взвизгнув, так хватил кулаком по столу, что чашки с чаем слетели на пол и разбились вдребезги. В эту минуту я не мог утишить его, да и не хотел, так как вполне разделял его ненависть ко всякого рода рабству...

Вы обратились ко мне с предложением сообщить Вам мои воспоминания о знакомстве с Т. Г. Шевченком для приготавливаемого Вами собрания его сочинений, что я и исполняю с глубочайшим уважением к памяти возлюбленного поэта.

Сознаюсь, незавидная роль досталась на мою долю в отношениях с Тарасом Григорьевичем; но и тою дозою приязни, которую он проявлял ко мне, я внутренне гордился. Его уважение мне, двадцатилетнему юноше, приобрести было рано; любви же... но вся его страстная и могучая любовь до того была сосредоточена на своей родимой Украине, что, мне кажется, в его горячем сердце и не оставалось более ни к чему любовного запаса, а если и оставалось, то он ревниво сберегал его для своих же украинских богов.

Эта цельность и неделимость патриотизма, часто несправедливая, но искренняя и глубокая, составляла в нем черту, возбуждавшую в моем юном сердце не только удивление, но и зависть. Не надо забывать, что это было в конце 50-х годов, когда все и всё от мала до велика, от университетской кафедры до болтовни и лепета недоучившейся гимназической молодежи, на все лады тянуло гражданские песни либерализма. Диссонансы слышались со всех сторон. Страшная фальшь безголосых запевал, подирая трезвое ухо, царила повсюду... Вот в этом-то нескладном хоре светлая личность Тараса Григорьевича с его беззаветною любовью к народу, к своей родине, сохранившая свято эти высокие чувства под бесконечным гнетом всяких нравственных унижений, которыми так богата была его жизнь, не могла не внушать к себе горячего сочувствия людей... Этим и объясняется то огромное влияние, тот неподдельный восторг, которые внушала личность Шевченко в кругу тогдашней молодежи. Лично для меня он представлял сугубый интерес тем, что в этой непосредственной и простой натуре впервые явился предо мною столь редкий и цельный тип чисто народного поэта, равного которому ни до него, ни после него и до настоящего времени я лично не знал — не только в общерусской, но и вообще в славянской расе народов!

Может быть, многие в этом моем мнении заподозрят преувеличение или пристрастие; но говоря от чистого сердца, я должен признаться, что ничья народная лира наших славянских поэтов не делала на меня такого глубокого и хорошего впечатления, как произведения Шевченко и Мицкевича (о последнем я говорю, конечно, лишь в отношении к его народным произведениям).

Еще до появления Тараса Григорьевича из ссылки на паркетах петербургских гостиных я уже достойно чтил его по некоторым отрывкам его произведений, в списках ходивших по рукам молодежи; так что с момента первой встречи нашей в семействе бывшего президента Академии художеств графа Федора Петровича Толс-

того Шевченко поступил, так сказать, под мой наблюдающий и изучающий его взор. Очень бы интересно выяснить причины из отдаленного прошлого, имевшие последствиями то чисто родственное участие к судьбе поэта, которым в изобилии окружало его все семейство гр. Толстых...

С начала нашего знакомства он только терпел меня; но впоследствии, заметя, что моя привязанность к нему может быть ему не без пользы, он более и более сближался со мной, оставляя в стороне постоянную сдержанность, недоверчивость и тот напускной официальный демократизм, с которыми он являлся в общество...

Здесь кстати будет упомянуть о знакомстве двух замечательных личностей, гениального трагика Айры Олдриджа и Шевченко, которому я был свидетелем. Вскоре по прибытии в Петербург, после блестящего дебюта в «Отелло», трагик появился в гостиной Толстых, где и окружен был самыми горячими знаками восхищения всего общества к его таланту. Не видел я первых минут знакомства Тараса Григорьевича с Олдриджем, потому что явился к Толстым час спустя после его прибытия туда и застал их, то есть нашего поэта с трагиком, уже в самых трогательных отношениях дружбы: они сидели в углу на диванчике или ходили по зале обнявшись; дочери графа — две девочки — наперерыв служили им толмачами, быстро переводя на английский и русский языки их беглый разговор. С этого вечера Олдридж вполне завладел всем вниманием Шевченка. Не лишено было комизма это знакомство, потому что Тарас Григорьевич ни слова не знал по-английски, а Олдридж тоже не говорил ни на каком европейском языке, кроме английского; между тем они бывали друг у друга, и когда Тарас ждал в *свою* убогую комнатку * трагика, то я заставал его в больших хлопотах: он тщательно «прибирал» у себя на столе, где обыкновенно находился целый ворох невообразимо разнообразных предметов: банок и пузырьков со всякими едкими кислотами для аквафорты, которою Тарас Григорьевич с большою любовью, терпением и успехом занимался, каких-то коробок, малороссийских монист, свиного сала в развернутой бумаге и т. п. В такие торжественные моменты Тарас Григорьевич даже позволял подметать пол прислуживавшему у него отставному академическому солдату и убирать постель, которая без того всегда оставалась разверстою, с валявшеюся на ней «відлогою». Пучки барвинка, засохшей руты и других степных цветов и трав украинского месторождения, по всей вероятности служившие для вдохновения поэта, при этом злорадно выбрасывались солдатом. Являлся трагик — и они оставались в уединении и заперти. Бог их знает, как и о чем они там говорили. Шевченко делал с Олдриджа — посредством травления — портрет; и действительно, вскоре на вечере у Толстых появились отпечатки этого портрета, походившего скорее на черта, чем на Олдриджа **. Бедный Тарас Григорьевич оправдывался в несходстве портрета тем, что вот тут-то и там-то «треба б ще підтравити»... Так и осталось, кажется, портрет не «підтравленим». Олдридж же, увидев у

* В здании Академии художеств, над воротами, рядом с академическою церковью. (Прим. автора.)

** Для тех, кто не видел знаменитого трагика, нужно пояснить, что это был (как говорили) экс-царь какого-то африканского племени, находящегося под протекторатом Англии, и цвет кожи имел самого темнооливкового тона.

меня оригинал того портрета Тараса Григорьевича, который я нарисовал для «Кобзаря», пожелал иметь его, и я с удовольствием сделал ему этот подарок.

С новыми дебютами в шекспировских ролях петербургская слава трагика росла и росла.

Вот сижу я раз в Мариинском театре ни жив ни мертв; Олдридж изображал короля Лира и кончил. Театр молчал от избытка впечатления. Не помня себя от жалости, сдавившей мне сердце и горло, не знаю, как очутился я на сцене, за кулисами, и открыл двери уборной трагика.

Следующая картина поразила меня: в широком кресле, развлясь от усталости, полулежал «король Лир», а на нем — буквально на нем — находился Тарас Григорьевич; слезы градом сыпались из его глаз, отрывочные, страстные слова ругани и ласки сдавленным громким шепотом произносил он, покрывая поцелуями раскрашенное масляною краскою лицо, руки и плечи великого актера... Находя себя тут лишним, я торопливо притворил двери, не преминув и сам хорошенько выплакаться, став за темные кулисы...

С анекдотической стороны я бы мог много кое-чего передать о поэте, если бы не боялся слишком удлинить настоящую заметку. Пока ограничусь лишь выяснением причин, вызывавших в моем присутствии его желчный пафос, да скажу несколько слов о нем как о художнике.

В то время мастерская моя на литейном дворе здания Академии художеств занята была громадными работами для памятника 1000-летия России; колоссальные статуи Петра I и его гения загромождали ее вместимость; а перепутанные леса, канаты, драпировки, анатомические скелеты и огнедышащая кузница, находившаяся в том же зале, только и оставляли свободного места, чтобы уютно поместить еще рояль да стол со стульями. В это время мне поручено было сочинение чрезвычайно сложного по своей задаче барельефа для этого памятника, так что, обремененный выше сил условиями сроков экстренного выполнения этих работ и будучи совершенно неопытным в технике, я совсем было растерялся пред новой задачей и прибег за помощью и советом ко всем известнейшим нашим историкам и писателям, которые и не отказали мне в просимом содействии. Я просил к себе вечером, по четвергам, и тут-то, в этой законченной мастерской, перебивало у меня много почтенных и интересных личностей, устраивались жаркие споры о достоинствах и недостатках того или другого исторического лица, о правоспособности помещения его в цикл той или другой категории деятелей, составляющих барельефное кольцо вокруг памятника. Я потому позволил себе сделать это отступление, что на всех подобных сходках бесменно присутствовал и Тарас Григорьевич, а иногда и принимал участие в дебатах. При этом он бывал особенно тактичен и сдержан в речах, хотя часто и очень заметно волновался, так что не мог смирно сидеть на месте, нервно ходил взад и вперед, мрачно поводя из-под густых бровей своими светлыми глазами.

Так он заряжался целый вечер, выжидая, пока разойдется по домам усталая от прений компания. Вот тут-то и начинались его

протесты — сначала лаконические, отрывочные и циничные, а чем далее — тем горячее, стройнее и пламеннее...

Гигантская статуя императора Петра I, как привидение, просто давила его, так что, впадая в пафос, он оканчивал часто поэтической декламацией, обращенною к глиняной статуе императора...

Почти таким же безмолвным свидетелем этих импровизаций часто бывал — по той же самой причине запаздывавший у меня — тоже покойный уже теперь талантливый писатель Помяловский... Не чуял еще тогда старый Тарас, что и сам он вскоре сделается кандидатом для таких же нервных и пристрастных оценок его собственной деятельности, какими сгоряча громил он направо и налево и Пушкиных, и Державиных, и пр...

Читать он, кажется, никогда не читал при мне; книг, как и вообще ничего, не собирал. Валялись у него и по полу и по столу растерзанные книжки «Современника» да Мицкевича — на польском языке.

Музыку любил он страстно, особенно пение. С восторгом слушал Изабеллу Львовну Гринберг и Г. Зубинскую. Глубоко почитал Даргомыжского; познакомился с ним случайно у меня и потом часто встречался в семействе Гринберг. Глинку боготворил. Любил и сам петь, где «траплялась» гитара. Пел неважно, хотя и с большим чувством: голосу не хватало, да и аккомпанемент все как-то не налаживался.

К женскому полу относился совсем оригинально; но здесь, может быть, неуместно вспоминать об этом. Скажу только, что в момент расстройств его отношений к одной простой украинской дивчине, на которой он собрался было жениться, он особенно был лют на все женское племя, вычитывая из библии и из других источников всякую на них хулу, и в сердцах хотел изорвать очень мило набросанный им портрет своей неверной «любви», но я портрет этот у него отнял и храню его доселе. Много мы с ним вели переговоров, чтобы издать что-либо совместно с его стихами и с моими рисунками, но никак не могли договориться о сюжете: то ему, то мне сюжеты оказывались неудобны.

Как о художнике-живописце я не могу сказать о нем ничего, потому что мне никогда не удавалось видеть его картин, писанных масляными красками; если же он писал ими, то это было до нашего знакомства, то есть до его ссылки. Из его же сепий и гравюр можно смело сказать, что если бы судьба не сыграла с ним столь злой шутки и если бы он мирно шел по дороге совершенствования в художествах, то из него выработался бы замечательный реалист как по пейзажу, так и по жанру.

Немало было потрачено у него времени на переход от брюлловско-академического классицизма к натуральному и сродному ему реализму. Лучшие его рисунки сепией, которые мне приводилось видеть, — это сцены казарменной жизни, пережитой им в изгнании. Таких больших рисунков было три или четыре; все они очень сложны и очень закончены. Я ревниво смотрел на эти драгоценности, не смея спросить у Тараса, продаст ли он их и сколько бы он за них хотел? Но, к сожалению, нежданно узнал, что он — по крайней нужде — продал их все за ничтожную сумму — 75 рублей серебром! Продал он их в альбом одной малороссийской помещицы,

фигурировавшей тогда в роли его меценатки, отношения к которой, тем не менее, часто бесили его и выводили из терпения.

Да будет вовеки светла и славна память твоя, Тарас Григорьевич, да научимся мы достойно чтить и ценить подобных тебе народолюбцев...

А. Р. Церетели

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ШЕВЧЕНКО

Тараса Григорьевича Шевченка я видел только раз на своем веку — у Николая Ивановича Костомарова, профессора русской истории. Признаюсь, первое впечатление мое было не в пользу его: юношескому моему воображению он представлялся всегда каким-то гигантом, окруженным ореолом славы, а между тем передо мной стоял обыкновенный добродушный старик, скорее загнанный, чем идейный борец.

Хозяин, заметив мое смущение и поправив очки, начал задавать мне вопросы, на которые мне не раз уже приходилось отвечать.

— Вы, грузины, православные христиане? — спросил он меня неожиданно.

— Да, конечно! — ответил я.

— С каких пор?

— С первого же века.

— А не с четвертого?

— Когда в первом веке Андрей Первозванный прибыл к понтийским берегам вместе со спутником своим Симеоном Кананитом (который и похоронен у нас, в Абхазии), тогда апостол многих из грузин обратил в христианство в Западной Грузии. В четвертом же веке вся Грузия признала христианство как по ту, так и по сию сторону, и Западная и Восточная части приняли христианство из рук святой равноапостольной Нины.

— Все это вы знаете по устному преданию или же есть письменные данные?

— Конечно, письменные!..

— Значит, есть у вас письменность? — вмешался вдруг Шевченко. — И с какого века?

— Есть указания на период дохристианский в устных преданиях, былинах, сказках, но несомненные доказательства имеются с 5-го века. До наших дней сохранились манускрипты, гуджары и исторические записи.

— В двенадцатом веке при царице Тамаре литература ваша была в полном расцвете? — спросил опять Костомаров.

— И раньше, но тогда появились знаменитые пророки вроде

Моисея Хонели и мировые поэты: Руставели, Шавтели, Чахрухадзе и другие.

— Но почему обо всем этом никто не знает? — вмешался опять Шевченко.

— Благодаря постоянной войне с магометанством, грузины вели замкнутую жизнь, и идейная борьба всегда шла келейно.

Н. И. Костомаров

Фотолитография

— Но теперь ведь полвека, как вы успокоились в руках Росии. И отчего же вы, теперешние грузины, умалчиваете? Или прошлое уже не интересует вас?

— На это много причин, но... позвольте о них умолчать.

— А-а!.. Понимаю!.. Понимаю!..

— А я все о том думаю,— заговорил Костомаров,— как это царство, окруженное со всех сторон магометанским миром, могло удержать и царство и православие свое?!

— Олицетворив национальность с религией, грузины оборонялись в продолжение нескольких веков и мученическими подвигами

гами донесли православие до XIX столетия и вручили его могущественной русской державе в чистом виде и вместе с царством.

— Как с царством? — спросил Шевченко.

— Царь грузинский от имени народа заключил контракт с русскими о союзничестве.

— Нет, нет! Меня интересует религиозная сторона. Вы сказали, что до XIX столетия религию вы донесли в чистом виде? Что это значит?

— Без всякой ереси и суеверия.

— Религия без суеверия? Вы не признавали нечистых сил и не боролись против них?

— Боролись, но не так, как в других христианских государствах, где свирепствовала инквизиция и где оговоренных в колдовстве жгли тысячами. Мы только оборонялись крестным знаменем.

— Может быть, предание умалчивает об этом?

— По крайней мере, об этом не говорят нам ни законодательство, ни история.

— Как?! У вас были законы писанные, а не только адаты?

— Конечно, были: царя Георгия Блистательного, атабега Агбуги, царя Вахтанга и др., и по ним решались дела.

Это сообщение очень удивило Шевченко, он подсел ближе, сделался словоохотливее и стал расспрашивать меня о многом.

— Как много общего у этого народа с нашим! — заметил он.

Шевченко вздохнул и стал говорить об Украине, унии и проч. Говорил грустным тоном, но оживленно, и я не узнал в нем прежнего старика!

Беседа наша тянулась до трех часов ночи. Разошлись мы друзьями, дав друг другу обещание встречаться почаще. Но, увы, моему счастью не удалось сбыться: я заболел тифом и пролежал в постели три месяца. В это время он уже уехал на Украину, и после того мне не пришлось встречаться с ним.

Только первая и последняя встреча осталась у меня светлым воспоминанием на всю мою жизнь. Признаюсь, я первый раз понял с его слов, как надо любить родину и свой народ...

Когда я справлял свой пятидесятилетний юбилей, у меня были гости с Украины и привезли мне в подарок портрет Тараса. Я был этим тронут и обрадован.

Данило Мордовец

ИЗ БЫЛОГО И ПЕРЕЖИТОГО

Если, как говорится, под рукой ни крюка ни гвоздя, то подчас и ухналь может службу сослужить.

Иными словами, припомнилось мне кое-что из давнишних лет моей жизни, когда еще и батько Тарас жив был.

Случилось это в божьем году 1859-м, когда я, еще молодой человек двадцати восьми лет, четвертый год состоял в должности редактора «Саратовских губернских ведомостей» и «начальника газетного стола», а еще в придачу и в должности «переводчика губернского правления». Такие, видите ли, должности были тогда у нас, может, они и теперь существуют — не знаю, ибо давно уже, по старости лет, не заглядывал во святой сей «Свод законов».

В те времена казаковал в неволе, будто Самойло Кошка, и Николай Костомаров в том же городе Козлове, сиречь славном Саратове. И вот мы с ним, казакуя кое-как, ведали вместе и «Саратовским губернским статистическим комитетом», старательно нанизывая, как некогда татары бедных невольников на аркан, эту чертову «статистику» на целые кучи всяческих «таблиц». Когда же Костомаров был приглашен в Петербург на кафедру истории, остался я один управляться с этой статистикой.

А казакуя над статистикой, я еще пуще стал казаковать,— будто и впрямь казак Голота над татарами,— в «Губернских ведомостях» над всяческими «злоупотреблениями», ибо тогда казалось, что «лютой неправде», которая весь свет заплонила, пришел накануне «освобождения крестьян» конец, на что крепко надеялся, бичуя ее, и батько Тарас.

Как вы, люди добрые, быть может, помните, 50-е годы, в особенности же конец 50-х годов, были порой всяческих «обличений». Герцен бил в Лондоне в свой звонкий набат — «Колокол», «обличая» чуть не отца с матерью и попа с попадьею и поповской дочкой. Салтыков-Щедрин «обличал» всех неправедных «крутогорян и крутогорянок». Батько Тарас и кнутом и кнутовищем бичевал всяческую «щиру неправду», заплонившую было весь свет.

Как говорится, «куда иголка, туда и нитка»...

Я был тогда такую вот ниткой: куда Герцен да батько Тарас, туда и я. То выходил на кулачную расправу с казенной палатой за то, что она уступила торговлю солью и вином откупщикам, а не в пользу казны. То задевал своим казацким копьём строителей Волго-Донской железной дороги за то, что они кормили рабочий люд червивой солониной и т. д.

Хоть и сыпались, как горох из мешка, жалобы губернатору на мои дерзости, он не обращал на это внимания — такие тогда были времена; лишь бы правду, а режь хоть в глаза. Губернатором у нас был тогда Александр Дмитриевич Игнатьев — царство ему небесное! — душевный такой человек; бывало, придешь к нему, а он достанет из стола последний номер «Колокола», да и спрашивает, не без вызова:

— Не видали еще этого?

— Как не видать,— отвечаю,— еще вчера с Костомаровым и некоторыми другими читали да господу бога и Герцена за правду молили.

Такие-то времена были! В воздухе уже веяло «освобождением крестьян» и «великими реформами царя-освободителя».

И вдруг как-то раз захожу я по делу к губернатору, а он берет со стола бумагу и, подавая мне, говорит с укором:

— Вот и «дообличались».

Заглянул я в «бумагу» да так и остолбенел!

В «бумаге» же той министр внутренних дел (был им в то время Ланской, затем пожалованный графом) пишет губернатору «по высочайшему повелению», что государь император, прочитав (это уж военный министр тертого хрену поднес!) — прочитав в таком-то номере «Саратовских губернских ведомостей» небольшую заметку о том-то и о том-то, «повелеть изволил: объявить саратовскому губернатору строгий выговор», затем «подвергнуть соответственному наказанию редактора «Губернских ведомостей» да еще и «разыскать автора» злосчастной заметки и также «подвергнуть соответственному наказанию».

Вот те раз! Как бы не пришлось вслед за батьком Тарасом... да в «холодную»!

«Разыскать автора»... Да что уж там его, беднягу, разыскивать, коли и автор тот — Д. М., и редактор — я, грешный, лихом недобитый Данило Мордовец.

— Что же нам теперь делать? — спрашивает губернатор.

— Бог его знает! — отвечаю. Видимо, мы у своего бога, как говорится, теленка съели... Теперь хоть сядь да плачь...

Поразмыслил губернатор и со вздохом порешил:

— Донесу-ка я министру, для доклада императору, что, исполняя «высочайшее повеление», я посадил вас, как редактора и автора заметки, на четыре дня на военную гауптвахту, вместо «холодной», а вы, не теряя времени, отправляйтесь-ка поскорее в Петербург, да там сами и выпутывайтесь, а я буду тоже выпутывать вас, чем смогу, ибо у меня там рука есть...

Да за что же, все-таки — может, спросите вы, — этакая напасть накрыла нас, будто мокрой дерюгой?

А вот за что...

«Обличая» все направо и налево, бичуя «чистую неправду», я и «обличил» в той распроклятой заметке одного офицера Бутырского полка, стоявшего тогда в Саратове, «обличил» за то, что он ни с того, ни с сего, посреди улицы, пред всем честным народом, съездил по роже какого-то унтер-офицера, да так съездил — прямо звон пошел.

Накажи он его у себя в полку, не на людях — это было бы его дело. А то — на улице!..

Да что там один офицер — невелика птица. Я ведь, — каюсь! — в злосчастной своей заметке и надо всем полком малость поиздевался.

Впрочем, быть может, и проглотили бы эти насмешки в Саратове, — хотя офицеры все, как один, собирались было меня на дуэль вызывать, — не вмешайся тут сам нечистый — тот, что в омуте сидит. На мою беду, моя издевка пошла гулять не только по всем газетам «матушки-России», но и за рубеж проскочила, отзываясь повсюду, как кукушка весной меж деревьями. Беда, да и только!

Так вот отчего бедняга губернатор прежде меня, как волк в капкан, попался — в военном министерстве весьма косо взглянули на мою злосчастную заметочку. Кругом беда!

Недаром губернатор велел мне поскорее лететь в столицу выпутываться.

Вот и потащился я выпутываться в столицу, как блаженной памяти последний кошевой атаман Петро Калныш.

Ох, выпутаюсь ли? Если уж губернатор горяченького кулешу

глотнул, то мне, видать, не кулешу, а березовой каши попробовать придется.

Притащился я в столицу да сразу в министерство.

— Вот и я,— говорю,— как тот Рябко...

— А, Филипп из конопель... Так это ты, голубчик, вскочил, говорят, в коноплю, сиречь в репейник?

— Я,— отвечаю,— господа начальство.

— А где же бумага?

— Какая бумага?

— А «донесение губернатора на высочайшее повеление»... Оно должно было не позднее трех дней прибыть, а его и до сих пор нет.

— А тут, как на беду, государь вскоре должен в Крым отбыть,— добавил какой-то седелький человек с Владимиром на шее. Головушка моя бедная!.. Вот чего натворил батько Тарас со своею правдой!

А как показали мне «дело» по поводу моей несчастной заметки, то я так и присел! Оно разбухло, как, бывает, человек от водянки бухнет. Военный министр Сухозанет уже во второй или третий раз требует выдать ему головой «автора» пресловутой заметки. Министр народного просвещения — забыл уж, кто именно — требует того же и вскоре прогоняет с должности инспектора саратовской гимназии, покойного Ангермана — цензора, пропустившего «заметку» в печать.

Беда, да и только!

— А кто же,— спрашиваю,— будет докладывать мое «дело» господину министру просвещения?

— Товарищ его,— говорят,— Александр Григорьевич Тройницкий.

Я тут же к нему.

— Такой-то и такой-то,— представляюсь.

— А, секретарь саратовского статистического комитета?... Знаю,— говорит,— ведь вы и редактор «Губернских ведомостей»?

— Да,— говорю,— я самый.

На превеликое мое счастье, в то время в министерстве как раз начали вырабатывать новый устав статистических комитетов, и Тройницкий, знавший уже некоторые мои труды по статистике, стал меня расспрашивать, как ведется у нас это дело. Я охотно вытряхнул ему из своей сумы немало такого, чем удовлетворил его вполне.

А затем заикнулся о своем «деле».

А он говорит, что уже докладывал обо мне Сергею Степановичу Ланскому, который переговорил о моем «деле» с военным министром и с министром народного просвещения, и они сошлись на том, что коль скоро еще нет «всеподданнейшего донесения» от саратовского губернатора об этом злосчастном «деле», а государь император не сегодня-завтра изволит отбыть в Крым, то следует подготовить «всеподданнейшие доклады» обо мне к возвращению государя в столицу.

— А вам тем временем есть чем заняться в Петербурге? — спрашивает Тройницкий.

— Мне,— говорю,— нужно кое над чем в Публичной библиотеке поработать.

— Вот и хорошо,— отвечает,— не заметите, как и государь император в столицу возвратится.

Поселился я тогда в «Балалаевке», у самой Публичной библиотеки. В те времена об этой «Балалаевке» в Петербурге, как в казацких думах поется, «слава дыбом встала». Была это гостиница Балабаева с номерами; в этих-то номерах, да еще и с «мусликой», как говаривал батько Тарас, и проживал тогда Николай Иванович Костомаров, готовясь к профессуре в университете.

Первый, кого я увидел, придя к Костомарову, был батько Тарас.

— А, слышал, слышал, земляче, о том, как вы в репейник вскочили,— сказал Тарас, смеясь и здороваясь со мной.

— Э, будь оно неладно! — махнул я рукой.

— Пустяки это, молодой человек,— ласковым голосом прибавил автор «Кобзаря»,— уж коли сразу в «холодную» не посадили, можно и не опасаться ничего... Вот нас з Миколою когда-то, как того Семена Паляя, вмиг «на колесницы да на коней» — да и засадили в ту высокую, острую «швайку», что за Невой...

Тут как раз скрипнула дверь — и на пороге показалась рыжая голова.

— Нет бога, кроме бога, и Николай пророк его,— промолвил рыжеголовый.

Это был Чернышевский, Николай Гаврилович. Такими словами он всегда подшучивал над Костомаровым и над моей женой (она была тут же), подшучивал за то, что и они над ним подсмеивались.

— Здравствуй, волк в овечьей шкуре! — отрезал Костомаров.

А Чернышевский ко мне обратился:

— Читали, читали,— говорит,— ваше «обличение»... Назвать героев-бутырцев «мокрыми орлами», чуть не курами! Да за такое «обличение» сидеть вам в месте злачне, месте прохладне, идеже праведнии пророк Николай и кобзарь Тарас упокоялися... Так, Тарас Григорьевич?..

— Нет, не совсем так,— ответил батько Тарас,— а вот вы там таки посидите!

И пророком оказался Тарас, а не Николай!

— Что ж,— сказал я,— и мне там посидеть придется! Заработала коза то, чем ей рога правят!

И пошла у нас веселая беседа, ибо вслед за Чернышевским вскоре явились в «Балалаевку» и Печерский-Мельников, и Иван Федорович Горбунов, и Дмитрий Ефимович Кожанчиков.

В те времена «Балалаевка» была своего рода литературной корчмой. Здесь, бывало, Горбунов рассказывает свои шуточные рассказы, будто только что из печи вынутые горяченькие булочки, которые потом разлетались по всем сторонам, а весь наш кружок только за животики хватался. Здесь же Печерский-Мельников повествует, как он, будто на медведя с рогатиной, ходил на староверов, прятавшихся «В лесах» и «На горах» (его произведения); а Кожанчиков — тот, как из рукава, сыплет всякими литературными сплетнями и книжными новостями.

— А знаете, господа,— говорит рыжеволосый Чернышевский с шутливой улыбкой,— еду это я сюда мимо Думы, когда глядь на

небо — и диву дался: что за история во вселенной творится? На небе какая-то новая, неведомая звезда взошла, да такой величины и блеска, такое светило, что, пожалуй, и Сириусу с Арктуром нос утрет. Подъезжаю сюда и вижу, что звезда эта над самой «Балалаевкой...»

— Это, видите ли, новое светило в «Балалаевке» взошло,— подмигнул Горбунов в сторону Костомарова.

— Да нет! — отозвался тот.— Это над Тарасовой головою новая зоря взошла, теперь ведь весь Петербург не знает, где его и посадить, чем и потчевать...

— Вот, вот,— подхватил Печерский,— не об этой ли звезде Тарас Григорьевич и мурлычет весь вечер:

Ой зійди, зійди, зіронько вечірняя...

А оно и в самом деле так было.

Весь вечер Тарас все ходит по номеру да потихоньку мурлычет себе под нос:

Ой зійди, зійди, зіронько вечірняя,
Ой виydi, виydi, дівчино моя вірняя...

На следующий день пошел я к батьку Тарасу. Жил он тогда в Академии художеств, в небольшой, светленькой мастерской. Застал я его в чем-то белом — то ли свитка полотняная, вся измазанная красками и еще чем-то, то ли «пиджачок» завоженный. Сидел Тарас за своими офортами, со всем пылом работая над ними, уж очень по душе ему этот труд пришелся.

Стал он тут показывать мне свои офорты — и собственного своего сочинения, и некоторые удачные копии с великих мастеров. Тут же и подарил мне на добрую память несколько своих офортных рисунков, которые я впоследствии, году, кажется, в 90-м, передал в украинский музей незабвенной памяти Василия Васильевича Тарновского, а он мне за эти дары привез из Киева хороший портрет Тараса, который и поныне веселит мою одинокую комнатку в Столярном переулке.

— А там (сиречь там), там, где козам рога правят, там,— говорит,— ни к офортам, ни к другим рисункам моя солдатская рука и прикоснуться не смела,— там этого ни-ни!.. Лишь когда я с адмиралом Бутаковым по Амударье и по Аралу плавал, разрешено мне было рисовать в альбом Бутакова.

Альбом этот я увидел, когда Тараса уже не было на свете.

В 1864-м, кажется, году Бутаков привозил свой альбом к Андрею Александровичу Краевскому, и все мы его видели — все! — а из всех, остались в живых, видимо, только я да Леонид Александрович Полонский,— он не даст солгать. Куда этот альбом подевался, где он теперь — бог его знает!

А дорогой был альбом.

Живя вот так в «Балалаевке» и работая * в Публичной библио-

* Я писал тогда монографию «Обличительная литература в первых русских журналах и стеснение гласности», которую и напечатал в «Русском слове» под редакцией Хмельницкого, а может, уже и Благосветлова; а Добролюбов работал над сатирической литературой времен Екатерины II и напечатал свой труд в «Современнике».

теке за одним столом с Добролюбовым, блаженной памяти другом Чернышевского, зашли мы как-то с женой к Костомарову.

— Не видели вы,— спрашивает он,— Тараса?

— Нет, а что?

— Да бог знает, что и думать! Вот уж три дня и три ночи, как не было его в Академии, и нигде не видно!

— А может, он, как Иона, во чреве китове? — усмехнулся Чернышевский.

— Может, и там, на беду,— покачал головой Костомаров.

— Я уже послал Фому и к графу Толстому (бывшему тогда вице-президентом Академии художеств), и к Василию Матвеевичу Лазаревскому,— но и они ничего не знают.

Очень встревожило нас все это. Не попался ли он, бедняга, опять в ту государственную «холодную», что у Цепного моста? Но за что? На это никто не мог дать ответа... Может, так вот, ни за понюшку табаку, и засадили... И пропадет человек ни за что, ни про что... А долго ли он на воле-то пробыл? Всего год или два...

Сидим мы вот этак и печалимся.

Вдруг слышим — кто-то возится за дверью в коридоре... Прислушались — оно самое:

Ой зійди, зійди, зірньоьк вечерня...

Мы подумали — не Фома ли это?

Оказалось — нет! Про волка помолвка, а он тут как тут...

Дверь скрипнула — на пороге стоит Тарас...

Жена моя так и сорвалась с места и к нему:

— Голубчик! Где это вы пропадали?

— Да вот, застучали меня, как и в той песне поется:

Застукали мене
Розсукинї сини,
Богучарські пани...

Застукали мене чертовы паны — Жемчужников да с этим вот графом, Толстым Алексеем (Толстой)... Поманили меня, как козла капустой, украинскими варениками да и продержали у Толстого под арестом целых три дня, пока не сбежал,— мат-тери их сто копанок чертей!

— А мы уж думали, не того ли, как его... — усмехнулся Костомаров.

— Яко Иона во чреве китове,— добавил Чернышевский.

— Да нет уж, черт меня побери,— протух за Аралом.

— И на том слава богу... А нам уже такое в голову взбрело, что ого! — промолвил хозяин.— А оно, вишь, приехала Хима из Иерусалима...

Ой зійди, зійди...

— Что это я снова! — оборвал он сам себя и обернулся ко мне:

— А вы-то как, не настал еще ваш черед?

— Да нет, слава богу, и не настанет!

— Как так, мат-тери его?

— Да господь смилостивился надо мною! — говорю.— Еще вчера Тройницкий сказал, что меня выручил ухналь.

— Какой такой ухналь? Не тот ли, что в подосья загоняют?

— Он самый... Слышал я от старых людей, что когда нет под рукою ни крюков больших, ни гвоздей добрых, то подчас и ухналь пригодиться может... Таким вот ухналем и стал для меня саратовский губернатор. Он так написал обо мне Ланскому и Милютину Николаю Алексеевичу, так меня расписал, будто я такой человек, такая богоспасаемая душа, так тружусь на пользу правительству, что и сказать нельзя! Ланской возьми да и покажи то письмо другим министрам, и самому государю императору «всеподданнейше доложил» так благоприятно, что его царское величество всемилоостивейше и простил мне, грешному, мою вину.

— Ай да ухналь, мат-тери его! — ударил себя Тарас руками в полы.

— То-то вот и оно! Уж какие острые крюки и зацепы повсюду торчали, а вишь, ничем мне пособить не могли. А ухналик ткнулся, да и выручил меня, хоть и самому сала за шкуру залили.

— Чтoб ей всячина, той «холодной» со «швайкою»! — промолвил батько Тарас.

Ой зійди, зійди, зірoнькo вечірния...

Больше уж не видел я Тараса.

Н. К. Вороной

ВОСПОМИНАНИЕ О ШЕВЧЕНКО

В декабре прошлого года довелось мне познакомиться с одним художником, г. Е. Г. Черепахиным, который, как мне сказали, был знаком с Тарасом Шевченко под конец пребывания покойного поэта в Петербурге, за полтора года до смерти.

Разумеется, я тотчас же обратился к этому художнику, надеясь разузнать все, что можно, о незабвенном Кобзаре, однако надежды мои не вполне осуществились, как мне того хотелось, ибо те краткие сведения, которые мне любезно сообщил г. Черепахин, уже достаточно известны образованному украинскому читателю, и если я привожу здесь кое-что из них, то лишь ради того, чтобы либо подкрепить, либо прояснить то, что уже было на этот предмет напечатано.

Прибыв в конце 1859 г. в Петербург, г. Черепахин поступил учиться в рисовальную школу и поселился на одной квартире с моим школьным товарищем, полтавчанином Софийским (ныне покойным), который уже ранее был знаком с Шевченко. Тогдашняя молодежь относилась к поэту с большим уважением, просто боготворила его, и г. Черепахин, захваченный общим движением (хотя сам он донской казак) поспешил не пропустить счастливого случая и попросил своего товарища провести его к Шевченко. Тарас жил тогда в Академии, комнатка была очень мала, неудобна.

с маленькими оконцами, и царил в ней довольно-таки большой беспорядок; несколько скрашивали его лишь висевшие по всем стенам рисунки пером самого хозяина. Хозяин, довольно плотный человек, лысый, с седыми усами и несколько хмурым лицом, любезно приветствовал гостей словами: «Сідайте, хлопці... Отсе ж тільки що були в мене «овечатка», — так проводив»... «Овечатками» он называл барышень-украинок, забегавших иногда его проведать. Разумеется, разговор шел большей частью об Академии и о том, как поступить в нее молодым ученикам, и Тарас кое-что им посоветовал. После того Черепяхин еще несколько раз до своей болезни заходил к Тарасу, всегда вдвоем с Софийским, и редко приходилось им встретиться еще с кем-либо.

Видел он там, помнится ему, одного чиновника, видимо, близкого Тарасу человека, с какой-то девицей Марусей (надо сказать, что это был Иван Николаевич Мокрицкий со своей женой Марией Львовной, урожденной Свичкой). Отношения этого чиновника с Тарасом, казалось, были очень искренни и просты, и считался он, видимо, самым близким человеком, ибо держался совершенно свободно, любил петь и весьма неплохо выводил украинские песни. Однажды, придя туда с Софийским, Черепяхин принялся читать «Кавказ», в рукописи ходивший тогда по рукам молодежи, и Тарас охотно стал ему помогать, обучая его, как следует выразительнее и увереннее выговаривать украинские слова, а далее, не удержавшись, с пылким вдохновением продекламировал все свое произведение.

Жил тогда Тарас Шевченко, как заметил рассказчик, особняком — ни в украинском кружке, собиравшемся вокруг Кулиша, ни в театре, ни в залах Эрмитажа, где тогда устраивались иногда любительские украинские спектакли, — ни разу не пришлось его видеть... Вообще наш титан-поэт произвел на него впечатление человека простого, чрезвычайно доброго и искреннего в своих убеждениях.

Б. Г. Суханов-Подколзин

ЧТО ВСПОМНИЛОСЬ О ТАРАСЕ ГРИГОРЬЕВИЧЕ ШЕВЧЕНКО

Покойная моя матушка Н. Б. Суханова в конце 50-х и начале 60-х годов, подобно многим членам тогдашнего русского общества, поддавалась влиянию новых, гуманных «веяний» и, как женщина умная, для светской же барыни образованная и начитанная, сумела привлечь в свою гостиную кружок людей, подвизавшихся на литературном и художественном поприщах.

Довольно сказать, что писатели Полонский, Щербина, Майков, художники Пименов, Соколов, Айвазовский и другие были постоян-

ными посетителями нашего дома. Иван Сергеевич Тургенев в свой приезд в Россию появлялся также в гостиной матушки. Кроме дебатирования всевозможных и невозможных вопросов, возникавших в то время, как грибы после дождя, смею теперь думать, что крепостной повар Семен, ученик славной кулинарной академии графа Нессельроде, немало способствовал своими гастрономическими талантами сплочению этого небольшого, избранного интеллигентного кружка.

Хотя в те времена я был совершенным еще мальчиком (мне было лет 13—14), упомянутые «веяния» отразились на мне благодаря моему наставнику В. А. Фукс, человеку умному и пылкому *. Я восторженно-почтительно относился к бывшим у матушки литературным и артистическим корифеям и, насколько мог, старался вникать в смысл неумолкаемых диспутов и пререканий, которые велись с редким увлечением во всех тогдашних салонах и кабинетах. То было время общей лихорадки, когда, например, из-за какой-нибудь статьи «Современника» люди в обыкновенное время лимфатичные и неречистые обращались в каких-то иступленных, готовых утопить неуступчивого оппонента в первом попавшемся стакане *chateau laffite*¹. Понятно, все это не могло не иметь влияния на шустрого мальчика, и он невольно настраивался под общий диапазон.

Не вспомню теперь в точности, когда именно все чаще и чаще стало при мне повторяться имя Шевченко. От своего учителя я проведаль, что этот Шевченко — великий малорусский поэт, поэт-самородок, вышедший из народа. При этом он (т. е. мой учитель) продекламировал несколько стихотворений этого поэта; в одном из них попадался комический эпизод подзатыльника (?), берущего свое начало где-то сверху и спускающегося по всем градациям нисходящей служебной иерархии.

Опять теперь не вспомню, когда и как введен был в дом наш приземистый, лысый, усатый человек, которого сразу мы же, дети, в особенности, полюбили и с которым стали, так сказать, на короткую ногу. Особенно за ним ухаживали, старались во всем угодить наши крепостные люди — все уроженцы Малороссии. Оказалось, что они все давно его знали и любили, что он во всем им был близок, благодаря тому обстоятельству, что у дворецкого Пивоваренко имелось старое издание «Кобзаря»; эта маленькая, засаленная книжонка переходила из рук в руки, безжалостно трепалась, путешествуя из кухни в переднюю; стихи выучивались наизусть, своими родными, теплыми мотивами помогали этим простым людям переноситься мысленно на далекую родину. На заглавном листке этой книжонки из-под толстого слоя грязи выглядывал старик-бандурист, сидевший под вербами. С этого времени мне ни разу не пришлось напасть на это издание.

Тем, что Шевченко, войдя в дом моей матери, сразу и без всякого с его стороны заискивания сумел завоевать общую симпатию всех домашних, начиная с перетянутых гувернанток-англичанок и кончая выездным «человеком», лучше всего доказывается, насколько он был симпатичен, насколько своей простотой, сердечностью,

* В. А. Фукс — преподаватель в частной Московской гимназии.

¹ *Chateau laffite* — марка вина.

одним своим появлением произвольно привязывал к себе всех, от малого до великого. Его несколько угловатые, но несколько не вульгарные манеры, простая речь, добрая, умная улыбка — все как-то располагало к нему и оставляло впечатление старого знакомства, старой дружбы, при которой всякого рода церемонии становились излишними. Под непосредственным влиянием восторженного наставника, весьма понятно, для меня этот добрый, чудаковатый поэт в моем почти детском воображении принимал образ мученика, за правду потерпевшего, и становился еще более сердцу милым.

Матушка была хорошо знакома с семейством временного вице-президента Академии художеств графа Толстого, принимавшего, как всем известно, горячее и благотворное участие в судьбе Тараса Григорьевича и доставившего ему при возвращении из ссылки казенную мастерскую в самом здании Академии. Весьма вероятно, что с общего согласия условлено было пригласить Шевченко давать мне уроки рисования, дабы под видом гонорара оказать ему на первых порах материальную помощь. Предложить ему денег никто бы не решился, и я имею основания предположить, что благодаря этой маленькой хитрости я стал в одно прекрасное утро учеником этого, по-институтски «обожаемого» мною человека.

Три раза в неделю отправлялся я в Академию и проводил предобеденные часы в мастерской моего учителя. Учение в строгом смысле было очень незначительно; оно главным образом ограничивалось рисованием одного и того же цветочного горшка в разных положениях и на разных плоскостях. Особенной пользы от этого метода быть не могло уже потому, что однообразие сюжета парализовало всякую охоту в ученике. Поездки же на дальний Васильевский остров, сидение на положении взрослого в мастерской художника-поэта; артистическая, не виданная еще обстановка самой мастерской; наконец «пробривание» более серьезных, но зато и более скучных занятий,— все это обращало для меня поездки в Академию в настоящий праздник, для которого я охотно мирился с монотонией неизменного горшка с цветами.

Находясь, таким образом, довольно часто «с глазу на глаз» с Тарасом Григорьевичем, я вполне имел случай видеть его неестественным никакими светскими условиями и пользуюсь этим, чтобы из всех сил восстать против тех биографических портретов, которые силятся изобразить моего учителя рисования каким-то спившимся дикобразом. В доме моей матери, где он зачастую обедал и где вина подавались в изобилии, никогда он не бывал в «подпитии». Бывая у него и засиживаясь подолгу, мне никогда не случалось видеть его в невменяемом состоянии; никаких цинических выходок он себе не позволял; никаких грубых выражений не употреблял...

Мне очень досадно было встретить в книге М. К. Чалого описание дорогой мне по воспоминаниям мастерской... Соглашаясь с тем, что студия Тараса Григорьевича, а также и его спальня (в антресолях) не представляли из себя *interier*'a¹ голландского *minherra*², не могу согласиться с безобразной картиной валяющихся повсюду гадостей, неубранной постели и прочих проявлений неряшливости.

¹ Интерьер.

² Дворянина.

Кто когда-либо бывал в студии художника, а тем более бедного, тот не мог не заметить присущий этим помещениям специфический беспорядок, происходящий частью от самого рода занятий. Такой именно беспорядок царил и у Шевченко в мастерской. Неряшества же, грязи и безобразия в ней было столько же, сколько правды в описаниях господ, уподобляющих ее кабаку или того хуже.

В ту зиму, когда мне впервые пришлось ездить к Тарасу Григорьевичу, он начал заниматься офортными (eau forte) работами, причем в руководители и наставники он избрал себе величайшего мастера этого дела — Рембрандта, усердно и усидчиво копируя его труднейшие произведения.

Бывало так, что мое рисование прерывалось предложением идти вместе в академическую библиотеку, Эрмитаж или к кому-либо из коллекционеров, чтобы посмотреть какой-нибудь невиданный еще рембрандтовский офорт. Понятна радость, с которой я шел на такое предложение, и гордость, с которою шествовал по коридорам Академии или улицам Петербурга, сопутствуя моему дорогому учителю в его невероятной, всем знакомой мерлушечьей шапке. Часто к Шевченке заходил господин Марин, обладатель чудесной коллекции гравюр, как большой знаток он объяснял Тарасу Григорьевичу разные тонкости и фортели (trac) этого своеобразного и трудного искусства. Помнится, что однажды я нашел Тараса Григорьевича в большой суете. Он собирался писать масляными красками портрет известного мазепинского Кочубея, по заказу одного из его потомков. Требовались: холст, разные аксессуары — вроде бархата, парчи, собольего меха и т. д. Взял меня Тарас Григорьевич с собою, и мы до позднего вечера прошлялись по городу, разыскивая все эти вещи, причем, нисколько не стесняясь сопровождавшим его «хлопцем», он заходил в лавки, к костюмерам, в знакомые ему дома. По поводу того же Кочубея один из уроков прошел в том, что мы, забравшись в какую-то преогромную академическую не то кладовую, не то чердак, рылись в целом хаосе запыленных старых картин, чтобы разыскать какие-то портреты каких-то малороссийских гетманов (или даже гетмана), нужные ему для большей верности кочубеевского костюма. После долгих поисков, измаранные, как черти, отрыли какого-то старого чубатого господина и, окрестив его почему-то «Мазепой», торжественно приволокли в студию. Был ли когда окончен этот кочубеевский портрет, натворивший столько хлопот Шевченке, и где он теперь находится? Посещавшие Шевченка художники единогласно хвалили его работу, что приводило его в отличное расположение духа, выражавшееся, например, в том, что он, подходя к полотну, давал разные нежноругательные прозвища «богатой и знатной» Мазепиной жертве*.

Кроме этой работы я еще помню исполнявшиеся рисунки сепией. Первый изображал старого турка, вроде тех, которые красуются на табачных вывесках, — то есть в полной своей турецкой форме, в чалме, при чубуке и кинжале, сидящего, без осо-

* Портрет был поясной, овальный. У Шевченко находился старинный портрет Кочубея, довольно примитивного письма, он его придерживался для сходства, хотя кисть богомаза изобразила Кочубея каким-то китайским мандарином. У Шевченко портрет писался в рембрандтовском стиле, с контрастами освещения (clair-absent).

бенно видимых целей, рядом с очень некрасивой одалиской. Для этой работы являлись старик-натурщик и очень скромная, почти даже безобразная девица-натурщица. На другом рисунке изображались днепровские русалки (довольно легко одетые), увлекавшие молодого казака на дно речное. Казак почему-то не удавался Тарасу Григорьевичу и смывался беспощадно; при этом и без того старательный запорожец обзывался «бісовой дитиной» и иными неприятными эпитетами. Как ни старался я заступиться за беднягу, неумолимая кисть продолжала свое разрушительное дело, и на место сгнувшего казачины к следующему уроку появлялся его заместитель, которого русалки продолжали увлекать в пучину днепровскую. Нужно заметить, что с дамами или девицами, бравшими на себя труд позировать для русалок, я никогда не встречался. Для изображения казака мне случалось подолгу валяться на диване, свесивши руку и ногу, в иногда очень неудобной и даже мучительной позе. Судьба, постигшая эти две сепии, так же мне не известна, как и судьба портрета масляными красками.

Являясь очень аккуратнo в часы, назначенные для уроков, я иногда не заставлял хозяина дома. В таких случаях на дверях мастерской мелом бывало написано: где он, когда вернется или у кого из служителей находился ключ. Вообще эти двери часто исписывались именами не заставших хозяина посетителей, иногда даже выражениями почтения или восторга, преимущественно на малорусском языке; случалось даже, что восторженные обращения к «батьке» принимали стихотворную форму.

Присовавши часок, мы поднимались наверх, в полутемный антресоль, служивший спальней Тараса Григорьевича, где происходило своеобразное и неизменное угощение. Из огромной, воистину огромной зеленой стеклянной банки извлекались кильки, сторож — вечно чем-то недовольный старичок-солдат — приносил свежего хлеба; хозяин выпивал рюмку «горілки» и мы принимались уплетать непомерное количество этих ревелских сардинок. Повторяю раз сказанное: никогда Шевченко при этом пьяным не напивался и никаких излишеств себе не позволял.

Окончив этот незатейливый пир, мы обратно спускались в мастерскую, и Тарас Григорьевич снова принимался за свои медные доски, под нос напевая какие-то заунывные мотивы, где слова, вроде «серденько», «дівчина», и т. п. возвращались постоянно. Иногда же он садился у маленького столика и начинал тихо, почти осторожно, выводить на первом попавшемся клочке бумаги какие-то не то старческие, не то старинные каракули. Бывали такие случаи, что подзовет меня и тихим, певучим, добрым таким голосом начнет читать не вполне понятные для меня малорусские стихи. Очевидно, что ввиду моих ограниченных познаний в этом языке роль мольеровской служанки была мне не под силу, тем не менее я готов был плакать, — так уж жалостно, припевисто-нежно выходили эти стихи из уст Кобзаря. Иногда за декламацией следовало пояснение самой темы...

Поправляя мои рисунки, Тарас Григорьевич часто и охотно пускался рассказывать разного рода забавные вещи. Часто на сцену выводилась его солдатская жизнь. Много смеху бывало при воспоминаниях о каком-то плуте-солдатишке, который вечно шкодил и всегда успешно откручивался от грозных наказаний начальства.

Иногда же рассказы принимали более мрачный колорит. Вспоминая как-то свою солдатчину, Шевченко вытащил из запыленной папки целую последовательную серию рисунков; один из них представлял наказание шпицрутенами. Объясняя по этому рисунку, каким образом производилось это истязание, и видя, что я собираюсь реветь, он, к моей великой радости, объявил мне, что этому зверству настал желаемый конец...

В той же папке, между прочим, был и другой рисунок, врезавшийся как-то в моей молодой памяти, так как представлял подкутивших купчиков, жарящих яичницу на горящих кредитных бумажках. Принадлежал ли этот этнографический рисунок к серии рисунков из солдатской жизни, теперь не припомню.

Много доводилось мне слышать рассказов о старой Малороссии; про Сечь Запорожскую, войны, гетманов, лихих мореходцев, про ведьм, русалок. Наскучившись вечно поворачивающимся со стороны на сторону горшком, я подберусь, бывало, к Тарасу Григорьевичу и не без хитрости начну разными вопросами наводить его на любимые темы. Время летело незаметно, когда, поддаваясь моим замыслам, Дорошенко и Сагайдачный снова принимались нещадно побивать «ляхів» и прочих супостатов. И ни разу этот добрый человек не пугнул от себя назойливого мальчугана!

К Шевченке в мастерскую часто заходили посетители, по большей части его же земляки; понятно, что в таких случаях беседы велись исключительно на малорусском диалекте. Чаще всех бывал г. Кулиш, посещение которого потому засело у меня в памяти, что я почему-то считал эту фамилию уж больно странной. Случалось иногда быть свидетелем трогательных встреч с горячими объятиями, целованиями, даже проливанием слез радости или умиления.

Помню, как-то один из гостей принес с собою довольно объемистый портфель, по-видимому, оставшийся где-то с давних пор на сохранении. Когда гость удалился, Тарас Григорьевич принялся при моей помощи разбирать находившиеся в портфеле (или папке) бумаги и рисунки. Радовался он им, как ребенок малый, и тут же, в награду за труды, подарил мне акварельный эскиз Карла Брюллова, поныне у меня хранящийся.

Между массой самых разнообразных этюдов, видов и набросков, отыскался портрет молодого человека со свечой в руке; тени на лице были очень резкие, растительность преобильная. Тарас Григорьевич предложил мне отгадать, кого изображал этот портрет. Разумеется, я этого не мог исполнить, тогда он объявил, что это его собственный портрет, им же самим давно когда-то рисованный, еще в то время, когда он учился у Брюллова. Много смеялся он моему удивлению, поглаживая свою лысую голову, расправляя запорожский ус и сравнивая себя стоя перед зеркалом, с кудреватым, безбородым юношей со свечой в руке. Он утверждал, что в свое время портрет очень был схож с оригиналом; а потому тем более жалко, если этот портрет Кобзаря в цветущую пору его творчества утерян безвозвратно.

Упомянутый в книге М. К. Чалого приезд в Россию трагика Олдриджа совершенно свежо сохранился в моей памяти, а также и то впечатление, которое он производил своей игрой на петербургскую публику того времени.

Мне случилось присутствовать при том, как покойная матушка полушутя-полусерьезно делала строгий выговор Шевченке и Николаю Дмитриевичу Старову * (большому приятелю и почитателю поэта) за то, что они, бывши приглашенными в ложу Мариинского театра, где подвизался Олдридж, в какую-то особенно патетическую минуту, в избытке восторга, подняли такую возню.

Т. Г. Шевченко
Автопортрет со свечой
Офорт. 1860

гам и вопли, что не только обратили на себя внимание и протесты публики, но, не слушаясь увещаний матери, вынудили ее искать спасения в бегстве и уехать домой до окончания спектакля. Быв-

* Он упоминается в книге М. К. Чалого. Товарищ и друг моего батюшки по Харьковскому университету. Личность в высшей степени симпатичная, образованная, одаренная тонким юмором. Ныне умерший. В то время состоял преподавателем русской словесности в первом кадетском корпусе. До старости сохранил душевную молодость, он был из тех, кого принято называть вечным студентом. В молодости писал шуточные стихи, ходившие по рукам и имевшие успех.

шая тут же в ложе напыщенная знатная барыня разобиделась вконец и написала по этому поводу матушке ядовитое письмо — отчего произошла даже ссора. Шевченко и Старов молили о пощаде, обещаясь быть в другой раз сдержаннее в проявлениях своих восторгов; матушка смилосердилась и отменила принятое было решение — не брать их более в свою ложу. И что же? На следующий раз восторг взял свое; клятвенные обещания были забыты, и приятели совместно нарушили общественную тишину и благочиние с не меньшим успехом, чем в первый раз, и к не меньшей досаде бедной матушки.

Этот самый же Н. Д. Старов влетит, бывало, в мастерскую Тараса Григорьевича, начнет болтать, сообщать виденное и слышанное и лишь только роковым образом коснется «божественнейшего и совершеннейшего» арапа, начинался взаимный обмен впечатлений, напоминание того или другого подмеченного удачного момента в этой или иной роли, подымалась возня, стулья, мольберт отставлялись, глаза дико выкатывались; начиналась жестикуляция, скрежетание зубов, Лир мешал Отелло покончить с Дездемоной, Шейлоку не давали возобновить свои кровожадные требования, все, что только попадало под руку, служило аксессуаром для усиления эффекта; подушку на диване безжалостно умертвляли; одним словом, происходило нечто совершенно баснословное. Я же, единственный свидетель этих восторгов, или смеялся до слез, или не на шутку подумывал об отступлении. Надо тут же заметить, что оба эти энтузиасты были абсолютно незнакомы с языком Шекспира, и это, по-видимому, существенное обстоятельство нисколько не мешало им до *delirium*'а¹ проявлять свое поклонение таланту знаменитого трагика. В обыкновенное время Шевченко скорее всего подходил под тип так называемого «степенного» человека.

На лето семейство наше уезжало из Петербурга. С возвращением же занятия, или, правильнее сказать, поездки на остров, возобновлялись; насколько помнится, в 1860 году, вернувшись из путешествия, я не был более посылаем к Тарасу Григорьевичу, так как, к сожалению, между ним и моей матушкой произошла размолвка.

Дело было следующее. В самом начале знакомства чем-то расторопный Шевченко подарил моей матушке рисунок, сделанный тушью и изображавший его самого в казарме, ночью, во время солдатской попойки угощающим кренделем маленького киргизенка. Кроме действительно художественного достоинства (чудесно передана пустая, дымная атмосфера казармы), этот рисунок особенно интересен тем, что, по словам самого художника, это была первая его попытка приняться за рисование после долгого запрета прикасаться к рисовальным принадлежностям. История добычи куска туши, сооружение кисточки, самого рисования втихомолку и украдкой — все это составляло ряд интереснейших эпизодов из жизни ссыльного поэта и придавало этой вещице, если можно так выразиться, святую ценность.

Прошло года два со дня поднесения рисунка. Тарас Григорьевич приходил в наш дом запросто, обедал, просиживал вечера, рисуя наши портреты, и положительно считался своим, домашним, всеми любимым человеком. Крепко установившиеся, по-видимому, доб-

¹ Помешательство.

рые отношения прервались совершенно внезапно. Однажды Шевченко попросил отдать ему некогда подаренный им рисунок, говоря, что он ему нужен для снятия с него фотографического снимка. При этом он так конфузился и путался в словах, что матушка, не желая обидеть его прямым отказом и в то же время замечая по его необыкновенному смущению, что он говорит неправду, решила прежде, чем исполнить его желание, спросить у профессора Пименова (общего их друга) объяснение загадки; покуда же она ограничилась уклончивым ответом. Пименов решительно посоветовал матушке рисунка Шевченке не отдавать, так как, по его словам, Тарас Григорьевич часто высказывал сожаление по поводу легкомыслия, с которым он расстался с ним. Кроме того, Пименов посоветовал матушке уклониться под тем предлогом, что альбом, в который, между прочим, был вклеен злополучный рисунок, настолько объемист и ценен, что поручать его незнакомому фотографу она не решается, — а сама отвезет его к известному в то время художнику Робильяру, который лучше всякого другого сделает снимок, причем обойдется с самим альбомом бережно, не попортит и не запачкав его. По получении этого ответа между Тарасом Григорьевичем и моей матерью возникла переписка, с обоюдным обменом колкостей, после которых он перестал у нас бывать. Как ни старалась впоследствии моя матушка возобновить дружеские отношения, предлагая даже возвратить рисунок, послуживший яблоком раздора, Тарас Григорьевич не поддавался никаким увещаниям, и все старания общих друзей устроить примирение остались безрезультатными.

Нас не было почему-то в Петербурге, когда поэт скончался, а потому мне не удалось отдать последний долг моему доброму, дорогому учителю.

* * *

Кроме вышеупомянутого рисунка, послужившего причиной ссоры между Тарасом Григорьевичем и моей покойной матушкой, у меня сохранились следующие его произведения:

1. Портрет младшего моего брата, простым карандашом, помечен 1858 годом.

2. Большая сепия. Сюжет: две малороссиянки, стоящие с козыслами под вербами; вдали сидит кобзарь.

3. Очень тщательно исполненная меньшая сепия, изображающая мать, стоящую на коленях и молящуюся перед колыбелью спящего ребенка.

Эти три вещи не имеют артистической ценности, чего нельзя сказать про рисунок тушью, который исполнен очень бойко, с большим вкусом и колоритно.

Когда из автобиографии, написанной Шевченком в 1859 году по просьбе редактора одного из тогдашних повременных изданий, сделалось общеизвестным, что ближайшие родные поэта, братья и сестра с их детьми, оставались крепостными еще и в пору появления этой скорбной автобиографии, то освобождение, немедленное же освобождение их,— не дожидаясь даже исхода разрабатывающегося тогда правительством вопроса «об улучшении быта крестьян»,— можно без преувеличения сказать, стало моментально не только предметом платонических пожеланий, но и сердечных мероприятий как со стороны большинства литературных, так и вообще интеллигентных кружков тогдашнего петербургского общества.

Важнейшим из таких мероприятий, несомненно, были переговоры, начатые комитетом «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», тогда только что возникшим, с владельцем села Кирилловки и его крепостных душ, в числе которых находились братья и сестра Шевченко. В переговорах этих пришлось, между прочим, по просьбе комитета, принять непосредственное участие и пишущему эти строки... Привожу здесь в подлиннике письмо, писанное ко мне комитетом по этому поводу:

«Комитет Общества для пособия... и пр.

Мая 16 дня 1860 г., № 292. С.-Петербург.

Милостивый государь Николай Дементьевич!

Комитет, узнав, что вы отправляетесь на службу в г. Елисаветград и что по дороге можете заехать к г. Флиорковскому, обращается к вам с следующей покорнейшей просьбою:

1. Члены Комитета, письмом к г. Флиорковскому, просили его уведомить, согласится ли он отпустить на волю родных г. Шевченко, и если согласится, то на каких условиях? До сих пор ответа на это письмо не последовало; почему Комитет просит вас, милостивый государь, узнать от г. Флиорковского:

2. может ли он исполнить желание Комитета, и если может, то

3. на каких условиях думает он предоставить волю родным г. Шевченко: если с вознаграждением, то какую цену полагает за выкуп каждой души?

4. Наконец, при предполагаемом выкупе, в каком количестве, на тягло или на душу, наделит он землю получивших свободу?

5. Не можете ли увидеть самих родных Шевченко и вообще объясниться с ними, желают ли они быть приписаны к земле, выделенной г. Флиорковским, и вообще, какие предположения имеют относительно устройства своей участи?

Прося вас покорнейше уведомить меня о последствиях переговоров ваших с г. Флиорковским, я вместе с тем прошу вас принять уверение и пр.

Ег. Ковалевский (председатель общества)».

Отъезд мой из Петербурга, по независящим от меня обстоятельствам, последовал, однако, не в мае, когда было получено мною вышеприведенное письмо, лично врученное мне тогдашним секретарем общества Алексеем Дмитриевичем Галаховым, а лишь в начале июля. За это последнее время моего пребывания в Петербурге мне особенно часто приходилось видаться с Тарасом Григорьевичем, с которым, впрочем, я и до того уже был хорошо знаком. Заходил он ко мне, заходил и я к нему, на его тесную-тесную квартирку в Академии художеств, встречались мы и в обществе... И о чем бы и с кем бы у нас ни шел разговор, всякий раз в конце концов Тарас Григорьевич сводил, бывало, речь на предстоящую мне на Украину поездку, а при прощанье, крепко пожимая мне руки, говаривал: «Голубчику, поусердствуй же, похлопочи за этих несчастных!..»

Накануне моего отъезда я пробыл у него с трех часов пополудни до полуночи, и о чем, о чем только мы не переговорили с ним в эти памятные для меня часы! Тарас Григорьевич все время нашей беседы был в каком-то особенно возбужденном состоянии и таким говорливым и экспансивным, каким я его не видывал до сего разу никогда. Показывал он мне и свои опыты гравирования а l'eau forte, и рисунки, и свой портрет, сделанный им самим. Водил он меня и по академическим залам, говоря о художестве и подолгу останавливаясь над разными более или менее известными картинами, а особенно над знаменитою картиною Иванова «Явление Христа народу» и Брюлловскою «Осада Пскова». Первая его восхищала своими деталями, а особенно отдельными фигурами, но в целом он ею был недоволен: «Страшно вымолвить,— говорил он,— а в целом... ну, точно гобелен!» «Осаду Пскова» он находил незаконченною, во многом слабою, но все-таки хвалил и с любовью смотрел на нее, любовно вспоминая ее творца, своего учителя и друга...

Читал мне Тарас Григорьевич и некоторые из тех своих произведений, которые тогда им только создавались и крайне неразборчиво набрасывались на лоскутках бумаги, а то и прямо на стенах его квартиренки-кельи. «Это,— говорил он,— так себе... сижу, малюю да что в голову взбредет, то, случается, и запишу... на чем попало».

Рассказывал он мне и про свое давноминувшее, и про свою службу, и про то, что переживал он, лишенный возможности даже писать и рисовать, и многое, многое еще...

Но я никогда не забуду нашего прощанья — оно было последнее, ибо более я его уже в жизни не встречал,— когда Тарас, вновь повторяя свою просьбу похлопотать о его братьях и сестре Орине, с судорожным воплем: «О Орина, Орина!» — упал на убогий диванчик, стоявший в углу его убогой квартиренки, и истерически, громко зарыдал, как ребенок...

По указанию и желанию самого Шевченко я, прежде чем видаться и говорить с г. Флиорковским и его родными, должен был повидаться и поговорить в Корсуне с его нареченным братом Варфоломеем Григорьевичем Шевченко, к которому вместе с чисто братскою привязанностью поэт питал еще и безграничное доверие, как к человеку честному, умному и практическому.

Как он желал, так все и было мною исполнено.

Железных дорог, кроме Николаевской да кусочка Петербургско-Варшавской, от Петербурга до Пскова, по которой я и выехал, тогда еще не было. Тем не менее на седьмой день пути я был уже в Корсуне, у Варфоломея Григорьевича, а на восьмой и в Кирилловке.

Г. Флиорковский, хотя и не из уважения к Т. Шевченку, за которым, по словам его, он никакого таланта не признавал, а из уважения лишь к Комитету, изъявил мне полную готовность свою дать волю родным Шевченка даже без денежного вознаграждения, хотя сию же минуту, под одним лишь условием, чтобы они немедленно же после того уходили из Кирилловки куда им угодно!.. Что же касается до их надела землею, то в этом он самым категорическим образом отказывал, говоря, что не согласится на это ни за какие деньги! Мотивами такого отказа им приводилось: с одной стороны — нежелание делать исключение для Шевченков, которое могло послужить соблазном для других их односельчан, а с другой — нежелание предрешать вопроса об освобождении крестьян, который, быть может, будет решен правительством и иначе, то есть без земельного надела...

На том наши разговоры и покончились. Так о том было тогда же мною написано как Ег. П. Ковалевскому, так и поэту.

Позже я, однако, узнал, что г. Флиорковский, освободив родных поэта, принял даже на себя уплату 900 р. банкового за них долга, за что ему была выражена и признательность общества. Но когда это именно случилось и при каких обстоятельствах, того уже я не знаю.

Ф. И. Каминский

ЕЩЕ ЩЕПОТКА
НА МОГИЛУ ШЕВЧЕНКА

Несколько писем Т. Г. Шевченка к М. А. Максимовичу, помещенных в февральской книжке «Киевской старины» за нынешний год, с симпатичными пояснениями к ним неизвестного автора, дополнили и уяснили кое-что из скорбной жизни поэта. Его письма, поэтические его произведения, работы граверные далеко не все приведены в известность; многие из них разошлись по рукам при жизни и особенно по смерти его и гложут в безызвестности, забытые нередко самими владельцами их. Долг каждого из нас собирать и приводить в известность все, что может относиться к характеристике и жизни поэта, как бы ни были незначительны те данные, которыми кто-либо располагает, ибо, только собирая по крохам, мы можем с течением времени подготовить достаточный материал для полной биографии и надлежащей оценки Т. Г. Шевченка.

Те немногие и, может быть, очень незначительные данные, которые я намерен предложить здесь в виде материала для биографии Т. Г. Шевченка, стали известны мне совершенно случайно и приводят меня к мысли, что таким же путем, тем более при доброй воле, может быть найдено еще многое и гораздо более важное для уяснения светлого образа славного нашего поэта. Вот что я могу предложить почитателям его.

В фундаментальной библиотеке Лубенской мужской гимназии есть «Кобзарь» Шевченка, издание Симиленка 1860 г., печатанное в типографии Кулиша. В этом экземпляре, в трех местах известной поэмы — «Катерина» нельзя не заметить, что некоторые строки наклеены; если ж приподнять наклейки, то под ними видны точки. Ясно, что издание вышло с точками или пропусками в тех местах, а наклейки сделаны после. Когда, кем и по какому случаю? Но прежде ознакомимся с этими таинственными строками. Всех их счетом (30) и содержание их не представляет ровно ничего особенного, запретного.

Вот эти строки:

В главе 3-й, за словами: «А серденько одпочине, поки сльози ллються», следует:

Отаке-то лихо, бачите, дівчата,
Жартуючи кинув Катрусю москаль.
Недоля їй бачить, з ким їй жартувати,
А люде хоч бачать, та людям не жаль:
«Нехай,— кажуть,— гине ледача дитина,
Коли не зуміла себе шанувать».
Шануйтеся ж, любі, в недобру годину
Щоб не довелось москаля шукать.

Поводом к недоразумению и цензурному запрещению приведенных строк послужило, кажется, слово «москаль». Но в смысле великорусской национальности это слово никогда не употреблялось и осталось с этим значением лишь в польском языке. В малорусском говоре оно употреблялось и употребляется как однозначущее слову «солдат» и в этом смысле употреблено и поэтом. Тем не менее из-за него, по очевидному недоразумению, выпущено целых восемь строк. Даже в пражском издании «Кобзаря», где приведены первые две из этих строк, стоит: «кинув Катрусю свою», а не «москаль», как в наклейке.

В главе 3-й, после слов: «що мені робити?» читаем в наклейках следующие заключительные стихи:

Сирота собака має свою долю,
Має добре слово в світі сирота;
Його б'ють і лають, закують в неволю,
Та ніхто про матір на сміх не спита.
А йвася спитають, заранне спитають,
Не дадуть до мови дитині дожить.
На кого собаки на улиці лають?
Хто голий, голодний під тином сидить?
Хто лобуря водить? Чорняві байстрята...
Одна його доля — чорні бровенята,
Та й тих люде заздрі не дають носити.

Трудно и теперь понять, что могло быть поводом к пропуску в печати этих вполне невинных строк.

Наконец 4-я глава начинается одиннадцатью следующими прелестными стихами:

Попід горою, яром, долом,
Мов ті діди високочолі,
Дуби з гетьманщини стоять;
У яру гребля, верби в ряд,
Ставок під кригою в неволі,
І ополонка — воду брать...
Мов покотьюло червоніє,
Крізь хмару сонце зайнялось,
Надувся вітер; як повіє —
Нема нічого, скрізь біліє...
Та тільки лісом загуло.

Высокопоэтическая картина природы и больше ничего.

Меня до крайности заинтересовало происхождение наклеек, текст которых приведен. Экземпляр «Кобзаря», в котором они находятся, подарен гимназии землевладельцем лубенского уезда Ф. И. Дейкуном-Мочаненко: к нему я и обратился за разъяснением. Даритель рассказал мне об них следующее.

Бывши в 1860 г. в Петербурге, я зашел в типографию Кулиша; чрез некоторое время быстро вошел туда Шевченко и торопливо спрашивал:

— А что, готово? готово?

— Готово,— отвечали ему и подали несколько листов с напечатанными стихами.

На вопрос мой: «Что это такое?» — покойный Каменецкий, заведывающий тогда типографией Кулиша, объяснил, что это непропущенные цензурою места из «Катерины», для наклейки в экземплярах, предназначенных для поднесения некоторым высокопоставленным лицам, между прочими, бывшему тогда министру народного просвещения Ковалевскому. Я выпросил и для себя такой листок и наклеил его в своем экземпляре.

Вот этот самый экземпляр и хранится в настоящее время в библиотеке Лубенской гимназии.

Г. Н. Честаховский

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
О Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Кобзарь Тарас Григорьевич Шевченко однажды очень сокрушался, что никак не найдет натурщицу, чтобы нарисовать типичную красавицу-казачку. «Погодите-ка, батьку, я поразведу, нет ли где гнездышка, чтоб орлицу сыскать; бог поможет, да и фортуна пособит». — «Будьте так добры, сердечно Вас прошу, постарайтесь изо всех сил — уж очень, очень мне надобно».

Отправился я в знакомую украинскую семью и стал упрашивать Горпину, родную сестру украинского художника Петра Со-

коленко, чтобы она, а если хочет, то и еще с кем-либо, привела свою меньшую сестру Одарочку в Академию к батьку Тарасу — срисовать с нее портрет. Соколенкова Горпина замялась, как оно будет, отговаривается: я, мол, не знаю, надо братьев спросить. что они скажут. А братья ее тогда на Украине были, в Славгороде. На превеликую силу удалось уломать ее, добиться обещания, что придет с сестрой к Кобзарю, с тем чтобы братьям непременно обо всем написать. Да и то согласилась она лишь благодаря тому, что, еще живя на Украине, слышала обо мне немало доброго от приезжавших из Петербурга братьев; теперь она и сама видит, что я за человек, а то ни за что в мире не пошла бы.

Я тут же при ней написал от себя письмо и послал братьям Соколенкам на Украину, чтобы они не опасались этого дела, как их сестра Горпина, а еще гордились бы, что их Одарочка сможет пособить и быть полезной тому, кто сослужил великую службу всей Украине, пострадал за нее, чистой душой и всем сердцем служит честному народу и трудится ради праведного общего дела. Затем я узнал, как все было.

А дело было вот как. В субботу Одарочка пришла домой от модистки-француженки, где обучалась шитью. В воскресенье же, вместе со своей замужней сестрой Горпиной и их женатым родственником, архитектором Хижняком, в десятом часу утра чернявая семнадцатилетняя Одарочка, в сорочке с широкими манжетами, стянутой по вороту красной лентой, в плахте, запаске, с лентами, вплетенными в косы и распущенными по спине, в веночке из цветов на головке, как маковка в огороде, появилась-расцвела в мастерской у Кобзаря.

В понедельник я наведалься к нему, — узнать, была ли у него Одарочка? Он, как орел крыльями, обнял меня сильными своими руками и прижал к широкой орлиной груди. «Спасибо тебе, голубь мой сизый, душа моя сердечная, за добрую твою услугу, не знать бы тебе беды вовеки!» — «Это за что же, батьку?» — «Вчера был у меня светлый праздник впервые после того, как лихая доля меня с Украины выгнала. Вчера я так порадовался, возвеселился, обновился сердцем, как радуются верующие, дождавшись воскресения Христова, — словно тяжкое бремя с души спало. Десять лет просидел в Оренбуржье, будто в густом тумане, как узник в цепях среди голых стен, не видя ни солнца, ни души живой, а вчера вот — чернявая Одарочка, как маков цвет на солнышке, вспыхнула перед моими запорошенными пылью глазами и, как солнышко ясное, осветила мои очи, разогнала туман в душе и уснувшим сердце. Слава богу, что не умер на чужбине, что довелось увидеть, полюбоваться на маков цвет с казацкого огорода! Что за милое дитя эта Одарочка: какой голосок, какая речь, звенит пуще серебра, и душа какая славная, чистая. Не успела еще петербургским гнилым духом зачумиться. Как пташка из божьего рая, защебетала мне в этих хмурых стенах. Будто сама Украина повеяла мне в сердце теплым легким дуновеньем, душистыми нивами, цветом и зеленой травой, когда я увидел чистую свою землячку, услышал родную речь. О боже мой! Хоть бы поскорее лето, отправлюсь на Украину. Так потянуло! Где вы ее откопали, эту пташечку писаную?»

Я рассказал, что она — крепостная, семья и весь род их — крепостные князей Голицыных. Братья, будто из воды растут,

все красавцы как на подбор. Федор — поваром, Николай возле князя ходит, сапоги чистит и всякое такое, а Петр — художник по разным надобностям к княгине приставлен. Говорю я, а Кобзарь потихоньку, чуть ссутулясь, в мягких сапогах и казацком кобеняке по своей мастерской ходит. Густые брови его насупились, будто черная туча холодом нависла над глазами... Потом промолвил: «Горе горькое, беда тяжкая, какое добро гибнет, а спасти некому!» Кому довелось ощутить, как, бывало, теплом повеет в самое сердце его, горячее и светлое, будто солнечный луч, слово, когда заговорит он о благоуханной своей матери Украине и люде казачьем... Самое черствое сердце растопит и выдавит из него кровавую слезу... Кто его слыхивал, у того до старости не угаснет, не занемет, вечно будет звучать в сердце его голос, правдивое, искреннее слово, вовек райской песнью правды витая в душе. В его сердце любовь к украинскому народу была такой же необъятной, как огромный наш мир, и такой же яркой и теплой, как солнечный свет.

З. Ф. Недоборовский

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

За продолжительное время пребывания в Петербурге, покинутом мною окончательно в 1864 г., мне, благодаря моему старому приятелю-земляку Семену Степановичу Гулаку-Артемовскому, довелось не только познакомиться, но даже очень близко сойтись со многими своими земляками-малороссами, проживавшими в ту пору в нашей северной столице, а между ними и с Тарасом Григорьевичем Шевченко и с Н. И. Костомаровым... Много воды утекло с той поры. Многих, очень многих из них уже и не стало... но образы их, со всеми свойственными каждому из них характерными особенностями, со всею даже мелочною обстановкою, среди которой они жили,— как живые, стоят предо мною...

Как давно был знаком Семен Степанович с Т. Г. Шевченко,— того сказать не могу; но только взаимные отношения их, несмотря на несходство натур, были самые дружеские, фамильярные, не нарушаемые даже не совсем иногда удачными шуточками Гулака насчет Тараса. Так, собрались раз ко мне гости, в числе которых был Н. И. Костомаров, Стороженко, Артемовский и Шевченко. Последний как-то особенно разговорился про киргизские степи и, вспомнив, между прочим, о киргизских лошадях, заметил, что крепость их такова, что они могут пробегать в сутки до 200 верст. «Слухай, Тарасе,— вдруг останавливает его Семен Степанович,— один пан програв в карты все, що тільки мав. Осталось у нього тільки сукна аршин 200, але він і те сукно програв. А хто виграв, зміряв сукно та й каже: «Замість 200 тут тільки 20 аршин?!» — «Бо у мене такі аршини»,— одказує пан. То, може, й у тебе, Тарасе, такі ж версти?!» — «Десь ты, Семене,— хмуρο заметил на это

Тарас Григорьевич,— для того уродився, щоб з людей глузувати?.. Лицедію ты!» — «Як би не було на світі Семенів,— продолжал расходившийся Артемовский,— то ты, Тарасе, скакав би з своїми кінми не по 200, а по 1000 верстов в сутки...» — Едва ли можно представить себе более неуместного, хотя, по сущности, совершенно и незлобиво подшучивания, каким оказывалось это, направленное на кого же? — На Тараса Григорьевича! — человека в разговоре обыкновенно крайне сдержанного, не многоречивого и который, смело можно утверждать, в жизни не проронил полслова лжи: до того последняя находилась в противоречии со всей его натурой! Семен Степанович, впрочем, и сам заметил, что в данном случае, как говорится, зарвался, а потому тотчас же начал уверять своего «широкого земляка» по родине, «по духу і вірі» в своей братской любви и просить не сердиться на него, потому что нельзя же иногда и «не пошутковать?!» Шевченко был слишком добрый и умный человек, да к тому же вдоволь в своей жизни и натерпелый, чтобы сердиться за всякую, хотя бы и неуместную приятельскую шутку, а потому на эту, как равно и на многие другие подобные шуточки Артемовского, вызывавшие их иногда на взаимную и презабавную подчас пикировку,— конечно, махнул только с улыбкой рукой.

Семен Степанович оставил сцену, в конце шестидесятих годов переселился из Петербурга на родину, но не свою, а своей жены, в Москву, где в 1874 году умер.

Заходил я, хотя и не часто, к Тарасу Григорьевичу, но больше встречал его у знакомых. Заходил и он ко мне, принося, бывало, всякий раз детям моим гостинца в виде каких-либо книжечек или рисунков.

После смерти Тараса Григорьевича квартира, которую он занимал в Академии художеств, была опечатана, а после похорон, спустя немного времени, я получил официальное приглашение от полиции, как домовладелец, присутствовать при описи его имущества, а Григорий Николаевич Честаховский, как эксперт, в качестве художника, для оценки художественных произведений, оставшихся после покойного. Опись производил полицейский офицер,— поручик Китченко. Квартира состояла из одной довольно обширной — длинной, под сводами, комнаты, все стены которой почти исписаны были карандашом. В комнате царил полный беспорядок; бумаги лежали на полу разбросанными. Сначала я с Честаховским пописывали со стен, что нашли нужным, и что немало заняло у нас времени; затем приступили к описи и, по приведении всего в известность, за исключением платья, все было нами взято и отдано Михаилу Матвеевичу Лазаревскому. Михаил Матвеевич в то время служил старшим советником петербургского губернского правления. Он был большим приятелем покойного Тараса, который, в свою очередь, также очень был расположен к нему.

ВОСПОМИНАНИЯ Ф. И. ЧЕРНЕНКО
О ВСТРЕЧАХ С Т. Г. ШЕВЧЕНКО
В ПЕТЕРБУРГЕ

...По воспоминаниям инженера Федора Черненко, рассказанных им мне лично, когда я, возвращаясь из-за границы в начале 1866 г., виделся с ним в Петербурге, мне известно, что «громада» собиралась еженедельно у Черненко. Тут во главе всех бесед и всех обсуждений была забота об украинском слове, о народном просвещении, об издании книг. По временам же читали — либо авторы свои произведения, либо те или иные рефераты,— пели, иногда вели ученые споры...

На «громаду» Тарас ходил старательно. По крайней мере, покойный Черненко не припомнил при мне ни единого случая, чтобы он не пришел, если только болезнь не привязала его к дому. На «громаде» он читал свои произведения, пел, а иногда спорил с Костомаровым; спорили они горячо, страстно, но никогда не ссорились, и как бы долго и горячо они не спорили, с «громады» возвращались такими же искренними друзьями, какими были всегда. Случалось, что Костомаров начинал иногда подтрунивать над Тарасом, но делал это так нежно и ласково, что Тарас на него никогда не гневался. Наш историк глубоко уважал и нежно любил поэта, — об этом говорила нам, кроме Черненко, также жена Василия Белозерского.

Костомаров, говорила она, очень любил Шевченко, в характерах их было много общего: живость, восприимчивость, большой талант, глубокое поэтическое чувство, любовь ко всему прекрасному, отвращение ко всякой фальши. Бывая у Белозерских, поэт иногда пел, пел очень хорошо. В беседе его все было обдуманно; говорил он хорошо, талантливо. Он хорошо знал произведения Байрона и Шекспира, внимательно их изучал и часто говорил цитатами из них.

Дружба Шевченко с Костомаровым еще более окрепла после того, как весной 1860 года в Петербург перебралась престарелая мать Николая Ивановича, и Костомаров поселился неподалеку от Академии художеств. Еженедельно по вторникам у Костомарова собирались знакомые. Шевченко до своей последней болезни постоянно бывал на этих вторниках, а кроме того, заходил к историку и в другие дни. Познакомил он Костомарова и с семьей графов Толстых...

26 сентября 1860 г. зашел навестить Тараса Федор Черненко. Поэт был спокоен, но грустен и мрачен. Черненко знал причину его грусти и старался не касаться ее в разговоре, а завел речь об Академии. Совет Академии художеств постановил «во уважение искусства и познаний Шевченко в художествах, доказанных выполненными работами по заданной от Академии программе и по другим известным трудам, признать его академиком по гравированию».

Провозглашение этого определения должно было произойти в торжественном публичном собрании Академии. Имена новых академиков по обыкновению оглашаются в таких собраниях «при звуке труб и литавр».

Тарас повеселел и стал говорить Черненко о своих надеждах весной навсегда переехать на Украину и там, в тиши, на хуторе,

В. М. Белозерский
Фото

заняться гравированием. Он хотел издавать, как можно дешевле, гравюры из истории Украины и пускать их в продажу дешево, по 1—3 копейки, «чтобы запрудить ими Украину и вытеснить суздальскую гадость» (лубочные суздальские картинки).

Во время этой беседы принесли Тарасу письмо с почты. Прочтя его, он сказал, что пишет из Полтавы его старый приятель, товарищ по академии Федот Ткаченко и сообщает, что нашел ему не-

весту, дочь одного их знакомого, Витавского. «Я знаю ее отца,— прибавил Тарас,— он приезжал сюда недавно и дал в «Основу» свои басни, не хуже басен Гребенки».

На мольберте лежал портрет Лукерьи; видимо, говорил Черненко, перед его приходом Тарас рассматривал этот портрет. Нервно схватив его и бросив под стол, Тарас обратился к Черненко: «А что, Федор, как по-твоему: не попробовать ли снова? В последний раз? Не вышло с крепостной, с мужичкой, может, повезет с барышней... Да только... барышня...» С этим словом он сделал гримасу, будто кислую съел, и сказал со вздохом: «Тяжко проклятое одиночество! Оно меня на тот свет загонит...»

Покойный Федор Черненко рассказывал мне, что уже под конец сентября и с самого начала октября (1860), проводывая Шевченко, он не мог не заметить, что поэт очень болен. Сам Шевченко не любил говорить о своей болезни, он вообще не любил разносить свои беды и печали по чужим домам. Наоборот, он стремился спрятать от людей свое горе, не дать заметить своего недуга.

...Вечером 6 октября (1860) больного навещил Черненко. Тарас был довольно весел. Говорил, что здоровье его поправилось, что ему надоело уже сидеть «под арестом», и он надеется вскоре выйти из дому. Черненко предостерегал его, советовал побережься и не выходить всю зиму. «Щоб і на різдво б то не виходити? — возразил ему Тарас,— а кутя? а узвар? Ні, не всиджу; колядувати хоч рачки вилізу до куми» и, сообщив, что 2 декабря его провела кума Н. В. Тарновская, он прочитал Черненко свои стихи, написанные тотчас по ее уходе. Это известное стихотворение:

Великомученице кумо!
Дурна esi та нерозумна...

Следует думать, что Тарас послушался-таки дружеского совета и до рождества берегся, не выходя из дому...

...В воскресенье 19 февраля (1861) около двух часов дня Тараса провела Федор Черненко. Вся Россия ожидала, что в тот день будет провозглашен царский манифест об отмене крепостного права. И уж едва ли не более всех и всех нетерпеливее ожидал этого манифеста Шевченко; да и как ему было не жить ожидаемой волей, если он весь свой век пел-рыдал над неволей, выливал за эту волю кровавые слезы, весь век мерцала пред ним желанная заря-воля, и он всю жизнь босыми ногами по колючему жнивью шел к этой заре, шел сам и Украину вел за собою. Теперь, казалось ему, он дошел до нее и в этот день — 19 февраля, в день восшествия на престол Александра II, он увидит сияние этой зари и в страждущем, надорванном сердце своем почувствует ее теплые ласкающие лучи и ее свет.

Черненко застал поэта стоящим у окна, опершись руками о стол; он был взволнован, в глазах и на болезненном лице его видно было ожидание. Едва Черненко вошел, поэт вместо обычного приветствия спросил у него:

«Що?.. є? є воля? є маніфест? — и, взглянув в глаза гостя, понял ответ... Глубоко вздохнув, он сказал: — Так нема?.. Нема?.. Коли ж воно буде?!» И, пустив крепкую непечатную фразу, Тарас закрыл лицо руками, упал на постель и зарыдал.

Черненко стал его успокаивать, говоря — есть достоверное известие, что царь подписал в тот день манифест об отмене крепостного права, но велел не оглашать его, пока не начнется пост, то есть до 5 марта, с тем «чтобы народ встретил свою волю не в кабаках, а в церквях...»

Тарас горько усмехнулся и снова произнес несколько крутых слов по адресу угнетателей, затем стал жаловаться и роптать, что его братья сделали «велику дурницу». принявши в прошлом году от Флиорковского свободу без земли.

Л. М. Жемчужников

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
О Т. Г. ШЕВЧЕНКО

ПОЯВЛЕНИЕ ЖУРНАЛА «ОСНОВА»

Приехал я из Парижа в Петербург осенью 1860 года с женою и детьми и остановился с ними на Васильевском острове, в 19 линии, близ набережной Большой Невы. Из близких знакомых, знавших историю моей женитьбы, находился тогда в городе один П. А. Кулиш, посетивший меня в Париже, к которому я и отправился на другой день по приезде. Он же сообщил мне тогда о пробуждении духовной жизни между выдающимися горячими украинскими патриотами, во главе которых стояли: Н. И. Костомаров, вернувшийся из ссылки Т. Г. Шевченко, В. М. Белозерский и др.

Сочувствующих этому движению было немало и в самой Малороссии, что послужило поводом к изданию малороссийского журнала «Основа». Нашлись и великороссы, желавшие помочь этой затее не только трудом, но и капиталом, как богатый костромской помещик Н. И. Катенин, дядя Н. А. Белозерской (жены В. М. Белозерского). К участию в «Основе» привлекли и меня, причислив к малороссам, как искреннего поклонника милого края. Кулиш обещал меня перезнакомить со всеми, начиная с Шевченко; но Шевченко предупредил Кулиша и, узнав мой адрес, сам поспешил навестить меня. Его простая, добрая и детская натура была до того чувствительна к пустой, когда-то оказанной ему услуге и чуткость его была так безошибочна, что он, не дожидаясь моего посещения, явился к нам и познакомился. Знакомство это было до того своеобразно, что считаю нелишним рассказать о нем тем, которые не читали этого в марте месяце в «Основе» 1861 года. Если же кто и прочел, то, вероятно, не прочь будет прочесть и опять, чтобы еще раз вспомнить этот ясный, светлый и святой образ...

Меня не было дома, а жена, уложив детей спать, так как было уже 11 часов вечера, разделась и тоже легла в постель. В это время послышался тихий стук в дверь, раз, другой, третий. Жена, уверенная, что это я, вскочила с постели, набросила на себя шубку и отво-

рила дверь. Перед нею стоял Шевченко, в своей бараньей шапке и овчинной шубе, каким его знала не только она, но и дети мои, по имеющемуся у нас в Париже портрету *. Жена моя, такая же поклонница произведений Шевченко, как и я, и так же скорбевшая о его мучениях в неволе, встретилась с ним радостно, как с родным — они обнялись и расцеловались. Когда я возвратился домой, то застал их сидящими в креслах рядом и занятых дружеской беседой. Конечно, и со мною встреча этого прекрасного человека была братская, мы смотрели друг на друга, и слезы радости и горя были у нас на глазах.

Со мною познакомился заочно Тарас Григорьевич в ссылке своей, из рассказов М. М. Лазаревского и по статье Кулиша, прочитанной им во втором томе «Записок о Южной Руси», изданной в 1857 году. Читая эту статью, Шевченко в дневнике своем 10 ноября 1857 года написал: «Какой милый оригинал должен быть этот Л. Жемчужников. Как бы я счастлив был увидеть человека, который так искренне, нелицемерно полюбил мой родной язык и мою прекрасную, бедную родину» **. Вслед за тем в письме своем к Кулишу от 5 декабря он пишет: «Що се за дивний, чудний чолов'яга Л. Жемчужников! Поцілуй його за мене, як побачиш» ***. Как это лестно было мне прочесть и как Шевченко отгадал душою, что я действительно глубоко полюбил и милый язык его родной, и бедную его родину. Жаль, что не знал он тогда, как сердце мое болело годами за него и как я упивался его правдивым горячим и музыкальным словом.

Вскоре после моего первого свидания с Тарасом Григорьевичем я переехал в 11 линию Васильевского острова, чтобы жить ближе к отцу; кроме того, отсюда мне удобно было посещать Шевченко в Академии художеств, Лазаревского, поселившегося против Академии, и Костомарова, в его квартире на 9 линии.

У Костомарова каждый вторник собирались гости, и я каждый раз заставал там Шевченко, который большую часть вечера просиживал с милой и умной старушкой, матерью Костомарова. По понедельникам мы встречались с Шевченко у В. М. Белозерского, тогда уже редактора зародившегося журнала «Основа». У Белозерского собиралось очень многочисленное и весьма разнообразное общество, которое соединял интерес появления нового журнала, его направление и силы. Из посетителей я могу назвать, — кроме Шевченко, Кулиша и Костомарова, — Кухаренко ****, Симонова *****, Чернышевского, Катенина, Лазаревского, Тургенева, Тиблена, Анненкова, Кавелина и пр. При этом всегда было много молодежи. Образованная хозяйка Надежда Александровна и муж ее вели дело с тонким тактом и этим давали возможность каждому найти себе соответствующий кружок и чувствовать себя свободными, как у себя дома.

* По просьбе Кулиша мною были заказаны первому в Париже литографу Муильрону с фотографий портреты. Кулиша, Костомарова и Шевченко, прекрасно выполненные, которые ныне составляют чрезвычайную редкость.

** «Основа» (1862), март, стр. 33

*** «Основа» (1862), май, стр. 10.

**** Приятель Шевченко, писатель и командир черноморских казаков, убитый горцами... См.: «Основа» (1862), сентябрь, стр. 1—6.

***** Писавший под именем Номиса и по смерти завещавший значительный капитал на училище в городе Нежине...

Нередко посещал и меня Шевченко и интересовался моими художественными работами; а из гравюр серьезно и с большой похвалой отнесся к моей «Покинутой».

Он подробно расспрашивал меня о гравировальных лаках и с удовольствием принял их несколько кусков от меня в подарок; но, к сожалению, не успел воспользоваться ими.

Т. Г. Шевченко
Автопортрет с бородой
Офорт. 1860

Не раз говорил он мне о своем желании поселиться на крутом берегу Днепра; чертил план задуманного им поселка и предлагал мне устроить покупку куска земли рядом с ним.

В это время также его сильно занимал вопрос о грамотности народа. книжках для него, и он написал прекрасно составленный букварь.

Шевченко любил напевать малороссийские песни, пел с большим чувством, все более и более углубляясь в смысл; от него же я слышал сложившуюся в народе пародию на акафисты, в которой осмея-

ны пороки и лицемерие представителей духовного сана. Шевченко, всегда чистый и правдивый, на мой вопрос, откуда эта пародия, отвечал, что слышал ее еще в детстве своем и что тут нет ни одного слова им вставленного...

Знакомство мое с Тарасом Григорьевичем было, к моему глубокому сожалению, непродолжительно, так как я приехал в Петербург в октябре 1860 года, а в феврале 1861-го его уже не стало. Судьбою он лишен был отрады дожить до манифеста об освобождении крестьян. До манифеста он не дожил несколько дней.

Умер Шевченко 26 февраля. Хотя мы знали о неминуемой для него скорой смерти, но известие электрической искрой пробежало во всех, и невыразимая грусть охватила сердца наши. Я утешал себя тем, что видел и знал Шевченко, что видели и знали его моя жена и дети.

Похороны Шевченко выходили из ряда обыкновенных. Отпевание происходило в церкви Академии художеств, и по окончании панихиды вышел вперед и стал лицом к покойнику П. А. Кулиш и сказал речь на малороссийском языке о значении поэта; за ним говорил Н. И. Костомаров и на польском языке — Хорошевский*.

Редакция «Основы» пригласила меня написать, для следующего номера журнала, о смерти и погребении поэта. Статья эта была послана мною в редакцию, но помещена была несколько охлажденная цензором, и потому нелишним считаю возобновить ее теперь в первоначальном виде, по рукописи того времени, сохранившейся у меня.

ВОСПОМИНАНИЕ О ШЕВЧЕНКО, ЕГО СМЕРТЬ И ПОГРЕБЕНИЕ

Ох, і рад же б я, дитя моє,
До тебе встати, тобі порядок дати,—
Та сира могила двері залегла,
Оконечка заклепила.

(Свадебная сиротская песня)

...Не стало Шевченко... Смерть разлучила нас навсегда... Прибавилась еще одна несчастная жертва, преждевременно погибшая от безобразного склада нашей жизни...

Минулися мої сльози;
Не рвється, не плаче
Поточене старе серце;
І очі не бачать...

Тарас Шевченко родился посреди степей днепровских, и там с молоком матери всосал любовь к родине, ее предания, ее поэтические песни. Грустная песнь носилась в убогой хате; качалась убогая колесница; мать прерывала пение... и горячие, сердечные слезы капали на его лицо; мать брала на руки, повитого в лохмотья, и плелась с ним на панцину в зной и ненастье.

* Желаящие познакомиться с этими речами и речами, говоренными на кладбище, могут прочесть их в мартовской книге «Основы» за 1861 г.

Подрастая, он слушал уже казачьи песни и рассказы старого деда, — современника, а быть может, сподвижника гайдамаков, — который выводил перед его глазами кровавые сцены, полные ужаса и отваги.

Все закаливало эту душу. Жизнь его, от рождения, была наполнена то горем, то драмой, то поэзией. Житейские бедствия были для него не слухом, а действительностью; нищета и жалкая доля преследовали по пятам и его и все, что было ему близко. Поэтическая и действительная жизнь народа нераздельно отпечатлевалась на его душе.

Светлая и беспорядочная душа поэта возбудила к себе полное сочувствие; но любовь и дружба к нему жестоко были прерваны... Оторванный от родины и семейства, заброшенный далеко от друзей, он одиноко изнывал в глуши безотрадной пустыни, не имея духу взглянуть на свою страшную долю. Так протекло десять длинных, бесконечных лет; десять лет жизни поэта!.. Эти десять лет были заживо могилой, со всею разлагающею своей силой.

Шевченко никогда не говорил о своих страданиях. Иногда, высказывая какой-либо смешной эпизод из своей тогдашней жизни, он был жалок; лицо его омрачалось гнусными воспоминаниями, которые оскорбляли человека и ставили его, в минуты падения, ниже животного.

Гробовая сырость, мрак и духота могилы в тех годах его мученичества.

Не достает мужества читать его дневник. Ужаснее, глуше, безотраднее — нельзя себе ничего представить. Какое надо иметь доброе, чистое сердце, чтобы не упасть и выдержать до конца! Как не умер он в этой убийственной пытке, долгой, равнодушной?! Мучения его, своею продолжительностью, были ужаснее и возмутительнее всех мучений, которым подвергались герои Украины. В продолжение десяти лет его умерщвляли, душили; он захлебывался в грязи.

...Читатели известного письма Шевченко * чувствовали только малую долю безотрадного его существования, едва могли понять, почему он не может рассказать о себе; но, взяв в руки дневник страдальца, они поймут причину его молчания **. Болит грудь, щемит сердце при чтении каждого слова, запекшегося кровью, и я прерывал чтение этих безотрадных страниц. Строки дневника вызывают стон, вздохи; требуется перерыв, отдых сердцу, спирает в горле дыхание... И это еще наиболее отрадные дни шевченковской ссылки, когда надежда избавления от пытки уже озарила казарменную могилу. Что ж было прежде, когда теперь страница за страницей, строка за строкой — только глухой стон, идущее из глубины сердца безотрадное горе... Нигде и тени малейшей радости... все та же могила!.. слово за словом — только терзание; нет воздуха, одно и безжалостное людское мучение...

Возмутительна, грустна, безотраднa была жизнь Шевченко в

* В «Народном чтении», 18(60)

** По смерти Шевченко дневник был передан мне М. М. Лазаревским для прочтения первому: до меня его не читал никто, но интересовались все, и потому мне было желательно дать читателям «Основы» некоторое о нем понятие.

ссылке. Избавление радовало его, но как мучительно оно доставалось ему. Какие тоскливые месяцы протекали день за днем, час за часом, пока пришла официальная бумага об его прощении. Бессонница гнала его вокруг укрепления; он метался, мучимый и терзаемый нетерпением. Куда деваться от окружающего его смрада, пошлости, мерзости и бесчувственности... Письма друга растревляли его нетерпением; он собирал в котомку сухари, приготавлился в дорогу, а его, уже прощенного, все еще гоняли то на работу, то на строевую службу или смотр рьяного батальонного командира. Он плакал, слушая песню несчастного земляка-сослуживца, пел сам, просиживал с рассвета до полудня на скале, выглядывая на горизонте паролод с почтой!.. Увы... ничего не было! — убитый, изнеможенный, падал он под любимую вербу, — но и сон его не успокаивал. Ему грезилось — то родина, то друзья, он просыпался... солдатская шинель была на нем, в виду — казарма. Нередко во сне его душил кошмар — снились смотры, безнравственные офицеры, товарищи, сосланные за душегубство... След дикаря киргиза на песке, чирикание воробьев и прилетающих ласточек да медный друг — чайник — отвлекали от снедающей тоски; вызывали призрак жизни, облегчали в этой песчаной пустыне. Уединение было для него величайшею отрадою и милостью, дозволенной ему только в последний месяц; тогда он чувствовал себя счастливее, не видя гнусного, грязного человечества. Но не потревожим его свежего праха еще горшими воспоминаниями.

«Не в с и п у щ е г о р е» не изменило его; он остался чист сердцем, он был вполне человек — во всем значении этого слова. Поэт, гражданин, живописец, гравер, певец — он везде шел честно и разумно.

Эти дарования совместились в нем столько же на отраду и отдых в тяжелой жизни, сколько и на горчайшее сознание своего безотрадного существования. У другого в жизни можно сосчитать дни горя, у него — счастливые дни.

Для Шевченко настали светлые минуты, когда после десятилетней разлуки он свиделся с друзьями, с родными, с родиной.

Нежная, теплая душа его была благодарна каждому, любящему его. Благодарность за участие не покидала его никогда. Обвиняемый некоторыми в неблагодарности, он был глубоко огорчен этой клеветой. В оправдание свое он писал: «...пригрезилось, что я освобожден от крепостного состояния и воспитан на счет царя, и в знак благодарности нарисовал карикатуру своего благодетеля. Так пускай, дескать, казнится неблагодарный. Откуда эта нелепая басня — не знаю. Знаю только, что она мне недешево обошлась». Надо думать, что басня эта сплелась на конфирмации, где в заключение приговора сказано: «С т р о ж а й ш е з а п р е т и т ь п и с а т ь и р и с о в а т ь».

За мою заочную любовь к нему Шевченко прислал мне благодарность в Париж через Лазаревского и Кулиша и выслал свой портрет. По возвращении моем в Петербург он пришел ко мне с братскими объятиями, бывало, нередко ласкал детей, приходил ночью и без церемонии будил, желая насмотреться. «К а к я р а д, что в и ж у в а с и в а ш е с е м е й с т в о», — говорил он. Дети мои, которых он прежде никогда не видел, трогали его до слез, называя по имени с первого свиданья: они знали его по портрету,

висевшему у меня на стене в Париже. Мы с первых же слов были с ним одна семья.

Не время сближает людей, взаимное сочувствие. Пользуясь этим, я позволил себе высказать Тарасу Григорьевичу все мое опасение за дальнейшую судьбу его и развернул перед ним его будущее, еще мрачнейшие дни. Слезы навернулись на его глазах, он утер их и тихо проговорил: «Правда... О, крий боже! крий боже!..»

Шевченко был схоронен как жених, по родному обычаю. Любимая шапка со стежкой лежала под головой. Гроб его был покрыт, по казацкому обычаю, широким красным покрывалом. Бесконечная масса публики провожала его. Могила Шевченко была на Смоленском кладбище, на том самом месте, где иногда сиживал и задумывался покойник. Он даже рисовал это место.

Прощай, мой дорогой! Как теперь, вижу тебя — с опущенною вниз головою, руки в кармане, глаза всегда грустные...

Выпущенный на волю, Шевченко потерял терпение; не дожидаясь парохода, в наемной лодке переехал Каспийское море и не смыкал глаз до Астрахани, где отдохнул в какой-то конуре. Отсюда он отправился на пароходе по Волге и был успокоен дружеским, человеческим приемом публики, от которого давно отвык. В своем дневнике он писал: «Все так дружески просто; так внимательны, что я от избытка восторга, не знаю, что с собою делать, я, разумеется, только бегаю взад и вперед по палубе, как школьник, выравшийся из школы.

Теперь только я сознаю отвратительное влияние десяти лет, и такой быстрый и неожиданный контраст мне не дает еще войти в себя. Простое человеческое обращение со мною теперь мне кажется чем-то сверхъестественным, невероятным».

Душа его была сильно встревожена: знакомые мотивы, малейшее чувство потрясали его до глубины души. Три ночи на пароходе вольноотпущенный буфетчик играл на дурной скрипке, и Шевченко заслушивался его скорбных, вопиющих звуков и писал: «Три ночи этот вольноотпущенный чудотворец безвозмездно возносит мою душу к творцу вечной красоты пленительными звуками своей скрипки. Из этого инструмента он извлекает волшебные звуки, в особенности в мазурках Шопена. Я не наслушаюсь этих общеславянских сердечно, глубоко унылых песен. Благодарю тебя, крепостной Паганини. Благодарю тебя, мой спутник, мой благородный. Из твоей бедной скрипки вылетают стоны поруганной крепостной души и изливаются в один потерянный, мрачный, глубокий стон миллионов крепостных душ. Скоро ли долетят эти пронзительные вопли до твоего уха, наш праведный, неумолимый боже!»

...Не удалось Тарасу дожидаться того радостного дня, когда цепи рабства распались, когда все эти миллионы вздохнули свободнее.

Что прибавить ко всему сказанному? Не одни малороссы, но и великороссы, поляки и другие славяне оплакивали Шевченко. Оценка частью сделана, но полная, всесторонняя оценка великого поэта-художника — дело будущего и требует серьезного и долгого труда.

...Шевченко был живая песнь... живая скорбь и плач. Он босыми ногами прошел по колючему терну; весь гнет века пал на его

голову и в нем проявился; покоя не было этому вдовиному сыну. Вся жизнь его была тяжелою цепью, поносным ярмом: не ударом обуха раздавили его, а тупая деревянная пила ежечасно терзала его. Но и тогда он возносился духом, пробуждал, поддерживал и укреплял в каждом — то песнью, то словом, то собственною жизнью — правду и безграничную любовь к с і р о м і.

Выйдя из простого народа, он не отворачивался от нищеты и сермяги — нет, напротив,— он и нас повернул лицом к народу и заставил полюбить его и сочувствовать его скорби. Своим примером он указывал нам чистоту слова, чистоту мысли и чистоту жизни; укреплял в нас твердость духа и веру в непоколебимость вечной правды.

...Как художник (в прямом смысле) он заслужил себе доброе и честное имя. И на этой дороге он был один из первых, обратившихся к народным мотивам. Я напому его давний труд: «Живописная Украина»,— потом множество других рисунков и особенно — «Блудный сын». В народном искусстве никто не высказывался так серьезно. В то время, как другие художники искали идиллических сюжетов, изображали мирный уголок, свадьбу, ярмарку и т. п., его дух волновался, страдал и выливался горькими слезами; и в нем проявилось беспокойное негодование, залитое желчью.

Некоторые упрекают Шевченко как поэта в однообразии. Упрек этот несправедлив и легкомыслен. Его поэзия — отголосок жизни и скорби народа, однообразный настолько, насколько была однообразна его печальная жизнь. Он слишком был близок этой бездольной г о л о б і. Горе и стон народа всегда отзывались в нем. Душа его, разодранная, смятая железной рукой, нашла себе одно созвучие, одно подобие — народ... Мог ли он, глядя на землю, где «правдою торгують», «людей запрягають в тяжкі ярма, орють лихо, лихом засівають», где он «мов окаянный» день и ночь плакал «на розпуттях велелюдних» невидимый и незнаемый — мог ли он петь что-либо другое. Слова его замирали на устах — вырывались одни рыдания.

...Я не бачу щасливого:
Все плаче, все гине.
І рад би я схватися,
Але де — не знаю.
Скрізь неправда; де не гляну...
Скрізь господа лають.
Серце в'яне, засихає,
Замерзають сльози...
І втомись я, одинокий,
На самій дорозі.
Отаке-то! не здивуйте,
Що вороном крячу:
Хмара сонце заступила,—
Я світа не бачу.

Жизнь Шевченко, вся от начала до конца, есть песня печальная, великохудожественная. Вырванный из народа, он представляет собою самый поэтический его отголосок.

Добрый до наивности, простодушный, любящий, он был при этом тверд, силен духом — как идеал его народа. Самые предсмертные муки не вырвали у него ни единого стога из груди. И тогда, когда он подавлял в самом себе мучительные физические и нравственные боли, в нем достало власти над собой, чтобы с улыбкой выговорить

«спасибі» — тем, которые вспомнили о нем вдали, на родине, прислав ему телеграмму с пожеланиями скорейшего выздоровления.

Жизнь свою Шевченко отдал народу всецело, до смерти стоял у него на страже. Он стремился избавить народ от нелепого тупоумия, ратовал против грозящего ему письменного, извращенного с умыслом просвещения и отдавал ему свою трудовую копейку. Он был сила, сплавившая нас с народом...

* * *

Мы дорожили каждым словом поэта при жизни; теперь — это святой долг каждого. Пусть каждый припомнит что-нибудь — все теперь дорого. Пусть каждый послужит для его венка. Теперь время собирать его многозначачщее жизнеописание. От него мы уже ничего не услышим. Он с собой унес многое, чего не доставало у него силы рассказать.

..Заховаю змію люту
Коло свого серця,
Щоб вороги не бачили,
Як лихо сміється...

Нема ворогів у могили... Нет и не должно их быть. Не от кого скрывать печальных дней Шевченко. Не к издеванию они послужат, а к славе и чести человека...

«Все йде, все минає»

...Так минуло и то время. Прошло более сорока лет со смерти Тараса Григорьевича Шевченко. Недолго умерший поэт ждал исполнения своего завещания. Он был вынут из могилы столичного болотного кладбища и торжественно перевезен в Украину. В Киеве, с речами и проповедями, был встречен гроб народом, доставлен с почетом на гористый берег Днепра; на то самое место, где поэт мечтал поселиться. Не чужим песком засыпали его очи, а родной землей, которую народ — старый и малый, парни и дивчата носили шапками, сподницами и пригоршнями на могилу и насыпали над батьком Тарасом громадный курган, который и теперь говорит проезжающим по Днепру, что здесь покоится прах любимого поэта. На кургане возвышается громадный чугунный крест, и около кургана построена хата для сторожа, наблюдающего за этой одинокой могилой. Так исполнилось завещание поэта.

О Тарасе Григорьевиче Шевченко, со времени его смерти, много было писано в различных газетах, журналах, брошюрах и книгах — как в Малороссии, Галиции, так и в России. Самое полное и правдивое о нем сказание написано А. Я. Конисским на малороссийском языке, изданное во Львове *. Все писавшие о поэте отдали дань удивления его поэтическому таланту и выразили сочувствие его злополучной жизни.

Прошло более сорока лет со дня смерти Шевченко, и образовавшаяся в память его тогда «громада» превратилась в общество его

* Кроме его женитьбы; правдивый рассказ о женитьбе помещен сыном Н. Я. Макарова.

имени для вспомоществования нуждающимся уроженцам Южной России, получающим образование в высших учебных заведениях Петербурга. Общество разрешено правительством и имеет свой устав. В Галиции также существует научно-литературное общество имени Шевченко. Так исчезают предрассудки и чистый воздух освежает тяжелую затхлую атмосферу.

Я не сомневаюсь, что недалеко то время, когда в котором-либо из украинских городов поставят памятник Шевченко, этому поэту-мученику и человеку, у которого не было «зерна неправды за собою». Хотелось бы мне, чтобы поэт был изображен в народной рубахе и шароварах; шапка и кобенья лежат подле, а в руках его бандура, и пусть она будет сделана так, чтобы при движении воздуха струна издавала звуки...

А. М. Лазаревский

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ
ЖИЗНИ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

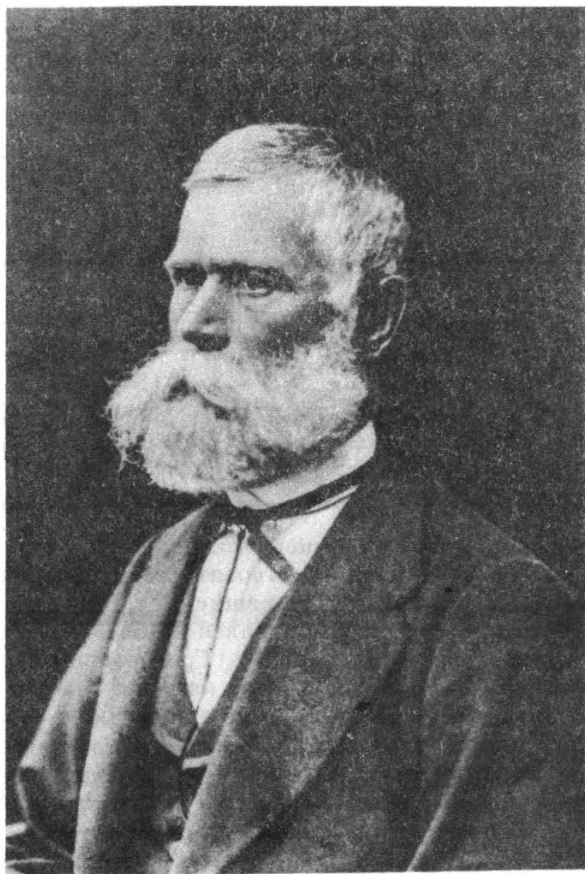

Сегодня утром, в половине шестого, не стало Шевченко...

Тарас Григорьевич начал чувствовать себя нехорошо с осени прошлого года. 23 ноября, встретившись у М. М. Лазаревского с доктором Бари, он особенно жаловался на боль в груди. Доктор, выслушав грудь, советовал Тарасу Григорьевичу побережться. С тех пор здоровье его плошало со дня на день. Январь и февраль просидел он почти безвыходно в комнате, изредка только посещал коротких знакомых. В это время он продолжал заниматься гравированием, писал копию со своего портрета, бывшего на выставке, и начал портрет одной дамы; последний сеанс был в конце января; он весело и спокойно работал с двенадцати до четырех часов.

В субботу, 25 февраля, в день именин покойного, первый посетил больного М. М. Лазаревский и застал его в ужасных муках. По словам Тараса Григорьевича, с ночи у него началась сильнейшая боль в груди, не позволявшая ему лечь. Он сидел на кровати и напряженно дышал. «Напиши брату Варфоломею,— сказал он Лазаревскому,— що мені дуже недобре». Вслед за тем приехал Э. Я. Бари. Выслушав грудь, доктор объявил, что водяная бросилась в легкие. Муки страдальца были неописанные; каждое слово стоило ему страшных усилий. Мушка, положенная на грудь, несколько облегчила страдания. В это время ему прочли поздравительную депешу из Харькова, от П. Трунова. «Спасибі»,— только и мог он сказать... Потом попросил открыть форточку, выпил стакан воды с лимоном и лег. Казалось, он задремал; присутствовавшие сошли в его мастерскую. Около трех часов Тараса Григорьевича посетили еще несколько приятелей. Он сидел на кровати, каждые пятьдесят минут спрашивал, когда будет доктор, и выражал желание

принять опий, чтобы забыться сном. Отвечали, что доктор будет в три часа, но чрез несколько минут он опять начал тосковать, скоро ли приедет доктор. Сравнительно, ему было в это время лучше. Когда остался у него один В. М. Лазаревский, Тарас Григорьевич начал говорить, как бы хотелось ему побывать на родине и что вес-

В. Г. Шевченко
Фото

ной поедет он в Украину... Ободряя больного, В. М. Лазаревский приглашал его сделать поездку вместе с ним в южные губернии. Тарас Григорьевич слушал с удовольствием, охотно соглашался, замечая, что родной воздух восстановит его здоровье. «От якби додому, там би я, може, одужав». Несколько раз повторял он, как не хочется ему умирать. В это время Э. Я. Бари опять посетил больного, нашел его в удовлетворительном положении и советовал про-

должать прописанные средства. Больного оставили, видимо, успокоенным.

В шесть часов приехал один из друзей покойного с доктором П. А. Круневичем. Больной был опять в трудном положении. Он с усилием отвечал на вопросы доктора и, казалось, сознавал уже безнадежность своего положения. К девяти часам приехали снова гг. Бари и Круневич. Они еще раз выслушали грудь больного: вода продолжала наполнять легкие. Для облегчения страданий поставили другую мушку. Вслед за сим больной получил вторую поздравительную депешу, из Полтавы: «Батьку! Полтавці поздравляють любого Кобзаря з іменинами і просять: утни, батьку, орле сизий! Полтавська громада». Выслушав ее, больной сказал: «Спасибі, що не забувають». Депеша, видимо, обрадовала его. Затем доктора сошли вниз. Оставшимся при нем друзьям Тарас Григорьевич сказал: «Чи не засну я, — возьміть огонь!» Но минут через пять он отозвался: «Хто там?» И когда на зов его явились, то он просил воротить г. Бари и сказал ему: «У меня опять начинается пароксизм. как бы остановить его!» Положили на руки горчичники.

В половине одиннадцатого Тараса Григорьевича посетил М. М. Лазаревский с другим приятелем; они нашли больного сидящим на кровати, без огня; ему было очень тяжело. На замечание М. М. Лазаревского, что, может быть, они его стесняют, Тарас Григорьевич ответил: «І справді так; мені хочеться говорити, а говорити трудно». Его оставили одного.

Почти всю ночь провел он сидя на кровати, упершись в нее руками; боль в груди не позволяла ему лечь. Он то зажигал, то тушил свечу, но к людям, бывшим внизу, не отзывался.

В пять часов он попросил человека сделать чай и выпил стакан со сливками. «Убери же ты теперь здесь, — сказал Тарас Григорьевич человеку, — а я сойду вниз».

Сошел Тарас Григорьевич в мастерскую. охнул, упал, и в половине шестого дорогого, родного поэта не стало!..

Н. С. Лесков

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА И ПОСЛЕДНЯЯ РАЗЛУКА С ШЕВЧЕНКО

В мяч не любил он играть никогда:
Сам он был мячик — судьба им играла.

А. Плещеев.

Итак, осиротела малороссийская лира. Лежит в гробу ее бездыханный поэт. Тараса Григорьевича Шевченко не стало. Сегодня гроб его опустили в сырую могилу на Смоленском кладбище, напутствуя его прощальным словом и братскою слезою. Не стану гово-

речь, как велика эта потеря для малороссийской литературы в эпоху ее возникновения, в день рождения «Основы», которой покойный поэт сочувствовал всей душою. Значение Шевченко известно всякому, кто любил родное славянское слово и был доступен чему-нибудь высокому, изящному,— но не могу отказать себе в удовольствии поделиться с читателями «Русской речи» теми впечатлениями, которые оставили во мне последняя моя встреча с покойным поэтом и последняя моя разлука с ним у его могилы.

Из петербургских газет, я думаю, всем уже известно, что Т. Г. Шевченко прихварывал еще с прошлой осени, а в конце января этого года он уже почти не оставлял своей квартиры в доме Академии художеств. Квартира эта, отведенная ему после возвращения его в Петербург, состояла из одной очень узкой комнаты, с одним окном, перед которым Шевченко-художник обыкновенно работал за мольбертом. Кроме стола с книгами и эстампами, мольберта и небольшого диванчика, обитого простою пестрой клеенкой, двух очень простых стульев и бедной ширмы, отгораживавшей входную дверь от мастерской художника, в этой комнате не было никакого убранства. Из-за ширмы узкая дверь вела по узкой же спиральной лестнице на антресоли, состоящие из такой же комнаты, как и внизу, с одним квадратным окном до пола: здесь была спальня и литературный кабинет Шевченко-поэта. Меблировка этой комнаты была еще скуднее. Направо в углу стоял небольшой стол, на котором обыкновенно писал Шевченко; кровать, с весьма незатейливой постелью, и в ногах кровати другой, самый простой столик, на котором обыкновенно стоял графин с водой, рукомойник и скромный чайный прибор.

Около года я не был в Петербурге и, возвратясь в конце января в северную Пальмиру, тотчас отправился поклониться поэту. Возле его дверей мне встретился солдат, который обыкновенно ему прислуживал. «Дома Тарас Григорьевич?» — спросил я его. «Нетути», — отвечал служака, — он нонеча рано еще уходил из дома». Я, однако, подошел ближе к двери поэта с намерением положить в створной паз мою карточку, как я прежде часто дельвал, когда не заставал его дома, но, к крайнему моему удивлению, дверь от легкого моего прикосновения отворилась. В комнате, служившей мастерской *художнику*, никого не было, а наверх я не хотел идти, боясь обеспокоить *поэта*, и стал надевать мои калоши. «Кто там?» — раздалось в это время сверху. Я узнал голос Шевченко и назвал свою фамилию. «А... ходіть же, голубчику, сюда», — отвечал Тарас Григорьевич. Войдя, я увидел поэта: он был одет в коричневую малороссийскую свитку на красном подбое и сидел за столом боком к окну. Перед ним стояла аптечная банка с лекарством и недопитый стакан чаю. «Извинить, будьте ласковы, що так принимаю. Не могу сойти вниз,— пол там проклятый, будь он неладен. Сидайте». Я сел около стола, не сказав ни слова. Шевченко мне показался как-то странным. Оба мы молчали, и он прервал это молчание. «Вот пропадаю,— сказал он.— Бачите, яка ледащиця з мене зробилась». Я стал всматриваться пристальней и увидел, что в самом деле во всем его существе было что-то ужасно болезненное; но ни малейших признаков близкой смерти я не мог уловить на его лице. Он жаловался на боль в груди и на жестокую одышку. «Пропаду», — заключил он и бросил на стол ложку, с ко-

торой он только что проглотил лекарство. Я старался его успокоить обыкновенными в этих случаях фразами, да, впрочем, и сам глубоко верил, что могучая натура поэта, вынесшая бездну потрясений, не поддастся болезни, ужасного значения которой я не понимал. «Ну, годи обо мне,— сказал поэт,— расскажите лучше мне, что доброго на Украйни?» Я передал ему несколько поклонов от его знакомых. Он о всяком что-нибудь спросил меня, и очень грустил о больном художнике Ив. Вас. Гудовском, у которого гостил в по-

Т. Г. Шевченко
Автопортрет в шапке и кожане
Офорт 1860

следнее свое пребывание в Киеве. Говоря о Малороссии и о своих украинских знакомых, поэт видимо оживал: болезненная раздражительность его мало-помалу оставляла и переходила то в чувство той теплой и живой любви, которою дышали его произведения, то в самое пылкое негодование, которое он, по возможности, сдерживал.

На столе, перед которым он сидел, лежали две стопки сочиненного им малороссийского букваря, а под рукой у него была другая «малороссийская грамотка», которую он несколько раз открывал, бросал на стол, вновь открывал и вновь бросал. Видно было, что эта книжка очень его занимает и очень беспокоит. Я взялся было за шапку. Поэт остановил меня за руку и посадил. «Знаете вы вот сию книжицу?» — он показал мне «грамотку». Я отвечал утвердительно. «А ну, если знаете, то скажите мне, для кого она писана?» — «Как, для кого?» — отвечал я на вопрос другим вопросом. «А так,

для кого? Бо я не знаю, для кого. только не для тех, кого треба навчить разуму». Я постарался уклониться от ответа и заговорил о воскресных школах, но поэт не слушал меня и, видимо, продолжал думать о «грамотке».

«От якбы до весны дотянуть! — сказал он, после долгого раздумья, — да на Украину... Там, може бы, и полегло, там, може бы, еще хоть трошки подыхав». Мне становилось невыносимо, я чувствовал, как у меня набегали слезы. Он расспрашивал меня о Варшавской железной дороге и Киевском шоссе. «Да! — сказал он, — когда б скорее ходили почтовые экипажи, не доедешь живой на сих проклятых перекладных, а ехать нужно, — умру я тут непременно, если останусь».

Я стал прощаться. «Спасыби, що не забуваєте, — сказал поэт и встал. — Да, — прибавил он, подавая мне свой букварик, — посмотрите его да скажите мне, что вы о нем думаете». С этими словами он подал мне книжку, и мы расстались... навсегда в этой жизни. Более я не видел уже Шевченко в живых, и весть о его смерти 26 февраля меня поразила, как громовой удар. Утром 27 февраля я с другим моим земляком и знакомым покойника, А. И. Ничипоренко, отправились в Академию. Дверь Шевченко была заперта и запечатана; мы догадались и пошли в академическую церковь. Там в притворе стояла белая гробовая крышка, а перед амвоном на черном катафалке виднелся гроб, обитый белым глазетом. У изголовья маленький человечек читал очень медленно и очень тихо. Я вспомнил, как год тому назад поэт хлопотал об издании псалмов, переложенных им на малороссийский язык, и всегда озабоченный заходил ко мне по дороге из Александро-Невской лавры на Васильевский остров. Тепер же ему читали один из переложенных им псалмов. Красные шторы у церковных окон, против которых стоял гроб, были спущены и бросали красноватый свет на спокойное лицо мертвеца, хранившее на себе печать тех благородных дум, которые не оставляли его при жизни. Три художника с бумагою и карандашами в руках стояли по левую сторону гроба и рисовали; две женщины с типами петербургских кухарок толковали, что и из хохлов тоже бывают умные люди и что покойник — вот майорского чина дослужился, а братья его так еще «помещицкие». Я вспомнил г. Флиорковского, законного помещика семьи умершего поэта... Вскочил какой-то кавалерист, в мундире приятного цвета, звеня шпорами и саблей, но, пройдя несколько шагов по церкви, взял саблю в руки и, приподняв каблуки, пошел на цыпочках — весь шум, производимый оружием, прекратился. В церкви опять водворилась благоговейная тишина, и раздавался только слабый голос маленького господина, читавшего над малороссийским поэтом воздыхания библейского поэта-царя.

28 февраля по совершении в Академической церкви заупокойной обедни по рабе божием Тарасии и после отпевания по уставам церковным ближние покойника почтили его надгробным словом. Всех речей, если не ошибаюсь, было произнесено девять, — из них семь в церкви и две на кладбище. Общий смысл этих речей легко себе представить, и я не считаю нужным о них распространяться, потому что стенографировать их не было никакой возможности, а излагать их вкратце — значит портить их. Могу только сказать, что особенно сильно отозвалось в душе слушателей слово любимого

го нашего профессора Н. И. Костомарова и г. Курочкина, которому сдерживаемые слезы мешали произнести свое короткое слово, дышавшее сердечной простотой и искренностью. Могилу для Шевченки вырыли за колокольнею кладбищенской церкви, к стороне взморья: до времени он самый крайний жилец Смоленского кладбища, и за его могильной насыпью расстилается белая снежная равнина, как бы слабое напоминание о той широкой степи, о которой он пел и которую измерил еще «малыми ногами». В могилу был опущен дощатый ящик, выстланный всередине свинцом, но так дурно запаханный в дне, что вода набралась в него прежде, чем гроб принесли на кладбище. И на третий день лицо поэта оставалось удивительно благообразным. Огромный лавровый венок окружал его благородное чело, — в руках у многих тоже были цветочные венки. Дам было очень немного, однако женская слеза из глаз г-жи Белозерской и старушки Костомаровой не обошла могилы Шевченко. Многие очень жалели, что нет семьи Толстых, которые любили поэта и не забывали его в самые тяжелые минуты его многострадальной жизни.

Когда крышка ящика, в которой поставили гроб, была запаяна, провожавшая покойника толпа стала расходиться. Снег повалил довольно большими хлопьями, какой-то господин с папкою в руках юлил между проходящими, предлагая литографированные портреты мертвого Шевченки, старухи из богадельни канючили на упокой душеньки — на душе становилось тяжче и тяжче. Давно ли Россия схоронила Хомякова, Аксакова, и вот опять новая могила...

Но как поэтическая деятельность Шевченко останется в числе лучших страниц малороссийской словесности, так и самый день его погребения навсегда останется знаменательным в истории украинской письменности и гражданственности. Любимейшая мечта поэта сбылась и громко заявила свое существование. Малороссийское слово приобрело право гражданства, раздавшись впервые в форме ораторской речи над гробом Шевченко. Из девяти напутствований, сказанных над могилою поэта, шесть были произнесены на малороссийском языке. Из остальных трех речей две были произнесены по-русски и одна по-польски, как бы в значение общего горя славян, пришедших отдать последний долг малороссийскому поэту-страдальцу...

С. Н. Терпигорев

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

...Поступив в университет, и помимо совсем даже того, что я еще в гимназии зачитывался его сочинениями, я при первом же знакомстве почувствовал необыкновенное, какое-то душевное и сердечное расположение к Н. И. Костомарову, перешедшее вскоре потом просто чуть не в обожание его.

Скромный, старый, однако же, вдруг капризный, он был мил мне своей простотой искренней, задушевной. Это все, конечно, усиливалось еще обаянием его старости и горьким его прошедшим, которое я, конечно, хорошо и давно уже знал и не от него притом. Чем-то детски чистым и наивным веяло от этого человека. То он рад и готов был отдать все первому пришедшему к нему студенту, не зная совершенно, что это за человек, то вдруг начинал скупиться, чуть не скарденничать, и это все выходило у него уморительно смешно, потому что, зная его хорошо, нельзя было видеть без смеха, как он, получив какие-нибудь деньги, озабоченно серьезно, как будто тая от всех какое-нибудь несправедное стяжание, прятал их в карман, ощупывая его, застегивая на все пуговицы, и потом, поправляя очки, смотрел на всех присутствующих, которые невольно при этом улыбались. Улыбался, наконец, и он сам, понимая, как это, должно быть, смешно у него выходит.

Такой же точно он был и когда хотел казаться строгим, неуловимым, непреклонным или грозным мстителем за что-нибудь или кому-нибудь.

Первый раз я встретился с ним, то есть познакомился, и мне пришлось говорить с ним в тот же год и даже в ту же зиму или осень, как я приехал сюда. Это случилось на Смоленском кладбище на похоронах Шевченки. Я не помню ни месяца, ни числа, помню только, что в этот день шел сильный снег, и хлопья его так и валялись, покрывая и землю, и экипажи, и лошадей, и людей, которые шли и ехали за печальным шествием. Шевченку отпевали, или он стоял, по крайней мере, в церкви Академии художеств, и оттуда его вынесли, чтобы временно предать земле на Смоленском кладбище, так как почему-то, не помню, нельзя его было везти прямо в Малороссию на то место, где он был похоронен впоследствии уже. За гробом шло много студентов, почти весь университет, вся Академия, все профессора и масса публики. Вся университетская набережная от Дворцового до Николаевского моста была буквально запружена народом. Может быть, заслуги и значение Шевченки преувеличены были тогда, может быть, время тогда было такое, может быть, молодежь, всегда любящая собрание в толпе, собралась и не единственно ради выражения своего уважения к почившему, только все это может быть, и я не берусь судить об этом; но я свидетельствую только, что из всех похорон, какие я видел с того времени, ни одни не носили на себе отпечатка и характера той искренности и простоты, безыскусственности и неподготовленности, как эти, Шевченкины. Я видел потом похороны Некрасова, Достоевского, Тургенева, Салтыкова... Но они, эти похороны, все были отравлены проявлением противного, искусственно-деланного, тенденциозного, демонстративного духа. Похороны Шевченки были еще чисты от этого балаганного гаерства, не переносимого искренним чувством. Ни пальмовых, ни лавровых венков, ни лент с надписью, никаких этих бутафорских принадлежностей, в одинаковом изобилии выражавших на последних похоронах скорби «народа» и по поводу смерти Некрасова, и удавившегося прогоревшего лилипута еврея, обиравшего в течение целой войны и погонщиков-мужиков и казну. На похоронах Шевченки, может быть, и было несколько венков, но их приняли и положили ему в гроб не для показа и ни в каком случае не как демонстрацию против кого-

то и почему-то. Это употребление из праха покойного не было сделано...

Не знаю, какими-то судьбами я очутился, придя на Смоленское, у самой могилы, в которую должны были сейчас опустить гроб с покойным. И вдруг я увидел возле себя, без шапки, в опустившейся с одного плеча енотовой шубе, Костомарова с растерянным и, мне показалось, заплаканным лицом. Он казался невыразимо жалким, сиротливым в это время. Кто-то стоял возле него, кажется, Кулиш, что-то говорил с ним, но он его не слушал, поворачивая все голову то в ту, то в другую сторону, в ожидании чего-то: ждал ли он, когда принесут, чтобы опустить наконец в могилу его закадычного друга Шевченку, или другого чего, но только он все оглядывался, тяготился, стоя на месте, путался в шубе и наконец вдруг споткнулся и упал. Я кинулся и помог ему вместе с другими, подоспевшими к нему, подняться и сколько-нибудь пообчиститься от налипшей на него при этом глины, песку, земли.

— Спасибо, спасибо, благодарю,— сквозь слезы шамкал он, лоя помогавших ему за руки и крепко пожимая их.— Ах, господи, господи... Как это неприятно, потеря... все повторял он и, точно забыв все: и зачем он тут, по какому случаю, как франт какой, до последнего пятышка и малейшей брызги старался обчиститься и принять прежний вид... С людьми, которых постигло истинное и глубокое горе, я замечал, это часто случается. В толпе раздалось: «Идут, несут!» Толпа, окружавшая могилу, всколыхнулась, задние стали толкаться вперед, все смешалось, и меня далеко отнесло этой живой волной...

Когда похороны окончились и все пошли с кладбища, у самого входа за оградой стояло несколько карет. Завидев кого-то в выходившей толпе, одна из карет подъехала к выходным воротам; в нее сели, я увидал, Панаев и Некрасов, все белые от покрывавшего их шубы и шапки снега. Вслед за ними кто-то вышел вперед и крикнул извозчика. Я посмотрел: это был Костомаров с каким-то еще господином. Уехали и эти. Толпа стала расходиться и потянулась длинными ручьями по дальним и ближним улицам Васильевского острова. В кучке, в которой и я шел, рассказывали, какую необыкновенно теплую, прочувствованную речь на могиле Шевченки сказал сегодня Костомаров, закончить ее он, однако, не мог, зарыдал и так и отошел молча.

А. М. Лазаревский

ГРОБ Т. Г. ШЕВЧЕНКО
В КИЕВЕ

После десятидневного путешествия с гробом Т. Г. Шевченко, 6 мая к вечеру, мы, провожавшие гроб из Петербурга до Киева, приблизились к Никольской слободке. Здесь гроб был встречен род-

нею поэта, с Варфоломеем Григорьевичем Шевченком во главе, и толпою преимущественно студенческой молодежи. Перед мостом лошади были отпряжены, и студенты повезли дроги с гробом на руках. Между тем, куда везли гроб, где будут его хоронить,— никто не знал... «Названный брат» поэта В. Г. Шевченко (умер в 1893 г.), по близким отношениям к покойнику, решил было вопрос о похоронах еще до прибытия тела в Киев; предположил он похоронить тело поэта на Щекавицком кладбище, где была уже, как говорят, приготовлена и могила. Но еще на дороге от моста к Киеву возникли по этому вопросу пререкания, и пока решено было поставить гроб в первой по дороге церкви — Рождества Христова, на Подоле. Но священник этой церкви о. Иосиф Желтоножский не мог без дозволения властей разрешить постановку гроба в церкви, и В. Г. Шевченко за таким разрешением отправился к благочинному подольских церквей, которым тогда был теперешний кафедральный протоиерей П. Г. Лебединцев. Но оказалось, что и благочинный своею властью не может дать такого разрешения; за последним нужно было отправиться к высшим властям. Пока пришло разрешение, гроб остановили на подольской набережной, около башенных ворот. Ждали мы, впрочем, не долго: скоро получено было разрешение и митрополита и генерал-губернатора — поставить гроб поэта в Христорожественской церкви. У последней гроб был встречен облачившимся в ризы П. Г. Лебединцевым и настоятелем церкви о. Желтоножским, которые по внесении гроба в церковь отслужили краткую литию. Затем мы, провожавшие гроб, отправились (не помню — куда именно) решать вопрос, где же хоронить привезенное тело Тараса Григорьевича: в Киеве или в Каневе, как на том особенно настаивал Г. Н. Честаховский. После долгих разговоров и споров решено было хоронить поэта около Канева, причем такое решение почти всецело принадлежит Честаховскому, о чем и свидетельствуем здесь перед теми, кому знать это интересно. Решено было, что на другой день гроб будет перевезен на паром для дальнейшего путешествия тела поэта в Канев. При этом же было решено — перед отъездом из Киева фотографировать гроб, собрав вокруг него родичей поэта. Для этого на другой день, 7 мая, перед обеднею (было воскресенье) гроб Тараса Григорьевича был вынесен на церковный двор, поставлен на тех дрогах, на которых он привезен был из Петербурга, и обставлен роднею поэта, окруженною нахлынувшею толпою народа. Этому случайному сборищу людей Честаховский хотел было придать хотя некоторый порядок, хотел было поставить на виду некоторых из почитателей умершего поэта, напр., И. М. Сошенка, но толпа суетилась и мешала всякому порядку. Установив кое-как родню поэта (причем на более видных местах поставлены были: сестра поэта Ирина Григорьевна, по мужу Бойко, и его братья Никита и Осип Григорьевичи), Честаховский дал знак фотографу Воюцкому — и явился приложенный к настоящей книжке рисунок — «Гроб Т. Г. Шевченка в Киеве у Христорожественской церкви». На этом рисунке обозначены цифрами следующие лица: 1 — Никита Григорьевич, 2 — Осип Григорьевич, 3 — Ирина Григорьевна, 4 — Варфоломей Григорьевич Шевченко, 5 — И. М. Сошенко (малозаметен, хорошо видна лишь его лысина) и 6 — Г. Н. Честаховский, которого кто-то толкнул, и он вышел с двойным лицом. После фотогра-

фирования гроб был снова внесен в церковь и отслужена была обедня. Позже отслужена панихида, после которой гроб снова поставлен был на дроги и повезен на пароход, чтобы на завтра (8 мая) рано плыть в Канев и тем исполнить завещание поэта... Этим завещанием, впрочем, не была та предсмертная будто бы воля Тараса Григорьевича, о которой рассказывает М. К. Чалый в своей книге «Жизнь и произведения Тараса Шевченка». Здесь (стр. 191) говорится, «что присутствовавший при последних минутах жизни поэта Грицько Честаховский, заявил (при решении вопроса — где хоронить), что на предложенный им умирающему вопрос: где похоронить его? он отвечал: «В Каневе». Но мы хорошо помним, что Честаховский «при последних минутах жизни поэта» не находился, да если бы и находился, то у него, ввиду предсмертных страданий Тараса Григорьевича, не хватило бы духу спрашивать умирающего о месте похорон. Хорошо также знаем, что никакого завещания, ни письменного, ни словесного, Тарас Григорьевич о месте своего погребения не оставлял, а мысль его друзей о погребении тела умершего около Канева (где поэт собирался строить себе «хату») основана была лишь на поэтическом завещании.

Вот это-то завещание страстно желая исполнить, Г. Н. Честаховский и говорил о предсмертной будто бы воле поэта...

М. К. Чалый

ПОХОРОНЫ Т. Г. ШЕВЧЕНКО НА УКРАИНЕ

26 февраля, в 12 часов дня, в Киевской 2-й гимназии получена телеграмма от г. Каменецкого, извещавшего инспектора о смерти поэта. Весть об этом прискорбном событии разнеслась по городу с быстротой электричества. Учащаяся молодежь пришла в движение. Студенты, с участием свободных от уроков гимназистов, отслужили в университетской церкви панихиду. В тот же день в некоторых городах Малороссии и Галиции память народного поэта почтена была более или менее торжественными заявлениями сочувствия к великой утрате всей Украины. С изъявлениями того же сочувствия в редакцию «Основы», со всех концов России, прислана масса писем и стихов, из которых только весьма малая часть напечатана на страницах журнала.

В самый день смерти поэта, все, бывшие вечером на панихиде, собрались к другу его и душеприказчику М. М. Лазаревскому, где тогда же было приступлено к подписке на увековечение памяти Шевченка и положено:

1. Перевезти тело его на Украину, согласно его поэтическому завещанию.
2. Поставить на могиле его памятник.

3. Основать народную школу имени Шевченка.
4. Содержать одного или нескольких стипендиатов в университетах: Киевском, Харьковском, в Одесском лицее и в Академии художеств.
5. Издать наилучшим образом его сочинения.
6. Назначить премию за лучшее жизнеописание поэта на украинском языке и лучший критический разбор его сочинений.
7. Помогать его родным.
8. Посещать ежегодно кому-нибудь из ближайших друзей покойника его могилу.

Все эти прекрасные намерения близких Шевченку лиц, по недостатку материальных средств, остались без осуществления и едва ли когда-нибудь осуществятся.

Казалось, что, при дружном участии всех знавших поэта, увековечить его память не составит большого труда, собрав более или менее крупную сумму; но вот прошло уже более 20 лет, и над одинокой могилой Тараса догнивает деревянный крест...

В сороковый день кончины поэта, перед отправлением гроба в Украину, земляки вновь собрались на могилу проститься; после панихиды опять говорились речи.

Все приспособления к этому далекому и последнему путешествию Тараса на родину были сделаны заботливым другом его М. М. Лазаревским. Гроб выкопан из земли, вложен в другой — свинцовый и поставлен на особые рессорные дроги. Г. Н. Честаховский и А. М. Лазаревский взяли сопроводить его. Все украинцы, имевшие возможность присутствовать 26 апреля на могиле Шевченка, явились туда ранним утром. Черный гроб возвышался на заложенных четверней дрогах.

Когда все присутствовавшие находились под гнетом сосредоточенной печали, вдруг заговорил Кулиш:

«Що ж се ти, батьку Тарасе, одїжджаєш на Україну без червоної китайки, заслуги козацької? Чим же нижчий ти од козацьких лицарів? Ні один вільний козак не сховався з сього світу без сеї остатньої честі».

И гроб покрыли червоною китайкою, которая скоро потемнела под мокрым дождевым снегом, как бы знаменуя, что напрасна была жизненная борьба народного певца нашего и нерадостна была смерть на чужбине.

После второй речи Кулиша печальный поезд тронулся с Смоленского кладбища, чрез Васильевский остров, Адмиралтейскую площадь и Невский проспект до станции Николаевской железной дороги.

После торжественной встречи гроба Шевченка в Москве, поезд достиг Орла. «2 мая, в 12 часов ночи, было привезено тело Шевченка. Дроги с гробом были поставлены на дворе, под навесом, среди пустых ямских телег, на куче навоза. На другой день, в 10 часов полковой священник камчатского полка, в присутствии Ф. Лазаревского, гимназистов, почетного попечителя, директора, учителей и многих других, отслужил панихиду, и поезд тронулся дальше. За заставой была опять отслужена панихида в присутствии народной толпы. Один венок с гроба был разорван присутствующими, второй взят на память в гимназию. Проводив тело, многие из присутствовавших вместе с начальством и учениками отправились

в гимназию и еще раз отслужили панихиду, с объявлением подписки на училище в память Шевченка». (Из заметки Якушкина.)

После довольно скромной встречи тела Шевченка в Нежине поезд достиг Киева и остановился в Никольской слободке, в виду Днепра, в ожидании разрешения местных властей.

Едва только в городе стало известно, что из Петербурга привезли Шевченка, как многочисленные поклонники поэта, преимущественно учащаяся молодежь — студенты и гимназисты — устремились за Днепр на встречу поэта. Некоторые из них заранее приготовили речи и стихи. В благородном порыве юношеского увлечения горячие головы, не дожидаясь разрешения духовных и светских властей, хотели везти гроб через город, прямо в университетскую церковь и, вероятно, они привели бы в исполнение свое намерение, если бы не случились тут люди более сдержанные, которым, после долгих и довольно шумных дебатов с крикунами, удалось остановить погребальное шествие, до получения разрешения, у самого Цепного моста.

За разрешением к генерал-губернатору отправились Варфоломей Григорьевич Шевченко, в качестве родственника покойника, и законоучитель 2-й гимназии П. Г. Лебединцев. Кн. Васильчиков отослал их к митрополиту, дабы он указал церковь для постановки гроба. Владыка указал ближайшую к Днепру церковь Рождества Христова, а князь с своей стороны возложил на о. Петра ответственность за то, чтобы в церкви не было говорено никаких речей.

Вследствие такого распоряжения предержавших властей, студенты отпрягли лошадей и на себе повезли бранные останки поэта через все подольское шоссе, до самой церкви.

Когда погребальное шествие двинулось от шлагбаума к Цепному мосту, с гробом поравнялась карета черниговского архиепископа Филарета, который ехал с визитом к митрополиту Арсению и который незадолго перед тем заявил г. Тризне о желании своем познакомиться с Шевченком. Усмотрев из окна своей кареты такое необычное зрелище, он велел кучеру обогнать процессию; тот погнал во всю прыть лошадей, преступив таким образом общие для всех проезжающих по мосту правила. Мостовые сторожа заорали благим матом: «Легче, шагом!», а молодежь стала и себе покрикивать в догонку уходившему без оглядки владыке — от мертвого человека, с которым он желал познакомиться покороче при его жизни...

На всем протяжении Киево-Подольского шоссе кортеж часто останавливался, на дроги взлезали ораторы и читали свои речи; когда же запас красноречия истощился, то некоторые произносили свои произведения по два и по три раза.

Порешив, согласно поэтическому завещанию покойника, перевезти тело его на родину, петербургская громада все-таки окончательно не решила вопроса, где именно предать земле его многострадальные кости? Со дня похорон поэта на Смоленском кладбище и до отправления гроба на Украину, об этом нерешенном вопросе шла оживленная переписка между петербургскими и киевскими друзьями поэта: одни настаивали на том, что нашему славному Кобзарю приличнее всего лежать в метрополии украинских городов — в Киеве, причем местом погребения указывали то Ас-

кольцову могилу, то Щекавицу — над самым обрывом святых гор киевских, в виду Днепра-Славуты и всего Заднепровья. На могиле поэта предполагали временно поставить высоченный дубовый крест, чтобы виден он был издали всем идущим и едущим из-за Днепра богомольцам и чтобы, при взгляде на крест, молились они за душу Тарасову. Другие, вероятно, для вящего почета, желали похоронить «мужичьего поэта» на кладбище Выдубецкого монастыря, между генералами и именитыми купцами с их дородными супружницами. Иные, наконец, согласно завещанию, энергически отстаивали мысль предать земле тело Шевченка в Каневе, на том самом месте, которое избрано поэтом при жизни для постройки дома — на Чернечей горе, в трех верстах от города. Присутствовавший при последних минутах жизни поэта Грицько Честаховский заявил, что на предложенный им умирающему вопрос: где похоронить его? он ответил: «В Каневи!»

Не зная до прибытия Честаховского в Киев с телом поэта о его последней воле, названный брат его Варфоломей, уступая настоятельному требованию студентов, порешил похоронить Тараса на Щекавице. В ожидании прибытия гроба, вырыта могила и заготовлен крест; но после переговоров с провожавшими тело поэта Лазаревским и Честаховским, — все это было брошено.

7 мая было воскресенье. Несмотря на дождливую погоду, к Рождественской церкви собралось народу несколько тысяч. О. Петр отслужил заупокойную обедню. Составился довольно стройный хор певчих из почитателей умолкнувшего навеки Кобзаря. Согласно распоряжению князя, речей не было вовсе. Во время панихиды между народом протиснулась в глубоком трауре дама, положила на гроб поэта терновый венок и удалилась: красноречивее надгробных слов выразила она то, что чувствовал каждый из нас, провожая поэта-страдальца в могилу... Погребальное шествие, в сопровождении великой толпы народа, потянулось по шоссе к Цепному мосту, за которым, по случаю сильного разлива Днепра, стояли тогда пароходы; на одном из них и совершил свое плавание наш Тарас к тихому пристанищу...

Гроб, для должного порядка, сопровождается был чинами полиции. Шествие часто останавливалось для произнесения речей, которых, впрочем, по причине небольшой ширины шоссе, почти никто не слышал, кроме студентов и гимназистов, везших на себе гроб. Лучшие из надгробных речей, к сожалению, не сохранившиеся, произнесены были у крепостного форта на мосту студентами: Стояновым, Антоновичем и Драгомановым. Затем, в виду парохода, с разведенными уже парами, на возвышенном берегу Днепра, погребальный кортеж остановился в последний раз. На дроги взошел инспектор 2-й гимназии М. К. Чалый и произнес следующую надгробную речь *:

«Думы и чувства, волнующие душу каждого из нас в настоящую минуту, не требуют много слов для выражения их. Предмет их слишком ясно представляется нашему сознанию: мы стоим у гроба нашего славного певца.

Горесть наша слишком велика для того, чтобы высказать ее

* Речь эта, по распоряжению кн. Васильчикова, была напечатана в «Киевском телеграфе».

словами и слишком сильна, чтобы увеличивать печальными воззваниями. Как ни сильно говорили бы мы о великости нашей потери, мы не скажем ничего, о чем стократ сильнее и красноречивее не говорило бы нам бессмертное имя Тараса Шевченка.

Слава этого имени не умрет в потомстве. Оно будет жить в народе долго-долго и исчезнет разве только с последним звуком малороссийской песни, а народная песнь не умирает. Не умрут вместе с нею и произведения нашего народного поэта! В них, как в фокусе, соединились, с одной стороны, все красоты, вся сила и все богатство украинского языка, а с другой — глубокое чувство и энергия характера, свойственные малорусскому племени; в них — безыскусственная прелесть и простота народных песен — рядом с высокою художественностью произведений, принадлежащих периоду высшей цивилизации.

И удивительная сила гения! Заброшенный судьбой в темное царство крепостного быта, — убивающего в зародыше всякое проявление таланта, всякий порыв к умственному развитию, — поэт тяжкими усилиями выбивается на свет божий, самоучкой пополняет недостаток образования и, лишенный образцов, оставляет потомству образцы неподражаемые. Да едва ли окружающая его цивилизация и приобретенные урывками познания принесли много пользы его своеобразному гению: по крайней мере опыты его произведений, предметы которых требовали эрудиции, не удавались ему; это не его область. Оттого-то он так легко отрывался от образованной среды и переносился душой в простой быт поселения, оттого-то он с таким сожалением оглядывался на его прошлое — славное, невозвратное.

Сфера его таланта — народная жизнь. Жизнь свою столько же, сколько и поэзией он представил совершеннейшее олицетворение своего народа: он плоть от плоти его, кость от костей его! Душа его болела не за настоящие только страдания крепостного люда; в груди его скоплялось горе за Украину прошедших столетий. Он пережил и перечувствовал целый бесконечный ряд бедствий: угнетения, убийств, грабежей и пожаров. Одаренный от природы сильною впечатлительностью, он так живо чувствовал минувшие невзгоды своей родины, как многие из нас едва ли чувствуют настоящие.

А что сказать о тех перлах его поэзии, в которых он такими красками рисует украинскую природу? Упиваясь ее девственной красотой, он отдыхал душою от тяжелых впечатлений родной старины, но не надолго: этот ясный луч радости, внезапно озарявший мрачную ночь его печали, сверкал как бы для того, чтобы еще ярче оттенить страшную картину народной бедности.

Велико значение нашего поэта как в жизни, так и в литературе южнорусской. Предшественники Шевченка, пародируя язык и народность нашу, не только не способствовали развитию юной украинской словесности, но своим передразниванием помогали только нашим недругам глумиться над народными обычаями и своеобразием народного характера, низводя потомка славного казачества на степень идиота. Антагонисты нашей национальности, по своему общественному и сословному положению, привыкшие смотреть на простолюдина как на свою рабочую силу, доходили иногда до того, что, подобно американским плантаторам,

отвергали в этом даровитом племени,— которое богатством памятников народной поэзии осязательно доказало свою способность к духовному росту в будущем,— отвергали, говорю, всякую способность к высшему умственному развитию. Да простит им бог такую обиду! Здесь — у гроба нашего славного поэта-художника, воспитанного и взлелеянного народом под заунывные звуки украинской песни,— да будет положен предел этим несправедливым наветам!

Поэзия Шевченка раздалась высокою песнею по всему славянскому миру, убедила в способности украинца к высшему поэтическому развитию даже и тех, которые, имея уши слышати, не слышат, имея очи видети, не видят. Муза нашего Кобзаря возвысила народ в собственных глазах его, тот православный народ, который, под гнетом крепостной неволи, перестал было считать себя за божие создание. Поэзия Шевченка завоевала нам право литературного гражданства, громко заявив и свой голос в семье славянских народностей.

Вот в чем заключается великое назначение и неувядающая слава нашего незабвенного Тараса Григорьевича!

Мир праху твоему, наш добрый друг! Ты исполнил свое призвание, не изменив до последней минуты своим честным убеждениям. Ты дожил до радостного дня 19 февраля — до дня освобождения любимого тобой народа, вступившего отныне в новый, лучший период своего существования, о котором так сладко грезилося измученной на панцине жнице в твоём прекрасном «Сне», — и ты спокойно закрыл глаза.

Столичные земляки наши проводили тебя теплым, дружески прощальным словом. Напутствуемый благословением народа, ты совершил свое последнее путешествие на родину: здесь тебя окружают родные, которые надеялись пожить с тобой после долгой разлуки, призреть и отогреть тебя от холода северных зим, примирить тебя на закате дней твоих с жизнью и с людьми, после жестоких испытаний, посланных тебе судьбою, — и закрыть скорбные твои очи. Готовил тебе названный брат твой скромное жилище на избранном тобой месте, на высоком берегу днепровском, посреди любимого тобой народа. Мы все ждали тебя, надеялись услышать новую песнь своего любимого Кобзаря...»

Дорогие останки поэта провожали до Канева, кроме родных братьев, сестры и семейства Варфоломея Шевченка, старый приятель И. М. Сошенко, Сошиха и Чалыха, десятка два студентов и гимназистов да полтавский знакомый покойника Забела, который вез на пароходе заветную пляшечку дерновки, уцелевшую от обильных возлияний во время последнего пребывания поэта в полтавской губернии, в роковом 1847 году. Из этой пляшечки предполагалась выпить по чарци на могиле Тараса и помянуть почившего вечным сном украинского батька, но, увы! По неосторожности Забелы бутылка разбилась и драгоценная влага разлилась по палубе.

По случаю разлива реки, пароход не мог пристать к самому берегу, а остановился в значительном от него расстоянии. Выгрузить драгоценную кладь составило не малое затруднение: нужно было нести свинцовый гроб, стоя почти по пояс в воде и ступая по тинистому дну полый воды, что оказалось решительно невозможным.

Малый плоскодонный баркас не мог сдержать тяжести, а большой дуб стал бы на мели. После долгих споров и толков, придуман наконец такой способ выгрузки: достали простой драбинястый воз, спустили на него с парохода гроб и запряглись, вместо лошадей и старые и молодые да и потащили его к берегу. На берегу покойника встретило местное духовенство, гроб поставили на мары и при стечении значительного числа горожан торжественно внесли в соборную церковь. Сюда же с Михайловой горы прибыл на лодке и страстный почитатель поэта М. А. Максимович.

Отслужив панихиду в день прибытия гроба, друзья поэта отправились на Чернечу гору выбирать место для могилы. Обратились было к каневским мещанам за помощью — вырыть яму, но они, по наущению поляка М-ского, запросили такую непомерную плату, что распорядители похорон решили сами, с помощью студентов, вырыть яму своему славному Кобзарю. Под дождем и нависшими тучами благородные юноши принялись за дело с увлечением, и яма была готова.

10 мая, при многочисленном стечении народа из городских предместий и окрестных сел, была отслужена заупокойная обедня протоиереем Мацкевичем соборне. После панихиды им же произнесено надгробное слово...

Г. Н. Честаховский

ЭПИЗОД НА МОГИЛЕ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

Прибытие в г. Канев и могила Шевченко. Общество украинцев в Петербурге избрало меня для препровождения из Петербурга в Каневский уезд тела умершего малороссийского поэта Шевченко и для погребения его на месте, избранном им самим при жизни. По сему случаю я получил от начальства дозволение на 28-дневный отпуск в Киевскую губернию и по прибытии моем в город Киев передал тело поэта в полное распоряжение его братьям и сестре, которые поставили гроб поэта в церкви Рождества на Подоле 6 мая вечером, а 7-го, отслужили панихиду, перенесли на ночь на пароход «Кременчуг». 8-го мая в 7 часов утра пароход снялся с пристани и направил путь по Днепру к Каневу. Я сопутствовал за гробом с тем, чтобы наблюдать, где похоронят поэта и действительно ли на том месте, которое он сам избрал для себя еще при жизни. Привезши тело в Канев, занялись похоронами. Могила была выкопана студентами Киевского университета, братьями и родственниками покойного и некоторыми селянами, знавшими при жизни покойного и чтившими память его.

По предании тела земле, отдавши последний долг покойному поэту, все сопутствовавшие из Киева и других мест начали разъез-

жаться, и когда 12 числа я один, посетивши могилу, думая последний раз перед отъездом поклониться батькови и другу, выйдя на высокую гору, увидел осиротелую могилу, то невыразимая грусть сдавила мне сердце: не хотелось расставаться с местом, где улеглось тело нашего любимого и дорогого Кобзаря, а желалось самому закопаться в той славной земле. Думаю: а кто ж насыплет над ним высокую могилу по его завещанию? Не попробовать ли мне?

Едва блеснула в моей голове эта світла щира дума, как из-за нее вырос в воображении мрачный демон-чудовище — мысль о провинциальном чиновничестве, способном из мухи вывести слона, хотя я знал о нем только понаслышке; это сильно пугало меня, но надежда: авось, может быть, вывернусь, вольными широкими крылами рассеяла по воздуху темное бесовское наваждение и утвердила во мне доброе намерение сделать последнюю услугу незабвенному батькови и другу Тарасу.

Объявив о моем намерении — остаться на некоторое время в родной Украине, между своего народа, подышать ее воздухом после 18-летнего моего отсутствия, — одному из почитателей покойного поэта, знакомому с некоторыми властями города Канева, и о моих опасениях на счет чиновничества, я просил его представить меня некоторым лицам, что и было сделано им.

Когда явились мы к некоей особе, облаченной значительною властью по тамошнему положению, то особа эта сейчас же направила разговор на новое положение о крестьянском быте и свела на ту дорогу, что у них несколько мудрецов (так выразилась значительная особа) уже посажено в тюрьму за чтение нового положения об улучшении быта помещичьих крестьян, говоря: «Мы их, голубчиков, выведем».

Таким образом, участь моя заранее решена; стало быть — другими словами: если хочешь остаться здесь, где царит порядок и спокойствие, так полезай в тюрьму, а не хочешь в тюрьму, так убирайся отсюда.

Я со своей стороны сделал намек, что я художник и остаюсь только с тем, чтобы насыпать могилу своему любимому земляку и народному поэту, и не только, мол, тебе, но и никому из вас не помешаю порядковать во все четыре заставки.

Обращение с народом. Между тем по разнесшимся слухам о привозе и погребении тела Шевченко в Каневе, беспрестанно прибывал разного звания народ, чтобы посмотреть могилу и поклониться праху покойного. После погребения Шевченко, народ с самого начала прибывал, частью с барок и плотов с лесом, плывущих по Днепру и проходящих как раз у самой подшовы Чернечьей горы, на которой погребен поэт (народ этот большею частью литвины; малороссияне наши называют их кракодземьями), а частью с пароходов, пристающих в полуверсте от могилы Шевченко. Посетители с пароходов большею частью благородное сословие: офицеры, гражданские чиновники, студенты, дамы и разного звания люди. Потом уже, по мере распространившихся слухов, начали посещать могилу поэта духовенство и сельский народ из окрестностей, в особенности в воскресные и праздничные дни.

Оставшись один исполнить свое намерение, — насыпать могилу над прахом любого батька Тараса, — 12 мая я перешел из Канева и поселился в маленьком сельце, на расстоянии полторы

версты от центра города и в двух с половиною от могилы, ибо могила поэта находится верстах в четырех за Каневом вниз по течению Днепра. Во время производства работ и во все время жительства моего в Каневе, я постоянно находился между крестьянами и обходился с ними, как следует честному человеку и христианину, ласково и приветливо, одним словом,— по-братски и как родной их селянин. На разные вопросы их о каком-либо недоразумении объяснял им, как следует и как я понимаю, но вопросы эти и объяснения мои касались исключительно семейных дел, ссоры крестьян между собою и других разных обыкновенных предметов, не заключающих в себе ничего политического и важного. Когда же крестьяне обращались с вопросами относительно их свободы из крестьянского состояния или с жалобами на притеснение панов (помещиков), тогда я объяснял им, что я сам положения о свободе крестьян не читал и не знаю правил, в нем изложенных, почему и не могу им об этом предмете ничего объяснить, кроме только советовать, чтобы беспрекословно они повиновались своим панам и исполняли бы все обязанности, как и прежде, что в противном случае, чего боже сохрани, они подвергнут себя большой беде и ответственности, чему были уже многие примеры. Однажды крестьяне говорили мне, что будто бы в положении нет двух нужных листов, которые будто бы вырваны, и они не знают, что в тех листах написано. Тогда я уверил их, что все листы целы, и они более не сомневались. А о притеснениях и побоях, делаемых им панами, советовал обращаться с просьбами своими к ближайшему начальству; в случае же неудовлетворения — к высшему начальству и даже к самому губернатору. Когда же мещане г. Канева обращались ко мне с просьбою прочитать и растолковать им их древне-народные права, а крестьяне просили прочитать новое положение о их свободе, я решительно от всего этого отказался, объясняя им откровенно, что не могу исполнить их просьбы, ибо и без того здешние паны и чиновники подозревают меня в каком-то с народом сближении и заговоре, что, пожалуй, сочтут меня народным бунтовщиком, и потому просил их отнюдь не обращаться более ко мне с подобными просьбами. Затем в свободное или праздничное время от нечего делать я занимался рисованием с натуры окрестностей и по просьбе крестьян с удовольствием читал и объяснял им, на понятном для них малороссийском языке, разные стихи и повести известных сочинений Шевченка, Основьяненка и других малороссийских поэтов. Стихи и повести эти, как народные и отпечатанные в особых брошюрках были высланы из Петербурга по почте для распродажи, и крестьяне покупали их от меня с большою охотою.

Негодование польских панов и чиновного люда. Подобные мои простые, дружеские и ласковые обращения с крестьянами и простые, добрые им советы возбуждали в них общую ко мне любовь и доверенность, и они между собою называли меня всегда Грыцем. Напротив того, паны их или помещики и прочий чиновный люд возымели ко мне за то какую-то ненависть и подозрение и, как мне известно, что они еще более имели на меня негодование за то, что я был усердным участником в погребении на их земле Шевченка, как человека, бывшего для них всегда ненавистным, но любимого простым народом, и за то, что я с этими панами во все время

моего жительство в Каневе не имел никакого знакомства, не сходился с ними и не обращал никакого внимания на их негодование и на возводимые ими на меня разные нелепые истории, которые доходили до слухов моих от крестьян и которые, как сказки, я не нахожу нужным здесь объяснять. Вообще с чиновниками я не сближался и не знакомился из опасения, что они по своим взглядам на мир и людей и по закоренелым судейским убеждениям будут взвешивать каждое мое слово на свой канцелярско-судейский лад; из этого непременно выведут какую-нибудь историю, облекут ее в дело и поведут его законным порядком, — тогда как хочешь, так и возжайся с ним. Признаюсь, эта мысль пугала меня более огня — и недаром. Наша народная поговорка гласит: «Тоді од них сховаєшся, як у землю вкопаєшся». И потому при встрече с чиновным классом я или сворачивал с дороги в сторону, или потуплял взор, чтобы не встречаться даже взглядом с ним. Даже с хозяином, у которого остановились мы на квартире по прибытии в Канев, я избегал всяких встреч и объяснений, хотя за это он и посматривал на меня искоса.

Задержание в городе Каневе и прибытие следственной комиссии. По совершенном окончании всех работ и распоряжений моих по погребению тела Шевченко, я имел намерение ехать обратно в Петербург и 18 июня вечером, являсь к начальнику полиции, надворному советнику Котлярову, просил о выдаче мне вида на отъезд. Котляров и обещал это исполнить на другой день утром, т. е. 19 июня.

Когда же я возвратился на свою квартиру и стал укладывать свои вещи, приготовляясь к отъезду, то явился ко мне квартальный надзиратель (это была уже полночь) и объявил, что начальник полиции требует меня немедленно к себе. Удивляясь такому требованию в полночное время и интересуясь знать причину, я тотчас отправился вместе с квартальным надзирателем и когда прибыл к начальнику полиции, то он потребовал от меня подписку под строго пред законом ответственностью о невыезде моем из города Канева впредь до разрешения начальства, объявив притом, что о причине этого задержания я узнаю в свое время. Исполнив беспрекословно требование начальника полиции, я отправился обратно на квартиру свою, и с того времени постоянно следил за мною повсюду полицейский солдат. Выждав довольно долгое время и не получив сведения о причине задержания меня, я донес об этом моему начальству.

Между тем стороною я узнал, что от местных властей города Канева послано три эстафеты в Киев к генерал-губернатору о том, будто бы я приехал в Канев с предложением поднять гайдамачнину и возмущаю народ взяться за оружие и резать польских панов. Вследствие сего 20 июля приехали в Канев: начальник губернии генерал-лейтенант Гессе, полковник корпуса жандармов Грибовский и чиновник особых поручений генерал-губернатора...

Не дождавшись требования меня, я тотчас явился к г. губернатору и, объяснив ему причину нахождения моего в Каневе, обращение мое с крестьянами и несколько случаев, доказывающих мою невиновность, просил исследовать клевету и сделанный на меня ложный донос... В заключение же этой горькой эпитафии покойному Шевченке сказал мне: обождите несколько дней, мы спросим,

кого надо, и если вы окажетесь не виноватым, то отпустим вас, в противном же случае, чтобы я извинил его и не пенял бы на него. После сего г. губернатор, пробыв в Каневе 6 дней и не открыв никакого возмущения, напротив, найдя совершенное спокойствие и тишину и удостоверившись в ложной тревоге, причиною которой был какой-то полицейский чиновник из властей города Канева — Монастырский, — изъявил на него свое неудовольствие и 25 июля уехал обратно в Киев, оставив для дальнейшего расследования полковника Грибовского и чиновника... По моим же объяснениям, как мне известно, никакого распоряжения сделано не было, — которые, вероятно, были приняты только к сведению, — и я оставался по-прежнему под надзором полиции и с запрещением посещать могилу Шевченко.

Отобрание вопросных пунктов. 1 августа я был потребован к полковнику корпуса жандармов Грибовскому, которым было предложено мне 15 вопросных пунктов такого содержания, как бы оные предлагались государственному преступнику, народному бунтовщику и врагу всякого порядка и общественного спокойствия. По отобрании же от меня на все эти пункты объяснений, г. Грибовский обязал меня подпискою ехать немедленно в Киев и явиться к генерал-губернатору князю Васильчикову так, чтобы полиция не знала и не успела бы прежде меня дать знать ему о моем приезде, что в точности мною и было исполнено.

Объяснение с генерал-губернатором князем Васильчиковым в Киеве. По приезде моем в Киев я узнал, что генерал-губернатор находится на даче в 7 верстах от города; тот же час нанял извозчика, отправился туда и, найдя его в саду гуляющим с дамами, явился пред ним и желал объясниться, но он приказал мне явиться к нему для объяснения в Киев на другой день, где он будет в 12 часов. Когда же я явился к нему в Киев, то после сделанных мне нескольких вопросов, а мною ответов, он спросил, в чем заключалось мое главное занятие в Каневе? Я ответил, что в приготовлении могилы для погребения тела покойного Шевченко и насыпи на ней, вместо памятника, в виде кургана, потом в рисовании с натуры окрестностей. Затем князь опять спросил: «А для чего эти рисунки, для издания что ли какого?» Я ответил: «Может быть впоследствии, но теперь едва ли это можно будет исполнить, ибо я скромный и бедный художник». После сего князь сказал: «Вот то-то! Делая могилу для Шевченка, вы своими чтениями и рассказами народу на украинском языке взволновали целый край и привели помещиков в ужаснейший страх и трепет; — здесь владельцы все поляки, я получал от них из разных мест по несколько эстафетов в день и до такой степени был напуган этим, что хотел сам ехать в Канев, но так как был чрезвычайно занят, то на место себя послал начальника губернии». Затем спросил, что я говорил с крестьянами. Я отвечал, что говорил с ними большею частью про их семейные дела и другие разные, обыкновенные предметы, не заключающие в себе ничего политического и ничего важного. При сем объяснил: как крестьяне просили меня прочитывать им новое положение, как они сомневались относительно выданных в нем листов, как мещане просили меня прочитывать хранящиеся у них документы о древних их правах и как два крестьянина, один с матерью, избитой помещиком, а другой с избитой женой-старухой, приходили ко мне

за советами. что им делать и как поступить. Потом князь обратился вновь ко мне со следующим вопросом: «Отчего же в такое короткое время народ возымел к вам необыкновенное доверие? Вот это-то и доказывает, что вы наговаривали народу! Извольте-ка объяснить мне это?» Я объяснил, что причина такому доверию самая простая и обыкновенная: родом-де я малороссиянин,— будучи хорошо знаком с образом жизни и духом украинского народа, говорил с ними на родном языке просто, для них понятно, обходился с ними всегда дружески, ласково, по-братски, как следует честному человеку и христианину, что вообще составляет в том крае большую редкость, так как класс, вышедший из народа и ставший выше его, пренебрегает им, его языком и оскорбляет его человеческое достоинство высокомерием. Всякий из них имел ко мне смелый доступ, во всякое время, как к родному своему. Притом же привоз покойника Шевченко в Украину народ считал для себя особенною царскою милостью. а меня считал не иначе, как приехавшим прямо от царя и имеющим право доносить царю об обиде народа и обо всем, хотя я говорил им, что покойный Шевченко привезен в Украину, как на свою родину, по его желанию при жизни, а не по воле царя, и что я также не от царя прислан, а просто приехал из собственного моего усердия, чтобы похоронить тело Шевченко здесь и чтобы самому пожить и подышать свежим воздухом. Но за всем тем народ был убежден в своем мнении, ибо и после нередко были слышны следующие слова в народе: «Спасибі цареві, дай йому боже, чоґо він бажає, й пошли йому мноґі літа, що тепер і наша земля не пуста, що тепер і на нашій землі лежить дуже розумний чоловік, а то все пани та пани, которі живцем гризуть нас, як ті собаки!»

Когда же я объявил князю, что относительно помещиков я всегда убеждал крестьян повиноваться им и беспрекословно исполнять все свои обязанности, тогда князь возразил: «Неправда! Вы этого не говорили!» — и при сем взял со стола какую-то бумагу, начал читать мне, что однажды я шел на Мотовилово поле,— где покойный Шевченко при жизни желал купить для себя землю,— и говорил шедшему со мною крестьянину, что Шевченко умер в тюрьме, в кандалах, защищая крестьянскую волю, что он же составлял и самое положение об освобождении крестьян от помещичьего ига. Потом князь обратился ко мне со словами: «Здесь есть люди, готовые под присягой уличить вас в этом и во многом другом, подобном этому, за что вы должны быть преданы суду».

Когда же я стал объявлять, что это ложь и клевета и я прошу исследовать, что я готов на суд, если буду виновен,— тогда князь сказал, что ему некогда заниматься этим делом и чтобы я не думал о следствии, присовокупив: «Нет! Мне некогда заниматься такими пустяками, а я придумал лучше: извольте сейчас же отправляться к месту вашего служения, а мне дайте подписку, что вы никогда не будете въезжать в Киевскую губернию без разрешения начальства губернии и своего начальства, пока все это успокоится, изменится. Извольте отправиться к начальнику губернии, там дадите подписку,— я уже говорил с ним об этом». Затем призвал своего адъютанта, приказал ему отвезти меня к начальнику губернии и сказать ему, что я тот самый человек, о котором он говорил с губернатором. При сем я просил позволения пробыть в Киеве два

дня, чтобы посмотреть храмы божии и Киево-Печерскую лавру, на что получив дозволение, я имел честь откланяться его сиятельству.

Объяснение с начальником губернии. Явясь к начальнику губернии, дав требуемую подписку, я обратился к нему с вопросом: «Не будет ли этот странный случай иметь дурного влияния на мою службу?» Он отвечал: «За что же! Мы ничего такого не писали о вас, за что бы вы могли отвечать, а только донесли министру внутренних дел, что такой-то чиновник действительно находится в каких-то близких отношениях с народом и что по доносу — будто бы чрез то в разных скрытых местах собираются шайки подозрительных людей, поют разные гайдамацкие песни и проч., — ничего не открыто, и все тихо и спокойно; — так что же может быть вам за это, не понимаю!» Затем я объяснил начальнику губернии, что главный виновник этой ложной тревоги, как мне известно, полицейский чиновник города Канева, Монастырский, что до приезда в Канев его, губернатора, не было никаких тревожных слухов, все было тихо и спокойно, как и всегда, но когда... узнали о внезапном приезде его в Канев, то тогда только стали как будто чего-то опасаться и распространять повсюду тревожные слухи такого рода, как будто что-нибудь да есть важного, политического, скрытого, говоря, что иначе бы такое лицо, как губернатор, не приехал сюда напрасно.

Выслушав меня, губернатор спросил, сказал ли я генерал-губернатору о чиновнике Монастырском? Я ответил, что сказал, и он, как будто довольный этим, присовокупил: «И очень хорошо сделали, что сказали, но все-таки я должен вам заметить, что никогда не надо сближаться с простым здешним народом и говорить им о старине, о казачестве, о запорожцах, о гайдамаках и вообще о том, что было прежде, дабы не пробуждать в народе ничего такого, что может его взволновать». Я отвечал на это, что так думают и говорят люди, не знакомые близко с украинским народом, который без напоминания очень хорошо и живо помнит свое прошедшее, о казачестве же в особенности, и знает все то, что было в старину, лучше нас, ибо известно, что всякое предание переходит из рода в род, от отца к сыну, от матери к дочери и так далее, и, чтобы убедиться в этом, стоит только прислушаться к их беседам. За сим мы раскланялись, и я, пробыв после того в Киеве два дня, уехал в Петербург.

А. К. Дорошкевич

ШЕВЧЕНКО
В КРЕСТЬЯНСКИХ ПРЕДАНИЯХ

...Есть и другой ряд фактов, объективно показывающих, как глубоко проник Шевченко в сознание украинского крепостного крестьянина. Еще в 1859 г. Михаил Максимович писал поэту из Про-

хоровки: «А на правой стороне Днепра Вы стали лицом мифическим, о котором идут уже баснословия и легенды наравне с преданиями старых времен». Это очень характерное замечание: еще тогда, когда значение поэзии Шевченко не вполне осознала интеллигенция (в те времена — в значительной степени помещная), крестьянские массы уже творили о нем «баснословия и легенды». Прежде всего это заметно на Правобережье, откуда происходил сам Шевченко и где компактной массой в тяжелых экономических условиях жили крепостные...

Справедливость замечания Максимовича подтверждается и нашими современными наблюдениями. Один из моих корреспондентов, учитель Прохоровской трудшколы С. Деревя делится такими своими соображениями:

«Разные слои крестьянства по-разному относятся к Шевченко и неодинаково представляют его себе. Один дед, бывший казак из Сушек (соседнее с Прохоровкой село), 85 лет, заявил, что он о Шевченко ничего не знает, не приходилось, мол, с ним встречаться, не интересовался им. «Вы,— говорит,— расспросите лучше у бывших крепостных,— они о нем больше знают». То же самое я слышал от трех-четырех стариков даже в Прохоровке. Те же из бывших казаков, которые видели Шевченко, рассказывают о нем без всякого «легендарного» элемента. Когда же я расспрашивал бывших крепостных, то у них всех Шевченко тесно связывается с «волей», которую он якобы для них добывал. Крепостные больше знают о Шевченко именно благодаря этой самой «воле»... Не является ли этот этнографический факт еще одним доказательством того, что социально Шевченко был идеологом закрепощенного крестьянства?

Нам известен цикл легенд, связанных с необычными похоронами Шевченко. Возмущение и паника среди польского панства увеличивали популярность поэта в среде крестьян, которые тысячами принимали участие в похоронах. Галицкий журнал «Правда» в 1891 г. писал: «Память о Шевченко жила в народе: он давно стал героем народных преданий и песен, время уже приниматься за собиранье из уст народа всего того, что сохранилось в народной памяти о Шевченко. Был брошен лозунг собирать эти народные предания и легенды среди людей, которые непосредственно встречались с Шевченко и были с ним знакомы. Вследствие этих мер украинских народников и почитателей Шевченко не только обогатилась мемуарная литература о нем, но и появились посвященные ему крестьянские предания. Этот материал охотно печатала «Киевская старина». Среди материалов, имеющих в записях В. Беренштама, Н. Беляшевского, М. Васильева, А. Крымского, А. Смоктя, мы видим две категории записей: к одной группе принадлежат те из них, которые более-менее приближаются к известным фактам жизни Шевченко, а к другой — записи фантастические, характерные преимущественно для крестьянства как определенного класса общества, для его понимания творчества и личности Шевченко. Если первая группа записей принадлежит к биографическому ряду, то вторая группа скорее относится к фольклору, свидетельствуя о том, как именно, с какой стороны крестьянские массы представляют себе такую титаническую фигуру, как Шевченко, в силу социальных обстоятельств и своего дарования, став-

шого объектом народной легенды и народного творчества. По справедливому замечанию Н. Беляшевского, «одни из фактов, более мелкие, привлекают внимание народа ненадолго и быстро исчезают; другие — касающиеся существенных сторон жизни, больше возбуждают народную мысль и оставляют после себя глубокие следы; истолкование их народом в форме песен, рассказов, легенд, анекдотов и т. д. дает богатый материал как для характеристики народного мировоззрения, так и для того, чтобы выяснить технику появления и развития таких народных произведений».

В самом деле: минуло несколько десятков лет; поколение, видевшее Шевченко собственными глазами или хотя бы принимавшее участие в его похоронах под Каневом, почти все сошло в могилу. Отдельные остатки этого поколения со дня на день ждут своей очереди, да и семидесятилетняя давность событий стерла из памяти всякую реальность красок и второстепенных эпизодов. Вместе с тем, через школу, газету, ежегодные празднования, получили распространение действительные факты жизни Шевченко, — приглушив тот неопределенный устный вариант, в основе которого могли лежать и реальные факты. Однако предания о Шевченко не умирают среди крестьянства (среди бывших мещан они, видимо, умерли: по крайней мере, даже следов их нам не удалось найти в Киеве или в Переяславе). Конечно, редакция современных преданий больше напоминает вторую группу, охарактеризованных выше записей XIX в., нежели первую. Современные предания скорее приближаются к устной легенде с сильной социальной окраской в тематике. Эта легенда уже лишилась черт суровой фактичности эпизодов. Она для каждого села «стандартна» и ограничена в своих тематических вариациях, причем эти вариации зависят от топографических и производственных черт той или иной местности. Например, житель с. Келеберды обязательно расскажет о том, как Шевченко шел по дороге и зашел в хату переночевать или пообедать. Прохоровка более всего вспоминает о пребывании там Шевченко в связи с Максимовичем и Михайловой горой. Крестьянин из с. Вьюница покажет место, где стоял дом Самойлова и упомянет о контрастности фигур революционного поэта и местного помещика. Приднепровское село Козинцы (под Переяславом) хранит вариант о том, как крестьяне перевозили поэта Шевченко «на ту сторону» к воспетому им селу Трахтемирову, причем «гонорар» получали не деньгами, а водкой.

Предания иногда связывают с Шевченко совершенно посторонние эпизоды (как это случилось с одной песней, где под именем «Шевченко» идет речь не о поэте, а просто о сыне «шевця»), но, по большей части, они обращаются в пределах одного или нескольких соседних сел. Миграция преданий происходит только по линии вертикальной — от шевченковского поколения к следующим, вплоть до учеников современной общеобразовательной школы. Младшее поколение крестьян с уважением взяло на учет тех немногочисленных стариков и старух, которые «видели» Шевченко или, по крайней мере, могут рассказать о нем какой-либо правдоподобный эпизод. Как только вы входите в шевченковское село, вас охотно проинформирует об этом крестьянин-возчик, учитель, секретарь сельсовета. Ибо каждое село, где доводилось побывать Шевченко во время его многочисленных поездок по Украине, очень

гордится своим случайным посетителем, охотно создает о нем свои легенды и проявляет к нему свое «мемуарное» уважение. Бережет село и материальные признаки пребывания там Шевченко. Скажем, на Михайловой горе (с. Прохоровка) вы увидите огромный «шевченковский» дуб, сидя под которым, поэт любовался днепровскими далями во время своих посещений семьи Максимовича. А в Переяславе непременно покажут старую вербу, переплещущую своими двумя одинаковыми стволами, которую будто бы посадили Шевченко и Козачковский в знак своей искренней и неразрывной дружбы. И так повсюду. Везде вокруг какого-либо истинного факта создается много легенд, множество сомнительных (с фактической стороны) преданий, свидетельствующих о глубоком интересе к поэту и о том, какой именно своей чертой Шевченко воздействовал на воображение местной крестьянской стихии.

Ныне кардинально изменился социальный рельеф села, духовная жизнь и культурные интересы из помещичьих палат перешли в крестьянскую хату. Даже ветхому деду теперь уже трудно постичь состояние бывшего бесправного крепостного и вспомнить о роли Шевченко, который в силу обстоятельств вынужден был посещать и эти ненавистные барские «палаты». Однако такие старики во многих шевченковских селах охотно рассказывают о том, что сохранила их ненадежная и изменчивая память. Потому Киевский филиал Института Тараса Шевченко решил обследовать те села, которые посещал Шевченко во время своих поездок, и записать осколки давних крестьянских преданий о поэте. Филиал обратился к ряду своих корреспондентов, которые охотно фотографируют места пребывания Шевченко и собирают местные предания. Некоторый, далеко не полный материал уже есть в нашем распоряжении. Материал этот, разумеется, имеет неодинаковую ценность, но он наглядно показывает, какой образ своего певца усвоили крестьянские массы, преимущественно потомки бывших крепостных. Приведем несколько образцов, а затем вернемся к их оценке.

1. Я видел Шевченко как вот вас. В тот год воля вышла. У нас, в Келеберде, как раз был храм (на Троицу). Я еще мальчишкой был тогда и зашел к своему тестю, Никифору Светличному. Он был помещичий, им как раз бумаги о воле раздавали. А тут вдруг какой-то чужой человек — красивый, молодой — что-то рассказывать стал. Шел этот человек дорогой и спрашивает тестя: «Нельзя ли пообедать?» Тесть и дал ему пообедать. Одет он был в простой серяк, в ботиночках... Это и был Тарас Шевченко. Тесть возьми да и покажи ему ту бумагу, что ему от помещика, господина Панютина, дана была. Шевченко говорит: «Береги эту бумагу, никому не показывай, а то беда тебе будет». А брат моего тестя пошел к Панютину, да и показал эту бумагу. Панютин велел им порвать ее. Они и порвали... Вот, немного погодя, пошел тесть на базар в Канев, а в Каневе Тарас бродил. Тарас и спрашивает: «А где ж бумага?» — «Порвал», — говорит тесть. «Дурень же ты: та бумага еще пригодилась бы вам», — так сказал Тарас.

А когда обедал, то показывал на Чернечью гору и сказал: «Вот та гора — видишь, — там Тарас будет похоронен». Тестю и невдомек, о ком это он говорит, а тут через три года его там и хоронили. Много келебердян ездило на похороны. Я там не был, не нашлось лодки

(Келеберда на левом берегу Днепра.— А. Д.), а отец с тестем ездили. Говорили, что каневские девчата вынесли гроб на самую гору, а народу было — страх (записано мною в с. Келеберда Гельмязевского района от Никиты Кривошеи, род. в 1847 г.).

2. Видел я Шевченко целый год чуть не каждый день. Я тогда пастухом был и пас скот под Максимовичевой горой. Шевченко при-

Т. Г. Шевченко
Автопортрет
Масло. 1861

ходил к нам, пастухам, гостинцы давал, а мы ему танцевали. Жил он у Максимовича, отличался от других людей — простой такой, с людьми хорошо обходился. Бывало, забредет скотина в шкоду к Максимовичам, так Шевченко просит Максимовича не сердиться на людей. Шевченко любил собирать старух, девчат для песен и сказок. Бабу Московчиху Василину особенно часто звал Шевченко. Она много знала старинных сказок и песен. Люди очень уважали Шев-

ченко, потому что он, бывало, и малого не пропустит, чтобы не поздороваться, шапку не снять. Не успеешь перед ним первым шапку скинуть. Под дубом, который и сейчас есть, он каждый день сидел да все что-то писал. По праздникам они, бывало, с Максимовичем соберут человек 30—40: люди поют, а они записывают. Шевченко рассказывал, что потом будет на свете, часто забавлялся с детворой. Его и малыши любили. Бывало, накупит конфет, соберет детвору и рассыпает конфеты, а дети подбирают. Как мать дитя любит, так Шевченко любил детей, особенно маленьких — лет трех. Возьмет, бывало, такого ребенка, обласкает, гостинцев надает, играет с ним, а дети к нему так и липли. Иной раз люди удивлялись, что вот он такой умный, а с детьми возится (записано прохоровским учителем С. Деревой в с. Прохоровке того же района от Пушкаря Пантехи, 86 лет, бывшего крепостного).

3. ...В Качановке он не застал Василия Васильевича (Тарновского, у которого действительно бывал Шевченко.— А. Д.). Все что-то писал и рисовал под дубом. Я тогда был еще неграмотный и не знал, что такое он там делает. Под дубом этим Василий Васильевич повесил бронзовый портрет. Ухаживал за Надеждой Васильевной, сестрой Василия Васильевича (отца). На село, я не видел, чтобы ходил. Мужики (рассказчик принадлежал к помещичьей дворне.— А. Д.) о нем долго ничего не знали... (записано студенткой Киевского института народного образования т. Пелешук в с. Влазовке, близ Качановки, бывшего Борзнянского уезда от Опанаса Пелешука, род. в 1845 г.).

4. Было это давно, еще в крепостные времена. Малый Иржавец (так называется наша деревня) принадлежал тогда мелкому помещику Зализку... Однажды, как раз в жнива, выгнали нас хлеб жать в поле (в обеденное время.— А. Д.)... Вдруг видим, по Киевской дороге какой-то человек идет и прямо к нам. Подошел он к людям — плотный, одет хорошо — поздоровался с нами и попросил разрешения в холодке присесть... Немного погодя, слово по слову, разговорились мы с этим человеком.

— Откуда же вы идете, куда и зачем? — спросил кто-то из жнецов.

— Да вот, иду из Киева, а куда — куда придется, а зачем — срисовываю церкви старые, дома, а может, и что интересное услышу от старых людей, то и запишу себе на памятку.

(Далее рассказывается, как барский приказчик стал гнать людей, чтобы за работу брались, а Шевченко их оборонял, как приехал помещик и пустился догонять Шевченко, но тот куда-то исчез (пересказано В. Степаненко из с. Полствин, Каневского района, со слов Андрея Кутового, слышавшего от покойной бабки).

Эти и подобные предания часто расходятся с действительными фактами или немилосердно путают хронологию... Однако не в хронологической и биографической точности их сила: они еще раз доказывают такую близкую связь украинского поэта с народными массами, какой не найти во всей мировой литературе.

В издании собраны воспоминания о Т. Г. Шевченко его современников. Мемуары охватывают весь жизненный путь поэта с детских лет до последнего дня и дают представление о его жизни и творчестве в контексте общественно-освободительного движения, а также развития литературы и искусства на Украине и в России в середине XIX столетия. Из большого числа ныне известных воспоминаний в книгу вошли все наиболее важные. По сравнению с предыдущими изданиями («Биографія Т. Г. Шевченка за спогадами сучасників». — К., 1958»; «Спогади про Шевченка» — К., 1958»; «Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников» — М., 1962) в сборник включено несколько новых мемуаров. Все тексты сверены с первыми публикациями или автографами; если последние сохранились. Выявленные при этом опечатки, явные описки мемуаристов и т. д. исправлены без оговорок. Некоторые фактические неточности отмечены в примечаниях. Как правило, воспоминания печатаются полностью. Лишь иногда опущены недостоверные или малозначительные детали, материалы, не мемуарные по характеру или же не относящиеся к Шевченко. Сокращения обозначены отточиями.

Воспоминания размещены в хронологическом порядке, те из них, которые охватывают несколько периодов жизни Шевченко, отнесены ко времени наиболее тесного общения с мемуаристом. При этом сохранены некоторые неизбежные совпадения, повторения. Авторские примечания приводятся в подстраничных сносках под текстом. Здесь же дается перевод иностранных слов и выражений.

Примечания содержат сведения о печатных или рукописных источниках, по которым печатаются воспоминания, справки о мемуаристах, историко-литературный, реальный, библиографический комментарий к тексту. При их написании использованы «Шевченківський словник», «Літопис життя і творчості Т. Г. Шевченка» В. Анисова, Е. Середы, «Літа невольничі» та «Іхав поет із заслання...» Л. Большакова, «Третя зустріч» і «Шевченківський Петербург» П. Жура, «Коментар до «Кобзаря» Шевченка. Поезії до заслання»; «Коментар до «Кобзаря» Шевченка. Поезії 1847—1861 рр.» Ю. Ивакина; прежние издания воспоминаний о Шевченко и целый ряд других трудов. Ссылки на литературные произведения Шевченко даются по изданию — *Тарас Шевченко. Повне зібрання творів: У 6 т.* — К.: 1963—1964 (том и страница обозначаются в тексте арабскими цифрами), на живописные — по изданию: *Тарас Шевченко. Повне зібрання творів: У 10 т.* — К., 1951—1964. — Т. VII—X (том обозначается римской цифрой).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ В ПРИМЕЧАНИЯХ

ГМШ — Государственный музей Т. Г. Шевченко (Киев).

ИЛ — Отдел рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко

АН УССР.

ИРЛИ АН СССР — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР.

ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР.

ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград).

ЦНБ АН УССР — Отдел рукописей Центральной научной библиотеки АН УССР.

А. М. Лазаревский

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА

(С. 19—26)

Впервые опубликовано в ж. «Основа» (1862.— № 3.— С. 1—10, вторая пагинация), откуда в 1863 году воспоминания перепечатаны под заглавием «Детский возраст Шевченко» в ж. «Вечерниці» (№ 7.— С. 55—56; № 8.— С. 63—64; № 9.— С. 71—72). Печатаются по первой публикации.

Лазаревский Александр Матвеевич (1834—1902) — украинский историк. Познакомился с Шевченко в 1858 году в Петербурге, переписал некоторые его произведения в «Большую книжку», ухаживал за поэтом, когда тот болел, принимал участие в перевозе его тела на Украину. «Кобзарь» 1860 года с дарственной надписью Шевченко А. М. Лазаревскому хранится в ГМШ. Одним из первых начал собирать материалы к биографии Шевченко, прежде всего воспоминания современников.

Сошенко Иван Максимович (1807—1876) — художник, учитель рисования Второй киевской гимназии, друг Шевченко, с которым он познакомился в 1836 году в Петербурге, когда учился в Академии художеств. Первый обратил внимание на художественное дарование Шевченко, заинтересовал его судьбой Е. Гребенку, В. Григоровича, А. Мокрицкого, а через их посредничество — К. Брюллова, который с помощью В. Жуковского и М. Виельгорского организовал выкуп Шевченко из крепостной неволи. Воспоминания Сошенко о поэте записал и опубликовал М. Чалый: *Сава Ч.* Новые материалы для биографии Т. Г. Шевченка (Основа.— 1862.— № 5.— С. 45—61; № 6.— С. 1—27). Со временем Чалый изложил их также в своем критическом очерке «Иван Максимович Сошенко» (К.,—1876.— С. 31—41).

...Мы пользовались запискою о детстве поэта, сообщенною нам Варфоломеем Григорьевичем Шевченком... — Шевченко Варфоломей Григорьевич (1821—1892) — троюродный брат и свояк Шевченко (на его сестре Матрене был женат младший брат поэта Иосиф). Упоминаемая здесь «записка» (воспоминания) В. Шевченко о детских годах поэта не сохранилась. Со временем В. Шевченко опубликовал воспоминания о Т. Шевченко в львовском журнале «Правда» (1876.— № 1—2).

...рассказами сестры поэта Ирины Григорьевны.— Ирина Григорьевна (1816—1865) — родная сестра Т. Шевченко, жена кирилловского маляра Ф. Бойко. Кроме А. Лазаревского, ее воспоминания о Шевченко записал также М. Чалый.

О раннем своем детстве поэт вспоминает в одном из великорусских рассказов («Княгиня»)... — Далее впервые приводится отрывок из повести Шевченко «Княгиня». Текст отрывка несколько подправлен (см.: Т. 3.— С. 175).

Но со смертью ее... — Мать Шевченко Катерина Акимовна умерла 20 августа 1823 года, на сороковом году жизни.

По смерти жены у Шевченка-отца осталось пятеро детей: Никита, Катерина, Тарас, Ирина и Осип.— Не упомянута здесь дочь Мария (род. в 1819 г., в трехлетнем возрасте ослепла от трахомы, умерла около 1846 г.), Никита — старший брат Шевченко (род. в 1811 г.), Катерина — старшая сестра (род. в 1804 г., вышла замуж в соседнее село Зеленую Дубраву за крепостного А. Красицкого), Иосиф — младший брат (род. в 1821 г.).

...в семью Шевченков вошла мачеха.— 7 октября 1823 года Г. И. Шевченко женился во второй раз на вдове Оксане Антоновне Терещенко (род. в 1786 г.) и перевез ее с тремя ее детьми из с. Моринцы к себе в Кирилловку. В 1825 году, после смерти Г. И. Шевченко, О. А. Терещенко вернулась в Моринцы.

...розгами, щедро посыпавшимися из рук его дяди... — Дядя поэта — Шевченко Павел Иванович (род. в 1797 г.), после смерти Г. И. Шевченко стал опекуном его детей. Сестра поэта Ирина характеризовала его М. Чалому как «большого палачищу». После смерти отца Тарас некоторое время жил у него.

...был отдан отцом к мещанину Губскому на выучку. — Речь идет о первом учителе Шевченко Василии Ивановиче Губском, который вместе с братом Максимом получил вольную, стал мещанином. Губские были добрыми знакомыми отца и деда Шевченко. Когда в 1834 году управляющий кирилловским имением П. В. Энгельгардта Бесядовский возбудил дело о восстановлении их крепостной зависимости, дед поэта И. А. Шевченко выступил как свидетель в защиту прав братьев Губских и составил так называемую «роту присяги».

Отец... умирая (1825 г.) высказал... — Г. И. Шевченко умер 31 марта 1825 года.

...отдан был в школу к сельскому дьяку Бугорскому... — Богорский (а не Бугорский) Петр (Пролютий) Федорович (род. в 1803 г.) был дьяком в Кирилловке с 1824 по 1836 год.

Потом перешел он к священнику Нестеровскому... — Это единственное и никакими другими материалами не подтвержденное свидетельство об обучении Шевченко письму у кирилловского священника Ивана Федоровича Нестеровского.

Она умерла в первую холеру (1830). — Дата смерти Катерины Григорьевны Красицкой не установлена, но умерла она не в 1830 году, а значительно позже — около 1848 года. Шевченко виделся с ней во время приезда на Украину в 1843 и в 1845 годах. После возвращения поэта из ссылки он в живых ее уже не застал.

...беседа деда, живого свидетеля Коліивщини... — Колиивщина — восстание гайдамаков на Правобережной Украине 1768 года, воспетое Шевченко в поэме «Гайдамаки». Дед поэта Иван Андреевич Шевченко (1761—1849) любил рассказывать о Колиивщине. Об этих рассказах Шевченко с трогательной благодарностью вспоминает в эпилоге поэмы «Гайдамаки». Умер И. А. Шевченко не на 115-м, как утверждается далее, а на 88 году.

Г. В. Бондаренко

НЕСКОЛЬКО НОВЫХ ШТРИХОВ К БИОГРАФИИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА

(С. 27)

Впервые напечатано в «Одесском вестнике» (1892.— 2 сент.). Печатается по первой публикации.

Бондаренко Игнат Васильевич — школьный товарищ Шевченко. Позже был церковным ктиторм в с. Кирилловке. Шевченко гостил у него 26 сентября 1845 года.

В. Г. Шевченко

ВОСПОМИНАНИЯ О ТАРАСЕ ГРИГОРЬЕВИЧЕ ШЕВЧЕНКО

(С. 27—37)

Впервые напечатано в ж. «Правда» (1876.— № 1.— С. 23—28; № 2.— С. 64—69). Подписано инициалами В. Г. Ш. В том же году воспоминания переведены и опубликованы на русском языке с предисловием Д. Л. Мордовцева в ж. «Древняя и новая Россия» (Т. 2.— № 5.— С. 83—90). Печатаются по первой публикации.

Шевченко Варфоломей Григорьевич — родственник Шевченко. Служил в конторах по управлению помещичьими поместьями, в частности — во время приезда Шевченко в 1859 году на Украину — у князя П. П. Лопухина, владельца поместья с роскошным дворцом и парком в г. Корсуне, Каневского уезда.

Крицкий рассказал мне...— Крицкий Василий Федорович (1816—1860-е годы), школьный товарищ Шевченко; в 1825—1826 годах они вместе учились у кирилловского дьяка Богорского. Об эпизоде, который так запомнился Крицкому, когда Шевченко-школьник отплатил пьяному дьяку Богорскому за избиение розгами, рассказал и сам поэт в автобиографии.

...у школьного товарища Тараса — Тараса Гончаренко.— Гончаренко был на семь лет младше Шевченко (род. в 1822 г.), поэтому не мог учиться в школе дьячков одновременно с ним. Летом 1859 года, во время последнего приезда в Кирилловку, Шевченко встретился с Гончаренко.

Бойко Федор Кондратьевич (1811—1850-е годы) — муж младшей сестры Шевченко — Ирины, иконописец.

Забела Виктор Николаевич (1808—1869) — украинский поэт-романтик. Учился одновременно с Н. В. Гоголем в Нежинской гимназии высших наук. В 1843 году познакомился в имении Г. С. Тарновского (с. Качановка) с Шевченко. Зимой 1847 года Шевченко посетил его на хуторе Кукуриковщина (Забеловщина), переписывался с ним. Забела сопровождал гроб Шевченко от Борзны до Канева, участвовал в похоронах и оформлении могилы поэта. Воспоминания Забелы о Шевченко записал и опубликовал Н. М. Белозерский. Упомянутое В. Г. Шевченко письмо к поэту, отданное Забеле, не сохранилось.

...в 1844 г. Тарас снова приехал в Кирилловку... — Год указан неточно. До своей ссылки Шевченко побывал в Кирилловке в 1843, 1845 годах.

...приходит ко мне Полевой... — Полевой Николай Алексеевич (1796—1846) — русский писатель, журналист, историк. Шевченко иллюстрировал книги Полевого «История Суворова» (СПб., 1843) и «Русские полководцы» (СПб., 1845). Помещенные в последней из них портреты работы Шевченко положительно оценены В. Белинским.

...прожил у меня месяца два... — поэт находился у В. Г. Шевченко в Корсуне около двух недель.

...не осталось ни одного уголка, не зарисованного им в альбом.— Из корсунского альбома поэта сохранились (ГМШ) только тридцать разрозненных листов. На одном из них изображена хата среди деревьев над речкой и есть надпись Шевченко: «В Корсуне».

...кинули в Петропавловскую крепость...— Шевченко был заточен в 1847 году в казематы внутренней тюрьмы III отделения, находился там почти полтора месяца.

...выслали прямоком за Арал, в солдаты... — Поэт был сослан в Орскую крепость, а потом, в 1850 году, — в Новопетровское укрепление на полуострове Мангышлак. На берегах Аральского моря он пребывал во время Аральской описной экспедиции в 1848—1849 годах.

...офицер... стал просить благословения...— Речь идет об есауле Уральского казачьего войска начальнике Косаральского форта Даниле Черторогове. Этот эпизод описан Шевченко в дневнике и повести «Близнецы».

...Бутаков упросил начальство Тараса... — Бутаков Алексей Иванович (1816—1869) — русский географ и мореплаватель, начальник Аральской экспедиции 1848—1849 годов, в состав которой был включен Шевченко как художник.

Парчевский Никодим Павлович (1812—1867) — помещик, владелец Межиречского поместья, в него входило и село Пекари, Каневского уезда, вблизи которого Шевченко собирался купить участок земли для усадьбы.

...Все письма Тараса я вам выслал... — то есть в редакцию львовского журнала «Правда», где были напечатаны воспоминания В. Г. Шевченко.

Васильчиков Илларион Илларионович (1805—1863) — князь, с 1852 года — киевский, подольский и волынский генерал-губернатор.

...уж не приглянулась ли ему... Н. Шулячивна, как вдруг Шевченко прямо пишет о Харите.— Речь идет о домашней учительнице детей В. Г. Шевченко Шуляк На-

талья Романовне (род. в 1837 г.), на которой советовал поэту жениться В. Г. Шевченко, и его прислуге Харитине Васильевне Довгополенко (по мужу — Гриненко, род. в 1841 г.).

...нашел себе какую-то Лукерью, привезенную кем-то в Петербург... — Полусмакова (Полусмак) Лукерья Ивановна (1840—1917), невеста Шевченко. бывшая крепостная Н. Я. Макарова, отпущенная на волю, родом из с. Липового Рога возле Нежина. Служила горничной у сестры Макарова В. Я. Карташевской в Петербурге. Шевченко посвятил ей стихотворения «Ликери», «Л.» («Поставлю хату і кімнату»), нарисовал ее портрет (Т. X.— № 55). Разрывом с Лукерьей навеяно его стихотворение «Барвінок цвів і зеленів». Позже Лукерья вышла замуж за парикмахера Яковлева и жила в Царском Селе, после смерти мужа в 1904 году переехала в Канев. В 1911 году участвовала в ознаменовании пятидесятилетия со дня смерти Шевченко. С ее слов написаны воспоминания о поэте (опубликованы К. Широцим в журнале «Літературно-науковий вісник». — 1911. — № 2. — С. 275—289; в силу их неточности и явной необъективности здесь не перепечатаются).

...пригласил к себе в гости старѣй священник... — Кошиц Григорий Иванович (род. в 1797 г.), у которого Шевченко батрачил в детстве (см. об этом воспоминания П. Г. Лебединцева и Ф. Г. Лебединцева).

...за Тараса вступилась сестра Ярина... — Здесь ошибка. Рассказывая об этом эпизоде в повести «Княгиня», Шевченко связывал его не с Ириной, своею младшею (на два года) сестрой, а со старшей сестрой — Катериной.

П. Г. Лебединцев

ТАРАС ГРИГОРЬЕВИЧ ШЕВЧЕНКО

(Некоторые дополнения и поправки к его биографии)

(С. 38—42)

Впервые опубликовано в ж. «Киевская старина» (1882.— № 9.— с. 560—567). Подписано криптонимом *Пр. П. Л-в*. Печатается по первой публикации.

Лебединцев Петр Гаврилович (1819—1896) — украинский историк, археолог и церковный деятель, преподаватель Киевской духовной академии, редактор «Киевских епархиальных ведомостей».

...Барин... имел двух сыновей... — у В. Энгельгардта было трое сыновей и две дочери. Старший сын, полковник Андрей Васильевич Энгельгардт (1783—1838), проявил героизм во время Отечественной войны 1812 года; второй — Василий Васильевич Энгельгардт (1785—1837) — также полковник, богач-эпикуриец, женатый на дочке богатого откупщика Кусовникова, известный своими связями с А. Пушкиным (ему посвящено стихотворение Пушкина «Я ускользнул от Эскулапа»); третий — Павел Васильевич Энгельгардт (1798—1849) — штабс-ротмистр, служил адъютантом виленского военного губернатора А. М. Римского-Корсакова. В связи с национально-освободительным польским восстанием 1830 года, которое охватило литовские губернии, губернатор был снят со своей должности и выехал в Петербург; туда отправился и его адъютант, где со временем вышел в отставку в чине полковника. Его характерные черты — ограниченность, наглость, жестокое обращение с крепостными.

Браницкая Александра Васильевна (умерла в 1838 г.) — родная сестра В. В. Энгельгардта, племянница князя Г. Потемкина, была замужем за польским магнатом, коронным гетманом Ксаверием Браницким.

Кушнир Даниил (умер в 1766 г.) — крестьянин, церковный староста Успенской церкви в Млиеве, активный участник борьбы против унии. За сопротивление унии

был казнен вблизи Ольшаной. На основе народных рассказов Шевченко изобразил эти события в поэме «Гайдамаки».

Красицкий Антон Григорьевич (1794—1848) — крепостной крестьянин, 29 января 1823 года женился на старшей сестре Шевченко — Катерине.

Превлоцкий Степан Степанович — живописец из с. Ольшана, Звенигородского уезда, Киевской губернии. У него учился рисованию И. М. Сошенко и известный художник Г. Г. Лапченко.

...законтрактowanego Ширяеву в работники для окраски крыши и заборов. — У художника-декоратора цехового мастера Василия Григорьевича Ширяева (род. в 1795 г.) Шевченко такую работу, очевидно, мог делать лишь вначале. Позже, убедившись в том, что его ученик талантлив, Ширяев учил его декоративной живописи. Шевченко участвовал в работах по оформлению помещений сената, синода, Большого петербургского театра и других частных и общественных зданий.

Арсений (Москвин Федор Павлович, 1795—1876) — архиепископ подольский и брацлавский, позже митрополит киевский и галицкий. Шевченко встречался с ним во время путешествия 1846 года на Подолье по заданию Археографической комиссии. Позже, после ссылки, Шевченко, введенный в заблуждение якобы просветительской деятельностью митрополита, надеялся, что он будет способствовать распространению и использованию «Букваря южнорусского» (СПб., 1861) в сельских школах. Об этом поэт писал в письме к М. К. Чалому 4 января 1861 года. Но митрополит, по согласованию с обер-прокурором синода, отклонил эту книжку Шевченко как учебное пособие.

Юзефович Михаил Владимирович (1802—1889) — помощник попечителя Киевского учебного округа (1842—1858), вместе с Шевченко состоял в Киевской археографической комиссии. После того, как Кирилло-Мефодиевское общество было раскрыто, непосредственно участвовал в обысках и арестах его членов. В дневнике поэт назвал его предателем.

Галаган Григорий Павлович (1819—1888) — помещик, один из деятелей либерально-буржуазного движения на Украине, знакомый Шевченко. Встречался с ним в 40-х годах в Петербурге и на Украине. В повести «Музыкант» Шевченко изобразил тяжелое положение крепостных в селах, принадлежавших Галаганам. После возвращения из ссылки поэт встречался с Галаганом в Москве и Петербурге у общих знакомых. Галаган приобрел несколько рисунков Шевченко.

Ф. Г. Лебединцев

МИМОЛЕТНОЕ ЗНАКОМСТВО МОЕ С Т. Г. ШЕВЧЕНКОМ И МОИ ОБ НЕМ ВОСПОМИНАНИЯ

(С. 43—50)

Впервые опубликовано под псевдонимом Ф. Лобода в ж. «Киевская старина» (1887. — № 11. — С. 563—577). Печатается по первой публикации.

Лебединцев Феофан Гаврилович (лит. псевдоним Ф. Лобода; 1828—1888) — украинский историк, издатель и редактор ж. «Киевская старина» (1882—1887), опубликовал ряд исследовательских и документальных материалов о поэте.

Не вспоминал он и о... сестре Катерине... — О сестре Катерине Шевченко с большой теплотой вспоминал в повести «Княгиня».

...его блуканье... от отчима к старшей сестре... — Здесь ошибка; нужно «от маечи».

...о портрете генерала, проданном им на вывеску... — Этот вымысел (ходящий анекдот, кем-то отнесенный к Шевченко) повторяло несколько мемуаристов, в частности П. Мартос, П. Селецкий и др. С действительными обстоятельствами выкупа Шевченко из крепостных он не имеет ничего общего. По свидетельству Н. Костома-

рова и М. Лазаревского, Шевченко решительно его отрицал. О том, как возникло у К. Брюллова намерение выкупить Шевченко из крепостной неволи и дать ему возможность учиться в Академии художеств, см. записи в дневнике А. Н. Мокрицкого.

Прочел... «Наймичку» и не поверил Кулишу в его сочиненной истории... — П. А. Кулиш издал в 1856—1857 годах в Петербурге, когда печатать Шевченко было еще запрещено, двухтомный литературно-фольклорный сборник «Записки о Южной Руси», во втором томе которого, не раскрывая авторства Шевченко, опубликовал его поэму «Наймичка» — как произведение якобы анонимное, случайно найденное издателем в альбоме панночки-хуторянки. Оставил воспоминания о Шевченко, Характеристику взглядов, деятельности и творчества Кулиша см. в примечании на с. 495—496.

...после известной катехизации с зернами... — Имеется в виду наглядный способ агитации Шевченко среди крестьян. Поэт брал горсть гороха или какого-нибудь зерна: пшеницы, ржи. Одно зерно клал на стол и говорил: «Это царь»; клал еще несколько вокруг: «А это баре», — а тогда, засыпая все это горстью зерна, говорил: «А это мы, громада, люди простые. Ищите теперь царя и господ! Где они?»

Ботвиновский Ефим Георгиевич — священник киевской Святотроицкой церкви. Познакомился с Шевченко в начале августа 1859 года у киевского художника и фотографа, товарища Шевченко по обучению в Академии художеств — И. Гудовского.

...о задуманном... издании «Основы»... — «Основа» — первый украинский общественно-политический и литературный журнал. Выходил в Петербурге в 1861—1862 годах. В его подготовке Шевченко принимал активное участие. В «Основе» печатались произведения Шевченко, Марко Вовчок, С. Руданского, Л. Глебова, А. Свидницкого и др.

Думитрашко Константин Данилович (1814—1866) — украинский поэт и переводчик, профессор Киевской семинарии. Автор поэтического сборника поэзий «Бандурист», поэмы «Жабомишодраківка» («Батрахомиомахия», 1859), балад, песни «Черные брови, карие очи».

Сарти Джузеппе (1729—1802) — итальянский композитор, с 1784 года — придворный капельмейстер в Петербурге.

Иванишев Николай Дмитриевич (1811—1874) — украинский историк права, профессор, а в 1862—1865 годах — ректор Киевского университета. Один из основателей Временной комиссии для разбора древних актов, в которой в должности художника состоял Шевченко. Летом 1846 года осуществлял раскопки могилы Перепять вблизи Фастова на Киевщине, в них принимал участие Шевченко.

...летний парусинный костюм его... до селе хранится у меня... — Теперь находится в Литературно-мемориальном доме-музее Т. Шевченко в Киеве.

М. К. Чалый

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА

(С. 50—66)

Впервые опубликовано под псевдонимом Сава Ч. в ж. «Основа» (1862.— № 5.— С. 45—61; № 6.— С. 1—27), первая часть датирована: «Апрель 1862 г.», вторая — «26 февраля 1862 г.». С некоторыми отличиями помещено в кн.: «Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников» (М., 1962.— С. 46—50). Печатается по первой публикации.

Чалый Михаил Корнеевич (1816—1907) — украинский общественно-культурный деятель. С Шевченко познакомился в 1859 году в Киеве, друг Сошенко, записал его воспоминания о поэте. Одним из первых начал собирать мемуарные, эпистолярные и другие материалы о Шевченко, издал книгу «Жизнь и произведения Тараса

Шевченка. Свод материалов для его биографии» (К., 1882) — одну из первых биографий поэта. Шевченко называл Чалого своим «большим приятелем» (Т. 6.— С. 273), переписывался с ним.

...отдан в науку к комнатному живописцу в Варшаве.— О пребывании Шевченко в Варшаве и обучении его там у комнатного живописца документальных свидетельств нет.

...Тарас был отдан к... портретисту... Лампи.— Йоганн-Батист Лампи — сын (1775—1837) — художник-портретист. Некоторое время с зимы 1829 до июня 1830 года жил в Вильно, рисовал портрет Софии Григорьевны Энгельгардт. Возможно, Шевченко сопровождал ее и на сеансы в мастерскую Й.-Б. Лампи. Об обучении Шевченко у этого художника или у его брата Франца Лампи (1783—1852), жившего в Варшаве, достоверных сведений нет.

...познакомился с одною хорошенькою швейей...— Ядвига (Дзюней) Гусиковской, «Милую Дуню, чернобровую Гусиковскую» Шевченко вспоминал в дневнике (5 сентября 1857 г.).

...Тарас отправлен в столицу по этапу... — Эта маловероятная версия известна также из воспоминаний В. Забелы, записанных Н. Белозерским.

«Когда я был в «гипсовых головах» или... уже в «фигурах»... — В Академии художеств было два так называемых гипсовых класса; в одном из них ученики рисовали со слепков головы античных статуй, в другом — с гипсовых фигур.

Тарас на другой же день, в воскресенье, отыскал мою квартиру в 4-й линии и явился... — Иначе изображена встреча с И. Сошенко в повести Шевченко «Художник», где некоторые эпизоды и обстоятельства жизни поэта претерпели определенную художественную трансформацию. В ней безымянный рассказчик, в котором легко угадывается Сошенко, покровитель юного крепостного художника, то есть Тараса Шевченко, вспоминает об их случайной встрече в Летнем саду. Однако следует иметь в виду, что в повести Шевченко, прибегая к домыслу, положил в основу описанного эпизода встречи с Сошенко хорошо известное ему событие, происшедшее в 1831 году не с ним, а с одним из его ближайших друзей — В. Штерибергом и живописцем М. Лебедевым. См. об этом в кн.: *Т. Г. Шевченко: Биография.*— К., 1984.— С. 38—40.

Гребенка Евгений Павлович (1812—1848) — украинский поэт, воспитанник Нежинской гимназии высших наук. С 1834 года жил в Петербурге, преподавал во втором кадетском корпусе и Дворянском полку. У Гребенки собирался кружок литераторов и художников, с которыми познакомился и Шевченко. Гребенка содействовал самообразованию Шевченко, давал ему книги, был причастен к организации его выкупа из крепостных. Он привлек Шевченко к участию в своем альманахе «Ластівка» в качестве автора и своего помощника-соредактора, помогал ему издать «Кобзарь» (СПб., 1840), в котором поэт посвятил Гребенке стихотворение «Перебендя».

Венецианов Алексей Гаврилович (1780—1847) — русский художник, один из основоположников бытового жанра в русской живописи, академик Академии художеств. В его частной рисовальной школе учились одаренные художники из народа. Шевченко с Венециановым в 1837 году познакомил Сошенко. С теплым чувством изображен Венецианов в повести Шевченко «Художник».

Претрель Степан Осипович (род. в 1808 г.) — дворецкий П. Энгельгардта в Петербурге. Жестоко обращался с крепостными — дворовыми людьми, преследовал Шевченко за вольномыслие.

...из-за границы воротился Брюллов.— Карл Павлович Брюллов (1799—1852) — русский художник; вернулся из-за границы в Петербург в конце мая 1836 года.

Виельгорский Михаил Юрьевич (1788—1856) — композитор и музыкальный деятель. Участвовал в организации лотереи, в которой был разыгран портрет Жуковского работы Брюллова. Вырученные деньги были употреблены на выкуп Шевченко из крепостного состояния.

...вскоре портрет Жуковского был у него готов.— Ко времени проведения лотереи портрет Жуковского закончен еще не был. Но в апреле 1838 года его все же разыграли в лотерею. Выиграла портрет царица Александра Федоровна и тогда же подарила наследнику, чьим воспитателем был Жуковский. На протяжении нескольких лет портрет оставался в мастерской Брюллова, продолжавшего над ним работать. После смерти Брюллова портрет попал в коллекцию В. А. Кокорева, от него поступил в Третьяковскую галерею в Москве. Теперь хранится в ГМШ.

Пешехонов Макар Самсонович — петербургский художник-иконописец. В 1848—1849 годах участвовал в реставрационных работах в Софийском соборе в Киеве.

Безлюдный Андрей Семенович (умер в 1835 г.) — живописец и литограф. Бывший крепостной графа Г. Д. Шереметьева. Пансионер Общества поощрения художников. Общество способствовало освобождению его из крепостных.

...в него ... вселился светский бес.— Сошенко недооценивал, что после выкупа из крепостной неволи Шевченко, с большой пользой для своего творческого развития, посещал театры, концерты, литературные и музыкальные кружки, где собирались прогрессивные жители столицы — литераторы, художники, композиторы, актеры.

Мария Яковлевна — Мария Яковлевна Европеус (род. около 1821 г.) — дочь выборгского бургомистра Якоба Европеуса. Ее считают прототипом Паши в повести Шевченко «Художник»; а также моделью к акварели «Жінка у ліжку» (1839—1840).

И. К. Зайцев

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО УЧИТЕЛЯ

(С. 67)

Впервые опубликовано в ж. «Русская старина» (1887.— № 6.— С. 663—691). В другой редакции отрывок помещен в кн.: «Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников». — С. 45. Печатается по первой публикации.

Зайцев Иван Кондратьевич (1805—1890) — русский и украинский художник-портретист. Сын крепостного художника из Пензенской губернии. В 1831—1837 годах учился в Академии художеств. Был преподавателем рисования в кадетском корпусе, сначала в Петербурге, а потом в Полтаве. Его воспоминания — это единственный мемуарный документ о пребывании Шевченко у Ширяева в начале 30-х годов XIX ст.

Ткаченко Федот Леонтьевич (1819 — около 1885) — украинский художник, педагог. В начале 30-х годов был учеником Ширяева. В декабре 1834 года отпущен помещиком на волю. С 1835 по 1842 год учился в Академии художеств у К. Брюллова. В 1841—1842 годах жил с Шевченко на одной квартире. Получив звание учителя рисования в гимназиях, выехал на Украину. Преподавал рисование и калиграфию в Полтавской гимназии. Переписывался с поэтом. Помогал распространять его «Букварь южнорусский».

А. Н. Мокрицкий

ДНЕВНИК

(Отрывки)

(С. 67—72)

Автограф хранится в отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи, ф. 33, № 33(24). Фрагменты записей о Шевченко печатались в разных изданиях. Полностью опубликовано в 1975 году. Отрывки печатаются по изданию: Дневник

художника А. Н. Мокрицкого. Составитель, автор вступительной статьи и примечаний Н. Л. Приймак. — М., 1975. — С. 113—166.

Мокрицкий Аполлон Николаевич (1810—1870) — живописец и педагог. Закончил Нежинскую гимназию высших наук. Друг Шевченко. Участвовал в организации выкупа его из крепостной неволи. После окончания обучения в Академии художеств был преподавателем в училище живописи, скульптуры и зодчества в Москве, с 1851 года — профессор живописи. Возвратясь из ссылки, Шевченко встречался с ним в Москве и Петербурге.

Краевский Андрей Александрович (1810—1889) — издатель, журналист. С 1839 года издавал журнал «Отечественные записки», в котором отдел критики и библиографии возглавлял В. Белинский.

Михайлов Григорий Карпович (1814—1867) — художник, бывший крепостной, ученик Венецианова, вместе с Шевченко учился в Академии художеств у К. Брюллова. В 1855 году получил звание академика, в 1861 — адъюнкт-профессора Академии художеств.

Он послал меня за Василием Ивановичем... — Григорович Василий Иванович (1786—1865) — историк искусств. Профессор (с 1828 г.) и конференц-секретарь (1829—1859) Академии художеств. В 1829-1854 годах был секретарем Общества поощрения художников. С его позволения, будучи еще крепостным, Шевченко посещал рисовальный класс общества. Григорович участвовал в освобождении поэта из крепостной неволи. В знак благодарности поэт посвятил Григоровичу поэму «Гайдамаки».

...отправился я к Кандыбе... — Вместе с Мокрицким в Нежине в 1820-х годах учились три брата — Петр (род. в 1816 г.), Андрей (род. в 1817 г.) и Александр (род. в 1819 г.) Кандыбы.

Дементьев Иван Тимофеевич (умер в 1884 г.) — чиновник в сенате, у которого в Петербурге бывал Шевченко вместе с художниками С. А. Рымаренко, А. Н. Мокрицким, А. В. Тырановым и др.

Трипольский Виктор Андреевич — близкий друг А. Мокрицкого.

Вандик — Ван Дейк Антонис (1599—1641), фламандский живописец, мастер портрета, автор картин на библейские и мифологические сюжеты. Шевченко упоминал его в повести «Художник».

Рубенс Питер-Пауэл (1577—1640) — фламандский живописец, автор картин на мифологические, религиозные и аллегорические темы. Шевченко упоминал Рубенса в повестях «Художник» и «Прогулка с удовольствием и не без морали».

Веласкес Родригес де Сильва Диего (1599—1660) — испанский живописец. Автор жанровых картин и портретов. Шевченко упоминал его в повести «Художник».

Рени Гвидо (1575—1642) — итальянский живописец, представитель академизма. Один из любимых художников К. Брюллова. Шевченко неоднократно упоминал этого художника в повестях и дневнике.

Карраччи Аннибале (1560—1609) — итальянский живописец и гравер болонской школы. Автор картин на библейские, мифологические, аллегорические сюжеты, а также пейзажей.

Пуссен Никола (1594—1665) — французский живописец, представитель классицизма. Автор картин на исторические, мифологические, библейские и литературные сюжеты. У Ширяева были гравюры произведений Пуссена, о чем вспоминал Шевченко в повести «Художник».

Ван дер Мейер Я. — голландский художник.

Рейсдал Якоб ван (1628 или 1629—1682) — голландский живописец-пейзажист. Шевченко упоминал его произведения в повестях «Близнецы» и «Прогулка с удовольствием и не без морали».

Поттер Поль (1625—1654) — голландский художник-пейзажист.

Лоррен Клод (настоящее имя и фамилия — Клод Желле; 1600—1682) — французский живописец, мастер классицистического пейзажа.

Корреджо (настоящее имя Аллегри Антонио; около 1489—1534) — итальянский живописец периода Возрождения. Шевченко упоминал его в повести «Художник».

Петровский Петр Степанович (1813—1842) — русский художник, друг Шевченко. Учился вместе с ним у К. Брюллова. Шевченко часто бывал в семье Петровских. Сестре Петровского, Прасковье Степановне, он посвятил балладу «Тополя».

«*Пертская красавица*» — роман Вальтера Скотта (1771—1832). Шевченко хорошо знал творчество этого английского писателя, называл в своих повестях, кроме «Пертской красавицы», также его романы «Антикварий», «Вудсток», «Замок Кинельворт», «Квентин Дорвард». Романы Вальтера Скотта с 20-х годов XIX столетия нередко переводились в России.

Путяга Николай Васильевич (1802—1877) — писатель, публицист, знакомый В. Жуковского, П. Вяземского, Е. Баратынского, А. Пушкина.

...его высочество... — великий князь Александр Николаевич (1818—1881), наследник престола; в 1855—1881 годах император Александр II; был убит народовольцами в Петербурге.

Штернберг Василий Иванович (1818—1845) — художник, один из ближайших друзей Шевченко. Некоторое время они жили на одной квартире в Петербурге. В 1839 году Штернберг, по приглашению В. Даля, посетил Оренбургский край, откуда привез много художественных работ, в которых отобразил природу Казахстана, жизнь и быт местного населения. Умер в Италии от туберкулеза. Шевченко создал привлекательный образ Штернберга в повестях «Художник» «Музыкант», «Прогулка с удовольствием и не без морали».

...портрет Салтыковой... — княгини Е. П. Салтыковой (урожд. графини Строгановой). Хранится в Государственном Русском музее (Ленинград).

Даль Владимир Иванович (лит. псевд. — Козак Луганский; 1801—1872) — русский писатель, лексиколог, фольклорист и этнограф, по профессии врач. В 1835—1841 годах чиновник особых поручений при оренбургском военном губернаторе В. А. Перовском. Позже был управляющим удельной конторой в Нижнем Новгороде, где встречался с Шевченко.

Прокопович Николай Яковлевич (1810—1857) — товарищ Мокрицкого по Нежинской гимназии высших наук, близкий друг Гоголя, знакомый Белинского. Поэт и педагог. С 1839 года преподавал русский язык в Первом кадетском корпусе в Петербурге.

Трейбер — возможно, здесь ошибка. Очевидно, речь идет о генерал-майоре Шрейбере Иване Петровиче (1794—1861), который был командиром 2-й бригады 23-й пехотной дивизии, входившей в Отдельный оренбургский корпус. Возглавлял военные отряды во время степного перехода Аральской описной экспедиции от Орска до Раима, в которой участвовал Шевченко. По его желанию 12 мая 1848 г. Шевченко нарисовал и подарил ему акварель «Пожар в степи» (хранится в ГМШ).

Я вспомнил про альбом Гребенки... — Альбом Е. П. Гребенки с рисунками и автографами друзей (хранится в Отделе рукописей ЦНБ АН УССР).

Белозерский Николай Данилович (1800—1879) — помещик Черниговской губернии. Встречался с Шевченко в Борзне. О нем поэт так вспоминал в дневнике: «Этот филантроп-помещик так оголил своих крестьян, что они сложили про него песню:

А в нашего Білозера
Сивая кобила,
Бодай же його побила
Лихая година...

Наивное. невинное мщенье!»

Кукольник Нестор Васильевич (1809—1869) — русский писатель-драматург реакционного направления. Знакомый Шевченко. Тарас Григорьевич с иронией и неприязнью вспоминал о нем в повестях «Капитанша» и «Художник».

Бастиан — лицо не установленное.

Соколовский Владимир Игнатьевич (1808—1839) — поэт, был близок к Герцену и Огареву, знакомый Кольцова. Глинка имел намерение написать оперу по либретто Соколовского.

..пошел к Василию Ивановичу... — В. И. Григоровичу.

Лагода Антон Иванович (1816—1876) — чиновник, отец художницы О. А. Лагоды-Шишкиной, жены художника-пейзажиста И. И. Шишкина. В 1839 году Шевченко нарисовал акварелью его портрет (находится в ГМШ).

Шевченко читал «Анагорета»... — Вероятно, имеется в виду роман «Путешествие младшего Анахарсиса по Греции» французского писателя Жан-Жака Бартеlemi (1716—1795). О чтении этого романа у Брюллова Шевченко вспоминал в повести «Художник».

Я показал ему рисунок — «Портрет т-те Клодт». — Речь идет о портрете Ульяны Ивановны Клодт (умерла в 1859 г.), жены скульптора П. К. Клодта.

Я отправился к Бриеру де Мартре... — Бригере де Мартере Карл — знакомый Мокрицкого и Сошенко. Закончил в 1798 году Пажеский корпус. Был слепой и болезненный.

..проспал по милости Шевченки. — Этот эпизод описан Шевченко в повести «Художник».

И. И. Панаев

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

(Отрывок)

(С. 72—73)

Впервые опубликовано в ж. «Современник» (1861.— № 1, 2.— С. 9—11). Отрывок печатается по изданию: *Панаев И. И.* Литературные воспоминания.— М., 1950.— С. 103—105.

Панаев Иван Иванович (1812—1862) — русский писатель и журналист. Выступал под псевдонимом Новый Поэт. С 1847 года вместе с Некрасовым издавал ж. «Современник», который стал трибуной революционных демократов.

Языков Михаил Александрович — директор петербургского стеклозавода, школьный товарищ Панаева. Был в дружеских отношениях со многими литераторами — Белинским, Григоровичем, Герценом, Тургеневым и др.

Комаров Александр Александрович (умер в 1874 г.) — преподаватель литературы в петербургских учебных заведениях, приятель Белинского и Панаева.

Сенковский Осип Иванович (лит. псевдоним Барон Брамбеус, 1800—1858) — русский писатель, журналист реакционного направления. Издатель ж. «Библиотека для чтения», боровшийся с «Современником», выступал против Белинского, Гоголя. Напечатал в журнале свою рецензию на «Кобзарь» Шевченко, в которой, отметив талант Шевченко, упрекал поэта в том, что он писал по-украински. В повести «Капитанша» Шевченко с иронией упомянул о Сенковском-журналисте.

Геннади Григорий Николаевич (1826—1880) — библиограф, редактор собрания сочинений А. Пушкина.

Соболевский Сергей Александрович (1803—1870) — поэт и библиограф, приятель Пушкина, Жуковского и Глинки, автор эпиграмм и экспромтов.

Е. А. Ганненко

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА

(Отрывок)

(С. 74—75)

Впервые опубликовано в ж. «Древняя и новая Россия» (1875.— Т. 2.— № 6.— С. 193—196) вместе с двумя письмами Ф. Л. Ткаченко к Шевченко. Печатается по первой публикации.

Очерк жизни Шевченка, составленный г. Масловым... — В. П. Маслов. Тарас Григорьевич Шевченко / Биографический очерк.— М., 1874.

В церкви полтавской военной гимназии есть образ царицы Александры, рисованный Шевченком... — Оригинал не сохранился. Репродукция образа экспонировалась на Шевченковской выставке в Москве в 1911 году.

...г. Кулиш нашел поэму «Наймичку» в ...альбоме какой-то уединенной мечтательницы... — Мемуарист повторяет здесь версию, приведенную Кулишом в предисловии к публикации поэмы Шевченко «Наймичка» в «Записках о Южной Руси» (СПб., 1857.— Т. 2.— С. 149—158). Созданная Кулишом версия дала возможность опубликовать поэму, хотя и без указания фамилии Шевченко, произведения которого с 1847 года находились под запретом. См. также примечания к воспоминаниям Ф. Г. Лебединцева.

Г. Н. Честаховский

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

(С. 75—76)

Впервые опубликовано в ж. «Киевская старина» (1895.— № 2.— С. 139—141) с примечанием редакции: «Эту запись нашли в бумагах умершего Г. Н. Честаховского, которые теперь находятся в собрании В. В. Тарновского». Рассказ Шевченко о своем обучении в Академии художеств и дружбе с Штернбергом и Брюлловым Честаховский написал в конце жизни поэта. Точная дата записи неизвестна. Запись не дословна, сделана по памяти вскоре после рассказа поэта. Языку ее автора присущи особенности, свойственные языку Шевченко, Честаховского. Запись не окончена. Печатается по первой публикации.

Честаховский Григорий Николаевич (1820—1893) — украинский художник. Познакомился с Шевченко в 1858 году в Петербурге, часто виделся с ним в последние годы его жизни. Печатаемая запись Честаховского, редакция журнала «Киевская старина» в примечании характеризовала этого художника как одного «из небольшого круга приятелей Т. Г. Шевченко в последние два года его жизни». Честаховскому принадлежит описание рисунков, офортов и вещей Шевченко, оставшихся после его смерти. Весной 1861 года Честаховский сопровождал (вместе с А. Лазаревским) гроб с телом поэта из Петербурга в Киев и из Киева в Канев, был одним из организаторов похорон его на Чернечьей горе возле Канева. Здесь он привлекался к ответственности за «подстрекательские разговоры» среди крестьян.

Ф. П. Пономарев

ТАРАС ГРИГОРЬЕВИЧ ШЕВЧЕНКО (1814—1861 гг.)

(С. 77—78)

Впервые опубликовано в ж. «Русская старина» (1880.— № 3.— С. 589—591) с примечанием редактора: «О времени пребывания Т. Г. Шевченко в академии при-
видим не публиковавшиеся еще воспоминания бывшего его товарища Ф. П. Понома-

рева (сообщенные редакции «Русской старины» 25 августа 1879 года)». Печатается по первой публикации.

Пономарев Федор Павлович (1812—1884) — русский художник-медальер. В 1837—1844 годах вместе с Шевченко учился в Академии художеств. После окончания ее работал на гранильном мраморном заводе в Екатеринбурге (теперь Свердловск). Воспоминания Ф. П. Пономарева не лишены неточностей, противоречий.

Он жил на Острове, в 5-й линии, дом Аренста... — Шевченко жил тогда на 7-й линии Васильевского острова в доме, принадлежавшем Генриетте Ивановне Аренс (теперь 7-я линия Васильевского острова, 4).

...во время тяжкой своей болезни... — Шевченко болел тифом с конца 1839 до начала февраля 1840 года.

...написал с себя масляными красками портрет... — Этот автопортрет находится сейчас в ГМШ. Гравюра с него, выполненная на дереве в 1879 году Л. А. Серяковым (1824—1881) по рисунку К. О. Брожа (1836—1901), была репродуцирована в том же номере журнала «Русская старина», где помещены и воспоминания Ф. П. Пономарева.

...подаренный мне торс св. Севастьяна... — Этот академический этюд Шевченко был передан внучкой Ф. П. Пономарева Т. П. Антипо в Русский музей. Сейчас он экспонируется в Мемориальной мастерской Т. Г. Шевченко в Академии художеств (Ленинград). По новой атрибуции называется «Натурщик в позе Марсия».

...над программу «Агарь в пустыне»... — За эту картину Петровский получил золотую медаль в 1841 году и был отправлен Академией художеств для продолжения обучения в Рим, где через год умер.

...в приискахи большой птицы для скопирования крыльев ангела. — Приведенный далее эпизод с гусакom вызывает сомнение. На картине П. Петровского «Агарь в пустыне» (масло, 1841. Государственная Третьяковская галерея) ангела нет. На ней лишь две фигуры — Агари и ее сына Измаила. Ангел написан на другой картине П. Петровского — «Явление ангела пастухам» (масло, 1839, Череповецкий краеведческий музей). Кроме того, эпизод с гусакom Пономарев в недатированном письме к скульптору Н. А. Рамазанову вообще связывал не с Шевченко, а с Г. К. Михайловым, хотя неизвестно, насколько правомерно.

П. И. Мартос

ЭПИЗОДЫ ИЗ ЖИЗНИ ШЕВЧЕНКА

(С. 78—81)

Впервые опубликовано в ж. «Вестник Юго-Западной и Западной России» (1863.— Т. 4.— № 10 (апрель).— С. 32—42). Подписано криптонимом *П. М.-с.* Печатается по первой публикации.

Мартос Петр Иванович (1811 — ок. 1880) — помещик Лохвицкого уезда, Полтавской губернии, отставной штабс-ротмистр. В 1822—1827 годах учился в Нежинской гимназии высших наук, учениками которой в то время были также Н. Гоголь, Е. Гребенка, Н. Кукольник, А. Мокрицкий и др. В гимназии Мартос увлекался вольнолюбивыми декабристскими идеями, распространял среди гимназистов рукописное стихотворение «Друзья мои, друзья свободы», подписанное — К. Рылеев; вместе с А. Данилевским и Н. Прокоповичем был негласно наказан «по-отечески розгами» и взят «под особо строгий присмотр» за распространение вольнолюбивых стихов Пушкина. После этого наказания Мартос оставил гимназию и поступил на военную службу во 2-й украинский уланский полк. В годы реакции, наступившей после расправы над декабристами, общественные взгляды Мартоса приобрели ретроградные, реакционные черты. Они нашли яркое выражение и в воспоминаниях о Шевченко. Мартос познакомился с Шевченко в 1839—1840 годах в Петербурге, встречался с ним у вос-

питанников Нежинской гимназии высших наук Е. Гребенки, Н. Кукольника и др., а также у Н. Маркевича. Его воспоминания о поэте вызваны появлением в ж. «Основа» (1861. — № 5) статьи-воспоминания Савы Ч. (М. К. Чалого) «Новые материалы для биографии Т. Г. Шевченка». Написанные в пренебрежительном тоне, воспоминания Мартоса проникнуты враждебным отношением к революционно-демократическому направлению поэзии и всей деятельности Шевченко, но содержат и некоторые интересные и ценные сведения о первом петербургском периоде жизни поэта, в частности о выходе в свет в 1840 году на средства Мартоса прославленного «Кобзаря» Шевченко. При этом следует иметь в виду, что свою роль в появлении «Кобзаря» Мартос преувеличил и, наоборот, явно преуменьшил роль Гребенки.

Я просил Шевченка сделать мой портрет акварелью... — Портрет Мартоса работы Шевченко не сохранился или не разыскан. Портрет Мартоса рисовал также С. К. Заряно. Два из них в конце XIX столетия принадлежали дочери Мартоса Н. П. Сиверс.

Квартира его была на Васильевском острове... — В доме Г. И. Аренс Шевченко снимал квартиру в 1839 году вместе с Г. К. Михайловым.

Червоною гадюкою несе Альта вісти... — Строки из поэмы Шевченко «Тарасова ніч».

...в 1840 году напечатал «Кобзаря». — Рукопись первого сборника Шевченко под заглавием «Кобзарь, малороссийские песни и стихотворения» на 20 страницах представил в Петербургский цензурный комитет 7 марта 1840 года Гребенка (ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 27, № 204, л. 7 обор. — 8; ф. 772, оп. 1, № 1298, л. 161). По-видимому Гребенка привлек к изданию и Мартоса в качестве издателя.

Корсаков Петр Александрович (1790—1844) — русский писатель и переводчик, с 1835 года — цензор Петербургского цензурного комитета. Цензировал ряд прижизненных произведений Шевченко: «Кобзарь» — СПб., 1840; «Гайдамаки» — СПб., 1841; «Чигиринский Кобзарь и Гайдамаки» — СПб., 1844; «Гамалия» — СПб., 1844. На «Кобзарь» 1840 года откликнулся рецензией в журнале «Маяк» (1840 — № 6), высоко оценил произведения поэта. Во время следствия по делу о Кирилло-Мефодиевском обществе III отделение выразило недовольство Корсаковым, разрешившим издание «Кобзаря» 1840 года, и намеревалось объявить ему выговор, но выяснилось, что к тому времени Корсаков уже умер.

Добрейший Петр Александрович подписал; «Кобзарь» вышел. — Билет на выпуск «Кобзаря» в свет Корсаков подписал 18 апреля 1840 года, в тот же день, когда напечатанная книга поступила из типографии в цензурный комитет (ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 27, № 272, л. 14, ф. 772, оп. 1, № 1299, л. 38 обор.). В подписанном им экземпляре «Кобзаря» поэма «Тарасова ніч» не имела купюр. Об этом свидетельствует идентичный экземпляр «Кобзаря», хранящийся в научной библиотеке Ленинградского университета, в котором текст «Тарасовой ночи» полный (см. факсимильное издание этого экземпляра, осуществленное в 1962 году издательством АН УССР). Мартос как издатель «Кобзаря» получил из типографии экземпляры и стал их раздирать еще до того, как цензор Корсаков подписал билет на выпуск книжки в свет. Так, еще 13 апреля он отослал экземпляр «Кобзаря» Н. Маркевичу. 24 апреля 1840 года на вечеру у Н. Маркевича на «Кобзарь», его издателя и автора резко напал Н. Кукольник. «А Кукольник, — записал в тот же день в дневник Маркевич, — уже напал на Мартоса, критиковал Шевченка. Уверял, что направление его «Кобзаря» вредное и опасное. Мартос впадал в отчаяние» (ИРЛИ АН СССР, Отдел рукописей, ф. 488, № 39, л. 41 обор.). Вероятно, испугавшись, Мартос не остановился перед дополнительными расходами на переверстку и погребовал выбросить из «Кобзаря» 1840 года те места, которые могли обернуться против него как издателя книги. Большая часть тиража «Кобзаря» 1840 года вышла в свет с купюрами в поэме «Тарасова ніч» и с большими купюрами в послании «До Основ'яненка».

...был в Петербурге... Тарновский, с которым я познакомил Шевченка... — Тар-

новский Григорий Степанович (1788—1853) — помещик Черниговской губернии, принимал в своем имении Качановке Н. Гоголя, М. Глинку, С. Гулака-Артемовского, Н. Маркевича, В. Штернберга и других деятелей культуры. Незадолго до своего приезда в Петербург побывал в Качановке и Мартос. Но трудно определенно сказать, именно Мартос ли познакомил Шевченко с Г. С. Тарновским. Шевченко мог познакомиться с ним, вероятно, и познакомился несколько раньше через Штернберга. Зимой Г. С. Тарновский в основном жил в Петербурге, где имел собственный дом. Здесь его часто посещал Штернберг. Шевченко написал по заказу Г. С. Тарновского несколько картин (в частности «Катерину»), переписывался с ним, в 1843 году побывал у него в Качановке, в 1845 году — в местечке Поток (Потоки), Каневского уезда, Киевской губернии. В повести «Музыкант» Шевченко хлестко изобразил Тарновского под именем Арновского как крепостника-самодура.

Я свел его с добрейшим Петром Александровичем и в то же время познакомил с ним и Шевченка... — Здесь неточность. Маркевич, как свидетельствует его дневник, познакомился с Корсаковым раньше, чем с Мартосом. Он навещал Корсакова 10 апреля 1840 года, был у него на обеде 19 апреля, а его встреча с Мартосом состоялась только 22 апреля 1840 года (ИРЛИ АН СССР, Отдел рукописей, ф. 488, № 39, л. 37, 39, обор. 41).

...у одного из наших любимых в то время писателей... — Имеется в виду Кукольник Нестор Васильевич. На вечерах Кукольника постоянно бывал Глинка, написавший на его слова много романсов и песен. Вместе с Брюлловым бывал на них и Шевченко. Он встречался с Кукольником также на вечерах у Струговщикова и Маркевича.

Статья «Энциклопедического лексикона» Плюшара не удовлетворила меня. — Речь идет о статье «Барская конфедерация» в 5-м томе «Энциклопедического лексикона» А. Плюшара, изданного в Петербурге в 1835—1841 годах. На эту статью как на исторический источник Шевченко ссылался в примечаниях к первому изданию поэмы «Гайдамаки» (СПб., 1841).

...роман Чайковского... «Wernyhora»... — Чайковский Михал (1804—1886) — польский писатель, один из представителей так называемой украинской школы в польской литературе. В повести «Вернигора» (1838) тенденциозно, в духе шляхетских мемуаров описал Колиивщину. Утверждение Мартоса, будто Шевченко позаимствовал из повести Чайковского едва ли не все содержание своих «Гайдамаков», — явное преувеличение. Создавая поэму в основном по народным преданиям, рассказам своего деда Ивана, свидетеля Колиивщины, Шевченко взял из повести «Вернигора» только отдельные сведения и подробности, не все из которых соответствовали историческим фактам, подчинив их своей собственной, глубоко оригинальной, самостоятельной и самобытной художественной разработке темы Колиивщины, резко отличавшейся от освещения ее польским писателем. Повесть Чайковского является, в частности, источником одного из самых драматических эпизодов поэмы Шевченко, который не соответствует исторической действительности, — сцены убийства Гонтой своих сыновей (раздел «Гонта в Умани»).

Н. А. Маркевич

ДНЕВНИК

(Отрывки)

(С. 81—83)

Автограф хранится в ИРЛИ АН СССР (Отдел рукописей, ф. 488, № 39). Дневник не издан. Отрывки печатаются по автографу.

Маркевич Николай Андреевич (1804—1860) — украинский дворянский историк, поэт, музыкант и этнограф. Автор сборника стихотворений «Украинские мелодии»

(М., 1831) и пятитомной «Истории Малороссии» (М., 1842—1843). Познакомился с Шевченко в апреле 1840 года, встречался с ним до своего выезда на Украину, а потом, в 1844 году, и на Украине. В 1847 году написал музыку к стихотворению Шевченко «Нащо мені чорні брови».

Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859) — русский реакционный писатель. Редактировал и издавал вместе с Н. Гречем газету «Северная пчела» и журнал «Сын отечества». Был, по-видимому, автором отрицательной рецензии на «Кобзарь» 1840 года, написанной с позиций «официальной народности», напечатанной в «Северной пчеле» (1840.— № 101.— 7 мая).

Серве Адриен-Франсуа (1807—1866) — бельгийский скрипач-виртуоз. Выступал с концертами в Петербурге весной 1840 года.

Это прощальный ужин и вместе именины. — Вечеринка состоялась перед отъездом Маркевича на Украину. К этому событию Шевченко написал стихотворение «Н. Маркевичу» («Бандуристе, орле сизий!»), датированное 9 мая 1840 года.

Ракович Михаил Александрович (1816—1899) — чиновник Государственного совета, племянник В. В. Тарновского (старшего).

Голенковский Андрей Осипович (род. в 1815 г.) — помещик Пирятинского уезда, виолончелист, композитор-любитель, в 30-х годах служил в департаменте военного министерства в Петербурге.

Шереметьев Дмитрий Николаевич — гофмейстер двора, сын графа Н. П. Шереметьева.

Голицын Сергей Григорьевич (1806—1868) — поэт и композитор, добрый знакомый М. Глинки и А. Струговщикова.

Никитенко Александр Васильевич (1804—1877) — критик, литературовед, профессор Петербургского университета. Бывший крепостной, освобожденный из крепостной неволи благодаря помощи Рыльева, Жуковского и др. Как цензор Петербургского цензурного комитета в августе 1844 года дал разрешение на выход в свет книги Шевченко «Чигиринский Кобзарь и Гайдамаки». Встречался с Шевченко и после возвращения его из ссылки. Вместе с Чернышевским, Тургеневым и другими подписал письмо комитета Общества для помощи нуждающимся литераторам и ученым по поводу освобождения родственников Шевченко из крепостной неволи.

Греч Николай Иванович (1787—1867) — русский реакционный журналист и писатель, филолог. Автор книг «Практическая русская грамматика» (1827) и «Опыт краткой истории русской литературы», упоминаемые в повестях Шевченко «Несчастный» и «Близнецы».

Штёр Карл (1824—1889) — немецкий скрипач и композитор. Приезжал на гастроль в Петербург в 1840 году, но заболел и не выступал.

Дрейшок Александр (1818—1869) — чешский пианист и композитор. В апреле 1840 года с большим успехом выступал с концертами в Петербурге. С 1862 года занимал должность профессора Петербургской консерватории.

Майер Карл (1799—1862) — русский пианист, композитор и педагог. Учитель М. Глинки по теории музыки.

Данченко (Немирович-Данченко) *Николай Федорович* (умер в 1842 г.) — поэт, знакомый М. Глинки и А. Струговщикова. Учился в Нежинской гимназии высших наук, служил в Министерстве государственного имущества.

Ригельман Николай Аркадьевич (1817—1888) — чиновник-переводчик канцелярии киевского генерал-губернатора Бибикова, сотрудник Временной комиссии для разбора древних актов в Киеве. Познакомился с Шевченко в 1840 году. Привлекался к следствию по делу о Кирилло-Мефодиевском обществе по подозрению в участии в нем. В феврале 1857 года, когда Шевченко находился в ссылке, помог ему материально. В рецензии на «Записки о Южной Руси» П. Кулиша, где была помещена без фамилии автора поэма Шевченко «Наймичка», дал ей высокую оценку (Русская беседа.— 1857.— № 8).

Горленко Давид Семенович (1788—1848) — богатый помещик, владелец имений на Прилуччине и Пирятинщине.

Корбе Иван Михайлович (1800—1868) — полковник лейб-гвардии уланского полка, впоследствии генерал-майор. Шевченко встречался с ним в конце 30-х годов в Петербурге, в 40-х — на Украине, бывал в его имении с. Вейсбаховка. Прилукского уезда, Полтавской губернии (теперь Прилукского района, Черниговской обл.), где собирались друзья поэта Я. де Бальмен, В. Закревский, Н. Маркевич и др. В 1852 году через Казанскую комиссариатскую комиссию, которую возглавлял Корбе, Шевченко получил деньги, присланные С. Гулаком-Артемовским. После ссылки поэт встречался с Корбе в Петербурге.

Толстой Павел Матвеевич — флигель-адъютант, полковник кавалергардского полка.

Толь Карл Федорович (1777—1842) — государственный и военный деятель.

Чижов Федор Васильевич (1811—1877) — русский математик, писатель, близкий к славянофилам, автор трудов по истории литературы и искусства, общественный деятель и промышленник. В 1847 году был арестован и привлекался к следствию по делу Кирилло-Мефодиевского общества. Освобожден за неимением доказательств.

А. Н. Струговщиков

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ГЛИНКА 1839—1841

(Отрывки)

(С. 83—85)

Воспоминания А. Н. Струговщикова о М. И. Глинке написаны на склоне его жизни — в 1873 году. Материалами для них послужили переписка и записи начала 40-х годов, сохраненные мемуаристом, в частности список лиц, присутствовавших на вечере у Струговщикова в конце апреля 1840 года. Первоначальное название воспоминаний, зачеркнутое в автографе, — «Среда композитора Глинки в 1839—1840, 1841 годах». Впервые опубликовано (со значительными купюрами и искажениями текста) в ж. «Русская старина» (1874.— № 4.— С. 697—725); полностью по автографу — в издании: «Глинка в воспоминаниях современников» — М., 1955.— С. 186—198. Отрывки печатаются по автографу, хранящемуся в ИРЛИ АН СССР, Отделе рукописей, ф. 265, № 14, л. 5—6. 7.

Струговщиков Александр Николаевич (1808—1878) — русский поэт, переводчик, в 1840—1841 годах — редактор-издатель «Художественной газеты», на страницах которой не раз упоминались произведения Шевченко-художника, в частности 9 сентября 1840, 9 и 10 июля и 28 сентября 1841 года и др. Принимал Шевченко на вечерах у себя и встречался с ним на вечерах у Н. Кукольника, Н. Маркевича.

Вечером 27 апреля... — Уверенности в том, что дата вечера указана правильно, нет. 23 апреля 1840 года Н. Маркевич писал А. Струговщикову, что Штёр и Дрейшок будут играть у Струговщикова в четверг, между тем 27 апреля 1840 года была суббота. Описание этого же вечера находим в дневнике А. Никитенко также под сомнительной датой — 7 мая 1840 года (*Никитенко А. В. Дневник: В 3 т.* — М., 1955.— Т. 1.— С. 220).

Д. В. Григорович

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

(Отрывок)

(С. 86)

Впервые опубликовано в ж. «Русская мысль» (1892.— № 12.— С. 29—30). Печатается по первой публикации.

Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1900) — русский писатель. В 1836—1840 годах учился в Академии художеств, где познакомился с Шевченко.

Р. А. Земкевич

ТАРАС ШЕВЧЕНКО И БЕЛОРУСЫ

(С. 86—87)

Впервые опубликовано в белорусском ж. «Наша нива» (1911.— № 8.— С. 118). Печатается по первой публикации.

Земкевич Ромуальд Александрович (1884—1943) — белорусский библиограф, публицист, историк литературы, переводчик.

Барщевский Ян (1794, по другим источникам 1790—1851) — белорусский и польский писатель. В идиллических тонах изображал жизнь крестьянства.

Один из молодых белорусов, Ромуальд Подберезский... — Подберезский-Друцкий (1813—1856) — белорусский и польский литературовед, поэт. В еженедельнике «Tygodnik Petersburski» (1842.— № 36) напечатал отзыв о художественной выставке 1841 года в Академии художеств, где экспонировались и произведения Шевченко, а позже (1844.— № 95) — статью «Живописная Украина», в которой горячо поддержал намерения Шевченко издавать серию офортов, посвященных Украине. Издал в Петербурге в 1843 году альманах «Rocznik Literacki», его выписывал и Шевченко.

А. О. Козачковский

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О Т. Г. ШЕВЧЕНКЕ

(С. 88—92)

Впервые опубликовано в «Киевском телеграфе» (1875.— 26 фев.— С. 1—2). Перепечатано в «Зоре» (1889.— № 6—7.— С. 109—112). Печатается по первой публикации.

Козачковский Андрей Осипович (1812—1889) — врач. Учился в Петербургской медико-хирургической академии. Окончив курс, в августе 1835 года был зачислен в 27 флотский экипаж, плавал на бриге «Филоклет», кораблях «Березино», «Бриен». Шевченко познакомился с ним осенью 1841 года в Петербурге, после увольнения Козачковского в сентябре из Морского ведомства. С 1844 года Козачковский работал в Переяславе: сначала — городской врач, позже — преподаватель медицины в духовной семинарии (см.: *Плачинда В.* Тоді, в Переяславі// Літ. Україна.— 1985.— 1 січ.— С. 6). Шевченко впервые навестил его в августе 1845 года, ездил с ним в соседние села Андруши и Монастырище. В октябре 1845 года поэт снова приехал в Переяслав и пробыл у Козачковского (с перерывами) до начала января 1846 года. Козачковский лечил Шевченко, когда тот был болен. В Переяславе Шевченко написал поэмы «Наймичка», «Кавказ», посвящение «Шафарику», «Заповіт», нарисовал автопортрет (не сохранился), ряд архитектурных и исторических достопримечательностей города, пейзажей окрестных сел. В ссылке в 1847 году Шевчен-

ко написал стихотворения «А. О. Козачковскому». Во время последней поездки на Украину в 1859 году поэт дважды — в июне и августе — побывал в Переяславе. Козачковский сохранил значительную коллекцию живописных произведений Шевченко.

Воспоминания Козачковского о Шевченко написаны в начале 1874 года по просьбе П. И. Житецкого. Еще ранее с подобной просьбой обращался к Козачковскому М. А. Максимович. Посылая свои воспоминания 15 февраля 1874 года П. И. Житецкому, Козачковский писал ему: «Я весьма благодарен Вам за то, что Вы дали мне возможность очистить совесть мою по крайней мере пред блаженною в род и род памятью покойного М. А. Максимовича, еще в 1866 году просившего доставить ему воспоминания мои о нашем вечно памятном народном Поэте.

Извините, что я так долго промедлил. Вечные дразги житейские оставляли мне мало спокойных минут для того, чтобы вывить в памяти моей, во всем мировом, грандиозном ее величии личность, в которой во всей полноте олицетворились предо мною все светлейшие стороны Украины, все прекрасное и славное, и все наболевшие, накипевшие чувства и болезненные стороны нашей родины, чтоб проникнуться теми впечатлениями и чувствами, которыми волновала меня эта прекрасная, живая, величественная Поэма.

Свято исполняя данный мною М. А. Максимовичу обет полной достоверности и безпристрастия, я высказал все, не скрывая ничего хорошего и дурного» (ЦНБ АН УССР, I, 48399).

...альманах *Гребенки «Ластівка»* — украинский альманах, подготовленный Е. Гребенкой и изданный в Петербурге в 1841 году. В редактировании его принимал участие Шевченко. Здесь впервые напечатано пять его произведений: «Причинна», «На вічну пам'ять Котляревському», «Тече вода в синє море», «Вітре буйний, вітре буйний» и раздел из поэмы «Гайдамаки».

Зеленский Борис Михайлович — очевидно, студент Медико-хирургической академии, в дальнейшем служил лекарем при Одесской врачебной управе.

Максимович Михаил Александрович (1804—1873) — украинский природовед, историк, фольклорист, поэт. В 1834—1835 годах — ректор, в 1836—1845 годах — профессор Киевского университета. Шевченко познакомился с Максимовичем в Киеве в 1843 году. Возвращаясь из ссылки, он посетил Максимовича в Москве, побывал у него в Прохоровке, Золотоношского уезда, Полтавской губернии (теперь Каневского р-на, Черкасской обл.). Тогда же нарисовал портрет Максимовича и его жены Марии Васильевны.

Щепкин Михаил Семенович (1788—1863) — русский актер, основоположник критического реализма в украинском и русском театральном искусстве. Бывший крепостной, выкупленный у помещика при содействии И. Котляревского, С. Волконского, Н. Репнина и др. В 1824—1863 гг. играл в Московском Малом театре. Шевченко восхищался игрой Щепкина, был одним из его близких друзей. Они неоднократно встречались в Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде. Щепкин блестяще читал со сцены стихи Шевченко. Поэт посвятил ему произведения «Чигрине», «Заворожи мені, волхве», «Неофіти». В 1858 году Шевченко в Москве нарисовал портрет Щепкина (хранится в ГМШ).

Бодянский Осип Максимович (1808—1877) — филолог, историк, поэт, профессор Московского университета, один из основателей славистики в России. Познакомился с Шевченко в феврале 1844 года в Москве, встречался с ним в 1845, 1858, 1859 годах.

Такая же судьба... постигла прекрасную поэму «Иоанн Гус», посвященную Шафарыку. — Другое (основное) название этой поэмы — «Бретик». Единственный автограф этого произведения — в рукописном сборнике «Три літа» — после ареста Шевченко в 1847 году был оставлен осел в III отделении. После возвращения из ссылки Шевченко тщетно разыскивал эту поэму. Отыскался список лишь небольшой части произведения. Полностью поэма опубликована по автографу из архива бывшего III отде-

ления только в 1906 году в журнале «Былое» (№ 6.— С. 1—5). Поэма содержит стихотворное посвящение деятелю чешского и словацкого возрождения, выдающемуся филологу Павелу Йосефу Шафарику (1795—1861), о деятельности которого Шевченко знал главным образом по рассказам Бодянского и диссертации его ученика С. Н. Палаузова «Иоанн Гус и его последователи» (1845).

...*большая картина «Видение Иезекииля в пустыне, полной сухих костей»...* — Этот сюжет упоминается в повести Шевченко «Художник»: «Я же в то время компоновал эскиз «Иезекииль на поле, усеянном костями» (Т. 4.— С. 177). Иезекииль (около 622 г. до н. э. — год смерти неизвестен) — жрец Иерусалимского храма, один из пророков, автор одной из книжек Ветхого завета, которая названа его именем, хотя в ней и заметны следы значительных редакций.

...*переехал в с. Вьюнище к помещику С. Н. Самойлову...* — Самойлов Степан Никифорович (умер в 50-х годах XIX ст.), богатый помещик, имел имение в с. Вьюнище, в 9 км от Переяслава, вблизи Днепра (теперь снесено в связи с сооружением Каневского водохранилища). Шевченко побывал у Самойлова в августе и декабре 1845 года. Здесь речь идет о втором посещении Вьюнища.

Репнин Николай Григорьевич (1778—1845) — русский государственный деятель, старший брат декабриста С. Г. Волконского, князь. В 1816—1835 годах — малороссийский военный губернатор (Полтавщины и Черниговщины). Шевченко впервые побывал в его имении Яготине, Пирятинского уезда, Полтавской губернии (теперь районный центр Киевской обл.) в 1843 году. Здесь он написал поэму «Тризна», исполнил две копии с портрета Н. Репнина работы Джозефа Горнунга и нарисовал портрет его внуков Василия и Варвары. В Яготине поэт встретился с дочерью князя Варварой Николаевной (1808—1891), дружеские связи поэта с которой длились многие годы.

Волховская Татьяна Густавовна (1763—1853) — помещица, владелица имения в селе Мосевке Пирятинского уезда, Полтавской губернии (теперь Драбовского района Черкасской обл.), куда Шевченко впервые приехал с Е. Гребенкой в июне 1843 года и где познакомился с Я. де Бальменом, А. Капнистом, Закревскими, А. Афанасьевым-Чужбинским (см. его воспоминания). Поэт приезжал сюда также в январе 1844 и в январе 1846 года. Здесь он сделал рисунок «Бал у Волховских», написал портрет помещицы А. Шостки (оба произведения не найдены).

...*в 1852 году...* получил от него письмо... — Письмо Шевченко к А. Козачковскому от 16 июля 1852 года.

...*быть только поэтом и не гражданином.* — Перефразированные строки стихотворения Н. Некрасова «Поэт и гражданин».

...*следствием известного неприятного случая...* — Имеется в виду арест Шевченко в июле 1859 года.

Лазаревский Михаил Матвеевич (1818—1867) — чиновник, близкий друг Шевченко, второй из шести братьев Лазаревских. Шевченко познакомился с ним в ссылке, в 1847 году, встречался в Орске и Оренбурге, где Лазаревский был служащим Оренбургской пограничной комиссии. В 1850 году М. Лазаревский переехал в Петербург, где служил советником Петербургского губернского правления, позже — управляющим имений графа А. С. Уварова. Вместе с семей Толстых хлопотал об освобождении Шевченко из ссылки. Возвратившись в Петербург, поэт почти три месяца жил у Лазаревского.

П. Д. Селецкий

ЗАПИСКИ
(Отрывок)
(С. 93—96)

Впервые опубликовано в ж. «Киевская старина» (1884.— № 8.— С. 620—622). Печатается по первой публикации.

Селецкий Петр Дмитриевич (1821—1880) — помещик, владелец села Малютинцы (Отрада) Пирятинского уезда, Полтавской губернии, в 1858—1866 годах киевский вице-губернатор. Познакомился с Шевченко в 1843 году. Руководил тайным надзором за Шевченко во время пребывания поэта в Киеве в 1859 году.

...сын князя, *Василий Николаевич, женатый на Балабиной*. — Жена В. Н. Репнина Елизавета Петровна — дочь генерал-лейтенанта П. И. Балабина. В их имении, селе Андреевке, Гадяцкого уезда, Полтавской губернии, Шевченко был осенью 1843 года и, вероятно, в 1845 году. В январе 1844 года в Яготине он написал портрет их детей.

Строганов Александр Григорьевич (1795—1891) — член Государственного совета, генерал-адъютант, граф, в 1836—1839 годах — черниговский, полтавский и харьковский генерал-губернатор, в дальнейшем — новороссийский и бессарабский генерал-губернатор.

Клейнмихель Петр Андреевич (1793—1869) — главный управляющий путей сообщения и общественных сооружений.

Фишер Фердинанд Федорович (1784—1859) — доктор медицины, домашний лекарь Репниных в Яготине. В 1843 году лечил Шевченко.

Разумовский Кирилл Григорьевич (1728—1803) — последний гетман Левобережной Украины. Жена Н. Г. Репнина Варвара Алексеевна — внучка К. Г. Разумовского. Ей перешло в наследство яготинское имение Разумовских.

Стороженко

ЭПИЗОД ИЗ ЖИЗНИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА

(С. 96—97)

Впервые опубликовано в ж. «Киевская старина» (1885.— № 12.— С. 718—720). Подписано криптонимом С-ко. Печатается по первой публикации.

Автор, скрывшийся под криптонимом «С-ко», пересказывает воспоминания Марии Давыдовны Корсун (1812—1880), помещицы с. Большая Круча, Пирятинского уезда, Полтавской губернии. Как явствует из текста, автор — один из внуков М. Д. Корсун — Андрей Владимирович Стороженко (род. в 1857 г.) или брат его Николай Владимирович Стороженко (род. в 1862 г.).

Шостка Александра Ивановна — небогатая дворянка. Ее портрет, написанный Шевченко, не разыскан.

Огронович Анна Корнеевна (1796—1875) — помещица хутора Саловка на Полтавщине, родственница М. Д. Корсун, знакомая Шевченко.

ВОСПОМИНАНИЯ В ПРОШЕДШЕМ ВРЕМЕНИ
О КНИГОПРОДАВЦАХ И АВТОРАХ

(Отрывки)

(С. 98—99)

Впервые опубликовано в сборнике К. Калайдовича «Материалы для истории русской книжной торговли» (СПб., 1879.— С. 61—70). Сборник выпущен ограниченным тиражом — 100 экз. Воспоминания И. Т. Лысенкова ни разу не переиздавались. Печатаются по первой публикации.

Лысенков Иван Тимофеевич (1795—1881) — петербургский книгопродавец и издатель. Его магазин на улице Садовой, в доме Пажеского корпуса, а потом на Невском проспекте, в Гостином дворе, посещали выдающиеся писатели.

...продал Лысенкову по условию все свои сочинения.— 8 февраля 1843 года Шевченко продал Лысенкову приблизительно за 1500 руб. серебром «в вечное и потомственное владение» произведения, напечатанные в «Кобзаре» 1840 года, и поэму «Гайдамаки», выпущенную отдельным изданием в 1841 году. Так Шевченко получил средства для поездки в 1843 году на Украину. Приобретенные произведения Лысенков в следующем году опубликовал под названием «Чигиринский Кобзарь и Гайдамаки. Две поэмы на малороссийском языке, Т. Г. Шевченко». Цензор А. В. Никитенко дал разрешение на выпуск книжки из типографии в свет 17 августа 1844 года (ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 27, № 276, л. 42 обор.; ф. 772, оп. 1, № 1699, л. 7 обор.).

...вдруг от высшего начальства последовало запрещение о непродаже их...— Имеется в виду запрещение и изъятие «Кобзаря» Шевченко после разгрома Кирилло-Мефодиевского общества. Николай I утвердил доклад III отделения о наказании участников общества 28 мая 1847 года, 19 июня министр внутренних дел дал секретное циркулярное распоряжение начальникам губерний о запрещении и повсеместном изъятии «Кобзаря» (ГМШ, А-39, л. 1; ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 экспед., оп. 5, № 81, ч. 1, л. 226—226 обор.). Вероятно, об изъятии «Кобзаря» из книжной торговли Лысенкову стало известно не сразу, так как 21 июня в газете «Санкт-Петербургские ведомости» появилось объявление о продаже в его магазине книжки «Чигиринский Кобзарь и Гайдамаки». На это сразу же обратило внимание III отделение, потребовавшее от министра народного просвещения, которому подчинялась цензура, не допускать в прессе каких-либо упоминаний о запрещенных и изъятых произведениях (ЦГИА СССР, ф. 735, оп. 10, № 193, л. 126, 131; ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 экспед., оп. 5, № 81, ч. 1, л. 221—222, 225—225 обор.).

...выхлопотал в цензуре дозволение напечатать... — Шевченко после возвращения из ссылки с большими трудностями добился разрешения на новое издание своих произведений. 23 декабря 1858 года он подал в Петербургский цензурный комитет рукописный сборник «Поэзия Т. Шевченко. Том первый», в который входили опубликовавшиеся и непубликовавшиеся произведения, но Главное управление цензуры, куда была передана рукопись поэта, разрешило издать только произведения, которые были напечатаны до ареста Шевченко в 1847 году. Новое издание вышло в свет под названием «Кобзарь» 23 января 1860 года (ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 2, № 291, л. 281; ф. 772, оп. 1, № 5157, л. 25).

...чтоб Лысенков позволил бы... продавать автору в свою пользу... — Кроме этого утверждения Лысенкова, нет материалов, которые давали бы основание считать, что Шевченко добивался согласия Лысенкова на включение в «Кобзарь» 1860 года произведений, проданных ему по контракту 1843 года. Но остается бесспорным факт, что при жизни поэта Лысенков никаких претензий к нему в связи с внесением в «Кобзарь» 1860 года произведений, приобретенных в свое время Лысенковым, не предъявлял.

Один близко бывший знакомый автору... — Имеется в виду М. Лазаревский, который, выступая в качестве доверенного лица наследников Шевченко, составил в 1866 году договор с петербургским книгоиздателем Д. Е. Кожанчиковым (1819—1877) о новом издании «Кобзаря» (вышел в свет в следующем, 1867 г.). В связи с этим изданием Лысенков публично заявил о своих правах на значительную часть произведений Шевченко. Считая издание Кожанчикова контрафактным, он подал 6 июня 1867 года в Петербургский окружной суд иск с требованием от Кожанчикова возмещения причиненных ему «убытков». Процесс этот переходил в ряд других судебных инстанций, подробно освещался в газете «Судебный вестник» (1867.— 10 дек.; 1869.— 6 и 7 марта), но Лысенков так его и не выиграл. В том же 1867 году он выпустил два собственных издания произведений Шевченко. Одно из них под названием «Чигиринский Кобзарь на малороссийском наречии. Тар. Григ. Шевченко. С портретом автора, картинкою кобзаря и двумя виньетками» являлось простым воспроизведением «Чигиринского Кобзаря» 1844 года; во втором, под тем же названием, параллельно с украинским текстом, был дан русский перевод, осуществленный О. Лепко. Последнее издание имело еще одно титульное название, которое относилось к русскому тексту: «Чигиринский торбанист-певец. Тар. Григ. Шевченко. С портретом автора, картинкою торбаниста и двумя виньетками».

В. В. Ковалев

ВОСПОМИНАНИЯ О Т. Г. ШЕВЧЕНКО

(С. 99—101)

Опубликовано одновременно в ж. «По морю и суше» (Одесса.— 1896.— № 8 (25 февр.).— С. 135—137) с примечанием редакции: «Воспоминания передала нам дочь В. В. Ковалева — Лидия Викторовна Петерсон» и в газ. «Жизнь и искусство» (1896.— 27 февр.). Печатается по ж. «По морю и суше».

Ковалев Виктор Васильевич (1822—1894) — художник, в 1844 году посещал рисовальные классы Академии художеств и познакомился с Шевченко. В 1844 году до весны 1845 года жил с Шевченко и И. Гудовским, М. Карпо и К. Роговым в доме Бема на Васильевском острове (теперь 2-я линия, 3). Помогал Шевченко в издании и продаже «Живописной Украины». В 1851 году получил звание некласного художника. Был преподавателем рисования в Полтаве и Одессе. Встретившись с Ковалевым после возвращения из ссылки в Петербурге, Шевченко подарил ему офорт «Прятели» («Компания»).

...за ...программу «Мальчик с собачкою» получил звание художника. — Имеется в виду несохранившаяся картина «Нищий мальчик, дающий хлеб собаке». За нее Шевченко был награжден 27 сентября 1840 года серебряной медалью второго достоинства. Звание некласного художника исторической и портретной живописи Шевченко получил позже — 22 марта 1845 года.

Карпо Михаил Мартьянович (род. в 1827 г.) — украинский художник, родом из Харькова. В 1843 году вступил в Академию художеств. В 1851 году получил звание некласного художника исторической и портретной живописи.

Гудовский Иван Васильевич (умер в 1860 г.) — украинский художник и фотограф, родом из Пирятина. В 1844 году учился в Академии художеств, помогал Шевченко готовить к изданию и распространять «Живописную Украину». Во время пребывания в Киеве в 1859 году поэт жил у него на квартире. Сохранились три фотографии, которые тогда сделал Гудовский.

Рогов Кузьма Васильевич (род. в 1823 г.) — украинский художник, земляк Шевченко, происходил из мещан Звенигородского уезда, Киевской губернии. Учился в Академии художеств с 1844 по 1849 год.

...«*Ой повій, вітре, з великого лугу, та розвій нашу тугу*»... — Неточно процитированные строки из поэмы Шевченко «Гамалія».

...*два брата Кукольника*... — Речь идет о писателе Н. В. Кукольнике и его брате Platone Васильевиче Кукольнике (умер в 1848 г.), который некоторое время преподавал в Нежинской гимназии высших наук и Виленском университете, в 1838 году вышел в отставку и жил в Петербурге. В 1837 году К. Брюллов написал его портрет.

...*в альбоме Тараса Григорьевича*... — Альбом Шевченко не разыскан.

Около 47 года Тарас Григорьевич предпринял издание альбома «Живописная Украина»... — Над серией офортов для альбома «Живописная Украина» Шевченко начал работать в 1843 году на Украине, где выполнил ряд этюдов и подготовительных рисунков для него. Альбом задуман как периодическое издание об историческом прошлом, народном быте, обычаях, природе Украины. На средства от распространения альбома Шевченко намеревался выкупить из крепостной неволи своих родственников. В первый выпуск, изданный в 1844 году вошли офорты «В Киеве», «Выдубецкий монастырь в Киеве», «Старосты», «Судный совет», «Сказка» («Солдат и смерть»), «Дары в Чигирине 1649 года».

...«*Компания*»... *образец гравирования Тараса Григорьевича*. — Речь идет о произведении Шевченко «Прятели» (1859, офорт, акватинта) по картине масляными красками И. И. Соколова.

...*прекрасный рисунок*... «*Сосновый лес*». — Это произведение не разыскано. Никакие другие источники не подтверждают исполнение его Шевченко.

В 47-м году Тарас Григорьевич переселился в Киев преподавателем при университете. — Шевченко был назначен преподавателем рисования в Киевском университете, но к преподаванию приступить не успел в связи с арестом.

А. С. Афанасьев-Чужбинский

ВОСПОМИНАНИЯ О Т. Г. ШЕВЧЕНКО

(С. 101—123)

Впервые напечатано в ж. «Русское слово» (1861.— № 5.— С. 1—39). Перепечатано в издании: А. С. Афанасьев (Чужбинский). Собр. соч. Под ред. П. В. Быкова.— СПб., 1891.— Т. 6.— С. 417—540. Печатается по первой публикации.

Афанасьев-Чужбинский Александр Степанович (наст. фамилия Афанасьев, печатался под псевдонимом А. Чужбинский; 1816—1875) — украинский и русский этнограф, писатель. Еще до знакомства с Шевченко написал обращенное к поэту стихотворение «Гарно твоя кобза грає» (1843). Шевченко осуждал «патриотические» стихи Афанасьева-Чужбинского, напечатанные в газ. «Санкт-Петербургские ведомости» за январь 1856 года. Кроме воспоминаний, Афанасьев-Чужбинский опубликовал заметки о последних днях поэта — «Землякам. Над гробом Т. Г. Шевченко» в ж. «Русское слово» (1861.— № 2).

...«*Библиотека*»... — Имеется в виду «Библиотека для чтения», ежемесячный петербургский журнал (1834—1865), особенно популярный у провинциальных читателей, на которых, собственно, он и был ориентирован. Ведущую роль играл в нем редактор и издатель О. И. Сенковский (1800—1858), который направлял его против пушкинского «Современника», В. Белинского, «натуральной школы».

...*литературная летопись Брамбеуса*... — Барон Брамбеус — литературный псевдоним О. И. Сенковского. Здесь речь идет о многочисленных (отмеченных консервативными взглядами) статьях и рецензиях Сенковского.

...*заучивались наизусть драматические фантазии Кукольника*... — Говорится иронически о шумном успехе высокопарных, псевдопатетических драматических

произведениях Н. Кукольника, проникнутых монархическими идеями «казенного патриотизма» («Рука всевышнего отечество спасла» и т. п.).

...проговорить без запинки всего Джакомо Санназара. — Якопо Санназаро (1455—1530) — итальянский поэт и прозаик, служил при дворе герцога Калабрийского, его пастораль «Аркадия» пользовалась огромным успехом. Он является главным персонажем драматического произведения Кукольника «Джакомо Санназар», изданного в Петербурге в 1834 году.

...читали «Кобзаря»... встреченного критикой единодушным глумлением.— Утверждение одностороннее и в целом не отвечает действительности. Оно может быть отнесено только к реакционно-консервативной критике (рецензиям О. Сенковского в «Библиотеке для чтения» (1840.— Т. 39), Ф. Булгарина в «Северной пчеле» (1840.— 7 мая) и др.), которая, признавая поэтический талант Шевченко, ставила ему в упрек «мужицкий» язык «Кобзаря». Нападкам на «Кобзаря» реакционной журналистики противостояли восторженные, одобрительные отзывы, напечатанные в прогрессивных изданиях — ж. «Отечественные записки» (1840.— № 5), где отдел критики возглавлял тогда В. Белинский, «Литературной газете» (1840.— № 36) и др. Даже реакционный «Маяк» (1840.— № 6) поместил положительную рецензию П. Корсакова.

Некоторые современники отмечали успех «Кобзаря» в критике. В частности, поэт-романтик Л. Боровиковский 24 мая 1840 года писал И. И. Срезневскому: «Особенно хвалят журналы вышедший недавно «Кобзарь» (*Боровиковский Л. Повне збір творів.* — К., 1967.— С. 215).

Номады — древнегреческое название кочевников.

Закревская Софья Алексеевна (род. в 1798 г.) — русская писательница, сестра Платона и Виктора Закревских, приятельница Гребенки. Ее роман «Институтка» (1841) и повесть «Ярмарка» (1843), напечатанные в ж. «Отечественные записки», были положительно оценены Белинским. По стилистическим особенностям они были близки романтическим произведениям Бестужева-Марлинского.

Закревский Виктор Алексеевич (1807—1858) — ротмистр в отставке, один из владельцев с. Березовая Рудка, Пирятинского уезда, Полтавской губернии (теперь Пирятинского р-на, Полтавской обл.). Увлекался творчеством Шевченко. В декабре 1843 года Шевченко нарисовал карандашом шаржированный портрет В. Закревского.

В уездном городке Лубны... один господин пригласил Шевченка обедать... — По народному преданию, это был Трепов Федор Федорович (1812—1889), уланский офицер, переведенный впоследствии в жандармский полк. Дослужился до чина генерал-адъютанта, занимал в 1866—1878 годах должность обер-полицмейстера, градоначальника Петербурга. Он — отец петербургского генерал-губернатора Трепова Д. Ф., товарища министра внутренних дел, позорно известного тем, что в октябре 1905 года отдал приказ во время разгона демонстрации: «Холостых залпов не давать, патронов не жалеть».

...в уездном своем городе... — Речь идет о г. Лубны, недалеко от которого было село Исковцы, куда Шевченко приезжал к Афанасьеву-Чужбинскому осенью 1843, осенью 1845 и в феврале 1846 года.

...сошелся с Лукьяновичем.— Лукьянович Александр Андреевич (1803—1879), помещик, майор в отставке. В его имении, селе Марьянском, Миргородского уезда, Полтавской губернии (теперь Великобогачанского р-на, Полтавской обл.) Шевченко побывал весной и осенью 1845 года. Здесь он написал поэмы «Еретик», «Сліпий», стихотворение «Стоїть в селі Суботіві», нарисовал несколько портретов, из которых сохранился портрет Лукьяновича (теперь — в ГМШ). Жена его была родной сестрой декабриста Ивана Федоровича Шимкова.

...мистерия без заглавия.— Мистерия Шевченко «Великий льох».

...мы съезались у Закревских.— В селе Березовая Рудка жила большая семья

Закревских. Главным хозяином имения был Закревский Платон Алексеевич (ок. 1801—1882), полковник в отставке, богатый помещик, владелец сахарного завода, известный жестоким обращением с крепостными. С ним и его женой Анной Ивановной (1822—1857) Шевченко познакомился в селе Мосевке в июне 1843 года на балу у Т. Г. Волховской. Поэт был восхищен красотой Закревской. Он нарисовал портрет Анны и Платона Закревских (масло, 1843), в ссылке посвятил Закревской стихотворение «Г. З.» («Немає гірше, як в неволі...»), с Закревской связано также стихотворение «Якби зустрілися ми знову» и, вероятно, посвящение поэмы «Невольник».

Закревская Мария Алексеевна (род. в 1816 г.) — сестра Виктора, Платона и Софьи Закревских. Вместе с последней жила в с. Лемешовке, недалеко от Березовой Рудки.

Гербель Николай Васильевич (1827—1883) — русский поэт, переводчик и издатель. В 1846 году Шевченко записал в альбом Гербеля, тогда еще ученика Нежинского лицея, начальную строфу своего стихотворения «Гоголю». Гербель в 1856 году, когда Шевченко находился в ссылке, опубликовал в ж. «Библиотека для чтения» свой перевод его стихотворения «Думка» («Нащо мені чорні брови...»). Это был первый перевод произведения Шевченко. В дальнейшем поэт встречался с Гербелем в Петербурге. Гербель перевел на русский язык 18 произведений Шевченко, а в 1860 году издал «Кобзарь» в переводах русских поэтов. Экземпляр этого «Кобзаря» с дарственной надписью подарил поэту (хранится в ИЛ).

...присутствие прелестной М. С. К[ржисевич], известной тогда красавицы... — Вероятно, речь идет о Марии Степановне Кржисевич (девичья фамилия Задорожная; 1824—1905), племяннице Г. С. Тарновского.

...у губернатора и губернского предводителя... — Черниговским гражданским губернатором был тогда (с 1841 г.) Павел Иванович Гессе (впоследствии киевский гражданский губернатор), губернским предводителем дворянства — отставной полковник Ладомирский Василий Николаевич.

Громека Степан Степанович (1823—1877) — публицист. Автор статей о злоупотреблениях полиции. Помещал без подписи корреспонденции в «Колоколе», но стоял на монархических позициях. После ссылки Шевченко неоднократно встречался с ним в Петербурге.

...к дружески знакомому семейству Лизогубов в Седневе... — В Седневе жили братья Андрей Иванович (1804—1864) и Илья Иванович (1787—1867) Лизогубы, приятели Шевченко. Братья были людьми высокой культуры, увлекались литературой, живописью, музыкой. Илья Лизогуб — в свое время известный виолончелист и композитор. Шевченко побывал в Седневе весной 1846 и во второй раз — весной 1847 года, нарисовал портреты А. Лизогуба (карандаш, 1846) и И. Лизогуба (масло, 1846—1847). Находясь в ссылке, Шевченко переписывался с ними. А. Лизогуб прислал поэту в ссылку рисовальные принадлежности. Шеф жандармов граф А. Ф. Орлов именем царя запретил А. Лизогубу переписываться с Шевченко. Братья Лизогубы ходатайствовали об облегчении участи Шевченко в ссылке, помогали ему материально.

...снял с меня... портрет карандашом... — Портрет А. Афанасьева-Чужбинского (карандаш, 1846) работы Шевченко не известен.

Сажин Михаил Макарович (умер в 1885 г.) — художник-пейзажист. Соученик Шевченко по Академии художеств. В 1855 году получил звание академика за картину «Киевский Софиевский собор, внутренний вид». После ареста Шевченко у Сажина остались его рисунки.

...поселились... в улице, называемой «Козье болото». — Поэт с друзьями поселился в доме И. И. Житницкого — зятя земляка Шевченко художника С. С. Превлоцкого (теперь дом № 8а по переулку Т. Г. Шевченко, в котором открыт Литературно-мемориальный музей Т. Г. Шевченко).

«*Не журюсь я, а не спиться*» — Действительно ли это стихотворение Шевченко — не установлено.

Аскоцненский Виктор Ипатьевич (1813—1879) — журналист, историк, редактор реакционно-монархического еженедельника «Домашняя беседа». Оставил воспоминания о Шевченко.

Белозерский Василий Михайлович (1825—1899) — один из организаторов Кирилло-Мефодиевского общества, занимавшей в нем умеренно-реформистские позиции. После ареста был сослан в Петрозаводск. В 50-х годах вернулся в Петербург, редактировал журнал «Основа» (1861—1862), в котором были напечатаны многие произведения Шевченко.

В. Л. Беренштам

Т. Г. ШЕВЧЕНКО И ПРОСТОЛЮДИНЫ, ЕГО ЗНАКОМЦЫ

(Из встреч и воспоминаний)

(С. 124—129)

Впервые опубликовано в ж. «Киевская старина» (1900.— № 2.— С. 248—260). Печатается по первой публикации.

Беренштам Вильям Людвигович (1839—1904) — археолог, педагог, общественный деятель. Редактор петербургских изданий «Кобзаря» 1883 и 1884 годов.

Татарчук Арсен (род. в 1823 г.) — крепостной крестьянин, повар в имении А. Лукьяновича в с. Марьянском (Марьинском), Миргородского уезда.

...отец его был сначала вице-губернатором... — Отец А. Лукьяновича Андрей Федорович (1776—1846) служил пермским вице-губернатором, затем — симбирским гражданским губернатором. Был в дружеских отношениях с И. Котляревским. Выйдя в 1830 году в отставку, поселился в своем имении в селе Шедиеве, Кобелякского уезда. Полтавской губернии (теперь Новосанджарского р-на, Полтавской обл.). Летом 1845 года в его имении побывал Шевченко. Здесь сделаны рисунки Шевченко: «На Ореле», «Пейзаж с каменными бабами».

Автор «Граматики»... — Название неточное. Шевченко составил для народных школ не «Граматку», а «Букварь южнорусский» (СПб., 1861).

Покойный В. М. Юзефович... — Юзефович Владимир Михайлович (1841—1893) — сын М. В. Юзефовича, чиновник при киевском генерал-губернаторе, с 1881 года — член совета Главного управления по делам печати.

В. В. Тарновский

МЕЛОЧИ ИЗ ЖИЗНИ ШЕВЧЕНКА

(С. 129—133)

Впервые опубликовано в ж. «Киевская старина» (1897.— № 2.— С. 31—35, вторая пагинация). Печатается по первой публикации.

Тарновский Василий Васильевич младший, 1837—1899) — украинский помещик, известный коллекционер; в раннем детстве встречался с Шевченко в 1845 году в имении своего отца В. В. Тарновского (старшего) с. Поток; позже, в 1859 — в с. Качановке. Собрал большую коллекцию шевченковских материалов (автографов, рисунков и картин, документов и др.), которую в 1897 году завещал Черниговскому земству для музея.

• *Тарновская Надежда Васильевна* (умерла в 1891 г.) — сестра В. В. Тарновского (старшего), тетка мемуариста. В 1845 году вместе с Шевченко крестила ребенка у диакона М. Г. Говядовского. К ней обращено стихотворение Шевченко «Н. Т.» («Великомученице кумо!»), она же имеется в виду в стихотворении «Кума моя і я».

...был его сын, студент... — Сам мемуарист. — В. В. Тарновский (младший).

В. И. Аскоченский

И МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О Т. Г. ШЕВЧЕНКЕ

(С. 133—139)

Впервые опубликовано в ж. «Домашняя беседа» (1861.— № 33.— С. 645—651). Печатается по первой публикации.

Аскоченский Виктор Ипатьевич (1813—1879) — русский журналист и историк реакционного направления. Преподавал в духовной семинарии в Киеве, был гувернером племянника генерал-губернатора Д. Г. Библикова — Синягина. После переезда в Петербург издавал еженедельник «Домашняя беседа» (1856—1877). Сатирическое упоминание о нем содержит стихотворение «Умре муж велій в власяниці».

...в квартире А-вых... — Речь идет об Андреевiche (Андреевичеве) Павле Максимовиче, чиновнике военного интенданта, и его семье. В воспоминаниях В. И. Аскоченского дальше упоминаются дочь П. М. Андреевича Варвара (под криптонимом «В. А-ва») и сыновья Василий и Николай (также под криптонимом: «с В. П. и Н. П. А-выми»). Расшифровку криптонимов см.: *Жур II. Дума про Огонь: 3 хроніки життя і творчості Тараса Шевченка.* — К., 1985.— С. 246—249. Квартира Андреевичевых находилась в доме полковника Гуреева в Старокиевской части города.

...Кобзаря... (в прескверном киевском издании)... — Здесь — неточность мемуариста. Все прижизненные издания «Кобзаря» вышли в Петербурге: в 1840, 1844 и 1860 годах.

Полумпериал — 5 рублей.

Гулак-Артемовский Семен Степанович (1813—1873) — украинский композитор и оперный певец. Автор первой украинской оперы «Запорожец за Дунаем» (1862). Один из ближайших друзей Шевченко. Познакомился с ним в Петербурге в 1838 году, переписывался с поэтом, посвятил ему песню «Стоїть явір над водою», помогал в годы ссылки материально.

П. А. Кулиш

ЖИЗНЬ КУЛИША

(Отрывки)

(С. 139—142)

Впервые напечатано в ж. «Правда» (1868.— № 24.— С. 283—286; — № 25.— С. 296—300) без подписи, с датой: «Писано року божого 1867, місяця серпня 20-го дня». Содержание и характерные особенности языка и стиля не оставляют сомнений, что это автобиография П. А. Кулиша.

Кулиш Пантелеймон Александрович (1819—1897) — украинский писатель, критик, фольклорист, историк. Знакомство Шевченко и Кулиша состоялось в 1843 году в Киеве. В своих воспоминаниях Кулиш рассказал лишь о встрече с поэтом в 1843—1847 годах и совсем не коснулся контактов с ним после возвращения Шевченко из ссылки, когда их взаимоотношения обострились и дошли до идейного и психологического антагонизма в понимании путей и задач общественного и культурного развития. Воспоминания во многом имеют тенденциозный характер, особенно в той части, которая касается освещения идейно-духовных запросов и исканий киевской молодежи начала 40-х годов XIX столетия и идейно-программных начал Кирилло-Мефодиевского общества. То и другое Кулиш представил односторонне, в отрыве от социально-освободительных задач, которые были поставлены, в значительной степени под влиянием революционной поэзии Шевченко, прогрессивными представителями демократической части украинской интеллигенции, в частности левым, революционно-демократическим крылом Кирилло-Мефодиевского общества. Вместе

с тем воспоминания содержат и интересные сведения о пребывании Шевченко на Украине в 1843—1847 годах и его окружении этого времени.

...молодой студент университета... — Василий Михайлович Белозерский.

...после Андрусовского перемирия... — Мирный договор между Россией и Польшей, заключенный 3 января 1667 года в г. Андрусове, Смоленской губернии, по которому Украина была поделена между Россией и Польшей.

...организовывало... «Малороссийскую коллегию»... — Малороссийская коллегия учреждена в 1722 году для управления Украиной. Подчинялась сенату и ограничивала гетманскую власть.

...дружба с Грабовским и Свидзинским не помешала ему написать в 1843 году поэму «Украина», а в 1861 — поэму «Великие Проводы». — Грабовский Михал (1804—1863) — польский писатель, представитель украинской школы в польской литературе, автор трудов по истории Украины. Познакомил Кулиша с польскими историческими источниками, имел на него значительное влияние. Шевченко, вероятно, познакомился с М. Грабовским в 1843 году. Поэт намеревался привлечь М. Грабовского, наряду с некоторыми другими историками, к изданию серии офортов «Живописная Украина». Свидзинский — польский приятель Кулиша, библиофил.

...помогал Плетневу издавать «Современник»... — Плетнев Петр Александрович (1792—1865) — русский критик и поэт, ректор Петербургского университета, друг Пушкина, после его смерти был редактором журнала «Современник».

...для его приятельницы Ишимовой... — Ишимова Александра Иосифовна (1805—1881), писательница, автор популярных рассказов для детей. В журнале «Звездочка» (1842—1863), который издавала Ишимова, Кулиш опубликовал в 1846 году свою «Повесть об украинском народе».

К этому времени относится и создание самых прекрасных произведений Шевченко: «Мертвым и живым...», «Шафарику» и др. — В действительности Шевченко написал свои политические и исторические поэмы «Сон», «Кавказ», «Еретик» (со стихотворным посвящением «Шафарикові»), послание «І мертвим, і живим...» и др. еще до своего знакомства с кирилломефодиевцами. Н. Костомаров, В. Белозерский, А. Навроцкий, Г. Андруцкий, А. Тулуб и другие кирилломефодиевцы в 1846—1847 годах переписывали эти произведения, и они значительно повлияли на них. Влияние политической поэзии Шевченко отразилось в «Книгах бытия украинского народа» и других документах Кирилло-Мефодиевского общества.

...славист Прейс... — Прейс Петр Иванович (1810—1846), преподаватель истории, литературы и сравнительной грамматики славянских языков Петербургского университета, один из первых русских славистов.

...была у него мысль — обручиться с сестрой Белозерского... — В январе 1847 года Кулиш женился на Александре Михайловне Белозерской (1828—1911) — со временем украинской писательнице, которая под псевдонимом Ганна Барвинок печатала рассказы из народной жизни.

Написали Тарасу, чтобы он добыл себе через Академию паспорт, а они снабдят его деньгами. — Такое письмо и какие-либо косвенные указания на его существование не известны. Сказанное Кулишом об этом письме противоречит его утверждению в других воспоминаниях — «Историческом повествовании» — о том, что предложение Кулиша поэту осуществить поездку за границу было высказано устно.

П. А. Кулиш

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

(с. 143—161)

Впервые опубликовано в виде предисловия к сборнику П. А. Кулиша «Хуторная поэзия» (Львов, 1882.— С. 7—42). Печатается по первой публикации.

«И он к устам моим приник...» — отрывок из стихотворения А. Пушкина «Пророк».

...близко свела меня с одной землячкой.— А. М. Белозерской.

«Одну слъозу з очей карих...» — строка из стихотворения Шевченко «Думи мої, думи мої...»

...выхлопотали у министра для Шевченко место преподавателя живописи во всеучилище св. Владимира.— Речь идет о должности учителя рисования в Киевском университете, на которую министр народного образования С. С. Уваров 21 февраля 1847 года назначил с годичным испытательным сроком Шевченко, за которого хлопотала В. А. Репнина — мать В. Н. Репниной. Однако работать поэту в университете не довелось в связи с арестом по делу Кирилло-Мефодиевского общества.

...вечеринка у одного неженатого пана... — Речь идет о Викторе Николаевиче Забеле, имение которого было вблизи Борзны.

«Мимо двір, де живе мила...» — Начало поэзии В. Забелы «До милої».

Тимон Афинский — современник Сократа и Аристофана. Резко укорял современников за моральное разложение, стал объектом насмешек, а его имя — нарицательным именем мизантропа, человеконенавистника. Сохранился диалог Лукиана «Тимон», который использовал У. Шекспир в драме «Тимон Афинский».

«В том омуте, где с вами я...» — строки из романа Пушкина «Евгений Онегин».

Ich singe, wie der Vogel singt— строка из стихотворения И. В. Гете «Певец».

«Умийтеся! Образ божий...» — строки из послания Шевченко «І мертвим, і живим...»

...о Срезневском... еще не было слышно.— Срезневский Измаил Иванович (1812—1880) — русский славист, филолог и историк. В 1834—1838 годах издал сборник «Запорожская старина» в нескольких выпусках. Материалы этого сборника Шевченко использовал в некоторых своих исторических произведениях.

...была всего лишь приготовленная, специально для меня и Шевченко, отговорка... — Наиболее вероятно, что такого «ответа» не было. Ни в документах следственного дела Кирилло-Мефодиевского общества, ни в заявлениях кого-либо из кирилломефодиевцев, как официальных, так и частных, о чем-то подобном не было речи.

Некий Петров... — Петров Алексей Михайлович (1827—1883) — студент Киевского университета, который в конце 1846 года с провокационной целью вступил в Кирилло-Мефодиевское общество и вскоре его предал. Позже некоторое время был сотрудником III отделения.

...передал их господину Михаилу Юзефовичу... — Речь идет о первом (устном) доносе провокатора А. М. Петрова 29 февраля 1847 года помощнику попечителя Киевского учебного округа М. В. Юзефовичу о существовании Кирилло-Мефодиевского общества. Через несколько дней, 3 марта, Петров подал об этом письменное донесение попечителю Киевского учебного округа А. С. Траскину.

Мацевский Вацлав Александрович (1793—1883) — польский историк, профессор. Отстаивал идею всеславянского единения.

...сенатором Стороженко... — Стороженко Андрей Яковлевич (1790—1857) — главный директор правительственной комиссии внутренних и духовных дел в Польше.

Н. И. Костомаров

ВОСПОМИНАНИЕ О ДВУХ МАЛЯРАХ

(С. 162—169)

Впервые опубликовано в ж. «Основа» (1861.— № 4.— С. 44—56, дата: «Апреля 14, 1861»). Печатается по этому тексту.

Гильдебранд — папа Григорий VII (1073—1085).

...то в «Иване Выжигине» Булгарина, то в повестях Марлинского.— Роман русского реакционного писателя и журналиста Фаддея Булгарина «Иван Выжигин» издан в 1829 году. Марлинский — псевдоним Александра Бестужева (1797—1837) — популярного беллетриста, поэта и литературного критика.

...какую-нибудь Иродиаду... — внучка иудейского царя Ирода Великого (около 73—4 до н. э.). Добилась тюремного заключения и казни Иоанна Крестителя, который раскрыл ее связь с братом ее мужа, галилейским царьком Иродом Антипой.

...он сам описал все это в своей автобиографии.— Шевченко написал автобиографию в 1860 году по просьбе редактора ж. «Народное чтение», где она и опубликована (1860.— № 2.— С. 229—236) под заглавием «Письмо Т. Г. Шевченко к редактору «Народного чтения». В тот же год это выдающееся публицистическое произведение большого общественно-политического значения было перепечатано в газ. «Санкт-Петербургские ведомости» (№ 66), журнале «Современник» (№ 3.— С. 92—96), книге «Кобзарь» в переводе русских поэтов под ред. Н. В. Гербеля» (СПб., 1860) и др.

...об одном из ее гетманов.— Богдане Хмельницком (около 1595—1657), на похоронах которого были провозглашены слова: «Он был славой своего времени».

С Тарасом Григорьевичем я познакомился в Киеве в 1845 году.— Год указан здесь ошибочно. Во всех последующих воспоминаниях Костомарова о Шевченко время их первой встречи и знакомства уточнено — весна 1846 года.

...обстоятельства нас разлучили... — В марте и апреле 1847 года Костомаров и Шевченко были арестованы и отправлены в III отделение, где проводилось следствие по делу Кирилло-Мефодиевского общества. По приговору III отделения, конфирмованному Николаем I, Костомаров на год был заключен в Петропавловскую крепость, а затем сослан в Саратовскую губернию; Шевченко был отдан в солдаты оренбургских линейных батальонов с «запрещением писать и рисовать».

Читанные им в Петербурге в последние годы его стихотворения были слабее тех огненных произведений, которые некогда он читал мне в Киеве.— Это сугубо субъективное и ошибочное утверждение Костомарова. Произведения Шевченко периода после ссылки являются новой ступенью в развитии его революционной поэзии в условиях и под влиянием революционной ситуации в стране конца 50-х — начала 60-х годов XIX столетия.

Некоторые близорукие судьи изящного меряла его с Кольцовым и даже находили последнего выше.— Этот упрек был адресован, очевидно, тем из авторов рецензий на «Кобзарь» 1860 года и «Кобзарь» в переводе русских поэтов под ред. Н. В. Гербеля, которые справедливо отмечали родственные черты поэтики двух народных певцов — А. Кольцова (1809—1842) и Т. Шевченко, но не поднимались до понимания того, что в изображении самодержавно-помещичьего строя, в выражении освободительных устремлений народа Шевченко пошел значительно дальше Кольцова. Взгляд передовой русской критики на поэзию Шевченко и Кольцова хорошо выразил Добролюбов, который писал: «Он (Шевченко — *Ред.*) — поэт совершенно народный, такой, какого мы не можем указать у себя. Даже Кольцов нейдет с ним в сравнение, потому что складом своих мыслей и даже своими стремлениями иногда отдалается от народа. У Шевченко, напротив, весь круг его дум и сочувствий находится в совершенном соответствии со смыслом и строем народной жизни. Он вышел из народа, жил с народом, и не только мыслью, но и обстоятельствами жизни был с ним крепко и кровно связан». (*Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 3-т.— М., 1952.— Т. 3.— С. 536*). В другом месте статьи Костомаров справедливо ставит Шевченко как выразителя народных интересов и идеалов наряду с Пушкиным, хотя общественную основу и истоки поэзии Пушкина представляет себе при этом несколько суженно.

...судить по произведениям Игорева певца.— То есть автора «Слова о полку Игоре».

...Шевченко гражданином-то никогда не был... — Утверждение Костомарова

ошибочно и выдает его узкий доктринерский взгляд на поэзию Шевченко. Оно противоречит фактам общественной деятельности Шевченко, участия поэта в революционном движении, четким общественным устремлениям и идеалам, которыми пронизано все его творчество.

Н. И. Костомаров

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ-РЕДАКТОРУ «РУССКОЙ СТАРИНЫ»
М. И. СЕМЕВСКОМУ

(с. 170—179)

Впервые опубликовано в ж. «Русская старина» (1880.— № 3.— С. 597—610). В том же году переиздано под названием «К биографии Шевченко» в ж. «Зоря» (№ 6.— С. 87—88). Печатается по первой публикации.

...отправился с профессором Иванишевым раскапывать какой-то курган.— В июне — июле 1846 года Шевченко участвовал в раскопке могилы Перепись возле Фастова, которую осуществлял профессор университета Н. Д. Иванишев.

...поместившись где-то не близко от меня с одним своим товарищем, кажется, Сошенко...— В мае (по другим источникам — в апреле) 1846 года Шевченко поселился в доме И. И. Житницкого на Козьем болоте. Поэт жил здесь не с Сошенко, как ошибочно отметил Костомаров, а с художником Сажиним и поэтом Афанасьевым-Чужбинским. Последний оставил об этом воспоминания.

...помещик... посетивший Киев проездом на пути в чужие края.— Речь идет о кирилломефодиевце Н. И. Савиче (1808—1892), который, выехав вскоре после ареста кирилломефодиевцев за границу, передал в Париже А. Мицкевичу рукопись поэмы Шевченко «Кавказ». Рассказ Савича об этом записал и опубликовал Л. С. Мациевич.

...через стену слушал наши беседы какой-то не известный мне господин...— Провокатор — студент Киевского университета Петров Алексей Михайлович (1827—1883), живший в том же доме протоиерея Завадского, что и Н. Гулак, о беседе с которым рассказывает здесь Н. Костомаров.

...останавливался в Саратове, заезжал к моей матери...— Запись о встрече с Татьяной Петровной Костомаровой (1798—1875) в Саратове Шевченко сделал в своем дневнике (31 августа 1857 г.).

...с избранною особою.— Речь идет о Лукерье Полусмаковой, невесте Шевченко.

...его сочинения, собственноручно писанные по-русски.— То есть русские повести Шевченко. Костомаров не знал о них при жизни поэта, но сам он после смерти Тараса Григорьевича приобрел и хранил автографы этих произведений. Одну из повестей — «Несчастный» — он передал в журнал «Исторический вестник, где она напечатана в январской книжке 1881 года. Тогда же в газете «Труд», а вскоре и в журнале «Киевская старина» началась публикация и других повестей Шевченко.

...желал печатать написанное, но не решался на это по скромности...— Шевченко делал попытки опубликовать в русских журналах некоторые из повестей («Княгиня», «Варнак», «Прогулка с удовольствием и не без морали»), но они не были напечатаны. Сдержанный отзыв о повестях Шевченко и совет не печатать их выразил в письме к поэту от 19 июня 1858 года С. Т. Аксаков. Мнение Аксакова возымело действие на Шевченко, и новых попыток опубликовать свои прозаические произведения он не делал. Приведя в письме к М. И. Семевскому, сразу после воспоминаний о Шевченко, первые сведения о его русских повестях, Костомаров отозвался о них высоко (кроме «Повести о безродном Петрусе», которая не сохранилась), хотя и недооценивал степень владения русским языком автора. Высоко оценены повести Шевченко, их идейно-художественные достоинства в наше время.

Н. И. Костомаров

ВОСПОМИНАНИЯ О ШЕВЧЕНКО

(С. 180—182)

Впервые опубликовано в книге: *Т. Шевченко*. Кобзарь, з додатком споминок про Шевченка Костомарова і Микешина.— Прага, 1876.— С. VI—XII. Воспоминания написаны специально для этого издания. Печатается по первой публикации.

.. он выехал в Черниговскую губернию к своим знакомым.— Шевченко выехал из Киева на Черниговщину 9 января 1847 года, некоторое время находился на Борзнянщине, 22 января был на свадьбе у П. Кулиша, в феврале-марте жил у А. Лизогуба в Седневе.

...рассказывал, как он был в Варшаве...— Вопрос о пребывании Шевченко в Варшаве до конца не выяснен и остается открытым.

...считал в деле своего освобождения своими благодетелями Брюллова и поэта Жуковского...— Шевченко выкуплен из крепостной неволи за деньги, полученные за портрет Жуковского, написанный Брюлловым и разыгранный в лотерею.

...из Петровского укрепления...— Точнее, из Новопетровского укрепления, где Шевченко отбывал ссылку в 1850—1857 годах.

...чуть было не женился на какой-то актрисе.— Речь идет о Екатерине Борисовне Пиуновой (1841—1909), взаимоотношениям с ней посвящено немало записей в дневнике Шевченко.

...вначале ему было хорошо, потом какой-то начальник, дослужившийся до офицерских чинов из рядовых, начал его стеснять...— Имеется в виду, что, благодаря ходатайству друзей и знакомых, солдатская служба Шевченко началась в Орской крепости в условиях несколько сниженного отношения со стороны начальства, в частности коменданта крепости генерал-майора Исаева: поэту было разрешено жить не в казарме, а на частной квартире, посещать знакомых, бывать на вечерах местной интеллигенции. Но так было недолго. С конца 1847 года положение ссыльного поэта стало очень тяжелым: его перевели в солдатскую казарму, усиленно муштровали, новый комендант, которым стал батальонный командир Д. В. Мешков («выслужился из рядовых»), вел себя с поэтом по-солдафонски жестоко и деспотично.

Своим освобождением он считал себя обязанным ходатайству... графа Федора Петровича Толстого...— Семья Толстых сыграла в жизни Шевченко важную роль; вместе с другими общественными деятелями добились у царского правительства освобождения поэта из ссылки. 28 марта 1858 года Шевченко записал в дневнике: «Сердечнее и радостнее не встречал меня никто, и я никого, как встретились мы с моей святой заступницей (А. И. Толстой.— *Ред.*) и с графом Федором Петровичем. Эта встреча была душевнее всякой родственной встречи» (Т. 5.— С. 219).

...занимался граверным искусством „eau forte“.— То есть гравированием в технике офорта. За успехи в этом искусстве Академия художеств присвоила Шевченко 2 сентября 1860 года звание академика гравирования.

...собирается жениться на одной малороссиянке из престолярства...— Речь идет о Лукерье Полусмаковой, которая в конце июля 1860 года стала невестой Шевченко. Но вскоре Шевченко порвал отношения с ней.

...в статье, напечатанной в книге г. Гербеля.— То есть в антологии «Поэзия славян» (СПб., 1871), где помещена статья Костомарова «Малорусская литература».

Н. И. Костомаров

АВТОБИОГРАФИЯ

(Отрывки)

(С. 183—188)

Автобиография Костомарова записана под его диктовку женой А. Л. Костомаровой. Впервые напечатана со значительными пропусками (без трех разделов) в кн.: Литературное наследие Н. И. Костомарова (СПб., 1890.— С. 1—217). Полное издание: Автобиография Н. И. Костомарова. Под ред. В. Котельникова.— М., Задруга, 1922. Отрывки печатаются по этому изданию.

Другая автобиография Костомарова, записанная Н. Белозерской, опубликована в 1885 году в журнале «Русская мысль» (№ 5.— С. 210—213).

...учитель Пильчиков... — Д. П. Пильчиков (1821—1893), преподаватель истории в Полтавском кадетском корпусе (1846—1863). Примыкал к либерально-буржуазному направлению Кирилло-Мефодиевского общества, участвовал в организации воскресных школ на Полтавщине. Один из организаторов Общества им. Т. Г. Шевченко во Львове (1873).

...летопись Иерлчи... — Иоахим Ерлич (1598 — умер после 1673 г.) — польский хронист. Составленная им «Летопись, или Хроника различных дел и событий» полна ненависти к восставшему украинскому крестьянству, автор чернил его освободительную борьбу. Но одновременно это произведение содержит интересные сведения об этой борьбе. Впервые летопись издана в 1853 году в Варшаве. Раньше она распространялась в рукописях. В Киеве в 40-х годах XIX столетия рукописный экземпляр принадлежал польскому библиофилу Свидзинскому.

Третья очная ставка... — 28 марта 1847 года Костомаров был арестован в Киеве, 7 апреля доставлен в Петербург и заточен в каземат внутренней тюрьмы III отделения. 15 мая были проведены очные ставки кирилломефодиевцев. В тот же день у Костомарова были очные ставки с провокатором А. Петровым, потом с Г. Андруским и, наконец, с Н. Гулаком.

Первою и отрадною вестью, приятно поразившею меня в отечестве... — Речь идет о конце 1857 года, когда Костомаров вернулся из заграничной поездки.

Члены пароходной компании там его дружелюбно приняли и приютили. — Имеется в виду волжская пароходная компания «Меркурий». Во время своей вынужденной задержки в Нижнем Новгороде Шевченко сблизился со служащими этой компании Н. С. Аленниковым, главным управляющим нижегородской конторы «Меркурия» Н. А. Брылкиным, его помощником П. А. Овсянниковым и др. У последнего поэт жил почти полгода.

...я в одно утро... отправился к нему. — Эта встреча с Шевченко, первая со времени ареста и ссылки кирилломефодиевцев в 1847 году, состоялась вскоре после приезда Костомарова из Саратова в Петербург, где он находился с 20 июля до 30 августа 1858 года.

С сентября... — Костомаров занимал в то время кафедру русской истории в Петербургском университете.

...последнего видел я еще в мае, но потом он уехал в Малороссию и возвратился к осени. — Шевченко выехал на Украину в конце мая и вернулся в Петербург 7 сентября 1859 года.

...25 февраля... — Здесь ошибка. Шевченко умер 26 февраля.

Желиговский Эдвард (1815—1864) — польский поэт, участник революционно-освободительного движения. За публикацию драмы «Иордан» он был сначала сослан в Петрозаводск (где встречался со знакомыми Шевченко), а потом переведен в Оренбургский корпус. Здесь поэт поддерживал заочное знакомство с Шевченко,

интересовался его творчеством, посвятил ему свое стихотворение «К брату Тарасу Шевченко». Впоследствии встречался с ним в Петербурге.

Сераковский Сигизмунд (1826—1863) — выдающийся деятель польского и русского освободительного движения, революционный демократ. В солдаты Оренбургского корпуса был сослан за попытку участвовать в революционных волнениях 1848 года в Галиции.

Хотя Сераковский проходил службу в Новопетровском, Уральском укреплениях и в Оренбурге, где (в разное с ним время) находился и Шевченко, в ссылке они поддерживали только заочное знакомство при посредничестве общих друзей. Вернувшись из ссылки, Сераковский ходатайствовал об освобождении Шевченко и встречался с ним в Петербурге, в кругах, близких к Чернышевскому.

Ю. Белина-Кенджицкий

В КИЕВЕ У ШЕВЧЕНКО В 1846 ГОДУ

(С. 189—195)

Впервые напечатано на польском языке в издании „Gazeta Lwowska“ (1918.— № 38, 42, 64). Перепечатано в украинском переводе в газ. «Український голос», Перемышль (1927.— 20 марта). Печатается по первой публикации.

Юлиан Белина-Кенджицкий (1827—1889) — польский писатель, революционер. Родился в селе Ковалевке, Немировского уезда. В 1846—1851 годах учился в Киевском университете. Был учителем в Немирове, а в 1862 году — во 2-й Киевской гимназии. Участвовал в польском восстании 1863 года.

Милковский Зигмунт (лит. псевд.— Томаш Еж; 1824—1915) — польский писатель.

Петкевич Антоний (лит. псевд.— Адам Плуг; 1824—1903) — польский писатель. Учился в Киевском университете. В Варшаве редактировал газету „Kurjer Warszawski“.

...мы имели в виду несчастного сына Богдана Хмельницкого.— Хмельницкий Юрий Богданович (около 1641—1685) — гетман Украины в 1659—1663 годах. Был слишком слабавольным и стал марионеткой польской шляхты и турецкой верхушки. Изменил Российскому государству и подписал Слободищенский трактат, по которому Украина превратилась в польскую провинцию. В 1663 году отказался от гетманства и постригся в монахи, но, захваченный в плен татарами, султанским правительством еще дважды назначался «гетманом Украины». После провала турецкого плана захвата Украины Ю. Хмельницкий был казнен турками в Каменец-Подольском.

С Иванишевым копали могилу Перепята и Перепятихи.— На археологические раскопки вблизи Фастова Шевченко выезжал в июле 1846 года, участвовал в раскопках могилы Перепяты. Могила Перепятыхи была раскопана раньше, летом 1845 года. Раскопками обеих могил руководил профессор Н. Иванишев.

Микола тогда не пришел.— Имеется в виду Н. Костомаров.

...боишься говорить об этом с поляком.— Шевченко в польском вопросе стоял на революционно-демократических позициях. Он резко враждебно относился к представителям господствующих классов и искал связей с польской революционной общественностью.

Расскажи, о чем вы с Пантелеймоном говорили? — То есть с Кулишом.

...братство Кирилла и Мефодия... — Тайная политическая антикрепостническая организация, созданная в Киеве в декабре 1845 — январе 1846 года. Наиболее радикальная часть общества ставила задачу свержения самодержавия, объединения славянских народов в федеративную парламентскую республику. Но среди его участников не было единства относительно путей реализации общественных идей. В нем

существовало два направления. К либерально-буржуазному принадлежали Н. Костомаров, В. Белозерский, А. Маркович; П. Кулиш склонялся к либерально-помещичьему лагерю. Шевченко стал вдохновителем революционно-демократического направления, к которому принадлежали Н. Гулак, А. Навроцкий, И. Посяда, Г. Андрузский.

...*Отак німота запалила...*» — Отрывок из поэмы Шевченко «Єретик».

Яблоновский Александр Валериан (1829—1913) — польский историк, изучал историю и этнографию Украины.

Наши пань и подпанки.. не лучше ляхов. — На аналогичное свидетельство Шевченко о том, что украинские крестьяне терпели крепостной гнет со стороны собственных помещиков отнюдь не меньше, чем от польских, ссылался Чернышевский в статье «Национальная бестактность».

«*За думою дума росм вилігас...*» — Первая строка стихотворения Шевченко «Гоголю».

Тулуб Александр Данилович (1824—1872) — украинский общественный деятель, историк и педагог. Знакомый Шевченко. Распространял произведения поэта среди студентов Киевского университета. Был арестован как член Кирилло-Мефодиевского общества. Из-за отсутствия доказательств избежал наказания.

Л. С. Мацевич

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ САВИЧ

(Отрывок)

(С. 195—196)

Впервые опубликовано в ж. «Киевская старина» (1904.— № 1.— С. 229—238). Печатается по первой публикации.

Мацевич Лев Степанович (1843—1915) — украинский историк и археолог, исследователь старинных памятников, в частности церковных и монастырских, собрал некоторые материалы к биографии Шевченко.

Савич Николай Иванович (1809—1892) — участник Кирилло-Мефодиевского общества, принадлежал к его либерально-буржуазному крылу, выступал с проектами эмансипации женщин и примирения религиозных споров. Шевченко познакомился с ним в 1846 году. Встречался у Н. Гулака. После возвращения из Франции (откуда его отозвали по требованию III отделения) Савича арестовали и выслали в его имение на Полтавщине под наблюдение полиции.

Диевский Михаил Ильич (умер в 1893 г.) — протоиерей, магистр Киевской духовной академии.

Яковлев Владимир Александрович — профессор, директор Одесской публичной библиотеки.

Тройницкий Александр Григорьевич (1807—1871) — в 1837—1857 годах чиновник для особых поручений при новороссийском и бессарабском генерал-губернаторе. С октября 1857 по ноябрь 1861 года А. Г. Тройницкий был членом Главного управления цензуры от Министерства внутренних дел. Он рассматривал в 1859 году поданные поэтом в цензуру книжки (сшитые вместе) «Чигиринский Кобзарь и Гайдамаки» (СПб., 1844), «Гамалія» (СПб., 1844) и рукописный сборник «Поэзия Т. Шевченко. Том первый». Сделал вывод, что разрешено может быть только новое издание ранее публиковавшихся произведений поэта с новыми цензурными изъятиями в них.

В. Г. Щурат

ШЕВЧЕНКО О ГАЛИЦИИ 1846 Г.

(С. 196—198)

Впервые опубликовано в кн.: *В. Щурат. З життя і творчості Тараса Шевченка.* — Львов, 1914. Печатается по первой публикации.

Щурат Василий Григорьевич (1871—1948) — украинский литературовед, фольклорист, поэт и переводчик, академик АН УССР (с 1929 г.). Жил и работал во Львове. Автор трудов по шевченковедению. Среди них исследования по истории, работы об источниках и содержании отдельных произведений поэта, освещение эпизодов его биографии, исследование связей с польскими писателями и общественными деятелями.

Ракоци Ференц (1676—1735) — руководитель национально-освободительного движения в Венгрии в начале XVIII столетия, направленного против власти австрийской династии Габсбургов.

Форгац Сим (умер в 1730 г.) — граф, сподвижник Ф. Ракоци, умер в городке Вишневец.

Вишневец — городок Кременецкого уезда, Волынской губернии (теперь поселок городского типа Збаражского района, Тернопольской обл.). Шевченко посетил Вишневец осенью 1846 года, когда по заданию Археографической комиссии ездил на Подолье и Волынь собирать народные предания, песни, старинные документы, зарисовывать исторические и архитектурные памятники. Он осмотрел здесь старинный замок князей Вишневецких.

Подкамень — село, которое находилось на территории Австро-Венгрии (теперь поселок городского типа Бродовского района, Львовской обл.).

Кременец — уездный город Волынской губернии (теперь районный центр Тернопольской обл.). Шевченко был в Кременце в октябре 1846 года, осматривал ансамбль Кременецкого лица.

...под тяжелым впечатлением от галицкой резни... — Речь идет об антифеодальном крестьянском восстании в феврале 1846 года в Западной Галиции против шляхты. Восставшие разгромили около 400 помещичьих имений. Шевченко позже откликнулся на это событие басней «Сичі».

Почаев — городок Кременецкого уезда, Волынской губернии (тепер поселок городского типа Кременецкого района, Тернопольской обл.). Осенью 1846 года по поручению Археографической комиссии Шевченко здесь выполнил четыре акварельных рисунка, два эскиза и набросок с видами Почаевской лавры, записал несколько народных песен.

Н. М. Белозерский

ТАРАС ГРИГОРЬЕВИЧ ШЕВЧЕНКО
ПО ВОСПОМИНАНИЯМ РАЗНЫХ ЛИЦ

(1831—1861 гг.)

(С. 198—205)

Впервые опубликовано в ж. «Киевская старина» (1882.— № 10.— С. 66—67). Печатается по первой публикации.

Белозерский Николай Михайлович (1833—1896) — украинский фольклорист, этнограф. Брат В. М. Белозерского.

Тарновский Василий Васильевич (старший, 1810—1866) — помещик, племянник Г. С. Тарновского, после смерти которого получил по наследству села Поток и Качановка. Шевченко познакомился с ним в Потоке в 1845 году.

Сенчило-Стефановский Алексей Флорович (1808—1866) — художник, преподаватель рисования в Киево-Подольском дворянском училище, был сотрудником Археологической комиссии в Киеве. Девять рисунков, которые он выполнил на раскопках кургана Перепятиха вблизи Фастова в 1845 году для альбома «Могила Перепятихи и археологические находки из нее» (К., 1846), ошибочно приписывались Шевченко, который участвовал в раскопках другой могилы — Перепятъ в следующем, 1846 году. Шевченко бывал у Сенчило-Стефановского в Киеве и в 1859 году, во время последней поездки на Украину.

Тарновский Григорий Степанович — украинский помещик, стремился прославиться своим меценатством. Упоминается в воспоминаниях П. И. Мартоса.

...в семействе Сребдольских в хуторе Сороче... — На хуторе Сороча (Сороки) Борзнянского уезда, Черниговской губернии (сейчас в составе села Забеловщина, подчиненного городскому совету г. Борзны, Черниговской обл.), Шевченко нарисовал два портрета Юлии Григорьевны Сребдольской, из которых сохранился только один (карандаш, 1847, хранится в ГМШ).

Забела Надежда Николаевна (по мужу Рыба; род. не позже 1807 г.) — помещица, сестра поэта В. Н. Забелы. В ее доме в Борзне останавливался Шевченко.

...с В. Н. Забелы... с мальчика К. И. Белозерского. — Упомянутые портреты поэта Забелы и будущего революционного деятеля «Земли и воли» Карпа Ивановича Белозерского не найдены.

...юмористическое послание... В. Н. Забелы... находится у И. И. Белозерского. — Юмористическое стихотворное послание, в котором Забела упрекал Шевченко в том, что он в начале 1844 года не заехал к нему на хутор. Напечатано в 1893 году в журнале «Зоря», № 5, и в 1909 году — в журнале «Киевская старина», № 9. Автограф не сохранился.

У того же Забелы хранились... мужская сорочка... — Рубашка, шитая сестрой Шевченко Ириной, теперь находится в Литературно-мемориальном доме-музее Т. Г. Шевченко в Киеве.

...это, кажется, и была известная «кам'яница»... — Старинное каменное сооружение XVII столетия, изображенное на рисунке Шевченко «В Седневе» (сепия, 1846). Нет оснований полагать, что в ней была художественная мастерская, где работал поэт. Л. Жемчужников, который не раз приезжал в Седнев, указывал, что мастерская художника была во флигеле. Стены ее в самом деле были расписаны рукой Шевченко. Но это строение сгорело.

...полиция разыскивала Шевченка... в с. Бегаче (Городищенского уезда...) у кн. Кейкуатова... — Шевченко приезжал в с. Бергач, Городнянского уезда, Черниговской губернии (теперь Менского р-на, Черниговской обл.), в марте-апреле 1847 года по приглашению князя Кейкуатова Николая Ивановича (1806—1865) рисовать портреты его детей и жены — Екатерины Федоровны (девичья фамилия Бутович, 1827—1848). Н. Кейкуатов стал прототипом князя Мордатова в повести Шевченко «Княгиня» и князя в поэме «Княжна», а Е. Кейкуатова — прототипом Катруси в повести «Княгиня» и княгини в поэме «Княжна». Портреты Е. Кейкуатовой (масло, 1847) и детей Н. Кейкуатова (карандаш, 1847) находятся в ГМШ.

...на стене дома... несколько картин работы Шевченка. — В семье Лизогубов хранились живописные произведения Шевченко «Портрет А. И. Лизогуба», (карандаш, 1846), «Портрет И. И. Лизогуба» (масло, 1846—1847), «Автопортрет» (карандаш, 1847), «Автопортрет» (сепия, 1849), «Казахский бакса» (1848—1849).

...рисунок карандашом... «Отак тобі!» — Ни на одном из автографов писем Шевченко к А. Лизогубу из ссылки нет следов стертého рисунка или надписи.

...артиллерийский офицер С-а... — По воспоминаниям А. Я. Солтановского, это артиллерийский офицер Солонина (Солонин), с которым Шевченко ехал в Киев. Во время ареста у поэта отобрали рукописный сборник «Три літа», в который входили

революционные произведения «Сон», «Кавказ», «І мертвим, і живим...», «Заповіт» и др.

...Кочубей заказал Шевченку... четыре картины... — князь Кочубей Петр Аркадиевич (1825—1893) — русский ученый, известный исследованиями в области минералогии, химии, истории техники. В 1859 году Шевченко исполнил по заказу П. Кочубея масляными красками портрет генерального судьи В. Л. Кочубея (1640—1708), потомком которого он был. Из упомянутых сюжетов, заказанных Шевченко, сохранился только рисунок сепией «Русалки» и три этюда фигур русалок.

«Гайдамака Галайда з свяченим над Дніпром». — Рисунок карандашом с таким названием хранится в ГМШ. Он принадлежал А. Ф. Сенчилю-Стефановскому до 1856 года, когда был подарен Александру Григорьевичу Тише-Тишинскому. Рисунок считался автоиллюстрацией к поэме «Гайдамаки». Но манера исполнения его не характерна для Шевченко, и исследователи в последнее время выражают сомнение относительно его авторства.

Н. Д. Шигарин

ВОСПОМИНАНИЯ КИЕВЛЯН О ШЕВЧЕНКЕ И ЕГО ВРЕМЕНИ

(Отрывок)

(С. 205—209)

Впервые опубликовано в ж. «Библиотека западной полосы России» (1880.— Т. 1.— С. 1—18). Отрывки печатаются по первой публикации.

Шигарин Николай Д. (род. в 1830 г.) — чиновник канцелярии киевского генерал-губернатора. Издатель журнала «Библиотека западной полосы России».

В. Ф. Демич

ТАРАС ГРИГОРЬЕВИЧ ШЕВЧЕНКО. К ЕГО БИОГРАФИИ 1847 г.

(С. 209—210)

Впервые опубликовано в ж. «Русская старина» (1891.— № 5.— С. 429—431). Печатается по первой публикации.

Демич Дмитрий Павлович (1824—1891), чьи воспоминания передал В. Ф. Демич, — землемер, который в начале 1847 года познакомился с Шевченко в имении князя М. Кейкуатова — Бегаче.

Демич Василий Федорович (1858 — конец 20-х гг. XX ст.) — племянник Д. П. Демича, доктор медицины, надворный советник. Родом из Черниговщины, происходил из крестьян. Жил в Петербурге и в Киеве.

...у дяди имелась небольшая двусторонняя иконка, нарисованная Шевченко... — Версия сомнительная. Находясь в селе Бегаче, Шевченко вряд ли имел металлическую доску и принадлежности для граверной работы.

...старик настойчиво утверждал, будто бы Шевченко арестовали в с. Бегаче... — В. Демич с полным правом опроверг это утверждение Д. П. Демича. Шевченко был арестован несколько позже, когда он возвращался с Черниговщины, — на Киевской заставе 5 апреля 1847 года.

...поэт впоследствии так писал одному приятелю... — Имеется в виду письмо Я. Г. Кухаренко из Новопетровского укрепления от 1—16 апреля 1854 года, процитированное дальше по книге М. Чалого «Жизнь и произведения Тараса Шевченко» (К., 1882), где было опубликовано с некоторыми произвольными изменениями.

С одним из бегачских приятелей... — с Андреем Ивановичем Лизогубом, который жил в Седневе, был соседом Кейкуатовых.

...был набросан портрет поэта, в «солдацкїй муницїй»... — Портрет поэта в солдатской одежде с надписью: «Отак, як бачите!» — был опубликован в журнале «Сяйво» (К., 1914.— № 2.— С. 49). Считался работой Шевченко. Настоящим автором рисунка был офицер Новопетровского укрепления В. П. Воронцов, о чем свидетельствуют воспоминания жены.

А. Л. Костомарова

(ВОСПОМИНАНИЯ)

(Отрывок)

(С. 211—212)

Впервые опубликовано в ж. «Вестник Европы» (1910.— № 8) под заглавием «Николай Иванович Костомаров. Из воспоминаний» с предисловием В. Г. Котельникова (зятя А. Л. Костомаровой). Позже помещено в кн.: Автобиография Н. И. Костомарова. Под редакцией В. Котельникова.— М., Задруга, 1922. Отрывок печатается по этому изданию.

Костомарова Алина Леонтьевна (девичья фамилия Крагельская, 1830—1908) — жена М. И. Костомарова.

...На другое утро... — 31 марта 1847 года.

...по совету добрейшего папеньки... — Речь идет об отчине Алины Крагельской — Николае Кузьмиче Мазурове, чиновнике комиссариатской комиссии в Киеве (умер в 1858 г.).

...с Татьяной Петровной...— матерью М. И. Костомарова.

Н. А. Момбелли

ЗАПИСКИ

(Отрывок)

(С. 212—214)

Впервые опубликовано в кн.: Дело петрашевцев.— М.; Л., 1937.— Т. 1.— С. 305—312. Отрывок печатается по первой публикации.

Момбелли Николай Александрович (1823—1902) — поручик лейб-гвардии Московского полка. Один из самых активных участников кружка петрашевцев. В 1849 году был приговорен к расстрелу, замененному на пятнадцатилетнюю ссылку на каторгу с лишением всех гражданских прав. Со временем он был освобожден от каторжных работ и отправлен рядовым на Кавказ. Познакомился с Шевченко в 1844—1845 годах у Е. Гребенки. В 50-е годы служил в Отдельном Оренбургском корпусе, солдатом которого был и Шевченко. Вероятно они знали о положении друг друга. Момбелли, как и другие петрашевцы, высоко ценил произведения Шевченко.

...говорят... об открытом и сваченном правительством обществе... — Речь идет о Кирилло-Мефодиевском обществе.

...какой-то живописный журнал... — Имеется в виду серия офортов «Живописная Украина», первый выпуск которой был издан Шевченко в 1844 году в Петербурге.

...написал... в стихах воззвание... и отдал его какому-то французу Лесажу для напечатания в Лейпциге.— Такие слухи не имеют никакого документального подтверждения.

Ф. М. Лазаревский

Т. Г. ШЕВЧЕНКО В ОРЕНБУРГЕ

(С. 214—223)

Впервые опубликовано М. К. Чалым в ж. «Киевская старина» (1899.— № 2.— С. 152—167) под заглавием «Из воспоминаний Ф. М. Лазаревского о Шевченко». Печатается по первой публикации.

Лазаревский Федор Матвеевич (1820—1890) — один из шести братьев Лазаревских, с которыми дружил Шевченко. Познакомился с поэтом в 1847 году в Оренбурге (где с 1845 по 1854 год был чиновником Пограничной комиссии), много помогал ему во время ссылки, впоследствии встречался с ним в Петербурге и на Украине. Свои воспоминания записал, познакомившись с книгой М. Чалого «Жизнь и произведения Тараса Шевченко. Свод материалов для его биографии», и дополнил свои мемуары после появления в журнале «Исторический вестник» (1886.— № 1) статьи Е. М. Гаршина «Шевченко в ссылке». Об этом сохранилось его собственное свидетельство в опубликованном Н. В. Шугуровым отрывке: «Еще из воспоминаний Ф. М. Лазаревского о Шевченко» (Киевская старина.— 1899.— № 4. См. также: *Гофанов Д.* Материали про життя і творчість Тараса Шевченка.— К., 1857.— С. 23—24, где эта часть воспоминаний опубликована по автографу, хранящемуся в Отделе рукописей ЦНБ АН УССР — ф. 1, № 66965).

...писецъ Гальявинский... — коллежский регистратор Гальявинский Василий Андреевич; с 1845 года, после окончания Оренбургской гимназии, работал деловодом Пограничной комиссии.

...Ночью жандармы Шевченка привезли... — Дата прибытия Шевченко в ссылку точно не установлена. По его свидетельству (Т. 5.— С. 89), он прибыл в Оренбург в сопровождении жандармского фельдъегеря Виддера, ночью «на осьмые сутки» после выезда из Петербурга (31 мая или 1 июня 1847 года) — то есть 8 или 9 июня. В воспоминаниях Ф. Лазаревского имеется в виду ночь с 8 на 9 июня. В официальном рапорте генерал-лейтенанта А. Толмачова, который исполнял тогда обязанности командира Отдельного оренбургского корпуса, прибытие Шевченко датируется 9 июня «в одиннадцать часов пополудни» (Тарас Шевченко. Документы та матеріали до біографії.— К., 1982.— С. 140).

...генералу Ладыженскому... — генерал-майор Ладыженский Михаил Васильевич, председатель Оренбургской пограничной комиссии, переведен в Оренбург из Тобольска вместе со своими подчиненными Федором и Михаилом Лазаревскими, а также А. Венгжиновским — будущими друзьями Шевченко в ссылке. Был лично знаком с поэтом, относился к нему сдержанно, но с сочувствием.

Левицкий Сергей Петрович (1822—1855) — коллежский секретарь, помощник столоначальника (с 1848 года — столоначальник) Оренбургской пограничной комиссии. Земляк Ф. Лазаревского. Дружил с Шевченко в Оренбурге; выехал в 1850 году в отпуск, исполнял его поручения в Москве и Петербурге; просил друзей Шевченко хлопотать об облегчении судьбы сосланного поэта. Найденное у Шевченко при обыске письмо от Левицкого привело к аресту последнего и следствию над ним.

...подполковника Матвеева. — Матвеев Ефим Матвеевич, подполковник (с 1856 года — полковник) Уральского казачьего войска, офицер для особых поручений при командире Отдельного оренбургского корпуса. Деятельный организатор освоения и развития края. гуманно относился к подчиненным и к местному населению. Одним из первых познакомился с Шевченко в Оренбурге, содействовал облегчению его положения. В 1848—1849 годах был начальником Раимского укрепления в период службы там Шевченко (см. ниже воспоминания Э. В. Нудатова).

При Обручеве... — генерал от инфантерии Обручев Владимир Афанасьевич (1793—1866), оренбургский генерал-губернатор и командир Отдельного оренбург-

ского корпуса с 1842 по март 1851 года. Отличался деспотическим и раздражительным характером. Когда Шевченко прибыл к месту ссылки, Обручева не было в Оренбурге, так как он инспектировал степные военные укрепления.

...пришел к нам на квартиру.— Ф. Лазаревский вместе с С. Левицким нанимали тогда квартиру в доме местного чиновника М. И. Кутина (ныне пер. Шевченко, 9). Живя в Оренбурге зимой 1849—1850 года после возвращения из Аральской экспедиции, Шевченко также часто бывал здесь.

...получил уже назначение в Орскую крепость...— По поводу того, когда именно Шевченко был отправлен из Оренбурга в Орскую крепость, шевченковеды спорят до сих пор (см.: *Большаков Л. Літа невольничі.*— К., 1971.— С. 154—157). Между тем, как видно из опубликованной А. Матовым записи № 2009 в журнале дислоцированного в Орске 5 линейного батальона о рапорте поручика Г. Почешева, это произошло 18 июня 1847 года (Камско-Волжский край.— 1897.— 11—22 янв.).

...попечителю прилинейных киргизов, М. С. Александрийскому.— Александрийский Михаил Семенович (род. в 1810 г.) ведал орской дистанцией Пограничной комиссии. Врач по образованию, человек прогрессивных взглядов, Александрийский пытался облегчить положение Шевченко в Орской крепости: принимал его у себя дома, получал на свой адрес посылаемые ему друзьями письма и книги. Переписывался с Шевченко, когда тот находился в Аральской экспедиции, встречался с ним в Оренбурге в 1849—1850 годах.

...в материальном отношении Шевченко в Орской крепости жилось недурно...— Мемуарист несколько приукрашивает тогдашнее положение Шевченко. Несмотря на поддержку и помощь друзей, поэт тяжело страдал духовно и физически, о чем не раз писал в своих письмах из Орской крепости (Т. 6.— С. 44—45).

...от конотопца В. О. Езучевского...— Петербургского чиновника Езучевского Василия Осиповича, родом из Конотопского уезда на Черниговщине, служившего в главном управлении путей сообщения, Шевченко знал со времен своей учебы в Академии художеств. Находясь в Орской крепости, поэт в конце 1847 года просил М. Лазаревского поблагодарить в Петербурге «добрых и искренних людей» — В. Езучевского и его родственника Я. Галузевского (Т. 6.— С. 46).

...я отправлял их для передачи брату Михаилу в Троицк.— М. Лазаревский, также служивший тогда в Пограничной комиссии, был одним из промежуточных адресатов, через которых Шевченко поддерживал связь с друзьями. Постоянно проживая в г. Троицке, М. Лазаревский выезжал по служебным делам в различные пункты Оренбургского края, в частности встречался с Шевченко в Орской крепости. Связей со ссыльным поэтом он не порывал и после своего переезда в Петербург.

...Н. М. Белозерский... уверяет...— Речь идет о статье украинского фольклориста и этнографа Н. Белозерского «Тарас Григорьевич Шевченко по воспоминаниям разных лиц» (Киевская старина.— 1882.— № 10.— С. 66—77).

В начале 1848 года... был отправлен в Уральское укрепление...— Первые упоминания о возможном переводе Шевченко «весной в степь на Раим (около Аральского моря крепость)» появились в письмах Шевченко в феврале 1848 года (Т. 6.— С. 48, 50 и др.). Приказ о зачислении Шевченко в состав роты, откомандированной из 5 (Орского) в 4-й (Раимский) линейный батальон, подписан 8 мая 1848 года (Тарас Шевченко. Документи та матеріали біографії, с. 164). Из Орской крепости рота выступила 11 мая, в Уральское укрепление прибыла 30 мая, в Раим — 19 июня 1848 года.

...не получали от него ни строчки.— Перерыв в переписке Шевченко был вызван его участием в Раимском походе и Аральской экспедиции и продолжался с мая 1848 по октябрь 1849 года (Т. 6.— С. 55—57).

На это письмо я предоставил ответить самому Тарасу...— Вернувшись в Оренбург, Шевченко в письме от 14 ноября 1849 года поблагодарил В. Репнину за заботы о нем (Т. 6.— С. 57—58).

Экспедиция Бутакова окончилась осенью 1849 г.— Вместе с Бутаковым и другими участниками Аральской экспедиции Шевченко выехал из Раима 10 октября и прибыл в Оренбург 31 октября 1849 года.

Залеский Бронислав (1820—1880) — польский историк и художник, один из ближайших друзей Шевченко в ссылке. За участие в польских революционных кружках в 1848 году сослан в солдаты Оренбургского корпуса. Познакомился с Шевченко в 1849 году в Оренбурге, когда был прикомандирован для помощи ему в оформлении материалов Аральской экспедиции. В 1851 году вместе с Шевченко принимал участие в экспедиции, изучавшей месторождения угля в горах Каратау на полуострове Мангышлак. Поддерживал с Шевченко оживленную переписку, после ссылки встречался с ним в Петербурге.

...поселился в квартире моей, близ костела, а потом в предместье Оренбурга... — Речь идет о той самой квартире в доме Кутиных (ныне пер. Шевченко, 9), где Шевченко провел первую ночь в ссылке у Ф. Лазаревского. Стоявший напротив римско-католический костел (остатки которого сохранились донныне) служил местом встречи польских политических ссыльных, с которыми Шевченко особенно сблизился в то время. Дом К. И. Герна, во флигеле которого жил Шевченко, находился в Старой, или Голубиной, слободке (ныне ул. Казаковская, 43).

...моряка Поспелова... — прапорщик (впоследствии подпоручик) корпуса флотских штурманов Поспелов Ксенофонт Егорович (1820 — около 1860), один из друзей Шевченко в ссылке. Познакомился с ним в Орской крепости весной 1848 года, вместе выступил в Раим, во время Аральской экспедиции жил в одной каюте с поэтом на шхуне «Константин». После ареста Шевченко в 1850 году Поспелов привлекался к следствию по делу о «недозволенных послаблениях» политическому ссыльному.

...татарка Забаржада — возможный адресат стихотворения Шевченко «I станом гнучим, і красою» (Т. 2.— С. 259—260).

Они очень ухаживали за Тарасом, что подчас сильно тяготило его... — В целом правильно оценивая круг знакомств Шевченко среди польских политических ссыльных в Оренбурге, мемуарист, однако, проявляет явную предвзятость и непонимание сути их отношений. В действительности с большинством поляков Шевченко связывало общее участие в революционно-освободительной борьбе и глубокая личная симпатия.

Станевич Ян (1832—1904) — участник польского освободительного движения, сослан в солдаты Оренбургского корпуса в 1850 году. Тогда же встречался в Оренбурге с Шевченко, вскоре высланным в Новопетровское укрепление. Впоследствии они переписывались, после ссылки встречались в Петербурге, где Станевич вместе с Сераковским обучался в Академии генерального штаба и принимал участие в подпольной революционной работе по подготовке польского восстания 1863 года.

Турно Людвиг (род. около 1805 г.) — участник польского освободительного движения, сослан в солдаты Оренбургского корпуса за участие в революционных событиях в Кракове в 1848 году. Познакомился с Шевченко зимой 1849—1850 года в Оренбурге, вместе с Бр. Залеским добился прикомандирования его к Каратауской экспедиции 1851 года, во время которой все трое еще более сблизилось, живя в одной палатке. Переписка Л. Турно того периода (хранится в Ягеллонской библиотеке в Кракове) является ценным документальным источником сведений о ссылке Шевченко.

Зелёнка Михаил (1797—1860) — участник польского освободительного движения, католический монах, бывший префект (инспектор) Гродненской гимназии. Высланный в Оренбург за участие в польском восстании 1830—1831 годов, вскоре стал ксендзом Отдельного оренбургского корпуса. Пользовался большим авторитетом и всеобщим уважением в среде ссыльных поляков.

Венгжиновский Аркадий (1818 — 1880-е годы) — коллежский секретарь, смот-

читель школы для киргизских детей при Оренбургской пограничной комиссии, поляк по национальности, двоюродный брат С. Сераковского. Служил в Оренбургском крае с 1845 года, много сделал для просвещения местного населения. Помогал польским политическим ссыльным, вследствие чего над ним был установлен строгий тайный надзор. Познакомился с Шевченко в 1849 году в Оренбурге, вскоре переехал на Украину. Распространял среди знакомых рисунки Шевченко, которые ему пересылал Бр. Залеский, помог восстановить его связи с В. Репниной. Шевченко упоминал его в своих письмах, в 1850 году подарил свой автопортрет времен Аральской экспедиции (Т. VIII.— № 47).

Одна из сестер полковника Герна была замужем за паном Киришей... — Кириш Елизавета Ивановна (1825—1855) — сестра К. И. Герна, жена коллежского регистратора Кириша Альфонса-Карла Адамовича (1819—после 1890 г.), чиновника Оренбургской провиантской комиссии. В гостеприимном доме Киришей, часто посещаемом польскими ссыльными, Шевченко бывал зимой 1849—1850 года.

...я взял портрет. — Очевидно, речь идет об автопортрете Шевченко, на котором сохранилась надпись, сделанная рукой Ф. Лазаревского: «29 ноября 1849 г., Оренбург» (Т. VIII.— № 46).

...бывал в доме генерал-губернатора, рисовал портрет его жены... — В дореволюционное время этот портрет хранился у дочерей Обручевых, ныне его судьба неизвестна (Т. VIII.— С. 73). Жена оренбургского генерал-губернатора Обручева Матильда Петровна, немка по национальности, католического вероисповедания. Она часто посещала местный костел и находилась в дружеских отношениях с ксендзом Зеленкой, вместе с которым устраивала любительские спектакли, благотворительные вечера и т. п. Возможно, именно Зеленка уговорил Шевченко нарисовать портрет Обручевой в надежде, что это поможет в хлопотах за художника перед генерал-губернатором.

...к доктору Майделю... — Майдель Петр (Фридрих) Евстафиевич (1819—1884) — врач Пограничной комиссии, заметная фигура в среде оренбургской интеллигенции. Самоотверженно исполнял свои лекарские обязанности, особенно отличился во время холерной эпидемии 1848 года. Представление мемуариста о Майделе как «важном тузе», «родовитом аристократе» документально не подтверждается. Майдель происходил из беспоместных дворян, окончил Дерптский университет на казенный кошт. Тайным советником и бароном он стал позже, а в 1849 году, когда Шевченко встречался с ним в Оренбурге, Майдель имел скромный чин коллежского асессора.

Исаев Николай Григорьевич (род. в 1829 г.) — прапорщик. Окончил Полтавский кадетский корпус, в июле 1848 года назначен в 3-й Оренбургский линейный батальон. Шевченко познакомился с ним зимой 1849—1850 года, в феврале 1850 года нарисовал его портрет (Т. VIII.— № 54), над которым работал на квартире у Гернов. Чтобы отомстить за то, что Шевченко разоблачил его ухаживания за женой К. Герна, Исаев сделал донос, который привел ко второму аресту поэта и ссылке его на семь лет в Новопетровское укрепление. Возможно, Исаев послужил одним из прототипов образа развращенного офицера Зосима Сокиры в повести Шевченко «Близнецы».

...супруге N. N. — Речь идет о Герн Софии Николаевне, жене штабс-капитана К. И. Герна, в то время матери троих детей. Шевченко находился с Герном в дружеских отношениях и жил у него на квартире, где в 1850 году рисовал портреты своих хозяев (уничтожены перед обыском).

На следующий день, в страстную субботу... — То есть в субботу накануне пасхи, которая в 1850 году приходилась на 23 апреля. О доносе Исаева Ф. Лазаревскому стало известно 22 апреля 1850 года, в тот же день вместе с Шевченко они сожгли часть рисунков и писем, в ночь с 22 на 23 апреля в квартире Герна был сделан обыск, 23 апреля Шевченко взят под стражу, 27 апреля издан приказ командира Оренбург-

ского корпуса о переводе Шевченко из 4 в 5-й линейный батальон в Орскую крепость.

...на него Обручеву подан донос. — В рапорте об аресте Шевченко, направленном военному министру А. Чернышеву 23 мая 1850 года, Обручев указал: «Между тем ныне мне сделалось известным, что будто бы означенный рядовой Шевченко ходит иногда в партикулярной гражданской одежде, занимается рисованием и составлением стихов» (Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії, с. 189). Несомненно, Обручеву все это было известно и ранее, в свое время по просьбе друзей Шевченко он санкционировал некоторые облегчения его службы. Однако опасаясь, что донос Исаева может повредить ему в Петербурге, Обручев приказал арестовать Шевченко, содержать его в заключении в Орской крепости, а после следствия сослать в самое отдаленное Новопетровское укрепление.

Пали усі письма княжни Рєпніної. — В. Репнина была одной из немногих, кто продолжал переписываться с Шевченко в ссылке. За период между его первым и вторым арестами ныне известно девять писем Шевченко к Репниной (октябрь 1847 — март 1850 года) и всего три ее ответа (январь — март 1848), однако и те сохранились не в автографах.

...плац-адъютанта Мартынова, полиций-мейстера... — Поручик Мартынов Николай Андреевич, плац-адъютант комендантского управления Оренбурга; полковник Демостико Николай Иванович, оренбургский полицмейстер.

...мы отвечаем пушками на вопли порабощенного народа о свободе! — Так было истолковано упоминание об «аккомпанементе 24-х фунтового калибра» в письме М. Александрийского к Шевченко от 16 августа 1848 года из Орской крепости (Листи до Т. Г. Шевченка, с. 77). В действительности там шла речь не о «бунте киргизов», а о революционных событиях в Европе.

...Обручев смешал меня с братом Василием. — Генерал-губернатору В. Обручеву была хорошо известна причастность Ф. Лазаревского к делу Шевченко. В рапорте Обручева военному министру А. Чернышеву от 23 мая 1850 года было обращено внимание на найденные среди изъятых у Шевченко бумаг «письма двух братьев Лазаревских... Из переписки видно, что некоторые письма для Шевченко пересылались к упомянутым Лазаревским и чиновнику той же комиссии Александрийскому». Эти сведения были повторены также в справке, представленной военным министром царю 5 июня 1850 года и в его же письме начальнику III отделения А. Орлову от 8 июня 1850 года. В объяснении, данном Обручевым шефу жандармов 25 июня 1850 года по поводу разглашения подробностей секретного следствия над Шевченко, он указывал, что известил министра иностранных дел о нежелательности допускать на более высокую должность в Пограничной комиссии «советника Лазаревского, оглашаемого в связях и переписке с рядовым Шевченко, состоящим под строгим надзором начальства» (Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії, с. 189, 190, 192, 195, 207).

А в Петербурге... я, как Шевченко, человек маленький... — При всей утрированности такого сопоставления Обручев действительно имел неприятности по службе в связи с доносом Исаева. То, что он известил о следствии над Шевченко не только военного министра А. Чернышева, но и министра иностранных дел К. Нессельроде, которому была подчинена Оренбургская пограничная комиссия, вызвало неудовольствие начальника III отделения А. Орлова, и он пожаловался царю, требуя запросить у Обручева объяснений, на каком основании была нарушена секретность ведения следствия (Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії, с. 188).

...с строжайшим предписанием... следить за ним. — По секретному приказу Обручева от 21 мая 1850 года командир 5 линейного батальона в Орской крепости должен был принять к Шевченко строгие дисциплинарные меры (Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії, с. 188).

Просидев в Орском каземате более месяца, по приговору военного суда Шевчен-

ко был отправлен в Новопетровское укрепление... — В Орскую крепость Шевченко прибыл 1 июня 1850 года. Пока велось следствие он находился под строгим арестом на гауптвахте с 24 июня по 9 августа 1850 года «в одном каземате с колодниками и даже клейменными каторжниками» (Т. 5.— С. 31). «Военного суда» над Шевченко не было; юридическим основанием его новой ссылки стало вновь подтвержденное личное распоряжение царя отдать Шевченко под строгий надзор с запрещением писать и рисовать, а также одобренное военным министром предложение командира Отдельного оренбургского корпуса о переводе Шевченко в Новопетровское укрепление (Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії, с. 237—240).

Приказ о зачислении Шевченко в 1-й линейный батальон (командование которого находилось в Уральском укреплении, а две роты — в Новопетровском) издан 5 сентября 1850 года. По дороге из Орска 3 октября 1850 года Шевченко на несколько часов заезжал в Оренбург, где виделся с друзьями. 8 октября он выехал из Уральска в Гурьев, 14 октября почтовой лодкой был отправлен из Гурьева в Новопетровское укрепление, куда прибыл 17 октября 1850 года.

По поводу злосчастного письма Сергея Левицкого... — Речь идет о письме С. Левицкого к Шевченко от 6 марта 1850 года из Петербурга, изъятом у Шевченко во время обыска (Листи до Т. Г. Шевченка, с. 78—79). Под Карлом Ивановичем подразумевался царь Николай I, однако благодаря тому, что в письмах С. Левицкого и художника А. Чернышева от 29 марта 1850 года упоминался также другой Карл Иванович — «добрый и искренний немец» Герн, следователям не удалось раскрыть, о ком идет речь: в официальном докладе III отделения от 9 июня 1850 года указано, что «Карлом Ивановичем они называют какого-то Герна» (Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії, с. 198).

...окончившийся для Головка весьма трагически.— Головка Николай Алексеевич (1825—1850) — магистр математических наук в Харьковском университете. Во время ареста в Петербурге оказал вооруженное сопротивление, однако, не попав в жандармского полковника Левенталя, застрелился сам. По этому поводу Николай I выговаривал жандармам, что они поступили глупо, «ибо не должно было его допускать схватить оружие» (Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії, с. 201).

...хотя арест не повлек за собой никаких последствий для его службы... — После недолгого заключения С. Левицкий был освобожден из-под ареста, но над ним был установлен негласный надзор. Умер он не «через два года», а в начале 1855 года. К следствию привлекалась также сестра С. Левицкого.

...не видал его до 1857 года... — Дата приведена мемуаристом ошибочно: после ссылки Шевченко прибыл в Петербург и остановился на квартире у М. Лазаревского 27 марта 1858 года.

...вследствие испытанных им на родине неприятностей... — Речь идет об аресте Шевченко летом 1859 года вблизи Канева и о вынужденном отъезде с Украины.

...портрет нашей матери... — Портрет Лазаревской Афанасии Алексеевны (1801—1879), матери братьев Лазаревских, нарисован в Гирявке 22 августа 1859 года (Т. X.— № 45). Ныне хранится в ГМШ.

Из Гирявки мы выехали вместе.— Шевченко находился в Гирявке у Лазаревских с 21 по 25 августа 1859 года.

Впервые опубликовано в ж. «Русский архив» (1899.— Кн. 1.— № 4.— С. 643—647). Написанные М. Лазаревским воспоминания сохранились не полностью. В примечании к публикации редактора журнала П. Бартенева, в частности, указано: «Тут, к сожалению, кончается рукопись Михаила Матвеевича Лазаревского, любезно сообщенная в «Русский архив» Н. М. Тереховым. Читатели слышат рассказ М. М. Лазаревского с воспоминаниями его брата, Федора Матвеевича Лазаревского, которые напечатаны в «Киевской старине» 1899 года (февраль).

Память Тараса Григорьевича Шевченко дорога не для одних малороссиян, но и для всякого русского человека, способного ценить человека с печатью гения на челе, где и в какой бы среде он ни появился. А что таким вдохновенным другом и служителем муз был Шевченко, это несомненно для людей, сколько-нибудь знакомых с его произведениями». (Русский архив.— 1899.— Кн. 1.— № 4.— С. 647.)

По публикации «Русского архива» воспоминания М. Лазаревского были перепечатаны в изложении Н. Шугурова в журнале «Киевская старина» (1899.— № 6.— С. 433—439), а также в переводе на украинский язык в журнале «Літературно-науковий вісник» (1899.— Т. VII.— Кн. 7.— С. 23—27). Печатается по первой публикации.

Лазаревский Михаил Матвеевич — см. с. 487.

...комендант Лифлянд... — Генерал-майор Лифлянд Михаил Кристианович (умер в 1848 г.) военный комендант Оренбурга, первое официальное лицо, принявшее Шевченко по прибытии в ссылку.

Исаев Дмитрий Николаевич (1780—1848 или 1849) — генерал-майор, комендант Орской крепости. Сочувственно относился к ссыльному Шевченко.

...один из них, Фишер... — Рядовой Фишер Оттон Людвигович (род. в 1818 г.). В 1848 году сослан в солдаты Оренбургского корпуса за причастность к освободительному движению в Польше. Кроме него, среди первых знакомых Шевченко из числа польских политических ссыльных в Орской крепости были Станислав Круликевич и Ипполит Завадский. К ним обращено написанное тогда стихотворение Шевченко «Полякам» (Т. 2.— С. 51—52).

Но в 1847 году умер Исаев... — Здесь мемуарист допустил хронологическую неточность: в 1847 году Исаев, служивший в Орской крепости еще с 30-х годов XIX века и отличавшийся бескорыстностью, был освобожден от должности коменданта после того, как его имущество было описано за долги. Умер он через один-два года после этого. (См.: *Большаков Л. Літа невольничі*, с. 128—131.)

Батальонный командир... — Капитан (впоследствии майор) Мешков Дмитрий Васильевич, командовал 5 Оренбургским линейным батальоном с апреля 1847 года. Познакомился с Шевченко еще в Оренбурге, относился к нему грубо и придирчиво, после отставки Исаева запретил Шевченко жить на частной квартире. После второго ареста поэта, получив взыскание за недосмотр, стал относиться к ссыльному Шевченко еще строже.

...приехал... Бутаков... — Капитан-лейтенант А. Бутаков прибыл в Оренбург 5 марта 1848 года, с Шевченко встретился в Орской крепости, но знал о нем ранее и относился дружелюбно и сочувственно, за что в 1850 году имел неприятности по службе.

...вместо Шевченко, командировал к Бутакову... Залеского и Турно. — Неточность в мемуарах: упомянутые польские ссыльные в Аральской экспедиции участия не принимали. Шевченко познакомился с ними по возвращении в Оренбург. В 1851 году вместе с Шевченко находились в Каратауской экспедиции на Мангышлаке.

...Бутаков выпросил к себе в экспедицию Шевченко в виде матроса... — Официальными документами это не подтверждается: в рапорте Бутакова от 22 апреля 1849 года указано, что командир Отдельного оренбургского корпуса назначил Шевченко в экспедицию «для срисовывания видов в степи и на берегах Аральского моря» (Тарас Шевченко, Документы та матеріали до біографії, с. 166). В ведомостях и других документах Аральской экспедиции Шевченко тоже упоминается как живописец.

...из какого-то петербургского кадетского корпуса... — Н. Исаев обучался в Полтавском кадетском корпусе.

«Де ж тобі орудже, мій земляче?» — Возможно, здесь ошибочно прочитанное обращение к Шевченко в письме В. Лазаревского: «Де тебе орудює твоя гірка година, мій любий, мій добрий, мій бідний земляче!» (Листи до Т. Г. Шевченка, с. 66).

Дня через два после обыска... — После второго ареста Шевченко до его прибытия в Орскую крепость прошло более месяца (23 апреля — 1 июня 1850 года).

...перевел его 8 октября 1850 года из № 5 в № 1 Оренбургский линейный батальон... — Приказ об этом издан 5 сентября 1850 года. (Тарас Шевченко. Документы та матеріали до біографії, с. 242.)

А. И. Матов

ТАРАС ГРИГОРЬЕВИЧ ШЕВЧЕНКО В ССЫЛКЕ

(С. 227—232)

Впервые опубликовано в казанской газ. «Камско-Волжский край» (1897.— 11 янв.; 17 янв.; 22 янв.). Сокращенное изложение воспоминаний опубликовано в харьковской газ. «Южный край» (1897.— 19 янв.). Печатается по первой публикации.

Матов Александр Иванович — русский журналист. Сотрудничал в поволжской прессе, в конце 90-х годов редактировал в Оренбурге газету «Степь», интересовался материалами о ссылке Шевченко, разыскивал их в Орске и Оренбурге. Однако записанные им воспоминания старожилов не отличаются достоверностью, публикация их вызвала полемические отклики тогдашней прессы. В частности, П. Юдин в статье «К биографии Т. Г. Шевченко» (Русский архив.— 1898.— Кн. 1.— № 3.— С. 461—476) указывал А. Матову на ряд неточностей, незнание источников, некритическое отношение к сведениям, почерпнутым из вторых рук. Сомнительными считают их и некоторые современные шевченковеды (см.: *Большаков Л. Літа невольничі*, с. 396). Кроме воспоминаний, А. Матов включил в свою статью перечень документов о Шевченко, внесенных в журналы регистрации входящих и исходящих бумаг Орского линейного батальона; этот перечень представляет интерес и для современных исследователей, поскольку ныне известны не все из упоминаемых в нем документов.

Некоторые, как-то: А. Ф. Канфер и М. И. Бажанов,— правда, сообщили кое-что... — Записанные и опубликованные А. Матовым (Русские ведомости.— 1895.— 2 сент.) воспоминания этих орских старожилов не только малозначимы (что признавал и сам А. Матов), но и недостоверны. Как ныне установлено, бывший фельдфебель 5 (а не 4, как утверждал мемуарист) линейного батальона Канфер Агапий Федорович не мог встречаться в Орской крепости с Шевченко, так как стал служить в ней не ранее 1853—1854 годов, когда Шевченко там уже не было. (См.: *Большаков Л. Літа невольничі*, с. 257—258.) О М. И. Бажанове никаких сведений не имеется.

...ссылный студент Даценко... опубликовал в «Киевской старине» некоторые документы... — Речь идет о статье Г. П. Даценко «Несколько слов о Тарасе Григорьевиче Шевченке». (Киевская старина.— 1893.— № 2.— С. 252—261.)

...позитителем называют одну интеллигентную личность... — Очевидно, имеется в виду журналист П. Юдин, разыскивавший тогда в Оренбурге документы о Шевчен-

ко. Возможно, брошенное А. Матовым обвинение было одной из причин резкого тона упомянутого полемического отклика П. Юдина.

Муж Лаврентьевой... — Писарь Орской инженерной команды (впоследствии мелкий чиновник) Лаврентьев Павел Сергеевич, с которым Шевченко находился в дружеских отношениях.

В ту пору у нас был один только подтвержденный — Ханыков... — одна из многочисленных неточностей в воспоминаниях Лаврентьевой. Петрашевец Ханыков Александр Владимирович (1825—1853) попал в Орскую крепость 5 января 1850 года, вскоре возглавил существовавший там тайный кружок политических ссыльных (И. Завадский, В. Докальский и др.). Шевченко сблизился с ним во время своего второго пребывания в Орской крепости (июнь — сентябрь 1850 года). Находясь в Новопетровском укреплении, он получил через Н. Савичева «письма и разные словесные поручения» от Ханыкова, переведенного в Уральск после разгрома орского кружка.

...поэт получил возможность и рисовать и ходить на охоту. — Рисовать Шевченко приходилось тайком, официальное запрещение писать и рисовать не было снято с него до конца ссылки.

...были у Лаврентьева и карандашные наброски, исполненные Тарасом Григорьевичем, и стихотворения... — Эти рисунки и автографы Шевченко ныне не известны.

Больше, чай, году-то! — Впервые Шевченко находился в Орской крепости с июня 1847 по май 1848 года, после второго ареста — с июня по сентябрь 1850 года. Возможно, сестры Лаврентьевы совмещают оба эти периода.

Воронцов Владимир Петрович — подпоручик 1 Оренбургского линейного батальона. Служил в Новопетровском укреплении до 1852 года. Шевченко нарисовал портрет Воронцова (ныне хранится в ГМШ).

...попал, как нарочно, в роту самого строгого командира. — Речь идет о штабс-капитане Потапове Меркуле Матвеевиче, бывшем первым ротным командиром Шевченко в Новопетровском укреплении с 1850 по 1852 год. Грубость и самодурство Потапова подтверждают также воспоминания Косарева.

В мемуарах Воронцовой много неточностей и недостоверных сведений, потому их изложение в записи А. Матова печатается здесь в сокращенном виде.

А. И. Матов

ВОСПОМИНАНИЯ О Т. Г. ШЕВЧЕНКО

(С. 233—234)

Впервые опубликовано в газ. «Русские ведомости» (1895.— 2 сент.). Перепечатано в ж. «Киевская старина» (1895.— № 11.— С. 60—61) и «Историческом вестнике» (1896.— № 1.— С. 363—364). Записанные А. Матовым от лиц, знакомство которых с Шевченко сомнительно, эти воспоминания не отличаются достоверностью. Печатается по первой публикации.

...собрались мы в Сырдарьинский поход... — Какой поход имеется здесь в виду, не установлено. Некоторые гипотезы об участии в нем Шевченко (см.: Гаско М. Про що розповідають малюнки Тараса Шевченка.— К., 1970.— С. 118—125) носят малоаргументированный характер.

...прекрасная картина-аллегория. — Ныне эта картина не известна.

...тогдашний министр народного просвещения... — Уваров Сергей Семенович (1786—1855), осуществлял крайне реакционную, обскурантскую политику.

Впервые опубликовано в ж. «Русский архив» (1898.— Кн. 3.— № 12.— С. 550—555) с подзаголовком «Письмо К. И. Герна к М. М. Лазаревскому» и датой: «12 апреля». Публикация Н. М. Терехова. Печатается по первой публикации.

Воспоминания представляют собой ответ К. Герна на письмо М. Лазаревского с просьбой поделиться сведениями о встречах с Шевченко в период ссылки. Перепечатывая воспоминания Герна, ж. «Киевская старина» (1899.— № 2.— С. 67—73) сопроводил их примечанием от редакции: «...считаем не лишним добавить, что хотя год в этом письме не означен, но несомненно, что оно писано в 1861 году, когда под свежим впечатлением смерти поэта друзья его начали заботиться о собрании материалов для биографии Т. Г. Шевченка. Как видно, тогда же обратился М. М. Лазаревский к полковнику К. И. Герну, служившему в Оренбурге, с просьбой сообщить, что он знает об оренбургской жизни поэта. Все эти сведения собирались для напечатания их в издававшейся тогда «Основе». Каким образом любопытный ответ Герна, заключающий в себе, кроме того, такое интересное письмо Шевченка к поэту Жуковскому, попал не в «Основу», а в руки неизвестного нам г. Терехова — объяснить не умеем, зная всю ревность М. М. Лазаревского к памяти дорогого ему поэта... Во всяком случае нельзя не поблагодарить почтенного редактора «Русского архива» за обнародование этих двух интересных писем».

Посылая М. Лазаревскому свои воспоминания, К. Герн присовокупил к ним также копии с писем Шевченко к Жуковскому и к неизвестному Герну — официальному лицу в Петербурге, черновики которых хранились у него. Как установлено А. А. Лазаревским (см.: Рад. литературознство. Наукові записки: № 7—8.— 1947.— С. 107—113), речь шла о двух черновиках письма Шевченко к Жуковскому, написанного между 1 и 10 августа 1850 года, и черновике письма Шевченко к Дубельту от 10 января 1850 года; ныне эти автографы Шевченко не известны, однако, принимая во внимание, что текст упомянутых писем Шевченко опубликован (Т. 6.— С. 63—64, 426, 292), соответствующая часть письма К. Герна к М. Лазаревскому здесь не перепечатывается.

Прибытков Павел Иванович — генерал-майор, начальник штаба Отдельного оренбургского корпуса до 1849 года. За его подписью был издан приказ о зачислении Шевченко в 5-й линейный батальон, размещенный в Орской крепости.

...какого господина к нам сегодня прислали... — Хронологическая неточность в воспоминаниях Герна: его не было в Оренбурге в начале июня 1847 года, когда туда доставили Шевченко, поскольку с 15 мая по 12 августа он сопровождал В. Обручева в инспекционной поездке по степным укреплениям (см.: *Большаков Л. Літа невольничі*, с. 26). Очевидно, письмо в Орскую крепость с просьбой облегчить положение Шевченко было написано после возвращения Герна в Оренбург. Впервые Герн мог встретиться с Шевченко в начале мая 1848 года, перед выходом транспортов Аральской экспедиции из Орской крепости или по пути из Орска в Карабутах.

...майору Мешкову... — В июне 1847 года, когда Шевченко попал в Орскую крепость, Д. Мешков был еще капитаном; майорское звание присвоено ему позже. Попытки отдельных публикаторов воспоминаний Герна опротестовать сведения о грубом отношении Мешкова к Шевченко (см.; например, «Киевская старина», — 1899.— № 2.— С. 67—73) — безосновательны.

Пробывши в экспедиции этой без малого три года... — Шевченко находился в Аральской экспедиции с 11 мая 1848 по 31 октября 1849 года.

...по отъезде Бутакова в Петербург перешел жить ко мне. — Вернувшись в Оренбург, Шевченко сначала жил на квартире А. Бутакова, оформляя материалы экспе-

диции, затем — во флигеле дома Герна в Голубиной слободке (ныне ул. Казаковская, 43).

Какой-то подлый человек написал губернатору донос... — Герну, несомненно, было известно, что донос был написан прапорщиком Исаевым.

...Тараса опять перевели на Сырдарью... — Неточность в воспоминаниях вызвана тем, что Гери доверился упоминанию «меня посылают опять на Сырдарью» в письме Шевченко к Жуковскому, написанном еще до ареста 1850 года (Т. 6.— С. 64). Как известно, после этого ареста Шевченко находился в заключении в Орской крепости.

...я получил от него превосходный акварельный рисунок песчаного бурана в Мангышлакской пустыне... — Судьба этой акварели, как и других рисунков и автографов Шевченко, оставшихся в семье Герна, ныне не известна. Получив переданную ему из Новопетровского укрепления акварель Шевченко, Гери попытался воспользоваться ею как поводом для еще одной попытки возбудить ходатайство об облегчении судьбы ссыльного художника. Однако, как писал Гери в конце своего письма к М. Лазаревскому от 12 апреля 1861 года, «покойный граф Василий Алексеевич Перовский, на которого мы так много надеялись за Тараса, при назначении его к нам генерал-губернатором, решительно отказался от всякого к нему участия. Между тем граф был человек истинно великодушный и с ангельски добрым сердцем. Когда я ему показал подаренный мне Тарасом рисунок «Буран», то он мне, между прочим, сказал: «Мне Чернышев (художник) еще в Петербурге говорил о Шевченке, и я готов был сделать для него все, что можно,— попросил для этого у Дубельта подлинное о нем дело, прочел его сам от доски до доски и убедился только в том, что мне за него вступить и просить об нем государя нельзя! И вас прошу вперед меня никогда ни о чем до него касающемся не просить; я уже это и Глебову, и Середу, и Павлову сказал». (Русский архив.— 1898.— Кн. 3.— № 12.— С. 550—555). Это свидетельство Герна, с одной стороны, раскрывает мотивы, вследствие которых В. Перовский отказался помогать ссыльному Шевченко, а с другой, позволяет расширить представление о круге лиц, которые не только сочувствовали Шевченко, но и стремились так или иначе помочь ему. Кроме самого Герна, к ним принадлежали и упомянутые в его письме Глебов Павел Николаевич (род. в 1823 г.) — старший чиновник для особых поручений при генерал-губернаторской канцелярии, прибывший на службу в Оренбург из Киева и, возможно, еще там получивший определенные сведения о Шевченко; чиновник той же канцелярии Серета Николай Акимович (1830—1893) — судя по фамилии, украинец по происхождению; оренбургский врач Павлов Иван Васильевич (1832—1904), во время обучения в Московском университете принимавший участие в кружке Грановского, а впоследствии поддерживавший связи с Герценом, Некрасовым, Салтыковым-Щедриным, Плещеевым и др., сам выступавший как литератор и журналист.

В Новопетровском укреплении Тарас попытался лепить. — Шевченко начал заниматься скульптурой в обход царского запрещения рисовать. Присланные им в Оренбург барельефы и формы для их отливки не сохранились (см.: Чабров Г. М. До питання про скульптурні твори Шевченка// Збірник праць VII наукової шевченківської конференції.— К., 1959.— С. 133—140).

...бедного мещанина Хлебникова... — Хлебников Николай Петрович (род. в 1830 г.) — художник-самоучка, впоследствии (1868 г.) поручик вспомогательного военного формирования — Оренбургского губернского батальона. Поступить в петербургскую Академию художеств ему не удалось. Нарисованный им «Портрет бухарца» имеется в альбоме Обручевых, хранящемся ныне в ГМШ.

Впервые опубликовано (в другой редакции) в газ. «Южный край» (1890.— 31 дек.); в пересказе, на украинском языке — в ж. «Зоря» (1891.— № 5.— С. 91—94). По автографу ЦНБ АН УССР опубликовано в кн.: *Гофанов Д. Матеріали про життя і творчість Тараса Шевченка.*— К., 1957.— С. 50—69. Печатается по автографу (Отдел рукописей ЦНБ АН УССР, ф. 1, № 316).

Д. Клеменсов — псевдоним Монтвида Дмитрия Григорьевича, русского писателя и журналиста, сотрудника периодических изданий 70—80-х годов, автора книги «По волнам. Рассказы и сценки» (СПб., 1887). Интересовался творчеством Шевченко; взял эпиграфом к своему рассказу «Христос воскрес» строки из поэмы «Гайдамаки» в русском переводе. Живя в Пензе, встречался там с Э. В. Нудатовым (в то время — управляющий отделением дворянского и крестьянского банка), от которого и записал воспоминания о пребывании Шевченко в Раимском укреплении. Рукопись воспоминаний была послана в журнал «Киевская старина» с письмом от 30 марта 1889 года (Отдел рукописей ЦНБ АН УССР, ф. 3, № 4019), однако в «Киевской старине» эти воспоминания напечатаны не были.

Рукопись Д. Клеменсова интересна прежде всего тем, что в ней сохранились — со слов очевидца Э. Нудатова — некоторые подробности жизни Шевченко в Раимском укреплении. Вместе с тем в тексте Д. Клеменсова имеется ряд неверных выводов (в частности о причинах ссылки Шевченко: мемуарист бесосновательно считал одной из них некие «непристойные» рисунки), а также явное стремление идеализировать царя Николая I и оправдать его жестокий приговор украинскому поэту и художнику. Вследствие этого здесь перепечатывается только та часть рукописи Д. Клеменсова, в которой содержатся записанные им воспоминания Э. Нудатова.

Нудатов Эраст Васильевич (род. в 1828 г.) — воспитанник Неплюевского кадетского корпуса в Оренбурге, прапорщик 4 Оренбургского линейного батальона. В 1848 году попал в Раимское укрепление, где встречался с Шевченко. Впоследствии стал земским деятелем, служил в Самарско-Нижегородском банке.

...из официальной аттестации командира... — Имеется в виду ответ майора Д. Мешкова от 10 марта 1848 года на запрос вышестоящего начальства о поведении Шевченко в Орской крепости (Тарас Шевченко. Документы та матеріали до біографії, с. 163. В записи Д. Клеменсова этот документ цитирован по статье: *Гаршин Е. Шевченко в ссылке // Исторический вестник.*— 1886.— № 1.— С. 66—73).

Начальником укрепления в это время был Ерофеев... — Подполковник Ерофеев Степан Егорович командовал Раимским укреплением до конца 1848 года, когда был уволен за служебные упущения и пьянство. Шевченко был свидетелем его самодурства и жестокого обращения с подчиненными, о чем и рассказал Нудатову.

...у нас имеется портрет Э. Нудатова, нарисованный Шевченко... — Судьба упомянутого здесь портрета не известна.

...генерал Федяев... — Речь идет о генерал-майоре Федяеве Лонгине Ивановиче (род. в 1794 г.), командире 1-й бригады 23-й пехотной дивизии. Славился своей честностью и гуманностью, сочувственно относился к Шевченко, поддерживал ходатайства друзей об облегчении его положения.

Прибыл Шевченко в Раим... — в Раимском укреплении Шевченко находился трижды: с 19 июня по 25 июля 1848 года во время подготовки шхун к началу Аральской экспедиции; с января по апрель 1849 года (именно тогда с ним познакомился Э. Нудатов) и с конца сентября по 10 октября 1849 года, возвращаясь в Оренбург по окончании Аральской экспедиции.

Васильев Алексей Степанович (род. в 1816 г.) — инженер-прапорщик, гарнизонный инженер Раимского укрепления.

Шкуп Владислав Адамович (1799—1863) — капитан, командир роты 4 Оренбургского линейного батальона. (Мемуарист по ошибке называет его «Шкуль».) Поляк по национальности, принимал участие в польском восстании 1830 года. Попал в плен, перешел на службу к русским, в 1833 году привлекался к следствию по делу о «польском заговоре» в Оренбургском крае.

Богданович Павел Иванович — поручик, субалтерн-офицер роты 4 Оренбургского линейного батальона.

Цыбисов Михаил Васильевич — губернский секретарь, смотритель Раимской лавки Оренбургской полевой провиантской комиссии. К его дочери Цыбисовой Анастасии Михайловне (род. в 1833 г.) сватались офицеры, изображенные на шуточном рисунке Шевченко. В 1850 году она вышла замуж за одного из изображенных на шевченковской карикатуре — прапорщика Эйсмонта Густава Карловича.

Дамис Яков Яковлевич — майор, занял должность командира 4 Оренбургского линейного батальона в декабре 1848 года, в мае 1849 — стал начальником Раимского укрепления. Умер в Раиме в декабре 1850 года.

Лавров Арсентий Михайлович — титулярный советник, младший лекарь Раимского лазарета. Состоял в дружеских отношениях с Шевченко, вместе с ним написал из Раима письмо к А. Макшееву от 26 марта 1849 года (см.: Т. Г. Шевченко в епістолярії Відділу рукописів ЦНБ АН УРСР.— К., 1966.— С. 16—17. Подпись А. Лаврова в этом издании расшифрована неточно).

Килькевич Сильвестр Станиславович (род. в 1813 г.) — титулярный советник, старший лекарь Раимского укрепления, поляк по национальности. Обучался в Виленской медико-хирургической академии, за связи с польским освободительным движением в 1843 году был переведен на службу в Оренбургский корпус. Поддерживал связи с польскими политическими ссыльными, дружил с Шевченко в Раиме.

А. И. Макшеев

ПУТЕШЕСТВИЯ ПО КИРГИЗСКИМ СТЕПЯМ И ТУРКЕСТАНСКОМУ КРАЮ

(С. 246—267)

Впервые опубликовано отдельной книгой: *А. И. Макшеев*. Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю.— СПб., 1896. Печатается (с сокращением мест, непосредственно не касающихся Шевченко) по тексту II и III глав указанной книги (С. 22—74).

Макшеев Алексей Иванович (1822—1892) — офицер генерального штаба, командированный в Оренбургский край для военно-географических исследований. Впоследствии заслуженный профессор Академии генерального штаба, генерал-лейтенант. Автор многочисленных трудов в области военной статистики и географии (в нескольких из них упоминается Шевченко). Обучаясь в Академии генерального штаба (1842—1847), сблизился с участниками кружка петрашевцев, связь с которыми поддерживал и после своего отъезда из Петербурга, из-за чего фигурировал на следствии, но к ответственности не привлекался.

С Шевченко познакомился в Орской крепости в мае 1848 года, вместе с ним совершил степной переход на берега Аральского моря, находился в морской экспедиции 1848 года. В Раимском укреплении летом 1848 года Шевченко нарисовал акварельный портрет Макшеева, весной 1849 — передал ему оттуда привет в Оренбург. Увидев Макшеева в 1860 году в Петербурге во время какого-то спектакля или публичного чтения в зале Руадзе, Шевченко послал ему «глазами и рукой дружеское приветствие», но близкого знакомства не возобновил.

Кроме упоминаний о Шевченко в цитированной книге, Макшееву принадлежат еще одни воспоминания об украинском поэте. Они написаны в мае 1871 года по просьбе одного из первых биографов Шевченко В. П. Маслова (Маслия), переданной Макшееву через художника Е. С. Сорокина (Т. Г. Шевченко в епістолярії, с. 50). В. Маслов частично воспользовался этими материалами в своей книге о Шевченко и намеревался опубликовать их полностью (*Там же.*— С. 64—65), однако не успел. Очевидно (насколько можно судить по упоминаемым В. Масловым деталям), именно этот текст был издан много лет спустя после смерти В. Маслова и А. Макшеева (Русская старина.— 1914.— № 5.— С. 305—308). Однако, хотя в этих воспоминаниях речь идет не только об Аральской экспедиции, но и о пребывании Шевченко в Оренбурге и обстоятельствах его ссылки на Мангышлак, они не добавляют ничего нового к сведениям, более подробно сообщенным другими мемуаристами (Ф. Лазаревский и др.), потому здесь и не приводятся. В отличие от них, сведения А. Макшеева о пребывании Шевченко в Аральской экспедиции имеют большое значение как уникальные свидетельства непосредственного участника, записанные на основе подробных ежедневных записей, делавшихся тогда А. Макшеевым.

...при... Шрейбере, назначенном для начальствования над отрядами и транспор- тами в степи... — Шрейбер Иван Петрович — генерал-майор, командир 2-й бригады 23-й (а не 43-й, как ошибочно указано в книге А. Макшеева) пехотной дивизии. С его ведома Шевченко рисовал степные виды с самого начала Аральского похода.

...Шевченко нарисовал акварелью эту импровизированную иллюминацию... — Акварель «Пожар в степи» и ее предварительный набросок карандашом (Т. VIII,— № 2, 141).

На первом переходе я познакомился с Т. Г. Шевченко... — Таким образом, знакомство А. Макшеева с Шевченко состоялось 11—12 мая 1848 года.

Он много рассказывал о своих мелких невзгодах, но о крупных политических никогда не говорил ни слова. — Из этого явствует, что, несмотря на хорошие отношения с А. Макшеевым, Шевченко не касался в разговорах с ним острых тем, о которых нередко беседовал с политическими ссыльными в Оренбургском крае.

...он читал ее мало и никогда ничего не писал. — Следы знакомства с Библией заметны во многих произведениях Шевченко, написанных как во время ссылки, так и после нее. Вопреки последнему утверждению А. Макшеева, именно Аральская экспедиция была одним из наиболее плодотворных периодов поэтического творчества Шевченко в ссылке.

...джангис-агач... — Сохранилась акварель Шевченко, изображающая это дерево (Т. VIII.— № 5). Связанные с ним казахские народные предания и обычаи отразились в стихотворении Шевченко «У бога за дверми лежала сокира» (Т. 2.— С. 86—88). Поскольку дерево, по свидетельству самого Макшеева, росло «за несколько верст до Карабутака» (основанного 21 мая 1848 г.), транспорт, очевидно, находился возле него 20, а не 26 мая.

...в альбоме киргизской степи, изданном Залеским в Париже. — Имеется в виду издание: *La vie des steppes Kirghizes.*— Paris, 1865.

...был заложен на реке Карабугак форт... — Несколько изображений форта Карабугак имеется среди рисунков Шевченко 1848 года (Т. VIII.— № 3, 4, 142).

Раимское укрепление было построено в виде неправильного многоугольника... — Сохранились многочисленные зарисовки Шевченко Раимского укрепления и его передовых постов, а также оснащение возле него шхун для Аральской экспедиции (Т. VIII.— № 9, 10, 15—18 и др.).

...полуразрушенной могиле батыря Раима... — Остатки ее зарисовал Шевченко (Т. VIII.— № 11).

...он рисовал с меня портрет акварелью... — Начатый Шевченко и завершенный М. Ф. Чернышевым акварельный портрет А. Макшеева до 1920 года хранился у его потомков в Петрограде. Нынешнее местонахождение его не известно.

...под командою бывшего моряка, поручика Мертваго... — Уволенный в 1845 году из Балтийского флота капитан-лейтенант Мертваго Павел Степанович, предшественник Бутакова в обследовании Аральского моря, плавание по которому на шхуне «Николай» он совершил летом 1847 и весной 1848 года. Встречался с Шевченко зимой 1849—1850 года в Оренбурге.

Акишев Артем Аникиевич (род. в 1818 г.) — прапорщик корпуса топографов, участник Аральской экспедиции. Шевченко жил с ним в одной каюте на шхуне «Константин», рисовал виды местности, где Акишев производил топографические съемки.

Вернер Томаш — участник польского освободительного движения, в 1844 году сосланный рядовым в Оренбургский корпус. Вместе с Шевченко принимал участие в Аральской экспедиции в качестве геолога, впоследствии встречался с ним в Оренбурге, где Шевченко нарисовал его портрет (оригинал не известен, фотоснимок с него хранится в ГМШ. См.: Т. VIII.— № 48).

Истомин Александр Александрович (род. в 1813 г.) — в Аральской экспедиции исполнял обязанности фельдшера, а также заведовал хозяйством и фиксировал гидрологические измерения. Шевченко жил с ним в одной каюте на шхуне «Константин», зимовал в 1848—1849 году на острове Косарал (сохранился рисунок сепией, изображающий А. Бутакова и А. Истомина во время этой зимовки — см. Т. VIII.— № 41); они вместе возвращались из Аральской экспедиции, встречались в Оренбурге.

...прекрасном акварельном альбоме видов Аральского моря... — По возвращении из Аральской экспедиции Шевченко изготовил альбом акварельных рисунков, который, по замыслу его друзей, должен был быть представлен начальству с целью добиться для ссыльного художника официального разрешения рисовать. Однако вследствие ареста 1850 года осуществить это не удалось. Выезжая из Оренбурга, Шевченко подарил этот альбом Герну. Дальнейшая его судьба не известна.

Затряпин Николай Васильевич — приказчик рыбопромысловой артели на Аральском море. Возглавлял рыбацкую ватагу, оказывал содействие экспедиции Бутакова.

Альмобет (Альмамбек) — предводитель Чиклинского рода казахов, служил проводником в Аральской экспедиции, за что получил награду.

...дела 26 мая при Достановой могиле... — Речь идет о вооруженном нападении хивинцев на два русских транспорта (вышедших из Орска на день раньше отряда генерала Шрейбера) вблизи могилы казахского батыря Дустана. Отряд в несколько сот всадников был направлен хивинским ханом, который стремился помешать продвижению русских войск к границам Хивы и требовал, чтобы они оставили Раимское и Новопетровское укрепления. Нападение было отбито, отряд рассеян, после чего хивинцы больше не отваживались нападать на русские войска. Среди рисунков Шевченко того времени есть акварель «Дустанова могила» (Т. VIII.— № 6).

Н. Д. Новицкий

НА СЫРДАРЬЕ У РОТНОГО КОМАНДИРА

(С. 267—278)

Впервые опубликовано в ж. «Киевская старина» (1889.— № 3.— С. 561—581) за подписью *Н. Д. Н.* и с посвящением: «Посвящается друзьям: Бер-у, Жит-у и Цв-у» (то есть В. Беренштаму, П. Житецкому, Ю. Цветковскому). Печатается по первой публикации.

Новицкий Николай Дементьевич (1833—1906) — офицер, участник революционно-освободительного движения 50—60-х годов XIX в., близкий знакомый Чернышевского и Добролюбова, член тайного общества «Земля и воля». Познакомился с Шевченко в Петербурге в конце 50-х годов, переписывался с ним, помогал в деле выкупа родственников поэта из крепостного состояния. Встретившись с бывшим ротным командиром Шевченко Е. Косаревым, записал и опубликовал его воспомина-

ния. Посылая их в журнал «Киевская старина», Н. Д. Новицкий писал в письме П. Г. Житецкому от 27 января 1889 года: «Все факты, относящиеся до службы Тараса в киргизских степях, переданы мною с стереотипическою точностью с рассказа старика Косарева. Я, со своей стороны, дал только посильную для меня литературную обработку этому рассказу.» (Отдел рукописей ЦНБ АН УССР, ф. 1, № 48613.)

Беренштам Вильям Людвигович — см. с. 494.

Житецкий Павел Игнатъевич (1837—1911) — украинский языковед и фольклорист. Принимал участие в увековечении памяти Шевченко и издании его произведений.

Цветковский Юрий Юрьевич (1843—1913) — украинский педагог, общественный и культурный деятель, принимал участие в издании произведений Шевченко.

Косарев Егор Михайлович (в статье Н. Новицкого ошибочно назван Тимофеевичем, 1818—1891) — штабс-капитан, командир роты (впоследствии — полубатальона) 1 Оренбургского линейного батальона, в котором Шевченко служил в Новопетровском укреплении. Кроме воспоминаний, записанных Н. Новицким, сохранились также собственные записи Косарева, опубликованные К. Оберучевым (Киевская старина.— 1893.— № 2.— С. 243—257). В обеих редакциях мемуаров Косарева, написанных им в конце жизни, через много лет после смерти Шевченко, бросается в глаза стремление преувеличить и приукрасить свою роль в жизни ссыльного поэта. Сам Шевченко не раз с неприязнью вспоминал о том, как Косарев, «во всем своем ослином величии», нещадно муштровал подчиненных ему солдат (Т. 5.— С. 53).

...Тарасу только и пришлось, что перезимовать там... — Обстоятельства, при которых Шевченко попал из Оренбурга в Новопетровское укрепление, Косарев передает неточно, ничего не упоминая об аресте 1850 года, заключении в Орской крепости и ссылке на Мангышлак. В Уральске Шевченко не зимовал: он выехал из него 8 октября, а 17 октября 1850 года прибыл в Новопетровское укрепление.

...«Русский инвалид», «Пчелку»... — Имеются в виду петербургские газеты «Русский инвалид» и «Северная пчела».

...разрешено ему было и писать и рисовать... — Это утверждение не соответствует действительности: царское запрещение не было официально отменено до конца ссылки Шевченко.

Лучшими из них считались у нас портреты коменданта и мой... — Нарисованный Шевченко в Новопетровском укреплении портрет И. Ускова (Т. IX.— № 36) хранится ныне в ГМШ, портрет Косарева — не известен.

...Шевченко успел даже отлично срисовать все это видение. — Рисунок Шевченко, на котором был изображен видимый в мираже из Новопетровского укрепления иранский город Астрабад (нынешний Горган); местонахождение рисунка ныне не известно.

Из множества фигур и статуэток, которые выливал он из алебаstra... — Все скульптурные произведения Шевченко не сохранились.

...комедия Островского «Свои люди — сочтемся!»... — упоминаемая тут постановка комедии Островского, незадолго перед тем опубликованной в журнале «Москвитянин» (1850.— № 6), состоялась в Новопетровском укреплении 27 декабря 1851 года. Это был один из первых любительских спектаклей в России; ставить комедию на профессиональной сцене было запрещено до 1861 года.

...Получил он... несколько писем от разных друзей и от какой-то даже графини... — Речь идет о письмах М. Лазаревского от 7 августа 1856 года и 11 апреля 1857 года. А. Толстой от 8 октября 1856 года и др. (см.: Листи до Т. Г. Шевченка, с. 89, 91—92, 98).

...не помню уже, какого числа, вдруг получается распоряжение: отправить рядового Шевченка в г. Уральск... — Приказ об этом исполняющего обязанности командира 1 Оренбургского линейного батальона подполковника А. Михальского издан 26 июня 1857 года, в Новопетровское укрепление он пришел 21 июля 1857 года (Т. 5.—

С. 80), соответствующий рапорт командира Новопетровского полубатальона Е. Косарева датирован 29 июля 1857 года (Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії.— С. 283).

...на почтовую лодку, на которой он отправился в Уральск.— Это утверждение не соответствует действительности: как известно, благодаря тому, что И. Усков на свою ответственность выдал ему документ для прямого проезда в Петербург, Шевченко отправился из Новопетровского укрепления в Астрахань 2 августа 1857 года, избежав задержки в Уральске и Оренбурге.

А. Е. Ускова

Т. Г. ШЕВЧЕНКО В НОВОПЕТРОВСКОМ УКРЕПЛЕНИИ

(С. 279—282)

Впервые опубликовано М. С. Возняком под заголовком «Спогади Агати Ускової про Тараса Шевченка» в «Записках Українського наукового товариства в Києві. Науковий збірник за рік 1926» (К.,— 1926.— Т. 21.— С. 158—173). Печатается по автографу (Отдел рукописей Института литературы им Т. Г. Шевченко АН УССР, ф. 77, № 127, л. 68—80 об.).

Ускова Агафья Емельяновна (1828—1899) — жена коменданта Новопетровского укрепления И. А. Ускова. В юности жила у родственников в Киеве. С Шевченко познакомилась в 1853 году в Новопетровском укреплении, поддерживала с ним дружеские отношения до конца ссылки. Сохранилось несколько портретов А. Усковой, нарисованных Шевченко в Новопетровском укреплении (Т. IX.— № 34, 35, 41).

Со слов А. Усковой и двух ее дочерей впоследствии воспоминания о Шевченко пересказала ее внучка — дочь Наталии Ираклиевны Усковой (см.: Литвинова Е. Дідусь Тарас // Життя й революція.— 1928.— № 3.— С. 111—116). Поскольку здесь преимущественно повторены сведения, имеющиеся и в других публикациях, в настоящем издании эти воспоминания не перепечатаны.

Воспоминания А. Усковой написаны по просьбе биографа Шевченко А. Кониского в виде ответа на ряд заданных им конкретных вопросов.

...переписывали ему его сочинения, которые он посылал в Петербург и получал за них вознаграждение.— Очевидно, А. Ускова совместила тут разные факты биографии Шевченко времен его солдатчины: посылку им в Петербург и Москву нескольких русских повестей (часть их действительно переписана неизвестными лицами, при жизни Шевченко они не печатались) и получение им денежной помощи от друзей, которая поступала в Новопетровское укрепление на имя И. Ускова.

Мостовский Мацей Валентиевич (род. в 1804 г.) — штабс-капитан Оренбургского артиллерийского гарнизонного округа, один из ближайших друзей Шевченко в Новопетровском укреплении. Принимал участие в польском восстании 1830 года, много рассказывал о нем Шевченко. Оценка их взаимоотношений в воспоминаниях А. Усковой подтверждается теплыми упоминаниями о Мостовском в письмах и дневнике Шевченко (Т. 5.— С. 17—18; Т. 6.— С. 90).

Львов Геронтий Ильич — майор, командир 1 Оренбургского линейного батальона, в одной из рот которого Шевченко служил в Новопетровском укреплении. Преследовал Шевченко жестокими придирками; вопреки ходатайству генерала Г. Фреймана, в 1854 году Львов отказался представить Шевченко к унтер-офицерскому званию из-за его слабой строевой подготовки. Лишь в следующем году Львов согласился поддержать ходатайство об облегчении судьбы Шевченко «путем представления его к унтер-офицерскому чину» (см.: Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії, с. 265—266).

Заявлению Лескова... решительно нельзя верить.— Речь идет об утверждении писателя Н. Лескова в примечании к его статье «Иродова работа» (Исторический

вестник.— 1882.— № 4.— С. 191), повторенном в книге М. Чалого «Жизнь и произведения Тараса Шевченко. Свод материалов для его биографии» (с. 80—81), которое вызвало длительную дискуссию среди биографов Шевченко и мемуаристов, будто бы к Шевченко во время ссылки было применено телесное наказание. Хотя Лесков утверждает, что он лично слышал об этом от самого Шевченко, на лицо явная ошибка — тем более, что этот эпизод Лесков связывал не с оренбургским губернатором В. Перовским, а с его братом Львом Перовским — министром внутренних дел.

...*Иракий Александрович и не мог бы так решительно действовать, не имея поддержки свыше.*— Дружеское отношение к Шевченко и многолетняя помощь ему новопетровского коменданта майора Ускова Ираклия Александровича (1810—1882) объясняется прежде всего его собственной гуманностью и прогрессивными взглядами. Не исключено, что Усков, происходивший из рода запорожских казаков и некоторое время живший в Киеве, мог еще на Украине слышать о Шевченко. Несомненно, он слышал о нем в Оренбурге еще до своего назначения в Новопетровское укрепление, а возможно, и встречался с ним там: в 1849 году Усков жил в оренбургском доме Кутиных, где часто бывал Шевченко (см.: *Большаков Л.* Літа невольничі, с. 379). Став комендантом Новопетровского укрепления и ближе познакомившись с Шевченко, Усков на собственную ответственность взял целый ряд послаблений, которые существенно облегчили положение ссыльного поэта.

...*Он очень желал нарисовать образ масляными красками, но ему это не разрешили.*— На рапорт коменданта Ускова от 7 января 1854 года с просьбой разрешить Шевченко нарисовать запрестольный образ для церкви Новопетровского укрепления корпусной командир В. Перовский ответил отказом (Тарас Шевченко. Документы та матеріали до біографії, с. 262—264).

Историю со Скобелевым не знаю.— Речь идет о трагедии рядового 1 Оренбургского линейного батальона Скобелева, беглого крестьянина с Херсонщины, дружившего с Шевченко в Новопетровском укреплении, которая подробно описана в дневнике Шевченко (Т. 5.— С. 55—56). После перемещения его роты в Уральское укрепление Скобелев был осужден к наказанию шпицрутенами и сослан в арестантские роты в Сибирь за пощечину офицеру П. Обрядину, присвоившему присланные Скобелеву деньги.

Компиони (Кампийьони) Андрей Алексеевич — гарнизованный инженер-подпоручик Новопетровского укрепления, известный своей распущенностью и пьянством. За отказ Шевченко вместе с ним участвовать в попойке приказал арестовать его и подал на него рапорт коменданту, обвиняя в оскорблении офицерского звания, что могло иметь для ссыльного солдата катастрофические последствия. Усилиями И. Ускова инцидент был улажен, но Шевченко пришлось извиниться перед «мерзавцем Кампийьони» (Т. 5.— С. 34—36).

Жуйков Александр Гаврилович (род. в 1826 г.) — поручик 1 Оренбургского линейного батальона, один из немногих офицеров в Новопетровском укреплении, с которыми Шевченко был в дружеских отношениях. После своего отъезда из укрепления Шевченко передавал ему приветы в письмах к Ускову (Т. 6.— С. 180, 207, 219).

Бажанов Николай Ефремович — подпоручик, плац-адъютант Новопетровского укрепления, впоследствии смотритель госпиталя. Дружески относился к Шевченко, получал на свое имя его корреспонденцию. 21 июля 1857 года первым поздравил Шевченко с освобождением. Шевченко нарисовал портреты Бажанова вместе с женой (Т. IX.— № 42) и отдельно (Т. IX.— № 43; Т. 5.— С. 16—17).

Бурцев Лев Александрович — подпоручик, плац-адъютант Новопетровского укрепления (с июня 1856 г.). Шевченко был с ним в дружеских отношениях, останавливался на его квартире в Астрахани; приехав в Нижний Новгород, передавал ему приветы в письмах (Т. 6.— С. 180, 207).

Никольский Сергей Родионович (род. в 1816 г.) — коллежский асессор, старший лекарь Новопетровского госпиталя, ведал также библиотекой укрепления. Шевченко

ценил его образованность, но был невысокого мнения о его человеческих и профессиональных качествах (Т. 5.— С. 21—24, 60).

Мешков Михаил Федотович — надворный советник, цейхвахтер Новопетровского арсенала. Шевченко отрицательно отзывался о нем в дневнике (Т. 5.— С. 84, 90). «Кляззы отвратительнейшего надворного советника Мешкова» привели к аресту артиллерийского офицера М. Мостовского — приятеля Шевченко.

Фрейман Густав Антонович (род. в 1790 г.) — генерал-майор, начальник артиллерии гарнизонов Оренбургского корпуса. Во время инспекционных приездов в Новопетровское укрепление встречался с Шевченко, представил его к унтер-офицерскому званию. Шевченко подарил ему свою акварель «Ночь» (не сохранилась), передавал с ним свои скульптурные произведения оренбургским друзьям (Т. 6.— С. 120).

Зигмунтовский Константин Николаевич — губернский секретарь, поверенный Астраханского акцизного общества в Новопетровском укреплении. Шевченко часто посещал семью Зигмунтовских. В 1860 году Зигмунтовский написал Шевченко письмо в Петербург в связи с выходом нового издания «Кобзаря» (см.: Листи до Т. Г. Шевченка, с. 180—181).

Ханга-баба — урочище, расположенное за 30 км к востоку от Новопетровского укрепления. Шевченко бывал здесь во время Каратауской экспедиции 1851 года и позже, сделал там несколько рисунков акварелью и карандашом (Т. IX.— № 1, 19—28 и др.).

Сына нашего звали Дмитрием. Шевченко был архитектором его памятника. — Смерть сына Дмитрия (1851—1853) была тяжелым горем в семье Усковых, которая перед тем уже потеряла десятимесячного первенца Александра (умер в Оренбурге 9 августа 1850 г.). Сохранился рисунок Шевченко, изображающий спроектированный им памятник Д. Ускову (Т. IX.— № 162).

...после этого началось его охлаждение ко мне... — Свидетельство А. Усковой о том, что дружеские взаимоотношения с Шевченко ей пришлось ограничить, «чтобы разом прекратить толки», существенно дополняет оценку этих взаимоотношений в письме Шевченко к Бр. Залескому от 15 сентября 1856 года: «Агата имела неосторожность попрекнуть меня своими благодеяниями, и я отряхнул прах от ног моих...» (Т. 6.— С. 137).

...приезжала в форт ученая экспедиция... — Научная экспедиция по изучению рыболовства на Волге и в Каспийском море во главе с известным натуралистом академиком Бэр Карлом Максимовичем (1792—1876) посещала Новопетровское укрепление четыре раза на протяжении 1853—1856 годов. Впервые Бэр был там с 21 сентября по 3 октября 1853 года. Живя на квартире у И. Ускова, Бэр познакомился с Шевченко и впоследствии содействовал мерам, предпринимаемым передовой русской общественностью для его освобождения из ссылки. (*Жур П. Встречи на Мангышлаке* // Звезда.— 1966.— № 8.— С. 178—186).

Н. С. Заряно

ВОСПОМИНАНИЯ Н. И. УСКОВОЙ О Т. Г. ШЕВЧЕНКО

(С. 283—289)

Впервые опубликовано в ж. «Киевская старина» (1889.— № 2.— С. 297—313). В другой редакции напечатано Н. Заряно в газ. «Санкт-Петербургские ведомости» (1882.— № 75). Поскольку мемуары Наталии Усковой записаны и опубликованы ее мужем Заряно Николаем Сергеевичем, авторство настоящего текста принадлежит ему.

Как видно из письма Н. Заряно к М. Чалому от 3 июля 1889 года из Петербурга, воспоминания Наталии Усковой были в 1887 году переданы им М. Чалому, намеревавшемуся, очевидно, использовать их в новом издании своей книги о Шевченко.

В том же письме Н. Заряно просил возвратить ему текст для публикации в «Историческом вестнике» (ИЛ, ф. 92, № 22). Рукопись воспоминаний Наталии Усковой сохранилась в архиве М. Чалого (ИЛ, ф. 92, № 362). Очевидно, он и подготовил ее к печати: в «Киевской старине» эти воспоминания опубликованы с его примечаниями. Печатается по автографу (ИЛ, ф. 92, № 362).

Кроме воспоминаний Наталии Усковой, Н. Заряно опубликовал в своей статье также три письма Шевченко к И. Ускову, а М. Чалый в примечаниях — три ответа последнего. Поскольку эта переписка известна (Т. 6.— С. 179, 206, 218; Листи до Т. Г. Шевченка.— С. 120, 145), тут она не перепечатывается, как и примечания М. Чалого к его публикации.

Ускова Наталия Ираклиевна (1853—1918) — старшая дочь И. Ускова. Родилась в Новопетровском укреплении вскоре после приезда туда семьи коменданта. Шевченко очень привязался к девочке, забавлял ее, рисовал ее портреты. По его признанию в дневнике, «Наташенька и Наденька — это единственный мой отдых и рассеяние в этом отвратительном захолустье» (Т. 5.— С. 19).

...заявления некоторых, что Тарас Григорьевич был притесняем до самого времени его освобождения,— совершенно не справедливы.— Тут в воспоминаниях явное преувеличение: как ни старался И. Усков облегчить положение Шевченко, изменить его статус бесправного политического ссыльного, рядового солдата он не мог.

В саду был построен небольшой... дом, с плоскою крышей... и две деревянные беседки... — Изображение этого домика и беседок сохранилось среди нескольких рисунков Шевченко, сделанных в саду Новопетровского укрепления (Т. IX.— № 33 и др.).

...дonoс этот графом принят не был.— В достоверности этого эпизода, известного по воспоминаниям И. Тургенева, современники Шевченко Ф. Лазаревский и М. Чалый сомневались (Киевская старина.— 1889.— № 2.— С. 301).

...подарил своей любимице ее портрет, нарисованный им сепией... — Ныне этот портрет не известен.

...портрет Кати... — Распространенное название его «Казашка Катя» (Т. IX.— № 61) основано на недоразумении. В воспоминаниях Наталии Усковой указано, что это «портрет Кати — няньки Наташеньки — в киргизском costume». Из воспоминаний Надежды Усковой (Смоляк) также известно, что в их доме, кроме няньки Авдотьи, на правах воспитанницы «жила ее сестра Катя, красивая девушка». Однако в записи публикатора этих воспоминаний нянька и ее сестра почему-то названы «киргизками» (*Пронін І. В гостях у друга Т. Г. Шевченка. // Життя й революція.— 1928.— № 3.— С. 117—122*). Оба сестер упоминал и Шевченко в своем дневнике и письмах. Рассказывая о том, как он угостил коменданта сигарами, присланными ему из Петербурга М. Лазаревским, и сам закурил одну из них, Шевченко упоминает, что «нянька, уральская казачка, та совершенно во мне разочаровалась, она до сих пор думала, что я по крайней мере часовенный. А я такой же еретик-щепотник, как и другие» (Т. 5.— С. 61; подчеркнуто нами.— *Ред.*). Той же няньке и ее сестре Кате Шевченко передавал привет в письме к И. Ускову от 17 февраля 1857 года из Нижнего Новгорода (Т. 6.— С. 207). Таким образом, не вызывает сомнения, что нянька Наташи, как и ее сестра Катя, — русские, уральские казачки-старообрядницы. В казахской одежде Катя изображена потому, что этого требовала изображенная на рисунке ситуация, связанная с местным обычаем, который очень заинтересовал Шевченко и послужил темой еще двух его рисунков, посланных 20 мая 1857 года Бр. Залескому (ныне не известны). «Я назвал их молитвою по умершим,— писал Шевченко в упомянутом письме.— Это религиозное поверье киргизов. Они по ночам жгут бараний жир над покойниками, а днем наливают воду в ту самую плошку, где ночью жир горел, для того, чтобы птичка напилась и помолилась богу за душу любимого покойника. Не правда ли, поэтическое поверие?» (Т. 6.— С. 163). Сюжет рисунка и одежда модели, очевидно, и привели к упомянутому недоразумению. На этой почве возник

целый ряд всяческих произвольных измышлений (см. о них: *Костенко А., Умірбаев Е. Оживуть степи...* (Тарас Шевченко за Каспiєм).— К., 1977.— С. 249—251). Не вызывает сомнения, что название этого портрета должно быть уточнено (см.: *М. Павлюк, До вивчення мемуарних джерел біографії Шевченка // Збірник праць двадцять п'ятої наукової шевченківської конференції.*— К., 1983.— С. 141; *В. Яцюк, «Казашка Катя» чи «Молитва за небіжчиків»?* // Там же.— С. 215—221).

Дунул ветер, и Авдей...— Шуточная песня Ильиничны из драмы Н. Кукольника «Князь Холмский», музыку к которой написал М. Глинка. Свидетельство о том, что Шевченко слышал эту песню на музыкальном вечере у Н. Кукольника 5 июня 1840 г., сохранилось в дневнике Н. А. Маркевича (см.: Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії.— С. 27). Об этой же песне идет речь и в воспоминаниях А. Усковой.

...пять пейзажей.— Все эти акварели Шевченко хранились в семье Усковых вплоть до советского времени; однако в атрибуции их Наталия Ускова допустила некоторые неточности: два рисунка, которые она считала сделанными в аулах вблизи Новопетровского укрепления, в действительности изображают горы Каратау: «Лунная ночь среди гор» (Т. IX.— № 6), «Гора Кулаат» (Т. IX.— № 13); на двух других изображен комендантский сад сразу после его закладки (Т. IX.— № 33) и в следующем (1854) году (Т. IX.— № 39), а не «в год отъезда Шевченко» (1857); пятый рисунок — вид Новопетровского укрепления с моря (Т. IX.— № 38).

Вместе с этим письмом было прислано и другое на имя самого Шевченка.— Письмо М. Лазаревского от 2 мая 1857 года (Листи до Т. Г. Шевченка, с. 98—99).

К. М. Оберучев

О ПРЕБЫВАНИИ Т. Г. ШЕВЧЕНКО В НОВОПЕТРОВСКОМ УКРЕПЛЕНИИ

(С. 289—293)

Впервые опубликовано в ж. «Киевская старина» (1900.— № 2.— С. 157—162). Свои впечатления от посещения Александровского форта К. Оберучев впоследствии изложил также в статье «В Новопетровском укреплении (Из старой тетради)». («Украинская жизнь».— 1912.— № 2.— С. 101—103). Печатается по первой публикации.

Оберучев Константин Михайлович (род. в 1864 г.) — офицер; был учеником П. И. Житецкого по Киевскому кадетскому корпусу, переписывался с ним. Находясь на военной службе в Средней Азии, собирал материалы о Шевченко, принимал участие в увековечении его памяти (см.: Т. Г. Шевченко в епістолярії, с. 132—133, 154, 197, 201).

...отправления Усковым Шевченка в Астрахань вместо Оренбурга.— Ныне это дело хранится в ГМШ (см.: Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії, с. 283—290).

...лист постовой ведомости 11 июля 1852 года... — Этот автограф Шевченко, как и другие постовые ведомости 1852 года, ныне хранится в ГМШ (Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії, с. 259).

...бывшим музеем В. В. Тарновского.— Речь идет о Музее украинских древностей, созданном черниговским помещиком Тарновским Василием Васильевичем (младшим). Материалы музея, среди которых была богатая коллекция автографов и рисунков Шевченко, в 1897 году были подарены Черниговскому губернскому земству.

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

(С. 293—295)

Впервые опубликовано в ж. «Русское богатство» (1901.— № 2.— С. 63—65). Воспоминания записаны со слов брата публикатора, есаула Л. С. Алексеева. Кроме воспоминаний, в статье И. Алексеева были опубликованы документы о Шевченко из архива бывшего 1 Оренбургского линейного батальона, штаб которого находился в г. Уральске. Печатается по первой публикации.

Алексеев Лукьян Семенович (умер в 1871 г.) — в чине урядника Уральского казачьего войска служил в Новопетровском укреплении с 1856 года, интересовался поэзией и живописью, на этой почве сблизился с Шевченко, который подарил ему свои рисунки с видами укрепления (Т. IX.— № 138, 141). В ГМШ хранится альбом позднее нарисованных Алексеевым карикатур.

...на обычную службу в Александровский форт.— Новопетровское укрепление было переименовано в форт Александровский в 1858 году после отъезда из него Шевченко.

...урядник А. И. Акутин.— Урядник Уральского казачьего войска Акутин Александр Иванович.

...чтение лермонтовского «Гладиатора»... — Стихотворение М. Лермонтова «Умирающий гладиатор» (1836), являющееся вольным переводом нескольких строк из поэмы Байрона «Чайльд Гарольд», было впервые опубликовано (без заключительных двух строк) в журнале «Отечественные записки» (1842.— № 4).

...давал уроки его маленьким детям.— Неточность в воспоминаниях: дети И. Ускова были тогда еще слишком малы, чтобы Шевченко мог их обучать.

...позировал пред ним в качестве натурщика.— Возможно, имеются в виду рисунки Шевченко «Умирающий гладиатор», «Нарцис и нимфа Эхо» (Т. IX.— № 52, 54) и др.

...одну картину в семи отдельных сценах... — Очевидно, речь идет о восьми рисунках из серии «Притча о блудном сыне» (Т. IX.— № 62—69), исполненных Шевченко в Новопетровском укреплении. По авторскому замыслу, всех рисунков должно было быть двенадцать; первые четыре из них не были созданы из-за отсутствия подходящей модели — типичного русского купца (Т. 6.— С. 162). Догадка Л. Алексеева о том, что на возникновение у Шевченко этого замысла повлияло опубликованное Н. Костомаровым выдающееся произведение древнерусской литературы «Повесть о Горе-Злочастии» (Современник.— 1856.— № 3), подтвердилась исследованиями советских шевченковедов (см.: *Хинкулов Л.* Происхождение «Притчи о блудном сыне» // Сов. Украина.— 1958.— № 8.— С. 159—162).

Ф. А. Пискунов

ВОСПОМИНАНИЯ ПОРУЧИКА ФРОЛОВА О СОЛДАТСКОЙ СЛУЖБЕ
ШЕВЧЕНКО В НОВОПЕТРОВСКОМ УКРЕПЛЕНИИ

(С. 295)

Впервые опубликовано в газ. «Киевский телеграф» (1876.— 5 мая). Печатается по первой публикации.

Фролов Алексей Егорович — подпоручик 1 Оренбургского линейного батальона. Служил в Новопетровском укреплении до 1853 года, встречался там с Шевченко.

Шевченко служил солдатом в Уральском линейном батальоне...— Штаб 1 Оренбургского линейного батальона (две роты которого размещались в Новопетровском укреплении) находился в г. Уральске.

Маевский Антон Петрович — подполковник, комендант Новопетровского укрепления со времени его основания; там он и умер в конце 1852 или в начале 1853 года. Сочувственно относился к Шевченко, получал на свое имя его корреспонденцию, командировал в геологическую экспедицию в горы Каратау, где Шевченко имел возможность рисовать и общаться с друзьями. Существует предположение, что А. Маевский мог быть участником польского восстания 1830 г. (см.: *Большаков Л. Літа невольничі*, с. 295—296).

...Маевский был старый холостяк... — Этому утверждению противоречат свидетельства других мемуаристов о том, что Шевченко обучал детей коменданта Маевского. Как ныне установлено, у коменданта были сыновья Игнатий (род. около 1840 г.) и Антон (род. около 1846 г.), которые впоследствии тоже стали военными.

...нужно было нарисовать иконостас... Маевский рекомендовал для этого... Т. Шевченко... — То, что этот замысел возник еще при А. Маевском, подтверждается письмом Шевченко к А. Лизогубу от 16 июля 1852 года (Т. 6.— С. 74). Новый комендант И. Усков просил разрешить Шевченко выполнить эту работу в рапорте на имя командира Оренбургского корпуса от 7 января 1854 года.

...отказ Толмачева... — Как видно из письма начальника штаба Оренбургского корпуса М. Фантон де Веррайона от 16 апреля 1854 года, Шевченко в этом разрешении было отказано (Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії, с. 264—265). Генерал-лейтенант Толмачев Афанасий Емельянович — командир 23-й пехотной дивизии.

...нарисовал портреты с Фролова и подпоручика Воронцова... — Портрет Фролова ныне не известен, Воронцова — хранится в ГМШ (см.: *Паламарчук Г., Судак В.*, 3 новых надходжень до музею Т. Г. Шевченка // *Образотворче мистецтво*.— 1979.— № 3.— С. 20)

Бр. Залеский

ИЗ ЗАМЕТОК К ПИСЬМАМ ШЕВЧЕНКО

(С. 296—303)

Впервые опубликовано на украинском языке в кн.: «Листочки до вінка на могилу Шевченка в ХХІХ роковини його смерті». — Львів, 1890. — С. 23—56, где примечания Бр. Залеского к адресованным ему письмам Шевченко помещены в переводе И. Я. Франко с польского языка. Примечания собственноручно написаны Бр. Залеским на полях копии писем Шевченко, предназначавшейся для публикации в одном из чешских изданий и впоследствии обнаруженной М. Павлыком в архиве польского писателя Юзефа Крашевского. Ныне эта рукопись хранится в Научной библиотеке АН УССР им. В. С. Стефаника во Львове (фонд новых поступлений, № 274).

Печатается по указанному автографу Бр. Залеского (с польского на русский язык переведено впервые).

В своих примечаниях, написанных по памяти через много лет после оренбургской ссылки, Бр. Залеский допустил ряд неточностей, в том числе хронологических. Некоторые из них были указаны в свое время И. Франко (напр., утверждение, будто Шевченко был освобожден из ссылки только в 1859 году); другие отмечены здесь, причем авторский текст Бр. Залеского оставлен без изменений. Поскольку в то время были установлены не все даты писем Шевченко, в копии, на которой делал свои пометки Бр. Залеский, хронологическая последовательность писем не выдержана. Сохраняем тот порядок их подачи и нумерацию, которые приняты в рукописи. Отсутствующие там действительные даты писем приводятся в квадратных скобках. Автографы писем Шевченко к Бр. Залескому были обнаружены в Национальном музее в Кракове (см.: *Пологай А.* Новознайдені автографи листів Т. Г. Шевченка до Броніслава Залеського // *Рад. літературознавство*.— 1971.— № 6.— С. 59—73).

Шевченко был сослан в солдаты... — Суда над участниками Кирилло-Мефодиевского общества не было; Шевченко был сослан по личному распоряжению (конфирмации) царя Николая I.

...ему запрещается «писать, петь и рисовать»... — Слухи, что Шевченко якобы было запрещено не только писать, рисовать, но и петь, даже разговаривать, действительно были распространены в то время, что отразилось и в некоторых мемуарах.

...в 1849 году капитан Бугаков... — В Аральскую экспедицию Шевченко отправился из Орской крепости 11 мая 1848 года.

...целый год просидел в тюрьме с грабителями... — Во время следствия по доносу Н. Исаева Шевченко находился в заключении в каземате Орской крепости с июня по август 1850 года.

Там вместе с ним я провел все лето 1852 г. — Геологическая экспедиция в горы Каратау продолжалась с конца мая до начала сентября 1851 года.

Антипов Александр Иванович (1824—1887) — поручик, начальник Каратауской экспедиции 1851 года, организатор минералогического изучения Оренбургского края. Сочувственно относился к Шевченко и к другим политическим ссыльным, дал ему возможность рисовать в экспедиции. Шевченко упоминал его в своих письмах (Т. 6.— С. 117, 119).

Шевченко рисовал и чувствовал себя свободным. — Пребывание в горах Каратау было самым плодотворным после Аральской экспедиции периодом художественного творчества Шевченко в ссылке; за это время он создал несколько десятков рисунков акварелью, сепией, карандашом (Т. IX.— № 1—17, 71—129 и др.). Большинство из них ныне хранится в ГМШ, некоторые до сих пор не разысканы (см.: Т. IX.— № 181—189).

С того времени у меня с ним установились близкие отношения. — Бр. Залеский познакомился и подружился с Шевченко зимой 1849—1850 года в Оренбурге, когда он был прикомандирован для помощи в оформлении материалов Аральской экспедиции. Совместное участие в Каратауской экспедиции еще больше сблизило обоих ссыльных.

Письмо 1 (авторской даты не имеет, датируется приблизительно 1855 годом). См.: Т. 6.— С. 88—90.

Шевченко говорит здесь о своем рисунке... — Сепия «Байгуши» (Т. IX.— № 32), была послана Бр. Залескому для продажи, впоследствии хранилась в семье А. Козачковского и у других коллекционеров. Ныне находится в Харьковском государственном музее изобразительного искусства.

Цейзик Михаил Игнатьевич (род. в 1815 г.) — коллежский секретарь, лаборант Оренбургской казенной (затем хозяин собственной) аптеки. Поляк по национальности, диплом провизора получил в Варшаве в 1843 году, служил в Оренбурге с 1844 года. Шевченко был с ним в дружеских отношениях, передавал ему приветы, часто упоминал в письмах (Т. 6.— С. 89, 93, 106, 113—114). Когда Шевченко находился в Оренбурге, у Цейзика было не «много детей», а лишь один сын, которого Шевченко называет тут «secondo (то есть вторым.— *Ред.*) Цейзиком».

Дмитриев Николай Александрович — полковник, управляющий Илецким соляным управлением. Интересовался искусством, собирал произведения живописи. Возможно, был лично знаком с Шевченко. Впоследствии его племянник, известный художник Н. Дмитриев-Оренбургский зарисовал Шевченко в гробу.

Колесинский Балгазар (род. в 1818 г.) — родом с Виленщины, в 1848 году был сослан в солдаты Оренбургского корпуса за участие в революционном движении. С Шевченко познакомился в 1848 г. в Орской крепости, встречался зимой 1849—1850 года в Оренбурге. Отличившись при взятии в 1853 году кокандского укрепления Ак-Мечеть, был освобожден от военной службы и возвратился в Оренбург.

Желиговский Эдвард — см. с. 501.

Середницький Евстафій (род. в 1813 г.) — польский политический ссыльный, бывший помещик с Киевщины. Участник польского восстания 1830 года; за причастность к тайному обществу под руководством Ш. Конарского в 1838 году сослан в солдаты Оренбургского корпуса. В 1848 году получил чин прапорщика, затем — поручика. В 1856 году возвратился на Украину. Шевченко встречался с ним в 1849—1850 годах в Оренбурге, передавал ему приветы из Новопетровского укрепления.

Письмо 2 (от 20 мая 1856 г.). См.: Т. 6.— С. 133—134.

Бюрно Карл Иванович (род. в 1796 г.) — генерал-майор, военный инженер. Родом из Савойи, которая входила тогда в Сардинское королевство (потому Бр. Залеский называет его «сабаудцем», то есть савояйром). Интересовался искусством и сам рисовал, сочувственно относился к Шевченко и другим политическим ссыльным, содействовал облегчению их положения. Шевченко познакомился с ним в сентябре 1856 года, когда Бюрно инспектировал Новопетровское укрепление, впоследствии встречался с ним в Петербурге, тепло отзывался о нем в письмах (Т. 6.— С. 141, 150, 152, 162) и дневнике (Т. 5.— С. 81).

Ламенне Фелисите Робер де (1782—1854) — французский публицист и философ, один из основоположников «христианского социализма». В своем труде «Слова верующего» (1834) и в примечаниях к евангелию («Les Évangiles», 1839) отступил от ортодоксального учения католической церкви, но критиковал капиталистический строй с реакционных позиций, в духе христианской «любви к ближнему».

Это глубоко задело бедного поэта... — Бр. Залеский ошибочно считал, будто под «катастрофой» в письме от 20 мая 1856 года Шевченко имел в виду отказ на просьбу нарисовать запрестольный образ для Новопетровской церкви. В действительности, как свидетельствует написанное им в тот же день письмо к М. Осипову (Т. 6.— С. 128), Шевченко был удручен тем, что в связи со вступлением на престол Александра II, он не был представлен к унтер-офицерскому званию, дававшему право на освобождение от военной службы.

Письмо 3 (январь 1854 г.). См.: Т. 6.— С. 91—93. Сведения, имеющиеся в этом письме Шевченко, позволяют предполагать, что оно написано 5 февраля 1854 года (см.: Павлюк М. М. Плещеев як перекладач Шевченка // Рад. літературознавство.— 1967.— № 9.— С. 55—56).

После экспедиции в Коканд... — За участие в походе 1853 года и штурме Ак-Мечети унтер-офицер Бр. Залеский получил чин прапорщика. На родину он вернулся в 1856 году.

Варвара — княжна В. Репнина.

«Монахом» называется скала над морем... — В комментируемом Бр. Залеским письме Шевченко благодарит его за копию своего акварельного рисунка «Скала «Монах»» (Т. IX.— № 30; ныне хранится в ГМШ), а также за офортные копии этого же рисунка, сделанные женой капитана Бутакова (ныне не известны).

Эккельн Лев Филиппович — майор, дежурный штаб-офицер Отдельного оренбургского корпуса. Помогал политическим ссыльным, хлопотал перед В. Перовским о дозволении Шевченко нарисовать образ для церкви Новопетровского укрепления.

Белозерский, один из петрозаводских друзей Желиговского... — Сосланный в Петрозаводск за участие в Кирилло-Мефодиевском обществе, В. Белозерский познакомился там с Э. Желиговским и рассказывал ему о Шевченко. Бр. Залеский называет его «сенатором», так как после закрытия издававшегося В. Белозерским журнала «Основа» он вынужден был переехать из Петербурга в Варшаву, где служил чиновником в суде («сенате»).

Горонович Андрей Николаевич (1818—1889) — художник, обучался в Нежинском лицее и в Академии художеств в Петербурге (одновременно с Шевченко), однако, приехав в Оренбург вместе с В. Перовским, сделал вид, что незнаком с сосланным поэтом (Т. 6.— С. 84, 92). Как и Бр. Залеский, принимал участие в походе на Ак-Мечеть, во время которого много рисовал.

Михайлов Владимир Алексеевич — прапорщик, вместе с Шевченко служил в Новопетровском укреплении, в середине 1853 года был переведен в Оренбург, где встречался с Бр. Залеским и рассказывал ему о Шевченко (Т. 6.— С. 92). Упоминается также в других письмах Шевченко (Т. 6.— С. 111, 129).

Томаш Вернер — ссыльный солдат... — Упоминание в комментируемом Бр. Залеским письме Шевченко — «поздравь Фому от меня» — связано с тем, что в это время унтер-офицер Томаш Вернер получил звание прапорщика и был назначен в тот же 9-й батальон, где служил и Бр. Залеский.

Письмо 4 (от 6 июня 1854 г.). См.: Т. 6.— С. 100—102.

Зигмунт Сераковский — тогда еще солдат или, быть может, унтер-офицер... — Унтер-офицерское звание присвоено Зигмунту Сераковскому 14 января 1852 года.

Письмо 7 (от 10 февраля 1855 г.). См.: Т. 6.— С. 109.—111.

«Христос в терновом венце» и «Иоанн Креститель»... — барельефы, исполненные Шевченко в Новопетровском укреплении, не сохранились. Форму для отливки первого из них Шевченко передал Бр. Залескому через генерала Г. Фреймана в сентябре 1855 года (Т. 6.— С. 120).

Мне было поручено устроить новую библиотеку... — В конце 1854 — начале 1855 года по инициативе вновь назначенного председателя Оренбургской пограничной комиссии, известного востоковеда В. Григорьева была основана библиотека при канцелярии генерал-губернатора, состоявшая из историко-краеведческих, географических и других изданий, преимущественно посвященных Средней Азии. Важную роль в ее комплектовании играл Бр. Залеский. Шевченко знал о его назначении библиотекарем и был очень рад этому (Т. 6.— С. 103, 110—111).

Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893) — русский писатель. За участие в кружке петрашевцев в 1849 году сослан в солдаты Оренбургского корпуса, где сблизился с политическими ссыльными. Интересовался поэзией Шевченко и переводил его стихи на русский язык. Шевченко переписывался с ним в ссылке, впоследствии встречался в Петербурге.

Головинский Василий Андреевич (ошибочно назван у Бр. Залеского Голинским) — один из наиболее радикальных петрашевцев. В 1849 году сослан в Оренбургский корпус, служил рядовым 3 линейного батальона, находился в Оренбурге одновременно с Шевченко. В 1851 году переведен на Кавказ.

Письмо 8 (от 25 сентября 1855 г.). См.: Т. 6.— С. 119—122.

Во время этого нашего общего путешествия по степи... — Имеется в виду Каратауская экспедиция 1851 года.

...признался мне, что жалеет о своих «Гайдамаках» и всем том направлении... — Общаясь в ссылке и в последние годы жизни с деятелями польского освободительного движения, Шевченко углубил классовый подход к истории польско-украинских взаимоотношений и выступал за интернациональное единение всех революционно-демократических сил Российской империи. Однако и свои ранние произведения на историческую тематику, в частности поэму «Гайдамаки», он включил в последнее прижизненное издание «Кобзаря».

...сделал для меня черным углем свой портретик... — См.: Т. IX.— № 16.

Трубецкой Сергей Васильевич (род. в 1815 г.) — штабс-капитан в отставке, князь. В 1851 году был лишен всех прав состояния и сослан в солдаты в Петрозаводск за увоз чужой жены. В 1853 году получил звание унтер-офицера и был переведен из Петрозаводска в Оренбург, куда он выехал вместе с польским политическим ссыльным Э. Желиговским. Это вызвало неудовольствие царя Николая I, вследствие чего было приказано перевести последнего из Оренбургского края в Вятскую губернию. С большим трудом Желиговскому, который стремился сохранить свои связи с оренбургскими политическими ссыльными, удалось добиться перевода в Уфу, где была резиденция оренбургского гражданского губернатора.

...запрещенная после выхода второго издания... — Речь идет о книге Э. Жели-

говского: Sowa Antoni. Jordan, fantazja dramatyczna (Wilno, 1847), первое издание которой вышло в Вильно в 1846 году. Вместе с несколькими другими книгами, одновременно изданными в Вильно, она была признана вредной из-за наявных там социально- и национально-освободительных идей. Авторы этих книг (Э. Желиговский, Р. Подберезский, В. Полубинский и др.) обвинялись в попытке создать тайное литературное общество с политической целью и высланы в разные места на север России.

...*госпожа Дестронг (де Штронг)* — автор брошюры «Człowiek niewidzialny, czyli sudowny kapelusze», изданной под псевдонимом «Zofia K. z Brzozówki». В феврале 1851 года она была выслана из Вильно в Пермь.

...*вернулся в Петербург, где издавал „Słowo“*. — Вернувшись из оренбургской ссылки в начале 1857 года, Э. Желиговский в Петербурге продолжал принимать участие в общественном движении. Вместе с И. Огрызко он издавал польскую газету революционно-демократического направления „Słowo“ (план создания которой обсуждал с Шевченко в мае 1858 года. См.: Т. 5.— С. 239—241), запрещенную после выхода пятнадцати номеров.

Письмо 9 (от 21 апреля 1856 г.). См.: Т. 6.— С. 123—125.

Аркадий уже три года жил в России... — Выехав из Оренбурга, А. Венгжиновский поселился в Одессе, где по просьбе Шевченко (Т. 6.— С. 70) помог ему восстаноить прерванную связь с В. Репниной. Благодаря посредничеству А. Венгжиновского, на Украине были проданы рисунки Шевченко «Цыган» (Т. IX.— № 14), «Трио» (Т. IX.— № 5), «Скала «Монах»» (Т. IX.— № 30).

Письмо 11 (от 10 апреля 1855 г.). См.: Т. 6.— С. 113—114.

...*на другом берегу р. Урал есть красивая роща...* — В письме, которое комментирует Бр. Залеский, Шевченко советовал ему ходить в эту рощу на этюды (Т. 6.— С. 114).

...*был этому очень рад...* — В том же письме Шевченко просил прислать ему 1-й и 2-й тома сочинений Богдана Залеского (Т. 6.— С. 114). Восторженный отзыв Шевченко о присланных ему ранее произведениях Богдана Залеского есть в письме к Бр. Залескому от 9 октября 1854 года (Т. 6.— С. 104). В описании личной библиотеки Шевченко, составленном после его смерти, значатся опрарвленные вместе «Poezje J. B. Zaleskiego». — Petersburg, 1852.— Т. 3, 4.

...*безмерно любил поэму Богдана „Przenajświętsza godzina“* — поэма Б. Залеского «Святое семейство» (идиллия по мотивам библейского рассказа о детстве Иисуса Христа), которой открывается первый том четырехтомного издания сочинений польского поэта: „Poezje J. B. Zaleskiego“. — Petersburg, 1851.— Т. 1.— С. 1—35.

По свидетельству Бр. Залеского в письмах к Б. Залескому от 17 сентября 1859 года и 30 декабря 1861 года, этой поэмой они увлекались во время «степных походов вместе с Тарасом Шевченко», который «часто повторял, что природа воспроизведена так там пластично, что художник мог бы по этой поэме написать сотню картин. Читали мы ее несчетное количество раз» (см. *Tretiak Józef. Bohdan Zaleski na tularctwie. Zycie i poezja na tle dziejów emigracji polskiej.*— Kraków, 1914.— Cz. II: — S. 62, 390).

Письмо 12 (от 8 ноября 1856 г.). См.: Т. 6.— С. 141—143.

Когда перед Перовским заступались за Шевченко, он рассказывал... анекдот... — Современники утверждают, что Шевченко не раз прибегал к этому «наглядному аргументу» в своих беседах как до, так и после ссылки. Об этом, в частности, идет речь в воспоминаниях Л. Жемчужникова о пребывании Шевченко у Лизогубов в Седневе, в дневниковой записи Н. Маркевича 12 ноября 1853 года (см.: *Журн. П. Шевченковский Петербург.*— Л., 1964.— С. 38), в воспоминаниях Н. Шмидтгофа о встречах Шевченко с Е. Пиуновой в Нижнем Новгороде и т. д. В Перовский этот рассказ мог услышать от А. Толстого, который, в свою очередь, мог узнать о нем от близко знакомого с Лизогубами Л. Жемчужникова.

...рисунков... составлявших притчу «О блудном сыне». Что с ними стало — не знаю. — Восемь (из двенадцати задуманных) рисунков этой серии Шевченко исполнил в Новопетровском укреплении в ноябре 1856 — мае 1857 года. За отсутствием сепии, рисунки сделаны смесью бистра с тушью. После смерти Шевченко они попали к братьям Лазаревским, затем были разрознены. Ныне хранятся в ГМШ (Т. IX. — № 62—69).

Письмо 13 (июнь — сентябрь 1856 г.). См.: Т. 6. — 135—137. *Сераковский... был направлен в Уральск...* — Как видно из формулярного списка З. Сераковского (см.: *Хинкулов Л. Тарас Шевченко. Биография.* — М., 1960. — С. 476—478), солдатскую службу он начал 1 июня 1848 года в Новопетровском укреплении, откуда 30 августа 1849 года был переведен в Уральск, где 14 января 1852 года ему присвоено унтер-офицерское звание. 1 сентября 1852 года перемещен из Уральска в Оренбург, 6 мая 1854 года откомандирован в форт Перовский (бывшую Ак-Мечеть). 18 февраля 1856 года получил звание прапорщика, а 26 марта того же года переведен в Брестский пехотный полк.

Турно, уже несколько лет будучи офицером... — Людвиг Турно стал прапорщиком в 1853 году, подпоручиком — в 1856. Возможность выехать в отпуск на родину он получил в 1857 году, окончательно освобожден от военной службы в 1859.

Письмо 14 (от 10—15 февраля 1857 г.). См.: Т. 6. — С. 149—152.

В комментируемом Бр. Залеским письме Шевченко сообщал, что собирается прислать ему семена джугары.

Письмо 15 (от 8—20 мая 1857 г.). См.: Т. 6. — С. 160—163.

Тышкевич Константин Пиевич (1806—1868) — польский археолог и писатель, организатор многих экспедиций для историко-археологического исследования Литвы.

...в дневнике Ясенчика... — Речь идет о воспоминаниях (а не о «дневнике», как считал Бр. Залеский) участника польского революционно-освободительного движения Яблонского Адольфа Иосифовича. Сосланный в солдаты Оренбургского корпуса, он служил в 5-м линейном батальоне в Орской крепости (куда прибыл 1 ноября 1850 года и, следовательно, с Шевченко там не встречался). Его книга, изданная в Лейпциге под псевдонимом Юлиан Ясенчик: *Julian Jasińczyk, Dziesięć lat niewoli moskiewskiej.* — Lipsk, 1867, является ценным мемуарным свидетельством об условиях службы политических ссыльных в Оренбургском крае.

...в примечании Богдана Залеского к его стихотворению под заглавием „Mogiła Tarasowa“... — Речь идет о стихотворении «Тарасова могила», написанном вскоре после смерти Шевченко, а также позднейшем (около 1864 г.) послесловии к нему, в котором Б. Залеский высказал свои (не во всем верные) взгляды на поэзию Шевченко и ее роль в польско-украинских отношениях. Впервые напечатано в сборнике Б. Залеского „*Oratorium Wieszcze*“, изданном в Париже в 1865 году.

Н. Ф. Савичев

КРАТКОВРЕМЕННОЕ ЗНАКОМСТВО С ТАРАСОМ ГРИГОРЬЕВИЧЕМ ШЕВЧЕНКО

(С. 303—312)

Впервые опубликовано в газ. «Казачий вестник» (Новочеркасск) (1884. — 24 и 27 мая). Печатается по первой публикации.

Савичев Никита Федорович (1820—1885) — хорунжий (впоследствии — войсковой старшина) Уральского казачьего войска. Интересовался искусством и литературой, сам писал стихи, выступал в прессе. Встретился с Шевченко 7 мая 1854 года в Новопетровском укреплении, куда приехал из г. Уральска специально для знакомства с поэтом, о котором перед тем много слышал на Украине. Привез Шевчен-

ко письма и приветы от петрашевца А. Ханыкова и польских политических ссыльных. Через Н. Савичева Шевченко передал в Москву письмо к О. Бодянскому, которого просил прислать ему «Слово о полку Игореве» и летопись С. Величко (Т. 6.— С. 99—100). Получив летопись, Н. Савичев задержал ее у себя и вручил Шевченко только в 1858 году в Москве (Т. 5.— С. 214); возможно, это и послужило причиной того, что после ссылки их знакомство не возобновлялось. В Новопетровском укреплении Шевченко нарисовал портрет Н. Савичева.

...за одно свое сочинение отдан в солдаты... — Этим подтверждается, что после ареста Шевченко у населения Украины, вопреки официально принятой версии, сложилось вполне правильное представление о том, что истинной причиной ссылки Шевченко была его революционная поэзия.

...(теперь Петроалександровск)... — В 1858 году Новопетровское укрепление было переименовано в форт Александровский.

Михайлов Лев Андреевич — майор, до 1853 года командовал 1-м Оренбургским линейным батальоном, штаб которого располагался в Уральске, а две роты постоянно находились в Новопетровском укреплении.

Знакомцы Шевченко... надавали мне писем... — Ныне эти письма не известны, очевидно, они были уничтожены Шевченко из-за их содержания.

...трое молодых поляков, из подтвержденных... — Одним из них, очевидно, был Максимилиан Ятовт (около 1827—1895), сосланный в 1849 году в солдаты Оренбургского корпуса. В октябре 1850 года встречался с Шевченко в Уральске. Позже вспоминал об этих беседах, что «революция была его (Шевченко) мечтой, можно сказать, что он смотрел на мир сквозь красные очки». См.: *Jakub Gordon (M. Jatowt). Soldat czyli sześć lat w Orenburgu i Uralsku*. Lipsk, 1867.— С. 96—100.

...на смену А. Н. Плещеева... — А. Плещеев в марте 1852 года был переведен из 1 Оренбургского линейного батальона в 3-й, расположенный в Оренбурге.

Дудинский Александр Иванович (Н. Савичев по ошибке называет его Дубинским) — капитан-лейтенант, с 1847 по 1854 год — командир парохода «Астрабад», курсировавшим из Астрахани в Гурьев и в Новопетровское укрепление. Один из немногих, кому удалось спастись после катастрофы русского военного корабля «Ингерманланд» 30 августа 1842 года в проливе Скагеррак (Москвитянин.— 1844.— № 3.— С. 55).

...занимался... уроками с детьми Маевского... — Сыновьям коменданта Маевского Игнатию и Антону было тогда около 10—12 и 6—7 лет.

...исторические драмы Шекспира в переводе Кетчера... — Прислать эту книгу Шевченко просил А. Лизогуба в письме от 11 декабря 1847 года. Получил он ее в Орской крепости 6 марта 1848 года (Т. 6.— С. 44, 52).

(В 1852 году Шевченко считал себе сорок второй год.) — Неточность в воспоминаниях: Шевченко было тогда 38 лет.

...ученая комиссия, приезжавшая для исследования на полуостров Мангышлак... — Речь идет о Каратауской геологической экспедиции под руководством горного инженера А. Антипова, в которой Шевченко принимал участие летом 1851 года.

Содержания теперь не упомяну, но поминалось море, «хвилі і хмарі». — Очевидно, речь идет о стихотворении Шевченко «І небо невмите, і заспані хвилі», написанном в 1848 году во время Аральской экспедиции (Т.2.— С. 130).

...отправился с В. А. Перовским в Хивинский поход... — Имеется в виду неудачный поход против Хивинского ханства зимой 1839—1840 года, в котором русские войска под командованием В. Перовского, бывшего тогда оренбургским военным губернатором и командиром Отдельного оренбургского корпуса, понесли большие потери. В. Штернберг, простудившись в этом походе, умер в Италии от туберкулеза легких в ноябре 1845 года.

Шевченко много говорил хорошего о К. П. Брюллове... — Несмотря на то что К. Брюллов не откликнулся на просьбу Шевченко хлопотать о снятии царского

запрещения рисовать, он на протяжении всей жизни сохранял глубокое уважение и благодарность своему учителю, о чем свидетельствуют многочисленные упоминания в шевченковских письмах и дневнике. Выехав в 1849 году из России на о. Мадепу, а затем в Италию, К. Брюллов умер в Марчано (вблизи Рима) 23 июня 1852 года.

...Разумановский сад — местность в семи верстах от Новопетровского укрепления, где росло несколько старых шелковиц и где усилиями уральских казаков Разумановых и других поселенцев станицы Николаевской («купца» Разуманова в станице не было) был разведен небольшой сад и виноградник. Шевченко часто рисовал деревья и скалы в этом саду (Т. IX.— № 19—28).

...я впился глазами в первый рисунок.— Речь идет о сепии «Шевченко среди товарищей» (Т. IX.— № 15).

Другой рисунок... — сепия «Цыган» (Т. IX.— № 14).

...пойдем к Федору Ефимычу, доброму человеку.— Как недавно установлено (Большаков Л. Лита невольничі, с. 396—397), речь идет о сотнике Уральского казачьего войска Чаганове Федоре Ефимовиче. Дружеские отношения с ним, как свидетельствуют записи в дневнике (Т. 5.— С. 48, 57), Шевченко сохранял до конца своего пребывания в Новопетровском укреплении.

Все это называлось батареею № 1-ый.— На рисунках Шевченко описанный здесь пост назван батареей № 2 (Т. IX.— № 138, 139, 142 и др.).

...и портрет был готов. Он хранится у меня и до сего дня.— Впоследствии портрет Н. Ф. Савичева (Т. IX.— № 29) был передан в Уральский войсковой музей. Ныне хранится в Историко-краеведческом музее г. Уральска.

Флагштоком называлось место на краю крепости.— Оно изображено на нескольких рисунках Шевченко (Т. IX.— № 141—144).

Спустя месяц Шевченко писал ко мне в Уральск... — Это письмо к Н. Ф. Савичеву ныне не известно.

...командир парохода, крейсировавшего по всему восточному Каспийскому берегу... — Видимо, речь идет о капитан-лейтенанте Ефимове Николае Тихоновиче, капитане почтового парохода «Ленкорань». О знакомстве Шевченко с моряками этого парохода речь идет также в воспоминаниях Е. Косарева.

...армянского священника... — Мхитарова Миней Мхитаровича, священника Астраханской армяно-григорианской церкви.

Увиделся я с Шевченко в Москве, зимой 1858 года... — Возвращаясь из ссылки, Шевченко виделся в Москве с Н. Савичевым 20 марта 1858 года. По-видимому, они встретились у художника А. Мокрицкого, откуда Шевченко пошел на квартиру Н. Савичева, чтобы забрать летопись С. Величко, еще в 1854 году переданную для него О. Бодянским.

В. И. Кларк

ТАРАС ГРИГОРЬЕВИЧ ШЕВЧЕНКО В АСТРАХАНИ

(С. 313—315)

Впервые опубликовано в ж. «Русская старина» (1896.— Кн. 3.— С. 655—658). Печатается по первой публикации.

Кларк Василий Иванович (род. в 1865 г.) — русский журналист, участник народнических кружков 80-х годов. В 1881 году поступил в Казанский университет, но был исключен из него за участие в студенческих беспорядках. В 1887 году был выслан под надзор полиции в Нижний Новгород, где активно включился в революционное движение. Зимой 1889—1890 года у него на квартире жил Максим Горький, с которым В. Кларк ранее встречался на конспиративных собраниях в Казани. В 1891 году переехал в Астрахань (где уже проживал в 1886 году, когда там после возвращения из Сибири находился Н. Г. Чернышевский). Сотрудничал в местных

газетах, находясь под полицейским надзором. Воспоминания старого учителя И. Клопотовского (в публикации «Русской старины» — «Клопотовского») о его встречах с Шевченко В. Кларк записал в мае 1892 года и опубликовал к 35-й годовщине смерти поэта.

И. П. Клопотовского — имеется в виду Клопотовский Иван Петрович (род. в 1823 г.) — учитель истории и географии в Астраханской гимназии с 1850 года, воспитанник Киевского университета. Познакомился с Шевченко в Киеве еще до ссылки. В августе 1857 года встретился с ним в Астрахани, оставил запись в дневнике Шевченко (Т. 5.— С. 106). 6 ноября 1857 года Шевченко написал И. Клопотовскому письмо из Нижнего Новгорода (Т. 6.— С. 176—177). Впоследствии И. Клопотовский был уволен из гимназии за связь с участниками польского восстания 1863 года и работал в редакции газеты «Астраханские губернские ведомости».

В первой половине сороковых годов... — Хронологическая неточность в воспоминаниях. Закончив обучение в Академии художеств, Шевченко возвратился на Украину весной 1845 года. Что касается упоминания мемуариста, будто в Киевском университете он слушал лекции Шевченко, документально это не подтверждается.

...состоял членом правительственной Археографической комиссии... — Временная комиссия для разбора древних актов была создана при канцелярии киевского, волынского и подольского генерал-губернатора в мае 1843 года. Шевченко был сотрудником этой комиссии с 10 декабря 1845 года.

...получил в течение одного года не менее двенадцати тысяч рублей (ассигнациями). — Годовая заработная плата Шевченко в Археографической комиссии составляла 150 руб. (серебром). Такая же сумма была ему выдана в ноябре 1845 года для поездки в Полтавскую губернию. Как видно из рапорта Шевченко от 20 сентября 1846 года, от нее осталось и было им возвращено в генерал-губернаторскую канцелярию 53 руб. 84 коп. серебром (Тарас Шевченко. Документы та матеріали до біографії, с. 121, 129).

Домбровский Василий Федорович (1810—1845) — профессор русской истории в Киевском университете, член Археографической комиссии с 1843 года.

Лохвицкий Конрад Андреевич (1774 — конец 30-х годов XIX в.) — автор мистико-религиозных сочинений, интересовался также историей, сделал несколько археологических открытий в Киеве. Профессором Киевского университета, как и членом Археографической комиссии, он не был.

...в кружке Костомарова. — Тайное Кирилло-Мефодиевское общество, одним из основателей которого был профессор Киевского университета Н. Костомаров, создано в Киеве в конце 1845-го — в начале 1846 года. Шевченко принадлежал к революционно-демократическому крылу этого общества.

...доктор Моравский... — Муравский Игнатий Францевич (род. в 1824 г.), младший лекарь 45 флотского экипажа в Астрахани. По окончании медицинского факультета Киевского университета (1854) принимал участие в Крымской войне, впоследствии служил в Астрахани. Шевченко поселился в том же доме, где жил и Муравский, который первым узнал об освобождении поэта и познакомил его с другими земляками-киевлянами.

Дом... находится на канаве (Варварацевом канале)... — Назван по имени богатого грека Варвараци, на средства которого построен канал. Дом сохранился доныне (ул. Шаумяна, 3).

с попутчиком — молодым офицером, фамилию которого Иван Петрович запомнил. — Шевченко выехал в Астрахань на почтовой лодке вместе с новопетровскими рыбаками. «Молодым офицером» И. Клопотовский, очевидно, называет подпоручика Л. Бурцева, плац-адъютанта Новопетровского укрепления, прибывшего в Астрахань за два месяца перед тем для приема продуктов. Первые дни после приезда Шевченко жил у Бурцева, а когда последний женился, нанял себе квартиру в одном доме с И. Муравским.

Незабытовский... — Речь идет о Незабытовском Степане Андреевиче (1829—1902) — младшем лекаре 45 флотского экипажа в Астрахани. Воспитанник Киевского университета, который окончил в 1854 году вместе с И. Муравским. Участник Крымской войны, в Астрахань прибыл в июне 1857 года. Интересовался литературой, был знаком с поэзией Шевченко (сохранилась тетрадь Незабытовского, содержащая стихотворения Шевченко «Чернецъ» и «А. Козачковському» — ИЛ, ф. 1, № 75). В день отъезда из Астрахани Шевченко оставил ему на память автограф своего стихотворения «Полякам» («Ще як були ми козаками») с дарственной надписью (Т. 2.— С. 470). 16 августа 1857 года Незабытовский сделал запись в дневнике Шевченко (Т. 5.— С. 106).

Алексей Александрович Сапожников... — следует читать Сапожников Александр Александрович (1833—1887), купец первой гильдии. Шевченко был знаком с ним с 1842 года, когда, обучаясь в Академии художеств, бывал у богатого петербургского купца-мецената А. П. Сапожникова и давал уроки рисования его восьмилетнему сыну Александру. Сохранился приписываемый Шевченко портрет тетки и двоюродной сестры А. А. Сапожникова (Т. VII.— Кн. 2.— № 343). Миллионеры Сапожниковы принимали участие в закладке Новопетровского укрепления и строительстве суден для Аральской экспедиции. В Астрахани у них останавливались члены экспедиции по изучению рыболовства на Волге и Каспии под руководством академика К. Бэра, которые потом встречались с Шевченко в Новопетровском укреплении. Знакомство с А. Сапожниковым Шевченко возобновил в Астрахани 16 августа 1857 года. 22 августа 1857 года по приглашению Сапожникова Шевченко выехал вместе с ним в Нижний Новгород на пароходе «Князь Пожарский». А. Сапожников оказывал поэту внимание и гостеприимство в Астрахани и по дороге в Нижний Новгород, оставил запись в его дневнике (Т. 5.— С. 115), однако после возвращения в Петербург не захотел поддерживать с ним знакомство (Т. 5.— С. 236).

...небольшой кружок почитателей поэта. — Когда Шевченко еще находился в Новопетровском укреплении, русский писатель А. Писемский извещал его в письме от 6 июля 1856 года, что видел в Астрахани «на одном вечере человек двадцать Ваших земляков, которые, читая Ваши стихотворения, плакали от восторга и произносили Ваше имя с благоговением» (Листи до Т. Г. Шевченка, с. 88). Кроме упомянутых в публикации В. Кларка киевлян И. Клопотовского, И. Муравского, С. Незабытовского, это были выпускники медицинского факультета Киевского университета Чельцов Федор Иванович (род. в 1826 г.) и Зброжек Фома (Томаш) Иванович (род. в 1821 г.). Оба оставили записи в дневнике Шевченко (Т. 5.— С. 106—107), Чельцову поэт подарил выданное ему в Новопетровском укреплении карантинное свидетельство с написанным на обороте автографом отрывка поэмы «Царі», а впоследствии — «Кобзар» 1860 года с дарственной надписью. К этому же кружку могли принадлежать астраханские врачи Бойко, Макогон, Наливайко. Расписались в дневнике Шевченко и поляки К. Новицкий, П. Радзеевский, Т. Шалевич (Т. 5.— С. 107).

В доме Клопотовского (ныне ул. Шаумяна, 5) Шевченко устроил небольшую выставку своих рисунков и читал поэтические произведения, написанные в ссылке. Рассказы астраханских медиков о Крымской войне, возможно, отразились во второй редакции повести «Прогулка с удовольствием и не без морали», оконченной в феврале 1858 года в Нижнем Новгороде.

...представил эти картины в императорскую Академию художеств. Последняя снова удостоила его за них звания свободного художника... — Неточность в воспоминаниях: в 1860 году Академия художеств присвоила Шевченко звание академика по гравированию.

...со времени зачисления в военную службу (25 июня 1847 года). — В этот день на Шевченко заведен формулярный список при внесении его в ранжирный реестр 5 Оренбургского линейного батальона в Орской крепости (Тарас Шевченко. Документы та матеріали до біографії, с. 147).

...выехал из Астрахани в Нижний на пароходе Сапожникова.— Пароход «Князь Пожарский», которым Шевченко выехал в Нижний Новгород, принадлежал волжской судоходной компании «Меркурий», но на очередной рейс был зафрахтован А. Сапожниковым, который пригласил Шевченко ехать вместе с ним. Свой купленный ранее билет Шевченко сдал в контору пароходства с просьбой отдать его бедняку, который не может заплатить за проезд. Капитан парохода В. Кишкин бесплатно провез по этому билету пятерых пассажиров на барже (Т. 5.— С. 108).

...с официальным сведением, приводимым биографом поэта Родзевичем... — Речь идет о публикации архивных документов о Шевченко в статье: Родзевич А. И. Тарас Шевченко в Закаспийском крае // Русская старина.— 1891.— № 5.— С. 432—446.

...только что возникшему тогда обществу «Кавказ и Меркурий».— Пароход «Князь Пожарский» принадлежал судоходной компании «Меркурий», объединившейся с компанией «Кавказ» через год после волжского путешествия Шевченко.

...Шевченко не мог целый месяц путешествовать до Нижнего.— Отправившись из Астрахани 22 августа 1857 года, пароход «Князь Пожарский» прибыл в Нижний Новгород 20 сентября 1857 года. (Т. 5.— С. 137).

Перед отъездом... просил... написать на память... — Записи упомянутых лиц в дневнике Шевченко сделаны 15—20 августа 1857 года, за несколько дней до его отъезда из Астрахани.

...текст этих надписей был напечатан... — Имеется в виду публикация отрывков из дневника Шевченко в журнале «Основа» (1862.— № 2.— С. 3—4).

Г. П. Демьянов

Т. Г. ШЕВЧЕНКО В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ (1857—1858)

(С. 316—322)

Впервые опубликовано в ж. «Исторический вестник» (1893.— № 5.— С. 337—344). В газетном варианте появилось в «Нижегородских ведомостях» (1893.— 28 марта и 4 апр.).

По поводу помещенного в тексте статьи стихотворения Шевченко «Нащо мені чорні брови», которое Г. Демьянов считал до тех пор не опубликованным, в прессе того времени возникла дискуссия (см.: Исторический вестник.— 1893.— № 6.— С. 881—882; 1893.— № 8.— С. 559—560; Киевская старина.— 1893.— № 8.— С. 300—303; Правда (Львов).— 1894.— № 61.— С. 203). Печатается по первой публикации.

Демьянов Георгий Петрович (род. в 1856 г.) — русский журналист, редактор газеты «Нижегородские губернские ведомости». Свою статью написал по воспоминаниям К. А. Шрейдерса.

Известно, что в 1850 году... — Неточность в воспоминаниях: Шевченко был послан в 1847 году; в форт Александровский НовоПетровское укрепление было переименовано уже после его отъезда отсюда.

Муравьев Александр Николаевич (1792—1863) — нижегородский военный губернатор, бывший декабрист.

...в силу какого-то рокового недоразумения... — И. Усков не по «недоразумению», а вполне сознательно выдал Шевченко билет на прямой проезд до Петербурга.

Лаппо-Старженецкий Павел Вильгельмович — полковник, старший полицмейстер Нижнего Новгорода. Шевченко упоминает его (с некоторой идеализацией) на страницах своего дневника (Т. 5.— С. 146, 158, 239); в мае 1858 года встретился с ним в Петербурге. Существует предположение (см.: Большаков Л. Ихав поет із заслання.— К., 1977.— С. 91—92), что именно П. Лаппо изображен на рисунке Шевченко, известном под названием «Портрет полицейского» (Т. X.— № 20).

Шрейдерс Константин Антонович (ум. в 1894 г.) — коллежский секретарь, чиновник Нижегородской казенной палаты и секретарь губернского благотворительного комитета. Учился в Киевском университете. Находился с Шевченко в дружеских отношениях, много помогал ему в Нижнем Новгороде, выполнял его поручения в Петербурге. Шевченко с благодарностью упоминал его в дневнике (Т. 5.— С. 149, 203, 206 и др.), в январе 1858 года нарисовал его портрет (Т. X.— № 19). Обстоятельства знакомства Шевченко с К. Шрейдерсом, как их передает Г. Демьянов, не подтверждаются свидетельствами самого Шевченко в его дневнике и письмах. В частности, на квартире у К. Шрейдерса (ныне ул. Фигнер, 5) Шевченко жил не с начала своего пребывания в Нижнем Новгороде, а лишь с 8 января 1858 года (Т. 5.— С. 185). До тех пор он жил на квартире помощника управляющего нижегородской конторы судоходной компании «Меркурий» П. Овсянникова (ныне набережная Жданова, 2), который вместе с управляющим той же конторы М. Брылкиным предупредил Шевченко о требовании властей вернуть его в Оренбург и посоветовал поэту официально заявить, будто он болен.

...эти стихотворения, если мы не ошибаемся, были изданы Гребенкой... — Утверждение ошибочно. Е. Гребенка умер в 1848 году, потому печатать нижегородские стихотворения поэта не мог. Очевидно, мемуарист спутал здесь обстоятельства появления в печати стихов Шевченко до и после ссылки. Безосновательно также предположение, будто приведенное в статье Г. Демьянова стихотворение Шевченко «Нащо мені чорні брови» ранее не печаталось. В действительности оно впервые опубликовано в «Кобзаре» в 1840 году, а также (в русском переводе Н. Гербеля) в ж. «Библиотека для чтения» (1856.— № 12). Ошибочность указанного утверждения отмечена в нескольких отзывах тогдашней печати на публикацию Г. Демьянова.

В зиму 1857 г. К. А. Шрейдерс ездил по своим делам в Петербург. — Эта поездка состоялась в 1858 году и продолжалась с 20 января по 19 февраля (Т. 5.— С. 189, 203). Шевченко передал через К. Шрейдерса письмо М. Лазаревскому, впоследствии благодарил за переданные с ним книги и фотографические снимки своего автопортрета (Т. 6.— С. 196, 207—208).

...в витрине известного Даццаро. — Магазин художественных принадлежностей в Петербурге.

...Мельников... — Мельников Павел Иванович (1818—1883), русский прозаик, печатался под псевдонимом Андрей Печерский. Передаваемый тут мемуаристом случай подтверждается А. П. Мельниковым (Сборник Нижегородской ученой архивной комиссии.— 1910.— Т. IX.— С. 43). Впоследствии писатель встречался с Шевченко в Петербурге (см. воспоминания Д. Мордовцева).

Недавно в каком-то историческом журнале появился рассказ... — заметка М. Комарова (Киевская старина.— 1887.— № 3.— С. 580—581), впервые напечатанная в киевской газете «Труд» 27 февраля 1881 года.

...первая встреча Шевченко со Щепкиным... — Эта встреча состоялась 24 декабря 1857 года (Т. 5.— С. 180).

Благодаря усиленным стараниям и хлопотам губернатора Муравьева... — Разрешение проживать в столице (под строгим полицейским надзором) Шевченко получил в феврале 1858 года прежде всего благодаря хлопотам своих петербургских друзей.

...должен был ехать из Нижнего с жандармом... Шевченко выехал из Нижнего Новгорода 8 марта 1858 года вместе с жандармским унтер-офицером, возвращавшимся из Вятки, куда он отвозил ссыльного Шлиппенбаха, и предложившим Шевченко за небольшую плату подвезти его до Москвы (Т. 5.— С. 209).

Последние часы его жизни подробно описаны г. Лазаревским, о котором мы скажем выше. — Имеется в виду статья А. Лазаревского «Последний день жизни Т. Г. Шевченко», помещенная в газ. «Северная пчела» (1861.— 28 февр.). Ранее у Г. Демьянова речь шла о М. Лазаревском.

Впервые опубликовано в ж. «Литературный современник» (1939.— № 3.— С. 198—204) под заглавием «Воспоминания о Шевченко». Печатный текст существенно отличается от автографа, хранящегося в ИЛ (ф. 1, № 584). Там же хранится черновая рукопись этих воспоминаний (ф. 1, № 583), в которой имеются места, отсутствующие как в чистовом автографе, так и в печатном тексте. Как явствует из сопроводительного письма, обе рукописи были присланы Н. Шмидтгофом из г. Нальчика (где он проживал тогда временно) 10 мая 1937 года. Печатается по чистовому автографу.

Шмидтгоф Николай Максимилианович (родился в середине 70-х годов XIX ст.— умер после 1943 г.) — русский актер, сын Е. Пиуновой. В записанных им воспоминаниях матери заметно стремление мемуаристики приукрасить свое отношение к Шевченко, а также попытка публикатора привнести в описание событий середины XIX столетия взгляды и дефиниции, характерные для шевченковедения советского времени (особенно заметно это в черновой рукописи). Кроме названной публикации Н. Шмидтгофа, воспоминания Е. Пиуновой печатались также в изданиях: *Юшков Н. Ф.* К истории русской сцены. Екатерина Борисовна Пиунова-Шмидтгоф в своих и чужих воспоминаниях.— Казань, 1899.

Пиунова-Шмидтгоф Екатерина Борисовна (1841—1909) — русская актриса. В 1856—1858 годах выступала в труппе Нижегородского театра, где обратила на себя внимание Шевченко, который познакомил ее с М. Щепкиным, заботился о развитии ее актерского мастерства, отозвался на ее бенефис положительной рецензией в газ. «Нижегородские губернские ведомости» (1858.— 1 февр.). Взаимоотношениям с Е. Пиуновой, которой Шевченко предлагал стать его женой, посвящены многие страницы его дневника (Т. 5.— С. 151—204).

...родилась я в Нижнем Новгороде в 1843 году... — В действительности Е. Пиунова родилась в 1841 году; это подтверждается также упоминанием ее сына о том, что в 1897 году ей было 56 лет.

...в водевиле с пением «Простушка и воспитанная»... — Первое упоминание о Е. Пиуновой в дневнике Шевченко датировано 13 октября 1857 года. Восторженный отзыв об ее игре в названном водевиле Д. Ленского записан 6 января 1858 года (Т. 5.— С. 151, 184).

Вскоре... приезжает знаменитый актер... Щепкин. — Гастроли М. С. Щепкина в Нижнем Новгороде, куда он приезжал увидеться с Шевченко, продолжались с 24 по 28 декабря 1857 года.

Участвовала я в пьесах... — Во время гастролей М. С. Щепкина в Нижнем Новгороде Е. Пиунова играла в водевиле Соважа и Делорье «Матрос», комедии К. Гольдони «Мирандолина» («Хозяйка гостиницы»), пьесе И. Котляревского «Москаль-чарівник».

...знаменитая Самойлова... — актриса Александринского театра в Петербурге Самойлова (Макшеева) Надежда Васильевна (1818—1899), популярная исполнительница водевильных ролей.

...приносил мне чудные книжки... — Как явствует из записей в дневнике Шевченко, он приносил Е. Пиуновой и читал вместе с нею произведения Пушкина, Гоголя, Котляревского, В. Курочкина, Кольцова, Крылова, Салтыкова-Щедрина, Гете и др. (Т. 5.— С. 186, 187, 202).

...для приглашения на мой бенефис. — Бенефис Е. Пиуновой в Нижегородском театре состоялся 21 января 1858 года. Шевченко посвятил ему рецензию, опубли-

кованную (без подписи) в «Нижегородских губернских ведомостях» 1 февраля 1858 года (Т. 6.— С. 316—318). Эту рецензию Шевченко через В. Погожева передал также в Москву, где при содействии Е. Корша она была помещена в «Приложениях» к газ. «Московские ведомости».— 1858.— 11 февр. (см.: Листи до Т. Г. Шевченка, с. 128). Успех молодой актрисы и одобрительная рецензия Шевченко вызвали полемический отклик «Заметки на статью о бенефисе г-жи Пиуновой» в газ. «Нижегородские губернские ведомости» от 22 февраля 1858 года.

...в этот-то альбом написал мне Тарас Григорьевич следующие стихи... — Как видно из копии, снятой с этого автографа Шевченко мужем Е. Пиуновой М. Шмидтгофом в апреле 1862 года в Харькове (ИЛ, ф. 1, № 64), дата записи Шевченко в альбоме Е. Пиуновой — 26 января 1858 года. Стихотворение «Утоптала стежечку» (Т. 2.— С. 165), написанное в Аральской экспедиции, тогда еще не было опубликовано. Впервые оно напечатано в 1860 году в русском переводе А. Плещеева (Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов.— СПб., 1860). На украинском языке впервые напечатано в «Кобзаре» 1867 года (издание Д. Кожанчикова). Авторскую копию этого стихотворения Шевченко подарил в 1858 году в Петербурге певице Изабелле Гринберг.

...мои маленькие сестры и братья... — В черновом автографе есть упоминание: «Нас было четыре сестры и один брат» (ИЛ, ф. 1, № 583, л. 2).

Вообще в нашей семье Тараса Григорьевича ужасно любили... — В действительности родители Е. Пиуновой относились к Шевченко весьма сдержанно и всячески противодействовали его намерению жениться на ней. Это признавал и Н. М. Шмидтгоф в черновой рукописи своих воспоминаний (ИЛ, ф. 1, № 583, л. 14—15).

...поехали с ним в деревню Бор. — Эта поездка состоялась 26 января 1858 года (Т. 5.— С. 190). Упоминаемую Е. Пиуновой песню Шевченко записал в свой дневник, неодобрительно отозвавшись о ней.

...мне не было еще полных шестнадцати лет... — Здесь, как и в начале своих воспоминаний, Е. Пиунова приуменьшает свой возраст. В действительности в это время ей пошел семнадцатый год, и через два года она вышла замуж.

Вскоре после этого я получила от Тараса Григорьевича письмо... — Текст этого письма записан в дневнике поэта 30 января 1858 года (Т. 5.— С. 191—192) рукой кого-то из знакомых Шевченко.

Много писем было получено моим отцом от Тараса Григорьевича... Весною, на пасте послали... окончательный ответ... — Эти утверждения не соответствуют действительности: взаимоотношения с Е. Пиуновой Шевченко окончательно порвал еще до своего отъезда из Нижнего Новгорода — после того, как она, вопреки договоренности М. Щепкина о ее поступлении в Харьковский театр, возобновила свой контракт в Нижнем Новгороде (Т. 5.— С. 205).

Шмидтгоф Максимилиан Карлович (1835—1879) — актер и музыкант. Женился на Е. Пиуновой в 1860 году, приехав в Нижний Новгород проведать отца, дирижера театрального оркестра, и сестру Эвелину, актрису Нижегородского театра. Шевченко был знаком в Нижнем Новгороде с семьей Шмидтгофов; накануне своего отъезда оттуда он встретился с М. Шмидтгофом, о котором одобрительно отозвался в дневнике как о молодом, очень талантливом скрипаче и сценическом артисте (Т. 5.— С. 209).

Впервые опубликовано в ж. «Вестник Европы» (1873.— № 8.— С. 837—842). Печатается по первой публикации.

Юнге (Толстая) Екатерина Федоровна (1843—1913) — русская художница, дочь вице-президента Академии художеств Ф. Толстого. Воспоминания написаны в 1883 году в Киеве, где мемуаристка жила, выйдя замуж за профессора Медико-хирургической академии Э. Юнге, до 1887 года и руководила созданной ею в 1882 году женской рисовальной школой. Е. Юнге упоминает о Шевченко также в статье «Воспоминание о Н. И. Костомарове» (Киевская старина.— 1890.— № 1.— С. 22—34). Более пространственный вариант воспоминаний (вместе с текстом нескольких писем Шевченко к А. Толстой) Е. Юнге включила в отдельное издание своих мемуаров: *Юнге Е. Ф. Воспоминания* (1843—1860).— СПб., 1913, ранее опубликованных в журнале «Вестник Европы» (1905.— № 3.— С. 138—189; № 4.— С. 763—794).

Моя мать переписывалась с Шевченко... — Известно 5 писем Шевченко к А. Толстой (Т. 6.— С. 125, 146, 177, 188, 212) и 9 ее писем к Шевченко (Листи до Т. Г. Шевченка, с. 81, 91, 108, 115, 138, 142, 148, 153).

...осенью 1857 года, в один вечер... — Явная ошибка в дате: речь идет об осени 1856 года. Именно в письме от 8 октября 1856 года А. Толстая впервые известила Шевченко о том, что хлопоты о его освобождении увенчались успехом (Листи до Т. Г. Шевченка, с. 91—92).

Осипов Николай Осипович (1825—1901) — русский художник-портретист, академик Академии художеств. Был близок к семье Толстых, принимал участие в хлопотах по освобождению Шевченко из ссылки, переписывался с ним (Т. 6.— С. 127, 137, 186; Листи до Т. Г. Шевченка, с. 80, 82, 134).

Наконец наступил желанный день... — Прибыв в Петербург вечером 27 марта 1858 года, Шевченко остановился на квартире М. Лазаревского (ныне набережная Мойки, 93), где прожил до июня 1858 года, когда ему было предоставлено жилье в Академии художеств. Встреча с семьей Ф. Толстого состоялась 28 марта 1858 года в шесть часов вечера (Т. 5.— С. 219).

Раза два приезжал навестить своего друга Щепкин. Он превосходно читал поэмы Шевченка... — М. Щепкин встречался с Шевченко на квартире Толстых 18—19 мая 1858 года (Т. 5.— С. 241—243); во время этой встречи Шевченко прочитал свою поэму «Неофіти», а Щепкин — стихотворение Шевченко «Пустка» и трагедию Пушкина «Скупой рыцарь». Еще одна встреча друзей состоялась у Толстых 16 марта 1860 года; Щепкин снова читал «Скупого рыцаря» и стихотворения Шевченко.

Олдридж Айра-Фредерик (1807—1867) — негритянский актер, который в 1825 году эмигрировал из США в Англию, гастролировал в Петербурге осенью 1858 года. Первый спектакль с его участием («Отелло» В. Шекспира) состоялся 10 ноября 1858 года. Шевченко подружился с ним, часто посещал его спектакли, встречался на квартире Толстых, где нарисовал его портрет, оконченный 25 декабря 1858 года (Т. X.— № 33, ныне хранится в ГМШ). Шевченко исполнил также офортный портрет Олдриджа (местонахождение его ныне не известно — см.: Т. X.— № 160).

Контский Антоний Григорьевич (1817—1899) — польский пианист и композитор. Первую встречу с ним в семье Толстых Шевченко отметил в своем дневнике 6 апреля 1858 г. (Т. 5.— С. 225).

..Лукерья никогда не жила у моей тетушки. — Это свидетельство вносит корректив к упоминанию Шевченко в письме к Н. Макарову от 6 сентября 1860 года о том, что он перевез Лукерью от Н. Забелы к Е. Ивановой, сестре А. Толстой (Т. 6.—

С. 266). В действительности К. Иванова не взяла Лукерью к себе, а лишь помогла Шевченко нанять для нее отдельную квартиру.

...украинского Кобзаря, этого печальника народного... — Выехав осенью 1860 года за границу, семья Толстых встречалась в Лондоне с Герценом. В своих воспоминаниях Е. Юнге засвидетельствовала такое высказывание его: «Речь зашла о Шевченке. «Он тем велик,— сказал Герцен,— что он совершенно народный писатель, как наш Кольцов; но он имеет гораздо большее значение, чем Кольцов, так как Шевченко также политический деятель и выступил борцом за свободу» (Юнге Е. Ф. Воспоминания.— 1913.— С. 355).

А. М. Лазаревский

ВСТРЕЧИ С Т. Г. ШЕВЧЕНКО В ПЕТЕРБУРГЕ

(С. 335—337)

Впервые опубликовано (вместе с репродукцией рисунка) в ж. «Киевская старина» (1899.— № 2.— С. 291—295) под заглавием: «Новопетровское укрепление (к рисунку)» за подписью А. Л. Печатается по первой публикации.

Лазаревский Александр Матвеевич — см. с. 468.

...с младшим братом студентом... — Лазаревским Иваном Матвеевичем (1836—1887), самым младшим из братьев Лазаревских. Познакомился с Шевченко будучи студентом в Петербурге, помогал ему переписывать поэтические произведения. Шевченко подарил И. Лазаревскому несколько своих автографов и «Кобзарь» 1860 года со своей надписью.

...переменил уваровскую свою квартиру... — Весной 1860 года М. Лазаревский переехал с набережной Мойки на Васильевский остров (ныне 5-я линия, д. 4), ближе к Академии художеств, где жил Шевченко. О перемене его адреса Шевченко сообщал в своем письме к В. Шевченко от 22 апреля 1860 года (Т. 6.— С. 254).

Гумбольдт Александр (1769—1859) — немецкий натуралист и географ, выдающийся представитель материалистической натурфилософии домарксистского периода. Шевченко был знаком с его трудами (Т. 6.— С. 152; Т. 5.— С. 232), высоко ценил их, хранил в личной библиотеке.

А. А. Благовещенский

ШЕВЧЕНКО В ПЕТЕРБУРГЕ (1858—1861)

(С. 337—346)

Впервые опубликовано в ж. «Исторический вестник» (1896.— № 6.— С. 896—905). Печатается по первой публикации.

Благовещенский Александр Афанасьевич (1846—1894) — деловод Академии художеств. В своей статье о Шевченко использовал документы из архива Академии художеств, дневник Шевченко, переписку современников и другие материалы.

...получил известие об этом от М. М. Лазаревского... — Письмо М. Лазаревского к Шевченко от 20 февраля 1858 года (Листи до Т. Г. Шевченка, с. 136) процитировано в статье А. Благовещенского неточно.

...получил от графини А. И. Толстой следующее письмо... — Текст его в статье приведен также неточно (см.: Листи до Т. Г. Шевченка, с. 138).

В ожидании полицейского пропуска в Петербург... — Неточная цитата из дневника Шевченко (Т. 5.— С. 208), откуда взяты и приведенные далее строки.

Дорохова Мария Александровна (1811—1867) — начальница Нижегородского института благородных девиц, родственница нескольких декабристов. Шевченко познакомился с нею 31 октября 1857 года (Т. 5.— С. 158), часто посещал ее в Нижнем

Новгороде, нарисовал ее портрет, а также портрет ее воспитанницы Нины, дочери декабриста И. Пущина (оба ныне не известны).

...шестнадцать дней прогостил в Москве у М. С. Щепкина... — По дороге из Нижнего Новгорода Шевченко находился в Москве с 10 по 26 марта 1858 года. Круг лиц, с которыми он там встречался, далеко не исчерпывается перечисленными здесь именами.

...навестил там княжну Репнину... — Эта встреча состоялась 17 марта 1858 года и не произвела ожидаемого впечатления на поэта, которого неприятно поразило, что его старая приятельница «ударилась в ханжество» (Т. 5.— С. 212).

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859) — русский писатель. Интересовался творчеством и личностью Шевченко, передал ему через М. Щепкина в Нижний Новгород свою книгу «Семейная хроника и воспитание» (М., 1857) с дарственной надписью. Шевченко знал и высоко ценил творчество С. Аксакова, посылал ему рукописи своих повестей, надеясь опубликовать их с его помощью. Впервые он встретился с С. Аксаковым 22 марта 1858 года и считал знакомство с ним одним из интереснейших в Москве (Т. 5.— С. 216).

Забелин Иван Егорович (1820—1909) — русский историк и археолог. Шевченко познакомился с ним 21 марта 1858 года (Т. 5.— С. 215), желая осмотреть вместе с ним Оружейную палату, где Забелин служил долгое время.

Якушкин Евгений Иванович (1826—1905) — русский этнограф, юрист и общественный деятель. Сын декабриста, собирал и издавал материалы по истории общественно-освободительного движения. Встретился с Шевченко 19 марта 1858 года в книжном магазине Щепкина Николая Михайловича (1820—1886) и подарил поэту портрет русского просветителя Н. Новикова (Т. 5.— С. 213).

Уткин Николай Иванович (1780—1863) — русский гравёр, академик Академии художеств. Во время учебы Шевченко был руководителем гравировального класса (до 1850 г.) и хранителем гравюр в Академии художеств. Шевченко упоминает его в дневнике в первые дни по возвращении в Петербург (Т. 5.— С. 237).

Йордан Федор Иванович (1800—1883) — русский гравёр, академик Академии художеств, руководитель гравировального класса с 1850 года. Шевченко познакомился с Ф. Йорданом сразу по приезде в Петербург, с благодарностью упоминал о его готовности помочь в овладении гравировальным искусством (Т. 5.— С. 235—236).

Первыми гравёрными опытами Шевченка... — Интерес к гравюру возник у Шевченко еще в годы обучения у К. Брюллова, его первыми опытами в этой области были офорты альбома «Живописная Украина» (1844). Решив усовершенствоваться в гравировальном искусстве после ссылки, Шевченко копировал произведения выдающихся мастеров прошлого и работал над собственными гравюрами в технике офорта и акватинты.

...пять копий с гравюр Рембрандта... — Речь идет об офортах Шевченко, являющихся копиями офортов великого голландского художника Рембрандта ван Рейна (1606—1669): «Автопортрет с саблей» (Т. X.— № 104), «Лазарь Клап» (Т. X.— № 105), «Поляк с саблей» (Т. X.— № 106), «Притча о работниках на винограднике» (Т. X.— № 32). Под «Сценой в купеческой конторе» мемуарист, очевидно, подразумевает офорт Рембрандта «Ростовщик», оттиск которого изучал Шевченко. Его гравюра на этот сюжет не известна; долгое время «Сценой у ростовщика» называли также гравюру Шевченко «Притча о работниках на винограднике».

...две хохлушки... — офорты Шевченко «Две девушки» (Т. X.— № 28, 100).

...одалишка... — Возможно, речь идет об утраченной гравюре по рисунку Шевченко «Турок с одалиской» (Т. X.— № 100) либо офорте «Натурщица» (Т. X.— № 59).

«Спящая женщина...» — офорт «Сама себе хозяйка» (Т. X.— № 47).

...представляя некоторые из этих гравюр на усмотрение совета Академии художеств... — Обратившись 16 апреля 1859 года к совету с официальной просьбой присвоить ему звание академика, Шевченко представил на его рассмотрение свои офор-

ты «Притча о работниках на винограднике» (по картине Рембрандта) и «Прятели» — по картине русского художника Соколова Ивана Ивановича (1823—1910) (Т. X.— № 38). После поездки на Украину Шевченко сделал под этим офортом подпись: «Ой встань, Харьку, ой встань, батьку, просять тебе люде», являющуюся реминисценцией народной песни о предводителе крестьянского восстания (*Жур П. Третя зустріч.*— К., 1972.— С. 78—79). Совет Академии признал Шевченко «назначенным в академики» и задал ему программу на соискание этого звания. (Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії, с. 310).

...товарищ президента граф Ф. П. Толстой... — Весной 1859 года в руководстве Академии художеств произошли неблагоприятные для Шевченко изменения. В мае 1859 года графа Ф. Толстого, свыше трех десятилетий бывшего вице-президентом академии, сняли с этого поста и перевели на символическую должность «товарища» (то есть заместителя, помощника) президента. Вице-президентом академии стал князь Г. Гагарин. Одновременно (в июне 1859 г.) Ф. Львов сменил В. Григоровича в должности конференц-секретаря академии (см.: *Кондаков С. Н. Юбилейный справочник императорской Академии художеств. 1764—1914.*— СПб., 1914.— Ч. I.— С. 45). Сделано это было по настоянию сестры царя Александра II, великой княгини Марии Николаевны, которая с 1852 года была президентом Академии и стремилась противодействовать все возрастающим проявлениям демократизма и творческой независимости среди художественной интеллигенции, которые неизменно поддерживал Ф. Толстой и прогрессивная профессура академии.

...на годовичную академическую выставку... им доставлены были пять гравюр... — Офорты Шевченко «Вирсавия» (по неоконченной картине К. Брюллова 1831 г.) — Т. X.— № 54; «Дуб» (по рисунку (1860) русского художника Мещерского Арсения Ивановича (1834—1902) — Т. X.— № 56; «Вечер в Альбано вблизи Рима (лес)» (по пейзажу (1836) русского художника Лебедева Михаила Ивановича (1811—1837) — Т. X.— № 42; один из офортных автопортретов и этюдов, а также написанный маслом автопортрет. По сообщению тогдашней прессы (*Русский художественный листок.*— 1860.— № 36.— С. 151—154), этот портрет предназначался для лотереи в пользу издания букваря. Поскольку портрет с выставки купила великая княгиня Елена Павловна, Шевченко написал для лотереи другой автопортрет (Т. X.— № 67).

В отчетах с академической выставке 1860 года, напечатанных в газ. «Северная пчела» (1860.— 17 и 24 сент.), Шевченко был ошибочно приписан портрет Петра I, а также вместо выше названных офортов по пейзажам А. Мещерского и М. Лебедева упомянуты якобы выгравированные Шевченко портреты этих художников. Поэт намеревался публично опровергнуть эти утверждения и начал писать соответствующее письмо в одну из петербургских газет, однако не закончил его (черновик см.: Т. 6.— С. 300).

...наряду с живописцами А. Бейдеманом... и др. — Одновременно с Шевченко звание академика Академии художеств было присвоено девяти архитекторам и двенадцати художникам, среди которых было и несколько выдающихся мастеров реалистической живописи (см.: *Петров П. Н. Сборник материалов для истории императорской Санкт-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования.*— СПб., 1866.— Ч. III.— С. 355).

Бейдеман Александр Егорович (1826—1869) — русский художник, ученик К. Брюллова, с 1861 года адъюнкт-профессор Академии художеств. Находился в дружеских отношениях с К. Трутовским и Л. Жемчужниковым, которые оставили о нем теплые воспоминания (*Жемчужников Л. Мои воспоминания из прошлого.*— Л., 1971.— С. 243—265).

Пукирев Василий Владимирович (1832—1890) — русский художник, один из основоположников реализма в живописи первой половины XIX столетия. Вместе с ним звание академика получил также художник Чернышев Алексей Филиппович (1824—1863), родом из Оренбурга, который с 1842 года обучался в Академии худо-

жеств, впоследствии встречался с Шевченко в ссылке, хлопотал об облегчении его службы, переписывался с ним (Листи до Т. Г. Шевченка, с. 60—61, 79), передавал его письма петербургским знакомым, нарисовал Шевченко в кругу польских политических ссыльных в Оренбургском крае.

...признан был академиком по гравированию... — Решение об этом совета Академии художеств вынесено 2 сентября 1860 года (в первой публикации воспоминаний А. Благовещенского ошибочно — 2 октября), торжественное провозглашение состоялось на общем годовом собрании Академии 4 сентября 1860 года, диплом о присвоении Шевченко звания академика Академии художеств датирован 31 октября 1860 года (Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії, с. 355, 359, 360).

Кроме названных гравюр, Шевченко исполнены также еще следующие гравюры... — копия с картины Мурильо «Святое семейство» (Т. X.— № 29); иллюстрация к «Цыганам» Пушкина — речь идет о ксилографии К. Афанасьева, долгое время приписываемой Шевченко (Т. X.— № 305); «Король Лир» — рисунок Шевченко, исполненный для книги: *Кобелль Ф.* Гальванография или способ производить гальванически медные доски для печатания кистью работанных рисунков.— СПб., 1843. Гравюра по этому рисунку, выполненная способом гальванокаустики, помещена в названной книге (с. 54). Кроме того, в ныне не известном альбоме Шевченко художник В. В. Ковалев видел рисунок сепией «Король Лир»: «Энергичная фигура короля, почти обнаженного, который с факелом в руках, в приступе безумия, бежит поджечь свой дворец... Эскиз Тараса Григорьевича производил сильное впечатление также эффектным освещением» (Мистецька спадщина Т. Г. Шевченка.— К., 1959.— Вип. 1.— С. 36).

...несколько портретов... — Портрет графа Ф. Толстого (Т. X.— № 64), портрет Ф. Бруни (Т. X.— № 63), портрет П. Клодта (Т. X.— № 65). Гравированный Шевченко портрет А. Олдриджа ныне не известен. Мемуаристом не упомянут последний из этой серии гравированный портрет И. Горностаева (Т. X.— № 66).

Собственных портретов... награвировано четыре... — Ныне известно шесть гравированных автопортретов Шевченко (Т. X.— № 51, 52, 53, 60, 61, 62); упомянутого мемуаристом автопортрета «в шубе без шапки» среди них нет.

...большой рисунок сепией «Днепровские русалки»... — Рисунок на сюжет «Как русалки луну ловят» (Т. X.— № 37) был исполнен Шевченко по заказу П. Кочубея (как эскиз для будущих росписей стен и плафона в его петербургском доме).

...наброски «Хмельницкий пред крымским ханом». См.: Т. X.— № 90—92; «Смерть Хмельницкого» — рисунок Шевченко, исполненный в 1836—1837 годах в Петербурге (Т. VII.— Кн. 1, № 8); «Мазепа, умирающий в присутствии Карла XII» (Т. VII.— Кн. 2.— № 286).

К этому же времени относится ряд набросков и рисунков, изображающих казарменные сцены и местности в каспийских степях. — Эти рисунки были сделаны Шевченко еще в ссылке, а не в 1858—1861 годах, как полагает мемуарист.

Гринберг Изабелла Львовна (1833—1877) — русская певица и писательница. Познакомилась с Шевченко в апреле 1858 года, принимала участие в любительском концерте 13 апреля 1857 года, устроенном семьей Толстых с целью сбора средств для возвращения Шевченко из ссылки. Шевченко упоминал о ней в дневнике (Т. 5.— С. 238, 239, 242), нарисовал ее портрет (ныне не известен), подарил автограф своего стихотворения «Утоптала стежечку».

...посылала Шевченку приглашительные записочки. — Сохранились четыре таких записки А. Толстой, приглашавшей Шевченко на встречи с декабристом В. Штейнгейлем, писателем П. Плетневым, актером А. Олдриджем и др. (Листи до Т. Г. Шевченка, с. 142, 144, 148, 154).

30 декабря... писала... — Это письмо А. Толстой мемуарист цитирует неточно и ошибочно датирует его 1859 годом (см. Листи до Т. Г. Шевченка, с. 154, 282).

«В Питере мне хорошо пока» — цитата из письма Шевченко к И. Ускову от 4 июля 1858 года (Т. 6.— С. 218—219).

Каменский Федор Федорович (1836—1913) — русский скульптор, академик Академии художеств. Скульптурный портрет Шевченко был задуман им еще при жизни поэта; на основе его посмертной маски создал бюст Шевченко, гипсовая отливка которого впервые выставлялась в 1861 году.

Деньер Генрих Иоганн (Андрей Иванович) (1820—1892) — русский художник и фотограф. Одновременно с Шевченко учился у К. Брюллова в Академии художеств. В 1858 году сделал фотоснимок Шевченко в шапке и тулупе, по которому в 1860 году Шевченко выгравировал автопортрет (Т. X.— № 62).

Пименов Николай Степанович (1812—1864) — русский скульптор, профессор Академии художеств.

...подал в правление Академии художеств прошение... — См.: Тарас Шевченко. Документы та матеріали до біографії, с. 313.

Препятствий к этой поездке не нашлось... — В действительности министр императорского двора граф В. Адлерберг, которому была подчинена Академия художеств, и шеф жандармов князь В. Долгоруков всячески оттягивали выдачу Шевченко разрешения на эту поездку. Оно было получено лишь по настоянию Ф. Толстого.

...билет... был выдан ему... только в первых числах июня... — Разрешение полицмейстера выехать на Украину было выдано Шевченко 25 мая 1859 года (Тарас Шевченко. Документы та матеріали до біографії, с. 318).

Вернувшись из поездки на родину... — В Петербург Шевченко прибыл 7 сентября 1859 года. Мемуарист не упоминает о том, что на Украине Шевченко был в третий раз арестован, и его преждевременное возвращение было вынужденным.

...портрет одной дамы.— Последнее живописное произведение Шевченко, ныне не известное (Т. X.— № 167).

...Н. И. Костомаров отправился навестить поэта... — Костомаров был у Шевченко 24 февраля 1861 года, накануне дня рождения поэта.

...показал гостю золотые часы... — Как явствует из расписки часовщика Шпергаазе (ИЛ, ф. 1, № 506), Шевченко приобрел их 15 февраля 1861 года.

Мокрицкий Иван Николаевич (род. в 1822 г.) — правитель канцелярии петербургского обер-полицейстера (до 1860 г. им был граф П. Шувалов). Шевченко познакомился с ним в 1844 году в Петербурге, через его брата Аполлона Мокрицкого, вместе с которым обучался в Академии художеств; после ссылки встречался с ним на службе и дома. Написанное Шевченко за день до смерти письмо к нему (поздравление с именинами) от 24 февраля 1861 года (Т. 6.— С. 281) является последним автографом поэта.

...описано при...— Фамилии и инициалы лиц, присутствовавших при описи имущества Шевченко, А. Благовещенский приводит неточно. Здесь они даны по официальным документам (Тарас Шевченко. Документы та матеріали до біографії, с. 365).

Странно, почему не вошли в опись и куда вообще девались его книги... — Список книг из личной библиотеки Шевченко, составленный после его смерти Д. Каменецким, ныне хранится в ИЛ (ф. 1, № 461, 462). Опубликован И. Айзенштоком в журнале «Червоний шлях» (1923.— № 8.— С. 236—240); перепечатан в книге: *Анісов В., Середа Є. Літопис життя і творчості Т. Г. Шевченка.*— К., 1976.— С. 340—345. По свидетельству М. Лазаревского, 4 июня 1861 года библиотека Шевченко была передана на хранение Ф. Черненко, а уплаченные за нее петербургской украинской «громадой» деньги отданы братьям поэта. Дальнейшая судьба библиотеки не известна, отдельные книги из нее хранятся в нескольких государственных библиотеках.

...вообще читать не любил.— Это утверждение не соответствует действительности и опровергается многочисленными свидетельствами начитанности Шевченко.

А. В. Никитенко

Т. Г. ШЕВЧЕНКО НА ЧЕСТВОВАНИИ АКТЕРА
А. Е. МАРТЫНОВА

(С. 346)

Впервые опубликовано в кн.: А. В. Никитенко. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был». Записки и дневник (1826—1877).— СПб., 1893.— Т. 2.— С. 140. Печатается по изданию: Никитенко А. В. Дневник: В 3 т.— М., 1955.— Т. 2.— С. 70.

Никитенко Александр Васильевич — см. с. 483.

Мартынов Александр Евстафиевич (1816—1860) — актер Александринского театра в Петербурге, один из основоположников сценического реализма в России. Шевченко видел его в спектаклях и был лично с ним знаком. Упомянутый А. Никитенко обед в честь Мартынова состоялся в ресторане Дюссо 10 марта 1859 года по случаю отъезда актера, у которого обострился туберкулез легких, на лечение за границу. Произнесенные во время обеда речи А. Дружинина и А. Островского, а также стихотворение Н. Некрасова «Со славою прошел ты полдороги» были тогда же опубликованы в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (1859.— 15 марта) и в журнале «Современник» (1859.— № 3.— С. 205—208). Засвидетельствованное А. Никитенко участие Шевченко в этом обеде является ценным доказательством его личной встречи в тот день с Н. Добролюбовым, который также присутствовал на обеде (*Рейсер С. А.* Летопись жизни и деятельности Н. А. Добролюбова.— М., 1953.— С. 209).

Шевченко принимал участие и в похоронах А. Мартынова, умершего 28 августа 1860 года. Свидетельство об этом сохранилось в воспоминаниях сибирского этнографа Н. Ядринцева «Люди шестидесятых годов» (Восточное обозрение.— 1904.— № 126): «А помните похороны Мартынова в 60-м году? Помните, как на них Курочкин имел столкновение с полицией, а Шевченко кому-то дал... (неразборчиво в рукописи воспоминаний). Помните, когда несли по Николаевскому мосту; «Шапки долой!..» Еще генерал какой-то проезжал — остановили. Тот снял шапку и пошел за гробом» (см.: Литературное наследие Сибири.— 1979.— Т. IV.— С. 198).

Л. Ф. Пантелеев

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

(С. 347—350)

Впервые опубликовано в газ. «Русские ведомости» (1903.— 29 июля, глава «Основа») и 17 авг. (глава «Литературные чтения. Спектакли литераторов и публичные лекции»). Включено в издание: Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого.— СПб., 1905.— С. 155, 169—172. Печатается по изданию: Пантелеев Л. Ф. Воспоминания.— М., 1958.— С. 220—227, 235—237.

Пантелеев Лонгин Федорович (1840—1919) — русский общественный и литературный деятель, участник революционно-освободительного движения. В 1858 году поступил в Петербургский университет, принимал активное участие в студенческих беспорядках, за что осенью 1861 года вместе с группой студентов был заключен в Петропавловскую крепость. После освобождения сблизился с революционно-демократическим ядром «Современника» во главе с Н. Чернышевским. В 1864 году за участие в подпольной организации «Земля и воля» и связи с польскими повстанцами был сослан в Сибирь. Впоследствии перешел на буржуазно-либеральные позиции, занялся издательской деятельностью. Опубликовал воспоминания о периоде революционного подъема 50—60-х годов XIX столетия. С Шевченко встречался в редакции журнала «Основа», присутствовал на его похоронах.

...с открытия Литературного фонда... — Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд) было создано прогрессивной общественностью осенью 1858 года в Петербурге. В число членов-основателей его, по предложению Н. Чернышевского, был включен и Шевченко.

...Шевченко был встречен так задумчиво... — Это выступление Шевченко состоялось 18 декабря 1860 года, в тот вечер он прочитал не «Думи мої» и отрывки из «Гайдамаків» (в действительности читанные 22 ноября 1860 г.), а поэму «Чернець» (названную на этих чтениях «Семен Палий. Малороссийское предание» // Русский мир.— 1860.— № 99.— 21 дек.). Сохранилось разрешение Санкт-Петербургского цензурного комитета на публичное чтение этого стихотворения, датированное 16 ноября 1860 года (Т. 2.— С. 471).

...литературно-музыкальное утро в память Шевченка... — Большой концерт, организованный Литературным фондом для сбора средств на покупку земли родственникам Шевченко, состоялся 27 апреля 1861 года в зале Дворянского собрания (ныне Ленинградская государственная филармония) и вызвал ряд откликов в тогдашней прессе (Северная пчела.— 1860.— 1 и 25 мая, 5 авг.). «Современная летопись» (приложение к московскому журналу «Русский вестник»).— 1861.— № 18.— С. 10; «Основа».— 1861.— № 6.— С. 143—160.

Ген Константин Александрович (род. в 1839 г.) — студент юридического факультета Петербургского университета, был знаком с Шевченко; как свидетельствует его записка от 13 октября 1860 года (Листи до Т. Г. Шевченка, с. 191), помогал распространять его произведения. За участие в студенческих беспорядках 1861 года был сослан в Петрозаводск.

Белозерская Надежда Александровна (1828—1912) — украинская писательница и переводчица, жена редактора журнала «Основа» В. Белозерского. Встречалась с Шевченко в Петербурге после ссылки.

Стороженко Алексей Петрович (1805—1874) — украинский писатель; был близок к редакции журнала «Основа», активно в нем печатался.

Трутовский Константин Александрович (1826—1893) — украинский художник, академик Академии художеств с 1860 года. В 80-х годах создал серию рисунков из жизни Шевченко и иллюстраций к его произведениям.

«Муж Марко Вовчка»... — Маркович Афанасий Васильевич (1822—1867) — украинский фольклорист и этнограф. За участие в Кирилло-Мефодиевском обществе в 1847 году сослан в Орел, где познакомился с М. Вилинской (Марко Вовчок), ставшей его женой. Писал Шевченко в 1858 году о литературных делах Марко Вовчок (Листи до Т. Г. Шевченка, с. 147—148), встречался с ним в Петербурге, был одним из организаторов концерта в память Шевченко в апреле 1861 года.

Самой Марко Вовчка, в то время крайне популярной, я ни разу не встречал. — С мая 1859 года Марко Вовчок находилась за границей.

Мюнстер Александр Эрнестович (1824—1908) — русский литограф и издатель.

...ссылаясь на портрет Репина... — Портрет Шевченко И. Репин написал в 1888 году для мемориальной светлицы на могиле поэта в Каневе (ныне хранится в ГМШ).

..в журнальчике «Чтение для народа»... — Автобиография Шевченко была опубликована в ж. «Народное чтение» (1860.— № 2) в виде письма его редактору А. Оболонскому; вскоре ее перепечатали (полностью или частично) многие русские газеты и журналы.

...помещик согласился отпустить на волю родных Шевченко, уже не помню — даром или за выкуп... (См. комментарий к воспоминаниям Н. Новицкого.).

Е. А. Штакеншнейдер

Т. Г. ШЕВЧЕНКО НА ЛИТЕРАТУРНОМ ЧТЕНИИ
В ПАССАЖЕ

(С. 351)

Впервые опубликовано вместе с другими дневниковыми записями, в ж. «Русский вестник» (1901.— № 8.— С. 415—416) под заглавием «Из записок Е. А. Штакеншнейдер (1859—1860)». Печатается по первой публикации.

Штакеншнейдер Елена Андреевна (1836—1897) — дочь русского архитектора, профессора Академии художеств А. Штакеншнейдера. В своем дневнике отразила ряд событий культурной жизни Петербурга конца 50-х — начала 60-х годов XIX в.

Вечером была на чтении в пользу воскресных школ... — Упоминаемое здесь чтение состоялось 21 ноября 1860 года в концертном зале Пассажа (ныне драматический театр им. В. Ф. Комиссаржевской). Оно было задумано как встреча демократической общественности Петербурга с поэтом-революционером (см.: *Жур П.* Шевченковский Петербург, с. 248), чем и объясняется устроенная в честь Шевченко бурная овация. Слухи об этом чествовании проникли и за границу. Профессор Академии генерального штаба, участник революционного движения конца 50-х — начала 60-х годов Н. Обручев писал в письме из Парижа от 11 декабря 1860 года Добролюбову в Геную: «Было литературное чтение в Пассаже с участием Достоевского, Бенедиктова, Майкова и Шевченко. Стихотворцев Бенедиктова и Майкова принимали с большими аплодисментами, по два раза заставляли читать стихи. Шевченко приняли с таким восторгом, какой бывает только в итальянской опере. Шевченко не выдержал, прослезился и, чтобы оправиться, должен был уйти на несколько минут за кулисы. Потом читал малороссийские стихи, слов публика большею частью не поняла, но зато насладилась мелодичностью его говора» (*Княжнин Вл.* Добролюбовский архив//Заветы.— 1913.— № 2.— С. 93—94).

Тепло встретила публика выступления Шевченко и на двух других вечерах в зале Пассажа — 11 ноября и 18 декабря 1860 года. Как сообщал грузинский журналист и общественный деятель Д. Кипиани в письме к жене, 11 ноября 1860 года он был «на (публичном) чтении литераторов в Пассаже. Читал Бенедиктов прекрасно. Наш Полонский тут чудесный поэт. Майков — прекрасно. Достоевский, Писемский, Шевченко — поэт и художник — блестяще. Зал был битком набит» (*Жур П.* Шевченковский Петербург, с. 246). В воспоминаниях Л. Пантелеева речь идет о выступлениях Шевченко 18 декабря 1860 года.

Василь Лукич

К БИОГРАФИИ ШЕВЧЕНКО

(С. 351—352)

Впервые опубликовано на украинском языке в литературном сборнике «Ватра» (Стрый, 1887.— С. 206—207). Печатается по первой публикации.

Василь Лукич — псевдоним украинского журналиста, издателя и общественно-го деятеля Левицкого Владимира Лукича (1856—1938). Опубликованные им воспоминания записаны со слов военного инженера Малецкого Гаспара Ромуальдовича (род. 1843 г.). Будучи подпоручиком 3-й полевой артиллерийской бригады, во время польского восстания 1863 года он перешел на сторону повстанцев и командовал батальоном в отряде З. Сераковского. После поражения восстания эмигрировал во Францию, впоследствии перебрался в Галицию.

...тогда учащийся военной школы... — Г. Малецкий обучался в Павловском кадетском корпусе и Инженерной академии в Петербурге.

...у своего товарища, графа Эдварда Подоского... — В то время студента юридического факультета Петербургского университета, участника революционного движения начала 60-х годов.

...у известного художника Мартынова.— Возможно, речь идет о художнике Мартынове Степане Михайловиче (см.: *Жур П.* Шевченковский Петербург, с. 229).

Михайлов Михаил Ларионович (1829—1865) — русский поэт и переводчик. Принадлежал к руководящему ядру революционно-демократических сил, был связан с подпольными организациями. Знал Шевченко лично, переводил его стихотворения. Весной 1862 года был арестован за распространение революционных прокламаций. сослан на каторгу в Сибирь, где и погиб.

...инспектор студентов университета Шефлер... — Ошибка мемуариста или публикатора: инспектор студентов университета — Фицтум фон Экштедт Александр Иванович (1804—1873). Шевченко был знаком с ним еще со времен своего обучения в Академии художеств.

...панихиду по пятерым погибшим в тот год в Варшаве полякам... — Эта панихида, носившая характер политической демонстрации, состоялась 22 февраля 1861 года в католическом соборе в Петербурге. Шевченко в ней не принимал участия.

М. К. Чалый

(С. 352—360)

Т. Г. ШЕВЧЕНКО НА УКРАИНЕ В 1859 ГОДУ

Впервые опубликовано в кн.: *М. К. Чалый. Жизнь и произведения Тараса Шевченко* (Свод материалов для его биографии).— К., 1882.— С. 139—151. Написано М. Чалым по воспоминаниям И. Шевченко, В. Шевченко, М. Максимовича, С. Крапивинной и своим собственным. Печатается по первой публикации.

Чалый Михаил Корнеевич — см. с. 483.

Кроме воспоминаний об аресте Шевченко на Украине в 1859 году, помещенных в книге М. Чалого, в свое время появилась также статья, в которой были опубликованы документы из подлинного архивного дела: Н. Молчановский. Арест Шевченко в 1859 году (Материалы к биографии//Киевская старина.— 1899.— № 2.— С. 143—150). Поскольку эта статья не имеет мемуарного характера, а все приведенные в ней документы ныне известны, здесь она не перепечатывается.

«Якось недавно довелось...» — Контаминированная цитата из стихотворения Шевченко «І виріс я на чужині» (Т. 2.— С. 131—132).

В апреле он вырвался из Петербурга... — Осуществить свою давнишнюю мечту побывать на Украине Шевченко удалось с большим трудом — пришлось преодолеть препятствия, чинимые официальными властями. На свое прошение разрешить ему поездку на родину, поданное в Академию художеств 5 мая 1859 года, он получил положительный ответ только в конце мая (см.: *Жур П.* Третя зустріч, с. 20—27). Вслед отправилось (датированное тем же 23 мая, что и упомянутое выше разрешение) секретное распоряжение III отделения жандармским властям Киевской губернии о «должном... наблюдении за художником Шевченко» (Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії, с. 317).

...с любимую сестрою своей Ириной... — Упоминаемая М. Чалым встреча состоялась в Кирилловке 27—28 июня 1859 года.

В конце мая он поехал в Корсунь. — В это время Шевченко был еще в Петербурге, откуда выехал не ранее 26 мая 1859 года.

В семействе Варфоломея Григорьевича поэт прожил около двух месяцев... — В Корсунь Шевченко прибыл 28 июня 1859 года, в последний раз выехал оттуда 12 июля 1859 года и вскоре был арестован. Ценные материалы о встречах Шевченко с жителями Корсуни и ближайших сел см. в кн.: *Жур П.* Третя зустріч, с. 102—117.

Лопухинский сад — парк вокруг дворца князя П. Лопухина в Корсуне, славившийся красотой своих ландшафтов на всю Европу. Сохранилось несколько сделанных там Шевченко рисунков (Т. X.— № 78, 79 и др.).

«*Все мені снитися ота благодать...*» — неточная, контаминированная цитата из писем Шевченко к В. Г. Шевченко от 20 августа 1859 года из Прилук и 10 сентября 1859 года из Петербурга (Т. 6.— С. 234—235).

«*дones на поэта жандармскому офицеру, и, когда тот не придал доносу его никакого значения...*» — Это утверждение не соответствует действительности: поручик А. Крижицкий-второй, адъютант при штабе корпуса жандармов Киевской губернии (который был тогда послан в Межирич расследовать жалобы на В. Табачникова и Ф. Добржинского) сразу же включился в следствие над Шевченко и 15 июля 1859 года отправил рапорт штабс-офицеру корпуса жандармов Киевской губернии подполковнику Л. Грибовскому (см.: *Жур П. Третя зустріч*, с. 142), который в свою очередь 26 июля 1859 года доложил об этом III отделению в Петербурге (Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії.— С. 331—332).

Пристав привез Тараса в свою резиденцию Мошны... — Во время пребывания Шевченко в Мошнах с ним познакомился ученик 1-й Киевской гимназии Маслий (Маслов) Василий Павлович (1841—1880) — горячий поклонник поэзии Шевченко и будущий автор его первой биографии: *В. Маслов*. Тарас Григорьевич Шевченко. Биографический очерк.— М., 1874. См. его письмо к Шевченко от 10 сентября 1859 года (Листи до Т. Г. Шевченка, с. 163—166).

«*...где Шевченко прожил три дня...*» В Мошнах Шевченко находился с 15 до 18 июля 1859 года, когда был доставлен в Черкассы, откуда 22 июля его снова перевезли в Мошны, а 26 июля из Мошен отправили в Киев, куда он прибыл 30 июля.

«*...у своего знакомого Грудзинского...*» — В письме к В. Шевченко от 10 сентября 1859 года из Петербурга поэт просил «поцеловать Грудзинского и его старую мать» (Т. 6.— С. 235).

Сидя в заключении в Черкассах, Шевченко написал одно из лучших своих стихотворений... — Стихотворение «Сестрі» (Т. 2.— С. 347) написано, как свидетельствует авторская дата в автографе, 20 июля 1859 года. На том же листке бумаги Шевченко записал стихотворение «Колись дурною головою» (Т. 2.— С. 348) с датой 21 июля.

В Черкассах поэт получил от Максимовича письмо... — Письмо от М. А. и М. В. Максимовичей от 23 июля 1859 года (Листи до Т. Г. Шевченка.— С. 161) Шевченко получил не в Черкассах, а в Мошнах, куда снова был возвращен 22 июля 1859 года. Слухи об освобождении Шевченко, упоминаемые М. Максимовичем в этом письме, были безосновательными.

«*...по письму Вашому...*» — записка Шевченко к М. В. и М. А. Максимовичам от 22 июля 1859 года из Мошен (Т. 6.— С. 233).

24 июля Шевченка пароходом привезли в Киев. — Это утверждение не соответствует действительности: как видно из записки Шевченко к Максимовичам от 26 июля 1859 года (Т. 6.— С. 234), в тот день он был еще в Мошнах. В Киев его отправили лошадьми в сопровождении сотского; по дороге, в селе Зеленьки, 27 июля 1859 года Шевченко записал народную песню «Ой п'яна, я п'яна» (Т. 6.— С. 346).

К счастью нашего Кобзаря, генерал-губернатором в то время был ...Васильчиков. — Позиция Васильчикова в деле Шевченко объясняется вовсе не соображениями «высокой гуманности». Убедившись в юридической безосновательности сфабрикованных Табачниковым обвинений (которых не подтверждали даже некоторые из выставленных полицией свидетелей), Васильчиков решил не раздувать этого дела. Чтобы избежать дальнейших хлопот, он возражал против того, чтобы Шевченко было разрешено постоянно поселиться на родине, поскольку «он известен здесь как человек, скомпрометировавший себя с политической точки зрения» (Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії, с. 339).

Бибииков Дмитрий Гаврилович (1792—1870) — киевский, подольский и волынский генерал-губернатор с 1837-го по 1852 год. Типичный представитель николаевской администрации, один из активных участников разгрома Кирилло-Мефодиевского общества. Шевченко охарактеризовал его как «пьяного сатрапа-капрала» (Т. 2.— С. 296—297).

Не желая поселиться в центре Киева... — В первые дни после прибытия в Киев Шевченко жил на Крещатицкой площади (ныне площадь Октябрьской революции), в доме купца Смирнова у своего знакомого по Академии художеств, фотографа и художника Гудовского Ивана Васильевича.

...отправился на Подол и... очутился на Преварке. — Речь идет о киевской окраине Приорке, где Шевченко жил в доме В. Пашковской (ныне ул. Вышгородская, 5).

С. Крапивина — псевдоним украинской писательницы Лободы Стефании Матвеевны (1827—1887), жены участника революционно-освободительного движения, офицера-землеольца В. Лободы. Написала воспоминания о пребывании Шевченко на квартире у ее сестры В. Пашковской летом 1859 года на Приорке в Киеве (*С. Крапивина*. Несколько слов о Тарасе Шевченко.— Пчела.— 1875.— № 42.— С. 501—503). Перепечатано на украинском языке в львовском ж. «Правда» (1876.— № 3.— С. 102—105). С. Крапивиной принадлежат также не отличающиеся достоверностью воспоминания о разрыве Шевченко с Л. Полусмаковой: *С. Крапивина*. Жуткий вечер в жизни Т. Г. Шевченко//Пчела.— 1878.— № 5.— С. 66.

Первая моя встреча с ним произошла у... Сошенка... — И. М. Сошенко жил тогда на Сенной площади (ныне ул. Большая Житомирская, 36).

Из писем поэта ко мне и к старому Сохе... — В письмах 1859—1861 годов из Петербурга к М. Чалому и И. Сошенко Шевченко передавал приветы жене и племяннице Сошенко (Т. 6.— С. 236, 277).

...поэт удостоил и меня своим посещением. — М. Чалый жил тогда в собственном доме (ныне ул. Гоголевская, 9).

Долго бродили мы за Михайловской оградой... — Речь идет о склонах Днепра за усадьбой Михайловского монастыря (ныне Владимирская горка).

...памятник св. Владимира, произведение барона Клодта... — Памятник киевскому князю Владимиру Святославичу скульпторов Клодта Петра Карловича и Демут-Малиновского Василия Ивановича, архитектора Тона Александра Андреевича открыт в Киеве в 1853 году.

Последний вечер... своего пребывания в Киеве... — Ночь с 12 на 13 августа 1859 года Шевченко провел в семье Юскевича-Красковского Ивана Даниловича (1807—1887), преподавателя латинского языка 2-й Киевской гимназии. Его дом стоял на углу Ирининской улицы и Михайловского переулка (не сохранился).

...он рушил за Днепр, направив свой путь в Конотопский уезд... — 13 августа Шевченко выехал из Киева в Переяслав; на Конотоп он отправился из Прилук 20 августа (Т. 6.— С. 235). В семье Лазаревских в селе Гирявке близ Конотопа он гостил с 21 по 25 августа 1859 года.

М. К. Чалый

ПОСЕЩЕНИЕ Т. Г. ШЕВЧЕНКОМ САХАРНОГО ЗАВОДА
ЯХНЕНКА И СИМИРЕНКА

(С. 360—363)

Впервые опубликовано в ж. «Киевская старина» (1889.— № 2.— С. 459—464). Печатается по первой публикации.

...добрался до Переяслава. — Шевченко гостил в Переяславе 13 июня 1859 года. От своего знакомого А. Козачковского он записал здесь несколько своих собственных (забытых за время ссылки) произведений.

...отправился в Прохоровку... — На хуторе Михайлова Гора, у Максимовичей, Шевченко находился с 14 июня 1859 года на протяжении недели; 19 июня он нарисовал здесь портрет М. А. Максимовича, 22 июня — портрет его жены М. В. Максимович (Т. X.— № 43, 44).

...на сахарный завод Яхненка и Симиренка.— Построенное в 1848 году одно из крупнейших в то время не только на Украине, но и во всей империи предприятие, расположенное между Млиевом и Городищем. Объединяло сахарный завод, механическое производство (третье в России по объему продукции), заводской поселок. Принадлежало фирме «Братья Яхненко и Симиренко».

Яхненко Кондрат Михайлович (1790—1868) — бывший крепостной, впоследствии купец первой гильдии, основатель и совладелец промышленной фирмы.

Симиренко Платон Федорович (1821—1863) — один из руководителей промышленной фирмы. Сын бывшего крепостного Симиренко Федора Степановича (1791—1867), совладельца фирмы П. Симиренко одолжил Шевченко средства на издание «Кобзаря» 1860 года, переписывался с ним на протяжении 1859—1861 годов: известны четыре письма Шевченко к П. Симиренко, (Т. 6.— С. 240, 244, 246, 276) и одно письмо от него (Листи до Т. Г. Шевченка, с. 171).

Увлечшись идеями утопического социализма Ш. Фурье (с которыми он мог познакомиться, изучая сахароварение во Франции), П. Симиренко попытался основать в Городище фаланстер и даже построил для него здание на своем заводе (Україна.— 1927.— № 1—2.— С. 151). Его сын Л. П. Симиренко, впоследствии известный помолог-селекционер, обучаясь в Одессе, принимал участие в народовольческом кружке, за что был сослан в Сибирь.

Хропаль Алексей Иванович (1813—1886) — служащий фирмы «Братья Яхненко и Симиренко», зять Ф. Симиренко. Был знаком с Шевченко еще до ссылки.

Спустя несколько дней он снова приехал... — Во второй раз Шевченко был в Млиеве и Городище 8 июля 1859 года. Проживая на квартире у А. Хропалья, он подарил хозяину свой офорт «Приятели» (по картине И. Соколова).

...некоторые из служащих на заводе, люди солидно образованные.— При Городищенском сахарном заводе была большая больница, школа, где преподавали прогрессивные учителя с университетским образованием, существовал любительский театр (*Клебановский П.* Воспоминания о фирме братьев Яхненко — Симиренко // Киевская старина.— 1896.— № 1.— С. 104).

...прочитанное им стихотворение «Сон»... — В воспоминаниях М. Чалого оно приведено по тексту, вписанному Шевченко в свой дневник 13 июля 1858 года (Т. 5.— С. 244—245). Впервые это стихотворение напечатано в ж. «Русская беседа» (1859, № 3). В семье Симиренко были известны не только опубликованные, но и не предназначенные для печати стихотворения Шевченко. По свидетельству внучки П. Симиренко, у входа в теплицу в их саду было написано четверостишие:

О люди, люди небораки,
Нащо здалися вам царі?
Нащо здалися вам псарі?
Ви ж таки люди, не собаки,—

которое показывали детям (см.: *Симиренко Тетяна, Сауляк Марія...* Спогади про Л. П. Симиренка // Дніпро.— 1963.— № 4.— С. 129). Однако предположение мемуаристики, что эта надпись сделана самим Шевченко, опровергается тем, что стихотворение «О люди! люди небораки!» написано в Петербурге спустя более года после пребывания поэта у Симиренко, 3 ноября 1860 года.

...только что получил предписание от исправника наблюдать за ним.— Соответственно указанию III отделения киевский гражданский губернатор П. Гессе 15 июня 1859 г. разослал циркуляр об учреждении строгого надзора за Шевченко (Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії, С. 322) всем земским исправникам и го-

родничим Киевской губернии, а те, в свою очередь, отдали соответствующее распоряжение подчиненным станovým приставам.

...что ему нужно поехать в Кирилловку, а потом в Корсунь... — Очевидно, по делам, связанным с покупкой усадьбы близ села Пекари, во время обмера которой произошел инцидент, использованный исправником В. Табачниковым и приставом Ф. Добржинским как предлог для ареста поэта.

Главное управление по делам печати отнеслось к изданию сочинений Шевченка неблагоприятно... — Главное управление цензуры 25 июля 1859 г. разрешило переиздать (с некоторыми изъятиями) лишь напечатанные до ссылки произведения Шевченко. Представленная в цензуру рукопись «Поезія Тараса Шевченка. Том первый», в которую входили и новые стихотворения, была отклонена (Тарас Шевченко. Документы та матеріали до біографії, с. 330—331).

...если бы министр народного просвещения Ковалевский собственной властью не разрешил печатание. — Неточность в воспоминаниях. Речь идет, очевидно, о том, что Ковалевский Евграф Петрович (1790—1867), бывший министром просвещения в 1858—1861 годах, 5 февраля 1859 года дал разрешение цензурному ведомству рассмотреть вопрос о новом издании «Кобзаря» на общих основаниях (Тарас Шевченко. Документы та матеріали до біографії, с. 309).

...Шевченко обратился за помощью в Городище... — М. Чалый цитирует здесь (комментируя некоторые упомянутые Шевченко имена) письмо Шевченко к А. Хропалю от 26 ноября 1859 года из Петербурга (Т. 6.— С. 241). В тот же день с аналогичным письмом Шевченко обратился к П. Симиренко (Т. 6.— С. 240), ответ которого от 11 декабря 1859 года (Листи до Т. Г. Шевченка, с. 171) не совсем точно процитирован в воспоминаниях М. Чалого.

Титарівну... тричі поцілуйте за мене... — старшая дочь адресата Екатерина (род. в 1853 г.). Шевченко называет ее «титарівною», так как А. Хропаль был старостой местной церкви.

...был этим крайне недоволен... — Это подтверждается также письмом В. Г. Шевченко (март 1860 г.), в котором идет речь о резко неодобрительной реакции П. Симиренко (Листи до Т. Г. Шевченка, с. 180).

Н. Ф. Беляшевский

РАССКАЗЫ КРЕСТЬЯН с. ПЕКАРЕЙ
О Т. Г. ШЕВЧЕНКЕ

(С. 363—373)

Впервые опубликовано в ж. «Киевская старина» (1894.— № 2.— С. 165—182). В украинском переводе перепечатано в ж. «Зоря» (1895.— № 5.— С. 93—94; № 6.— С. 115—116). Печатается по первой публикации.

Беляшевский Николай Федотович (1867—1926) — украинский этнограф, искусствовед, археолог и музеевед, академик АН УССР с 1919 года. В дореволюционное время принимал участие в мероприятиях общественности по сооружению памятника Шевченко в Киеве. Собирал автографы, рисунки Шевченко, материалы для его биографии. Одним из первых записал и опубликовал народные предания о Шевченко.

...всего одна заметка... — Речь идет о статье: *Смоктий А.* Взгляд народа на Шевченко в «Киевской старине» (1882.— № 8.— С. 371—373). В следующем году тот же автор опубликовал статью: *Смоктий А.* Воспоминание о Шевченко. (Киевская старина.— 1883.— № 9—10.— С. 320—322).

...М. Васильевым сообщена «Народная песня о Шевченко»... — Публикация народной песни «Уродився та й Шевченко» содержится в «Киевской старине» (1885.— № 9.— С. 187—189); варианты — в «Правде» (1891.— № 2.— С. 95—97); «Киевской старине» (1901.— № 5.— С. 81—82), где речь идет не о Т. Г. Шевченко.

20 июля, при переправе из Пекарей в Прохоровку к Максимовичу, Шевченко был арестован... — Дата ареста указана неточно (в действительности это произошло между 13 и 15 июля), однако засвидетельствованные здесь обстоятельства ареста Шевченко представляют несомненный интерес.

...посещение поэтом Пекарей имело место между 15 и 20 июля.— В это время Шевченко был уже под арестом; в Пекарях он находился между 5 и 10 июля 1859 года.

«А я так мало, небагато...» — Сокращенная цитата из стихотворения Шевченко «Не молилася за мене» (Т. 2.— С. 241—242).

...как говорит поэт в своем последнем произведении.— В стихотворении «Чи не покинуть нам, небого» (Т. 2.— С. 422—424).

«Все мені сниться ота благодать...» — Контаминированная цитата из писем к В. Шевченко от 20 августа и 10 сентября 1859 года (Т. 6.— С. 234, 235).

По его доносу возникло целое дело о некоторых лицах, оставшихся в Пекарях после погребения поэта... — Имеется в виду статья И. Билька «Тревога над свежей могилой Т. Г. Шевченко» (Киевская старина.— 1886.— № 4.— С. 708—728), где были использованы материалы жандармского дела по расследованию доноса помещика Н. Парчевского.

«Видно Дніпро, та здалека...» — Контаминированная цитата из писем к В. Шевченко от 2 ноября 1859-го и 18 февраля 1860 года (Т. 6.— С. 239, 249).

«Вище по Дніпру од того місця, де ти сам вибрав, коло Пекарів...» — цитата из письма В. Шевченко от июня 1860 года (Листи до Т. Г. Шевченка, с. 185).

«Не забувайте и хоть изредка отзываетесь...» — цитата из письма М. А. Максимовича от 6 октября 1859 года (Листи до Т. Г. Шевченка, с. 167).

В статье Конисского... — Цитата из критико-биографического очерка А. Конисского «Детские годы Т. Г. Шевченко». — «Записки товарищества імені Шевченка». — 1892.— Ч. I.— С. 108.

В статье Кузьмичевского... — Речь идет о статье М. Драгоманова «Шолудивый Бунык в украинских народных сказаниях» (Киевская старина.— 1887.— № 8.— С. 676—713; № 10.— С. 233—276).

...некто Буркот... — Речь идет о служащем в имении помещика Н. Парчевского Буркате Викентии Францевиче, отличавшемся особой грубостью. Летом 1859 года он шпионил за Шевченко и доносил на него полиции; впоследствии следил в Каневе за Г. Честаховским.

В. Я. Карташевская

К ИСТОРИИ СВАТОВСТВА ШЕВЧЕНКО

(С. 373—375)

Впервые опубликовано Н. Шугуровым в ж. «Киевская старина» (1900.— № 2.— С. 61—63) под заголовком «Из воспоминаний В. Я. Карташевской о Т. Г. Шевченко». Печатается по первой публикации.

Карташевская Варвара Яковлевна (1832—1902) — петербургская знакомая Шевченко. Родом с Черниговщины, сестра Н. Макарова. Шевченко познакомился с ней 14 апреля 1858 года (Т. 5.— С. 228), бывал у нее на литературных вечерах, нарисовал портрет ее дочери Надежды (ныне не известен).

Nicolas — Макаров Николай Яковлевич.

...присел и написал мне «Садок вишневий коло хати». — Написанное в конце мая 1847 года в составе цикла «В казематі», это стихотворение было очень популярно в конце 50-х — начале 60-х годов. Шевченко охотно декламировал его, дарил автографы своим знакомым (кроме В. Карташевской — также М. Максимович, Н. Хрущевой, Я. Кухаренко и др.).

...Лукерью поместила у жены Кулиша.— А. Белозерская-Кулиш жила тогда в Стрельне, на даче у своей сестры Н. Забелы.

Наталка Полтавка

ВОСПОМИНАНИЯ О Т. Г. ШЕВЧЕНКО

(С. 375—386)

Впервые опубликовано на украинском языке в ж. «Зоря» (1892.— № 5.— С. 81—86). В более краткой редакции воспоминания печатались в ж. «Киевская старина» (1887.— № 3.— С. 585—586; 1890.— № 2.— С. 175—184). Печатается по тексту журнала «Зоря».

Наталка Полтавка — псевдоним украинской писательницы Симоновой (Кибальчич) Надежды Матвеевны (1857—1918). Воспоминания о Шевченко написаны ею по рассказам ее матери, Забелы Надежды Михайловны (род. 1822 г.). Сестра В. Белозерского — члена Кирилло-Мефодиевского общества, затем редактора журнала «Основа», — Н. Забела знала Шевченко с 1847 года, впоследствии встречалась с ним в Петербурге. Известны три письма Шевченко к ней (Т. 6.— С. 266—267) и две ее ответных записки (Листи до Т. Г. Шевченка, с. 196—197). На ее даче в Стрельне Шевченко встречался с Лукерьей Полусямаковой.

...говорит мне отец.— Симонов Матвей Терентьевич (1823—1901), украинский этнограф, фольклорист и писатель. Печатался под псевдонимом М. Номис. Настоящими воспоминаниями удостоверяется факт личных встреч Номиса с Шевченко.

...мою младшую сестру Маню...— Симонову Марию Матвеевну. Впоследствии, выйдя замуж за народовольца В. Малеваного, принимала участие в революционном движении и вместе с мужем была сослана в Сибирь.

...на свадьбу своей младшей сестры А. М. Кулиш.— Речь идет о Белозерской-Кулиш Александре Михайловне, жене П. Кулиша. Их свадьба, на которой присутствовал и Шевченко, состоялась 22 января 1847 г. в с. Оленовка Борзнянского уезда и продолжалась на хуторе Кулиша Мотроновке.

Несколько песен с ее голоса переложены Маркевичем в «Записках о Южной Руси».— На свадьбе Кулиша Шевченко пел несколько народных песен, которые тогда же были записаны в альбом Белозерских. Впоследствии они вошли в составленный Кулишом сборник фольклорных и литературных материалов «Записки о Южной Руси» (СПБ, 1857.— Т. 2.— С. 209—256): «Малороссийские народные песни, положенные на ноты для голоса и фортепьяно Андреем Маркевичем. Тетрадь первая».

...через своего брата г. Макарова... — Чиновник и журналист Макаров Николай Яковлевич (1828—1892) познакомился с Шевченко весной 1858 года в Петербурге, переписывался с ним (Т. 6.— С. 248—272; Листи до Т. Г. Шевченка, с. 174—189). Шевченко посвятил ему свое стихотворение «Барвінок цвів і зеленів», подарил автопортрет (Т. X.— № 53), передал через него А. Герцену «Кобзар» 1860 года.

Однажды он написал матери письмо... — Среди известных ныне трех писем Шевченко к Н. Забеле (Т. 6.— С. 266—268) записка такого содержания не известна.

...с его братом г. Маркевичем... — Очевидно, речь идет о Маркевиче Андрее Николаевиче (1830—1907), петербургском юристе, впоследствии сенаторе.

...в своих грустных стихах... — Приведенное в воспоминаниях стихотворение «Не журюся, а не спиться» Шевченко не принадлежит, автор его — А. Афанасьев-Чужбинский.

...збрехала при лиці А. Н.— Речь идет об А. Маркевиче. В публикации журнала «Зоря» эти инициалы напечатаны ошибочно: «В. Н.»

...написал моей матери сердечное письмо... — Это письмо Шевченко Н. Забеле ныне не известно.

Н. Г. Чернышевский

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕСТАКТНОСТЬ

(Отрывок)

(С. 386—390)

Впервые напечатано (без подписи) в ж. «Современник» (1861.— № 7.— С. 1—18). Печатается по изданию: *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т.— М., 1950.— Т. 7.— С. 775—793.

Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) — русский ученый, публицист, литературный критик и писатель, один из ведущих деятелей и теоретиков революционно-демократического движения в России конца 50-х — начала 60-х годов XIX в. Был знаком с творчеством Шевченко еще до его освобождения из ссылки, впоследствии встречался с ним в Петербурге. Высоко ценил поэзию Шевченко, признавал ее большое значение в общероссийской общественно-освободительной борьбе. В руководимом Чернышевским журнале «Современник» печатались произведения Шевченко и материалы о нем. Революционные идеи Чернышевского сыграли важную роль в формировании общественных и творческих позиций Шевченко в последние годы его жизни.

Статья «Национальная бестактность» написана по поводу выхода в свет первых двух номеров реакционной газеты «Слово» (Львов). Издавалась в 1861—1887 годах галицкими «москвофилами» на ломаном «язычи». Они выступали против общественно-освободительного движения, подменяя классовые критерии национальными, против развития украинского языка и культуры в Галиции, на Восточной Украине. Полемику по поводу затронутых им вопросов Н. Чернышевский продолжил в статье «Народная бестолковость», напечатанной в ж. «Современник» (1861.— № 10.— С. 285—310), где упоминался Шевченко.

Они благоденствуют, по совершенно верному и очень удачному выражению своего любимого поэта Шевченко.— Перефразированные строки:

Од молдаванина до фінна
На всіх языках все мовчить,
Бо благоденствує,—

из поэмы Шевченко «Кавказ» (Т. 1.— С. 326), известной Чернышевскому в рукописи, поскольку в то время поэма еще не была напечатана.

И. С. Тургенев

ВОСПОМИНАНИЯ О ШЕВЧЕНКО

(С. 390—393)

Впервые опубликовано в кн.: *Т. Г. Шевченко.* Кобзар з додатком споминок про Шевченка писателів Тургенева і Полонського.— Прага, 1876.— С. III—VIII, в виде письма к редактору этого издания А. Русову. В России впервые напечатано в ж. «Литературный вестник» (1903.— № 5.— С. 5—8). Печатается по первой публикации; ошибочное написание фамилии Марко Вовчок «Маркевич» исправлено на «Маркович»; опущенная в первой публикации строка «Вы лучше меня знаете, какой оборот все это приобрело впоследствии», которой И. Тургенев намекал на преследования царскими властями украинской культуры, восстановлена по автографу письма (см.: *Неупокоева И.* Неизвестные автографы писем И. С. Тургенева // Вопр. лит.— 1961.— № 1.— С. 206—208).

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — русский писатель. Знал о Шевченко

еще в 40-х годах, лично познакомился с ним зимой 1859 года. Проявлял интерес к творчеству Шевченко, вместе с ним принимал участие в литературных чтениях, хлопотал через Литературный фонд о выкупе его родственников из крепостного состояния, просил А. Герцена откликнуться в «Колоколе» на смерть поэта. содействовал популяризации его творчества за границей.

Видимо, Тургенев и сам чувствовал определенную односторонность своих впечатлений от встреч с Шевченко, о чем писал в письме к Я. Полонскому от 13 (25) октября 1875 г. (см.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т.— М., 1966.— Т. 11.— С. 141).

...издать полное собрание сочинений Т. Г. Шевченко.— Воспоминания Тургенева предназначались для двухтомного издания стихотворных произведений Шевченко, подготовленного Ф. Вовком и А. Русовым и выпущенного в Праге в начале 1876 г. Кроме уже опубликованных в Российской империи произведений, оно включало также запрещенные царской цензурой тексты; 16 произведений печатались в нем впервые, широко были представлены черновые варианты. Однако, кроме шевченковских, здесь было помещено и несколько произведений, принадлежавших другим авторам. Прозаических и эпистолярных текстов в нем не было.

Первое наше свидание произошло... зимою, в студии одного живописца...— Речь идет о зиме 1859 года, когда Марко Вовчок находилась в Петербурге перед отъездом за границу. Познакомившись с Шевченко 24 января 1859 года (Т. 2.— С. 323), она устроила и его встречу с Тургеневым, состоявшуюся, очевидно, в мастерской Шевченко в Академии художеств, где поэт поселился в июне 1858 года.

...небольшой группы малороссов, съютившейся тогда в Петербурге...— По свидетельству П. Анненкова, Тургенев проявлял немалый интерес к этому кружку: «Марко Вовчок принадлежала к кругу малороссов с поэтом Шевченкой во главе — кругу, который с журналом «Основа» значительно увеличился и приобрел видное положение в обществе. Тургенев сочувствовал его стремлениям, имевшим целью поднять язык своей страны, развить ее культуру и поставить ее в дружеские, а не подчиненные только отношения к великорусской культуре. Он искал знакомства с поэтом Шевченкой, высказывал искренние симпатии его прошлым страданиям и его таланту, но не разделял его увлечений. Над его привязанностью к Запорожью, казачьему удалству, к гайдаматчине он подсмеивался не раз в приятельском кружке» (Анненков П. В. Литературные воспоминания.— М., 1960. С. 445—446).

...едва ли кто-нибудь из нас признавал за ним то громадное, чуть не мировое значение...— Русская революционно-демократическая критика в лице Чернышевского и Добролюбова еще при жизни Шевченко заявила об общеславянском и мировом значении его творчества. Об этом же свидетельствуют и высказывания многих мемуаристов.

...он держал себя осторожно, почти никогда не высказывался, ни с кем не сблизился вполне...— Субъективное впечатление Тургенева от общения Шевченко лишь с определенным кругом его петербургских знакомых.

Он посетил меня несколько раз...— Нынешний адрес тогдашней петербургской квартиры Тургенева — ул. Желябова, 13. Сохранилась записка Тургенева, в которой весной 1860 года он приглашал к себе Шевченко на встречу с петрашевцем Н. Спешневым (Листи до Т. Г. Шевченка, с. 176).

...крошечную книжечку, переплетенную в простой дегтярный товар...— Рукописный сборник стихотворений Шевченко 1847—1850 годов, составленный из нескольких самодельных тетрадок миниатюрного формата, в которые Шевченко переписывал свои стихи периода ссылки с первоначальных автографов и так называемых «захалывных книжечек». Во время ареста Шевченко в 1850 году она была сохранена полковником К. Герном, переплетена в кожу и впоследствии возвращена автору. Переиздана фототипическим способом: *Т. Шевченко.* Мала книжка. Автографы поезій 1847—1850 років.— К., 1984.

...показал также свой дневник... — Был начат Шевченко 12 июня 1857 года в Новопетровском укреплении, велся (на русском языке) в Астрахани, Нижнем Новгороде, Москве и Петербурге по 13 июля 1858 года. Рукопись дневника в самодельной тетради большого формата Шевченко подарил М. Лазаревскому в день его именин 12 июля 1858 года. После смерти Шевченко его дневник, подготовленный к печати Л. Жемчужниковым, по частям публиковался в ж. «Основа» (1861.— № 5—12; 1862.— № 1—8). Рукопись дневника до 1891 года хранилась в семье Лазаревских, с 1892 по 1933 год — в музее В. Тарновского в Чернигове, с 1933 г.— в ИЛ (ф. 1. № 104). Издана фототипическим способом: *Т. Шевченко. Дневник. Автобиография.* (Автографы). К., 1972.

...он прочел при мне свое прекрасное стихотворение «Вечір»... — Написанное в 1847 году в каземате III отделения стихотворение Шевченко «Садок вишневий коло хати» (Т. 2.— С. 15) было одновременно опубликовано в двух журналах (Русская беседа.— 1859.— № 3.— С. 4—5; Народное чтение.— 1859.— № 3.— С. 152) и переведено на русский язык (Т. 5.— С. 228; Народное чтение.— 1859.— № 3.— С. 153).

...бесцветное подражание Пушкину.— Какое произведение Шевченко имел в виду Тургенев, не установлено. Возможно, речь идет о ныне не известных фрагментах задуманной Шевченко в ссылке поэмы «Сатрап и Дервиш» по образцу «Андже-ло» Пушкина. Еще в Новопетровском укреплении Шевченко записал в дневнике: «При лучших обстоятельствах я непременно исполню этот удачно проектированный план. Жаль, что я плохо владею русским стихом, а эту оригинальную поэму нужно непременно написать по-русски» (Т. 5.— С. 77—78). К этому своему замыслу Шевченко возвращался и в Нижнем Новгороде: «Сегодня же принимаюсь за «Сатрапа и Дервиша»... Мне хочется написать «Сатрапа» в форме эпоса. Эта форма для меня совершенно новая. Не знаю, как я с нею слажу?» (Т. 5.— С. 175). Частично этот замысел реализован в неоконченной поэме «Юродивий» (Т. 2.— С. 296—298), написанной на украинском языке и приблизительно датированной концом 1857 года.

...Шевченко усердно готовился к свадьбе... Но Лукерья сама раздумала и отказала своему жениху.— Отношения с Лукерьей порвал сам Шевченко, грубо оскорбленный ее непопорочностью. Тургеневу была известна отрицательная реакция ближайшего окружения Шевченко на это сватанье. В письме к П. Анненкову от 31 августа 1860 года он сообщал, что «по письму таинственной Марьи Александровны Макаров по с к а к а л расстраивать с в а д ь б у Шевченко» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т.— М.; Л., 1962.— Т. 4.— С. 121), на что П. Анненков в письме к Тургеневу от 5 сентября 1860 года ответил: «Не мудрено, что Макаров собирался ехать расстраивать свадьбу Шевченка, потому что он женится на Лукерье, той толстой Лукерье, которая нам давала ужинать у Варвары Яковлевны Карташевской и которая выходит за Шевченко, чтобы р а з д р а з н и т ь г о р н и ч н ы х — д е в ч а т К а р т а ш е в с к и х. Что за чушь!» (*Там же.*— С. 497). В своей заметке к цитированному письму Тургенева от 31 августа 1860 года П. Анненков уточнил: «При моем отъезде из Аахена Н. Я. Макаров еще оставался там, так как свадьба Шевченко с горничной девушкой графини Карташевской расстроилась сама собой за отказом невесты» (*Анненков П. В.* Литературные воспоминания, с. 453).

...несмотря на это запрещение, написал два-три эскиза... — Изобразительное наследие Шевченко периода ссылки насчитывает несколько сот произведений.

...воображал, что открыл нечто новое... — Овладев распространенными тогда приемами офорта, Шевченко развивал их по-своему, сделав и свой вклад в развитие техники гравировального искусства в России и на Украине.

Я. П. Полонский

ВОСПОМИНАНИЯ О ШЕВЧЕНКО

(С. 393—395)

Впервые опубликовано в кн.: *Т. Г. Шевченко. Кобзар з додатком споминок про Шевченка писателів Тургенева і Полонського.*— Прага, 1876.— С. IX—XIV. В России впервые напечатано в «Киевском телеграфе» (1876.— 14 апр.). Печатается по первой публикации.

Полонский Яков Петрович (1818—1898) — русский поэт; познакомился с Шевченко в 1858 году, встречался с ним в Петербурге, вместе с Шевченко принимал участие в литературных чтениях.

...с бывшим тогда президентом Академии художеств... — Ф. Толстой был вице-президентом Академии художеств; возглавляла ее дочь Николая I великая княгиня Мария Николаевна.

«Светоч» — либеральный журнал, издававшийся в Петербурге в 1860—1862 годах Д. Калиновским. Здесь были помещены рецензии на новое издание «Кобзаря» (1860.— № 3.— С. 55—69) и «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов» (1860.— № 8.— С. 38—42).

...я бы и вообразить себе не мог его влюбленным в какую-нибудь светскую барышню. — Возможная реминисценция письма Шевченко к В. Шевченко от 7 декабря 1859 года (Т. 6.— С. 242), впервые опубликованного (с некоторыми смягчениями) в журнале «Основа» (1862.— № 6.— С. 8—10), откуда оно могло быть известно Я. Полонскому.

...не любит нашего поэта Пушкина — и не потому, чтоб он считал его дурным поэтом, а просто потому, что Пушкин — автор поэмы «Полтава»... — К поэзии Пушкина Шевченко проявлял глубокий интерес на протяжении всей жизни, высоко ценил ее. По его свидетельству в дневнике, читая Е. Пиуновой «Сцены из рыцарской жизни», он «отогрел губернаторским холодом обвеянную душу» (Т. 5.— С. 187). Возникнул у Шевченко и замысел «написать поэму вроде «Анджело» Пушкина» (Т. 5.— С. 77).

Взгляд Шевченко на поэму «Полтава» мемуарист трактует односторонне. В действительности поэма привлекала внимание Шевченко как до ссылки, так и в конце жизни. В 1840 году им создана иллюстрация, изображающая дочь и жену В. Кочубея (Т. VII.— Кн. 1.— № 22); в 1859 году — написан портрет «его царского пресветлого величества войска Запорожского генерального судии Василия Кочубея» (Т. X.— № 35). Об увлеченной работе Шевченко над этим портретом см. воспоминания Б. Суханова-Подколзина.

...мне подаренные оттиски... — Одним из них была шевченковская копия с офорта «Автопортрет Рембрандта с саблей» (Т. X.— № 104).

Ровинский Дмитрий Александрович (1824—1895) — русский историк гравюры и коллекционер, почетный член Академии художеств с 1870 года, автор «Подробного словаря русских граверов XVI—XIX в.» (СПб., 1895), в котором описаны все офорты Шевченко.

М. О. Микешин

ВОСПОМИНАНИЯ О ШЕВЧЕНКО

(С. 396—400)

Впервые опубликовано в кн.: *Т. Г. Шевченко. Кобзар з додатком споминок про Шевченка, Костомарова і Микешина.*— Прага, 1876.— С. XIII—XXIII, в виде письма к составителю этого издания А. Русову. В России впервые напечатано в ж. «Пчела» (1876.— № 16.— С. 1—3). Печатается по первой публикации.

Микешин Михаил Осипович (1835—1896) — русский скульптор и график. Познакомился с Шевченко в 1858 году в Петербурге, часто встречался с ним, иллюстрировал «Кобзарь», создал скульптурные портреты Шевченко. Много сделал для увековечения памяти Шевченко: опубликовал несколько материалов о нем в журнале «Пчела», был инициатором создания Общества имени Шевченко для помощи петербургским студентам — выходцам с Украины.

...делал с Олдриджа — посредством травления — портрет... — Этот офорт Шевченко ныне не известен.

...оригинал того портрета Тараса Григорьевича, который я нарисовал для «Кобзаря»... — один из немногих прижизненных портретов Шевченко, сделанный с натуры. Помещен в издании «Кобзаря» 1860 года.

...работами для памятника 1000-летия России... — Этот памятник, над скульптурами для которого работал Микешин, был открыт в 1862 году в Новгороде. После смерти Шевченко Микешин добавил к списку выдающихся людей, которые должны были быть изображены на памятнике, имена Гоголя и Шевченко, однако царь Александр II не дал на это согласия.

Помяловский Николай Герасимович (1835—1863) — русский писатель, был близок к революционно-демократическому лагерю. Принимал участие в работе воскресных школ, в своих произведениях разоблачал систему церковного просвещения, изображал нового героя — разночинца.

...хотел изорвать... портрет своей неверной «любы»... — портрет Лукерьи Полушмаковой (Т. X.— № 55), ныне хранящийся в ГМШ.

...издать что-либо совместно с его стихами и с моими рисунками... — При жизни Шевченко этот замысел осуществить не удалось. Впоследствии М. Микешин иллюстрировал поэму «Гайдамаки» (1866) и исполнил рисунки для издания: Иллюстрированный «Кобзарь» Т. Г. Шевченко. Иллюстрировал М. И. Микешин. С малороссийским и русским текстом. Издание П. И. Бабкина, вып. I—III, СПб., 1896.

...сцены казарменной жизни... — см. комментарии к воспоминаниям Б. Суханова-Подколзина.

А. Р. Церетели

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ШЕВЧЕНКО

(С. 400—402)

Впервые опубликовано в газ. «Закавказье» (Тифлис) (1911.— № 45.— 26 февр.) в связи с 50-летием смерти Шевченко. Печатается по изданию: *Церетели А.* Полн. собр. соч.: В 15 т.— Тбилиси, 1963.— Т. 15.— С. 553—556.

Церетели Акакий Ростомович (1840—1915) — грузинский поэт и общественный деятель, один из основоположников новой грузинской литературы. Познакомился с Шевченко в Петербурге, будучи студентом университета. Впоследствии вспоминал о нем в своих устных и печатных выступлениях.

Хонели Мосе — грузинский писатель XII столетия, которому приписывается авторство героического романа «Амиран-Дареджаниани».

Рушавели Шота — грузинский поэт XII столетия, автор поэмы «Витязь в тигровой шкуре».

Шавтели Иоане — грузинский поэт конца XII — начала XIII столетия, автор церковно-панегирических произведений и одической поэмы «Абдул-Мессия».

Чахрухадзе — грузинский поэт XII столетия, автор од и панегирических стихотворений в честь царицы Тамары «Тамариани».

Георгий V Блистательный (ум. 1346 г.) — грузинский царь с 1314 года. Во время его правления были составлены юридические кодексы «Законы горцев» и «Распорядок царского двора».

Вахтанг VI (1675—1737) — наместник и царь Картли в 1703—1724 годах, грузинский политический деятель, ученый и писатель. Под его руководством в 1705—1708 годах составлен кодекс законов, изданный в Петербурге в 1828 году на русском языке, в 1846-м — на грузинском.

В это время он уже уехал... — Записывая свои воспоминания через полстолетия после встречи с Шевченко, мемуарист допустил хронологическую неточность: в действительности их встреча состоялась в 1860 году, после возвращения Шевченко с Украины.

...я первый раз понял с его слов, как надо любить родину... — Это признание А. Церетели дословно повторил также в своей речи по случаю сотой годовщины со дня рождения Шевченко: «...я знал его лично и от него научился любви к родине. Таких людей рождает только великая нация, но они, кроме своей нации, принадлежат также другим...» (*Церетели А.* Полн. собр. соч.: В 15 т.— Т. 15.— С. 564).

Данило Мордовец

ИЗ БЫЛОГО И ПЕРЕЖИТОГО

(С. 402—409)

Впервые опубликовано на украинском языке в ж. «Літературно-науковий вісник» (1902.— № 6.— С. 243—252). Печатается по первой публикации.

Мордовцев Даниил Лукич (1830—1905) — украинский и русский писатель, историк, общественный деятель. Познакомился с Шевченко в 1859 году в Петербурге, выступил с рецензией на «Кобзарь» 1860 года. Впоследствии полемизировал с попытками П. Кулиша приуменьшить значение исторических произведений Шевченко, принимал участие в увековечении памяти Шевченко. Воспоминания Мордовцева предназначались для издания: «Літературний збірник на спомин Олександра Кониського (1836—1900)», К., 1903, однако не были пропущены цензурой.

...казаковал в неволе... Костомаров... — После разгрома Кирилло-Мифодиевского общества Н. Костомаров в 1848 году был выслан в Саратов, где находился до 1859 года. Здесь он познакомился с Н. Чернышевским.

...приглашен в Петербург на кафедру истории... — Н. Костомаров получил приглашение на должность профессора Петербургского университета весной 1859 года, его первая лекция состоялась в ноябре того же года.

Герцен бил в Лондоне в свой звонкий набат — «Колокол»... — первая русская бесцензурная газета, издаваемая А. Герценом и Н. Огаревым, выходила в Лондоне с 1857-го по 1865 год, здесь был опубликован ряд материалов о Шевченко.

...всех неправедных «крутогорян и крутогорянок»... — Имеется в виду цикл сатирических очерков М. Салтыкова-Щедрина «Помпадуры и помпадурши». Упоминание о нем в связи с событиями конца 50-х годов, мемуарист допускает анахронизм, поскольку этот цикл написан несколько позже, в 1863—1874 годах.

...«великими реформами царя-освободителя». — Оценивая описываемые им события (в частности реформы Александра II) с либерально-ограниченных позиций, Д. Мордовцев пользуется общераспространенной в тогдашней прессе терминологией.

Поселился я тогда в «Балалаевке»... — Речь идет об известном тогда в Петербурге трактире и гостинице Балабина (ныне ул. Садовая, 18). На протяжении года (с мая 1859 г.) здесь жил Н. Костомаров, готовясь к лекциям в университете.

...засадили в ту высокую, острую «швайку», что за Невою... — Имеется в виду Петропавловская крепость. Приписывая Шевченко эти слова, мемуарист допускает неточность: в действительности члены Кирилло-Мифодиевского общества содержались под арестом в казематах III отделения, помещавшегося близ Цепного моста (ныне набережная Фонтанки, 16).

Горбунов Иван Федорович (1831—1896) — русский писатель и актер, автор и исполнитель юмористических рассказов из жизни петербургской бедноты.

Кожанчиков Дмитрий Ефимович (1819—1877) — русский книгопродавец и издатель. Поддерживал связи с деятелями революционно-освободительного движения в России и за границей, принимал участие во многих мероприятиях прогрессивной общественности, в частности в организации публичных чтений и спектаклей. Собирался издать в 1859 году произведения Шевченко, писал поэту в этой связи (Листи до Т. Г. Шевченка, с. 161—162). В 1867 году выпустил наиболее полное в то время издание «Кобзаря».

В те времена «Балалаевка» была своего рода литературной корчмой.— Речь идет о встречах литераторов и ученых в гостинице Балабина.

...Бутаков привозил свой альбом.— В альбоме супругов Бутаковых времен Аральской экспедиции были рисунки Шевченко, а также акварельные и офортные копии с них, сделанные женой капитана Бутакова. После ее смерти альбом перешел к ее приемной дочери, художнице Т. З. Глазенап, которая впоследствии передала двенадцать рисунков Шевченко в ГМШ (см.: *Мацяпура М.* Альбом Бутакова // *Україна.*— 1961.— № 15.— С. 14—15).

Полонский Леонид Александрович (1833—1913) — русский критик.

Я писал тогда монографию... — Работа Д. Мордовцева «Обличительная литература в первых русских журналах и стеснение гласности» была опубликована в ж. «Русское слово» (1860.— № 2.— С. 307—376; № 3.— С. 321—377), выходявшем тогда под редакцией А. Хмельницкого — хитрого делка, который отличался суто коммерческим подходом к публикациям в журнале; в июле 1860 года редактором «Русского слова» стал Г. Благосветлов.

...Добролюбов работал над сатирической литературой времен Екатерины II... — Имеется в виду статья Н. Добролюбова «Русская сатира в век Екатерины», опубликованная в ж. «Современник» (1859.— № 10.— С. 257—356).

...Жемчужников да с этим вот графом, Толстым Алексеем... — участники группы поэтов, выступавшей под коллективным псевдонимом — Козьма Прутков. С братьями Владимиром, Александром и Алексеем Жемчужниковыми Шевченко познакомился 17 апреля 1858 года в Петербурге (Т. 5.— С. 172). В письме к П. Ковалевскому от 20 февраля 1861 года В. Жемчужников просил похлопотать через Литературный фонд о помещении больного Шевченко в больницу (Летописи Гослитмузея. Письма к А. В. Дружинину.— М., 1948.— С. 154). Толстой Алексей Константинович (1817—1875) — русский писатель, родственник оренбургского генерал-губернатора В. Перовского. Хлопотал об облегчении условий ссылки Шевченко и освобождении его от военной службы.

Н. К. Вороной

ВОСПОМИНАНИЕ О ШЕВЧЕНКО

(С. 409—410)

Впервые опубликовано на украинском языке в ж. «Зоря» (1894.— № 5.— С. 110); с датой: 1 февраля 1894 года. Записано Н. Вороным со слов Е. Черепяхина. Печатается по первой публикации.

Вороной Николай Кондратьевич (1871—1942) — украинский поэт и театровед, один из представителей украинского модернизма, автор нескольких статей о Шевченко.

Черепяхин Елисей Григорьевич (род. в 1841 г.) — русский художник, учился в Академии художеств в 1861—1865 годах. Познакомился с Шевченко в 1859 году, посещал его мастерскую.

ЧТО ВСПОМИЛОСЬ О ТАРАСЕ ГРИГОРЬЕВИЧЕ ШЕВЧЕНКО

(С. 410—418)

Впервые опубликовано в ж. «Киевская старина» (1885.— № 2.— С. 229—240) под заголовком «Воспоминания о Шевченко его случайного ученика», с указанием в конце: «Село Казинка, 10 января 1885 года». В архиве М. Чалого сохранился автограф воспоминаний Б. Суханова-Подколзина, озаглавленный «Что вспомнилось о Тарасе Григорьевиче Шевченко (по прочтении книги М. К. Чалого)», с датой: «Январь 84 г.» (ИЛ, ф. 92, № 361). Между текстом этой рукописи и публикацией в «Киевской старине» имеются многочисленные разночтения. Печатается по автографу.

Суханов-Подколзин Борис Гаврилович (1847—1904) — полковник. Мальчиком (1858—1860) брал у Шевченко уроки рисования. Свои воспоминания написал в 1884—1885 годах, познакомившись с книгой М. Чалого «Жизнь и произведения Тараса Шевченко» (К., 1882).

Сохранилось также несколько писем Б. Суханова-Подколзина к А. Конисскому, написанных в 1895—1898 годах (ИЛ, ф. 77, № 127, л. 90—231). В письме от 22 июля 1895 года в ответ на просьбу А. Конисского дополнить опубликованные в «Киевской старине» воспоминания, Б. Суханов-Подколзин указал: «Мои воспоминания о Т. Г. наделали мне в свое время немало неприятностей. В печать они попали независимо от меня и даже вопреки моему желанию... Я их прочитаю и соответственно с Вашими вопросами по пунктам, дополню, чем буду богат... Буду припоминать эпизод моего детства, не мудрствуя лукаво... буду вспоминать доброго, чудесного человека, от которого видел одну только любовь и приветную ласку» (ИЛ, ф. 77, № 127, л. 90).

Покойная моя матушка... — Суханова Наталия Борисовна, помещица Воронежской губернии. Шевченко познакомился с ней в семье Толстых в Петербурге в 1858 году, бывал у нее на вечерах, посещаемых писателями и художниками, продал и подарил ей несколько своих рисунков. (Впоследствии их отношения испортились из-за отказа Н. Сухановой возратить Шевченко один из них). Сохранилась записка Шевченко к Н. Сухановой (Т. 6.— С. 230) и ее записка к Шевченко (Листи до Т. Г. Шевченка, с. 212).

...продекламировал несколько стихотворений этого поэта... — Как видно из дальнейшего изложения, среди них была и еще не напечатанная тогда поэма «Сон».

...у дворецкого Пивоваренко имелось старое издание «Кобзаря»... — Речь идет о первом издании 1840 года с фронтисписом В. Штернберга. Свидетельство мемуариста доказывает большую популярность произведений Шевченко в самых широких читательских кругах.

...встретить в книге М. К. Чалого описание дорогой мне по воспоминаниям ма-стерской... — Имеется в виду процитированный М. Чалым отрывок из воспоминаний М. Микешина (*Чалый М. К.* Жизнь и произведения Тараса Шевченко, с. 132).

...господин Марин... — Генерал-лейтенант Марин Аполлон Никифорович (1790—1873), петербургский коллекционер.

...известного мазепинского Кочубея... — Генеральный судья Левобережной Украины Кочубей Василий Леонтьевич (1640—1708), казненный гетманом И. Мазепой за попытку предупредить царя Петра I о подготавливаемой Мазепой измене. Его портрет масляными красками Шевченко написал весной 1859 года (Т. X.— № 35). Ныне хранится в ГМШ. Известна также иллюстрация Шевченко к поэме Пушкина «Полтава», изображающая дочь и жену В. Кочубея (Т. VII.— Кн. I.— № 22).

...одного из его потомков. — Князя Кочубея Петра Аркадьевича.

...старого турка... рядом с очень некрасивой одалиской. — Такая сепия Шевченко ныне не известна; сохранился рисунок карандашом (Т. X.— № 103).

На другом рисунке изображались днепровские русалки... — Сепия «Русалки»

(Т. X.— № 37), исполненная Шевченко в качестве эскиза картины «Как русалки луну ловят» для росписей в петербургском доме П. Кочубея. Как доказано Г. П. Паламарчук (Україна.— 1961.— № 9.— С. 18), кроме этого рисунка, Б. Суханов-Подколзин позировал Шевченко для сепии «Мальчик-натурщик» (Т. X.— № 58).

...целую последовательную серию рисунков...— Речь идет о серии «Притча о блудном сыне».

...купчиков, жарящих яичницу на горящих кредитных бумажках.— Рисунок Шевченко на этот сюжет ныне не известен.

...портрет молодого человека со свечой в руке... — Ныне этот автопортрет Шевченко не известен (см. Т. VII.— Кн. 2.— № 408). В 1860 году Шевченко сделал с него офортную копию (Т. X.— № 60).

Старов Николай Дмитриевич (1823—1877) — домашний учитель в семье Толстых. Увлекался творчеством Шевченко, от имени прогрессивной общественности во время обеда в честь Шевченко 12 апреля 1858 года произнес речь, которую Шевченко записал в свой дневник (Т. 5.— С. 229—230).

...свое поклонение таланту знаменитого трагика.— О дружбе Шевченко с Олдриджем см. также в воспоминаниях Е. Юнге. По свидетельству Б. Суханова-Подколзина, Шевченко подарил ему фотоснимок с нарисованного им портрета Олдриджа (ИЛ, ф. 77, № 127, л. 232).

...рисунок... тушью и изображавший его самого в казарме...— Сепия «Казарма» (Т. X.— № 70), подаренная Шевченко Н. Сухановой. По просьбе Б. Суханова-Подколзина в конце 1895 года в венском фотографическом заведении Р. Паульсена был удачно переснят рисунок «Казарма» и изготовлена с него тысяча гектограмюр. В январе 1896 года Б. Суханов-Подколзин переслал их А. Конисскому с просьбой использовать прибыль от их продажи для увековечения памяти Шевченко (ф. 77, № 127, л. 91, 110). Эта фотограмюра на протяжении долгого времени была единственной копией рисунка, поскольку фотография, снятая с него еще при жизни Шевченко и впоследствии переданная в музей В. Тарновского, не сохранилась. Лишь недавно оригинал рисунка оказался в коллекции И. С. Зильберштейна (Огонек.— 1984.— № 11.— С. 24—26).

Возможно, у Н. Сухановой были также другие рисунки Шевченко периода ссылки. По свидетельству А. Благовещенского и М. Микешина, Шевченко продал ей четыре сепии, изображавшие казарменные сцены в Новопетровском укреплении.

...рисуя наши портреты... — Бывая в доме Н. Сухановой, Шевченко нарисовал и подарил ей по случаю какого-то праздника портреты сыновей Бориса (Т. X.— № 27) и Гавриила. Кроме этого портрета, Шевченко нарисовал Б. Суханова-Подколзина лежащим (Т. X.— № 36) — очевидно, это один из этюдов к картине «Русалки», для которой позировал Борис.

Портрет младшего моего брата... — Суханова-Подколзина Гавриила Гавриловича (1850—1900), впоследствии генерал-майора, почетного мирового судьи по Старобельскому уезду, Харьковской губернии. Ныне этот портрет не известен.

Большая сепия. Сюжет: две малороссиянки, стоящие с коромами под вербами... — Ныне эта сепия находится в коллекции И. С. Зильберштейна (Огонек.— 1984.— № 11.— С. 24—26). Сохранились также офорты и эскизы на тот же сюжет, сделанные карандашом и тушью (Т. X.— № 28, 100; 69, 99).

...мать, стоящую на коленях и молящуюся перед колыбелью спящего ребенка.— Сепия «Молитва матери» (Т. IX.— № 31). Оригинал ныне не известен, сохранилась репродукция, сделанная по фотографии, снятой при жизни Шевченко и впоследствии переданной в музей В. Тарновского.

Впервые опубликовано в «Киевской старине» (1899.— № 3.— С. 730—733) за подписью Н. Д. Н. и в «Киевском слове» (1889.— 10 марта, № 624). В следующем номере «Киевской старины» (1889.— № 4.— С. 190—193) помещен отклик А. Лашкевича на эту публикацию, в котором сообщалось, чем окончились попытки освободить родственников Шевченко от крепостной зависимости. Печатается по первой публикации.

Новицкий Николай Деметьевич — см. с. 522.

...переговоры, начатые комитетом «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым»... — Как видно из письма И. Тургенева к А. Оболонскому от 4 марта 1860 года (см.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т.— М.-Л.— 1962.— Т. 4.— С. 46), Литературный фонд начал хлопотать об этом еще до того, как автобиография Шевченко получила широкое распространение. 19 марта 1860 года комитет Литфонда обратился к помещику В. Флиорковскому с официальным письмом, в котором просил сообщить принятные для него условия выкупа родственников Шевченко из крепостного состояния.

Ковалевский Егор Петрович (1811—1868) — русский географ, дипломат и общественный деятель, первый председатель комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, уроженец Украины. Шевченко встречался с ним по делам публичных чтений, дарил ему свои рисунки (Т. 6.— С. 255—256).

Отъезд мой из Петербурга... — В июле 1860 года по окончании Академии генерального штаба Н. Новицкий был назначен в Елисаветградское кавалерийское училище.

...когда было получено мною вышеприведенное письмо... — В тот же день, которым датировано письмо комитета (16 мая 1860 г.), Н. Новицкий известил о нем Шевченко (Листи до Т. Г. Шевченка, с. 183).

...лично врученное мне... Алексеем Дмитриевичем Галаховым... — Письмо было вручено Н. Новицкому 17 мая 1860 года. Галахов Алексей Дмитриевич (1807—1892) — русский литературовед и писатель познакомился с Шевченко в Петербурге 20 апреля 1858 года (Т. 5.— С. 231).

...свой портрет, сделанный им самим. — О каком из нескольких автопортретов Шевченко идет речь, не установлено.

...в целом он ею был недоволен... — О картине известного русского художника Иванова Александра Андреевича (1806—1858) «Явление Христа народу» Шевченко слышал скептические отзывы еще во время своей учебы в Академии художеств. Свои сомнения относительно ее художественных качеств он записал в дневнике, узнав в ссылке о ее завершении (Т. 5.— С. 86—87). Увидев картину в Петербурге, Шевченко не изменил своего отрицательного мнения о ней, о чем свидетельствует его письмо С. Т. Аксакову от 15 июля 1858 года (Т. 6.— С. 220).

«Осада Пскова» — картина К. Брюллова, созданная в 1839—1843 годах, когда Шевченко был его учеником в Академии художеств.

Г. Флиорковский... изъявил мне полную готовность свою дать волю родным Шевченка... — Владелец Кирилловки под давлением общественного мнения согласился освободить родственников Шевченко от крепостной зависимости без выкупа, однако отказался наделить их землей на любых условиях. Полемизируя с автором напечатанной в журнале «Народное чтение» автобиографии Шевченко и стремясь ввести в заблуждение общественность, он без согласия Литературного фонда опубликовал адресованное ему письмо комитета от 19 марта 1860 года и свой ответ на него в «Киевском телеграфе» (1860.— № 45.— 19 июня), откуда они были перепечатаны

и в других изданиях. Тогда Шевченко обратился к В. Флиорковскому с письмом от 27 июля 1860 года (Т. 6.— С. 259—260), в котором настаивал, чтобы помещик продал его родственникам земельные наделы.

Однако, вопреки настоятельным советам Шевченко, его братья согласились на условия, предложенные помещиком, и 10 июля 1860 года подписали с ним соответственное соглашение, что вызвало досаду поэта (Т. 6.— С. 269). Свое письмо к В. Флиорковскому от 27 июля 1860 года и ответ последнего от 21 августа 1860 года (вместе с текстом условия) Шевченко опубликовал в ж. «Народное чтение» (1860.— № 5.— С. 170—175), имея намерение продолжить борьбу за наделение родственников землей.

После выхода манифеста 19 февраля 1861 года об отмене крепостного права В. Флиорковский, воспользовавшись заключенным им соглашением, вновь отказался наделить родственников Шевченко землей, хотя бы на общих основаниях, и даже попытался выдворить их из родного села. Интересные подробности этого сообщены в упомянутой заметке А. Лашкевича, который в середине июля 1865 года был в с. Кирилловке председателем комиссии по проверке уставных грамот при мировом съезде Звенигородского уезда, Киевской губернии. (Сам В. Флиорковский при этом не пожелал присутствовать; выехав в другое свое имение в Черкасский уезд, он выдал доверенность на ведение дел своей жене, которая хотя и жила в Кирилловке, но в свою очередь передоверила все своим конторщикам.)

По свидетельству А. Лашкевича, «приступив затем к определению состава крестьянского общества, имеющего право на выкуп инвентарных наделов, мы выслушали заявления уполномоченных от крестьян и семьи Тараса Григорьевича о правах последней на надел. По рассмотрению документов, представленных к заявлению, оказалось, что г. Флиорковский выдал вольную Шевченкам в самом конце 1860 г., отложив выполнение всяких формальностей по утверждению ее в долгий ящик и не выдавая ее на руки освобожденным. В первых числах марта 1861 года был объявлен, как известно, манифест 19 февраля 1861 года, и г. Флиорковский поспешил тогда устроить все формальности и выдал им на руки вольную. Освобожденные Шевченки от принятия ее отказывались, высказываясь: «Нащо нам одним тая панська воля та ще тоді, як люди діждались царської,— то звісно, воля так воля з землею: як був цілий вік хліборобом, так і зоставайся їм, а ця — панська, кидай землю, батьківщину, худобу та й тікай геть, геть з села, та й кажуть ще запишуйся в міщани, а які з нас ще будуть міщани...» Г. Флиорковский на их возражения не обращал внимания, а требовал, чтобы они очистили в его пользу землю и усадьбы, уволились из общества и приписались где-нибудь. Наступило время составления и утверждения уставных грамот; при составлении грамоты на Кирилловку г. Флиорковский показал Шевченков выбывшими за получением вольной из состава крестьянского общества, а наделы, оставшиеся от их выбытия вакансами, поступающими к нему, — в таком виде грамота тогда была утверждена крестьянскими учреждениями, действовавшими до указа 30 июля 1863 г. На деле Шевченки из общества не уволились и продолжали, несмотря на некоторые настояния г. Флиорковского, значительно, впрочем, ослабевшие после событий 1863 г., владеть как своими усадьбами, так и наделами. Заявляя обо всем этом поверочному отделению, и уполномоченные от крестьян, и семья Шевченков просили избавить последних от этого проявления «панської волі», а предоставить им право наравне со всеми прочими селянами воспользоваться «царською волею». — Права же Шевченков на включение их с их усадьбами и наделами в уставную грамоту, после всего вышесказанного, были настолько доказательны, что тогда же мы и включили их в число лиц, на коих распространялся обязательный выкуп, — против чего, насколько нам известно, г. Флиорковский и не спорил.

Остается, однако же, после всего этого вопрос, за что благодарил Литературный фонд г. Флиорковского: внесенные им за личную свободу семьи Тараса Григорьевича деньги пошли в уплату его же долга кредитным учреждениям, — личную сво-

боду он силился доставить им без земли, в ущерб высочайше дарованной тогда же воли крестьянам с правом выкупа их земель, и только поверка утвержденных и введенных в действие грамот возвратила им и землю, и те права, которых никто не решался отнять от их односельцев. (А. С. Л. К заметке Н. Д. Н. «К биографии Т. Г. Шевченко» // Киевская старина.— 1889.— № 4.— С. 190—193).

...Так о том было тогда же мною написано... поэту.— Речь идет о письме Н. Новицкого к Шевченко от 7 сентября 1860 года, в котором помещик Флиорковский назван «самой модной бестией» (Листи до Т. Г. Шевченка, с. 193).

...принял даже на себя уплату 900 р. банкового за них долга... — Как засвидетельствовано А. Лашкевичем, речь шла не о долге родственников Шевченко, а о той части банковской задолженности по имению (то есть долга самого Флиорковского), которая пропорционально приходилась на эти 11 душ его крепостных.

Ф. И. Каминский

ЕЩЕ ЩЕПОТКА НА МОГИЛУ ШЕВЧЕНКА

(С. 421—423)

Впервые опубликовано в ж. «Киевская старина» (1885.— № 3.— С. 519—530). Кроме записанного Ф. Каминским рассказа Ф. Дейкуна-Мочаненко о «Кобзаре» 1860 г. с печатными вставками на месте цензурных купюр, в статье было опубликовано также стихотворение «До сестри», будто бы принадлежащее Шевченко (в действительности оно написано Александрой Псел), письмо Шевченко к И. Мокрицкому от 24 февраля 1861 года (Т. 6.— С. 281) и свидетельство, выданное Шевченко 7 апреля 1860 года на право проживания в Петербурге. Печатается по первой публикации.

Каминский Федор Иванович (умер в 1891 г.) — учитель Лубенской гимназии.

Несколько писем Т. Г. Шевченка к М. А. Максимовичу... — Речь идет о статье «К биографии Т. Г. Шевченко» (Киевская старина.— 1885.— № 2,— С. 333—338). Адресата опубликованных здесь писем Шевченко мемуарист определил неточно. В действительности письмо от 10 февраля 1858 года адресовано М. С. Щепкину (Т. 6.— С. 200—203), письма от 22 ноября 1858, 25 марта 1859, 10 мая 1859 года адресованы М. В. Максимович (Т. 6.— С. 224—225, 228—231).

Дейкун-Мочаненко (Мовчаненко) Феодосий Иванович (умер в 1913 г.) — помещик с Полтавщины. В конце 50-х — в начале 60-х годов был членом украинской «громады» в Петербурге, встречался с Шевченко. Подаренный им Лубенской гимназии экземпляр «Кобзаря» 1860 года с вклеенными цензурными купюрами ныне хранится в ИЛ (ф. 1, № 534).

Каменецкий Даниил Семенович (1830—1881) — украинский фольклорист, этнограф и издатель. Познакомился с Шевченко в апреле 1858 года в Петербурге, принимал деятельное участие в подготовке изданий его произведений, сохранил много автографов Шевченко, составил опись его библиотеки.

Г. Н. Честаховский

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О Т. Г. ШЕВЧЕНКО

(С. 423—425)

Впервые опубликовано на украинском языке в ж. «Киевская старина» (1895.— № 2.— С. 142—144). Частично перепечатано в «Одесских новостях» (1895.— № 3209.— 16 февр.) Печатается по первой публикации.

Честаховский Григорий Николаевич — см. с. 479.

Соколов (Соколенко) Петр Максимович (1827—1887) — украинский художник, бывший крепостной. Встречался с Шевченко в Петербурге, помогал ему переписыв-

вать «Букварь южнорусский», изобразил Шевченко на нескольких рисунках. Принимал участие в похоронах поэта. Шевченко подарил ему «Кобзарь» 1860 года с дарственной надписью.

...свою сестру Одарочку... — Соколова (Соколенко) Дарья Максимовна, крепостная князя Голицына. Проживая в Петербурге, в 1858 году позировала Шевченко для рисунка «Две девушки»; сохранились его эскизы карандашом и тушью (Т. X.— № 69, 99), рисунок сепией хранится в коллекции И. С. Зильберштейна (Огонек.— 1984.— № 11.— С. 24—26). По этому рисунку в 1858 году Шевченко выгравировал офорт (Т. X.— № 28, 100).

З. Ф. Недоборовский

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

(С. 425—427)

Впервые опубликовано в ж. «Киевская старина» (1893.— № 2.— С. 189—202). Печатается по первой публикации.

Недоборовский Зосим Федорович — чиновник таможни Петербургской комиссариатской комиссии. Познакомился с Шевченко в Петербурге в последние годы его жизни через С. Гулака-Артемовского, принимал участие в описании оставшегося после поэта имущества.

Как давно был знаком Семен Степанович с Т. Г. Шевченко... — С. Гулак-Артемовский познакомился с Шевченко в Петербурге осенью 1838 года.

...на родину... своей жены... — С. Гулак-Артемовский был женат на пианистке и артистке Александре Ивановне Ивановой, дочери декоратора московских театров. Шевченко познакомился с ней в Петербурге, упоминал ее в своих письмах.

...все стены которой почти исписаны были карандашом. — О привычке Шевченко делать записи на стенах упоминает также Л. Жемчужников.

...лопсыывали со стен, что нашли нужным... — Эти записи ныне не известны.

...затем приступили к описи... — Опись вещей, оставшихся после смерти Шевченко (Тарас Шевченко. Документы та материалы до біографії, с. 364—365). обстоятельный перечень их опубликован также в воспоминаниях А. Благовещенского.

А. Я. Конисский

ВОСПОМИНАНИЯ Ф. И. ЧЕРНЕНКО О ВСТРЕЧАХ С Т. Г. ШЕВЧЕНКО В ПЕТЕРБУРГЕ

(С. 427—430)

Впервые опубликовано на украинском языке в кн.: *Конисский О.* Тарас Шевченко-Грушівський, хроніка його життя.— Львів, 1901.— Т. 2.— С. 327—373. Записанные А. Конисским воспоминания Ф. Черненко включены (в нескольких местах) в изложение биографии Шевченко последних месяцев жизни. Печатается по первой публикации.

Конисский Александр Яковлевич (1836—1900) — украинский писатель и общественный деятель, один из первых биографов Шевченко. На характеристике мировоззрения Шевченко отразились либерально-культурнические, а подчас и буржуазно-националистические позиции Конисского.

Черненко Федор Иванович (1818—1876) — подпоручик, гарнизонный инженер-архитектор, активный деятель украинской «громады» в Петербурге. Шевченко познакомился с ним в 40-х годах, часто встречался после ссылки, подарил ему оттиск своего офорта по картине Мурильо «Святое семейство» (Т. X.— № 29) с написанным на обороте автографом стихотворения «Сон» («На панщині пшеницю жала»),

посвятил стихотворение «Ой по горі роман цвіте» (Т. 2.— С. 345). Ф. Черненко помог составить проект дома, который поэт намеревался построить для себя на Украине (Т. X.— № 49, 50, 113, 118), принимал участие в организации похорон Шевченко. Ему была передана на сохранение библиотека поэта.

...«*громада*» собиралась еженедельно у Черненко.— Он жил тогда на Спасской улице (ныне ул. Рылеева, 26). Ядро «громады» составляли редакция и авторский актив журнала «Основа». Шевченко, возглавивший в ней левое, радикальное крыло, остро дискутировал с буржуазными либералами, в частности, с Костомаровым.

...*жена Василия Белозерского* — писательница Н. А. Белозерская. Написала воспоминания о Н. Костомарове (Русская старина.— 1886.— № 3.— С. 609—636; № 6.— С. 615—654), где упоминается и Шевченко.

Черненко знал причину его грусти... — Речь идет о разрыве с Лукерьей Полушмаковой, остро переживаемом Шевченко.

...о своих надеждах весной навсегда переехать на Украину... — Шевченко не было известно секретное письмо киевского генерал-губернатора в III отделение о нежелательности переселения его на родину (Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії, с. 338—339).

...принесли Тарасу письмо с почты — это письмо Ф. Ткаченко ныне не известно. Сохранилось четыре письма Шевченко к Ф. Ткаченко (Т. 6.— С. 257—278) и два ответа последнего (Листи до Т. Г. Шевченка.— С. 189—190, 206—207).

...нашел ему невесту, дочь одного из знакомого, Витавского — речь идет о плавском чиновнике Р. П. Витавском, который познакомился с Шевченко в Петербурге в 1860 году, опубликовал несколько басен в журнале «Основа» (1861.— № 1.— С. 99; № 4.— С. 62; № 7.— С. 118—119). Как известно из следующего письма Ф. Ткаченко от 6 декабря 1860 года, оказалось, что дочь Витавского была уже просватана.

...его провела кума... — Тарновская Надежда Васильевна (умерла в 1891 г.) сестра знакомых Шевченко черниговских помещиков В. и Я. Тарновских. Шевченко был с ней в приятельских отношениях еще до ссылки, подарил ей «Кобзарь» 1860 года.

Л. М. Жемчужников

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О Т. Г. ШЕВЧЕНКО

(С. 430—439)

Впервые опубликовано в ж. «Основа» (1861.— № 3.— С. 1—21). Печатается по изданию: *Жемчужников Л. М.* Мои воспоминания из прошлого. Л., 1971.— С. 338—351, где помещено в более просторном варианте.

Жемчужников Лев Михайлович (1828—1912) — русский художник, творчество которого было тесно связано с Украиной. Посещая места, во многих из которых бывал и Шевченко, Л. Жемчужников собирал украинский фольклор, увлекся поэзией Шевченко, по мотивам которой создал картину «Кобзарь на дороге» (1854) и офорт «Покинутая» (1860). Лично познакомился с Шевченко в 1860 году в Петербурге, принимал участие в его похоронах, сохранил несколько его изобразительных и литературных произведений. Активно сотрудничал в журнале «Основа», подготовил к печати первую публикацию дневника Шевченко со своей вступительной статьей, опубликовал воспоминания о поэте. В 1861—1862 годах выпустил в качестве приложения к «Основе» альбом офортов, вслед за шевченковским изданием названный «Живописной Украиной».

Шевченко еще до возвращения в Петербург узнал об увлечении Л. Жемчужникова украинским фольклором, упоминал его в дневнике и письмах. Впоследствии встречался с ним в Петербурге, нарисовал его портрет (ныне не известен), подарил несколько своих рисунков.

Приехал я из Парижа в Петербург осенью 1860 г... — На протяжении 1858—1860 годов Л. Жемчужников находился за границей.

...богатый костромской помещик Н. И. Катенин... — Инженер-капитан в отставке Катенин Николай Иванович дал средства на издание журнала «Основа». Шевченко послал ему «Кобзарь» 1860 года с дарственной надписью, за что Н. Катенин благодарил в письме от 23 марта 1860 года (Листи до Т. Г. Шевченка, с. 178—179). Его племянница Н. Белозерская впоследствии редактировала воспоминания Л. Жемчужникова для отдельного издания.

...к пустой, когда-то оказанной ему услуге... — Возможно, речь идет о том, что в декабре 1857 года Л. Жемчужников передал через М. Лазаревского 175 руб., собранных среди петербургских знакомых для ссыльного Шевченко (Листи до Т. Г. Шевченка, с. 114).

...тем, которые не читали этого в марте месяце в «Основе» 1861 года. — Имеется в виду первая публикация воспоминаний Л. Жемчужникова (Основа.— 1861.— № 3.— С. 1—21).

...по имеющемуся у нас в Париже портрету... — Портрет Шевченко по снимку (сделанному А. Деньером в апреле 1859 г.), был литографирован по заказу Л. Жемчужникова А. Мульероном в Париже. Шевченко скрепил одну из этих литографий своей подписью, пользовался ею, работая над последним офортным автопортретом. Эта литография широко использовалась также позднейшими художниками, в частности И. Крамским — автором одного из лучших живописных портретов Шевченко.

Жена моя, такая же поклонница произведений Шевченко, как и я... — Жемчужникова Акулина (Ольга) Степановна (1839—1909), бывшая крепостная графа С. де Бальмена (брата Якова де Бальмена, иллюстрировавшего «Кобзарь»). Л. Жемчужников познакомился с ней в 1855 году в с. Линовицы на Полтавщине, где она служила в имении де Бальменов. Поскольку помещик не давал согласия на их брак, отказался от выкупа и приказал высесть девушку и ее 63-летнего отца, Л. Жемчужников вынужден был выкрасть свою невесту и под чужим паспортом вывез ее за границу.

...во втором томе «Записок о Южной Руси»... — Речь идет о разделе «Сказки и сказочники» в изданном П. Кулишом сборнике «Записки о Южной Руси» (СПб., 1857.— Т. II.— С. 3—103), в котором упоминалось об увлечении Л. Жемчужникова украинским фольклором и были использованы некоторые сделанные им записи.

...в письме своем к Кулишу... — Шевченко упоминает Л. Жемчужникова в письмах к П. Кулишу от 5 декабря 1857 года и М. Лазаревскому от 4 января 1858 года (Т. 6.— С. 184, 192).

Тиблен Николай Львович — прогрессивный русский издатель и общественный деятель, в начале 60-х годов поддерживал связи с Н. Чернышевским, Лавровым, Н. Костомаровым, П. Кулишом, Марко Вовчок и др., издавал произведения украинских писателей.

Анненков Павел Васильевич (1812—1887) — русский критик и общественный деятель. Был одним из основателей Литературного фонда, принимал участие в освобождении родственников Шевченко от крепостного состояния.

...серьезно и с большой похвалой отнесся к моей «Покинутой». — Офорт Л. Жемчужникова по мотивам поэмы Шевченко «Катерина», исполненный в 1860 году.

...написал прекрасно составленный букварь. — Предназначенный для воскресных школ «Букварь южнорусский» (СПб., 1861) был составлен Шевченко и издан на его средства. В его основу положены передовые педагогические принципы, включены материалы, почерпнутые из украинского народного творчества, а также собственные произведения Шевченко (Т. 6.— С. 363—388).

Шевченко любил напевать малороссийские песни... — В предыдущих главах своих мемуаров Л. Жемчужников указывал: «Я, к сожалению, слышал его пение

редко, и уже тогда, когда жизнь разбила его и он постарел,— это было в 1860 году. Но и тогда, когда пел искалеченный страдалец, в каждой нотке чувствовалась душа певца-художника, истинного народного певца» (см.: *Жемчужников Л. М.* Мои воспоминания из прошлого, с. 162—163).

«Минулися мої сльози...» — Цитата из поэмы Шевченко «Сліпий» (Т. I.— С. 288).

Читатели известного письма Шевченко чувствовали только малую долю безотрадного его существования... — Речь идет об автобиографии Шевченко, опубликованной в журнале «Народное чтение» (1860.— № 2) в приспособленном к цензурным требованиям виде (изложение доведено лишь до 1844 г.). Подготовленная Л. Жемчужниковым публикация дневника Шевченко впервые давала широкому читателю представление об условиях солдатской службы поэта.

Обвиняемый некоторыми в неблагодарности... — Речь идет об оренбургском генерал-губернаторе В. Перовском, которого Шевченко в цитированной записи называет «бездушным сатрапом и наперсником царя».

«...пригрезилось, что я освобожден от крепостного состояния и воспитан на счет царя...» — Цитата из дневниковой записи Шевченко от 19 июня 1857 года (Т. 5.— С. 23).

«Все так дружески просто...» — Цитата из дневниковой записи от 28 августа 1857 года. По цензурным условиям Л. Жемчужников вынужден был опустить в публикации этой записи такие слова Шевченко: «Отвратительное влияние десятилетнего уничтожения. Теперь только я вполне чувствую, как глубоко во мне засела казарма со всеми ее унижительными подробностями» (Т. 5.— С. 110).

«Три ночи этот вольноотпущенный чудотворец...» — Неточная цитата из дневниковой записи от 27 августа 1857 года (Т. 5.— С. 109). Последние слова по цензурным соображениям смягчены (у Шевченко: «до твоего свинцового уха, наш праведный, неутомимый, неублажимый боже»).

...покою не было этому вдовиному сыну. — Стремясь подчеркнуть с помощью этого народнопоэтического образа сиротство Шевченко, мемуарист допускает биографическую неточность: в действительности мать Шевченко не была вдовой,— она умерла ранее отца.

«...Я не бачу щасливого...» — Цитата из поэмы Шевченко «Сліпий» (Т. I.— С. 288). Приведенные Л. Жемчужниковым строки были первой публикацией соответствующего отрывка поэмы.

...которые вспомнили о нем вдали, на родине... — Имеется в виду приветственная телеграмма полтавчан ко дню рождения Шевченко, полученная им незадолго до смерти (Листи до Т. Г. Шевченка, с. 219).

«...Заховаю змію люту...» — Цитата из стихотворения Шевченко «Думи мої, думи мої, лихо мені з вами» (Т. I.— С. 50).

...недалеко то время, когда в котором-либо из украинских городов поставят памятник Шевченко... — Вопрос о сооружении памятника Шевченко неоднократно возбуждался в 90-х годах XIX столетия и в начале XX столетия, накануне шевченковских юбилеев 1911 и 1914 годов, однако из-за противодействия официальных инстанций и реакционных общественных кругов так и не был разрешен. В седневском имении Лизогубов в честь пребывания там Шевченко был установлен в 1903 году небольшой бронзовый бюст (уничтожен фашистскими захватчиками в 1943 г.).

...поэту-мученику и человеку, у которого не было «зерна неправды за собою». — Жизненный и творческий подвиг великого поэта Л. Жемчужников охарактеризовал также во вступительной заметке к подготовленной им публикации шевченковского дневника. По его словам этот документ огромной силы дает возможность «глядеть ближе на эту простую, сильную истинно художественную натуру, на эту глубоко печальную, но поучительную геройски выдержанную жизнь. Только из дневника можно узнать, сколько детской искренности и мужественного самосознания, сколь-

ко человечности и, сказать бы, благостности было в чистом сердце нашего Тараса. Из дневника и некоторых его поэтических признаний становится понятным — что дало ему силы вытерпеть горькую свою долю: безграничная любовь к народу, бесконечное сочувствие ко всему страждущему в прекрасном этом мире, красота которого неизменно жила в нем как художнике. Вот что увлекало его до забвения о себе самом, о своей собственной судьбе...

...не просить,
Не плаче, не стогне!
Раз добром нагрите сердце
Вік не прохолоне ¹.

Он был добр той возвышенной добротой гениального ума и сердца, без какой для человека невозможно истинное величие» (Основа.— 1861.— № 5.— С. 6. *Подчеркнуто Л. Жемчужниковым*).

В своих воспоминаниях Л. Жемчужников засвидетельствовал также, что Чернышевский лично заказывал ему для «Современника» статьи о Шевченко в связи со смертью поэта (однако, уже имея договоренность с «Основой», он не мог принять этого предложения) и что впоследствии он встречался с Чернышевским в редакции «Основы» (*Жемчужников Л. М. Мои воспоминания из прошлого*, с. 354).

А. М. Лазаревский

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ЖИЗНИ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

(С. 439—441)

Впервые опубликовано в газ. «Северная пчела» (1861.— 28 февр.) Тогда же издано отдельным оттиском. Печатается по первой публикации.

Бари Эдуард Яковлевич (1826—1893) — доктор медицины, петербургский знакомый Шевченко. Лечил поэта во время его последней болезни и выдал свидетельство о его смерти.

...писал копию со своего портрета, бывшего на выставке... — Как установлено Л. Владичем, на академической выставке 1860 года экспонировался автопортрет Шевченко, который был куплен великой княгиней Еленой Павловной и долго считался утраченным. Уже в советское время его приобрел коллекционер Н. Смирнов-Сокольский. Ныне портрет хранится в Государственном музее украинского изобразительного искусства в Киеве. А. Лазаревский, а вслед за ним и позднейшие мемуаристы и исследователи ошибочно считали, что незадолго до смерти, для лотереи в пользу издания букваря, Шевченко сделал копию с этого автопортрета. В действительности он нарисовал другой автопортрет (Т. X.— № 67), который был выигран в лотерею А. Резановым, подарен им В. Лазаревскому и ныне хранится в ГМШ (см.: *Владич Л. Автопортреты Тараса Шевченка*. К., 1973.— С. 27—31).

...начал портрет одной дамы... — Ныне не известен.

...прочли поздравительную депешу из Харькова, от П. Трунова — деятеля харьковской «громады» Трунова Петра Логвиновича. Эта телеграмма ныне не известна.

Круневич Павел Адамович (1824—1871) — врач, поляк по национальности; одновременно с Шевченко был в ссылке в Оренбургском крае, однако встретились они лишь в Петербурге в 1858 году (Т. 5.— С. 224—226).

...получил вторую поздравительную депешу, из Полтавы... — См.: Листи до Т. Г. Шевченка, с. 219.

¹ Л. Жемчужников цитирует здесь поэму Шевченко «Сон», запрещенную в то время в России

Впервые опубликовано в московской газ. «Русская речь» (1861.— № 19—20.— 9 марта). Печатается по изданию: *Лесков Н. С. Собр. соч.*: В 11 т.— М., 1958.— Т. 10.— С. 7—12.

Лесков Николай Семенович (1831—1895) — русский писатель. С творчеством Шевченко впервые познакомился в 1848 году в Орле через сосланного туда кирилло-мефодиевца А. Марковича. Встречался с поэтом после ссылки в Петербурге, принимал участие в его похоронах; впоследствии упоминал о Шевченко в статьях «Официальное буффонство», «Вечная память на короткий срок», «Забыта ли Тарасова могила?» (см.: *Лесков Н. С. Собр. соч.*: В 11 т.— М., 1958.— Т. 11.— С. 23—33) и др.

«*В мяч не любил он играть никогда...*» — Эпиграф взят из стихотворения австрийского поэта К. Бека «Слуга и служанка» в переводе А. Плещеева (Современник.— 1861.— № 1.— С. 119—120).

...*поделиться с читателями «Русской речи»... впечатлениями...* — «Русская речь» выходила в Москве в 1861—1862 годах, помещала обзоры литературы, искусства, общественно-политической жизни в России и на Западе. На смерть Шевченко откликнулась, кроме статьи Лескова, кратким сообщением (1861.— № 18.— 2 марта).

Из петербургских газет... уже известно... — Речь идет о статье А. Лазаревского «Последний день жизни Т. Г. Шевченко», помещенной в «Северной пчеле» (1861.— № 48.— 28 марта), и некрологах в «Русском инвалиде» (1861.— № 50.— 2 марта) и «Северной пчеле» (1861.— № 50.— 2 марта).

...*очень грустил о больном художнике И. В. Гудовском...* — Ко времени посещения Шевченко Н. Лесковым И. Гудовский уже умер.

...*сочиненного им малороссийского букваря...* — «Букварь южнорусский. Составил Тарас Шевченко». — СПб., 1861. (Т. 6.— С. 365—388).

...*другая «малороссийская грамотка»...* — составленная П. Кулишом «Грамматка» (СПб., 1861) была проникнута клерикальным духом.

Ничипоренко Андрей Иванович (1836—1863) — участник революционно-освободительного движения, земледелец, корреспондент «Колокола». Встречался с Шевченко в 1860 году по поручению А. Герцена. В 1862 году за связь с лондонской эмиграцией был арестован, умер в Петропавловской крепости.

год тому назад поэт хлопотал об издании псалмов, переложенных им на малороссийский язык... — Написанный Шевченко в 1845 году цикл стихотворений «Давидови псалми» напечатан (с цензурными купюрами) в «Кобзаре» 1860 года и отдельным изданием (СПб., 1860). На их публикацию Шевченко пришлось брать двойное разрешение: светское и духовной цензуры (Тарас Шевченко. Документы та матеріали до біографії, с. 343—350).

Три художника... стояли по левую сторону гроба и рисовали... — Шевченко в гробу зарисовали художники В. Верещагин, Н. Дмитриев, П. Эйсер, Л. Жемчужников, М. Микешин, В. Резанов.

Всех речей... было произнесено девять... — На похоронах Шевченко в Петербурге с речами выступили: П. Кулиш, В. Белозерский, Н. Костомаров, В. Хорошевский (на польском языке), Ф. Хартахай и Н. Курочкин; стихи, посвященные Шевченко прочитали А. Афанасьев-Чужбинский и П. Таволга-Мокрицкий. Были также подготовлены, однако из-за столкновения с полицией не произнесены речи П. Чубинского и «пермятинца Южакова». Все эти речи опубликованы в журнале «Основа» (1861.— № 3.— С. 5—15) в тексте статьи Л. Жемчужникова «Воспоминание о Шевченко; его смерть и погребение».

Ф. Хартахай в письме к В. Гнилосырову от 28 февраля 1861 года сообщал некоторые подробности панихиды по Шевченко в церкви Академии художеств: «Это бы-

ло 28 числа. В 10 часов началась обедня, в 11 кончилась и началась панихида. После панихиды заспорили с попами: попы говорят — надо закрыть гроб, люди — ни за что; кричат: «Не надо!»; Белозерский чуть было до одной бороды не добрался, но как-то обошлось: поп спрятался. А все-таки торгуются, чтобы закрыть гроб; ребята видят, что пока не возмутся за дело, попы будут ворчать. Поплевав в ладони, парни гаркнули своим властным голосом: «Не надо!» — попы, испугавшись, все попрятались в алтарь. Утихомирив народ в церкви, начали говорить речи над телом... Всех речей было произнесено около пятнадцати. При выносе гроба ни одна чужая рука его не коснулась, несли сплошь студент и литератор... Гроб не спускали с рук до самого кладбища, до которого от академии будет верст семь» (Т. Г. Шевченко в епістолярії, с. 33—34).

Многие очень жалели, что нет семьи Толстых... — Ф. Толстой с женой и детьми находился в это время за границей. Узнав о смерти Шевченко, они отслужили по нему панихиду.

С. Н. Терпигорев

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

(С. 445—447)

Впервые опубликовано в ж. «Исторический вестник» (1896.— № 4.— С. 56—58) в VIII главе «Воспоминаний С. Н. Терпигорева». Печатается по первой публикации.

Терпигорев Сергей Николаевич (1841—1895) — русский писатель, печатался под псевдонимом Сергей Атава. В 1861 году, будучи студентом Петербургского университета, участвовал в похоронах Шевченко в Петербурге.

Я не помню ни месяца, ни числа... — Похороны Шевченко на Смоленском кладбище в Петербурге состоялись 28 февраля 1861 года.

...Панаев и Некрасов... — И. Панаев откликнулся на смерть Шевченко в обзоре «Петербургская жизнь. Заметки нового поэта», которое он вел в журнале «Современник» (1861.— № 3.— С. 153—155). Н. Некрасов накануне похорон написал стихотворение «На смерть Шевченко» (опубликовано во львовском журнале «Зоря». — 1886.— № 6.— С. 87; в России впервые напечатано в «Литературном вестнике». — 1904.— № 8.— С. 101—103).

А. М. Лазаревский

ГРОБ Т. Г. ШЕВЧЕНКО В КИЕВЕ

(С. 447—449)

Впервые опубликовано в ж. «Киевская старина» (1894.— № 2.— С. 314—317) под заголовком «Гроб Т. Г. Шевченко в Киеве, у Христорожественской церкви (7 мая 1861 г.)» в качестве пояснения к помещенному в этом же номере фотографическому снимку родственников Шевченко у его гроба. Печатается по первой публикации.

М. К. Чалый

ПОХОРОНЫ Т. Г. ШЕВЧЕНКО НА УКРАИНЕ

(С. 449—455)

Впервые опубликовано в кн.: *Чалый М. К.* Жизнь и произведения Тараса Шевченко (Свод материалов для его биографии).— К., 1882.— С. 187—197. Печатается по первой публикации.

...телеграмма от г. Каменецкого... — См.: «Т. Г. Шевченко в епістолярії», с. 31, 33.

После торжественной встречи гроба Шевченко в Москве... — 28 апреля 1861 года гроб с телом Шевченко был доставлен по железной дороге из Петербурга в Москву и перевезен с вокзала в церковь Тихона на Арбате, где состоялось прощание с покойным. Из Москвы в Киев гроб везли на лошадях.

Из заметки Якушкина.— Речь идет о статье П. Якушкина «Останки Т. Г. Шевченко в Орле» (Северная пчела.— 1861.— № 119.— 29 мая).

...достиг Киева и остановился в Никольской слободке... — Утром 6 мая 1861 года гроб с телом Шевченко был доставлен в Бровары, откуда молодежь хотела перевезти его в университетскую церковь, однако генерал-губернатор князь И. Васильчиков и митрополит Арсений не допустили гроб в центр города, разрешив поставить его лишь в ближайшей к Днепру церкви Рождества (около Почтовой площади); запрещены были и речи, потому их произносили по дороге с левого на правый берег Днепра.

Тризна Роман Дмитриевич (род. в 1816 г.) — чиновник-юрист, знакомый Шевченко с 1846 года. Распространял на Черниговщине сочинения и букварь Шевченко, переписывался с ним в связи с этим (Листи до Т. Г. Шевченка, с. 217).

Стоянов Александр Ильич (род. в 1841 г.) — студент историко-филологического факультета Киевского университета с 1859-го по 1863 год. Принимал активное участие в деятельности воскресных школ, опубликовал рецензию на букварь Шевченко (Воспитание.— 1861.— № 4.— С. 187—195), подписал благодарственное письмо Шевченко за присланные им для воскресных школ книги, произнес речь над гробом Шевченко в Киеве. В конце 70-х годов был директором гимназии в Кутаиси.

...М. К. Чалый и произнес надгробную речь.— Опубликована в «Киевском телеграфе» (1861.— № 34.— 14 мая), в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1861.— № 119.— 30 мая) и отдельным оттиском.

...по наущению поляка М-ского...— Речь идет о старшем заседателе каневской уездной полиции Монастырском Владиславе Иосифовиче.

Г. Н. Честаховский

ЭПИЗОД НА МОГИЛЕ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

(С. 455—461)

Впервые опубликовано в ж. «Киевская старина» (1896.— № 2.— С. 230—241). Печатается по первой публикации.

Публикация сопровождалась следующим примечанием от редакции:

«В «Киевской старине» (1886.— № 4) была напечатана статья И. Билька «Тревога над свежей могилой Т. Г. Шевченко», где автор на основании документов рассказал о том дутом деле, которое поднято было польскими панями о существующем якобы заговоре против помещиков, причем центральный пункт заговора — свежая могила Т. Г. Шевченко. Героем и главой заговора выставлен был «крестьянин-музыкант Грыць», который затевал будто бы какие-то коварные планы относительно повторения «Тарасовой ночи»... Расследование этого дела тогда же, как местными каневскими властями, так и губернскими — киевскими, привело к тому, что никакого заговора, конечно, нет и что этот «Грыць» — не кто иной, как служащий в капитуле орденов губернский секретарь Григорий Николаевич Честаховский, сопровождавший из Петербурга в Канев тело Т. Г. Шевченко и оставшийся после похорон приводить в порядок могилу его. Напоминая теперь читателям нашим эту любопытную статью И. Билька, мы считаем уместным в настоящем февральском номере, ежегодно уделяющем несколько страниц памяти Т. Г. Шевченко, напечатать сохранившуюся в бумагах недавно умершего Г. Н. Честаховского «записку», передающую этот же самый эпизод с ним на свежей могиле Шевченко. По рукописи видно, что этот рассказ был составлен Г. Н. Честаховским в виде докладной записки своему началь-

ству, как объяснение всего происходившего с ним. За предоставление в наше распоряжение публикуемой записки приносим глубочайшую благодарность В. В. Тарновскому.

Г. Н. Честаховский умер весной 1893 года и похоронен в имени В. Тарновского Качановке. Кроме публикуемой «записки», историю похорон Шевченко на Украине, приведения в порядок его могилы и связанных с этим событий он изложил в письмах к Ф. Черненко и украинской «громаде» в Петербурге, написанных в мае — июле 1861 года и опубликованных в ж. «Киевская старина» (1898.— № 2.— С. 167—193). В примечании к этой публикации А. Лазаревский сообщил такие сведения о Г. Честаховском:

«Автор печатаемых ниже писем о похоронах Т. Г. Шевченко — Григорий Николаевич Честаховский. Он, вместе с пишущим эти строки, по поручению друзей поэта, провозжал его тело от Петербурга до Канева*.

Г. Честаховский происходил из военных поселян, сколько помним, Херсонской губернии, и в Петербург сначала приехал, желая учиться живописи, большая охота к которой проявилась у него с детства. Но талант у Честаховского оказался небольшой, и он стал зарабатывать насущный хлеб каштелярскою службою в кашителе орденов. С переселением Шевченко в Петербург в 1851 г. ** в круг его близких знакомых скоро вошел Г. Н. Честаховский. Сближение последовало сначала в задушевном пении Честаховским малорусских песен, а затем горячая привязанность певца к поэту была последним оценена, и Г. Н. Честаховский стал одним из частых и желанных посетителей Шевченко, когда последний зажил своим хозяйством в здании Академии художеств. Когда получено было разрешение на перевоз праха Шевченко в Малороссию и попался проводник, то лучше Г. Н. Честаховского для этого трудно было и придумать***. На него и указали ближайшие друзья поэта. Можно сказать, что Честаховский свято выполнил возложенную на него миссию. Он настоял, между прочим, чтобы тело поэта было похоронено на Чернечьей горе, а не в Каневе.

Г. Н. Честаховский последние годы своей жизни бывал частым гостем у В. В. Тарновского в его чудесной Качановке. А когда Честаховский умер (в марте 1893 г.) в Петербурге, то его тело в том же году было перевезено В. В. Тарновским у ту же Качановку и там похоронено в парке, причем над прахом горячего почитателя памяти Шевченко была насыпана могила почти одинаковых размеров с тою, которую покойный насыпал в 1861 г. над прахом Тараса...

Документальные материалы о расследовании доносов помещика Н. Парчевского, исправника С. Котлярова и др. в связи с пребыванием Г. Честаховского на Каневщине летом 1861 г. см. в кн.: *Смерть и похороны Т. Г. Шевченко.* — К., 1961. — С. 95—163.

...на месте, которое он сам избрал для себя еще при жизни.— Хотя в действительности Шевченко никаких распоряжений относительно места своего захоронения не оставил, Г. Честаховский все время настаивал на этой версии, чтобы помешать попыткам похоронить поэта на Щекавицком кладбище в Киеве или церковном кладбище в Каневе.

Могила была выкопана студентами Киевского университета, братьями и родственниками покойного и некоторыми селянами... — Поскольку каневские мещане запросили за конку могилы очень дорогую цену (100 рублей), участникам похорон пришлось сделать это своими силами.

* Г. Н. Честаховский был главным распорядителем проводов и похорон, а пишущий эти строки был лишь его, так сказать, помощником

** В действительности Шевченко вернулся в Петербург весной 1858 г.

*** Указание покойного Н. М. Белозерского (Киевская старина.— 1882. № 10.— С. 75), что сначала предполагалось поручить проводы тела Шевченко художнику Мокрицкому,— по нашему мнению, неверно; по крайней мере, мы не помним этого.

...генерал-губернатор... — Васильчиков Илларион Илларионович.

...начальник губернии... — киевский гражданский губернатор Гессе Павел Иванович (1801—1880).

...полицейский чиновник из властей города Канева — старший заседатель каневской уездной полиции Монастырский Владислав Иосифович.

А. К. Дорошкевич

ШЕВЧЕНКО В КРЕСТЬЯНСКИХ ПРЕДАНИЯХ

(С. 461—466)

Впервые опубликовано на украинском языке в ж. «Життя й революція» (1929.— № 3.— С. 110—115). Печатается по первой публикации.

Дорошкевич Александр Константинович (1889—1946) — украинский советский литературовед и педагог. Возглавлял Киевский филиал Института Тараса Шевченко, собиравший печатные и рукописные материалы о жизни и творчестве Шевченко, а также народные предания о нем.

...Максимович писал поэту... — Приводимая цитата взята из письма М. А. и М. В. Максимовичей Шевченко от 6 октября 1859 г. (Листи до Т. Г. Шевченка, с. 167).

...Галицкий журнал «Правда» в 1891 году писал... — Имеется в виду статья «Народна пам'ять про Шевченка» за подписью Ю. В. во львовском журнале «Правда» (1891.— № 2.— С. 95—97).

...в записях В. Беренштама... — Статья «Т. Г. Шевченко и простолюдины, его знакомцы» в ж. «Киевская старина» (1900.— № 2.— С. 248—260).

...А. Крымского... — Статья «Народна пам'ять про Шевченка» (Зоря.— 1891.— № 5.— С. 96) перепечатана также в кн.: *Кримський А. Розвідки, статті та замітки.*— К.— 1928.— С. 19.

...дом Самойлова... — Помещик Самойлов Степан Никифорович, владелец села Вьюнице. Шевченко познакомился с ним в августе 1845 года и жил у него на протяжении двух недель в декабре того же года, написал за это время несколько литературных произведений, нарисовал вид села (Т. VII.— Кн. 2.— № 117). Поскольку Шевченко в это время болел, С. Самойлов посоветовал ему обратиться к переяславскому врачу А. Козачковскому; в письме к последнему от 16 июля 1852 года Шевченко передал С. Самойлову привет из Новопетровского укрепления (Т. 6.— С. 77).

...воспетому им селу Трахтемирову... — Упоминания о Трахтемирове есть в стихотворении Шевченко «Сон» («Гори мої високії») (Т. 2.— С. 42) и в повести «Близнецы» (Т. 4.— С. 17—19, 115, 126).

...за Надеждой Васильевной... — Н. В. Тарновской.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- А — н А. И.— см. Акутин А. И.
- Авдотья — 527.
- Агарь — 77, 480.
- Агау — 248.
- Агбуги — 402.
- Аграфена Яковлевна — 327.
- Адлерберг Владимир Федорович — 341, 549.
- Айвазовский Иван Константинович — 410.
- Айзеншток Иеремия Яковлевич — 549.
- Акишев Артемий Аникиевич — 257, 260, 261, 266, 522.
- Акутин Александр Иванович — 293, 294, 529.
- Аксаков Сергей Тимофеевич — 5, 6, 339, 445, 499, 546, 569.
- Александр I — 94, 208, 269.
- Александр II — 126, 141, 282, 298, 429, 477, 532, 547, 564, 565.
- Александра — 74.
- Александр Невский — 295.
- Александр Николаевич — 477.
- Александра Николаевна — 69.
- Александра Федоровна — 81, 308, 475.
- Александрийский Михаил Семенович — 216, 217, 221, 509, 512.
- Александров Владимир Иванович — 340.
- Алексеев Иван Семенович — 293, 529.
- Алексеев Лукьян Семенович — 293, 529.
- Аленников Николай Сергеевич — 501.
- Алмакуров Насир — 248.
- Альмобет (Альмамбек) — 262, 265, 266, 522.
- Ангерман — 405.
- Андреевич Варвара Павловна — 133, 495.
- Андреевич Василий Павлович — 137, 495.
- Андреевич Николай Павлович — 137, 495.
- Андреевич (Андреевичев) Павел Максимович — 134, 495.
- Андреевичевы — 133, 495.
- Андрей Первозванный — 400.
- Андрузский Георгий (Юрий) Львович — 496, 501, 503.
- Анисов Василий Федорович — 467, 549.
- Анненков Павел Васильевич — 431, 561, 562, 574.
- Анненский Николай Федорович — 349.
- Антипо Тамара Павловна — 480.
- Антипов Александр Иванович — 296, 299, 531, 536.
- Антон П. — см. Петкевич Антоний.
- Антонович Владимир Бонифатьевич — 200, 452.
- Антонович Максим Алексеевич — 348.
- Аракчеев Алексей Андреевич — 232.
- Аренс Генриетта Ивановна — 77, 480, 481.
- Аристофан — 497.
- Аркадий — см. Венгжиновский Аркадий.
- Арсений — 41, 42, 451, 472, 579.
- Артемовский Семен Степанович — см. Гулак-Артемовский С. С.
- Аскоченский Виктор Ипатьевич — 12, 122, 133, 135, 494, 495.
- А. С. Л.— см. Лашкевич Александр Степанович.
- Атава Сергей — см. Терпигорев С. Н.
- Афанасьев Константин Яковлевич — 548.
- Афанасьев-Чужбинский Александр Степанович — 7, 11, 96, 101, 102, 137, 350, 383, 487, 491, 492, 493, 499, 559, 577.
- Ахенбах Андреас — 341.
- Бабичов — 127.
- Бабкин П. И.— 564.
- Бажанов М. И.— 228, 231, 234, 515.
- Бажанов Николай Ефремович — 281, 525.
- Байрон Джорж Ноел Гордон — 11, 108, 427, 529.
- Балабин Петр Иванович — 175, 181, 406, 488, 565, 566.
- Балабина Елизавета Петровна — см. Репнина Е. П.
- Бальмен Сергей Петрович де — 574.
- Бальмен Яков Петрович де — 484, 487, 574.
- Бальмены де — 574.

- Барабаш Максим — 197.
 Баратынский Евгений Абрамович — 477.
 Барвинок Ганна — см. Кулиш А. М.
 Бари Эдуард Яковлевич — 344, 439, 440, 441, 576.
 Барон Брамбеус — см. Сенковский О. И.
 Бартелеми Жан-Жак — 478.
 Бартнев Петр Иванович — 514.
 Барцевский Ян — 9, 86, 485.
 Басин Петр Васильевич — 84, 341.
 Бассини де — 176.
 Бастиан — 70, 478.
 Беггров Карл — 35.
 Безлюдный Андрей Семенович — 62, 64, 475.
 Бейдеман Александр Егорович — 341, 547.
 Бек Карл — 577.
 Белина-Кенджицкий Юлиан — 11, 189, 502.
 Белинский Виссарион Григорьевич — 72, 84, 103, 243, 470, 476, 477, 478, 491, 492.
 Белозерская Александра Михайловна — см. Кулиш А. М.
 Белозерская Елена Николаевна — 200.
 Белозерская Надежда Александровна — 349, 350, 427, 430, 431, 445, 501, 551, 573, 574.
 Белозерский Василий Михайлович — 11, 123, 139, 141, 142, 183, 184, 185, 186, 188, 198, 199, 200, 205, 292, 299, 349, 373, 375, 394, 427—430, 431, 494, 496, 503, 504, 532, 551, 573, 577, 578.
 Белозерский Иван Иванович — 201, 505.
 Белозерский Карп Иванович — 200, 505.
 Белозерский Николай Данилович — 70, 200, 201, 477.
 Белозерский Николай Михайлович — 198, 216, 470, 474, 504, 509.
 Белозерские — 188, 204, 427, 559.
 Беляшевский Николай Федотович — 363, 462, 463, 557.
 Бем Ефим Любимович — 99, 490.
 Бенедиктов Владимир Григорьевич — 351, 552.
 Бенерец Луканд — 345.
 Беран — 197.
 Бераны — 197.
 Берг Федор Федорович — 246.
 Беренштам Вильям Людвигович — 11, 124, 462, 494, 522, 523, 581.
 Бестужев Николай Александрович — 5.
 Бестужев-Марлинский Александр Александрович — 164, 492, 498.
 Бесядовский — 469.
 Бибиков Дмитрий Гаврилович — 130, 206, 207, 208, 213, 355, 483, 495, 555.
 Билык Иван — 372, 558, 579.
 Благовещенский Александр Афанасьевич — 18, 337, 545, 548, 549, 568, 572.
 Благосветлов Григорий Евлампиевич — 407, 566.
 Богданович Павел Иванович — 240, 520.
 Богомоллов Александр Трофимович — 271.
 Богорский Петр Федорович — 8, 23, 24, 26, 27, 39, 43, 469, 470.
 Бодиско — 335.
 Бодри Карл Фридрих Петрович — 341.
 Бодянский Осип Максимович — 9, 12, 88, 339, 486, 487, 536, 537.
 Бойко — 539.
 Бойко Ирина Григорьевна — 7, 20, 22, 24, 26, 37, 44, 51, 52, 65, 66, 201, 352, 420, 448, 468, 469, 470, 471, 505, 553.
 Бойко Федор Кондратьевич — 29, 468, 470.
 Большаков Леонид Наумович — 467, 509, 514, 517, 525, 537, 540.
 Бондаренко Игнатий Васильевич — 27, 30, 469.
 Борников Иван Николаевич — 341.
 Боровиковский Лев Иванович — 492.
 Ботвиновский Ефим Георгиевич — 46, 47, 48, 473.
 Бочаров Михаил Ильич — 341.
 Брамбеус, Барон Брамбеус — см. Сенковский А. И.
 Брандт Роберт Вильямович — 341.
 Браницкая Александра Васильевна — 38, 39, 471.
 Браницкий Ксаверий — 471.
 Брем — 203.
 Бригере (Бриер) Мартере Карл де — 71, 478.
 Брож Карел Осипович — 77, 480.
 Бруни Федор Антонович — 341, 342, 548.
 Брылкин Николай Александрович — 501, 541.
 Брюллов Александр Павлович — 84.

- Брюллов Карл Павлович — 8, 59—64, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 76, 77, 78, 81, 84, 85, 86, 99, 178, 180, 236, 280, 296, 308, 310, 341, 345, 346, 415, 420, 468, 473—479, 482, 491, 500, 536, 537, 546, 547, 569.
- Брюллов Федор Павлович — 9, 67.
- Булгарин Фаддей Венедиктович — 82, 83, 164, 483, 492, 498.
- Бурбони — 298.
- Буркат (Буркот) Викентий Францевич — 373, 558.
- Бурцев Лев Александрович — 281, 525, 538.
- Бутаков Алексей Иванович — 13—15, 33, 34, 217, 218, 222, 225, 235, 238, 245, 246, 249, 251, 255, 256, 257, 259—264, 266, 267, 271, 272, 296, 299, 300, 314, 407, 470, 510, 514, 515, 517, 522, 531, 532, 566.
- Бутакова Ольга Николаевна — 532.
- Буташевич-Петрашевский Михаил Васильевич — 300, 304.
- Бутенко Дм. А. — 196, 197.
- Быданов А. А. — 231.
- Быков П. В. — 491.
- Бэр Карл Максимович — 282, 299, 526, 539.
- Бюрно Карл Иванович — 298, 301, 302, 532.
- Ван Дейк Антонис — 68, 476.
- Ван дер Мейер — 68, 476.
- Варварацци — 538.
- Василий — 129.
- Васильев М. — 364, 462, 557.
- Васильев Алексей Степанович — 240, 520.
- Васильченко Степан Васильевич — 8.
- Васильчиков Илларион Илларионович — 35, 42, 207, 355, 451, 452, 459, 470, 554, 579, 580.
- Вахтанг VI — 402, 565.
- Вейнберг Петр Исаевич — 7.
- Веласкес Родригес де Сильва Диего — 68, 476.
- Величко Самуил Васильевич — 536, 537.
- Венгжиновский Аркадий Николаевич — 218, 301, 508, 510, 534.
- Венецианов Алексей Гаврилович — 57, 61, 67, 474.
- Верещагин Василий Петрович — 577.
- Вернер Томаш — 197, 217, 257, 272, 300, 522, 533.
- Виддер — 508.
- Виельгорский, Михаил Юрьевич — 61, 69, 84, 468, 474.
- Вилинская Мария Александровна — см. Вовчок Марко.
- Виллевалде Богдан (Готфрид) Павлович — 341.
- Вирт — 84.
- Витавский Родион Петрович — 429, 573.
- Витали Иван Петрович — 84.
- Вишневецкие — 140, 196, 197, 504.
- Владимир Святославич — 360, 555.
- Владимиров — 197.
- Владиславлев Владимир Андреевич — 84.
- Владич Леонид Владимирович — 576.
- Власенко Н. А. — 201.
- Вовк (Волков) Федор Кондратьевич — 561.
- Вовчок Марко — 17, 36, 47, 123, 203, 350, 359, 375, 391, 392, 473, 551, 560, 561, 574.
- Водов Николай Иванович — 347.
- Воейков Александр Федорович — 98.
- Возняк Михаил Степанович — 524.
- Волконский Николай Григорьевич — см. Репнин Н. Г.
- Волконский Сергей Григорьевич — 486, 487.
- Волович — 298.
- Волховская Татьяна Густавовна — 91, 96, 104, 105, 487, 493.
- Волховские — 487.
- Волховский П. — 104.
- Волькенштейн — 324.
- Вольф — 119, 123.
- Воробьев Сократ Максимович — 341.
- Воронин — 336.
- Вороной Николай Кондратьевич — 409, 566.
- Воронцов Владимир Петрович — 232, 295, 507, 516, 530.
- Воронцова — 516.
- Воюцкий — 448.
- Вревский Павел Александрович — 84.
- Виговский Иван — 9, 88.
- Вяземский Петр Андреевич — 477.
- Габсбурги — 504.
- Гагарин Григорий Григорьевич — 341, 547.

- Галабурда — 372.
 Галаган Григорий Павлович — 42, 83, 472.
 Галаганы — 72, 472.
 Галахов Алексей Дмитриевич — 420, 569.
 Гали — 253.
 Галузевский Яков Юрьевич — 509.
 Галушковский Василий — 365, 367.
 Галывинский Василий Андреевич — 214, 508.
 Ганненко Е. А.— 74, 479.
 Ганнуся — 359.
 Гаршин Евгений Михайлович — 508, 519.
 Гаско Мечислав Эдмундович — 516.
 Гедеонов Михаил Александрович — 84.
 Гейденрейх Людвиг Андреевич — 84.
 Гейне Генрих — 5.
 Ген Константин Александрович — 349, 551.
 Генеагобал — 157.
 Геннади Григорий Николаевич — 73, 478.
 Генслер Карл Фридрих — 348.
 Георгий V Блистательный — 402, 564.
 Гербель Николай Васильевич — 112, 177, 182, 493, 498, 500, 541.
 Герн Карл Иванович — 13, 14, 15, 218—221, 225, 226, 234, 251, 258, 298, 299, 300, 510, 511, 513, 517, 518, 522, 561.
 Герн София Николаевна — 221, 511.
 Герны — 220, 221, 299.
 Герцен Александр Иванович — 5, 403, 478, 518, 545, 559, 561, 565, 577.
 Гессе Павел Иванович — 458, 493, 556, 580.
 Гете Йоганн Вольфганг — 5, 497, 542.
 Гильдебранд — 163, 497.
 Глазенап Татьяна Захаровна — 566.
 Глазунов Матвей Петрович — 98.
 Глебов Павел Николаевич — 518.
 Глибов Леонид Иванович — 473.
 Глинка Михаил Иванович — 9, 83—85, 200, 342, 399, 478, 482, 483, 484, 528.
 Гнедич Николай Иванович — 98.
 Гнилосыров Василий Степанович — 577.
 Говядовский Марк Григорьевич — 494.
 Гоголь Николай Васильевич — 17, 92, 145, 149—151, 158, 196, 298, 470, 477, 480, 482, 493, 503, 542, 564.
 Голенковский Андрей Осипович — 83, 483.
 Голинский — см. Головинский В. А.
 Голицын — 572.
 Голицын Сергей Григорьевич — 71, 83, 483.
 Голицыны — 424.
 Головинский Василий Андреевич — 300, 533.
 Головок Николай Алексеевич — 222, 226, 513.
 Голубков П. В.— 256.
 Гольдони Карл — 325, 542.
 Гонта Иван — 25, 53, 482.
 Гончаренко Тарас — 29, 470.
 Гончаров Иван Александрович — 5, 347, 348.
 Горбунов Иван Федорович — 406, 407, 566.
 Гордон Якуб — см. Ятовт Максимилиан.
 Горленко Давид Семенович — 83, 484.
 Горностаев Иван Иванович — 548.
 Горнунг Джозеф — 487.
 Горонович Андрей Николаевич — 84, 299, 532.
 Горький Максим — 537.
 Грабовский Михаил — 140, 496.
 Гранкин — 291.
 Грановский Тимофей Николаевич — 518.
 Гребенка Евгений Павлович — 9, 10, 57, 69, 70, 72, 73, 78—80, 88, 104, 105, 106, 213, 318, 429, 468, 474, 477, 480, 481, 486, 487, 492, 507, 541.
 Греч Николай Иванович — 83, 483.
 Грибовский Леонард Владиславович — 458, 459, 554.
 Григорий — 12.
 Григорий VII — см. Гильдебранд.
 Григорович Василий Иванович — 57, 67, 68, 70, 71, 84, 468, 476, 478, 547.
 Григорович Дмитрий Васильевич — 86, 485.
 Григорьев Василий Васильевич — 300, 533.
 Гринберг Изабелла Львовна — 342, 399, 543, 548.
 Гриненко Харитина Васильевна — см. Довгополенко Х. В.
 Грицько — 162, 163, 164, 169.
 Громека Степан Степанович — 116, 493.
 Грудзинский — 355, 534.
 Губер Эдуард Иванович — 83, 84.

- Губские — 469.
- Губский Василий Иванович — 23, 24, 469.
- Губский Максим Иванович — 469.
- Гудима — 69.
- Гудовский Иван Васильевич — 47, 49, 99, 443, 473, 490, 555, 557.
- Гулак Николай Иванович — 11, 171, 172, 183—185, 195, 499, 501, 503.
- Гулак-Артемовская Александра Ивановна — 572.
- Гулак-Артемовский Петр Петрович — 9, 104, 149.
- Гулак-Артемовский Семен Степанович — 139, 216, 342, 425, 426, 482, 484, 495, 572.
- Гумбольдт Александр — 337, 545.
- Гумилевский Филарет — 204.
- Гуреев — 495.
- Гус Ян — 89, 487.
- Гусиковская Ядвига (Дзюня) — 474.
- Гуфланд (Гуфеланд) Кристоф Вильгельм — 94.
- Гюго Виктор Мари — 106.
- Даль Владимир Иванович — 70, 477.
- Дамис Яков Яковлевич — 244, 520.
- Данилевский Николай Яковлевич — 299.
- Данилевский Александр Семенович — 480.
- Дантес — 73.
- Данченко (Немирович-Данченко) Николай Федорович — 83, 483.
- Даргомьжский Александр Сергеевич — 84, 342, 399.
- Дарья — 40.
- Даценко Г. П. — 228, 515.
- Дациаро Осип Осипович — 320, 541.
- Дейкун-Мочаненко (Мовчаненко) Феодосий Иванович — 423, 571.
- Делорье — 542.
- Дембинский Генрик — 296.
- Дементьев Иван Тимофеевич — 68, 476.
- Демидовы — 342.
- Демич Василий Федорович — 209, 506.
- Демич Дмитрий Павлович — 209, 506.
- Демостико Николай Иванович — 512.
- Демут-Малиновский Василий Иванович — 555.
- Демьянов Георгий Петрович — 16, 316, 540, 541.
- Денисов Илья Самойлович — 344.
- Деньер Андрей Иванович (Генрих Йоганн) — 343, 549, 574.
- Дерева С. — 462, 466.
- Державин Гавриил Романович — 399.
- Дестронг — см. Штругн де.
- Джулбарс — 255.
- Диевский Михаил Ильич — 195, 503.
- Дизраэли — 50, 57, 58.
- Дмитренко — 26, 38.
- Дмитриев Николай Александрович — 296, 531.
- Дмитриев-Оренбургский Николай Дмитриевич — 531, 577.
- Добржинский Франц Викентьевич — 355, 362, 554, 557.
- Добролюбов Николай Александрович — 5, 17, 348, 407, 408, 498, 522, 550, 552, 561, 566.
- Довгополенко Харитина Васильевна — 35, 36, 470.
- Докальский Владислав Ксаверьевич — 516.
- Долгоруков Василий Андреевич — 549.
- Домбровский Василий Федорович — 313, 538.
- Донненберг Иоганн — 81.
- Донон — 336.
- Дорохова Мария Александровна — 339, 545.
- Дорошенко Петр Дорофеевич — 189, 415.
- Дорошкевич Александр Константинович — 461, 581.
- Достоевский Федор Михайлович — 347, 349, 351, 446, 552.
- Доу Джорж (Георг) — Эдуард (Егор Филиппович) — 94.
- Драгоманов Михаил Петрович — 372, 452, 558.
- Дрейшок Александр — 83, 84, 483, 484.
- Дружинин Александр Васильевич — 346, 550, 566.
- Дубельт Леонтий Васильевич — 145, 155, 156, 158—160, 185, 517, 518.
- Дудинский Александр Иванович — 304, 312, 536.
- Дубинский — см. Дудинский А. И.
- Думитрашко Константин Данилович — 48, 473.
- Дустан (Достан) — 522.
- Духинский — 193.
- Дюссо — 346, 550.
- Дяченко Афанасий — 366, 367, 368, 372, 373.

- Европеус Мария Яковлевна — 63, 64, 475.
- Европеус Якоб — 475.
- Егоров Алексей Егорович — 71.
- Еж Томаш — см. Милковский Зигмунт.
- Езучевский Василий Осипович — 216, 509.
- Екатерина II — 140, 160, 395, 407, 566.
- Елена Павловна — 547, 576.
- Ерофеев Степан Егорович — 237, 240, 519.
- Ефим — см. Ботвиновский Е. Г.
- Ефимов — 340.
- Ефимов Гавриил — 341.
- Ефимов Николай Тихонович — 537.
- Железняк Максим — 25, 53.
- Желтоножский Иосиф — 42, 448.
- Желиговский Эдвард Витольд — 188, 197, 297, 299, 300, 301, 501, 531, 532, 533, 534.
- Жемчужников Александр Михайлович — 566.
- Жемчужников Алексей Михайлович — 566.
- Жемчужников Владимир Михайлович — 566.
- Жемчужников Лев Михайлович — 6, 16, 18, 408, 430, 431, 505, 534, 547, 562, 566, 572—577.
- Жемчужникова Акулина (Ольга) Степановна — 574.
- Жених — 24.
- Живокيني Василий Игнатьевич — 323.
- Жижиленко Иван Семенович — 342.
- Житецкий Павел Игнатьевич — 486, 523, 528.
- Житницкий Иван Иванович — 493, 499.
- Жорж Занд (Санд) — 359.
- Жуйков Александр Гаврилович — 280, 525.
- Жуковский Василий Андреевич — 15, 41, 57, 59, 61, 62, 67, 68, 69, 70, 81, 145, 153, 164, 180, 235, 330, 468, 474, 475, 477, 478, 483, 500, 517, 518.
- Жур Петр Владимирович — 467, 495, 526, 534, 547, 552, 553, 554.
- Забаржада — 218, 510.
- Забела Виктор Николаевич — 30, 56, 184, 199, 200, 201, 202, 204, 205, 454, 470, 474, 497, 505.
- Забела Надежда Михайловна — 379, 381, 382, 544, 559.
- Забела Надежда Николаевна — 200, 382, 384.
- Забелин Иван Егорович — 339, 546.
- Заболотский Аким Ефимович — 57.
- Заболотский Петр Ефимович — 57.
- Завадский — 499.
- Завадский Ишполит — 514, 516.
- Завьялов Федор Семенович — 341.
- Задорожная Мария Степановна — см. Кржисевич М. С.
- Зайцев Иван Кондратьевич — 8, 67, 475.
- Закревская Анна Ивановна — 493.
- Закревская Мария Алексеевна — 110, 493.
- Закревская София Алексеевна — 106, 110, 492, 493.
- Закревские — 96, 97, 110, 487, 492, 493.
- Закревский Виктор Алексеевич — 97, 107, 109, 110, 111, 112, 114, 484, 492, 493.
- Закревский Платон Алексеевич — 492, 493.
- Залеский Бронислав — 97, 217—219, 225, 250, 287, 296, 351, 510, 511, 514, 521, 526, 530, 531, 532, 533, 535.
- Залеский Юзеф Богдан — 297, 303, 534, 535.
- Зализко — 466.
- Зализняк Максим — 25.
- Замятин — 126, 127.
- Заряно Николай Сергеевич — 283, 526, 527.
- Заряно Сергей Константинович — 481.
- Захряпин Николай Васильевич — 259, 262, 265, 522.
- Зброжек Фома (Томаш) Иванович — 539.
- Зеленский Борис Михайлович — 88, 486.
- Зеленка Михаил — 218, 298, 510—511.
- Земкевич Ромуальд Александрович — 86, 485.
- Зенковский — 231.
- Зенович Степан Федорович — 184.
- Зигмунтовские — 282, 526.
- Зигмунтовский Константин Николаевич — 281, 526.
- Зильберштейн Илья Самойлович — 568, 572.
- Знивелич Андрей — 27.

- Зосима — 83.
 Зубинская Г.— 399.
- Ивакин Юрий Алексеевич — 467.
 Иван Богослов — 30.
 Иван Яковлевич — см. Корейша Иван Яковлевич.
 Иваненко Оксана Дмитриевна — 8.
 Иванишев Николай Дмитриевич — 49, 171, 190, 191, 473, 499, 502.
 Иванов Александр Андреевич — 420, 569.
 Иванова Александра Ивановна — см. Гулак-Артемовская А. И.
 Иванова Екатерина Ивановна — 334, 373, 544, 545.
 Игнатъев Алексей Дмитриевич — 403.
 Игорь — 167, 388, 498.
 Иерлич (Ерлич) Иоахим — 184, 501.
 Иезекииль — 89, 487.
 Измаил — 480.
 Иоанн Креститель — 164, 498.
 Иордан Федор Иванович — 340, 341, 546.
 Иофанов Даниил Михайлович — 508, 519.
 Ирод Антипа — 498.
 Ирод Великий — 498.
 Иродиана — 498.
 Исаев Дмитрий Николаевич — 14, 224, 514, 520.
 Исаев Николай Григорьевич — 220, 221, 222, 511, 512, 515, 518, 531.
 Исидор — 46, 91.
 Истомин Александр Александрович — 257, 258, 522.
 Ишимова Александра Осиповна — 140, 157, 496.
- Кабанов Иван Андреевич — 341.
 Каведеев — 246.
 Кавелин Константин Дмитриевич — 347, 431.
 Калайдович К.— 489.
 Калам Александр — 345.
 Калиновский Дмитрий Иванович — 563.
 Калнышевский Петр Иванович — 404.
 Каменецкий Даниил Семенович — 423, 449, 571, 578.
 Каменский Павел Павлович — 82, 83, 84.
 Каменский Федор Федорович — 343, 549.
- Каминский Федор Иванович — 421, 571.
 Кананит Симеон — 400.
 Кандыба — 68.
 Кандыба Александр — 476.
 Кандыба Андрей — 476.
 Кандыба Петр — 476.
 Канфер Агапий Федорович — 228, 231, 233, 234, 515.
 Капнист Алексей Васильевич — 487.
 Каратыгин Василий Андреевич — 84.
 Каратыгин Петр Андреевич — 84.
 Карелин (Корелин) Григорий Силович — 325.
 Карл XII — 342, 548.
 Карл Иванович — см. Николай I.
 Карпо Михаил Мартынович — 99, 490.
 Каррачи Аннибал — 68, 476.
 Карташевская Варвара Яковлевна — 373, 377, 391, 392, 471, 558, 562.
 Карташевская Надежда В.— 374, 558.
 Карташевские — 384.
 Каталина — 157.
 Катенин Николай Иванович — 186, 430, 431, 574.
 Катя — 287, 527.
 Квитка-Основьяненко Григорий Федорович — 9, 11, 88, 104, 118, 164, 168, 457, 481.
 Кейкуатов Николай Иванович — 202, 209, 210, 505, 506.
 Кейкуатова Екатерина Федоровна — 505.
 Кейкуатовы — 506.
 Кенджицкий — см. Белина-Кенджицкий Юлиан.
 Кетчер Николай Христофорович — 305, 536.
 Кибальчич Надежда Матвеевна — см. Симонова Н. М.
 Килькевич Сильвестр Станиславович — 245, 520.
 Кипиани Дмитрий Иванович — 18, 552.
 Кирилл — 145, 154, 159, 193, 502.
 Кирилл — 305.
 Кириляка Николай — 366.
 Кирш Альфонс Карл Адамович — 219, 511.
 Кирш Елизавета Ивановна — 219, 511.
 Кирши — 219, 511.
 Китченко Давид Андреевич — 344, 426.
 Кишка Самойло — 403.
 Кишкин Владимир Васильевич — 540.

- Кларк Василий Иванович — 16, 313, 537, 538, 539.
 Клаченко — 291.
 Клебановский П. — 556.
 Клейгельс — 196.
 Клейнмихель Петр Андреевич — 93, 488.
 Клеменсов Д. Г. — см. Монтвид Д. Г.
 Клеопова Мария — 68.
 Климанский — 346.
 Клодт Михаил Константинович — 341.
 Клодт фон Юргенсбург Петр Карлович — 341, 342, 360, 478, 548, 555.
 Клодт фон Юргенсбург Ульяна Ивановна — 71, 478.
 Клопотовский Иван Петрович — 16, 313, 314, 315, 538, 539.
 Княжнин В. — 552.
 Кобель Франц — 548.
 Ковалев Виктор Васильевич — 99, 490, 548.
 Ковалевский Евграф Петрович — 423, 557.
 Ковалевский Егор Петрович — 419, 421, 569.
 Ковалевский Павел Михайлович — 566.
 Ковальский Карл Яковлевич — 240.
 Кожанчиков Дмитрий Ефимович — 362, 406, 490, 543, 566.
 Козачковский Андрей Осипович — 6—9, 14, 24, 88, 360, 464, 485, 486, 487, 531, 539, 555, 581.
 Кокорев Василий Александрович — 475.
 Колесинский Балтазар Балтазарович — 297, 531.
 Кольцов Алексей Васильевич — 166, 169, 187, 478, 498, 542, 545.
 Комаров Александр Александрович — 72, 478.
 Комаров Михаил Федорович — 541.
 Комаровы — 313.
 Компioni (Кампиньони) Андрей Алексеевич — 280, 525.
 Конарский Шимон — 532.
 Кондаков С. Н. — 547.
 Конисский Александр Яковлевич — 6, 370, 427, 438, 524, 558, 565, 567, 568, 572.
 Конисский Георгий — 158.
 Кононов — 349.
 Константин Николаевич — 378.
 Контский Антоний Григорьевич — 332, 544.
 Корбе Иван Михайлович — 83, 484.
 Корейша Иван Яковлевич — 122.
 Корреджо — 68, 477.
 Корсаков Петр Александрович — 79, 80, 82, 83, 481, 482, 492.
 Корсун Мария Давыдовна — 96, 488.
 Корш Евгений Федорович — 543.
 Косарев Егор Тимофеевич — 16, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 274, 278, 280, 335, 522, 523, 524, 537.
 Косарик Дмитрий Михайлович — 8.
 Костенко Анатолий Ильич — 528.
 Костомаров Николай Иванович — 6, 7, 11, 12, 13, 17, 18, 50, 129, 140, 141, 162, 170, 173, 179, 180, 181, 183, 185, 191—196, 198, 199, 206, 209, 210, 211, 212, 214, 313, 333, 334, 342, 344, 349, 350, 377, 400, 401, 403, 406, 407, 408, 425, 427, 430, 431, 433, 445, 447, 472, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 507, 529, 538, 544, 549, 563, 565, 573, 574, 577.
 Костомарова Алина Леонтьевна — 211, 501, 507.
 Костомарова Татьяна Петровна — 211, 431, 445, 499, 507.
 Котельников В. Г. — 501, 507.
 Котляревский Иван Петрович — 86, 101, 104, 149, 486, 494, 542.
 Котляров Сергей Александрович — 458, 580.
 Кочка-Сохран — 135.
 Кочубей Василий Леонтьевич — 394, 413, 506, 563, 567.
 Кочубей Петр Аркадьевич — 203, 506, 548, 567, 568.
 Кошиц Григорий Иванович — 8, 38, 39, 40, 43, 44, 49, 50, 471.
 Кошиц Иван (Ясь) Григорьевич — 40, 43, 44.
 Кошиц Ксения Прокофьевна — 43, 49.
 Кошка Самойло — 403.
 Крагельская Алина Леонтьевна — см. Костомарова А. Л.
 Краевский Андрей Александрович — 67, 72, 407, 476.
 Крамской Иван Николаевич — 574.
 Крапивина Стефания Матвеевна — 128, 357, 358, 553, 555.
 Красинский Сигизмунд — 297, 301.

- Красицкая Екатерина Григорьевна — 8, 22, 24, 39, 44, 468, 469, 471, 472, 473.
- Красицкий Антон Григорьевич — 39, 468, 472.
- Красицкий Дмитрий Филимонович — 8.
- Красковский — см. Юскевич-Красковский И. Д.
- Крашевский Юзеф Игнаци — 530.
- Кржисевич Мария Степановна — 114, 493.
- Кривошея Никита — 465.
- Крижановская София Александровна — 128.
- Крижицкий Александр Константинович — 554.
- Крицкий Василий Федорович — 29, 470.
- Крижановский — 128.
- Крылов Иван Андреевич — 77, 98, 542.
- Крымский Агафангел Ефимович — 462, 581.
- Кружилка Федор — 197.
- Круликевич Станислав — 514.
- Круневич Павел Адамович — 441, 576.
- Кугель Александр Рафаилович — 322.
- Кузьмичевский П.— см. Драгоманов М. П.
- Кукольник Нестор Васильевич — 70, 82, 83—85, 103, 478, 480, 481, 482, 484, 491, 492, 528.
- Кукольник Павел Васильевич — 84.
- Кукольник Платон Васильевич — 69, 83, 84, 491.
- Кукольники — 83, 84, 99.
- Кулаковский Платон Андреевич — 7, 47.
- Кулиш Александра Михайловна — 142, 203, 373, 377, 378, 496, 497, 559.
- Кулиш Пантелеймон Александрович — 5, 11, 12, 13, 45, 47, 74, 75, 129, 139, 140, 141, 142, 143, 183, 186, 188, 192, 199, 200, 204, 205, 212, 214, 315, 342, 349, 410, 415, 422, 423, 430, 431, 433, 435, 447, 450, 473, 479, 483, 495, 496, 500, 502, 503, 559, 565, 574, 577.
- Курочкин Василий Степанович — 542.
- Курочкин Николай Степанович — 445, 550, 577.
- Кусовников — 471.
- Кутин Михаил Иванович — 509.
- Кутины — 510, 525.
- Кutowой Андрей — 466.
- Кутузов Михаил Илларионович — 54.
- Кухаренко Яков Герасимович — 10, 431, 506, 558.
- Кушнир Даниил — 39, 471.
- Лаврентьев Павел Сергеевич — 228, 229, 230, 516.
- Лаврентьева — 228, 229, 230, 231, 516.
- Лаврентьевы — 516.
- Лавров Арсений Михайлович — 245, 520.
- Лавров Петр Лаврович — 574.
- Лагода Антон Иванович — 70, 478.
- Лагода-Шишкина Ольга Антоновна — 478.
- Лагорио Лев Феликсович — 341.
- Ладомирский Василий Николаевич — 493.
- Ладыженский Михаил Васильевич — 215, 217, 508.
- Лазаревская Афанасия Алексеевна — 360, 513.
- Лазаревские — 14, 342, 487, 508, 512, 513, 535, 555, 562.
- Лазаревский Александр Матвеевич — 6, 7, 8, 18, 19, 204, 322, 335, 439, 447, 450, 452, 468, 479, 541, 545, 576, 577, 578, 580.
- Лазаревский Василий Матвеевич — 216, 221, 408, 440, 512, 515, 576.
- Лазаревский Иван Матвеевич — 545.
- Лазаревский Михаил Матвеевич — 7, 13, 14, 16, 26, 92, 187, 204, 216, 222, 223, 287, 318, 320, 336, 337, 339, 340, 344, 345, 346, 360, 426, 431, 434, 435, 439, 440, 441, 449, 450, 473, 487, 490, 508, 509, 513, 514, 517, 518, 523, 527, 528, 541, 544, 545, 549, 562, 574.
- Лазаревский Федор Матвеевич — 7, 13, 14, 214, 217, 221, 235, 450, 508, 509, 510, 511, 514, 521, 527.
- Ламартин Альфонс — 106.
- Ламенне Фелисите Робер де — 298, 532.
- Лампи Иоганн-Батист (сын) — 54, 474.
- Лампи Франц — 474.
- Ланской Сергей Степанович — 404, 405, 409.
- Лаппо-Старженецкий Павел Вильгельмович — 317, 540.
- Лапченко Григорий Игнатьевич — 472.
- Лашкевич Александр Степанович — 569, 570, 571.

- Лебедев Александр Игнатьевич — 345.
 Лебедев Дмитрий Иванович — 340.
 Лебедев Михаил Иванович — 341, 474, 547.
 Лебединцев Петр Гаврилович — 8, 38, 448, 451, 452, 471.
 Лебединцев Феофан Гаврилович — 8, 43, 471, 472, 479.
 Левенталь Александр Иванович — 513.
 Левицкий Владимир Лукич — 351, 552.
 Левицкий Сергей Петрович — 14, 215, 216, 218, 221, 222, 226, 235, 508, 509, 512.
 Легатович Игнаци — 87.
 Ленский Дмитрий Тимофеевич — 542.
 Лео — 246.
 Леонтинка — 359.
 Лепко Ольга — 490.
 Лермонтов Михаил Юрьевич — 74, 529.
 Лесаж — 213, 507.
 Лесков Николай Семенович — 16, 18, 46, 280, 441, 524, 525, 577.
 Лидериц (Людериц) Густав — 341.
 Лизогуб Андрей Иванович — 202, 216, 493, 500, 505, 506, 530, 536.
 Лизогуб Илья Иванович — 202, 493, 505.
 Лизогубы — 116, 202, 216, 493, 505, 534, 575.
 Лимариха — 36.
 Липин Илья Иванович — 84.
 Липинский — 83.
 Литвинова Е. — 524.
 Литовченко Александр Дмитриевич — 341.
 Лифлянд Михаил Кристианович — 223, 514.
 Лобода Виктор Васильевич — 555.
 Лобода Стефания Матвеевна — 555.
 Лобода Ф. — см. Лебединцев Ф. Г.
 Лоди (Лудий) Андрей Петрович — 83, 84, 384, 388.
 Лопухин Павел Петрович — 33, 353, 354, 469, 554.
 Лоррен Клод — 68, 477.
 Лохвицкий Конрад Андреевич — 313, 538.
 Лукашевич Платон Акимович — 9, 10.
 Лукашук Василий — 197.
 Лукиан — 497.
 Лукич Василий — см. Левицкий В. Л.
 Лукьянович Александр Андреевич — 109, 125—128, 492, 494.
 Лукьянович Андрей Федорович — 494.
 Лукьянович София Александровна — см. Крижановская С. А.
 Лысенков Иван Тимофеевич — 98, 489, 490.
 Лялин Александр Павлович — 341.
 Лянецкоронские — 140.
 Львов Геронтий Ильич — 280, 524.
 Львов Федор Федорович — 341, 547.
 М. С. К. — см. Кржисевич М. С.
 Маевский Антон Антонович — 530, 536.
 Маевский Антон Петрович — 16, 277, 278, 295, 304, 308, 312, 530, 536.
 Маевский Игнатий Антонович — 530, 536.
 Мазепа Иван Степанович — 94, 95, 342, 394, 413, 548, 567.
 Мазуров Николай Кузьмич — 507.
 Майдель Петр (Фридрих) Евстафиевич — 219, 511.
 Майер Карл — 83, 483.
 Майков Аполлон Николаевич — 347, 349, 351, 552.
 Макаров Николай Яковлевич — 377, 382, 438, 471, 544, 558, 559, 562.
 Маковецкий — 365.
 Маковский Константин Егорович — 341.
 Макогон — 539.
 Максимович Мария Васильевна — 486, 554, 556, 558, 571, 581.
 Максимович Михаил Александрович — 12, 88, 92, 201, 203, 354, 355, 360, 366, 367, 369, 370, 421, 455, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 486, 553, 554, 558, 571, 581.
 Максимовичи — 465, 556.
 Макшеев Алексей Иванович — 13, 14, 15, 246, 520, 521.
 Малецкий Гаспар Ромуальдович — 351, 552.
 Малинников — 291.
 Малеванный Владимир — 559.
 Мантковский — 86.
 Марин Аполлон Никифорович — 413, 567.
 Мария Ивановна — 59, 62, 64.
 Мария Николаевна — 282, 547, 563.
 Мария Яковлевна — см. Европеус М. Я.
 Маркевич — 358.
 Маркевич (Маркович) Андрей Николаевич — 287, 382, 384, 385, 559.

- Маркевич Николай Андреевич — 80,
81, 83, 84, 377, 481, 482, 483,
484, 528, 534, 559.
- Марков Алексей Тарасович — 341.
- Маркович Афанасий Васильевич — 183,
214, 503, 551, 577.
- Маркович Мария Александровна — см.
Вовчок Марко.
- Марлинский — см. Бестужев-
Марлинский А. А.
- Мартос Петр Иванович — 7, 78, 82,
472, 480, 481, 482, 505.
- Мартынов Александр Евстафиевич —
346, 550.
- Мартынов Николай Андреевич — 221,
512.
- Мартынов Степан Михайлович — 351,
553.
- Маслий (Маслов) Василий Павлович —
6, 74, 201, 479, 521, 554.
- Массон — 214.
- Матвеев Ефим Матвеевич — 13, 215,
216—218, 240, 241, 244, 255, 280, 508.
- Матов Александр Иванович — 13, 227,
233, 509, 515, 516.
- Мацапура Николай Иванович — 566.
- Мациевич Лев Степанович — 195, 499,
503.
- Мациевский Вацлав Александрович —
154, 497.
- Мацкевич — 455.
- Мельников Андрей Павлович — 541.
- Мельников-Печерский Павел
Иванович — 320, 406, 407, 541.
- Мертваго Павел Степанович — 256, 522.
- Мефодий — 145, 154, 159, 193, 502.
- Мешков Дмитрий Васильевич — 14, 16,
224, 225, 235, 500, 514, 517, 519.
- Мешков Михаил Федотович — 281, 526.
- Мещерский Арсений Иванович — 341,
547.
- Микешин Михаил Осипович — 6, 16,
18, 343, 346, 395, 396, 500, 563,
564, 567, 568, 577.
- Милковский Зигмундт — 189, 502.
- Миллер Иван — 345.
- Миллот — 164.
- Милютин Николай Алексеевич — 409.
- Минаев Дмитрий Дмитриевич — 7.
- Михайлов Владимир Алексеевич — 300,
533.
- Михайлов Григорий Карпович — 67, 76,
476, 480, 481.
- Михайлов Лев Андреевич — 304, 536.
- Михайлов Михаил Илларионович —
17, 351, 553.
- Михальский Алексей Григорьевич —
523.
- Мицкевич Адам Бернард — 11, 107, 108,
109, 196, 297, 346, 396, 399, 499.
- Мокрицкая (Свечка) Мария Львовна —
344, 410.
- Мокрицкий Аполлон Николаевич — 8,
67, 204, 312, 339, 468, 473, 475,
476, 477, 478, 480, 537, 549.
- Мокрицкий Иван Николаевич — 344,
410, 549, 571.
- Мокрицкий-Таволга Петр Николаевич—
577.
- Молчановский Н.— 553.
- Момбелли Николай Александрович —
10, 212, 507.
- Монастырский Владислав Иосифович —
459, 461, 579, 580.
- Монтвид Дмитрий Григорьевич — 13,
236, 519.
- Моношко Станислав — 300.
- Мордовцев (Мордовец) Даниил
Лукич — 7, 18, 402, 404, 469, 541,
565, 566.
- Марни — 301.
- Москвин Федор Павлович — см.
Арсений.
- Московчиха Василиса — 465.
- Мостовский Мацей Валентиевич — 279,
297, 524, 526.
- Моцарт Вольфганг Амадей — 332.
- Мульерон (Муильрон) Адольф — 431,
574.
- Муравьев Александр Николаевич — 316,
317, 318, 320, 321, 540, 541.
- Муравьев Михаил Николаевич — 222,
300.
- Муравский Игнатий Францевич — 313,
538, 539.
- Мурильо Бартоломе-Эстебан — 341, 342,
548, 572.
- Мусины-Пушкины — 342.
- Мхитаров Минея Мхитарович — 537.
- Мюнстер Александр Эрнестович — 126,
350, 551.
- Мясоедов Григорий Григорьевич — 341.
- Набатов Андрей Павлович — 344.
- Навроцкий Александр Александрович —
496, 503.

- Назаревский Александр Адрианович — 517.
- Наливайко — 158, 539.
- Наталка Полтавка — см. Симонова Н. М.
- Н. Д. Н.— см. Новицкий Николай Дементиевич.
- Недоборовский Зосим Федорович — 198, 425, 572.
- Незабытовский Степан Андреевич — 314, 539.
- Некрасов Николай Алексеевич — 346, 347, 349, 359, 446, 447, 478, 487, 518, 550, 578.
- Нессельроде Карл Васильевич — 411, 512.
- Нестеровский Иван Федорович — 23, 39, 469.
- Нестор Летописец — 388.
- Несторов — см. Лоди (Лодий) А. П.
- Неф Тимофей Андреевич — 341.
- Неупокоева Ирина Григорьевна — 560.
- Никитенко Александр Васильевич — 83, 84, 346, 483, 484, 489, 550.
- Николай I — 16, 93, 98, 142, 185, 226, 278, 296, 298, 300, 301, 393, 489, 498, 513, 519, 531, 533, 563.
- Николай — 373.
- Николай Павлович — см. Николай I.
- Никольский Сергей Родионович — 281, 282, 295, 349, 525.
- Нимрод — 161.
- Нина — 400.
- Ничипоренко (Нечипоренко) Андрей Иванович — 444, 577.
- №№ — см. Герн К. И.
- Новиков Николай Иванович — 546.
- Новицкий Карл — 539.
- Новицкий Николай Дементиевич — 13, 267, 419, 522, 523, 551, 569, 571.
- Номис — см. Симонов М. Т.
- Нудатов Эраст Васильевич — 14, 237, 238, 239, 240, 241, 243, 245, 508, 519.
- Обручев Константин Михайлович — 289, 523, 528.
- Оболонский Александр Александрович — 5, 551, 569.
- Обручев Владимир Афанасьевич — 215, 217, 218, 220, 221, 222, 225, 226, 232, 236, 238, 239, 240, 247, 253—256, 263, 266, 271, 296, 508, 509, 512, 517.
- Обручева Матильда Петровна — 511.
- Обручевы — 511, 518.
- Обрядин Петр Иванович — 280, 525.
- Овсянников Павел Абрамович — 338, 501, 541.
- Огарев Николай Платонович — 17, 478, 565.
- Огрызко Иосафат Петрович — 534.
- Огронович Анна Корнеевна — 97, 488.
- Одоевский Владимир Федорович — 84.
- Олдридж Айра Фредерик — 16, 332, 333, 342, 397, 398, 415, 416, 544, 548, 564, 568.
- Олег — 388.
- Опанасиха — 372.
- Оришка — 357, 358.
- Орлов Алексей Федорович — 145, 155, 156, 158, 160, 184, 493, 512.
- Осипов Николай Осипович — 330, 532, 544.
- Основьяненко — см. Квитка-Основьяненко Г. Ф.
- Островский Александр Николаевич — 15, 277, 346, 347, 348, 523, 550.
- Павлик Михаил Иванович — 530.
- Павлов Иван Васильевич — 518.
- Павлюк Николай Николаевич — 158, 528, 532.
- Паганини Никколо — 436.
- Паламарчук Глафира Петровна — 530, 568.
- Палаузов Спиридон Николаевич — 487.
- Палий Семен Филиппович — 161, 406, 551.
- Панаев Иван Иванович — 9, 72, 84, 447, 478, 578.
- Пантелеев Лонгин Федорович — 18, 347, 348, 349, 350, 550, 552.
- Панютин — 464.
- Пархоменко Вакула — 366.
- Парчевский Никодим Павлович — 34, 35, 354, 355, 367, 372, 373, 471, 558, 580.
- Паскевич-Эриванский Иван Федорович — 154.
- Паульсен Р.— 568.
- Пашковская Варвара Матвеевна — 555.
- Пелевин Иван Андреевич — 341.
- Пелешук — 466.
- Пелешук Афанасий — 466.
- Перепелюков Андрей Михайлович — 289.

- Перехрист — 366, 368.
 Перов Василий Григорьевич — 341.
 Перовский Василий Алексеевич — 280,
 283, 285, 298, 299, 300, 301, 302, 308,
 316, 525, 532, 534, 536, 566, 575.
 Перовский Лев Алексеевич — 525.
 Петерсон Лидия Викторовна — 490.
 Петкевич Антоний — 189, 502.
 Петр I — 160, 394, 398, 399, 547.
 Петрашевский — см. Буташевич-
 Петрашевский М. В.
 Петров Алексей Михайлович — 154,
 183, 184, 497, 499, 501.
 Петров Николай Иванович — 96.
 Петров Осип Афанасьевич — 84.
 Петров Петр Николаевич — 54, 547.
 Петровская Прасковья Степановна —
 477.
 Петровские — 477.
 Петровский Петр Степанович — 68, 77,
 78, 477, 480, 474.
 Печерский Андрей — см. Мельников-
 Печерский Павел Иванович.
 Пешель — 260.
 Пешехонов Макар Самсонович — 62,
 475.
 Пивоваренко — 411, 567.
 Пильчиков Дмитрий Павлович — 183,
 501.
 Пименов Николай Степанович — 341,
 343, 410, 418, 549.
 Писарев Дмитрий Иванович — 64, 207.
 Писарев Николай Эварестович — 130,
 158, 207.
 Писемский Алексей Феофилактович —
 347, 348, 351, 539, 552.
 Пискунов Ф. О. — 13, 15, 295, 529.
 Пиунов Борис Семенович — 324.
 Пиунова Анастасия Ивановна — 322.
 Пиунова (Шмидтгоф) Екатерина
 Борисовна — 322—329, 500,
 534, 542, 563, 566.
 Пиунова Феона Ивановна — 323, 325.
 Плачинда Владимир Петрович — 485.
 Плетнев Петр Александрович — 140,
 141, 142, 144—146, 153, 157, 496,
 548.
 Плешанов Павел Федорович — 341.
 Плещеев Алексей Николаевич — 17,
 300, 304, 441, 518, 533, 536, 543, 577.
 Плуг Адам — см. Петкевич Антоний.
 Плюшар Адольф Александрович — 80,
 482.
 Погожев Василий Николаевич — 543.
 Подберезский-Друцкий Ромуальд — 86,
 485, 534.
 Подкова Иван — 365.
 Подоский Эдвард — 351, 352, 553.
 Пожалостин Иван Петрович — 340, 341.
 Полевой Николай Алексеевич — 31, 83,
 470.
 Политковский Всеволод Гаврилович —
 208.
 Полонский Леонид Александрович —
 407, 566.
 Полонский Яков Петрович — 6, 7, 16,
 342, 347, 349, 351, 393, 410, 552, 560,
 561, 563.
 Полотай Ангелина Михайловна — 530.
 Полубинский Владислав — 534.
 Полусмакова (Полусмак) Ликерия
 Ивановна — 334, 343, 373, 374, 375,
 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383,
 384, 385, 386, 392, 399, 429,
 471, 499, 500, 544, 545, 555,
 559, 562, 564, 573.
 Помяловский Николай Герасимович —
 399, 564.
 Пономарев Федор Павлович — 8, 77,
 479, 480.
 Попов Александр Павлович — 341.
 Поселов Ксенофонт Егорович — 218,
 257, 263, 264, 271, 272, 273, 299, 510.
 Поссе — 287.
 Поставский Даниил Кириллович — 48.
 Постников — 344.
 Посяда Иван Яковлевич — 503.
 Потапов Меркул Матвеевич — 273, 274,
 275, 516.
 Поттер Поль — 68, 476.
 Потемкин-Таврический Григорий
 Александрович — 38, 471.
 Похитонов Григорий Данилович — 347.
 Почешев Герман — 509.
 Почин Михаил — 345.
 Превлоцкий Исидор — 40.
 Превлоцкий Степан Степанович — 40,
 56, 472, 493.
 Прейс Петр Иванович — 142, 153, 496.
 Претвичи — 140.
 Прехтель Степан Осипович — 59, 474.
 Прибытков Павел Иванович — 234, 517.
 Приймак Наталия Львовна — 476.
 Прокопович Николай Яковлевич — 70,
 72, 477, 480.
 Пронин И. — 527.

- Прохор — 365.
 Прюм Франсуа — 83.
 Псел Александра Ивановна — 571.
 Псел Глафира Ивановна — 95.
 Пукирев Василий Владимирович — 341, 547.
 Пурлевский Савва Дмитриевич — 362, 363.
 Пуссен Никола — 68, 71, 476.
 Путята Николай Васильевич — 69, 477.
 Пушкирь Пантелеймон — 466.
 Пушкин Александр Сергеевич — 5, 8, 13, 17, 67, 73, 74, 98, 144, 145, 146, 150, 151, 160, 164, 167, 187, 342, 392, 394, 399, 471, 477, 478, 480, 497, 498, 542, 548, 562, 563.
 Пущин Иван Иванович — 5, 546.
 Пущина (Нина) Анна Ивановна — 546.
 Пыпин Александр Николаевич — 17, 18.
 Пьяный Григорий — 28.

 Рагоза Федор — 209.
 Радзейовский Павел — 539.
 Разуманов — 308, 309, 537.
 Разумановы — 537.
 Разумовские — 488.
 Разумовский Кирилл Григорьевич — 95, 96, 488.
 Разумовская — см. Репнина В. А.
 Раим — 241, 254, 521.
 Ракович Михаил Александрович — 83, 483.
 Раковичи — 83.
 Ракоци Ференц — 196, 504.
 Рамазанов Николай Александрович — 84, 480.
 Рафаэль Санти — 71, 340.
 Резанов Александр Иванович — 576.
 Резанов Виктор Михайлович — 577.
 Реймерс Иван Иванович — 341.
 Рейсдал Якоб ван — 68, 476.
 Рейсер Соломон Абрамович — 550.
 Рембрандт Гарменс ван Рейн — 100, 296, 340, 345, 413, 546, 547, 563.
 Рени Гвидо — 68, 476.
 Реут Винцент — 87.
 Репин Илья Ефимович — 350, 551.
 Репнин Василий Васильевич — 487.
 Репнин Василий Николаевич — 93, 488.
 Репнин Николай Григорьевич — 90, 93, 94, 96, 486, 487.
 Репнин Николай Васильевич — 93.
 Репнина Варвара Алексеевна — 93, 488, 497.
 Репнина Варвара Васильевна — 487.
 Репнина Варвара Николаевна — 17, 90, 93, 94, 95, 96, 126, 217, 221, 299, 339, 487, 497, 509, 511, 512, 532, 534, 546.
 Репнина Елизавета Петровна — 93, 488.
 Репнины — 90, 91, 93, 94, 488.
 Ригельман Николай Аркадьевич — 83, 483.
 Римский-Корсаков Александр Михайлович — 471.
 Робильяр — 418.
 Ровинский Дмитрий Александрович — 395, 563.
 Рогов Кузьма Васильевич — 99, 490.
 Родзевич А. И. — 315, 317, 318, 540.
 Родзянко Аркадий Гаврилович — 9.
 Роллан Ромен — 5.
 Руадзе — 349, 520.
 Рубенс Питер-Пауэл — 68, 476.
 Руданский Степан Васильевич — 473.
 Русов Александр Александрович — 560, 561, 563.
 Руставели Шота — 401, 564.
 Рыба Надежда Николаевна — см. Забела Н. Н.
 Рыжой — 280.
 Рылеев Кондратий Федорович — 480, 483.
 Рымаренко Стефан Алексеевич — 476.

 С—а — см. Солонина (Солонин) З. К.
 С—кий — 204.
 Сабай К. — 55.
 Савич Николай Иванович — 183, 195, 196, 499, 503.
 Савичев Никита Федорович — 7, 13, 15, 303, 535, 536, 537.
 Савченко — см. Сухорукова А. С.
 Сагайдачный (Конашевич) Петр Кононович — 415.
 Сажин Михаил Макарович — 116, 134, 493, 499.
 Салецкий — 240.
 Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович — 17, 403, 446, 518, 542, 565.
 Салтыкова (Строганова) Е. П.— 69, 477
 Самарин Иван Васильевич — 323.
 Самойлов Степан Никифорович — 89, 463, 487, 581.

- Самойлова (Макшеева) Надежда Васильевна — 326, 542.
- Санназар Джакобо (Санназаро Якопо) — 103, 492.
- Сапожников Александр Александрович — 314, 315, 539, 540.
- Сапожников Александр Петрович — 539.
- Сапожников Алексей Петрович — 314, 539.
- Сапожниковы — 539.
- Сарти Джузеппе — 48, 473.
- Сауляк Мария — 556.
- Сахнов (Сахно) Андрей — 266.
- Сверчков Владимир Дмитриевич — 341.
- Светличный Никифор — 464.
- Свешников О. Л. — 98.
- Свидзинский Константин — 140, 184, 496, 501.
- Свидницкий Анатолий Патрикеевич — 473.
- Себастьян — 77.
- Селецкий Петр Дмитриевич — 93, 472, 488.
- Селюк Моисей — 365.
- Семевский Михаил Иванович — 11, 170, 499.
- Семен — 411.
- Сенковский Осип Иванович — 73, 83, 84, 103, 478, 491.
- Сенчилло-Стефановский Алексей Флорович — 200, 203, 505, 506.
- Сераковский Сигизмунд (Зигмунт) Игнатъевич — 188, 197, 218, 219, 299, 300, 301, 302, 337, 502, 510, 511, 533, 535, 552.
- Серве Адриенн-Франсуа — 82, 83, 483.
- Серета Елизавета Емельяновна — 467, 549.
- Серета Николай Акимович — 518.
- Середницкий Евстафий Фаддеевич — 298, 532.
- Серяков Лаврентий Авксентьевич — 77, 480.
- Сиверс Н. П. — 481.
- Симиренко Лев Платонович — 556.
- Симиренко Платон Федорович — 360, 361, 362, 363, 422, 555, 556, 557.
- Симиренко Татьяна — 556.
- Симиренко Федор Степанович — 362, 556.
- Симонов Матвей Терентьевич — 431, 559.
- Симонова Мария Матвеевна — 376, 559.
- Симонова (Кибальчич) Надежда Матвеевна — 375, 559.
- Сипягин — 495.
- Скобелев — 280, 525.
- Скобелев Иван Никитович — 202.
- Сковорода Григорий Саввич — 24.
- Скоропадский Петр Петрович — 10.
- Скотт Вальтер — 477.
- Смалько Дмитрий — 36.
- Смирнов — 555.
- Смирнов-Сокольский Николай Павлович — 576.
- Смоктый А. — 364, 369, 372, 462, 557.
- Смоляк Надежда Ираклиевна — см. Ускова Н. И.
- Соболевский Сергей Александрович — 73, 83, 478.
- Сова Антоний — см. Желиговский Э.
- Соваж — 542.
- Соколов — 78.
- Соколов Иван Иванович — 341, 410, 491, 547, 556.
- Соколов (Соколенко) Николай Максимович — 425.
- Соколов (Соколенко) Петр Максимович — 423, 424, 425, 571.
- Соколов (Соколенко) Федор Максимович — 425.
- Соколова (Соколенко) Агриппина Максимовна — 423, 424.
- Соколова (Соколенко) Дарья Максимовна — 424, 571.
- Соколовский Владимир Игнатъевич — 70, 98, 478.
- Сократ — 497.
- Соллогуб Владимир Александрович — 84.
- Солонина (Солонин) Захарий Константинович — 202, 505.
- Солтановский Автоном Акимович — 505.
- Сонцев (Солнцев) Андрей Александрович — 393.
- Сорокин Евграф Семенович — 521.
- Сосницкий Иван Иванович — 84.
- Софийский — 409, 410.
- София К. из Бжозувки — см. Штруг де.
- Сохнов — 266.
- Сошенко Иван Максимович — 8, 19, 20, 25, 40, 41, 50—53, 55—57, 59,

- 62—65, 68, 171, 358, 359, 448, 454,
468, 472, 474, 478, 499, 555.
- Сошенко Марцелина Тимофеевна
(Сошиха) — 359, 454.
- Спасович Владимир Данилович — 187,
188.
- Сперанский Михаил Михайлович —
286.
- Спешнев Николай Александрович —
561.
- Сребдольская Юлия Григорьевна — 200,
505.
- Сребдольские — 200, 201, 505.
- Срезневский Измаил Иванович — 153,
492, 497.
- Станевич Ян — 218, 510.
- Стариков — 229.
- Стариков Михаил Васильевич — 341.
- Старов Николай Дмитриевич — 416,
417, 568.
- Стасов Владимир Васильевич — 18.
- Стендаль — 5.
- Степаненко В.— 466.
- Степанов Николай Александрович — 84.
- Степанов Петр Александрович — 84.
- Степановы — 84.
- Стороженко — 96, 488.
- Стефаник Василий Семенович — 530.
- Стороженко Алексей Петрович — 350,
425, 551.
- Стороженко Андрей Владимирович —
488.
- Стороженко Андрей Яковлевич — 497.
- Стороженко Николай Владимирович —
488.
- Стоянов Александр Ильич — 425, 579.
- Строганов Александр Григорьевич — 93,
488.
- Строганова Е. П.— см. Салтыкова Е. П.
- Струговщиков Александр Николаевич —
9, 10, 82, 83, 84, 347, 483, 484.
- Струйский Дмитрий Юрьевич — 84.
- Суханов-Подколзин Борис Гаврилович—
18, 410, 563, 564, 567, 568.
- Суханов-Подколзин Гавриил
Гаврилович — 568.
- Суханова Наталия Борисовна — 343,
395, 410, 567, 568.
- Сухозанет Николай Онуфриевич — 405.
- Сухоруков Филат Осипович — 289.
- Сухорукова Александра Степановна —
289, 292.
- Сухоставская — 183.
- Сухоставские — 171, 183.
- Сухоставский — 170.
- Сухтелен Павел Петрович — 335.
- Т.— 254.
- Табачников Василий Александрович —
47, 355, 554, 557.
- Таволга-Мокрицкий П.— см.
Мокрицкий-Таволга П. Н.
- Тагор Рабиндранат — 5.
- Тамара — 410, 564.
- Тамберлинк Энрико — 176.
- Тарновская Надежда Васильевна —
130, 429, 444, 466, 573, 581.
- Тарновские — 83.
- Тарновский Василий Васильевич
(младший) — 129, 293, 407, 466,
494, 528, 562, 568, 580.
- Тарновский Василий Васильевич
(старший) — 129, 130, 199, 466, 494,
504, 573.
- Тарновский Григорий Степанович —
80, 131, 200, 504.
- Тарновский Яков Васильевич — 573.
- Татарчук Агриппина — 126.
- Татарчук Арсений — 125, 126, 494.
- Татарчуки — 125, 126, 128.
- Тельмешенко Аксентий — 365.
- Тельнов — 202.
- Тенирс (Теньер) Давид Младший — 340.
- Терехов М. М.— 514, 517.
- Терещенко Оксана Антоновна — 468.
- Терещенко Степан Калининкович — 23.
- Терлецкий — 128.
- Терпигорев Сергей Николаевич — 445,
578.
- Тиблен Николай Львович — 431, 574.
- Тимон Афинский — 149, 150, 497.
- Тиша-Тишинский Александр
Григорьевич — 506.
- Ткаченко Федот Леонтьевич — 8, 67, 74,
101, 428, 475, 479, 573.
- Тобиас — 345.
- Толмачев Афанасий Емельянович —
295, 508, 530.
- Толстая Анастасия Ивановна — 337,
338, 339, 340, 342, 544, 545, 548.
- Толстая Екатерина Федоровна — см.
Юнге Е. Ф.
- Толстой Алексей Константинович —
408, 534, 566.
- Толстой Лев Николаевич — 5.
- Толстой Павел Матвеевич — 83, 484.

- Толстой Федор Петрович — 17, 71, 82—84, 176, 181, 186, 330, 337, 340, 341, 342, 343, 344, 544, 547, 548, 549, 563, 578.
- Толстые — 82, 83, 393, 397, 408, 412, 427, 544, 545, 548, 567, 568, 578.
- Толь Карл Федорович — 83, 484.
- Тон Александр Андреевич — 555.
- Тон Константин Андреевич — 341.
- Торквемада — 157.
- Тракин Александр Семенович — 497.
- Трейбер — 70, 477.
- Трепов Дмитрий Федорович — 492.
- Трепов Федор Федорович — 492.
- Третьяк Юзеф — 534.
- Тризна Роман Дмитриевич — 451, 579.
- Трипольский Виктор Андреевич — 68, 476.
- Трифиллия — 40.
- Тройницкий Александр Григорьевич — 196, 405, 408, 503.
- Тропинин Василий Андреевич — 59, 60.
- Трощинский Дмитрий Прокофьевич — 96.
- Трубцкой Сергей Васильевич — 301, 533.
- Трунов Петр Лонгинович — 439, 576.
- Трутовский Константин Александрович — 350, 547, 551.
- Тулуб Александр Данилович — 496, 503.
- Тургенев Иван Сергеевич — 5, 6, 7, 16, 17, 285, 347, 348, 374, 390, 411, 431, 446, 478, 483, 527, 560—563, 569, 571.
- Турно Людвик Сигизмундович — 218, 219, 225, 296, 300, 302, 309, 510, 514, 535.
- Тыранов Алексей Васильевич — 69, 476.
- Тышкевич Константин Пиевич — 193, 302, 535.
- Тышкевичи — 193.
- Тютчев Николай Николаевич — 223.
- Уваров Алексей Сергеевич — 287, 336, 487.
- Уваров Сергей Семенович — 497, 516.
- Уманец Федор Михайлович — 293.
- Умирбаев Эсбол — 528.
- Урусов Павел Александрович — 116, 526.
- Усков Александр Ираклиевич — 526.
- Усков Дмитрий Ираклиевич — 282, 526.
- Усков Ираклий Александрович — 16, 279, 280, 283—292, 294, 298, 314, 316, 317, 343, 523—527, 530, 540, 549.
- Ускова Агафья Емельяновна — 15, 279, 287, 524, 526, 528.
- Ускова Надежда Ираклиевна — 527, 528.
- Ускова Наталья Ираклиевна — 282, 283, 285, 286, 287, 288, 289, 524, 526, 527.
- Усковы — 13, 286, 287, 288, 528.
- Уткин Николай Иванович — 340, 341, 546.
- Фантон де Веррайон Михаил Львович — 530.
- Феврония — 40.
- Федор — 381, 382, 384.
- Федор Ефимович — см. Гаганов Ф. Е.
- Феодора — 358.
- Федяев Лонгин Иванович — 234, 235, 238, 519.
- Филарет — 40, 90, 204.
- Фицтум фон Экштедт Александр Иванович (Шефлер) — 553.
- Фишер Оттон Людвигович — 224, 514.
- Фишер Фердинанд Федорович — 94, 488.
- Флиорковский Валерий Эразмович — 345, 419, 420, 421, 430, 444, 569, 570, 571.
- Фома — 211, 333, 408.
- Форгач Сим.— 196, 197, 504.
- Франко Иван Яковлевич — 5, 530.
- Франц II Ракоши — см. Ракоци Ференц.
- Фрейман Густав Антонович — 281, 300, 526, 533.
- Фролов Алексей Егорович — 15, 295, 529, 530.
- Фукс В. А.— 411.
- Фуры Франсуа-Мари-Шарль — 556.
- Ханыков Александр Владимирович — 15, 229, 230, 300, 304, 516, 536.
- Харита — см. Довгополенко Харитина Васильевна.
- Хартахай Феоктист Абрамович — 577.
- Хижняк — 424.
- Хинкулов Леонид Федорович — 529, 535.
- Хлебников Николай Петрович — 236, 518.
- Хмельницкий А. — 407, 566.

- Хмельницкий Богдан (Зиновий)
Михайлович — 184, 190, 342, 498,
502, 548.
- Хмельницкий Юрий Богданович — 190,
502.
- Ходнев Алексей Иванович — 347.
- Хомяков Алексей Степанович — 445.
- Хонели Мосе — 401, 564.
- Хорошевский Владислав Юлианович —
187, 433, 577.
- Хоткевич Игнатий Мартынович — 8.
- Хропаль Алексей Иванович — 360,
361, 362, 363, 556, 557.
- Хропаль Екатерина Алексеевна — 557.
- Хрущева Наталья Александровна —
558.
- Худяков Василий Григорьевич — 341.
- Цветковский Юрий Юрьевич — 523.
- Цейзик Михаил Игнатьевич — 296,
298, 531.
- Ценковский Лев Семенович — 347.
- Церетели Акакий Ростовович — 16,
400, 564, 565.
- Циммерман Александр Йоганн — 341.
- Цыбисов Михаил Васильевич — 244,
245, 520.
- Цыбисова Анастасия Михайловна —
244, 520.
- Чабров Георгий Николаевич — 518.
- Чаганов Федор Ефимович — 310, 537.
- Чайковский Михал — 80, 482.
- Чалая (Чалыха) — 454.
- Ч(алый) Савва — см. Чалый М. К.
- Чалый Михаил Корнеевич — 6, 8, 38, 40,
41, 50, 78, 80, 81, 209, 210,
329, 333, 334, 343, 352, 360, 410,
411, 415, 416, 449, 450, 452, 468, 469,
472, 473, 481, 506, 508, 525, 526,
527, 553, 555, 556, 557, 567, 578,
579.
- Чахрухадзе — 401, 564.
- Чельцов Федор Иванович — 539.
- Черепяхин Елисей Григорьевич — 409,
410, 556.
- Черненко Федор Иванович — 427, 428,
429, 430, 549, 572, 573, 580.
- Чернецов Григорий Григорьевич —
341.
- Чернецов Никанор Григорьевич — 341.
- Чернецовы — 341.
- Чернышевский Николай Гаврилович —
17, 18, 348, 386, 406, 408, 431,
483, 502, 522, 537, 550, 551, 559,
561, 565, 574, 576.
- Чернышов Александр Иванович — 254,
512.
- Чернышов Алексей Филиппович —
341, 518, 547.
- Чернышов Матвей Филиппович — 254,
521.
- Черторогов Даниил — 470.
- Честаховский Григорий Николаевич —
16, 18, 49, 75, 204, 369, 372, 373, 423,
426, 448, 449, 450, 452, 455, 457, 479,
558, 571, 579, 580.
- Чиж — 214.
- Чижов Федор Васильевич — 82, 83,
214, 484.
- Чоповский Яков — 30.
- Чубинский Павел Платонович — 577.
- Чужбинский А. — см. Афанасьев-Чуж-
бинский А. С.
- Шавтели Иоане — 401, 564.
- Шалевич Титус — 539.
- Шафарик Павел Йосеф — 89, 485,
487, 496.
- Шаховской Александр Александров-
вич — 322.
- Шебуев Василий Кузьмич — 71, 85.
- Шевченки — 23.
- Шевченко Андрей Варфоломеевич —
33.
- Шевченко Варфоломей Григорьевич —
6, 7, 8, 20, 27, 41, 65, 66, 201, 240, 334,
353, 354, 362, 366, 367, 368, 420, 421,
439, 448, 451, 454, 468—470, 545,
553, 554, 557, 558, 563.
- Шевченко Григорий Иванович — 22,
468, 469.
- Шевченко Иван Андреевич — 469, 482
- Шевченко Ирина Григорьевна — см.
Бойко И. Г.
- Шевченко Екатерина Акимовна — 468.
- Шевченко Екатерина Григорьевна —
см. Красицкая Е. Г.
- Шевченко Мария Григорьевна — 468.
- Шевченко Мотрона Григорьевна — 468.
- Шевченко Никита Григорьевич — 22,
25, 29, 30, 32, 45, 53, 305, 306, 345,
448, 468.
- Шевченко Осип Григорьевич — 22,
30, 66, 345, 448, 468, 469.
- Шевченко Павел Иванович — 52, 469.
- Шевчук Василий Андреевич — 6.

- Шекспир Уильям — 150, 305, 375, 417, 427, 497, 536, 544.
- Шереметев Г. Д. — 83.
- Шереметев Дмитрий Николаевич — 83, 483.
- Шереметев Николай Петрович — 83, 483.
- Шефлер — см. Фицтум фон Экштедт А. И.
- Шигарин Николай Д. — 7, 11, 205, 506.
- Шимков Иван Федорович — 492.
- Шиллер Йоганн Фридрих — 12, 165.
- Широков — 335.
- Широцкий Константин Витальевич — 471.
- Ширяев Василий Григорьевич — 8, 19, 41, 56, 472, 475, 476.
- Шифляр С. — 55.
- Шишкин Иван Иванович — 478.
- Шкуп Владислав Адамович — 240, 520.
- Шлиппенбах Павел Антонович — 541.
- Шмидтгоф Эвелина Карловна — 322.
- Шмидтгоф Максимилиан Карлович — 329, 543.
- Шмидтгоф Николай Максимилианович — 322, 534, 542, 543.
- Шмидтгофы — 543.
- Шопен Фредерик Францишек — 110, 332, 436.
- Шостка Александра Ивановна — 96, 97, 487, 488.
- Шпергаазе — 549.
- Шпилевой — см. Селюк Моисей.
- Шрейбер Иван Петрович — 217, 237, 246, 249, 251, 255, 477, 521, 522.
- Шрейдерс Константин Антонович — 16, 317, 318, 319, 320, 338, 540, 541.
- Штакеншнейдер Андрей Иванович — 552.
- Штакеншнейдер Елена Андреевна — 18, 351, 552.
- Штанько Федор — 38.
- Штейнгель Владимир Иванович — 548.
- Штерич — 84.
- Штер Карл — 83, 84, 483, 484.
- Штернберг Василий Иванович — 28, 70, 71, 75, 76, 81, 82, 83, 99, 131, 308, 310, 474, 477, 479, 482, 536, 567.
- Штрандман Роман Романович — 10.
- Штрунг де — 301, 534.
- Шубравский Василий Ефремович — 18.
- Шувалов Петр Андреевич — 344, 508, 549.
- Шугуров Николай Васильевич — 514, 558.
- Шуляк (Шулячивна) Наталия Романовна — 35, 470, 471.
- Шульц Лев Петрович — 238, 239, 255.
- Щедрин С. Ф. — 84.
- Щепкин Николай Михайлович — 9, 546.
- Щепкин Михаил Семенович — 9, 12, 88, 223, 320, 321, 323, 324, 325, 326, 327, 331, 339, 486, 541, 542, 543, 544, 546, 571.
- Щербина Демьян Михайлович — 200.
- Щербина Николай Федорович — 410.
- Щурат Василий Григорьевич — 196, 504.
- Эйсмонт Густав Карлович — 245, 520.
- Эйснер Петр — 577.
- Эккельн Лев Филиппович — 299, 532.
- Эмбер Шарль — 341.
- Энгельгардт Андрей Васильевич — 471.
- Энгельгардт Василий Васильевич (отец) — 20, 26, 38, 39, 471.
- Энгельгардт Василий Васильевич (сын) — 471.
- Энгельгардт Павел Васильевич — 30, 38, 40, 41, 81, 303, 469, 471, 474.
- Энгельгардт София Григорьевна — 474.
- Эрасси Михаил Спиридонович — 341.
- Юдин Павел Львович — 515.
- Южаков Егор Дмитриевич — 577.
- Юзефович Владимир Михайлович — 129, 494.
- Юзефович Михаил Владимирович — 42, 129, 154, 472, 494, 497.
- Юнге (Толстая) Екатерина Федоровна — 16, 329, 544, 545, 568.
- Юнге Эдуард Андреевич — 544.
- Юскевич-Красковская Елизавета Ивановна — 360.
- Юскевич-Красковский Иван Данилович — 360, 555.
- Юшков Н. Ф. — 542.

- Яблоновский Александр Валериан — 194, 503.
- Яблонский Адольф Иосифович — 302, 535.
- Ядринцев Н. — 550.
- Языков Николай Михайлович — 73, 346.
- Языков Михаил Александрович — 72, 73, 478.
- Якоби Валерий Иванович — 341.
- Якобсон — 345.
- Яковлев — 471.
- Яковлев — 344.
- Яковлев Владимир Алек.— 196, 503.
- Якушкин Евгений Иванович — 546.
- Якушкин Иван Дмитриевич — 5.
- Якушкин Павел Иванович — 176, 203, 339, 451, 579.
- Яненко Яков Феодосиевич — 83, 84.
- Ясенчик Юлиан — см. Яблонский А. И.
- Ятовт Максимилиан — 536.
- Яхненко Кондратий Михайлович — 360, 361, 362, 363, 555, 556.
- Яцок Владимир Макарович — 528.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>В. Шубравский</i>	5
<i>А. М. Лазаревский</i> Материалы для биографии Т. Г. Шевченка	19
<i>Г. В. Бондаренко</i> Несколько новых штрихов к биографии Т. Г. Шевченка	27
<i>В. Г. Шевченко</i> Воспоминания о Тарасе Григорьевиче Шевченко	27
<i>П. Г. Лебединцев</i> Тарас Григорьевич Шевченко	38
<i>Ф. Г. Лебединцев</i> Мимолетное знакомство мое с Т. Г. Шевченко и мои об нем воспоминания	43
<i>М. К. Чалый</i> Новые материалы для биографии Т. Г. Шевченка	50
<i>И. К. Зайцев</i> Воспоминания старого учителя	67
<i>А. Н. Мокрицкий</i> Дневник (Отрывки)	67
<i>И. И. Панаев</i> Литературные воспоминания (Отрывок)	72
<i>Е. А. Ганненко</i> Новые материалы для биографии Т. Г. Шевченка (Отрывок)	74
<i>Г. Н. Честаховский</i> Из воспоминаний Т. Г. Шевченко	75
<i>Ф. П. Пономарев</i> Тарас Григорьевич Шевченко (1814—1861 гг.)	77
<i>П. И. Мартос</i> Эпизоды из жизни Шевченка	78
<i>Н. А. Маркевич</i> Дневник (Отрывки)	81
<i>А. Н. Струговщиков</i> Михаил Иванович Глинка. 1839—1841 (Отрывки)	83
<i>Д. В. Григорович</i> Литературные воспоминания (Отрывок)	86
<i>Р. А. Земкевич</i> Тарас Шевченко и белорусы	86

<i>А. О. Козачковский</i>	
Из воспоминаний о Т. Г. Шевченке	88
<i>П. Д. Селецкий</i>	
Записки (Отрывок)	93
<i>Стороженко</i>	
Эпизод из жизни Т. Г. Шевченка	96
<i>И. Т. Лысенков</i>	
Воспоминания в прошедшем времени о книгопродавцах и авторах (Отрывки)	98
<i>В. В. Ковалев</i>	
Воспоминания о Т. Г. Шевченко	99
<i>А. С. Афанасьев-Чужбинский</i>	
Воспоминания о Т. Г. Шевченко	101
<i>В. Л. Беренштам</i>	
Т. Г. Шевченко и простолюдины, его знакомцы	124
<i>В. В. Тарновский</i>	
Мелочи из жизни Шевченка	129
<i>В. И. Аскоченский</i>	
И мои воспоминания о Т. Г. Шевченке	133
<i>П. А. Кулиш</i>	
Жизнь Кулиша (Отрывки)	139
<i>П. А. Кулиш</i>	
Историческое повествование	143
<i>Н. И. Костомаров</i>	
Воспоминание о двух малярах	162
<i>Н. И. Костомаров</i>	
Письмо к издателю-редактору «Русской старины» М. И. Семевскому	170
<i>Н. И. Костомаров</i>	
Воспоминания о Шевченко	180
<i>Н. И. Костомаров</i>	
Автобиография (Отрывки)	183
<i>Ю. Белина-Кенджицкий</i>	
В Киеве у Шевченко в 1846 году	189
<i>Л. С. Мацевич</i>	
Николай Иванович Савич (Отрывок)	195
<i>В. Г. Щурат</i>	
Шевченко о Галиции 1846 г.	196
<i>Н. М. Белозерский</i>	
Тарас Григорьевич Шевченко по воспоминаниям разных лиц (1831—1861 гг.)	198
<i>Н. Д. Шигарин</i>	
Воспоминания киевлян о Шевченке и его времени (Отрывок)	205

<i>В. Ф. Демич</i>	
Тарас Григорьевич Шевченко. К его биографии. 1847 г.	209
<i>А. Л. Костомарова</i>	
Воспоминания (Отрывок)	211
<i>Н. А. Момбелли</i>	
Записки (Отрывок)	212
<i>Ф. М. Лазаревский</i>	
Т. Г. Шевченко в Оренбурге	214
<i>М. М. Лазаревский</i>	
Из воспоминаний о Т. Г. Шевченко	223
<i>А. И. Матов</i>	
Тарас Григорьевич Шевченко в ссылке	227
<i>А. И. Матов</i>	
Воспоминания о Т. Г. Шевченко	233
<i>К. И. Герн</i>	
Т. Г. Шевченко	234
<i>Д. Г. Клеменсов</i>	
Что-то из жизни Т. Г. Шевченко в Раиме	236
<i>А. И. Макшеев</i>	
Путешествия по Киргизским степям и Туркестанско- му краю	246
<i>Н. Д. Новицкий</i>	
На Сырдарье у ротного командира	267
<i>А. Е. Ускова</i>	
Т. Г. Шевченко в Новопетровском укреплении	279
<i>Н. С. Заряно</i>	
Воспоминания Н. И. Усковой о Т. Г. Шевченко	283
<i>К. М. Оберучев</i>	
О пребывании Т. Г. Шевченко в Новопетровском укреплении	289
<i>И. С. Алексеев</i>	
Материалы к биографии Т. Г. Шевченка	293
<i>Ф. А. Пискунов</i>	
Воспоминания поручика Фролова о солдатской службе Шевченко в Новопетровском укреплении	295
<i>Бр. Залеский</i>	
Из заметок к письмам Шевченко	296
<i>Н. Ф. Савичев</i>	
Краткое современное знакомство с Тарасом Григорьевичем Шевченко	303
<i>В. И. Кларк</i>	
Тарас Григорьевич Шевченко в Астрахани	313
<i>Г. П. Дементьев</i>	
Т. Г. Шевченко в Нижнем Новгороде (1857—1858)	316

<i>Н. М. Шмидтгоф</i>	
Рассказы Е. Пиуновой-Шмидтгоф о Т. Г. Шевченко	322
<i>Е. Ф. Юнге</i>	
Воспоминания о Шевченко	329
<i>А. М. Лазаревский</i>	
Встречи с Т. Г. Шевченко в Петербурге	335
<i>А. А. Благовещенский</i>	
Шевченко в Петербурге (1858—1861)	337
<i>А. В. Никитенко</i>	
Т. Г. Шевченко на чествовании актера А. Е. Мартынова	346
<i>Л. Ф. Пантелеев</i>	
Из воспоминаний	347
<i>Е. А. Штакеншнейдер</i>	
Т. Г. Шевченко на литературном чтении в Пассаже	351
<i>Василь Лукич</i>	
К биографии Шевченко	351
<i>М. К. Чалый</i>	
Т. Г. Шевченко на Украине в 1859 году	352
<i>М. К. Чалый</i>	
Посещение Т. Г. Шевченко сахарного завода Яхненка и Симиренка	360
<i>Н. Ф. Беляшевский</i>	
Рассказы крестьян с. Пекарей о Т. Г. Шевченке	363
<i>В. Я. Каргашевская</i>	
К истории сватовства Шевченко	373
<i>Наталка Полтавка</i>	
Воспоминания о Т. Г. Шевченко	375
<i>Н. Г. Чернышевский</i>	
Национальная бестактность (Отрывок)	386
<i>И. С. Тургенев</i>	
Воспоминания о Шевченко	390
<i>Я. П. Полонский</i>	
Воспоминания о Шевченко	393
<i>М. О. Микешин</i>	
Воспоминания о Шевченко	396
<i>А. Р. Церетели</i>	
Мои воспоминания о Шевченко	400
<i>Данило Мордовец</i>	
Из былого и пережитого	402
<i>Н. К. Вороной</i>	
Воспоминания о Шевченко	409
<i>Б. Г. Суханов-Подколзин</i>	
Что вспомнилось о Тарасе Григорьевиче Шевченко	410

<i>Н. Д. Новицкий</i>	
К биографии Т. Г. Шевченко	419
<i>Ф. И. Каминский</i>	
Еще щепотка на могилу Шевченка	421
<i>Г. Н. Честаховский</i>	
Из воспоминаний о Т. Г. Шевченко	423
<i>З. Ф. Недоборовский</i>	
Мои воспоминания	425
<i>А. Я. Конисский</i>	
Воспоминания Ф. И. Черненко о встречах с Т. Г. Шев- ченко в Петербурге	427
<i>Л. М. Жемчужников</i>	
Из воспоминаний о Т. Г. Шевченко	430
<i>А. М. Лазаревский</i>	
Последний день жизни Т. Г. Шевченко	439
<i>Н. С. Лесков</i>	
Последняя встреча и последняя разлука с Шевченко	441
<i>С. Н. Терпигорев</i>	
Из воспоминаний	445
<i>А. М. Лазаревский</i>	
Гроб Т. Г. Шевченко в Киеве	447
<i>М. К. Чалый</i>	
Похороны Т. Г. Шевченко на Украине	449
<i>Г. М. Честаховский</i>	
Эпизод на могиле Тараса Шевченко	455
<i>А. К. Дорошкевич</i>	
Шевченко в крестьянских преданиях	461
Примечания	467
Именной указатель	582

ВОСПОМИНАНИЯ
О ТАРАСЕ
ШЕВЧЕНКО

Под редакцией *И. А. Дзеверина*

Составление и примечания
Василия Степановича Бородина
и *Николая Николаевича Павлюка*

Художественное оформление

А. А. Хмары и М. М. Малеро

Художественный редактор *В. С. Войтович*

Технические редакторы *Л. И. Ильченко,*

Л. Н. Смолянюк

Корректор *А. Л. Алейникова*

ИБ 4323

Сдано в набор 02 11 87

Подписано к печати 06 05 88

БФ 36543 Формат 60×100¹/₁₆.

Бумага офсетная Гарнитура бодони.

Печать офсетная. Усл. печ л. 42,18

Усл. кр.-отт 42,596 Уч.-изд л. 48,29.

Тираж 50 000 экз. Зак. 7—378. Цена 2 р. 90 к.

Киев,

издательство художественной литературы

«Днипро», 1988.

252601, Киев — ГСП, ул. Владимирская, 42

С фотоформ Головного предприятия
республиканского производственного объединения
«Полиграфкинга»

на Киевской книжной фабрике

«Жовтень».

252053, Киев, ул. Артема, 25.

**Воспоминания о Тарасе Шевченко / Составл. и примеч.
В77 В. С. Бородина и Н. Н. Павлюка, предисл. В. Е. Шубравско-
го.— К. : Днепро, 1988. 606 с.
ISBN 5—308—00023—9**

В сборник воспоминаний о Тарасе Григорьевиче Шевченко (1814—1861) вошли мемуары его современников. Материалы сборника, в которых рассказывается об отдельных эпизодах жизни славного сына украинского народа, воссоздают целостную картину жизненного и творческого пути основоположника новой украинской литературы.

В 4702590100—024 КУ8.203.88
М205(04)—88

ББК 83.3Ук1я43

...Глянуть ближе на эту простую, сильную, истинно художественную натуру, на эту глубоко печальную, но поучительную, геройски выдержанную жизнь... Узнать, сколько детской искренности и мужественного самосознания, сколько человечности и, сказать бы, благости было в чистом сердце *нашего Тараса...*

Л. ЖЕМЧУЖНИКОВ

